

Срарида Мамедова

Кавказская Албания
и
АЛБАНЫ

Выражаю глубокую благодарность и признательность дорогой Зарифе ханум Маиловой - истинной патриотке, любящей свой народ и беззаветно ему служащей.

ФАРИДА МАМЕДОВА

**КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ
И
АЛБАНЫ**

Центр Исследований Кавказской Албании

БАКУ – 2005

Fəridə Məmmədova

Qafqaz Albaniyası və Albanlar

Qafqaz Albaniyası Tədqiqatlar Mərkəzi

Bakı – 2005

ФАРИДА МАМЕДОВА.

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ И АЛБАНЫ. Баку. ЦИКА. 2005

Работа освещает основные проблемы истории политической, социальной, культурной жизни исторического Азербайджана – Албании (III в. до н. э. – VIII в. н. э.) и далее аспекты истории поздних албан в IX–XIX вв.; воссозданы этнические и политические границы государства; феодальные институты, структура государственной власти, непрерывность и преемственность правителей; выявлен путь проникновения и становления христианства государственной религией, путь становления Албанской Апостольской Автокефальной Церкви, формирование канонического права; становление албанской историко-литературной традиции в V–XIX вв.; сложение албанской этнической общности и место ее в этногенезе азербайджанского народа; показаны пути и методы трансформации и деэтнизации албан; выявлена роль их в истории Киликии XI–XIV вв.; исследованы албанские истоки Карабахской проблемы.

Охраняется законом АР об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой её части воспрещается без письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN - 9952-8073-0-9

© Ф.Мамедова. 2005

© Центр Исследований

Кавказской Албании. 2005

*Светлой памяти дорогих
родителей: Джафар-аге и Саре
ханум Мамедовым посвящаю*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Азербайджанский народ сложился из трех мощных основополагающих этнокультурных пластов - кавказоязычного (албан), персоязычного (мидийцев, курдов, талышей, татов) и тюркоязычного. Азербайджанцы и народы Дагестана являются потомками албан, наследниками мощного этнокультурного пласта, богатой албанской культуры, которая нашла свое отражение в материальной, духовной культуре, начиная с древнейших времен, в период античности, раннего и позднего средневековья, нового времени. Я имею в виду не только культурное наследие 1000-летнего Албанского государства, а также культурное наследие поздних албан - пяти албанских меликств и остальных албан.

Албанская культура и сам этнос, хотя и трансформировались с принятием ислама, тем не менее, мы являемся носителями богатой культуры, созданной в результате преемственной смены религиозных систем человечества. Другими словами, истоки нашей культуры берут свое начало и в зороастрийской, и в иудейской, и в христианской, и в мусульманской среде. В этом неоценимое богатство и своеобразие албанской культуры, определяющее актуальность ее изучения.

Следует отметить, что становление азербайджанского албановедения началось еще в 1828 г. с Аббас Кули Ага Бакиханова в его труде "Гюлистан-и-Ирам". В 60-х-70-х гг. XX в. бывшем Советском Союзе азербайджанское албановедение обрело свое новое рождение, когда появились ученые по античной, раннесредневековой истории, археологии, получившие образование в Москве и Санкт-Петербурге, Тбилиси, владеющие классическими языками, древнесирийским, древнеармянским, древне-среднеперсидским, древнегрузинским, арабским, фарсидским.¹ Мы это хорошо помним и не должны забывать. Но как ни парадоксально, именно к этому периоду в советской исторической науке уже почти отсутствовало кавказоведение, что обеспечило беспредельное господство армяноведения, которое пыталось представить албанистику как свой придаток.¹¹ Вместе с тем необходимо отме-

тить, что сама советская историческая наука о Кавказе находилась в плену у армянской исторической науки,^{III} которая практически была вершителем судеб азербайджанских албанистов. Это мы усматриваем во всех случаях, когда диссертационные работы (труды) азербайджанских албанистов посылались на отзыв Высшей Аттестационной Комиссией армянским ученым или армянофилам - специалистам по Японии, эскимосам (С.Арутюнян), или же специалисту по истории Древней Руси (А.Н.Сахаров), который свою рецензию опубликовал на армянском языке в армянской газете, где работы по христианскому албановедению обвинялись в панисламизме, пантюркизме.^{IV} Это было настоящее глумление над албанистикой. Насколько верным было испрашивать разрешение на изучение своего исторического прошлого, униженно вымаливая у советской науки его официального признания. Азербайджанский народ извлек урок из прошлого и настоящего и самостоятельно добивается своего самоутверждения в исторической науке вообще, и албановедении, в частности.

Становление суверенной Азербайджанской Республики при наличии сформировавшегося албановедческого потенциала сделало возможным и необходимым вернуть азербайджанский народ к его истокам, к одному из его корней - албанским корням. Труды азербайджанских албанистов доказали, что албановедение в их лице получило возможность вернуться к реальным своим наследникам, хозяевам. Это со всей очевидностью было продемонстрировано азербайджанскими учеными при составлении исторической географии народов Кавказа с древнейших времен по XIX в. на Московской конференции 1983 г., Тбилисской конференции 1983 г., это было продемонстрировано в их публикациях, на международных форумах,^V когда буквально пядь за пядью отвывали каждый аспект этого богатейшего этно-историко-культурного наследия: будь то Автокефальная Патриаршая Албанская Церковь, будь то албанская государственность, будь то албанская историческая литература и т. д.

Путь становления азербайджанской албанистики был очень долгим и сложным, "от терний к истине", "от терний к звездам", в борьбе с армянской научной агрессией, борьбе со скрытыми армянофилами и персофилами. Албанистика из незаконнорожденного бастарда, наконец, обрела статус легальной гражданст-

венности на своей Родине - в Азербайджане.

Факт проведения первой албанской конференции на ее Родине в 2001 году - это величайшее достижение (хотя и произошло оно слишком поздно). Это стало возможным только в результате обретения азербайджанским народом своего суверенитета, создания независимой Азербайджанской Республики.

Следует воздать должное азербайджанским албанистам, стоящим у истоков албановедения: Аббас Кули Ага Бакиханову, Зелику Иосифовичу Ямпольскому, Джабару Халилову, Салеху Мустафаевичу Казиеву, Ворошилу Гукасяну и др. С особым чувством глубокой благодарности следует отметить неоценимый вклад в албановедение, сделанный Зией Мусаевичем Буниятовым - титаном азербайджанской исторической науки, который впервые в мире обратил внимание научной общественности на неправомерность, беспочвенность, лживость армянской научной исторической традиции и концепции, на ее научную агрессивность и первым пробил брешь в эту традицию, показав ее предвзятость и в связи с чем-зыбкость.

Считаю приятным долгом воздать должное и тем патриотам, избранным сынам азербайджанского народа, благодаря титаническим усилиям которых, их горячим сердцам, беззаветной любви и преданности своему народу азербайджанское албановедение получило второе дыхание. Каждый из них - великий Гражданин своей страны, имя каждого должно быть вписано в исторические скрижали. Им всем низкий поклон!

Фарида Мамедова

Библиография:

- ^IСм. Альманах: The History of Caucasus. The scientific - public almanac. Issue No 1, Baku, August 2001;
- Казиев С. М. Археологические памятники Мингечаура как источник для изучения истории Азербайджана. - Изв. АН Аз. ССР, 1960, № 7;
- Ваидов Р. М. Мингечаур в III-VII вв. Баку, 1961;
- Буниатов З. М. Азербайджан в VII-IX вв. Баку, 1965; Он же. Обзор источников по истории Азербайджана. Баку, 1964; Он же. Новые данные о нахождении крепости Шеки. - ДАН Аз. ССР, 1959, т. XV, № 9;
- Ямпольский З. И. Древняя Албания III-I вв. до н. э. Баку, 1962; Он же. К изучению летописи Кавказской Албании. - Изв. АН Аз. ССР, Серия общественных наук, 1957, № 9;
- Гукасян Ворошил. О некоторых вопросах истории албанской письменности и литературы. - Изв. АН Аз. ССР. Серия литературы, языка, 1968, № 9; Он же. Удинские слова в "Истории албан". - Изв. АН Аз. ССР. Серия литературы, языка, 1968, № 1; Он же. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана в монографии "Азербайджан в VII-IX вв." - Изв. АН Аз. ССР. Серия истории, философии, 1968, № 4;
- Халилов Дж. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. - III в. н. э.): автореф. дисс. д-ра ист. наук. Баку, 1974; Он же. Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1985;
- Мамедов Т. М. Албания и Атропатена. Баку, 1977;
- Мамедова Фарида. Агуэнские каноны 487/488 г. как источник по социально-экономической истории Кавказской Албании. - Изв. АН Аз. ССР. Серия истории, философии, 1968, № 4; Она же. О хронологической системе "Истории албан" Моисея Каланкатуйского. - Византийский временник, 1973, т. 35; Она же. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку, 1977.
- ^{II}Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу" - "Армянской географии VII в. Опыт реконструкции на современной картографической основе. Ереван, 1963 (на арм. яз.); Он же. Политическая история Албании III-VII вв. // См.: Очерки истории СССР. Москва, 1966;
- Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969;
- Улубабян Б. О топонимах "Албания", "Агванк", "Аран" - ИФЖ АН Арм. ССР, 1971, № 2; Он же. Очерки истории восточного края Армении (V-VII вв.). Ереван, 1982 и др.
- ^{III}Новосельцев А. П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период. - В сб.: Кавказ и Византия. Ереван, 1979, т. I.
- ^{IV}Арутюнян С. - этнограф был "черным" оппонентом докторской диссертации монографии Мамедовой Фариды ("Политическая история и историческая география Кавказской Албании". Баку, 1986), на которую написал рецензию и историк Сахаров А. Н.
- ^VMamedova Farida. Le probleme de l'ethnos alban-caucasien // "Redards sur L'anthropologie Sovie'tique", volume, XXXI (2-3), avril - septembre 1990. Editions de l'ecole des hautes etudes en sciences sosiales. Paris, 1990; Она же. Au sujet des dirigeants albaniens du IXe au XVe siecle (Dunastic des Djalalides) // Turcica, t. XXI-XXIII, 1991. Melanges offerts a'Irene Melicoff; Farida Mamedova. Ursachen und Folgen des Karabach - Problems. Eine historische Untersuchung // Krisenherd Kaukasus. Baden-Baden, 1995.

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, в науке долгое время господствовала концепция, согласно которой история Албании рассматривалась через призму истории Армении, а Албания – в качестве восточной провинции «Великой Армении»: албаны этнически, конфессионально, культурно, политически считались армянами. Таким образом, в истории начисто отрицалась самостоятельность албанского этноса, его история, культура, место и роль его в культурной истории человечества.

Основная цель предлагаемой работы – сосредоточение внимания на ключевых моментах истории Албании с III в. до н. э. по VIII в. н. э. включительно – исторической географии, политического и социального строя, политической истории, идеологии (религии – христианства), культуры (литературы), становления албанской этнической общности.

И далее в монографии мы постарались проследить все аспекты (по возможности) истории албанского этноса с IX в. по XIX в. включительно, осветив его трансформацию, деэтнизацию.

Исключительно важная проблема состояла в определении того, каковы были политические границы Албанского государства в период античности и раннего средневековья, на какой территории шло формирование албанской этнической общности, которая была одним из предков азербайджанского народа и народов Дагестана, какова была ее политическая жизнь, идеология – религия (гл. II).

В главе I «Источники и историография» рассмотрена проблема становления албанской историко-литературной традиции, проведен источниковедческий анализ «Истории албан» Моисея Каланкатуйского; составлена рукописная основа «Истории албан», сделан некоторый текстологический анализ ее, исследована хронологическая система памятника. Рассмотрены и дополнены албанские источники трудами албанских авторов XII–XIII вв.: Мхитара Гоша, Киракоса Гянджинского, Смбага Спарапета, Хетума Патмича, Вардана Арвелци-Албанского, Степанноса Орбели, Есаи Хасан-Джалаляна, Макара Бархударянца.

В главе III исследована политическая жизнь страны, выявлены политические причины сохранения самостоятельности Ал-

бании, образование централизованного Албанского государства в период правления албанских царей и сменивших их правителей – великих князей; показана их внешняя и внутренняя политика; выявлена особенность албанской государственности по сравнению с армянской и иберийской; исследованы – возрожденные албанские царства в IX–XIV вв.; становление албанской этнической общности, а также проблема – Албания и Киликия в XI–XIV вв.

Особый раздел составляет исследование социально-политической структуры Албании (гл. IV). Социально-экономические отношения в Албании периода поздней античности и раннего средневековья долго оставались одним из наименее исследованных разделов истории народов Кавказа. Между тем историография располагала значительным количеством специальных работ, освещающих эту проблему в применении к сопредельным странам.

Албании уделялась роль экономически отсталой страны по сравнению с Грузией и Арменией. И в силу сказанного общественная структура Албании понималась примитивно и не была представлена вовсе.

Трудности, неизбежные в процессе исследования, усугублялись отсутствием памятников письменности на албанском языке, отсутствием албанской историографии и крайней малочисленностью сведений, наличествующих в албанских и армянских источниках. Основной источник наших сведений и представлений о социально-экономической истории Албании – «История албан» Моисея Каланкатуйского дошел до нас в переводе на древнеармянском языке. Социальные термины, зафиксированные в источнике, представляющие первостепенную важность для исследуемой темы, являются иранскими по происхождению, как и в сопредельных странах, и упомянуты незначительное число раз. Трудности усугубляются также незнанием реалий того времени и слабой изученностью социально-экономической истории Албании, что лишало возможности в какой-то мере оперировать уже известными и сложившимися научными представлениями по отдельным вопросам общественного строя Албании.

Поэтому при исследовании приходилось придерживаться метода, вызванного необходимостью изучения каждого термина

по всей «Истории албан» в разных контекстах, а также его сопоставления по текстам всех армянских источников, современных «Истории албан» и более поздних, а также ранних. Привлечение необходимого сравнительного материала армянских источников также представляла определенную трудность, ибо сами армянские историки нередко отличаются друг от друга употреблением характерного для каждого из них термина. Поэтому возникла необходимость проследить употребление того или иного термина у каждого из армянских авторов с целью выявления его реального значения.

Глава об общественном строе Албании была первым опытом в науке сравнительно-исторического изучения становления феодальных отношений в Кавказской Албании.

Особое внимание уделено проблеме становления Автокефальной Албанской Церкви, Албанского католикосата истории раннего христианства, сложного процесса возникновения и превращения его в государственную религию Албании, выявление его истоков, а также предпринята попытка показать взаимосвязь и сходство его с общим процессом развития христианства и определить албанские особенности (глава V). В работе прослеживается история Албанской Церкви до 1836 г., до ее упразднения.

В этой же главе V дан юридический анализ Агуэнских канонов V в. – древнейшего памятника албанского права. В работе рассматриваются рукописи и издания агуэнских канонов, литература, посвященная этому памятнику, уточняется время составления канонов, выясняются предпосылки их принятия и дается подробный анализ каждого канона.

В главе VI – «От Албании до Карабаха» исследовано политическое и конфессиональное положение албанского населения Карабаха-Аррана в XIV–XIX вв. в составе государств исторического Азербайджана; изложена история пяти меликств, рассмотрены пути их выживания в составе государств Кара-коюнлу и Ак-коюнлу империи Сефевидов, а также показаны тщетные попытки и надежды их на освобождение с помощью Российской империи; показаны пути (методы) деэтнизации албан.

В работе освещено, каким болезненным трудным был путь деэтнизации албан и трансформации их историко-культурного наследия.

В этой главе исследовано место албан в этногенезе азербайджанского народа.

В данной главе впервые в науке рассмотрена также локализация армянских епархий и армянских феодальных патронимий, а также пересмотрена локализация Армянского нагорья, Арарата и области Айрарат, с чем связаны попытки территориального обоснования и притязания армян к азербайджанским землям.

И завершается эта глава исследованием албанских истоков Карабахской проблемы.

Исследование базируется на широком и последовательном использовании античных и раннесредневековых, средневековых письменных источников – албанских, армянских, грузинских среднеперсидских – пехлеви, самого разнообразного характера: исторические, агиографические, географические сочинения, юридические документы, акты церковных вселенских соборов. В некоторой степени привлечена и сирийская литература, неразрывно связанная с ранней историей христианства.

Что касается имеющейся литературы по проблемам, затронутым в настоящей монографии (главе I «Историография»), то мы сочли возможным дать описание лишь основных наиболее важных работ. Исследования остальных авторов нашли отражение в каждой главе согласно поставленному вопросу.

Монография представляет результат перехода от источниковедческого анализа к комплексному историческому исследованию, к восполнению лакун и воссозданию истории раннесредневековой Албании, исторического Азербайджана, а также истории албан до 1836 г.

Материалы албанских реалий излагаются в сравнительной перспективе, что позволяет делать сопоставительные выводы.

Монография, представляемая вниманию читателей – это результат переработки и доработки двух ранее изданных монографий,¹ а также включения наших новых исследований, сделанных с 1986 года по сегодняшний день.

Таким образом, воссоздана история Албании и албан с III в. до н. э. по XIX в.

ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

§ 1. Албанские источники

В силу особенностей исторических судеб письменные памятники Албании местного происхождения сохранились на древне-армянском языке.*

Все албанские источники изначально были написаны на албанском языке. Сюда относятся албанская церковно-богословская литература: Библия, житийная литература (агиография), эпистолярная, каноническая литература, актовые материалы, хроники, истории. После упразднения царским правительством России в 1836 г. Албанской Апостольской Автокефальной Церкви и подчинения ее Армянской Эчмиадзинской Церкви армянское духовенство стало издавать албанскую литературу на армянском языке, предварительно переведя ее на армянский язык и отредактировав в связи с глубоко продуманной армянской концепцией. А албанские оригиналы были изъяты и возможно уничтожены (это произошло не в 705 г., в связи с указом халифа, как считалось в литературе, а значительно позднее). Тем самым были сокрыты следы многовековой богатой самобытной албанской литературы (см. об этом подробнее в конце этой главы).

Открытия, сделанные в XX в. И.В.Абуладзе, исследования А.Г.Шанидзе и сенсационные находки З.Н.Алексидзе – обнаружение грузино-албанских палимпсестов – яркое свидетельство

* Еще Шанидзе А. Г. писал: "Полагают, что "История Албании", приписываемая Моисею Каланкатуйскому, переведена с албанского на армянский язык, подобно тому, как переведены с грузинского на армянский язык исторические хроники "Картлис-цховреба" под названием "Истории Грузии"... Имеется даже указание на то, что одна статья переведена с албанского языка на армянский. Это именно "Рассказ о святом божественном мире, который нашли святые отцы на Востоке албанским письмом и перевели на армянский язык". Этот рассказ известен по поздним рукописям 1669 и 1726 гг. Но, как правильно указывает Абуладзе И. В., нет сомнения, что он восходит к древней эпохе. (Абуладзе И. В. Новые сведения о существовании письменности у кавказских албанцев. Сообщения грузинского филиала Академии наук СССР, т. 1. 1940, № 4, с. 317-319; Шанидзе А. Г. Язык и письмо кавказских албанцев. Вестник отделения общественных наук. Тбилиси, № 1, 1960, с. 169; Ямпольский З. И. К изучению Летописи Кавказской Албании. Изв. АН Аз. ССР. Сер. обществ. наук, 1957, № 9, с. 149-156; Алиев К. К вопросу об источниках и литературе по истории древней Кавказской Албании. ВИКА. Баку, 1962, с. 17; Бунятов З. М. Азербайджан в VIII-X вв. Баку, 1965, с. 97; Ворошил Гукасян. Удинские слова в "Истории албан". Изв. АН Аз. ССР. Сер. лит., языка и искусства, 1968, № 1).

наличия албанской литературы.

В процессе зарождения и становления албанской литературной традиции ведущая роль принадлежала христианским памятникам, т.е. албанская литература, как и древнекавказская, была христианской.

Возникнув в I–II вв., христианская литература стала ведущей идеологической силой только с IV в., когда произошла христианизация Римской империи и других соседних стран.²

До принятия христианства и становления его государственной религией в Албании, вероятно, была какая-то своя письменность³ и был широко распространен для всей страны язык межплеменного общения – албанский. Официальная переписка с Сасанидами велась на персидском языке. Имел хождение торговый – арамейский (сирийский) язык. Но персидский и арамейский (сирийский) были сословно-классовыми языками.⁴

Возникновение местной письменности и литературы на албанском языке связано с христианизацией страны, так же как возникновение армянской и грузинской письменности и литературы.

Христианство стало проникать в Албанию из Сирии* и Палестины. Именно поэтому с самого начала распространения христианства языком богослужения, церковными языками в Албании, как и в других странах Кавказа, были сирийский и греческий. Первые переводы богословской литературы на албанский язык были сделаны с сирийского. Данные Моисея Каланкатуйского позволяют говорить о древних связях Албании с сирийскими областями, с Палестиной.**

Хотя официальное принятие христианства (в 314 г.) в Албании связано с греческим влиянием (деятельность Григория Про-

* Дело в том, что основополагающие документы христианства изначально были составлены на греческом языке. В Осроене, небольшом эллинистическом государстве с центром Эдессой, в Междуречье, куда христианство проникло в первые века и где оно впервые стало официальной государственной религией, проповедь христианства велась на сирийском языке. На этот же язык было переведено большое число греческих христианских памятников - Ветхий, Новый Заветы, литургические и агиографические книги. Эдесса - поборник эллинистической культуры стала рассадником новой христианской идеологии на сирийском языке. (Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979, с. 12, 24-25).

** Об этом свидетельствуют, как легенда об апостольстве Фаддея, имена церковных деятелей Албании семитского происхождения, также наличие в стране надписей на сирийском и греческом языках. (*Каланкатуйский*, изд. Патканова К., с. 241, 247; Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья, с. 11).

светителя в Армении, Нино – в Грузии, епископа из Рима, прибывшего в Албанию), тем не менее влияние грекофильской школы сказалось значительно позднее.⁵ Сасанидская Персия, мирясь с деятельностью христианской церкви в странах Кавказа, покровительствовала сирийским церковникам, поскольку они политически были преданы Сасанидам. Однако греческий язык в качестве языка богослужения был Сасанидами запрещен.⁶ Период раннего распространения христианства в Албании связан с наличием в Албании древнееврейских поселений, с сиропфильской школой (I–V вв.). Сирийцы, как известно, были большими знатоками и носителями греческой науки и литературы, которую они рассматривали как одну из отраслей богословия. Сирийцы, сиропилы, вероятно, переводили на албанский язык древнегреческие писания не с оригинала, а с сирийского, как это делали армянские представители сиропфильской школы.⁷

Позднее, в V–VI вв., когда получило развитие грекофильско-эллинское направление в литературе, оно уже исходило, по мнению исследователей,⁸ не от греков, а от сирийцев-монофизитов. «Важнейшее значение имеет тот факт, что сирийская письменность фиксировалась легко усваиваемым алфавитом, который впоследствии был усовершенствован».⁹ Наряду с этим, издавна существовали предпосылки влияния культуры Междуречья на страны Кавказа. «История албан» сохранила следы древних связей Албании с арамейскими областями.

Религиозно-политическому воздействию, ассимиляторской политике Сасанидов – стремлению насадить зороастризм, а также деятельности сироязычной церкви необходимо было противопоставить в стране христианскую церковь на местном албанском языке, которая смогла бы отстоять культурную и этническую самобытность албан.

Вопрос о письменности и литературе на родном албанском языке стал объективной исторической необходимостью. К созданию своей литературы Албания была подготовлена всеми условиями жизни – социально-экономическими и политическими. Согласно армянской традиции, в начале V в. была произведена реставрация, усовершенствование албанского письма-алфавита,*

* Армянский автор Корюн сообщает, что Месроп Маштоц, придя "в страну албан, возобновил их алфавит, содействовал возрождению научных знаний..." (Корюн. Жизнеописание Месропа. Collection des historiens anciens et modernes l'Armenie par. V. Langlois. Paris, 1869, t. II, p. 10).

которую армянская традиция связывает с именем Месропа Маштоца. А.Г.Периханян отмечала: «Создание новой письменности, обслуживающей тот или иной язык, нельзя свести к «буквотворчеству» – это большой и сложный процесс, включающий, прежде всего, выделение фонем данного языка и предполагающий тонкое знание как фонетики, так и строя языка. Маштоц же не знал ни грузинского, ни албанского языков, и сообщению Корюна о том, что он, Маштоц, там, на месте, собрал сведения о звуковом составе этих языков, не следует придавать большого значения...».¹⁰

Ныне становится совершенно очевидным, что действительно не следует принимать всерьез данные армянского автора V в. Корюна об изобретении Месропом Маштоцем не только албанского и грузинского, но даже самого армянского письма, ибо в свете открытий известного африканиста, член-корреспондента Академии наук СССР Д.А.Ольдерогге стало известно в науке, что прототипом, буквальной калькой, фотографической точностью армянского алфавита был алфавит эфиопский (амхарский), действующий еще до «изобретения» Маштоца.

Эфиопская письменность, которая дошла до наших дней и ныне является письменностью государственного языка современной Эфиопии (амхарского языка).¹¹

В свете последнего сенсационного открытия – выявления грузино-албанских палимпсестов известным кавказоведом З.Н.Алексидзе стало известно, что албаны уже в IV в. имели свою местную христианскую литературу: полный перевод Библии, лекционные, написанные албанским письмом на албанском языке.¹²

При содействии албанского царя Асуагена и албанского патриарха Иеримии множество юношей, из которых подготовили учителей, были посланы в разные области страны (*Каланкатуйский*, I, 3). Наряду с переводной богословской литературой создавались местная оригинальная литература – агиографическая (жизня албанских святых), а также светская.

Временем расцвета албанской письменности считаются V–VII вв., когда, по словам А.Г.Шанидзе, «албаны во всех областях политической и культурной жизни Кавказа принимали деятельное участие наравне с грузинами и армянами».¹³

Албанская литература в ее начальной форме складывалась при благоприятных историко-культурных обстоятельствах. Это

было время существования самостоятельного Албанского государства (IV – начало VIII вв.) с правящей царской династией албанских Аршакидов и сменивших их великих князей страны – албанских Михранидов, с Автокефальной Албанской Церковью. В Армении, находящейся на территории Малой Азии, в этот период была упразднена государственность, страна была превращена в две провинции: римско-византийскую (Западная – Малая Армения) и персидскую провинцию (Восточная – Большая Армения). В Грузии, испытывающей двойную вассальную зависимость от Византии и Ирана, в 527 г. также была упразднена государственная власть.

В результате развития литературы расширился круг интересов, что нашло отражение в литературных жанрах: появились агиографические сочинения, исторические хроники, истории, а также стали создаваться юридические документы – церковные каноны и светские законы. В V–VII вв. в литературе намечается эллинофильское направление, что объясняется политическими причинами. Это был период усиления господства Сасанидов, пытавшихся порвать с политикой религиозной веротерпимости и силой насадить зороастризм, что, соответственно, привело к усилению провизантийских настроений и повышению интереса к эллинской культуре. Думается, что грекофильская школа не получила в Албании столь глубокого и широкого развития, как в Грузии и Армении, западная часть которой была под эгидой Византии, а восточная – Перс-Армения находилась в непосредственной близости от Византийской империи.

Географическая отдаленность Албании, ее стратегическое положение, относительная самостоятельность были причиной сравнительно слабого развития здесь грекофильской школы. И все же албанский автор Моисей Каланкатуйский сохранил данные, позволяющие найти следы эллинофильской школы.*

* Это видно из гречизмов ("алфавит", "афродитовы желания", "жрецы Афродиты"), а также из знания албанским автором отдельных греческих реалий - "олимпийские игры - олимпиады", "олимпийский народ греков" (*Каланкатуйский*, II, 1, 15, 40, 41), знание Дживанширом греческого языка (*Каланкатуйский*, II, 28); знание автором истории Рима, римских императоров (*Каланкатуйский*, II, 15, 28), выявление в Албании христианских реликвий с греческой надписью (*Каланкатуйский*, II, 33), знание автором "Истории албан" "Илиады" (III, 18), включение Каланкатуйским в свое сочинение акростиха (алфавитного стихосложения) Давтака. Акростихи были не только у греков, но и у сирийцев (М а р р Н. Я. Классическая эпоха V-VI вв., лл. 1-17).

Эллинисты, эллинофилы расширяли пределы литературы, внося в нее новые знания по философии, поэтике, грамматике, математике, риторике.¹⁴ В албанской литературе, так же как в литературе Грузии и Армении, можно наметить «три направления, представляющие три следовавшие друг за другом эпохи: миссионерскую при полном господстве сирийской образованности, философско-схоластическую с преобладанием греческого влияния и, наконец, национальную по возникновению местных по духу школ и традиций».¹⁵

Как было отмечено, к местной албанской традиции относятся дошедшие до нас исторические нарративные источники: «История албан» Моисея Каланкатуйского (далее ИА), труды Мхитара Гоша – «Албанская хроника», «Житие-мученичество Хосрова Гандзакского», сочинение Киракоса Гянджинского «История», «История Сюника» Степанноса Орбели, Григор Патмич (Магакя) – «История монголов», Вардан Аревелци (Восточный), Агванеци – Албанский – «Всеобщая история», Хетум Патмич – «Ветроград историй стран Востока», Есаи Хасан-Джалалян – «Краткая история страны Албанской (1702–1722 гг.)» и, наконец, Макар Бархударянц – автор трех сочинений – «История страны Албании», «Страна Албания и ее соседи», «Арцах», а также албанские правовые источники – церковные каноны (каноны Агуэнского собора V в. и каноны Партавского собора 705 г., именуемые также канонами албанского католикоса Симеона, а также каноны Давида Алавика) и светские законы – «Судебник» Мхитара Гоша, «Судебник» Смбата Спарапета.

Значение вышеназванного труда Моисея Каланкатуйского для изучения истории албан, Албании I–X вв., а также для истории других народов нельзя переоценить. «История албан» представляет чрезвычайный интерес во многих аспектах: для социально-экономической, политической, церковно-идеологической истории Албанской Апостольской Автокефальной Церкви, культурной истории, исторической географии, проблемы этногеографии Азербайджана, а также для изучения истории албанского, тюркского и многих других этносов, проживающих на Кавказе и за его пределами.

а) Моисей Каланкатуйский «История албан».
Списки рукописей, изданий. Генеалогия списков и редакции

Основные сведения и представления по истории Кавказской Албании I–X вв. дает выдающийся представитель местной албанской историко-литературной традиции Моисей Каланкатуйский в своей «Истории албан», написанной изначально на албанском языке, а позднее переведенной на древнеармянский язык. Источник дошел до нас на древнеармянском языке.¹⁶ Не исключено, что перевод албанской литературы на армянский начался целенаправленно с периода обоснования Армянской Церкви в Эчмиадзине, т.е. с XV в., а основа его была заложена вероятно в период правления киликийских царей Хетумидов.

Первая попытка издания ИА была предпринята еще в XVIII в., когда албанский католикос Нерсес послал один экземпляр рукописи для издания константинопольскому армянскому патриарху (но не Эчмиадзинскому – ?). Издание не было осуществлено, и в 1766 г. по требованию армянского эчмиадзинского католикоса Симеона рукопись была возвращена в Эчмиадзин.¹⁷

В 1841 г. архиепископ И.Шахатуянц сообщает о наличии в Эчмиадзинской библиотеке двух списков ИА.¹⁸ Первую он датирует 1279–1311 гг., вторая рукопись – без даты. В ней список албанских патриархов доведен до 1675 г. и этот год считается *terminus post quem*. (Рукопись XVII в.).

С древнейшей эчмиадзианской рукописи [хранится в Институте древних рукописей имени Маштоца – Матенадаране (Ереван), сборн. арм. рук. № 1531, лл. 231а–377б; далее: 1289 г.] И.Шахатуянц в 1829 г. снял копию (Матенадаран, № 2866), которая, в свою очередь, послужила образцом для петербургской рукописи¹⁹ (ныне ИВ В 56),²⁰ выполненной Иваном Назаровым в 1841 г. в Петербурге.²¹

Располагая копией с одной из двух эчмиадзинских рукописей, французский арменист Э.Борэ перевел отдельные разделы ИА и первым издал их в 1847/1848 годах.²² М.Броссе на основе петербургской рукописи издал в 1851 г. на французском языке извлечения из ИА.²³

В 1860 г. появились два армянских издания – Н.Эмина²⁴ и К.Шахназаряна.²⁵ Как говорится в предисловии, Н.Эмин

осуществил свое издание на основе двух недатированных рукописей. Спустя несколько месяцев К.Шахназарян издал в Париже древнеармянский текст на основе четырех рукописей – двух эчмиадзинских, очевидно, упомянутых И.Шахатуянцем, одной табризской и одной константинопольской. Издание К.Шахназаряна снабжено вступительной статьей и примечаниями. Используя петербургскую рукопись, К.Патканов в 1861 г. издал русский перевод ИА.²⁶ К.Патканов снабдил свое издание предисловием и примечаниями. Предисловие представляет собою исследование, в котором К.Патканов пытается выявить источники ИА и аргументирует свое мнение о времени составления источника.

Докторская диссертация Я.А.Манандяна о Моисее Каланкаутуйском, изданная в Лейпциге в 1897 г., основана на ранней эчмиадзинской рукописи 1289 г.²⁷

В 1939 г. Т.Тер-Григорьян просмотрел восемь списков, которые хранятся в Матенадаране. Ученные им списки ИА следующие: № 1531, который по мнению Т.Тер-Григорьяна был обновлен в 1289 г.; № 2866–1829 г.; № 2561–1664 г.; № 1725 –XVII в.; № 2646–1761 г.; № 3043–1839 г.; № 668–1848 г.; № 667–1855 г.²⁸

В 1961 г. появился английский перевод ИА, подготовленный Ч.Доусетом, выполненный на основе рукописей, хранящихся в различных собраниях, и на основании армянских изданий.²⁹ Текст Ч.Доусета снабжен введением и примечаниями, с частью которых не всегда можно согласиться. Во введении, предпосланном Ч.Доусетом переводу, перечислены все учтенные им рукописи: пять рукописей Парижской национальной библиотеки (P₁ № 217, P₂ № 218, P₃ № 219, P₄ № 220, P₅ № 221);³⁰ рукопись Британского музея (BM Or. 5261);³¹ две рукописи Венецианского собрания мхитаристов V₁ № 1485 и V₂ № 1146; четыре списка Х.Дадяна (Д 1–4), хранящиеся в собрании венских мхитаристов; рукопись № 131 монастыря Всеспаса в Новой Джульфе.³² Ч.Доусет просмотрел новые списки «Истории албан» по Коренному словарю Р.Ачаряна³³ и установил их идентичность с рукописями Х.Дадяна³⁴ 1–4.

Ч.Доусетом не были учтены следующие рукописи: № 667–1855 г. и № 668–1848 г., т.е. рукописи, обследованные Т.Тер-Григорьяном, а также ванская рукопись³⁵ из коллекции И.А.Орбели (ИБ С № 59), переписанная в Исфагане в 1678 г. иереем

Мартиросом.³⁶

Список Ч.Доусета можно пополнить также рукописями Матенадарана, отмеченными в каталоге: № 2966 (XVII в., переписана в Константинополе, содержит отрывок из ИА), № 3062 (1765–1767 гг., отрывок из ИА), № 4197 (1822 г.), № 4284 (1631–1634 гг., отрывок из ИА), № 4442 (1870–1891).³⁷

В 1968 г. вышло одно из последних изданий ИА в переводе на современный армянский язык, осуществленном В.Аракеляном.³⁸ Текст снабжен предисловием и примечаниями. Разночтения не приводятся. В предисловии В.Аракелян отмечает, что перевод был им завершен в 1958 г. и что при переводе он широко использовал русский перевод К.Патканова.³⁹

Согласно предисловию, В.Аракелян учел все рукописи ИА, имеющиеся в Матенадаране, и все известные издания ИА, за исключением английского перевода Ч.Доусета, т.к. в основе английского издания и издания В.Аракеляна лежат разные текстовые основы. Но переводчиком учтены были предисловие и примечания Ч.Доусета. Как отмечено в предисловии, В.Аракелян будто бы составил сравнительно-критический текст с устранением дефектов и заполнением лакун при помощи важнейших армянских первоисточников. Этот текст и был им переведен.

В своем издании В.Аракелян использовал лишь одну версию рукописей и не привлек другой, на которой основано английское издание Ч.Доусета, что сводит на нет все его старания. Но самый существенный недостаток работы В.Аракеляна заключается в том, что он произвольно «устранил дефекты» и «заполнил лакуны» (!) с помощью данных армянских источников. А это вряд ли допустимо при издании письменных памятников. Таким образом, В.Аракелян сделал ИА похожим по содержанию на армянские источники. Прежде чем обратиться к генеалогии рукописей, необходимо устранить недоразумение, установившееся в литературе в связи с датировкой древнейшего из известных списков, именно рукописи 1289 г. (Матенадаран № 1531). Как уже было сказано, с этой рукописи в 1829 г. И.Шахатуянц снял копию, которая в 1841 г. в свою очередь послужила оригиналом для петербургской рукописи.

Рукопись И.Шахатуянц датирует 1279–1311 гг., основываясь на одном из ее колофонов (л. 230б), где упомянут заказчик руко-

писи Амазасп Мамиконян, настоятель монастыря Йовханаванка (л.123б, 149а, 230б, 265а, 273а). Известно, что Амазасп стал во главе этого монастыря в 1279 г.⁴⁰ Основываясь на том, что следующим настоятелем данного монастыря упомянут отец Васил (1311 г.), И.Шахатунянц определил продолжительность пребывания Амазаспа в Йовханаванке в 32 года, т.е. 1279–1311 гг. На этом основании и была датирована рукопись.⁴¹ Эту датировку приняли М.Броссе,⁴² К.Патканов,⁴³ К.В.Тревер,⁴⁴ З.М.Буниятов⁴⁵ и др. Между тем в самой рукописи сохранился другой колофон (все записи сделаны рукой переписчика), на который впервые обратил внимание и опубликовал его Х.Дадян⁴⁶ и в котором имеется точная дата – 738 г. арм. летосчисления, т.е. 1289 г. (л. 306б). Эта датировка рукописи № 1531 принята теперь всеми, кто знаком со статьей Х.Дадяна.

Взаимозависимость известных рукописей ИА сводится к следующему. Согласно описанию И.Шахатунянца, в Эчмиадзине к 1841 г. находились две рукописи: древнейшая № 1289 г. и другая рукопись, вероятно, XVII в.

Как было выше сказано, с одной из этих эчмиадзинских рукописей, с какой – неизвестно, в 1838 г. была снята копия для Э.Борэ. И с них же были сняты копии для К.Шахназаряна – (Ш₁) и (Ш₂).

В 1839 г. с копии Э.Борэ были переписаны две тавризские рукописи (Матенадаран, № 3043 и № 1087),⁴⁷ с одной из которых, в свою очередь, была снята копия для К.Шахназаряна (Ш₃) и копия парижской рукописи P₁ № 217.⁴⁸ К одной из тавризских рукописей восходит вариант Д₄, и потому идентичны не только P₁ и Д₄, как установил Ч.Доусет, но, очевидно, и Ш₁, Ш₃ и тавризские рукописи.

Особенно важно отметить, что К.Шахназарян, имея копии с двух эчмиадзинских рукописей – 1289 г. и XVII в., приобрел еще копию тавризской рукописи, восходящей, как видим, к одной из перечисленных эчмиадзинских рукописей, но при этом не заметил их родства.

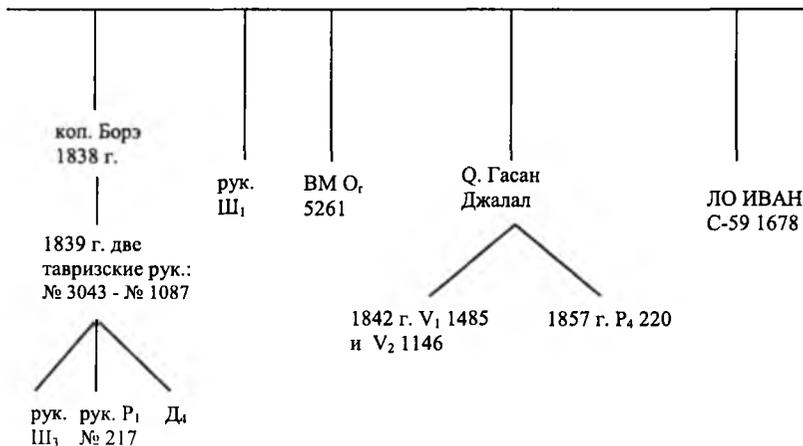
Нам представляется, что образцом рукописи Э.Борэ и восходящих к ней других рукописей является эчмиадзинская рукопись XVII в., а не ранняя рукопись 1289 г. В пользу этого говорит сообщение К.Шахназаряна: полный текст элегии Давтака на

смерть Джеваншира отсутствует во второй рукописи и четвертой (им использованных), т.е. в Ш₂ и Ш₄.⁴⁹ Ш₄ – это копия с константинопольской рукописи, а Ш₂ – с одной из двух эчмиадзинских – или 1289 г. или XVII в. Полный текст элегии наличествует, как сообщает К.Шахназарян, в рукописях Ш₁, т.е. в другой эчмиадзинской рукописи, и в Ш₃, представляющей копию тавризированной рукописи.⁵⁰ А все они вместе – Ш₁ и Ш₃ и тавризированная рукопись восходят к одной из двух эчмиадзинских рукописей. И фактически, рукописи Ш₁ и Ш₃ восходят к одной и той же эчмиадзинской рукописи – одна непосредственно, другая опосредованно. В русском тексте К.Патканова и в древнеармянском тексте Н.Эмина, которые восходят к эчмиадзинской рукописи 1289 г., отсутствует полный текст элегии Давтака. Следовательно, прототипом Ш₁ и Ш₃ могла быть другая эчмиадзинская рукопись – рукопись XVII в.⁵¹

Таким образом, к эчмиадзинской рукописи XVII в. восходят рукописи – Э.Борэ, К.Шахназаряна (Ш₁) и (Ш₃), тавризированные рукописи № 3043 и № 1087, парижская P₁ № 217 и вариант Д₄. В списке матенадаранских рукописей XVII веком датирована одна лишь рукопись № 1725. Думается, что эта рукопись и явилась образцом рукописи Э.Борэ и к ней восходящих.

Генеалогическая ветвь данной рукописи будет выглядеть следующим образом:

Схема 1. Рукопись № 1725=№ 1721 – XVII в.
(списки албанских католикосов доведены до 1675 г.)

Далее, нам удалось проследить, что подобно тому, как образцом для рукописей Э.Борэ, Ш₁, Ш₃, Д₄ и Р₁ и тавризских рукописей послужила рукопись XVII в. № 1725, точно так же другая эчмиадзинская рукопись № 1531–1289 г. послужила оригиналом для прочих рукописей.

Древнейшая эчмиадзинская рукопись 1289 г. в 1676 г. была обновлена дьяконом Захарием, который привел ее в порядок. При этом он не заметил, что одна из тетрадей, составляющих рукопись, состоит не из 12 листов, как все остальные, а из 10 листов, т.е. в ней недостает 2 листа.⁵² Переписанная Захарием рукопись впоследствии послужила оригиналом для многих переписчиков, которые не заметили этого пропуска. Так установился пропуск текста во всех рукописях, восходящих к самой ранней рукописи, и соответствующих им изданиях.

В 1761 г. по требованию армянского католикоса Акопа Шамахеци рукопись 1289 г. была переписана Лункианосом (Матенадаран, № 2646). Лункианос внес в текст некоторые принципиальные изменения,⁵³ о чем сказано ниже. Как было отмечено, с рукописи 1289 г. И.Шахатуянц снял копию в 1829 г. (Матенадаран № 2866).⁵⁴ Образцом для И.Шахатуянца послужила непосредственно не рукопись 1289 г. № 1531, а копия с нее, выполненная Лункианосом в 1761 г. С экземпляра Лункианоса была переписана Н.Эмином для Дюлорье парижская рукопись Р₃ № 219,⁵⁵ к нему же восходят одна из двух рукописей, использованных Н.Эмином в его издании,⁵⁶ рукопись из Тюбингена (Hauptkatalog)⁵⁷ и рукопись К.Шахназаряна Ш₂. Рукопись И.Шахатуянца в свою очередь послужила образцом для двух списков: петербургского и парижского Р₅ № 221 1859 г.⁵⁸ К ней же восходит вариант Д₃.⁵⁹ С петербургской рукописи, которая легла в основу русского издания К.Патканова, переписана парижская рукопись Р₂ № 218.⁶⁰

Таким образом, к эчмиадзинской рукописи 1289 г. восходят – копии Лункианоса, И.Шахатуянца, Н.Эмина, К.Шахназаряна (Ш₂),⁶¹ парижская Р₃, тюбингенская, петербургская, парижская Р₅, парижская Р₂, вариант Д₃, издание К.Патканова. Генеалогическая ветвь имеет следующий вид (см. схему 2).

**Схема 2. Рукопись № 1531 – 1289 г.
 № 1531 – 1676 г. – обновил Захарий
 № 2646 – 1761 г. – копия Лункианоса**

На основе двух схем можно выявить рукописи, лежащие в основе известных изданий – К.Шахназаряна и К.Патканова. Что же касается издания Н.Эмина, то одной из рукописей была, как явствует из схемы 2, рукопись Лункианоса 1761 г. (восходящая к рук. 1289 г.), а другой явилась рукопись № 47 Лазаревского института, переписанная Н.Эмином в 1849 г.⁶²

Из четырех рукописей, использованных К.Шахназаряном, две рукописи Ш₁, Ш₃ восходят к рукописи № 1725–XVII в., одна рукопись Ш₂ восходит к рукописи № 2646–1761 г. (а эта, последняя, в свою очередь, к рукописи 1289 г.), образца же четвертой (константинопольской) не удалось установить.

Издание К.Патканова основано на рукописи ИВ В-56, восходящей опосредственно к рукописи 1289 г.

Ч.Доусет сообщает, что рукопись Р₄ № 220 скопирована в Шуше в 1857 г. с неизвестной рукописи и что чтения ее совпадают с рукописью Британского музея (BM Or 5261), с рукописями венецианского собрания V₁ № 1485 и V₂ № 1146 и с рукописью из Нагорного Карабаха Q, принадлежавшей Гасану Джалаляну.⁶³

Х.Даян дает классификацию пяти эчмиадзинских рукописей, которые делятся на две группы.⁶⁴ Согласно Х.Даяну, в Эчмиадзине была одна рукопись 1289 г. и четыре списка: 1664 г., 1761 г., 1829 г. и недатированный № 1721 (Матенадаран, № 1725–

XVII в.). Два списка были скопированы с рукописи 1289 г. Это – копия 1761 г., выполненная Лункианосом, и список 1829 г., переписанный И.Шахатунянцем. Согласно градации Х.Дадяна, группу I составляли рукопись 1289 г. и списанные с нее копии 1761 г. и 1829 г. (наша схема 2), а группу II – список 1664 г. и недатированный список № 1721 (№ 1725 – XVII в.) (наша схема 1). Ч. Доусет считает, что подобно спискам № 1725 – XVII в. и № 2561 – 1664 г. списки P₄, BM, V₁, V₂, Q также составляют группу II⁶⁵ (наша схема 1).

Нам представляется, что раз рукопись № 1725 – XVII в. относится ко II группе, то, естественно, все копии, восходящие к ней, которые имеют одинаковые чтения с нею, должны составить II группу. Следовательно, II группу составляют кроме списков, указанных Х.Дадяном и Ч.Доусетом, все списки нашей схемы I, а также ванская рукопись (С-59).

Что касается I группы рукописей, то ее составляет самая ранняя рукопись 1289 г. № 1531 и все производные от нее копии, т.е. все списки нашей схемы 2. При этом мы исходим из нынешнего состояния рукописи 1289 года, в которую посторонняя рука (Лункианоса), как полагает Х.Далян, внесла изменения. По мнению Х.Дадяна, все три издания – Н.Эмина, К.Шахназаряна и К.Патканова – основаны на I группе рукописей.⁶⁶

Вопреки утверждению Х.Дадяна, что все четыре рукописи К.Шахназаряна принадлежали к I группе,⁶⁷ две из них, как было сказано, Ш₁ и Ш₂ восходят к рукописи № 1725 – XVII в., т.е. рукописи II группы (схема 1), и одна Ш₃ – к рукописи 1289 г. (схема 2), т.е. к рукописи I группы. Оригинал четвертой рукописи Ш₄ (константинопольской) не выявлен. Но К.Шахназарян в своем издании отдал предпочтение I группе рукописей, и потому текст его более близок к этой группе, чем ко второй. Независимо от отдельных вариантов группа II отличается от группы I, что установлено Х.Дадяном и подтверждено Ч.Доусетом: 1) содержанием отдельных отрывков в кн. III гл. 20⁶⁸ и в кн. II гл. 51, которые отсутствуют в группе I; 2) наличием разных версий материалов, касающихся Албанской Церкви (кн. I, гл. 9, кн. III, гл. 8, 23).⁶⁹ Даже в пределах того разбора, который проделал Х.Далян (Н.Я.Мартт характеризовал его как недостаточный и даже поверхностный⁷⁰), видно, как существенно разнятся две группы рукописей.

Рассмотрим несколько отрывков.

II группа (схема 1)

№ 1725=№ 1721 – XVII в., № 2561 – (Д № 633) 1644 г.
кн. I, гл. 9.

*«...Урнаир, царь наш, просил у св. Григория рукоположить его (Григориса, внука Григория) епископом страны своей – не по необходимости и не потому, что армяне считались старше, чем албаны, и не в силу чудесных могучих дел, которые свершились у армян - они (албаны) решили повиноваться по доброй воле достойному наследнику рода св. Григория и были довольны».*⁷¹

I группа (схема 2)

№ 1531 – 1289 г., изд. Э., Ш., П., издание Аракеляна,
кн. I, гл. 9 (последний абзац).

*«...Урнаир, царь наш, просил у св. Григория рукоположить его (Григориса, внука Григория) епископом страны своей. И по этому правилу страны Армения и Албания пребывают по сей день в единодушном и нераздельном согласии».*⁷²

II группа

№ 1725=№ 1721 – XVII в., № 2561–1664 г.,
кн. III, гл. 8

«Относительно рукоположения католикоса нашего [албанского]. Первые [албанские католикосы] получали [рукоположение] из Иерусалима – до св. Григориса. И потом и поныне получают [рукоположение] от епископов наших».

*«Но ныне, в связи с тем, что страна наша впала в ересь, мы условились перед богом и отцовством вашим, что рукоположение патриаршества Албании будет совершаться от престола св. Григория единогласием страны нашей. И рукоположение армянского престола будет совершаться от албанцев, ибо они старше, чем армяне».*⁷³

I группа

№ 1531–1289 г., изд. Э., Ш., П., издание Аракеляна,
кн. III, гл. 8.

«Точно так же относительно рукоположения католикосов

Албании мы установили правила. Ибо в короткое время католикосы наши получали сан от епископов.⁷⁴ Но ныне в связи с тем, что страна наша впала в ересь по неопытности, мы условились перед богом и вашим отцовством, что рукоположение патриархов Албании будет совершаться от престола св. Григория соглашением страны нашей, как и было со времени св. Григория. Оттуда мы получили просвещение и истинно знаем, что тот, кого вы пожелаете – будет угоден и Богу и нам».⁷⁵

Из сопоставления текстов рукописей 2-х групп явствует, что различия в них принципиальные. Совершенно очевидно, что рукописи одной из этих групп претерпели серьезные и принципиальные изменения, были обновлены. Причем исправления произведены в листах, относящихся к Албанской Церкви, католикосату, самостоятельности Албанской Церкви.

I группа рукописей, восходящая к самой ранней эчмиадзинской рукописи 1289 г., не во всех, а лишь в отдельных местах содержит данные, свидетельствующие о подчиненности Албанской Церкви армянской. II группа, восходящая к рукописи № 1721 – XVII в., напротив, на протяжении всего источника свидетельствует об изначальной автокефалии Албанской Церкви, о принятии христианства албанами ранее, нежели армянами.

Х.Дадян, изучив пять эчмиадзинских рукописей, полагает, что самой ранней является рукопись I группы 1289 г., которая, по его мнению, подвергалась изменениям, исправлениям, подчистке. «Первоначальные записи соскоблены и исправлены. Следы первоначальной записи ясно видны».⁷⁶ Х.Дадян считает, что эти подчистки, вписывания были произведены Лункианосом, когда он в 1761 г. по требованию армянского католикоса Акопа Шамахеци (1759–1763) сделал новую копию с древнейшей эчмиадзинской рукописи 1289 г. Как уверяет Х.Дадян, подобными делами Лункианос занимался и раньше.⁷⁷ По мнению Ч.Дусета, чтения II группы рукописей являются оригинальными, первоначальными, и потому он в своем английском издании отдает предпочтение этой группе рукописей.⁷⁸

Интересно выяснить, по какой причине армянскому католикосу Акопу Шамахеци в 1761 г. понадобилась новая копия ИА с ранней рукописи 1289 г. и чем вызваны исправления, произведенные Лункианосом.

С 30-х годов XVII в. эчмиадзинское патриаршество начинает усиливаться. Как известно, еще со времен сельджукских и монгольских завоеваний Армянская Церковь не была едина, а была разделена на соперничавшие между собой патриаршества. С 40-х годов XV в. существовало несколько патриаршеств – Эчмиадзинское, Киликийское, Ахтамарское.

Эчмиадзинские патриархи стремятся подчинить себе прочих католиков; добиваются признания своего первенства, требуют, чтобы других патриархов рукополагали только эчмиадзинские католики. Эту политику продолжили и последующие католики, в частности, Акоп Шамахеци (1759–1763) и его преемник Симеон Ереванци (1763–1780). Что же касается Автокефальной Апостольской Албанской Церкви, то Гандзасарское (Албанское) патриаршество с помощью своего албанского клира выбирало и назначало албанского патриарха – католика. В этой связи армянские патриархи неоднократно направляют послания албанскому духовенству, где утверждают, что издревле, начиная от св. Григория, был будто бы установлен порядок, по которому албанские католики принимают посвящение от эчмиадзинских католиков по примеру Григориса, внука Просветителя.⁷⁹ Очевидно, в этих условиях, желая впредь пресечь самостоятельность албанского патриаршества, армянский католикос Акоп Шамахеци потребовал раннюю рукопись ИА 1289 г. (как и в свое время при иерархических спорах с албанским духовенством армянский католикос Анания (X в.) истребовал рукопись ИА) и с помощью Лункианоса подверг ее конфессиональной редакции, чтобы при иерархических тяжбах лишить албанский клир возможности ссылаться на ИА. И тем не менее, невзирая на редакторскую работу, сделанную при Акопе Шамахеци (с помощью Лункианоса), рукопись 1289 г. и к ней восходящие рукописи (I группа) все же не утратили следы политической направленности против армянской церковной иерархии,⁸⁰ т.е. сохранили следы албанской редакции.

Так, кн. II, гл. 47 свидетельствует, что армянский католикос Авраам пишет албанам обличительное письмо о Кюрионе: «Престол албанский, бывший раньше нашего, был прежде согласен с нами».⁸¹ «На 43-м году летосчисления греческого просветились армяне, спустя 270 лет после просвещения албан».⁸² В кн. II глава

48 озаглавлена: «...Стремление армян, чтобы архиепископ албанский был подчинен им, на что албаны не соглашаются». ⁸³ А в самой главе сказано: «Что касается девяти чинов церковных, то главные прелаты своевольно, *вследствие строптивого нрава армян*, назначили Авраама – патриархом, албанского (главу) – архиепископом, иверского – митрополитом... *Подстрекаемые греческими полководцами армяне хотели первенства над албанами, на что албаны не согласились, ибо указали на другого раннего апостола, прибывшего в страну Албанию, по имени Егише (Елисей), из учеников Господа, рукоположенного Иаковом, братом Господним. Он проповедовал там и построил церковь, мать церквей восточных, ранее, чем в Армении, заложив основание той церкви в Гисе. И самих себя вверив ей, албаны отложились от армян, чтобы не быть ни под чьей властью*». ⁸⁴

Эти отрывки по смыслу противоречат исправлениям Лункианоса, которые были рассмотрены выше (I группа рукописей), но находятся в полном согласии с отрывками не отредактированными (II группа рукописей). Преемник армянского католикоса Акопа Шамахеци Симеон Ереванци разбирал рукописи ИА (образовавшие впоследствии II группу) и в соответствии с исправлениями Лункианоса – (в I группе) делал приписки и подчистки, пытаясь привести их в согласие с рукописями I группы.

Так, в рукописи № 1725 (II группа) имеется следующая приписка самого Симеона Ереванци: «столько, сколько мы соскребли ногтем – это ложь и добавлено тщеславными людьми после в свою пользу, *ибо в других копиях истории этого совершенно нет. Думается, что это совершили после католикоса Анании албанские чернецы*». ⁸⁵

В своем сочинении «Джамбр», в разделе, посвященном истории албанских католикосов, Симеон Ереванци пишет: «Но в «Истории албан» Моисея Каганкатваци в некоторых местах, например, в 10 главе I тома, в 8 главе III тома, мы видим, что этот автор признает албанов старше армян; говорит, что армянский католикос должен принимать рукоположение от албанского католикоса; что до Григориса у них было семь католикосов и т.п. *Все это ложь, это поздние вставки чернецов албанских*». ⁸⁶

Далее Симеон Ереванци в разделе об албанских католикосах приводит отрывок из Моисея Каланкатуйского о том, как в 877 г.,

когда албанские князья вместе с армянским царем Ашотом воевали с военачальником Махмудом, в Албании епископ Самуэл, приняв рукоположение от албанских епископов, стал католикосом. Тогда (находящиеся в стане) албанские ишханы написали великому католикосу армян Георгу, который сидел в Двине, и католикос написал им и (армянскому) царю Ашоту, чтобы как-нибудь миром уладили дело и прекратили смуту. *Царь Ашот по предложению католикоса стал увещевать албанских ишханов, чтобы они примирились со свершившимся фактом, но албанские ишханы не соглашались, говоря, что у них есть издревле установленное обязательство, принятое под страхом проклятия, что они не должны ставить католикосов по рукоположению своих епископов, без согласия наместников Просветителя и таких они признать не могут. Царь Ашот потребовал договор и, удостоверившись в этом, велел позвать к себе Самуэла и после строгого выговора отправил его в Двин к католикосу армян Георгу, который его вторично рукоположил, отобрав у него подписку, чтобы больше не восставал против престола Просветителя, и отпустил в Албанию. До сих пор доводит и на сем кончает свою историю Мовсэс Каганкатваци».*⁸⁷

Как в рукописях I группы и соответствующих ей изданиях, так и в рукописях II группы и соответствующего издания Ч.Дюсета этот отрывок засвидетельствован иначе: «Албанские ишханы уведомили армянского католикоса Тер-Георга, который по каноническим установлениям писал к ишхану армянскому Ашоту и просил помочь ему покончить это дело миролюбиво. *И тот благоразумно убедил старшин и ишханов албанских, и водворился между ними мир, но они, албаны, вызвали проклятия армян. Но Ашот, ишхан армянский, требовал соблюдать порядок св. Григория и, чтобы рукоположение было совершено армянами, которые на время примирились со смутами Самуэля. Великий ишхан армянский пишет к патриарху Георгу и уговаривает Самуэля, с согласия всех албан, (и он) против воли отправляется в Двин, где получает второе рукоположение».*⁸⁸

Этот отрывок особенно наглядно свидетельствует о заинтересованности армянского клира в редакционных изменениях рукописей ИА. Таким образом, причину изменений I группы едва ли основательно видеть в случайном умысле одного лишь Лунки-

аноса. Более вероятно, что здесь мы имеем дело с тенденциозностью Армянской Церкви, давно вынашивающей идею подчинения себе Албанской Апостольской Автокефальной Церкви и сумевшей достичь этого только после 1828 г. (Подробнее об этом см. в конце этой главы).

Видимо, борьбой церковных иерархий можно объяснить, почему не была издана рукопись ИА, которую, как было отмечено, в XVIII в. албанский католикос Нерсес⁸⁹ послал константинопольскому армянскому патриарху для издания.⁹⁰ Совершенно очевидно, что эта рукопись не подверглась редакции Лункианоса и была ближе к оригиналу. Поэтому армянский католикос Симеон Ереванци в 1766 г. и затребовал эту рукопись от константинопольского патриарха в Эчмиадзин, куда она и поступила и потому не была издана. Теперь понятна причина, почему Нерсес послал рукопись не в Эчмиадзин, а в Константинополь.

Очевидно, в связи с естественным интересом, проявляемым к более ранней рукописи 1289 г., сочли необходимым именно ее подвергнуть армянскому редактированию.

Думается, прав Ч. Доусет, который полагает, что из наличествующих двух групп рукописей ближе к первоначальному тексту стоит группа II (наша схема 1).

При всех обстоятельствах необходимо критическое издание текста ИА с учетом рукописей не только I группы (наша схема 2), чем грешат все армянские издания (К.Патканов, Н.Эмин, К.Шахназарян, В.Аракелян и др.),⁹¹ но обеих групп, при большем внимании ко II группе (наша схема 1).

При освещении любого вопроса политической истории необходимо обращаться к рукописям обеих групп, но до издания критического текста ИА следует отталкиваться от издания Ч.Доусета.

Об авторах памятника. Время написания источника.

Хронологическая система. Текст памятника.

Археографическое описание рукописей.

Дополнительная ветвь генеалогии рукописей*

Проблема, связанная с автором сочинения, пока остается нерешенной. Авторство «Истории албан» приписывается двум Мо-

исеям – Каланкатуйскому и Дасхуранци, хотя сам источник не сохранил ни имени Моисей, ни прозваний «Каланкатуйский» и «Дасхуранци». Имя автора выводится лишь из свидетельств армянских и албанских источников.

«История албан» известна в древнеармянской историографии с VIII века. С этим сочинением знаком настоятель монастыря Макенацвоц Соломон (VII в.), а в IX веке – армянский католикос Маштоц.⁹² В первой четверти X века армянский историк Иоаннес Драсханакертци уже пользуется «Историей албан». Следует отметить, что ни Соломон, ни Маштоц, ни Иоаннес Драсханакертци при своем знании источника не упоминают его. Впервые «Историю албан» упоминает армянский католикос Анания Мокаци (943–967) в своих письмах.⁹³ В конце X века «Историей албан» пользуется Ухтанес,⁹⁴ у которого имеется реальное текстовое соглашение – заимствование. Но как Анания Мокаци, так и Ухтанес не называют имени автора «Истории албан». В XII в. армянский историк Мхитар Анеци, говоря в хронологическом порядке об албанских источниках, помещает безымянную «Историю албан» после Себеоса (VII в.) и перед Гевондом (VIII в.). В XIII в. албанский автор Степаннос Орбели широко использует и уже упоминает «Историю албан», но опять без имени автора.⁹⁵

Первым источником, упоминающим имя автора «Истории албан», был албанский автор Мхитар Гош (XII–XIII вв.). В своем незаконченном сочинении «Албанская хроника» он пишет: «...История, написанная Моисеем Дасхуранци, который сделал полный отчет об албанской династии».⁹⁶ Ученик Мхитара Гоша, вардапет Ванакан, бывший учителем Киракоса Гянджинского, также указывает имя автора «Истории албан»: «Кто есть албанский историк?» – и сам же отвечает: «Моисей из села Дасхо-

* При составлении генеалогии рукописей ИА, мною заведомо не учтена публикация А.А.Акопяна (Албания =Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. - Изд-во АН АССР, Ереван, 1987, с. 304) в связи с ее научной несостоятельностью. В своей книге А.А.Акопян дает готовое генеалогическое древо списков рукописей "Истории Албании" (на одной странице - 278) без неопременного исследования, которое должно быть предпослано составлению генеалогии списков ИА, что вынуждает читателя принять их на веру, поскольку проверить представленную автором генеалогию практически невозможно: в связи с тем, что она составлена на мифической базе данных, сокрытых в библиотеке Эчмиадзина, в Матенадаране, доступ в который имеют только армянские ученые. Интересно отметить, что в журналах "Эчмиадзин" и "Арапат" лишь изредка всплывают сведения из "базы данных" Матенадарана, сокрытых для других ученых.

рен».⁹⁷ В XIII в. Киракос Гянджинский и Мхитар Айриванци первыми называют автором «Истории албан» Моисея Каланкатуйского.⁹⁸ Что касается рукописей, то самой ранней рукописью, сохранившей имя Моисея Каланкатуйского, по мнению Ч.Доусета, должна быть рукопись Лункианоса, переписанная в 1761 г.⁹⁹ Очевидно, прозвище Каланкатуйского основано на контексте самой «Истории албан», где сообщается: «Неприятели преследовали бегущих и догнали часть их при подошве горы, против большого села Каланкатуйк, в той же области Утик, откуда и я».¹⁰⁰ К.Патканов, основываясь на данном отрывке, считал автором «Истории албан» Моисея Каланкатуйского, который, по его мнению, происходил из села Каланкайтук в провинции Утик.¹⁰¹

Я.А.Манандян считал, что прозвище Каланкатуйский образовалось в результате неверного истолкования хронистами данного отрывка. Из отрывка явствует, полагает он, что автор был из области Утик, где находилось и село Каланкатуйк. На этом основании Я.А.Манандян именуется автора Моисеем Утийским или Моисеем Утийцем.¹⁰² Точку зрения Я.А.Манандяна разделяют Н.Я.Март¹⁰³ и В.Гукасян.¹⁰⁴ Р.Ачарян же считает, что из известного отрывка вовсе не следует, что автор ИА был из Утика и, доверяя Киракосу Гянджинскому и Мхитару Айриванци, называет его Каганкатваци.¹⁰⁵

Н.Акинян, видимо, основываясь на данных Мхитара Гоша и Ванакана, именуется автора «Истории албан» Моисеем Дасхуранци. Он полагает, что имя Каганкатваци произошло от неверного толкования Киракосом Гянджинским вышеприведенного отрывка, что, по его мнению, в свою очередь, ввело в заблуждение переписчика Лункианоса и последующих писателей.¹⁰⁶

Н.Акинян выражает сомнение в том, что имя «компилятора» было Моисей. Он полагает, что в XII–XIII вв. читатели, пытаясь дознаться имени составителя «Истории албан», могли просто предположить, что это был один из католикосов Албании. В таком случае, по мнению Н.Акиняна, им должен был быть последний в списке албанских патриархов католикос Моисей.¹⁰⁷

Ч.Доусет, основываясь на мнении В.Б.Хенинга, полагает, что прозвище Каганкатваци относится к названию монастыря в Каланкатуйке, членом которого он был, а прозвище Дасхуранци относится к селу Дасхорен, откуда он был родом. «Это дает право

рассматривать их – и Каганкатваци и Дасхуранци – как одно лицо». ¹⁰⁸ Причем Ч.Доусет отдает предпочтение прозвищу Дасхуранци. ¹⁰⁹

Таким образом, К.Патканов, Я.А.Манандян, Н.Акинян и Ч.Доусет считают, что все сочинение (в 3-х частях) принадлежит перу одного автора. По мнению же Н.Адонца, ¹¹⁰ Т.Тер-Григорьяна, ¹¹¹ К.В.Тревер, ¹¹² З.М.Буниятова, ¹¹³ В.Аракеляна, ¹¹⁴ Л.М.Меликсет-Бекова, ¹¹⁵ К.Г.Алиева ¹¹⁶ и др. I и II книги были написаны Моисеем Каланкатуйским, а III книга Моисеем Дасхуранци. ¹¹⁷

З.И.Ямпольский также придерживается мнения о наличии двух авторов, но, в отличие от упомянутых исследователей, он считает, что наиболее достоверным именем одного из авторов Летописи следует считать Адриана. ¹¹⁸ Нам представляется верным мнение З.М.Буниятова и Ворошила Гукасяна, что запись об Адриане является явной припиской переписчика. Об этом ниже.

Таким образом, мы располагаем следующими сведениями об авторе ИА:

1. Согласно традиции его звали Моисей. Но мы не знаем – относилось ли это имя к автору, жившему на рубеже VII–VIII вв. (см. ниже), его продолжателю X в., или даже к обоим.

2. По-видимому, то же самое можно сказать о его прозвище – «Каланкатуйский» и «Дасхуранци».

Предпочтительнее, пожалуй, второе; первое могло быть выведено непосредственно из контекста, который, впрочем, мог подсказать также и прозвище «Утеци».

Время написания источника

Проблема датировки ИА остается по сей день не решенной. Существуют две точки зрения о времени написания памятника. Одна группа исследователей – С.Сомаль, ¹¹⁹ К.Нейманн, ¹²⁰ Э.Борэ, ¹²¹ Н.Эмин, ¹²² К.Шахназарян, ¹²³ Г.Зарбаналян, ¹²⁴ Н.Адонц, ¹²⁵ Т.Тер-Григорьян, ¹²⁶ С.Т.Еремян, ¹²⁷ З.И.Ямпольский, ¹²⁸ К.В.Тревер, ¹²⁹ З.М.Буниятов, ¹³⁰ В.Аракелян, ¹³¹ Л.С.Давлианидзе ¹³² датируют написание I и II книги «Истории албан» VII веком, а III книгу – X веком.

Следует отметить, что С.Сомаль и К.Нейманн датировали источник VII в. на основании упоминаний о нем, т.е. не будучи с

ним непосредственно знакомы.¹³³ Основанием для датирования первых двух книг «Истории албан» VII веком для исследователей служило то обстоятельство, что многие события, свершившиеся в VII в., автор описывает как очевидец «с подробностями и пристрастием, свойственными современнику»,¹³⁴ а также языковое различие между первыми двумя и третьей книгой.

Из ученых, придерживающихся этой точки зрения, рассмотрим основные положения Т.Тер-Григорьяна, который впервые в отечественной науке обратился к исследованию этой проблемы.

Одним из веских оснований, позволивших Т.Тер-Григорьяну отнести написание I и II книг к VII веку, является наличие в двух книгах слов не армянского происхождения, «по-видимому местного происхождения», – как полагает Т.Тер-Григорьян, – которые в третьей книге не встречаются.¹³⁵ Другим основанием Т.Тер-Григорьяну служит то обстоятельство, что автору «Истории албан» были известны армянские историки IV–VI вв., но не были известны армянские историки последующих веков (VIII–X вв.) – Иоанн Мамиконян, Шапух Багратуни, Иоанн Католикос, Фома Арцруни и др.¹³⁶

Т.Тер-Григорьян обращает внимание также на то обстоятельство, что в «Истории албан» отсутствуют данные о столь важных событиях IX в., как борьба албанов с арабами под предводительством Абу-Мусы, а также данные о восстании Бабека.¹³⁷ Последнее обстоятельство З.И.Ямпольский объясняет тем, что «арабское нашествие и политика армянских католикосов в IX в. прервали летописную традицию Албании и, начав ее продолжение в X в., Моисей Дасхурянц продолжил ее».¹³⁸ К.В.Тревер разделяет доводы Т.Тер-Григорьяна.¹³⁹

Этот аргумент Т.И.Тер-Григорьяна, З.И.Ямпольского и К.В.Тревер не убедителен, ибо установлено, что данные события частично отражены в ИА.¹⁴⁰ Согласно другой точке зрения, которую разделяют М.Броссе, К.Патканов,¹⁴¹ Я.Манандян,¹⁴² Г.Алишан,¹⁴³ Н.Я. Марр,¹⁴⁴ Р. Ачарян,¹⁴⁵ М.Артамонов,¹⁴⁶ А. Христенсен,¹⁴⁷ М.Абегян,¹⁴⁸ Н.Акинян¹⁴⁹ и др., «История албан» была написана в X в.

Исследователи относят источник к X в. на основании того, что последнее историческое событие, упоминаемое в III книге ИА – именно взятие Партава – Барды русами, датируется X веком.

Кроме того список албанских католикосов также завершается концом X века.

Аргументом К.Патканову служит то обстоятельство, что армянским авторам XII–XIII вв. были известны все три книги.¹⁵⁰

Я.А.Манандян, приводя развернутое изложение проблемы, ставит два вопроса – 1) время жизни автора и 2) положение албанской церкви. Рассмотрим основные доводы по первому вопросу.

По утверждению Я.А.Манандяна, «История албан» является компилятивным трудом, состоящим из 3-х книг, в которых нет какой-либо плановой последовательности и подразделения материала.¹⁵¹ Не отрицая наличия компиляции в источнике, нам представляется спорным утверждение Я.А.Манандяна о полном отсутствии плановой последовательности изложения, хотя надо отметить, что в источнике имеет место нарушение последовательного расположения отдельных глав.¹⁵² Вообще складывается четкое представление, что над источником основательно поработали начиная не с XIII в., а позже – с XV – XVI вв., когда Армянская Церковь переехала из Киликии в Эчмиадзин. И тем не менее, в изложении материала трех книг наблюдается хронологическая и тематическая последовательность, о чем обстоятельно изложено нами в разделе «Хронологическая система автора» (см. ниже), что свидетельствует о наличии у автора (или авторов) определенного последовательного плана изложения. Думается, что уместно отметить не отсутствие плановой последовательности в целом, о чем пишет Я.А.Манандян, а скорее отсутствие увязки, главным образом, внутри между главами в I и в III книгах.

На наш взгляд, следует считать неверным утверждение Я.А.Манандяна о том, что все сведения первой книги автор заимствовал из армянских источников.¹⁵³ Думается, что главы 5, 6, 7, 9, 14 (меньшая часть), 15–23, 29–30 заимствованы из албанских источников, ибо материал этих глав не имеет аналогии в армянских источниках и по характеру относится к албанской агиографической литературе. Основной аргумент Я.А.Манандяна, доказывающий, что Моисей Каганкатвацци – Утийский не мог быть современником событий VII века и не мог писать в VII в., а был компилятором X в., опирается на главу 17 книги II, повествующую о происхождении албанского дома Михранидов. В

главе значится: «Мы узнали от достоверных и истинных историков, что Бндо и Встам, родственники персидского царя, восстали на царя Ормизда, отца Хосрова, и убили его...» И далее сообщается, что основатель албанских Михранидов и родственник персидского царя Хосрова II (590–628) Михр, обратившись в бегство, достиг Албании и поселился в Гардмане. Это могло произойти, согласно данным этой главы, не раньше 590–600 гг. Я.А.Манандян по этому поводу пишет: «В высшей степени примечательно, что наш автор, так называемый мнимый сопроводитель Виро (628 г.) и современник Джеваншира, узнает эти близкие по времени события из «истинных достоверных исторических описаний». Это очень примечательно. Исторически невероятно, чтобы в течение десятилетия от времени правления Хосрова (590–628), его современника Михра и до Джеваншира (637 г.) возникло бы шесть поколений Михра.¹⁵⁴ Исключено, чтобы человек, описавший посольство Виро к хазарам, мог дать такие невероятные легендарные данные об албанском царствующем доме. Пожалуй, это больше к лицу компилятору X века».¹⁵⁵

Мы разделяем мнение Я.А.Манандяна, что глава 17, отражающая историю албанского Михранидского дома, не могла быть написана в VII в., а написана немного позднее. Но в отличие от Я.А.Манандяна, мы ставим под сомнение написание в VII в. только главы 17-й книги второй, а не всю вторую книгу, т.к. одна глава, видимо, не должна поколебать все другие данные, позволяющие считать, что события VII в., отраженные во II книге, написаны автором-современником. Эти данные – хронологическая система «Истории албан» (см. раздел «Хронологическая система ИА»), язык и манера изложения, авторское отношение к описываемым событиям.

Хронологическая система стройна, особенно во второй книге, начиная с 9-й по 35-ю главы, где и освещены события VII века. Хронологические данные твердо выдержаны, последовательны и, главное, исторически достоверны, кроме рассматриваемой нами главы 17-й. Нам представляется, что глава 17-я является поздней интерполяцией, целью которой является доказать древность происхождения Михранидского рода, возвеличить его.¹⁵⁶ Эта глава, вероятно, позднее вставлена между главами 16 и 18, ибо помимо прочего непосредственным хронологическим про-

должением главы 16-й является глава 18-я. Глава 16-я освещает события 630 г., а глава 18-я – события 632–640 годов.

Кроме того, по данным грузинских источников известно, что в IV в. в Иберии царствовал царь Михр (по грузинским источникам Мириан).¹⁵⁷

В Албании, видимо, Михраниды были намного раньше VI в., и были, видимо, на положении удельных князей и лишь с VI в., когда царская власть была упразднена, стали великими князьями Албании. Автор должен был знать из Михранидов Вараз-Григора, Джеваншира и Вараз-Трдата, т.к. он был современником двух последних. На наш же взгляд, главу 17-ю, в которой говорится о предшественниках Михранидов, написал тот же автор, который в конце III книги изложил родословный список албанских царей и албанских великих князей Михранидов.

Другим аргументом в пользу авторства X в., по мнению Я.А.Манандяна, служат главы 29 и 33 книги II, в которых сообщается об обретении иереем Израэлем святых реликвий. Я.А.Манандян полагает, что если автор ИА писал в VII в., то он был современником иерея Израэля и, повествуя о нем, не должен был прибегать к помощи источников. «Разве не парадоксально замечание Моисея Каганкатваца, что у него есть очень краткие сведения на этот счет, и что он не имеет возможности привести точные сведения об отшельнической жизни святого Израэля?»¹⁵⁸

Между тем в главе 29-й об этом сообщается следующее:

«Я нашел недостаточными справедливые известия о пустыничестве Израэля. *Начало было неизвестно*; но мы включили только то, что относилось к делу».¹⁵⁹ Автор обращается к своему источнику лишь для того, чтобы осветить прошлую пустынно-деятельность иерея Израэля. Вероятно, не обязательно, чтобы автор-современник хорошо знал прошлую отшельническую жизнь Израэля. Из числа многих пустытников Израэл тем и стал известен, что обрел «святой крест» и «мощи иерусалимских мучеников». А что касается самого «дела» – обретения реликвий, как отмечено в приведенном отрывке, то автор не только хорошо осведомлен об этом без помощи источников, но является также очевидцем их обретения.

В главах 29-й и 33-й книги II повествуется о двух различных

находках. В главе 29-й – об обретении иерусалимских святынь в области Арцах, равнине Члах, что видели жители близлежащих мест. Здесь не засвидетельствовано авторское отношение, авторское «я»; в главе же 33-й, где повествуется о поисках и обретении тем же иереем Исраэлем святого креста в селе Гис, в области Утик (откуда и сам автор), налицо авторское отношение; согласно описанию, «знамение», которое было по случаю обретения креста, поразило многих, в том числе и автора – повествователя, очевидца.

Если принять во внимание, что автор был сам из области Утика, то станет очевидным, что эти главы написаны им. И, наконец, по мнению Я.А.Манандяна, фактом, противоречащим тому, что Каланкатуйский жил в VII в., является упоминание во второй книге в главе 48-й армянского католикоса Егия Арчишеци (703–711). Я.А.Манандян полагает, что если Моисей Каланкатуйский в качестве свидетеля сообщает о нападении хазар на Албанию в 30-х годах VII в. и вместе с тем описывает поездку армянского католикоса Егии в Албанию в качестве современника, то следует предположить, что ему было более 100 лет.¹⁶⁰

На наш взгляд, события 30-х годов VII в. автор описал не по личным наблюдениям, а использовал данные очевидцев (о чем изложено ниже). А что касается событий II половины VII в. и начала VIII в., то их описал автор как очевидец.

Я.А.Манандян считает, что все три книги написаны одним автором в X в. События же VII в., которые описаны очевидцем, по мнению Я.А.Манандяна, автор в X в. заимствовал у сопровождающего Виро, у участника собрания Джеваншира и включил в свою компиляцию так же, как включил в свое сочинение сообщение армянских историков – Моисея Хоренаци и Петроса Сюнеци.¹⁶¹ Я.А.Манандян считает, что это подтверждается заглавием второй книги: «История согласно моим записям». По мнению Я.А.Манандяна, этот заголовок следует понимать как «История по записям, имеющимся в наших руках». По его утверждению, о правильности такого понимания говорит начало первой главы книги второй, где сказано: «*Имеются сказания о восточных странах,** которые не попали в писания древних историков, но которые мы считаем нужным поместить в нашем сочинении».¹⁶²

* Под восточными странами реально понимается вся Албания или отдельные ее провинции. Об этом см. ниже.

Я.А.Манандян считает, что эти слова автора свидетельствуют о том, что II книга состоит из целого ряда переработанных источников.¹⁶³ Из чего же в таком случае состоит первая книга, если не из «переработанных источников»? Есть ли смысл автору предупреждать о том, что II книгу он намерен писать по переработанным источникам, когда I книга написана таким же способом?

Заглавие «История согласно моим записям» может относиться и к главе I второй книги и ко всей второй книге. Нам представляется, что это заглавие должно относиться скорее к главе, чем к книге, ибо каждая глава имеет свой заголовок, а при отнесении этого заголовка ко всей второй книге глава I остается не озаглавленной. Если даже согласиться с Я.А.Манандяном, что это заголовок всей второй книги, то и тогда получится иной смысл, не тот, который вкладывается им в него. Декларация автора источника, что вторую книгу он намерен писать по своим записям, предполагает, очевидно, написание первой книги не по авторским «записям», а, по всей вероятности, по источникам, что лишний раз подтверждает точку зрения, что вторая книга написана автором-современником. Что же касается первых строк главы I книги II, где говорится о том, что автор располагает сказаниями о восточных странах, не отраженными в других источниках, то это относится к содержанию только самой главы I книги II, но не ко всей второй книге, ибо дальше приводится сказание об Андовке, сунийском ишхане и его сыне Бабике, которое действительно не засвидетельствовано ни в одном армянском источнике.

Отношение всех трех книг «Истории албан» к одному автору подтверждается, по мнению Я.А.Манандяна, тем, что в книге III автор осведомлен о событиях, засвидетельствованных в первой книге.

Так, в главе 22-й книги III сообщается: «Имена царей, как нами было выше описано от храброго Вачагана до благочестивого Вачагана...» (Э., с. 387). Об этих царях, как известно, сообщается в первой книге. Я.А.Манандян считает, что автор III книги этим указывает на себя как на автора предшествующих книг. С этим нельзя согласиться, так как в III книге наряду с осведомленностью автора имеются факты, противоречащие тому, что

засвидетельствовано во второй книге. Так, в той же самой главе сообщается, что «...Михр, Армаэль, Вард, Вардан храбрый, уверовавший в Христа. Это не тот, который воздвиг крепость в Гардмане», хотя в книге II, главе 17-й сообщается: «храбрый Вардан, сын Варда, в продолжение трех лет строил гардманскую крепость». Очевидно, что один автор не давал бы столь противоречивые сведения. Нам представляется, что как наличие противоречий, так и осведомленность автора не являются твердым аргументом, говорящим за или против написания источника одним автором. Это могло быть делом рук последнего редактора или же автора, написавшего последние главы третьей книги.

Приписывая написание трех книг «Истории албан» одному автору, жившему в X веке, вместе с тем Я.А.Манандян признает, что III книга как по своей исторической ценности, так и по форме написания уступает II книге. Причину этого он видит в том, что при описании событий, свершившихся после VII в., автор располагал скудными источниками.¹⁶⁴

Следует отметить, что особой лаконичностью, простой констатацией не связанных между собой фактов отличаются те главы III книги, в которых отражены события X века, современником которых, по утверждению Я.А.Манандяна, был автор трех книг. Думается, что должно быть наоборот. Как известно, события древнего периода историка раннего средневековья описывают лаконично, в сжатой форме. По мере того, как автор приближается к современным ему событиям, изложение становится самостоятельным и подробным. Это полностью прослеживается в «Истории албан». Самостоятельно, с подробностями и пристрастием описаны события VII в. и начала VIII в. Автор, описавший эти события, не мог быть тем же лицом, которое изложило события X в. Итак, мы рассмотрели основные аргументы Я.А.Манандяна. Изучению «Истории албан» Моисея Каланкатуйского посвящены статьи Н.Акиняна, публиковавшиеся с 1953 г. в журнале «Андэс амсореай».¹⁶⁵ «История албан» Моисея Каланкатуйского, по мнению Н.Акиняна, представляет собой собрание произведений, написанных различными авторами с VI по X вв. включительно.

Во II половине X в., как полагал Н.Акинян, Моисей Дасхуранци произвел расстановку этих произведений, хронологически

их упорядочил. «Он даже старался придать своей работе характер полного исторического описания новыми приложениями, с разделительными частями – древняя, средняя и новая история – оглавлениями и посулами, о чем он намерен писать».¹⁶⁶ Хотя Н.Акинян считает автора ИА не историком, а лишь редактором, компилятором, который композиционно разложил произведения, оформил и обработал «Историю албан», тем не менее Н.Акинян признает, что рукою редактора написаны следующие главы – в книге I главы 1–4, 6, 8, 9, 12–15; в книге II: 2–3, 8, 47; в книге III: главы 15, 17, 23–24.¹⁶⁷

Далее Н.Акинян отмечает, что главы, повествующие об албанском царе Вачагане III (Благочестивом) (кн. I, гл. 5–6, 16–23), принадлежат одному автору, жившему, по его мнению, во второй половине X в. Н.Акинян предполагает, что он мог быть одним из главных чтецов школы Саака Севады.¹⁶⁸ Главы, посвященные Михранидам и, в частности Джеванширу, Вараз-Трдату и епископу Израэлу, по уверению Н.Акиняна, написаны одним автором, что в свое время отметил Н.Адонц. «Они написаны одним и тем же духом и дыханием и принадлежат одному перу».¹⁶⁹ Это следующие главы: в кн. I – главы 27–30; в кн. II – главы 17–31, 33–35.

«Повествователь», как полагает Н.Акинян, вероятно, был выходцем из церковного сословия, он албанец-патриот из Гардмана, живший во второй половине X в.¹⁷⁰ и как указывалось выше, мог быть чтецом школы Саака Севады.¹⁷¹

Изложение Н.Акиняна носит весьма сумбурный характер, тем не менее, очевидно, что, говоря о редакторе – Дасхуранци, авторе, описавшем историю Вачагана III, и о «повествователе» истории Михранидов, Н.Акинян имеет в виду одно лицо, ибо о каждом он говорил как о человеке, жившем во II половине X в. и бывшем главным чтеце школы Саака Севады.

В таком случае, прав ли Н.Акинян, принимая автора «Истории албан» не за писателя-историка, а лишь за редактора, компилятора, перу которого, по его же словам, принадлежат почти вся первая книга (24 главы из 30), больше половины II книги и четыре главы из 23-х глав III книги?

Что касается достоверности событий, изложенных в «Истории албан», то мнение Н.Акиняна сводится к следующему.

В тех случаях, когда данные Моисея Дасхуранци подтверждаются данными армянских источников, Н.Акинян считает сведения Дасхуранци заимствованными из армянских источников и в силу этого достоверными. А тем сведениям Дасхуранци, источник которых не выявлен, Н.Акинян отказывает в исторической достоверности. Так, он считает вымыслом «редактора» список албанских Аршакидских царей. По его мнению, из десяти царей албанских Аршакидов истории известны (т.е. упомянуты в армянских источниках) лишь двое – Урнаир (IV в.) и Асуаген (Есуаген, Асваген) (V в.);¹⁷² что касается Ваче II и Вачагана III, то они упоминаются лишь в «Истории албан» и потому являются плодом вымысла Дасхуранци.¹⁷³ Относительно остальных албанских Аршакидов Н.Акинян утверждает, что эти имена взяты в VIII–X вв. из именного списка албанских дворян, т.е. также являются вымыслом.¹⁷⁴ По мнению Н.Акиняна, фантазией автора порождена повесть об основателе Михранидского рода. Она является одним из вариантов эпоса о Бахраме Чубине. Н.Акинян подвергает сомнению историчность Джеваншира.¹⁷⁵

Мы видим, что далеко идущие выводы Н.Акиняна лишены какой бы то ни было почвы.

Хронологическая система

В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского нет хронологической таблицы, обычной в других источниках. Однако события в «Истории албан» датированы. Здесь, как и в «Истории Армении» Моисея Хоренаци, «хронологические указания вплетены в ткань повествования».¹⁷⁶

Последовательность, систематичность хронологических данных,¹⁷⁷ определенная точность убеждают, что при написании «Истории албан» автор или авторы разработали определенную хронологическую систему.

Из 10 царей албанских Аршакидов автор снабжает хронологическими указаниями правления лишь четырех царей – Урнаира, Асуагена, Ваче II и Вачагана Благочестивого. Это объясняется тем, что аршакидский период Албании очень слабо документирован, на что жалуется автор в главах 6 и 8 книги I и, вероятно, в силу этого не определяет продолжительности царство-

вания этих царей. Автор широко использует хронологические данные своих источников. Первая попытка датирования намечается в главе 9-й книги I, где сообщается, что в Албании при царе Урнайре, родственнике персидского царя Шапура II (309–379), христианство стало государственной религией. При этом автор отмечает, что это произошло в то же время, когда греческий император Константин Великий (324–337) и армянский царь Трдат (298–330) также приняли христианство.¹⁷⁸ Думается, что хронологическое указание об одновременном принятии христианства принадлежит албанскому автору. Следовательно, христианство было принято в Албании в начале IV в., и Урнайр правил в это же время. По сообщению ИА, другой албанский царь Асуаген был современником императора Феодосия Младшего (408–450), армянского царя Врамшапура (391–414), персидского царя Иездигерда, очевидно, Иездигерда I (399–420), и создателя письменности армян Месропа Маштоца (361–440).¹⁷⁹ Следовательно, Асуаген жил не позднее 1-й половины V в. О времени царствования другого албанского царя Ваче II автор сообщает: «На 19-м году царствования Азкерта постигла его кончина. Два сына его, сделавшись соперниками, сражались за власть».¹⁸⁰ Именно в это время восстал албанский царь Ваче, т.е. в 459 г.

С помощью царствования персидского царя Валарша (484–488) автор датирует воцарение албанского царя Вачагана Благочестивого. «После того, как злобный Пероз лютою смертью был согнан со света, воцарился брат отца его Валаршак, албаны с его помощью воцарили Вачагана, сына Азкерта, брата Ваче».¹⁸¹

Что касается остальных событий, свершившихся во внутренней жизни Албании, то автор пользуется и таким способом датирования: «В то время город Цри, возмущившись против албанского царя, предался царю персидскому.¹⁸² «В то время царь Рососоков со своими войсками и полчищами Фовельскими... перешел реку Кур, рассыпался по области Утийцев...».¹⁸³ События датируются также путем упоминания имени албанского царя. Так, в I книге в 26-й главе сообщается, что Агуэнский собор был созван албанским царем Вачаганом 13 числа месяца марери.

Рассмотрим хронологические данные книги II ИА. Если хронология I книги нетвердая, албанские цари датируются лишь

путем упоминания их как современников персидских царей, или византийских императоров и армянских царей и хронология эта носит в какой-то мере эпизодический характер, то хронология II книги отличается стройностью, конкретностью, определенностью. Для II книги, начиная с главы 9-й, и по 34-ю включительно, характерна непрерывающаяся последовательность датированных событий, систематичность хронологических указаний.

Четыре главы II книги (1, 2, 3, 5) и хронологически и тематически должны быть включены в I книгу. Главы 4, 6, 7, 8 и 9 отражают время правления албанского патриарха Абаса. Хронологические данные об этом следующие: «Тогда во второй год Хосрова, царя царей, в начале армянского летосчисления перенесли патриарший престол из города Чога в столицу Партава... Патриархом посадили Абаса, который правил 44 года».¹⁸⁴ В данной главе автор пользуется двумя параллельными хронологическими датами, между которыми имеется некоторое расхождение. Второй год Хосрова I Ануширвана (=532/33 г.) не совпадает с началом армянской эры (=551/552 г.).

С главы 9 по 19 события датируются по правлениям персидских царей – начиная с 35-го года правления Хосрова II. В главе 9-й автор говорит: «...Я начну свой рассказ от первого года 18-го високоса, после явления Господа нашего Иисуса Христа, месяца мехекан, на 35-м году царя царей Хосрова Ормизда».¹⁸⁵ Первый год 18-го високоса К.Патканов относит к 626–627 годам,¹⁸⁶ а 35-й год Хосрова II приходится на 625–626 годы. Даты совпадают.

Далее события датируются 36-м годом Хосрова II – 626/627 гг. (гл. 12); 37-м годом правления Хосрова II – 627–628 гг. (гл. 12); 38-м годом его же царствования – 628 г. (гл. 11); царствованием царя Кавада, очевидно, имеется в виду Кавад II (гл. 14); вторым годом правления Ардашира, сына Кавада, видимо, Ардашира III, 629/630 гг. (гл. 16); первым и восьмым годами Иездигерда III – 632 и 640 гг. (гл. 18).

Для уяснения хронологического метода автора следует коротко изложить содержание этих глав.

Главы 9–16 отражают персидско-византийские войны (624–630): походы Ираклия на Албанию, Иберию, Армению;

союз Ираклия с хазарами; нашествие хазар на Албанию, Иберию; посольство албанского католикоса Виро к хазарам. Глава 18 отражает подвиги албанского князя Джеваншира в персидско-арабских войнах. Таким образом, в этих главах излагаются внешнеполитические события в период господства Сасанидов, и автор датирует их по годам правления персидских царей.

В главе же 19 читаем: «На 20-м году царствования Азкерта (Иездигерда III) совершенно прекратилось существование царства персидского; то был 31-й год всемирных побед агарян и 15-й год господства Джеваншира».¹⁸⁷ Двадцатый год Иездигерда III по достоверной хронологии равен 652 г., а 31-й год «всемирных побед агарян» – также 652/653 г.; 15-й год господства Джеваншира = 637+15=652 г. Даты, указанные автором ИА, исторически достоверны. Автор здесь пользуется тремя параллельными хронологическими линиями: 1) правление персидских царей; 2) «господство агарян» (хиджра); 3) правление Джеваншира. Достоинно внимания, что автор впервые для датирования пользуется хиджрой. Примечательно, что этим методом датирования автор пользуется тогда, когда прекращается существование царства Сасанидов. Очевидно, ввиду того, что исчерпалась возможность автора датировать последующие события по правлению персидских царей, автор в последующих главах пользуется иной хронологией.

Анализ хронологических указаний «Истории албан» убеждает нас в том, что в зависимости от того, с какой страной больше контактировала Албания в описываемое время (вернее, в зависимости от какой страны находилась Албания), хронологии той страны и придерживается автор при описании внешнеполитических событий. Так, при описании событий периода господства Сасанидов и, в частности, периода персидско-византийских войн, автор придерживается хронологии персидских царей. После же падения династии Сасанидов Албания становится данницей Византии и арабов. И потому последующие внешнеполитические события – личные встречи и переговоры Джеваншира, албанского великого князя, с византийским императором Константином, внуком Ираклия, увод войск на запад византийским императором в результате усиления арабского господства, отраженные в главах 22, 27, 28 – датируются автором по годам правления византийского императора и по годам арабского господства.

Так, в главе 22 события датируются 19-м годом царствования Константина,¹⁸⁸ т.е. 660 годом, а в главе 27-й «шестым годом перенесения иσμαэлитского царства в Ассирию (Сирию)»,¹⁸⁹ т.е. $661+6=667$ г.; в главах 28-й – 30-й годом царствования Константина, т.е. 671 годом.

Таким образом, можно отметить, что методом хронологической фиксации внешнеполитических событий с 625 по 671 гг. автору служили годы правления царей: вначале персидских царей (625–652), затем византийских императоров, а также годы арабского господства (652–671).

Остальные главы II книги – 23, 24, 25, 26, 32, 34, 46 – отражают, главным образом, события внутренней жизни Албании. Метод датирования этих событий иной, отличный от отмеченного. В этих главах события датируются с помощью синхронизмов, т.е. приблизительной датировки факта путем указания его отношения во времени к другому, более известному факту.

Так, принимая за исходную точку твердую дату, зафиксированную в главе 22-й, 19-й год царствования Константина (660 г.) автор в 23-й главе сообщает: «После того, по прошествии 2-х лет, вышли хазары в Албанию на добычу и грабеж».¹⁹⁰

Таким образом, это событие датируется 662 годом. В главе 24 читаем: «После победы Джеваншира, по истечении двух лет по изгнании хазарских войск, окончилось построение храма во имя Бога».¹⁹¹ Следовательно, это свершилось в 664 году ($662+2$). Глава 25: «Целый год Джеваншир проводил в спокойствии»,¹⁹² (т.е. $664+1=665$ г.).

Следует отметить, что наряду с датированием по правлению царей и синхронизмов, можно выделить и третий способ датирования – по годам военачальства и правления великого албанского князя Джеваншира. Хронологическая линия Джеваншира синхронизирована с линией правления царей (персидских и византийских). Хронологические указания о правлении Джеваншира зафиксированы в главах 18, 19, 26, 27, 28 книги II.

Глава 18: «Через 4 года после смерти великого Хосрова, царя персидского, воцарился сын его Азкерт (Иездигерд III). Пройдя Ассирию, агаряне выступают против царя персидского... На 8-м году царствования Азкерта в другой раз выступил неприятель и осадил царя в г. Тизбоне (Ктесифоне) в продолжение шести

месяцев... После того друг за другом последовали битвы... В продолжении семи лет храбрый Джеваншир воевал в этих тягостных войнах». ¹⁹³

Иездигерд III, как известно, вступил на престол в 632 году, действительно, через 4 года после смерти Хосрова II, как сообщает ИА. Арабы впервые вторглись в Иран, как известно, в 636 г., в 637 г. осадили Ктесифон. По данным ИА это произошло на 8-м году правления Иездигерда, т.е. $632+8=640$ г. Расхождение с действительной хронологией два-три года. В 642 г. в битве около Нихавенда персидские войска были разбиты, и после этого Иран был завоеван арабами. ¹⁹⁴ Семилетнее участие Джеваншира в персидско-арабских войнах также соответствует действительной хронологии – $636+7=642/643$ г.

Далее, в главе 19-й сообщается: «На 20-м году царствования Азкерта совершенно прекратилось существование царства персидского: то был 31-й год всемирных побед агарян и 15-й год господства Джеваншира».

Двадцатый год Иездигерда III, 31-й год побед арабов и 15-й год господства Джеваншира, как было отмечено, соответствовали 652 году.

Последнее хронологическое указание о правлении Джеваншира засвидетельствовано в главе 28-й. «На 30-м году царствования Константина возмущились евнухи и хотели убить его». ¹⁹⁵ А завершается глава: «В продолжение этих 33-х лет Господь сделал благочестивого князя албанского победоносным». ¹⁹⁶ Тридцатый год царствования Константина приходится на 670/671 год. А 33-летнее победоносное пребывание албанского князя равно $636/637+33=670/671$ г. Итак, мы рассмотрели содержание глав 19-28. Главы 19–34 освещают время правления Джеваншира. В главах 9–34 зафиксированы твердые, систематически исчерпывающие хронологические указания, охватывающие период с 625 по 671 г.: 625 г. (гл. 9), 626 г. (гл. 12), 627 г. (гл. 12), 628 г. (гл. 11), 630 г. (гл. 16), 632 г. (гл. 18), 640 г. (гл. 18), 642 г. (гл. 18), 652 г. (гл. 19), 660 г. (гл. 22), 662 г. (гл. 23), 664 г. (гл. 24), 665 г. (гл. 25), 666 г. (гл. 26), 667 г. (гл. 27), 671 г. (гл. 28).

Если события, отраженные в главах 9-34, очень насыщены последовательными хронологическими указаниями, то период правления преемника Джеваншира, Вараз-Трдата, отраженный в

главах 36–45 книги II⁹⁷ и в главе 12 книги III, хронологически зафиксирован недостаточно. Имеется лишь одна твердая дата в главе 39-й: «Тогда на 6-м году южного царства строптивного Мухаммеда (т.е. в 62 г. хиджры – 622+62=683/84) Вараз-Трдат, князь албанский совещался с соплеменниками князьями и с католикосом Егиазаром»¹⁹⁸ о тяжелом бремени податей, наложенных на албанский народ арабами и гуннами.

Важным событием в истории Албании является пребывание великого князя Албании Вараз-Трдата в качестве заложника у византийского императора. Автор не снабжает это описание конкретными хронологическими указаниями. Из главы 12-й книги III известно лишь, что это было «по совершенном прекращении царства персидского и при усилении народа южных таджиков», т.е. арабов. Известно также, что Вараз-Трдат находился в качестве заложника пять лет, затем вернулся в Албанию. Сыновья его же по истечении 12-летнего заточения были освобождены византийским императором Варданом-Филиппиком. Более о Вараз-Трдате ничего не сообщается.

Это можно объяснить еще тем обстоятельством, что за период господства Вараз-Трдата в Албании, видимо, не было крупных, по взглядам того времени, событий, которые считались бы достойными для изложения и соответственно для датирования.

Что касается остальных глав II книги ИА, то в главах 46–49 отражены догматические и иерархические споры, происходившие между церквями в период зарождения христианства и до VIII в. Самое позднее хронологическое указание во II книге относится к 703–711 годам. Это упоминание армянского католикоса Егии Арчишеци, которым завершается глава 48. Глава 50-я, по всей вероятности, представляет собой самостоятельное сочинение. Она озаглавлена «О житии пустытника Иосифа в Арцахе...». Датируется этот источник временем правления византийского императора Ираклия, албанского великого князя Вараза-Григория, т.е. началом VII в. Как видно, эта глава, как и многие другие главы, с точки зрения хронологии расположена не на месте.

Главы же 51 и 52, которыми завершается II книга ИА, посвящены зданиям и монастырям, построенным в Иерусалиме. В тексте нет хронологических данных, но исследователи эти главы

датируют VII веком.

Наконец, рассмотрим хронологическую систему III книги. Здесь нет единого метода датирования. В главах 3, 7, 11, 13, отражающих внутреннюю жизнь Албании, можно усмотреть датирование по годам правления албанских патриархов, что, видимо, объясняется отсутствием в стране власти великого князя.

«По смерти Егиазара, католикоса албанского, некто Бакур, из последователей учений халкидонского... договорился со Спрамой, супругой Вараз-Трдата...»,¹⁹⁹ «После Симеона преемствовал ему на престоле патриаршем блаженный Михаил, который был патриархом 35 лет».²⁰⁰ Эти главы отражают отрезок времени приблизительно с 695 по 710 г. Что касается остальных глав, то главы 1, 2, 8, 15, 16, 19, 20, 21 и 23 книги III датированы по армянскому летосчислению, причем как внешнеполитические события, так и события внутренней жизни.

Так, в главе 16-й читаем: «В 145-м году армянской эры Махмет II прибыл в Армению и по стране албан поспешно вступил в Чога»,²⁰¹ т.е. $551+145=696/697$ г. «...После того увели в Тарон и оттуда в Сирию Шеро, князя албанского, вместе с другими азами в 153-м году армянской эры»,²⁰² т.е. в 704 г. В этой же главе 16-й сообщается: «Выступил владетель хазаров с 80 000 мужами и взял Албанию в 158 году»,²⁰³ т.е. в 709/710 г.

Глава 19 озаглавлена: «Что произошло в пределах Албании в 200-м году армянской эры»²⁰⁴ (751 г.). В этой главе сообщается: «К концу 270 г. армянской эры вышли тайно из Партава отборные мужи из таджиков (арабов) и разорили область Амарас...».²⁰⁵ Это приходится на 821/822 г. Следует отметить, что в книге III только в одной главе 8-й, представляющей собой грамоту Албанского собора о единстве веры с армянами, событие фиксируется двумя параллельными датами – хиджрой и армянским летосчислением. «Писана грамота эта... 85 года таджиков (арабов) и 148 г. армян».²⁰⁶ 85-й год арабов соответствует $622+85=706/707$, а 148-й год армянской эры – $552+148=700$ г.

Во всех же остальных главах III книги (1, 2, 8, 15, 16, 19, 20, 21, 23) события датируются только по армянскому летосчислению. Достоинно внимания, что даже при изложении истории арабского пророка Мухаммеда автор пользуется армянской эрой (гл.1). «В конце 65 г. армянской эры явился Махмет в Меда-

ин»,²⁰⁷ т.е. $552+65=616/617$ г. Отмеченные главы также изобилуют хронологическими указаниями. Освещают они события, свершившиеся в Албании, начиная с 145 г. армянского летосчисления, т.е. с 696 г. и до 400 г. армянской эры, т.е. 952 г. Эти главы отражают, главным образом, походы отдельных арабских войск на Албанию, Армению и Иберию. Они представляют собою голую хронологическую фиксацию фактов, а также хронологические погодные записи: «В 174 г. арм. эры летом был падеж скота, зимой – очередная перепись, что повергло людей и скот и всю страну в иго рабства»,²⁰⁸ т.е. $552+174=725$ г. «В 175 г. арм. эры был сильный голод»²⁰⁹ и т.д.

Последовательность отдельных хронологических указаний этих глав следующая: 696 г. (гл. 16), 704 г. (гл. 16), 710 г. (гл. 16), 731 г. (гл. 16), 752 г. (гл. 19), 822 г. (гл. 19), 828 г. (гл. 19), 832 г. (гл. 20), 852 г. (гл. 20), 869 г. (гл. 20), 877–915 гг. (гл. 21).

Албания с 654 г. стала данницей арабов, политически подчинялась арабам. В это время Албания попеременно платила подати также хазарам и Византии. История ее теснейшим образом была связана с историей халифата и Византии. Исходя из хронологической системы автора, отраженной в I и II книгах, естественно было ожидать, что при описании событий VIII–IX вв. автор будет придерживаться датирования как по годам правления византийских императоров, так и по годам арабского господства (хиджры), как поступал он в предшествующих главах книги II, когда хронологическое указание по годам арабского господства фиксировалось параллельно с другой датой и было синхронизировано с ней. Однако автор отмеченных глав книги III пользуется только одним армянским летосчислением.

Итак, рассмотрев хронологические данные всех трех книг «Истории албан» Моисея Каланкатуйского, можно сделать некоторые выводы о хронологической системе автора. Методом хронологической фиксации событий являются:

1) Датирование по годам правления царей – персидских, византийских. Линия персидских царей включает Шапура II, Иездигерда II, Пероза Валарша, Хосрова II, Кавада, Ардашира III, Иездигерда III. Упоминания персидских царей в «Истории албан» твердо датированы. Среди византийских императоров упомянуты Константин Великий, Феодосий Младший, Маркиан,

Зинон, Анастасий, Ираклий I, Константин II, Филиппик Вардан.

Время правления некоторых из византийских императоров датировано, а другие византийские императоры упоминаются как современники известных персидских и армянских царей. Этим методом датированы, главным образом, внешнеполитические события.

2) Датирование с синхронизацией, что характерно, главным образом, для первых 2-х книг. Этим методом автор пользуется, в основном, при датировании событий внутренней жизни Албании.

3) Датирование по годам правления Дживаншира, албанского великого князя. Хронологические данные о Дживаншире зафиксированы параллельно с линией персидских и византийских царей, с годами арабского господства и синхронизированы с ними. Этот способ датирования применяется в книге II.

4) Датирование по годам правления албанских патриархов-католиков, характерное лишь для нескольких глав III книги.

5) Датирование по одному армянскому летосчислению, что характерно для нескольких глав III книги.

В применении этих методов датирования существует определенная последовательность. Ранним по времени является датирование по правлению персидских царей. Затем следует датирование по правлению византийских императоров и по годам арабского господства. Сюда же относится линия датирования по Дживанширу. Далее по времени следует линия албанских католиков. И, наконец, последним по времени является армянское летосчисление.

Из трех книг «Истории албан» стройностью отличается хронология второй книги, особенно с главы 9-й по 34-ю, где, как было показано, наблюдается непрерывная последовательность датированных событий, систематичность хронологических указаний.

На основе хронологической системы «Истории албан» нам представляется совершенно бесспорным, что главы 9–34, 36–52 второй книги написаны одним автором, вероятно, современником этих событий. Им же написаны или скомпонованы все главы первой книги и первые главы второй книги. Почти не вызывает сомнений, что этим же лицом написаны несколько глав третьей книги (гл. 3–7, 9–13). И совершенно очевидно, что главы

1–2, 15–21, 23 третьей книги написаны другим лицом.

Текст памятника

В отличие от исследователей, относящих написание первых двух книг к VII в., нам представляется, что как I, так и II (начиная с 9-й главы), а также несколько глав III книги (гл. 3–12) написаны одним автором в конце VII и начале VIII вв.,²¹⁰ а остальные главы книги III написаны другим автором в X–XI вв.

Основанием служат хронологическая система автора, 9-я глава книги II, где засвидетельствована декларация автора об изложении собственных данных, а также язык, стиль, литературные приемы автора.

Мы разделяем мнение З.И.Ямпольского,²¹¹ что собственно авторское изложение ИА начинается с главы девятой книги второй. Следует обратить внимание на заголовок этой главы: «История о волнениях варварских народов и о некоторых происшествиях всемирных бедствий, случившихся в странах».²¹²

Из текста самой главы 9-й становится очевидным, что как заголовок, так и текст главы относятся ко всем последующим главам второй книги. Нам думается, что эта глава представляет введение, предисловие автора к изложению последующих глав и современной автору истории. Следует отметить, что во всех трех книгах ИА, за исключением этой главы, нет авторского предисловия, которое, как известно, присутствует в любом историческом сочинении.

Таким образом, после изложения по источникам событий VI в. (в главах 4–8 второй книги)²¹³ автор приступает к самостоятельному и подробному изложению современной ему истории.

В главе 9-й читаем: «О, что за удивительные истории, которые я приготовился рассказать, чтобы привлечь внимание мира – дальнего и ближнего! С ними не могут сравниться отчеты ранних веков относительно всевозможных сражений и периодов смут, которые вспыхивали в различных местах и среди разных народов... И так погрузились *мысли мои и рассеялись намерения мои и во всемирных поражениях, и я забыл порядок рассказа, которым я намеревался положить основание и рассказать о време-*

нах и событиях, свершившихся в Албании, по слову пророка: «Я позабыл есть хлеб мой от гласа моих стенаний».

Автор широко использовал документы VII в. Мы не согласны с утверждением, что события начала VII в. автор в основном изложил по Себеосу.²¹⁴ Общей с Себеосом у Моисея Каланкатуйского является лишь тема «персидско-византийские войны». Однако изложение совершенно различное, не имеет никаких аналогий.²¹⁵ О событиях 624–628 годов, с чего начинается авторское изложение, автор пишет не непосредственно, не по горячим следам, а с определенным временным интервалом, о чем свидетельствует вышеприведенный отрывок: «Так как прошлое время от нас постепенно требует свое, то я начну свой рассказ от первого 18-го високоса...». Об этом свидетельствует и концовка главы 13 кн. II, где значится: «Царство было отобрано у дома Сасана и передано в руки сынов Исмаила». Описывая события 628 года, автор в курсе того, что будет иметь место в 652 году. Следовательно, события 624 и 628 годов к моменту их изложения являются для автора уже относящимися к прошлому. О прошлом времени автор мог писать как по личным наблюдениям, так и по данным других очевидцев. Нам представляется, что автор не был участником посольства Виро к хазарам (628 г.). Эти данные он заимствовал у очевидцев.

Рассмотрим отрывок, повествующий о посольстве католикоса Виро к хазарам. По данным ИА, Виро предложил знатым людям пойти вместе с ним в хазарский стан. О себе автор ничего не сообщает: «...многие согласились, но многие трусили». Далее о Виро и его провожатых сообщается в третьем лице – «они», «их» и лишь дважды засвидетельствовано – «мы», «наших».

«Когда они (Виро и его провожатые) достигли двора царевича (хазарского), вельможи стояли перед ним. Там мы (Виро и его провожатые) видели их (хазар) сидящими поджавши ноги...».

«Тогда приказали им (Виро и его провожатым) сесть и кушать вместе с ними и, поставив перед ними сосуды с нечистым мясом, они приказали им (Виро и его провожатым) поджать ноги согласно их обычаям... Но те (Виро и его провожатые) не хотели вкусить, потому что тогда был сорокадневный пост. Он (царевич хазарский) позволил им (Виро и его провожатым) это по желанию рабов божьих... Возблагодарив бога, они (Виро и его

проводящие) благословивши съели хлеб и угодили им (хазарам)». ²¹⁶

Думается, что автор написал это, основываясь на свидетельствах очевидцев и сохранил местами повествование от их лица. Только этим и можно объяснить такой разноречивый. Иначе автор вряд ли скрыл бы факт своего присутствия.

Нам представляется очевидным, что не только вышеприведенный отрывок из главы 14-й книги II, но и вся следующая глава 15-я книги II исходят непосредственно от албанского католика Виро, представляют собой готовый источник. Глава 15-я, где сообщается о голоде, эпидемиях в Албании и где повествование ведется от первого лица, современника изложенных событий, заканчивается следующим образом: «Я, Виро, католикос Албании, Лпинии и Чола, воздерживаясь от упоминания всех других безобразных вещей – черноты тел, плещи голов...». ²¹⁷

Совершенно очевидно, что автор был современником Джеваншира и Вараз-Трдата, и события этого периода он излагает как очевидец по личным впечатлениям, что особенно явствует из гл. 28 кн. II.

«...Оттуда (от халифа) он (Джеваншир) отправился в Остан, свое зимнее местопребывание. Тогда собрался там всеобщий сбор. *Мы видели* там все не в обыкновенной мере, и видели царскую птицу, украшенную царским блеском и великолепом. Вид ее был прекрасен...». Далее дается подробное описание попугая. Затем: «Так же, как прежде, она приносила славу покоям императора Нерона, так теперь она делалась славящей многотрудного владетеля нашего. *Хотя ей все удивлялись*, но не столько, сколько я *приготовлюсь* говорить. *Мы видели* удовольствие царских потех». Далее автор дает подробное описание слона и далее: «*Подлинно говорю*, что от одного движения головы бегемота содрогание овладевало природой человека. *Мы видели*, привели туда коней, гордых, пышных для прогулки и для езды... О чем же теперь мне рассказывать или говорить здесь? Провидением божьим Джеваншир от рождения был назначен для славы и величия, и до сегодня Господь дозволил ему во всем быть славным. Потому *мы видели* его ничем не ниже царей... Потому только, что он не имел на голове короны - крайнюю ступень царского величия, и великих почестей - потому *он для нас*, смиренных

рабов, был велик, не как император Август или Тиберий, но по великому благодению своему он походил на Константина, который прославился, получив венец от Бога. Великолепный князь Востока, *мы, вместив в тебя все это, возвеличили тебя*».²¹⁸

Автор передает свои личные наблюдения, впечатления и уверяет читателя в их подлинности: «...подлинно говорю», «поистине я говорю». Достоверность своего повествования о Джеваншире автор отмечает неоднократно и в других главах. Так, автор сообщает, что Джеваншир узнал о том, что персидские войска вступили в город Пероз и увели в плен его отца и братьев: «*Поистине я говорю, он разъярился как медведь, у которого отняли его детеныша, и он быстро перешел через земли его родового домена на другой берег Куры, в провинцию Капичан*».²¹⁹

Следует отметить, что о подлинности своего повествования автор говорит лишь в главах, посвященных Джеванширу. Что автор жил во время Джеваншира, видно из слов: «...до сегодня господь дозволил ему во всем быть славным»; «Царь Юга повелел вознаградить князя Востока еще большими почестями, как венчанного царя... Испокон веков и до настоящего времени никто не слышал, чтобы эти почести были оказаны кому-нибудь».²²⁰ А обращение автора к Джеванширу: «Великолепный князь Востока, *мы, вместив в тебя все это, возвеличили тебя*», свидетельствует, очевидно, о том, что автор посвящает свое повествование своему покровителю, великому князю Албании Джеванширу, по заказу которого он, видимо, пишет свое сочинение. В пользу этого говорит и вопрошание автора: «Но что за подвиг совершил *мой смелый господин* на другой день?».²²¹

Подтверждением того, что автор жил в конце VII – начале VIII вв., служит еще то обстоятельство, что все события этого времени описаны автором с большими подробностями, с пристрастием. Эти данные не имеют аналогий в других источниках. И главное, биографические сведения, т. е. известное авторское сообщение «Каланкатуйк в области Ути, откуда и я» засвидетельствованы именно в главе 2 (кн. II), входящей в число тех глав, написание которых, очевидно, принадлежит перу самого автора.

На протяжении всей второй книги, начиная с главы 9-й, чувствуется последовательность и непрерывность авторского рассказа и попытка быстрого развития действий. Чтобы не повредить

целостности повествования, автор избегает расплывчатости и отклонений. По ходу изложения автор намечает план повествования.²²²

Во второй книге и первых главах третьей книги в отличие от остальных частей есть увязка между главами.

Нам удалось проследить на протяжении всей II книги и нескольких глав III книги одну стилистическую особенность автора, литературный прием, заключающийся в своеобразном противопоставлении,²²³ и общие образные выражения,²²⁴ что еще раз подтверждает нашу точку зрения о том, что II книга (с главы 9-й) и несколько глав III книги написаны непосредственно самим автором.

И, наконец, подтверждением того, что не только II книга и несколько первых глав книги III, но и вся I книга написаны одним автором, служат язык, форма изложения, которые отличаются от языка не всей III книги, как отмечал Т.Тер-Григорьян,²²⁵ а лишь нескольких последних глав III книги. Следует отметить, что хотя в указанных частях в каждом отдельном случае можно отделить источники автора от его личного творчества, ибо они недостаточно искусно переплетены, тем не менее, общей и одинаковой для всех выделенных глав является форма изложения автора – повествовательно-описательная. I, II и первые главы III книги изобилуют художественными описаниями. Отмеченные части проникнуты искренним патриотизмом автора. Любовно и красочно описывает автор природные богатства своей страны: «Расположенная среди высоких гор Кавказа, страна Албания прекрасна и очаровательна своими многочисленными природными богатствами. Великая река Кура спокойно течет через нее, принося большую и мелкую рыбу, и сбрасывает свои воды в Каспийское море» (ИА, кн. I, гл. 5).

Исторические личности Албании – царь Вачаган III, великие князья Джеваншир, Вараз-Трдат, албанский католикос Виро – описаны автором с восхищением и художественно, с многочисленными эпитетами, образными выражениями. Отличаются они благочестием, мудростью, доблестью, заботами о благоустройстве страны.

Так, Вачагана III автор представляет человеком «великой доблести, мудрым, рассудительным, высоким и статным», «благоче-

стивым, Богом венчанным» (ИА, кн. I, гл. 17, 18). Католикос Виро – «умный и мудрый человек, строгий в словах и с речью, подобной быстрописущему перу, когда он давал советы и разумные предложения царям и знатым», «...уста его изобретали и слагали притчи, как жемчуг в золоте чистом» (ИА, кн. II, гл. 14). Дживаншир – «гордый, величественный, прекрасный...; искусный в вооружении, ловкий как орел; ...во всем преуспевающий», «не робел, потому что по характеру своему он против большинства был дерзновеннее, чем против малого числа» (ИА, кн. II, гл. 19). Вараз-Трдат, «...мужественный, по своему высокому уму оказывал всем любовь и дружбу, ...он своей разумной и ласковой любовью покорил их (своих недругов) и привлекал к себе сердца их» (ИА, кн. II, гл. 36).

Таких художественных образных характеристик исторических личностей нет в остальных главах III книги. Для первых 2-х книг, а также нескольких первых глав III книги характерно наличие эпистолярного жанра: автор приводит в подлинной форме письма-послания, грамоты, приказы.

Так, в книге I письмо епископа Гюта к Ваче (гл. 11), вопрос Вачагана к иерею Матфею (гл. 24), письмо Авраама к Вачагану (гл. 25); в книге II - письмо Иоанна к Тер Абасу (гл. 7), письмо Дживаншира к греческому императору Константину (гл. 20), ответная грамота Константина (гл. 21), письмо властителя гуннов в Армению (гл. 44), ответ на это письмо-грамоту (гл. 45); в книге III – послание албанского собора к Илие, армянскому католикосу (гл. 4), письмо Илии к Абд-ал-Малику Эмиру верующих (гл. 5), ответ Эмира верующих Абд-ал-Малика на письмо Илии (гл. 6), грамота албанского собора (гл. 8), грамота Илии (гл. 9). Примечательно, что в остальных главах III книги письма-послания и грамоты не зафиксированы.

В первых двух книгах и первых главах III книги нет диалогов, но имеются устные послания, приказы, ответы на них, которые даны в форме прямой речи. Все это придает «Истории албан» разнообразие стилей.

Что же касается остальных глав III книги, то язык здесь сухой, лаконичный, форма изложения схематична, носит характер хронографических и погодных записей, представляет собой голую фиксацию свершившихся фактов и событий.

Таким образом, анализ текста «Истории албан» и изучение хронологической системы дает возможность говорить о его сложном составе. Историческое сочинение, которое было написано в конце VII – начале VIII вв., соответствует I, II и начальным главам III книги ИА. Авторство его принадлежит человеку, который использовал ряд источников, сохранив свойственное им повествование от первого лица. Он может быть отождествлен с одним из названных поименно авторов, к одному из которых относится известная фраза – «Каланкатуйк в той же области Ути, откуда и я».

С главы 9-й книги II до конца книги II и начальные главы книги III, как нам удалось выявить, автор описывает события, – будучи уже их современником и в большинстве случаев очевидцем.

После 710 г. (т.е. остальные главы книги III) это сочинение было продолжено и в настоящее время известно в продолженном и отредактированном виде. Последнюю главу «Истории албан» составляет список албанских католикосов до 999 г., который мог быть написан как продолжателем ИА, так и дописан лицом, не имеющим отношения к написанию «Истории албан».

Как известно, каждый памятник является отражением своей политической эпохи. Поэтому одной из основных задач исследователя является выявление как времени, так и цели – задачи появления источника.

Моисей Каланкатуйский был современником великого албанского князя из рода Михранидов – Джеваншира, время правления которого по праву считалось периодом политического и культурного расцвета Албании.

В условиях, когда две империи – сасанидский Иран и Византия, а также кочевники – гунны (хазары), а позже арабы, пытались завоевать Албанию, превратить ее в свою провинцию, Джеваншир, благодаря своему воинскому таланту, мудрой гибкой политике, сумев восстановить, объединить Албанию в ее исконных пределах, т.е. от р. Аракс на юге и до Дербента-Чола на севере, стал ее полновластным правителем, проводящим самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику при наличии Автокефальной Апостольской Албанской Церкви. Совершенно очевидно, что Джеваншир, желая увидеть в специальном письменном

памятнике отражение своего правления, явился заказчиком этого творения. Это — одна из причин появления «Истории албан» Моисея Каланкатуйского. В условиях тройного политического нажима с целью мобилизации албанского народа на борьбу за сохранение самостоятельного Албанского государства, за сохранение культурно-идеологической самобытности необходим был труд, освещающий события не только современные автору — славное правление Дживаншира, — но и отражающий всю предшествующую историю Албанского царства, начиная с библейского времени, далее с I в. н. э. и доведя ее до начала VIII в.

Итак, цель автора «Истории албан» — создать историю возникновения и развития Албанского царства, его этноса, территории, политической и духовной жизни, правление его царей — албанских Аршакидов и великих князей Михранидов — показать преемственность и непрерывность царской власти, историю возникновения Албанской Автокефальной Апостольской Церкви с ее патриаршим началом.

Таким образом, в этом памятнике прославлены самостоятельная государственность и Апостольская Автокефальная Албанская Церковь.

Содержание «Истории албан»

Хронологически источник начинается с библейского времени и доводит события вплоть до 999 г. Структурно сочинение состоит из трех частей. В первой части изложение начинается с библейской истории. Происхождение албан ведется из колена Иафета, причем не того колена, от которого происходят армяне, а из другого. Албаны отмечены в числе 15 народов, имеющих письменность. Историческая география страны представлена географическим описанием, характеристикой природных богатств, четкостью очертаний пределов страны. С четвертой главы начинается изложение реальной истории Албании. Первым правителем страны назван местный правитель Аран, далее приводится список албанских царей Аршакидов. Реально изложено правление царей Урнаира, Асуагена, Ваче II и Вачагана III Благочестивого.

Видное место в первой книге занимает история распростра-

нения христианства: первый – апостольский период и второй период – становление христианства государственной религией. Приводятся церковные каноны Албанской Церкви V в. чрезвычайной важности по значению – «Агуэнские каноны» царя Вачагана III Благочестивого. И завершается I часть книги описанием нашествия на страну в V в. гуннов.

Вторая книга начинается с 552 г. и завершается 703–711 гг. В ней описаны персидско-византийские и персидско-арабские войны, в которых принимали участие албанские войска под предводительством великого албанского князя Джевانشира. В этой книге приводится история Михранидского дома, господство которого было установлено над Албанией после падения царской власти албанских Аршакидов. Из Михранидов отражено правление Джевانشира и Вараз-Трдата. Описана деятельность албанского католикаса Виро во время нашествия и завоевания страны хазарами.

Третья книга посвящена появлению на исторической арене арабов. Здесь коротко изложена история пророка Мухаммеда, сообщается о нашествии арабов на Албанию, Армению, Иберию, начиная с 698 по 877 гг. Из событий внутренней жизни Албании в третьей книге отражены последние годы правления Вараз-Трдата, взаимоотношения с гуннами, события церковной жизни 705 г., халкидонитская деятельность албанского католикаса Нерсеса-Бакура, албанский собор 705 г. (каноны албанского католикаса Симеона). Сообщается о нашествии русов на страну в 944 г. Завершается книга списком албанских правителей и патриархов-католикасов.

Источниками «Истории албан» послужили: 1) народные сказания и предания; 2) памятники эпистолярного жанра – послания официального характера и переписка духовных и светских лиц, которые хранились в архивах дворцовых и монастырских; 3) сведения о тех событиях, очевидцем или современником которых был сам автор.²²⁶

К источникам, упомянутым К.В.Тревер, можно добавить следующие: 4) албанскую агиографическую литературу (жития и мученичества албанских святых); 5) албанские хроники (хроника албанского католикаса Виро); 6) каноны Албанской Церкви (Агуэнские каноны V в., каноны албанского католикаса Симеона

705 г.); 7) акrostих албанского поэта Давтака – элегия на смерть Джеваншира; 8) иноязычные, неалбанские источники – хроника Ипполита Римлянина (III в.), труды других авторов V–VII вв.

Невзирая на поздние следы редактирования «Истории албан», весь характер изложения памятника, относительная полнота сообщаемых сведений и широта круга интересов автора, разработанная хронологическая система, согласно которой четко датированы все события внутренней и внешней жизни страны, наличие, можно сказать, характерного для эпохи исторического видения, определенная объективность в сообщаемых автором данных наводят на мысль о существовании в Албании определенных традиций и опыта исторического изложения.

Само содержание «Истории албан» (где дана история страны Албании с древнейшего времени до начала VIII в., история албанского этноса, правителей страны, Албанской Церкви, где трижды очерчены территориальные пределы страны, в разные периоды стабильно расположенные на двух берегах р. Куры и др.), манера изложения, авторское отношение к описываемым событиям, отношение к отдельным историческим личностям (католикусу Виро, Вачагану III, Джеванширу, поэту Давтаку), строго разработанная хронологическая система автора – датирование событий по правлению албанских правителей, а также по правлению персидских и византийских царей и т.д. – все это дает основание для единственного вывода, что «История албан» была написана албанцем для албанского населения.

Рукописная основа памятника

1. Все рукописи «Истории албан» восходят к двум образцам (и образуют две группы) – к рукописи XIII в. № 1531 [Институт древних рукописей им. Маштоца, Матенадаран], (группа I, армянская редакция), или же к рукописи XVII в. № 1725 = № 1721 [Матенадаран] (группа II, албанская редакция). Все издания (за исключением англ. изд. Ч.Доусета, который, принимая во внимание обе группы, выполнил свой английский перевод по изданию К.Шахназаряна²²⁷) основаны на рукописях группы I. Согласно Х.Дадяну,²²⁸ группу II (албанская редакция, наша схема 1) составляли

две рукописи – № 1725 = № 1721 – XVII в. и № 2561–1664 г. [Матенадаран]. Ч.Доусет пополнил эту группу рукописями: P4 220 [Парижская национальная библиотека, Каталог Маклера], VM Or 5261 [Британский музей, Каталог Конибира], V1 № 1485 и V2 № 1146 [Венецианское собрание мхитаристов] и Q [Из Нагорного Карабаха].

По нашему мнению, список группы II албанской редакции можно пополнить также петербургской рукописью ЛО ИВАН С-59.

2. К исследуемой работе нами привлечены четыре рукописи, из коих две относятся к албанской редакции (ЛО ИВАН С-59 и P4 220) и две к армянской [ЛО ИВАН В-56 и P1 217 (Каталог Маклера)], а также все издания этого источника: два древнеармянских издания Н.Эмина и К.Шахназаряна 1860 г., русское издание 1861 г. К.Патканова, английское издание 1961 г. Ч.Доусета и издание на современном армянском языке 1969 г. В.Аракеяна. Отдавая предпочтение группе II (наша схема 1), за основу нашего исследования мы взяли петербургскую рукопись ЛО ИВАН С-59 и парижскую P4 220, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей по разным причинам и, вероятно, не в последнюю очередь из-за позднего их датирования (происхождения) XVII–XVIII вв., а также из-за трудности понимания текста (P4 220), написанного скорописью.

Археографическое описание рукописей

Заглавие списка ИВАН В-56 – «История Агуанка», составленная Моисеем Каланкатуйским (поправка карандашом) *из того же народа (азга – древнеарм.)* и той же страны (ашхархэ – древнеарм.); (он) *начинает с рождения Иафета* и доводит до конца девятого века, изложив историю родной страны (зпатмутюн хайрени ашхархин – древнеарм.), правления, христианского просвещения, преемственность духовного управления и прочее, что относится к его народу, и обстоятельства, относящиеся к его стране (л. 2а). На листе 1а воспроизведен русский титул – «История происхождения агванов (жителей русских мусульманских провинций) Моисея Каганкатваца, списанная с древней рукописи, хранящейся в Эчмиадзинской библиотеке, армянским архи-

мандритом Иоаннесом Шахатуновым».

Копия эта выполнена Иваном Назаровым в 1841 г. в Петербурге (приписка на л. 1а на французском языке М.Броссе) со списка Иоаннеса Шахатуянца 1829 года (присланного в Азиатский музей). Образцом же И.Шахатуянцу в свою очередь послужила гигантских размеров рукопись 1289 г. (ныне Матенадаран № 1531). Рукопись ИВАН В-56 содержит три книги «История Агуанка» (лл. 4а – 270а), общее оглавление (лл. 290б – 298а) и указатель личных имен со ссылкой на книгу, главу или лист. С данной рукописи были выполнены французский перевод М.Броссе, русский перевод К.Патканова 1861 г., копия рукописи французской Национальной библиотеки – Р₂ № 218. Пагинация новая, на полях обозначены соответствующие страницы оригинала данной копии; строк на странице – 20, заголовки отдельных глав и книг сделаны современной прописью, их не было в первоначальном варианте. На корешке: «Histoire des Aghovans par Moise Kagkantwatzî en arménien». Е.Кunik. Sur la première expedition Caspienne des Russes normands en 914, d'après la chronique inédite de l'Arménien Moise Caghancatovatsi. – Bulletin, t. IV, N 12, 13.

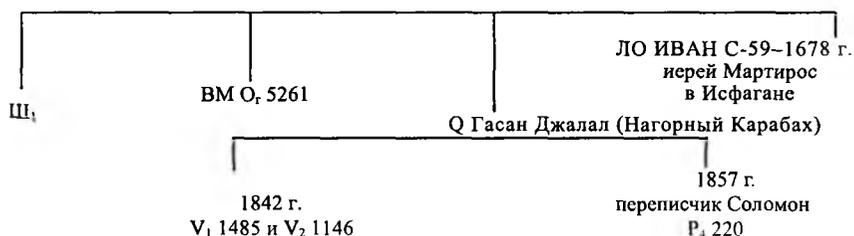
Список ИВАН С-59 без заголовка. Список содержит «Церковную историю» Евсевия Кесарийского, «Иудейскую войну» Иосифа Флавия, «Историю албан» Моисея Каланкатуйского, «Историю народа стрелков» Григора Аканци и др. Переписана копия «Истории албан» в Исфагане в 1678 г. иереем Мартиросом. Эта копия именуется «ванской» из коллекции И.А.Орбели (См.: Орбели Р.Р. Собрание армянских рукописей Института востоковедения АН СССР. – Уч. зап. ИВАН СССР, 1954, т. VI, с. III). Рукопись занимает листы 287а – 375б. Текст каждого листа состоит из двух столбцов, в каждом из которых по 37 строк. В данном списке на л. 287а-б приводится «Оглавление первой книги истории албанского народа», на лл. 308б – 309а – «Вторая (книга) история жителей Востока – страны албанской», на л. 350б – «Оглавление (третьей) книги истории албанской». В отличие от рукописи 1289 г. № 1531, в этой рукописи оглавление написано тем же почерком, что и вся рукопись.

Что же касается рукописи Р₄ 220, то она была переписана в

Шуше в 1857 г. переписчиком Соломоном (Каталог Маклера). Рукопись без заголовка содержит 560 страниц – листов, на каждом из которых по 18 строк, написанных скорописью. Состоит из трех частей, каждой из которых предпослано оглавление.

3. Ч.Доусет сообщает, что Р₄ 220 была переписана с неизвестной рукописи и что чтения ее совпадают с рукописями Британского музея (ВМ Ог 5261), Венецианского собрания – (V₁ 1485 и V₂ 1146) и с рукописью из Нагорного Карабаха (Q).²²⁹ Нам представляется, что прототипом этих рукописей, т.е. Р₄ 220, V₁ 1485 и V₂ 1146 могла быть только рукопись Q из Нагорного Карабаха, принадлежащая Гасану Джалалу, который в 1842 г. отправил ее в венецианский монастырь. И тогда же она была ему возвращена.²³⁰ Несомненно, эта рукопись Q послужила оригиналом–образцом для двух рукописей Венецианского собрания мхитаристов (V₁ и V₂). И совершенно очевидно, что с рукописи Q после ее возвращения Гасан Джалалу в 1857 г. в Шуше переписчик Соломон снял копию Р₄ 220. Ч.Доусет, видимо, не знал идентичности Шуши с Нагорным Карабахом и потому, как и другие исследователи, не понял, что послужило образцом для рукописей Р₄, V₁ и V₂. Поэтому неудивительно, что чтения их совпадают, как отметил Ч.Доусет. Таким образом, в результате исследования генеалогическую таблицу – основу рукописи XVII в. № 1725 нам удалось пополнить новой ветвью*:

Рукопись № 1725 –XVII в.

Чрезвычайно важно, что третья часть рукописи Р₄ 220 содержит дополнительно четыре главы, которых нет в других рукопи-

* По сравнению с первым изданием нашей монографии в 1977 г. (См.: Мамедова Фарид а. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку, с. 20).

сях (Каталог Маклера). Это главы 25, 26, 27, 28, с. 454 (оглавление) и с. 551–560, в которых отражены события XIII в., период правления албанского князя Гасан Джалала. Вот названия этих глав: глава 25 – «О битве – кровопролитии – поражении, которое было в Хаченской стране, и о благочестивом ишхане – князе Джалале»; глава 26 – «О церкви, которая была построена в Гандзасаре ишханом – князем Джалалом – Довла Хасаном»; глава 27 – «О смерти благочестивого ишхана Джалала Довла Хасана»; глава 28 – «О смерти ишхана Шахиншаха и сыне его Закарии». [Шахиншах – двоюродный брат Гасан Джалала. – Ф.М.].

Эти главы являются поздней интерполяцией. Нам кажется, что эти четыре дополнительные главы обязательно должны присутствовать в рукописях V₁ и V₂ и Q, ибо, как было отмечено нами, у них один общий прототип Q. Что же касается других рукописей одной и той же албанской редакции [группа II, схема 1], то этих дополнительных глав, с нашей точки зрения, не должно быть, так как они должны присутствовать только в рукописях, восходящих к образцу [или образцам] из Нагорного Карабаха.

Хотя при нынешнем состоянии изученности этих рукописей категоричность вряд ли уместна, тем не менее, мы попытаемся обосновать наше утверждение и выяснить причину появления этой поздней интерполяции.

Как известно, Албанское государство перестало существовать в VIII в. В XII–XV вв. начинает возвышаться одно из крупных феодальных владений – княжеств бывшего Албанского государства – Хаченское княжество (Арцах), занимавшее территорию приблизительно нынешнего Нагорного Карабаха.

В XIII в. это княжество возглавлял видный политический и культурный деятель эпохи Гасан Джалал, период правления которого характеризуется экономическим, политическим и культурным подъемом страны. Гасан Джалал был сюзеренным князем Хачена и Арана [отчасти], находился вне вассальной зависимости от Грузинского царства и княжества Закарянов. В армянских, грузинских и персидских синхронных источниках, а также в эпиграфических надписях он наделен высокими титулами – «князь князей, царственно-блистательный», «князь стран хаченских», «великий князь Хачена и Арцахских стран», «царь», «венценосец», «царь Албании», «великий окраинодержатель

Албании».²³¹ При нем создавались духовные центры. Было сооружено одно из лучших творений христианской архитектуры средневекового Кавказа – Гандзасарский храм.

Албанский ренессанс не мог не отразиться на письменной традиции. Возможно, сам Гасан Джалал или представители Хаченского княжеского дома [очевидно, духовные], пытаясь доказать преемственность Албанского царства и правящей династии, сочли, что «История албан» должна соответствовать новому курсу и отразить его. С этой целью они дополнили ее событиями XIII в., т.е. правлением Гасана Джалала.

Возвращаясь к нашей посылке о том, что интерполяции подверглись не все рукописи группы II [албанской редакции, схема 1], а также в свете вышеизложенного о Хаченском княжестве, мы полагаем, что только рукописи «Истории албан» из Нагорного Карабаха (в прошлом Хачена), а также те, которые восходят к ним, были интерполированы, наслоены событиями XIII в., т.е. обросли дополнительно четырьмя главами.

4. Показательны оглавления рукописей двух групп. В группе II [ЛЮ ИВАН С-59 и Р₄ 220] читаем: «Заголовки первой части *истории албанского народа* («Алуаниц азг»). А в группе I [ЛЮ ИВАН В-56] значится: «Заголовок каждой главы трех частей *албанской истории* («патмутюн алуаниц»)). В изданиях читаем: Н.Эмин – «Оглавление истории албанской страны»; К.Патканян – «Оглавление», Ч.Доусет – нет оглавления вообще; Аракелян – «Оглавление». В рукописях группы II (схема 1) в отличие от рукописи группы I (схема 2) понятие «албанский народ» встречается чаще, ему в рукописи группы I часто соответствует понятие «албанская страна» или «албанская». Понятие «албанский народ» не чуждо и рукописям группы I (см. гл. 2, где Каланкатуйский, пытаясь выяснить происхождение албанского народа, возводит его к другим детям Иафета, в отличие от армян и грузин; см. также гл. 3, где Каланкатуйский среди народов (азгк), имеющих письменность, называет и албан. Понятия «албанский народ», «албанская страна» синонимично чередуются. В свете выявленного мы считаем совершенно неправомерной попытку некоторых арменистов утверждать, что Моисей Каланкатуйский не отразил историю албанского народа, а отразил историю Албанской страны [К.Патканов] и что албанского этноса не было

вообще (Б.А.Улубабян,²³² Ш.Смбатян²³³ и др.).

5. Рукописи группы II (схема 1) отличаются от группы I наличием разных версий материалов, касающихся Албанской Церкви. Еще Х.Дадян выявил это в кн. I, гл. 9 и кн. III гл. 8, 23. В этом отношении очень показательны контексты гл. 14, кн. I. Так, в рукописи ЛО ИВАН С-59 и Р₄ 220 (группа II) читаем: *«Рукоположение святого Григориса и прибытие его в Албанию. Просвещение и мученичество его и обретение его мощей»*. А в рукописи ЛО ИВАН В-56, Р₁ 217 (группа I): *«Краткое известие о святом Григории, Просветителе Армении и о его блаженных сыновьях; о рукоположении святого Григориса посредством его; прибытие его в Албанию и просвещение ее, и мученичество его и обретение мощей его»*. Выделенная строка является добавлением. Показательно, что в изданиях Н.Эмина, К.Патканова, основанных на рукописях группы I (схема 2), этот текст еще более наслаивается, обрастает: *«Краткое сообщение о святом Григории, просветителе Армении и его блаженных сыновьях; вместе с тем о рукоположении св. Григориса, сына Вартанеса, внука великого святого Григория, в католикосы Албании и Иберии...»*. Концовка одинаковая. Подчеркнутая строка опять же является новой. Исследование показало, что рукописи группы I претерпели последнюю конфессиональную редакцию как в XVIII в., так и в XIX в. Издания «Истории албан», основанные на рукописях группы I, в свою очередь также подверглись редактированию издателей. Таким образом, текст «Истории албан», подверженный изъятию отдельных фрагментов, наслоению прибавлений, уточнениям из армянских источников, становился похожим на текст армянских источников. И потому у некоторых исследователей создалось неверное представление об источниках «Истории албан». Они находили в этом памятнике целые текстовые заимствования из армянских источников (См., например, Ш.Смбатян²³⁴).

Это хорошо прослеживается во многих главах. Рассмотрим опять же гл. 14 кн. 1. Разночтения наблюдаются как в заголовке гл. 14 [вышеприведенное], так и в самом тексте. Так, текст гл. 14 группы II [С-59 и Р₄ 220] начинается со слов: *«То, что относится к священному – старейшему главе [ерицс] блаженному Гри-*

горию, Просветителю Армении, можно узнать из истории Агафангела. Но то, что свершилось в Албании с помощью отрока Григориса, находится в этом писании». Этот пассаж засвидетельствован только в рукописях С-59 и Р₄ 220. И далее [в С-59 и Р₄ 220] после этого отрывка излагается история проповеднической деятельности Григория Просветителя и отрока Григориса в Албании. А во всех остальных рукописях [группа I] и во всех изданиях этому изложению предшествуют три-четыре страницы, где повествуется о родословной, происхождении Григория Просветителя, его проповеднической деятельности в Армении, о святых Армянской Церкви – Рипсимэ и Гайанэ, об армянском царе Трдате. И только после этого дается изложение об Албании. Таким образом, на примере этой главы хорошо прослеживаются следы албанской и армянской редакций. Албанская редакция [группа II] включила все то, что имеет непосредственное отношение к истории Албании. А то, с чего начинается эта глава в рукописях группы I и изданиях, представляет собой армянскую редакцию, которая излагает историю Армянской Церкви. Армянская редакция приближает текст «Истории албан» к тексту армянских источников [Агафангел].

6. Отличие рукописей группы II от группы I состоит в том, что в рукописях группы II наличествуют данные, которых нет в группе I. Так, в гл. 4 кн. I группы II читаем: «От детей [потомков Арана], говорят, произошли народы Утийского, Гардманского, Цовдийского и Гаргарского княжеств». Дополнительным является «Цовдийского и Гаргарского княжеств». В гл. 8 кн. I группы II читаем: «Царевич аланский [брат Сатиняк] попадает в руки Арташеса». А в группе I речь идет об албанском царевиче.

7. Колофон списков «Истории албан». Характерной особенностью средневековых рукописей является наличие колофона – приписки, в которой сообщаются имя переписчика, время и обстоятельства переписки, имя заказчика и пр. Существует определенный канон написания колофонов. Колофон (древнеарм. хишатакаран) – это документальный источник для точной датировки раздела, части, рукописи (в которой он зафиксирован), для изучения многих вопросов истории.

Исследование двух списков «Истории албан» убеждает в

необходимости выявления и издания колофонов, что диктуется не только их значимостью для изучения истории Албании, но и тем обстоятельством, что некоторые исследователи неправильно их понимают и трактуют. Так, наличие имени переписчика Адриана в одном из колофонов натолкнуло З.И.Ямпольского на мысль, что автором всей рукописи «Истории албан» является этот Адриан.²³⁵ Это мнение должно быть отвергнуто, ибо распространение его затрудняет выявление имени действительного автора.

То, что Адриан – переписчик, и текст, связанный с ним, колофон, удовлетворяющий всем требованиям канонического колофона, совершенно очевидно: «Я, Адриан, писавший это упоминание, прошу Вас, читателей, упомянуть меня недостойного, и не забывать патриарха Аббаса, в дни которого явился свет в стране нашей, вместе с ними и Вехика, предтечу их, которого да помянет Господь по великой милости своей. Вы же, которые, помяните нас, да воздаст вам Христос возмездие с блаженными мучениками, ныне и присно. Аминь» (*Каланкатуйский*, II, 6).²³⁶

8. При нынешнем состоянии изученности рукописей двух групп, а также реалий того времени, можно допустить, что из двух групп рукописей ближе к подлиннику стоят рукописи группы II (схема 1), которые не подвергались изменениям, не привлекали должного внимания армянских исследователей и потому сохранили следы албанской редакции.

«Среди закавказских источников едва ли можно найти памятник по своей исторической значимости равный «Истории страны алван», – такую оценку памятнику дает кавказовед А.П.Новосельцев. Это – «прежде всего источник по истории предков азербайджанцев и армянского населения Нагорного Карабаха. Памятник содержит также ценнейшие известия о хазарах, интересные данные по истории Грузии... материалы по Ирану».²³⁷

*б) Мхитар Гош, Киракос Гянджинский, Давид Алавик,
Смбат Спарпет, Хетум Патмич, Степаннос Орбели,
Григор Патмич (Магакия), Вардан Аревелци (Албанский),
Есаи Хасан-Джалалян, Макар Бархударянц*

К албанской литературе V–VIII вв. относится также албанская агиографическая литература, хроника албанского католикоса

Виро, а также «Элегия албанского поэта Давтака «На смерть великого албанского князя Джеваншира».

Как известно, после падения Албанского царства в связи с арабским завоеванием в 705 г. Албания перестает существовать в своих исконных пределах от Аракса на юге до Дербента на севере. Албаны равнинной части, приняв ислам, были ассимилированы тюрками. Но в горных частях исторического Азербайджана – а именно в юго-западной и северо-западной частях, часть албан этнически сохраняется со всеми признаками, свойственными этносу.

Наблюдается в IX–XIII вв. новый виток политического, экономического и культурного развития албан, т.е. албанский ренессанс. Это период образования албанских царств в Шеки, Сюнике, Утике, Арцахе – Албанского – Арцахского – Хаченского княжества – царства, возглавляемого потомками албанских Михранидов – Гасан Джалалом и его преемниками.

Именно с этого периода возвышается роль города Гянджи, который становится центром духовной албанской культуры, а также центром мусульманского ренессанса. Этот город дал средневековой христианской культуре таких известных представителей местной албанской историографии, как Давид Алавик, Мхитар Гош, Киракос Гянджинский, Вардан Великий – Аревелци (Восточный) – Албанский, Григор Патмич, Смбат Спарпет, историк Хетум (Хетум Патмич), которые в своих бесценных трудах отразили отдельные аспекты албанского общества, его политической, духовной жизни. Их труды также осветили политические события, имевшие место на Кавказе в XI–XIII вв. – периоды сельджукского и монгольского господства как на Кавказе, так и в Передней Азии, сохранили ценные сведения об истории Грузии, Армении, Византии, об истории христианства, вообще, и албанского христианства, истории Албанской Апостольской Автокефальной Церкви, в частности.

К разряду памятников местной албанской историографии относятся труды Мхитара Гоша. Видный деятель албанской культуры Мхитар Гош был автором большого количества притч, басен, знаменитого «Судебника», «Албанской хроники» и одного агиографического сочинения – «Мученичество Хосрова Гандзакского» – Гянджинского. Известный правовед, Мхитар, по прозви-

щу Гош, уроженец города Гандзака – Гянджи, которую он именует «матерью городов», «метрополией»,²³⁸ получил образование у вардапета Йовханнеса Тавушского, а затем в Киликии.²³⁹

Мхитар Гош пользовался большим авторитетом, а в вопросах догматики, церковного ритуала, а также в вопросах, относящихся к церковным распорядкам и монастырскому уставу, мнение его рассматривалось как решающее.²⁴⁰ Гош был основателем монастыря и монастырской школы Нор Гетик [в районе совр. Газаха], которая стала прославленным очагом просвещения как Албании, так и сопредельных стран. Сюда стекались не только для учебы, но и для совершенствования своих знаний. Нор Гетик назывался также Гошаванком (монастырем Гоша).

Известными учениками Мхитара Гоша были Вардан Аревелци (Восточный) и Ванакан Вардапет. Ученик Ванакана Киракос Гянджинский и оставил большую часть тех сведений, которыми мы располагаем о «духовном деде» его Мхитаре Гоше.²⁴¹

Мхитар Гош перебрался из Гянджи в Хачен и поселился в монастыре Гетик, где пребывал до землетрясения 1139 г., разрушившего монастырь. С помощью хаченского князя Вахтанга и его приближенных Мхитар Гош основал упомянутый выше монастырь Нор Гетик (Новый Гетик), где и умер в 1213 г.²⁴² В «Албанской хронике» Мхитара,* представляющей собой, по замыслу автора, продолжение истории, написанной Дасхуранци-Каланкатуйским, изложены события, происходившие в Албании в течение 1130–1162 гг., в период господства Сельджуков.²⁴³ «Но начатое Гошем произведение осталось незаконченным».²⁴⁴

В рукописи № 1237 «Албанской хроники» имеется концовка: «...составление этой хроники по причине гонений отечественных, но не иноземных, которые бременем легли на наши плечи, и было отложено, – мы сочли необходимым также включение в нее списка католиков албан, и надлежащим образом, объединив, мы [также] имели бы теперь их всех в следующем порядке».²⁴⁵ Этот список албанских католиков представляет для нас несомненную ценность, ибо в нем зафиксированы имена патриархов от основания Албанской Церкви вплоть до XII в. включительно. Интересен сам заголовок списка: «Список патриархов

* Армянский текст издан в 1901 г. Алишаном Г., английский - в 1958 г. Доусетом Ч. Дж., а русский - Буниятовым З. М. - в 1960 г.

албан, рукоположенных после владыки Елише (Елисей), который прибыл из Иерусалима».

Заголовок подчеркивает апостольское начало Албанской Церкви, а также то, что истоки ее восходят к городу Иерусалиму.

Памятником большой значимости албанской правовой науки является «Судебник» Мхитара Гоша, в котором выкристаллизовались правовые нормы прошлой жизни, отразились социальные и правовые отношения различных классов и слоев албанского общества.

В свое время З.М.Буниятов впервые верно обратил внимание на то, что заголовок правового памятника, созданного Гошем, в рукописи известен под названием «Датастанагирк – Судебник» и что издатели этой работы, добавив к названию слово «хайоц» (армян), образовали новое, не писанное самим Гошем название «Датастанагирк хайоц», т.е. «Армянский судебник». Основываясь на этом, а также на том факте, что Гош создал свой судебник по настоятельной просьбе «благородного главы церковей албанского дома» католикоса Албании Степанноса III и что источниками Судебника послужили как законы Восточной Римской империи, законы Моисея, так и албанские церковные каноны, З.М.Буниятов пришел к совершенно правомерному выводу, что Судебник Гоша следует считать памятником албанской литературы, написанным на грабаре.^{246*}

А.Ш.Мнацаканян, считая вывод З.М.Буниятова ошибочным и «пытаясь» опровергнуть его, тем не менее, вынужден признать и подтвердить, что действительно рукопись Гоша известна под заголовком «Судебник Мхитара Гоша» и слово «Армянский» В.Бастамянц (издатель Гоша)** «неправильно подобрал для публикуемого текста».^{247 ***}

Мы попытаемся выявить исторические предпосылки появления «Судебника».

* Список "Судебника" Мхитара Гоша № 488, датируемый 744 арм. летосчисления (1295 г.), носил заголовок "Судебник" Мхитара Гоша без слова "хайоц". Этот же список был схож со списком, принадлежащим албанскому епископу Саркису Джалаляну [восходящему к роду Гасан-Джалаловскому]. "Армянский судебник" Мхитара Гоша. Перевод Паповяна А. А., Ереван, 1954, с. XXXVI-XXXVII .

** Это единственное издание оригинального текста "Судебника" (М х и т а р Гош. "Армянский судебник". Вагаршапат. - 1880 (древнеарм. яз.)).

*** Что же касается опровержения Мнацаканяном А. Ш. мнения Буниятова З. М., то выкладки Мнацаканяна весьма примитивны, о чем будет сказано ниже.

Создание историко-правового документа – «Судебника» не было случайной волей или желанием одного Мхитара Гоша, – это было исторической необходимостью.

Дело в том, что до падения Албанского государства (VIII в.), во время правления албанских царей и сменивших их великих князей, социальные и правовые отношения общественных слоев страны, правовые нормы регулировались каноническими постановлениями (канонами) албанских соборов, а также светскими законами, издаваемыми правителями страны – царями, великими князьями.

В период же с VIII по XIII века в условиях отсутствия албанской государственности, отсутствия какой-либо единой власти в пределах всей страны большая часть албанского населения исламизировалась, деэтнизировалась и пользовалась мусульманским правом – шариатом. В эпоху сельджукского господства функционировало мусульманское право, основой которого является шариат. В шариатском суде разбирались почти все дела, кроме тех, которые касались государственных преступлений. По основам шариатского суда права немусульман в судопроизводстве были в какой-то мере ограничены и потому шариатский суд не устраивал как христиан, так и сам шариат. Судьи-мусульмане не рассматривали судебных дел христиан, а направляли их (христиан) судиться по своим законам.²⁴⁸ Оставшаяся часть албан – христианское население, находившееся в окружении иноверцев, сохранялось только благодаря Албанской Автокефальной Апостольской Церкви, которая выступала в роли центральной общезнаменитой организации. Именно в этих условиях намечалось и созревало политическое и культурное возрождение албанского княжества – царства (Хаченского), наблюдался подъем албанского самосознания, появилась необходимость создания для албан-христиан своего юридического документа, который бы регулировал все стороны их жизни. С помощью «Судебника» албаны-христиане могли бы противостоять не только чуждым религиозно-политическим влияниям, но и идейному единению с чужими христианскими церквями.²⁴⁹

К этому времени накопилось большое число как переводных (с сирийского, греческого, армянского), так и местных оригинальных канонических текстов.

«Судебник» Мхитара Гоша был создан только для албан – и в этом не должно быть никаких сомнений. Как известно, армяне имели свои правовые памятники – «Армянскую книгу канонов» («Канонагирк»), созданную в VIII в. Одзнеци.²⁵⁰ Как известно, ученые армянской историографии, все без исключения, считают «Судебник» Гоша армянским.²⁵¹ Тогда напрашивается вопрос, какая была необходимость при наличии «Канонагирка» Одзнеци, которым пользовались армяне и который прекрасно удовлетворял нужды армян вплоть до XX в.,²⁵² создавать в XII–XIII вв. новый «Судебник» Гоша [среди многочисленных источников которого был также и «Канонагирк»]. И если «Судебник» Гоша все же создан для армян в XII–XIII вв., то напрашивается еще и другой вопрос, – какая необходимость создавать Смбату Спарпету новый «Судебник» для киликийского населения, главным источником которого послужил все тот же «Судебник» Гоша.²⁵³ На наш взгляд, это можно объяснить исходя из реалий албанских и армянских просто и логично тем, что армянский «Канонагирк» Одзнеци не соответствовал общественному строю, правовым нормам, судоустройству и судопроизводству албанского христианского населения, точно так же албанский «Судебник» Гоша оказался не вполне приемлемым для судоустройства Киликии с ее смешанным пестрым населением, среди которого были и албаны, и армяне, и другие этносы.

Гош создавал свой «Судебник» для албан, что подтверждается целым рядом доказательств. В этом отношении очень красноречиво Введение. Так, Мхитар Гош в обширном предисловии, отмечая цель и задачи создаваемого им труда, датирует начало своей работы тремя синхронными датами: по армянскому летоисчислению, по так называемой Малой армянской эре и по «ромейскому исчислению». «Предприняли мы это дело в 633 году армянского летоисчисления: вычтя цикл (в 532 года), будет 101 г. по календарю, который называется (у нас) Малым календарем, а по греческому летоисчислению – в 405 году (т.е. 1184 г.)...».²⁵⁴

Итак, «у нас» – у албан существовал даже свой метод летоисчисления, в отличие от армянской эры – Малый календарь, по поводу которого И.А.Орбели вынужден был отметить, что он «не получил широкого распространения, но *принятый в Арцахе (арменизированной Албании)*».²⁵⁵

Далее Мхитар Гош лаконично характеризует эпоху, политическое положение страны, обстоятельства, при которых он творит свое сочинение: «...в годы издавна наступившего безвластия *в царстве нашем*: в то время, когда оставались еще лишь немногие князья в странах Хачена, *во дни* принявшего иночество [князя], прозванного *Хасаном*, и его сына Вахтанга, который [пребывает] в крепости, именуемой Хайтерк [Атерк. – Ф.М.], и *является главой других князей*, и в странах Киликии – великого князя Рубена; в год, когда умер победоносный царь Грузии Георгий, в патриаршество над Великой Арменией владыки Григория и в первосвященство *в стране нашей Албанской владыки Стефана*». ²⁵⁶ Как верно заметил И.А.Орбели, Гош подчеркивает в этом фрагменте соответствие Киликийскому великому князю, в ближайшем будущем королю, старших из князей Албании (Хачена-Арцаха), которая является для Мхитара Гоша родной – «в нашем царстве», «в стране нашей Албанской». ²⁵⁷ И.А.Орбели сделал еще одно замечательное наблюдение, что «Мхитар, указывая хаченских князей, не упоминает вовсе ни Захарию, ни Иванэ Долгорукых, ²⁵⁸ представителей сильнейшего из армянских родов того времени...». ²⁵⁹ И тем досадней и непонятней, почему И.А.Орбели, сделав такие интересные наблюдения, совершенно беспочвенно продолжает считать Мхитара Гоша армянским автором: «Это еще раз подчеркивает, что, несмотря на свою *принадлежность армянской церкви*, несмотря на полную *самоотдачу* армянскому народу, и, находясь под *воздействием армянской культуры*, в которой он с детства рос, Мхитар не потерял сознания своей связанности с Араном [Албанией. – Ф.М.] и с его самым большим и значительным после разрушения Партава (Барды) городом, родным для него Гандзаком, т.е. Гянджой». ²⁶⁰

Напротив, из введения к «Судебнику», а также из данных Киракоса Гянджинского о Мхитаре Гоше явствует, что Гош был албанским христианином, вардапетом (учителем) Албанской Церкви, а так называемая «самоотдача армянскому народу», т.е. служение Гоша «армянскому народу», на деле реально выглядит следующим образом:

1. Проповедническо-просветительная деятельность Гоша имела место в пределах исторической Албании; «Много было людей, учившихся у него (Мхитара) искусству проповедничества,

ибо молва о мудрости его распространилась повсюду. *Приходили к нему со всех концов*». Далее: «Множество людей, имевших сан вардапета, из-за такой славы его скрывали свой сан, приходили к нему и вместе с его учениками обучались у него и заново получали сан. Многие из его учеников добились чести стать вардапетами» (*Киракос Гандзакский*, гл. 15).

Прославленными учениками Мхитара были албанец Ванакан, будущий учитель самого Киракоса Гянджинского и Торос из армянской Мелитены, отец которого был армянином по происхождению, а мать – сирийка (*Киракос Гандзакский*, гл. 15). Итак, где здесь «полная самоотдача армянскому народу»?

2. Творческая деятельность Гоша: написание «Албанской хроники», в которой он отразил историю албан, «земли Албании», «страны албан», а также привел список албанских патриархов с IV по XII в. включительно; написание «Судебника» по заказу – настоятельной просьбе и требованию албанского католика Степанноса III и который должен был служить албанскому населению; написание агиографического сочинения – «Житие Хосрова Гандзакского», опять же – житие албанского христианина. Как можно здесь усмотреть в деятельности Гоша «самоотдачу армянскому народу?»

Что же касается «попыток» А.Ш.Мнацаканяна зачислить Мхитара Гоша и его «Судебник» в актив истории армянского народа, то у него никаких научных аргументов нет. Данные, приводимые им, и его логика, напротив, убеждают в обратном.

Так, А.Ш.Мнацаканян сообщает, что Гош, узнав о грузинском епископе Кюрионе, писал, что тот «обуян завистью, что престол Сюникский и Агванский в большем почете, чем его (престол), потому отделился от нас».²⁶¹ В этом пассаже и намек нет в пользу концепции А.Ш.Мнацаканяна. Если он пытается усмотреть это в местоимении «нас», то напомним, что Кюрион отделился идеологически-конфессионально от вероисповедания монофизитского толка, приверженцами которого были и армяне (Армянская Церковь) и албаны (Албанская Церковь) и Коптская Церковь, и Яковитская. «Нас» следует понимать албан. А.Ш.Мнацаканян, называя Гоша «гениальным представителем армянской и мировой юридической мысли», тут же отмечает его активную деятельность прежде всего в «Восточном крае Армении».²⁶² А под «Восточным

краем Армении» А.Ш.Мнацаканян и все армянские исследователи понимают правобережную Албанию, т.е. территорию междуречья Куры и Аракса, т.е. фактически Албанию. Следовательно, так или иначе, а Гош был деятелем Албании.

Известно, что албанский католикос Степаннос, покровитель Мхитара Гоша, с которым отношения Мхитара были осложнены, сильно настаивал и торопил Гоша создать «Судебник», на что имеются глухие жалобы Гоша.^{263,264,265} А.Ш.Мнацаканян совершенно голословно утверждает, что отношения между Гошем и Степанносом были испорчены из-за того, что католикос занял враждебную позицию по отношению к армянскому духовенству и что труд Гоша (Судебник) «должен был подвергнуться ожесточенным нападкам и, прежде всего, со стороны католикоса Агванка, поскольку автор этого труда [Гош. – Ф.М.] *настойчиво стремился утвердить традиционный авторитет армянской церкви, и веру, которую исповедовал армянский народ*».²⁶⁶ Дело в том, что Гош был далек от такого «стремления», что явствует особенно из статьи 113 «Судебника» «о девяти чинах» – «о церковной иерархии», которую армянские ученые считают чьей-то фальсификацией.²⁶⁷ В этой статье Гош, следуя албанской историко-правовой традиции и пользуясь «Историей албан» Моисея Каланкатуйского, толкует о необходимости наличия в церковной иерархии девяти чинов, согласно которым Албанская Церковь была патриаршей, т.е. автокефальной. В статье сказано: «...этими побеждены были армяне в споре о вопросах веры с ромеями и франками, как повествует «История агван» («Судебник», ст.113)». Да и кроме всего прочего, исходя из посылок А.Ш.Мнацаканяна «о враждебной позиции» албанского католикоса Степанноса по отношению к армянскому духовенству, вытекает совершенно другое следствие, а именно: существовали разногласия между церквями армянской и албанской,²⁶⁸ и албанский католикос стремился создать для своего албанского христианского населения свой «Судебник», что Гош и сделал.

На всех страницах своей книги «О литературе Кавказской Албании» автор доказывает, что агваны – это восточные армяне, т.е. часть от целого. А дойдя до шедевров албанской литературы, в частности до Мхитара Гоша, он утверждает, что «разве отторгнутый Мхитар Гош [имеется в виду «отторжение», проделанное

З.М.Буниятовым. – Ф.М.] вместе со своим творением станет собственностью агван? Конечно нет!».²⁶⁹ Спрашивается, почему албанская принадлежность Гоша (его албанское происхождение, творения для албан) так пугают А.Ш.Мнацаканяна? Ведь согласно его логике албаны-агваны – это те же армяне, часть их. Однако упорное стремление А.Ш.Мнацаканяна доказать обратное приводит его к невольному противопоставлению армян албанам и наоборот, что подрывает истоки его концепции.

Единственный довод его – это язык творений Гоша, который был древнеармянским. Но это объясняется исторически сложившимися условиями, о чем скажем ниже.

Возвращаясь к «Судебнику», отметим источники этого памятника. Сам Гош пишет: «Подобало бы, чтобы составление «Судебника» было осуществлено при рассмотрении его собором или при участии многих. Сам я охотно просил об этом, но это по многим причинам не состоялось. Но поскольку это не состоялось, мы этот недостаток восполняем писаниями, берем в свидетели их силу и веления и особенно содержащиеся в них решения по действительно имевшим место делам, равно и достоверные [по лично нами виденному или слышанному. – И.О.] законы каждого народа.

Посему мы, собрав законы из сих писаний и от народов, начертаем их и будем свободны от упреков».^{270,271,272} Итак, Гош сам называет свои источники – Писания и законы каждого народа.

В конце Введения Мхитар уже конкретно называет свои источники: 1) обычное право, 2) предания христианских народов, имеющие юридическое значение, 3) мусульманские законы, 4) Ветхий и Новый Заветы и 5) каноны армянских церковных соборов. Как было отмечено, А.А.Паповян опустил албанские каноны.²⁷³

Ко времени создания Гошем «Судебника» существовало, конечно, большое количество как переводных, так и оригинальных канонических текстов:

1. Библия, каноны трех первых вселенских соборов, апостольские каноны, каноны «святых отцов» (Василия Великого, Афанасия Александрийского и др.). Перечисленные каноны – это нормы внешние, рецепированные, общие с другими церквами христианского Востока и обязательные для всех христиан.

Они носили догматический и организационный характер.

2. Местные албанские каноны, разработанные Албанской Церковью. Что же касается «Канонагирка» (армянской «Книги канонов»), то общими у нее с «Судебником» Гоша были лишь нормы внешние. Каноны же армянских соборов, посвященные порядкам внутренней жизни армян, не использованы Гошем, что вынужден признать сам В.А.Акопян.²⁷⁴ «Судебник» Гоша обслуживал нужды албан, регулировал нормы их общественной жизни. Это подтверждается еще тем фактом, что «Судебник» создавался как по настоянию албанского католикоса, так и по настоянию албанского (хаченского) «князя князей» Вахтанга, которые, несомненно, преследовали для себя практическую цель. В одной из рукописей «Судебника» имеется приписка чрезвычайной важности (хранится в библиотеке венецианских мхитаристов), где сказано: «Да дарует Бог боголюбивому и благочестивому князю князей Вахтангу, сыну Гасана, волю безошибочно от правлять заповеди этого «Судебника».²⁷⁵

«Судебник» сохранил свою жизненность для албанских христиан и в последующие века, вероятно, до 1836 г. Он имел применение и у других народов. Неотступное желание Гоша, чтобы его «Судебник» исправлялся, дополнялся, обогащался в будущем «в соответствии с обстановкой и требованиями жизни» и времени, оправдалось.²⁷⁶ В начале XVII в. большая часть «Судебника» Мхитара вошла в Уложение грузинского царя Вахтанга, которое действовало «не только до присоединения Грузии к России, но и в русских судебных установлениях для закавказских областей в течение первых десятилетий XIX в. и соответственно вошло в состав Свода законов Российской империи».²⁷⁷

Кроме «Судебника» перу Мхитара Гоша принадлежит агиографическое сочинение, хвалебное слово, посвященное Хосрову Гянджинскому, которое в рукописи названо «Панегириком вардапета Мхитара, по прозвищу Гош, новому мученику Хосрову» (на древнеармянском языке).

Структурно сочинение делится на две части – вступление и историю подвижничества, мученичества Хосрова. Для нас представляет определенный интерес само вступление, где отражено экономическое, политическое положение страны после сельджукских походов, «когда царили беззаконие, насилие и

смерть».²⁷⁸ Вступление повествует о постоянных войнах, происходивших между сельджукскими эмиратами Хлата и Гандзака (Гянджи), с одной стороны и войны этих эмиратов с Грузией, – с другой. Несомненно это разоряло албанское население.

«Царь соседней с Албанией Иберии также захотел опустошить страну, лишит ее людей и скота; особенно сильному разрушению подверг он плодородную и богатую страну Утийскую».²⁷⁹ Мхитар Гош отмечает страшное падение нравов, усиление взяточничества: «Патриархи, также священники рукополагали за серебро». Далее он сообщает: «Настолько все обнаглели, что настоятелями церкви становятся не только миряне, которые не рукоположены в священники, но и их жены. И всякий смело совершает преступление, не боясь никого и не осуждаемый никем».²⁸⁰

Ценность этого сочинения в том, что оно отражает мировоззрение, политические взгляды Мхитара Гоша, считающего, что только *единство князей перед лицом врага может спасти страну от порабощения*. Это сквозит в его взгляде и на судьбы армянских князей и он с укором пишет, отмечая особенность армянских князей: «...они (ишханы - князья) предпочли быть в услужении у любого народа, чем повиноваться друг другу и быть свободными».²⁸¹

Кроме всего прочего, это житие дает ясное представление о политическом положении страны накануне (или во время) создания «Судебника» Мхитаром Гошем и еще раз свидетельствует о том, что появление этого труда было исторической необходимостью. Датирует Мхитар свое сочинение в традиционной для него манере – датирование с синхронизацией.* Так он сообщает, что Хосров Гянджинский «Св. мученик Христа преставился в Аране, в столице Гандзака (Гяндже) в 616 (1167) г., на третий день месяца арац... *в царствование греческого императора Кир-Мануила, в правление армянского князя Тороса, которого греческий император и грузинский царь Георгий почтили княжеским титулом, в княжение Гасана, сына Вахтанга из Хачена, и в патриаршество [духовных] владык Большой Армении родных братьев*

* Вообще этот метод датирования характерен для албанской литературы. См.: Хронологическую систему Каланкатуйского. См.: Мамедова Фарида. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник, с. 49-60.

*Григориса и Нерсеса, при духовном владыке страны Агванк Степанносе и владыке Иоанне, епископе г. Гандзака – [Гянджи], при правителе восточных [стран] Ильдегизе, в царствование Асланшаха, государя эламитов и персов, у нас же в царствование Иисуса Христа...».*²⁸²

К числу албанских правовых памятников относится небольшой сборник канонов, принадлежащий перу Давида, сына Алавика (далее Давид Алавик) из города Гянджи-Гандзака (XI–XII вв.). Мхитар Гош и Смбат Спарпет при составлении своих Судебников пользовались канонами Давида Алавика.

Принимая во внимание этот факт, а также важность этого редчайшего албанского памятника, созданного бесспорно для албан, албанского населения Арцаха, Утика – Гянджи, Шеки XI–XII вв., учитывая малоизученность его, считаем целесообразным привести почти полностью исследование-введение (к канонам), сделанное Ч.Доусетом.²⁸³

Давид из Гандзака «Канонический совет-инструкция» Введение

До недавнего времени «Xratk kanonakank» – «Каноническое предостережение»* – инструкция, совет, работы Давида, сына Алавика, написанные в Гандзаке в начале XII в., оставались довольно неясными. Несколько мнений, выраженных в XVIII и XIX вв. относительно этой работы, были в значительной степени нелицеприятными. Так, М.Чамчян считал эту работу «хаотичной и непонятной»,²⁸⁴ С.Ф.Нейман полагал, что эта работа не имеет особого значения, поскольку она написана без определенного порядка, да еще таким необработанным и запутанным стилем, что с трудом можно уловить какой-либо смысл.²⁸⁵ Я.Дашян в свою очередь также прокомментировал эту работу как состоящую из «в основной массе глупых тем»²⁸⁶ и, помимо того, армянские литературные исследования XIX в. относятся к ней с весьма малой долей уважения.²⁸⁷ Тем не менее, следует отметить, что вся эта критика является необоснованной. Однако в 1906/7 г. К.Костанян²⁸⁸ написал статью, в которой привлек внимание общественности к уникальному характеру работы Давида из Ганд-

*Далее Xratk.

зака. В ней он подчеркнул, что работа Давида является важным источником, обеспечивающим достаточно достоверной информацией о верованиях времен жизни автора.²⁸⁹ В 1910 г. Г.Алишан процитировал несколько выдержек из *Xratk* – в своей работе по истории древних религиозных армянских верований. Значение этого источника по истории армянского права было исследовано Х.Самуэляном в 1939 г.²⁹⁰ И поэтому последующие литературные исследования рассматривали эту работу с куда большим уважением.²⁹¹ В 1947 г. большое внимание привлекла работа об албанском вардапете, написанная И.Месерьяном, который посвятил этому источнику параграф в своем Бюллетене арменистики, включая критическую библиографию, описание шести манускриптов известной ему работы, резюме различных тем, рассмотренных вардапетом, и оценку его места среди армянских законодателей. В этой статье он подчеркивает необходимость издать армянский текст и полностью изучить данную работу, причем первое было до некоторой степени удовлетворено в 1952 г. изданием А.Абрамяна в «Эчмиадзине», ежемесячном журнале верховного католикоса Армянской Апостольской Церкви текста *Xratk*,²⁹² на котором эта книга и основывается. Сравнительно недавно, в 1960 г., значение этой книги было подчеркнуто А.Тер-Полосяном.

О жизни Давида, сына Алавика, нам известно довольно мало. Киракос Гандзакский заявляет, что Давид происходил из региона Гандзак, и он датирует его смерть 589 арм. годом (1140–1141), то есть между 15 февраля 1140 и 13 февраля 1141.²⁹³

Вардан Аревелци, албанский писатель, разделяет мнение Киракоса.²⁹⁴ Самуэль Анеци считает датой смерти 580 арм. год (1131–1132), «просвещающего и святого вардапета Давида». Далее Киракос называет Давида, сына Алавика, как одного из тех, кто в 588 г. (1139–1140) обращался к Григорису, католикосу Армении, с предложением провести выборы преемника албанской епархии, которая оставалась вакантной в течение 8-ми лет, что и подтверждает истинность даты смерти в 589 арм. год. Другой соотечественник Давида - Мхитар Гош, по этому поводу сообщает больше подробностей,²⁹⁵ однако не упоминает о том, что Давид написал Григорию, а говорит, что «в 588 году арм.

(1139–1140) святейший епископ Сахак из дома святого патриарха владыки Григориса католикоса Армении пришел из Армении по указанию Григориса и следуя просьбе и почину вардапета Григора в нашей стране (Киракос: Григор сын Tokaker из Гандзака), который был учеником славного и известного вардапета Давида». Мхитар называет другого ученика Давида - вардапета Саргиса, как участника последующего собора, проведенного 11 июня 1139 г., но не самого Давида. Из отчета Мхитара можно предположить, что Давид был слишком стар, чтобы принимать активное участие в этих делах, но это не означает, что к тому времени он был мертв. 1140 г. является принятой датой его смерти, которую разделяют Костанян, Самуэлян, Месерян и другие, и предполагают, что он родился приблизительно в 1070 г.²⁹⁶

Многие выдержки из Xratak, свидетельствующие об отношениях между христианами и неверными (**под неверными подразумеваются курды**),²⁹⁷ показывают, что Давид жил во времена потрясений для своей церкви и своего народа. Христиане подвергались различным унижениям: мусульмане оскверняли святы места, пищу, а женщин делали женами, наложницами и прислугой. Церкви же в любое время могли угрожать те, кого Давид называет «безнадежными тиранами» (гл. 37), и нападки на христиан были известны (гл. 59). В начале XII в. единственным регионом Кавказской Албании, сохранившим некоторую независимость, был Хачен, часть древней провинции Арцах, который по Xratak представляет средневековую христианскую общину, политически изолированную от остального христианского мира. С 970 по 1075 гг., то есть почти столетие до даты рождения Давида, Гандзаком – Гянджой правили курдские Shaddadids (Шаддадиды), а начиная с 1075 г., Гандзак был в руках Сельджуков, и смерть Давида близко совпадает по времени с тем Кара Сонгуром (Санджаром), который был эмиром Азербайджана и Аррана в Гандзаке, и последующее наследование Djawali в 1140–1141 гг. За 8-летний период, предшествующий его смерти, епархия Албании была без своего пастыря. При отсутствии албанского католикоса беспорядки возросли и это наводит на мысль: не формировал ли этот фактор часть первоначальной композиции²⁹⁸ Давида - глава 97 кажется особенно интересной в этом отношении. Если священники, преследуемые за различные преступления,²⁹⁹ исключача-

ются из юрисдикции Албанской Церкви, то долгом албанского католикоса было дисциплинировать их, и любые непрошенные комментарии со стороны вардапета Гандзака не могли быть правильно понятыми. Поэтому кажется возможным, что в то время не было никакого албанского католикоса, и что данная глава была написана между 1131 и (11.6.) 1139 годами. Давид был рожден в смутное время, и его работа **большой исторической важности, позволяет взглянуть мельком на жизнь и менталитет Кавказской Албании на стыке XI и XII вв.**, обеспечивая нас информацией по повседневным проблемам ее жителей, их преступлениях и проступках, церемониях и суевериях.³⁰⁰

Целью вардапета было составить книгу покаяния, толкующую и конкретизирующую Святое Писание как руководство для священников, при исполнении их долга, наложении епитимьи, или временного отлучения, на заблудших членов паствы. Или, выражаясь более точно, чтобы собрать серию ответов на серию вопросов, задаваемых ему при исповеди. Только что посвященный в духовный сан священник ежедневно сталкивался бы с исповедями о различных проступках, по которым существующие каноны не давали подробного наставления. Многие главы Xratk должно быть имели дело со специфичными делами, как например, в многочисленных случаях, когда матери, засыпая, могли придавить собой своих детей (гл. 40) или об утонувших детях, отцы которых в это время пьянствовали. Что должен был сделать священник, столкнувшись с такими вопросами при исполнении своего долга? Абрахамян называет это книгой канонов, но так озаглавить можно только один MS³⁰¹ (манускрипт), хотя и некоторые другие относятся к нему как к канонам Давида.³⁰² Конечно Давид, не имел полномочий издавать каноны и те, аккуратно озаглавленные манускрипты, которые относятся к работе «Вопросы о различных религиозных делах и возникших проблемах», «Предостерегающие рекомендации по различным вопросам религии», Xratk Канонаканк («Канонические предостережения») или просто Xratk («Совет-предостережение»). Можно заметить, что 70 глава так и озаглавлена – Xratk Канонаканк.³⁰³

Xratk или инструкция, содержащая практические советы священникам и мирянам, формирует своего рода внутреннюю религиозную литературу.³⁰⁴

Большая часть работы Давида состоит из уточнений степеней покаяния, т.е. отлучение от святого таинства, варьируясь от глубины греха и возраста грешника, духовного или мирского положения, намерений грешника. Самым суровым наказанием является отрешение от должности, что означает полное отлучение, как в случае с женами, которые травят своих мужей (гл. 74). **Также трудно определить источники правил у албанских вардапетов, как и определить, чьи это книги по покаянию в Западной Церкви.** Но несомненна связь с общими раннецерковными канонами (апостольские, Никейского собора) и канонами различных армянских соборов и католикосов (Святой Сахак Великий, Нерсес из Аштарак, собор Двина).³⁰⁵

Давид во многом отличается от своих армянских предшественников, так например, собор Шаапиван предписал штрафы для тех, кто советуется с ведьмами, в то время как глава 95 предусматривает за это пожизненное покаяние. По некоторым вопросам точка зрения Давида поразительно индивидуальна.³⁰⁶

Ко времени становления кондака Давида Алавика существовали Каноны, принятые Армянской Церковью уже в VIII в., которые были собраны Католикосом Йовханесом (Одзнеци). Судебник Одзнеци мог быть в распоряжении вардапета Давида. И тем не менее невозможно указать на какую-либо специальную работу как на первооснову, на которой Давид основал свой свод епитимьи. Он обычно занимает независимую позицию по вопросам, которые интересуют его и очень редко упоминает о других источниках помимо Библии. Одно из нескольких исключений, найденных в 23 главе, где он упоминает предыдущих вардапетов. Маловероятно, чтобы он знал что-либо о книгах покаяния таких ирландских и англо-саксонских церковников, как Sts. Cumman, Finnian, Columbanus, Adamnan, Theodore and Egbert (VI–VIII вв.), распространенных в западной церкви.³⁰⁷ Более вероятно то, что он знал о греческом покаянии, приписанном Иоанну, Отцу, Патриарху (как Иоанн 4) Константинополя 582–595, чьи работы были переведены на коптский, сирийский, грузинский, славянские языки.³⁰⁸ Но у нас нет доказательств, что он знал их, стили двух работ очень разнятся, но общие рассуждения Давида сводятся к установке покаяния, например, должен ли возраст грешника превышать 30, в соответствии с греческим автором. Наиболее веро-

ятно, что албанский трактат был отдельным и независимым произведением, написанным, чтобы удовлетворить местные нужды, и факт того, что нет другой работы на армянском языке, схожей по важности, которая могла бы быть названной книгой покаяния, лишь только добавляет ей значимость. Одной из поразительных черт Хратк, если он полностью представляет собой реалии тех времен, является консерватизм Албанской Церкви в вопросах покаяния.³⁰⁹

Покаяние может сопровождаться коленапреклонениями, двумя видами поста, иногда тяжким трудом (гл. 81) и осуществляться прилюдно сначала за пределами церкви, а затем внутри. Это была упрощенная форма древней восточной системы публичного покаяния, в которой кающиеся делились на четыре «вида», – те, кто оставались за пределами церковной двери в течение всей службы; те, кто посещали часть службы, но могли причащаться только по завершении покаяния.³¹⁰ Ко времени Давида система публичного покаяния была уже задолго вышедшей из применения Византийской Церковью, а западная система смягченного публичного покаяния была вскоре полностью заменена на систему частного покаяния, полностью «уложенного» Четвертым Лютеранским Собором (1215). Давид был консервативным в этих делах, но вероятно, что «злые приматы и священники», критикуемые в 97 главе, относились к более развитой системе, заключающейся в изменении (меры пресечения) покаяния и церковной десятины, и возможно даже в торговле индульгенциями, столь распространенными в Западной Европе в XII в. Хотя Хратк имеет дело в основном с грехами против духа (души), но он также касается и деяний, направленных против общества и имеющиеся там наказания отражают привычные законы того времени.³¹¹

Так похитители, прямо или косвенно ответственные за смерть своих жертв, считаются виновными и должны быть преданы смерти (гл. 58). *Пауликане (навликиане) отравители, «должны иметь клеймо на своем лбу, их ноги отсечены, и они отправлены в лепрозорий» (глава 58).* Однако не многие главы посвящены гражданским делам, хотя убийство осуждается в главах 39, 40, 48, 58, 59, аборт и детоубийство – в 40, 48, 57, отравление – в 53, 74, воровство – в 79, ростовщичество – в 83,

проституция – в 75, и обсуждаются вопросы ответственности – в 39, 42, 43. Ясно, что Давид исключительно заинтересован в душе преступника, а не в его физическом наказании.

В деле с поджигателями, например, даже те, кто причиняют смерть другим (гл. 60), и в деле с ворами (гл. 79) предписываются только духовные меры наказания. В ряде случаев, где христианская совесть может быть обеспокоена расхождением между Божьим законом и Цезарем (императором, высшей земной властью), Давид даже поощряет верующего нарушить закон, как в главе 41, где христиане поощряются ко лжи и взяткам, дабы спасти бежавшего раба. Этот совет напоминает нам, что гражданские власти в этих восточных областях были не христианскими [мусульманскими – *Ф.М.*]. *Xratk* не является сводом канонических законов. Однако Давиду отводится свое место среди армянских законодателей и дается тщательная оценка его положения, проведенная Самуэляном, уместная быть приведенной здесь: «Это собрание Давида, сына Алавика, не может с полным основанием называться *datastanagirk*³¹² [судебник. – *Ф.М.*], и менее того - *ogensgirk* ... [правовой кодекс *Ф.М.*]». ³¹³ По-видимому оно было сформировано на базе армянских канонических «норм» и в значительной степени состоит из объяснений и наставлений по каноническим нормам и правилам. ³¹⁴

Однако рассматривая, с одной стороны то, что это первая попытка сформировать собрание «канонических правил» с их особым содержанием, среди которых есть нормы, касающиеся законов брака, наказания, и с другой стороны то, что они (правила) пользовались определенной распространенностью в Армении, Мхитар Гош представил ряд своих статей в *Datastangirk*, где заимствовал из *Xratk* слово в слово. Мы присовокупляем это составление под авторством Давида, сына Алавика, к ряду национальной книги законов, как попытку кодификации, хотя и осуществленную по личной инициативе и для ограниченных кругов. Мы называем *Xratk* «первой, хотя и безуспешной попыткой составить правовой кодекс (*ogensgirk*)», второй попыткой был *Datastanagirk* Мхитара Гоша. Среди своих соотечественников Давид, несомненно пользуется большой известностью как авторитет по каноническим законам, а Мхитар Гош, хотя не обозначал *Xratk* как свой источник, подтвердил эту известность, позаимст-

вовав эту работу во время составления своего собственного *Datastanagirka*. Костанян, последовав за Месерианом, указал на выдержки, позаимствованные им у Давида. Так, например, *Datastanagirka* I – 111, 112, 114; II – 109, 110 соответствуют главам *Xratk* 96, 35, 61, 41, 42 в указанном порядке. Киракос очень лестно отзывается о работе Давида: «красиво оформленная и полезная работа по каноническому закону» и Вардан Арвелци, возможно, в соответствии с Преамбулой к *Xratk*, где они называются *diwralur* как «легко слышимые и понимаемые», описывает эти каноны *diwrahas* как «легко доводимые до ума».³¹⁵

Во многих местах кажется, что текст больше состоит из грубых примечаний и памяток, чем из продолжительной прозы, и если стремятся защитить Давида путем приписывания данных огрехов переписчикам, как предполагает Месериан, то надо предположить, что искажение началось гораздо ранее, поскольку самый первый имеющийся в наличии манускрипт в XIII–XIV вв. (ереванский номер 5607, венецианский номер 511, иерусалимский номер 2481), находится в беспорядке.

Однако достоверно, что данная работа, имевшая большую практическую важность, позже подверглась значительным редакторским изменениям.³¹⁶ Камсян отмечает, что «те, кто скопировали ее, добавив хорошее и плохое, пропустили множество полезного материала».³¹⁷ Данная работа часто сокращалась³¹⁸ и примеры редакторских дополнений находятся, например в 69 и 86 главах.³¹⁹ Хотя Давид особо не старался классифицировать различные вопросы, которые он трактует под различными заголовками, некоторые из последовательностей глав, – когда они появляются в *Avr* по меньшей мере, естественно делятся на три группы.³²⁰

В заключение следует отметить, что создание «Канонов» Давида Алавика, также как и «Судебника» Гоша, было исторической необходимостью, **потребностью албан иметь свой христианский суд**, пусть церковный в той части исторической Албании, которая находилась под властью мусульманских эмиров, предоставлявших христианам-албанам самим отправлять свой суд.

Другим представителем албанской литературы является Киракос Гандзакский (Гянджинский) – тоже уроженец г. Гандзака

(Гянджи), родился около 1201 г., умер в 1272 г.³²¹ Источники именуют его и Аравелци, т.е. уроженец Востока, Восточный, а также Гетици, по названию монастыря Нор Гетик, где он обучался у Ванакана, ученика Мхитара Гоша и где прошла большая часть его жизни. Киракос знал албанский, армянский, персидский, турецкий, арабский языки. Труд Киракоса «История» – ценный памятник по истории албан, армян и грузин в период нашествия и начала владычества монголов. Киракос Гянджинский был очевидцем многих событий этого периода, современником монгольского нашествия, был большим патриотом своего родного города Гянджи, который он называет «великий и замечательный город Гандзак»; перечисляя ряд замечательных людей, он не забывает добавить, что они были из Гянджи, «откуда и я».³²² В 20-х годах XIII в. с появлением войск хорезмийского султана Джалаладдина Киракос с другими товарищами перебрался в Тауз [в области – гаваре Гардман в провинции Утик], к «великому учителю Ванакану», который основал в пределах крепости Тауз монастырь Хоранашат. Ванакан со своими учениками скрывались вначале в Хоранашате, а потом в пещере в горах, к югу от крепости Тауз, где Ванакан создал школу и книгохранилище.³²³ Из этой пещеры Ванакан с монастырской братией и учениками, среди которых был и Киракос, а также с приютившимися там крестьянами, летом 1235 г. был взят в плен монгольским полководцем Молар-нуином. У монголов Киракос сделался писарем-переводчиком. В составе монгольских войск были татары и другие тюркские племена. Киракос общался с ними. Осенью 1235 г. население крепостей [нынешнего Казахского района. – Ф.М.] выкупили из плена Ванакана, а Киракоса, как нужного человека, монголы оставили у себя. Но Киракосу удалось бежать из монгольского плена.³²⁴ Он обосновался в монастыре Нор-Гетик и приступил к написанию своего труда, который хронологически довел до 1265 г. Об этом свидетельствует его школьный товарищ, известный албанский историк Вардан Великий, Аравелци – Албанский, в своей «Всеобщей истории»: «Ныне, начиная с 685 г. армянской эры [1236 г.], до 714 г. [1265 г.] при жизни нашей, то, что совершило племя стрелков со странами ...с Персией и Албанией, с Арменией и Иберией... обо всем этом подробно описали... вардапет Ванакан и ...отец наш вардапет Киракос...».*

* "Всеобщая история" Вардана вардапета Великого. Венеция, 1862, с. 146-147 (древнеарм.яз.).

Структурно сочинение состоит из 63 глав (издание Т.Тер-Григорьяна – 63 главы), из коих Армении посвящены 15 глав, Албании – 29 глав (из коих 5 глав посвящены Киликии – албанским правителям – Хетумидам-Гетумидам), Грузии – 8 глав, а остальные главы отражают некоторые религиозные вопросы, общие для трех народов (албан, грузин и армян), а также вопросы политической истории государства Хулагуидов, их налоговой политики, завоевания ими Малой Азии и Месопотамии.

В своем сочинении Киракос отмечает, что его труд состоит из двух частей:

1. «Краткая история и перечень имен святого Григория и его престолонаследников» (всего 48 страниц, глава 2);
2. «Краткая история областей Албании, нижеизложенная» (6 страниц, глава 9).

В остальных главах изложены события, свершившиеся в Киликии, Иберии, Армении и Албании, а также процесс монгольского завоевания Кавказа и попытки завоевания Передней Азии. Причем, как было отмечено выше, Албании посвящено большинство глав.

Прежде всего, удивляет заголовок первой части труда Киракоса. Такой заголовок несвойственен армянским историкам-летописцам, в наименовании трудов которых обязательно находит отражение история Армянского государства, или история определенного армянского феодального рода, или история армянского народа. Первую часть Киракос Гянджинский начинает с описания периода Григория Просветителя, правления армянского царя Трдата, а затем последовательно перечисляет преемников армянских католикосов и армянских царей, излагая исторические события, происходившие за время правления каждого армянского католикоса. Практически в этом разделе излагаются политические события жизни армянского народа и дается история Армянской Церкви. Эта часть, в отличие от второй - («Краткая история областей Албании»), содержит множество исторических неточностей, несоответствий, а порой и фантастических сообщений, чего не скажешь о событиях, свершавшихся в Албании и изложенных им как в первой, так и во второй части.

Приведем несколько примеров. Киракос сообщает: «...наш родитель, святой Григорий, после просвещения *нашей армянской*

страны... рукоположил более чем 430 епископов» (*Киракос Гандзакецци*, с. 17). Достоверно, что это не может соответствовать историческим реалиям, так же как и сообщение Киракоса о поездке Григория Просветителя и царя Трдата в Рим для заключения «священного союза» (*Киракос Гандзакецци*, с. 17). Не подтверждается это и другими источниками. Упомянутое предание могло возникнуть в эпоху крестовых походов, когда имело место стремление римских пап распространить свое влияние на восточные христианские церкви, что нашло отзвук среди киликийского духовенства в период, современником которого был сам Киракос. Оно [предание] видимо и было создано, для подтверждения документа под названием «Договорный трактат» - «Дашанц тухт», который являлся явной фальсификацией. При киликийском царе Леоне (1185–1219) особенно сильно проявляются тенденции к соединению церковью Западной и Восточной, что поддерживалось частью киликийского духовенства во главе с епископом Нерсесом Ламбронским (*Киракос Гандзакецци*, с. 17, 202, примеч. 28). Не соответствует действительности и не подтверждается другими источниками и сообщение Киракоса о доставке «мошей» св. Григория, Рипсимэ и Гаянэ в Константинополь (*Киракос Гандзакецци*, с. 18). Легендарный характер носит и сообщение, что «Григорий [Просветитель] над гробом Господним повесил лампаду и молил Бога, чтобы она в праздник святой Пасхи возгоралась, без помощи приносимого огня, каковое знамение продолжается до наших дней» (*Киракос Гандзакецци*, с. 17) (т.е. до XIII в. - время жизни Киракоса).

Не соответствует действительности данное Киракосом событие, что армянский царь Тиран убил святого Иусика будто бы по следующей причине: император Юлиан (отступник) прислал в Армянскую Церковь доску с изображением дьявола, похожего на Юлиана с указанием установить ее в церкви, чему воспротивился св. Иусик (*Киракос Гандзакецци*, с. 20). В действительности же это событие не могло иметь места, т.к. Тиран и католикос Иусик умерли до того как Юлиан сделался императором. Согласно другим источникам (Фавстосу Бузандаци, Мовсесу Хоренаци), гибель Иусика произошла вследствие враждебных отношений армянского царя Тирана к Иусику (*Киракос Гандзакецци*, с. 20, 204, примеч. 50).

Примечательно, что первая часть, где изложена история армянского народа и в которой имеется много исторических несоответствий по истории Армении, отмеченных нами, содержит также некоторые сведения об Албании, которые при проверке оказываются исторически достоверными. Следовательно, Киракос был лучше осведомлен и подготовлен к изложению истории Албании, чем к изложению его, так называемой, «родной Армении». Хорошие знания албанских реалий наблюдаются как в первой части («Истории Армении»),* так и во второй, именуемой «Краткая история областей Албании». Отметим эти албанские реалии в первой части: данные о Санатруке, маскутском правителе, о св. Григорисе, о епископе Сюника – Степанносе, об албанском католикосе Виро, о Сюнийской церкви, об албанском католикосе h'Ованесе, об албанском католикосе Тер-h'Овсепе III, о рукоположении им армянского католикоса Тер-Барсега в 1080 г. и др. Большой интерес представляет авторское отношение к описываемым событиям, которое четко вырисовывает нарочитое подчеркивание армянского происхождения автора. Из предисловия автора [все подчеркнуто нами. – Ф.М.]: «Изучить историю, как **своей** страны, так и иноземную»; «...просвещение армянской **нашей** страны...»; «... особенно с нашим **армянским** народом», «...о разорении **нашей** армянской страны».

Проследим еще раз авторское отношение в первой части «Истории» Киракоса: «...Наш родитель св. Григорий, после просвещения **нашей армянской** страны», «...они нашли **нашу** страну и благоустроили её», «...цари греческий и персидский разделили **нашу** страну на две части», «...при Сааке в **армянской стране** воссиял великий свет науки»; «Мовсес по просьбе Саака Багратуни, написавший **историю Армении**», «...а царь персидский назначил марзбаном **Армении** Вардана и поручил ему **нашу страну**», «...особенно **нашему** армянскому народу».

Что же касается второй части сочинения, посвященной Албании, Киракос пишет: «А во второй части мы сообщим о просветителях Албании, как **родственного и единой с нами веры народа, тем более, что большинство князей их владели армянским языком и говорили по-армянски, цари их были подчинены ар-**

* Мы назвали условно, а в реальности она именуется: «Краткая история и перечень имен святого Григория и его престолонаследников».

мянским царям, находились под их властью, а епископы рукополагались св. Григорием и престолонаследниками его, народ же их с нами вместе остался в православной вере»,* а потому подобает, чтобы было упомянуто об обоих народах вместе».

Сам факт подчеркивания, что большинство албанских князей владели армянским языком свидетельствует о том, что албаны, вопреки заверениям автора, были другим этносом.

Мы подробно остановимся на несоответствии этих отрывков историческим реалиям. Во второй части сочинения Киракоса, посвященной Албании, чувствуется, что автор хорошо знает албанские реалии, историю Албании и албан, но в силу каких-то причин не досказывает отдельные, достаточно важные моменты. Так кратко, но верно он сообщает о миссионерской деятельности ученика апостола Фаддея, Елисея, назвав его «первым просветителем Востока», основателем церкви в Гисе, что вполне согласуется с данными албанских источников. Но, сообщая об албанском царе Ваче II, он приводит скудные, но не столь важные данные, к тому же логически и фактически неверные. «Затем Ваче, который **был насильственно** обращен в маздеизм царем Азкертом, убившим святого Вардана и его сподвижников [Вардана Мамиконяна в 451 г. – Ф.М.]. **В последствии он, (Ваче), оставив маздеизм, а с ним вместе свой трон, принял** иноческий чин и жил суровой подвижнической жизнью, примирившись с Богом, перед которым он провинился» (Киракос, с. 100). А главной причиной «отречения» Ваче, низложение его с престола было то, что он поднял албанский народ на борьбу против персидского господства и возглавил его. Эта антиперсидская, антисасанидская война длилась с 459 по 462 гг. Не зная этого Киракос никак не мог. Но здесь, в этом пассаже, Киракос не преминул упомянуть о Вардане Мамиконяне и его сподвижниках, ставших жертвой опять же антисасанидского движения (451г. –?!). К тому же, Ваче принял маздеизм притворно, как и представители армянской и грузинской знати, как отметил сам Киракос «насильственно», по принуждению, т.е. «не провинился».

Далее рассмотрим отдельные сообщения из этого раздела. «А цари из рода соплеменника h' Айка, Арана, который Вагаршаком Парфянским был назначен правителем тех областей,

* Т.е. в монофизитском вероисповедании.

следующие: Вачаган I...». Но, согласно данным другого албанского автора – Моисея Каланкатуйского – албаны происходили от другого колена Яфета, в отличие от армян, и Арана он не возводит к Хайку (ИА, I, 2,4). Киракос хорошо знал труд Каланкатуйского, на который ссылается: «...ибо тот, кто написал историю Албании» (*Киракос Гандзакеци*, с.100). Так, в связи с халкидонитской деятельностью Нерсеса-Бакура 704–705 гг., Киракос сообщает, что католикосом Албании армянский католикос Егия рукоположил Симеона, а между тем Симеон был избран Партавским собором. Как сообщает Каланкатуйский (III, 7): «После того собор избрал Симеона, мужа кроткого, и рукоположил его в католикосы агванские».

Согласно Киракосу, армянские католикосы рукополагали албанских католикосов после Нерсеса Бакура. Начиная с албанского католикоса h'Овсепа II (848–873) и перечисляя последующих тер Самуэла (877–897), тер Саака (927–945), Гагика I (947–961), он отмечает, что Давид (VI) (961–968) был рукоположен армянским католикосом Ананией.

Затем Киракос свидетельствует, что в течение двадцати пяти лет в Албании не было духовного руководителя. А после (по истечению 25 лет) албанским католикосом становится, согласно Киракосу, Гагик, рукоположенный армянским католикосом Григорием III Пахлавуни (1113–1166). Причем, армянский католикос Григорий (находящийся в то время в западных странах) «рукоположив посланного, приказал епископу Карина [Феодосиполь, нынешний Эрзрум. – Ф.М.] отправиться в страну албанскую и рукоположить Гагика в католикосы Албании. Епископ Карина Саһак и другой епископ, прибыв в Албанию, рукоположили **еще двенадцать епископов**, согласно требованию Писания, а потом рукоположили Гагика в католикосы» (*Киракос Гандзакеци*, с. 102–103).

Этот пассаж о рукоположении еще 12 епископов служит достаточным аргументом, подтверждающим, что последующие албанские католикосы могли избираться своими двенадцатью епископами, без рукоположения армянских католикосов. Не следует придавать серьезного значения сведению Киракоса о рукоположении албанских патриархов в IX–X вв. армянскими католикосами и делать на этом основании далеко идущие выводы. К то-

му же, сам Киракос в разделе «Краткая история и перечень имен св. Григория и его престолонаследников» сообщает, что **албанский католикос н'Овсеп III** по решению Кюрике, сына Давида, из рода Багратуниев, **рукоположил в Лори анийского католикоса Тер-Барсега в 1080/1081 г.**³²⁵

Что касается Албанской Церкви, ее автокефальности на протяжении всего VIII–XII вв., то еще один албанский автор XIII в. – Вардан Аревелци (Восточный) Албанский отмечает, что на вопрос арабского халифа Омара: «Сколько существует самостоятельных христианских церквей?», греческий император Лео III (717–741) ответил, двенадцать, и перечислил их, среди них упоминается и Албанская Церковь: «Эфиопская, египетская, римская, индийская, армянская, персидская... и албанская» (*Vardan Arewelci* (38))* . Согласно Летописи Смбата Спарапета, албанский католикос Тер-Степаннос (1040 г.) с албанскими епископами участвует в восстановлении на армянском патриаршем престоле Тер-Петроса (*Смбат Спарапет. Летопись*, с. 19).

Из всех этих эксцерптов следует один вывод – Албанская Церковь была автокефальной, а патриархи как Армянской, так и Албанской Церквей были равные сопрестольники. В определенных тяжелых ситуациях, когда в стране (Албании) или когда у армян в силу тех или иных обстоятельств Церковь была обречена, лишена (какое-то время) духовной власти патриарха, вот тогда патриарх другой Церкви помогал восстанавливать патриаршую власть. Но, в силу того, что Албанская и Армянская церкви были монофизитскими, поэтому они и участвовали (были вовлечены) в этих процессах.

На фоне выше изложенного очень важным представляется отношение Киракоса к одному из событий, изложенному во второй части «Краткой истории областей Албании». Он пишет: «... (албанский католикос Виро) освободил армян, иберов и албан, плененных сыном Джебу Хагана, Шатом, хазаром, **захватившим нашу страну**» [подчеркнуто нами. – Ф.М.]. Как известно и Джебу Хаган, и его сын Шат захватили только Албанию, не завоевывали Армению, ибо в то время не было такого государства. Вне всякого сомнения, что слова автора «нашу страну» относятся к Албании.

* Изд. R.W. Thomson. См.³²²⁾

При анализе авторского отношения к описываемым событиям, изложенным в двух частях («Краткая история...» армян и «Краткая история албан»), а также при рассматривании вышеизложенных эксцерптов, из коих преувеличенными, несоответствующими реалиям представляются сведения об армянских католиках, а в противовес им сведения об Албании и албанах представлены уничижающими, что тоже не соответствует реалиям, как-то: родственность албанского народа с армянами для автора XIII в., сведения о доминирующей роли армянского языка для XIII в. в Албании; о подчиненности албанских царей армянским, постоянном нахождении албанских царей под властью армянских; о подчиненности Албанской Церкви Армянской – все это начисто лишено исторической почвы и свидетельствует о том, что подобные данные не может привести историк из Гянджи, живущий в XIII в. среди албан, постоянно сохраняющих албанское самосознание, свое албанское политическое образование – в Арцахе, Утике, Гяндже, Шеки (IX–XIII вв.).

Вызывает недоумение на удивление хорошее знание Киракосом албанских реалий в «Краткой истории... армян» в первой части его труда, и настораживает избыточная неточностями, фантастическими сведениями, лишенными исторической почвы армянская история (в том же разделе). Наряду с этим, в изложении Киракосом «Краткой истории областей Албании» (II часть) наличествуют сведения, постоянно уничижающие албанское государство, Албанскую Церковь, присутствует стремление показать, подчеркнуть постоянную зависимость их от Армении. Как это наблюдение, так и выявленное нами «авторское отношение» к описываемым событиям наводят нас на мысль: труд Киракоса был подвергнут тщательной «редакторской обработке», явной уже с заголовка книги, когда «История» была заменена на «Историю Армении»,* и далее, когда Киракос [из-за «редактирования» – Ф.М.] с его авторским отношением к изложенным событиям представляется армянином, а албанский этнос становится родственным армянскому (?!). Ведь, как известно, эти этносы различны по происхождению и языку. Благодаря редакторской правке албанская страна и Албанская Церковь соответственно оказались подчиненными армянскому государству и Армянской

* На это впервые обратил внимание Т.И. Тер-Григорьян.

Церкви.

В разделах, посвященных Албании, Киракос дает компилятивный обзор истории албан с мифического периода и до появления монголов. Определенный интерес имеют главы, в которых представлено самостоятельное изложение периода монгольского завоевания албан, период правления князя Хачена – Гасана Джалала, строительство им Гандзасарского собора. Здесь присутствуют определенные симпатии автора. Ценные уникальные сведения дает Киракос о династии Хетумидов, правивших в Киликии в XIII–XIV вв., и о связях между албанскими хаченскими князьями и Хетумидами.

Киракос также кратко излагает историю армян с периода принятия христианства и доводит ее до появления татар.

Основная цель его труда – описать завоевание монголами Кавказа, Малой Азии и Месопотамии. Исходя из содержания и композиции «Истории» Киракоса, совершенно очевидно, насколько неправомерно именовать труд Киракоса «Историей Армении». Мы считаем наиболее верным наименование сочинения Киракоса, возобновленное Т.И.Тер-Григорьяном – «История» Киракоса Гандзакеци.³²⁶ «Как албанец, в том понимании этого наименования, которое имело место в XIII в., и очевидец исторических событий в Албании в первой половине и в начале второй половины XIII в., Киракос написал труд, имеющий как для Азербайджана, так и для Закавказья ценное историческое значение».³²⁷ Итак, при исследовании труда Киракоса создается полное впечатление того, что работа его претерпела значительное искажение в результате целенаправленного «редактирования».

Для написания его «Истории» источниками явились документы религиозного и богословского содержания, жития, Св. Писание и церковно-канонические грамоты, труды историков Евсевия Кесарийского, Сократа Схоласта, а также албанских авторов: Моисея Каланкатуйского, Мхитара Гоша, Ванакана, Вардана Аревелци, Иованнеса Саркавага и др.³²⁸

Резюмируя историю развития албанской литературы, надо отметить, что подъем исторической, историко-литературной традиции падает так же на XII–XIII вв., что связано с политическими причинами, в то время как в армянской литературе наблюдается застой.

В XI–XII вв. положение армян усугублялось как сельджукским завоеванием, так и стабильной политической зависимостью их политических образований (княжеств-царств) от Византийской империи, для которой Армения всегда была ее провинцией. Накануне сельджукских походов Византия уничтожила политическую самостоятельность небольших, вновь образовавшихся, царств княжеств – Васпураканского (1022 г.), Анийского (1045 г.), Карского (1065 г.). Переселенческая политика армян на запад – в Каппадокию, Киликию была вызвана не только насильственной переселенческой политикой Византии и сельджукскими нашествиями, но и желанием самой армянской феодальной знати благоустроиться, получить титулы, должности, земельные угодья у византийского императора. К примеру, род Пахлавун³²⁹ и патриарх Армянской Церкви Петрос,³³⁰ каких почестей, вознаграждений они удостоились от византийского императора за свои предательские проступки. Армянская феодальная знать постоянно заботилась о собственных интересах, в жертву которым приносились интересы страны. В этом кроется причина потери армянами государственности.

И конечно же, в условиях таких реалий не могло быть подъема в армянской литературе в XII–XIII вв. Совершенно иные реалии складывались в исторической Албании.

Назревали предпосылки возрождения албанской государственности в лице возвышающегося Хаченского княжества, что было связано с общим культурно-политическим подъемом всей страны. Вообще период XII–XIII вв. считают периодом азербайджанского ренессанса.³³¹

После распада Албанского царства (в начале VIII в.) албаны, имея постоянно Автокефальную Апостольскую Церковь, стабильно проживая на своей территории в окружении толерантного населения: мусульманского-тюркоязычного и персоязычного и других этносов, имея политические образования (княжества-царства) в Сюнике, Арцахе, Утике, Шеки-Камбечани, будучи в составе государств исторического Азербайджана, стабильно находили пути и методы выживания, будь то период сельджукидов или период завоевания монголов.

Как было отмечено, к числу албанских источников относятся Вардан Аревелци (Албанский),³³² Григор Патмич, он же Мага-

кия³³³ - уроженец Албании, воспитанный в Утике, он же Григор Акнерци, т.е. из монастыря Акнер, в Киликии. Григор Патмич – автор «Истории народа стрелков». Еще Ухтанес в главе 65 упоминает «албанских историков». Албанскими авторами являются Степаннос Орбели, Смбат Спарапет и историк Хетум (Хетум Патмич), Есаи Хасан-Джалалян, Макар Бархударянц. Все перечисленные авторы – уроженцы Албании, ее областей – Гянджи, Утика, Сюника, Арцаха.

Смбат Спарапет жил и творил в Киликии, происходил из знатного рода Хетумидов албанской царствующей династии Киликии в XIII–XIV вв., основателем которого был Авшин-Ошин, албанский князь из Гянджи, покинувший Гянджу в 1073/1088 г., поселившийся в Киликии, в Ламброне. Смбат Спарапет, сын полководца Константина Пайла, родился в 1208 г. Находясь с 1226 по 1276 г. на посту главнокомандующего Киликии (спарапета или гундстабля государства) при царе Киликии Хетуме I, Смбат прославился рядом побед, защищая Киликию от египетских мамлюков. Как политический деятель и дипломат, он добивался установления дружественных отношений с сильнейшими монголами.³³⁴ Кроме военной и дипломатической деятельности Смбат Спарапет оставил ценное литературное наследие – «Летопись» и «Судебник», а также поэмы, которые носят философский и исторический характер. До создания своего «Судебника» Смбат Спарапет ознакомился с канонами гянджинца Давида Алавика, «Судебником» Мхитара Гоша, пытаясь использовать их для Киликии, но, как известно, они оказались непригодными. Он (1253) перевел со старофранцузского «Антиохийские Ассизы» – юридический документ XIII в., созданный антиохийскими феодалами в эпоху крестоносцев, который имел важное значение для изучения средневекового права.³³⁵ Но «Антиохийские Ассизы» были чужды быту и нравам населения Киликии. Это вынудило Смбата Спарапета составить новый «Судебник», одним из источников которого послужили каноны Давида Алавика и «Судебник» Мхитара Гоша и др.

«Судебник» Смбата состоит из семи разделов и содержит 202 обширные статьи под заголовком «О законах царей», имеются и другие разделы в том числе «Общие церковные и мирские законы и каноны». С помощью «Судебника» Смбат старается укрепить

царскую власть в стране, создать сильное централизованное государство, ограничить права феодалов, чтобы они не разоряли крестьян и горожан.³³⁶ Смбат Спарапет – автор «Хроники» («Летописи») и краткой «Памятной записи» – дневника в стихах. Он владел старофранцузским, греческим языками, знал латынь. «Летопись» охватывает 320-летнюю историю (951–1272), излагающую отдельные исторические события, свершившиеся на территории Восточной Армении, Албании, Византии, Грузии, Киликии и т.д.

«Летопись» начинается одним из сообщений о том, как «патриарх Армении и все армянские князья возымели желание отправить гонцов к албанскому католикусу Тер-Ованесу и к агванскому царю Филиппе, чтобы пригласить их на коронацию царя Гагика». Албанский католикос Тер-Ованес, албанский царь Филиппе прибыли с 40 епископами и множеством албанских князей и единодушно короновали армянского царя Гагика из рода Багратидов в 961 г.³³⁷

Сообщается в источнике, что синхронно Абас (Багратид) «стал правителем царского владения Карса, а Геворг – страны Агвании».³³⁸ Согласно «Летописи» другой представитель албанского духовенства Тер-Степаннос со своими епископами прибыл (1040) на помощь к армянскому царю и армянским князьям, чтобы восстановить на армянском патриаршем престоле Тер-Петроса. Большим собором в Ани руководил престарелый святой албанский католикос h'Овсеп. Участники возвели в сан католикоса Армении Тер-Петроса.³³⁹ Данный контекст, как и предшествующие, свидетельствует о равных статусах и равных отношениях Албанской и Армянской Церквей, об отсутствии какой-либо иерархии, будто бы существующей между этими церквями, упорно и совершенно безосновательно пропагандируемая армянской концепцией, придуманной и вынашиваемой ни одно столетие. Примеров тому в истории немало. Мы вынуждены напомнить как греческий император Лео III (717–741) отметил Албанскую Церковь среди 12 самостоятельных христианских церквей.³⁴⁰ Возвращаясь к упомянутому эксцерпту «Летописи», следует дополнить и уточнить, что на упомянутом соборе в Ани в 1038/1040 г. фактически присутствовали из албанской духовной иерархии двое – Степаннос и католикос h'Овсеп. Далее, в «Летописи» Смбата сообщаются сведения о совместных действиях албан, грузин про-

тив персидского эмира Апусуара (XI в.); даются сведения о завоевании султаном Мелик-шахом (Атабеком) Гянджи.³⁴¹ Ценные сведения дает «Летопись» о других албанских католиках, о грузинском царе Давиде Безземельном, совместных действиях его с албанцами против персидского эмира. Особый интерес представляют данные «Летописи» о Хетумидах [албанской династии] – правителях Киликии.

Следующим албанским источником является труд историка Хетума Патмича³⁴² (конец XIII – начало XIV вв.) – «Ветроград историй стран Востока – «*La flor des estoires de la terres d'Orient*», написанная в 1307 г. на старофранцузском языке, по своему времени была для Европы ценным источником по исторической географии и политической жизни стран Азии, Кавказа, Южной Руси и истории монголов в XIII в. Следует отметить, что Хетум также происходил из царского рода [албанских. – Ф.М.] Хетумидов, которые правили Киликией с 1226 по 1342 г.³⁴³ Хетум, в качестве главнокомандующего Киликии (коннетабля, гундстабля, владельца Ламбронского домена Хетумидов) принимал активное участие в событиях конца XIII в. на Ближнем Востоке. В это время происходило соперничество за политическую гегемонию в Передней Азии между египетским султанатом и монголами. Как известно, монголы к 1258 г. образовали обширную державу на территории Ирана и Кавказа.³⁴⁴ Хетум, как влиятельный политик, был сторонником наступательного союза хулагуидских монголов, Ирана, папства и европейских государств против Египта за отторжение Сирии и Палестины. Хетум полагал, что при таком раскладе сил Киликия добилась бы известной степени самостоятельности.³⁴⁵ Но этот замысел потерпел крушение, и Хетум вынужден был искать убежище на Кипре, где принял монашество.³⁴⁶ Он знал старофранцузский, латинский языки, равно как арабский и персидский. Хетум, выражая интересы определенной феодальной верхушки Киликии, выступающей за союз европейских государств с хулагуидскими монголами, в 1306 г. был приглашен к папе Клементу V. По распоряжению папы он продиктовал в 1307 г. свой труд о монголах монаху Фалькону, видимо на старофранцузском, который перевел его на латинский. Вскоре Хетум умер приором в монастыре в Пуатье во Франции.³⁴⁷ Книга Хетума представляет чрезвычайный интерес.

Французский оригинал считается утерянным, и монах Лонг в 1351 г. вновь перевел латинский текст на французский язык. В течение XV–XIX вв. оба текста и перевод с них на итальянский, английский, испанский, голландский, немецкий языки печатались в культурных центрах Западной Европы.³⁴⁸ Заслуживает особого внимания факт, что книга Хетума была переведена на армянский только в 1842 г. под названием «Хетум – историк татар».³⁴⁹ Переводчиком был мхитарист М.Авгерян. Латинский вариант текста Хетума существенно разнился с текстом оригинала. М.Авгерян, переводя сочинение Хетума на армянский язык, помимо допущенных ошибок пропускал целые куски текста. Пропуски и искажения, допущенные М.Авгеряном, привели к тому, что историки, пользовавшиеся его переводом, стали сомневаться в достоверности этого источника. К тому же и монах Лонг в угоду папе Клементу V «подправил Хетума», приписав ему такое религиозное рвение, которого у него не было.³⁵⁰ Хетум в своем труде дает историко-географический обзор 14 стран Азии и Кавказа, в частности – Армении, Грузии, [Албании?! – Ф.М.] с характеристикой их этнического состава; приводит историю монголов и их завоевательной политики от Чингизхана до Хубилай хана (1259), историю монгольского завоевания Ирана и борьбу Ильханов с Египтом (1259–1305); политическую историю Киликийского царства во второй половине XIII в. Источниками Хетуму послужили записи бесед со своим дядей царем Хетумом I о его поездке в ставку Мунке-хана в 1253–1255 гг.; сообщения другого дяди – Смбата Спарапета о его посольстве к Гуюк-хану в 1242 г. Сам Хетум участвовал в походах киликийско-монгольского войска против Египта, выполняя дипломатические поручения царя Киликии Хетума II.³⁵¹

Дюлорье отмечал, что в изложении истории монголов Хетум часто превосходит других армянских хронистов.³⁵² В отношении Гайтона-Хетума В.Г.Тизенгаузен отмечал, что его книга, наряду с арабскими и персидскими трудами, принадлежит к важнейшим напечатанным работам по истории татар.³⁵³ В.С.Иконников писал, что Европа долго черпала сведения о России, ее территории и населяющих ее народах из сочинения Гайтона, напечатанного в 1473 г., и в сборниках Винценции Бовезского.³⁵⁴ Тьеполо еще в 1560 г. в своей книге «Рассуждение о Московии» ге-

неологию великих ханов, битву при Калке и нашествие Батые на Русь освещал по Гайтону.³⁵⁵ При описании Китая Хетум особо отмечает высокую духовную и материальную культуру Китая. За Китаем следует описание Уйгурии; Хетум характеризует ее как одну из культурных стран Востока, где монголы впервые познакомились с письменами.³⁵⁶ Хетум описывает Туркестан, Хорезм и Куманию – государства с тюркским населением. Подробно он останавливается на Кумании, которая была главным поставщиком мамлюков египетской султанской гвардии из невольников – куманов. Именно Гайтон-Хетум сообщает об **албанском письме**, которым еще в XIV в. пользовалась оставшаяся часть албан. Далее он пишет: «...к югу и западу от этой реки (Этиль-Волга) обитают **несколько воинственных народов**, которые не считают принадлежащими себя к царству Кумании и они живут около горной цепи Коказ, очень большой и высокой... Эти горы Коказ лежат между двумя морями. Это Великое море (Черное) на западе и море Каспис на востоке». Хетум описывает народы Кавказа – армян, абхазцев, [албан?! – Ф.М.]. Надо полагать, что под воинственными народами, проживающими у Кавказских гор между Черным и Каспийским морями, Хетум непременно подразумевал [и отмечал] и албан. Очень примечательно, что ни С.М.Мирный, ни М.Авгерян, который в своем переводе сочинения Гайтона-Хетума пропускал «целые куски текста», практически никто не отметил, что Гайтон-Хетум дает редчайшие сведения о том, что **албаны в XIV в. пользовались своей письменностью**.³⁵⁷ Хетум подчеркивает стратегическое значение Кавказа во взаимной борьбе татарских улусов.³⁵⁸ Совершенно очевидно, что труд Хетума Патмича претерпел опять же определенное «редактирование».

Историк Хетум изложил политическую программу Хетума I. И действительно, в «Семи письмах-просьбах», адресованных Хетумом I монголам, содержатся в основном все элементы политики, которую впоследствии проводил Хетум в Передней Азии: союз между татаро-монголами и христианами против Египта; переход Восточного Средиземноморья в руки восточных христиан; ставка на обращение несторианскими и армянскими миссионерами представителей татаро-монгольской знати в христианство в политических целях. Монголы в 1258 г. разрушили халифат,

завоевали Иран. Но «татары были изгнаны силой оружия султаном Египта», который поднял против Хулагу также и хана Золотой Орды - Берке.³⁵⁹ Борьба с Берке временно ослабила ильхана Хулагу, а его смерть в 1265 г., пишет Хетум, помешала осуществить новый поход против Египта. Вынужденная политика Хетума I, горячим сторонником которой был историк Хетум, в конце XIII в. потерпела крах ввиду изменившихся общественных условий Европы, поскольку экономические и политические предпосылки для возобновления крестовых походов исчезли и поскольку империя Хулагуидов, потрясаемая внутренними волнениями, переживала распад и находилась в борьбе против улусов Джучидов и Чагатаидов. Ориентация Киликии на папу и католической Запад, приводившая к обострению отношений с Египтом, без надежд на помощь Европы, оказалась губительной для Киликии. Хетум не понял этой новой политической обстановки в Передней Азии. В связи с усилением влияния Египта Хетум был вынужден покинуть родину, но и на чужбине продолжал отстаивать свою уже утратившую значение теорию.³⁶⁰

Книга Хетума по тому времени была непревзойденным географическим описанием стран Востока. По своей образованности Хетум был намного выше католических монахов, а в понимании взаимоотношений монголов с внешним миром был свободен от предвзятости папских прелатов.³⁶¹

Следующими албанскими авторами являются Есаи Хасан-Джалалян (XVIII в.) и Макар Бархударянц (XIX в.).

Есаи, католикос албанский, происходил из знаменитого княжеского рода Гасан Джалалов, который ведет свое начало от владетеля Нижнего Хачена в Карабахе Гасан Джалала (XIII в.) – сына Вахтанга и Тамты – сестры Закаре и Иване Мхаргрдзели – Аргутинских-Долгоруких – известных полководца и атабека грузинской царицы Тамары. В свою очередь род Хасан-Гасан Джалалов восходит к албанскому великокняжескому роду Михранидов (VII–XVI вв.).

Представителей этого владетельного рода стали избирать албанскими католикосами и это вошло в обычай.

Родовой усыпальницей владетелей Нижнего Хачена был монастырь Гандзасар, расположенный на высокой крутой горе, по левому берегу Хаченчай. Монастырь этот служил усыпальницей

еще предкам Гасана Джалала.

В этом монастыре в 1261 г. были похоронены сам Гасан Джалал, убитый монголами, а также его потомки. С 1511 г. Гандзасарский монастырь становится резиденцией албанских католикосов, которые после этого стали также именоваться и гандзасарскими католикосами. Католикос Хасан-Джалалян был избран на албанский патриарший престол в 1702 г. и занимал его до своей смерти, последовавшей в 1728 г.

Время управления Албанской Церковью католикоса Есаи Хасан-Джалаляна совпало с тем периодом, когда среди верхней прослойки населения Карабаха возникло движение, имевшее своей целью освобождение от гнета сефевидского Ирана.

Руководимые этой освободительной идеей карабахские и зангезурские мелики, а также представители купечества устремили свои взоры к России, где царь Петр I подумывал о продвижении на восток.³⁶²

Эчмиадзинские католикосы, боясь навлечь на себя подозрения и гнев сефевидского Ирана и Османской Турции, категорически отвергли всякую мысль о каком-нибудь движении среди армян, направленном против иранского и турецкого ига. Гандзасарский же католикос сам принял в нем активное участие. Гандзасарский монастырь сделался центром, где собирались тайные совещания карабахских меликов, составлялись, адресованные Петру I и его наследникам письма. Начавшееся освободительное движение поддерживалось и поощрялось царским правительством.³⁶³ Петр I намеревался пройти дорогу сухим путем до Шемахи и там соединиться с грузинскими и карабахскими войсками. Католикос Есаи поспешил в Карабах, где было быстро организовано десятитысячное войско, которое спешно двинулось к Гяндже на соединение с грузинским войском. Отсюда объединенное грузино-карабахское войско должно было двинуться к Шемахе для соединения с русскими войсками. Но этому плану не суждено было осуществиться. Петр, оставив в Дербенте гарнизон, спешно выехал обратно. На этом католикос Есаи заканчивает свое повествование. Тщетно ожидали карабахские мелики и католикос Есаи прибытия Петра I, который обещал возобновить свой поход через год.³⁶⁴

«История» католикоса Есаи охватывает небольшой период

(1702–1722), но она представляет большой интерес как довольно подробное описание событий, сделанное современником и во многих случаях участником, повествующим о политической судьбе албан-христиан, о деятельности Албанской Автокефальной Церкви, организующей и консолидирующей силе поздних албан, благодаря которой албанский этнос сохраняет свою историческую память и этническое албанское самосознание в XVIII в. Впервые труд Есаи католикоса был издан в Шуше карабахским митрополитом Багдасаром Хасан-Джалаляном в 1839 г. Во втором издании он вышел в Иерусалиме в 1868 г., кроме того, «История» католикоса Есаи была переведена на французский язык акад. М.Броссе и опубликована в Петербурге в 1876 г., во II томе «Коллекции армянских историй».³⁶⁵

Албанский автор XIX в. Макар Бархударянц, последний представитель албанского духовенства, написал следующие труды: «История страны Агванк», «Страна Агвания и ее соседи» «Арцах».³⁶⁶

Макар Бархударянц – первый исследователь истории «Арцаха» (Карабаха) – важнейшей области 1000-летнего Албанского государства (IV в. до н. э. – VIII в. н. э.), важной области исторического Азербайджана, неотъемлемой части всех последующих азербайджанских государств. Будучи последним представителем албанского (этнически) духовенства, а впоследствии став епископом уже Армянской Эчмиадзинской Церкви в 90-х годах XIX в., М.Бархударянц в своих трудах пытается воссоздать, описать историю своей родной страны - Албании: ее исторической географии, этнографии, политической истории, истории Албанской Церкви - ее епархий, собирает - составляет список албанских католикосов, пытается осветить их деятельность. Он впервые в истории частично воссоздает генеалогию правящего в Арцахе-Хачене династического княжеского рода X–XII вв. и последующих за ним меликств.

М.Бархударянц, как и албанский народ - жертва армянской политики, проводимой Армянской Эчмиадзинской Церковью, по трансформации албанского историко-этно-культурного наследия и деэтнизации албан. Хорошо ориентируясь в политических событиях, понимая и видя всю пагубность, обреченность, безысходность судьбы албанского этноса, в условиях полного разгула, раз-

историко-литературного наследия.

Кроме рассматриваемых нами нарративных источников, судебников, канонов Давида Алавика к памятникам албанской историко-литературной традиции относятся также канонические постановления Албанской Церкви, албанских церковных соборов – Агуэнского собора V в. и Партавского собора 705 г., написанные на албанском языке, но дошедшие до нас на древнеармянском языке.

При освещении социально-экономической истории Албании нами было предпринято исследование агуэнских канонов, дан развернутый комментарий, выявлены их источники, значение канонов.³⁶⁸

Для исследуемой нами темы (политической истории Албании) большую важность представляет эпоха, дата создания агуэнских канонов, ибо их принятие непосредственно связано с царствованием албанского царя – Вачагана III Благочестивого, правление которого отражает политическую историю страны V в.

Традиционной датой принятия канонов Агуэнского собора считается последняя четверть V в. (487–488). Эту дату принимают все исследователи.³⁶⁹ Особняком стоят точки зрения Н.А.Акиняна и С.Х.Ованнесяна. Так, Н.А.Акинян ставит под сомнение само существование албанского царя Вачагана III Благочестивого, считая его измышлением автора «Истории албан», и датирует созыв Агуэнского собора первой половиной V в., в промежутке 451–459 гг.³⁷⁰ Выводы Н.А.Акиняна бездоказательны. С. Х.Ованнесян датирует агуэнские каноны IV в., полагая, что каноны были приняты не при Вачагане III в 488 г., а при Вачагане II в 372–387 гг.³⁷¹ Однако доводы С.Х.Ованнесяна кажутся убедительными лишь при поверхностном ознакомлении. Очень неудачную попытку опровергнуть положения С.Х.Ованнесяна предпринял Б.А.Улубабян,³⁷² статья которого представляется нам недостаточно обоснованной. Точка зрения его основывается главным образом на трех положениях:

- 1) участники Агуэнского собора – это исторические личности, жившие в конце V и начале VI вв.;
- 2) Арцах и Ути до V в. входили в состав Армении и потому не могли принять собственную «Каноническую конституцию» в IV в.;

3) участниками собора были архиепископ Партава и партавский иерей, а Партав построен после 459 г.

Из трех положений научно доказанным считаем первое. Второй аргумент – совершенно беспочвенный, не подтверждающийся источниками (об этом см. обстоятельное изложение наше в главе II, § 2 – «Политические границы»). Третий же аргумент – неубедительный. Поскольку традиционная дата принятия агуэнских канонов в литературе не нашла развернутого обоснования, мы постараемся показать, что она верна. Одним из аргументов С.Х.Ованнесяна, оправдывающим его датировку, является список албанских католиков, в результате исследования которого он пришел к выводу, что Шупхалишай, участник Агуэнского собора, был католиком в IV в. Современником Шупхалишай был не Вачаган III, албанский царь, а Вачаган II и собор был созван при нем. С.Х.Ованнесян выявил в ИА противоречия с именем Шупхалишай. Доверяя списку албанских католиков и одновременно отрицая достоверность контекстов, С.Х.Ованнесян утверждает, что Шупхалишай был католиком в IV в.³⁷³

Дело в том, что С.Х.Ованнесян не заметил противоречия в самих списках албанских католиков, приложенных к «Истории албан», которым он доверяет полностью. В одних списках рукописей «Истории албан» и соответствующих им изданиях³⁷⁴ Шупхалишай непосредственно преемствует Григорису, а в других списках и соответствующих им изданиях³⁷⁵ Шупхалишай вместе с пятью последующими католиками предшествуют Григорису.

Считаем, что следует верить текстам Каланкатуйского, а не списку католиков, так как контексты, повествующие о Шупхалишае, как современнике Вачагана III, контексты о Вачагане III, о созыве Агуэнского собора, входят в первую книгу, которая написана в конце VII в. и начале VIII в. А список албанских католиков, которым завершается третья книга Каланкатуйского, бесспорно составлен не раньше X в.

Итак, в этом списке, который является поздним добавлением, возможны ошибки, особенно в части, посвященной первым албанским католикам. Это подкрепляется следующим. В начале списка албанских католиков имеется приписка: «Об именах патриархов следовало бы написать точно. Но так как деяния,

время и имена предшествующих патриархов, заветы были сожжены беззаконниками, места их пребывания неизвестны нам и не дошли до нас, то мы, сколько могли, постарались составить этот список для тех, которые займутся этим вопросом» (Каланкатуйский, III, 23). А в примечании к списку албанских католиков, приводимом И.Шахатуняцем, это же засвидетельствовано следующим образом: «...но так как о деяниях и времени прежних католиков и сведения об именах их были сожжены нечестивцами, и все они не дошли до нас и нам неизвестно место их пребывания, потому мы приводим его (сведенье) неполностью для тех, кто интересуется этим вопросом».³⁷⁶ При таком состоянии этих списков не исключено, что в них возможны перемещения, пропуски и, следовательно, они хронологически не выдержаны. Об их неполноте свидетельствует и то обстоятельство, что список католиков, приводимый И.Шахатуняцем, отличается от списков известных изданий Каланкатуйского. Здесь Шупхалишаю предшествуют три католика: 1) св. Елише; 2) некий блаженный муж, сопровождавший Григория из Кесарии, который был назначен главой Албанской Церкви; 3) Григорис. Новым дополнением является «муж блаженный». Списки албанских католиков, конечно, претерпели большие изменения при поздних редакциях в связи с вопросом об автокефалии Албанской Церкви. Албанская редакция, доказывая самостоятельность Албанской Церкви, ее патриаршее начало, помещала Шупхалишю вместе с пятью католиками перед Григорисом, внуком Григория Просветителя, а армянская редакция, стремясь доказать, что албанские католики получали рукоположение от армян и что первым албанским католиком был внук Григория Просветителя, Григорис, помещала Шупхалишю после Григориса.

Думается, что согласно данным контекстов, Шупхалишю по праву должен быть перемещен в списке католиков. Он являлся преемником албанского католика Иеремии, который был современником албанского царя Асуагена (IV в.), и с несколькими следующими за ним католиками предшествовал албанскому католику Тэр Абасу (VI в.). Ведь, как известно, поздние историки – Киракос Гянджинский, Мхитар Айриванец,³⁷⁷ обратив внимание на противоречие относительно имени Шупхалишю, выражали сомнение по поводу помещения его в начале списка

католикосов и датировали его V в. Известно также, что кроме Агуэнского собора Шупхалишай в составе албанского духовенства принял участие на совместном армяно-албано-иберском соборе, созванном в Двине в 506 г. армянским католикосом Бабкенем I (490–515).³⁷⁸

Другим доводом, по мнению С.Х.Ованнисяна, является то обстоятельство, что если бы Агуэнский собор был созван в V в., в период правления Вачагана III, то он обязательно принял бы каноны против несториан, которые, как утверждает С.Х.Ованнисян, в V в. тревожили и Албанскую Церковь. Дело в том, что несторианство, согласно данным Каланкатуйского, проникает в Албанию только во второй половине VI в. Албания, как Армения и Иберия, в V в. держалась в стороне от догматических споров, распиравших греко-римский мир. Да и в самой Римской империи к этому времени несторианство, как известно, фактически не одержало верх. Постановления Халкидонского собора 451 г., поощрявшие учение Нестора, не всеми были приняты.³⁷⁹ Так, указы римских императоров Зенона (474–491) и Анастасия (491–518), ревностных противников халкидонизма, были официальным отречением от исповедания Халкидонского собора, что привело к временному успеху монофизитства. Кроме всего прочего, Халкидонский собор был созван спустя несколько месяцев после Аварайской битвы 451 г. Следовательно, политическое положение стран Кавказа было таковым, что вряд ли догматические споры могли пробудить к ним интерес этих стран. Свое отношение к учению Нестора и Халкидонскому собору албаны выразили на общем соборе совместно с армянами и иберами.

Согласно данным Каланкатуйского, несторианство действительно проникает в Албанию в VI в. «В это время (552) по всем концам распространились смуты собора Халкидонского... Тогда Тэр Абас, католикос албанский, произвел строгое расследование с епископами и изгнал из Албании скверных учителей: Фому, Илию, Бнота, Ибаса и др.» (*Каланкатуйский*, II, 8).

По мнению С.Х.Ованнисяна, канонической базой агуэнских канонов послужили армянские аштишатские каноны. Дело в том, что аналогичными у тех и других канонов были те, которые устанавливали правила христианской веры, что вполне естественно, ибо они должны быть одинаковыми для всех христиан. Эти

правила утверждены вселенскими соборами. Что же касается остальных агуэнских канонов, то они самостоятельны и ничего общего не имеют с канонами Аштишатского собора, посвященными организации богоделен, лепрозориев, женских монастырей, гостиниц и др. Всего этого в агуэнских канонах нет. Далее С.Х.Ованнесян пытается провести аналогию внутривосточного положения Армении и Албании IV в., полагая, что «близость» агуэнских и аштишатских канонов обуславливается близостью эпохи. Однако политическая ситуация в Армении IV в. совершенно не идентична политическому положению в Албании, отраженному в агуэнских канонах.

Согласно данным Фавстоса Бузандаци, для Армении была характерна борьба между царской властью и светской знатью, а также между царской властью и духовенством (IV, 5). В условиях шаткости и слабости армянского престола, «в условиях раздробленности страны и центробежных устремлений нахараров иерократия была централизована, имела большую экономическую, морально-политическую силу, посредством которой воздействовала на внутреннюю и внешнюю политику страны».³⁸⁰ Аштишатский собор созывает армянский католикос Нерсес, который приглашает епископов, разрабатывает аштишатские каноны и утверждает их, а собор, где участие светской знати и царя не зафиксировано (*Фавстос Бузандаци*, IV, 4), лишь единодушно их одобряет.

Что касается Албании IV–V вв., то здесь в период централизованной царской власти, в отличие от Армении, происходят «противоборства, неурядицы» между духовенством и светской знатью. Албанский клир не был настолько сильным, чтобы вступить в противоборство с царем. В решении не только внутренних и внешних вопросов страны, но и в решении вопросов церкви албанский католикос и духовенство не играли ведущей роли. Главные функции католикоса осуществлял царь, который назначал епископов, созывал соборы, решения которого разрабатывал с участием светской знати и духовенства.

Вышеизложенное позволяет, очевидно, не согласиться с новой датировкой С.Х.Ованнесяна и считать верной традиционную дату созыва Агуэнского собора – 487–488 гг.

Агуэнские каноны – памятник большой значимости, единст-

венный сохранившийся историко-юридический документ ранне-средневековой Албании, в котором отражены социальные, правовые и церковные отношения Албании, независимо от степени влияния на эти нормы их действительных и вероятных источников.

Подводя итоги исследованию албанских историко-литературных и правовых памятников, можно сказать, что они являются типичными творениями феодальной эпохи. «Каждому общественному строю присущ свой особый круг исторических источников, содержание которых определяется своеобразием, свойственным базису и надстройке данного общественного строя, а внешняя форма зависит от соответствующего уровня развития материальной культуры и техники письма».³⁸¹

По классовым и конфессиональным позициям авторы албанских источников были выразителями интересов албанских правителей (царей, великих князей), духовенства, церкви и прохристиански настроенных феодалов-азатов (нахараров).

В албанской литературе, как и в любой христианской литературе, в начальный период (да и не только) главная роль перешла к церковно-христианским писателям, так называемым «отцам церкви», в силу чего она может именоваться патрологией. Сочинения албанских авторов, созданные на албанском языке, носили двойственный характер, имели признаки исторического произведения и агиографического. Они могут быть отнесены и к разряду летописей, ибо в них есть своеобразный хронологический принцип изложения – датирование с синхронизацией («История албан»).

Как уже было отмечено, албанская литература создавалась на албанском языке, хотя и дошла до наших дней на древнеармянском языке.

И в свете вышесказанного, нам представляются неправомерными и беспочвенными мнения и сомнения тех, кто не признает, что албанские источники V–XIII вв. существовали и написаны были на албанском языке.³⁸²

Если мы рассмотрим исторические реалии Армении и Албании синхронного времени (периода поздней античности и V–XIII вв.), то убедимся, что написание албанских памятников на древнеармянском языке было совершенно исключено.

С периода падения империи Тиграна II (I в. до н. э.) и до 428 г. армянской государственности фактически уже не было, а юридически она была отменена в 428 г. Весь этот период до VI в. включительно территория Армении подвергалась неоднократно разделу между двумя империями – Римом-Византией и Ираном (о многочисленных договорах подробно говорится во II гл. «Исторической географии»). Итак, произошло юридическое упразднение фактически давно не существующего Армянского царства. Теперь были две Армении, две провинции – западная Византийская Армения и восточная – Перс-Армения, управляемые наместниками (марзбанами). Что же собой представляет в этот период Албания?

В силу отдаленности от Византии и географического, и стратегического положения Албании, позволившим ей держать под контролем важные в стратегическом отношении Дербентский и другие мелкие проходы вдоль горных хребтов Большого Кавказа, ей удалось в отличие от Армении и Грузии сохранить политическую независимость, ибо Сасаниды были заинтересованы в наличии пространственного буфера, надежно защищавшего непосредственно имперские земли от вторжений кочевников-степняков, политическая активность которых на Северном Кавказе в рассматриваемое время сильно возросла. В определенном смысле это устраивало и Албанию, которая, контролируя указанные проходы, получила сферу действий во внутренней и внешнеполитической деятельности.

И цари и великие князья Албании поддерживали обоюдно важные союзнические отношения с царствующими династиями Ирана – Аршакидами и Сасанидами, подкрепляя эти отношения династическими браками. В таких условиях не было никакой необходимости пользоваться в Албании армянским языком и тем более создавать на этом языке албанскую историко-правовую литературу, т.е. армянский язык не мог быть *lingua franca*.

Если говорить об этносе страны, то согласно данным источников, в Албании не было инфильтрации армян. Армянские поселения на территории Азербайджана появились значительно позднее, в конце XVIII – начале XIX вв. Население Албании было автохтонным, албанским, с постоянным просачиванием и оседанием здесь тюркоязычных и персоязычных племен.

Албанский алфавит, как известно, состоит из 52 фонем, а армянский – из 36. Совершенно очевидно, что никакой связи между этими этносами и их языками нет. Как известно, армянский язык относится к индоевропейской семье языков, а албанский – к северо-восточно-кавказско-нахско-дагестанской. «Отцу армянской истории» Моисею Хоренаци четко известен албанский этнос, в отличие от армянского. «...Вечно лживые албанцы», – говорит Хоренаци (III, 3). Фавстос Бузандаци считает албан самостоятельным этносом, не смешивая их с армянами. Так, глава 13 кн. V озаглавлена четко: «Об албанах», а в тексте читаем: «Пошел войною [Мушег] также *на страну албан* и жестоко разгромил *их*».

Что же касается сведений о наличии у албан в V в. своей письменности, то еще И.Абдуладзе, затем А.Г.Шанидзе, а вслед за ним и К.В.Тревер верно считали, что наиболее достоверным источником в этом плане является «Книга писем», официальная редакция которой составлена в VIII в. В «Книге писем» во втором письме армян, адресованном православным единоверцам в Персию после Двинского собора 506 г., сказано: «Мы писали вам раньше в согласии с грузинами и албанами *письмом каждой страны* – юраканчюр ашхархгров».³⁸³

А.Ш.Мнацаканян считает, что выражение «письменностью каждой страны» должно относиться не к авторам послания – армянам, грузинам и албанам, а к тем, кому адресовано было оно, т.е. проживающим во владениях Персии христианским народам. А.Ш.Мнацаканян полагает, что этот ответ был переведен на языки христиан, проживающих в областях Персии – Сирии, Нисибине, Хузистане, Ниневии. Он считает, что этими христианами являются сирийцы, персы, армяне.³⁸⁴

Дело в том, что языком письменности христианского населения Персии был сирийский-арамейский,³⁸⁵ и потому толкование А.Ш.Мнацаканяна лишено какой-либо основы. Эксцерпт из «Книги писем» может быть понят лишь в одном смысле, в каком поняли его А.Г.Шанидзе, К.В.Тревер и З.Н.Алексидзе.³⁸⁶

Напомним также о сохранившейся албанской эпиграфике из Мингечаура.

Об албанском письме, литературе известно из источников албанских, армянских и других следующее: Моисей Каланкатуй-

ский (I, 3) сообщает данные, приводимые из римского автора Ипполита, согласно которым албаны упомянуты в перечне народов, имеющих язык и письменность;³⁸⁷ армянский историк VIII в. Гевонд, перечисляя языки, на которых существует перевод Библии, на 12-м месте упоминает албанский язык. Историк Хетум XIV в. в своей книге (I, гл. IX) сообщает об алфавитах, которыми пользовались в XIV в.: «...были разные алфавиты – один армянский, другой албанский» (об этом см. ниже). Об албанском языке есть сведения и в XVII–XVIII вв., когда «Святые отцы нашли на Востоке рукопись, именуемую «Об истории святого и божественного елеса», написанную на албанском языке, и они же перевели ее на древнеармянский. Эта древнеармянская (?) рукопись была обнаружена А.Д.Анасыном в Матенадаране.³⁸⁸

Также французский ученый Бернар Утье в конце XX в. обнаружил в Иерусалиме рукопись, в заголовке которой сказано, что она была написана на албанском языке (!), но потом была переведена на армянский.³⁸⁹

И ныне всем известны сенсационные открытия, сделанные З.Н.Алексидзе на Синае, в монастыре св. Екатерины, чтение которых приводит З.Н.Алексидзе к убеждению, что у албан была хорошо развитая литература еще в IV–VIII вв., написанная на албанском языке албанским письмом, на высоком уровне, как у грузин и у армян.³⁹⁰

По мнению З.Н.Алексидзе, кавказские албаны, приняв христианство, вскоре полностью перевели Библию. «Только народ, имеющий весь текст Библии на своем языке, может создать лекционный. И главное, этот лекционный не был переведен ни из какого языка, а был составлен на основе книг Библии на албанском языке и представлен на основе потерянного ныне греческого лекционного».³⁹¹ Албанский лекционный был создан во второй половине IV в., а это значит, что книги Библии должны были быть написаны на албанском языке до создания албанского лекционного.³⁹² З.Н.Алексидзе считает, что грузинский и армянский лекционные были переведены в V в. с греческого, а албанский лекционный был создан в окрестностях – районе Иерусалима и относится к раннему типу иерусалимских лекционных, о чем свидетельствуют связи Албании с Иерусалимом.³⁹³ Нам представляется, что отнесение албанского лекционного к ранне-

му типу иерусалимских лекционариев связано также (или объяснимо также) с наличием в Албании древних назарейцев.* По мнению З.Н.Алексидзе, временем развития албанской христианской литературы являются V–VIII вв., а точнее VI–VII вв. Но как полагает З.Н.Алексидзе, в 20-х гг. VIII в. Албанская Церковь попала под сильное влияние Армянской Церкви. А по сообщениям источников, Армянская Церковь диофизитскую литературу (или же литературу диофизитского духа) сжигала, и монофизитская Албания, перейдя на армянский язык и армянский алфавит (письменность), тем самым положила конец своему богатству – бытию.³⁹⁴

Что стало с албанской письменностью и литературой и действительно ли с VIII в. албаны перешли на армянский язык? И действительно ли Армянская монофизитская Церковь в VIII в. уничтожила албанскую литературу (сожгла ее)?

Дело в том, что албанская литература действительно была уничтожена Армянской монофизитской Церковью. В этом вопросе нет никаких разногласий у ученых, здесь полное единомыслие. Вопрос в том, когда это произошло?!

Еще средневековые арабские писатели и географы (ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Мукаддаси и др.) сообщали, что жители Арана говорили на своем аранском языке (очевидно – албанском).

Относительно судьбы албанской литературы в историографии существует три мнения.

Взгляд грузинских ученых нами был рассмотрен (З.Н.Алексидзе) и будет подробнее изложен в историографии. Согласно последней модели армянских ученых, албанская литература в V–VIII вв. писалась только на древнеармянском языке (С.Т.Еремян, А.Ш.Мнацаканян, Б.А.Улубабян и др.).³⁹⁵

Согласно мнению З.М.Буниятова, «в дальнейшем [после Партавского собора 705 г.] Армянская Церковь вытеснила албанское духовенство с занимаемых им позиций и начала усиленную григорианизацию албанцев, живущих в недоступных арабам горных местностях страны. Армянское духовенство постепенно свело на нет влияние церкви Арана среди этого населения и руками арабских властей уничтожило все литературные памятники

* Об этом см. гл. V данной монографии.

албанцев – все, что могло хотя бы в незначительной степени напоминать об албанской культуре. Это было сделано, повторяем, сначала с помощью халифата, а в дальнейшем с помощью и ведома других завоевателей». И здесь З.М.Бунятов делает ссылку на М.Орманиана.³⁹⁶

Согласно нашему мнению, опубликованному в 1986 году, албанская литература на албанском языке создавалась до XII в., после чего она стала писаться на древнеармянском языке.³⁹⁷ Последние же наши исследования как истории армянского народа, так и истории Армянской Церкви, а также исследования истории Албанской Церкви, албанского населения заставили нас пересмотреть свой взгляд и прийти к убеждению, что за весь период существования Албанской Церкви (IV в. – 1836 г.). Албанская церковь так и не претерпела григорианизацию, осталась Автокефальной, Апостольской и монофизитской, как церкви – Коптская, Яковитская. Монофизитство – это отнюдь не григорианство, не арменизация. Исследования также убеждают, что при условиях, когда албанский этнос никогда не терял своей территории, постоянно имел Албанскую Апостольскую Автокефальную Церковь, обслуживающую свой албанский этнос, который стабильно жил в окружении мусульманского – тюркского и ираноязычного этноса, в условиях, когда албанский этнос, постоянно имел политическое образование – царства, княжества и когда эти албанские политические образования постоянно были в составе азербайджанских государств, при таких условиях не было необходимости албанам переходить на армянский язык и на нем писать свои творения. Языком межэтнического общения, языком *lingua franca* в XII–XIV вв. в азербайджанских государствах и далее в последующие века был тюркский. Выше нами было изложено, что в Албании в период V–VIII вв. албанская литература не могла создаваться на армянском языке и создавалась только на албанском языке. Теперь же рассмотрим, мог ли быть армянский язык *lingua franca* для албан в XII–XIV вв. Как было отмечено, XII–XIII вв. – это период упадка армянской литературы в силу политических причин, это период потери армянских княжеств - царств на территории Восточной Анатолии, период мощной эмиграции армян на Запад, в западные пределы Византии, в Киликию, это период эмиграции, странствования Армянской

Церкви с ее патриаршеским центром. Совершенно естественно, что в этот период армянский язык не мог быть языком *lingua franca* на Кавказе (где вообще не было армянских епархий и армянского этноса, см. гл. VI) и в Албании, в частности. И потому албанская литература XII–XIV вв., выше нами рассмотренная (Давид Алавик, Вардан Аревелци, Степаннос Орбели, Мхитар Гош, Киракос Гянджинский и др.), не могли создавать свои творения на древнеармянском языке. Идеологическое сближение двух церквей более тесное, чем ранее – Армянской и Албанской реально могло произойти не раньше XV в., в связи с обоснованием Армянской Церкви в Эчмиадзине. Но это сближение не может быть утверждением и обоснованием того, что языком Албанской Церкви и албанского населения стал армянский. Ибо для этого должны быть выявлены условия господства Армении как политического так и идеологического – конфессионального, что также исключено. Как известно, это период господства на Кавказе государств Кара-гоюнлу и Аг-гоюнлу, а с XVI в. – Сефевидской державы и, наконец, период азербайджанских ханств.

И тем не менее, опять же, если бросим исторический взгляд на историю Армянской Церкви, то увидим постоянные «странствования», «блуждания» армянского народа в поисках новых земель, армянских столиц и «блуждание» Армянской Церкви с ее центральным престолом – престолом католикоса: Аштишат, Эчмиадзин – Вагаршапат с V по IX вв.; в Двине, антипрестол католикоса в Аване, в противовес Двинскому; в IX– XIII вв. – в г. Ани, в Ахтамаре был создан антипрестол; затем в Севастии, в Константинополе, в Тавблуре (Восточная Турция), в Цамндаве (близ Амаси), в Ромкла (вблизи Киликии), в Сисе – столице Киликии. При таких блужданиях патриархов Армянской Церкви, на церковных соборах которых каждый раз отмечались географически разные епархии, расположенные за Кавказом, т.е. отсутствовала стабильность *подчиненных Армянской Церкви епархий* (см. об армянских епархиях, гл. VI), маловероятно, чтобы армянский язык был на Кавказе, в частности в Албании, языком *lingua franca*.

Итак, рассмотрев исторические реалии истории армянского народа и Армянской Церкви, считаем практически невозможным, чтобы язык такого этноса и такой церкви был господству-

ющим в Албанской Церкви и у албанского населения. Подобное могло произойти только с помощью геополитики, что и было в XIX в. Но об этом чуть ниже.

Армянский народ, в отличие от многих этносов, рано лишившись исторической родины, обрекший себя на поиски новых земель на западе (IX–XV вв.), растерявший свои государственно-княжеские, с эмигрирующей Церковью, умудрился сохранить армянский язык, армянский алфавит [неважно, что изначально самими не изобретенный, а заимствованный у эфиопов]. “Творцы” армянской истории с помощью типографии (печатного станка) издавали «великое» печатное слово – «Истории армянского народа» и распространяли по ойкумене.

Очень важной основополагающей вехой в истории армян в самом прямом смысле решения проблемы «как быть или не быть» стала дата 1805–1828 гг., период завоевания Царской Россией Кавказа – Азербайджана, в частности, в результате чего был расчищен путь создания на территории Кавказа никогда ранее не существовавшего там Армянского государства. И здесь церковные прелаты стали перед дилеммой: как же *исторически* обосноваться на новой земле, как и откуда представить или создать «свою историческую память», связав с новой приобретенной землей – территорией Кавказской Албании? Армянские «умы» с помощью церковных прелатов решили полностью приобщить, точнее сказать, аннексировать албанское культурное наследие, создаваемое веками. Но на пути реализации этого замысла стояла Автокефальная Апостольская Албанская Церковь и живой албанский этнос, сумевший героически сохраниться веками, невзирая на превратности судьбы. Решение было однозначное – с помощью Царского Правительства деэтнизировать албан, для чего был создан хорошо продуманный и, быть может веками выношенный, план Армянской Церкви. Первым и решающим шагом на пути деэтнизации было переселение армян из Ирана и Турции и поселение их на землях азербайджанских ханств. Следующим шагом было Положение Царского Правительства от 1836 г., утвержденное императором Николаем I, согласно которому была упразднена Албанская Апостольская Автокефальная Церковь и подчинена в качестве епархии Армянской Эчмиадзинской Церкви. После этого царского рескрипта албаны должны были посе-

щать Армянскую Церковь и считаться армянами. В пользу поздней арменизации албан говорит также сообщение самого М.Орманиана: «Престол Каспийской Албании был уничтожен в начале XIX в. вследствие слияния каспийско-албанской или агванской национальности с армянской».³⁹⁸

Что могла противопоставить Армянская Эчмиадзинская Церковь против богатой албанской историко-литературной традиции, существовавшей в V–VIII вв. и возрожденной в XI–XIV вв., как нарративной, так и правовой – документальной, существующей далее в XVIII–XIX вв.? Чтение Мовсеса Хоренаци – «отца армянской истории VIII в.», показало, что последняя изобличительная глава «Истории Армении» раскрывает суть характера армянской элиты – феодалов-нахараров, которые, предавая родину, страну, получали земельные владения и должности у двух империй – Византии и Ирана. И это явилось причиной потери первого Армянского государства в IV–V вв. Не могли же армянские церковные прелаты последующих веков ради обоснования на территории исторической Албании представить истории отдельных армянских феодальных домов-родов, расположенных далеко за пределами Кавказа, в районе озера Ван или же на берегах Евфрата и Тигра и т. д. Оставалось одно – аннексировав албанское этно-культурное наследие, утвердиться на Восточном Кавказе с помощью Царского Правительства, как политически так и культурно-исторически, выдав все албанское наследие за армянское. Для этого надо было всего-навсего тщательно «отредактировать» богатую, веками созданную албанскую историко-литературную традицию в духе армянской истории – перевести ее на древнеармянский язык, уничтожить оригинал, изменить заголовки трудов албанских авторов (вместо «Судебника» Гоша добавить «Армянский судебник», вместо «Истории» Киракоса дать «Историю Армении» Киракоса), так чтобы они согласовались с «отредактированным» текстом.

К такому заключению меня привело не только глубокое исследование и соположение реалий армянских государств, Армянской Церкви с Албанским государством и Албанской Церковью, но также текстологическое, источниковедческое исследование албанских источников, их рукописной основы, даты их издания. Было выявлено, что сведения о рукописях албанских источников

восходят к дате с 1829 г. и далее, но не раньше.

Весьма примечательно, что труды албанских историков, переведенные на армянский язык, армянская наука и церковь объявили армянскими и стали издавать только после 1836 г. несмотря на наличие армянской типографии и бумажной фабрики при Эчмиадзине еще в XVII в.

Даже труд Хетума, написанный изначально на старофранцузском и изданный в Европе на разных языках в XIV, XV вв. и далее, был переведен на древнеармянский и издан только в 1842 г. (т.е. после 1836 г.).

Следует отметить, что древнейшая рукопись «Истории албан» Моисея Каланкатуйского, которая претерпела «редакторскую» правку Лункианоса и которая датируется XIII в., хранится в Матенадаране – армянском рукописном фонде и тщательно скрывается от азербайджанских албанистов: мне ее не дали, не показали при моем неоднократном пребывании в Матенадаране, каждый раз мотивируя тем, что «рукопись находится в процессе обработки», что «рукопись больна», что означает одно и то же. На неоднократные запросы (З.М.Буниятова) Академии наук Азербайджанской Республики в 1968–1974 гг. в Академию наук Армянской Республики, в ее рукописный фонд о снятии фотоконии с той рукописи XIII в. ответ был однозначный – «рукопись находится в обработке». Что же так пугало армянских коллег? Отсутствие обоснованного ответа наводит на определенные размышления, весьма не лестные для армянских ученых.

Думается, что «редактирование» албанских рукописей по далеко продуманному замыслу Армянской Церкви и перевод их на древнеармянский язык были начаты за несколько веков до Положения об Албанской Церкви 1836 г., процесс этот был уже завершен к 1829 г., и потому сведения о рукописной основе албанских источников и издания их начались после 1829, 1836 гг.

Все вышеизложенное приводит к убеждению, что богатая албанская литература на албанском языке существовала до 1828/1836 гг. до завоевания Кавказа Царской Россией. Албанская литература была переведена на древнеармянский, «отредактирована» и издана. Еще не известно, сколько албанских источников или уничтожено, или просто сокрыто Армянской Церковью?

Ярким свидетельством процесса трансформации албанского историко-культурного наследия в армянское, а также частичного его уничтожения, унификации может послужить фундаментальный труд Макара Бархударянца «Арцах».³⁹⁹

Согласно описанию Макара Бархударянца: *«Еще в 1828 г., по свидетельству очевидцев, эти монастыри были обитаемы и в цветущем состоянии [в мусульманском окружении албанские христианские памятники в течение многих столетий сохранились в прекрасном состоянии. – Ф.М.]. После прекращения Агванского католикосата, т.е. после 1828 г. монастыри постепенно начали хиреть, лишаться монашеских групп и, оставаясь без присмотра, по большей части стали разрушаться»* (М.Бархударянци, I, с. 5); далее он сообщает о дивном Гандзасарском монастырском комплексе, и что после 1828 г. *«расхищены в большом количестве драгоценные рукописи, оставшиеся рукописи сделались, как мы видели, жертвой сырости и небрежности, в монастыре месяцами не совершается служба, ибо нет ни грамотных людей, ни школы, ни монахов, ни даже простых чтецов»* (М.Бархударянци, I, 160). *«Комната же библиотеки монастыря была полностью пуста»; «Здесь находилось рукописное евангелие, позднее находящееся в Шеки, в селении Геог-Булак»* (М.Бархударянци, примеч. 403). В этом знаменитом албанском монастыре XIII в., по словам М.Бархударянца, из всей богатой библиотеки сохранилось лишь рукописное «житие святых». Такая участь постигла все албанские монастыри и церкви.⁴⁰⁰

Со всей очевидностью труд албанского автора XIX в. Макара Бархударянца «Арцах» свидетельствует о трансформации албанского этнокультурного наследия в армянское, начавшегося с 1828 г.

§ 2. Другие источники

Античные источники

В работе широко привлечены античные источники: Страбон (I в. до н. э. – I в. н. э.), Плиний Старший (I в. н. э.), Помпоний Мела (I в. н. э.), Плутарх (I–II вв. н. э.), Корнелий Тацит (I–II вв. н. э.), Клавдий Аппиан (II в. н. э.), Дион Кассий

(II–III вв.), Птолемей (II в.), Евтропий (IV в.), Солин, Фест, Помпей Трог (I в. до н. э. – I в. н. э.),⁴⁰¹ Евсевий (IV в.).

Античные источники дают сведения об исторической географии Албании, Грузии, Армении, о городах, поселениях, о гидронимах, о племенах и этнической истории Кавказской Албании, о вооружении и численности албанского конного и пешего войска, о религиозных верованиях албан, о походе Помпея, Лукулла на Кавказ, в Албанию, о роде занятий албан, о природных богатствах, о военной помощи албан армянскому царю Тиграну II, об отношениях албан и римлян, имена албанских правителей, о переписке албанских царей с Александром Македонским, о связи аргонавтов с албанами, о связи латинской Альбы, Лонги с прикаспийскими албанами и др.

Уникальным источником для античного Кавказа является «География Страбона»; одним из самых сложных и спорных вопросов является вопрос об источниках сведений Страбона о Кавказе, с чем связано решение другого вопроса – о возникновении государств в Иберии, в Албании, а также вопроса об исторической географии Албании, Иберии и Армении. Сведения об Албании главным образом восходят у Страбона к описателям – участникам похода Помпея.

Труд Помпея Трога (I в. до н. э.) сохранился в сокращениях, составленных во II в. Юстином.⁴⁰²

Согласно Юстину, Помпей Трог располагал богатым материалом об Иране и Кавказе.

Труд Плиния Старшего также дает сведения об исторической географии, истории и этнографии. Будучи компилятором, он стремился к возможно более точной передаче своих источников и обязательно называет эти источники. Плиний пользовался отчетами экспедиции Корбулона (I в.), картой Агриппы и т.д.

У Плиния есть рассказ о прибытии к Александру Македонскому царя Албании в момент отправления македонян в Индию. Албанский царь, согласно Плинию, подарил Александру огромного пса известной албанской породы. Это же повторяется Юлием Солином (III в.).

Корнелий Тацит – современник описываемых событий на Кавказе, опирался на свидетельства очевидцев и на официальные документы. Для нас важны его сведения по исторической геогра-

фии, о политических событиях и об общественном строе Албании, Армении и Иберии.

Для истории Кавказа особый интерес представляют «Параллельные биографии» (Лукулла, Помпея, Красса, Марка Антония, которые побывали на Кавказе) из труда Плутарха, который также дает ценные сведения по исторической географии и политической истории.

Значительное место в античной географической литературе занимает «География» Птолемея (II в.), который собрал огромный для того времени картографический материал о мире; дана географическая номенклатура Кавказа – топонимы, гидронимы.

Труды Аппиана (II в. н. э.): – История войны Рима с Митридатом VI и История сирийских войн – дают информацию о политической истории, социальных отношениях на Кавказе и в Парфии.⁴⁰³

Из огромного труда Диона Кассия («Римская история в 80 книгах») уцелели книги, отражающие походы Лукулла и Помпея на Восток. Интересные сведения дает Дион Кассий о свержении династии Аршакидов в Иране, установлении династии Сасанидов, и в связи с этим отмечает роль кавказских стран. Большую важность представляют данные Кассия по исторической географии Кавказа.

У Евтропия (IV в.) есть сведения об Армении, Иберии, Албании для периода Траяна и второй половины III в.

Евсевий (III–IV вв.), епископ Кесарии в Палестине, автор «Церковной истории» и «Хроники» дает ценные сведения о раннем христианстве. Оба сочинения написаны на греческом языке, рано переведены на латинский и сирийский языки, а также древнеармянский.

Труды Евсевия были основным источником до IV в. включительно для сирийского историка Михаила Сирийского (XII в.).⁴⁰⁴

Сирийские источники

Следующую группу источников составляют сирийские источники: Захарий Ритор, Иешу Стилит, Сирийский Судебник Ишобохта, Михаил Сириец, Бар-Эбрей.⁴⁰⁵

«Хроника» Захария Ритора-Митиленского, автора VI в. –

важный источник по истории двух империй – Византии и Сасанидского Ирана, а также народов Кавказа – албан, иберов и других этносов. Именно Захарий Ритор в сирийском переводе фрагмента из Птолея в перечне, имеющемся у Птолея, после «сарматов, скифов и сериков» добавил еще Армению, Гурзан и Арран, т.е. Албанию, которая при Захарии Риторе зависела от персидского царя царей и имела своего царька. У него же имеется указание, что народ Аррана имеет свой язык.⁴⁰⁶ В этом источнике сохранились ценные сведения о проповеднической деятельности духовенства Албанской Церкви среди степняков-гунов, о проповеди христианского вероучения среди тюркоязычных племен, живущих за Дербентом.

«Хроника» Иешу Стилита (VI в.) содержит данные о положении народов Кавказа в период персидско-византийских войн в VI в.⁴⁰⁷

Судебник Ишобохта был составлен первоначально на среднеперсидском языке (VIII в.), т.е. уже после арабского завоевания и был переведен приблизительно тогда же на сирийский язык.⁴⁰⁸

Сирийский законник Ишобохта излагает правовые нормы христианских общин в Сасанидском Иране, вавилонского Талмуда, в котором отражено право иудейских общин Сасанидской державы. В них с особенной подробностью рассматриваются статьи по брачному и наследственному праву, отстаиваются интересы духовенства.* Судебник Ишобохта представляет интерес для Албании по той причине, что именно в Албании проживали древние евреи – назареи, испытывающие нужду в подобном Судебнике.

Особое место в серии памятников занимает так называемый Сиро-ромейский Судебник, который был хорошо известен и распространен на Востоке – от Малой Азии до Египта. Судебник сохранился на сирийском языке (перевод с греч.). Позже памятник был переведен на армянский, арабский и грузинский языки.⁴⁰⁹

По мнению специалистов, сирийский перевод датируется VIII в. В нем сохранены черты обычного права восточных провинций Византии. В отличие от Судебника Ишобохта право-

* Он также помогает понять многие термины и реалии в памятниках древнеармянской исторической и канонической литературы. См.: Периханян А. Г. Сасанидский судебник. Ереван, 1973, с. XXIV-XXV.

вая терминология данного Судебника – римско-греческая. По мнению специалистов, перевод Сиро-ромейского Судебника на армянский был сделан только в XII в. в Киликии.⁴¹⁰

Совершенно очевидно, что здесь речь идет о переводе, сделанном (по поручению) Нерсесом Ламбронским, правнуком первого Авшина-Ошина, албанского князя из Гянджи, который с другими албанскими князьями эмигрировал и обосновался в Киликии. Нерсес Ламбронский перевел для киликийского населения Сиро-ромейский Судебник,⁴¹¹ полученный от сирийского священника Феодосия. Вероятно, предпочтение отдавалось этому Судебнику из-за монофизитской направленности. Но, как выяснилось, этот Судебник оказался неприемлемым.⁴¹²

Нет никаких оснований полагать, что этот Судебник имел хождение в доарабской Армении. Законник составлен в интересах церкви, смело защищаются интересы духовенства.

Заемствования из Сиро-ромейского Судебника встречаются в сирийских и арабских сочинениях XIII–XV вв. Когда при Юстиниане его законодательство стало официально обязательным для всей Византийской империи, то для восточных провинций оно оказалось слишком громоздким и неудобопонятным. На практике Сирийский Судебник явился там заменой кодекса.⁴¹³

Историк XII в. Михаил Сириец родом из Мелитены рано вступил в знаменитый яковитский монастырь Бар-Саумы. В 1163 г. он был архимандритом этого монастыря, а в 1166 г. был избран монофизитским (яковитским) патриархом Востока. Яковитский патриарх в XII в. имел многочисленную паству в сирийских, киликийских, месопотамских и других городах. Михаил Сириец был очень образованным и одним из знающих сирийских писателей. Он знал арабский и армянский. Из трудов Михаила Сирийца наибольшую ценность представляет Хроника для изучения стран Ближнего и Среднего Востока VI–VII, XI–XII вв.

До конца XIX в., т.е. до открытия сирийского текста и арабского перевода, Хроника была известна по армянскому переводу, сделанному в 1248 г. с сирийского автографа самого автора.⁴¹⁴

Сочинение Михаила Сирийца хронологически можно разделить на 2 части, в первую из которых входят книги I–XIII; а во вторую - входят книги XV–XXI. Для нас наибольший интерес представляют сведения о распространении христианства на Вос-

токе, о политике Сасанидских царей по преследованию христиан, а также сведения по истории восточных государств XI–XII вв.: Византии, Киликии, тюркских владений и др. Достаточно полно изложены завоевания сельджуками ближневосточных областей. Ценность труда Михаила Сирийца заключается в том, что он создал свою Хронику на основе трудов сирийских авторов VI–VII вв.⁴¹⁵ Интересные сведения дает он о яковитском Антиохийском патриаршестве и о его связях с восточными церквами. Так он сообщает, что с тех пор, как были установлены службы четырех апостольских местопребываний, каковыми были: «к пребывающему в Риме и к пребывающему в Константинополе [первосвященникам относятся. – Ф.М.] одна из трех частей мира, т.е. Европа; Египет, Эфиопия и Ливия... относятся к ведомству Александрии. Великая Азия, которая начинается от восточных пределов Адриатического моря и простирается до восточных пределов обитаемой земли, возможно такая же огромная, как первые две другие части [вместе], зависела от [патриарха], пребывающего в Антиохии. Вот почему Антиохийский патриарх, как сообщает источник, рукополагал католикоса армян, а также Гурзана, Арана (Arap) до времени, когда Бабай был убит персом Бар-Саумой. Тогда этот установленный порядок нарушился вплоть до времени персидского царя Ардашира [III]».⁴¹⁶ Отношение к этому отрывку, насколько он соответствует историческим реалиям, см. в главе «Албанская Церковь» данной монографии. Много сведений дает Михаил Сириец о тюрках «откуда их народ и в какой стороне он живет», об их обычаях и нравах, о структуре политического устройства тюрков, о кавказских воротах - Аланском проходе и Дербентском, и о восстании Бабека.

Следующим сирийским автором является Бар-Эбрей, труд которого «Всеобщая история» состоит из двух частей: «светская история» и «церковная история». Начинается «светская история» с библейских времен и доводится до 1285 г., затем она была дополнена братом Бар-Эбрея, Бар-Саумой с 1286–1297 гг.⁴¹⁷

Бар-Эбрей дал в своем труде сообщения своих предшественников об арабах и сельджуках и последовательно изложил события о современных ему завоевателях - монголах, история которых в его работе является наиболее ценной, ибо, будучи совре-

менником событий, он одинаково почитался как христианскими, так и мусульманскими писателями.⁴¹⁸ «Церковная история» состоит из двух частей. В первой части подробно изложена история христианской церкви, начиная с Антиохийских патриархов; с V в. - это, главным образом, история патриархов ее монофизитской ветви, доведенная до 1285 г., а последующие добавления сделаны до середины XIX в. Для нас представляет интерес история восточной (позже - несторианской) ветви сирийской церкви до 1286 г. Благодаря труду Бар-Эбрея, наука располагает сведениями об истории двух важных ветвей восточной церкви - яковитской и несторианской.⁴¹⁹

Из «светской истории» Бар-Эбрея («Всеобщая история») становится известным о правлении персидских царей Иездигерда II – Пероза, о политике их по отношению к христианскому населению Персии и [Кавказа], о причине преследования их, о взаимоотношениях гуннов с персидскими царями - Перозом, Кавадом, Хосровом II, об арабо-персидских войнах и падении Сасанидской империи, о политике арабов на Кавказе.

Особый интерес для исследуемой темы представляет сообщение Бар-Эбрея о подчинении персидским царем Артаксерксом III (IV в. до н. э.) Египта. «Египтяне были снова подчинены персам... Окоз [Артаксеркс] *покорил также евреев и сделал их данниками. Он поселил их на берегу Каспийского моря* в городе Гиркании». ⁴²⁰ Это событие датируется IV в. до н. э. Этот эксцерпт дает ценные сведения о поселении евреев - древних иудеев на Каспийском побережье. Это были потомки современных татов, живущих в Северном и Южном Азербайджане. В связи с этим сообщением, приобретает определенное осмысление сообщение из хроники Михаила Сирийца, где сказано: «На 60 году пленения [евреев] царица массагетов убила Кира - царя персов. Камбиз, его сын начал царствовать в течении 8 лет. Евреи говорят, что он был прозван Навуходносором». ⁴²¹ Начало персидского пленения евреев, согласно этим данным, было начато Киrom в VI в. до н. э. и, видимо, продолжено Камбизом, в знак которого он и был прозван евреями Навуходносором ибо, как известно, пленение евреев в Месопотамии свершилось при Навуходносоре.

Пехлевийские источники

В империи Аршакидов и сменивших их Сасанидов многие социальные и юридические институты были общими для всех областей державы, а также они были общими для кавказских стран, находящихся в вассальной зависимости от них. Поэтому для исследуемых проблем большое значение имеет привлечение среднеперсидских источников: «Письмо Тансара» (VI в.), «Города Ирана» (VIII в.), «Книга тысячи судебных решений» (VII в.). «Книга деяний Ардашира» дает сведения об институтах сасанидского общества и о его сословном делении. Она важна для исследования среднеперсидской терминологии, которая может в достаточно полной форме быть изучена лишь по оригиналам среднеперсидских источников.

«Письмо Тансара» было переведено лишь в VIII в. на арабский язык, но ни арабская версия, ни среднеперсидский оригинал до нас не дошли. «Письмо Тансара» (арабская версия) стало известно в XIII в., благодаря переводу на персидский язык Ибн Исфандияром, который включил его в «Историю Табаристана».

Из «Письма» становится известно о внутреннем устройстве персидской державы и о взаимоотношениях шахиншаха с социальными группами населения державы.⁴²²

«Города Ирана» – источник по изучению исторической географии и градостроительства. Большой интерес представляет «Сторона Адурбадагана» (один из разделов источника) – одна из четырех групп, перечисленных в памятнике 110 городов, разделенных по сторонам света.⁴²³

Для нас представляют интерес города Северного и Южного Азербайджана.

Из среднеперсидских юридических памятников сохранилось лишь одно сочинение – «Книга тысячи судебных решений».⁴²⁴

Важным источником Сасанидского права, сохранившимся из среднеперсидских памятников, является Сасанидский Судебник – «Книга тысячи судебных решений». Ввиду того, что социальная, политико-административная терминология на Кавказе (в Албании и Грузии), а также в восточной части Малой Азии (в Армении) была персидской по происхождению, Сасанидский Судебник помогает понять многие термины и реалии в памятниках

древнегрузинской, древнеалбанской, древнеармянской исторической и канонической литератур. Заметим также, что персидская терминология в ее исконном значении хорошо сохранилась в древнеармянском языке, что и помогло никому другому, а именно А.Г.Периханян перевести этот сложный Судебник.

Сасанидский Судебник отражает высокий для той эпохи уровень развития иранского права, разработанность судебной процедуры.⁴²⁵

В основе Судебника лежит многовековой опыт и практика иранского судопроизводства, что видно из многочисленных ссылок на авторитеты и труды юристов минувших времен. Памятник сохранился в рукописи, переписанной в Иране в XVII в., затем увезенной в Индию, где она уцелела в общине индийских парсов.

Грузинские источники

Следующую группу источников составляют грузинские источники, среди которых предпочтительнее грузинские агиографические памятники, поскольку для раннего средневековья это единственные сохранившиеся данные на древнегрузинском языке. Эта группа источников важна для изучения социальной терминологии, а также для воссоздания политических реалий, культурной истории Грузии и Албании раннесредневекового периода.

Наиболее ранним агиографическим источником является «Мученичество святой Шушаник» (V в.).⁴²⁶ Следующий памятник – «Мученичество и страдания Эвстатия Мцхетского» (VI в.). Остальные жития относятся к более позднему времени. «Картлис цховреба» – замечательный летописный свод, который переводится как «Жития Грузии» или «История Грузии». В этом источнике повествуется как о героическом прошлом грузинского народа со времен седой старины до XIV в. включительно, так и имеется множество интересных сведений о близких «соседях Грузии» – об албанах, ранах, эрах, Эрети, Рани и др. периода древности и раннего средневековья. Начальные части «Картлис цховребы» были написаны архиепископом Леонти Мровели в конце XI столетия. Они были отдельно изданы под заголовком «Жизнь картлийских царей».⁴²⁷

В XVII в. в столице государства Сефевидов в Исфагане

грузинский историк Парсадан Горгиджанидзе написал «Историю Грузии» и соседних стран со времен распространения в Картли христианства до конца XVII в.*

Историческая география Грузии нашла отражение в «географии» Вахушти (XVIII в.). По мнению М.Броссе, «География» Вахушти имеет такое же значение для Грузии, как топографические заметки Гомера для Греции.

Арабские источники

Арабские источники: ат-Табари (IX–X вв.), ал-Балазури (X в.), Ибн ал-Асир (XII–XIII вв.), ал-Мас'уди (X в.), ибн Хордадбек (X в.), Ибн-Хаукал (X в.) дают сведения о природных богатствах Закавказья, об исторической географии, о поселениях, городах, расстояниях между ними, о политической истории, о торговле Азербайджана (Южного) и Арана (Северного).⁴²⁸

Армянские источники

Армянские источники имеют большое значение для изучения истории Азербайджана раннесредневекового периода. Следует отметить, что немалой частью фактов из социальной, политической и духовной истории Албании IV–IX вв. наука обязана именно этим памятникам. Обращает на себя внимание тенденциозный характер армянских источников, что, впрочем, характерно для любого сочинения древности и раннего средневековья. Особенно эта тенденциозность четко проявлялась при описании ими истории смежных стран, соседних народов – Иберии и Албании.

Для выявления исторической достоверности сведений, сообщаемых армянскими авторами, необходимо учесть, кто были авторы, каковы их классовые, политические и идеологические тенденции, общественное положение. Следует учесть эпоху, цели и задачи, которые были поставлены перед создателями источников, обязательно сопоставить данные армянских памятников со сведениями других (чужих) синхронных источников, а также провести сравнительный анализ реалий двух стран – Армении и

* Кикнадзе Р. К. Очерки по источниковедению истории Грузии. Парсадан Горгиджанидзе и "Картлис цховреба". Тбилиси, 1980.

Албании синхронного времени. Историческая наука пользуется разнообразными методами для осуществления критической проверки памятников.

Известно, что авторами этих сочинений, как правило, были служители христианской церкви Армении, положение которой было непрочным из-за нахождения страны на стыке двух империй – Сасанидского Ирана и Рима-Византии. Идеологические позиции церкви находились в зависимости от интересов империй.

Интересы духовенства большей частью были объединены с армянским народом, для которого Армянская Церковь была организующей и консолидирующей силой.

Вот почему армянская литература, постепенно высвобождаясь от влияния греческой и сирийской, стала отражать церковно-политическую борьбу.⁴²⁹

Авторы всех армянских сочинений и те, которые писали свои труды по заказу своих меценатов, в определенном смысле были патриотами своей страны и создавали историю как отдельных княжеских родов, так и историю Армении. «Армянская литература фактически создавалась в ту эпоху, когда не было армянской государственности».⁴³⁰ В этом ее своеобразие и неповторимость.

В условиях потери армянской государственности, а также раздробленности Армении (наличие западной Византийской Армении и восточной Перс-Армении), естественно, назревало стремление к былой независимости, к возрождению, «ощущалась большая потребность в целостной и обработанной истории Армении».⁴³¹ При таких обстоятельствах авторы «Истории Армении» ставили целью возвеличивание истории самостоятельного армянского царства, проповедовали, культивировали идею общности армянских областей, идею некогда существующей единой мощной Армении, способной противостоять чужеземным захватчикам, воспитывали в народе дух сопротивления. «Эту идею необходимо было развивать, чтобы поддерживать народ».⁴³² Такие творения изобиловали неизбежными гиперболами и искажениями.

Кроме того, со временем памятники претерпевали изменения, подвергались редактированию, приводились в соответствие с новым политическим курсом. Н.Адонц отмечал: «...памятники осмещались с новой точки зрения, часто подвергались переработке

сообразно новой обстановке и требованиям времени. Относительно многих памятников древности, в особенности исторического содержания, возможно сомнение, насколько наличный их вид соответствует подлинному. Что они древнего происхождения, это ясно, но, несомненно, и то, что они задеты посторонней рукой».⁴³³

Таким образом, к каждому источнику необходим индивидуальный подход, что, в конечном счете, поможет выявить объективные и субъективные причины искажений. В одних случаях это сознательный обман, преследующий пропагандистские или иные практические цели; в других - это бессознательное выражение классовых и идеологических тенденций при субъективной добросовестности историка, в третьих – это следствие не критического отношения автора к полученной информации, что обусловлено примитивными приемами исследования.

Первое место в армянской историографии по времени принадлежит «Житию Маштоца» Корюна (написано в 40-х годах V в.), которое является биографией Маштоца. Сочинение Корюна – это описание определенного события, одного короткого отрезка времени,⁴³⁴ вернее всего, это панегирик, в котором достаточно ясно представлено возвышение, восхваление своего духовного отца, учителя, а не исторический труд в узком значении этого понятия.⁴³⁵ Корюн сообщает о просветительской и проповеднической деятельности Маштоца в Албании, в областях Сюник, Гохтан, о реформировании, совершенствовании им с помощью сюникского переводчика Бениамина и при покровительстве албанского царя Асуагена и албанского патриарха алфавита для албан.⁴³⁶

Другим представителем армянской историко-литературной традиции является Елишэ (Егише), написавший во второй половине V в. сочинение «О Вардане и войне армянской». Оно посвящено народно-освободительному движению с участием армян, албан и иберов, направленному против Сасанидов в 450–451 гг. Возглавил это движение армянский полководец Вардан Мамиконян. В этом труде автор отразил также события 457 г., связанные с антисасанидским восстанием в Албании, которое возглавил сам албанский царь Ваче II. Согласно сообщению Елишэ, в результате этого восстания царская власть в Албании была на время

упразднена. Елишэ, современник и участник жестоких событий, происходивших на Кавказе, правильно освещает причины, побудившие эти народы к антииранским выступлениям: экономический, политический гнет и политика культурно-идеологической ассимиляции (насаждение зороастризма, гонение на христиан), проводимые Сасанидами.

Важность этого памятника заключается еще в том, что здесь содержатся ценные сведения о гуннах, о зороастрийской религии.⁴³⁷

В конце V в. Фавстос Бузандаци написал «Историю Армении», от которой до наших дней уцелели III–VI книги, всецело относящиеся к «Конечной истории». Сочинение охватывает события за 55 лет (332–387).⁴³⁸ Книга Фавстоса Бузандаци – первый опыт изложения полной истории Армении. Она должна была осветить две стороны истории: светско-политическую и церковную.⁴³⁹

Фавстос Бузандаци стремится представить Мамиконянов как единственную силу, способную освободить Армению от персидского гнета.⁴⁴⁰

Данные Фавстоса Бузандаци об Албании, албанах очень тенденциозны. Так, он сообщает, что после 34-летней войны между Арменией и персидским царем Шапуром II (309–379) «...обе стороны утомились, устали, потерпели поражение, пали духом», т.е. результат был «ничейный». Тогда, по словам Фавстоса, от армянского царя отложился и перешел на сторону персидского царя ряд областей, в числе которых он называет владельца Гардманадзора, укрепленный Арцах, страну каспов (*Бузандаци*, IV, 50). Далее он сообщает, что Мушег, армянский полководец, «стал воевать с теми, кто восстал против армянского царя, и рядом жестоких сражений отвоевал много земель» (*Бузандаци*, V, 8). В числе «отвоеванных» земель упомянуты Арцах, Ути, Шакашен, Гардманадзор, т.е. албанские области. «Реку Куру Мушег сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше» (*Бузандаци*, V, 12, 13). Исследование античных, албанских источников, а также реалий Армении и Албании античного периода и раннего средневековья убеждает в совершенной беспочвенности этой информации (см. гл. II «Историческая география»).

Политическая тенденциозность Фавстоса объясняется, оче-

видно, временем, условиями страны, где создавался его труд, и потому требует критического подхода к его данным. О несовершенстве, примитивности труда Фавстоса Бузандаци писал еще М.Абегян: «Эта история была в духе простолюдина, без хронологии, с чрезмерными преувеличениями».⁴⁴¹ Но вместе с тем нельзя забывать, что Фавстос представляет важные сведения о политической, социальной и церковной истории Албании. Так, из его сообщений становится известно о проповеднической деятельности Григориса, внука Григория Просветителя, в Албании, в стране маскутов, а также об участии на стороне персидского царя Шапура II албанского царя Урнаира во время персидско-армянской войны 371 г. (*Бузандаци*, V, 4). Важны сведения автора и о социальной терминологии.

Борьбе народов Кавказа за свою независимость посвятил свой труд младший современник Егишэ Лазар Парпеци, писавший в конце V – начале VI вв., труд которого носит традиционное название «История Армении». Парпеци излагает события, начиная со времени раздела Армении в 387 г. и доводит до конца V в. Опираясь на документы и свидетельства современников, автор дополнил сведения, имеющиеся у Елишэ, об антииранском движении 450–451 гг., и описал антисасанидское восстание народов Кавказа в 481–484 гг. Ценность труда Парпеци заключается еще в том, что он, в отличие от всех армянских авторов, часто подчеркивает единодушие, согласованность действий, союзнические отношения, существующие в тот период между тремя народами – армянами, албанами и иберами.⁴⁴²

Труды Фавстоса Бузандаци и Лазара Парпеци при их традиционном названии «История Армении» были все же «историями короткого отрезка времени», отвечали требованиям своего времени, V в. – первому веку армянской христианской письменности.

Но позднее, в VII–IX вв. потребность в целостной, комплексной продуманной истории Армении стала ощущаться все острее. Так появилась «История Армении» Моисея Хоренаци, «отца армянской историографии», труд которого «выделяется из всей раннесредневековой историографии как по структуре, так и по содержанию».⁴⁴³ Структурно «История» состоит из трех частей. Как явствует из предисловия к «Истории Армении», Хоре-

наци принялся за свое сочинение по просьбе князя Саака Багратуни, который желал знать о происхождении армянского народа, армянского государства, различных нахарарских родов и, прежде всего, о происхождении рода Багратуни. И Хоренаци создает историю армянского народа начиная от библейских прародителей и доводит до 428 г., до упразднения царской власти в восточной Перс-Армении (*Хоренаци*, III, 1). Историю армянского этноса автор развивает параллельно с историей известных древних народов – Вавилонии, Ассирии, Мидии, Персии, парфян, римлян, Сасанидов.⁴⁴⁴

Политическая тенденция Хоренаци – показать прошлое величие Армении, армянского народа, доказать, что в прошлом существовало самостоятельное сильное независимое армянское царство,⁴⁴⁵ которое ничем не уступало крупнейшим державам Передней Азии.

Хоренаци – автор VIII в. Мы полностью исходим из предпосылок, высказанных в свое время Г.А.Халатьянцем,⁴⁴⁶ Н.Я.Марром,⁴⁴⁷ Н.Адонцем,⁴⁴⁸ Я.А.Манандяном,⁴⁴⁹ относительно датирования Хоренаци.

Время жизни Хоренаци можно точно датировать, во-первых, исходя из периодов развития литературных направлений. Как известно, еще Н.Я.Мартин отмечал в армянской литературе три направления, представляющие собой три периода: миссионерский при полном господстве сирийской образованности, философско-схоластический с преобладанием греческого влияния и, наконец, национальный, местный.⁴⁵⁰ История Хоренаци, «яркого армянского националиста на почве греческой образованности, любителя греческих норм и форм», как утверждает Н.Я.Мартин,⁴⁵¹ «никак не может быть отнесена ни к сирийско-миссионерской школе, ни к моменту первого увлечения греческой схоластической наукой».⁴⁵² Если, как полагает Н.Я.Мартин, грекофильский период падает на VI–VII вв., то дошедшая до нас «История Армении» Хоренаци могла явиться в ее окончательной форме не ранее VII в., но возможно и позднее VII в.⁴⁵³ Н.Я.Мартин в другой своей работе вновь категорически утверждает, что Хоренаци должен быть отнесен не к V в., «а к значительно поздней поре, когда исключительно сирийское направление было преданием старины, а сменявшее его культурное эллинофильство

успело вызвать в литературе национальное течение». ⁴⁵⁴ По убеждению Н.Я.Марра, такой датировке вполне соответствуют и внешние качества памятника, в том числе и *язык, каким он написан*. ⁴⁵⁵ [подчеркнуто нами. – Ф.М.]. Вряд ли могут вызвать сомнения познания Н.Я.Марра в области арменистики, армянской филологии. Следуя за Н.Я.Марром, Н.Адонц называет Хоренаци «выдающимся из эллинистов, труд которого представляет собой опыт применения эллинской учености к области историографии». ⁴⁵⁶ По мнению Н.Адонца, Хоренаци жил не ранее конца VII в. «С Хоренским армянская историография и вообще литература замыкает первый период своего развития... VIII в. является переходным временем ко второму периоду армянской литературы», который продолжается, как считает Н.Адонц, до XI в. включительно, *совпадая с Багратидской эпохой*. ⁴⁵⁷ [подчеркнуто нами. – Ф.М.].

Во-вторых, другим прочным аргументом в пользу датирования Хоренаци VIII в. является его отношение к двум известным влиятельным нахарарским родам – Мамиконянам и Багратуни, на что впервые верно обратил внимание в своих исследованиях Г.Халатянц. ⁴⁵⁸ В литературе сторонники традиционной даты жизни Хоренаци – V в., пытаясь опровергнуть доводы представителей «критической школы», почему-то не акцентировали внимание на этом важном доводе, а просто умалчивали о нем. Рассмотрим, каково реальное общественно-политическое положение этих двух родов в жизни Армении в V–VIII вв.

Напомним, что в V–VII вв. Мамиконяны занимали должность спарапета – главнокомандующего войск Армении и временами – марзбана (наместника), т.е. практически полнота власти в стране (персидском наместничестве Перс-Армении) находилась у Мамиконянов. Что же касается Багратуни, то они в прежние времена, в царский период Армении, до 428 г. были аспетами (венценалагателями), т.е. имели прерогативу коронации армянских царей. С упразднением царской власти они практически остались не у дел, только по традиции продолжали считаться венценалагателями в безцарственной стране. Мамиконяны возглавляли антииранские силы страны, в том числе антисасанидские народно-освободительные движения 450–451 гг. (Вардан Мамиконян), 481–484 гг. (Ваан Мамиконян). В 485 г. Ваан Мамико-

нян стал марзбаном страны (Восточной Армении, Перс-Армении). В 571 г. антииранское движение возглавил Вардан Мамиконян по прозвищу Красный Вардан, который был фактически правителем восточной Армении почти до 591 г. Из событий V в. становится известным, что в списке нахараров, участников анти-сасанидской группировки, созданных на собор в 450 г. для составления ответа персидскому царю Иездигерду II, Багратуни не значатся, т.е. они не явились на собор, так как не сочувствовали движению.⁴⁵⁹ Род Багратидов (Багратуни) начинает практически возвышаться только в начале VIII в. Они в 703 г. возглавили антиарабское движение. В 747–750 гг., когда вновь началось антиарабское освободительное движение, халифат посеял раздоры и вражду между самыми влиятельными родами – Багратуни и Мамиконянами, предоставив Багратуни большие привилегии. Ашот Багратуни предал движение.⁴⁶⁰ После поражения движения халифат лишил Мамиконянов должности ишхана – князя и спарапета Армении и наделил ими род Багратуни.⁴⁶¹ Ишханом страны стал Саак Багратуни, а спарапетом – Смбат Багратуни. Мамиконяны были истреблены, а их наследственные владения перешли к Багратуни.

Теперь, возвращаясь к намеченному вопросу о датировке Хоренаци, напомним, что все источники V в. – Елишэ, Лазар Парпеци, Фавстос Бузандаци и автор VII в. Себеос чтят род Мамиконянов выше всех нахараров. Елишэ, как известно, назвал свой труд «О Вардане [Мамиконяне. – Ф.М.] и войне армянской». Фавстос Бузандаци представляет Мамиконянов как единственную в стране силу, способную организовать и осуществить освобождение страны от чужеземного господства. И только Мовсес Хоренаци, создавший свой труд по заказу Багратуни, стоит особняком. Он в отличие от авторов V–VII вв. возвеличивает род Багратуни и совершенно игнорирует Мамиконянов. События, важные для страны, связанные с представителями этого рода, он пытается переиначить, дать другое толкование, связать с другими лицами, с другими обстоятельствами,⁴⁶² лишь бы в угоду Багратуни не упомянуть имя Мамиконянов. В гл. 7 кн. II, где он описывает происхождение нахарарских родов, первыми он называет Багратуни, искусственно удревняя время их появления в Армении. Изложив происхождение всех остальных нахарарских родов в книге II глав

7, 57, 58, 78, Хоренаци в самую последнюю очередь говорит о происхождении Мамиконянов в отдельной гл. 81 кн. II.

В свете вышеизложенного можно прийти к единственному выводу о том, что если бы Хоренаци был автором V в., то он не посмел бы так относиться к влиятельному и высокочтимому роду Мамиконянов. Это могло быть только в VIII в., когда Мамиконяны были в опале, сошли со сцены, а Багратуни стали правителями страны. Дата VIII в. находится в полном соответствии как с реалиями, так и с периодом литературного направления – местного – национального, представителем которого был Хоренаци. И становится понятным, почему Хоренаци за исходный рубеж своего сочинения взял 428 г. – время ликвидации армянского царства. Как нам представляется, он таким образом преследовал две цели – с одной стороны, осветить правление царствующей династии в Армении, армянских Аршакидов (66–428) «как конец и венец независимой Армении» (*Хоренаци*, II, 8), а с другой – показать, что в этот период Багратуни были в зените своей славы, а после 428 г. их реальная значимость пришла в упадок.

Какова была эпоха создания «Истории Армении»? В условиях поражения антиарабского движения VIII в., в условиях господства центробежных устремлений нахараров и отсутствия политического образования необходимо было создать труд, который идеологически способствовал бы мобилизации сил страны на борьбу за свою независимость. Возвеличение в прошлом правления Аршакидов Армении означало, что спасение страны – только в единении всех сил вокруг рода Багратуни с целью создания, приобретения государства. Свидетельство тому последняя глава, завершающая «Историю Армении» – «Плач о прекращении армянского царства из рода Аршакуни и патриаршества из дома святого Григория».

Труд Хоренаци «История Армении» – важный источник по истории Албании, представляющий сведения об ее исторической географии, особенно о южной границе, проходящей в I в. по р. Аракс. Из этого источника мы узнаем о политической истории – первом правителе Албании–Аране из рода Сисака, о нашествии на Армению правителя албанской области Пайтакаран Санатрука, об участии в Дзиравском сражении 371 г. албанского аршакидского царя Урнаира; о христианстве, о пропо-

веди в Албании, особенно в северо-восточной части ее епископа – католикоса албанского Григориса, внука Григория Просветителя; интересны также сведения о тюркоязычных кочевниках – булгарах, басилах (барсилах), хазарах, гуннах⁴⁶³ и другие данные.

Другим важным источником армянской литературы VII в. является историческое сочинение, приписываемое епископу Себеосу. В настоящее время традиционное авторство оспаривается.⁴⁶⁴ Композиционно источник состоит из трех разделов, из коих самому Себеосу, по мнению К.Патканова, принадлежит лишь третий раздел. Небезынтересно рассмотреть основные доводы К.Патканова, который считает, что: 1) Себеос написал сочинение под наименованием «История Иракла». В первых двух частях ее, как известно, изложена древняя история и ничего общего нет с эпохой императора Иракла; 2) третьей части предпослано предисловие, где автор сообщает, о какой эпохе пойдет речь. Автор поясняет, что он не намерен говорить о временах давно прошедших, ибо все это описано и передано другими.⁴⁶⁵

В монографии Г. Абгаряна научным путем доказывается, что «Начальная история Армении» – «История Анонима» не принадлежит автору, написавшему остальную часть, и что автором «Истории Иракла», приписываемой Себеосу, является армянский писатель Хосров, живший в VII в.⁴⁶⁶

Этот памятник – уникальный источник по истории стран Кавказа VI–VII вв., где в сжатой форме изложены как мирные отношения, так и разрушительные войны между двумя великими державами – Персией и Византией за раздел стран Кавказа. В эти опустошительные войны были втянуты Армения, Албания и Иберия. «История Иракла» содержит ценные сведения об участии тюркито-хазар в войне Ираклия с персами. Труд очень важен для понимания того реального положения, которое сложилось на Кавказе во время первого выступления хазар на историческую арену.⁴⁶⁷ Из источника становится известно о христианстве, о религиозной политике Ираклия, о внедрении им в странах Кавказа халкидонитства. Автор датирует события по годам правления либо персидских царей, либо византийских императоров и доводит описание событий до 661 г.

Одним из интересных представителей среди армянских авторов VII в. был Анания Ширакаци, важнейший труд которого

«География» – «Ашхарацуйц» содержит описание всех стран известного тогда мира.⁴⁶⁸ «География» дошла до нас в двух редакциях – сокращенной и пространной. При использовании этого значительного памятника необходимо учитывать, что на протяжении веков переписчики подвергали первоначальный текст значительным изменениям – вносили сокращения, интерполяции, прибавляли новые абзацы, заменяли древние географические названия новыми, допускали искажения и т.п.⁴⁶⁹

Источниками для «Географии» Ширакаци послужили «География» Клавдия Птолемея (I–II вв.), сведения Папы Александрийского и других античных авторов.⁴⁷⁰ Однако при описании Армении и соседних стран изложение автора носит самостоятельный характер.

Ширакаци в основу описания каждой страны положил естественно-географический ландшафт и этнические границы, а не политико-административные единицы. Структурно «География» состоит в основном из двух частей: первая содержит общее землеописание, а вторая – описание отдельных стран. Оригинальной частью «Географии» является описание Ближней Азии, где представлено административно-политическое деление Ближнего Востока VI–VII вв., чего не было при Птолемеи.⁴⁷¹

Азия в «Географии» разделена на 44 страны, где под номером 26 значится Албания, а 27 – Великая Армения, которая делится на 15 провинций (нахангов), а каждая из них была разделена на области (гавары – кантоны).⁴⁷² Исследователи полагают, что при описании Армении Анания Ширакаци брал за основу административное деление не VII в., когда Армения была поделена на западную – Византийскую и восточную – Перс-Армению, а период Аршакидского царства Армении, но при этом счел необходимым отметить те изменения, которые произошли после раздела Армении – а именно, албанские наханги Арцах, Ути и Пайтакаран были выделены из состава Армении и включены в состав Албании.⁴⁷³

Однако С.Т. Еремян указывает, что Армения была разделена на 15 нахангов при византийском императоре Маврикии, т.е. в 591–610 гг.⁴⁷⁴ Следовательно, это деление было географическо-административное, если учесть, что армянской государственности к этому времени уже давно не было, а по договору 591 г., как

известно, территория Армении подверглась очередному делению между Византией и Сасанидским Ираном. К Ирану отошли Васпуракан, Сюник и Двин, а все остальное – к Византии. А что же касается нахангов Арцах, Ути и Пайтакаран, которые будто бы были выделены из состава Армении, то о них в договоре 591 г. ничего не сказано.

Следует отметить, что сообщения Ширакаци относительно пребывания трех албанских областей – Арцаха, Ути и Пайтакарана в составе Армении не соответствуют историческим реалиям Албании и Армении периода античности и раннего средневековья (см. об этом гл. II «Историческая география Албании»). Тем не менее сведения Ширакаци очень ценны для исторической географии Албании в той части, где он описывает все политико-административные единицы Албании, их границы, природные богатства.

Ценным источником VII–VIII вв. можно назвать «Историю халифов» Гевонда, которая охватывает события, происшедшие на Кавказе в течение 127 лет (от 661 до 788). Здесь повествуется о первых вторжениях арабов в Албанию и Армению, о подчинении албанов, о войнах арабов с армянами, греками и хазарами. Автор сообщает уникальные данные о хазарах, Хазарском каганате, освещает политику, проводимую арабами в отношении кавказских народов и др.⁴⁷⁵

Историю христианства прекрасно отражает сборник эпистолярных документов – «Гирк тлтоц» («Книга писем», или «Книга посланий»), составленный в VIII в.⁴⁷⁶ Этот памятник содержит переписку армянских церковных и государственных деятелей с главами соседних стран и церквей (Албании, Иберии, Сасанидского Ирана) на протяжении V–VIII вв. Первая часть сборника датируется V–VII вв. и состоит из трех групп переписки: 1) с греками, 2) с сирийцами, 3) с главами церкви Грузии и Албании.⁴⁷⁷ «Книга писем» является важным источником не только по истории христианства, догматических споров Албанской Церкви, но и доказывает наличие у албан своей письменности.⁴⁷⁸

Резюмируя обзор армянских источников, можно сказать, что по классовым и идеологическим воззрениям все авторы армянской историко-литературной традиции были в той или иной степени выразителями интересов церкви, армянских христиан-

ских кругов, процерковной партии феодалов – нахараров.

Классовые тенденции особенно ярко проявляются в нарративных источниках – как албанских, так и армянских, где отражены главным образом политические события, важные в первую очередь для феодалов, для церкви и феодального государства.

§ 3. Историография

В данном разделе мы рассмотрим историографию, отражающую те проблемы, которые мы исследуем: историческую географию, албанский этнос, социальный и политический строй (феодальные институты, аппарат управления), историю становления албанских правителей, албанскую историко-литературную традицию, историю становления, развития и ликвидации Албанской Апостольской Автокефальной Церкви. В монографии освещены история албан, Албанского царства с IV в. до н. э. по начало VIII в. н. э., а также история поздних албан, история возрожденных албанских княжеств-царств в IX–XII вв., история албанских меликств с XV по XIX вв., деэтнизация албан, трансформация албанского этнокультурного наследия в армянское, роль албан в этногенезе азербайджанского народа.

В связи с трагической судьбой албанского этноса, когда его этнокультурное наследие было трансформировано, претерпело агрессию со стороны Армянской Эчмиадзинской Церкви, мы вынуждены были дать экскурсы в историю армянского народа и доисследовать отдельные вопросы, которые в науке не были исследованы: история, локализация армянских епархий, армянских феодальных патронимий, локализация Армянского нагорья, армянской области Айрарат и армянских столиц и др.

Мы не ограничимся только пересказом существующих мнений, но в ряде случаев предложим новые решения этих вопросов, базирующихся на иной методологической основе – на рассмотрении и соположении реалий Албании и Армении синхронного времени, на что по сей день историки совершенно не обращали внимания, на привлечении договоров, заключенных между двумя империями – Римом-Византией и Персией, что не привлекалось к изучению по истории Албании, а также на использовании дан-

ных источников в связи с целями и задачами появления памятников, на основе их анализа.

Как известно, изучение албановедения было начато с XIX в. с исследований выдающихся французских ученых Е. Борэ и академика М. Ф. Броссе, которые были одними из первых историков-источниковедов, сделавших переводы на французский язык отдельных фрагментов «Истории албан» Моисея Каланкатуйского и прокомментировавших их.⁴⁷⁹

Отдельные вопросы албановедения были косвенно рассмотрены в работах Н. Я. Марра, сделавшего много в развитии кавказоведения.⁴⁸⁰

Необходимо назвать исследования ученика Н. Я. Марра, И. А. Орбели, который в начале XX в. занялся эпиграфикой «Арцаха» - Хачена на заре своего творчества, впоследствии став блестящим востоковедом, кавказоведом, курдологом. И. А. Орбели предстояло «описать» христианские памятники древнего Хаченского княжества, собрать и проверить в его пределах известный эпиграфический материал. И. А. Орбели скопировал 300 надписей, причем некоторая их часть была вообще доселе неизвестна: все памятники относились к XII–XIV вв. Следует отметить, что обращение И. А. Орбели к албанской эпиграфике, к истории Гасан Джалаловского рода (исследования которого в этой области по праву считаются лучшими творениями академика И. А. Орбели), было продиктовано не только чисто профессиональным интересом, но и имело свою предысторию. И. А. Орбели по своему происхождению восходил к двум известным родам на Кавказе – в Грузии и в Албании – к роду Орбели (к которому, в свою очередь, восходил и Степаннос Орбели, автор «Истории Сюника» XIII в.) и к роду Аргутинских-Долгоруких. А исследуемый им албанский род Гасан Джалала восходил как к албанским Михранидам, так и часто роднился с родом Иванэ Атабеком и Закарием Спасаларом Аргутинскими - Долгорукими, а также с родом сюникских Орбелянов. В 1909 г., собрав эпиграфику Хачена-Арцаха, поработав над ней, сделав ее читабельной, проделав титанический труд, И. А. Орбели в 1919 г. в Петрограде издает I-й корпус «Надписи Гандзасара» (42 стр.), в предисловии которого обещает дать перевод этих надписей на русском языке во II-м корпусе. Из 300 надписей на древнеармянском языке - 84 были спи-

саны в Гандзасаре, а между тем текст только 40 из них был издан И.Шахатуни, собран Саркисом Джалалянцем и Макаром Бархударянцем (в «Арцахе»). Остальные надписи впервые печатались И.А.Орбели в этом корпусе. Тем удивительней и не поддаются разумению действия И.А.Орбели, когда он по собственному желанию (известному из письма, хранящегося в фонде академика И.А.Орбели)⁴⁸¹ обращается в типографию (Петроград, 1919 г.) скупает весь тираж и отказывается от обнародования «надписей Гандзасара». Увы, этот титанический труд И.А.Орбели остается сокрытым и недоступным для науки. Невозможно понять, что могло побудить его на такой поступок? Я работала в фонде И.А.Орбели и, собственноручно переписав весь эпиграфический корпус Гандзасарской эпитафии, перевела большую часть ее. Думается, что к этому И.А.Орбели принудило содержание Гандзасарских писем, которое не соответствовало сложившейся армянской концепции. Как стало известно, согласно этой концепции, Арцах-Хаченское царство считается армянским и впредь должно быть армянским и этнически, и политически, и культурно. Между тем, в надписи сказано: «Я Гасан Джалал... царь Албанский построил Гандзасарский собор по настоянию албанского патриарха-католика Нерсеса для *моего албанского народа*».⁴⁸² И.А.Орбели, вероятно, не мог поступиться научной совестью и потому отказался от издания гандзасарских писем.

В 60-х годах XX в. С.Г.Бадхударян возглавил работу группы эпиграфистов Института археологии и этнографии АН Армянской ССР в Нагорно-Карабахской автономной области и в дальнейшем подготовил к изданию свод надписей Арцаха, который также не был издан (!?).

Такова печальная участь албанской эпиграфики, как и всего, что связано с Албанией. Из всего вышесказанного явствует, что на всякое научное изучение, исследование, воссоздание истории любого аспекта Албании, албанского этноса, Албанской Церкви со стороны Армянской Эчмиадзинской Церкви накладывалось табу или строгая цензура.

Это делалось с помощью Царского Правительства и соответствовало политике царской России, которая в попытке завоевания Кавказа возлагала большие надежды на армян Турции, а с подачи Эчмиадзина реализовывался план создания на Кавказе

армянского государства. А для этого было необходимо «освятить» армянское историческое прошлое. В последующем эта традиция поддерживалась Советским правительством.

Следует особо отметить работы И.А.Орбели, посвященные Албании – Арцаху и Гасан Джалаловскому роду, которые сохранили свою актуальность и ныне.⁴⁸³

В грузинской историографии албановедение начинается с И.В.Абуладзе, А.Г.Шанидзе. В 1936 г., обнаружив в Матенадаране одну из армянских рукописей XV в., представляющую собой собрание алфавитов, среди которых был и албанский, что было большой сенсацией в кавказоведении, И.В.Абуладзе написал статью «Новые сведения о существовании письменности у кавказских албанцев».⁴⁸⁴ А.Г.Шанидзе посвятил специальное исследование языку и письму кавказских албанцев,⁴⁸⁵ определив прежде всего хронологический период существования албан: IV–XIII вв. н. э. и достоверно очертив территориальные пределы албан – берега р. Куры. Прекрасно зная армянские и грузинские источники, А.Г.Шанидзе обосновывает наличие у албан своей письменности, приведя из армянской «Книги писем» «Письмо армян в Персию к православным» (505 г.), где сказано: «у нас такая же вера, о чем мы писали вам раньше, в согласии с грузинами и албанцами, письмом каждой страны». Это сообщение бесспорно свидетельствовало о наличии у албан своего письма. Далее А.Г.Шанидзе обосновывает тезис о существовании сильной Албанской Церкви, которая должна была располагать богослужебными книгами на албанском языке.

А.Г.Шанидзе пророчески предсказал: «Не может быть, чтобы бесследно пропала письменность целого народа, игравшего крупную роль в культурной и политической жизни Кавказа в средние века. Раскопки должны дать нам убедительный эпиграфический материал..., подтверждающий сведения армянских источников о существовании албанской письменности».⁴⁸⁶ А.Г.Шанидзе считал, что албанский язык по своему звуковому составу близко стоял к современному удинскому языку, на котором говорят жители селений Варташена и Ниджа.

А.Г.Шанидзе приводит рукопись, озаглавленную «Начальные основания грамматики на агванском языке, писанные армянскими буквами» и отправленную Академией Наук Ф.Коргановым в

1842 г. (рукопись Института востоковедения АН СССР С.7 по старой нумерации: Арм. 77), которая содержит краткие сведения по грамматике удинского языка. Значит, ... «алванский» (албанский) язык отождествляется с удинским. «Удинский язык – это один из новоалбанских диалектов, или что то же, албанский – это есть литературный язык древних удин, т.е. древнеудинский»,⁴⁸⁷ – к такому заключению приходит А.Г.Шанидзе.

Пророческие слова А.Г.Шанидзе оправдались, когда в 1996 г. в монастыре св. Екатерины на Синайской горе З.Н.Алексидзе выявил грузино-албанские палимпсесты. Согласно исследованию З.Н.Алексидзе, албанская рукопись палимпсеста представляет собой лекционарий – литургический сборник церковных чтений в праздничные дни в течение всего года, что является свидетельством наличия у албан полного перевода Библии на албанский язык. По мнению ученого, албанский лекционарий датируется второй половиной IV в.

З.Н.Алексидзе считает, что после принятия христианства албанская письменность и литература не только существовали, но и имели довольно развитый характер. Ученый утверждает, что с точки зрения как лексики, так и морфологии албанский язык очень близко стоит к удинскому: «...албанский литературный язык был полностью сформирован в период создания Лекционария и просуществовал достаточно долго после этого. Возможно, нам придется со временем пересмотреть и верхнюю границу даты его исчезновения [VIII в.].»⁴⁸⁸

Основываясь на том факте, что иерусалимский лекционарий можно считать прототипом всех дошедших до нас древнейших лекционариев, а также на том факте, что в албанском лекционарии имя «Иоанн» встречается только в еврейско-сирийской форме «Иоһаннан», З.Н.Алексидзе справедливо обосновывает это наличием тесного контакта между Албанской Церковью и Иерусалимом. На этом основании ученый полагает, что албанская рукопись из Синая была создана в иерусалимской среде и относится к наиболее раннему типу иерусалимских лекционариев. Нам думается, что албанский лекционарий с еврейско-сирийской формой имени апостола «Иоһаннан» - не обязательно был создан в иерусалимской среде, а мог быть созданным в самой Албании, где в I в. н. э. проживали назареи – еврей-христиане.⁴⁸⁹ Как известно, ранее христианство опиралось на еврейскую литературу,

переведенную на арамейское наречие для потребностей еврейских общин.⁴⁹⁰ Восприятие христианства через арамейский язык облегчалось тем, что сами евреи в то время говорили на арамейском наречии.

Для развития кавказоведения вообще и албановедения в частности большое значение имеет работа З.Н.Алексидзе «Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии».⁴⁹¹ В данной работе ученый изучил и дал оценку религиозной ситуации на Кавказе в V–VII вв. не с позиций отдельной страны, а путем рассмотрения всего Кавказа на фоне взаимоотношений великих империй Запада и Востока эпохи раскола и последующего времени. Важное значения имеет выявление ученым взаимозависимости всех источников, связанных с этой проблемой. З.Н.Алексидзе показал *степень заинтересованности новых поколений средневековых историков, писателей вопросами церковного разрыва на Кавказе* и их участие в редактировании соответствующих текстов. Исследователь, путем источниковедческого анализа, воспроизвел подлинную историю догматических споров на Кавказе.

Вопросы социальной истории (феодалные институты) Грузии и Армении, а также вопрос церковного разрыва между Грузией и Арменией были исследованы в работах И.А.Джавахишвили,⁴⁹² что позволило понять и осветить эти же вопросы применительно к Албании.

Следует также назвать исследования грузинских коллег, отразивших отдельные вопросы исторической географии Албании: Н.А.Бердзенашвили,⁴⁹³ Г.Н.Чубинашвили,⁴⁹⁴ Т.Г.Папуашвили,⁴⁹⁵ Д.Л.Мусхелишвили⁴⁹⁶ (развернутое отношение к исследованию автора см. в главе II данной монографии).

Следует назвать две статьи А.Крымского, посвященные исследованию албанских политических образований IX–X вв., албанскому князю Сахлю ибн Сунбату, албанским этносам, относящихся к иберо-кавказской семье. По мнению ученого, в Албании – историческому Азербайджане начался ранний процесс тюркизации.⁴⁹⁷

Теперь рассмотрим концепцию С.Т.Еремяна,* занявшегося вопросами истории Кавказской Албании, почти всеми теми

* Отдельные вопросы истории Албании, исследованные в трудах арменоведов с начала XX в. в трудах Н.Адонца, Я.А.Манандяна, М.Абегяна, Т.Авдалбегяна, Г.Аганяна, Н.Акиняна рассмотрены и исследованы нами в каждой соответствующей главе данной монографии.

вопросами, которые ныне мы сделали предметом нашего исследования. Сюда относятся вопросы исторической географии, становления государственности, утверждения албанской массагетской ветви Аршакидов, формирования церковной иерархии, католикосата, этноса, албанской литературы, деэтнизация албан.

Все работы С.Т.Еремяна, посвященные истории Албании, проникнуты единой концепцией, основная цель которой – возвеличение Армении, Армянского государства за счет ущемления истории Албании, Албанского государства. Рассмотрим разделы автора, написанные для «Очерков истории СССР», изданных в 1958 г. («Политическая история Албании III–VII вв.», «Идеология и культура Албании III–VII вв.»), а также разделы для «Истории СССР», изданной в 1966 г. В «Очерках истории СССР» С.Т.Еремян изначально рассматривает Албанию как неотъемлемую часть «Великой Армении», что представляется совершенно неправомерным. Все вопросы истории албанской страны рассматриваются автором сквозь призму истории «Великой Армении» и в свете интересов армянского народа. Если даже допустить, что мысль С.Т.Еремяна верна, то получается логическая неувязка с заголовками – «Политическая история Албании III–VII вв.» и «Идеология и культура Албании III–VII вв.», ибо заголовки и содержание текстов – взаимоисключающие понятия.

Понятие «Великая Армения», согласно источникам, употребляется в двух смыслах – географическом и политическом. Как географическое понятие оно стало известно с 220 г. до н. э., когда «Антиох III Селевкид захватил Араратское царство и объединил его с основной областью Армении (бассейн озера Ван), которая получила с этого времени название Великой Армении».⁴⁹⁸ Кроме Малой Армении все армянские области были подчинены Селевкидам. Правителем (стратегом) Великой Армении Антиох утвердил местного династа Артаксия (армянское Арташес).⁴⁹⁹ Следовательно, в противовес Малой Армении была Большая – Великая Армения (от арм. мец – большой, великий). Как политическое понятие «Великая Армения» характерно для II–I вв. до н. э., для периода царствования Арташеса I и Тиграна II, когда Большая Армения достигла наивысшего расцвета и могущества. Итак, получается, что во II–I вв. до н. э. географическое и политическое понятия – «Великая Армения» совпали.

Но после распада империи Тиграна II, т.е. после 65 г. до н. э., Великая Армения как политическое понятие изжило себя, ибо сохранилась Армения территориально в пределах только Армянского нагорья. В качестве географического понятия сохранилось «Большая Армения», которое применялось и в периоде раннего средневековья.

Территория расселения армян к востоку от Евфрата именовалась Великой Арменией, т.е. Большой Арменией, а к западу от Евфрата – Малой Арменией.⁵⁰⁰

Н.Адонц, комментируя Ибн-Хордадбека, отмечает, что «царская власть, действительно существовала в *Бузурк Армении*, т.е. *Большой Армении* и в Аране – Албании...».⁵⁰¹

Изучение албанских и армянских реалий убеждает в том, что «Великая Армения» как в политическом, так и в географическом понимании никоим образом не связана с судьбой Албании.⁵⁰² Вызывает возражение следующее заявление С.Т.Еремяна: «Правобережная Албания около шести столетий входила в состав централизованного рабовладельческого государства Великой Армении и только в IV в. происходит *восстановление албанской государственности*».⁵⁰³ В этом утверждении неверны данные не только об Албании, но и об Армении. В течение шести столетий (II в. до н. э. – IV в. н. э.) не было централизованного единого государства «Великой Армении». Как известно, империя, созданная случайными завоеваниями Тиграна II, была непрочным объединением областей, различных по уровню общественного строя, с разноразличным населением. Держава эта была лишена органического единства. Все это привело к обострению внутренних противоречий и усилению сепаратистских устремлений знати.⁵⁰⁴ После разгрома Тиграна II Помпеем Армения в 65 г. до н. э., занимающая к тому времени территорию Армянского нагорья, стала подвергаться неоднократному разделу между двумя империями, что привело впоследствии к образованию двух Армений: восточной Армении – Перс-Армении и западной – Ромейской Армении, фактически находящихся в полной зависимости от Рима/Византии и Ирана.

В полном противоречии, неувязке с вышеупомянутым утверждением С.Т.Еремяна находится следующая его посылка: «В эту борьбу [между Римом и Ираном.– Ф.М.] *помимо своей воли,*

вновь втягивалась Великая Армения [речь идет о IV в. н. э. – Ф.М.]. Опять большое значение приобретала позиция *в этой борьбе буферной* Армении, которая считалась «другом и союзником цезаря и римского народа» и *была обязана* сражаться на стороне Римской империи...».⁵⁰⁵ Подчеркнутые строки никак не вяжутся с политическим статусом *Великой* Армении. Для этого периода «Великая» выглядит парадоксально. Что же касается слов «другом и союзником цезаря и римского народа», то это фигурально, а фактически означало полную зависимость от Рима, означало просто римскую провинцию.

Совершенно иным, отличающимся в корне, было политическое положение Албании, государственность которой была создана, согласно античным письменным источникам еще в IV в. до н. э., и по археологическим изысканиям последнего десятилетия – тоже в IV–III вв. до н. э. на местной этнической основе и, по-видимому, вначале из местной династии.

Войны между Римом и Ираном (Парфянским и Сасанидским) во II–IV вв., которые так тяжело отразились на Армении, почти не коснулись Албании. Что касается так называемого «восстановления албанской государственности» в IV в., как утверждает С.Т.Еремян, то следует напомнить, что государственность Албании, согласно данным самих албанских авторов, не прерывалась до 463 г. Как известно, Албания была без царской власти всего-навсего с 463 по 487 гг.

Далее С.Т.Еремян связывает албанских царей Аршакидов, реально царствующих в Албании с I в. н. э. и восходящих непосредственно к персидским Аршакидам, с массагетской ветвью Аршакидов, которые, по его мнению, были родичами армянских Аршакидов, и потому водворяет их в Албании в IV в.⁵⁰⁶ Из замысла С.Т.Еремяна логично вытекает одно следствие – албанские Аршакиды должны были подчиняться армянским Аршакидам.

Связав албанских Аршакидов с массагетской ветвью Аршакидов, дойдя до событий 462 г., когда албанский аршакидский царь Ваче II отрекся от престола и уединился в собственном домене, С.Т.Еремян совершенно произвольно отправляет Ваче II в область Чола (Чора), на «землю своих предков»,⁵⁰⁷ хотя данных для такой информации нет ни в одном источнике. Опять же это

делается в продуманной им концепции, чтобы связать албанских царей с массагетской ветвью Аршакидов, которые были в Чола и будто бы были родственны армянским Аршакидам.

С.Т.Еремян безосновательно возвеличивает политическую роль Армении в IV в. и только с нею связывает утверждение на Кавказе Сасанидов. «Пока существовала поддерживаемая Римом буферная Великая Армения, Сасанидский Иран не мог утвердиться в Закавказье».⁵⁰⁸ Этим заявлением непростительно принижается политическая роль как Албании и Иберии, так и Сасанидской империи.

Буферная Армения в силу своего географического и политического положения, когда она подчинялась двум империям одновременно, никак не могла быть помехой в политике Сасанидов, желающих укрепить свою власть на Кавказе, тем более, что территориально «буферная Армения» была за пределами Кавказа. Утверждению С.Т.Еремяна противоречат его же слова, что «в общей политике обороны северных границ от вторжений кочевников Албания оказалась важным стратегическим звеном».⁵⁰⁹ Албанские цари, будучи вассалами Сасанидов, осуществляли контроль над горными проходами, в частности над проходом Чола – Дербент, за исключением короткого промежутка времени (во время восстаний V в.). Безопасность Албании, как союзницы Сасанидов, соответствовала интересам последних. Благодаря стратегическому положению, географической отдаленности, политическое положение Албании в корне отличалось от положения Армении. И потому не прав С.Т.Еремян, считающий, что Сасаниды проводили в Албании ту же политику, что и в Армении, и Иберии.⁵¹⁰ Очевидно трудно согласиться с его мнением, высказанным, правда, не столь категорично, а с некоторой долей вероятности, что «...уже с 387 г. Албания несмотря на наличие царей фактически управлялась наместниками персидского царя царей - марзбанами».⁵¹¹ Однако известно, что совершенно исключено было управление страны марзбанами при наличии царской власти. А главное, источники об этом ничего не сообщают, а напротив, свидетельствуют о непрерывности и преемственности албанских царей – албанских Аршакидов, которые поддерживали с Сасанидами союзнические, хотя временами неравноправные отношения.

Как уже было сказано, в 387 г. Армения подверглась очередному разделу между двумя империями, в результате чего большая часть отошла к Ирану, а меньшая – к Византии. В связи с этими событиями С.Т.Еремян считает, что Албания должна быть как-то ущемлена, и он решил ввести здесь марзбанский режим, даже при наличии царской власти. А в действительности марзбанский режим был введен в Албании с 463 по 487 гг., что было связано с беспрецедентным случаем – антииранским восстанием 457–462/463 гг., возглавленным албанским царем Ваче II.

Что же касается исторической географии Албании, то С.Т.Еремян придерживается мнения М.Чамчяна о том, что территория правобережной Албании, т. е. территория междуречья Куры и Аракса - области Арцах, Ути и Пайтакаран – в течение шести столетий (со II в. до н. э. по IV в. н. э.) находилась в составе Армении. (Наше мнение по этому вопросу обстоятельно изложено в гл. II «Историческая география Албании»). Совершенно неправильным представляется также заявление автора, что «Албания в большей мере, чем Армения и Иберия, оказалась подчиненной Ирану в политическом и культурном отношении».⁵¹² При сравнении реалий трех стран – Армении, Иберии и Албании – становится совершенно очевидным, что положение Албании до 462/463 гг. было более привилегированное и самостоятельное, нежели Армении, ставшей фактически провинцией, а в лучшем случае – наместничеством двух империй; а также несравненно лучше, чем Иберии, которая, находясь под протекторатом Рима-Византии, с одной стороны, была вассалом Сасанидов – с другой. Для контроля над Иберией Иран, наряду с царской властью, учреждает должность картлийского питахша.⁵¹³

Царская власть в Албании была упразднена с 463 по 487/488 гг. Однако после антииранского восстания (481–484) и заключения Нварсакского договора 485 г. из-за затяжной безуспешной войны с гуннами-эфталитами в Средней Азии персидский царь Валарш вынужден был удовлетворить требования восставших трех стран. В числе уступок им было и восстановление царской власти в Албании.

Более удачно изложена С.Т.Еремяном политическая история Албании VI–VIII вв. Во всяком случае, он представил историю самостоятельной страны, не связанной с интересами Армении.

Автором верно оценена важность кавказских проходов как для истории Албании, так и для двух империй, описаны четыре линии оборонительных укреплений, строительство которых, по мнению автора, было начато при сасанидском царе Иездигерде II и завершено при Хосрове I Ануширване в VI в. Более обстоятельно изложена судьба Албании при Михранидах.

В разделе «Идеология и культура Албании III–VII вв.» С.Т.Еремян рассматривает Албанию вновь как звено одной цепи, как часть Армении. Раздел об «Идеологии... Албании» начинается следующими словами: «Одним из средств сохранения целостности *распадающейся территории Великой Армении* являлось распространение новой религии – христианства и утверждение *на окраинах церковной иерархии* и администрации».⁵¹⁴ И после этого он говорит о проповедниках христианства, посылаемых из Армении в Албанию. А между тем территория Армении распалась по воле и неотступной политике, проводимой двумя империями, а не по воле армян. И здесь проповедь христианства мало могла помочь. К тому же Византия, будучи христианской страной, активно проводила политику завоевания христианской Армении.

Совершенно игнорируя данные Моисея Каланкатуйского о первом периоде проповеди христианства и раннем проникновении его в Албанию, С.Т.Еремян утверждает, что в Албанию двинулись христианские проповедники из Армении. Причем он считает, в области правобережья Албании, как подчиненные Армении, проникли проповедники христианства из Армении, а в северо-западные области левобережья Албании, т.е. в междуречье Иори и Алазани, – проповедники из Иберии.⁵¹⁵

С.Т.Еремян, говоря об Албанской Церкви и утверждая, что основание в 552 г. ее самостоятельности связано с общей политикой Сасанидов и, что иерархически албанский католикосат с 552 г. подчинялся Армянской Церкви, на что автор не имеет никаких оснований.⁵¹⁶

Относительно же албанского этноса С.Т.Еремян полагает, что термин «албаны» – собирательный, представляющий собою объединение ряда племен, из которых наиболее крупным были утии или удины.⁵¹⁷ Ответ на это см. «Албанскую этническую общность» (гл. III).

Что же касается албанского литературного языка, то, как думает С.Т.Еремян, он сложился на базе гаргарейского наречия, не обладал коммуникативностью и, имея наддиалектный характер, расходился с диалектами остальных областей Албании. А с VII в. языком богослужения, как считает С.Т.Еремян, «безраздельно и бесповоротно» становится древнеармянский. В результате этого албанская письменность с VII столетия постепенно вышла из обихода и упоминания о ней исчезают бесследно.⁵¹⁸ С.Т.Еремян противоречит себе, ибо сообщает, что имеются сведения о том, что часть армяно-албан еще в XIII в. пользовалась албанским письмом. Что же касается перехода на древнеармянский язык, то это не единовременный акт, а сложный процесс, требующий столетия, прежде всего связанный с политическими событиями, в которые должны были быть вовлечены империи, имеющие определенные интересы, таковой оказалась в данном случае Царская Россия в конце XVIII – начале XIX в., при покровительстве и с помощью которой Армянская Эчмиадзинская Церковь деэтнизировала албан (подробнее см. главу VI).

С.Т.Еремян очень спешит с процессами арменизации и грузинизации, ассимилируя с армянами население Утика и Арцаха в начале VIII в. и с грузинами албанское население Кахетии и Кизикии. На наш взгляд, эти процессы могли начаться лишь после 1836 г. после упразднения Албанской Автокефальной Апостольской Церкви и подчинения ее Армянской Церкви. К тому же имела место в начале культурно-идеологическая ассимиляция (конфессиональная), а не этническая.

Первым обобщающим монографическим трудом, охватывающим почти все вопросы истории Албании с IV в. до н. э. по VII в. н. э., является книга К.В.Тревер «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании». За исключением вопросов социально-экономической истории (общественного строя) К.В.Тревер на уровне тех знаний блестяще осветила вопросы экономики албанских племен, политической истории, религии, городов, фортификационных сооружений, культуры Албании. Работа написана на основе исследования данных античных, древнеармянских, грузинских, сирийских, арабских источников, а также с широким использованием вещественных памятников.

Выявив почти все данные, отражающие все различные сто-

роны хозяйственной жизни албан, автор с достаточной полнотой осветила экономику страны по трем периодам – IV в. до н. э. – II в. до н. э., I–III вв. н. э. и IV–VII вв. н. э.

Что же касается исторической географии Албании, то К.В.Тревер придерживается так называемой армянской традиции относительно южной границы, проходящей до IV в. по реке Куре. Согласно ее мнению, области Арцах, Ути, Пайтакаран и Шакашена-Сакашена, т.е. все правобережье р. Куры, было завоевано во II в. до н. э. армянским царем Арташесом I и оставалось в составе Армении до 387 г.,⁵¹⁹ а затем было воссоединено с Албанией. Следовательно, эти области исконно были албанскими.

Достоинно внимания наблюдение автора, что области Чор (Чола) и Лпник «пользовались какой-то внутренней самостоятельностью, что давало, быть может, основание перечислять их после упоминания Албании».⁵²⁰

Картину политической истории Албании К.В.Тревер пытается реконструировать на общем фоне событий, разыгравшихся в Кавказском регионе. Такой метод исследования несомненно верен, но в каждом конкретном случае требует индивидуального подхода и не только широкого знания реалий трех стран, но и глубокого знания албанских реалий. Если исторические судьбы Армении и Иберии в период античности (в той или иной степени для каждой страны) связаны с историей, с внешней политикой Рима и Ирана, то история Албании больше связана с историей Сасанидского Ирана. Участие как Албании, так Армении и Иберии в международных отношениях не адекватно. В отличие от них Албания временами и вовсе не была втянута в те внешнеполитические события, которые тяжело отразились на судьбах Армении и Иберии.

Пытаясь реконструировать международную обстановку Кавказского региона в каждом отдельном случае, К.В.Тревер неоправданно много внимания уделяет истории Армении, в которой, как в призме, пытается осветить историю Албании.⁵²¹

Политическую историю Албании раннесредневекового периода К.В.Тревер начинает с 30-х годов IV в. и пытается охарактеризовать ее не по проблемам, а описывает по векам все события, имеющие отношение к политической жизни страны.

В результате исследования данных Фавстоса Бузандаци,

Хоренаци и Каланкатуйского о нашествии северных народов под предводительством Санесана (Санатрука) против Армении К.В.Тревер пришла к верному заключению, что «ни Иберия, ни Албания нашествием Санатрука затронуты не были».⁵²² Из албанских царей К.В.Тревер отражает правление Урнаира и его участие на стороне персидского царя Шапура II в Дзиравском сражении 371 г.⁵²³ С достаточной полнотой ею отражено антииранское народно-освободительное движение народов Кавказа в V в., в частности восстание 457–463 гг., которое возглавил сам албанский царь Ваче II.⁵²⁴ У нас вызывает возражение толкование, которое дает К.В.Тревер 1000 дымам, выпрошенным Ваче II у персидского царя Пероза в качестве своего отцовского наследства, куда он удалился после своего отречения от власти. К.В.Тревер осмысляет их как 1000 семейств, а по нашему мнению, здесь речь идет о наследственном домене в 1000 подымных земель.⁵²⁵

Удачными являются, на наш взгляд, поиски автором еретических течений в Албании – манихейства, несторианства и попытки найти отголоски маздакитского движения.⁵²⁶ События V в. К.В.Тревер кончает описанием правления албанского царя Вачагана III.⁵²⁷ Из внешнеполитических событий она обстоятельно описывает нашествие хазар на Албанию в 552 г. и в 628–630 гг., персидско-византийские войны этого времени. Автор верно отметила, что в период 628–630 гг. имело место «политическое подчинение страны хазарам».⁵²⁸ В монографии К.В.Тревер дано развернутое описание утверждения и правления в Албании великих князей Михранидов (Вараз-Григора, Джеваншира и Вараз-Трдата). Серьезное возражение вызывает мнение автора, которая, говоря о переселении Михрана в Албанию, пишет: «Не имеем ли тут дело с захватом власти местным гардманским владельцем (может быть, с помощью персов), уничтожившим представителей армянских княжеских родов, владевших землями в этой области... мы имеем дело с отзвуками борьбы между арменизированными албанскими и армянскими феодальными родами за захват сюзеренных прав над феодальной Албанией».⁵²⁹ Несомненно, прав В.В.Бартольд, считающий, что в лице Михранидов в Албании «вновь восстанавливается албанская национальная династия, но персидского происхождения».⁵³⁰

В 30-х годах VIII столетия, согласно мнению К.В.Тревер,

произошло окончательное подчинение Албании арабам. В ее монографии есть специальный раздел «Христианство и другие культуры», где она утверждает, что с IV по VII вв. в стране была религиозная пестрота, сосуществовал целый ряд религиозных систем и культов, что сказалось, по ее мнению, на мировоззрении албан.⁵³¹ На наш взгляд, автор гипертрофирует роль политеизма, утверждая, что «христианство, насильственно насаждаемое начиная с IV в. и воспринятое в первую очередь двором и знатью, зороастризм, вводимый Сасанидами с середины V в. и тоже воспринимаемый чисто внешне... представителями верхушки общества, различные секты христианского и зороастрийского толка... и наступающий с VII в. воинствующий ислам – все эти религии и культы в той или иной мере пустили корни на почве Албании».⁵³²

На первый взгляд, тезис автора кажется верным, но в нем безосновательно нивелирована роль зороастризма, религиозных систем – иудаизма, христианства и ислама. Для периода IV–VII вв. К.В.Тревер совершенно недоценила наличие такого фактора, как централизованная царская власть Албании, непрерывность и преемственность албанских правителей в лице албанских Аршакидов и сменивших их великих князей – Михранидов, которые (и цари, и великие князья) последовательно и твердо проводили политику религиозного становления христианства господствующей религией страны, укрепляли материальные и идеологические позиции Албанской Церкви.

Утверждению христианства в начале IV в. государственной религией предшествовала еще в I–II вв. проповедь христианства первыми миссионерами, что опять-таки прошло мимо внимания автора. Что же касается Албанской Церкви, то о ней К.В.Тревер вообще умалчивает. А между тем Церковь Албании была Автокефальной, Апостольской, располагала епархиями почти во всех областях страны. Следовательно, среди религиозных систем позиции христианства до VII в. включительно были доминирующими, но не всеобщими, политеизм не был изжит. Антисасанидские восстания V в., направленные идеологически против зороастризма, за сохранение культурно-идеологической самобытности страны, свидетельствуют о господствующих позициях христианского вероучения. Невзирая на отдельные недочеты, труд К.В.Тревер остается важной и настольной книгой всех, кто интересуется и

занимается историей Албании.

Большой вклад в албановедение, в изучение албанских источников: Моисея Каланкатуйского «История албан», Мхитара Гоша «Албанская хроника», «Канонника» Давида, сына Алавица, выявление их рукописей, чтение, перевод их на английский язык внес известный английский ученый, армяновед Чарльз Доусет.⁵³³ Исследователь одним из первых выявил среди рукописей и издал неизданные (недостающие) страницы «Истории албан» Моисея Каланкатуйского и, прокомментировав, осветил период правления албанского князя Сахля ибн Сунбата (IX в.).

К юбилею (столетию) перевода «Истории албан» Моисея Каланкатуйского на русский язык, выполненного К.Паткановым (1861 г.) Чарльз Доусет в 1961 г. издал английский перевод албанского источника, осуществленный им на основе армянского издания памятника К.Шахназаряном, но с учетом всех рукописей двух групп (I и II). Как было отмечено, Ч.Доусет пополнил II группу рукописей «Истории албан» новыми рукописями – P4 220 [Парижская национальная библиотека, Каталог Маклера], VM Or 5261 [Британский музей, Каталог Конибира], V1 № 1485 и V2 № 1146 [Венецианское собрание мхитаристов] и Q [из Нагорного Карабаха].

Большое серьезное исследование проделал Ч.Доусет с албанским источником – «Канонником» Давида Алавица – дал английский перевод всего текста, исследовал период появления источника, раскрыл цель написания памятника, дал отдельные комментарии и написал к нему серьезное «Введение».

Большим вкладом в науку вообще и в албанистику, в частности, явилась монография З.М.Буниятова «Азербайджан в VII–IX вв.», в которой, на основе изучения албанских, армянских, грузинских, византийских, арабских, сирийских источников, автор впервые в науке верно осветил историю албанской идеологии: христианства, Албанской Церкви, ее структуры, албанской литературы. Автор показал ту роль, какую пыталась сыграть Армянская Григорианская Церковь в ущемлении прав и ликвидации самостоятельности Албанской Церкви. В монографии З.М.Буниятова впервые сделана попытка решить проблему григорианизации и исламизации албанского христианского населения. Показаны объективные и субъективные причины, которые

должны были бы привести к исчезновению албанской литературы, культуры (эпиграфики), албанского этноса. Но этого не произошло в указанный исследователем период.

Исследование последних лет убеждает меня, что в VIII–IX вв. Армянской Церкви не удалось с помощью арабского халифата подчинить себе Албанскую Апостольскую Автокефальную Церковь, деэтнизировать албан, трансформировать их культурное наследие. Политика исламизации, проводимая арабами, привела к исламизации части албан и дальнейшей их ассимиляции с тюрками-мусульманами. Но григоринизации и дальнейшей арменизации албан в этот период еще не произошло. Албанская Автокефальная Церковь, имеющая сильную албанскую паству, много албанских епархий продолжала активно функционировать.

Возвращаясь к исследованиям З.М.Бунятова, отметим, что им была верно изучена политическая история страны в период правления албанских великих князей Михранидов.

В свете рассматриваемых нами проблем несомненный интерес представляют следующие разделы монографии З.М.Бунятова: «Политическая обстановка в конце VI – начале VII вв.», «Завоевание Азербайджана арабами», «Исламизация и григорианизация населения Азербайджана», «Арабо-хазарские войны и Азербайджан», «Социальные движения в Аране».

Можно сказать, что З.М.Бунятов одним из первых правильно оценил политическую важность стратегического положения, занимаемого Араном (Албанией) в Северном Кустаке (наместничестве), с чем приходилось считаться могущественным соседям – Византии и Ирану.⁵³⁴

Характеризуя внешнеполитическую обстановку VI–VII вв., автор с исчерпывающей полнотой описал нашествие и завоевание страны хазарами, начиная с VI по VIII вв., персидско-византийские войны, в которые Албания была втянута с 625 г.⁵³⁵ Впервые в истории по достоинству была оценена и описана З.М.Бунятовым деятельность албанского патриарха Виро (VII в.), сыгравшего важную роль в общественно-политической жизни страны во время персидского и хазарского господства.⁵³⁶

Вызывает некоторое возражение мнение автора в его полемике с М.И.Артамоновым относительно длительности периода господства хазар в Албании.

На наш взгляд, прав М.И.Артамонов, утверждая, что господство хазар в Албании длилось три года с 627 по 630 гг. и «ни о каком столетнем господстве» «не может быть и речи».⁵³⁷ Думается, что З.М.Бунятов несколько преувеличил «длительность пребывания» хазар в Албании, утверждая, что «...скорее всего хазары, потерпев поражение во время очередного нашествия на юг, не покинули Албанию, как об этом говорит М.И.Артамонов, а просто возвратились на свои исходные рубежи, к месту поселений на территории Албании, в район Кабалы. Здесь они стали выжидать благоприятных для своих грабительских походов событий, контролируя, несомненно, большую территорию, доходившую, вероятно, на западе до границ Грузии, а на юге до р. Курры».⁵³⁸

На наш взгляд, речь идет о разных сферах влияния хазар. У М.И.Артамонова сказано о политическом господстве хазар во всей Албании, а у З.М.Бунятова – о поселении, пребывании и контроле ими части Албании – левобережной Албании. Согласно данным Каланкатуйского, албанский великий князь Джеваншир владел всей Албанией – правобережной и левобережной, от р. Аракса до Чола (Чора) (*Каланкатуйский*, II, 23). К тому же сам З.М.Бунятов, резюмируя, приходит к совершенно верному выводу: «...а север Азербайджана (Аран – Албания) подвергался частым набегам хазар, осевших в предгорьях Кавказа».⁵³⁹

Рассматривая политическую историю Албании в VI–IX вв., З.М.Бунятов отметил, что в VI в. в стране был марзбанский режим, а в VII–VIII вв. страной правили Михраниды, которые, по его мнению, «хотя и номинально, но продолжали управлять всей страной или частью ее вплоть до начала VIII в.».⁵⁴⁰ Думается, что не следует обобщать правление всех Михранидов. Тезис автора правомерен лишь по отношению к правлению Вараз-Григора и последнего представителя Михранидов – Шэройэ, великого князя Албании. Что же касается правления Джеваншира, которому автор отвел много страниц⁵⁴¹ и который, согласно Каланкатуйскому, был выдающимся деятелем VII в., а также правления его преемника Вараз-Трдата, то вряд ли их можно считать «номинальными».

Эти два деятеля активно вели самостоятельную внутреннюю

и внешнюю политику страны, вступая в равноправные и неравноправные союзы, вассальную зависимость от того или иного государства.

Касааясь территориальных пределов Арана (Албании), следует отметить, что З.М.Бунятов правильно очертил южные политические границы страны в VII–IX вв. впервые верно в науке, включив Сюник в состав Албании, считая границей р. Аракс.⁵⁴² Дав верную локализацию исторической области Гардман, автор убедительно доказал, что Хунани находился в устье р. Кциа (Храми) (при ее впадении в Куру) и являлся, по его мнению, пограничным пунктом между Албанией и Иберией. З.М.Бунятов совершенно верно подчеркнул ошибочность мнения П.Ингорок-ва, локализирующего Хунани у места слияния рек Акстафачай и Куры и тем самым, как отметил З.М.Бунятов, «передвинул грузинские земли на территорию Албании».⁵⁴³

З.М.Бунятов верно выявил и локализовал существование двух Шеки, что внесло предельную ясность при воссоздании поздних албанских политических образований и при решении других вопросов.

Подытоживая наше мнение относительно исследований З.М.Бунятова («Азербайджан в VII–IX вв.»), следует отметить, что он впервые в науке показал, а в отдельных случаях и доказал уязвимость и беспочвенность господствующей в науке армянской концепции относительно албанской литературы и церкви, и тем самым пробил брешь в искусственно созданной, и веками существовавшей армянской концепции.

Для нашей работы небезынтересна статья Играра Алиева «К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона».⁵⁴⁴ Как известно, у Страбона крайне противоречивые сведения о социально-экономической, политической жизни, о быте, культуре Албании. Многим ученым это дало основание считать, что албанские племена по сравнению с их западными и юго-западными соседями более отсталые.

На этот счет в науке существует несколько точек зрения, пытающихся осветить степень достоверности этих данных (К.Ю.Нейманн, В.Фабрициус, К.В.Тревер, К.Алиев, И.Бабаев, С.Казиев и др.).⁵⁴⁵ Установление точности сведений об Албании, сообщаемых амасийским географом, И.Г.Алиев пытается достичь

несколькими путями – выявлением источников Страбона, реконструированием албанских реалий синхронного времени на основе данных письменных источников и материальной культуры, а также путем соположения сообщений Страбона с воссозданными албанскими реалиями. Автор приходит к выводу, отличающемуся от всех существующих мнений, что информация Страбона о примитивности хозяйственной и политической жизни албан не может относиться ко всей Албании и ее населению в целом, а относится к небольшой территории на северо-западе страны. Исследование И.Г.Алиева доказывает, что Албания в I в. до н. э. – I в. н. э. в социальном, политическом и экономическом отношениях не только не отставала от своих соседей, но и достигла высокого уровня общественного развития – албанское общество давно подверглось социальному расслоению, высокого развития достигли земледелие, скотоводство, ремесло, торговля.⁵⁴⁶

В своей последней книге «О некоторых вопросах этнической истории азербайджанского народа» Играр Алиев практически не справился с поставленной задачей. Пытаясь критиковать лингвистов и историков Азербайджана, придерживающихся концепции тюркогенеза,* он обрушивает на них сплошные дидактические голословные наставления, шельмует как мальчишек, каждый раз роняет их достоинство, утверждая, что «так не пишут». Читатель, настроенный прочесть его аргументацию, его выводы, бывает глубоко поражен тем, что так называемые выводы и аргументы Играр Алиев всегда приводит не свои, а заимствованные у крупных ученых России: Э.А.Грантовского, И.М.Дьяконова, А.Е.Крымского и др., а также известных ученых Грузии – Г.А.Меликишвили, Т.Г.Папуашвили и др. И в стороне остается сам Играр Алиев, менторски критикующий, у которого практически отсутствует свой взгляд, своя концепция на предмет спора.

В разделе этой книги «Албановедческие заметки» он, критикуя лингвистов, историков, придерживающихся мнения, что «албаны – турки» и что «албанский язык – это язык тюркский», он возражает им следующим образом: «...что в эпоху до н. э. и в самом начале н. э. в Азербайджане, также как и на Кавказе и во всей Передней Азии, тюрков не было, и что они появились здесь не

* Под тюркогенезом я имею в виду этнический процесс, когда в генезисе этноса видится только тюркское начало.

*раньше, чем в начале средних веков».*⁵⁴⁷ Конечно же, не выдерживают критики утверждения как ученых–сторонников тюркогенеза, так и мнение самого критикующего их Играра Алиева, у которого проявляется другой перефраз. Как известно, в науке давно признана достоверность сообщений источников II в. н. э. – Дионисия Периегета и Клавдия Птолема, сообщающих о гуннах, проживающих на Кавказе во II в. н. э. Если источники сообщают о тюркоязычных племенах на Кавказе во II в. н. э., то можно удревнить появление этих племен еще на одно столетие, т.е. в I в. н. э. И действительно, в науке признано, что в I в. н. э. был I этап проникновения на Северный Кавказ тюркоязычных племен – болгар. А ко II в. н. э. относится проникновение тюркоязычных гуннов (И.Маркварт, Ф.Альтхайм, К.Ф.Смирнов, О.Мэнчен-Хелфен, Н.Я.Мерперт, А.В.Гадло, Ю.Р.Джафаров).

Следовательно, в корне не прав Иггар Алиев, категорически утверждающий, что тюрки появились на Кавказе в начале средних веков. О более позднем появлении тюрков в Предкавказье и на Кавказе Иггар Алиев говорит неоднократно. Так, читаем: «начиная с III–IV вв. в Предкавказье стал проникать новый этнический элемент – отдельные группы кочевых тюркоязычных племен».⁵⁴⁸ Здесь он дает ссылку на работу Ю.Джафарова,⁵⁴⁹ хотя у Ю.Джафарова это датируется I–II вв.⁵⁵⁰ Точно так же Иггар Алиев пытается отрицать наличие тюрков в Северном и Южном Азербайджане синхронного времени (I–IV вв.) и даже в VII–VIII вв. – в Южном Азербайджане.⁵⁵¹ А между тем доказано, что значительную часть населения Южного Азербайджана в середине VII в. составляли тюрки.⁵⁵² Пытаясь занижить, уменьшить, упростить роль тюркоязычных племен в формировании азербайджанского народа, Иггар Алиев в этногенезе отдаст предпочтение этническим процессам, имеющим место в древности и в античном периоде, конкретно давая приоритет «мидийско-атропатенской народности». При этом в формировании этой народности есть немало уязвимого, неубедительного, в частности в вопросе его самосознания. Согласно Иггару Алиеву, «итак в эллинистическую пору на территории Южного Азербайджана появляется новая этническая общность со своим иранским, мидийским языком, самоназванием (этнонимом) – «мидяне», почти несомненно – этническим самосознанием и другими неотъемлемыми компонентами этно-

са». ⁵⁵³ Здесь больше декларативного заявления, совершенно беспочвенного и не аргументированного. Такой важный компонент этноса, как самосознание (если оно было) обязательно имело бы свое проявление, о чем неприменно было бы известно науке. О самосознании нельзя говорить априори. А между тем, что касается тюрков, то как свидетельствуют все источники: античные, раннесредневековые (албанские, древнеармянские, древнегрузинские, арабские), начиная с первых веков, каждое последующее столетие на территорию Кавказа, Северного и Южного Азербайджана проникали и компактно оседали сменяющие друг друга разные тюркоязычные племена, состав которых постоянно пополнялся и обновлялся.

Играр Алиев признает априори, что процесс тюркизации Северного Азербайджана в VII—VIII вв. мог бы завершиться, но этому как он считает помешало, появление арабских захватчиков. По его утверждению, этот процесс не коснулся Южного Азербайджана. Между тем данные источников и исторические реалии Северного и Южного Азербайджана дают полное основание говорить о тюркизации их в этот период, что и послужило главной причиной сближения Северного и Южного Азербайджана при наличии в них различных политических образований.

Неверно ссылаясь на работы З.М.Буниятова и Фариды Мамедовой, Играр Алиев делает также заявление: «армянский католикосат делал все (VIII в.) для того, чтобы подчинить своему влиянию албанскую церковь, которая была уже бессильна остановить *начавшийся мощный процесс дегтнизации, денационализации*». ⁵⁵⁴

Наряду с сообщением З.М.Буниятова о подчинении в начале VIII в. албанского католикоса армянскому есть и другое сообщение: «престол Каспийской Албании был уничтожен в начале XIX в., вследствие слияния Каспийско-Албанской или Агванской национальности с армянской». ⁵⁵⁵ У Фариды Мамедовой сказано: «Албанская церковь не смогла противостоять политике арабского халифата и активно помогающей ему Армянской Церкви... Все это привело *впоследствии* к исламизации, а также *культурно-идеологической* ассимиляции – григорианизации (арменизации) и грузинизации албанского христианского населения». ⁵⁵⁶ Как видно, слово «впоследствии» не уточняет конкретно

хронологию процесса, но, несомненно, это было не после VIII в., а позже. Играр Алиев в своем безответственном заявлении относительно, якобы «начавшегося в VIII в. мощного процесса деэтнизации и денационализации, *развала* албанский народности» опять же ссылается на другую работу Фариды Мамедовой, в которой читаем: «В XVIII–XIX вв. происходит появление в Арцахе двойного этнического самосознания, а потом полное изменение его в форме скачка, когда происходит исчезновение албанского самосознания и появление армянского».⁵⁵⁷

Играр Алиев недобросовестно ссылается на азербайджанских авторов, стремясь искусственно сделать их солидарными себе, четко продемонстрировав это на работах Ю.Джафарова, З.М.Буниятова, Фариды Мамедовой. Не выдерживает критики и его утверждение, что накануне сельджукского завоевания *«население страны, уставшей от нескончаемых войн, изнуренной многочисленными налогами, различными рода податями, поборами и произволом, постепенно деэтнизировалось, становилось, судя по всему, индифферентным даже по отношению к вечным своим ценностям – языку, культуре, обычаям, традициям и т. д.»*[?!]⁵⁵⁸ Как же удастся Играру Алиеву этот свой беспочвенный тезис об «индифферентности» населения, забывшего, растерявшего все свои ценности – язык и др., связать, соотнести с «возрождением албанской государственности и албанского католикосата», наличием «живого албанского духа, албанского этнического самосознания» в XII в.?!⁵⁵⁹ Разве что с другим его нелепейшим утверждением, а именно: с «возникшей реакцией против армянского засилья в Арцахе» - этим он пытается обосновать свой последний тезис, противоречащий первому. Неужели, так называемое «армянское засилье» (о чем будет изложено ниже) может быть столь великим катализатором способным возродить другое государство, другое этническое самосознание, другой этнический дух и т.д. и т.п.?!

Следует возразить Играру Алиеву, который во всех этнических процессах недооценивает наличие такого фактора как религия, которая пронизывает все сферы общества и определяет культуру, обычаи и традиции.

К приходу сельджуков доминировали в стране две конфессии – ислам и христианство, позиции которых были определяющими. Именно благодаря распространению этих религий были

возможны ренессанс в стране: албанский (XI–XIII вв.) и мусульманский (XI–XII вв.). Успех тюркизации Играр Алиев связывает только с сельджуками - это приводит его к убеждению, что «вскоре наступает всеобщее распространение тюркоязычия. Складывается азербайджанская народность», которая состояла «по существу из потомков, утратившего свои языки деэтнизированного и смешавшегося с пришельцами автохтонного населения». ⁵⁶⁰ Очень упрощенно, чисто механически формирует Играр Алиев азербайджанскую народность, не выявив и не определив роли конфессии в этом процессе и совершенно не исследовав самосознание «азербайджанской народности»: кем считали себя представители этой народности?! В итоге своих штудий по этногенезу он приходит к весьма примитивному выводу, что все племена и народности, обитавшие на территории исторического Азербайджана, сыграли свою роль в этнических процессах. «Где-то в середине – второй половине I тыс. до н. э. на этой территории складываются две народности – ираноязычная, мидийско-атропатенская на юге, кавказоязычная албанская – на севере страны. Оба этноса с какими-то модификациями сохранились до середины средних веков, когда они уже после XI в. *объединились* с пришедшими огузами, образовав тюркоязычную азербайджанскую народность». ⁵⁶¹ Дело в том, что этносы не могут объединяться. Близкие по происхождению и языку этносы сближаются, сливаются – этот процесс называется консолидацией. Если именно этот процесс имеется в виду, то в рассматриваемом отрывке Играра Алиева консолидация не может иметь место, ибо в процессе участвуют разные по происхождению и языку этносы: албаны-кавказоязычные, мидийцы-атропатенцы (?) и огузы - тюркоязычные. В данном случае речь может идти не об «объединении» – консолидации, а только и только об ассимиляции. Разные по происхождению и языку этносы интегрируют, а сильнейшие из них, в данном случае огузы, ассимилируют (поглощают, растворяют в себе) и албан (часть, живущую в равнинной части страны), и часть ираноязычного этноса, но при этом немаловажную роль обязана сыграть религия, которая должна быть общей для трех этносов, в данном случае – ислам.

В итоге можно возразить Играру Алиеву его же словами, адресованными им азербайджанским историкам и лингвистам: «не

будучи специалистом и обладая поверхностными знаниями о предмете, он никак не мог написать серьезный научный труд».

Так называемые самостоятельные суждения, аргументы и выводы Играра Алиева, если приводятся без ссылок, то они непременно относятся к вопросам албановедения, в котором он возомнил себя непогрешимым мэтром. Но при проверке обязательно окажется, что все это взято из моих публикаций. Именно здесь Играр Алиев не утруждает себя ссылками на мои монографии и статьи. Видно так понравился текст, что расстаться с ним было просто невозможно. После моего возвращения из Ленинграда, по глубокому убеждению Играра Алиева, мое научное творчество обрело в его лице своего подлинного хозяина. Примечательно, что албановедческие штудии Играра Алиева появляются вслед за публикациями Фарида Мамедовой,^{*} но с разрывом в несколько лет, необходимых для «переваривания» и усвоения информации! В последние годы, став академиком, Играр Алиев пытался быть в албановедении самостоятельным, оригинальным, делать собственные выводы. Именно тогда он и попадает пальцем в небо. Не разбираясь в вопросах исторической географии Кавказской Албании, Играр Алиев совершенно неверно очерчивает границы албанской области Утика, южная граница которой, по его мнению, проходила до Аракса.⁵⁶² В действительности же южнее области Утик находилась область Арцах, за которой следовала область Сюник, южной границей которой была р. Аракс.⁵⁶³ Пытаясь войти в армянскую и грузинскую историографию по албановедению, очевидно, побуждаемый интересом стать коллегой грузинских и армянских историков, которые ссылались бы на него, Играр Алиев делает совершенно беспочвенные, безответственные заявления о завоевании албанских областей на северо-западе (современные Белокано-Гахский, Загатальский, Шекинский районы), а также на юго-западе Албании (современные Акстафинский и Газахский районы) грузинскими царями. Возможно, он был побуждаем другими, нам неизвестными причинами.

Рассмотрим эти вопросы. По мнению Играра Алиева, область

* Сравни: Мамедова Фарида. Политическая история и историческая география... (1986) Глава II, § 2. и Алиев Играр. Нагорный Карабах. Баку, 1989; Мамедова F a r i d a. Ursachen und Folgen des Karabach - Problems. Eine historische Untersuchung. См.: Krisenherd Kaukasus. Baden-Baden. Band 2, 1995. s. 110-128 и Алиев Играр. Лжеистория: попытка оправдать агрессию. Баку, 1998.

Гардман (современная территория от р. Дзегам-чая до р. Храми, т.е. территория современных *Акстафинского* и *Газахского районов*) «только в эпоху раннего средневековья была захвачена Картлийским царством, а гардманцы, очевидно, растворились среди грузинских племен». ⁵⁶⁴ Не выявив достоверность данного сообщения грузинского источника (Леонти Мровели), спорного и для раннего средневековья, Играр Алиев необоснованно удревняет грузинское завоевание (ссылаясь на исследования Г.А.Меликишвили и Т.Г.Папуашвили) утверждая, что Гардман был захвачен иберским царством в период его усиления. «Вспомним, что иберы в последние века до н. э. и в самом начале нашего летоисчисления стремились захватить албанскую область *хэрэти*». ⁵⁶⁵ Не имея собственного мнения, Играр Алиев на этот раз разделяет мнение, бытующее в грузинской традиции, о том, что территория Албании на северо-западе (Белоканы – Гах, Загаталы, Шеки) и на юго-западе (Акстафинский, Газахский районы) была завоевана грузинскими царями еще в самом начале III в. до н.э. и в период раннего средневековья, т.е. III–VIII вв. Так, Играр Алиев безосновательно, одним росчерком, на 8-10 столетий отдает албанские земли Грузинскому царству. Именно на эти земли (Акстафинский район, где находятся пещерные храмы и «Давид Гареджи»), имелись претензии грузинских властей и некоторых грузинских историков. Между тем, в моей монографии («Политическая история и историческая география Кавказской Албании») в споре с грузинскими учеными доказывается абсолютная несостоятельность этого мнения, с чем был вынужден согласиться нынешний директор Института истории Грузии академик Д.Л.Мухелишвили в 1983 г. в Москве на дискуссиях по исторической географии.

Касаясь вопроса раннего христианства, деятельности Елисея и основанной им церкви в Кише (Гише), Играр Алиев опять же полностью следует за грузинской традицией и грузинской концепцией, полностью игнорируя данные албанских источников и исследования азербайджанских ученых, которые в трудных дискуссиях отстаивали историческую истину.

Так, слепо следуя за Т.Г.Папуашвили, Играр Алиев пишет: «однако вся зона Эгричай, которая в грузинских источниках называлась Гишес-цкали (т.е. река Гиш), вместе с Гишем входила

в хэрэти. В юрисдикцию собственно Гишского епископства входила значительная часть территории хэрэти – Элисени, Цукети, Шакихи (Шаки)». ⁵⁶⁶ А между тем, согласно албанскому автору Каланкатуйскому, Шеки была областью и епископством Албанской Церкви в V–VIII вв. и в этом епископстве находилась церковь Гиш (Киш). И далее, пытаясь непременно отличиться от мнения азербайджанских ученых, Играр Алиев делает вывод – опять же не свой, ибо никак его не аргументирует, а практически повторяет вывод грузинских ученых: «хэрэти, являвшаяся составной частью Кавказской Албании и включавшая в себя восточные области Кахети, рано, во всяком случае, не позднее III в. до н. э. стала объектом экспансионистских устремлений древнегрузинского Иберийского царства. Уже где-то в I–II вв. часть территории хэрэти была захвачена Иберским царством. Иберы в это время стремятся захватить и те, оставшиеся районы хэрэти, которые все еще находились в границах Албании. Иберы захватывают также албанскую область Гардман и некоторые другие земли». ⁵⁶⁷ А между тем в монографии Фарида Мамедовой «Политическая история...» показано, что некоторое укрепление, усиление Иберии в I–II вв. были достигнуты с помощью Рима, который вел борьбу с Парфией за господство в Армении и господство Иберии над Арменией. Иберия исполняла политический курс Рима. Управление Арменией со стороны Иберии – это не самостоятельная воля и реальные возможности Иберии, а исполнение курса Рима при его поддержке под его прямым нажимом. А Албания, как известно, оставалась вне сферы влияния Рима и была ориентирована на Парфию, поэтому мало вероятно, чтобы северо-западная территория Албании – Эрэти отошла бы к Иберии, с этим вынужден был согласиться Д.Г.Мусхелишвили. ⁵⁶⁸

Играр Алиев, пытаясь раскритиковать армянскую традицию относительно исторической географии Албании и в особенности, относительно исторической судьбы Арцаха-Карабаха, слово в слово заимствует § 2 главы II монографии Фарида Мамедовой «Политическая история...». Для сравнения: И.Алиев. «О некоторых вопросах...», с. 357–363 и Фарида Мамедова «Политическая история...», с. 111–126. Но при этом он пытается дать и «собственный анализ», что роднит его выводы с армянской концепцией. Возражая армянским ученым, что территория междуречья

Куры и Аракса не принадлежала Албании, Играр Алиев приводит антитезу, что Карабахом и правобережьем Албании владели не армяне, а мидяне и персы в мидийско-атропатенскую эпоху. Данные, приводимые Играром Алиевым в пользу этого тезиса, должны были быть тщательно исследованы, ибо участие албан, сакеинов в битве при Гавгамелах может быть объяснено не только подчиненностью их персидскому царю, но и тем, что они могли участвовать в качестве наемников. Весьма сомнительны данные Играра Алиева о том, что Албания находилась в подчинении царя Атропатены. Следуя за Р.Хевсенем, Играр Алиев пишет, что «по-видимому, условие для армянской экспансии подготовило падение Персидской державы».⁵⁶⁹ И здесь опять же без оснований Играр Алиев утверждает, что во II в. н. э. армяне захватывают контроль над Центрально-Армянским плато, и резиденция их перемещается в Араратскую долину.⁵⁷⁰ Это все требует доказательств. Далее, он продолжает, что «на территории Закавказья... армяне захватывают земли соседей, по-видимому, частично ассимилируя население последних (II–I вв. до н. э.)».⁵⁷¹ Остается совершенно неизвестным, по какой причине, на основании каких исторических данных Играр Алиев судит об удивительной способности армян ассимилировать население Закавказья во II–I вв. до н. э.?! Следуя за концепцией Р.Хевсена, которую следовало бы исследовать, а не принимать на веру, Играр Алиев заявляет, что армянами могла быть захвачена и область Сюния (Сюник).⁵⁷² Он даже пытается объяснить и обосновать армянскую версию о том, что южная граница Албании будто бы проходила по Куре (армянская традиция), а не по Араксу, как в действительности.⁵⁷³ Напрашивается вопрос: чем можно объяснить проармянскую настроенность, простирающую сквозь лженаучные выводы азербайджанского ученого? Играр Алиев совершенно не понял сути 2-х разных процессов – арменизации, деэтнизации с одной стороны, и сохранения самосознания, этнического духа, возрождения Албанского царства, с другой стороны. Эти два процесса фактически не могут происходить одновременно.* Если в IX, X, XII, XIII вв. возрождались албанские царства на двух берегах Куры, то непонят-

* У меня в монографии "Политическая история и историческая география Кавказской Албании", когда речь идет о григорианизации, арменизации, то я отмечала каждый раз "впоследствии", даже после XII в., но не в VIII в., а новые данные убеждают меня, что григорианизации Албанской Церкви не было вообще, а арменизация была в XIX в.

но, как Играр Алиев может разделить мнение И.А.Орбели, что «об Арцахе И.А.Орбели прямо писал, что это арменизированная часть Албании».⁵⁷⁴ Не выдерживает критики утверждение Играра Алиева, что «только тем, что еще были живы албанский дух, албанское этническое самосознание, а также, по-видимому, возникшей реакцией против армянского засилья в Арцахе объясняется возрождение албанской государственности и албанского католикосата на части территории Албании, именно в Карабахе».⁵⁷⁵ Так называемую арменизацию Арцаха (Карабаха) в XII в. Играр Алиев пытается безосновательно объяснить, как мы видим, «армянским засильем в Арцахе». Далее он поясняет: «Хачен... албанская область, куда после падения Албанского государства (нач. VIII в.), как саранча, стали проникать группы бездомного армянского населения, постепенно начавшие колонизировать этот край, где стало возрождаться албанское самосознание, процесс который пресекли армяне».⁵⁷⁶ Здесь Играром Алиевым все неверно понято или же преподнесено с определенным умыслом: во-первых, нет никаких данных в источниках, даже у армянских историков-агрессоров, о заселении албанского края армянами после 705 г. (после падения Албанского царства); нет данных в источниках до XIII в. И чего бы Играру Алиеву проявлять такую нежную заботу об этом и «заселить армян в период раннего средневековья» в Албанию и при этом уничижительно называть армян «бездомными». Мнение Играра Алиева, что «бездомное армянское население», которое «постепенно начало колонизировать край», *смогло пресечь возрождение албанского самосознания*, вызывает недоумение. Как могут прибывшие в чужую страну (Албанию) «бездомные армяне» пресечь процесс албанского ренессанса, который нашел свое выражение в возрождении Албанского государства в Карабахе, в возрождении албанского самосознания, албанской культуры в условиях сохранения Албанской Апостольской Автокефальной Церкви в XII–XIII вв.?! Даже нашествия кочевников в XI–XIII вв. (сельджуков, монголов), мобильных народов, перед которыми не могли устоять многие империи, не смогли пресечь албанский ренессанс. Арменизация может быть только в результате геополитики: в первый раз это была попытка Арабского халифата подчинить Албанскую Церковь Армянской, что не увенчалось успехом; второй раз – другое

вмешательство в геополитике – завоевание Россией, ликвидация Албанской Церкви, насильственная политика России по деэтнизации албан. В итоге модель И.Алиева *по этногенезу азербайджанского народа выглядит следующим образом*: северо-западная (Гахско-Загатальская зона) и юго-западная части (Акстафинский и Газахский районы) территории Кавказской Албании еще в III в. до н.э. и в период средневековья (III–VIII вв.), т.е. в течение 1000 лет были завоеваны и подчинены грузинским царям, а население этих частей огрузинилось. В V–IV вв. до н. э. образовались две народности: в Южном Азербайджане – мидийско-атропатенская народность с самоназванием «мидяне» и с «почти несомненным этническим самосознанием» [но каким? – Ф.М.], а в Северном Азербайджане образовалась албанская народность (в V–IV в. до н. э.?!).

С III–IV вв., по концепции И.Алиева, в Предкавказье стал проникать новый этнический элемент – отдельные группы тюркоязычных племен, которые просачиваются только в Северный Азербайджан, но ни в коем случае не в Южный Азербайджан. Априори процесс тюркизации Северного Азербайджана в VII–VIII вв. мог бы завершиться, но этому помешало, как полагает И.Алиев, появление арабских захватчиков. Этот процесс так называемой тюркизации, по утверждению И.Алиева, не коснулся Южного Азербайджана. Что же касается концепции албанского этноса, то здесь с VIII в. начался мощный процесс деэтнизации, денационализации, «развал албанской народности», который Албанская Церковь была бессильна остановить, по мнению И.Алиева, потому что с VIII в. Албанию заполонили, как саранча, «группы бездомного армянского населения, которые начали колонизировать край (Карабах) и арменизировать». Именно эти армяне смогли пресечь возрождение албанского самосознания, албанского духа в XII в.(!).

Далее, согласно концепции И.Алиева, накануне сельджукского завоевания (XI в.) население страны (Севера и Юга), «уставшее от нескончаемых войн, изнуренное многочисленными поборами, налогами, податями, постепенно деэтнизировалось, становилось, судя по всему, индифферентным даже по отношению... к языку, культуре, обычаям, традициям».

Оба этноса – мидийско-атропатенский и албанский сохраня-

лись до середины средних веков, когда уже после XI в. они объединились с пришельцами – огузами, образовав тюркоязычную азербайджанскую народность.

Найдет ли И.Алиев в истории мирового этноса аналог подобной модели этнического образования ?!

Даже тенденциозные авторы армянской и грузинской концепций об албанском этносе не додумались до подобного абсурда, а ведь эту модель создал академик исторической науки Азербайджана. Он практически попытался свести к нулю творения азербайджанских историков, созданные с 50–60-х гг. XX в., впервые верно воссоздающие историю Азербайджана – труды академиков А.А.Ализаде, З.М.Буниятова, А.Сумбатзаде, член-корреспондента Алиовсата Гулиева и других историков-докторов исторических наук.

Необходимо назвать работы кавказоведа А.П.Новосельцева, в которых нашли отражение вопросы общественного строя (генезис феодализма), исторической географии, этноса и культуры Албании.⁵⁷⁷

Хорошее знание реалий Армении, Грузии и Албании приводит автора к выводу, что IV–VII вв. были временем расцвета Албанского государства и албанской народности с ее самобытной культурой и письменностью.⁵⁷⁸ Автор отмечает, что древнейшее и основное население Албании составляли местные кавказские племена.⁵⁷⁹ Разделяя мнение З.М.Буниятова, А.П.Новосельцев считает, что причины исчезновения албанского этноса нужно видеть в исламизации, начавшейся после арабского завоевания, и григорианизации Албанской Церкви. «В результате активной деятельности арабских правителей и по другим причинам исламизация населения в равнинных округах Албании и в городах еще больше сблизила армянскую и албанскую церкви, которые в отличие от грузинской не порвали духовного единства. Сблизение способствовало тому, что часть албанцев... сохранивших христианство, наоборот, постепенно принимали армянский язык и становились армянами».⁵⁸⁰

Что же касается вопросов исторической географии Албании, то А.П.Новосельцев утверждает, что Албания в период раннего средневековья включала, в основном, территорию современной Азербайджанской ССР, а также земли Армении, Дагестанской

АССР и Восточной Грузии.⁵⁸¹ У нас имеются серьезные расхождения с автором в вопросах деэтнизации албан (их ранней арменизации), исторической географии Албании античного периода⁵⁸² (наше развернутое обоснование см. во второй, третьей и шестой главах).

Интересные данные о политической истории Албании, об албанском источнике – Моисее Каланкатуйском, о христианстве, о неизданных страницах «Истории албан» Моисея Каланкатуйского имеются в неопубликованных работах Т.И.Тер-Григорьяна.⁵⁸³ Из работ последних десятилетий, осветивших отдельные стороны жизни албан и самой Албании, следует назвать монографии, и труды археологов Р.М.Ваидова,⁵⁸⁴ И.Бабаева и Г.М.Ахмедова.⁵⁸⁵ Для исследуемых нами вопросов определенный интерес представляет работа И.Бабаева «Города Кавказской Албании в IV в. до н. э. – III в. н. э.» Причину возникновения городов автор видит «в результате многовекового спонтанного социально-экономического развития общества», а «также воздействия на этот процесс культурно-экономических и политических контактов стран Ближнего Востока». Важным, на наш взгляд, является верное датирование автором возникновения Албанского государства - IV–III вв. до н. э. К этому убеждению привело И.Бабаева выявление им монетного клада на территории Кабалы, где им было установлено, что в Албании в означенный период чеканили собственные серебряные монеты – подражание драхам и тетрадрахам Александра Македонского. Автор считает, что в середине I в. до н. э. на рынках Албании в количественном отношении доминировали местные подражания монетам Александра Македонского. Выявление Бабаевым этого монетного клада, его интерпретация позволили в совокупности со сведениями письменных источников окончательно пересмотреть взгляд на дату возникновения Албанского государства - с I в. до н. э., как утверждалось в историографии и перенести на IV–III вв. до н. э. Следует упомянуть работы Р.Мамедова,⁵⁸⁶ А.А.Кудрявцева,⁵⁸⁷ представивших жизнь раннесредневековых городов Албании; исследования Ворошила Гукасяна,⁵⁸⁸ посвященные рассмотрению некоторых важных аспектов истории и литературы, сохранения в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского албанизмов-удинизмов, тюркизмов; верное освещение им отдельных вопросов поли-

тической истории и христианства в Албании.

Серьезным исследованием по истории и культуре Кавказской Албании античного периода на основе археологических изысканий является монография Джабара Халилова. Впервые, обобщив археологический материал и сопоставив его с письменными источниками, автор охарактеризовал высокую самобытную культуру кавказских албан, эпоху, показал внутренние и внешние события, единство материальной культуры на всей территории Албании, зарождение городов, городской жизни означенного периода. Обобщение археологических материалов и письменных свидетельств позволило Дж.Халилову хронологически углубить и по-новому осмыслить вопросы развития социальной дифференциации и создание центрального государства Албании. Автор приходит к убеждению, что Албанское централизованное государство оформилось в конце III в. до н. э. В работе представлена духовная культура кавказских албан, их искусство и религия.⁵⁸⁹ Проблеме христианства Кавказской Албании посвящена монография Р.Геюшева.⁵⁹⁰

Отметим исследования К.О.Кошкарлы,⁵⁹¹ блестяще охарактеризовавшего античную и раннесредневековую торевтику, что имеет значение как для изучения материальной культуры, так и для освещения хозяйственной жизни страны, и о связях Албании с сасанидским Ираном (о последующих исследованиях его см. в конце главы).

Считаем необходимым отметить в области албановедения серьезные исследования дагестанского ученого М.С.Гаджиева, в особенности его монографию «Древний город Дагестана».⁵⁹²

В связи с историей культуры, архитектуры Кавказской Албании непременно следует упомянуть труды Д.А.Ахундова и Г.Мамедовой, исследующих архитектуру, культовое зодчество Кавказской Албании.⁵⁹³ Д.А.Ахундов скрупулезно исследовал и культовую символику монастырей Кавказской Албании. По мнению Д.А.Ахундова, корни албанских церквей эпохи расцвета ее архитектуры XI–XIII вв., нужно искать в ранних базилических сооружениях V–IX вв. Мингечаура, Кума, Цицернаванка, Амараса и в центрально-купольных капищах и часовнях раннего средневековья.

Развитие крестово-купольных сооружений в Азербайджане,

как полагает автор, можно проследить на примерах как христианских, так и мусульманских культовых и мемориальных произведений архитектуры. Согласно мнению Д.А.Ахундова, наиболее совершенным образцом крестово-купольных сооружений с полуциркулярной апсидой является Гандзасарский собор, который по размерам, продуманности скульптурного убранства, по количеству и высокому качеству резьбы должен быть причислен к самым лучшим произведениям албанской и не только албанской архитектуры.⁵⁹⁴

По мнению Г.Г.Мамедовой, христианская культовая архитектура Албании, сформировавшись на типологической, композиционной и технической основе предыдущего этапа зодчества и восприняв общие для всего восточного христианского мира функциональные, идейно-смысловые и эстетические требования, уже в ранний период развития обрела свое лицо и почерк. Как утверждает автор, в строительной албанской практике нашли место все основные типы культовой архитектуры того периода – зално-сводчатый и базиликальный, крестово-купольный, «свободный крест», а также купольная базилика и купольная зала.

Оригинальной, присущей только Кавказской Албании темой культовой архитектуры являются круглые храмы. Исследование автора охватывает огромный хронологический период IV–XIV вв.

Переходным для христианского зодчества Кавказской Албании был, по мнению Г.Г.Мамедовой, период VIII–X вв., когда в полунезависимых албанских княжествах продолжалось дальнейшее развитие христианской архитектуры, что подготовило качественный скачок XII–XIII вв., эпохи второго расцвета албанской христианской архитектуры.⁵⁹⁵

Считаю приятным долгом отметить успехи в албановедении молодых историков – Зураба Кананчева⁵⁹⁶ и серьезное исследование Ульвии Гаджиевой, которая путем скрупулезного анализа труда албанского автора XIX в. Макара Бархударянца «Арцах», а также с привлечением других источников и исследований осветила пути и методы деэтнизации поздних албан в XIX в., этим сказав новое слово в науке.⁵⁹⁷

Что же касается армянской историографии последних десятилетий, то надо отдать ей должное, ибо Албания привлекала и стабильно привлекает пристальное внимание армянских исследо-

вателей. Изучение вопросов истории Албании особенно оживилось в Армении с 60–70-х годов, т.е. с того времени, когда албановедение получило научное развитие в нашей республике. Вышли монография А.Ш.Мнацаканяна на тему «О литературе Кавказской Албании»,⁵⁹⁸ статьи и монография Б.Улубабяна⁵⁹⁹ «Очерки истории Восточного края Армении» (V–VII вв.). В 1975 г. Г.Х.Свазян защитил диссертацию на тему «Агванк в VII–VIII вв.».⁶⁰⁰ Архитектуре и истории Нахичевана с периода древности и до XVII в. А.Айвазян посвятил три монографии⁶⁰¹ и, наконец, вопросами истории Албании занялся Ш.В.Смбатян, который, сделав русский перевод Моисея Каланкатуйского, снабдил его предисловием и комментариями.⁶⁰²

Следует отметить, что работы перечисленных авторов разные только по названию, а цель у них одна – утвердить (мы специально не говорим доказать, ибо доказательств нет), что историческая Албания – это Армения, территориально, политически, культурно, этнически и конфессионально. Все они считают, что были две Албании: 1) собственно Агванк (Алуанк), Албания* античных источников, расположенная выше р. Куры, занимающая территорию на ее левом берегу, так называемая левобережная Албания до 387 г. (так считают все названные авторы) и 2) Агванк, расположенный ниже р. Куры, по ее правому берегу, правобережный Агванк, занимающий территорию междуречья Куры и Аракса, Агванк после 387 г. Правобережный Агванк представляет собой ничто иное, как «северо-восточную часть Армении», в состав которой входят армянские наханги (провинции) Арцах, Ути и Пайтакаран. (Так считают Г.Х.Свазян⁶⁰³ и Б.Улубабян⁶⁰⁴).

Причем у Б.Улубабяна нет определенности во мнении и наблюдается путаница. То под Агванком он понимает название страны,⁶⁰⁵ то Агванком он называет после 387 г. «персоподданное марзбанство».⁶⁰⁶ В период же арабского владычества, отмечает Б.Улубабян, Агванк становится топонимом, который «прикрепился к правобережью Куры как горький осадок марзбанства».⁶⁰⁷ Б.Улубабяна вводят в заблуждение незнание истории, исторических реалий Албании и Армении и всего Кавказа, а также отсутствие историзма. Отсутствие последовательности наблюдается у

* Албания - греческое, Алуанк//Агванк - древнеармянское, Arax//Ardan - среднеперсидское.

Б.Улубабяна в объяснении им реальной территории Агванка. В одном случае, по его мнению, Агванк – это только правобережье Куры, в другом – Агванк – это лишь две области правобережья Куры – Арцах и Ути, и в третьем случае Агванк – это одна область правобережья Куры – Арцах.⁶⁰⁸

А.Ш.Мнацаканян и Ш.В.Смбатьян, в отличие от Б.Улубабяна и Г.Х.Свазяна утверждают, что территория второго Агванка включала собственно Агванк (левобережный) и армянские наханги Арцах, Ути и Пайтакаран,⁶⁰⁹ т.е. правобережный. Ш.В.Смбатьян полагает, что как Моисей Каланкатуйский, так и другие армянские авторы под названием Алуанк понимают территорию марзбанства Алуанк – административной единицы, образованной после раздела Армении в IV в. и включающей в себя как наханги Великой Армении – Ути, Арцах и часть Пайтакарана, так и собственно Алуанк, т. е. Албанию (античных авторов) вместе с сопредельными территориями до Кавказского хребта и Каспийского моря.⁶¹⁰

Согласно этой концепции даже в «исконной Албании» – собственно Агуанке (античных авторов), до 387 г. расположенной к северу от Куры, левобережной Албании, Армении принадлежала северо-западная часть ее, албанская область Камбисена.⁶¹¹ Таким образом, получается, что $\frac{3}{4}$ территории Албании были армянскими, т.е. принадлежали Армении.

Резюмируя рассуждения армянских исследователей, можно их свести к следующему: в период раннего средневековья под Албанией понимается или только правобережье Куры – «восточная часть Армении» (области Арцах, Ути и Пайтакаран), или же Албания IV–VIII вв. осмысливается только как *административная единица (марзбанство)*, которая практически занимала территорию от Аракса до Большого Кавказского хребта. Таким образом, армянскими исследователями начисто отрицается наличие Албании как отдельного государства, страны с ее этносом, территорией, культурой и историей.

Рассмотрим «попытки» аргументации сторонников вышеназванной концепции.

Г.Х.Свазян отмечает, что точка зрения о наличии двух Албаний принадлежит С.В.Юшкову, В.Ф.Минорскому и Н.Адонцу, а он, дескать, пытается «*вновь* доказать существующее в истори-

ографии мнение (С.В.Юшков, В.Ф.Минорский, Н.Адонц и др.) о том, что хотя сочинение Каланкатуйского называется «История страны Агванской», *она является скорее историей северо-восточной части Армении, чем собственно Албании*, которая (по данным греко-римских и армянских историков и географов) находилась к северу от р. Куры». Описываемая же у Каланкатуйского страна Агванк, по его мнению, расположена между реками Курой и Араксом и именно эту территорию он называет «Агванком», под этим географическим названием понимая древнеармянские провинции Арцах и Утик.⁶¹²

У упомянутых исследователей (С.В.Юшков, В.Ф.Минорский и Н.Адонц), которых группирует Г.Х.Свазян и на мнения которых ссылается, нет ничего не только о двух Албаниях, об армянском Агванке, но даже четкого, а главное, единого мнения о южной границе Албании. Так, В.Ф.Минорский полагал, что «в греческих и латинских источниках аллювиальная долина Нижней Куры и Аракса, лежащая между Иверией и Каспийским морем, называлась Албанией... Каспия (вероятно, район около Байлакана и Мугана) также принадлежала Албании».⁶¹³ Как видно из данного текста, В.Ф.Минорский южной границей Албании считал не р. Куру. Далее он пишет: «Армяне значительно урезали албанские территории на юг от р. Куры. Только после раздела Армении между Византией и Персией в 387 г. районы Ути и Арцаха (на юг от Куры) *снова попали в руки албанского правителя*».⁶¹⁴ Следовательно, по мнению В.Ф.Минорского, правобережье Куры, как и левобережье, изначально входило в состав Албании, что полностью совпадает с вышеупомянутым мнением К.В.Тревер.

С.В.Юшков, критически относясь к противоречивым данным античных авторов, сомневается, что южная граница Албании в античное время проходила по р. Куру. «Что албаны должны были занимать гораздо большую территорию, нежели долина р. Куры (вернее, только долина по левому течению Куры, так как долину по правому течению занимала Армения), подтверждается указанием Страбона, что ...албанский и иверский народы, которые именно и составляют главное население перешейка (территорию между Черным и Каспийским морем), занимают страну богатую и могущую иметь весьма густое население.

Нельзя думать, что Албания при Страбоне занимала только долину по левому течению р. Куры...».⁶¹⁵ Опять же, как видим, у С.В.Юшкова сказано далеко не то, что ему приписывает Г.Х.Свазян. Согласно же мнению Н.Адонца, во времена Аршакидов [вероятно, армянских Аршакидов. – Ф.М.] Кура была южной границей Албании. И только во второй половине IV в., как полагает Н.Адонц, правобережье Куры (Ути, Арцах и Пайтакаран) было отнято у Армении и было присоединено к Албании.⁶¹⁶

Таким образом, из трех авторов, которых объединяет в одну группу Г.Х.Свазян, только Н.Адонц считал, что правобережье Куры изначально и до 387 г. входило в состав Армении. Такое положение объясняется противоречивостью данных авторов и скудностью источников как античных, так и армянских, которые исследовались к тому же, видимо, недостаточно критически и без должного учета реалий Албании и Армении синхронного времени, без попытки выявления достоверности данных источников. И не удивительно, что по этому вопросу (о южной границе Албании античного периода, т.е. о правобережной Албании, насколько она связана с историей Армении) в науке существуют три точки зрения.* Что же касается идеи о наличии двух Албаний – «собственной Албании» (левобережной) и Агванка – северо-восточной части Армении (правобережной), то следует отметить, что она придумана и выдвинута еще в 1784 г. мхитаристом М.Чамчяном.

«Страна агванская в двойном значении упоминается в книгах наших. В одном, вместо той страны, что находится между р. Курой и Каспийским морем вплоть до Дербента, и называется она Агванк Ширванский или же Ширван... А во втором – вместо той части Армении, которая содержит сама в себе три области, а именно Ути, Арцах и Пайтакаран и часть еще по ту сторону р. Куры, и все это называется особо Агуанком Армянским...».⁶¹⁷ За М.Чамчяном последовали К.Патканов⁶¹⁸ и др. Следует тут же отметить, что в науке ничего неизвестно об Агванке Ширванском в период раннего средневековья. Ст.Канаян в 1914 г. пишет: «Итак, есть, следовательно, «собственно Агванк» – от Кавказских гор до р. Куры, и, так сказать, «Агванская Армения» – между ре-

* Одни связывают их с завоеваниями армянского царя Арташеса I (II в. до н. э.), другие - с завоеваниями армянского царя Тиграна II (I в. до н. э.), третьи - считают их исконно армянскими (Об этом см.: гл. II "Историческая география").

ками Кура и Аракс. Можно смело утверждать, что все наши авторы под выражением «Агванк» подразумевают именно последнюю (особенно начиная с V в.), все *кроме* «Ашхарацуйца» Хоренаци и Каганкатваци...».⁶¹⁹

Во-первых, это прослеживается далеко не у всех армянских авторов. Очень важно, что «Армянская география» («Ашхарацуйц») и албанский автор Моисей Каланкатуйский, т.е. все синхронные источники VII–VIII вв., составляют исключение в перечне Ст.Канаяна и под Агванком понимают не правобережную Албанию, так называемую «Армянскую Албанию», а совершенно очевидно, всю Албанию, занимающую территорию от Аракса до Дербента.

Нам представляется, что нет ничего удивительного в том, что армянские авторы при изложении истории Армении, попутно касаясь исторических событий смежных соседей, описывали именно те области Албании, которые были их непосредственными соседями. Это как раз и были области правобережья Куры – Ути, Арцах и Пайтакаран. А что же касается остальных областей Албании (левобережья), то они были далеко удалены от Армении. Кроме того, при толковании данных армянских источников необходимо учитывать время их составления, исторические предпосылки и цель создания. Особенно несправедливым и безосновательным представляется утверждение, что начиная с V в. под Агванком подразумевали правобережную «Армянскую» Албанию, ибо в V в. Албания достигла наивысшего могущества при албанских аршакидских царях Ваче II и Вачагане III, который восстановил, объединил всю Албанию в ее исконных владениях, некоторые из которых были отняты сасанидским царем Перозом, но не армянским царем (*Каланкатуйский*, I, 17).

Мнение М.Чамчяна, высказанное в XVIII в., еще и сегодня культивируется всеми армянскими исследователями, пытающимися подкрепить эту концепцию все новыми и новыми «доказательствами».

Другим «аргументом», который выдвигается в пользу этого мнения, является то, что сам Каланкатуйский будто в своем сочинении «История албан» отражает историю не Албании, а Агванка – северо-восточных областей Армении, расположенных на правобережье Куры, т.е. в междуречье Куры и Аракса; будто

отражает историю не албанского народа, а армянского.⁶²⁰

Исследование данных Моисея Каланкатуйского убеждает, как и следовало ожидать от источника, озаглавленного «История албан», что в нем отражена история не только двух албанских областей Ути и Арцаха, т.е. не только правобережья Куры, но и история областей левобережья Куры. Основными областями Албании, согласно «Истории албан», по левобережью были – Чола, Лпиния, Шаки, Кабалака (Кабала), Эджери, Камбисена.

Центр области (гавара) Кабала (левобережье Албании) была и столицей всего Албанского государства с античного периода до V в. включительно. С принятием христианства Кабала (наряду с Чола) стала и резиденцией албанского католикоса. Три области левобережья – Кабала, Шаки и Камбисена представляли собой, согласно данным «Истории албан», церковно-административные единицы – епархии (*Каланкатуйский*, I, 26; II, 7; III, 8, 23), представители которых (епископы) участвовали в албанских соборах V в. и VII – VIII вв. В албанских соборных реестрах зафиксированы не все участники, точно так же, как в протокольных списках армянских соборов.⁶²¹ И тем не менее в списке албанского Партавского собора 705 г., согласно данным Каланкатуйского, значатся представители светской знати как правобережной, так и левобережной Албании – Баб Гратеан из Кабалаки и Колта, Теодор Анастоеан из Камбисены.⁶²² И Кабалака, и Колт, и Камбисена – области левобережья Куры.

Что же касается участников Агуэнского собора V в., то духовенство представлено с правобережья и левобережья Куры, а присутствие светской знати отражено опять же неполно, и зафиксированы в основном их имена без указания патронимийных владений.

Таким образом, исторические события, происходившие в стране, естественно, отражались и в этих областях. Данные албанского историка свидетельствуют о территориальной целостности Албании (т.е. единой Албании – левобережной и правобережной) с I по начало VIII вв. И не удивительно, что даже Ст. Канаян отмечал, что Моисей Каланкатуйский и «Армянская география VII в.» составили исключение в числе армянских источников, т.е. под Албанией понимали не только правобережье, но и левобережье, т.е. единую Албанию.

Следующим доводом названных авторов является беспочвенное утверждение, что области правобережья Куры – Арцах, Ути и Пайтакаран обозначались в трудах древних армянских историков названиями – «Восточный край Армении», «Северо-Восточный край», «Восточный край», «Северо-Восточный край Армении», «Агванский край», «Армения глубинная».⁶²³

Не выдерживает никакой критики положение Б.Улубабяна: «В армянских источниках страна Араншаииков, начиная со времен марзбанства (княжества) называлась по-разному: «Восток», «Восточный край», «Восточный край Армении», потому что она была восточной частью Древней Армении: «край Агванка эта новая административная единица действительно находилась в краю прежнего Агванка (Албании), непосредственно была ее соседкой» и т.д. и т.п.⁶²⁴ Во-первых, Албания называлась «Востоком», «Восточным краем», «Восточными областями», «жителями Востока» не со времен марзбанства – V в., а с I в. н. э. К тому же эти понятия, словосочетания сохранились в основном у Моисея Каланкатуйского в «Истории албан», где ни разу нет упоминания «Восточный край Армении», «Восточная Армения». Мной исследовано и установлено, что понятия «жители Востока», «Восток», «Восточные области», «Восточный край» осмысливаются в «Истории албан» как Албания в идеологическом христианском смысле, т.е. подразумевается, что Албания является восточной окраиной, восточным пределом христианского мира по отношению к Иерусалиму.⁶²⁵ А понятие «Восточная Армения» – совершенно иное понятие, включающее в себя другие территориальные пределы именно Армении.

Под Восточной Арменией, как известно, понимается и называется Перс-Армения, т.е. Персидская Армения, окончательно образовавшаяся после договора 387 г., в противовес Западной – Ромейской Армении.

Далее армянские исследователи утверждают, что население правобережной «армянской» Албании было изначально армянским.⁶²⁶ Б.Улубабян пытается отделить название страны Агванк от наименования этноса, т.е. он считает, что наименование Агванк не отражает названия доминирующего этноса – албан. Он категорически заявляет, что население страны Агванк, которая занимала лишь правый берег Куры, было армянское и говорило

на армянском языке.⁶²⁷ И потому, согласно теории Б.Улубабяна, труд Моисея Каланкатуйского, который Б.Улубабян подчеркнул переводит, в отличие от всех арменистов, албанистов, не «Историей албан», а «Историей страны Агванк», не отразил и не мог отразить историю этноса – албан. «В крае Аран, который охватывал междуречье Куры и Аракса, в последующем должен был быть назван Восточным краем Армении, еще во II в. до н. э. разговорным языком был армянский. Иначе говоря, образование армянского народа здесь настолько было завершенным, что от предармянских племен больше не оставалось следов»(!).⁶²⁸

Такого же мнения придерживается Ш.В.Смбатян, который категорично и совершенно безответственно утверждает, что термин Албания являлся «не этнонимом, а лишь административно-географическим названием...».⁶²⁹

Что касается албанского этноса, албанского языка, то к уже сказанному мы добавим следующее. Дело в том, что в труде Моисея Каланкатуйского нет никаких данных об армянах, живущих в Албании (в областях Арцах и Ути), говорящих на армянском языке. Если же речь идет об албанском народе, который, по мнению Б.Улубабяна и Ш.В.Смбатяна, не нашел отражения в источнике, то следует обратить их внимание на тот факт, что рукопись Моисея Каланкатуйского, переписанная с самой ранней рукописи XIII в. (ЛО ИВАН – В-56), озаглавлена: «*История албан*», составленная Моисеем Каланкатуйским из *того же народа (азгэ) и той же страны (ашхархэ)*». В рукописи XVII в. (ЛО ИВАН С-59) значит: «Оглавление первой части *истории албанского народа*, – «*алуаниц азгн*», а в рукописи ЛО ИВАН – В-56, восходящей к рукописи XIII в. – «Оглавление... *истории албан* – «*патмутюн алуаниц*». В рукописи XIII в. и XVII в. глава первая кн. I озаглавлена «Предисловие к истории албан». Как видно из рукописей, попытка Б.Улубабяна и Ш.В.Смбатяна отделить наименование народа от названия страны и дать «новый» заголовок источнику – «История страны Агванк» тщетны. И не случайно, известный знаток грара К.Патканов, издавший русский перевод источника, озаглавил его «История албан», «Историей страны алван» назвал источник и кавказовед А.П.Новосельцев.⁶³⁰

Что же касается содержания самого источника об албанском этносе, то приведем несколько примеров. Так, в первых же гла-

вах книги первой Моисей Каланкатуйский пытается выяснить происхождение албанского народа (ИА, I, 2), который он вместе с китурийцами выводит из потомков Иафета, отделяя его от армян. Он приводит письмо армянского католикаса Елии к арабскому халифу в 705 г.: «От Вседержателя Бога досталось подчиненной стране нашей [Армении. – Ф.М.] служить Вам, и вместе с албанами исповедовать одну веру божественности Христовой. Теперешний католикос албанский... принуждает страны наши соединиться с ним [императором греческим. – Ф.М.] в вере» (*Каланкатуйский*, III, 5).

Как видно из приведенного отрывка, излишне доказывать или отрицать наличие албанского этноса и страны Албания (Агванк), отражающей этот этнос (См.: «Албанская этническая общность» в гл. III).

Другим аргументом Б.Улубабяна в пользу отсутствия албанского этноса является утверждение о том, что «История страны Агванк» не содержит ничего конкретного об агванах, а излагает историю армянских князей Араншахигов и гардманских князей Михранидов.⁶³¹ Как известно, данные Моисея Каланкатуйского об Араншахигах очень скудны, фрагментарны и противоречивы.

Б.Улубабян, не имея на то никаких оснований, отождествляет албанских Араншахигов с албанскими Аршакидами, которые, будучи парфянского происхождения, в условиях Албании албанизировались, подобно тому как армянские Аршакиды арменизировались. Персидский правящий род Михранидов в Албании, также проводя проалбанскую политику, приняв христианство, албанскую культуру, постепенно албанизировался. К тому же как могут правители господствующих родов – Араншахигов, Аршакидов и Михранидов представлять собой весь этнос страны Албании?! Ведь в Армении, согласно данным Мовсеса Хоренаци, многие из нахараров – феодальных патронимий основаны не армянами, а чужеземцами. Так, к примеру, известнейший род Мамиконидов основан китайцем, а род Багратидов – евреем. Однако это не дает основания считать, что население нахарарств Мамиконидов и Багратидов было не армянское. Можно провести массу аналогий и с царствующими родами многих стран Запада и Востока. Таким образом, правители албанские, как и армянские, не были аборигенами, но от этого население страны не

переставало быть албанским.

Рассмотрев данные албанского автора об албанском этносе, обратимся к другим источникам и посмотрим, что они сообщают об этом этносе? Да будет известно, что отец армянской истории, автор VII–VIII вв. Мовсес Хоренаци, как выше упоминалось, называет жителей Албании, именно правобережной Албании, «вечно лживыми албанами» (III, 3, 6). Следовательно, это не армянский этнос, не родственник ему, а наоборот, и даже ему неприятный.

У другого армянского автора V в. Лазара Парпеци при описании антисасанидских восстаний V в. (450–451 и 481–484 гг.) речь идет о трех странах, о трех этносах, постоянно упоминается триада: «Армения, Иберия, Албания»; «все три страны – Армения, Иберия, Албания»; «три страны»; «армяне, иберы, албаны» (*Лазар Парпеци*, гл. 25, 26). Парпеци сообщает, что марзбан Михран докладывал персидскому царю о положении дел на Кавказе: «...если бы армяне были в нашей стороне, то ни иберы, ни албаны никогда не посмели бы поднять восстание» (*Лазар Парпеци*, гл. 75). Итак, очевидно, что у армянских авторов как V в., так и VIII в. не вызывало сомнения наличие *страны Албании, этноса албанского* и соответственно *этнонима албаны*. Б.Улубабяну и Ш.Смбатяну следовало бы хорошо знать армянских авторов, реалии Армении и соседней Албании ибо, как известно, не в категоричности доказуемость. Опять же Парпеци сообщает, что персидский хазарапет Михрнарсе «прибыл в город Пайтакаран, снаряжает полки с *албанами* и отправляет в Армению». ⁶² Таким образом, жителями правобережья, области Пайтакаран были албаны, а не армяне.

О наличии самостоятельного албанского этноса сообщает и сирийский автор VI в. Захарий Ритор: «...в этой северной стороне есть верующие пять народов с их двадцатью четырьмя епископами... *Аран [т.е. Албания] также земля... со [своим] языком, с народом верующим и крещеным. У них есть царь, подчиненный персидскому царю...*». ⁶³

Б.Улубабян в своей последней монографии («Очерки истории восточного края Армении...») пытается вновь подтвердить свои прежние мысли. Определив хронологические рамки своего исследования V–VII вв., он, по существу, как ни странно, акцен-

тирует свое внимание на данных античных авторов и мнениях исследователей, с которыми он солидарен. Между тем данные синхронных местных источников V–VII вв. остались им почти не исследованными.

Дело в том, что для периода V–VII вв., чему посвящено исследование Б.Улубабяна (во всяком случае так отмечено в заголовке книги), исторические границы Албании известны в науке и уже не вызывают никаких споров. По единым данным всех источников, южная граница Албании проходила по р. Аракс, т.е. Албания простиралась от Аракса до Дербента. Еще К.В.Тревер отмечала, что «...в V в. пределы *Албанского царства* расширились: в него входило и правобережье Куры, от Хунаракерта до впадения Аракса в Куру, включая древние области Шакашен, Утик, Арцах и область города Пайтакарана».⁶³⁴ Еще раз напомним, что у такого албаниста, как К.В.Тревер, не вызывало сомнения наличие Албанского царства.

Споры о южной границе Албании могли возникнуть в античном периоде, поводом для которых послужили противоречивые данные некоторых античных авторов, а также сведение армянского автора V в. Фавстоса Бузандаци, сообщающего о событиях 371 г. (развернутое комментирование этих спорных сведений дано нами в гл. II). Рассмотрению этих данных и посвятили свои работы Б.Улубабян, цель и задачи монографии которого должны быть другими, А.Ш.Мнацаканян, цель которого также должна быть иная – литература Кавказской Албании. К ним примыкает и диссертация Г.Х.Свазяна.

Следует еще раз обратить внимание на период, исследуемый Г.Х.Свазяном, – Агванк в VII–VIII вв., т.е. период господства в Албании Михранидов. Именно в этот период ни у кого из исследователей не вызывает сомнения вопрос о территориальной целостности Албании, о ее территориальных пределах.

Если даже согласиться с мнением ученых, согласно которым правобережье Албании до 387 г. будто бы было в составе Армении, то все равно вызывает недоумение, какое это имеет отношение к истории Албании VII–VIII вв., когда эти области уже три-четыре столетия были албанскими? Непонятен интерес Г.Х.Свазяна к псевдогенетической преемственности и стабильному представлению о том, что эти две области (Утик и Арцах) составляли

политическое, этническое, культурное единство с Арменией на протяжении VII–VIII вв.

Так, относительно территориальных владений Албании VII–VIII вв. Каланкатуйский сообщает: «Таким образом, он [Джеваншир. – Ф.М.] самодержавно и с великолепием правил от пределов Иберии *до ворот гуннских и до р.Аракса*» (*Каланкатуйский*, II, 21). Что Албании принадлежала и левобережная Албания, явствует и из следующего: «В тот день Джеваншир одержал великолепную победу (над хазарами) и говорил тому варварскому народу: «Поди войди в ворота Чола и не выходи более сюда» (*Каланкатуйский*, II, 23). Эти же пределы Албании от ворот Чола и до р. Аракс сохранились при преемнике Джеваншира, албанском правителе Вараз-Трдате. «Он [Вараз-Трдат. – Ф.М.] великодушно кротостью подчинил себе страну [Албанию] в обычных ее границах...» (*Каланкатуйский*, II, 35, 37).

В свете вышеизложенного наглядно представлена вся несостоятельность утверждения Г.Х.Свазяна, что «описываемая же у Каганкатваци страна Агванк расположена между реками Курой и Араксом и именно эту территорию он называет «Агванком», под этим географическим названием понимая древнеармянские провинции Арцах и Ути».⁶³⁵ Запутавшись в понятиях Агванк и Албания, и видя, что у Каланкатуйского речь идет об одной-единственной стране (правобережной и левобережной вместе), Г.Х.Свазян отмечает, что страна в период правления Михранидов (Вараз-Григора, Джеваншира и Вараз-Трдата) представляла «агванское марзбанство» и обозначалась «общим названием Аран»,⁶³⁶ хотя у Каланкатуйского страна в этот период, как и в предшествующие, называлась только Албанией. И это естественно и к тому же это – не марзбанство.

Б.А.Улубабян, Ш.В.Смбатян и Г.Х.Свазян не желают разобраться в понятии «марзбанство» и наличии в стране царской власти. «Марзбанство» – это не княжество, как полагает Б.Улубабян, а наместничество, которое устанавливается в стране только в том случае, когда отменяется в стране царская власть и страна превращается в провинцию. Такая участь среди трех стран раньше всех постигла Армению, затем Иберию и почти не затронула Албанию. Б.Улубабян и Ш.В.Смбатян переносят марзбанский режим в Албанию.⁶³⁷ Как известно, в 387 г., когда Ар-

мения еще и еще раз (в который раз!) была поделена между двумя империями – Византией и Ираном, албанские области Арцах, Ути и Пайтакаран, согласно армянской концепции, были юридически еще раз закреплены за Албанией, а область Гугарк (Гогарена) – за Иберией. А в 428 г. царская власть в Армении была отменена юридически (до этого периода она была отменена фактически), и Армения стала провинцией, управляемой марзбаном. Албания свою самостоятельность не теряла, царская власть албанских Аршакидов просуществовала до 510 г., а потом ее сменила власть великих князей Албании – Михранидов, продолжавшаяся до начала VIII в. включительно. И если в своих предшествующих статьях Б.Улубабян еще соглашается – принимает дату 387 г., то в этой монографии он в своих измышлениях пошел еще дальше, утверждая, что области Арцах и Ути (а также Гугарк) в составе Армении оставались вплоть до 428 года. И после этого они не были завоеваны Агванком и даже не Персия их передала Агванку (Албании), а просто из Ути, Арцаха и Агванка (Албании) образовала одну зависимую область.⁶³⁸

Абсолютно неверным является утверждение Г.Х.Свазяна, что «Михраниды оставались персами только в течение двух поколений, после чего приняли христианство и сроднились с представителями местных армянских нахараров, окончательно арменизировались, усвоили обычаи и быт, характерные для армянской знати». Ведь Михраниды, будучи по происхождению персами, стали правителями Албанской страны. С этой целью они приняли веру, которую исповедовали албаны (следует подчеркнуть, что христианство исповедовали не только армяне), приобщились к местной албанской культуре, вели проалбанскую политику. Известно, что на территории Албании, правобережья, согласно данным античных источников,⁶³⁹ армянских и албанских историков, жили албаны, удины, каспии и другие этносы. Согласно данным сирийских и арабских источников VI–X вв., не только в зоне Партава (современной Барды), но и в зоне Сисакана – Сюника (современного Сисиана) народ говорил не по-армянски.⁶⁴⁰ Справедливо говорить в этом случае об албанизации Михранидов, но никак не об их арменизации.

Что же касается остальных вопросов, «исследованных», «новых» в диссертации Г.Х.Свазяна, то следует заметить, что многие

из них списаны с публикаций, в частности с моей и с монографии З.М.Бунятова. Вероятно, иначе и не могло быть, так как работа Г.Х.Свазяна называется «Агванк VII–VIII вв.», а З.М.Бунятова – «Азербайджан в VII–IX вв.», и хронологически и тематически, видимо, трудно разойтись.

Работа Г.Х.Свазяна состоит из трех глав, где первая посвящена социально-экономическим отношениям Албании VII–VIII вв., а две другие главы посвящены политической истории Албании – «Род Михранидов и Агванк» (гл. II); «Политическая история Агванка VII–VIII вв.» (гл. III). Первая глава повторяет мою диссертацию и мои выводы об общественном строе Албании V–VIII вв.⁶⁴¹

При сопоставлении статей, а также глав II, III, IV нашей диссертационной работы с первой главой работы Г.Х.Свазяна нетрудно заметить одни и те же исследуемые вопросы, одни и те же выкладки, выводы. Это относится к толкованию терминов «хостак», «аваг», «кртсер», «спарапет», «рамик», «шинакан», «алахин». Разница лишь в том, что Г.Х.Свазян пришел к этим выводам с опозданием на шесть лет после моих публикаций.

Научным руководителем Г.Х.Свазяна был академик С.Т.Еремян, который в свою очередь, был оппонентом моей диссертации по общественному строю Кавказской Албании и задержал мою диссертацию на полтора года.

Новизна работы Г.Х.Свазяна состоит лишь в верном пересмотре им традиционной даты правления Джеваншира (Михранида). Г.Х.Свазян опровергает существующее в историографии мнение, согласно которому Джеваншир правил в 636–669 (или 680) годы. Он дает, на наш взгляд, более верную датировку: 642–683 гг.⁶⁴²

Последнее издание Каланкатуйского, предпринятое Ш.Смбатьяном, также грешит заимствованиями, особенно это относится к комментариям.⁶⁴³ И главное, в этом издании, что албаны – просто армяне.

Резюмируя сказанное по поводу концепции исследований, рассматривающих Албанию как Восточную Армению, следует отметить, что она основывается на противоречивых, спорных данных источников (подробно см. II главу). Не сопоставив эти данные с синхронными местными источниками, абстрагируясь от реальной истории Армении, они развили теорию с далеко идущей

щими выводами. Очевидно, что сторонники этой концепции понимают уязвимость, шаткость и непрочность своих позиций. Поэтому предпринимают неоднократные попытки утвердить, а не научно доказать это мнение в науке.

Недавно изданная книга Роберта Хевсена, американского ученого, под заголовком «Армения. Исторический Атлас» (изд. Чикаго-Лондон, 389 с.), содержит 276 карт, охватывает период с IV тыс. до н. э., временами с VI тыс. до н.э. по XXI в. включительно). Это помпезное издание поражает своим фундаментальным размером, затраченными материальными средствами и количеством вовлеченных армянских научных центров (при всех американских вузах). Оно и не удивительно, чтобы вместить все эмоции, чаяния и вынашиваемые надежды всего армянского народа, армянской научной мысли – необходима объемная тара.

Предпосланное пространное введение - действительно уникально: в нем скрупулезно выписан весь процесс создания данного опуса – неоднократные реверансы и благодарности многочисленным многолетним фондам, задействованным структурам, ученым, фотографам, картографам, компьютерщикам. Подробно и тщательно описаны многолетние поиски технологии создания карт на основе современной компьютерной графики, и сам процесс совершенствования картографии по годам и технологиям.

Глубоко продуманное психологическое воздействие оказывают излишний блеск и гротескно-увеличенный формат издания, рассчитанные на подавление истинного восприятия у профессионального читателя, который, «впечатленный» высокими технологиями исполнения, не заметит искажений и фальсифицирование карт и безоговорочно воспримет «Атлас». В случае несогласия, неприятия карт подобный метод издания предполагает создание альтернативных карт с аналогичным методом их подачи. А реалии таковы, что такое могут позволить себе только армяне. Но, увы! В тени остается самое главное: несоответствие этих карт подлинно историческим реалиям. Здесь и предстоит подлинно научная дискуссия, апробация этого творения, беспочвенного, зыбкого и уязвимого.

Наша уверенность, оптимизм исходят из двухлетней апробации карт исторической географии Кавказа с древнейших времен по XX в., проводимой АН СССР в течение 1981–1983 гг., при участии ученых Азербайджана, Грузии и Армении. Но об этом

изложено будет чуть ниже.

Вступительное слово к книге «Армения. Исторический Атлас» написано Кириллом Тумановым (Рим, 1995 г.), известным кавказоведом, работавшим еще под руководством Н.Адонца и Церетели, по словам которого «когда кавказоведение пребывало на стадии своего детства». Далее он отмечает «большие достижения в кавказоведении за последние 30 лет» и утверждает, что для изучения подобного армянского исторического Атласа, представляющего собой и историческую географию Кавказа, посчастливилось выбрать такого ученого, как Роберт Хевсен. Затем следует восхваление Роберта Хевсена, его «псевдообъективности», «достаточной проницательности, чтобы отвергнуть малейшую ограниченность или чтоб не быть введенным в заблуждение национализмом в своем подходе к проблеме». (Но, как увидим далее, все надежды и оптимизм Кирилла Туманова не оправдались). И завершает Кирилл Туманов свое вступительное слово заверениями, что это - атлас «Исторический Атлас всего Кавказа» и «Исторический Атлас Армении» будет в обозримом будущем исходным для любого подобного рода предприятия, которое могло бы быть предпринято в грядущем(!).

Вызывает удивление такое недопустимое доселе в науке самоуверенное утверждение. Как можно декларативно объявлять, что этот Атлас – Атлас на века? Прямо-таки от «Географии Анания Ширакаци VII в. до географии Роберта Хевсена 2002 г.»! Ведь труд Р.Хевсена не претерпел издательского апробационного периода после выхода Атласа, еще не услышаны мнения ученых, действительных кавказоведов, ученых Грузии, Азербайджана, Дагестана, России, Турции.

Автор книги «Армения. Исторический Атлас» – Роберт Хевсен до 1967 г. – специалист по руссоведению и Ближнему Востоку, и лишь с 1967 г. специализировался по кавказоведению (мы бы сказали – арменоведению, а это – далеко не одно и то же) и является одним из основателей и первым президентом Общества по изучению Кавказа (Чикагский университет, 1985–1997 гг.).* И

* Следует особо обратить внимание на дату образования "Общества по изучению Кавказа" - в предверии возникновения Карабахской проблемы и далее - в период аннексирования азербайджанских земель. Налицо политизированность данного "Общества ...", целью которого было создание "научной" платформы (обоснования) армянской агрессии. Как мог подобный факт ускользнуть от "всевидающего" ока американской демократической общественности и, в частности, от американских политологов?

тем удивительней, что пытаюсь возглавить кавказоведение, Р.Хевсен в своей книге «Армения. Исторический Атлас» посмел проигнорировать и обойти мнения, труды современных грузинских и азербайджанских ученых по истории и исторической географии Азербайджана, Грузии, Армении с древнейших времен до XX в.?! Ведь концепции азербайджанских, грузинских и армянских ученых были изложены в текстах и на картах и апробированы с 1981 по 1983 гг. в городах Тбилиси и Москве на конференциях, проводимых Отделом исторической географии Института истории АН СССР. Армянскую историческую географию возглавляли и представляли академик С.Т.Еремян и проф. Б.Арутюнян, те самые ученые, концепции которых очень помогли Роберту Хевсену и которых он глубоко благодарит.

Так вот именно они, вернее Б.Арутюнян, от имени армянской науки, в присутствии акад. С.Т.Еремяна (после критики азербайджанскими учеными концепции армянской науки по исторической географии) вынужден был признать, что эта армянская концепция устарела и они от нее отказываются (4-8 мая 1983 г.) и приступят к созданию новой концепции.

В отличие от армянских ученых, которые ссылались исключительно на армянские источники, без попытки их критического анализа, без выявления исторических реалий, азербайджанские историки, прекрасно владея всеми синхронными разноязычными источниками, критически используя их данные и, главное, достоверно выявили исторические реалии как Азербайджана, так Грузии и Армении. В этом и состояло преимущество азербайджанских ученых. Но главное преимущество – это сами сложившиеся исторические реалии. В результате апробации карт, так называемая «Великая Армения» была снята со всех карт с территории Восточного, Юго-Восточного Кавказа, Азербайджана и была доказана кратковременность существования ее в качестве политического образования (всего 30 лет, во время Тиграна I и только на территории Восточной Анатолии). По существу были приняты все карты азербайджанских ученых. Объективность азербайджанских историков была признана учеными России.

Заявление Роберта Хевсена, что работа над Атласом начата в 1982 г., позволяет предположить, что это и есть воплощение «новой» концепции, обещанной Б.Арутюняном в Москве. Даже

при поверхностном взгляде на карты удивляешься инфантильности, чрезмерной амбициозности автора Атласа. Как мог армянский народ, постоянно мигрирующий, блуждающий, не раз создавший государство на разных частях территории Малой Азии с большими хронологическими разрывами, но, согласно замыслам «творцов» армянской истории (а не сообщениям источников и историческим реалиям), этот же народ умудрился стабильно иметь «псевдоармянское государство» на Восточном, Юго-восточном, Западном и Юго-западном Кавказе – на территориях исторического Азербайджана и Грузии. Слишком очевидна политизированность несуществующих древних и средневековых реалий для исторического обоснования приобретенных с помощью геополитики новоармянских земель на Кавказе.

Конечно же, «Атлас Армении» создавался громадным коллективом ученых в основном армян из Америки и Армении, которых Р.Хевсен неоднократно благодарит. Примечательно, что сам Р.Хевсен отмечает, что Атлас относится не только к арменоведению, но и к близким к нему дисциплинам: доклассическим, классическим наукам, кавказоведению, иранистике, византиноведению, тюркологии, [истории] Османской империи, Ближнего Востока, советологии. Почему же, *не «введенный в заблуждение национализмом в своем подходе к проблеме»* (К.Туманов) Р.Хевсен не привлек к участию ученых по этим дисциплинам не армянского происхождения?

Своеобразным методом давления на читателя представляется также педантичное перечисление армянских центров по истории и литературе, наличествующих почти во всех университетах: при Гарвардском, Калифорнийском, Колумбийском, Мичиганском, Тафтском, Вейнском, Детройте, в государственном Университете Кливленда, в Чикагском, Пенсильванском и т.д. и т.п.

По существу получается, что этот Атлас – концепция не одного Роберта Хевсена, не армянская концепция, а американская, т.е. взгляд американской науки. А знает ли об этом и согласна ли с этим сама американская научная общественность (не армянского происхождения)? Сам Р.Хевсен называет Атлас исчерпывающим, авторитетным (для кого?) историческим атласом, который по своей концепции пригоден для всего академического сообщества (какого?). Комментарии, видимо, излишни.

Свою неприязнь и отношение к Грузии, Азербайджану, Дагестану Роберт Хевсен честно цинично признает: «... мы поняли [хоть это! – Ф.М.], что нам не удалось оценить должным образом Грузию или Азербайджан, а также Дагестан и Черкессию, которые были очень бедно представлены. Но, увы, наши средства и время не были безграничны и мы осветили такие стороны, [которые их интересовали. – Ф.М.], как политические процессы. Издание требовало компромисса между идеальным и реальным [Увы, ни того, ни другого! – Ф.М.]». Разумеется, цель оправдывает средства. К тому же еще какие! К чему научная истина и совесть?! Когда в очередной раз поставлены политизированные цели-задачи, исторически обосновать научные и территориальные агрессии, миф о вечно существующей «Великой Армении» между тремя морями (Средиземным, Черным и Каспийским). Слова Р.Хевсена, что ему пришлось идти на «компромисс между идеальным и реальным», означают в действительности компромисс между исторической реальностью и агрессивной фальсификацией [идеальным?!], в котором предпочтительнее для Р.Хевсена оказалось второе. Когда на всех 276 картах (почти без динамики) весь Кавказ, Грузия, Азербайджан, Дагестан представлены в составе Армении в качестве провинций с IV тыс. до н.э. по XX в. включительно. И неудивительно, что они (Грузия, Азербайджан и Дагестан) представлены в Атласе «очень бедно», что вынужден признать сам Р.Хевсен.

Убежденность, оптимизм псевдоисследования, антинаучных методов Р.Хевсена исходят, главным образом, из того, что продолжая беспочвенную армянскую тенденциозную традицию, он получал постоянную подпитку: моральную и материальную от армянской диаспоры вообще и от ее филиала, проживающего в США, в частности. Находясь около двух столетий в этой сверхдержаве, армяне прекрасно (забыв об обязанностях) усвоив свои права, чувствуют и ведут себя слишком вольготно. Создав почти во всех американских университетах свои армянские псевдонаучные центры, они заполняют и давно **заполнили вакуум американского кавказоведения** надуманной историей армянского народа, тем самым, превратив американское кавказоведение в арменоведение. И такими методами расширив круг доброжелателей, сочувствующих, сопереживающих, но не профессионалов,

Р.Хевсен пытается выдать старую замшелую армянскую модель территориальных притязаний за американскую модель, за американскую научную концепцию.

Таким образом, (в который раз!) мифически созданное Армянское государство не имеет аналогов в мировой истории. Видимо, не потеряв начисто чувство здравого смысла, осознавая эту неправдоподобную особенность армянской традиции, веками выпестовываемой и уязвимой, Р.Хевсен пытается найти в истории аналоги армянскому народу в лице еврейского и ирландского народов. Не выдерживают никакой критики попытки Роберта Хевсена провести аналогии в судьбе армян с евреями. Надо раз и навсегда согласиться с тем, что армяне не имеют аналогов в мировой практике. Кроме их природного менталитета, становление которого изначально происходило в разной географической среде, на разных территориях, возвращенного в разных этнокультурных средах, дальнейшему развитию армянского психического склада и этнического характера способствовали державы, империи своей политикой преследуя свои цели. Так было в древности и в средневековье, так стало с XVII–XIX вв., когда империи стали засылать к армянам своих миссионеров, которые и довершили свое дело. Часть армян приняла католичество, часть лютеранство, часть оставалась верной григорианству, но все они были руководимы единой христианской церковью – Армянской Церковью. Армяне-католики, армяне-лютеране, получив образование в Европе, в Америке, составили истоки Армянской диаспоры. С помощью католических, протестантских конгрегаций и с помощью печатного станка (которого не было у евреев) армяне оповещали о своей судьбе, своей истории, привлекали внимание европейской общественности к собственной «вечно многострадальной» судьбе.

Ничего подобного не наблюдается в истории евреев, которые сформировались как этнос со своей единой кастовой религией – иудаизмом на своей обетованной земле – в Иудее. Евреи, в отличие от армян никогда не были ведомы и не пользовались услугами миссионеров. Евреи создали собственную древнюю письменность, которая послужила основой для многих письмен других этносов. А армяне заимствовали чужую письменность – эфиопскую. Этот алфавит и взял Месроп Маштоц в V в. и приспособил

бил к армянским звукам – фонемам, которым пользуются и поныне.

Еврейский язык – иврит – самостоятельный язык, к тому же он оказал влияние на семитские языки, являясь их истоком, а армянский – представляет собой значительное заимствование иранизмов: персидских корней, словообразовательных суффиксов, окончаний, ономастики. Все персидское – в особенности среднеперсидское – пехлеви.

Евреи в I в., потеряв свое государство, рассеявшись по другим странам, забыли свой язык, за исключением горских евреев. А армяне, напротив, сохранили свой язык и приобретенную письменность, после потери своих государств на территории Малой Азии, тоже рассеявшись по странам. Евреи, влившись в другие этнокультурные среды, своими творениями обогащали историю и культуру других этносов, то ли не имея возможности развивать собственную, то ли по другим причинам. Евреи никогда не пропагандировали свою историю и культуру. Для этого достаточно одного творения – книги Ветхого Завета. А армяне, напротив, в зоне чуждого этнокультурного проживания присваивали чужую историю и культуру (музыку, мифы, легенды, кулинарию и т.д. язык, как это было с персидским и частично с тюркским). К тому же армяне, потеряв свои государства приступили к созданию истории армянского народа, искусственно гипертрофированно расширяя его территории, возвеличивая ее правителей, пытались представить Армению третьей державой после Рима-Византии и Персии. Армяне наводнили все страны своими искусственно созданными историями. К тому же, написанные и пропагандируемые «Истории армянского народа» по существу – истории отдельных феодальных родов, зачастую этнически не армянских, но это не история одной страны, одного этноса.

Приковывая внимание к своей судьбе, не без помощи великих держав, армяне стабильно представляют себя как многострадальный народ, претерпевший будто геноцид; число погибших в 1915 г. армян увеличивается с каждым годом.

Евреи же, перед которыми в неоплатном долгу добрая половина человечества, никогда не говорят, не культивируют тему геноцида. Как можно сравнивать армян с еврейским народом, с его неповторимой судьбой? И, наконец, евреи создали в XX в. свое

государство на исторической родине – в Палестине, а армяне с помощью держав, создали государство в XX в. на чужих землях - землях исторического Азербайджана.

Считаем излишним проводить параллели между судьбой армян и ирландцев, земля которых отнята державой (Великобританией), на которой они живут и мужественно отстаивают свою независимость.

Итак, многообещающее творение Р.Хевсена «Армения. Исторический Атлас», представляющий собой попытку осветить историческую географию Кавказа, оказался совершенно несоответствующим историческим реалиям и данным источников. Представленный Атлас вызывает глубокое возмущение научной общественности Азербайджана, мнения его ученых скоро будут опубликованы.

Искренне жаль доверчивый, доброжелательный американский народ, который в очередной раз введен в заблуждение относительно истории «многострадального» армянского народа искусно сотканной Р.Хевсенем.

Недавно вышла монография В.А.Арутюновой-Фиданян,⁶⁴⁴ в которой приведены сведения источника об Албанской, Сюнийской церквах, об Албании (ее области Гардмане), о халкидонитстве в Албании, а также изложены комментарии об албанских реалиях, об албанском источнике Моисее Каланкатуйском, которые вызывают серьезные возражения.

Нам представляется, что автор монографии «Повествование о делах армянских» в определенной степени отрывает от реальной почвы, идеализирует историю становления армянской халкидонитской общины VI–VII вв. – «сложного феномена, на генезис и развитие которого оказали конституирующее влияние такие разновременные и гетерогенные составляющие, как греческая проповедь времен христианизации и **последующие единения с Греческой Церковью**, греческая культура и язык, просветительская, переводческая и творческая деятельность грекофилов, и наконец, вхождение большей части Армении в состав Византии в конце VI–VII вв.».⁶⁴⁵ Если бы армяно-византийская контактная зона была столь действительной, реальной, относительно сформировавшейся, как считает В.А.Арутюнова-Фиданян, (в VII в. халкидонитство победило в Армении, став господствующим ве-

роисповеданием; VII в. «стал армянским веком» в истории Византии и в равной мере VII в. в Армении был «византийским столетием»), то тогда становится необъяснимым, как, в силу каких причин, та самая Армянская Церковь, которая считала себя частью Византийской, столь быстро пошла на услужение арабам, срослась с ее политикой и более того – предложила арабам свои услуги по переподчинению себе христианской Албанской Апостольской Автокефальной Церкви?!

Контактная зона в реальности предполагает, предопределяет естественную интеграцию двух миров, двух культур, двух церквей, двух этносов, двух этнополитических образований. А в данном случае мы видим пребывание армянских провинций в составе Византийской империи, отношения которых построены на принципе господства Византии, Византийской Церкви и подчинения армянской элиты, армян, Армянской Церкви. В.А.Арутюнова-Фиданян приводит такой пассаж из Себеоса, что наследник великого Ираклия, Констант II - законный сюзерен армянских земель назначает командующим войск Византийской Армении Теодороса Рштуни – «верного человека из армянских князей греческой части». Но когда армяне вскоре **изменили Константу II, «покорились царю исмаильтян»** (*Себеос*, с.164), «император с карательной экспедицией отправился в Армению», вот **«и тогда армянский католикос и Мушег со всеми армянскими князьями пали ниц перед царем и с великим рыданием, проливая слезы, стали умолять его о пощаде, чтобы он не уничтожил их, их страну за их преступления.** Внял их мольбам царь, тут же распустил большую часть войска, а сам... отправился в Двин и остановился в доме католикоса» (*Себеос*, с.118). Вот какой ценой, т.е. методом принуждения армянские нахарары и клир покорялись империи. И правомерно ли называть подобные отношения – «контактной зоной»?! Вот другой эксцерпт из Себеоса, который пишет, что когда в церкви св. Григория был провозглашен халкидонский Собор, «обедню отслужил ромейский иерей на греческом языке, и приобщились царь, католикос и все епископы, **одни добровольно, другие поневоле**».⁶⁴⁶ И потому нам представляются верными определения, данные «этому феномену» - армяно-халкидонитской общине Р.М.Бартикяном и американским исследователем Н.Г.Гарсоян. **Р.М.Бартикян пишет: «Про-**

иски армян-халкидонитов имеют многовековую историю, их подстрекателями были византийское государство и церковь». Р.М.Бартиян считает армяно-халкидонитские епархии и монастыри агентурными центрами византийцев.⁶⁴⁷ По мнению же Н.Г.Гарсоян, империя не смогла «абсорбировать армян, за малым числом аристократических фамилий, что даже отсутствие религиозного антагонизма не привело «к ожидаемому слиянию», что армяне были «инкорпорированы, но не ассимилированы, и что, наконец, армяне никогда не воспринимали подлинное, ортодоксальное византийское тождество».⁶⁴⁸

Теперь рассмотрим данные источника VII в. «Повествование» об Албании и комментирование их В.А.Арутюновой-Фиданян. В.А.Арутюнова-Фиданян утверждает, что армянские грекофилы, получившие прекрасное эллинистическое образование, в совершенстве владевшие армянским и греческим языками, успешно участвовали в богословских и философских диспутах. В доказательство своего мнения, она ссылается на Моисея Каланкатуйского, что он рассказывает об одной из таких дискуссий: «И хотя собравшиеся по повелению императора греческие богословы были уверены, что благодаря гибкости и богатству греческого языка они выйдут победителями, **однако они получили достойный ответ. Ибо вера Армянской Церкви была правой и [многие] хорошо владели греческим языком**».⁶⁴⁹ В этом пассаже В.А.Арутюнова-Фиданян ссылается на так называемое критическое издание Мовсеса Каланкатуаци, предпринятое В.Д.Аракелянцем.⁶⁵⁰ А между тем в тексте Каланкатуйского в данном отрывке нет упоминания об Армянской Церкви и вообще данный пассаж читается несколько иначе: «И хотя собрались по повелению императора греческие знатоки, уверенные, что благодаря красноречию, остроте эллинского языка **они выйдут победителями, но они вынуждены были выслушать ответы**. Хотя в Армении церковные науки только зарождались, возрождались, но много было знатоков греческого языка. Армяне обвиняли Иоанна Майрагомеци, мол, он, будучи на стороне греков, противоречил [армянам]. Причиной его обвинения был один отшельник Соломон, после ставший католикосом армянским. Он [Иоанн Майрагомеци] спросил Вардапета Соломона, настоятеля [монастыря] Макенац, и тот письменно подтвердил, «армяне не были побеж-

дены в деле веры... но в том были побеждены, что говорили греки» относительно девяти церковных чинов, которые отсутствовали в церковной иерархии (структуре) Армянской Церкви (*Каланкатуйский*, II, 48).⁶⁵¹

В.А.Арутюнова-Фиданян пытается представить все в иллюзорном свете, сгладив углы, и в угоду изначально поставленной цели своего исследования – «контактная зона», она предопределила заранее, будто бы у армянской знати, армянских княжеств, находящихся в составе Византийской империи, существовали стабильные попытки искренне принять халкидонитство с целью создания в христианстве теологического единства, идею единения с Греческой Церковью. В угоду продуманной цели, в жертву ей исследователь приносит очень интересные эксцерпты источников, выявляющих, освещающих совершенно иные стороны богословских диспутов.

Пассаж из албанского автора VII–VIII вв. Моисея Каланкатуйского бьет мимо цели, поставленной В.А.Арутюновой-Фиданян, и более того – он противоречит ее логике видения, утверждения, что «армянские богословы стремились дать свое понимание христологической и тринитарной проблем с использованием того же античного логико-философского инструментария, что и их идейные противники в Византии».⁶⁵² **«Они [армянские богословы] успешно участвовали в богословских и философских диспутах.** Мовсес Каланкатуаци рассказывает об одной из таких дискуссий». А между тем Каланкатуйский говорит о другом предмете спора, что нашло отражение как в самом тексте, приведенном нами, и на который ссылается В.А.Арутюнова-Фиданян, так и в заголовке главы: **«О споре греков с армянами – почему сии последние не имеют девяти церковных чинов.** Стариания армян, чтобы архиепископ Албании был им [армянам] подчинен, на что албаны не соглашались. Сюнийцы обращаются от армян к албанцам и получают от них рукоположение и елей» (*Каланкатуйский*, II, 48). Как видно, богословский спор был фоном, за которым были скрыты истинные причины – иерархические, когда Византийская Церковь и ее клир пытались подчинить себе Армянскую Церковь. А Армянская Церковь, отстаивая свой символ веры, свою церковную доктрину, пыталась сохранить свою самостоятельность. В свое время еще Н.Адонцем справед-

ливо было отмечено, что в основе борьбы диофизитов и монофизитов лежали не догматические причины, а иерархические.

Работа В.А.Арутюновой-Фиданян вызывает удивление своим концептуальным преподношением, новой расстановкой акцентов – будто бы наличием стремления и понимания у армянских князей, армянского духовенства необходимости консолидации с греко-римским миром. Пассажи, выявленные В.А.Арутюновой-Фиданян, прокомментированы очень упрощенно. В реальности же армянская элита, армянское духовенство очень гибко «служили» двум империям (Византии и Сасанидскому Ирану), преследуя личные интересы, выгоды, что и не раз послужило причиной потери армянами своей государственности, своего политического образования – в V в., в IX–X вв., о чем писал еще в VIII в. отец армянской истории Моисей Хоренаци в последней главе своей истории, озаглавленной «Плач по армянскому народу». В этой главе, как известно, раскрыта суть армянских нахараров-князей, попеременно предающих правителя Армянского царства то Риму (впоследствии Византии), то Сасанидской Персии. В этом аспекте действия Теодороса Рштуни составляли далеко не исключение, а скорее закономерность. К тому же эта особенность армянской элиты, армян и послужила причиной письма византийского императора Маврикия (582–602), адресованного персидскому царю Хосрову, где сказано относительно неумного трудноуправляемого армянского этноса. Себеос приводит «обвинительное» письмо Маврикия: **«Народ строптивый и непокорный живет меж нами и мутит.** Поступим так: я соберу своих и отправлю во Фракию, а ты собери своих и прикажи отправить их на Восток. Если они умрут, то умрут наши враги, если же убьют, то убьют наших врагов, а мы будем жить в мире».⁶⁵³ И, конечно же, с современных позиций оценка поступка Теодороса Рштуни, данная В.А.Арутюновой-Фиданян, выглядит крайне инфантильно: «...владелец Рштуника не имел права заключать [договор с арабами] ни *de facto*, поскольку он не был поддержан большинством нахараров, ни *de jure*, так как он находился на службе империи». Принимая во внимание деяния армянских князей, выбирающих постоянно между двумя империями, В.А.Арутюновой-Фиданян следовало бы вынести свой вердикт всей армянской элите, за редким исключением, и отдельным представителям Армянской Церкви. Ссылаясь

только лишь на А.Акопяна,⁶⁵⁴ как на «последнего классика» в вопросах албановедения, не удосужившись прочесть мнения других кавказоведов,* В.А.Арутюнова-Фиданян называет труд албанского автора **«компилятивным сборником**, составленным Мовсесом Каланкатваца или Дасхуранци, **армянским вардапетом** высокого ранга, может быть католикосом Алуанка (а до этого настоятелем монастыря в Парисосе), в X в. на основании источников VI–X вв., иногда перенесенных в текст без всяких изменений».⁶⁵⁵ Это утверждение вызывает серьезные возражения. Как было отмечено, сам источник – «История албан» Моисея Каланкатуйского, само содержание памятника (где дана история страны Албании, расположенной на двух берегах р. Куры, история албан, живущих на двух берегах р. Куры, история албанских правителей-царей и великих князей Михранидов, история Албанской Апостольской Автокефальной Церкви), манера изложения, авторское отношение к описываемым событиям (в особенности отношение к Дживанширу), и главное, строго разработанная автором хронологическая система датирования событий синхронизацией: по правлениям албанских царей, великих князей Албании, по годам албанских католикосов, по правлениям персидских царей, греческих, византийских – все это дает основание для единственного вывода – «История албан» была написана албанцем, «а не армянским вардапетом» (Моисеем Каланкатуйским - Дасхуранци) для албанского народа.⁶⁵⁶

Далее, опять же ссылаясь на А.Акопяна, исследователь говорит о включенных в историю Алуанка так называемых «готовых» источников: «История 684 г.» и «История католикоса Виро». В так называемой «Истории 684 г.» те сведения, которые находят параллели в армянских источниках, В.А.Арутюновой-Фиданян принимаются на веру, а те данные, которые не подтверждаются другими армянскими источниками, вызывают у нее «скептицизм». Это относится к истории взаимоотношений великого князя Дживаншира с Византийской империей. В.А.Арутюнова-Фиданян

* В архиве И.А.Орбели есть исследование, где читаем: "~~Албанский автор Моисей Каланкатуйский~~" [перечеркнуто. - И.Орбели], "~~Армянский автор Моисей Каланкатуйский~~" [вновь перечеркнуто. - И.А.Орбели], "Армяноязычный автор Моисей Каланкатуйский". Как видно, такому известному кавказоведу, как И.А.Орбели, не просто было избежать уже установленного Армянской Церковью "табу" на албановедение, и главным образом, на албанский источник - Моисея Каланкатуйского. И.А.Орбели терпелся в догадках - как же назвать этот источник?

сомневается в возможности наличия этих взаимоотношений – когда Джеваншир письменно признал сюзеренитет империи, а император Константин II в ответ на это жалует Джеванширу высокие звания. Император, после двух личных встреч, оказывает Джеванширу большие почести и признает **за ним право наследственного владения всеми территориями**, «которые когда-либо принадлежали первым царям Алуанка», «поручив ему царственно управлять восточным краем».⁶⁵⁷ Достойны внимания комментарии албанского автора по поводу знаков внимания и почестей, оказанных Джеванширу со стороны византийского императора Константа II: **«Вельможи армянские и военачальник Амазасп [Амазасп Мамиконян назначенный арабами правителем Армении в 654–659 гг.], видя, что Джеванширу достались такие небесные дары [частичка из Креста] сильно завидовали ему»** (*Каланкатуийский*, II, 22). Разве мог бы «армянский» автор сказать, подумать и написать подобное?!

Скептицизм В.А.Арутюновой-Фиданян исходит из совершенно неведомых ей реалий Албании, да и реалии Армении синхронного периода. Отношения Ираклия, византийского императора, его внука Константа II к Албании продиктованы тем стратегическим положением, которое в отличие от «страны армян» занимала Албания на Кавказе и благодаря чему Албания дольше, чем Грузия-Иберия (о «стране армян» не стоит говорить в этом контексте, ибо она была столетиями провинцией двух империй) сохранила свою государственность. Прежде всего, албанским правителям вменялась в обязанность защита Кавказских проходов (Дербентского, Беш-Бармакского, Гильгинчайского), через которые постоянно нашествовали тюркоязычные племена, представляющие угрозу двум империям – Риму/Византии и Персии. И только благодаря этому, Албанское государство просуществовало свыше 1000 лет (с IV в. до н. э. до начала VIII в.). Албания всегда входила в геополитические интересы империй еще со времен Александра Македонского. Ведь, как известно, в период античности за исключением Албании весь Центральный Кавказ был в подчинении Рима. И потому только в VII в. во время персидско-византийских войн, во время кавказского похода Ираклия, при его преемнике Константе II, наконец-то, представилась реальная возможность закрепиться Византии на Кавказе,

включить весь Кавказ в сферу своего влияния. С целью достижения конфессионального единства Ираклий, согласно грузинским источникам, в Мцхете, Уджарме проводил политику преследования не только зороастрийцев, но и монофизитов. А в 628 г., когда Ираклий прибыл в Албанию, в область Гардман – «Гардабани, владения Вараз-Григора», то по повелению Ираклия Вараз-Григор и его народ, а также «владелец Мецекеванка» в местечке Лал были крещены. Очевидно, они приняли монофелитство, а Вараз-Григор, еще будучи гардманским князем, объявляет себя вассалом Ираклия.⁶⁵⁸ Именно в этих целях, к удивлению и непониманию В.А.Арутюновой-Фиданян, «Византия выступает в образе щедрой и милостивой покровительницы Восточного края» и действительно для того, «чтобы легализовать [теперь уже] притязания Дживаншира [великого князя Албании] на царское достоинство». Не владея Албанией нельзя было закрепить себя на Центральном Кавказе. А Дживаншир, мудрый гибкий политик, дипломат, видный государственный деятель, прекрасно владеющий греческим языком,⁶⁵⁹ четко разбирающийся в сложившихся политических реалиях, в свою очередь своевременно признал сюзеренитет Византии, чего нельзя сказать о выборе Теодороса Рштуни, который оплошал, не смог вычестить структуру момента, поспешил на сговор с арабами. И потому «Дживанширу [удалось] самодержавно и с великолепием господствовать-править от пределов Иберии до ворот гуннов и до реки Аракс» (*Каланкатуйский*, II, 21). К тому же в отличие от армянских нахараров, постоянно выбирающих то одну, то другую сторону (то Рим/Византию, то Сасанидский Иран, позднее – то Византию, то арабов) албанская элита вместе со своими правителями стабильно (до VII в.) ориентировалась на Иран, признав вассальную зависимость от него, сумела сохранить свою территорию, свою государственность.

Данные в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского о Дживаншире, его взаимоотношениях с Византией, с арабами, не имеющие аналогов в других источниках, лишней раз являются подтверждением (кроме всего прочего) албанского происхождения автора «Истории албан». Вызывает возражение, да это не единственное возражение, представлять страну Албанию – Алуанк и Сюник в качестве областей Армении. «Халкидонитство как

сложное и широкое религиозное течение имело другие пути для завоевания душ кроме путей войны, о чем говорит его распространение **в Алуанке и в Сюнике, наиболее удаленных от Византии областях Армении** и не испытывавших ее военного присутствия». ⁶⁶⁰ Это утверждение совершенно беспочвенное. Речь идет о событиях VII в., когда существует Албанское государство (управляемое албанскими Михранидами), которое в сложных условиях византийско-персидских войн, арабо-византийских отношений сумело сохраниться и, которое и в предшествующие века не являлось «областями» Армении. Ведь Армения была подвергнута неоднократному делению между империями Римом и Парфией в 37 г., 298 г., между Римом/Византией и Сасанидской Персией в 387 г., 591 г., в итоге существовали две армянские провинции: Византийская Армения и Персидская Армения. Мне даже неудобно в очередной раз напоминать об этом армянским историкам. Ведь исследователям хорошо известно, что в 428 г., когда было юридически упразднено Армянское государство (а фактически в 387 г.), то этот акт совершенно никоим образом не был связан с образованием «Албанского марзбанства», которое культивируется в так называемой армянской историографии. В армянской историографии образование албанского марзбанства датируется 428 г. (связывают с ликвидацией Армянского государства) или же 451 г. А согласно историческим политическим реалиям марзбанство было создано в Албании в 510 г. и просуществовало до 629 г. Деление Армении по договору 591 г. совершенно не коснулось Албании и потому выглядит парадоксальным голословное утверждение исследователя (В.А.Арутюновой-Фиданян), что по делению 591 г. у персов остались... Сюник, Пайтакаран, Утик, Арцах, ⁶⁶¹ т.е. области Албании по правобережью Куры. Дело в том, что и правобережье, и левобережье Куры составляли в 591 г. единое албанское марзбанство, управляемое персидским марзбаном. Невзирая на данные источников Албании и Армении, а также на исторические реалии, исследователь продолжает голословно утверждать, что «Сюник всегда был частью Армении и всегда, в определенной степени, автономной». ⁶⁶² Единственное, с чем можно согласиться, так это с автономией Сюника. Что же касается Сюника, то еще Н.Адонц и С.Малхасянц вынуждены были отметить, что Сюник занимал «обособленное и более неза-

висимое от центральной Армении положение как в гражданской, так и в церковной жизни». И это, на их взгляд, объяснялось этнической особенностью страны. «Несомненно, что **албанская окраина Армении**, Сюния по населению отличалась несколько от центральных частей Армении. Племенная исключительность ее поддерживалась и обновлялась переселенческими течениями из прилегающих горских стран».⁶⁶³ Очевидно, племенную исключительность Сюника составляли курды, именуемые марами. Х.Хюбшман и И.Маркварт, как известно, считали Сюник албанской областью.⁶⁶⁴ Согласно данным сюникского автора XIII в. Степанноса Сюнийского Орбели, епископу Сюника, царь Албании Есуаген в V в. даровал чин митрополита, «также царское знамя красное с золотой бахромой, с золотым шариком на верхушке и над ней великолепный крест и приказал нести всегда впереди сюнийского епископа» (*Степаннос Орбели*, гл. XV, XXV). И только в VII в. второй раз чин митрополита был дан сюникскому епископу армянским католикосом Абраамом во время спора с греками относительно отсутствия девяти чинов в церковной иерархии Армянской Церкви (*Степаннос Орбели*, гл. XXV). Согласно данным Моисея Каланкатуйского (II, 48), Степанноса Орбели (XXV) сюнийцы принимали рукоположение и священный елей (миро) от албанцев в VI–VII вв.

В армянском источнике VII в. – «Повесть о делах армянских» (далее Аноним) приводятся сведения, относящиеся к Албанской Церкви, не имеющие аналогов в других источниках. Автор «Повествования» - ортодоксальный клирик, для которого халкидонитство – единственно «правая вера», а Армянская Церковь является частью Вселенской Церкви. Аноним – это история единения и разрывов Греческой и Армянской церквей, содержит уникальные данные об армяно-халкидонитской общине VI–VII вв.⁶⁶⁵ Автор «Повествования» склонен считать, что в VI в. распространение халкидонитства в Албании и Сюнике связано с деятельностью и влиянием Вардана Мамиконяна и его окружения, когда они, после возвращения с V Вселенского Константинопольского Собора стали проводить в Армении идею единения с Греческой Церковью (§§ 84, 85–87).⁶⁶⁶ Согласно Анониму халкидонитами были и такие выдающиеся церковные деятели, как албанский католикос Абас (§ 85), Петр, Григорий, Матусала (Мафусала) и Вртанес – епископы

Сюника (§§ 86–87).⁶⁶⁷ Прежде всего следует отметить, что многое в данном пассаже не соответствует историческим и конфессиональным реалиям. Этот эксцерпт «Повествования» отражает сложный период идеологической ситуации, который сложился на территории Византийской Армении и на Кавказе в VI–VII вв., приведшей к церковному разрыву. Как известно, во второй половине VI в., когда Армянская Церковь определила свою догматику на Двинском Соборе (приняв монофизитство), Албанская и Сюникская церкви стали придерживаться умеренно халкидонитской позиции, совместно с Грузинской Церковью.⁶⁶⁸ Думается, что здесь совершенно неуместно связывать распространение халкидонитства в Албании с деятельностью Вардана Мамиконяна и его окружения. Выбор веры Албанией, как и другими странами Кавказа, находился в зависимости от политического соперничества двух империй – Византии и Ирана. И именно этот момент (период) нашел отражение в следующем пассаже. В разделе «Повествования» (посвященного монофизитской пропаганде монофизитских церковников, пассаж уникальный, не имеющий параллелей в других источниках), **указано, что церкви Сюника, Алуанка и Иверии отвергли притязания монофизитов (§§ 85–87). «Иверы, резко возразив, не пожелали [ничего] слушать и с позором изгнали их как учеников-еретиков» (§ 88). «И другие не подчинились их желанию, кроме тех, которые говорили только на армянском языке: Ташир, Дзорапор и Гардман – т.е. страны, которые находятся со стороны Арцаха» (§ 89).** В.А.Арутюнова-Фиданян и далее пытается проанализировать этот пассаж. Это место в «Повествовании» исследователи считают загадочным. И действительно, отмечает В.А.Арутюнова-Фиданян, трудно представить себе, что «на армянском языке» говорили в **Ташире, Дзораторе и Гардмане и не говорили в Сюнике.** Разгадку, видимо, следует искать в общем контексте этого пассажа.⁶⁶⁹ Исследователю трудно представить, как в Сюнике в VII в. не говорили на армянском языке. А между тем известно, что еще сюнийский автор VIII в. Стефан Сюнийский отмечал, что в его время в Сюнике говорили **на своем сюникском, но не армянском языке.** Это разделял Р.А.Ачарян, считающий, что сюникцы – это народность, имеющая свой исконный язык. Это же разделял Н.Адонц.⁶⁷⁰ По поводу сведения «Повествования» -

«кроме тех, которые говорили только на армянском языке – Ташир, Дзорапор и Гардман», справедливо полагает Р.М.Бартикян, что в армянском тексте просто не могло быть такой фразы, ибо в «Повествовании» много армянских топонимов, но нигде специально не оговаривалось, что они называются так «на армянском языке».⁶⁷¹ В.А.Арутюнова-Фиданян, пытаясь комментировать этот фрагмент, полагает, что армяне-халкидониты, по требованию греков, очевидно, могли вести богослужение по-гречески. В империи Византийской долгое время бытовали сомнения по поводу законности употребления местных языков в литургии.⁶⁷² Но географическая и культурная удаленность от византийского мира округов Ташир, Дзорапор и Гардман обусловила, по мнению В.А.Арутюновой-Фиданян, конфессиональную и лингвистическую ситуацию региона, подчеркнутого автором «Повествования»: армяне-монофизиты этих областей владели «только армянским языком»,⁶⁷³ на котором, собственно и вели богослужение. Этот комментарий не представляется убедительным, к тому же логически не вяжется в связи с общей концепцией, проводимой В.А.Арутюновой-Фиданян: VII в. – период единения Армянской Церкви с Константинопольской, т.е. восторжествовало халкидонитство во всей Армении, священники служат на греческом языке и почему-то только в трех упомянутых округах – Ташире, Дзорапоре и Гардмане служат на армянском языке, т.е. три эти округа во всей так называемой Армении остались верными монофизитству. Дело в том, что Гардман – это албанская область, которая становится известной в качестве таковой (гавар) в составе албанской крупной провинции Ути и далее продолжала быть в этом составе до падения Албанского царства (начало VIII в.) и после, в период позднего средневековья, когда были возрождены мелкие албанские княжества-царства. К тому же область Гардман в VI–VIII вв. – это наследственный домен албанских правителей – великих князей Михранидов – правителей Албании, которые, бежав из Персии, обосновались в Гардмане. В силу всего изложенного совершенно исключено, чтобы языком Гардмана был армянский язык. Что касается конфессиональных реалий Гардмана VII в., то известно, что два албанских католикоса VII в. – Захарий и Нерсес-Бакур были халкидонитами, к тому же Нерсес-Бакур был вначале епископом Гардмана, затем стал католикосом.

Маловероятно, что в этот период Гардман оставался монофизитским и к тому же языком конфессиональным не мог быть армянский. Остается одно – сообщение об армянском языке в трех округах, Гардмане, в частности, плод редакторской работы автора «Повествования» или же плод редакторской работы переписчика древней рукописи «Повествования» XII–XIII вв. Это объясняется степенью заинтересованности новых поколений средневековья – (XII–XIII вв.) вопросами церковного разрыва на Кавказе и отсюда их участие в редактировании соответствующих текстов. А как утверждает В.А.Арутюнова-Фиданян, автор «Повествования» эрудированный широко информированный богослов, пользовавшийся архивными материалами католикосата,⁶⁷⁴ которые также, со временем, редактировались и несли-отражали курс своего времени. И кроме всего прочего, мы уверены, что для нужд армянской истории архив армянского католикосата никогда не будет испытывать дефицит «нужного материала». Следует учесть, что почти все древние рукописи армянских источников датируются XII–XIII вв.(?!).

Одной из вечных тем арменистики является переселение армян с родной земли как добровольное, так и насильственное,⁶⁷⁵ потеря ими своих политических образований-государств, а также непереносимое составление карт – очерчивание (всеми без исключения историками) территориальных пределов потерянных армянских государств и земель, т.е. создание исторической географии, так называемой Великой Армении с глубокой древности – со II в. до н. э., а теперь (в последнем издании Роберта Хевсена) с VI–IV тыс. до н. э. по XXI в. включительно⁶⁷⁶ на землях Восточной Анатолии и Кавказа.

Любое исследование армянского ученого по любому аспекту истории и культуры армянского народа обязательно должно быть сопровождаемо картой. И, конечно же, труд В.А.Арутюновой-Фиданян не мог составить исключение в этом плане. Многолетние исследования истории армянского народа убеждают меня в том, что такая тяга к картам, свойственная армянам, видимо, присуща иммигрирующим этносам, рано потерявшим свое государство. Но подобные аналоги у других этносов, тоже обреченных на потерю земель, на иммиграции не удалось выявить, т.е. эти этносы лишены начисто тяги к картам. Очевидно, армяне являются вообще ре-

кордсменами по количеству издаваемых ими карт. Достоин внимания тот факт, что независимо от периода – будь то период существования Великой Армении (II–I вв. до н. э.), будь то период потери армянами государственного образования, периода существования двух армянских провинций – Византийской и Сасанидской Персии – на картах всех периодов отражена стабильно, без всякой динамики Великая Армения. При этом ее территориальные пределы расширены, увеличены во все века за счет своих соседей – на севере за счет Грузии, на востоке за счет земель исторического Азербайджана – Албании и последующих азербайджанских государств.

С точки зрения исторических реалий политической истории Армении и Кавказа представленная В.А.Арутюновой-Фиданян карта С.Т.Еремяна⁶⁷⁷ вызывает серьезные возражения. Только с помощью легенды, предпосланной к карте, становится более или менее понятно содержание карты, которая дана без заголовка, имени автора, отражает период очередного раздела Армении, (раздела 591 г.) между Византией и Сасанидской Персией.

В легенде хитроумно поданы пять линий-знаков, обозначений одного и того же цвета – красновато-розового, если учесть, что вся территория Армении (!) дана в розовом цвете, а территориальные пределы так называемой Армении окантованы, очерчены жирной красной линией, которая вообще не обозначена в легенде, ибо надо было бы как-то назвать эту линию, что не соответствовало бы историческим реалиям. Территория Армении (а фактически – это византийские и персидские провинции) простираются на карте с запада от р. Галис, на северо-западе от Амассии, до восточных пределов, где включены в ее состав и албанские области Сюник-Сисакан и часть Арцаха, т.е. фактически включена территория современной Армянской республики, созданной в XX в. На севере, в состав так называемой Армении включена часть земель исторической Грузии. И всю эту территорию, названную Арменией (в тексте карты, но не в заголовке), невзирая на ее реальную политическую судьбу, на очередной раздел ее в 591 г. между двумя империями, гиперболизируя ее территорию за счет усеченных земель Грузии и Албании, исследователь (карта С.Т.Еремяна) дал территориальные пределы Армении в иллюзорно розовых тонах. Что же касается

территории Албании, албанского марзбанства (в этот период), данного исследователем в бледно-желтовато-салатовом цвете, то здесь В.А.Арутюнова-Фиданян путем введения своих обозначений (красноватого оттенка) щедро распределяет албанские области как на правом берегу р. Куры, так и на левом берегу, между двумя империями – Византией и Сасанидской Персией, что представляется совершенно непропорциональным, начисто лишенным всякой почвы. Созданная таким образом В.А.Арутюновой-Фиданян безымянная карта, которая, согласно политическим реалиям, должна была отразить персидско-византийское, очередное (на сей раз 591 г.), перераспределение армянских областей, на деле зримо воплотила розовую мечту арменоведов - будто бы стабильно существующую Армению.

В последние годы, особенно с 2000 г., в связи с созданием Центра Исследований Кавказской Албании, который провел две международные конференции и один международный симпозиум, с широким привлечением зарубежных ученых, интерес к албановедению заметно возрос. На этих форумах были заслушаны интересные, серьезные доклады, освещающие отдельные аспекты – исторической географии, истории, культуры, идеологии – религии (Албанской Церкви, ее церкви Киш, даты принятия христианства в Албании и Армении, церковных епархий Албании и Армении, апостольского периода христианства Кавказской Албании), албанской письменности и литературы в свете открытий на Синайской горе, археологии Албании, албанского этноса (в прошлом и настоящем), албанских меликских родов.^{*678}

* Доклады изданы в Альманахе - "The History of the Caucasus. The scientific-public almanach. Ваку, 2001, № 1; 2002, № 2, а доклады, оглашенные на III Международной конференции в 2003 г., находятся в процессе производства.

Библиография:

¹Мамедова Фарида. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку, 1977 (редактор З.М. Буниятов); Она же. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, 1986 (редактор З.М. Буниятов).

²Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980, с. 10.

³Евтропий, VI, 14. "После победы над Тиграном Помпей вскоре пошел войной на албанов и трижды победил царя их Орода, но, наконец, умиловивленный письмами и дарами, даровал ему прощение и мир". Евтропий. Бrevиарий от основания города. ВДИ, 1949, № 3.

⁴Марр Н. Я. История армянской и грузинской литературы. Архив АН СССР, ф. 800, оп. 1, А № 1795, л. 13.

⁵Новосельцев А. П. Указ. раб., с. 11.

⁶Культура раннефеодальной Армении (IV-VII вв.). Ереван, 1980, с. 13.

⁷Марр Н. Я. Классическая эпоха V-VI вв. Архив АН СССР, ф. 800, оп. 1, ед. хр. 171, лл. 1-17.

⁸Марр Н. Я. Указ. раб.;

Адонц Н. Армянская литература: Новый энциклопедический словарь. Брокгауз и Эфрон, 1915, т. 3, с. 642.

⁹Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979, с. 23.

¹⁰Периханян А. Г. К вопросу о происхождении армянской письменности. В кн.: ПС. М., 1966, т. II, с. 126-127.

¹¹Ольдерогге Д. А. История армяно-эфиопских связей (Алфавит Маштоца). См.: Сб. 1. Древний Восток. К семидесятилетию академика Коростовцева М.А. М., 1975, с. 14.

¹²Алексидзе З. Н. Что может рассказать об истории церкви Кавказской Албании обнаруженный на Синайской горе грузино-албанский палимпсест. См.: The History of Caucasus. The scientific - public almanac, Баку, 2002, № 2, pp. 21-26.

¹³Шанидзе А. Г. Новооткрытый алфавит албанцев и его значение для науки. Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры ГФАН СССР, 1938, т. IV, вып. 1, с. 3.

¹⁴Адонц Н. Армянская литература, с. 642.

¹⁵Марр Н. Я. К критике М.Хоренского: Рец. на кн.: Халатьянц Г. Армянский эпос в "Истории Армении" Моисея Хоренского. В кн.: ВВ, СПб., 1898, т. V, с. 228.

¹⁶Существует мнение, что автограф "Истории албан" был написан на одном из албанских языков, возможно, гаргарейском или удинском, а затем был переведен на грабар. См.: Ямпольский З. И. К изучению Летописи Кавказской Албании. Изв. АН Азерб. ССР, общ. науки, 1957, № 9, с. 149-156;

Алиев К. Г. К вопросу об источниках и литературе по истории древней Кавказской Албании. Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962, с.17;

Ворошил Гукасян. Удинские слова в "Истории албан". Изв. Азерб. ССР, Серия литер., языка, искусства, 1968, № 1.

¹⁷Тер-Григорьян Т. И. К вопросу об "Истории албанской страны" Моисея Каланкатуйского. Архив Института истории АН Азерб. ССР, № 991, с. 2. Тер-Григорьян Т. ссылается на работу Аганяна Г. См.: Аганян Г. Архив Армянской истории. Тифлис, 1894, кн. III, с. 376 (арм. яз.);

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959, с. 12.

¹⁸Шахатунянц И. Описание Эчмиадзина и пяти областей, лежащих у Арарата. Эчмиадзин, 1841, т. II, с. 330-332 (арм. яз.);

"История агван Моисея Каганкатвацци". Перевод К.Патканова, СПб., 1861, с. IV (Далее: П.).

¹⁹Brosset M. Extraits de l'histoire des Aghovans en armenien par Moise Caghancatovatsi. В кн.: Additions et éclaircissements a l'histoire de la Georgie. St.-Petersbourg, 1851, p. 468;

П., с. IV;

The History of the Caucasian albanians by Movses - Dasxuranci, translated by C.J.F.Dowsett. London, 1961, p. XIII.

²⁰Орбели Р. Р. Собрание армянских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР. Уч. зап. ИВ АН СССР, т. VI, 1954, с. 110.

²¹Приписка Броссе на петербургской рукописи (л. 1а).

²²Bore' E. Nouvelles annales de voyages, t. II. Histoire des Aghovans par Moise Calkantouni extraite et traduite du manuscrit armenien. Paris, 1848, pp. 53-93.

²³Brosset M. Extraits de l'histoire des Aghovans, pp. 468-494.

²⁴Мовсес Каганкатвацци. История страны албан. Тифлис, 1912 (древнеарм.яз.). Изд. Н. Эмина (Далее: Э.).

²⁵Мовсес Каганкатвацци. История страны алван. Париж, 1860 (древнеарм.яз.). Изд. В.Шахназаряна.

²⁶История агван Моисея Каганкатвацци. Перевод К.Патканова.

²⁷Manandian J. Beitrage zur albanischen Geschichte. Untersuchungen uber Moses den Utier (Kalan'katuaci). Leipzig, 1897. "Базмавэп", с. 575-578 (арм. яз.).

²⁸Тер-Григорьян Т. К вопросу об "Истории албанской страны", с. 3-4.

²⁹The History of the Caucasian Albanians. C.J.F.Dowsett. Введение;

Тоуманов С. С. J. F. Dowsett (tr.) The history of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci. London, 1961. BSOAS, XXV. 12, 1964;

Бартикян Р. The History of the Caucasian albanians..., ВВ, т. XXVII, 1967.

³⁰MacIer F. Catalogue des manuscrits arméniens et géorgiens. Paris, 1898, pp. 118-120.

³¹Сопубеаге F. C. A Catalogue of the arménien Manuscripts in the British Museum.... London, 1913, № 117, pp. 292-293.

³²См. также Акопян В. А. "Армянская книга канонов" и ее редакции. Автореф. докт. дисс. Ереван, 1967, с. 32.

³³Этимологический коренной словарь армянского языка, т. V. Сост. Ачарян Р. Ереван, 1931 (арм. яз.).

³⁴Dowsett, p. XIII.

³⁵Марр Н. Я. По поводу русского слова "сало" в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в. См.: Избранные работы. М.-Л., 1935, т. V, с. 72-90.

³⁶Орбели Р. Р. Собрание армянских рукописей Института востоковедения АН СССР, с. 111.

³⁷Каталог рукописей Матенадарана имени Маштоца, т. I. Сост. О.Еганян и др. Ереван, 1965 (арм. яз.).

³⁸История албанской страны Мовсэса Каганкатвацци. Перевод, предисловие и примечания В. Аракеяна. Ереван, 1969 (Далее: Аракеян).

³⁹Аракеян, с. XVI.

⁴⁰Захарий, дьякон. История. Вагаршпат, III, 1870, с. 30. (древнеарм. яз.).

⁴¹Теми же 1279-1311 годами датировал Броссе М. древнейшую рукопись армянского извода Картлис Цховреба (ныне Матенадаран № 1902) Brosset M. Rapports sur un voyage Archéologique dans la Georgie et dans l'Arménie (1847-48), III, St.-Petersbourg. Эта датировка принята в литературе. В каталоге рукописей Матенадарана этот номер датирован XIII в.

⁴²Brosset. Rapports, III, p. 71.

⁴³П., с. IV.

⁴⁴Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 12-13.

⁴⁵Мхитар Гош. Албанская хроника. Перевод на русск. яз., комментарии З.М. Буни-

ятова. Баку, 1960, примеч., с. 20.

⁴⁶Дадян Х. Рукописи "Истории Агванка" Мовсэса Каганкатваца, находящиеся в библиотеке при кафедральном соборе (в Эчмиадзине). Арарат, 1895, с. 238 (арм. яз.).

⁴⁷Dowsett, p. XIII.

⁴⁸Там же.

⁴⁹Ш., с. 86.

⁵⁰В 1938 г. Тер-Григорьян Т. обнаружил в рукописи в Матенадаране № 3043 (тавризская рукопись) недостающую часть стихотворения Давтака.

⁵¹Тер-Григорьян Т. Неизданные страницы истории Моисея Каганкатваца. Архив Института истории АН Азерб. ССР, № 1356, с. 6-14;

Тревер К. В. не знала причин пропуска Элегии Давтака, а причина в отсутствии ее в рукописи 1289 г. (Указ. раб., с. 13).

⁵²Эти два листа составляют часть текста кн. III, гл. XX (П.) и гл. XXI (Э.) и хронологически освещают события 8 лет (835/6-842/3 гг.). Они были обнаружены Дадяном Х. в Матенадаране в двух рукописях и изданы им в "Арарате" (1897 г., с. 161-163). В 1940 г. Тер-Григорьян Т. перевел эти отрывки на русский язык.

Тер-Григорьян Т. Неизданные страницы... См.: Альтман М. М. Исторический очерк города Гянджи. Баку, ч. 1, 1949, с. 15, примеч. 1. В 1957 г. Доусет Ч. перевел текст выпавших листов на английский язык. C.J.F.Dowsett. A Neglected passage in the History of the Caucasians Albanians. (BSOAS) XIX/3, 1957, pp. 456-468. См.: также Буниятов З. М. Еще раз о неизданных страницах "Истории агван" Моисея Каганкатваца. ИАН Азерб. ССР, общ. науки, 1961, № 4, с. 3-4.

⁵³Дадян Х. Арарат, 1897, с. 68-70.

⁵⁴Dowsett, p. XIII.

⁵⁵Там же.

⁵⁶Дадян Х. Арарат, 1895, с. 345-346.

⁵⁷Dowsett, p. XII (примеч. 2).

⁵⁸Там же, p. XIII;

П., p. IV.

⁵⁹Dowsett, p. XIII.

⁶⁰Там же.

⁶¹Список Ш₂ сделан, как явствует из предисловия К.Шахназаряна, с другой эчмиадзинской рукописи, т.е. 1289 г. Этот список был сделан, по всей вероятности, не непосредственно с нее, а с копии Лункианоса, т.к. его чтение относится к той же группе чтения, что и издания П. и Э., которые восходят к этой копии.

⁶²Dowsett, p. XIII.

⁶³Там же.

⁶⁴Дадян Х. Арарат, 1895, с. 235.

⁶⁵Dowsett, p. XIV.

⁶⁶Дадян Х. Арарат, 1895, с. 347.

⁶⁷Там же.

⁶⁸Речь идет о тексте двух листов, выпавших из ранней рукописи 1289 г. при переписке Захарием, которые хронологически освещают события 835/6-842/3 гг.

⁶⁹Дадян Х. Арарат, 1897, с. 68-70;

Dowsett, p. XIV.

⁷⁰Март Н. Я. По поводу русского слова "сало", с. 71.

⁷¹Дадян Х. Арарат, 1897, с. 68;

Dowsett, p. VIII. Здесь и далее разрядка наша. - Ф.М.

⁷²Там же.

⁷³Дадян Х. Арарат, 1897, с. 68-69;

Dowsett, p. 195, примеч. 2, 3.

⁷⁴П. "...потому что в короткое время католикосы наши лишили сана епископов наших", с. 244.

⁷⁵Дадян Х. Арарат, 1897, с. 68-69; Dowsett, p. 195, примеч. 2, 3.

⁷⁶Дадян Х. Арарат, 1897, с. 68-70.

⁷⁷Там же.

⁷⁸Dowsett, p. XIV.

⁷⁹Симеон Ереванци. Джамбр. Перевод С. Малхасянца. М., 1958, с. 152-160.

⁸⁰Ямпольский З. И. в свое время обратил внимание на то, что Летопись, "веками существующая в рукописях, сделанных армянскими монахами, все еще сохраняет следы политической ориентации против церковной иерархии Армении". См.: Ямпольский З. И.: К изучению Летописи Кавказской Албании, с. 153.

⁸¹ИА, кн. II, 47, Э., с. 307;

П., с. 216. Эти издания, как было отмечено, основаны на рукописях I группы, сохранивших следы армянской редакции.

⁸²ИА, кн. II, 47, Э., с. 306;

П., с. 216; у П: не 280 лет, а 270.

⁸³ИА, кн. II, 48, Э., с. 308;

П., с. 217.

⁸⁴ИА, кн. II, 48, Э., с. 311-312;

у П., с. 220 по-иному: "Прежде всего греческие полководцы возбуждали его просить первенства над албанами".

⁸⁵Дадян Х. Арарат, 1897, с. 68-69;

Аганян Г. Архив Армянской истории, т. II, с. 339;

Тер-Григорьян Т. К вопросу об "Истории албанской страны", с. 5.

⁸⁶Джамбр, с. 145. В сноске 90, с. 389 этой книги отмечено: "Автор (Ереванци) прав. В изданных текстах "Истории" Моисея Каганкатвази" (I, гл. 10, III, гл. 8) в указанных местах нет ничего подобного. Без сомнения, это позднейшие вставки какого-нибудь албанского патриота". Совершенно естественно, что в изданиях этого нет, т.к. издания основаны, как было отмечено на I группе рукописей, и претерпели исправления Лункианоса, а текст, приводимый Симеоном Ереванци, основан на II группе рукописей.

⁸⁷Джамбр, с. 142-143.

⁸⁸ИА, кн. III, гл. 21, Э., с. 382;

П., с. 273 - рукописи I группы;

Д., с. 221 - рукопись II группы.

⁸⁹У албанского католикоса Нерсеса было много столкновений с армянскими католикосами. Как сообщает армянский католикос Симеон Ереванци, "Нерсес причинил много хлопот" Армянской Церкви. Он стал католикосом в 1705 г. без согласия эчмиадзинского католикоса. В 1707 г. армянский католикос предал его анафеме. С 1726 по 1763 гг. он вновь становится албанским католикосом, получив рукоположение от албанских епископов. См.: Джамбр, с. 151-156.

⁹⁰Аганян Г. Архив Армянской истории, кн. III, с. 376.

⁹¹История албанской страны Мовсеса Каганкатвази. Перевод, предисловие и примечания В. Аракеяна. Ереван, 1969, с. III. (Далее: Аракеян В.).

⁹²Аракеян В., с. III.

⁹³Дадян Х. Арарат, 1896, с. 22-25;

Акинян Н. Мовсэс Дасхуранци (прозванный Каланкатуйский) и его "История албан". Андэс амсорей, 1953, с. 13-15 (арм. яз.).

⁹⁴Ухтанес, главы 63, 64, 65, с. 119-123.

⁹⁵Аракеян В., с. III;

Степаннос Орбели, главы 25, 26.

⁹⁸Мхитар Гош. Албанская хроника. Изд. З.М. Буниятова, с. 8.

⁹⁷Алишан Г. Хайапатум. Венеция, 1901, с. 175 (арм. яз.);

Тер-Григорьян Т. К вопросу об "Истории албанской страны", с. 90.

⁹⁸Киракос Гандзакеци. История. Русский перевод Т. Тер-Григорьяна. Баку, 1946, с. 15;

Аракелян В., с. IV;

Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вардапетом Айриванским. Русский перевод К. Патканова. ТВОРАО, т. XIV, СПб., 1869, с. 405.

⁹⁹Dowsett, p. XVIII.

¹⁰⁰ИА, кн. II, гл. 11, Э., с. 155; П., с. 106; Д., с. 84.

¹⁰¹История агван Моисея Каганкатваци. П., с. III.

¹⁰²Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte, s. 22.

¹⁰³Марр Н. Я. По поводу русского слова "сало", с. 70.

¹⁰⁴Гукасян В. Удинские слова в "Истории албан", с. 54.

¹⁰⁵Ачарян Р. Словарь армянских личных имен, III. Ереван, 1946, с. 437-440 (арм. яз.).

¹⁰⁶Акинян Н. Моисей Дасхуранци, с. 28-29;

Dowsett, p. XVIII.

¹⁰⁷Акинян Н. Моисей Дасхуранци. Там же, с. 30.

¹⁰⁸Dowsett C. J. F. The Albanians Chronicle of Mkitar Gos. BSOAS, XXI, 1958, p. 476; Dowsett, p. XIX.

¹⁰⁹Dowsett, p. XIX.

¹¹⁰Адонц Н. Армянская литература, с. 650.

¹¹¹Тер-Григорьян Т. К вопросу об "Истории албанской страны", с. 91.

¹¹²Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 13.

¹¹³Мхитар Гош. Албанская хроника. Изд. З.М. Буниятова, с. 20;

Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв. Баку, 1965, с. 8-11.

¹¹⁴Аракелян В., с. III.

¹¹⁵Меликсет-Беков Л. М. К истории удин. Utica - armenica. Труды Тбилисск. госуд. ун-та, XXIII, 1942, с. 25, 50.

¹¹⁶Алиев К. Г. К вопросу об источниках и литературе по истории древней Кавказской Албании, с. 17.

¹¹⁷Шахназарян К. считает, что первые две книги написаны Моисеем Каланкатуйским, а третью сочинил безымянный автор (см. его предисловие к изданию текста ИА); Еремян С. Т. не делая акцента на книгах ИА, упоминает имя одного Моисея Каланкатуйского, называет его историком VII в. См.: Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв. Очерки истории СССР (III-IX вв.). М., 1958, с. 305.

¹¹⁸Ямпольский З. И. К изучению летописи Кавказской Албании, с. 149-159.

¹¹⁹Somai S. Quardo della storia litteraria di Armenia. Venezia, 1829, p. 44.

¹²⁰Neumann C. F. Beiträge zur armenischen Literatur. Munchen, 1849, s. 1-16;

Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte, s. 6-7.

¹²¹Bore E. Histoire des Aghovans par Moises Calkantouni, s. 61.

¹²²Хрестоматия. М., с. 60. См.: Предисловие к переводу "Истории агван" К.Патканова, с. VII, примеч. 4.

¹²³Предисловие к армянскому изданию "Истории албан" К. Шахназаряна.

¹²⁴Зарбаналян Г. История древнеармянской литературы. Венеция, 1889, с. 422-433 (арм. яз.)

¹²⁵Адонц Н. Армянская литература, с. 650.

¹²⁶Тер-Григорьян Т. К вопросу об "Истории Албанской страны", с. 69-91.

¹²⁷Еремян С. Т. считает ИА компиляцией двух исторических трудов - VII и X вв. См.:

Еремян С. Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. ЗИВ АН СССР, т. VII, 1939, с. 9. В "Очерках истории СССР (III-IX вв.)." Еремян С. Т. датирует Моисея Каланкатуйского VII в. (с. 305), очевидно, имея в виду первые две книги.

¹²⁸Ямпольский З. И. К изучению летописи Кавказской Албании, с. 151-152.

¹²⁹Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 13.

¹³⁰Бунятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 10-11.

¹³¹Аракелян В., с. V.

¹³²Давлианидзе Л. С. "История Албании" и "Албанская хроника" как источники по истории народов Закавказья. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1970, с. 3.

¹³³Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte, s. 6-7.

¹³⁴П., с. VIII.

¹³⁵Тер-Григорьян Т. К вопросу об "Истории Албанской страны", с. 28.

¹³⁶Там же, с. 32-33.

¹³⁷Там же, с. 30-31.

¹³⁸Ямпольский З. И. К изучению летописи Кавказской Албании, с. 157.

¹³⁹Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 16.

¹⁴⁰Бунятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 227-228, 251-252.

¹⁴¹Grosset M. Extraits de l'histoire des Aghovans, pp. 468-486;

Патканов К. Введение к русск. переводу Моисея Каланкатуйского.

¹⁴²Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte.

¹⁴³Алишан Г. Автор "Истории албан". Базмавэп, 1897, с. 575-578 (арм. яз.).

¹⁴⁴Марр Н. Я. Сборники притч Вардана, ч. 1, СПб., 1899, гл. X, с. 511-512.

¹⁴⁵Ачарян Р. Моисей Каланкатуйский. Исследование о времени написания. Базмавэп, 1897, с. 370-374 (арм. яз.).

¹⁴⁶Артамонов М. Л. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, с. 50.

¹⁴⁷Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1944, p. 79.

¹⁴⁸Абебян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1948, т. I, с. 391.

¹⁴⁹Акинян Н. Моисей Дасхуранци. Ввиду недоступности всех номеров журнала "Андэс амсореай" далее пользуюсь переводом Баграмяна А.А. в архиве Института истории АН Азерб. ССР, № 3995, с. 1-3, 62-81.

¹⁵⁰П., с. VIII-IX.

¹⁵¹Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte, s. 7.

¹⁵²Так, главы 13, 14 кн. I, освещающие события при царе Урнайре, должны быть расположены после главы 9-й, которая также посвящена Урнайру. Главы 27, 28, 29 и 30 книги I должны быть помещены перед главой 10-й, повествующей об албанском царе Ваче, т.к. они отражают время правления албанского царя Асуагэна, предшественника Ваче. Порядок расположения некоторых глав нарушен и во второй и в третьей книгах. На непоследовательное расположение материала в свое время указал Патканов К. (П., с. XIII);

Бунятов З.М. посвятил этому вопросу специальную статью. См.: Бунятов З. М. О хронологическом несоответствии глав "Истории агван" Моисея Каганкатваца. ДАН Азерб. ССР, т. XXI, 1965, № 4, с. 65-67. Спорными представляются нам структурные изменения, произведенные Бунятовым З.М. во II книге;

Hewsen Robert H. Notes and communications on the chronology of Movses Dasxuranci. BSOAS, vol. XXVII, part I, London, 1964.

¹⁵³Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte, s. 7.

¹⁵⁴Это хронологическое несоответствие заметил еще Броссе М. (Grosset M. Extraits de l'histoire des Aghovan, p. 475). Но хронологический интервал, в течение которого возникло шесть поколений Михра, у Броссе М. равен 60 годам, у Патканова К. - 40 годам. (П., с. 341).

¹⁵⁵Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte, s. 12.

¹⁵⁶В свое время Тревер К. В. отметила, что сообщения о первых Михранидах следует считать легендарной генеалогической справкой, созданной впоследствии и включенной переписчиками в рассказ историка. См.: Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 235-236.

¹⁵⁷Давлианидзе Л. С. "История Албании" и "Албанская хроника" как источники по истории народов Закавказья, с. 6.

¹⁵⁸Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte, s. 13.

¹⁵⁹ИА, Э., с. 231;

П., с. 163.

¹⁶⁰Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte, s. 15.

¹⁶¹Там же, с. 17.

¹⁶²ИА, кн. II, гл. 1;

Э., с. 119;

П., с. 79.

¹⁶³Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte, s. 17-18.

¹⁶⁴Там же, с. 15.

¹⁶⁵Акинян Н. Мовсэс Дасхуранци; "Андэс амсореай", 1953, с. 1-31, 161-175, 321-349, 552-556; 1955, с. 309-329; 1957, с. 38-40, 525-536; 1958, с. 149-151.

¹⁶⁶Акинян Н. Мовсэс Дасхуранци, с. 1 (перевод А.А. Баграмяна).

¹⁶⁷Там же, с. 3.

¹⁶⁸В ИА говорится, что "Саак, прозванный Севада, муж храбрый и искусный, покорил область Гардман, Кости и Фарна; он любил литературу и основал в своем доме школу". ИА, кн. III, гл. 22;

Э., с. 389;

П., с. 278-279;

Акинян Н. Мовсэс Дасхуранци, с. 62, 75, 81.

¹⁶⁹Акинян Н. Там же, с. 14.

¹⁷⁰Там же, с. 16.

¹⁷¹Там же.

¹⁷²Там же, с. 7-8.

¹⁷³Там же, с. 39, 63-64, 75.

¹⁷⁴Там же, с. 11-12.

¹⁷⁵Там же.

¹⁷⁶Саркисян Г. Х. О хронологической канве "Истории Армении" Мовсэса Хоренаци. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 1.

¹⁷⁷Еще Манук Абемян отмечал, что материал в "Истории албан" расположен в хронологическом порядке. См.: Абемян М. История древнеармянской литературы, с. 391.

¹⁷⁸ИА, кн. I, гл. 9, Э., с. 21-22; П., с. 10.

¹⁷⁹ИА, кн. II, гл. 3, Э., с. 131;

П., с. 89. Эта глава хронологически должна входить в первую книгу. См.: Бунятов З.М.: О хронологическом несоответствии глав "Истории агван", с. 66.

¹⁸⁰ИА, кн. I, гл. 10, Э., с. 22; П., с. 10-11.

¹⁸¹ИА, кн. I, гл. 17, Э., с. 55; П., с. 34-35.

¹⁸²ИА, кн. I, гл. 14, Э., с. 49; П., с. 30.

¹⁸³ИА, кн. I, гл. 29, Э., с. 108; П., с. 73.

¹⁸⁴ИА, кн. II, гл. 4, Э., с. 133; П., с. 90. Нам представляется, что главы 4 и 1 книги II являются поздней интерполяцией, т.к. в них зафиксировано армянское летосчисление, а как установил Орбели И. А., армянской эрой стали пользоваться значительно позднее. (Орбели И. А. Шесть армянских надписей VII-X вв. Христианский Восток, т. III., вып. 1, Петроград. 1914, с. 83; Он же. Две строительные надписи князей Кам-

саракан. Там же, т. III, вып. 3. Петроград, 1915, с. 303, примеч. 4). Кроме того, для всей I и II книги не характерно датирование по армянскому летосчислению. Главы 1 и 4 составляют исключение.

¹⁸⁵ИА, кн. II, гл. 9, Э., с. 145; П., с. 99.

¹⁸⁶"Автор принимает за исходную точку начало армянской эры в 552 году по Р.Х. Прибавив к этому числу 18 високосных годов или 74 года, получим 626-627 год. Иракл выступил в персидский поход". П., примеч. к главе IX, с. 326.

¹⁸⁷Э., с. 206; П., с.144.

¹⁸⁸Э., с. 210; П., с.147.

¹⁸⁹Э., с. 221; П., с.156.

¹⁹⁰Э., с. 213; П., с.149.

¹⁹¹Э., с. 214; П., с.150.

¹⁹²Э., с. 217; П., с.153.

¹⁹³Э., с. 197; 201-202; П., с. 137, 140.

¹⁹⁴Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 320-321.

¹⁹⁵Э., с. 226; П., с.159.

¹⁹⁶Э., с. 230; П., с.162.

¹⁹⁷Из них непосредственно Вараз-Трдату посвящены главы 36-39, а главы 40-45 отражают пребывание албанского епископа Исраэла в стране гуннов в годы правления Вараз-Трдата.

¹⁹⁸Э., с. 269; П., с.190.

¹⁹⁹ИА, кн. III, гл. 3, Э., с. 335; П., с. 237.

²⁰⁰ИА, кн. III, гл. 13, Э., с. 359; П., с. 255.

²⁰¹Э., с. 366; П., с. 259. "В 146 году...".

²⁰²Там же, Э., с. 367, П., с. 260.

²⁰³Там же, Э., с. 368, П., с. 260.

²⁰⁴Э., с. 372; П., с. 265.

²⁰⁵Э., с. 374; П., с. 266.

²⁰⁶Э., с. 346; П., с. 245.

²⁰⁷ИА, кн. III, гл. I, Э., с. 331; П., с. 233.

²⁰⁸ИА, кн. III, гл. 16, Э., с. 368; П., с. 261.

²⁰⁹Там же.

²¹⁰Гук а с я н В. называет Моисея Каланкатуйского албанским историком VII-VIII вв., но это никак не аргументирует. Гук а с я н В о р о ш и л. Из истории изучения письменности Кавказской Албании. См.: Октябр Ингилабы вә Азәрбајчан дилчилији мөсәлөләри. Бақы, 1969, с. 92.

²¹¹Ямпольский З. И. К изучению летописи Кавказской Албании, с. 151.

²¹²Верным представляется текст П. "в нашей стране", с. 97; Д., с.75. "Overtook many nations".

²¹³В разделе "Хронологическая система" нами было отмечено, что началом II книги следует считать гл. IV.

²¹⁴Ямпольский З. И. К изучению летописи Кавказской Албании, с. 152.

²¹⁵Сравни главы 10, 11, 12, 13 и 17 кн. II "Истории албан" Моисея Каланкатуйского с главами 23, 31, 32, 36, 37 Себеоса ("История епископа Себеоса". Перевод с четвертого исправленного армянского издания Малхасянца Ст., Ереван, 1939 г.), Моисей Каланкатуйский не мог воспользоваться "Историей" Себеоса, ибо они почти со-временники.

²¹⁶ИА, кн. II, гл. 14, Э., с. 181-185; П., с. 125-127.

²¹⁷Патканов К. отмечал в предисловии к ИА, что глава 15-я обязана своим происхождением католику Виро (с. XII).

²¹⁸ИА, кн. II, гл. 28, Э., с. 229-231; П., с. 161-163.

²¹⁹ИА, кн. II, гл. 19, Э., с. 203; П., с. 141-142.

²²⁰ИА, кн. II, гл. 28, Э., с. 226-227; П., с. 160.

²²¹ИА, кн. II, гл. 26, Э., с. 219; П., с. 154.

²²²Так, еще в предисловии к 9-й главе автор пишет: "Итак погрузились мысли мои и рассеялись намерения мои во всемирных поражениях, и я забыл порядок рассказа... Но оставим на время страх и ужас еще нас объемлющий, возвратимся к рассказу...". (Э., с. 144; П., с. 98). А сообщая о захвате персами Иерусалима, автор пишет: "Но я не вдаюсь в подробности, потому что все, что он сделал, переходит границы моего видения" (кн. II, гл. 10, Э., с. 146; П., с. 100).

"Мысли мои не совладают с подробным описанием множества примеров. Но мы обратимся к порядку нашего рассказа..." (кн. II, гл. 16, Э., с. 194; П., с. 134).

"Внемлите мне немного, я расскажу вам вкратце хитрость мужа (наставника Кавада) о том, каким образом мог он заключить в сети смерти страшного охотника, льва Востока (Хосроя персидского царя)..." (кн. II, гл. 13, Э., с. 166; П., с. 114).

Приступая к изложению того, как Дживаншир стал данником арабов, сохранив некоторую самостоятельность, автор пишет: "Теперь я принимаюсь за рассказ, и изложу, каким образом благодатный крест явил ему (Дживанширу) свет из мрака, дал ему возможность рвать цветы из огня" (кн. II, гл. 26, Э., с. 220; П., с. 154).

²²³"Он не приблизился к ним и не возбуждал их к битве, а оставив их в земле своей, сам по морю, направив путь свой в Егерню, прибыл в Армению" (кн. II, гл. 10, Э., с. 148; П., с. 101).

"Совершая все это, он не звал себе на помощь какого-нибудь царя или князя, народы и языки отдаленные, чтоб доставить питомцу своему содействие их; но тайно отправил к императору Ираклу, чтоб узнать, где он находится" (кн. II, гл. 13, Э., с. 166; П., с. 114).

"Он не отнял у него доходов патриарших, и не лишил его титула католикоса, но хранил его, как превосходный сосуд и холил его" (кн. II, гл. 14, Э., с. 171; П., с. 118).

"Не избирай для них поля битвы, не бейся с ними, не вынимай меча своего из ножен... Но попри их ногами и грудью коней своих" (кн. II, гл. 16, Э., с. 192; П., с. 133).

"Там время проходило не в беспорядочных разговорах или пьянстве, или в насмешливости, но в умеренном наслаждении" (кн. II, гл. 21, Э., с. 209; П., с. 146).

"Вырази мне свое мнение не ложное, но верное и не упорствуй, это не в обыкновенных церкви христовой... Мы не недостаточно, но подобно вам исполнены веры, ибо апостолы и учителя проповедовали вообще одинаково" (кн. II, гл. 49, П., с. 222; Э., с. 315);

"...Христос дал нам этот божественный и великий сан не за благодеяния и достоинство наши, а по великой милости своей захотел и дал нам" (кн. III, гл. 11; П., с. 248; Э., с. 350).

²²⁴Характеризуя язык албанского католикоса Виро и поэта Давтака, автор выражается одинаково: "язык его подобно перу быстропишущему". Сравни кн. II, гл. 14 и кн. II, гл. 34.

²²⁵Тер-Григорьян Т. К вопросу об "Истории албанской страны", с. 83.

²²⁶Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 15-16.

²²⁷Dowsett С., pp. XI-XX.

²²⁸Дадян Х. Рукописи "Истории Агванка" Моисея Каганкатваца, находящиеся в библиотеке при кафедральном соборе (в Эчмиадзине). Арарат, 1895 (арм. яз.), с. 238-239, 333-348, 388-390, 421-426.

²²⁹Dowsett С., pp. XIII-XIV.

²³⁰Там же, р. XIII.

²³¹Орбели И. А. Хасан Джалал, князь Хаченский. Избр. труды. Ереван, 1963, с. 157-158.

²³²Улубабян Б. Еще одна произвольная интерпретация армянской "Истории страны

Агванк": Рец. на книгу Мамедовой Ф. Дж. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку, 1977. - ВАА, 1979. № 2(54), с. 222-223.

²³³Мовсес Каланкатуацци. История страны Алуанк. Перевод с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбацяна. Ереван, 1984, с. 18.

²³⁴Там же, с. 7, 20.

²³⁵Ямпольский З. И. К изучению Летописи Кавказской Албании, с. 149-159.

²³⁶Еще Бунятов З. М. и Гукасян В. отмечали, что запись об Адриане является явной припиской переписчика.

Бунятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 11;

Гукасян Ворошил. Удинские слова в "Истории албан", с. 54.

²³⁷Новосельцев А. П. Рец. на древнеарм. изд. В.Д. Аракеляна: Мовсес Каланкатуацци. "История страны алван", с.186.

²³⁸Орбели И. А. Мхитар Гош и его судебник. Изб. труды, с. 214.

²³⁹Мхитар Гош. Албанская хроника. Изд. З.М. Бунятова, с. 6-7.

²⁴⁰Орбели И. А. Мхитар Гош и его судебник, с. 212.

²⁴¹Мхитар Гош. Албанская хроника. Изд. З.М. Бунятова, с. 7.

²⁴²Там же.

²⁴³Там же, с. 5-7.

²⁴⁴Там же, с. 5.

²⁴⁵Там же, с. 6.

²⁴⁶Бунятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 98-99.

²⁴⁷Мнацакян А. Ш. О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969, с. 179.

²⁴⁸Армянский судебник Мхитара Гоша. Перевод с древнеарм. А.А. Паповяна. Ереван, 1954, с. 10.

²⁴⁹Накануне и в период создания "Судебника" среди албан имели место какие-то отклонения от христианского вероисповедания, "пороки", страшный упадок нравов, о чем свидетельствуют "Житие-мученичество Хосрова Гандзакского" Мхитара Гоша, а также сообщение Давида, сына Алавика Гандзакского - Гянджинского (Алавкаворди): "...и прочие пребольшие пороки, которыми заполнили страну Агванскую... разгорелось и распространилось оно среди жителей гор и равнин..." (См.: Эчмиадзин, 1953, с. 44, арм. яз.). Давид Алавкаворди создал каноны, которые должны были искоренить это зло. Таким образом, видно, что еще до Мхитара албанское духовенство было заинтересовано и предпринимало попытки в создании канонов для албанского населения. Об этом см. ниже.

²⁵⁰Известно, что Одзнец в свою "Армянскую книгу канонов" не включил албанские каноны. Меликсет-Бекоев Л. М. Об источниках древнеармянского права. - ИКИАИ, 1927, т. II, с. 147, 153;

Мамедова Фарида. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку, 1977, с. 155.

²⁵¹Армянский судебник Мхитара Гоша. Изд. А.А. Паповяна;

Паповян А. А. при переводе "Судебника" Гоша на русский язык опустил значительную часть текста, где изложены албанские каноны.

См.: Бунятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 98-99;

Мнацакян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, с. 178-184 и др.;

Орбели И. А. Мхитар Гош и его судебник, с. 212-216.

²⁵²Акопян В. А. "Армянская книга канонов" и ее редакции. Автореф. дис. дра ист. наук. Ереван, 1967, с. 37-40.

²⁵³Судебник Смбага Спарапета (Гундстабля). Перевод с древнеарм., предисловие и примеч. А.Г. Сукиасяна. Ереван, 1971.

²⁵⁴Мхитар Гош. Армянский судебник. Вагаршапат. 1880 (древнеарм. яз.), Введение;

Армянский судебник Мхитара Гоша. Изд. А.А.Паповяна. Введение.

²⁵⁵Орбели И. А. Мхитар Гош и его судебник, с. 213.

²⁵⁶Там же.

²⁵⁷Орбели И. А. Мхитар Гош и его судебник, с. 214.

²⁵⁸Вопрос об армянском происхождении рода Долгоруких-Аргутинских спорен. Есть основание считать этот род курдским, но подвергшимся григорианизации.

²⁵⁹Орбели И. А. Там же, с. 214.

²⁶⁰Там же.

²⁶¹Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, с.180.

²⁶²Там же.

²⁶³Мхитар Гош. Армянский судебник (древнеарм. яз.). Введение.

²⁶⁴Армянский судебник Мхитара Гоша. Изд. А.А. Паповяна. Введение.

²⁶⁵"Но причиной написания нами "Судебника" послужило повторное понуждение со стороны католикоса албанского, владыки Степанноса, которому я приводил свою немощ телесную и невежество как причины [непосильственности предлагаемого труда]. Но после того, как он стал еще больше настаивать, я согласился, забыв свою немощ, памятуя, что надо пребывать в послушании духовному повелению". Далее: "...Молю тебя, благородный глава церквей дома албанского, не почитай делом праздным и легким духовную дань, которую ты наложил на меня...". Введение. См.: Мхитар Гош. Армянский судебник. Изд. А.А. Паповяна и на древнеарм. яз.

²⁶⁶Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, с.184.

²⁶⁷Там же, с. 183, примеч. 37.

²⁶⁸Мнацаканян А. Ш. утверждает: "Правда, в основном между этими церквями царило единение, но... были и разногласия". Там же, с. 184.

²⁶⁹Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, с.179.

²⁷⁰Мхитар Гош. Армянский судебник (древнеарм. яз.). Введение.

²⁷¹Орбели И. А. Мхитар Гош и его судебник, с. 215.

²⁷²Мхитар Гош. Армянский судебник. Изд. А.А. Паповяна, с. XVIII-XXII.

²⁷³Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 99.;

Армянский судебник Мхитара Гоша. Изд. А.А.Паповяна. Введение.

²⁷⁴Акопян В. А. "Армянская книга канонов и ее редакция; Автореф. дис. д-ра ист. наук. Ереван, 1967, с. 28.

²⁷⁵Шахназарян А. М. и Пигулевская Н. В. Обзор армянских источников по истории Азербайджана. - НАИИ АН АзССР, инв. № 915, с. 110.

²⁷⁶Орбели И. А. Мхитар Гош и его судебник., с. 216.

²⁷⁷Там же.

²⁷⁸Обычно автором панегирика и мученичества был один и тот же человек. См.: Памятники армянской агиографии. Перевод с древнеарм. и примеч. К.С.Тер-Давтяна. Ереван, 1973, вып. I, с. 241.

²⁷⁹Там же, с. 244.

²⁸⁰Там же.

²⁸¹Там же, с. 243.

²⁸²Там же, с. 249-250.

²⁸³The penitential of David of Ganjak. Translated by C. J. F. Dowsett. Louvain. 1961, pp. I-XVII.

²⁸⁴Patmuteiwn Hayoc. Venice, 1786, t. 3, pp. 41-42.

²⁸⁵Versuch einer Geschichte der armenischen Literatur. Leipzig, 1836, s.162-163.

²⁸⁶Dashian J. Catalog der armenischen Handschriften in der Mechitaristen- Bibliothek zu Wien. Vienna. 1896, s. 656.

²⁸⁷Somal [ean] S. Quadro della storia litteraria di Armenia. Venice, 1829, p. 90.

Zarbhana le an G. Haykakan hin dprut'ean patmut'iwn. Venice, 1886, p. 639 (1st.ed. 1865).

²⁸⁸Dawite vardapet Alawkay ordi, Azgagrakan Handes. Tiflis, 1906 (no. XIV), pp. 105-132, 1907 (no. XV), pp. 62-67, quoted by Mécérian, loc.cit.infra.

²⁸⁹Hin hawatke kam hete anosakan kronke Hayoc. Venice, 1910, pp. 395, 404, 414, 434 (refs. from abrahamean), op.cit. infra, 1952, IX-X, p. 49, n.1.

²⁹⁰Hin hay iravunke I patmuteyun. Erevan, 1939, vol.1, pp. 74-75, 153; The penitential of David of Ganjak. Translated by C.J.F. Dowsett, p. I.

²⁹¹A bele an M., Hayoc hin grakanuteyan patmute yun, t. 2. Erevan, 1946, pp. 62-64.

²⁹²Davite Alavka ordu kanonagirke. Ejmiacin ("Etchmiadzin"), 1952, ix-x, pp. 48-57, xi-xii, pp. 56-67, 1953, i, pp. 56-62, ii, pp. 53-60, iii, pp. 51-63.

²⁹³Hamarawt patmuteiwn, Venice, 1865, p. 66; The penitential of David of Ganjak. Translated by C.J.F. Dowsett, p. II.

²⁹⁴Hawakeumn patmuteean. Venice, 1862, p. 121.

²⁹⁵See my article. The Albanian chronicle of Mxitear Gos, BSOAS, XXI /3, 1958, pp. 480-481.

²⁹⁶The penitential of David of Ganjak... p. III.

²⁹⁷Быть может, под неверными подразумеваются все мусульмане вообще. - *Ф.М*

²⁹⁸See Introduction to the Text, p. vi.

²⁹⁹See below, pp. 70-73.

³⁰⁰The penitential of David of Ganjak..., p. IV.

³⁰¹Erevan, MS no. 3562.

³⁰²Erevan, MSS nos. 715, 487, 2576.

³⁰³The penitential of David of Ganjak... p.V.

³⁰⁴Там же, p.VI.

³⁰⁵Там же, p.VII.

³⁰⁶Там же, p.VIII.

³⁰⁷See E.J. Hanna, art. Penance, The Catholic Encyclopaedia, vol. XI, New York, 1911, pp. 632-633.

³⁰⁸Migne, PG, t. 88, Almazov A.I., Kanonarii monakha Ioanna, Zap. Imp. Novorosiiskago Univ., t.109, ch. II, E.A.W.T. BUDGE, Coptic homilies in the dialect of Upper Egypt.

³⁰⁹The penitential of David of Ganjak... p. IX.

³¹⁰Hanna, loc. cit. p. 630, A.Boudinhon, art. Penitential canons, *ibid.*, p. 636.

³¹¹The penitential of David of Ganjak... p. X.

³¹²Usually "lawbook", here probably "case-book".

³¹³"Book of laws", i.e. "legal code".

³¹⁴The penitential of David of Ganjak... p. XI.

³¹⁵Там же, p. XII.

³¹⁶See the Introduction to the Text, p. i-vi.

³¹⁷Loc.cit., p. 42.

³¹⁸E.g. in Erevan MSS nos. 487, 652; see Introduction to the Text, p. iii.

³¹⁹Pp. 50 and 61.

³²⁰The penitential of David of Ganjak... p. XIII.

³²¹Шахназарян А. М. и Пигулевская Н. В. Обзор армянских источников по истории Азербайджана, с. 119.

³²²Киракос Гандзакец. История. Перевод с древнеарм. Т. Тер-Григорьяна. Баку, 1946, с. 6. (Далее пользуюсь этим изданием - *Ф.М.*)

³²³Там же.

³²⁴Там же, с. 7.

³²⁵Маттеос Урхаеци. История. Вагаршпат, 1898, с. 221;

Киракос Гандзакец. История, с. 55, 269, примеч. 659; 241, примеч. 409.

³²⁶Имеются следующие издания Киракоса: "История Армении", написанная Киракосом

вартапетом Гандзакским. Изд. Воскан Тер-Кеворкян-Иоаннисян Эриванский. М., 1858 (древнеарм. яз.);

"Краткая история с периода св. Григория до своего времени, написанная Киракосом вортапетом Гандзакским". Венеция, 1865 (древнеарм. яз.);

"История Армении", написанная Киракосом вортапетом Гандзакским. Тифлис, 1909 (древнеарм. яз.); и последние издания Тер-Григорьяна Т. (Баку, 1946) и Ханларяна Л.А. (М., 1976) (на русском языке).

³²⁷Шахназарян А. М. и Пигулевская Н. В. Обзор армянских источников, с. 120.

³²⁸Киракос Гандзакец. История Армении. Перевод с древнеарм., предисл. и коммент. А.А. Ханларян. М., 1976, с. 17. Она считает, что источниками Киракосу послужили труды армянских авторов V-VII вв.

³²⁹Повествование вардапета Аристакуса Ластивертци. Перевод с древнеарм. яз., вступит. статья, коммент. К.Н. Юзбашяна. М., 1968, гл. X, с. 84.

³³⁰Там же, с. 85.

³³¹Буниятов З. М. Государство Атабеков Азербайджана. Баку, 1978, с. 225-226.

³³²Вардан Великий. Всеобщая история. Перевод Н.О. Эмина. М., 1861;

Vardan Arewelc'i. The Historical Compilation of Vardan Arewelc'i. Translated by R.W.Thomson. Dumbarton Oaks Papers. Washington D.C., 1989.

³³³История монголов инока Магакии, XIII в. Перевод и объяснения К.П. Патканова, СПб., 1871;

Ухтанес. История отделения грузин от армян. Вагаршпат, 1871 (древне-арм.яз.).

³³⁴Судебник Смбата Спарапета, с. 5-7;

Смбат Спарапет. Летопись. Перевод с древнеарм., предисловие и примечания А.Г. Галстяна. Ереван, 1974. с. IV-XIV;

Киракос Гандзакец. История, с.158-159, 189.

³³⁵Смбат Спарапет. Летопись. Изд. А.Г. Галстяна, с. XXVI;

Смбат Спарапет. Летопись. Париж, 1859, (арм.яз.);

Смбат Спарапет. Летопись. Венеция, 1956, (арм.яз.).

³³⁶Смбат Спарапет. Летопись. Изд. А.Г. Галстяна, с. XXIX-XXX.

³³⁷Смбат Спарапет. Летопись. Изд. А.Г. Галстяна, с. 1.

³³⁸Там же, с. 4.

³³⁹Там же, с. 19;

Киракос Гандзакец. Изд. Тер-Григорьяна, с. 269, примеч. 47.

³⁴⁰Vardan Arewelc'i. The Historical Compilation of Vardan Arewelc'i. Translated by R.W.Thomson. (38);

Вардан Великий. Всеобщая история.

³⁴¹Смбат Спарапет. Летопись, с. 20, 55.

³⁴²Западноевропейские историки транскрибируют это имя как Гайтон, арабы - Хатым; русская транскрипция - Хетум (К.П.Патканов, Б.Д.Греков, А.Ю.Якубовский, А.Н.Насосов, Г.Г.Микаелян и др.); в старофранцузском тексте всюду - Гайтон (См.: L.Backer.L' Extreme Orient au Moyen-Age. Paris, 1877;

Мирный С. М. "LA FLOR DES ESTOIRES DE la TERRES d'ORIENT" Гайтона как историко-географический источник по Востоку и по истории монголов/ см.: "Советское востоковедение", 1956, № 5, с. 72-82. Мы называем его Хетумом. Он известен в армянских источниках как Гетум Патмич (историк).

³⁴³Самуэл Анийский. Хроника, с. 117;

Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952, с. 504-506.

³⁴⁴Мирный С. М. Указ. раб., с. 72.

³⁴⁵Там же.

³⁴⁶Патканов К. П. "Библиографический очерк армянской исторической литературы",

СПб., 1879, с. 47/ см.: Мирный С.М. Указ. раб., там же.

³⁴⁷Мирный С.М. Указ. раб., с. 73.

³⁴⁸Там же;

Bundy D.D. Het'um's. La flor des estoires de la terre d'Orient: A Study in medieval armenian historiography and propaganda. RE Arm № 20 (1986-1987) p.223-235.

³⁴⁹Микаелян Г. Г. Указ. раб., с. 309, примечание 3. Следует принять во внимание, почему армянский перевод был сделан не раньше, а именно в 1842 г.? Армянский перевод, как думается, был сделан после упразднения Албанской Апостольской Автокефальной Церкви, после подчинения ее Армянской Эчмиадзинской Церкви в 1836 г., после перехода в ее ведомство архивов Албанской Церкви, албанского историко-культурного наследия.

³⁵⁰Мирный С.М. Указ. раб., с. 73.

³⁵¹Там же, с. 74 .

³⁵²"Recueil des Historiens des croisades. Documents arméniens", т. II. Paris, 1906.

³⁵³Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, с. 559.

³⁵⁴Иконников В.С. Опыт русской историографии, т. I, кн. I, 1892, с. 346.

³⁵⁵"Исторический архив", 1940, т. III, с. 373;

Мирный С.М. Указ. раб., с. 76.

³⁵⁶Мирный С.М. Указ. раб., с. 77.

³⁵⁷Outtier V. The knowledge of Caucasian Albanians in France. Three moments. Article in the conference. Baku, 2003.

³⁵⁸Мирный С.М. Указ. раб., с. 78.

³⁵⁹Там же, с. 80.

³⁶⁰Там же, с. 81.

³⁶¹Там же, с. 82.

³⁶²Тер- Григорьян Т. И. Есаи, католикос албанский. В кн.: Есаи Хасан-Джалалян. Краткая история страны Албанской / 1702-1722 гг./ Перевод с древнеарм. яз. Т.И. Тер-Григорьяна, предисловие, издание акад. З.М. Буниятова. Баку, 1989, с. 6.

³⁶³Есаи, католикос албанский. Указ. раб., с. 7.

³⁶⁴Там же, с. 9.

³⁶⁵Там же, с. 10.

³⁶⁶Макар Бархударянц. Страна Агвания и ее соседи. Тифлис, 1893 (арм. яз.); Он же. Арцах. Баку, 1895, части I-II (арм. яз.). Перевод Яргуляна, Баку, 1949- НАИИ АНА. инд. № 1622, 2010;

Он же. "История страны Агванк", т. I, Вагаршапат, 1902. т. II, Тифлис, 1907 (арм. яз.).

³⁶⁷Алишан Г. Хайапатум (Свод армянских историй), с. 361-362, 384-392 (арм. яз.); Шахатунянц И. Описание Эчмиадзина и пяти областей, лежащих у Арарата.

³⁶⁸Мамедова Фарида. "История албан" Монсея Каланкатуйского как источник, с. 153-174.

³⁶⁹Grosset M. Extraits de histoire des Aghovans, p. 33;

Моисей Каганкатвацци. История агван. Русск. перевод К. Патканова, с. 305; Орманян М. Азгпатум, I. Константинополь, 1912, с. 517;

Ачарян Р. Словарь армянских личных имен, 1962, т. V, с. 38.

³⁷⁰Акинян Н. Мовсес Дасхуранци. Перевод Багряна А.А., с. 72-73.

³⁷¹Ованнисян С. Х. Каноны Агуэнского учредительного собрания и их связь с аштишатскими канонами. - ИФЖ, 1967, № 4 (арм. яз.), с. 266-274.

³⁷²Улубабян Б. А. Еще раз о времени созыва Агуэнского собора. - ВОН АН Арм. ССР, 1969, № 6, с. 51-60.

³⁷³Ованнисян С. Х. Каноны Агуэнского учредительного собрания, с. 165-167.

³⁷⁴Мовсес Каганкатвацци. История страны алван. Тифлис, 1912 (древнеарм.

- яз.). Изд. Н.Эмина, с. 391;
- Мовсес Каганкатваци. История алван. СПб., 1861. Русск. перевод К. Патканова, с. 280;
- Мовсес Каланкатваци. История. Изд. В.Д. Аракеяна. Ереван, 1983 (древнеарм. яз.), с. 268.
- ³⁷⁵Мовсес Каланкатваци. The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci. Translated by C.J.F. Dowsett. London, 1961, p. 288.
- ³⁷⁶Шахатунянц И. Описание Эчмиадзина и пяти областей, лежащих у Арарата. с. 330;
- Тер-Григорьян Т. И. Древняя Агвания (по армянским источникам) НАИИ Аз. ССР, № 628. с. 164.
- ³⁷⁷Киракос Гандзакечи. История. Изд. Т. Тер-Григорьяна, с. 194;
- Мхитар Айриванечи. История Армении. 1860 (древнеарм. яз.), с. 19, 48.
- ³⁷⁸Ачарян Р. Словарь армянских личных имен, 1962, т. V.
- ³⁷⁹Орманян М. Армянская церковь. М., 1913, с. 34-45.
- ³⁸⁰Сукиасян А.Г. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963, с. 57.
- ³⁸¹Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, с. 6.
- ³⁸²Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 305;
- Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании;
- Улубабян Б. Еще одна произвольная интерпретация армянской "Истории страны Агванк": Рец. на книгу Ф.Дж. Мамедовой. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник, с. 219-232;
- Улубабян Б. А. Очерки истории восточного края Армении (V-VII вв.). Ереван, 1982, с. 68;
- Мовсес Каганкатваци. История страны Алуанк / Ш.В. Смбатяна, с. 18-19.
- ³⁸³Шанидзе А. Г. Новооткрытый алфавит албанцев и его значение для науки, с. 3;
- Гирк тлтоц (Книга посланий). Тифлис, 1901 (древнеарм. яз.), с. 51;
- Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 309.
- ³⁸⁴Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, с. 10-11;
- Алексидзе Заза Николаевич. Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии: Дис. д-ра ист. наук (в форме научного доклада). Тбилиси, 1983, с. 13.
- ³⁸⁵Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века, с. 21-29;
- Алексидзе Заза Николаевич. Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии, с. 10-11.
- ³⁸⁶Алексидзе Заза Николаевич. Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии, с. 13;
- Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 309.
- ³⁸⁷Мамедова Фарида. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986, с. 42.
- ³⁸⁸Еремян С. Т. Идеология и культура Албании III-VII вв. В кн.: Очерки истории СССР (III-IX вв.). М., 1958, с. 329.
- ³⁸⁹Доклад Бернара Утье на конференции в Вене в 1999 г.
- ³⁹⁰Алексидзе З. Н. Памятник албанской письменности на Синайской горе и его значение для кавказоведения. Тбилиси, 1998, с. 44-58;
- О н ж е . Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке албанского текста, обнаруженного на Синайской горе, № 1, с. 39-40. См.: The History of Caucasus. The scientific-public almanac. Baku, 2001, № 1, с. 39-40;
- Алексидзе З. Н. Qafqaz albanları dilləndilər. "Artanusi" nəşriyyatı. 2003. с. 36;
- О н ж е . Что может рассказать об истории церкви Кавказской Албании обнаруженный

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ И АЛБАНЫ

на Синайской горе грузино-армянский палимпсест;
The History of Caucasus. Baku, 2002, N 2, p. 21-26.

³⁹⁵Aleksidze Z. N. Qafqaz albanları dilləndilər, s. 100-101.

³⁹²Там же, с. 102.

³⁹³Там же, с. 104.

³⁹⁴Там же, с. 54.

³⁹⁵Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 302, 305;
Улубабян Б. А. Еще одна произвольная интерпретация армянской "Истории страны Агванк", с. 219-232;

О н ж е . Очерки истории восточного края Армении (V- VII вв.), с. 68.

³⁹⁶Буннятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 97;

Орманиан М. Армянская церковь, с. 45, 118 .

³⁹⁷Мамедова Фарида. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, с. 38-39; 245.

³⁹⁸Орманиан М. Армянская церковь, с. 118.

³⁹⁹Макар Бархударянц. Арцах. Баку, 1895 (арм. яз.). Перевод Яргуляна.

⁴⁰⁰Гаджиева Ульвия. Деэтнизация кавказских албан в XIX веке. Баку, 2004, с. 20-21, 54, 73.

⁴⁰¹Латышев В. В. "Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе". СПб., 1890, т.1; ВДИ, 1947, № 1; 1948, № 1-4; 1949, № 1-4;

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании;

Бокшанин А. Г. Парфия и Рим. М.-Л., 1960, т. 1, с. 42-44.

⁴⁰²Бокшанин А. Г. Парфия и Рим, с. 42-44.

⁴⁰³Севастьянов О. И. Введение к переводу "Митридатки" Аппиана. - ВДИ, 1946, № 4.

⁴⁰⁴Церковная история, сочиненная Евсеием Памфилом, епископом Кесарии Палестинской. М., 1786; Михаил Сириец. Michel de Syrien. Chronique, editee par Chabot J.V. Paris, 1901.

⁴⁰⁵Пигулевская Н. В. Сирийские источники VI в. о народах Кавказа. ВДИ, 1939, № 1, с. 107-115;

О н а ж е . Сирийские источники по истории СССР. М.-Л., 1941;

О н а ж е . Месопотамия на рубеже V-VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М.-Л., 1940, с. 9-15;

Гусейнов Р. А. Сирийские источники об Азербайджане. Баку, 1960;

О н ж е . "Хроника" Михаила Сирийца. ПС, 1960, вып. 5.

⁴⁰⁶Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории СССР, с. 14, 82.

⁴⁰⁷О н а ж е . Месопотамия на рубеже V-VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник, с. 9-15.

⁴⁰⁸О н а ж е . Юридические памятники эпохи Сасанидов (Пехлевийский сборник "Матикан" и сирийский сборник Ишобохта). В кн.: "Памяти академика И.Ю. Крачковского". Сб. Статей. ЛГУ, 1958;

Ишобохт. Судебник. Syrische Rechtsbücher, herausgegeben und übersetzt von E. Sachau V.L. III, Berlin, 1914.

⁴⁰⁹Армянская, сирийская и арабская версии Судебника были изданы Брунсом и Захау в 1880. Мы пользовались армянской версией. См.: Syrisch-romisches Rechtsbuch aus dem funften Jahrhundert von Dr. Karl Georg Bruns; Leipzig, 1980, ss. 95-141;

Грузинская версия "перевода с армянского" - поздняя. Она включена в состав "Законов Вахтанга VI" (нач. XVIII в.). Памятники грузинского права изд. И.Долидзе, т.1. Тбилиси, 1963 (др. груз. яз.), с. 225-266.

⁴¹⁰Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971, с. 191.

⁴¹¹Мамедова Фарида. Албаны и Киликийское царство. См. гл. III, § 7 данной

монографии.

- ⁴¹²Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства, с. 262.
- ⁴¹³Очерки по истории Византии. Под ред. В.Н. Бенешевича. Вып. II, СПб., 1912, с. 94.
- ⁴¹⁴Гусейнов Р. А. Сирийские источники об Азербайджане, с. 19.
- ⁴¹⁵Т а м ж е, с. 22-24.
- ⁴¹⁶Т а м ж е, с. 37.
- ⁴¹⁷Т а м ж е, с. 60.
- ⁴¹⁸Т а м ж е, с. 59-61.
- ⁴¹⁹Т а м ж е, с. 63.
- ⁴²⁰Т а м ж е, с. 65.
- ⁴²¹Т а м ж е, с. 27.
- ⁴²²Iqbal Abbas. Tarixi Tabaristan. Tehran, 1942, 28; Kārnāmak-i Artakhschir-i Pāpakān. The original Pahlavi text, with transliteration in Avesta characters, translations into English and Gujarati, and selections from the Shāhnāme. By E.K. Antia. Bombay, 1900. См.: Касумова С. Ю. Южный Азербайджан в III-VII вв. Баку, 1983.
- ⁴²³Касумова С. Ю. Указ. раб., с.12.
- ⁴²⁴Периханян А. Г. Сасанидский судебник. Ереван, 1973. Транскрипция, полный перевод и комментарии.
- ⁴²⁵Сасанидский судебник. Изд. А. Г. Периханян, с. XXIV.
- ⁴²⁶Яков Цуртавели. Мученичество Шушаник. Перевод В.Д. Дондуа. Введ. и примеч. З. Н. Алексидзе. Тбилиси, 1978;
- Памятники древнегрузинской агиографической литературы. I (V-X вв.). Под ред. И.В. Абуладзе. Тбилиси, 1963.
- ⁴²⁷Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегруз., предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979.
- ⁴²⁸Бунятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 16-23;
- Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане, III, Ибн-Хордадбех. - СМОМПК, 1902, вып. 32; VIII. Мас'суди; IX - Ибн-Хаукал. - СМОМПК, 1908, вып. 38.
- ⁴²⁹Культура раннефеодальной Армении (IV-VII вв.), с. 32.
- ⁴³⁰Т а м ж е .
- ⁴³¹Абегян Манук. История древнеармянской литературы. Ереван, 1948, с. 230.
- ⁴³²Т а м ж е , с. 233-234.
- ⁴³³Адонц Н. Армянская литература, с. 642.
- ⁴³⁴Абегян Манук. История древнеармянской литературы, с. 230.
- ⁴³⁵Корюн. Житие Маштоца. Предисл. к переводу на русск. яз. Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. Ереван, 1962, с. 26.
- ⁴³⁶Т а м ж е .
- ⁴³⁷Елишэ (Егише). О Вардане и войне армянской. Перевод с древнеарм. акад. И.А. Орбели. Подгот. к изд. К.Н. Юзбашяна. Ереван, 1971. Исчерпывающую характеристику армянских памятников, биографические данные каждого армянского автора. См.: Культура раннефеодальной Армении (IV-VII вв.), с. 23-94.
- ⁴³⁸История Армении Фавстоса Бузанда. Перевод с древнеарм. и коммент. М.А. Геворкяна. Ереван, 1953, с. XII.
- ⁴³⁹Культура раннефеодальной Армении (IV-VII вв.), с. 48.
- ⁴⁴⁰История Армении Фавстоса Бузанда, с. X.
- ⁴⁴¹Манук Абегян. История древнеармянской литературы, с. 230;
- Критическое исследование Фавстоса Бузанда проделано Гарсоян Н. См.: The Epic Histories Attributed to P'awstos Buzand. Harvard University Press. Cambridge, 1989.
- ⁴⁴²Лазар Парпеци. История Армении и послание Ваану Мамиконяну. Тифлис,

1904; 2-е изд., Тифлис, 1907 (древнеарм. яз.).

⁴⁴¹Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья, с. 34.

⁴⁴⁴Абегян Манук. История древнеармянской литературы, с. 230.

⁴⁴⁵Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья, с. 37.

⁴⁴⁶Халатьянц Г. А. Армянские Аршакиды в "Истории Армении" Моисея Хоренского. М., 1903, ч. I-II;

О н ж е . Армянский эпос в "Истории Армении" Моисея Хоренского. М., 1896, ч. I-II.

⁴⁴⁷Марр Н. Я. К критике М. Хоренского: Рец. на кн.: Халатьянц Г. Армянский эпос в "Истории Армении" Моисея Хоренского. В кн.: ВВ, СПб., 1898, т. V, с. 228.

⁴⁴⁸Адонц Н. Армянская литература, с. 646.

⁴⁴⁹Манандян Я. А. К разрешению проблемы Мовсеса Хоренаци. Ереван, 1934 (арм. яз.).

⁴⁵⁰Марр Н. Я. К критике Хоренского М.: Рец. на кн.: Г. Халатьянца, с. 228.

⁴⁵¹Марр Н. Я. История армянской и грузинской литературы, с. 40.

⁴⁵²Марр Н. Я. К критике М. Хоренского: Рец. на кн.: Г. Халатьянца, с. 228.

⁴⁵³Т а м ж е .

⁴⁵⁴Марр Н. Я. Арабское извлечение из сирийской хроники Марибаса. - ЗВОРАО, СПб., 1902, т. 14, вып. I, с. 82.

⁴⁵⁵Т а м ж е .

⁴⁵⁶Адонц Н. Армянская литература, с. 646.

⁴⁵⁷Т а м ж е .

⁴⁵⁸Халатьянц Г. А. Армянские Аршакиды в "Истории Армении" Моисея Хоренского.

⁴⁵⁹Лазар Парпечи. История Армении и послание Ваану Мамиконяну, с. 45; Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 242-243.

⁴⁶⁰История армянского народа. Под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1980, с. 111.

⁴⁶¹Т а м ж е .

⁴⁶²Из многочисленных фактов, выявленных Халатьянцем Г., мы рассмотрим только три, в которых Хоренаци умалчивает о Мамиконянах. Так, вопреки данным используемого им источника Фавстоса Бузданди, воцарение сыновей армянского царя Папа - Аршака и Вахаршака Хоренаци намеренно приводит в зависимость от императора Феодосия, чтобы не упомянуть о Мануиле Мамиконяне (Хоренаци, III, 41, 42); Аршака Хоренаци почему-то женит на княжне Сюнийской, а не Мамиконянской, как передает Фавстос Бузданди (IV, 44); Хоренаци (III, 27) приводит несостоятельный мотив о вражде нахараров со своим царем из-за того, что Аршак II для всех обиженных построил новый город Аршакаван, что вызвало недовольство нахараров. Главной причиной разрыва между Аршаком и нахарарами, согласно Фавстосу (IV, 50, 51), было следующее. Нахарары, утомленные 30-летней войной с персами, в продолжении которой Аршак благодаря спаррапету Васаку Мамиконяну, стал победителем, и о котором ни одного слова не проронил Хоренаци, - отказались поддержать царя и один за другим перешли на сторону персидского царя Шапура, а некоторые из них ушли в Грецию. См.: Халатьянц Г. А. Армянские Аршакиды в "Истории Армении" Моисея Хоренского, с. 195-196, 222, 225, 250, 252, 282.

⁴⁶³Хоренаци, II, 8, 9, 22, 27, 37, 65, 85 и др.

⁴⁶⁴Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья, с. 37;

Абгарян Г. История Себеоса и проблема "Анонима". Ереван, 1965 (арм. яз.).

⁴⁶⁵История императора Иракла, сочинение епископа Себеоса, писателя VII в. Перевод с арм. К. Патканова. СПб., 1852, с. V-X.

⁴⁶⁶Абгарян Г. История Себеоса и проблема "Анонима", с. 207-231.

⁴⁶⁷Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 17-18.

⁴⁶⁸Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу" - Армянской географии VII в. Опыт

- реконструкции на современной картографической основе. Ереван, 1963 (арм. язык).
- ⁴⁶⁹Ананя Ширакаци. Изд. А.Г. Абрамяна, Г.Б. Петросяна. Ереван, 1970, с. 129.
- ⁴⁷⁰Т а м ж е, с. 143.
- ⁴⁷¹Т а м ж е, с. 142-143.
- ⁴⁷²Т а м ж е, с. 147.
- ⁴⁷³Т а м ж е, с. 148.
- ⁴⁷⁴Еремян С.Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 24-26.
- ⁴⁷⁵Левонд. История халифов. Перевод К. Патканова. СПб., 1862, с. VII;
Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 13.
- ⁴⁷⁶Гирк тлтоц (Книга посланий);
Гирк тлтоц (Книга посланий). Арм. текст с груз. переводом исслед. и коммент. издал З.Н. Алексидзе. Тбилиси, 1968.
- ⁴⁷⁷Алексидзе Заза Николаевич. Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии, с. 10-11.
- ⁴⁷⁸Шанидзе А.Г. Новооткрытый алфавит албанцев и его значение для науки, с. 3;
Гирк тлтоц (Книга посланий). Тифлис, 1901, с. 48-51.
- ⁴⁷⁹Вогé. Histoire des Aghovans par Moises Galkantouni;
Grosset M. Extraits de l'histoire des Aghovans.
- ⁴⁸⁰Марр Н.Я. Аркауи, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах. ВВ., т. XIII, 1906, № 12;
О н ж е. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов. Арабская версия. ЗВОРАО, т. XVI, СПб., 1905;
О н ж е. История армянской и грузинской литературы;
О н ж е. Классическая эпоха V-VI вв.
- ⁴⁸¹Архив Ленинградского Отделения Института востоковедения СССР;
Орбели И. А. "Надписи Гандзасара". Петроград, 1919.
- ⁴⁸²Мамедова Фарида. Au sujet des dirigeants albanais du IX au XV siècle (Dunastie des Djalalides). Turcica. Revue d'études turques, t. XXI-XXIII, 1991, pp. 307-310.
- ⁴⁸³Орбели И. А. h`Асан Джалал, князь Хаченский. "Известия Императорской Академии наук". Петроград, 1909, VI серия, т. III, № 6, с. 405-436;
О н ж е. Бытовые рельефы на Хаченских крестных камнях XII-XIII вв. Избранные труды. Ереван, 1963;
О н ж е. Нефритовая кинжальная рукоять с армянской надписью h`Асан Джалал, князь Хаченский. Избранные труды. Ереван, 1963.
- ⁴⁸⁴См.: Сообщения грузинского филиала Академии Наук СССР, т.1. 1940, № 4, с. 317-319.
- ⁴⁸⁵Шанидзе А.Г. Язык и письмо кавказских албанцев. Вестн. отдел. обществ. наук. Тбилиси, 1960, № 1, с. 168-189.
- ⁴⁸⁶Т а м ж е.
- ⁴⁸⁷Шанидзе А.Г. Указ. раб., с. 175.
- ⁴⁸⁸Алексидзе З. И. Что может рассказать об истории церкви Кавказской Албании обнаруженный на Синайской горе грузино-албанский палимпсест, с. 15-26.
- ⁴⁸⁹Мамедова Фарида. Из истории христианства Кавказской Албании. The History of Caucasus. The scientific - public almanac. № 2, 2002, pp. 11-14.
- ⁴⁹⁰Райт В. Краткий очерк сирийской литературы. Перевод с англ. К.А. Тураевой под ред. и с доп. П.К. Коковцева;
Марр Н.Я. История армянской и грузинской литературы, л. 29.
- ⁴⁹¹Алексидзе З.Н. Проблемы идеологии и культуры... Дис. д-ра ист. наук.
- ⁴⁹²Джавахов И.А. Государственный строй древней Грузии и древней Армении. СПб. 1905;
О н ж е. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в нач. VII в. Изв. АН, СПб., 1908, т. II, №№ 5, 6;

О н ж е . Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4.

⁴⁹³Бердзенашвили Н. А. Из прошлого Восточной Кахетии. В сб.: Мимомхилвели, 1953, III.

⁴⁹⁴Чубинашвили Г. Н. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1970.

⁴⁹⁵Папуашвили Т. Г. Вопросы истории Эрети. Тбилиси, 1970 (груз. яз.);

О н ж е . Вопросы истории Эрети. Очерки по социально-экономической и политической истории (с древнейших времен до 1-й четверти XII в.). Автореф. дис. докт. ист. наук, Тбилиси, 1971.

⁴⁹⁶Мухелишвили Д. Л. Основные вопросы исторической географии Грузии. Автореф. дис. докт. ист. наук, Тбилиси, 1973;

О н ж е . Из исторической географии Восточной Грузии. Тбилиси, 1982.

⁴⁹⁷Крымский А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания). I. - Кабала. - В сб.: С. Ф. Ольденбургу, Л., 1934;

О н ж е . Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания). II - Шеки. Сб. Памяти Н.Я. Марра. М.-Л., 1938.

⁴⁹⁸История Ирана. М., 1977, с. 196.

⁴⁹⁹Т а м ж е .

⁵⁰⁰Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с.12, 218.

⁵⁰¹Т а м ж е , с. 218.

⁵⁰²Об этом подробнее см. гл. II "Историческая география Албании", а также гл. III нашей работы.

⁵⁰³Еремян С. Т. Политическая история Албании III-V вв. В кн.: Очерки истории СССР (III-IX вв.). М., 1958, с. 310.

⁵⁰⁴История Ирана, с. 199.

⁵⁰⁵Еремян С. Т. Политическая история Албании III-V вв., с. 310.

⁵⁰⁶Т а м ж е , с. 311.

⁵⁰⁷Т а м ж е , с. 313-314.

⁵⁰⁸Т а м ж е , с. 312.

⁵⁰⁹Т а м ж е .

⁵¹⁰Т а м ж е .

⁵¹¹Т а м ж е , с. 314.

⁵¹²Т а м ж е .

⁵¹³История Ирана, с. 396.

⁵¹⁴Еремян С. Т. Идеология и культура Албании III-VII вв., с. 323.

⁵¹⁵Т а м ж е .

⁵¹⁶Наше отношение к мнению автора об Албанской Церкви см.: в гл. V "Албанская Церковь".

⁵¹⁷Еремян С. Т. Идеология и культура Албании III-VII вв., с. 327.

⁵¹⁸Т а м ж е , с. 328.

⁵¹⁹Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 58. Наше мнение по этому вопросу см.: в гл. II "Историческая география".

⁵²⁰Т а м ж е , с. 242-243.

⁵²¹Т а м ж е , с. 187-188, 198-199.

⁵²²Т а м ж е , с. 196-197.

⁵²³Т а м ж е , с. 198-200.

⁵²⁴Т а м ж е , с. 202-219.

⁵²⁵Мамедова Ф. Дж. О терминах "ерд" и "ердумард". - ДАН АзССР, 1968, т. XXIV, № 3.

⁵²⁶Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 221-224.

⁵²⁷Т а м ж е , с. 225-226.

- ⁵²⁸Т а м ж е, с. 241.
- ⁵²⁹Т а м ж е, с. 235.
- ⁵³⁰Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. - Соч., М., 1963, т. 2, с. 25.
- ⁵³¹Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 292.
- ⁵³²Т а м ж е, с. 292-293.
- ⁵³³The History of Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci, translated by C. J. Dowsett. London, 1961;
- Dowsett C. J. The Albanians Chronicle of Mkitar Gos. BSOAS, XXI, 1958;
- The penitential of David of Ganjak. Translated by C.J. Dowsett. Louvain, 1961;
- Dowsett C. J. A Neglected Passage in the "History of the Caucasian Albanians" BSOAS, XIX/3, 1917 (1947).
- ⁵³⁴Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 40.
- ⁵³⁵Т а м ж е, с. 41-53.
- ⁵³⁶Т а м ж е, с. 45-53.
- ⁵³⁷Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар, с. 65.
- ⁵³⁸Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 54.
- ⁵³⁹Т а м ж е, с. 55.
- ⁵⁴⁰Т а м ж е, с. 57.
- ⁵⁴¹Т а м ж е, с. 72-79, 102.
- ⁵⁴²Т а м ж е, с. 93;
- Буниятов З. М. Albanica, III. О локализации области Гардман. Изв. АН АзССР. Серия общ. наук, 1964, № 4, с. 87-91;
- О н ж е. Новые данные о нахождении крепости Шеки. - ДАН АзССР, 1959, т. XV, № 9, с. 869-871.
- ⁵⁴³Буниятов З. М. Albanica, III. О локализации области Гардман, с. 87-90.
- ⁵⁴⁴Алиев И. К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 главы XI книги "Географии" Страбона. ВДИ, 1975, № 3, с. 150-165.
- ⁵⁴⁵Т а м ж е, с. 152-153.
- ⁵⁴⁶Т а м ж е, с. 154.
- ⁵⁴⁷Алиев Играр. О некоторых вопросах этнической истории азербайджанского народа. Баку, 2002, с. 328.
- ⁵⁴⁸Т а м ж е, с. 89.
- ⁵⁴⁹Джафаров Ю. Гунны и Азербайджан. Баку, 1985, с. 11.
- ⁵⁵⁰Т а м ж е, с. 11-14.
- ⁵⁵¹Алиев И. О некоторых вопросах..., с. 90-91.
- ⁵⁵²Касумова С. Южный Азербайджан в III-VII вв., с. 48.
- ⁵⁵³Алиев И. О некоторых вопросах..., с. 79.
- ⁵⁵⁴Т а м ж е, с. 91.
- ⁵⁵⁵Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 92, сноска 93;
- Орманян М. Армянская церковь, с. 118.
- ⁵⁵⁶Мамедова Фарида. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, с. 237.
- ⁵⁵⁷О н а ж е. К вопросу о албанской этнической общности. Изв. АН АзССР. Серия ист., философии и права, 1989, № 3, с. 116;
- Mamedova Farida. Le probleme de l'ethnos albano-caucasien. Regards sur L'anthropologie Sovietique. Paris, volume XXXI (2-3), avril-septembre 1990, pp. 385-395.
- ⁵⁵⁸Алиев И. О некоторых вопросах..., с. 93.
- ⁵⁵⁹Т а м ж е, с. 336.
- ⁵⁶⁰Т а м ж е, с. 94.
- ⁵⁶¹Т а м ж е, с. 96.

⁵⁶²Т а м ж е, с. 335.

⁵⁶³Мамедова Фарида. Политическая история и..., 6 карт.

⁵⁶⁴Алиев И. О некоторых вопросах..., с. 339.

⁵⁶⁵Т а м ж е, с. 340.

⁵⁶⁶Т а м ж е, с. 346.

⁵⁶⁷Т а м ж е, с. 347.

⁵⁶⁸Мамедова Фарида. Политическая история и..., с. 146-147.

⁵⁶⁹Алиев И. О некоторых вопросах..., с. 358.

⁵⁷⁰Т а м ж е, с. 358.

⁵⁷¹Т а м ж е, с. 359.

⁵⁷²Т а м ж е.

⁵⁷³Т а м ж е.

⁵⁷⁴Т а м ж е, с. 366.

⁵⁷⁵Т а м ж е.

⁵⁷⁶Т а м ж е, с. 367.

⁵⁷⁷Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972;

Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья;

Он же. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период. В сб.: Кавказ и Византия. Ереван, 1979, т. 1, с. 10-18.

⁵⁷⁸Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма, с. 42.

⁵⁷⁹Т а м ж е, с. 39.

⁵⁸⁰Т а м ж е, с. 42.

⁵⁸¹Новосельцев А.П. Рец. на древнеарм. изд. Аракеляна В.Д.: Мовсес Каганкатваци. История страны алван. Ереван, 1983. См.: История СССР. 1985, № 1, с. 186.

⁵⁸²Новосельцев А.П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период.

⁵⁸³Тер-Григорьян Т. И. Азербайджан в III-VII вв. - НАИИ АН Аз ССР, № 1530, 1299;

Он же. Древняя Агвания (по армянским источникам). - НАИИ АН Аз ССР, № 628;

Он же. К вопросу об истории Алванской страны Моисея Каланкатуйского. - НАИИ АН АзССР, № 991.

⁵⁸⁴Ваидов Р.М. Археологические раскопки в Гяуркале/МКА. Баку, 1965, т. VI;

Он же. Археологические работы Мингечаура в 1950 г. - КСИИМК, 1952, вып. XVI;

Он же. Мингечаур в III-VIII вв. Баку, 1961 (азерб. яз.);

Он же. Первые итоги археологических работ в Торпагале / МКА. Баку, 1965, т. VI;

Он же. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур). - КСИИМК, 1954, вып. 55;

Ваидов Р.М., Мамедзаде К.М., Гулиев Н.Г. Новый памятник архитектуры Кавказской Албании. (Археологические изыскания). М., 1972.

⁵⁸⁵Бабаев И.А., Ахмедов Г.М. Кабала. Баку, 1981 (азерб. яз.).

⁵⁸⁶Мамедов Рауф. Исторический очерк города Нахичевана. Баку, 1977 (азерб. яз.).

⁵⁸⁷Кудрявцев А.А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976;

Он же. Древний Дербент. М., 1982.

⁵⁸⁸Ворошил Гукасян. О некоторых вопросах истории албанской письменности и литературы. Изв. АН АзССР. Сер. литературы, языка, искусства, 1968, № 9;

Он же. Удинские слова в "Истории албан";

Он же. К освещению некоторых вопросов Азербайджана в монографии "Азербайджан в VII-IX вв". Изв. АН Аз ССР. Сер. ист., фил. и права, 1968, № 4;

Он же. Тюркизмы в "Истории албан". В сб.: Структура и история тюркских языков.

Баку, 1970;

Он же. Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана. - Изв. АН Аз ССР. Серия литературы, языка и искусства, 1969, № 2.

⁵⁸⁹Халилов Джабар. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. - III в. н. э.). Баку, 1985.

⁵⁹⁰Геюшев Р. Христианство Кавказской Албании. Баку, 1974.

⁵⁹¹Кошкарлы К.О. О "сасанидском металле" в Азербайджане. Изв. АН Аз ССР. Сер. истории, философии и права, 1980, № 2;

Он же. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана: Автореф. дис. канд. ист. наук. Тбилиси, 1981;

Он же. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку, 1985.

⁵⁹²Гаджиев М.С. 1992. К идентификации Города Цри и страны чилбов. ТД конф. по итогам географич. исследований в Дагестане. Вып. XX. Махачкала;

Он же. 1995. О местоположении Варачана - РА, № 2;

Он же. 1998. Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность). Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования). Махачкала;

Он же. 1998. К исторической географии Кавказской Албании (в контексте миссии епископа Исраела). - Древности Северного Кавказа. Махачкала;

Он же. Печать царя Асвагена. См.: The History of Caucasus. The scientific - public almanac. Baku, 2001, № 1;

Он же. Древний город Дагестана. М., 2002.

⁵⁹³Ахундов Д. А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку, 1986;

Мамедова Г. Г. Культурное зодчество Кавказской Албании. Баку, 1997.

⁵⁹⁴Ахундов Д. А. Указ. раб., с. 229.

⁵⁹⁵Мамедова Г. Г. Указ. раб., с. 167-168.

⁵⁹⁶Кананчев Зураб. К вопросу о датировке христианизации народов Кавказской Албании и Армении. См.: The History of Caucasus. The scientific public almanac. Baku, 2001, N 1, pp. 41-46;

Он же. Из истории апостольского периода христианства Кавказской Албании. The History of Caucasus. Baku, 2002, N 2, pp. 61-64.

⁵⁹⁷Гаджиева Ульвия. Деэтнизация кавказских албан в XIX в.

⁵⁹⁸Мнацакян А. Ш. О литературе Кавказской Албании.

⁵⁹⁹Улубабян Б. Вачаган Благочестивый и подъем культурно-просветительной жизни Восточного края Армении. - Советакан манкаварж, 1969, № 4 (арм. яз.);

Он же. Еще раз о времени созыва Агуэнского собора. - ВОН АН Арм. ССР, 1969, № 6;

Он же. К вопросу о царской династии Агванка. - ВОН, 1971, №7 (арм. яз.);

Он же. О топонимах "Албания", "Агванк", "Аран". - ИФЖ АН Арм. ССР, 1971, № 2;

Он же. Родословные истоки Хаченского княжества. - Вест. Ереван. ун-та, 1972, № 2;

Он же. Очерки истории восточного края Армении (V-VII вв.).

⁶⁰⁰Свазян Г. Х. Агванк в VII-VIII вв. Автореф. Дис. канд. ист. наук. Ереван, 1975.

⁶⁰¹Айвазян Аргам. Агулис. Историко-культурные памятники. Ереван, 1984 (арм. яз.);

Он же. Историко-культурные памятники Нахичевани. Ереван, 1983;

Он же. Памятники армянской архитектуры Нахичеванской АССР, 1981.

⁶⁰²Мовсес Каганкатвацци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смбатяна.

⁶⁰³Свазян Г. Х. Агванк в VII-VIII вв.: Автореф.

⁶⁰⁴Улубабян Б. О топонимах "Албания", "Агванк", "Аран".

⁶⁰⁵Улубабян Б. Еще одна произвольная интерпретация армянской "Истории страны Агванк": Рец. на книгу Мамедовой Ф.Дж. "История албан" Моисея Каланкатуйского

как источник, с. 219-232, 223.

⁶⁰⁶Там же, с. 220.

⁶⁰⁷Там же, с. 200.

⁶⁰⁸Там же.

⁶⁰⁹Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, с. 15.

⁶¹⁰Мовсес Каганкатваци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смбацяна, с. 5.

⁶¹¹Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, с. 38-41.

⁶¹²Свазян Г. Х. Агванк в VII-VIII вв., с. 5.

⁶¹³Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963, с. 27.

⁶¹⁴Там же.

⁶¹⁵Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании. - Изв. АН СССР. М., 1937, т. 1, с. 132.

⁶¹⁶Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 223, 225.

⁶¹⁷Чамчян М. История Армении. Венеция. 1784-1786, тт. I-III (арм. яз.), с. 131.

⁶¹⁸Моисей Каганкатваци. История агван. Изд. К. Патканова, с. 296-297.

⁶¹⁹Канаян Ст. Неизвестные гавары древней Армении, 1914. с. 146, 154;

Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, с. 45.

⁶²⁰Улубабян Б. Еще одна произвольная интерпретация армянской "Истории страны Агванк": Рец..., с. 223, 225;

Свазян Г. Х. Агванк в VII-VIII вв., с. 5.

⁶²¹См.: состав Шаапиванского и Двинского соборов.

⁶²²Моисей Каланкатуйский, III, 8, 10. Заслуживает внимания факт, что в письмах-грамотах, адресованных албанским католиком официальным лицам, в числе других представителей от албанских церковно-административных единиц упомянуты представители от Кабалы, Шаки и Камбисены и других областей северной Албании (Каланкатуйский, I, 26; II, 7; II, с. 93). В перечне албанских родов (патронимий), осквернившихся в браке с родственниками, Моисей Каланкатуйский называет и агнатическую группу из области Эджеря, расположенную на левобережье Куры. Далее, согласно Каланкатуйскому, когда Вачаган III назначал в разные места епископов, иереев, то такие же приказания он возобновил в Камбисене.

⁶²³Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, с. 5, 47-48, 55, 67;

Улубабян Б. А. Очерки истории восточного края Армении (V-VII вв.), с. 40;

Мовсес Каганкатваци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В.Смбацяна, с. 6.

⁶²⁴Улубабян Б. А. Очерки истории восточного края Армении (V-VII вв.), с. 40.

⁶²⁵Мамедова Фарида. Интерпретация новых дополнительных глав парижского списка "Истории албан" Моисея Каланкатуйского в свете эпиграфических данных Гандзасарского храма / Тез. докл. всесоюзной научной сессии "Актуальные проблемы изучения и создания письменных исторических памятников". Тбилиси, 1982, с. 51, 52, а также гл. V данной монографии.

⁶²⁶Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, с. 67-73;

Улубабян Б. А. Очерки истории восточного края Армении (V-VII вв.), с. 68;

Мовсес Каганкатваци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смбацяна, с. 6-7.

⁶²⁷Улубабян Б. А. Еще одна произвольная интерпретация армянской "Истории страны Агванк": Рец..., с. 222-223.

⁶²⁸Улубабян Б. А. Очерки истории восточного края Армении (V-VII вв.), с. 68.

⁶²⁹Мовсес Каганкатваци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смбацяна, с. 6.

⁶³⁰Новосельцев А. П. Рец. на древнеарм. изд. В.Д. Аракеяна: Мовсес Каганкатваци, с. 186.

⁶³¹Улубабян Б. А. Еще одна произвольная интерпретация армянской "Истории страны Агванк", с. 223.

⁶³²Лазар Парпеци. История Армении и послание Ваану Мамиконяну, гл. 33.

- ⁶³³Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории СССР, с. 81-87.
- ⁶³⁴Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 201.
- ⁶³⁵Свазян Г. Х. Агванк в VII-VIII вв. Автореф., с. 5.
- ⁶³⁶Т а м ж е, с. 19.
- ⁶³⁷Улубабян Б. А. Очерки истории восточного края Армении (V-VII вв.), с. 40, 108, 115;
- Мовсес Каганкатвацци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смбатяна, с. 5.
- ⁶³⁸Улубабян Б. А. Очерки истории восточного края Армении (V-VII вв.), с. 127.
- ⁶³⁹Алиев Кемал. Кавказская Албания I в. до н. э. - I в. н. э. Баку, 1974, с. 139-144.
- ⁶⁴⁰Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 94-100, примеч. 129.
- ⁶⁴¹Основные положения моей диссертации опубликованы задолго до диссертации Свазяна Г.Х. в статьях: Мамедова Ф. Дж. Агуэнские каноны 487/488 гг. как источник по социально-экономической истории Кавказской Албании. - Изв. АН Аз ССР. Сер. истории, философии и права, 1968, № 4;
- О н а ж е. Из истории раннефеодальных отношений Кавказской Албании. - Изв. АН Аз ССР. Сер. истории, философии и права, 1968, № 2;
- О н а ж е. О терминах "ерд" и "ердумард";
- О н а ж е. Термины "наһапет" и "азгапет" в агуэнских канонах (Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока: Краткое содержание V годичной сессии Ленинградского отделения Ин-та востоковедения АН СССР, 1968);
- О н а ж е. Патронимия по "Истории албан" Моисея Каланкатуйского. - Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г./ Тез. археологов и этнографов Азербайджана 1972 г. Баку, 1972;
- О н а ж е. К вопросу о государственном строе Кавказской Албании: Изучение истории средневекового Востока В.В. Бартольд и современное состояние науки. Бартольдовские чтения. М., 1974.
- ⁶⁴²Свазян Г. Х. Агванк в VII-VIII вв. Автореф., с. 20-23.
- ⁶⁴³Мовсес Каганкатвацци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смбатяна, с. 191-192, 195;
- См.: Комментирование Ш. Смбатяном терминов *рамик* (коммент. 103, с. 191), *птуг*, *хас* (коммент. 107, с. 191), *анаишхархик* (коммент. 118, с. 192), *бардз*, *патив* (коммент. 2, с. 195). - (История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смбатяна), которые списаны с моей монографии, изданной в 1977 г. (См.: "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю Кавказской Албании. Баку, 1977).
- ⁶⁴⁴Арутюнова-Фиданян В. А. Повествование о делах армянских. VII век. Источник и время. М., 2004.
- ⁶⁴⁵Т а м ж е. Указ. раб., с. 56.
- ⁶⁴⁶Т а м ж е. Указ. раб., с. 87-90.
- ⁶⁴⁷Бартикян Р. М. О византийской семье, ч. 2, с. 190-191. См.: Арутюнова-Фиданян В.А. Указ. раб., с. 56.
- ⁶⁴⁸Garsoian N.G. The problem of Armenian Integration into the Byzantine Empire, pp. 123-124. См.: Арутюнова-Фиданян В.А. Указ. раб., с. 102.
- ⁶⁴⁹Арутюнова-Фиданян В. А. Указ. раб., с. 31.
- ⁶⁵⁰Мовсес Каланкатвацци. История страны албан. Изд. В.Д. Аракеляна.
- ⁶⁵¹Издание Патканова, с. 217-219; арм. изд. Н. Эмина, с. 308-309; рукописи Каланкатуйского: С - 59, с. 347; Р4 220, с. 422-423.
- ⁶⁵²Арутюнова-Фиданян В. А. Указ. раб., с. 31.
- ⁶⁵³История епископа Себеоса, с. 45;
- Арутюнова-Фиданян В. А. Указ. раб., с. 81.
- ⁶⁵⁴Акопян А. А. Албания - Агуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987, с. 167, 169, 177-242;

А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В . А . Указ. раб., с. 92.

⁶⁵⁵А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В . А . Указ. раб., с. 92.

⁶⁵⁶Мамедова Фарида. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник, гл. I;

О н а ж е . О хронологической системе "Истории албан" Моисея Каланкатуйского. ВВ, т. 35. 1973, с. 181-187; см. гл. I данной монографии.

⁶⁵⁷А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В . А . Указ. раб., с. 91-92.

⁶⁵⁸Еремян С.Т. Заметки к тексту "Хроники Сумбата". Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, № 9 (14), с. 27-28; Такайшвили Е. Источники грузинских летописей. II. Жизнь и известия о Багратадах. - СМОМПК, Тифлис, 1900, т. XXVIII, с. 128;

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 341;

Насибов Ю.М. Азербайджан в V - первой половине XII вв. (по древнегрузинским источникам). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Баку, 1985.

⁶⁵⁹В 670 г. халиф Муавия уполномочивает Джаваншира стать посредником в дипломатических переговорах между халифатом и Византией. Как отмечает албанский автор, Джаваншир с таким умением провел переговоры, что обе стороны остались довольны: "Царь дивился его глубоким познаниям. Не менее благодарны были и переговорщики со стороны греческого царя, потому что он [Джаваншир] всеми способами старался склонить мнение царя в их пользу" (Каланкатуйский, II, 28).

⁶⁶⁰А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В . А . Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи. Ереван, 1980;

О н а ж е . Повествование о делах армянских, с. 94, сноска 100.

⁶⁶¹А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В . А . Указ. раб., с. 246, примеч. 167.

⁶⁶²Т а м ж е . Указ. раб., с. 32.

⁶⁶³Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 421, 423.

⁶⁶⁴Nübshann H. Die Altarmenische Ortsnamen, p. 216; Marquart J. Eranbahr nach der Geographi des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901.

⁶⁶⁵А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В . А . Указ. раб., с. 49, 135; § 85-89 "Повествования" посвящены антихалкидонитской пропаганде представителей монофизитской церкви Армении, и они не имеют параллелей в других источниках;

Т а м ж е , с. 241, примеч. 140.

⁶⁶⁶Т а м ж е , с. 41.

⁶⁶⁷Т а м ж е , с. 49. Сама В.А. Арутюнова-Фиданян недоверчиво относится к этой информации: "даже если они не были православными".

⁶⁶⁸Алексидзе Заза Николаевич. Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии, с. 40.

⁶⁶⁹А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В . А . Указ. раб., с. 33.

⁶⁷⁰Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Петроград, 1915, с. 187; Ачарян Р.И. История армянского языка. Ереван, 1951 (арм. яз.), с. 128-129.

⁶⁷¹Бартиян. Narratio de rebus Armeniae, с. 466, примеч. 66. См.: А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В . А . Указ. раб., с. 243.

⁶⁷²Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма Византии (IX-XII вв.) // Чужое: Опыт преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999, с. 174-177;

А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В . А . Указ. раб., с. 32.

⁶⁷³А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В . А . Указ. раб., с. 33-34

⁶⁷⁴Т а м ж е , с. 58

⁶⁷⁵Т а м ж е , с. 68.

⁶⁷⁶Hewsen Robert H. Armenia. A Historical Atlas. Chicago and London, 2000.

⁶⁷⁷Еремян С.Т. Карта Армении, согласно разделу 591 г.

⁶⁷⁸Ахундов Давуд. Генезис архитектуры Кавказской Албании и критика фальси-

- фикаторов. См.: The History of the Caucasus. The scientific-public almanac. Baku, 2001, № 1, с. 23-28;
- Мамедова Фарида. Об исторической географии Кавказской Албании и Армении. Там же, с. 16-23;
- Мамедова Г. Церковь в селении Киш - "мать албанских церквей". Там же, № 1, с. 33-37;
- Алексидзе З. Н. Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке албанского текста, обнаруженного на Синайской горе. Там же, № 1, с. 41-46;
- Кананчев З. К вопросу о датировке христианизации народов Кавказской Албании и Армении. Там же, № 1, с. 46-51;
- Мунчаев Р. Кавказ и Ближний Восток (из результатов Месопотамской Экспедиции РАН). Там же, № 1, с. 54-57;
- Гаджиева С. Неповторимость культовой архитектуры Кавказской Албании. Там же, № 1, с. 61-65;
- Гашимова У. Некоторые данные антропологии к проблеме трансформации народов Кавказской Албании. Там же, № 1, с. 69-73;
- Джавадов Г. Об албанском происхождении этносов Азербайджана. Там же, № 1, с. 81-85;
- Погрехова М. К локализации "страны Гамир" в ассирийских текстах. Там же, № 1, с. 85-89;
- Бабаев И. Некоторые особенности материальной культуры Кавказской Албании. Там же, № 1, с. 89-91;
- Джаваншир Нурулана. О происхождении рода Мелик-Аслановых. Там же, № 1, с. 96-99;
- Мокроусов С. Оборонительные сооружения и бытовая архитектура городища Таргу в албанский период. (К вопросу о локальном варианте материальной культуры Кавказской Албании). Там же, № 1, с. 103-107;
- Меликов Рауф. К проблеме происхождения и локализации племени утиев. Там же, № 1, с. 112-119;
- Измайлова А. Талыши (Этнокультурные процессы). Там же, № 1, с. 127-132;
- Гаджиев М. Печать царя Асвагена. Там же, № 1, с. 132-137;
- Гошкарлы Г. Античная Кавказская Албания в системе международных отношений в V-I вв. до н. э. Там же, № 1, с. 143-149;
- Салимова А. Четырехстолпие культовой архитектуры. Там же, № 1, с. 149-151;
- Люффин К. Письменность тюркских языков в Анатолии и на Кавказе: религиозные меньшинства и редко встречающиеся алфавиты. Там же, № 1, с. 153-155;
- Калафат Я. Важность фольклора в формировании идентичности армянской культуры и культурной идентичности. Там же, № 1, с. 157-161;
- Халиманенко Г. Кавказская Албания (Северный Азербайджан) в исследованиях Агатангела Крымского: историко-географический и этнографический аспект. Там же, № 1, с. 161-164;
- Велиев Е. Следы зороастризма в Кавказской Албании. Там же, № 1, с. 167-173;
- Мамедова Фарида. Из истории христианства Кавказской Албании. Там же, 2002, № 2, с. 7-11;
- Алексидзе З. Что может рассказать об истории церкви Кавказской Албании обнаруженный на Синайской горе грузино-албанский палимисест. Там же, № 2, с. 15-21;
- Ахундов Д. Христианство в Кавказской Албании. Фальсификаторы и их критика. Там же, № 2, с. 21-27;
- Мамедова Г. Отчет о ходе азербайджано-норвежского проекта "Киш". Там же, № 2, с. 30-41;
- Гошкарлы Г. Кишский могильник. (Традиция и инновация). Там же, № 2, с. 50-54;

- Кананчев З. Из истории апостольского периода христианства Кавказской Албании. Там же, № 2, с. 61-64;
- Мамедова Фарида. Структура Албанской Церкви и ее внешние связи. Там же, № 2, с. 64-69;
- Салимова А. Истоки формирования купольной архитектуры Кавказской Албании. Там же, № 2, с. 74-84;
- Керимов В. Предварительные археологические исследования Кишского комплекса. Там же, № 2, с. 92-101;
- Пиструсинска Ядвига. Повторение топонима Албания. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Кошеленко Г. А. Западно-сирийская церковь на территории Азербайджана. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Бион Вегге. Из Иерусалима до Гиша. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Эфендиев О. А. Немного о карабахских меликствах. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Сулейманова С. Из этнополитической истории северо-западного Азербайджана. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Меликов Рауф. О населении албанской области Пайтакаран. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Мокроусов С. В. Фортификация и архитектура городища Урцеки в албанский период (северный регион Кавказской Албании). Там же, № 3 (в процессе производства);
- Халиманенко Гр. Этнические процессы на территории Кавказской Албании. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Гаджиева С. Христианские культовые памятники левобережной Кавказской Албании. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Гаибов В. А. О южных связях христиан Кавказской Албании (до 1000 г.) Там же, № 3 (в процессе производства);
- Мунчаев Р. М. Восточный Кавказ: ранние этапы истории и перспективы дальнейшего изучения Кавказской Албании. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Мамедова Гюльчохра. Памятники архитектуры Тертерского ущелья. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Гошкарлы Г. Мингечаурский феномен. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Шульц Вольфанг. К истории удинского языка. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Утье Б. Знание о Кавказской Албании во Франции. Три момента. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Бабаев И. Образование единой албанской культуры, ареал ее распространения и консолидация албанских племен в античную эпоху. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Муртазали Гаджиев. Атрибуция геммы - печати Великого католикоса Албании и Баласакана и вопрос очередности патриаршества владык Албанской Церкви. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Жил Отье. Транскрипция безписьменных кавказских языков в Азербайджане латинским шрифтом. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Сихарулидзе Таризель. Об одной морфологической инновации в удинском языке. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Мамедова Гехар. О меликах и меликствах Азербайджана в XVIII в. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Халилов М. Локализация Араксены и Орхистены. Там же, № 3 (в процессе производства);
- Гаджиева Ульвия. "Арцах" Макара Бархударянца как источник по этнокультур-

ному наследию поздних албан. Там же, № 3 (в процессе производства);

Салимова А. Тетраконхи Кавказской Албании и их место в культуре Христианского Востока. Там же, № 3 (в процессе производства);

Мамедова Фарида. Албаны и Киликийское царство. Там же, № 3 (в процессе производства);

Нешумашвили М. Об истории и исторической географии древних албан. Там же, № 3 (в процессе производства).

ГЛАВА II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ АЛБАНИИ

III в. до н. э. – VIII в. н. э.

Исследование исторической географии Азербайджана с древних времен до позднего средневековья имеет исключительно важное значение как самостоятельная тема для истории Азербайджана, а также и для решения проблемы исторической географии народов Кавказа в целом.

В задачи исторической географии входит выявление местонахождения этнических групп, локализация этнополитических объединений, определение территории, на которой происходили консолидация племен и образование народности, государства, определение политических границ государства.

Таким образом, вопросы исторической географии тесно связаны с проблемами этногенеза народа, внешне- и внутривосточного положения страны, политического статуса страны, ее территориальных пределов, господства и распространения той или иной идеологии – религии.

Историческая география Азербайджана (периода древности и средневековья) оставалась совершенно неисследованным разделом истории Азербайджана и народов Кавказа. Между тем советская историография располагала значительным количеством специальных работ, освещающих эту проблему в применении к сопредельным странам (работы академика С.Т.Еремяна для Армении, работы академиков Н.А.Бердзенашвили, Г.А.Меликишвили, Д.Л.Мухелишвили, доктора исторических наук Т.Г.Папуашвили для Грузии).¹

Изученность проблемы исторической географии Армении и Грузии объясняется как наличием широкой источниковедческой базы, так и наличием историко-географической традиции, богатого документального и эпиграфического материала, грузинской историографии и чрезмерно богатой, искусственно созданной армянской историографии.

Предпосылки развития географических воззрений о народах Кавказа были созданы еще в античную эпоху, в трудах Страбона (I в. до н. э. – I в. н. э.), а также последнего крупнейшего представителя античной науки – Клавдия Птолемея (I–II в. н. э.).

В армянской действительности географические и картографические методы наиболее полно отразились в «Армянской географии VII в» Анания Ширакаци, где дано политическое разделение Ближнего Востока VI–VII вв., а Азия разделена на 44 страны, и под номером 25 освещена Иберия, под номером 26 – Албания и 27 – Армения. Однако именно по концепции Ширакаци (им созданной или ему приписываемой) считается, что между речье Куры и Аракса, т.е. области Арцах, Пайтакаран и Ути были исконно армянскими, и только после раздела Армении в 387 г. между Персией и Византией эти области были присоединены к Албании, а область Гугарк – к Грузии.

Традиция географических и картографических воззрений была продолжена в XIII в. в географическом труде Вардана Великого, где автор сообщает интересные сведения об албанских этносах и албанской территории.

Историческая география Грузии нашла отражение в «Географии» Вахушти (XVIII в.). По мнению М.Броссе, «География» Вахушти имеет такое же значение для Грузии, как топографические заметки Гомера для Греции.

Историческая география раннесредневекового Южного Азербайджана освещена в источнике VII в. («Города Ирана» – Ираншахр). Существенным дополнением к перечисленным географическим трудам являются данные арабских и персидских географов и историков, историко-географических трактатов и исторических нарративных источников.

Что же касается истории Азербайджана (Северного), то за исключением Вардана Великого, мы не располагаем ни одним местным географическим источником. Единственным местным источником, освещающим историю Азербайджана I–VIII вв., является труд албанского автора VIII в. Моисея Каланкатуйского «История албан», в которой он пытается очертить пределы албанского народа в каждый период – в I в., V в., VIII в.

Сведения об исторической географии Азербайджана ранне-средневекового и средневекового периодов, как было отмечено, сохранились в трудах арабских и персидских авторов.

Вопросы исторической географии Албании (Азербайджана) античного периода и раннего средневековья ставились в работах дореволюционных ученых России, зарубежных, а также совет-

ских ученых – А.Яновского,² Б.Дорна,³ В.Томашека,⁴ А. Е. Крымского,⁵ С.В.Юшкова,⁶ С.Т.Еремяна,⁷ К.В.Тревер,⁸ К.Алиева⁹ и др.¹⁰ Но все они основывались, главным образом, как на одностороннем использовании античных источников, армянских авторов без попытки выявления их достоверности, так и на сложившейся армянской традиции. В советской историографии вопрос о юго-западной и южной границе Албании периода VII–IX вв. впервые был верно поставлен и решен академиком З.М.Буниятовым. Удачной находкой З.М.Буниятова является выявление им первого Шаки, помещенного им на правобережье Куры, что вносит ясность при восстановлении отдельных событий в исторической географии Албании.¹¹ Согласно исследованию З.М.Буниятова, выявилось историческое наличие двух Шаки: первого в правобережье Куры, южнее Нахичевани, второго – в левобережье р. Куры, современное Шаки. Точно очерчены З.М.Буниятовым южные границы Азербайджана в VII–IX вв.¹²

А.П.Новосельцев, знающий кавказские реалии, считает, что Албания в период раннего средневековья включала в основном территорию современной Азербайджанской ССР, а также земли Армении, Дагестанской АССР, Восточной Грузии.¹³

Итак, как видно из вышеизложенного, азербайджанские исследователи поставлены в совершенно иные условия, нежели их коллеги в Армении и Грузии. Азербайджанские ученые, по существу, впервые создают историческую географию Азербайджана. Отсутствие исторической, географической традиции, известных и сложившихся научных представлений по данной проблеме, что не дает возможности в какой-то мере оперировать ими, создает непомерные трудности в процессе работы. К тому же приходится неоднократно высказывать свое отношение к сложившимся двум традициям – армянской и грузинской, на чем мы специально остановимся ниже.

Вместе с тем, невзирая на эти трудности, возможности заняться изучением этой проблемы есть. Дело в том, что исследователи не смогли воспользоваться имеющимися у нас источниками, сполна определить степень их достоверности, характер памятников и не извлекли из них всех необходимых и важных для истории Азербайджана данных. На основании имеющихся источников можно прийти к новым, весьма любопытным выводам.

Быть может, мой опыт, хотя отчасти, докажет справедливость мысли.

В процессе работы мы выработали свой метод исследования:

1) при использовании данных того или иного источника прежде следует рассмотреть время появления источника, цель, поставленную перед его автором, определить характер его и потом выявить степень достоверности тех или иных данных;

2) исследовать реалии времени, описываемого источником, причем реалии албанские, армянские, грузинские синхронного времени;

3) из разноязычных и разновременных источников как античных, так и поздних арабских, персидских, предпочтение отдавать местным источникам – албанским, грузинским, привлекая и сопоставляя с армянскими источниками;

4) рассмотреть договоры, которые не привлекались к исследуемой проблеме.

Концепция исторической географии Албании, которой придерживаются армянские и грузинские ученые, сводится к следующему.

Согласно армянской традиции, территория Азербайджана в древности и раннем средневековье располагалась севернее р. Куры, только на левом берегу Куры (левобережье), т.е., согласно этой традиции, территория нынешнего междуречья Куры и Аракса была армянской. И только после 387 г. эта территория будто бы отошла к Албании, но этнически, политически и культурно продолжала считаться восточными областями так называемой Великой Армении.

Согласно грузинской (старой) традиции, западная часть левобережной территории Албании тоже будто бы была грузинской территорией. А по новой грузинской традиции (автор которой Д.Л.Мухелишвили), Грузии принадлежали как левобережная территория Албании, «щедро выделенная» армянскими исследователями, так и западная часть правобережья, а в отдельные периоды и все правобережье Азербайджана.

§ 1. Политико-административные единицы.

Согласно данным письменных источников – армянских

авторов V–VIII вв. и албанского автора VII–VIII вв. Моисея Каланкатуйского, территория Албании I–VII вв. простиралась от Кавказских гор на севере до р. Аракс на юге, от Иберии на западе до Каспийского моря на востоке. Вся территория Албании естественными границами была разделена на многочисленные районы. В административно-территориальном отношении она делилась на области (гавары) и провинции (наханги).*

Албания, расположенная на левом берегу Куры (левобережная), в административном отношении делилась только на гавары. Административное деление здесь менее развито, чем в правобережной Албании. Согласно данным «Армянской географии VII в.» Анания Ширакаци, левобережье Албании состояло из одиннадцати областей. Албанский источник упоминает четыре из них – Кабалу, Шаки, Камбисену и Эджери, которые были самыми большими и политически важными. Три области (Кабала, Шаки и Камбисена) представляли собой церковно-административные единицы, епископства, представители которых (епископы) присутствовали на всех албанских соборах. К левобережной Албании, помимо упомянутых гаваров, относились и две страны – *Лпиния* и *Чола*, которые не всегда входили в состав Албанского государства. Еще во второй половине V в. они продолжали оставаться периферийными областями с сохранением частичной внутренней автономии. Однако после 488 г. в царствование албанского царя Вачагана III *Лпиния* и *Чола* окончательно вошли в состав Албанского государства.

Считают, что название Чола (Чор, Чол) иранского происхождения. Область Чола занимала прикаспийскую полосу, начиная от прохода Чола (Дербент) к югу приблизительно до горы Беш-бармак. Крупными городами области были Чола (столица массагетских Аршакидов), Дербент.

Область Чола была богата виноградом, фруктами, зерном. Велико было и ее стратегическое значение. В ней находились так называемые Албанские ворота – проход между горами Большого Кавказа и Каспийским морем. Через эти ворота с севера в страну могли вторгаться различные кочевые племена, представляющие угрозу не только для Албании, но и для Ирана и Рима-Византии. Поэтому в охране этого прохода были заинтересованы

* Несколько гаваров составляли провинцию, округ-наханг.

не только албаны, но и крупные державы того времени – Персия и Рим-Византия.

Исследование письменных источников и археологические изыскания, проводимые в Дербенте с 1971 г. А.А.Кудрявцевым, показали, что область Чола, «крепость и город охраняли на протяжении всего албанского периода важную дорогу в западном Прикаспии и обитателями его, стражами знаменитых «ворот» были местные дагестанские племена, входившие в этот период в состав Албанского царства».¹⁴ В IV–V вв. в результате активизации кочевого мира с севера через проход Чола хлынули новые орды кочевников, которые стали оседать к югу от Дербента. Следы этого проникновения выявлены в культурных слоях Дербента IV–V вв. Здесь обнаружены серо-глиняная керамика, своими формами и орнаментикой тяготеющая к керамическим изделиям кочевников Северного Кавказа и Предкавказья, а также предметы вооружения и быта, типичные для степняков.¹⁵

Дербентский проход – «пограничная крепость Чола», «ворота Чола», «ворота гуннов», граница «владений албан и хонов» – становится границей Албании и «царств» кочевников, т.е. границей двух миров – земледельческого и скотоводческого.¹⁶

В V в., когда на Восточном Кавказе началась сасанидская экспансия, области Чола отводилась большая военная и политическая роль. Закрыв проход, Сасаниды, с одной стороны, «изолировали народы Закавказья от возможных союзов с кочевниками в их борьбе с персами, а с другой – выступали защитниками покоренных территорий от опустошительных набегов степняков».¹⁷

В первой половине V в., в правление персидского царя Иездигерда II, в Чоле были возведены мощные оборонительные сооружения, известные Дербентские стены (ИА, II, 2, 11).¹⁸

Чола была как военно-политическим оплотом Сасанидов на Кавказе (местопребыванием большого персидского гарнизона, резиденцией персидских марзбанов), так и стратегическим оплотом, политико-административной единицей албанского государства, местом пребывания албанского католикоса (до VI в.). Исходя из албанских реалий, думается, что Чола не всегда была резиденцией персидских марзбанов, а лишь в периоды усиления сасанидской экспансии на Восточном Кавказе. Это имело место в

середине V в., когда Сасаниды пытались превратить Албанию в персидскую провинцию, а также с 510 по 630 гг., когда в стране отсутствовала централизованная царская власть, т.е. в период, предшествующий правлению Михранидов. Наличие марзбанов в Чоле зафиксировано в источниках именно в отмеченное нами время (*Егишиэ, Парпеци, Каланкатуйский*, I, 2). Кроме стратегического положения албанский автор сообщает о важности области Чола в идеологическом отношении, как одном из самых ранних очагов христианства во всем восточном Кавказе. Апостол Елисей «...заходит к маскутам, избегая Армении, и начинает проповедь в Чоле» (*Каланкатуйский*, I, 6), что имело место в I–II вв. С этим событием албанская традиция связывает превращение Чолы в патриарший центр до VI в. и наличие там дворца католикоса Востока – края Востока вплоть до IX в. включительно (*Каланкатуйский*, II, 4; III, 16). Некоторая автономность области Чола, ее сепаратистские тенденции отразились в традиционной триаде, зафиксированной албанским автором, – «Албания, Лпиния и Чола». Еще в I–II вв., во время апостольской деятельности Елисея, последний был назван «просветителем трех стран – Чолы, Лпинии, Албании» (*Каланкатуйский*, III, 23).

Здесь обращает внимание последовательность трех стран, что верно отражает реалии времени – Елисей, начав деятельность в Чоле, затем просветил Лпинию и, наконец, остальную Албанию. Согласно албанскому автору, употребление триады – «Албания, Лпиния и Чола» после II в. вошло в обыкновение еще с 551 г., в период патриаршества Тер-Абаса (551–595) и его преемника, католикоса Виро (595–630) (*Каланкатуйский*, II, 15; III, 23). Интересен также факт отсутствия перечня трех стран в официальном наименовании последующих (после Виро) католикосов. С этой триадой мы встречаемся и в политических событиях 626–630 гг., когда Чола, как и вся Албания, была завоевана хазарами. Сын кагана Шат говорил, что его отец получил три страны – «Албанию, Чолу и Лпинию в вечное владение» (*Каланкатуйский*, II, 14).

Исходя из данного эксцерпта К.В.Тревер пришла к верному предположению, что в VII в. «еще входившие в состав Албании территории Чор [Чола. – Ф.М.] и Лпник пользовались, по видимому, какой-то внутренней самостоятельностью, что давало,

быть может, основание перечислять их после упоминания Албании».¹⁹ Изучение реалий убеждает, что эта триада имеет не только религиозное символическое значение, но и фактическое. Лпиния и Чола, будучи периферийными стратегическими областями, становились самостоятельными в период отсутствия в стране централизованной политической власти (с 551 по 630 гг.). Аршакиды в стране, как известно, были упразднены, а Михраниды еще не овладели всей страной. В период правления Джевانشира и Вараз-Трдата Чола, как и Лпиния, становится вновь неотъемлемой стратегической албанской областью.

В 698 г. Чола впервые подвергается нашествию арабов (*Каланкатуйский*, III, 16). Ее окончательное подчинение произошло в 30-х годах VIII в., когда Мерван ибн-Мухаммед подчинил всю Албанию. Население Чолы составляли табасараны (таваспары), албаны, чилбы (сильвы), леги, хечматаки, маскуты, хазары, гунны.²⁰ В связи с переселенческой политикой Сасанидов здесь усилился ираноязычный элемент.

Северо-западнее Чолы, между Чолой и Шаки располагалась область *Лпиния*, территорию которой почти сплошь занимали леса, богатые крупными и мелкими орехами. По-видимому, уже тогда местные жители выращивали каштаны, шелковицу и производили шелковую пряжу. Здесь обитали албаны, лпины, леги и другие этнические группы (*Агафангел*, *Егишэ*, *Каланкатуйский*, II, 39).

Лупении – греческая форма, лпины – армянская. Албанский историк помещает лпинов рядом с сильвами – чилбами в гористых частях Дагестана (*Каланкатуйский*, III, 23). Одни локализуют лпин в верховьях и центральной части р. Самур,²¹ другие – в долине р. Алазани.²² Видимо, лпины были расселены от центральной части р. Самур по долине р. Алазани, с востока на запад.

Лпиния, как и Чола, будучи периферийной областью страны, в определенные периоды (450–451, с 551 по 630 гг.) пользовалась частичной самостоятельностью, что помимо прочих косвенных данных нашло отражение в упомянутой триаде – «Албания, Лпиния и Чола» (*Каланкатуйский*, II, 2, 14, 15; III, 23). Она являлась также одним из ранних очагов христианства, что связано с деятельностью апостола Елисея (*Каланкатуйский*, III, 23).

В VI–VII вв. в связи с походами тюркоязычных кочевников Лпиния подверглась их нашествию. Так, после смерти Джеваншира, когда великий полководец гуннов Алп-Илитвер с многочисленным войском напал на Албанию, то он «расположился на полях Лпинии» (*Каланкатуйский*, II, 36).

Камбисена – у античных авторов, Камбечан – из армянских источников была расположена на северо-западе Албании, на границе с Иберией. Она занимала территорию от среднего течения рек Алазани и Иори на северо-западе до р. Куры на юге и до слияния рек Алазани, Иори, Куры на востоке. К ней относилась половина каменистого Ширакского плато. Есть мнение, что в хронике Камбисена отражено название восточно-иранского племени Камбоджа. Раннесредневековые грузинские источники именуют область Камбисену Неге, Нироае и локализуют здесь her'ов.

В I–III вв. область Камбисена, как и правобережная область Сакасена, стала превращаться в новую метрополию ираноязычных племен.²³ В исследуемый период население Камбисены составляли албаны, лпины, потомки скифских и сакских племен, а с VI в. и тюркоязычные кочевники – савиры.²⁴ Некоторые локализуют в долине р. Алазани чилбов (сильвов).²⁵ В политическом и идеологическом отношении Камбисена была политико-административной и церковно-административной единицей (епископством).

Археологические работы в Мингечауре (находится в Камбисене) выявили остатки земледельческих орудий, свидетельствующих о земледельческой культуре населения Камбисены в районе Алазань – Иорской долины.²⁶ Здесь выращивали зерновые культуры – пшеницу, просо, ячмень,²⁷ а также грецкий орех и гранат, культура которых существовала с глубокой древности. Возделывали здесь и лен. Большую роль в сельском хозяйстве области играли виноградарство и виноделие. Были развиты овцеводство, рыболовство, металлургия, металлообработка (существовала специальная техника добычи и обработки металла), гончарные и ткацкие ремесла, о чем свидетельствуют находки шерстяных, льняных и других тканей из мингечаурских погребений.

В поселениях Камбисены албанского времени обнаружено множество гончарных обжигательных печей различных

форм и конструкций.²⁸

Из политической жизни Камбисены известно немного. В V в. в результате религиозно-идеологической деятельности албанского царя Вачагана III в Камбисене были возобновлены и усилены позиции христианства – были назначены в области епископы, дьяконы, иереи, т.е. были созданы епископства (*Каланкатуйский*, I, 17) в 488–506 гг. В период же правления Михранидов о Камбисене известно следующее. После падения государства Сасанидов Джевانشир, вернувшись в Албанию, очистил Камбисену, как и всю страну Албанию, от персидских войск (*Каланкатуйский*, II, 19). Следовательно, участь Камбисены при Михранидах была такой же, как и всей страны.

Эджери – *Һэджери* располагалась южнее области Кабалы, между реками Карасу и Гирдыманчай, на юге упиралась в р. Куру. Население здесь занималось земледелием.

В «Армянской географии VII в.» Эджери называется еще Дашт-и-Базкан. Об этой области албанский автор сообщает только в связи с незаконными кровосмесительными браками, имевшими место в областях Аршакашэн и Эджери (*Каланкатуйский*, II, 32). Другими данными об Эджери мы не располагаем.

Область Кабала – греческая форма Кабалака (современный Габалинский район) занимала территорию южнее Лпинии, севернее исторической области Эджери и простиралась между областями Шаки и Чола. В этой области находилась столица Албанского государства город Кабала, о котором впервые упоминается в I в. н. э. у Плиния. Кабала была столицей Албании в период античности и раннего средневековья до V в., была резиденцией албанских царей Аршакидов и местом пребывания албанского архиепископа. После того как династия албанских Аршакидов прекращается в 510 г., Кабала становится местом пребывания назначавшихся Сасанидами марзбанов, в связи с чем и область Кабала стала именоваться также «Востан-и-марзбан».²⁹ Область Кабала была политико-административной и церковно-административной единицей (епископством). В реестрах Агуэнского собора V в. и Партавского собора VIII в. значатся епископы Кабалы – Манасе (V в.) и Иоанн (VIII в.).

В числе многих других – епископ Кабалы Иоанн отложился от албанского католика Нерсеса-Бакура халкидонита. О

важности области Кабалы в религиозно-идеологическом отношении говорит то, что в списках подписей участников соборов Агуэнского (488 г.) и Партавского (705 г.) на втором месте после подписи архиепископа стоит подпись епископа Кабалы. В VIII–IX вв. епископы Кабалы стали патриархами Албанской Церкви (*Каланкатуйский*, III, 23).

В VII в., когда хазары подчинили себе население обоих берегов Куры, область Кабала временно вошла в состав хазарских владений и, возможно, являлась административным центром.³⁰ У Балазури сказано: «Кабала, что есть хазар».³¹ В период арабского завоевания Албании Кабала была захвачена арабами и с тех пор окончательно утратила свое значение.

В Кабале обитали таваспары, хечматаки, ижимахи, глуары, гаты, а с VI в. – северокавказские тюркоязычные кочевники – савиры, хазары, булгары, барсилы (*Каланкатуйский*, II, 4).³² К.В.Тревер полагает, что таваспары, хечматаки, гугары, глуары, гаты были кавказским этносом.³³

Торговые пути связывали область Кабалу с юго-востоком и югом через Албанский и Саваланский проходы, с западом – через Грузию, а через Атропатену – с Ираном и через Большой Кавказ – с севером.³⁴ В раннем средневековье Кабала была основным центром ткацкого производства,³⁵ где были развиты ремесла: гончарное и стеклоделие.

Шаки. Историческая область Шеки, Шако, Шаке (у армянских авторов) с одноименным городом Шаке (Шакэ), Нухпато (из грузинских источников) (современная Загатало-Шекинская зона) занимала территорию на северо-западе Албании, в предгорьях Кавказа, северо-западнее области Кабалы, гранича на западе и юго-западе с исторической областью Камбисеной, на северо-востоке с Лпинией, на юго-востоке с Кабалой. В III–VIII вв. область Шаки была одним из центров ткацкого производства, здесь выращивалась шелковица, что обеспечивало сырьем производство высококачественных шелковых тканей.

А.Е.Крымский считал, что в античности храмовая область, посвященная божеству Луны (Селены), находилась в области Шаки.³⁶ Основываясь на сообщении Страбона, что святилище Селены находилось недалеко от Иберии, К.В.Тревер справедливо оспаривает мнение А.Е.Крымского, утверждая, что Шаки в I в. до

н. э. находился весьма далеко от пределов Иберии.³⁷ В Шаки наряду с албанами, угийцами жили и потомки скифских или сакских племен,³⁸ что нашло отражение в названии топонима, а также зекены (цекан), хенуки (гениохи).³⁹ Главным городом области был город Шаки.

Будучи политико-административной единицей в VI–VIII вв., область Шаки становится и церковно-административной единицей – епископством. О ее возросшей роли в религиозно-идеологическом отношении свидетельствуют случаи назначения в патриархи страны представителей шакинского клира. Так, в 682–688 гг. католикосом Албании был епископ Шаки Тер-Елизар (*Каланкатуйский*, III, 23). В 706–743 гг. католикосом Албании становится дьякон из Шаки Тер-Михаил (редкий случай назначения дьякона в патриархи). Относительно политической жизни Шаки известно из сообщений ал-Балазури, ат-Табари, ал-Асира, что в VI–VIII вв. область Шаки подвергается нашествию хазар. Персидский царь Кавад I (446–531), предпринимая энергичные меры против хазар, укрепил область Шаки.⁴⁰ В VIII в. Шаки в числе других областей Албании был завоеван арабами.⁴¹

Рассмотренные нами области Шаки, Кабала, Камбисена, Лпиния, Эджери, Чола – это области, расположенные в левобережной Албании. Что же касается политико-административных этнических единиц правобережья Албании, то оно делилось на четыре крупных наханга (провинции) – Арцах, Ути, Пайтакаран, Сюник, каждый из которых в свою очередь делился на соответствующие гавары (области), а те были церковно-административными единицами.

Пайтакаран. Область Каспк, Казбк (из армянских источников), Каспиана (из греко-римских источников), Пайтакаран – Баласакан (у Моисея Каланкатуйского и армянских авторов), Баласакан (из персидских и арабских источников) – была расположена в юго-восточной части Азербайджана, занимала территорию части Мильской и Муганской степей, простирающуюся ниже р. Куры (на правом берегу Куры), примыкая к Каспийскому морю на востоке. На юге область Пайтакаран охватывала временами, вероятно, и северо-восточные земли Атропатены.⁴²

Есть точка зрения, что область Пайтакаран включала также юго-восточную часть Ширвана по побережью Каспийского

моря, включая Апшеронский полуостров.^{43*} Она славилась своим плодородием. Здесь был высок уровень агрокультуры, выявлены следы грандиозных ирригационных сооружений в Мильской и Муганской степях, канал Гяурарх. Было развито садоводство, огородничество, виноградарство, хлопководство, выращивали также зерновые культуры (самородный ячмень), производили смоковницу, разводили мелкий рогатый скот, быков, лошадей, верблюдов. Наряду со скотоводством жители занимались рыболовством. Каспиана (Пайтакаран) во II в. до н. э. была завоевана армянским царем Арташесом I и оставалась в составе Армении до 55 г. до н. э. После 55 г. до н. э. Каспиана политически тяготела то к Албании, то к Атропатене, в состав которых она попеременно входила.

Со второй половины IV в. Каспиана стабильно стала албанской областью. Центром области был одноименный город Пайтакаран (Байлакан). Область Пайтакаран (Байлакан, Баласакан) временами пользовалась внутренней автономией. К.В.Тревер отмечала, что «еще в IV в. ...страна лбинов и Баласакан не слились с коренной Албанией в монолитное целое».⁴⁴ В парфянской версии надписи Шапура I (III в.)^{45**} в перечне стран упоминается область Пайтакаран наравне с Арменией, Албанией и Иберией. В «Армянской географии VII в.» Баласакан упомянут в перечне 13 стран (шахров), входящих в Северный Кавказский Куст, в следующей последовательности: Атрпатакан, Армения, Иберия, Албания, Баласакан, Сисакан и др.

Из событий политической жизни области известно, что в 336–338 гг. правителем Пайтакарана стал маскутский царь (Аршакид по происхождению) Санатрук, который был причастен к гибели албанского католикоса Григориса. Подстрекаемый персидским царем Шапуром II, с целью подчинения Армении Санатрук собрал несметное количество разношерстных северо-кавказских кочевых племен и в 336–337 гг. напал на Армению. Ему удалось удерживать Армению целый год, а в 338 г. он был раз-

* Арутюнян Б. дает иную локализацию области Пайтакаран - южнее р. Аракс. Попытки аргументации его представляются нам малоубедительными. См.: Арутюнян Бабкен. Город Пайтакаран и его локализация. - ВОН АН Арм. ССР, 1981, № 12, с. 61-76.

** Ср. "Базгун" у Захария Ритора. Лигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР, М.-Л., 1941, с. 82; Тревер К. В. Очерки по истории культуры Кавказской Албании, с. 75, примеч. 7.

бит. Остатки его войска армяне гнали до страны баласичев, т.е. до Баласакана (*Каланкатуйский*, I, 12; *Хоренаци*, III, 3, 4, 5, 6; *Фавстос Бузандаци*, III, 7). В период антииранского движения кавказских народов в V в. (450–451, 457) баласаканы и царь Баласакана встали на сторону персидских войск (*Егишэ*, *Каланкатуйский*, II, 2). Армянский марзбан Васак Сюнийский, тоже предавший повстанческое движение, заключил союз с аранскими – албанскими гуннами, над которыми стоял царь Баласакана.⁴⁶ Область Пайтакаран превратилась в военно-стратегический оплот Сасанидов, с помощью которого можно было контролировать как восставшие страны Кавказа, так и кавказские проходы в районе прикаспийского побережья. Сюда были стянуты персидские войска (*Егишэ*, *Лазар Парпеци*). После антисасанидских восстаний и восстановления в Албании власти албанских царей в лице Вачагана III (488–510) Пайтакаран, окончательно потеряв свою самостоятельность, стал албанской провинцией.

О дальнейшей политической жизни Пайтакарана сообщает Себеос: «...владелец сюнийской земли восстал и отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он архивы сюнийской земли перенес из Двина в город Пайтакаран и их город внес в границы Атрпатакана... Приказ был приведен в исполнение» (*Себеос*, VI). Это событие датируется 571 г. Себеос ошибался, утверждая, что Пайтакаран входит «в границы Атрпатакана». Об этом правильно говорит К.В.Тревер. Пайтакаран в это время входил в состав Албании. Эта ошибка объясняется тем, как считает К.В.Тревер, что после создания единой военно-административной единицы – Кавказского Куста граница между Албанией и Атрпатаканом на первых порах не была уточнена, все страны Куста возглавлялись одним персидским марзбаном.⁴⁷

В религиозно-идеологическом отношении христианство в области не стало всеобщим вероисповеданием. Еще сильны были позиции зороастризма,^{48*} тангрианства, язычества. По сообщению Хоренаци (III, 60) «лжеучителя» находились в Баласакане.

Не случайно, что в такой большой провинции, как Баласакан, состоящей, как известно, из 12 областей, в VI–VIII вв. было лишь одно епископство – Баласаканское.

* В персидской версии сочинения Истахри сказано, что в Мугани много селений, жители которых зороастрийцы. См.: Marquart J. Eransahr nach der Geographi des Ps. Moses Xorenaci, с. 108-109.

В Баласакане в V–VII вв. жили албаны (*Каланкатуйский*, I, 12), каспии (парсии–паррасии) (*Фавстос Бузандаци*, V, 14; *Хоренаци*, II, 86), баласичи (*Фавстос Бузандаци*, III, 7), баласы (баги) (*Каланкатуйский*, III, 19), айнианы, гунны, хазары, акациры (*Фавстос Бузандаци*, III, 7; *Егишэ*, *Лазар Парпеци*; *Хоренаци*, III, 60).⁴⁹ Область Каспиана (Пайтакаран) была заселена в основном ираноязычными племенами и тюрками.^{50*}

Во время арабского завоевания Албании, согласно арабскому автору IX в. Балазури, арабы при халифе Османе (644–656) заняли Байлакан по мирному договору, по которому гарантировали жителям жизнь, обязав их платить поземельную и подушную подати.⁵¹ В 730 г. трехсоттысячная армия хазар под командованием Барджика выступила против арабов, проникла на территорию Арана (Албании). По сообщению Левонда (VIII в.), хазары захватили Пайтакаран (Байлакан), близ чего произошло сражение между хазарами и арабами, в результате которого хазары были разгромлены.⁵²

Во второй половине IX в. на территории Арана образовался ряд зависимых от арабов княжеств. Среди них было и Байлаканское, управляемое Есаи Абу Мусе,⁵³ которому «удалось овладеть большей частью Арана» (Арцруни)⁵⁴ и сохранить определенный сепаратизм, связанный с теми условиями, в которых находился халифат в конце IX – начале X вв.

В VII–IX вв. область Пайтакаран (Баласакан) стала родиной социального движения павликиан, одного из крупнейших на Востоке, направленного против местных и арабских феодалов и церкви.⁵⁵

Согласно данным Каланкатуйского (III, 19) и Степанноса Орбели, область Пайтакаран не примкнула к движению Бабека, но в 851–852 гг., когда весь Центральный Кавказ был охвачен новым мощным антихалифатским движением, Есаи Абу Мусе возглавил восстание жителей Байлакана. Военные действия между восставшими и арабскими войсками длились около года. Арабы увели с собой в числе непокорных халифату князей и Есаи Абу Мусе. Восстание было подавлено.⁵⁶

* Осевших на Мугани в V в. гуннов современные им историки именовали тюрками. См.: Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, с. 36, 77, 102, 160. "Он (Кубад I) направился к племени гуннов, которых наша история неоднократно называла тюрками". См.: Буниятов З. М. Азербайджан в VII–IX вв., с. 180.

Историческая провинция Ути, Утик (арм. форма), *Отена* (греч. форма) расположена, как и Пайтакаран, на правом берегу р. Куры, между областями Пайтакаран на востоке, и Арцахом на юге, р. Курой на севере, и тянулась на запад до границы Албании с Иберией. В этой области находились античные города Айнана, Хани, Анариака,⁵⁷ а также города Халхал, Согарн и столица Албании г. Барда (Партав в арм. источниках), построенная, согласно данным Каланкатуйского, в V в. С 551 г. Барда становится местом пребывания албанского католика, а с 630 г. – резиденцией албанских великих князей из династии Михранидов – Вараз-Григора, Джеваншира и др. Провинция (наханг) Ути в свою очередь делилась на политико-административные единицы (гавары), среди которых самыми важными были Сакасена (у греч. авторов) – Шакашен (у арм. авторов) и Гардман, ставшая с IV в. территориально-наследственным владением (доменом) династии Михранидов, чьи представители были «первыми великими князьями Албании». Жители области Ути занимались скотоводством, всеми отраслями земледелия – зерноводством, садоводством, овощеводством, выращивали технические культуры – лен, хлопок, цитрусовые и масличные деревья, из плодов которых выжималось масло. Гардман славился своими железными и медными рудами, необходимыми для изготовления оружия и домашней утвари.

В Ути жили утии, гаргары, цавдейцы, которые согласно традиции были потомками мифического албанского предка, эпонима правителя Арана (*Каланкатуйский* I, 4; *Хоренаци*, II, 8; *Асогик*). Это дает основание считать, что утии, гаргары и цавдейцы были одними из коренных древнейших племен в составе албанского союза. Наряду с автохтонным населением, сюда просочился и иранский этнос – саки, которые осели в Сакасене, Михраниды – в Гардмане, что нашло отражение в топонимике. Наименование гаргаров нашло отражение в названии равнины – Гаргарейская равнина (нынешняя Мильская степь),⁵⁸ а также в гидрониме – Гаргарчай. В IV в. в Ути источники фиксируют гуннов (*Хоренаци*, II, 85), а на крайнем западе Ути, на границе с Грузией (в Гугарке – грузинской провинции) зафиксированы в V в. кангары.⁵⁹ В VI в. в одну из областей провинции Ути, Сакасену была переселена большая компактная масса гуннов (савиров).⁶⁰

В I–VI вв. провинция Ути была подвластна албанским царям Аршакидам, а в VI–VIII вв. – Михранидам. В начале IV в. в Ути, как и во всей стране, христианство становится государственной религией. Здесь были два крупных и важных епископства – партавское (бардинское) и гардманское. В V в. Ути подверглась нашествию гуннов (*Каланкатуйский*, I, 29, 30), в 624–628 гг., как и другие провинции, была вовлечена в персидско-византийские войны, а в 629–630 гг. на нее напали хазары (*Каланкатуйский*, II, 10, 11, 14). В 642 г. после персидско-арабских сражений Джевانشир нанес ряд поражений персидским войскам, стоявшим в Ути, и очистил от них провинцию (*Каланкатуйский*, II, 19). В Ути вновь пришли хазары. В 705 г. Ути окончательно была завоевана арабами и включена в подвластную арабам политико-административную единицу Аран. Во второй половине IX в. на территории Арана в числе зависимых от арабов княжеств зафиксирован и владетель Ути. Так, албанский автор Вардан, сообщая о выступлении арабского полководца Буги, пишет: «Буха схватил князей сюникских, Васака с братом Ашотом и великого князя Атрнерсеха в Хаченском округе, гардманского князя Кетритча, а в провинции Ути – Степана Клия, род которого получил название Севко-Ордик от своего родоначальника...».⁶¹ В сочинениях арабских историков и географов языком населения Ути в IX в. назван аранский, т.е. албанский.

Гардман – область, политико-административная единица, расположенная по правобережью Куры, входила в провинцию Ути. В источниках эта область известна как Гардман (древнеарм.), Гирдман (древнеперсидск.), Гардабани (древнегруз.). Относительно локализации этой области имеются три точки зрения. Одни локализуют ее в районе рек Ахсу и Гирдыман (И.Алиев, Ф.Османов),⁶² другие – на территории современного Газахского района (С.Т.Еремян),⁶³ а по мнению третьих – это территория современного бассейна р. Шамхорчай и Кедабекский район (З.М.Буниятов).⁶⁴ Нам представляется, что область Гардман была расположена на северо-западе Албании, на территории правобережья Куры, у границ грузинских земель до притока р. Куры – Храми. Это подтверждается следующими данными Каланкатуйского: «...Джевانشир... перешел через границы своего родного участка на другую сторону р. Куры, в область Капичан» (II, 19);

«...когда хазары напали на Албанию, Джеваншир ...взял дружину и перешел на ту сторону великой р. Куры и вступил с ними в бой...» (II, 23); «... он вышел на день пути выше города – Перожкавата-Партава. Выступил он оттуда с многочисленной толпой, он вступил в область Гардман...» (II, 24). А далее по мере расширения пределов своих владений и усиления своего могущества в Албании Михраниды распространили свои владения и на левый берег Куры (территория современного Исмаиллинского района), в бассейне рек Геокчай – Гирдыманчай – Ахсу. Данные о Гардманском княжестве сохранили албанский историк VII–VIII вв. Моисей Каланкатуйский и раннесредневековые армянские авторы V–VIII вв. – Фавстос Бузандаци, Егишэ, Мовсес Хоренаци.

Гардман занимал важное стратегическое положение на западе Албанского государства. До прихода Михранидов он управлялся местными албанскими правителями (нахарарами). По данным Фавстоса Бузандаци, Гардман в числе Арцаха и Ути входил в состав Армении до 387 г. Однако исследование реалий истории Армении и Албании этого периода показало, что Гардман никогда не входил в состав Армении (см. об этом ниже). В числе армянских областей или же наряду с армянскими областями он зафиксирован в Разрядной грамоте – (табели о рангах) Гахнамаке, в числе же северных областей вместе с Арцахом, Каспианой, Гугарком (в Грузии) Гардман зафиксирован в Воинской грамоте – Зорнамаке.⁶⁵

Согласно легенде, изложенной в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского, население Гардмана произошло от потомков Арана (I, 4). Это значит, что изначально население области было кавказоязычным, автохтонным, албанским, а с V в. и в последующие века здесь усиливаются ираноязычный, а с I в. и тюркоязычный элементы. В IV в. Гардман вместе с другими областями Албании принял христианство и получил албанские письма при князе Хурсе. А на Агуэнском соборе 488 г. среди лиц, скрепивших печатью протоколы, был и Вардан Храбрый, правитель Гардмана. Эта область стала играть важную роль в политической жизни Албании в V–VIII вв., после утверждения и правления династии Михранидов. К этому же периоду и относится экономический и политический подъем этой области, когда она стала наследственным доменом Михранидов.

В Гардмане Михраниды построили Гардманскую крепость, город Михраван и храм. В период раннего средневековья город Гардман был не только центром области, городом-крепостью, но и центром ремесленного производства и торговли.⁶⁶ В религиозном отношении область Гардман была одной из первых церковно-административных единиц (епископств). Епископы Гардмана принимали участие на албанских соборах, а некоторые из них были католикосами албанской церкви (Нерсес-Бакур). В VII–IX вв. область Гардман, как и Байлакан, была родиной движения павликиан, одного из крупнейших народных движений на Востоке, направленного против местных и арабских феодалов и церкви.⁶⁷ В VII в. она в числе других областей Албании оказалась вовлеченной в военные события персидско-византийских войн (624–629); с 653 г. началось завоевание арабами, в 660–664 гг., 684 г. подверглась нашествию хазар. В 705 г., когда Албания попала в полную зависимость от арабов, а Михраниды еще номинально оставались у власти еще одно столетие, территория Албании была разделена на три области – Аран, Мугань, Ширван. Княжество Гардманское в числе других областей Ути вошло в состав Арана.⁶⁸

Историческая провинция Арцах (у арм. авторов) – одна из важных провинций правобережной Албании (нынешн. часть Нагорного Карабаха и часть Мильской степи) характеризовалась развитым земледелием с применением искусственного орошения. Население занималось скотоводством, птицеводством и пчеловодством, разводило мелкий и крупный рогатый скот, особенно славились лошади арцахской – карабахской породы.⁶⁹ Согласно «Армянской географии», Арцах делился на 12 мелких административных единиц. Население его составляли гаргары, утии, гунны, хазары, басилы.

В политическом отношении Арцах в I–VI вв. был подвластен албанским Аршакидам, а в VI–VIII вв. великим князьям Албании – Михранидам. До принятия христианства население Арцаха придерживалось своих старых языческих верований. С принятием христианства государственной религией Албании оно насаждается и в Арцахе.

В деле утверждения христианства в Арцахе и искоренения остатков язычества велика заслуга албанского царя Вачагана III (*Каланкатуйский*, I, 17). В политическом и церковном отноше-

ниях влияние Арцаха в Албании было большим. В Арцахе образовалось несколько епископств. Духовенство Арцаха совместно со светской знатью участвовало во всеобщих албанских церковных соборах (Агуэнский собор 488 г., Партавский собор 705 г.) (*Каланкатуйский*, I, 26; III, 11). Проповедниками христианства к гуннам и хазарам албанские цари посылали представителей из арцахского клира (*Каланкатуйский*, II, 39–45). Многие католиконы Албании избирались из представителей арцахского духовенства. В источниках Арцах именуется «укрепленной областью», «крепкой страной». В VIII в. арабы упразднили в Албании власть Михранидов, и Арцах в составе Албании был включен в состав Омейядского халифата. В IX в. Григори Хамама восстановил разгромленное Албанское царство, в состав которого входил и Арцах (*Каланкатуйский*, III, 21).⁷⁰ После его смерти Арцах вместе с другой албанской провинцией Ути перешел к сыну Григора Хамама – Сааку (Севаде), чье царство длилось до XI в. (*Каланкатуйский*, III, 22). В XII–XIII вв. в Арцахе возвысилось Хаченское княжество, правитель которого Гасан Джалал именовался «царем Албании». В XIII в. в период господства монголов Гасан Джалал заключил с ними союз и верно служил им.⁷¹ После арабского завоевания часть населения Арцаха приняла ислам, часть албан исламизировалась, а другая часть осталась верной христианству вплоть до 1836 г. Это – поздние албаны.

Сюник (*Сисакан*) расположен на крайнем юге Албании, южнее Арцаха. Форма Сюник древнее формы Сисакан. Она упоминается у Евсевия, у Прокопия Кесарийского.⁷²

Персидская форма Сисакан встречается впервые у сирийского автора VI в. Захария Ритора. У него *Sisagan* отдельная от Армении страна, как Аран и *Gurzan*. В армянской литературе Сисакан также выступает позже Сюника. У албанского автора Моисея Каланкатуйского зафиксирована как форма Сисакан, так и Сюник и Сюнестан. Есть точка зрения, что название Сюник имеет этническое происхождение.⁷³

Сюник, согласно «Армянской географии VII в.», состоял из 12 областей. Этнически, культурно и политически он больше был связан с Албанией и Атропатеной, чем с Арменией. В первое объединение албанских племен, видимо, он не входил.⁷⁴ Сюник политически в определенные периоды зависел то от Албании,

то от Атропатены, а временами был самостоятельным⁷⁵

Х.Хюбшман и И.Маркварт вообще считали Сюник албанской областью.⁷⁶

Сюнийский автор VIII в. Стефан Сюнийский отмечал, что и в его время в Сюнике и Арцахе говорили на сюникском и арцахском языках.⁷⁷ Р.А.Ачарян считал, что в формировании армянского народа и армянского языка, кроме урартцев, приняли участие 18 местных народностей, которые имели свои исконные языки. Основываясь на информации Стефана Сюнийского и других армянских авторов, Р.А.Ачарян полагал, что к VIII в. из них уцелели семь языков, в числе которых был и сюнийский.⁷⁸

Н.Адонц и Ст.Малхасянц вынуждены были отметить, что Сюник занимал вообще «обособленное и более независимое от центральной Армении положение как в гражданской, так и в церковной жизни», и что это обстоятельство объяснялось этнической особенностью страны. «Несомненно лишь одно, что албанская окраина Армении, Сюния по населению отличалась несколько от центральных частей Армении. Племенная исключительность ее поддерживалась и обновлялась переселенческими течениями из прилегающих горских стран».⁷⁹

Ст.Малхасянц считает, что «здесь дольше, чем где-нибудь в другой части Армении, просуществовало феодальное устройство в лице карабахских меликов».⁸⁰

В источниках и эпиграфике при перечне кавказских стран, Сюник фигурирует официально самостоятельно. Так, он зафиксирован в надписи III в. – Каабе-Зардушт, в надписи персидского царя Шапура I [«Атропатена, Армения, Иберия, Сюник, Албания...»]. Сюник экономически и политически был сильной областью. Располагая мощной конницей (около 20 тыс.), в воинской разрядной грамоте (зорнамаке) Сюник занимал первое место.

С Сюником вынуждены были считаться как персидские Аршакиды, так и Сасаниды. Охрану дербендских проходов они временами поручали Сюнику.⁸¹ Источники (*Моисей Каланкатуйский*, I, 4; *Моисей Хоренаци*, II, 8; сюникский автор *Степаннос Орбели*) связывают появление первого царя в Албании в I в. н. э. с родом Сюник. Они сообщают, что парфянский царь Валаршак главой над Албанией поставил Арана из рода Сисакана. Этот же Валаршак в I в. предоставил роду Сисакан право высшей коман-

ды над царскими войсками с тем, чтобы они охраняли кавказские ворота, именуемые первоначально «Сисан».⁸² Сохраняя свое независимое положение, сюникские князья до 387 г. были блешахами, предводителями войск Армении, а в период марзбанской Армении сюникские князья назначались со стороны персидских царей Сасанидов марзбанами Армении (V в.), они также осуществляли контроль и над Иберией (V в.).⁸³ В источниках VI в. наблюдается политическая и конфессиональная изолированность Сюника от Армении, который в это время придерживался несторианства. В борьбе Персии с Византией Сюник избрал себе сюзереном персидского царя Хосрова Ануширавана. В 591 г. «владелец Сюника восстал, отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он архивы Сюникской земли перенес из Двина в город Пайтакаран и их город внес в границы Атрпатакана, чтобы имя армян было снято с них. Приказ был приведен в исполнение».⁸⁴ Здесь, как было отмечено, под Атрпатаканом следует понимать Албанию, ибо Пайтакаран в это время уже входил в состав Албании. В церковно-иерархическом отношении церковь Сюника подчинялась Албанской Церкви, албанские католикосы обладали правом рукоположения сюникских епископов. Армянские католикосы оспаривали это право (*Каланкатуйский*, II, 48).⁸⁵

В 591 г. после нового раздела Армении между Персией и Византией Хосров II оставил себе Васпуракан, Сюник и область Двин, уступив Маврикию большую часть Армении.⁸⁶ Будучи непосредственным вассалом Сасанидов, Сюник политически подчинялся, видимо, и албанским Михранидам (*Каланкатуйский*, II, 19, 28). Ко времени вторжения арабов Аран (Албания), Сюник и часть Грузии принадлежали хазарам.⁸⁷ Во время арабского вторжения сюникцы вместе с албанами и армянами участвуют в сборах персидского войска против арабов.

В 654 г. Сюник вместе с Албанией, Иберией и Арменией подвергся нашествию арабов. В начале VII в. во время церковно-иерархических и догматических споров Сюник добился для своей церкви чина митрополита (*Каланкатуйский*, II, 48). В течение VIII в. он продолжал быть самостоятельной периферийной областью Албании. Албанский великий князь Джеваншир породнился с сюникским домом, женившись на дочери сюникского князя

(*Каланкатуйский*, II, 19). Халиф отдал в подчинение Джеванширу Сюник (*Каланкатуйский*, II, 28). Во второй половине IX в. на территории Арана в числе других зависимых от арабов княжеств было и сюникское княжество. В IX в. во время нашествия на Сюник араба Севады сюникский князь Васак обратился за помощью к Бабеку, который разбил Севаду и женился на дочери сюникского князя (*Каланкатуйский*, III, 19). В XII в. Сюник стал объектом сельджукского завоевания.

Одной из областей Сюника (одиннадцатым гаваром), согласно данным сюникского автора XIII в. Степанноса Орбели, считались Еринджак и Гохтан, а центром Сюника был Нахичеван (*Степаннос Орбели*, гл. II).^{*} Гохтан – это нынешний Ордубадский район Азербайджанской Республики. Нахичеван – одна из древних областей и городов Азербайджана. Он расположен на левом берегу р. Аракс, о котором сохранились сведения у армянских авторов V–VII вв., XIII–XVII вв., албанских авторов VIII–XIII вв., XVII–XIX вв., у персидских и арабских историков и географов IX–XIII вв.

Согласно «Армянской географии VII в.», будто бы Нахичеван вместе с Гохтаном являлись двумя областями крупной провинции Большой Армении – Васпуракан, расположенной на правом берегу р. Аракс. Нахичеван считался 34-й областью, а Гохтан – 33-й. Однако в «Армянской географии» ничего не сказано о длительности их пребывания в этом составе. Относительно Васпуракана сказано, что это восьмая провинция Великой Армении. Дело в том, что это сообщение «Армянской географии» совершенно не соответствует реальной истории Армении. В I в. до н. э. Великая Армения перестала существовать. В 387 г. Армения была поделена между Римом и Персией. В 428 г. в Персидской Армении была упразднена царская власть, т.е. она стала персидским наместничеством, провинцией. Территория области Васпуракан стала именоваться Васпураканом не ранее VI–VII вв., а до этого (I–VI вв.) северо-западная ее часть именовалась Мардпетаканом.⁸⁸ И потому на картах С.Т.Еремяна (II в. до н. э. – VI в. н. э.) нет области Васпуракан. *С.Т.Еремян в своем исследовании «Армения по Ашхарацуйц»'у считает, что деление Армении на пятнад-*

^{*} В "Ашхарацуйц"-е, изд. Еремяном С. Т., Еринджак числится первым гаваром Сюника, а Гохтан неправомерно зачислен в провинцию Васпуракан.

*цать провинций произошло в 591 г., при императоре Маврикии.*⁸⁹ Согласно договору 591 г., заключенному между Византией и Персией, Армения вновь была поделена. Хосров уступил Византии значительную часть персидской Армении, и из центральных областей бывшей Восточной Армении остались за Персией только часть Айрарата и Васпуракан,⁹⁰ т.е. за Персией сохранились Васпуракан, Сюник и Двин (наханги № № 8, 9); наханги № № 10, 11, 12 – Арцах, Пайтакаран и Ути, согласно С.Т.Еремяну, были в составе Албании; № 13 – Гугарк – у Иберии. Следовательно, из 15 нахангов за Византией сохранились 9, т.е. большая часть Армении.

Относительно труда Анания Ширакаци «Ашхарацуйц» («Армянская география VII в.») следует принять во внимание, что переписчики, как отмечали исследователи, на протяжении веков подвергали значительным изменениям первоначальный текст, вносили сокращения, прибавляли новые абзацы, заменяли древние географические названия новыми, допускали искажения и т. п.⁹¹

Таким образом, деление Армении на 15 нахангов не отражает истинной картины политической жизни Армении II в. до н. э. – V в. н. э., т.е. периода существования армянской государственности, а характеризует период VI в., когда Армения была поделена между двумя империями и эти кантоны (области) были чисто географическими понятиями, а не политическими.

В издании Анания Ширакаци, осуществленном А.Г.Абрамяном и Г.Б.Петросяном, сказано, что в основе этого членения лежит не политико-административное деление, а естественно-географический ландшафт.⁹² Неудивительно, что албанские области Нахичеван и Гохтан [Ордубад. – Ф.М.] включены при делении между Персией и Византией в состав Васпуракана, хотя этнические, языковые, политические и культурные судьбы этих областей резко отличались от судеб всего Васпуракана.

Таким образом, получается, что в VI–VII вв. (после 591 г.) области Васпуракан, Сюник и Двин политически находятся непосредственно под властью Персии. Историк Васпуракана Фома Арцруни (IX в.), хорошо осведомленный о его топографии, сообщает, что земли Васпуракана были поделены между двумя братьями – Гагиком и Гургеном. Он приводит перечень васпуракан-

ских областей, разбивает их на две части – северо-западную и юго-восточную. Примечательно, что в этих двух частях отсутствуют два гавара – *Гохтан* и *Нахичеван*. Это отсутствие объясняется Фомой Арцруни тем, что Нахичеван за 210 лет, а Гохтан за 186 лет до того отпали от Васпуракана⁹³ (т.е. от IX в. минус 210 лет и 186 лет = VII век). Получается, что области Нахичеван и Гохтан были в составе Васпуракана с 591 г., т.е. когда Армения была поделена на 15 провинций, по VII в. Сведения о Нахичеване и Гохтане I в. до н. э. – II в. н. э. мы черпаем у Моисея Хоренаци: Тигран поселил маров «до пределов Гохтана, ...наступив против крепости Нахчаван»;⁹⁴ Вагаршак утверждает родоначальника Хайра-мардпета на землях от Атропатены до Нахичевана (II, 7, с. 58); «Гохтанцы – суть выходцы, происшедшие от Сисака» (II, 8, с. 60); правителем Нахичевана был Аргам (I в.), домовладыка племени мурацанов, из потомков Аждахака, который имел «многочисленную пехоту копьеносцев». Во время войны между двумя претендентами на армянский престол – Еруандом и Арташесом (I в.) этот Аргам поддерживал то одного, то другого (II, 44, с. 93; II, 46, с. 94); Аргам в «легенде называется Аргаваном» (II, 51, с.100); Арташес (I в.), армянский царь, «жалует Аргаму... обещанное второе место, также венец, усыпанный яхонтами, пару серег для ушей, красную обувь для одной ноги...» (II, 47, с. 96); но преемник Арташеса, Артавазд (II в.) «лишил их (драконидов – потомков Аждахака) второго места, он отнял у них также Нахчаван и все деревни, лежащие на севере от Ерасха... Сыновья Аргама... восстали против него войной; но царевич, одержав верх, истребил всех чад Аргама» (II, 51, с. 100). По словам Хоренаци, в Гохтане были рапсоды, в песнях которых сохранились данные об Аргаване (Аргаме), Арташесе, Аждахаке (I, 30).

Если верить Хоренаци, то из рассмотренных выше фрагментов явствует, что жителями Нахичевани (I–II вв.) были не армяне, а мары [курды. – *Ф.М.**], а правителем области был родоначальник мурацанов Аргам. Далее, из слов Хоренаци, впоследствии подтвержденных и Степанносом Орбели (гл. V, с. 13–15), вытекает, что между жителями Гохтана и остальной Албании (утийцами, гардманцами, цодейцами) было генетическое родство, у них был общий эпоним – Сисак. Что же касается слов Хоре-

* Армянские источники XIII–XIX вв. страной маров называют Курдистан.

наци о том, что Артавазд (нач. II в.) отнял Нахичеван и деревни к северу от Аракса, то это не подтверждается ни армянскими реалиями II в. (о чем изложено в «Исторической географии»), ни албанскими. Относительно пребывания Нахичевана и Гохтана в это время в составе Армении противоречат данные самого Хоренаци (II, 8), а также Каланкатуйского (I, 4), сообщающих, что в I–II в. н. э. территория Албании на юге простиралась от р. Аракс, на западе до крепости Хунаракерт (на границе с Грузией), на севере – до Дербента – Чола. Следовательно, Нахичеван, Гохтан и Сюник, расположенные на левом берегу р. Аракс, входили в состав Албании.

О Гохтане I–II вв. сообщает и Степаннос Орбели, согласно данным которого апостол Варфоломей начал проповедь христианства в Сисакане, в одной из его областей – Гохтане, построил здесь церковь, рукоположил одного из учеников своих по имени Кумси в епископы Гохтана. И только после этого Варфоломей отправился в столицу Армении г. Двин (*Ст. Орбели*, гл. III).

О Гохтане и Нахичеване IV в. сообщают Фавстос Бузандаци и Корюн. У Фавстоса Бузандаци при описании событий, происшедших в Армении в IV в., при взятии персами ряда армянских городов (Вагаршапат, Ервандашат, Зарехаван, Заришат, Ван), полонении в них нескольких тысяч армянских и еврейских семейств сообщается следующее: «А в это время персы разрушили эти города, пленили их жителей, с ними вместе всю армянскую страну и области. Из всех этих областей, краев, ущелий и стран вывели они пленных всех в город Нахичеван, который был средоточием их [персидских] войск. Этот город они тоже *взяли* и разрушили и оттуда вывели две тысячи семейств армян и шестнадцать тысяч семейств евреев и увели вместе с другими пленными» (*Фавстос Бузандаци*, IV, V).

Последовательность перечня городов, захваченных персами, путь их движения не оставляют сомнений, что в контексте речь идет о Нахичеване на Араксе, т.е. об албанском Нахичеване.⁹⁵ Как видно из текста, армянское население в Нахичеване было незначительным, да к тому же нет никаких намеков на то, что город Нахичеван в это время был армянским. Это единственное упоминание г. Нахичевана у Фавстоса Бузандаци. Сведения о Гохтане V в. сохранились у Корюна.

По Корюну, изложены два этапа проповеднической миссионерской деятельности Маштоца в Гохтане: 1) устная проповедь Евангелия Маштоцем до изобретения им армянского письма (*Корюн*, V); 2) проповедь христианства после изобретения Маштоцем армянского письма (*Корюн*, XIII). В первый период своей миссионерской деятельности Маштоц посетил Гохтан: «Взяв с собою вверившихся ему лиц, блаженный Маштоц направился и прибыл в *беспризорные и беспорядочные и неисправимые места Гохтана...* блаженный незамедлительно принялся за проповедь Евангелия и *охватил весь район и вызволил всех жителей из-под влияния языческих преданий предков и дьявольского преклонения сатане*, привел их в повиновение Христу».⁹⁶ Маштоц посетил Гохтан и во второй период своей миссионерской деятельности. «По своему обыкновению [Маштоц], принимаясь за свое учение... наполнил этот гавар благовестью Христова Евангелия. И поставил во всех селах гавара чин святых монахов».⁹⁷ Но из этих фрагментарных данных о проповеди Маштоца в Гохтане все же нельзя сделать никакого вывода о том, что Гохтан – это армянская область, ибо согласно армянской традиции, которая не находит подтверждения в науке (см. открытия Зазы Николаевича Алексидзе), проповедью христианства Маштоц занимался как в Армении, так и в Грузии и в Албании. К тому же Корюн сообщает о Гохтане с таким пренебрежением – «беспризорные и беспорядочные и неисправимые места Гохтана», т.е. как о чуждых землях.

О проповеднической деятельности Маштоца в Гохтане сообщает и Хоренаци (III, 47). «Здесь [в Гохтанской области] при помощи правителя этой области, называемого Шабитом, Месроп искоренил языческий раскол...».

Итак, с I по VI вв. Нахичеван и Гохтан, как верно отмечал Степаннос Орбели, были в составе Сюника и являлись албанскими областями. А по договору 591 г. они в составе Васпуракана вместе с Сюником политически были подчинены непосредственно Персии, что связано с общей политикой Сасанидов – образованием Северного Куста, куда наряду с Арменией, Иберией, Албанией, Атропатеной вошли Васпуракан и Сюник. Это связано также с упразднением в Албании государственности, ликвидацией власти албанских Аршакидов. В связи с этими событиями

данные Арцруни об отделении от Васпуракана областей Гохтан и Нахичеван в VII в. получают верное осмысление. В период господства Михранидов, т.е. восстановления государственности Албании, Гохтан и Нахичеван отошли к Албании, и граница вновь проходила по р. Аракс.

Рассмотрим, что о Нахичеване сообщают источники IX–XIII вв.

Согласно персидским источникам, Нахичеван расположен в Азербайджане. Арабские географы также считают его городом Азербайджана или Арана. Так, Якут Хамави (IX в.) писал: «Нашава [Нахичеван] в Азербайджане, некоторые полагают, что в Аране, недалеко от Армении».⁹⁸

Арабские источники связывают возникновение города Нахичевана с именем персидского царя Хосрова I. В VI–VII вв. в Нахичеване находился монетный двор, где чеканили монеты от имени Хосрова I, что связано с включением Нахичевана в Северный Кавказский Куст.

В течение VII в. во время персидско-византийских войн Нахичеван подвергался нападениям со стороны то сасанидских войск, то византийских. Согласно данным албанского автора Моисея Каланкатуйского (III, 16), Вардана Великого, армянских авторов Гевонда (гл. VI), Асогика, Арцруни,⁹⁹ полководец халифа Мухаммед ибн Марван завлек всех не сдавшихся в плен армянских предводителей (800 человек) и приказал правителю Нахичевана Хишаму запереть их в церкви и сжечь.

В конце IX – до 30-х годов X вв. Нахичеван входил в состав владений Саджидов, а затем отошел к Саларидам.¹⁰⁰ С 80-х годов X в. Нахичеван – столица отдельного феодального самостоятельного владения, именуемого «Нахичеванским царством»,¹⁰¹ во главе которого становится династия Абу Дулафидов (арабского происхождения). Согласно автору Асогику, правитель области Гохтан Абу Дулаф в 982 г. после взятия в плен последнего правителя государства Саларидов – Абу-л-Хиджа ибн Ибрагима захватил земли Басфураджана, Двин и Нахичеван и заложил основы феодального владения, именуемого «Нахичеванское царство»,¹⁰² которое просуществовало до 1064 г. После Нахичеван попадает под власть Сельджуков, в XII в. – Ильдегизидов, а в XIII–XV вв. – под власть монголов.¹⁰³

В монографии Аргамы Айвазяна «Историко-архитектурные памятники Нахичевана»¹⁰⁴ автор утверждает, что Нахичеван – исконно армянская область. В пользу своего тезиса он выдвигает следующие доводы:

1. Нахичеван с древнейших времен до IX в. входил в состав Васпуракана – области исторической Армении. В начале X в., освободив Нахичеван от арабских эмиров, царь Багратуни I отдал его сюнийским князьям.

Выше было отмечено, что Васпуракан как территориально-географическая область образовалась в VI в., а Нахичеван с первых веков н. э. по VIII в. был областной территорией Албании. И если даже верить тому, что «Багратуни вручил Нахичеван» сюнийским князьям, то опять-таки получается, что это не Армения. Сюник – периферийная албанская область. И вообще, территориально Нахичеван почти всегда входил в состав Сюника. Неудивительно, что Степаннос Орбели, как было отмечено, называет Нахичеван центром области Сюник, южная граница которой была смежна с северной границей Васпуракана.

2. Айвазян пишет, что «с большим архитектурным мастерством построены многочисленные монастырские комплексы и церкви XII–XVII вв. Необходимо отметить, что наиболее распространенным типом этих культовых памятников являются четырехстолбовые купольные трехнефные базилики, которые по своим архитектурным решениям подобны сооружениям Сюника, Васпуракана».¹⁰⁵ В данном положении Айвазяна нет увязки, а также нет логики с его исторической справкой относительно Нахичевана. Если верить Айвазяну, что Нахичеван с древнейших времен до IX в. н. э. был областью исторической Армении, то почему в таком случае христианские памятники с армянской эпиграфикой, имеющиеся в Нахичеване, датируются XII–XVII вв., а не раньше? Это объясняется просто – в Нахичеване не пользовались армянским письмом, и христианские памятники архитектуры XII–XVII вв. – это памятники не армянского населения, проживающего в Нахичеване, а албанского населения, которое подчинялось своему албанскому католикосу и самостоятельной Албанской Церкви, просуществовавшей до 1836 г. И нет ничего удивительного в том, что архитектурное решение нахичеванских церквей имеет аналогии с сюникскими и васпураканскими

церквями XII–XVII вв.

3. Айвазян также сообщает: «Необходимо отметить то обстоятельство, что большое наличие в одном из древнейших центров – Гохтане (Ордубаде) кленов или восточных чинар не случайное явление. Известно, что это любимая порода деревьев армянского народа и одна из тех, которые в период язычества почитались у армян как священные». Таким «методом» можно доказать что угодно.

§ 2. Территория, политические границы Албании (III в. до н. э. – VIII в. н. э.)

Есть все основания полагать, что территория Албании как в античный период, так и в раннее средневековье была в одних и тех же пределах. На севере территория Албании простиралась до Дербента, на юге до Аракса, от Иберии на западе до Каспийского моря на востоке. По сообщению синхронных источников VII–VIII вв., т.е. албанского автора Моисея Каланкатуйского (I, 4) и армянского историка Мовсеса Хоренаци (II, 8), как было нами отмечено, южная граница Албании в I в. н. э. проходила по р. Аракс. Албанский историк отмечает, что пределы Албании без изменения сохранялись до VII–VIII вв. (*Каланкатуйский*, II, 21).

Однако с IV–V вв. в связи с изменившимися внешнеполитическими событиями – проникновением с севера кочевников (барсил, гуннов) – политико-культурный центр Албании перемещается с левого берега Куры на правый. Столица и патриарший центр из Кабалы переносятся в Партав. И по этой причине значение правобережной Албании в IV–VIII вв. по сравнению с левобережной возросло.

Как известно, в науке существует мнение, что до 387 г. южная граница Албании проходила по р. Куре, т.е. провинции Арцах, Ути и Пайтакаран (правобережье Куры) принадлежали Армении, и только после 387 г. они отошли к Албании. Идея эта принадлежит мхитаристу М.Чамчяну, выдвинувшему ее еще в 1784 г.¹⁰⁶ Имеется несколько поздних попыток обосновать это положение.

Согласно одной точке зрения, из трех албанских областей

– Ути, Арцах и Пайтакаран только Пайтакаран был завоеван во II в. до н. э. армянским царем Арташесом I и был в составе Армении фактически до 338 г., а затем стал албанским. А две другие области правобережья Куры – Арцах и Ути – исконно были армянскими и только после 387 г. отошли к Албании.¹⁰⁷

Это положение было выдвинуто в 1963 г., причем автор этой точки зрения С.Т.Еремян в 1951–1952 гг. в атласе, изданном к книге «История армянского народа» (ч. I), в состав Албании II в. до н. э. включал области как левобережья, так и правобережья Куры. Согласно этому атласу, по правому берегу албанскими областями были Сакасена, Отена (Ути), Каспиана (Пайтакаран) и Орхистена (Арцах). По этому атласу, в I в. до н. э. Тигран II отвоевал у Албании все правобережье Куры, т.е. области Сакасену, Отену, Орхистену и Каспиану, которые пребывали в составе Армении по договору 66 г. до н. э., заключенному между Тиграном II и Помпеем, как считает автор атласа.

Согласно другому суждению, области Арцах и Ути были завоеваны и присоединены к Армении в I в. до н. э. Тиграном II, а по договору 387 г. они были поделены между персами и римлянами и присоединены к их владениям. А о Пайтакаране – ни слова.¹⁰⁸ Согласно третьему мнению (К.В.Тревер), области Арцах, Ути, Пайтакаран и Сакасена, т.е. все правобережье, были захвачены во II в. до н. э. армянским царем Арташесом I и оставались в составе Армении до 387 г., а затем были воссоединены с Албанией. Следовательно, эти области исконно были албанскими.¹⁰⁹

По суждению же Ш.Мнацаканяна и Б.Улубабяна, Арцах, Ути, Пайтакаран изначально были областями Армянского царства. Только по договору 387 г. они были присоединены к Албании, которая до 387 г. занимала лишь левый берег Куры, т.е. южная граница Албании проходила по р. Куре.¹¹⁰ Отсутствие единого мнения по рассматриваемому вопросу говорит о сложности и необходимости его доисследования.

Авторы первых трех концепций основывались главным образом на данных «Географии» Страбона, армянского автора V в. Фавстоса Бузандаци и «Армянской географии VII в.». Изучение данных Страбона показало, что армянским царем Арташесом I из албанских земель был завоеван лишь Пайтакаран (Каспиана).

«Говорят, – сообщает Страбон, – что вначале Армения была мала, но что она увеличена была войнами Артаксия (Арташес) и Зариадром... Они расширили пределы своих владений, отрезавши куски земли у соседей окружающих народностей, а именно: у мидийцев отняли Каспиану, Фавнитиду, Басоропеду; у иберов – склон горы Париадра, Хорзену, Гогарену, лежащую по ту сторону Куры...».¹¹¹

Основываясь на данном отрывке из Страбона, К.В.Тревер делает далеко идущий вывод: «Во II в. до н. э. армянский царь Арташес I (189–170) присоединил к Армении ряд соседних областей, в том числе и правобережье Куры, где обитали шаки, утии и гаргары – албаны... С той поры пограничной рекой между Албанией и Арменией античные авторы называют Куру».¹¹² Между тем из сообщения Страбона можно сделать вывод о том, что Арташесом I была завоевана только Каспиана. Относительно этой области у Страбона нет последовательности – он то связывает Каспиану с Мидией, считая ее отторгнутой областью Мидии, то связывает с Албанией, сообщая, что «в стране албан имеется Каспиана, названная, как и люди, по имени народа каспиев, ныне исчезнувших».¹¹³

Как уже было отмечено, некоторые связывают области Ути и Арцах с завоеваниями Тиграна II. Рассмотрение греческих и римских источников убеждает, что завоевания Тиграна II не коснулись албанских земель. Тигран II, объединив западную и восточную Армению, отвоевал у парфян 70 долин, уступленных Арменией. Долины эти, по мнению Дж. Маркварта, представляли те области, которые были завоеваны Арташесом II в северо-западной Атропатене.¹¹⁴

В 70-х годах до н. э., кроме собственно армянских земель, в состав Армении Тиграна II входили Атропатена, Северная Месопотамия, Кордуена, Сирия, Адиабена, Финикия, Восточная Киликия.¹¹⁵ После поражения, понесенного Тиграном II от Лукулла и Помпея, государство его пало. Согласно условиям мирного соглашения 66 г. до н. э. Тигран II отказался от всех своих завоеваний. Помпей сохранил за ним «все унаследованное им царство, а приобретенные им самим земли отнял...». Из завоеванных им земель под власть Армении были оставлены лишь Северная Месопотамия и Кордуена. Таким образом, Армянское

государство сохранялось в пределах Армянского нагорья. Если даже допустить, что Арцах и Ути были завоеваны Тиграном II, то после падения его государства эти области в числе других завоеванных территорий должны были отпасть от Армении. Очевидной становится несостоятельность мнения, что Арцах и Ути были завоеваны Тиграном II.

Территория Армении, официально утвержденная договором 66 г. до н. э., сохранилась без изменения до 37 г. н. э., когда по конвенции, заключенной между Римом и Парфией, от Армении к Парфии отошли Северная Месопотамия и Кордуена. Границы Армении 37 г. официально были признаны по договору 298 г. и оставались без изменения до 387 г.¹¹⁶ В этих договорах ничего не сказано об албанских областях. Что же касается албанской области Каспианы, то, основываясь на сообщении Страбона (XI, 7, 1) о том, что по берегам Каспийского моря после албан живут армяне, С.Т.Еремян приходит к категорическому выводу, что «часть Каспийского побережья входила (по крайней мере, политически) в пределы Великой Армении».¹¹⁷ Этот вывод не внушает доверия, ибо, следуя логике С.Т.Еремяна, следовало бы области расселения других этнических групп (саков, парнов) на территории Албании отнести политически к Сеистану и Парфии.

Последняя точка зрения о южной границе Албании, проходящей по р. Куре, основывается главным образом на данных греко-римских (*Страбон*, XI, 8, 4; *Плутарх*, *Помпей*, XXXIV; *Дион Кассий*, XXXVI, 56; *Аппиан*, 103) и армянских авторов V–VIII вв., некритическом доверительном отношении как к источникам, без попытки выявления их достоверности, так и сложившейся армянской традиции, при полном игнорировании данных албанского историка VIII вв. Моисея Каланкатуйского.

Следует отметить, что сообщению Страбона (XI, 8, 4) о Сакасене как армянской области противоречат другие его данные, в частности о том, что р. Кура протекает через Албанию (XI, 4, 2). А ведь это логически подразумевает нахождение двух берегов ее (левого берега и правого берега) на территории Албании. Противоречий у Страбона выявлено очень много. Это объясняется тем, что он пользовался разными противоречивыми источниками, «некритически использовал сообщения лиц, очень короткое время бывших в Албании и потому плохо осведомленных».¹¹⁸ [А ис-

точники Страбона – Феофан Митиленский, Деллий и др.]. Сам Страбон вынужден был признаться относительно достоверности Посидония (один из его источников), одного из участников римского похода: «Я не представляю себе, как можно доверять Посидонию в отношении неизвестного (о чем он не может сказать ничего правдоподобного), если он и об известном говорит так неразумно, тем более, что он был другом Помпея, который совершил поход на иберийцев и албанцев» (*Страбон*, XI, 1, 6).

Пользуясь выписками из Патрокла, которые имелись у Эратосфена, Страбон приходил, как верно отметил Э.Хонигман, к «несправедливым и легковерным обобщениям».¹¹⁹

Относительно же отдельных данных Плиния (VI, 11; VI, 16; XII, 28), Аппиана (103), Диона Кассия (XXXVI, 54), Плутарха (*Помпей*, XXXIV), согласно которым южной границей Албании представляется р. Кура, то следует принять во внимание, что сведения и этих античных авторов, как известно, взяты также у Патрокла, Эратосфена, очень мало знавших Закавказье,¹²⁰ а также у участников римских походов в Закавказье, чьей целью было преследование понтийского царя Митридата, а вовсе не изучение Албании. К тому же данные эти относятся к I в. до н. э. – II в. н. э., а хронологические рамки исследуемого вопроса – II в. до н. э. – IV в. н. э. Нам представляется, что не следует переоценивать данные античных авторов в интересующем нас вопросе, ибо их информация носила случайный, противоречивый характер и вполне могла быть не точной. Вспомнить хотя бы сообщение Плиния (IV, 10, 39) и Солина о «покорении» Александром Македонским Иберии, Албании и «переправе» через Тавр и Кавказ...

В.В.Бартольд, давая оценку античным литературным источникам, писал: «Беда в том, что греческие оригиналы мы имеем в очень позднем виде, после того, как они подверглись обработке; они представляют из себя часто просто компиляцию без всякой критики сопоставляемых известий, поэтому ко всем им приходится относиться с большой осторожностью».¹²¹

Не вызывает также сомнений, что албанский автор Моисей Каланкатуйский, написавший «Историю албан», знал и изучил историю и географию своей страны несомненно лучше, чем римляне во время своего кратковременного похода против понтийского царя. О южной границе Албании в I в. н. э. албанский

автор сообщает: «...Некто из рода Сисакан, из потомков Иафета (Аран), который наследовал поля и горы Албании от реки Ерасха (Аракса) до крепости Хнаракерт» (*Каланкатуйский*, I, 4). Синхронный с албанским армянский автор Мовсес Хоренаци (II, 8) также сообщает о I в. н. э.: «...О роде Сисака, которому выпала в наследство Албанская равнина с ее горной частью, начиная от реки Ерасха до крепости, называемой Хнаракертом...». Итак, южная граница Албании в I в. н. э. проходила по р. Араксу, а не по Куре.

Думается, что только исследование местных синхронных источников, изучение реалий Албании, Армении того времени, соположение источников, большее предпочтение данным албанского автора поможет в воссоздании исторической географии Албании исследуемого времени.

Рассмотрим, каково было реальное положение Армении и Албании, и как последующий ход событий от 66 г. до н. э. до 387 г. отразился на судьбах Армении и Албании и действительно ли в этот период границы Армении оставались незыблемыми.

Как известно, Армения после 66 г. до н. э. и при преемнике Тиграна II Артавазде II вынуждена была объявить себя «другом и союзником римского народа», что фактически означало признание полной зависимости от Рима.¹²²

Что же касается Албании, то ее зависимость от Рима должна была носить номинальный характер, «принимая во внимание и территориальную отдаленность Албании и свободолюбивый нрав ее населения, и весь ход последующих событий»¹²³ и, главное, ее стратегическое положение (наличие Албанских ворот).

О реальном положении Албании в I в. до н. э. (66–65 гг. до н. э.), после походов Помпея на Албанию интересные данные сообщают Плиний (VII, 27, 3), Плутарх (*Помпей*, XXXV), Аппиан (гл. 117). Плутарх перечисляет участников в числе царственных пленников в триумфальном шествии, устроенном в честь Помпея: сын армянского царя Тиграна с женою и дочерью, жена самого царя Тиграна II Зосима, а также царь иудеев Аристокбул, сестра царя Митридата, его пятеро детей и скифские жены; шли также заложники албанов и иберов...».

Но Аппиан, описывая триумф Помпея, называет этих заложников (албанов и иберов) термином «гегемоны», т.е. предво-

дители, вожди, повелители, «... предводителей (гегемонов) от иберов – троих и от албанов – двух... Несли также доску с надписью... побеждены цари Тигран армянский, Арток иберский, Оройс албанский, Дарий мидийский...».

Исходя из сообщений Плутарха и Аппиана,¹²⁴ можно уверенно заявить, что ни албанский царь Оройс, ни иберийский царь Арток, в отличие от Тиграна II, его семьи в триумфе Помпея не принимали участия, т.е. могли себе такое позволить. Это свидетельствовало о том, что римлянам не удалось включить Албанию и Иберию в состав Римской империи в качестве провинции.

О политической судьбе Армении 30–20-х годов ценные данные представляют нумизматические памятники, впервые сообщающие об оккупации Армении, падении царства, прославляющие римские победы над Арменией. На монетах, посвященных завоеванию Армении римскими войсками при Августе, Армения аллегорически изображена в виде покоренного быка или молодого царя, умоляющего о пощаде пленного армянского воина, связанного по рукам и ногам.¹²⁵

В начале I в. н. э. Армения была отдана римским императором Августом правителям Атропатены. В «Деяниях» Августа (27, 2) сказано: «Армению Великую после убийства ее царя Артакса (20 г. до н. э. – *авт.*), хотя я мог сделать ее провинцией, я предпочел по примеру предков наших передать это царство Тиграну (Тигран III: 20–6 г. до н. э. – *авт.*) ...И этот же народ после того отпавший и возмутившийся, усмиренный моим сыном Гаем, я передал под управление царю Ариобарзану, царя медов Артабаза сыну, а после его смерти сыну его Артавасду».¹²⁶

Согласно данным Диона Кассия и Тацита, в 35–50-х годах н. э. Арменией управляют иберийские царевицы.¹²⁷ Весь период I в. до н. э. – II в. н. э. в Армении постоянно находились оккупационные римские войска, начальники которых и были фактическими хозяевами страны.¹²⁸ С их помощью с 59 г. н. э. царями Армении были то римские, то парфянские ставленники. Согласно соглашению 63 г., заключенному между Римом и Парфией, устанавливалась двойная зависимость Армении. Она становилась уделом младшей линии парфянского царского дома и фактически зависимым от Парфии государством. Формально царь Армении считался вассалом римлян и от них должен был получить

царскую корону.¹²⁹ Так, в 65 г. н. э. Трдат I, армянский царь, не смотря на свое происхождение из парфянского дома, получил власть из рук римского императора.¹³⁰

Что же касается Албании, то здесь в период с I в. до н. э. по 63–64 г. н. э. продолжали царствовать местные цари как в Иберии, так и в Атропатене. А после 63 г. в Албании и Иберии утвердились младшие ветви династии Аршакидов.

Находившаяся до 114 г. н. э. под верховенством парфян Армения была от них отторгнута и объявлена в 115 г. римской провинцией.¹³¹ Интересные данные об этом находим у историков IV в. – Евтропия и Феста. Римский император Траян, как сообщает Фест, «отнял обратно от парфян Армению, уничтожил венец, лишил царя Великой Армении власти. Дал албанам царя: принял в римское подданство иберов, боспорцев и колхов».¹³² Следовательно, за исключением Албании, весь Кавказ был приведен в подчинение Риму.¹³³ «Из числа закавказских народов албаны более других сохранили свою независимость и не примкнули окончательно к числу римских союзников».¹³⁴

В свете сказанного большой интерес представляют римские монеты, выпущенные в 115–117 гг., относящиеся ко времени походов Траяна и римской оккупации Армении. На этих монетах Армянское государство изображено аллегорически в образе женщины, сидящей под ногами римского императора, что несомненно отражает политическое порабощение армянского царства.¹³⁵ На монетах Марка Аврелия и Люция Вера 60-х годов II в. Армения также изображена либо в образе женщины, либо плененного воина.¹³⁶

Преемник Траяна Адриан восстановил на армянском престоле династию Аршакидов.¹³⁷ Тем не менее вплоть до 185 г. римские войска стояли в Армении и *magister militum* Траян и другие имперские офицеры находились при дворе армянских царей даже во времена армянского царя Папа (369–374). Армения продолжала платить подати Римской империи до 358 г.¹³⁸

До III в. аршакидские цари в Армении не имели наследственного права на престол, что является одним из основных атрибутов государственности. Они являлись представителями Парфянского царства, занимавшими армянский престол с согласия Рима. Не обладая политической независимостью, Армянское

царство Аршакидов, естественно, не имело собственной монеты.¹³⁹

Положение Албании в это время было несравненно лучше, чем Армении. Если даже ей иногда и приходилось придерживаться римской или парфянской ориентации, то самостоятельность свою она никогда не теряла. Албания как суверенное государство еще в III–I вв. до н. э. чеканила свои серебряные монеты, подражающие тетрадрахмам и драхмам Александра Македонского. Денежное обращение страны в античное время достигло высокого уровня.¹⁴⁰ Весь этот период I в. до н. э. – IV в. н. э. внешне- и внутривосточная ситуация не благоприятствовала Армении. При такой ситуации, когда Армения находилась в зависимом положении, мало вероятно, чтобы ее границы оставались без изменения. Если даже допустить, что албанские области Ути, Арцах и Пайтакаран были действительно завоеваны Арменией, то в этот период, т.е. в период ее политического ослабления, эти области отпали бы от Армении или же албанские цари вернули бы их себе.

Итак, рассмотрение данных Страбона и других античных авторов, а также соположение реалий Албании и Армении с I в. до н. э. по IV в. н. э. привели нас к убеждению о несостоятельности точки зрения исследователей, согласно которой граница Албании на юге будто бы проходила по р. Куре, т.е. албанские области Арцах, Ути и Пайтакаран до 387 г. были в составе Армении.

Теперь рассмотрим сведения армянских авторов Фавстоса Бузандаци (V в.) и «Армянской географии» Анания Ширакаци (VII в.) о смежной политической границе Албании и Армении IV в. н. э., на которые также ссылаются исследователи, утверждающие, что она проходила по р. Куре. Фавстос Бузандаци пишет, что когда прекратилась война армян с персами (в 371 г.), армянский полководец Мушег стал громить тех, кто восстал против армянского царя. «Я пошел войною также на страну албан и жестоко разгромил их. Отнял у них много гаваров (т.е. областей), которые ими были захвачены – *Ути, Шакашен, Гардманадзор, Колт и сопредельные им гавары. Реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше...*». «Потом Мушег пошел на иберийского царя... разгромил его, покорил всю

иберийскую страну...».¹⁴¹ В числе стран, якобы «отвоеванных Мушегом», Бузандаци называет Иберию и албанские области – Арцах, Ути, Сакасену, Гардман и Пайтакаран. О том, что Мушег «р. Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше», Фавстос Бузандаци явно преувеличивает. Ведь согласно договорам 66 г. до н. э., 37 г., 298 г. Армения лишилась всех завоеванных стран, за нею осталось лишь Армянское нагорье. Согласно словам армянских исследователей, Атропатена, Иберия и албанские области, как будто бы «разгромленные Мушегом», вовсе не входили в завоевания Армении, а напротив, временами армянский престол занимали царевицы атропатенские и иберийские. К тому же реальное положение Армении I–IV вв., как было отмечено выше, противоречит данным Фавстоса Бузандаци. При изучении информации Бузандаци следует принять во внимание время жизни его, цель и исторические предпосылки создания его труда. Картина, нарисованная Фавстосом Бузандаци, как и Мовсесом Хоренаци, отражает, как верно отметила Н.Г.Гарсоян, их собственные идеалы – единую, объединенную Армению, противостоящую угрозе зороастрийской Персии.¹⁴²

Как и другие армянские источники, Фавстос Бузандаци продолжал тенденциозно представлять Армению как конфессиональное и политическое единство, политоним с неизменным содержанием. По существу, сложная политическая картина, сложившаяся в Армении IV в., у армянских историков была представлена очень упрощенно. «Достаточно вспомнить «историю» автономных армянских евфратских сатрапий, которые в трудах армянских авторов представлены как земли, зависимые и даже подчиненные армянским Аршакидам. На деле же эти сатрапии пользовались большей политической самостоятельностью, чем Армянское аршакидское государство».¹⁴³

К данным Фавстоса Бузандаци восходит и «Армянская география VII в.» Анания Ширакаци, в которой говорится: «Исконная страна Албания та, которая между р. Курой и горой Кавказом». С.Т.Еремян считает, что здесь имеется в виду территория Албанского государства до 387 г.¹⁴⁴ Помимо всего прочего, сведениям Фавстоса Бузандаци и «Армянской географии VII в.» противоречат также сообщения авторов синхронных источников – албанского историка Моисея Каланкатуйского (I, 4) и армян-

ского автора Мовсеса Хоренаци (II, 8), согласно которым, как уже говорилось, южная граница Албании в I в. н. э. проходила по р. Аракс. «...Некто из рода Сисакан, из потомков Йафета–Аран, который наследовал поля и горы Албании от реки Ерасха (Аракса) до крепости Хнаракерта... От детей его (Арана), говорят, произошли народы княжеств – Ути, Гардман, Цодея (Арцах), Гаргарского» (*Каланкатуйский* I, 4). Почти в идентичных выражениях говорит об этом Хоренаци (II, 8). Как явствует из текста этих авторов, Ути, Арцах, Гардман – все правобережье Куры никак не могло быть в составе Армении.

Фактически только на данных Фавстоса Бузандаци и «Армянской географии VII в.» основывается мнение исследователей о том, что области правобережья Куры – Ути, Арцах и Пайтакаран только в 387 г. стали албанскими, а до этого входили в состав Армении. Согласно господствующему в науке мнению, в 387 г. после векового соперничества Рим и Персия пришли к соглашению о разделе Армении. С точки зрения С.Т.Еремяна, все окраинные области Армении Ути, Арцах, Пайтакаран, Гугарк и другие были отняты по договору, а оставшаяся внутренняя часть – срединная страна – была поделена между двумя державами. Три четверти ее достались Ирану, а одна четвертая – Риму.¹⁴⁵ «По новому административному делению сасанидских властей армянские области Арцах, Пайтакаран и Ути были присоединены к Албании, а армянская область Гугарк – к Грузии».¹⁴⁶ Кажется нелогичным утверждение, что при разделе Армении между двумя империями окраинные области ее отдали соседним странам – Иберии, Албании, которые, сохраняя свою самостоятельность, в то же время находились в сфере влияния этих двух империй, временами в какой-то степени ориентировались на них, а при Сасанидах являлись юридически их вассалами. Если эти области были армянскими, то какая же была необходимость у двух этих держав заботиться об Албании и Иберии? Это могло быть только при одном условии, если эти области были не армянскими, а албанскими и иберийскими. И потому разделу между двумя империями подвергалась территория собственно Армении. А земли, на которые она претендовала, юридически были еще раз закреплены за теми странами, в состав которых они исконно и входили.

На основе вышеизложенного, нам представляется совер-

шенно несостоятельной сама постановка вопроса о стабильном, неизменном пребывании областей Ути, Арцах, Пайтакаран в составе Армении до 387 г.* Думается, что границы Армении и Албании, а также Армении и Иберии фактически могли меняться и, видимо, менялись в зависимости от внешне- и внутривосточного положения этих стран. Эти моменты, конечно, должны быть выявлены и верно отражены. Итак, исследование источников и реалий Албании I–IV вв. убеждает нас, что южная граница Албании этого периода проходила по р. Аракс.

Теперь рассмотрим точку зрения грузинских исследователей относительно западных границ Албании. Согласно старым грузинским исследователям, западная часть территории Албании (левобережье Куры) была грузинской территорией.¹⁴⁷ А в последнее время некоторые грузинские ученые утверждают, что Грузии принадлежали как северо-западная левобережная территория Албании, так и юго-западная часть правобережья Куры. Этим проблемам посвящена монография Д.Л.Мухелишвили, которая называется «Из исторической географии Восточной Грузии» (Шаки и Гогарена).

В аннотации книги сказано: «В монографии исследуются вопросы *политической и этнической географии южных и восточных провинций древней Грузии* [подчеркнуто нами. – Ф.М]. начиная с эпохи возникновения восточно-грузинского царства Иберии до конца XIV в.».

Из сопоставления заголовка книги с аннотацией получается, что *Шаки* – это восточная провинция Иберии, а *Гогарена* – южная. Таким образом, налицо непоследовательность – в названии книги сказано о Восточной Грузии, а в аннотации и тексте сказано о «восточных и южных границах Иберии».

Как известно, в науке под Восточной Грузией понимается Картли. По существу, в книге Д.Л.Мухелишвили предпринята попытка хитроумными сплетениями обосновать мнение о том,

* Я не могла выявить источник, отражающий договор 387 г. относительно албанских земель. На совещании по проблеме исторической географии народов Кавказа (4-8 мая 1983, г. Москва) выяснилось, что такого договора нет, он лишен источниковедческой основы. Арутюнян Б. А. официально заявил, что этого договора не существует. Договор обязан своим существованием только армянской историографии. Он также заявил, что армянская наука отказывается от этой устаревшей концепции и приступает к созданию новой концепции.

что албанские – азербайджанские земли, расположенные на северо-западе левобережья Албании (области Камбисена и Шаки) и на юго-западе правобережной Албании (Гардман, Сакасена), исконно были грузинскими землями с древнейших времен до XIV в. включительно, т.е. были областями Восточной Грузии.

Рассмотрим метод исследования автора и его аргументацию. Отправной точкой для Д.Л.Мухелишвили явились слова албанского автора XIII в. Вардана Великого о том, что «Шаки – область гугаров». И, основываясь на этом сообщении, Д.Л.Мухелишвили, пытаясь идентифицировать гугаров с гугаренами, жителями грузино-армянской области Гогарены (Гугарка), расширяет без всяких на то оснований территорию области Гугарка (Гогарены) на северо-восток (на левый берег Куры), включает в ее состав албанские земли двух областей – Камбисены и Шаки. Д.Л.Мухелишвили забывает о времени и месте информации Вардана Великого. К тому же, Вардан Аревелци мог иметь ввиду Шаки в качестве области проживания гугаров. К тому же, следует помнить и наличие второго Шеки, на юго-западе Албании, в котором действительно тоже могли жить гугары. Необходимо проверить достоверность сообщения Вардана – насколько оно подтверждается другими синхронными источниками и насколько соответствует это реалиям Албании, Армении и Иберии того времени. И правомерно ли, вооружившись только сообщением Вардана Великого, проецировать это в древность и раннее средневековье, пытаясь «доказать», что в состав спорной грузино-армянской области Гугарка (Гогарены) входили северо-западная территория Азербайджана на левом берегу р. Куры (Камбисена и Шаки) и юго-западные земли Азербайджана на правом «берегу Куры (Гардман, Сакасена)». Структура книги Д.Л.Мухелишвили такова: поэтапное включение в состав Иберии - 1) Гогарены, расширив ее за счет Албании; 2) Эрети, расширив ее опять же за счет Албании; 3) собственно Камбисены; 4) собственно Шаки.

Прежде всего, рассмотрим выводы Д.Л.Мухелишвили относительно Гогарены, в состав которой он включил юго-западные районы Азербайджана. Вследствие неверной локализации города Хунана (Хунаракерта), а также р. Бердуджи Д.Л.Мухелишвили дает неправильное размещение области Гогарены.

Хунан он локализует в центре Гогарены, в то время как Хунан – пограничная точка в Гогарене, находящаяся на крайнем северо-востоке Гогарены, на стыке Грузии, Армении и Албании, центр кантона Гардабани.¹⁴⁸ Далее концепция Д.Л.Мухелишвили относительно юго-восточной границы Иберии основывается на неверном расположении р. Бердуджи. Автор умышленно смещает Гогарену на территорию Албании, а с какой целью, это выявится в ходе нашего исследования. Д.Л.Мухелишвили пишет: «...южная граница Иберии (Картли) проходила по водораздельному хребту Куры и Аракса,¹⁴⁹ начиная от истоков р. Бердуджи (ныне р. Дзегам-чай)¹⁵⁰ до провинции Тао»* [подчеркнуто нами. – Ф.М.]. Таким образом, р. Бердуджи идентифицируется автором с р. Дзегамчай. Следует заметить, что автор не уверен в своей локализации и поэтому не логичен, ибо в последней книге («Из исторической географии Восточной Грузии») он локализует р. Бердуджи на месте Таузчая, так как город Хунани на карте помещает у р. Бердуджи на Дзегамчае, а в книге – у устья р. Таузчай.¹⁵¹ При этом автор ссылается на «Картлис Цховреба» (I, 4, 8, 24). Рассмотрим эти данные. «...Наделил Картлоса и утвердил ему рубежи: на востоке – Эрети и река Бердуджи»;¹⁵² «Гардабосу уделил Хунани и наметил рубежи: на востоке – реку Бердуджи.¹⁵³ «...Третьего отправил (Фарнаваз) эриставом в Хунани и отдал земли от реки Бердуджи до Тбилиси и Гачаани, что суть Гардабани»¹⁵⁴ [подчеркнуто нами. – Ф.М.].

Реку Бердуджи «География» Вахушти отождествляет с р. Дебед, притоком р. Храми. Г.В.Цулая (издатель книги Леонти Мровели «Жизнь картлийских царей») считает, что отождествление р. Бердуджи с р. Дебед, притоком р. Храми не вызывает сомнения.¹⁵⁵

В зависимости от расположения р. Бердуджи находится точное определение местоположения г. Хунани, который локализуется Д.Л.Мухелишвили то на р. Дзегамчай, то на Таузчае.

«География» Вахушти (XVIII в.) локализует Хунани у места слияния р. Кция (ныне Храми) с Курой, т.е. на месте р. Дебед. Эту локализацию уточняют, обосновывают С.Т.Еремян, З.М.Бунятов, Г.А.Меликишвили и др.¹⁵⁶ Она вполне соответст-

* Мухелишвили Д. Л. Аннотация к карте № 3 "Кавказ в VI-III вв. до н. э". Материалы исторической географии Кавказа, представленные для издания "Атласа народов СССР" (1983 г.).

вует реалиям того времени, что выясняется из данных синхронных источников VII–VIII вв., армянского автора Мовсеса Хоренаци, албанского историка Моисея Каланкатуйского и «Армянской географии VII в.», ибо, как сообщается в последней, албанская область Сакасена (Шакашен – армянское) простиралась от р. Дзегамчай до р. Кюракчай,¹⁵⁷ а до Дзегамчая простирался албанский гавар Гардман, который был шестым гаваром провинции Ути и занимал территорию нынешнего Газахского района.¹⁵⁸ Таким образом, Хунаракерт – Хунани никак не мог быть в районе Таузчая или Дзегамчая.

Связанность Хунаракерта с р. Дебед, притоком Храми, подтверждается также по «Ашхарацуйцу», ибо согласно ему Хунаракерт именуется также Ханцихе, образованного от названия р. Хан, сохранившейся у Страбона, которая в будущем стала Кция (Храми).¹⁵⁹ Дело в том, что точное определение восточного предела области Гогарены зависит от расположения Хунана. Если допустить правильность мнения Д.Л.Мусхелишвили относительно локализации Хунана на р. Дзегамчай или Таузчай, то получается, что Гогарена занимала территорию не только *Иберии, Армении, но и Албании*, т.е. она занимала и юго-западную часть албанской области (Гардмана и частично Сакасены). И в этом случае Гогарена с реальной территории смещалась на восток за счет исторической территории Албании. А при локализации Хунана на р. Дебед Гогарена никакого отношения к Албании не имела, а была лишь смежной пограничной областью, что соответствует всем данным источников и реалиям того времени. Моисей Каланкатуйский ни разу не упоминает топоним Гогарена. И вообще, как известно, территория Гогарены была яблоком раздора между Арменией и Иберией, и Албания никогда не была причастна к спору из-за этой территории. Рассмотрим в связи с этим данные Страбона (XI, 14, 5): «...Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия и Зариадрия... Они расширили совместно свои владения, отрезав часть областей, окружающих народностей, а именно: у мидян они отняли Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду; у иберов – предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира...».

Как видно из отрывка, речь идет о завоевании грузинской

Гогарены Арменией – и только. За исключением сообщения Страбона о том, что Гогарена «находилась на другой стороне реки Кира», других данных о ее локализации нет. Отстаивая свое мнение и ссылаясь на данный отрывок Страбона, Д.Л.Мусхелишвили пишет: «Что это было действительно так, доказывается указанием Страбона (XI, 14, 5)... Страбоновская Гогарена обнимает южную половину бассейна Куры, начиная от современного Джавахети вплоть до крепости Хнаракерта (*Мовсес Хоренаци*, II, 8), т.е. того же Хунана грузинских источников, который находился на правом берегу р. Куры, вблизи р. Бердуджи,¹⁶⁰ т.е. р. Дзегамчай (Д.Л.Мусхелишвили. Аннотация к карте № 3 см. в конце данного раздела). Итак, отождествив р. Бердуджи с Дзегамчаем (а в книге с Таузчаем), Д.Л.Мусхелишвили смещает грузинскую историческую область Гогарену на юго-восток, на территорию Албании. При этом историческая территория Албании оказывается урезанной от р. Дебед до Дзегамчая или Таузчая. По локализации Д.Л.Мусхелишвили получается, что армянский царь Арташес, захватив у Иберии Гогарену, отхватил фактически часть территории Албании (от р. Дебед до Дзегамчая или Таузчая). А когда Иберия вернула себе Гогарену, она приобщила к своим владениям часть территории Албании (от р. Дебед до Дзегамчая или Таузчая на запад). Согласно теории Д.Л.Мусхелишвили, территория исторической Грузии – Иберия не менялась, и борьба за спорную область Гогарену шла между Грузией и Арменией за счет территории Албании. Ведь у Страбона (XI, 3, 2), помимо прочего, имеется и другое сообщение: «Кир берет начало в Армении и, тотчас вступая в вышеупомянутую равнину, принимает Араг, текущий с Кавказа, и другие притоки, а затем через узкую долину течет в Албанию». Получается, что территория Албании начинается далеко от Дзегамчая.

Итак, в ходе исследования выяснилось, почему Д.Л.Мусхелишвили свою концепцию строит на специально продуманной им локализации р. *Бердуджи*, *Хунани*, *Гогарены*. Так можно «доказать» что угодно, ибо в таком варианте источники ни к чему.

Д.Л.Мусхелишвили пытается достичь поставленной цели относительно Гогарены и другим путем – путем размещения кантонов Гугарка на территории Албании. Ссылаясь на перечень кантонов Гугарка у Хоренаци, где они перечислены последова-

тельно в направлении с запада на восток, Д.Л.Мусхелишвили начинает их располагать и перечислять в обратном направлении с востока на запад, в результате чего часть кантонов Гогарены попадает на земли Албании. Так, у Хоренаци сказано: «Гушар... получил в наследство Темную гору, т.е. Кангарк и половину [страны] Джавахов, Кохб, Тцоб, Дзор до крепости Хнаракерта».¹⁶¹ Ведь ясно сказано: «до крепости Хнаракерта». Д.Л.Мусхелишвили пишет: «Начнем с востока на запад», «Дзор до крепости Хнаракерта». Он локализует Дзор (Дзорапор) у р. Акстафа, а Кохб у р. Инджачай.¹⁶² Между тем все кантоны Гугарка в «Армянской географии VII в.» размещаются на территории собственно Грузии и частично Армении, пограничной с Грузией,¹⁶³ что соответствует историческим реалиям.

Кантоны Гугарка были то в составе Иберии, то Армении, после 387 г.* они вошли окончательно в состав Иберии, кроме Ашоца. Согласно «Армянской географии VII в.», Кохбопор локализуется у современного Ноемберяна (Арм. ССР), Дзорапор – у р. Дебед, Ашоц соответствует Гукасянскому району.¹⁶⁴ Как видим, все эти кантоны не имеют никакого отношения к территории исторической Албании.

Резюмируя свои выводы о Гогарене, Д.Л.Мусхелишвили в бассейне р. Дебед помещает первоначальную древнейшую территорию Гогарены, а ее кантоны, по его мнению (Хнаракерг, Дзор, Кохб, Ташир, Ашоц и др.) являются поздним территориальным наращением, что имело место после завоевания Гогарены Арменией во II в. до н. э. В дальнейшем, утверждает Д.Л.Мусхелишвили, в процессе политического расширения Армении на север, завоеванные территории включались в пределы Гогарены.¹⁶⁵

Итак, в то время, когда Гогарена была завоевана Арменией, Иберия лишилась незначительной малой области (бассейн р. Дебед), а после завоевания Гогарены Арменией территория Гогарены расширилась на северо-восток за счет албанских земель (см. локализацию Д.Л.Мусхелишвили кантонов Хунаракерта, Дзор, Кохб). В IV в., по теории Д.Л.Мусхелишвили, когда Гогарена, территориально увеличенная за счет албанских земель, была возвращена Иберии, последняя, по существу, получила не только

* Дата 387 г., как было отмечено в первой части нашей главы, опирается на историографию.

свою бывшую область – Гогарену, но и дополнительно территориальные наращивания за счет Албании.

Нам кажется неправомерным положение о том, что территория Гогарены после завоевания ее Арменией во II в. до н. э. была расширена на север и восток, т.е. за счет албанских земель. Как было изложено нами в первой части главы (относительно армянской концепции), в период после II в. до н. э. и до IV в. н. э. (когда Гогарена была возвращена Иберии) внешне- и внутривнутриполитическое положение Армении было таковым, что она не имела возможности расширять свои пределы, тем более за счет Албании. Поэтому утверждение Д.Л.Мухелишвили лишено всякой почвы. Гогарена как древняя (что признает Д.Л.Мухелишвили), так и раннесредневековая находилась только в бассейне р. Дебед.

Взгляд на Гогарену (как юго-западные албанские земли), изложенный в I главе книги, Д.Л.Мухелишвили заканчивает следующим выводом: «...в представлении армян Гугарк [Гогарена] обнимал собственно Восточную Грузию». А по существу же, Гогарена – южная провинция Грузии. Во II главе Д.Л.Мухелишвили обещает раскрыть, что понимается в грузинских источниках под понятием Восточная Грузия, хотя и до него в науке было известно, что Восточная Грузия – это Картли. В этой главе Д.Л.Мухелишвили дает историко-географический очерк северо-западных албанских областей – Эрети и Камбисены и пытается доказать, что они уже в древности вошли в состав Иберии и претерпели многовековую иберизацию. Таким образом, получается, что под «Восточной Грузией» следует понимать также и северо-западные албанские земли. Проследим за аргументами Д.Л.Мухелишвили. Автор преподносит три значения понятия Эрети (в собственном, узком и широком смысле). Однако во всех трех смыслах, предложенных Д.Л.Мухелишвили, не получается, что Эрети – это северо-западные земли Албании или Албания в целом.¹⁶⁶ Прежде всего, необходимо, на наш взгляд, внести ясность в понятие Эрети. Нам представляется, что Эрети не только политическое понятие, но и чисто географическое, во всяком случае, по грузинским источникам складывается такое представление. И, как верно отметили грузинские исследователи-текстологи (Е.С.Такайшвили, К.С.Кекелидзе, Г.В.Цулая), скудость материала не позволяет установить точные рубежи Эрети. Эрети –

часть Кахети или область по бассейнам рек Алазани и Иори. Она простиралась к востоку – до Кавказских гор, к западу – до р. Куры, к северу – до озера Тке-Тба или Гулгула, что выше Теллеба, к югу – до Алазани и Иори. *Северные и северо-восточные рубежи Эрети* по письменным источникам не прослеживаются.¹⁶⁷

Итак, Эрети была расположена в Алазано-Иори-Курунградской зоне и включала в себя восточные области исторической Кахетии, а также область Камбисену.¹⁶⁸ Хороним Эрети, происходящий от названия племени албан – эров, известен только из грузинских источников. И поэтому каждый раз, встретив понятие Эрети в грузинских источниках, трудно выявить, что политически подразумевается под этим топонимом и какую территорию он охватывает.

Совершенно беспочвенны попытки Д.Л.Мухелишвили доказать «процесс политического расширения Иберии в сторону Албании «путем» расширения объема историко-географического понятия «Кахети» (Иберии) за счет сокращения соответствующего понятия «Эрети».¹⁶⁹

Д.Л.Мухелишвили утверждает, что в первой половине IV в. та часть Эрети – «именно Суджети» была непосредственно присоединена к Иберийскому царству, – именно к провинции Кахети (и Кухети) и эта территория, во всяком случае начиная с IX в., по грузинским источникам, называется уже Кахетии.¹⁷⁰

Уже в самом утверждении автора выявляется логическая неувязка и некоторая неуверенность. В IV в. Суджети присоединяется то ли к Кахети, то ли к Кухети (а разница в них есть) и только с IX в. Суджети именуется, как выясняется из его же примечания 78 (с. 74), Кухети, а не Кахети. Какие есть данные, что весь период с IV в. по IX в. включительно Суджети была в составе Кухети?

Д.Л.Мухелишвили ссылается на собственную работу «Город Уджарма», где, однако, нет сведений из источников, обещанных им, и подтверждающих прямо или косвенно вывод автора о присоединении Суджети к Иберийскому царству в IV в. Ссылаясь на сообщение Леонти Мровели о том, что в IV в. царь Мириан дал своему сыну царевичу Реву в удел Кахети и Кухети и «посадил» его в Уджарме, Д.Л.Мухелишвили приходит хотя и к беспочвенному, но довольно категоричному выводу, «в этот удел

была включена и часть *собственно Эрети*. *Остальная часть Эрети*, надо полагать, оставалась в вассальной зависимости от Картлийского царства». ¹⁷¹ Как видим, в источниках нет никакого упоминания об Эрети. Вообще из грузинских источников невозможно выяснить, о каком Эрети идет речь, где «собственно Эрети», «та часть Эрети, что Суджети», «остальная часть Эрети». Все это плод свободного творчества автора. В источниках лишь одно понятие Эрети.

Следующий «довод» Д.Л.Мухелишвили: «Далее северо-западная часть за алазанской территорией, принадлежавшая некогда Эрети (Албании), начиная с рубежа VI–VII вв. (а на самом деле гораздо раньше) в источниках называется опять-таки Кахети». ¹⁷² Автор очень произвольно обращается с хронологией, легко, небрежно ворошит века. Говоря о VI–VII вв., тут же отмечает, что «гораздо раньше», а именно когда?! Опять же нет ссылки на источники. Автор ссылается на собственную работу «Город Уджарма», где также имеется голословное утверждение.

Остается неизвестным, как автору удалось выяснить, о какой части Эрети в «псевдоисточниках» идет речь? Невзирая на то, что Эрети – хороним многозначный, приписывая ему именно три значения, Д.Л.Мухелишвили для оправдания своей концепции пытается показать поэтапное присоединение к Иберийскому царству каждой части Эрети. И таким образом, «создав» «динамику» политического расширения Иберии в сторону Албании, приблизил Иберию к албанской области Шаки.

Д.Л.Мухелишвили считает, что в результате тысячелетнего процесса интенсивного проникновения в Эрети восточно-грузинских племен происходила ассимиляция грузинами местного населения и к VIII в. эры были «вполне огрузинившимся племенем». ¹⁷³ Что касается столь ранней грузинизации, то важно отметить, что грузинские источники не смешивают эров и грузин, а наоборот, проводят различие между «картуэли» (картами) и «эрами». ¹⁷⁴ Это различие проводится в грузинских источниках и позднее – не только автором XI в. Леонти Мровели, когда эры, вошедшие в «состав Грузии», принимали активное участие в процессе объединения Грузинского царства ¹⁷⁵ и формирования феодального общества Восточной Грузии, но и в трудах грузинских

авторов XVII–XVIII вв.,* когда самостоятельного Эрети, название которого было упразднено в XV в., уже давно не существовало. Эры давали о себе знать на протяжении всего раннего средневековья, которое было временем возникновения и расцвета самостоятельного Эретского княжества, а впоследствии и царства.

Чрезвычайно интересно отметить, что население исторического Эрети принадлежало к одной антропологической группе.¹⁷⁶ Большое значение имеет то обстоятельство, что новейшие исследования в области изучения распространения групп крови в Закавказье показали высокую степень однородности по генным частотам кахетинского и азербайджанского населения Алазань-Агричайской долины и Шемахинской зоны.¹⁷⁷ Эта стабильность генных частот в своих средних порайонных значениях сохранилась в Алазань-Агричайской полосе, несмотря на этнический и генетический барьер, возникший здесь много столетий назад.¹⁷⁸ Указанное обстоятельство объясняется авторитетными учеными тем, что Эрети была в свое время территорией союза албанских племен, и это сыграло известную роль в общности их генофонда.¹⁷⁹ Итак, азербайджанское и грузинское население территории исторического Эрети имеет общих предков.

Прежде чем приступить к «иберизации» (грузинизации) албанской области Шаки, Д.Л.Мусхелишвили пытается «доказать», что земли до Шаки, а именно албанская область Камбисена (занимающая территорию междуречья Алазани и Куры), также была подвергнута «иберизации» еще со II–I вв. до н. э. Автор приходит к выводу, что «*история древней и албанской провинции* наглядно подтверждает нашу мысль о том, что иберо-албанские политические взаимоотношения, развивающиеся в течение многих веков, следует представить себе, как процесс попеременных «приливов» и «отливов» и что активная роль в этом процессе принадлежала иберийцам».¹⁸⁰

Выявление иберо-албанских взаимоотношений у Д.Л.Мусхелишвили преследует одну цель – отторгнуть территорию Камбисены, Эрети. По его мнению, «политическое расширение Иберии в сторону Албании сопровождалось также этнической диффузией», что подтверждается, как он полагает, «как докумен-

* В частности, у царевича Вахушти. См.: Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Пер. Накашидзе Н. Т. Тбилиси, 1976, с. 125.

тально, так и топонимикой, этнографическим материалом и церковной архитектурой».¹⁸¹

Рассмотрим, действительно ли еще во II–I вв. до н. э. Иберия политически расширила свои владения на северо-восток, за счет албанских земель, за счет Камбисены. Исследование сообщений Страбона (XI, 4, 5), Плиния (VI, 39), Солина (XIX, 4) убеждает, что до II в. до н. э. территория албанской области Камбисены была обширной как никогда. Она занимала междуречье Алазани и Куры: на востоке от устьев рек Алазани, Иори и Куры, на западе от верховьев рек Алазани, Иори включительно, *до междуречья Куры и Храми* (ее среднего течения) на юге. В состав Камбисены на юго-западе входило и правобережье Куры.

Так, Плиний (VI, 39) сообщает: «Это племя (албаны), расселившиеся по Кавказским горам, доходит, как сказано, *до реки Кира, до составляющей границу Армении и Иберии*». Здесь имеется в виду расселение албан до западных пределов Албании, а не южных, *ибо р. Кура была границей Армении и Иберии*. Албаны же были расселены на западе от среднего течения рек Алазани, Иори до Куры, протекающей в районе Тбилиси, Рустави, Хунани (юго-запад Камбисены). О Куре, ставшей границей между Иберией и Арменией, сообщает Солин (XIX, 4): «Великому [Помпею] удалось... пройти... затем к Каспийскому морю, а оттуда через Каспий проникнуть *к течению реки Кира, которая течет по границе Армении и Иберии*». Из данных Плиния и Солина видно, что р. Кура в каком-то определенном отрезке становилась границей между Арменией и Иберией. Сведения античных авторов и реалии того времени позволяют полагать, что Кура была границей между Иберией и Арменией на территории собственно Иберии, на том участке, где к югу от Куры были земли, захваченные во II в. до н. э. армянским царем Арташесом I. Это – Гогарена, а также смежная с ней на северо-востоке территория междуречья Куры и Храми. Есть основания полагать, что земли междуречья Куры и среднего течения Храми были юго-западной оконечностью албанской области Камбисены. У Страбона (XI, 14, 4) читаем: «Провинцией Армении является Фавена, а также *Комисена и Орхистена*, выставляющая наибольшее количество всадников. Хордзена и Камбисена – самые северные и больше всех покрыты снегом». Относительно Комисены в ар-

мянском издании «Ашхарацуйц»¹⁸² сообщается, что в Большую Армению была включена та часть Камбисены, которая именовалась Комисена, и что *эта армянская часть Камбисены – Комисена была отделена р. Курой от остальных частей области Камбисены, входящих в состав Иберии и Албании*.¹⁸² По всему течению Куры и по всей области Камбисены нет другого отрезка, отделенного Курой от остальной Камбисены, кроме как территории междуречья Куры и среднего течения Храми. Итак, получается, что часть Камбисены, захваченная во II в. до н. э. армянами, именуемая *Комисеной*, занимала междуречье Куры и Храми.* Все это дает основание полагать, что до II в. до н. э. территория албанской области Камбисены была максимальной как никогда, занимала междуречье Алазани и Куры: на западе от верховья рек Алазани, Иори до междуречья Куры и Храми (ее среднего течения). Таким образом, в состав Камбисены на юго-западе входило и правобережье Куры. В пользу максимальной территории, протяженности албанской Камбисены на запад, северо-запад говорит сообщение Птолемея (V, II, 2) об албанском городе Телеба.

И теперь получает осмысление сообщение Страбона (XI, 4, I): «Армения частично представляет равнину, частью же – гористая страна, подобно Камбисене, где граничат армяне одновременно с иберами и с албанами». Как видим, в армянской Камбисене – Комисене армяне граничат и с албанами остальной Камбисены, и с иберами в западных окраинах Камбисены.

Ссылаясь на данное сообщение Страбона, Д.Л.Мухелишвили делает совершенно беспочвенный вывод, что это сообщение «заставляет представить расселение восточно-грузинских племен в виде более или менее компактной массы в северо-западной части Камбечани уже в I в. до н. э. и тем самым отодвинуть вглубь по крайней мере на несколько веков начало этого процесса».¹⁸³

При таком реконструировании западных и юго-западных границ албанской области Камбисены приобретают смысл данные Плиния и Солина о том, что р. Кура со II в. до н. э. была границей Иберии и Армении. Кура окаймляла северные пределы

* Нам представляется, что наименование Сомхити покрывало и армянскую часть Камбисены (Комисены), смежную с Гогареной, подобно тому, как Сомхити употреблялось, как полагает Мухелишвили Д. Л., и в значении древнего Гугарка (См.: М у с х е л и ш в и л и Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 27).

Гогарены (ставшей армянской) и северо-восточную часть армянской Комисены.

В свете изложенного и на основе других данных, а также албанских и грузинских реалий того времени становится совершенно очевидной беспочвенная концепция Д.Л.Мусхелишвили, согласно которой во II–I вв. до н. э. части албанских областей Камбисены и Эрети вошли в состав Иберии, т.е. ее территория расширилась на северо-восток. В качестве аргументов им рассмотрены четыре фрагмента из Страбона (XI, 3, 2; XI, 4, 5; XI, 4, 1; XI, 2, 15),¹⁸⁴ которые не могут, на наш взгляд, подтвердить его теорию. А главное, история этого периода такова, что Иберия, не удержав свои южные земли (Гогарену во II в. до н. э.), не была в состоянии приобрести северо-восточные земли за счет Албании.

Так, Страбон (XI, 2, 18) сообщает: «...когда власть Митридата Евпатора значительно усилилась, *страна [Иберия] подчинилась его господству. Царь постоянно посылал туда кого-нибудь из «друзей» в качестве «наместника» или «правителя»...* Из этой страны царь получал больше всего помощи для оснащения своего флота. После крушения могущества Митридата вся его держава распалась и была разделена между многими правителями... *Страна мосхов... делится на 3 части: одна часть под властью колхов, другая – иберийцев, а третьей владеют армяне...*».

Д.Л.Мусхелишвили, утверждая, что в состав Иберии входит в это время не только северо-западная часть Камбисены, но и северо-западная часть Эрети, в качестве последнего довода приводит данные о строительстве иберийскими царями города Некреси, «развалины которого находятся на левом берегу р. Алазани, т.е. в провинции Эрети». Дело в том, что Некреси расположен на границе Албании и не имеет отношения к ее территории.

Согласно сообщению Леонти Мровели, царь Фарнаджом (четвертый царь из династии Фарнавазианов, правивший в первой половине II в. до н. э. – Цулая) построил в Кахети город Некреси.¹⁸⁵ «Грузинская традиция приписывает Фарнаджому активную деятельность как в самой Мцхете, так и на прилегающей к Албании территории», – пишет Г.В.Цулая. Он же отмечает, что Некреси – центр картлийцев в северо-восточной части Кахети. Предполагалось, что город будет форпостом Картлийского царст-

ва на подступах к Албании, так как расположен на границе с Албанией.¹⁸⁶ Как видим, Некреси не имеет отношения к территории Эрети, под которой Д.Л.Мусхелишвили понимает Албанию.

Что же касается периода I–II вв. н. э., то о северо-западных пределах – о Камбисене Д.Л.Мусхелишвили сообщает: «В I в. н. э. в период могущества Иберии можно предполагать, что политически эта область входит в пределы этого царства. К тому же диффузия восточно-грузинского элемента на восток достигает нижнего течения р. Алазани».¹⁸⁷ Утверждение Д.Л.Мусхелишвили представляется преувеличенным. Если Иберия в это время только лишь за свои услуги Риму вознаграждалась своими областями, завоеванными в свое время Арменией (*Тацит. Анналы*, VI, 32; XI, 9), то это еще не означало, что Иберия была в состоянии расширить свои владения на северо-востоке за счет албанских земель – Камбисены. При таком реальном положении, когда Иберия была послушным союзником Рима, если не более того, а Албания – единственным государством Кавказа, остающимся вне сферы влияния Рима, а – Парфии, мало вероятно, чтобы территория Албании на северо-западе отошла к Иберии. Из числа закавказских народов албаны более других сохранили свою независимость и не примкнули окончательно к числу римских союзников.¹⁸⁸ Согласно данным Евтропия (VIII, 3) и Феста (XX), «Траян лишил Армению царской власти, албанам царя дал, иберов, боспорцев, колхов принял в римское подданство». Как уже указывалось выше, за исключением Албании, весь Кавказ был приведен в подчинение Риму.

Хотя о III–IV вв. источники ничего не сообщают, а в IV в. Камбисена опять же принадлежит Албании, Д.Л.Мусхелишвили тем не менее совершенно беспочвенно и крайне категорично утверждает, что «...с еще большим размахом развивались иберо-албанские взаимоотношения в раннем средневековье».¹⁸⁹ Выявление этих взаимоотношений у него преследует одну цель – отторгнуть территорию Камбисены и Эрети. Автор полагает, что с IV в. исключительную роль в этом аспекте играло христианство, проповедь «просветительницы» Иберии св. Нины в Эрети. При этом он ссылается на свою работу «Город Уджарма», в которой говорит, что учитывая, что распространение христианства означает проникновение мощного потока в Эрети восточно-грузин-

ской культуры, а в итоге и политического господства, «мы можем усматривать в «просветительной миссии» св. Нины доказательство еще большего упрочнения культурно-политического господства Картли в Эрети». Он полагает, что проповедь христианства велась на грузинском языке и потому языком проповеди и официальным языком в Эрети должен быть грузинский.¹⁹⁰ Эту же мысль он еще раз подтверждает в своей последней книге «Из исторической географии Восточной Грузии». «Это были грузинский язык и грузинская письменность, которые вместе с грузинским христианством глубоко внедрялись в местную среду».¹⁹¹

Во-первых, до проповеди св. Нины, т.е. до IV в. н. э., Д.Л.Мухелишвили фактически не привел ни одного доказательства о проникновении в Эрети, Камбисену восточно-грузинских племен, хотя он на с. 21 отмечает: «С другой стороны, тысячелетний процесс [откуда! каким образом? – Ф.М.] интенсивного проникновения в Эрети восточно-грузинских племен, а с IV в. восточно-грузинского христианства...».

Во-вторых, что касается восточно-грузинского христианства, то следует заметить, что св. Нина была пленницей из Византии,¹⁹² не имела «грузинского подданства», не была грузинкой. К тому же в истории проповеди христианства ни одна страна Востока, в том числе страны Кавказа, не имели своего местного проповедника (аборигена). Все проповедники (миссионеры), начиная от апостолов и их учеников, были чужестранцами – Фаддей, Елисей (из Иерусалима), Варфоломей, Андрей, армянский «Просветитель Григорий» (парфянин из Рима), сирийские проповедники и т.д. и т.п. И разве это давало основание говорить о политическом и культурно-идеологическом господстве их стран над странами Кавказа.

И можно ли утверждать, что язык миссионеров и письменность их стали официальным языком и письменностью стран, где они вели свою проповедь? Из истории раннего христианства известно, что языком проповеди был сначала сирийский, затем греческий, а потом свой местный. Д.Л.Мухелишвили пишет, что «во всяком случае, в этом районе [левобережье Алазани. – Ф.М.] в IX–X вв. наличие грузинского населения не вызывает сомнений».¹⁹³ Вот это верно и не вызывает сомнений. В пограничных

смежных зонах наличие смешанного этноса – албано-иберийского вполне естественно. К тому же в период IX–X вв., когда распалось Албанское государство, начался процесс исламизации христианского населения. В этом случае закономерно, что в зонах, пограничных с Иберией, начался процесс приобщения албанского христианского населения к православию, а потом к деэтнизации, иберизации, но процесс только начинался!

Неудивительно, что обнаруженная на территории Эрети, Камбисены грузинская эпитафия, на которую пытается сослаться Д.Л.Мухелишвили в виде одного из главных аргументов, датируется X в. И это всего лишь одна могильная надпись, опять же ничего не говорящая в пользу мнения Д.Л.Мухелишвили, а также надпись VII в. в Камбисене, на ее западной окраине,¹⁹⁴ являющейся в то же время восточной окраиной Иберии. И трудно определить, на чьей территории эта надпись. Хотя вполне закономерно, что в смежных территориях она могла быть и смешанной – и на грузинском языке, и на албанском.

Что же касается данных албанского автора Моисея Каланкатуйского относительно области Камбисены, то совершенно четко складывается впечатление, что Камбисена до X в. включительно – албанская область, албанская политико-административная и церковно-административная единица – епископство (*Моисей Каланкатуйский*, I, 17; II, 19; III, 10). «Армянская география VII в.» включает Камбисену в состав Албании с древнейших времен до VII в. включительно. Что же касается церковной архитектуры на территории Камбисены, Эрети, то она под влиянием диофизитского толка христианского вероучения могла иметь много общего с христианской архитектурой Грузии, религия которой стала официально диофизитской в VI–VII вв. А церковная архитектура Грузии испытывала сильное влияние византийской архитектуры православной Византийской Церкви. К тому же в VI–VII вв. Албанская Церковь еще придерживалась диофизитства в союзе с грузинской.

Нам представляется неправомерным мнение Д.Л.Мухелишвили о том, что «...в VII веке население Камбечани, возможно, было еще смешанным, иберо-албанским с мелкими вкраплениями армянского элемента».¹⁹⁵ Смешанное население могло иметь место в последующие века, т.е. после VIII–IX вв., а до этого

Камбисена была албанской областью с доминирующим албанским населением.

Таким же методом «исследовал» Д.Л.Мусхелишвили историческую географию исконно албанской области Шаки, которую он пытается включить, ссылаясь на албанского автора XIII в. Вардана Великого, в территориально увеличенный, искусственно расширенный им Гугарк (Гогарену), т.е. отторгнуть от Албании и включить в состав Иберии.

Подводя итоги исследования политических границ Албании за длительный период в 1000 лет (III в. до н. э. по VIII в. включительно), можно сказать, что территориальные пределы Албанского государства были почти стабильными. За небольшим исключением не было особой динамики в сторону расширения или сокращения ее территории, что объясняется политическими причинами.

Географическая отдаленность страны от двух империй – Рима-Византии и Ирана парфянского, сасанидского, занимаемое стратегическое положение (наличие кавказских проходов, Дербента, через которые можно было пропустить воинственных кочевников, через которые проходили торговые и военные пути), создавали благоприятные условия для сохранения государственного суверенитета, политической независимости страны. Албанские цари не вели экспансионистской политики. Но сложившиеся внешние и внутривосточные ситуации в Армении, находящейся на стыке двух империй, Иберии и Албании, способствовали стабильной безопасности албанских границ.

К карте 1 «Албания в III в. до н. э.»*

Поскольку самые ранние данные по границам народов Кавказа относятся к источникам не ранее I в. до н. э. – I в. н. э., то ретроспективно можно реконструировать карту не древнее III в. до н. э.

В III в. до н. э. на севере границы Албании доходили до Большого Кавказа, северных предгорий Самурского хребта, от верховьев Иори и Алазани на северо-западе и до нынешнего Дербента – на северо-востоке (*Страбон*, XI, 4, 1; *Птолемей*, V, 8, 7; V, 11, 1).¹⁹⁶ Но временами северная граница могла доходить до

* См. Карты в конце книги.

р. Сулак и далее.¹⁹⁷ Исследование данных Страбона (XI, 14, 5) и других античных авторов, сведений местных синхронных источников VII–VIII вв. – албанского историка Моисея Каланкатуйского и армянского автора Мовсеса Хоренаци, а также реалий того времени убеждает, что южная граница Албании в рассматриваемый период проходила по р. Аракс и на юго-востоке, включая Каспиану.

Согласно указанию Страбона (XI, 14, 4) «...равнина Аракса, по которой р. Аракс течет до границ Албании, впадая в Каспийское море». Далее он (XI, 14, 5) сообщает, что армяне «...отняли у мидийцев Каспиану». Плиний (VI, 26) пишет: «Всю равнину, начиная от р. Кир, заселяют племя албанов, а затем – иберов».

Следовательно, албаны заселяют равнину двух берегов Куры – левобережья и правобережья. У Страбона (XI, I, 5) читаем: «Аракс протекает через Армению, а Кир – через Иберию и Албанию». Совершенно очевидно, что это указание Страбона подразумевает, что левый и правый берега Куры составляли территорию Албании, в противном случае Кура была бы границей Албании и Армении и текла бы как по Иберии и Албании, так и по Армении. Далее Страбон говорит: «Они (албанские и иберийские племена) владеют плодородной землей и могут развивать хорошее хозяйство». Если бы правобережье Куры было и армянским, то слова Страбона в равной степени относились бы и к армянам, ибо правый берег Куры также плодороден, как и левый.

И, наконец, Каланкатуйский (I, 4) и Хоренаци (II, 8) сообщают о границах Албании I в. н. э., что может ретроспективно относиться к III в. до н. э. «...Аран (эпоним), который наследовал поля и горы Албании от реки Ерасха (Аракса) до крепости Хунаракерт». На северо-западе граница Албании проходила от верховьев рек Алазани, Иори, на западе, юго-западе до междуречья Храми и Куры включительно и далее по р. Дебед к верховью реки Акстафы и далее на юг (*Страбон*, XI, 4, 5; *Плиний*, VI, 36; *Птолемей*, V, 11, 2).¹⁹⁸

К карте 2 «Албания в о II–I вв. до н. э.»

На севере в данный период граница Албании осталась прежней. На западе граница также не меняется, за исключением юго-западной части Албании, где произошли изменения – меж-

дуречье Куры и Храми (юго-западная часть Камбисены) отошло к Армении, т.е. Комисена. Южная граница Албании проходила по р. Аракс, т.е. ее граница по сравнению с предшествующим периодом изменилась только на юго-востоке. Албания лишилась Каспианы (*Страбон*, XI, 14, 5), которая вошла в состав Армении со II в. до н. э. до I в. н. э., затем она вновь стала албанской, а позднее (II в. н. э.) вошла в состав Атропатены.

Что же касается данных Страбона (XI, 8, 4) об областях Араксене (XI, 14, 4), Сакасене (XI, 8, 4) как армянских, то следует заметить, что этим данным противоречат другие данные Страбона, в частности его сообщение о том, что р. Кура протекает через Албанию (XI, 4, 2), что логически подразумевает нахождение двух берегов ее (левого бережья и правобережья) на территории Албании. Нам представляется, что не следует переоценивать сведения античных авторов (*Плиний*, VI, 11; VI, 16; XII, 28; *Аппиан*, 103; *Дион Кассий*, XXXVI, 54; *Плутарх*, *Помпей*, XXXIV), согласно которым южной границей Албании представляется р. Кура. Информация их носила случайный, противоречивый характер и могла быть не точной.

Арташесом I из албанских земель была завоевана лишь Каспиана. Завоевания Тиграном II албанских земель не коснулись. Во всех договорах, заключенных между Римом и Арменией, между Римом и Парфией относительно Армении, согласно которым территория Армении была поделена, ни слова не говорится об албанских областях. Как известно, после 66 г. до н. э. при преемниках Тиграна II Армения была превращена в римскую провинцию.

Согласно данным Плутарха (*Помпей*, 2, 45) и Аппиана (гл. 117) римлянам не удалось включить Албанию и Иберию в состав Римской империи в качестве ее провинций. Все вышеизложенное дает основание считать, что правобережные области Куры продолжали быть в составе Албании, и граница на юге шла по р. Аракс.

К карте 3. «Албания в I–II вв. н. э.»

Нам кажется несколько преувеличенным определение территории Иберии в I–II вв. н. э., представленное Д.Л.Мухелишвили как «период могущества иберийского царства»,¹⁹⁹ когда

Камбисена, по его мнению, вошла в пределы Иберии.

По существу, происходит некоторое укрепление Иберии с помощью Рима, который окончательно втянул ее в свои политические интриги, «направленные на борьбу с Парфией за фактическое господство в Армении».²⁰⁰

Война Иберии с Арменией в I в. н. э., управление Арменией иберийскими царевичами – это не самостоятельная воля и реальные возможности Иберии, а исполнение Иберией политического курса Рима при его поддержке и под его прямым нажимом (*Тацит, Анналы*, VI, 32; XI, 9; *Дион Кассий*, III, 26). Как известно, победа Фарасмана, одержанная над Арменией и управление ею с 35 г. до 50-х годов, была достигнута как при поддержке Рима, так и с помощью союзных войск албан и сарматов (*Тацит, Анналы*, VI, 33–35, 36). Все это не может говорить о политическом могуществе Иберии, «которая была орудием в борьбе Рима с Парфией и римским плацдармом для ударов, наносимых Армении с севера».²⁰¹

При создавшемся положении, когда Иберия была послушным союзником Рима, если не более того, а Албания, как отмечалось выше, – единственным государством Центрального Кавказа, остающимся вне сферы влияния Рима, а – Парфии, мало вероятно, чтобы территория Албании на северо-западе отошла к Иберии.

В свете вышеизложенного мы считаем неверным утверждение Д.Л.Мухелишвили – «восточная граница (с Албанией) продвинулась на восток и проходит по нижнему течению р. Алазани» (*Плиний*, VI, 29; ВДИ, 1949, № 2, с. 297). Плиний сообщает: «Всю равнину, начиная от р. Кир, заселяют племя албанов, а затем – иберов, которые отделены от первых р. Оказаной, текущей с Кавказских гор в р. Кир». Здесь не сказано, в какой части р. Оказаны [Алазани] иберы отделены от албан. Думается, что не следует в несовпадающих сообщениях почти синхронных античных авторов (Страбона и Плиния) усматривать динамику границ, ведь у них были почти одинаковые источники. Нужно выявить причину их различия. Утверждая, что область Камбисена входит в состав Иберии, Д.Л.Мухелишвили неверно цитирует Плиния (VI, 39). У Плиния (VI, 39, ВДИ, 1949, № 2) читаем: «Это племя (албан), расселившееся по Кавказским горам, дохо-

дит до р. Кир, составляющей границу *Армении и Иберии*». В данном отрывке Плиния (VI, 39) имеется в виду расселение албан до западных пределов Албании, а *не южных*, ибо Кура была границей Армении и Иберии на том участке, где к югу от Куры были армянские земли. А это была Гогарена, захваченная Арменией, а также смежная с Гогареной на северо-востоке от нее территория междуречья Куры и Храми, т.е. юго-западная окраина Камбисены.

Итак, северные и северо-западные границы Албании, как и южные, в I–II вв. н. э. оставались без изменения.

Относительно южных границ лишь напомним, что албанские и армянские реалии I–II вв. н. э. были таковы, что внешне- и внутривполитическое положение Албании было несравненно лучше, чем Армении. Самостоятельность свою Албания не теряла, если даже иногда ей приходилось придерживаться римской или парфянской ориентации.

Арменией же, как известно, правили то атропатенские, то иберийские царевицы, ставленники римские или парфянские. С 52 по 185 г. в Армении находились римские оккупационные войска. В 63 г. в Армении установилась двойная зависимость – от Парфии и Рима. В 114–116 гг. Армения стала римской провинцией. Траян упразднил царскую власть. В 117 г. Рим восстановил в Армении династию Аршакидов, но Армения продолжала находиться в зависимости от Рима и выплачивала дань. При такой ситуации маловероятно, чтобы Армения могла расширить свою территорию на северо-востоке за счет албанских земель.

К карте 4. «Албания в III–IV вв.»

Для III в. источников по исторической географии фактически нет. IV век нашел освещение в трудах Моисея Каланкатуйского, Фавстоса Бузандаци, «Армянской географии VII в.».

Западные границы, так же как и северные, остались без изменения. Что же касается южных границ, то, согласно Фавстосу Бузандаци, в 371 г. армянский полководец Мушег стал громить тех, кто восстал против армянского царя. В числе стран, «отвоєванных Мушегом», Бузандаци называет Иберию и албанские об-

ласти – Арцах, Ути, Сакасену, Гардман и Пайтакаран (*Фавстос Бузандаци*, V, 8, 13).

Как было отмечено, Фавстос Бузандаци явно преувеличивает. Согласно договорам 66 г. до н. э., и 37 г. и 298 г. Армения лишилась всех завоеванных стран, за нею осталось лишь Армянское нагорье. А Иберия и албанские области, «разгромленные Мушегом», вовсе не входили в завоевания Армении. К тому же реальное положение Армении I–IV вв. противоречит данным Фавстоса Бузандаци. Согласно реалиям Армении и Албании можно считать, что граница на юге Албании продолжала проходить по р. Аракс.

К карте 5. «Албания в V в.»

По мнению Д.Л.Мусхелишвили, в V в. восточная граница Иберии (т.е. западная граница Албании) меняется – «...провинция Эрети (т.е. Ехни и Бех «Ашхарацуйца») является военно-административной границей Иберии, которой управляет наместник иберийского царя (эристави).²⁰²

Принадлежность Эрети, – продолжает Д.Л.Мусхелишвили, – к Иберии подтверждается памятником «Мученичества св. Шушаники».*

Нам представляется, что нет оснований столь категорично локализовать провинцию Эрети в V в. в нынешней Белокано-Загатальско-Гахской зоне, т.е. Ехни и Бех («Ашхарацуйца»). Согласно Вахушти, Эрети занимала территорию междуречья Иори и Алазани.²⁰³

Вызывает возражение утверждение Д.Л.Мусхелишвили о том, что «в 80-х годах V в. по справке Мовсеса Каланкатвацци... провинция Камбисена принадлежит царю Албании, однако в 90-х годах она отходит вновь к Иберии, как удел царевича с центром в городе Хорнабуджи, в котором Вахтанг Горгасал основывает епископскую кафедру».²⁰⁴

Согласно данным Моисея Каланкатуйского (I, 7), Вачаган III, албанский царь, «многих, принявших знамение христианства, наставлял, поучал в пути боговедения, и назначал в разные места епископов, иереев и наблюдателей. Эти же строгие приказания он возобновил в Камбечене». Следовательно, Камби-

* Справка Мусхелишвили Д. Л. к картам для "Атласа СССР".

сена была в составе Албании в промежутке между 488 и 506 гг. Каким же образом удалось Д.Л.Мухелишвили установить, что именно в 90-х годах она вновь отходит к Иберии? Он ссылается на «Картлис Цховреба», где говорится, что Вахтанг Горгасал «...посадил епископом одного в Хорнабудже».²⁰⁵ Ведь Вахтанг Горгасал был почти современником Вачагана III. А что произошло за эти десять лет?

К тому же правление Вачагана III – период наивысшего могущества, культурно-политического подъема страны. «Вачаган правил всеми странами своего царства» (*Каланкатуйский*, I, 17). К тому же «Армянская география VII в.», источник, синхронный с Каланкатуйским, также относит Камбисену в это время к Албании.

Единственно, что можно допустить, принимая во внимание данные «Картлис Цховреба» (I, 195, 199), что в V в. часть Камбисены Эрети (локализация по Вахушти, с. 103), т.е. часть междуречья Иори и Алазани, вернее, междуречье среднего течения рек Иори и Алазани, входила, вероятно, в состав Иберии.

Итак, северная граница Албании остается без изменения, а южная, согласно Моисею Каланкатуйскому и «Армянской географии VII в.», продолжает проходить по Араксу. Пайтакаран в первой половине V в. пользуется какой-то внутренней автономией (*Каланкатуйский*, II, 2), но к концу V в., в правление албанского царя Вачагана III становится албанской провинцией (в начале VI в. в числе албанских епископств зафиксировано баласаканское епископство) (*Каланкатуйский* II, 7). Западная граница остается прежней, за исключением территории Камбисены, часть которой, возможно, входит в состав Грузии.²⁰⁶

К карте 6. «Албания в VI–VII вв.».

Д.Л.Мухелишвили считает, что в VI в. остается историко-географическая ситуация конца V в., т.е. продолжается политическая и этническая экспансия Иберии на восток и проникновение восточно-грузинской культуры, что, на наш взгляд, является беспочвенным утверждением. Д.Л.Мухелишвили считает, что есть данные, подтверждающие это: в VI в., в период подвижничества в Восточной Грузии так называемых «сирийских отцов» некоторые из них развили деятельность *именно на территории*

Камбисены» (с. 11). А в книге своей он уточняет: «именно на территории Эрети». Одним из таковых (отцов) был, по его мнению, Стефане Хирсели.²⁰⁷ Что касается ссылки на «Картлис цховреба», то оказалось, что там этот отрывок является добавлением поздних списков XVIII в.; что же касается ссылки в его книге, то в примечании 105 на с. 75 Д.Л.Мухелишвили отмечает, что «в тексте [жития] ареалом подвижничества этих монахов указывается не Эрети, а Кахети. Это объясняется тем, что когда писали текст «Житий»... (X–XII вв.)... эта территория называлась уже Кахети», – поясняет Д.Л.Мухелишвили. Таким образом, как мы видим, «подвижническая» деятельность «сирийских отцов», указанных Д.Л.Мухелишвили, на территории «именно Эрети, именно Камбисены» является натяжкой.

Если даже деятельность «сирийских отцов» имела место в Камбисене, в Эрети, то это говорит лишь о сиропфильском периоде христианства, периоде – общем для всех народов Кавказа.

Заслуживающим внимания фактом является сообщение²⁰⁸ о том, что два брата «захватили Камбисену... и сели жить в Хорнабудже». Но как долго эти два брата удерживали Камбисену, остается неизвестным. Д.Л.Мухелишвили утверждает, что такое положение было в 30–40-х годах VII в. и ссылается на Каланкатуйского, текст которого совсем не подтверждает его мнение (*Каланкатуйский*, II, 19).

Итак, основываясь на данных синхронных источников VII–VIII вв. Моисея Каланкатуйского и «Армянской географии VII в.», а также арабских авторов, можно считать, что границы Албании в VI–VII вв. остались без изменения. Так, Каланкатуйский сообщает: «Таким образом, он (Джеваншир – 642–681) самодержавно и с великолепием господствовал от пределов Иберии до ворот гуннских и до р. Аракса (*Каланкатуйский*, II, 21).

§ 3. Экономика

Этот раздел написан крайне лаконично, ибо многие аспекты его достаточно освещены в работах азербайджанских историков, археологов, а также в последнем издании 7-томной «Истории Азербайджана». К тому же они частично нашли отражение в § 1 «Политико-административные единицы» данной главы.

Земледелие и скотоводство. Албания была щедро одарена природой – благоприятный климат, богатые леса, плодородные и хорошо орошаемые степные и предгорные просторы, обширные зимние и летние пастбища, полезные ископаемые. В Албании было несколько почвенно-климатических зон, каждая из которых способствовала развитию определенной отрасли хозяйства.²⁰⁹ Хорошо орошаемые плодородные массивы, а также не нуждающиеся в искусственном орошении предгорные, увлажненные достаточным количеством осадков районы были зоной основной формы хозяйства населения страны – земледелия с его ведущими отраслями – полеводством, виноградарством и виноделием. Земледелие получило широкое развитие в Кура-Араксинской и Прикаспийской низменностях. Албанская почва поражала своей тучностью и урожайностью как античных авторов, так и средневековых армянских и арабских.²¹⁰ Еще Страбон отмечал, что албанская «равнина орошается лучше, чем вавилонская и египетская, реками и другими водами» (*Страбон*, XI, 4, 3, с. 502).

В отличие от предгорных районов в Кура-Араксинской и Прикаспийской низменностях земледелие не могло существовать без искусственного орошения. В Албании была сложная и широко разветвленная ирригационная система (арыки, кягризы, сеть каналов), остатки которой выявлены раскопками и разведками в разных частях страны – в Мильской степи (Гяурарх), на Мугани, в Прикаспии.²¹¹

Плодородные поля орошались также множеством рек, что отмечали и армянские авторы VII в. Ширакаци, Себеос и албанский автор Каланкатуйский. Основными водными артериями страны являлись Кура с ее притоками и Аракс. На плодородных равнинах и речных долинах выращивались зерновые и технические, а также огородно-бахчевые культуры, развивалось виноградарство. Согласно данным Моисея Каланкатуйского и Анания Ширакаци, население Албании занималось земледелием по обоим берегам р. Куры, Мильско-Муганской степи и в Нахичевани (*Каланкатуйский*, I, 5). В письменных источниках нет сведений об обработке земли в раннесредневековой Албании. Ценные дан-

ные об этом представили археологические и этнографические изыскания.

Согласно данным археологии, у албан существовало пахотное земледелие. Обработка земли велась с помощью железного лемеха, остатки которого были найдены в раннесредневековом поселении в Мингечауре.²¹² Археологами выявлено большое количество жатвенных орудий – железные серпы, лезвие косы,²¹³ а также костяные когти для охвата снопов.²¹⁴ По сообщению Моисея Каланкатуйского, по обоим берегам р. Куры выращивали ячмень, пшеницу (*Каланкатуйский*, I, 5, 26), рос здесь самородный ячмень.²¹⁵ Албаны культивировали просо.

Археологические работы в районе Мингечаура, в селе Судагылан, а также в городище Хыныслы выявили остатки ячменя, проса и пшеницы.²¹⁶ По данным письменных источников, а также археологических раскопок, зерновые культуры хранились в больших глубоких хозяйственных грунтовых ямах – погребях, а также в больших хозяйственных кувшинах (*Хоренаци*, III, 32).²¹⁷ Молотьба зерновых культур осуществлялась при помощи молотильных досок, деревянных палок, а также с помощью животных, выбивающих копытами зерна.²¹⁸ Зерна мололись каменными жерновами, зернотерками. Находки многочисленных орудий земледельческого труда, а также ямы для хранения зерна свидетельствуют о высоком уровне земледелия. Албания славилась необычайным плодородием виноградных лоз. Виноградарство Страбон особо отмечал в Албании.²¹⁹ В стране было сильно развито садоводство – выращивали смоковницу (инжир), гранат, вишню, китровое (цитрусовое) дерево, персик, кизил, каштаны, грецкий орех, оливковые деревья (маслиновое дерево).²²⁰ Арабскими историками-географами упоминаются также шафран, тутовое дерево, лен. Население занималось также огородничеством – выращивало арбузы, тыкву. Удельный вес виноделия в сельском хозяйстве был самым большим. В этой связи особый интерес представляют свободные сосуды, несомненно служившие для розлива вина. Они встречаются главным образом в Алазанской долине, в Мильской степи и в кувшинных погребениях Мингечаура. Албания производила один из главнейших красителей – марену. «Марена растет во всем Аране от пределов Баб-аль-Абваба (Дербент), до Тифлиса».²²¹ В стране выращивали хлопок,

чему благоприятствовали климатические и почвенные условия. По сообщению Каланкатуйского, хлопок изобиловал по берегам Куры (*Каланкатуйский*, I, 5).

В катакомбных погребениях Мингечаура обнаружены семена хлопка и мотки хлопчатобумажных ниток.²²²

Таким образом, основное земледельческое население страны было сосредоточено в плодородных долинах Куры и Аракса, в предгорьях Малого и Большого Кавказа.

Здесь были экономически наиболее развитые области страны, общественной строй которых был ведущим. Важное место в жизни населения Албании занимало скотоводство.

Горные районы с альпийскими лугами, покрытые сочными травами, почти не знающие в зимнее время снега степные пространства Кура-Араксинской низменности и прикаспийские районы давали возможность для широкого развития отгонного скотоводства. Албания настолько славилась своими пастбищами, что армяне в поисках корма приходили со своими стадами на зимовку на землю албан (*Каланкатуйский*, I, 7, 21). Согласно данным античных и раннесредневековых авторов, здесь разводили коз, овец, крупный рогатый скот, лошадей, свиней, верблюдов.

Роль охотничьего промысла в период раннесредневековья неуклонно падает, и увеличивается производство крупного и мелкого рогатого скота. Об этой отрасли хозяйства Албании мы более подробно узнаём у Моисея Каланкатуйского, который отмечает разведение крупного и мелкого рогатого скота, коневодства (в том числе, верхового) (*Каланкатуйский*, I, 5, 26).²²³ Он также упоминает об особой породе белых лошадей.

Арабские географы Мукаддаси, Истахри, Ибн аль-Факих, Ибн-Хаукаль тоже отмечают наличие в Албании крупного и мелкого рогатого скота, мулов, лошадей, ослов. Большую роль, по видимому, в раннем средневековье сыграли в скотоводческом хозяйстве собаки, так как в археологических раскопках выявлены остатки их костей.²²⁴

Изучение археологического и этнографического материала показывает, что в раннесредневековой Албании разводились также верблюды, которые служили для перевозки товаров и верховой езды. Изготовление молочных продуктов в раннесредневековой Албании стояло на высоком уровне. В скотоводческом хо-

зайстве пользовались глиняными, деревянными и кожаными маслoбойками. Археологические и этнографические изыскания свидетельствуют о широком производстве и применении населением страны шерсти и кожи.

В раскопках Мингечаура, относящихся к III–VIII вв., обнаружены ножницы для стрижки овец, железные ножницы выявлены и в катакомбных погребениях. Интересно отметить, что они до сих пор применяются в скотоводческом хозяйстве Азербайджана. Таким образом, вышеуказанные материалы показывают, что в связи с развитием мелкого рогатого скота в раннесредневековой Албании производство шерсти было на высоком уровне. Скотоводством занималось как полукочевое, так и оседлое население Албании. Скотоводство преобладало в нагорных районах, где господствовали более отсталые формы ведения хозяйства. Собственники огромных стад и табунов лошадей на обширных и высокогорных пастбищах вели свое хозяйство довольно отсталыми методами.

В хозяйственной жизни страны большую роль играло и рыболовство. Античные и арабские авторы, Моисей Каланкатуйский особо подчеркивают изобилие различной рыбы, которой славилась Албания. Албаны рыбу солили, сушили и на верблюдах возили в Персию. Из жира ее добывали какую-то целебную мазь и, главное, вываривая внутренности, изготовляли из них ценный осетровый клей. Это свидетельствует о высоком уровне хозяйственной культуры албан.

Ремесло. В результате роста производительных сил, развития и укрепления феодальных отношений, а также в связи с повышением роли городов в экономике Албании, произошли изменения в социальной структуре городов – появились свободные ремесленники, окончательно порвавшие связь с земледелием. Стало расширяться ремесленное производство, для развития которого была богатая сырьевая база и другие необходимые материальные ресурсы.

Албания славилась ткацким производством. Основным сырьем для ткачества служили шерсть, лен, шелк, хлопок (*Каланкатуйский*, II, 16.).²²⁵ Изобилие шелковицы на берегах Куры обеспечивало выделку разноцветных шелковых тканей (*Каланкатуйский*, I, 5).²²⁶ Грена тутового шелкопряда была завезена из

Китая. Основными красителями были марена, кошениль, а также листья, кора, корни и плоды растений.²²⁷ Наличие в Албании большого количества мелкого рогатого скота обеспечивало сырьем производство шерсти, шерстяных тканей, ковров, ниток. Археологами найдены глиняные пряслица, киргиды, ткацкие станки, ковроткацкие станки (в Мингечауре, в городище Байлакан и в др. местах).²²⁸ Кроме албанского автора об изготовлении в Албании полотняных тканей, шелка, льна сообщают арабские географы Истахри, Ибн-Хаукаль, Иакут Хамави. Так, Истахри сообщает, что «из Барды вывозится много шелка. Червей шелковичных вскармливают на тутовых деревьях, не принадлежащих никому. Много шелка отправляется оттуда в Персию и Хузистан».²²⁹

Письменные источники и археологические изыскания свидетельствуют о том, что страна издавна была одним из центров металлургии и производства металлических изделий, утвари. В раннем средневековье эта отрасль хозяйства находилась на высоком уровне. Существовало несколько центров по производству металлических изделий: нынешние Кедабекский, Ширванский, Карабахский, Шеки-Загатальский, Губинский и другие районы. Была развита добыча железа, меди, золота, серебра (*Каланкатуйский*, II, 16). Выработана специальная техника добычи и обработки металла: холодная и горячаяковка, припайка, литье и чеканка.²³⁰ Археологами выявлены различные формы для отливки металлов и орудий производства. Было развито производство железных предметов военного и хозяйственно-бытового назначения – железные кинжалы, мечи, ножи, серпы, плуги, топоры и др.

Высокого мастерства достигли мастера-ювелиры, изготавливающие золотые, серебряные, бронзовые украшения – серьги, браслеты, диадемы, кольца, ожерелья, пояса.²³¹ Существенное место занимало в Албании производство утвари из драгоценных металлов и бронзы – пиал, тарелок, кувшинов, ваз, блюд, сахарниц. Памятники торевтики (художественной металлообработки), выявленные в археологических комплексах, представлены образцами импорта и местного производства, созданными под влиянием привозных сасанидских образцов. Драгоценная утварь – предметы торевтики имели сравнительно широкое употребление в быту местного населения.²³²

В Албании одним из видов ремесла было гончарное произ-

водство. В результате археологических исследований было выявлено множество керамических изделий различного типа и назначения. Они найдены в основном в Мингечауре, Кабале, Шамахе, Торпагкале (Гахский район), Шергяхе (Шамахинский район), Худжбале (Губинский район) и в Исмаиллинском районе. Привлекают внимание гончарные горны и гончарные печи двухъярусного типа четырехугольной формы. Согласно данным албанского автора Моисея Каланкатуйского, албанские гончары изготавливали «разные драгоценные царские сосуды» (*Каланкатуйский*, I, 23).²³³ Ювелиры украшали эти сосуды золотом, серебром и драгоценными камнями. Это подтверждают и арабские географы.²³⁴ Надо отметить, что с III в. н. э. в технике изготовления керамических изделий наблюдается резкий упадок, что исследователи толкуют по-разному. Одни считают это следствием войн и нашествием кочевников, увозом гончаров в чужие страны,²³⁵ другие видят причину в смене экономической формации: в развитии феодального способа производства.²³⁶ Многочисленные стеклянные, металлические и деревянные изделия (сосуды, а также другие предметы бытового назначения), драгоценная утварь, выявленные в археологических комплексах Албании данного периода, дают основание предположить, что гончарные изделия в быту албан как устаревшие были вытеснены упомянутыми изделиями. Гончарные изделия находили применение в хозяйстве и быту низшего сословия. Высокого уровня достигли в стране деревообрабатывающее, кожевенное, камнерезное ремесла. Последнее находило применение в архитектуре, при изготовлении гемм, бус, зернотерок,²³⁷ а также было развито производство стекла (стеклянных предметов бытового и алхимического назначения: графины, кувшины, пиалы, бокалы, сахарницы, флаконы, бусы и др.). Археологами выявлены в Амарасе (Агдамский район), в Торпагкале (Гахский район) стекловаренные печи.²³⁸ Албаны были известны также как искусные мастера резьбы по дереву и кости.

Итак, письменные и археологические данные дают возможность говорить о высоком уровне ремесленного производства и различных его отраслях в III–VII вв.

§ 4. Города

Проблемы городов раннего средневековья, возникновения и становления их социальной структуры являются актуальными как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке. В последней четверти XX столетия средневековые города Переднего Востока, Средней Азии явились объектом внимания бывших советских ученых.²³⁹ Проблема городов Албании (Кабала, Байлакан, Нахичевань, Шемаха, Дербент) изучена в специальных работах Г.М.Ахмедова, Р.Мамедова, И.А.Бабаева, Г.А.Джидди, А.А.Кудрявцева, М.С.Гаджиева, М.Х.Гейдарова, а также частично отражена в исследованиях К.В.Тревер, З.М.Буниятова, С.Ашурбейли.²⁴⁰

Период раннего средневековья Албании характеризуется ростом городов, где наряду с процессом развития (отстраивания) старых городов (Кабала, Нахичеван, Дербент) шел процесс возникновения новых городов (Барда, Байлакан и др.), а также оживлением городской жизни. В этот же период в Армении наблюдается упадок городской жизни, что объясняется разложением центрального государства – постоянного покровителя городов, постепенным ослаблением политической власти, а в 428 г. совершенным упразднением царской власти, государственности. Это, в свою очередь, положило начало усилению центробежных устремлений армянских феодалов и борьбе между нахарарами и городами, ослаблению последних, ослаблению торговых связей между странами.

В Албании же, где феодальные отношения развивались в условиях сильной политической центральной власти (наличие царской власти до VI в., а после – наличие власти великих князей Михранидов), которая, будучи заинтересованной, ощущала материальную необходимость в городах, поддерживала их, так как могла использовать их в борьбе с феодалами. У вновь феодализирующейся знати также появляется интерес к освоению новых пожалованных земель – все это приводит к процветанию городской жизни, поддержке старых городов и появлению новых. Что касается торгово-ремесленной верхушки в городах Албании, то и она была заинтересована в сильном государстве с сильной центральной властью, обеспечивающей бесперебойную торговлю. Таким образом, города Албании в период раннего средневековья

продолжали быть опорой албанских Аршакидов, а впоследствии албанских Михранидов.

Для Албании характерным типом были города, возникшие на магистральных путях международной транзитной торговли. К ним относились Барда, Дербент, Кабала, Чола, Байлакан. Эти города были крупными административными и торгово-ремесленными центрами. Они именовались в источниках «великими» и «славными» (*Каланкатуйский*, II, 4, 10).²⁴¹ Другой тип городов – это центры ремесленного производства и торговли, расположенные в местностях, замкнутых и отдаленных от торговых магистралей. К таким городам относились Шаки, Шамхор, Гардман, Нахичеван и др. Эти города являлись в то же время крепостями, где располагались военные отряды.²⁴² И третий тип – это города земледельческого характера. Они являлись административными центрами феодальных областей, но не были городами в социально-экономическом смысле.²⁴³ К ним можно отнести поселения Гяуркала (Агдамский район),²⁴⁴ Торпагкала (Кахский район),²⁴⁵ Мингечаур и ряд других. К городам первых двух типов примыкали сельские округа, население которых занималось сельским хозяйством.²⁴⁶ В этот период были известны такие города, как Дербент, Чола, Шабран, Шемаха, Шаки, Кабала, Шамкир, Барда, Байлакан, Халхал, Амарас, Нахичеван.

Став столицей или резиденцией династий, город в своем экономическом развитии опережал другие города. В столице концентрировались основные военные силы правителей. Города же, ставшие политико-административными центрами, нередко пользовались привилегиями экономического характера.²⁴⁷

Что же касается политической структуры городов Албании, то согласно данным Моисея Каланкатуйского (*Каланкатуйский*, I, 19, 23), они управлялись своими местными правителями (гордзакал). Видимо, имело место так называемое городское собрание с участием всех жителей города, которое принимало решение в острых политических ситуациях (*Каланкатуйский*, II, 11).

Столицей Албании с V в. была Барда (Партав). Находящаяся на перекрестке важных караванных путей из Ирана, Средней Азии, Южного Азербайджана, Армении, Грузии, арабских стран, Византии,²⁴⁸ Северного Кавказа, она становилась одним из крупнейших торговых центров Ближнего и Среднего Востока. Барда

(Партав) одновременно была главным городом крупной области Ути. В раннем средневековье она становится политическим, религиозным и культурным центром Кавказской Албании. Барда была местом пребывания последних албанских Аршакидов, великих князей Михранидов и с V по IX вв. – албанского католикоса. Согласно Каланкатуйскому и арабским авторам, Барда была построена в V в. албанским царем Ваче (*Каланкатуйский*, I, 15).²⁴⁹ Она была торгово-ремесленным центром. Отсюда вывозили шелковичных червей, коконы, много шелка, инжира, марену и т. д. Во время персидско-византийских войн в 628 г. Барда была разрушена союзниками Византии хазарами. Город был восстановлен только при первом омейядском халифе Муавие (661–680) правителем Арана (Албании) Абд ал-Азизом ибн Хатимом.²⁵⁰

При Аббасидах (в 752 г.) Барда, отторгнутая «от князей албанских», стала столицей вилайета Аран и с этого времени перешла под полный контроль арабов. В правление халифа Мансура в Барде имелся свой монетный двор, где чеканились монеты со штампом «Барда».²⁵¹ Много ярких страниц оставили арабские географы IX–X вв. о Барде, крупнейшем городе Кавказа, достигшей своего наивысшего расцвета при Аббасидах. Арабские авторы именуют Барду главным городом Арана, сообщают о его прекрасных строениях из обожженного кирпича и гипса, о великолепных рынках, ремесленном производстве; особенно о шелкоткацких изделиях.²⁵² В X в. в результате внешних вторжений, а также перемещения главных транзитных путей с севера на юг и других экономических причин, город стал приходить в упадок.²⁵³

Одним из значительных городов Албании была Кабала. Она возникла в конце IV в. – начале III в. до н. э. и просуществовала до XVIII в. До V в. Кабала была столицей Албании, местопребыванием албанских царей, албанского архиепископа. Но и после перенесения столицы в г. Барду Кабала продолжала оставаться одним из крупных политико-административных, церковно-административных (епископство), торгово-ремесленных и культурных центров страны.

В результате многолетних археологических работ, которые начались с 1958 г., выяснилось, что наиболее древняя часть города (IV в. до н. э. – I в. н. э.) была расположена в междуречье

Карачая и Гочаланчая. С конца I в. до середины XVIII в. город был расположен на высоком холме в междуречье Карачая и Джовурлу-чая. Цитадель города занимает площадь более 25 га, укреплена мощными оборонительными сооружениями и искусственным рвом. Она была разделена на северную часть, называемую Сельбиром, и южную – Калой (крепость). До IX в. жили в основном на территории Сельбира, а в IX в. на территории Калы.²⁵⁴ При раскопках были выявлены остатки многочисленных жилых и общественных сооружений, предметов ремесленного производства, монет, булл. Здания были построены из камня, сырцового и обожженного кирпича и украшались рельефным геометрическим орнаментом из глины, иногда покрытой глазурью.²⁵⁵ Здания покрывались высококачественной черепицей, что свидетельствует о развитом строительном искусстве.²⁵⁶

Одним из значительных городов раннесредневековой Албании был Дербент (Чола), который известен не только как главный оплот албан, оплот Сасанидов на Кавказе, но и как значительный средневековый город, один из крупнейших торгово-ремесленных и политических центров. Ключевые позиции Дербента на одном из важнейших торговых путей древнего мира, особое военно-стратегическое значение при албанских правителях и при Сасанидах способствовали его быстрому развитию. В VI в. Дербент становится известен как город с четко выделенной внутренней структурой и топографией.²⁵⁷ В источниках Дербент назван «великим городом» (*Каланкатуйский*, II, 4, 11), «крепостью» (*Себеос*, III, 35), «городом Чорского прохода, великой твердыней, построенной среди моря».²⁵⁸

Становление Дербента городом происходило путем превращения военно-политического оплота, стратегического пункта албанских правителей и сасанидских царей в значительный административный центр (местопребывания большого гарнизона) с дальнейшим развитием его в средневековый торгово-экономический центр.²⁵⁹ В этом превращении большую роль сыграла строительная деятельность сасанидских царей, о чем красноречиво сообщает албанский автор: «Но он видел, что произошло с защитниками великого города Чола (Дербента) и с войсками, находившимися на дивных стенах, для построения которых цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и

изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным» (*Каланкатуйский*, II, 11).

Масштабы фортификационного строительства потребовали длительного скопления здесь множества рабочих самых различных профессий. Результаты археологических исследований показали, что все оборонительные сооружения этой длинной стены «выполнены с наружной облицовкой из тщательно обработанных каменных блоков, добытых и привезенных сюда из дербентских карьеров, тогда как забутовка сделана из местного камня».²⁶⁰ Основными ремесленными отраслями города были ткачество, металлообработка, металлургия, стеклоделие, гончарное производство, которое находит себе широкую аналогию не только в посуде памятников Ближнего Востока и Закавказья, но и в керамике Средней Азии.²⁶¹

Дербент имел четко выделенную внутреннюю структуру. По площади городской территории (около 150 га) он значительно превосходил многие крупнейшие раннесредневековые города Переднего Востока, Центрального Кавказа и Средней Азии. Общая же площадь заселенной территории города (без учета приморского района) достигает, согласно археологическим данным, 26–27 га, что составляет около 1/6 пространства, обнесенного стенами города.²⁶² В Дербенте четко выделяются две составные части города: цитадель и собственно город. Цитадель, называемая в настоящее время Нарын-кала, занимала особое место – это резиденция правителя города, местопребывание его двора и гарнизона, административный, военно-политический и культурный центр.²⁶³ Мощные стены толщиной до 2,5 – 3,5 м, достигающие на отдельных участках высоты 20 – 25 м, делают ее неприступной крепостью.²⁶⁴ Раннесредневековый Дербент не имел еще одной части, городской структуры – пригорода (рабада). Таким образом, огромная огражденная стенами территория вполне давала возможность расти и развиваться городу на значительном пространстве.

Особое положение в структуре городского общества занимали воины, составляющие прослойку между господствующим классом городской аристократии и низшими слоями мелких торговцев и ремесленников. Для охраны границы Сасаниды поселяли

в Дербенте военных колонистов, наделяя их землей.²⁶⁵ Дербент известен и как культурный центр, один из главных христианских центров на Восточном Кавказе. Согласно сведениям Каланкатуйского (*ИА*, II, 4), здесь находился католикос Албанской Апостольской Автокефальной Церкви до VI в.

Дербент в течение длительного периода был ареной ожесточенных арабо-хазарских войн. В силу своего стратегического положения Дербент сохранился и был превращен арабами в крупнейший опорный пункт халифата на Кавказе, в важнейший политический и идеологический центр.

Известными городами были Нахичеван, Байлакан, Шемаха, которым, как было отмечено, посвящены специальные исследования, а также города Шаки, Шамкир, Шабран, Халхал, Амарас.

Библиография:

- ¹ Еремян С.Т. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов. - ВДИ, 1939, № 1, с. 79-97;
Он же. Армения по "Ашхарацуйцу".
Он же. "Ашхарацуйц" (Армянская география VII в.) - выдающийся памятник географии и картографии древнего мира. - ВОН АН Арм. ССР, 1968, № 5, с. 43-60;
Бердзенашвили Н. А. Из прошлого Восточной Кахети;
Бердзенашвили Д. К. Очерки по исторической географии Грузии. Тбилиси, 1979;
Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959;
Мухелишвили Д. Л. Основные вопросы исторической географии Грузии;
Он же. Город Уджарма (к историческим взаимоотношениям Иберии и Албании). Сборник по исторической географии Грузии, 1964, т. II;
Он же. Вопросы политической географии Кахети и Эрети в XII-XIII вв. Сборник по исторической географии Грузии, 1967, т. III (груз. яз.);
Папуашвили Т. Г. Вопросы истории Эрети. Тбилиси, 1970 (груз. яз.);
Сборник по исторической географии Грузии. Тбилиси, 1960, т. I; 1964, т. II; 1967, т. III (груз. яз.).
- ² Яновский А. О древней Кавказской Албании. - ЖМНП, СПб., 1846, ч. III.
- ³ Дорн Б. Древняя Албания по Птоломею: Дополнение к его же книге: Каспий. О походе древних русских в Табаристан. Изд. в приложении к Зап. АН, 1875, т. 26.
- ⁴ Tomaschek W. Albania. - PWK.
- ⁵ Крымский А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания), I - Кабала, с. 289-305;
Он же. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания). II - Шеки, с. 369-384.
- ⁶ Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании.
- ⁷ Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу".
- ⁸ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 137-142.
- ⁹ Алиев К. Кавказская Албания, с. 13, 98-100.
- ¹⁰ Новосельцев А. П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период, с. 10-18;
Муравьев С. Н. Птолемева карта Кавказской Албании и уровень Каспия. - ВДИ, 1983, № 1.
- ¹¹ Буниятов З. М. Новые данные о нахождении крепости Шеки, с. 869-871.
- ¹² Он же. Азербайджан в VII-IX вв., с. 92, 100;
Он же. Об одном историческом недоразумении. - ДАН АзССР, 1977, т. XXXIII, № 2, с. 67-68.
- ¹³ Новосельцев А. П. Рец. на древнеарм. изд. В.Д. Аракеяна: Мовсес Каланкатваци. История страны алван.
- ¹⁴ Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам;
Он же. Древний Дербент, с. 62.
- ¹⁵ Он же. Древний Дербент, с. 64.
- ¹⁶ Он же. Древний Дербент, с. 65, 80; Город, не подвластный векам с. 68.
- ¹⁷ Он же. Древний Дербент, с. 79.
- ¹⁸ Там же, с. 79-81.
- ¹⁹ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 242- 243.
- ²⁰ Каланкатуйский, I, 6; Себеос, III, 36; Егишэ, III; Гевонд, VIII; Фавстос Бузандаци, III, 7; Армянская география VII в. / Перевод и примечания К. Патканова. СПб., 1877, с. 36-39;

- Мамедов Т. Древнеармянские авторы об этническом составе Азербайджана / Материалы к Всесоюзной сессии, посвящая итогам археол. и этнограф. исслед. 1969 г. в СССР. Тез. Баку, 1970, с. 40-41;
- Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов. Баку, 1983, с. 18-21.
- ²¹ Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании, с. 138-139.
- ²² Еремян С. Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. - Зап. ИВАН СССР. М.-Л., 1939, т. VII, с. 148-149; Он же. Атлас к книге "История армянского народа". Ереван, 1932 (Карта V-VII вв.);
- Алиев К. Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании. Исследования по истории культуры народов Востока. М.- Л., 1960, с. 16.
- ²³ Алиев И. Сармато-Аланы на пути в Иран. В кн.: "История иранского государства и культуры". М., 1971, с. 200-206;
- Он же. К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги "Географии" Страбона, с. 150-165.
- ²⁴ Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан, с. 171-172;
- Византийские историки / Пер. с греческ. С. Дестуниса. СПб., 1860, с. 411-412.
- ²⁵ Яновский А. О древней Кавказской Албании, с. 164.
- ²⁶ Казиев С. М. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. - Изв. АН АзССР, 1949, № 9, с. 97;
- Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 89.
- ²⁷ Ваидов Р. Раннесредневековое городище Судагьлан (Мингечаур), с. 129;
- Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 69.
- ²⁸ Ионе Г. И. Гончарные печи древнего Мингечаура. - КСИИМК, 1949, т. 24, с. 42.
- ²⁹ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 253- 254.
- ³⁰ Там же, с. 254.
- ³¹ Крымский А. Е. Страницы из истории, I - Кабала, с. 298;
- Еремян С. Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу, с. 130.
- ³² Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан, с. 171-172;
- Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов, с. 19.
- ³³ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 192.
- ³⁴ Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов, с. 34.
- ³⁵ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 181.
- ³⁶ Крымский А. Е. Страницы из истории, II - Шеки, с. 371.
- ³⁷ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 151.
- ³⁸ Там же, с. 49.
- ³⁹ Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов, с. 19.
- ⁴⁰ Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 40-41;
- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- ⁴¹ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 245.
- ⁴² Marquart J. Eransahr nach der Geographi des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901, s. 120;
- Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971, с. 423, примеч. 1;
- Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 109;
- Касумова С. Ю. Южный Азербайджан в III-VII вв., с. 28.
- ⁴³ Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов, с. 26.
- ⁴⁴ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с.150.
- ⁴⁵ E. Honigmann et A. Maricq. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis. - Memoires de Academic Royale de Belgique, classe de letters et des sciences, 1953, t. XLVII, f. 4, p. 40.

- ⁴⁶ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 423, примеч. 1.
- ⁴⁷ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 233.
- ⁴⁸ Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов, с. 26-29.
- ⁴⁹ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 420-423;
- Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов, с. 19-27.
- ⁵⁰ Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 303- 304.
- ⁵¹ Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 83.
- ⁵² Там же, с. 111-112.
- ⁵³ Там же, с. 190-194.
- ⁵⁴ Там же, с. 191.
- ⁵⁵ Там же, с. 226-229.
- ⁵⁶ Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв, с. 193-194.
- ⁵⁷ Страбон. География / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1964, XI, гл. 7, 1; гл. 14, 14;
- Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 143- 144.
- ⁵⁸ Очерки истории СССР III-IX вв. М., 1958, с. 303.
- ⁵⁹ Лазар Парпеци. История Армении и послание Ваану Мамиконяну. Тифлис, 1904; 2-е изд. Тифлис, 1907 (древнеарм. яз.), с. 292; Приблизительно здесь же локализует кангаров С.Г. Кляшторный См.: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 175. "Армянская география VII в." включает область Кангарк в состав Грузинской провинции Гугарк и локализует ее на границе с албанской провинцией Ути. См.: Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуцу", с. 57, 104, 108, 118-119.
- ⁶⁰ Византийские историки / Пер. с греческ. С. Дестуниса, с. 411-412;
- Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 179.
- ⁶¹ Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 194, примеч. 62.
- ⁶² Алиев И., Османов Ф. Бассейн рек Геокчай - Гирдыманчай - Ахсучай в античное время. - Сов. археология, 1975, № 1.
- ⁶³ Еремян С. Т. Политическая история Албании III-V вв., с. 319.
- ⁶⁴ Буниятов З. М. Albania, III. О локализации области Гардман.
- ⁶⁵ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 251.
- ⁶⁶ Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 148.
- ⁶⁷ Там же, с. 225-229.
- ⁶⁸ Там же, с. 143.
- ⁶⁹ Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 304.
- ⁷⁰ Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 189-190, 210.
- ⁷¹ Киракос Гандзакети. История. / Т. Тер-Григорьяна, с. 117-120, 132-135; 196-198;
- Он же. История Армении. / А.А. Ханларяна, гл. 20, 21, 30, 39, 44, 55, 57, 63;
- Орбели И. А. Хасан Джалал, князь Хаченский. Избр. труды;
- Он же. Бытовые рельефы на хаченских крестных камнях XII-XIII вв. Избр. труды.
- ⁷² Проконий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готами. Перевод С. Дестуниса. СПб., 1876-1880, с. 180.
- ⁷³ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 422-423;
- Акопян Т. Х. Очерки по исторической географии Армении. Ереван, 1960, с. 189-195.
- ⁷⁴ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 146.
- ⁷⁵ Ухтанес. История отделения грузин от армян;
- Джавахов И. А. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII в., с. 436;
- История епископа Себеоса. Перевод Ст. Малхасяна, с. 26-29;
- Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 78, 92-93, 100.

- ⁷⁶ Hübsc mann H. Die Altarmenische Ortsnamen, с. 216;
 Marquart J. Eransah nach der Geographi des Ps. Moses Xorenci.
- ⁷⁷ Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи, с. 187.
- ⁷⁸ Ачарян Р. И. История армянского языка, с. 128-129;
 Hübsc mann H.. Die Altarmenische Ortsnamen, с. 519.
- ⁷⁹ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 421, 423.
- ⁸⁰ История епископа Себеоса Ст. Малхасяна, с. 150-151;
 Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 233- 234.
- ⁸¹ Степаннос Орбелян. История области Сисакан. Тифлис, 1910 (древнеарм. яз.);
 Степаннос Орбелян. Из истории рода Сисакан. Перевод Т. Тер-Григорьяна. НАИИ АН АзССР, № 1274, I, 4;
 Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 421-422, примеч. 4;
 Еремян С. Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов. - Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, № 7 (12), с. 33-34.
- ⁸² Степаннос Орбелян. История области Сисакан (древнеарм. яз.);
 Степаннос Орбелян. Из истории рода Сисакан, I, 4;
 Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 421-422.
- ⁸³ Еремян С. Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов;
 Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 202.
- ⁸⁴ История епископа Себеоса Ст. Малхасяна, с. 28-29;
 История императора Иракла, сочинение епископа Себеоса, писателя VII в. / Пер. с арм. К. Патканова.
- ⁸⁵ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 423.
- ⁸⁶ Там же, с. 343;
 Еремян С. Т. Атлас к книге "История армянского народа". Ереван, 1932 (Карта V-VII вв.);
 Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 234.
- ⁸⁷ Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 141.
- ⁸⁸ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 319.
- ⁸⁹ Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 82;
 Анания Ширакаци. Изд. А.Г. Абрамяна, Г.Б. Петросяна, с. 137.
- ⁹⁰ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 343.
- ⁹¹ Анания Ширакаци. Указ раб., с. 129.
- ⁹² Там же, с. 148.
- ⁹³ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 318-319.
- ⁹⁴ Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский). История Армении. Перевод Н.О. Эмина М., 1893, I, 30, с. 44-45.
- ⁹⁵ Буниятов З. М. Об одном историческом недоразумении.
- ⁹⁶ Корюн. Житие Маштоца. Перевод Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Огаджаняна, с. 87-88.
- ⁹⁷ Там же, с. 99.
- ⁹⁸ Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 143;
 Мамедов Рауф. Исторический очерк города Нахичевана, с. 25.
- ⁹⁹ Степанос Таронский. Асохик. Всеобщая история. Перевод Н.Эмина. М., 1864, с. 92;
 Вардан Великий. Всеобщая история. Перевод Н.О. Эмина, с. 91;
 Киракос Гандзакечи. История. Изд. Т. Тер-Григорьяна, гл. 1;
 Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вардапетом Айриванским. Русск. перевод К. Патканова. СПб., 1869, с. 399.
- ¹⁰⁰ Шарифли М. Х. О создании государства Саларидов. - ДАН АзССР, 1960, № 3

(азерб. яз.), с. 23-24.

¹⁰¹ Шарифли М. Х. Феодалные государства Азербайджана второй половины IX-XI вв. Автореф. дисс. д-ра ист. наук. Баку, 1965, с. 63-65.

¹⁰² Степанос Таронский. Асохик. Всеобщая история, с. 131-133, 140.

¹⁰³ Мамедов Рауф. Исторический очерк города Нахичевана, с. 69-73.

¹⁰⁴ Айвазян Аргам. Историко-архитектурные памятники Нахичевани; Он же. Памятники армянской архитектуры Нахичеванской АССР.

¹⁰⁵ Он же. Историко-архитектурные памятники Нахичевани, с. 7.

¹⁰⁶ Чамчян М. История Армении, с. 131.

¹⁰⁷ Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 34, 41, 75, 88.

¹⁰⁸ История армянского народа. Под ред. Б.Н. Аракеяна и А.Р. Ионисяна. Ереван, 1951, с. 35-81.

¹⁰⁹ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 58.

¹¹⁰ Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании, с. 40, 44-45;

Улубабян Б. О топонимах "Албания", "Агванк", "Аран";

Новосельцев А. П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период, с. 10-18.

¹¹¹ Страбон. География. Перевод Г.А. Стратановского. М., 1964, гл. 14, 5, с. 528.

¹¹² Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 58.

¹¹³ Страбон. География, XI, гл. 4, 5, с. 502.

¹¹⁴ Marquart J. Eragansahr nach der Geographi des Ps. Moses Xorenaci, с. 109;

Манандян Я. А. Тигран II и Рим. Ереван, 1943, с. 47.

¹¹⁵ Манандян Я. А. Указ. раб., с. 27, 47, 48;

Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, с. 65-67;

Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 192-194.

¹¹⁶ Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 67-69.

¹¹⁷ Там же, с. 66-67.

¹¹⁸ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 68.

¹¹⁹ Там же, с. 8.

¹²⁰ E. Honigmann et A. Maricq. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis. - Memoires de Academic Royale de Belgique, classe de letters et des sciences, 1953, t. XLVII, f. 4, p. 137;

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 8.

¹²¹ Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, с. 663.

¹²² История армянского народа. Под ред. Б.Н. Аракеяна и А.Р. Ионисяна, с. 44, 46.

¹²³ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 110- 111.

¹²⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Помпей. (Plutarch's Lives, vol. 5. London, 1917);

Мовсес Каланкатваци. История страны алван. Изд. Н. Эмина;

Аппиан. Митридатовы войны. ВДИ, 1948, № 2, гл.117.

¹²⁵ Мушегян Х. А. Денежное обращение Армении (V в. до н. э. -XIV в. н. э.). Ереван, 1983, с. 245.

¹²⁶ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 337.

¹²⁷ Дион Кассий. Римская история. Перевод В.В. Латышева. - ВДИ, 1948, № 2; (Dio's Roman History, vol. 1 - 9. London, Vol. V, 1914 - 1927). XVIII, 26;

Корнелий Тацит. Анналы. Л., 1969, VI, 33-35 и XII, 44;

Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 339.

¹²⁸ Амираншвили А. Иберия и римская экспансия в Азии. - ВДИ, 1938, № 4, с. 170;

- Гарсоян Н. Г. Армения в IV в. (К вопросу уточнения терминов "Армения" и "верность"). ВОН АН АрмССР, 1971, № 3, с. 55-62;
- Мушегян Х. А. Денежное обращение Армении, 1983, с. 241.
- ¹²⁹ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 344.
- ¹³⁰ Гарсоян Н. Г. Армения в IV в., с. 58.
- ¹³¹ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 129.
- ¹³² Фест. Краткий очерк истории римского народа. - ВДИ, 1949, № 3, гл. XX; Евтропий. Бrevиарий от основания города, кн. VIII, гл. 3; Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 129.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Амиранашвили А. Указ раб., с. 171.
- ¹³⁵ Мушегян Х. А. Денежное обращение Армении, с. 245.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 130.
- ¹³⁸ Гарсоян Н. Г. Армения в IV в., с. 58.
- ¹³⁹ Мушегян Х. А. Указ. раб., с. 245.
- ¹⁴⁰ Бабаев И. А., Ахмедов Г. М. Кабала, с. 65.
- ¹⁴¹ Фавстос Бузандаци. История Армении. СПб., 1883 (древнеарм. яз.), V, 8, 13, 15.
- ¹⁴² Гарсоян Н. Г. Армения в IV в., с. 56-57.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 29.
- ¹⁴⁵ Очерки истории СССР. III-IX вв. М., 1958, с. 192-193.
- ¹⁴⁶ Анания Ширакаци. Изд. А.Г. Абрамяна, Г.Б. Петросяна, с. 147-148.
- ¹⁴⁷ Бердзенашвили Н. А. Из прошлого Восточной Кахетии, с. 66-67; Чубинашвили Г. Н. Архитектура Кахетии; Он же. Вопросы истории Эрети. Очерки по социально-экономической и политической истории (с древнейших времен до I четверти XII века). Автореф. дисс. докт. истор. наук. Тбилиси, 1971.
- ¹⁴⁸ Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. Изд. Г.В. Цулая, с. 47.
- ¹⁴⁹ Картлис Цховреба. Изд. С. Каухчишвили. Тбилиси, т. 1, 1955 (древнегруз. яз.); I, 4, 8, 24.
- ¹⁵⁰ Там же, II, 164.
- ¹⁵¹ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 7.
- ¹⁵² Картлис Цховреба, I, 4; Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей, с. 21.
- ¹⁵³ Картлис Цховреба, I, 8; Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей, с. 23.
- ¹⁵⁴ Картлис Цховреба, I, 24; Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей, с. 30.
- ¹⁵⁵ Там же, с. 44.
- ¹⁵⁶ Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 55, 63; Бунятов З. М. Albanica, III, с. 87-89; Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 123; Джафаров Ю. О. О датировке событий XXVIII - XXX глав I части "Истории албан" Моисея Каланкатуйского. В сб.: Письменные памятники Востока. История, филология. М., 1979, с. 55-56.
- ¹⁵⁷ Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 73.
- ¹⁵⁸ Там же, с. 46.
- ¹⁵⁹ Там же, с. 63.
- ¹⁶⁰ Картлис Цховреба, I, 8, 24.

- ¹⁶¹ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 6.
¹⁶² Там же, с. 6-7.
¹⁶³ Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 36, 60, 63-64.
¹⁶⁴ Там же.
¹⁶⁵ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 9, 15.
¹⁶⁶ Там же, с. 16-17.
¹⁶⁷ Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей, с. 41;
Такайшвили Е. С. Источники грузинских летописей, с. 8.
¹⁶⁸ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 123.
¹⁶⁹ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 17-18.
¹⁷⁰ Там же, с. 18.
¹⁷¹ Мухелишвили Д. Л. Город Уджарма. Автореф. дис. канд. ист. наук. Тбилиси, 1956, с. 7-8.
¹⁷² Он же. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 18
¹⁷³ Там же, с. 21-23.
¹⁷⁴ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 122.
¹⁷⁵ Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей, с. 42, коммент.
¹⁷⁶ Абдушлишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1964.
¹⁷⁷ Воронов А. А. Антропологические особенности распространения групп крови в Закавказье. В кн.: Антропология и генеография. М., 1974, с. 196.
¹⁷⁸ Там же.
¹⁷⁹ Там же.
¹⁸⁰ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 31.
¹⁸¹ Там же, с. 19, 20-21.
¹⁸² Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 67.
¹⁸³ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 19.
¹⁸⁴ Там же, с. 19-20.
¹⁸⁵ Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей, с. 31, 68, примеч. 116; с. 67, примеч. 109, 111.
¹⁸⁶ Там же, с. 67, примеч. 111; с. 68, примеч. 116.
¹⁸⁷ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 28.
¹⁸⁸ Амиранашвили А. Иберия и римская экспансия в Азии, с. 171.
¹⁸⁹ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 20.
¹⁹⁰ Мухелишвили Д. Л. Город Уджарма, с. 7-8.
¹⁹¹ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 22.
¹⁹² Джавахов И. Проповедническая деятельность апостола Андрея и св. Нины в Грузии, с. 81, 100.
¹⁹³ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 23.
¹⁹⁴ Там же, с. 24.
¹⁹⁵ Там же, с. 31.
¹⁹⁶ Алиев К. Г. Кавказская Албания I в. до н. э. - I в. н. э., с. 105-108.
¹⁹⁷ Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании, с. 129-148; История Азербайджана. Баку, 1958, т. 1, с. 51; *Azərbaycan tarixi. İkinci cild. Bakı.* 1998, с. 47-51.
¹⁹⁸ Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 67.
¹⁹⁹ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 28.
²⁰⁰ Амиранашвили А. Иберия и римская экспансия в Азии, с. 169.
²⁰¹ Там же.
²⁰² Картлис Цховреба, с. 185.
²⁰³ Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей, с. 22.
²⁰⁴ Картлис Цховреба, с. 199.

- ²⁰⁵ Там же.
- ²⁰⁶ Там же, с. 185, 199.
- ²⁰⁷ Там же, с. 208.
- ²⁰⁸ Там же, с. 373-374.
- ²⁰⁹ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 73;
Халилов Дж. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. - III в. н. э.), 1974. с. 38.
- ²¹⁰ Тревер К. В. Там же, с. 67;
Армянская география VII в. Перевод и примечания К.П. Патканова. СПб., 1877, с. 17;
Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. I. Ал-Истахрий. VII. ал-Мукаддаси; VIII. Мас'уди, IX. Ибн-Хаукаль. СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 86, 88, 92; СМОМПК, 1901, вып. 29, с. 11-73.
- ²¹¹ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 71;
Казиев С. М. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана. - Изв. АН АЗССР, 1960, № 7, с. 177;
Халилов Дж. Раскопки на городище Хыныслы, памятник древней Кавказской Албании. СА, 1962, 1, с. 39.
- ²¹² Ваидов Р. М. Мингечаур в III-VIII вв., с. 67-68;
Бунятов Т. А. К истории развития земледелия в Азербайджане. Баку, 1964, с. 10-13.
- ²¹³ Ваидов Р. М. Там же, с. 69;
Бунятов Т. А. Там же, с. 29.
- ²¹⁴ Ваидов Р. М. Археологические работы Мингечаура в 1950 г., с. 94;
Бунятов Т. А. К истории развития земледелия в Азербайджане, с. 30.
- ²¹⁵ Армянская география VII в. Перевод и примечания К.П. Патканова, с. 51.
- ²¹⁶ Казиев С. М. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. - Изв. АН АЗССР, 1949, № 9, с. 97-98;
Ваидов Р. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур), с. 129;
Бунятов Т. А. Указ. раб., с. 75;
Халилов Дж. Раскопки на городище Хыныслы, памятник древней Кавказской Албании, с. 216.
- ²¹⁷ Ваидов Р. М. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур), с. 26, 73, 74.
- ²¹⁸ Бунятов Т. А. Указ. раб., с. 33-39, 44.
- ²¹⁹ Страбон. География, XI, 14, 4.
- ²²⁰ Там же, I, 14, 4; Каланкатуиский, I, 5;
Армянская география VII в. Перевод К.П. Патканова, с. 51;
Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. I. Ал-Истахрий. СМОМПК, 1901, вып. 29, с. 7.
- ²²¹ Он же. Сведения арабских географов IX и X веков, ...; VII в. Ал-Мукаддаси; VIII в. Мас'уди; IX в. Ибн-Хаукаль. СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 98.
- ²²² Ваидов Р. М. Мингечаур в III-VIII вв., с. 74;
Асланов Г. М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. - КСИ-ИМК, 1955, вып. 60, с. 68.
- ²²³ Халилов Дж. Материальная культура Кавказской Албании, с. 38-39;
Мамедов Т. М. Хозяйство и города Азербайджана по древнеармянским источникам. - Изв. АН АЗССР, 1964, № 2, с. 70.
- ²²⁴ Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. VIII. Мас'уди, IX. Ибн-Хаукаль. СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 87;
Ваидов Р. М. Мингечаур в III-VIII вв., с. 79-80;
Бунятов Т. А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, с. 119, 114.

- ²²⁵ Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 150;
Халилов Дж. Материальная культура Кавказской Албании, с. 43.
- ²²⁶ Мамедов Т. М. Указ. раб., с. 70.
- ²²⁷ Халилов Дж. Указ. раб., с. 43.
- ²²⁸ Ваидов Р. М. Археологические работы Мингечаура в 1950 г., с. 91, 94.
- ²²⁹ Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков, выпуски 31, 38, с. 87;
Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 180-181.
- ²³⁰ Асланов Г. М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура, с. 70;
Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. Автореф. дис. д-ра ист. наук. Баку, 1972, с. 9.
- ²³¹ Асланов Г. М., Голубкина Т. И., Садых-заде Ш. Г. Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана. Баку, 1966, с. 46.
- ²³² Кошкарлы К. О. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку, 1985.
- ²³³ Мамедов Т. М. Указ. раб., с. 70;
Ашурбейли Сара. Ремесла и торговля раннесредневековых городов Азербайджана. Тр. Музея истории Азербайджана. Баку, 1957, т. II, с. 152.
- ²³⁴ Караулов Н. А. Указ. раб., вып. 38, с. 99;
Ашурбейли Сара. Указ. раб., с. 167.
- ²³⁵ Ваидов Р. М. Мингечаур в III-VIII вв., с. 34-35.
- ²³⁶ Оруджев А. Ш. Керамическое производство в раннесредневековом Азербайджане (IV-VIII вв.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Баку, 1971, с. 5.
- ²³⁷ Ваидов Р. Раннесредневековое городище Судагьлан (Мингечаур), с. 133-134;
Пахомов Е. А. Доисламские печати и резные камни Музея истории Азербайджана. - МКА, 1949, т. I, с. 105, 109;
Асланов Г. М., Голубкина Т. И., Садых-заде Ш. Г. Каталог золотых и серебряных предметов, с. 58, 59.
- ²³⁸ Нуриев А. Б. Стекланные изделия и их производство в Кавказской Албании. Баку, 1981 (азерб. яз.), с. 106.
- ²³⁹ Беленицкий А. М., Бентович И. М., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973;
Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII-середины XIII вв. М., 1984.
- ²⁴⁰ Мамедов Рауф. Исторический очерк города Нахичевана;
Бабаев И. А., Ахмедов Г. М. Кабала;
Бабаев И. Города Кавказской Албании. Баку, 1990;
Джидди Г. А. Средневековый город Шемаха IX-XVII вв. Баку, 1981;
Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам;
Он же. Древний Дербент;
Гаджиев М. С. Древний город Дагестана;
Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв.;
Гейдаров М. Х. Города и городское ремесло Азербайджана XIII-XVII вв. Баку, 1982.
- ²⁴¹ Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 148.
- ²⁴² Там же.
- ²⁴³ Там же.
- ²⁴⁴ Ваидов Р. М. Археологические раскопки в Гауркале, с. 167-182.
- ²⁴⁵ Ваидов Р. М. Первые итоги археологических работ в Торпагале, с. 201-211;
Гадиров Ф. В. Первые результаты археологических разведок в поселении Теркеш. - Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права, 1974, № 4, с. 57-69.

- ²⁴⁶ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 251;
Халилов Дж. Материальная культура, с. 99.
- ²⁴⁷ Гейдаров М. Х. Города и городское ремесло Азербайджана XIII-XVII вв., с. 30.
- ²⁴⁸ Там же, с. 34.
- ²⁴⁹ Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 158.
- ²⁵⁰ Там же.
- ²⁵¹ Там же, с. 159.
- ²⁵² Гейдаров М. Х. Города и городское ремесло Азербайджана XIII-XVII вв., с. 34;
Ташчян Л. П. Средневековая Барда в период расцвета. - Изв. АН Аз ССР, 1949, № 9, с. 52;
- Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, с. 34.
- ²⁵³ Гейдаров М. Х. Указ. раб., с. 35.
- ²⁵⁴ Бабаев И. А., Ахмедов Г. М. Кабала, с. 64-65;
Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов. Баку, 1983, с. 32-35.
- ²⁵⁵ Ашурбейли Сара. Указ. раб., с. 34.
- ²⁵⁶ Бабаев И. А., Ахмедов Г. М. Кабала, с. 65.
- ²⁵⁷ Кудрявцев А. А. Древний Дербент, с. 105.
- ²⁵⁸ Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. - ЖМНП, 1883, с. 30.
- ²⁵⁹ Кудрявцев А. А. Древний Дербент, с. 107-108.
- ²⁶⁰ Там же, с. 109.
- ²⁶¹ Там же, с. 109-110, 114-115.
- ²⁶² Там же, с. 115.
- ²⁶³ Там же, с. 117-118.
- ²⁶⁴ Там же, с. 118.
- ²⁶⁵ Там же, с. 120-122.

ГЛАВА III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АЛБАНИИ В IV – VIII, IX – XIV ВВ.

§ 1. Албания при албанских Аршакидах

Исследование проблемы албанских Аршакидов и Албанского государства этого периода (I–VI вв.) имеет исключительное значение не только для истории Азербайджана, но и для решения важной проблемы Аршакидов вообще.

Как известно, политика персидских (парфянских) Аршакидов по отношению к подвластным странам Кавказа была не ровной и не стабильной. Степень зависимости подчиненных царств от центрального правительства аршакидской Персии была различной в разных царствах и в разное время.¹ Во II–I вв. до н. э., в эпоху военного могущества, в условиях отсутствия сложившегося административного аппарата, с помощью которого можно было бы контролировать подвластные страны, единственно возможным решением для персидских Аршакидов было сохранение местной государственности, местных династий.² Со временем, когда стал возрастать сепаратизм вассальных царств, центральное правительство аршакидской Персии прибегало к новой политике – политике устранения местных династий и передачи вассальных царств представителям Аршакидского дома. Так зародились боковые ветви Аршакидского дома, младшие Аршакиды в Персиде, Элимаиде, Атропатене, Гиркании, Индии, Армении,³ Грузии, Махелонии.⁴ Время правления ветвей династии Аршакидов в названных странах, за исключением Индии, синхронно – I в. н. э. Одна из аршакидских ветвей утвердилась в Албании приблизительно в то же время. Основными источниками наших знаний об албанских Аршакидах являются Моисей Каланкатуйский, Фавстос Бузандаци, Егишэ, Хоренаци, Агафангел, «Жития святых» (агиографическое сочинение), «Джарынтир»,* Киракос Гянджинский, Мхитар Айриванеци. Относительно албанских Арша-

* "Джарынтир" - различные по объему и содержанию сборники, в которых собраны речи церковных деятелей, мартирологические и иные сочинения. "Джарынтир" призваны обеспечить догматическое воспитание членов общины. См.: А к о п я н В. А. "Армянская книга канонов" и ее редакции. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ереван, 1967, с. 34.

кидов в науке существует мнение, что албанская ветвь утвердилась в IV в., и что основателем ее был не Вачаган I Храбрый, как сообщает Каланкатуйский, а Санатрук.⁵ М.Броссе считает, что Санатрука следует принять за албанского царя Аршакида и поместить в ряду албан перед Вачаганом I Храбрым.⁶ По мнению С.Т.Еремяна, в Албании царствовала массагетская династия Аршакидов, которая, как он считает, утвердилась на албанском престоле в 338 г.,⁷ т.е. С.Т.Еремян не признает наличие албанской ветви Аршакидов.

А.Е.Крымский считает, что албанские цари Аршакиды носили титул «эран-шах» или «эран-шахин», что слово «эран-шах» могло быть переделкой «аран-шах», в смысле «царь аранцев», «царь албан», т.е., согласно его мнению, Араншахики тождественны Аршакидам.⁸

Совершенно иного мнения придерживаются Н.Акинян и Б.А.Улубабян. Так, Н.Акинян считает вымыслом «редактора» (Мовсеса Дасхуранци – Каланкатуйского) список албанских аршакидских царей. Он указывает, что из царей албанских Аршакидов истории известны (а это означает, как он думает, упоминание в армянских источниках), лишь двое – Урнаир (IV в.) и Асуаген (V в.).⁹ Что же касается Ваче II и Вачагана III, то они упоминаются лишь в «Истории албан» [Каланкатуйского] и потому, с точки зрения Н.Акиняна, являются плодом вымысла Дасхуранци.¹⁰ Говоря об остальных албанских Аршакидах, Н.Акинян утверждает, что эти имена взяты в VIII–X вв. из поименного списка албанских дворян, т.е. опять же являются вымыслом.¹¹ Таким образом, Н.А.Акинян полагает, что если данные Мовсеса Дасхуранци подтверждаются данными армянских источников, то они заимствованы Дасхуранци у армянских авторов и в силу этого достоверны. А тем сведениям Дасхуранци, источник которых не выявлен, Н.Акинян отказывает в исторической достоверности.

Выводы Н.Акиняна лишены какой-бы то ни было почвы. Свое недоверие к данным «Истории албан», к происхождению царствующего рода Албании и к ряду других вопросов Н.Акинян ничем не аргументирует, а потому его категорическое утверждение носит характер нигилистического отрицания.

Б.А.Улубабян в своей статье, специально посвященной цар-

ской династии Албании, пытается, по существу, «разрешить» два больших вопроса – «о существовании» в период раннего средневековья двух Албаний – «собственно Албании» (закуринской левобережной) и Албании, «вступившей в состав Великой Армении» (правобережной), а также вопрос об албанских царях. Концепции Б.Улубабяна совершенно не аргументированы.¹² С точки зрения Б.Улубабяна, не правы Моисей Каланкатуйский, а вслед за ним и Мхитар Айриванеци, которые сместили, как он считает, представителей различных родов и административных единиц и представили их в качестве правителей единой Албании (левобережной и правобережной). Ошибаются А.Е.Крымский и все те, которые основываются на этой путанице, смешении списка правителей Каланкатуйского, беспочвенно утверждает Б.Улубабян. Он полностью согласен с бездоказательным мнением Н.Акиняна.¹³ В отличие от Н.Акиняна он решает «уточнить», кто из «немногочисленных царей Албании» владел левобережной Албанией, а кто – правобережной. Игнорируя полностью данные албанского автора Каланкатуйского, создав искусственную модель наличия двух Албаний, основываясь только на данных Тацита и Агафангела о том, что четвертый представитель Аршакидского дома получает владычество над царством маскутов, идентифицируя это маскутское царство (не имея на то никаких оснований) с «царством» левобережной Албании, Б.Улубабян сообщает, что в этой части Албании в I в. н. э. утвердились массагетские Аршакиды. По схеме Б.Улубабяна, эти Аршакиды продержались только до 428 г., ибо по логике автора они «должны быть» упразднены одновременно с армянскими Аршакидами.¹⁴ Представителями массагетских Аршакидов, царствующих в левобережной Албании, как считает Б.Улубабян, были Вачаган Храбрый, Урнайр, Есуаген. Что же касается правобережной Албании, то здесь Б.Улубабян в соответствии с придуманной им моделью воцаряет Араншакиков, представителями которых были Аран, Вачаган Благочестивый. Б.Улубабян сместил события во времени и пространстве. Свое мнение по поводу двух Албаний мы обстоятельно изложили в главах I и II. В данной главе мы попытаемся исследовать вопрос об основателе албанской ветви Аршакидов, а также рассмотрим правление некоторых из ее представителей.

К.В.Тревер,¹⁵ а вслед за ней К.Туманов¹⁶ считают, что ал-

банские Аршакиды утвердились в I в. н. э. и продержались с помощью иранских Аршакидов до VI в., «когда албанская монархия была уничтожена Ираном и страна была отдана иранским наместникам».¹⁷

Теперь рассмотрим данные источников по интересующему нас вопросу. Каланкатуйский сообщает, что парфянин Валаршак назначил над жителями Албании князя и правителей, «главою всех их был поставлен по велению Валаршака некто из рода Сисакан из потомков Иафета (Аран), который наследовал поля и горы Албании от реки Ерасха до крепости Хнаракерт... Из храбрых и знаменитых потомков этого же Арана, говорят, *парфянин* Валаршак назначил воеводу над страной... От детей его, говорят, произошли народы Утийского, Гардманского, Цовдийского и Гаргарского княжеств» (*Каланкатуйский*, I, 4). У Хоренаци читаем, что *армянский царь Валаршак* назначает Арана наместником страны северо-восточной, великой, славной и густонаселенной, близ большой реки, прорезывающей великую равнину и называемой Курой. «Но знай, что я забыл в I-й книге упомянуть об этом великом и именитом роде, т.е. о роде Сисаке, которому выпала в наследство Албанская равнина с ее горной частью, начиная от реки Ерасха до крепости, называемой Хнаракертом...» (*Хоренаци*, II, 8). Из этих текстов очевидно, что Аран – эпоним албан был не Аршакидского рода, а происходил из рода Сисака (Сисакана – Сюника).

Что же касается албанских царей Аршакидской династии, то Каланкатуйский сохранил отдельный их список, в котором насчитывается десять царей: «Неизвестно число дней от Арана до храброго Вачагана, *который происходит от великого рода Аршакидов*. Вот имена царей, владевших Албанией по порядку: Вачаган Храбрый (I), Ваче (I), Урнаир, Вачаган (II), Мирхаван, Сатой, Асай, Асуаген, Ваче (II), после него Вачаган Благочестивый (III) царь албанский» (*Каланкатуйский*, I, 15). Из данного списка также видно, что Аран – не Аршакид. Очевидно, на смену местной династии приходит Аршакидская ветвь. Что десять царей, зафиксированных в списке, являются Аршакидами, подкрепляется и другими данными албанского автора: «*От Вачагана Храброго I до Вачагана Благочестивого третьего было десять царей*. После смерти его род этот (азгн) стал ослабевать и

князя из рода Михран, из племени Сасанидов, прибыв из Персии, утвердились в Албании» (*Каланкатуйский*, III, 23). Это можно проследить и в другом фрагменте: «Патриции из племени Кароян, которые поселились в области Азбед по повелению Вачагана Благочестивого, предки их Вачаган Храбрый, Ваче, и те, которые по порядку следуют в этой книге» (*Каланкатуйский*, III, 10). Из рассматриваемых текстов также очевидно, насколько неправомерно расчленять список албанских царей по своему произволу и относить часть из них к Араншахикам, а часть – к Аршакидам, как это делает Б.Улубабян.

В приведенных фрагментах, как мы видели, также отсутствовало и имя Санатрука, в котором некоторые исследователи видят основателя албанских Аршакидов.

Санатрук – это историческая личность, связанная с нашествием северных народов на Армению, о котором помимо албанского историка, именующего его Санесан – Санатрук, сообщают и армянские историки – Фавстос Бузандаци (Санесан), Мовсес Хоренаци (Санатрук), Киракос Гянджинский и другие поздние историки. Следует оговорить, что вопрос о нашествии северных народов на Армению под предводительством Санатрука (Санесана) подробно освещен в работе К.В.Тревер.¹⁸ Она анализировала, сличала тексты источников, выявила их противоречия, определила историческую достоверность отдельных сообщений и пришла к заключению, что в 30-х годах IV в. имели место военные действия северных народов против Армении под предводительством родственника армянских Аршакидов по имени Санесан или Санатрук. В истории борьбы Армении с Санатруком К.В.Тревер усматривает два последовательных этапа, описанных у Мовсеса Хоренаци и Моисея Каланкатуйского, а у Фавстоса Бузандаци, по ее мнению, излагаются только события второго этапа.¹⁹ К.В.Тревер приходит к убеждению, что нашествие северных народов – маскугов – не затронуло Албанию.²⁰

В нашей работе мы попытаемся уточнить (конкретизировать) дату нашествия Санатрука (Санесана) и позволим себе оспаривать мнение, утвердившееся в официальной литературе о том, что основателем албанской Аршакидской ветви является Санатрук (Санесан), представитель массагетской ветви Аршакидов.²¹

Первое упоминание имени Санатрука связано с именем Григориса, внука Григория Просветителя, с его миссионерской деятельностью в Албании, Иберии и стране маскутов. В этой связи мы рассмотрим тексты, где засвидетельствовано имя Григориса с Санатруком, так как не все рассматриваемые нами отрывки были приведены К.В.Тревер.

Коротко изложим события, связанные с Санатруком и Григорисом, по Фавстосу Бузандаци и Моисею Каланкатуйскому, ибо их сообщения наиболее близки.

По словам Моисея Каланкатуйского, Григорис, сын Вртанеса, внук Григория Просветителя, «в пятнадцать лет рукоположенный в епископы Албании и Иберии, просвещал обе страны... строил церкви по городам и селам, рукополагал иереев» (*Каланкатуйский*, I, 14). Фавстос Бузандаци сообщает: «...в пятнадцатилетнем возрасте он достиг степени епископа над иверской и албанской странами, то есть *до пределов маскутов*. Прибыв туда, он восстановил церкви, установив просветительные порядки...» (*Бузандаци*, III, 5).

Далее у Моисея Каланкатуйского имеется отрывок, отсутствующий у Фавстоса. Так, он сообщает, что Григорис взял с собой «частичку из крови великого первосвященника и мученика Захария, отца Иоанна, и мощи св. Панталеона, который увенчался в г. Никомедии. Он увез св. мощи мучеников в великий город албанского владычества Цри, построил маленькую церковь и положил в ней частичку крови Захария и мощей св. Панталеона» (*Каланкатуйский*, I, 14). Далее сведения Фавстоса Бузандаци и Моисея Каланкатуйского совпадают. Оба источника сообщают об отправлении Григориса из Албании к маскутам. Фавстос пишет: «Приведа в порядок и восстановив все церкви, находящиеся в тех краях – странах [в Албании и Иберии. – Ф.М.], он прибыл в стан аршакидского царя маскутов, имя которого Санесан, ибо и их цари, и армянские цари были одного и того происхождения и рода» (*Бузандаци*, III, 6). Вот как повествует Моисей Каланкатуйский: «Взяв с собой другую половину мощей св. Захария и Панталеона, он отправился в страну маскутов и предстал пред Санатруком, царем маскутов, единоплеменником Аршакидов» (*Каланкатуйский*, I, 14).

Следует обратить внимание на то, что албанский историк

считает Санатрука просто единоплеменником Аршакидов, не поясняя каких именно – старших или младших, в то время, как Фавстос сообщает, что маскутские цари и армянские цари были одного происхождения.

Далее оба историка сообщают, что Григорис проповедовал у маскутов христианство вначале успешно. «Сперва они (маскуты) послушались, приняли и подчинились» (*Бузандаци*, III, 6). У Моисея Каланкатуйского несколько иначе: «...с радостью принимали и веровали не первый раз евангельскому слову» (*Каланкатуйский*, I, 14).

Затем эти же источники свидетельствуют следующее. Когда маскуты узнали, что христианское вероучение преследует (запрещает) «грабежи, хищничество, убийство, жадность, страсть к чужому имуществу, они обозлились» и нашли, что это козни армянского царя, который решил с помощью христианского учения пресечь грабительские набеги маскутов на Армению (*Бузандаци*, III, 6; *Каланкатуйский*, I, 14). Они решили убить Григориса. «Давайте изыдем его и совершим набег на Армению. И царь изменил свою мысль и внял словам своего войска» (*Бузандаци*, III, 6). «Они привлекли царя к своему злобному лукавству» (*Каланкатуйский*, I, 14).

Из приведенных отрывков совершенно очевидно, что маскуты имели злое намерение лишь против Армении. Оба историка утверждают, что Григориса привязали к хвосту дикой лошади и пустили по полю Ватнян и погубили его (*Бузандаци*, III, 6; *Каланкатуйский*, I, 14).

Итак, из сопоставления текстов двух источников обнаруживается сходство по смыслу, но не по стилю. Вместе с тем у Каланкатуйского есть данные, отсутствующие у Фавстоса Бузандаци. Таково, например, сообщение албанского историка о наличии у Григориса мощей св. Захария и св. Панталеона. Это сообщение весьма существенное, так как преследует цель возвеличить Албанскую Церковь наличием в ней мощей таких глубоко чтимых всеми христианами столпов христианства, как Захария – отца Иоанна Крестителя и Панталеона, великомученика Христа, умерщвленного в Никомедии при Максимилиане (285–305). Видимо, эти имена противопоставлены албанским историком именам св. Иоанна и св. Афангине, мощи которых принес в Арме-

нию св. Григорий. Н.Акинян по этому поводу полагает: «Быть может предпочтение угодника исходит от агванского монастыря Панта, что был устроен в Иерусалиме. Слово «Панта» этимологически объясняется как сокращенная форма Панталеона».²²

Существенным дополнением является также сообщение Каланкатуйского о том, что Григорис «...получил двойное достоинство сверх естественной высоты деда своего великого Григория, принял сан и престол первосвященника» (*Каланкатуйский*, I, 14).^{*} Интерес представляет и такое добавление албанского историка: «[Маскуты] ...веровали не в первый раз евангельскому слову» (*Каланкатуйский*, I, 14). Автор имеет в виду, видимо, проповедническую деятельность св. Елисея и других предшественников Григориса.

Из двух историков близок по времени к описываемым событиям, как известно, Фавстос Бузандаци (V в.).^{**} Из вышеприведенного можно сделать следующие предположения – либо Моисей Каланкатуйский пользовался трудом Фавстоса и, будучи албанским историком, интерпретировал факты по-своему, либо оба историка черпали сведения из других общих источников.

Особняком от текстов двух источников стоят сообщения Мовсеса Хоренаци. О событиях, связанных с появлением Григориса у маскутов, о маскутском царе, маскутах, у Хоренаци сведений нет. По словам Хоренаци, к армянскому царю Трдату III обратились *правители северо-восточных областей, правители отдаленного города Пайтакарана* и просили послать к ним епископа из рода св. Григория. Трдат согласился, как сообщает Хоренаци, и послал к ним юного Григориса, сына Вртанеса, с родственником своим Санатруком Аршакидом (*Хоренаци*, III, 3). Далее Хоренаци пишет: «Григорис, прибыв на место, явил собою

* Броссе М. предполагает, что под "двойным достоинством" следует понимать "право рождения и доблести" [См.: Brosset M. Extraits de histoire des Aghovans en armenien par Moise Caghancatovatsi. - In: Additions et éclaircissements a l'histoire de la Georgie. Spb., 1851, p. 481.]. Думается, что под "двойным достоинством" можно подразумевать то, что Григорис был католикосом двух стран - Албании и Иберии, т.е. занимал два престола.

** Но в свете исследований Гарсоян Н. Г., к сведениям Фавстоса Бузандаци следует относиться весьма критически. См.: Гарсоян Н. Г. Армения в IV в. (К вопросу уточнения терминов "Армения" и "верность"). - ВОН АН Арм. ССР, 1971, № 3; Она же. The Epic Histories Attributed to P'awstos Buzand. Harvard University Press. Cambridge, 1989.

добрый пример, следуя добродетели отцов своих, он даже превосходил их целомудрием... Когда пришла весть о кончине Трдата, по козням самого Санатрука и некоторых других вечнолживых людей – албан варвары убили блаженного мужа под конскими копытами на Ватнянском поле» (*Хоренаци*, III, 3).

Согласно Каланкатуйскому и Фавстосу Бузандаци, как мы видели, Григорис после просвещения албан явился к маскутскому царю Санесану. У Бузандаци зафиксирован Санесан, у Каланкатуйского и Санесан и Санатрук. У Хоренаци засвидетельствован Санатрук – и не в качестве маскутского царя, а как сородич Трдата, отправленный им (Трдатом) в область города Пайтакарана вместе с Григорисом. По данным Фавстоса Бузандаци и Каланкатуйского, Григорис был первосвященником, католиком Албании и Иберии; согласно Хоренаци, Григорис был епископом области Пайтакарана – Каспианы, подвластной армянскому царю. По сообщению Фавстоса и Каланкатуйского, Григорис был убит маскутами (гуннами) с согласия их царя Санесана, а Хоренаци считает, что Григориса убили «по козням Санатрука и некоторых вечнолживых людей – албан, варвары».

Попытки Ю.С.Гаглюева в упоминаемых Мовсесом Хоренаци албанах видеть алан, зафиксированных у Фавстоса Бузандаци в связи с событиями нашествия на Армению Санесана (Санатрука),²³ представляются нам неубедительными, ибо место действия, территория размещения албан и алан у двух авторов разные. У Бузандаци аланы были в составе маскутского войска Санесана, обитающего на западном прикаспийском побережье до р. Куры. А у Хоренаци – албаны были жителями области Пайтакаран, расположенной ниже р. Куры.

Итак, возвращаясь к концепции Хоренаци, совершенно очевидно, насколько она расходится с сообщениями Фавстоса Бузандаци и Каланкатуйского. У Фавстоса Бузандаци можно найти намек на то, что Пайтакаран входил в сферу миссионерской деятельности Григориса. Так, он сообщает, что Григорис «был католиком стран Иберии и Албании, приняв свой сан, он... построил и восстановил все церкви тех стран, вплоть до гаваров, граничащих с Атрпатаканом» (*Бузандаци*, III, 6). Гаваром, непосредственно граничащим с Атрпатаканом, был Пайтакаран.

Основываясь то ли на этом сообщении Фавстоса Бузанда-

ци, то ли на другом, нам неизвестном, а, скорее всего, в силу определенных соображений, Мовсес Хоренаци сужает (ограничивает) территориальную географическую сферу деятельности Григориса. События, свершившиеся в Иберии, Албании и в стране маскутов, переносятся Мовсесом Хоренаци в так называемую северо-восточную область Армении – в область Пайтакаран. Совершенно очевидно, что Хоренаци не мог отождествить территорию Пайтакарана с территорией страны маскутов, так как у его источников – Агафангела и Фавстоса Бузандаци – они четко разграничены (*Агафангел*, гл. 842). Хоренаци мог бы Пайтакаран осмыслить в позднем значении, в смысле албанской области.* Но и в этом случае он не должен был умолчать о стране маскутов, ведь Албания и страна маскутов, по данным источников, самостоятельные страны. Фавстос Бузандаци в сообщении о Григорисе их определенно разграничивает: «Он (Григорис)... достиг степени епископа над иберской и албанской странами, т.е. до пределов маскутов» (*Бузандаци*, III, 5).

Разграничение Албании и страны маскутов четко прослеживается и у Моисея Каланкатуйского. «...Взяв с собой другую половину мощей св. Захария и Панталеона (а одну половину Григорис оставил в Албании), он отправился в страну маскутов» (*Каланкатуйский*, I, 14).

Поскольку неизвестно, что послужило для Хоренаци основанием осветить события по-иному, трудно проследить логический ход его мысли, приведший к иным выводам. Изложение Хоренаци получает некоторую ясность из последующего хода событий о нашествии Санесана (Санатрука) на Армению, и уже последующие сообщения Хоренаци о Санатруке совпадают с сообщениями у Каланкатуйского. В данном случае особняком стоят данные Фавстоса.

Так, по словам Хоренаци, Санатрук после смерти Трдата и убийства Григориса «возложил на себя корону, завладел городом Пайтакаран, с помощью чужих народов он думал завладеть всей Арменией» (*Хоренаци*, III, 3). Далее, как сообщает Хоренаци, ар-

* Хотя из текста Хоренаци явствует, что Хоренаци под Пайтакараном понимает армянский гавар - область, "Трдат с величайшей твердостью ревновал к вере и к доброй нравственности, в особенности живущих в отдаленнейших странах своего государства. Поэтому правители северо-восточных стран - областей, правители города Пайтакарана пришли к нему...". См.: Хоренаци, III, 3.

мянские и греческие войска, предводительствуемые греческим полководцем Антиохом, напали на Санатрука. Последний, в сопровождении албанских нахараров, поспешил к персидскому царю Шапуру II (*Хоренаци*, III, 6). Антиох «приказал силой уничтожить власть непокорных и, собрав дань, отправился к императору» (*Хоренаци*, III, 6). Это же событие Хоренаци Моисей Каланкатуйский излагает очень коротко. «По кончине Трдата, над албанами в городе Пайтакаране воцарился некто Санатрук и сделался противником армян. Хосров, сын Трдата, приведя с собой Антиоха с греческим войском, Багарата с войсками запада, Михрана, правителя Иберии, вместе со всеми ими идет войной на Албанию. Санатрук с войском албанским (у Хоренаци – с албанскими нахарарами) поспешно идет к Шапуру, царю персов, оставив в городе Пайтакаране сильное войско. Антиох, взяв царские подати, возвращается к императору» (*Каланкатуйский*, I, 12). Разница текстов Каланкатуйского и Хоренаци лишь в редакционной поправке албанского историка.

Следует отметить, что у Каланкатуйского данные о Санатруке совпадают частично как с данными Хоренаци, так и Фавстоса Бузандаци. Будучи албанским историком, он дорожит любыми отрывочными сведениями об албанской стране, албанах, областях Албании, он использует данные источников выборочно и интерпретирует их по-своему. Версию Хоренаци об отправлении Григориса вместе с Санатруком в Пайтакаран Каланкатуйский не приводит, он ее не знает, у него та же версия, что имеется у Фавстоса Бузандаци.

Найдя сообщения, отсутствующие у Фавстоса о Пайтакаране, о воцарении там Санатрука, о поддержке албанскими нахарарами (Пайтакарана) Санатрука, считая Пайтакаран албанской областью, Моисей Каланкатуйский излагает эти события, как свершившиеся не только в Пайтакаране (как Хоренаци), а вообще в Албании. Киракос Гянджинский (XIII в.) также считает Санатрука правителем всей Албании: «Санатрук был поставлен *Трдатом в правители Албании*. После смерти последнего он, отправившись к персидскому царю Шапуру II, получил от него царскую власть и отнял у Хосрова (армянского царя) Албанию»,²⁴ хотя исторически, как известно, Албания не была подвластна ни Трдату, ни Хосрову Котаку.

Киракос Гянджинский использовал, вероятно, в своем сообщении и труды Мовсеса Хоренаци, и Каланкатуйского. А скорее всего Киракос претерпел позднюю армянскую редакцию.

Как уже было отмечено, сведения Хоренаци и Каланкатуйского о воцарении Санатрука в Пайтакаране, о приходе греческого полководца Антиоха у Фавстоса отсутствуют. Видимо, хронологически эти события должны были предшествовать нашествию Санатрука на Армению, о чем сообщают все три источника – Фавстос, Каланкатуйский и Хоренаци.

По словам Хоренаци, «жители северной страны Кавказа... подстрекаемые просьбами Санатрука, по тайному приказанию Шапура, персидского царя, соединяются и нападают с 20 тыс. на середину нашего [Армении] отечества» (*Хоренаци*, III, 9). Далее Хоренаци сообщает: «...неприятели нанесли поражение северным нашим полкам, обратили их в бегство, очутились под стенами Вагаршапата и осадили его» (*Хоренаци*, III, 9). Затем «неприятельские войска были вытеснены армянами к скале Ошакану, где были разбиты и обращены в бегство».

Нашествие северокавказских племен под покровительством Санатрука на Армению албанский историк отразил в первой книге, в двух отдельных главах – XII и XIV, причем совершенно по-разному. В главе XII он приводит версию Хоренаци, сохраняя имя Санатрук, а в главе XIV он излагает версию Фавстоса Бузандаци, сохраняя имя Санесан. Такое несоответствие, разницей присутствуют у Каланкатуйского в связи с Санесаном – Санатруком. Не исключено, что это могла быть поздняя редакция.

Рассмотрим главу XII Моисея Каланкатуйского. «Санатрук, по повелению царя Шапура, собирает албанское войско в числе 30 тыс. и нашествует на середину Армении». Как мы уже подчеркивали, Каланкатуйский излагает события, связанные с Санатруком, как свершившиеся в Албании. И в данном отрывке под северокавказскими народами он подразумевает албанское войско, т.е. движущей силой Санатрука на Армению является албанское войско.

Особого интереса заслуживает тот факт, что у Каланкатуйского остается невыясненным, чем окончилась битва при Ошакане, происшедшая между армянскими войсками и, как вытекает

из слов албанского историка, албанскими силами. У Мовсеса Хоренаци армянские войска одержали победу, разбили и обратили в бегство северные народы, что подтверждается и другими источниками и, что исторически, видимо, верно. В трактовке Каланкатуйского силами, противоборствующими армянам, были албанские войска и, естественно, албаны должны были быть разбиты. Возможно, не решаясь показать албанские войска победителями, так как это противоречило бы данным источников, а также, не желая показать их разбитыми, албанский историк вообще умолчал об исходе сражения (если это не позднее редактирование).

Нашествие Санесана, предводителя северокавказских кочевых племен, на Армению подробно и несколько иначе излагает Фавстос Бузандаци. По словам Фавстоса, маскутский царь Санесан «проникся враждой к своему сородичу, армянскому царю Хосрову» и, собрав кочевников прикаспийского побережья, среди которых упомянуты наряду с народами северного прикаспийского побережья и «баласичи» [жители Пайтакарана-Баласакана. – Ф.М.] перешел свою границу, «большую реку Куру и наводнил армянскую страну» (*Бузандаци*, III, 7). Далее, говорит он, маскуты завладели всей Арменией. «Они нахлынули, наводнили и затопили всю Армянскую страну... простерлись до г. *Саталы*, до *Гандзака...*» (*Бузандаци*, III, 7).

Санесан насильственно захватил всю страну и держал ее почти год (*Бузандаци*, III, 7). А армянский царь Хосров, по словам Фавстоса, вместе с патриархом Армении Вртанесом укрылся в крепости Дарюнк *в стране Ковг* (*Бузандаци*, III, 7). Далее, согласно Фавстосу, полководец Великой Армении Ваче из рода Мамиконян собрал сильное войско и в битве при Ошакане разбил войска Санесана (*Бузандаци*, III, 7). «Немногочисленные остатки они (армяне) гнали перед собой до страны баласичи [т.е. Пайтакарана. – Ф.М.]. И голову великого царя Санесана принесли армянскому царю» (*Бузандаци*, III, 7). И завершается описание Фавстоса словами: «Так они отомстили за св. Григориса царю Санесану и его войску, ибо из них никто в живых не остался» (*Бузандаци*, III, 7).

Как было сказано выше, это сообщение Фавстоса, Каланкатуйский отразил в главе XIV следующим образом: «...Санесан

с бесчисленным множеством гуннских войск нашествовал на Армению. Но благоденствие божье дало силу вельможам армянским, чтобы требовать мести за смерть отрока св. Григориса. Все многочисленное войско подпало мечу их, и не осталось даже вестника, который бы привез весть о печальном происшествии в страну маскутов» (*Каланкатуйский*, I, 14). Каланкатуйский, видимо, не понял, что речь идет об одном и том же событии и не уяснил тождества Санатрука и Санесана. Так, в гл. XII Санатрук повел на Армению албанское войско, а в гл. XIV – Санесан – предводитель многочисленных гуннов, повел их на Армению.

Итак, теперь рассмотрим *коротко концепции* Фавстоса Бузандаци и Мовсеса Хоренаци, опуская Моисея Каланкатуйского, у которого в сообщении о Санатруке данные совпадают то со сведениями Хоренаци, то Фавстоса. По Фавстосу Бузандаци, Санесан – маскутский царь, повелитель многочисленных гуннов, власть которого простирается на северное прикаспийское побережье, южной границей владений которого была Кура, с ведома которого был убит маскутами Григорис. Санесан нашествовал с многочисленным войском, в состав которого были привлечены и жители *Пайтакарана – баласичи*. Он владел всей Арменией целый год. Войско его было разбито армянским полководцем Ваче Мамиконяном совместно с греческими войсками и иберскими, а сам он погиб.

Согласно Мовсесу Хоренаци, Санатрук – сородич армянского царя Трдата, был отправлен в Пайтакаран (Каспиану) вместе с Григорисом. С согласия Санатрука и албан Григорис был убит. Санатрук стал царем Пайтакарана. По его подстрекательству и приказанию персидского царя Шапура II народы северных стран Кавказа напали на Армению. И далее Мовсес Хоренаци о Санатруке ничего не сообщает. По его словам, северные народы осадили Вагаршапат, но были вытеснены к Ошакану, а затем обращены в бегство.

Как известно, Мовсес Хоренаци, широко используя труд Фавстоса Бузандаци, подвергнув его радикальной переработке, создал свою «Историю Армении», проникнутую патриотизмом в противовес некоторой индифферентности Фавстоса Бузандаци.²⁵ Если принять во внимание, что «Мовсес Хоренаци жил в VII в., в период своеобразного культурного возрождения армянской на-

родности», несколько оправившейся к этому времени от жестоких ударов, нанесенных ей с запада Византией, а с Востока – иранцами»,²⁶ то станет понятной причина совершенного Мовсесом Хоренаци искажения хода исторических событий III–IV вв. У Хоренаци прослеживаются две тенденции:

1) просвещение Григорисом Албании, Иберии, страны маскутов (данные Бузандаци) он представляет как просвещение отдаленной области Армении – Пайтакарана (Каспианы);

2) завоевание Санатруком Армении Хоренаци сводит к завоеванию Санатруком Пайтакарана. И в силу поставленной цели он ограничивает сферу власти и сужает территориальные завоевания Санатрука, превратив его из маскутского царя, «повелителя многочисленных гуннов», в подвластного сородича армянского царя Трдата, которого отправляет Трдат же «в одну из отдаленных областей Армении – в Пайтакаран». Хоренаци опускает сообщение Бузандаци о том, что Санатрук владел всей Арменией целый год, при наличии в Армении своего царя Аршакида – Хосрова Котака, который не в состоянии был разбить Санатрука. Г.Халатьянц еще отмечал, что сообщение Бузандаци (III, 7) о владении маскутами Арменией в течение года Хоренаци переделал и представил в специальной главе (III, 12), не связав это событие с Санатруком, а показав как занятие варварами пределов албанских в течение четырех лет.²⁷ Опять же совершенно очевидна тенденция Хоренаци оградить Армению от событий, обстоятельств, компрометирующих ее, создающих неприятное впечатление для армян, с точки зрения Хоренаци, и перенести их на соседнюю Албанию, а последнюю представить как вассальную, зависимую от Армении страну, ибо правитель ее – сородич армянского царя, подвластный ему, а не младший Аршакид, восходящий непосредственно к персидским Аршакидам.

Итак, возвращаясь к проблеме албанских Аршакидов, как было нами отмечено, исследователи прошлого столетия и современные, основываясь на сообщении Хоренаци о воцарении Санатрука в Пайтакаране, утверждают, что именно этот Санатрук был основателем албанской Аршакидской ветви в 30-х годах IV в.

Если исследователи принимают во внимание сообщение Хоренаци об утверждении Санатрука в Пайтакаране, то в равной мере, если не более, они должны считаться с сообщениями Фа-

встоса Бузандаци о том, что Санатрук (Санесан) владел всей Арменией целый год, тем более, что он преследовал именно эту цель. И на этом основании можно сделать вывод, что Санатрук был основателем последующих армянских Аршакидов. Однако исследователи этого вывода не делают, очевидно в силу того, что в Армении была своя Аршакидская ветвь задолго до Санатрука и царствовала она после него. Далее источники, кроме Каланкатуйского ничего не сообщают о потомках Санатрука.* В таком случае и в Албании до Санатрука (Санесана) царствовала албанская ветвь Аршакидов. Основателем ее, по словам Моисея Каланкатуйского, был Вачаган I Храбрый, преемниками которого были Ваче I и Урнаир. Во время нашествия Санатрука в Албании царствовал Урнаир. Согласно Каланкатуйскому и посланию армянского епископа Гюта к Ваче II, албанскому царю, Урнаир был современником армянского царя Трдата (*Каланкатуйский*, I, 9, 11). Самое раннее хронологическое упоминание Урнаира относится ко времени после 313 г. (*Каланкатуйский*, I, 9). [Дата наша. – Ф.М.]. Последний хронологический рубеж упоминания Урнаира – это Дзиравакское сражение 371 г. (*Каланкатуйский*, I, 13). Как видим, Урнаир был царем до нашествия Санатрука и после него. Умалчивание о нем в связи с Санатруком, видимо, объясняется тем, что, как верно отметила К.В.Тревер, нашествие Санатрука в основном не коснулось Албании.

Как известно, Сасаниды стремились в это время ослабить тыл зависимой от Рима Армении. Вдохновителем нашествия северо-кавказских народов – маскутов на Армению был персидский царь Шапур II, который, пытаясь ослабить армянских Аршакидов, в борьбе с армянами поддерживал различных претендентов на армянский престол, пусть даже массагетских Аршакидов. Что же касается Албании, то албанский царь Урнаир был союзником персидского царя. К тому же он был связан с Шапуrom II родственными узами. Если даже допустить, что в Албании в это время не царствовала албанская Аршакидская ветвь, то, по всей вероятности, персидский царь Шапур II не допустил бы ут-

* О потомстве Санесана (Санатрука) известно, что трое сыновей его - Мовсес, Даниэль и Илия и все 3870 мужей уверовали и были крещены Григорисом. Они после мученичества Григориса пошли в Арцах, где вели отшельническую жизнь. Они были убиты Санесаном - царем маскутов. См.: *Каланкатуйский*, II, 5; *Макар Бархударянц*. Албания и ее соседи. Тифлис, 1893 (арм. яз.), с. 62.

верждения в Албании в IV в. новых Аршакидов, ненавистных им (Сасанидам), а воцарил бы там своего сородича из династии Сасанидов. Сасаниды, в начале III в., уничтожив старших персидских Аршакидов, пытались ослабить армянских Аршакидов и с этой целью организовали нашествие Санатрука на Армению. Поэтому мало вероятно, что в IV в. дело дошло до воцарения новых Аршакидов в Албании, пусть даже маскутских. Как известно, персидские Аршакиды и Сасаниды вели одинаковую политику по отношению к народам Центрального Кавказа, т.е. с целью укрепления своей власти в вассальных от них царствах сажали родственников им правителей. Так поступили Сасаниды с Албанией в VI–VII вв., утвердив здесь родственников им Михранидов.

Не случайно в списке албанских Аршакидов, приводимом Моисеем Каланкатуйским, нет имени Санатрука, что исторически оправдывается (верно). Итак, как нам представляется, мнение исследователей об утверждении в Албании массагетской ветви Аршакидов не находит подтверждения в источниках.

Теперь попытаемся уточнить дату нашествия Санатрука, учитывая, что миссионерская деятельность Григориса, убийство его и нашествие Санатрука – все эти события хронологически взаимосвязаны, последовательно следуют друг за другом. Достаточно датировать одно из звеньев этой цепи. М.Броссе, ссылаясь на М.Чамчяна, считает, что Григорис был убит в 343 г.,* следовательно, поход Санатрука имел место после 343 г. Эту же

* Броссе М. полагает, что Григорис получил посвящение от своего брата Иусика, католикоса Армении. И ссылаясь на мнение Чамчяна М., он считает, что убит был Григорис маскутами в 343 г. (Brosset M.Extraits de histoire des Aghovans en arménien par Moise Saghancatovatsi. - In: Additions et éclaircissements a l'histoire de la Georgie. Spb., 1851, p. 473). Думается, что Броссе М. заблуждается, ибо из сообщений Фавстоса Бузандаци известно, что Иусик вел светский образ жизни, был женат и потому католикосом он стал значительно позднее, в годы царствования Тирана - 338-345 гг. По достоверной официальной хронологии Иусик патриаршествовал в 341-347 гг. По сообщению источников, посвящение Григориса имело место не позднее царствования Хосрова Котака, а событие, последующее за посвящением Григориса, - нашествие маскутов - тоже имело место в царствование Хосрова Котака. Следовательно, Григорис не мог быть рукоположен при Тиране, преемнике Хосрова Котака. Чамчян М. полагает, что посвящение Григориса в католикосы имело место при Вртанесе. Но Чамчян М. не датирует это событие. Он полагает, что Григорису в это время было не 15 лет, а 25 (Чамчян М. "История Армении". Венеция, 1784-1786, ТТ. I-III (арм. яз.), с. 600). Нам представляется, что заблуждается Чамчян М. в том, что Григорису было 25 лет и что Григорис был посвящен не при Трдате, а при Хосрове.

дату принимают М.Бархударянц,²⁸ Дж.Маркварт,* а вслед за ним Я.А.Манандян,²⁹ которые датируют нашествие Санатрука 335 г.; С.Т.Еремян³⁰ и С.Х.Ованнисян³¹ – датируют 338 г.; Г.Х.Свазян – 330/331 г.³²

Что касается даты нашествия Санатрука (Санесана), то данные Мовсеса Хоренаци, Фавстоса Бузандаци, Моисея Каланкатуйского и поздних авторов совпадают. По их сообщению, это имело место в годы царствования армянского царя Хосрова Котакта. По официальной традиционной дате, Хосров Котакт царствовал с 332 по 338 г.** По сведениям Фавстоса Бузандаци, в год нашествия маскутов армянским патриархом был Вртанес, сын Григория Просветителя (*Бузандаци*, I, 7). Эти данные, видимо, следует принять за действительные, ибо нашествию маскутов, как известно, предшествовало посвящение в католикосы Григориса, сына Вртанеса, который, как нам думается, получил посвящение от своего отца. Следовательно, если бы Вртанес был свободен и не занимал патриарший престол, то, естественно, его и назначили бы в католикосы Албании и Иберии, и выбор не пал бы на юного пятнадцатилетнего Григориса, что считалось, очевидно, противоканоническим действием. В пользу этого предположения говорит сообщение Мовсеса Хоренаци о том, что правители Пайтакарана просили епископа из рода Григория Просветителя, не указывая конкретно кого. По традиционной достоверной хронологии Вртанес патриаршествовал с 336 по 341 гг.

Следовательно, маскуты совершили нашествие на Армению не раньше 336 г. и не позднее 338 г. (последний год царствования Хосрова Котакта), так как они были разбиты при царствовании Хосрова Котакта. За это время имела место миссионерская

* Маркварт Дж. считает, что Ваче Мамиконян, спарпет Армении, был отправлен в греческую страну просить о помощи для борьбы с Санатруком. На основании сообщения римского источника, что в 335 г. сыну сводного брата Константина Ганнибалиану был дан титул "царя царей" и он был направлен правителем над понтийскими народами, Маркварт Дж. и вслед за ним Манандян Я. М. полагают, что Ганнибалиан был верховным правителем Грузии и Армении и что в 335 г. ему было поручено освобождение Армении от северных народов Кавказа, т.е. от Санесана (Marquart J. Die Entstehung der armenischen Bistümer. - *Orientalia Christiana*, XXVII, 2, Roma, 1932, с. 77-78).

** Даты истории Армении III-V вв. спорны. Как сообщает Саркисян Г. Х., "имеется три опорных пункта: даты воцарения Трдата и Папа, дата падения армянских Аршакидов". Саркисян Г. Х.. Хронологическая система "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци. Ереван, 1965 (арм. яз.), с. 181.

деятельность Григориса в Албании, в стране маскутов, убийство его и нашествие маскутов на Армению. Как свидетельствуют источники, маскуты владели Арменией целый год, следовательно, они участвовали в походе в 336–337 гг. и были разбиты у Ошакана в 338 г.

Выяснив, что основателем албанской Аршакидской ветви был не Санесан (Санатрук) и уточнив дату его появления, вернемся к вопросу об албанской Аршакидской ветви. Считаем нужным верить данным «Истории албан» Каланкатуйского, из которых явствует, что первым аршакидским царем в Албании был Вачаган I Храбрый. Время появления первого албанского Аршакида – Вачагана Храброго синхронно появлению первых младших Аршакидов в Атропатене, Армении, стране маскутов и в других странах.³³ Младшие Аршакиды были воцарены персидским (парфянским) Валаршем (Вологезом) I (51–57), сыном Вонона.³⁴ Мовсес Хоренаци, воспользовавшись списком армянских Аршакидов, заимствованным у Анонима, внес в него творческие изменения.³⁵ Превратив Трдата I, основателя армянской Аршакидской ветви, в некоего Валарша (Валаршака), одноименного персидскому Валаршу, он тем самым внес путаницу. По схеме Хоренаци, первого правителя Албании – Арана назначает армянский Валарш, вместо достоверного персидского Валарша. Что касается албанского автора, то в связи с назначением в правители Арана, он упоминает Валарша то, как армянского царя, то как парфянского, что, на наш взгляд, объясняется поздней армянской редакцией.

Данные Хоренаци мы считаем в этом случае неверными по той простой причине, что Албания как в I в. н. э., так и в предшествующий, и последующий периоды не была подвластна Армении, и армянский царь никак не мог назначить в Албанию своего правителя (см.: гл. II данной работы).

Итак, как становится известным, в I в. н. э. первому представителю албанских Аршакидов – Вачагану I Храброму удалось объединить все области (царства) Албании и создать единое централизованное царство (*Каланкатуйский*, I, 6). Поскольку мы не располагаем другими сведениями о нем и его преемнике, Ваче I, рассмотрим данные источников о преемнике Ваче I, Урнайре, который был женат на сестре царя сасанидской Персии, Шапу-

ра II. Годы правления Урнайра остались неизвестными. Согласно данным Каланкатуйского (I, 8, 9, 10, 13), Урнайр был современником персидского царя Шапура II Долголетнего (309–379), византийского императора Константина Великого (337–361) и армянских царей Трдата III (287–330), Тирана (338–345), Аршака (345–367) и Папа (370–374). Как было отмечено, самая ранняя дата упоминания об Урнайре относится к 313 г., когда он совместно с албанской знатью принял христианство (*Каланкатуйский*, I, 9) и конечное событие, связанное с ним, датируется 371 г. – Дзиравское сражение (*Бузандаци*, V, 4; *Каланкатуйский*, I, 13). Таким образом, можно считать, что Урнайр царствовал с 313 г. по 371 г.* Албанский автор называет его «мужем доблестным, который наследовал славное имя в великих войнах, водрузив знамя победы внутри Армении» (*Каланкатуйский*, I, 9). Но остается неизвестным, какие войны имеет в виду албанский автор?

Внутренняя политика Урнайра характеризуется борьбой с язычеством, объявлением христианства государственной религией (313–314), наделением церкви землями, назначением, выделением церкви первых плодов, церковной десятины (*Каланкатуйский*, I, 9, 11). Однако христианство не получило при Урнайре повсеместного распространения, не стало всеобщим вероисповеданием. Христианство, воспринятое царем, двором, знатью и частью населения Албании, становится идеологической основой слагающейся феодальной культуры. Часть же населения оставалась верной своим старым языческим верованиям, а часть – маздеизму.

Столицей албанского государства и местом пребывания царя и албанского католикоса при Урнайре и далее до V в. был город Кабала. Что же касается внешней политики Урнайра, то известно, что Албания, будучи вассалом и союзником Шапура II, персидского царя, была втянута в персидско-римские войны. Так, в битве под Амидой в 359 г., состоявшейся между римляна-

* Ачаряна Р. (А ч а р я н Р. Словарь армянских личных имен. 1962, т. V) и некоторых других смущало такое долголетнее правление албанского царя (почти 60-летнее). И потому они считали, что должно быть два Урнайра (Урнайр I и его преемник Урнайр II). Но, как известно, в списке албанских царей (у Каланкатуйского) имеется два Ваче, три Вачагана. Думается, что если бы было два Урнайра, то это обязательно отразилось бы в списке. К тому же нас ведь не смущает столь длительное правление персидского царя Шапура II.

ми и персами, албанский царь Урнаир сопровождал персидского царя Шапура II (*Аммиан Марцелин*, кн. XVIII, гл. 6), он же оказал помощь Шапуру II и в битве на Дзиравском поле в 371 г., когда Шапур II выступил против римского и армянского войск (*Бузандаци*, V, 4). В этом сражении Урнаир был ранен Мушегом Мамиконяном (*Каланкатуйский*, I, 13; *Бузандаци*, V, 4). На этом данные о нем исчерпываются.

Из албанских Аршакидов после Урнаира источники сохранили данные об Есуагене, при котором, путем усовершенствования старой, была создана новая албанская письменность. Данные об этом сохранились у Моисея Каланкатуйского, а также у армянских авторов V–VIII вв. – Корюна, Мовсеса Хоренаци и др.

Особый интерес представляет организация Есуагеном обучения албанских детей. Он «приказал обучить искусству письма многих детей из областей и районов страны, послать их группами в школы, в подходящие и удобные места и назначить им «довольствие на пропитание».³⁶

В правление Есуагена стали переводить на албанский язык религиозные книги – Библию, учение апостолов и др.

В 444 г. албанским царем из династии младших Аршакидов стал Ваче II,³⁷ сын Есуагена и сестры персидского царя Иездигерда II.³⁸ По приказу персидского царя Пероза, как сообщает Каланкатуйский (I, 5), Ваче II построил город Перозабат (Партав), ставший при нем столицей государства. Перенесение столицы из Кабалы в Партав объясняется внешнеполитическими изменениями. В связи с частыми нашествиями тюркоязычных кочевников культурно-политический центр страны перемещается с левого берега Куры на правый. Правление Ваче II озаменовано антиперсидским народно-освободительным движением – восстанием армян, албан, иберов в 450–451 гг., возглавленным армянским полководцем Варданом Мамиконяном, а также восстанием в Албании 457–463 гг., которое поднял и возглавил сам царь Ваче II. Причинами, побудившими народы Албании, армян и иберов к антиперсидским выступлениям, были экономический, политический и культурно-идеологический гнет.

Политика Сасанидов по отношению к подвластным христианским странам: Албании, Иберии, Армении была не стабильной, как известно, а постоянно менялась. Когда хрис-

тиане подвергались гонениям в Римской империи, цари Ирана покровительствовали им, охотно принимали их на своей территории, надеясь приобрести в лице христиан союзников в тылу у римлян. С победой христианства, с превращением его в государственную религию Восточной Римской империи, в государственную религию Албании, Армении и Иберии (Грузии), изменилось отношение к христианам в сасанидском Иране. Сасанидские цари стали подвергать гонениям христиан правоверного толка и поддерживать в своем государстве и на их территории различные секты, сражавшихся с официальной церковью.³⁹ Иметь по соседству страны, враждебные Ирану в политическом и религиозном отношении, единоверные с Римской империей – значило подвергать себя постоянной опасности с севера и с запада, где Иран не имел естественных укрепленных границ.

В 428 г. Сасаниды упразднили царскую власть в Армении, превратив ее в наместничество. Албания представляла собой к этому времени вассальную страну с сохранением определенной политической самостоятельности. Были сохранены исключительные привилегии светских феодалов и духовенства; сохранялась царская власть в лице албанских Аршакидов, которые вели самостоятельную внутреннюю политику, а временами и внешнюю. Сепаратизм албанских царей тревожил центральное правительство Персии. В середине V в., в связи с участвовавшими нашествиями северокавказских кочевников, а также пользуясь тем, что Византия была занята войной с Атиллой и церковными распрями, Сасаниды открыто прибегли к решительным мерам, стремясь навсегда покончить с самостоятельностью Албании, Иберии и превратить их, как Армению, в свои провинции. Прежде всего, Иездигерд II (438–457) мобилизовал военные силы трех стран – Албании, Грузии и Армении и перебросил их на северо-восточные рубежи своего государства на борьбу с гуннами, тем самым ослабив сопротивление этих стран (*Егшизэ*, I).⁴⁰

Иездигерд II изменил также налоговую политику. Им была проведена всеобщая перепись населения и учет всех объектов обложения, следствием чего было значительное увеличение налогов. Тяжелыми податями были обложены не только крестьяне, но и городское население, а также духовенство, которое ранее было приравнено к сословию азатов и платило лишь поземельную

подать (*Егишэ*, II). Были учтены все годные для обработки земельные угодья и независимо от того, пустовал или обрабатывался данный земельный участок, с него взыскивалась поземельная подать. Вся работа по возведению пяти линий оборонительных сооружений на западном побережье Каспия выполнялась жителями Албании. Каланкатуйский пишет: «Цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем Восточным» (*Каланкатуйский*, II, 11).

Помимо указанных мероприятий Сасаниды стремились добиться культурно-идеологической ассимиляции албан, армян и грузин путем насильственного обращения их в маздеизм. Вопрос вероисповедания не был вопросом исключительно религиозным. Он имел важное политическое значение. Цель религиозной ассимиляции состояла в укреплении центральной политической власти, в приведении непокорных народов в состояние полной покорности и послушания, отдаления их от Византии, помощью которой они могли воспользоваться в борьбе за свою независимость. Народы – албаны, иберы, армяне с этих пор стали религиозными союзниками.

Все эти мероприятия Иездигерда II (экономического, политического гнета и религиозно-культурной ассимиляции) привели к антиперсидскому движению 450–451 гг., поводом для которого послужила попытка искоренить христианство и насадить маздеизм персидскими магами, прибывшими в Центральный Кавказ в количестве 700 человек, из коих 300 были предназначены для обращения албан (*Егишэ*, II).⁴¹

Восстание в Албании проходило в более тяжелых условиях, чем в Армении и Иберии. Здесь, в городе Пайтакаране были сосредоточены персидские вооруженные силы. В районе Чола находилась 10-тысячная персидская конница, вернувшаяся сюда после гуннского похода. С ее помощью Сасаниды думали парализовать повстанческое движение в Грузии и Албании и подавить движение в Армении. Албанский царь Ваче II не мог поддержать восставших, ибо в качестве заложника находился при персидском дворе, куда был вызван Иездигердом II и принужден был принять маздеизм (*Егишэ*). Восстание в Албании возглавили

католикос и хазарапет страны, которые поддерживали тесную связь с Варданом Мамиконяном, ставшим руководителем народно-освободительного движения народов Центрального Кавказа, под руководством которого был разработан общий стратегический план военных действий (*Каланкатуйский*, II, 2; *Егишэ*, III).⁴² В 450 г. у города Халхал [в зоне современного Газаха], зимней резиденции албанских царей, произошла битва между повстанцами и персидскими войсками (*Каланкатуйский*, II, 2; *Парпеци*, II, 35; *Егишэ*, III). Поражение персидских войск при Халхале было полным. Союзные войска албан, армян и иберов после этого поражения напали на замки и города, занятые персами в Албании, и совершили совместный поход к «Гуннскому проходу». Они разрушили крепость, построенную Иездигердом II, перебили персидский гарнизон и комендантом ворот поставили князя из албанской царской патронимии (*Каланкатуйский*, II, 2; *Елишэ* III; *Парпеци*, II, 35). Ему же было поручено идти в страну гуннов и в другие северокавказские земли и заключить с ними союз против персов. Гунны обещали помощь. В это время из Средней Азии в Ктесифон вернулся проигравший войну с эфталитами Иездигерд II. Узнав о том, что греки отказались от вмешательства в дела повстанцев, Иездигерд II решил силой подавить восстание и послал туда Михр-Нерсеса с большой армией и множеством слонов. Многих мятежников Албании, Армении и Грузии удалось склонить к отступничеству богатыми дарами, посулами. Многие нахарары вернулись в свои владения. Персам удалось «разорвать союзный договор, так искусно заключенный Варданом Мамиконяном с Албанией и Грузией». 2 июня 451 г. в области Артаз, на Аварайском поле [между нынешними городами Маку и Хой] произошла знаменитая битва между персами и повстанцами. В результате сражения повстанцы потерпели серьезный урон.

После подавления антисасанидского восстания 451 г. имело место крупное восстание всего албанского народа, направленное против Сасанидов, которое возглавил сам албанский аршакидский царь Ваче II. Восстание длилось с 457 по 463 гг. Сасанидский царь Иездигерд II после восстания 450–451 гг. на уступки не пошел, самые важные требования албан не удовлетворил.

После его смерти в 457 г. и начала междоусобной борьбы

за власть в Иране, албанский царь Ваче II поднял восстание против персов (*Каланкатуйский*, I, 10; *Егишэ*, X). Внешним проявлением восстания было отречение Ваче от зороастризма, которое он принял, как было отмечено, по принуждению. В 459 г. к власти в Иране пришел Пероз (459–484), при котором и без того тяжелое положение подвластных народов усугубилось многолетней засухой, неурожаем и войнами, которые он вел с внешними врагами. Пероз продолжил начатую Иездигердом II войну против эфталитов.

Следствием всего этого явилось недовольство и непрекращавшееся волнение в Албании в 459 г. Егишэ говорит, что наступивший временно в персидском государстве мир был нарушен «настойчивым отказом албанского царя от подчинения» в 459 г. (*Егишэ*, VII). Албанские повстанцы захватили проходы Чола и, пропустив войска маскутов, заключили союз с одиннадцатью «царями» Большого Кавказа и с их помощью два года вели успешные военные действия против сасанидских войск, вторгшихся в Албанию. Неоднократные попытки персов начать переговоры с Ваче II оказались тщетными. Тогда Пероз за большие деньги призвал на помощь гуннов-оногур, которые вторглись в Албанию через Аланские ворота (Дарьял)⁴³ и начали в 462 г. длительную борьбу с албанами (*Егишэ*, VII).

Оногуры целый год сражались с албанским царем. Хотя войско Ваче II уменьшилось и рассеялось, но покорить его они не могли (*Каланкатуйский*, I, 10; *Егишэ*, VII). Бедственная была эта война и для войск персидского царя, наемных оногур. Одна часть их погибла в сражениях, другая – от болезней.

Восстание в Албании, начавшееся в 457 г., было подавлено только в 463 г. Сасаниды, очевидно, настолько вновь укрепились в Албании, что Ваче II, отрекшись от царствования, испрашивал у Пероза разрешения на оставление за ним отцовского наследства – в 1000 подымных земельных наделов. Моисей Каланкатуйский приводит письмо епископа Гюта, направленное к царю Ваче II после отречения его от престола.

Письмо это – своего рода славословие, гимн в честь Ваче II. Он пишет: «Отечская вера страны твоей сохранилась, церкви остались устроенными, часовни в мире, священники в священстве, жертвы на алтарях» (*Каланкатуйский*, I, 11).⁴⁴

В 463 г. царская власть в Албании была упразднена, страной стал править персидский наместник – марзбан. Марзбанский режим продержался в Албании в течение 30 лет.

Неудачные войны Пероза с эфталитами, карательные экспедиции против албан, усиление налогового гнета, ущемление наследственных привилегий нахараров, религиозные гонения, все эти обстоятельства подготовили почву для нового восстания (481–484). Восстание в Албании, Иберии и Армении приблизительно длилось до 484 г. Непрерывно сражаясь с восставшими армянами, иберами и албанами, персы в то же время понесли поражение от эфталитов. Пероз был убит, и в 484 г. эфталиты ворвались в пределы Персии. Это заставило и без того обессиленные персидские войска удалиться из Албании, Армении, Грузии. В 484 г. воцарился Сасанид Валарш (484–488). Тяжелая политическая и экономическая обстановка, которая сложилась в Персии, и попытка Валарша восстановить разрушенное войнами сельское хозяйство вынудили его положить конец политике религиозного преследования на Центральном Кавказе, проводившейся его предшественниками, и заключить мир с народами Кавказа.

В селении Нварсак было заключено соглашение на условиях, предъявленных повстанцами. Персидское правительство, согласно условиям Нварсакского мира, пошло на значительные уступки Албании, Армении и Иберии. В Албании была восстановлена царская власть, власть Аршакидов. За албанским царем было признано право на самостоятельное внутреннее управление страной. Была установлена свобода вероисповедания, были восстановлены привилегии албанской знати и оставлен в нерушимости принцип иерархии нахарарских родов. Верховным судьей страны и сюзереном нахараров мог быть лишь сам албанский царь. Сасаниды обязывались не навязывать маздеизм, а христиане не должны были обращать в свою веру огнепоклонников. Было уменьшено количество дани, которая должна была поступать в Персию из Албании. Албаны были освобождены от поставки всадников в конницу Персии.⁴⁵

В 487 г. албанским царем стал племянник Ваче II Вачаган III Благочестивый, последний представитель албанской Аршакидской ветви. Каланкатуйский сообщает (I, 16): «От Ваче до Благочестивого Вачагана в продолжение 30 лет Албания остава-

лась без царя...». По словам албанского историка, «жители Албании, снова соединившись в одно царство, взяли из детей царских храброго, мудрого, рассудительного и высокого ростом Вачагана, сына Иездигерда, брата Ваче, царя албанского, возвели его на престол с помощью Валарша, царя персидского» (*Каланкатуйский*, I, 17).

Царствование Вачагана Благочестивого было политическим и культурно-религиозным возрождением Албании. Он, прежде всего, стремился добиться религиозного единства в стране, превращения христианства во всеобщую государственную религию. С этой целью он усиленно преследовал огнепоклонников, все языческие секты и искоренил их. Вачаган открыл школы, восстановил разрушенные и построил новые церкви и монастыри, восстановил церковные чины.⁴⁶ Стремясь закрепить независимость Албании и учитывая большую политическую роль самостоятельной Албанской Церкви, которая противостояла бы чуждым религиозно-политическим влияниям и ассимиляторской политике иноземных сил, Вачаган III считал необходимым упрочить пошатнувшиеся устои этой церкви, экономически укрепить ее. С этой целью он созывает Агуэнский собор. С одной стороны, этот собор должен был способствовать утверждению самостоятельности Албанской Церкви, с другой – Вачаган с помощью агуэнских канонов пытался усилить государственную власть, обуздать своевольных феодалов (азатов), уравнять клир со светской знатью, урегулировать отношения податного сословия со светской знатью и духовенством, добиться религиозного единения всех сословий, что также необходимо для сохранения политической независимости страны и для борьбы с иноземными силами. Вачаган III был последним Аршакидом Албании. Албанские цари, исходя из стратегического положения Албании, в своей внешней политике осуществляли связь с кочевниками-степняками тюркоязычного мира, находящегося за Кавказскими проходами, за Албанскими воротами (за Дербентом). С целью расположить к себе кочевой мир и приостановить их систематические нашествия, албанские цари посылали к ним христианских проповедников, пытаясь обратить их в христианскую веру, сделать их единоверцами.

Эту политику проводили правители Албании и Албанская Церковь с IV в. – со времени становления государственной рели-

гией вплоть до падения албанского царства.

Албанские Аршакиды вели самостоятельную албанскую политику, верно служили Албанскому государству, народу, религии, теряли свои персидские черты, очень быстро приобщались к местной культуре, т.е. албанизировались. Политическую структуру Албании II–VI вв. можно представить как феодальное централизованное государство. Царь был законодателем, верховным судьей страны, возглавлял законодательный и совещательный орган светской и духовной власти, был главнокомандующим всеми военными силами страны.⁴⁷ В функции царя входило также основание городов. В Албании, как и в Персии, «царская власть рассматривалась как коллективное достояние рода Аршакидов и представители лишь этого рода могли на нее претендовать».⁴⁸

Учитывая крупное стратегическое значение Албании (защите кавказских проходов от кочевников), ее природные ресурсы, торговые пути, цари Персии сохранили государственность Албании с I в. по VI в., оставив здесь власть албанских царей – младших Аршакидов.

Таким образом, Албанское государство в период правления албанских Аршакидов продолжало традиции древней Албании, было суверенным государством, проводившим свою независимую от соседей самостоятельную внутреннюю и временами внешнюю политику.

В VI в., когда стабилизировалось положение в сасанидском Иране, Сасаниды упразднили местные царские династии – в Албании, в Иберии-Картли (Грузии). В результате административной реформы, проведенной Хосровом I, утвердилось деление империи Сасанидов на четыре наместничества – «стороны» (Куст). Албания, как и все страны Центрального Кавказа, и Атропатена вошла в состав северного наместничества, Кавказского Куста, и впредь стала управляться марзбанами (наместниками) «царя царей Ирана и не Ирана».

§ 2. Албанское государство при Михранидах (630 – 705 гг.)

В 510 г. прекратилось правление албанских Аршакидов и в стране короткое время (510–629) правили персидские марзбаны.

В конце VI – начале VII вв. в Албании возвышается феодальный род Михранидов, владетелей области Гардман. Согласно генеалогической справке Каланкатуйского, персидский род Михранидов во главе с Михром в конце VI в., будучи причастным к дворцовому перевороту и желая спастись от возмездия персидского царя Хосрова II Парвиза (591–628), с 30 тыс. семейств бежал из Ирана, с целью перейти к врагам Хосрова – хазарам. Обеспокоенный этим обстоятельством, Хосров поспешил опередить его, послаив письмо о праве свободно выбрать себе местожительство.

Михр получил царское послание в гаваре Гардман, провинции Ути, где и решил остаться. Он и его потомки, утвердившись в Гардмане, ставшем их фамильным доменом, путем физического уничтожения местных феодалов, а также, благодаря родственным связям, вытеснил местных князей Араншахигов, завладев всей Албанией. Они «подчинили себе также дикие народы Кавказа». Эту хитрую политику персидского двора местные князья поняли только позже. Вполне возможно, что это обстоятельство явилось одной из причин восстания против персов в 603 г.⁴⁹ Михраниды в течение двух столетий сохраняли за собой право ношения титула великого первого князя Албании (*Каланкатуйский*, II, 17).⁵⁰

Согласно данным Моисея Каланкатуйского, Михр «выступил на север области Гардман и коварно призвал к себе 12 ее правителей, предал их мечу и завладел страной» (*Каланкатуйский*, II, 17). Внук Михра – Вардан Храбрый уничтожил 60 последних представителей из прежних правителей Албании, и, таким образом, Албания попала в руки новой династии.

Моисей Каланкатуйский дает генеалогию албанского Михранидского рода: Михр, Армаель, Вард, Вардан Храбрый, Вард, Варазман, Вараз-Григор, Вараз-Пероз, Джеваншир, Езуд-Хосров и Варазман (*Каланкатуйский*, II, 17).

Приход Михранидов в Албанию был обусловлен политической ситуацией. Албания имела исключительное стратегическое значение в деле охраны северных границ державы сасанидского Ирана. В силу этого Сасаниды стремились утвердиться в Албании. В новых условиях необходимо было усилить персидский элемент, в особенности в гаваре Гардман, где и утвердились Михраниды. Гардман был выбран не случайно, так как находился у

границ армянских и грузинских земель, подчиненных Византии после договора 591 г.⁵¹ В защите западных границ от вероятных вторжений Византии Сасаниды не могли полагаться на местных князей и стали рассчитывать на новых владельцев Гардмана – Михранидов, которые религиозно и политически были близки Ирану.

Надежды Сасанидов относительно албанских Михранидов не оправдались. Михраниды оставались персами в течение не более двух поколений, после чего приняли христианство, сроднились с местной албанской знатью, приобщились к албанской культуре и языку, т.е. албанизировались.

В.В.Бартольд считал, как отмечалось, что в лице Михранидов в Албании «вновь восстанавливается албанская национальная династия, но персидского происхождения».⁵² К величайшему огорчению Сасанидов албанские Михраниды, как и предшествующие Аршакиды, настойчиво вели проалбанскую политику – политику самостоятельности Албании.

Хотя Михраниды утвердились в Албании к 603 г., но полновластными правителями всей страны, «первыми великими князьями» Албании, они стали, как нам удалось уяснить, только с 630 г.

Рассмотрим внутреннее и внешнеполитическое положение страны с 510 по 630 гг., т.е. период, когда Албанией правили персидские марзбаны. Так, в середине VI в., в результате военно-административной реформы Хосрова I Ануширвана (531–579), Албания, в числе стран Центрального Кавказа, была объединена в Северный Адурбадаганский Куст, управляемый одним персидским марзбаном.

Политика, проводимая Ираном и Византией по отношению к северокавказским народам, была двойственной.

Выделяя средства, а также принимая меры по укреплению Кавказских ворот (проходов), Иран и Византия (каждая в отдельности) в то же время пытались использовать кочевников в своих целях, ища среди них поддержку. Также поступали и албанские цари. Вступая с северными народами в союз, они пропускали их через Каспийские ворота и совместно громили завоевателей. В конечном итоге северные народы, побуждаемые собственными интересами или будучи союзниками Ирана, Византии, Албании, часто нашествовали на Албанию или, вернее, через территорию

Албании в страны Центрального Кавказа и далее на юг и юго-запад Кавказа.

В период правления Хосрова I Ануширвана война Византии с Ираном настолько отвлекла внимание Ирана от ее северной границы, что в 552–553 гг. Албания подверглась нашествию со стороны своих северных соседей-хазар. Согласно М.И. Артамонову,⁵³ этот набег связан не с хазарами, а с савирами.

Согласно сообщению Каланкатуйского, хазары, завладев Албанией, предавали огню церкви и писания, разрушали города и села, угоняли народ. «...Когда было утверждено начало армянского летоисчисления (552), престол Албанского патриаршества был перенесен из города Чола в столицу Партав, вследствие грабительских набегов врагов креста Христова» (*Каланкатуйский*, II, 4).

В 562 г. Хосров Ануширван, вернувшись из похода против Византии, выступил против хазар и разбил их. Во время 20-летней персидско-византийской войны (571–591) византийские войска, вступив в Албанию, встретили здесь савир и для гарантии покорности взяли у них заложников. Как только византийские войска оставили Албанию, савиры перешли на сторону Ирана. Тогда византийские войска вновь вторглись в Албанию и заставили савир переселиться за Куру, в пределы территории, находившейся под контролем Византийской империи.⁵⁴

В 591 г. 20-летняя война между Персией и Византией закончилась. По договору 591 г. Армения подверглась очередному политико-территориальному делению, однако этот договор Албании не коснулся. Страной продолжали править персидские марзбаны. В 603–629 гг., когда возобновились военные действия между двумя империями, Албания оказалась вовлеченной в эти войны.

В 602 г. Фока (602–610), убив императора Византии Маврикия (582–602), захватил трон империи. Воспользовавшись этим, персидский царь Хосров II, под предлогом мести за Маврикия, объявил Византии войну, которая продолжалась до самого свержения и убийства Хосрова II. Поначалу успех сопутствовал Сасанидам, захватившим почти все малоазиатские владения Византии. В 605 г. персидские войска вторгаются в Армению. Иберия подчинилась Сасанидам без боя. Персы захватили также Месопотамию. Положение Византии не улучшилось и в первые

годы правления Ираклия (610–641), занявшего престол после убийства Фоки. В 611 г. персы завоевали Сирию, в 614 г. – Палестину, Иерусалим, где ими была захвачена главная святыня христиан – крест, на котором был распят Иисус. Только в 622 г. Ираклий начал решительную кампанию против персов.⁵⁵ Воспользовавшись ирано-византийскими войнами, население Албании в 603–604 гг. восстало против сасанидского владычества. Восстание было жестоко подавлено Хосровом II. Многие из представителей албанской знати погибли, только албанский католикос Виро остался в живых, благодаря заступничеству шахини Ширин – жены Хосрова II, которая была христианкой. Царица Ширин «после многих стараний получила жизнь его [Виро] в подарок от царя» (*Каланкатуйский*, II, 14). Он был оставлен в течение 25 лет при персидском дворе. Однако Хосров II поставил условие, что Виро до конца своей жизни «не возвратится в страну свою, но останется под стражей при дворе. Он [Хосров II] не отнял у него доходов патриарших и не лишил его сана католикоса» (*Каланкатуйский*, II, 14). Находясь в заключении, албанский католикос Виро добился от Хосрова II распоряжения о даровании албанским князьям из династии Михранидов титула «владыки Гардмана и князя Албании» (*Каланкатуйский*, II, 23). Это право было получено при Вараз-Григоре, когда он стал первым князем всей Албании.

Благосклонное отношение Хосрова II к Виро объясняется тем, что Хосров II вообще окружил себя христианами. Одна из его жен была византийская царевна Мария, другая – христианка Ширин, предполагают, из Хузистана, вероятно сирийка [но с большей долей вероятности мы ее считаем албанкой. – Ф.М.]. Ширин – прославленная героиня многих произведений (*Себеос*, XI),⁵⁶ в поэме Низами «Хосров и Ширин». Невзирая, однако, на свое христианское окружение, Хосров II оставался последовательным проводником политики Сасанидов – политики отторжения стран Центрального Кавказа от Византии. С этой целью он в 612–614 гг. созывает известный Персидский церковный собор подвластных ему христиан, где официально признанным христианским вероисповеданием было объявлено монофизитство в противовес диофизитству Византии.⁵⁷

Успех Ирана на международной политической арене (в пе-

риод персидско-византийских войн) стал клониться к закату. В 623–624 гг., в результате решительной кампании, Ираклий добился ряда успехов в Малой Азии и на Центральном Кавказе. Он двинулся на Иран кружным путем, через Колхиду и Иберию. В 624–628 гг. Албания, как и Иберия, становится одной из главных арен персидско-византийских войн. Эти события твердо и последовательно датируются Каланкатуйским в книге II, главах – 9, 10, 11, 12.

«...Я начну рассказ свой от первого года 18-го високоса после явления Господа нашего Иисуса Христа, месяца Мехекан, на 35-м году царя царей Хосрова Ормиза» (*Каланкатуйский*, II, 9). Получается $590 + 35 = 624$ г.

Борьба Византии и Персии за обладание Албанией преследовала не только политические, но и экономические цели. В 624 г. византийская армия захватила Двин, вторглась в Атропатену и, заняв Нахичеван, форсировала Аракс (*Себеос*, XXXVI). Затем была захвачена столица Атропатены – Гандзак (Гайшаван). Ираклий обратился к князьям и владельцам Албании, Иберии, Армении с требованием, «чтобы они добровольно вышли к нему навстречу, служили ему с войском своим во время зимы, в противном случае он обойдется с ними как с язычниками, и войска его возьмут крепости и опустошат пределы стран их» (*Каланкатуйский*, II, 10). По велению персидского царя Хосрова II владельцы, князья Албании покинули столицу Барду и укрепились в крепостях. Греческое войско вступило в Албанию, расположилось в области Ути, «попрано и опустошило прекрасные сады и поля, через которые проходило», и расположилось близ деревни Дютакан. Но этот поход закончился для Ираклия неудачно. На греков здесь напали персы и гнали Ираклия по стране Сюнийской «и отняли занятые им города» (*Каланкатуйский*, II, 9; *Себеос*, XXXVI). В 625 г. Ираклий призвал на помощь хазар. «После того, на 36 году царствования Хосрова» [$590+36=625$ г. – *Ф.М.*] Ираклий решил «открыть ворота Чола, вызвать различные варварские народы и с ними изгнать гордого Хосрова». За помощью он посылает к хазарам посланника Андрея, обещая им «утолить жажду златолюбивого народа косоносцев» (*Каланкатуйский*, II, 12). Персам, в свою очередь, удалось заключить союз с властвующими на Балканском полуострове аварами и привлечь их внимание к

Константинополю.⁵⁸ В 626 г. хазары вторглись в Албанию.

«В конце 37 года правления Хосрова [590+37=626 г. – Ф.М.] царь севера отправил обещанное воинственное войско под предводительством Шата. Он делал набеги на все пределы Албании и части Атрпатакана, предал лезвию меча множество христиан и даже язычников. Но кто может знать и сосчитать число полоненных» (*Каланкатуйский*, II, 12). О походе 626 г. албанский автор сообщает и в главе 11: «Хазары с несметными полчищами производили набеги по стране нашей по повелению Ираклия» (*Каланкатуйский*, II, 11). Это было первое крупное вторжение хазар. В 628 г. хазары снова напали на Албанию: «Итак, на 38 году Хосрова, в ...год умерщвления Хосрова» (*Каланкатуйский*, II, 11). Первый удар они обрушили на Дербент (Чола), затем на Барду (Партав). Феодалы и представители сасанидских властей растерялись и стали думать о своем спасении. Каланкатуйский сообщает: «Когда страшная весть эта достигла Албании, то некто Гайшах, присланный Хосровом управлять страной, хотел укрепить страну нашу и великую столицу Партав. Потому он заключил в ней жителей окрестных областей и усиленный согласиём вельмож страны нашей и жителей городов, хотел обороняться от хазар. Но он видел, что произошло с защитниками великого города Чола и с войсками, находившимися на дивных стенах... При приближении всемирного бича, который предстоял нам всем, прежде волны колеблющегося моря ударили в нее [т.е. крепость Чола] и разрушили до основания» (*Каланкатуйский*, II, 11). Знать столицы Партав, узнав о разрушении Чола, поспешно скрылась в труднодоступных горах области Арцах. Сасанидский марзбан бежал в Иран. Народ стал искать укрытия в неприступных горах Арцаха. Это было второе крупное нашествие хазар. Оккупировав территорию Албании, они двинулись к Тифлису, где совместно с армией императора Ираклия осадили город.

Летом 628 г., по совету Ираклия I, осада Тифлиса была снята и перенесена на зиму. Ираклий сказал предводителю хазар: «При наступлении следующего года, по истечении жарких месяцев, немедленно выступи сюда... Я между тем не перестану воевать с царем персидским и подвергать опасности страны и подданных его» (*Каланкатуйский*, II, 11). При вторичной осаде

Тифлиса, видимо, в конце 628 г., город был захвачен. После этого Византия подчинила себе страны Центрального Кавказа.

Данные грузинских источников помогли конкретно осмыслить слова Ираклия I «не перестану... подвергать опасности страны и подданных его», сообщаемые Каланкатуйским. Согласно грузинским летописям, Ираклий в городах Мцхета, Уджарма и других местах проводил политику преследования не только зороастрийцев, но и христиан-монофизитов. Затем Ираклий отбыл в Албанию (628 г.) в область Гардман – «Гардабани, владения Вараз-Григора», где, по его приказу Вараз-Григор и его народ, а также «владелец Мецекеванка» в местечке Лал⁵⁹ приняли монофелитство. Это произошло, очевидно, в промежутке времени между первой и второй осадой Тифлиса.

Действия Ираклия следует рассматривать на фоне взаимоотношений двух империй (Персии и Византии), их политического и идеологического соперничества. Успешные персидские походы Ираклия 623–628 гг., которые нередко сравнивают с блистательными походами Александра Македонского,⁶⁰ привели к победе над Персией, вернули Византии ее еретические восточные провинции. Ираклий решил восстановить церковное единство в Византийской империи, а также в подчиненных им странах Кавказа путем введения монофелитства. Ведь Хосров II, как было отмечено, в 614 году сделал монофизитство официальным вероисповеданием всех подвластных ему христиан – Ирана, Центрального Кавказа и завоеванных им византийских восточных провинций.

Что же касается Албании, которой еще правили персидские марзбаны, то гардманский князь Вараз-Григор Михранид объявляет себя вассалом Ираклия. Признав нового сюзерена и приняв его религию – монофелитство, он становился полновластным правителем всей Албании.⁶¹ Однако Вараз Григору, как нам думается, не удалось реализовать права и полномочия, которыми наделил его Ираклий, в силу изменений, происшедших на международной арене. В это время был убит персидский царь Хосров II и на престол был возведен Кавад II, который в 628/629 г. заключил мир с Ираклием и вернул захваченные Хосровом II земли (*Себеос*, 37; *Каланкатуйский*, II, 13). И Албания вновь осталась в сфере влияния Персии.* В то же время

* см. стр. 365

фактическими хозяевами страны – Албании становятся хазары. В 629 году, вторгшись в страну, предводитель хазар Шат [третий поход хазар] направил к персидскому марзбану, сидящему в Албании, и к католикосу страны Виро, освобожденному в 628 г. из персидского политического заключения, послов с требованием подчинить ему страну (*Каланкатуйский*, II, 14). В данном случае речь шла о политическом подчинении страны хазарам. Албания не была в силах оказать сопротивление, а марзбан отклонил требования Шата и бежал в Персию. Албанская знать во главе с католикосом Виро признала верховную власть хазар (*Каланкатуйский*, II, 14, 16).

Албания стала «вечным владением» хазарского хакана (*Каланкатуйский*, II, 14).⁶² Таким образом, Албания была завоевана хазарами «на втором году Арташира, сына Кавада, царя персидского» (*Каланкатуйский*, II, 169), т.е. в 629–630 гг. Непрерывные нападения и владычество хазар разорили Албанию. Здесь царили голод, эпидемия, жертвами которых стало большое количество местных жителей, и в их числе католикос Албании Виро (630 г.).

Будучи фактически хозяевами страны, хазары требовали от албанских феодалов государственных налогов и податей, вносимых прежде в сасанидскую казну. В руках хазар, прочно укрепившихся в древней столице Албании Кабале, которая с тех пор называлась также Хазар-е-Кабала, находилась левобережная часть Албании.⁶³ Международная обстановка – смуты из-за престолонаследия в Персии, борьба халкидонитов и монофизитов в Византии отвлекали внимание от северных границ, от событий в далекой Албании.⁶⁴ Внутренние междоусобицы в Хазарии, имевшие место в начале 30-х годов VII в. (убийство Джебу-хакана) положили конец владычеству хазар в Албании и спасли страну от страшного разрушения. Волею истории страна приобрела независимость. Приобретенному суверенитету содействовало также то обстоятельство, что воюющие страны – Византия и Персия в 628–629 гг. вышли из персидско-византийских войн уставшими

* На наш взгляд, ошибается Туманов К., считающий, что в 628 г. в Албании уже "было реорганизованное правительство. Взамен иранского наместника, правившего совместно с местными династиями, теперь существовал председательствующий избранный князь из династии Михранидов". (Т о u m a n o f f С. The Albanian Royal succession - Le Museon. Revue d'etudes Orientales, Louvain, 1984, t. 97, fasc. 1-2, p. 87). Это могло произойти, как нам думается, не раньше 630 г.

и изнуренными.

В это время арабы готовились к захвату стран Передней и Средней Азии. На княжеский престол Албании вступает представитель Михранидов Вараз-Григор (630–642) (*Каланкатуйский*, II, 17).

Традиционная дата правления Вараз-Григора 628–636 гг. нам представляется неверной. Как нами было отмечено, в 628 г. он не мог быть правителем страны. Не случайно в событиях 624–629 гг., периода персидско-византийских войн, обстоятельно описанных и датированных Каланкатуйским, не упоминается имя Вараз-Григора. Как известно, хазары в 629 г. направили послов к персидскому марзбану и католикосу Виро. Генеалогическая справка албанского автора о Михранидах и последующие данные о них изложены в главах, следующих после описания персидско-византийских войн. Согласно Каланкатуйскому, Вараз-Григор был первым князем Албании, который принял крещение от албанского католикоса Виро (*Каланкатуйский*, II, 17). Время жизни Виро приходится на 536–630 гг. (*Каланкатуйский*, III, 23). Каланкатуйский, убежденный монофизит, умалчивает о крещении Ираклием Вараз-Григора, переходе его в монофелитство, как о факте весьма неприятном. Вполне возможно, что только после возвращения Виро в Албанию, в последний год его жизни, когда его страна приобрела независимость (в 630 г.), могло иметь место крещение католикосом Виро Вараз-Григора, т.е. переход его из монофелитства в монофизитство. Таким образом, Вараз-Григор был крещен Ираклием в монофелитство в 628 г., а в 630 г. – в монофизитство католикосом Виро.*

Здесь следует отметить, что, не вполне разобравшись в реалиях периода, во внешнеполитической ситуации, не выяснив роли и места Центрального Кавказа и Албании, в частности, во взаимоотношениях двух империй Запада и Востока, их политического и идеологического соперничества, не приняв во внимание неизбежную гибкость догматической борьбы, в основе которой всегда лежали причины политические, некоторые ученые пришли к нелогичному выводу о том, что «Михраниды, приняв-

* По мнению Связяна Г. Х., под крещением Вараз-Григора католикосом Виро следует понимать крещение его католикосом Виро в "первого князя Агванка" в монофизитском обряде. (С в а з я н Г. Х. Агванк в VII-VIII вв. Автореф., с. 19).

шие христианство от византийского императора, естественно, должны были бороться с антихалкидонитством»,⁶⁵ т.е. с монофизитством.

Во-первых, на наш взгляд, неправомерно обобщать всех Михранидов в вопросе религиозной догматики, которая, как было отмечено, была очень гибкой в зависимости от многих политических причин. Наглядный пример тому – крещение Вараз-Григора. К тому же совершенно очевидно, что Каланкатуйский никогда не воспел бы деяния Джеваншира Михранида, если бы тот был диофизитом (халкидонитом). В связи с этим ошибочен и другой вывод исследователей, что «*Михраниды остались верны Византии во всех отношениях*, потому что именно при помощи Ираклия они овладели всей Албанией и приняли религию своего сюзерена». ⁶⁶ Во-первых, Михраниды овладели Албанией, как было отмечено, без помощи Ираклия, а в силу сложившихся обстоятельств – когда был заключен мир между Византией и Персией в 628/629 гг. Во-вторых, хазары к 630 г. сами покинули Албанию и она осталась в сфере влияния сасанидской Персии. Именно в силу этих обстоятельств Михраниды с 630 по 642 гг. не могли быть верны Византии ни в каких отношениях.

К этому времени на Ближнем Востоке усиливаются арабы. В 632 г. они двинулись на Персию. Каланкатуйский четко датирует этот поход: «Через 4 года после смерти великого Хосрова, персидского царя [т.е. 628+4=632 г. – Ф.М.], воцарился... Азкерт [Иездигерд III (632–651)]. Род Агари, усиленный присоединением 12 племен, страшным и грозным натиском идет стремительно, как вихрь в пустыне. Пройдя Ассирию, они поспешно выступают против царя персидского» (*Каланкатуйский*, II, 18).

Иездигерд III для борьбы с арабами требовал от правителей подвластных ему стран, областей вспомогательное войско. Получив такой приказ, великий князь Албании Вараз-Григор решил послать одного из своих четырех сыновей – Джеваншира. Каланкатуйский поэтично, с любовью описывает Джеваншира: «Вараз-Григор... обратил внимание на второго сына своего, Джеваншира, гордого, величественного и прекрасного. Еще едва борода опушила лицо его, любимец отца своего, искусный в вооружении, ловкий как орел, опора отца, во всем преуспевающий Джеваншир в уме своем готовился помогать ему в мирской жизни,

сравняться с великими и находиться при царях» (*Каланкатуйский*, II, 18).

Джеваншир возглавил войско всего Албанского государства. В 636–642 гг. Джеваншир, будучи спарпетом – главнокомандующим албанских войск, вместе с албанской армией входил в состав армии персов. В битвах у Мертвых вод, при Кадиссии (637 г.), он отличился храбростью (*Каланкатуйский*, II, 18).⁶⁷

Храбрость его была достойна оценена Иездигердом III, «который дал ему знамя и громкие трубы, два золотых дротика и два золоченых щита, которые носили всегда перед ним. Он [Иездигерд III] почтил его выше всех. Опоясал его золотым поясом, унизанным жемчугом, и мечом с золотой рукоятью, дал ему браслеты на руки и надел на голову прекрасный венец. Он дал ему также повязки, осыпанные жемчугом, и много ниток жемчуга повесил на его шею» (*Каланкатуйский*, II, 18).⁶⁸ В 640 г. [«на 8 году царствования Иездигерда» (632+8=640)] арабы осадили персидского царя в его столице Ктесифоне. В течение шести месяцев Джеваншир во главе 3-тысячного албанского войска совместно с персами участвовал в защите Ктесифона (*Каланкатуйский*, II, 18). Через некоторое время, в 642 г. произошла известная битва при Нихавенде, где также участвовало албанское войско, предводительствуемое Джеванширом. Персидская армия была полностью разбита. Иездигерд III бежал и скрылся в крепости на берегу Тигра. После победы арабов и окончательного поражения Ирана спарпет Албании Джеваншир «простился с ними [с персами. – Ф.М.] и пришел в провинцию Атропатакан, а оттуда вернулся в свою страну» (*Каланкатуйский*, II, 18).

Итак, «в продолжение семи лет храбрый Джеваншир воевал в этих тягостных войнах [636+7=642/643 г. – Ф.М.]. Получив 11 тяжких ран, он простился с ними...» (*Каланкатуйский*, II, 18). Возвратившись на родину, Джеваншир в 642/643 г. становится первым великим князем Албании, еще при жизни отца своего Варраз-Григора. «Пресветлый Джеваншир возвратился из персидских войн со славным именем и по повелению царя возвысил собою всю Албанию» (*Каланкатуйский*, II, 19). Первым годом правления Джеваншира следует считать не 636 год, как было официально принято в литературе, а 642/643 год.⁶⁹ Вступив на княжеский престол, Джеваншир поднял восстание против персидских пра-

вителей. Он решил овладеть как правобережной, так и левобережной Албанией. С этой целью он, вместе со своим отцом, взяв дружину, выступил к северу от Партава (Барды), на левый берег р. Кумы. В это время в Албанию вторглись персидские войска. Дело в том, что когда разгромленное арабами государство Сасанидов прекратило свое существование, остатки разбитых персидских войск стали отступать на север, в Албанию, где, по сообщению Каланкатуйского, пытались укрепиться (*Каланкатуйский*, II, 19).⁷⁰ С персами Джеванширу пришлось воевать долго. Так, он очистил от персов области Гардман и Камбисену. Здесь, в Камбисене, он заключил «нерушимый союз» с правителем Иберии Атрнерсехом. Заручившись от него поддержкой, а также получив вспомогательное грузинское войско, Джеваншир направился в область Ути, изгнал оттуда персов, очистил от них столицу Партава, освободил плененных персами своих родичей – мать и братьев. Персы, в свою очередь, стали снаряжать и посылать полчища из Атропатены. Персидские войска были разбиты Джеванширом в двух битвах, состоявшихся в области Сакасена. Однако разгромленные персы через князя Сюника сумели склонить Джеваншира к перемирию, после чего он, «вспомнив о падении великой Персидской империи и о независимости первых восточных (албанских) царей и, сравнив их с собой в царском блеске, задумал никогда больше не подчинять никому свое княжество» (*Каланкатуйский*, II, 19).

Вскоре персы изменили союзу, заключенному с Джеванширом. Персидский главнокомандующий вновь снаряжает полки и отправляет их в Албанию, даже назначая правителей в ее области. С помощью грузинских войск Джеванширу удалось разбить и очистить страну от персов. Война Джеваншира против персов за независимость Албании прекращается с вторжением арабов. Арабы в 642–645 гг. со стороны Атропатены напали на Центральный Кавказ и вошли в Албанию, но обосноваться там не успели (*Себеос*, XLIX).⁷¹

Первое время в борьбе против арабов великий князь Албании Джеваншир заключил союз с полководцем и ишханом Армении Теодоросом Рштуни, подчинившимся арабам. В отличие от него, Джеваншир считал нужным стать вассалом Византии. В политическом смысле Армения практически составляла провинции Византийской империи. С приходом арабов армяне связывали

большие надежды – добиться относительной самостоятельности и объединения армянских провинций. В своем послании византийскому императору Константу II (641–668) Джеваншир писал: «Всесильный господин, могущественный и милостивый государь греческий Констант... тебе поклоняется, приветствуя смиренно, Джеваншир, аспарапет и князь албан с покорною страну Востока. Да будет угодно твоему христолюбивому господству согласиться принять в новое подданство отдаленный народ...» (*Каланкатуйский*, II, 20). Византийский император в своем ответном послании выразил радостное согласие и именовал Джеваншира «властителем Гардмана, князем Албании, аспарапетом и протопатриkiem» (*Каланкатуйский*, II, 21).

Джеванширу, кроме даров, были посланы пативы (почет, должность) для возведения 1200 мужей в патрики, ипаты, апоипаты и другие византийские титулы (*Каланкатуйский*, II, 20).*

В 660 г. («На 19 году царствования Константа», т.е. 641+19 = 660, *Каланкатуйский*, II, 22) Джеваншир дважды встретился с императором Константином II: первый раз в Персии, когда Константин призвал к себе князей, правителей, имеющих византийскую ориентацию и второй раз – в г. Вагаршапате. Оба раза Джеваншир был принят, по словам албанского автора, с большими почестями: «Джеваншир вступил как царь в императорский двор», «император почтил его выше всех вельмож», «император опоясал его поясом храброго деда своего Геракла и предка Никиты», «император дал ему частичку св. Креста, царские одежды», «два знамени», «сыновей его император сделал патрициями». Далее *Каланкатуйский* сообщает: «Вельможи армянские и военачальник Амазасп, видя, что ему достались такие небесные дары, сильно ему завидовали... Император отправил его в сопровождении азатов Арарата не как раба своего, а как *сопрестольного брата...*» (*Каланкатуйский*, II, 22). И завершает главу албанский автор словами: «Он [Констант] отдал ему [Джеванширу] из рода в

* У Себеоса несколько иная версия относительно союза Джеваншира с Константином II. По сообщению Себеоса, Константин II, находившийся в Западной Армении, направил армию в Иберию, Албанию и Сюник с целью расторгнуть союз, заключенный между правителями этих стран с владельцем Восточной Армении Теодоросом Рштуни, который подчинился арабам. В таком случае только угроза нападения Византии на Албанию вынудила Джеваншира принять сторону Византии. (История епископа Себеоса, пер. с древнеарм. яз. Ст. Малхасяна. Ереван, 1938; Бунятов З. М. Азербайджан в VII–IX вв., с. 75–76).

род все села и *пределы албанских царей* и поручил ему блюсти на Востоке *по-царски*». Не скрывая своего восторженного отношения к Дживанширу, Каланкатуйский подчеркивает неадекватность политического положения Албании, ее правителя, с положением Армении, Грузии в данный период. Все рассматриваемые эксерпты и подчеркнутые нами слова, по нашему мнению, могут быть осмыслены только в одном значении – Дживаншир сумел сохранить государственность, самостоятельность Албании при условии вассальной зависимости от Византии. Каланкатуйский указывает точно территориальные пределы страны, которыми правил Дживаншир в это время: «Самодержавно и с великолепием он господствовал от пределов Иберии до ворот гуннов и до р. Аракс» (*Каланкатуйский*, II, 20).⁷²

Что же касается политики Византии, проводимой по отношению к Албании, то она объясняется сильной заинтересованностью Византии, учитывающей стратегическое положение ее, природные ресурсы, важные торговые пути, проходящие через территорию Албании. Кроме того, перед грозной опасностью с юга (арабского вторжения) необходимо было укрепить восточные границы империи.⁷³

В 662 г. Албания подвергается новому вторжению хазар. На этот раз Дживанширу удается нанести им поражение и выдворить за пределы страны (*Каланкатуйский*, II, 23).

В 664–665 гг. хазары снова напали на Албанию. Они, перейдя р. Куру, дошли до Аракса, взяли в плен албан, армян и увели скот. Дживаншир заключил союз с хазарами и женился на дочери хазарского хакана (*Каланкатуйский*, II, 26). Набеги хазар, ослабление к этому времени Византии, в результате завоевания арабами ряда областей Малой Азии, агрессивная политика арабов по отношению к странам Центрального Кавказа – все это побудило Дживаншира пересмотреть союз с Византией.⁷⁴ Он решил подчиниться халифу, «игу властителя юга», отказываясь от помощи хазар – «бесчисленных войск туркестанцев» (*Каланкатуйский*, II, 27).⁷⁵ Желая сблизиться с арабами, Дживаншир дважды посещает халифа Муавию в Дамаске. Первый раз – в 667 г., когда целью поездки было признание вассальной зависимости от халифата, чтобы спасти страну от грозящего арабского разграбления. Дживанширу удается достичь поставленной цели (*Каланка-*

туйский, II, 27).⁷⁶ Благодаря союзу с халифатом население Албании три года было избавлено от иноземных вторжений.⁷⁷ В 670 г. Джеваншир вновь посещает халифа Муавию, на сей раз по приглашению самого халифа. Авторитет Джеваншира настолько возрастает в глазах халифа, что он уполномочивает его стать посредником в дипломатических переговорах между халифатом и Византией. Джеваншир с таким умением провел переговоры, что обе стороны остались довольны. Одарив его подарками, халиф отдал в подчинение ему княжество Сюник и потребовал принять правление Атропатеной. Однако Джеваншир отклонил это предложение и просил халифа «облегчить тяжелые подати, наложенные [халифатом] на его страну, и царь юга с удовольствием согласился на это, и приказал уменьшить ярмо налога на одну треть» (*Каланкатуйский*, II, 28). Албанский автор не раз отмечал, что халиф принял Джеваншира «с такими почестями и великолепием, каких он не оказывал ни одному из наместников страны». «Он приказал оказывать почести восточному князю, как венчанному царю» (*Каланкатуйский*, II, 27, 28).

Достоин внимания факт наделения Джеваншира *царским достоинством, царской почестью* как со стороны византийского императора Константа II, так и халифа Муавии. Несомненно, что уважение, почтение, благосклонность, какие снискал себе Джеваншир, объясняются не только значимостью Албании, ее стратегическим положением на северных рубежах халифата, ее ресурсами, но и личными качествами самого Джеваншира. Это был видный полководец, мудрый политик, тонкий дипломат, крупный государственный деятель середины VII в.,⁷⁸ сумевший сохранить самостоятельность страны в один из самых тяжелых периодов в истории народов Центрального Кавказа – период завоеваний персов, арабов, византийцев и хазар. Страна его выплачивала лишь подати. И неудивительно, что албанский автор посвящает ему такой панегирик: «Провидением Божиим Джеваншир от рождения был назначен для славы и величия, и до сего дня Господь дозволил ему во всем быть славным... Он был уважаем и почитаем четырьмя завоевательными государствами и был не ниже этих властителей» (*Каланкатуйский*, II, 28).

Джеваншир был убит в результате политического заговора. Остается неясным, как верно отметила К.В.Тревер, стал он

жертвой дворцового переворота или же классовой борьбы.⁷⁹ По мнению одних исследователей, Джеваншир был убит в 669 г.,⁸⁰ по мнению других – в 680 г.⁸¹ и, наконец, последняя точка зрения – в 683 г.⁸² Нам более верной представляется дата 680–681 гг., ибо в главе 39, кн. II албанским автором сообщается, что «...на 62 году южного царства строптивного Магомета...», т.е. в 681 г. преемник Джеваншира Вараз-Трдат, уже будучи великим князем Албании, направил к гуннам с дипломатической миссией епископа Исраила. Следовательно, Джеваншир был убит не позднее 681 г. Представители светской знати в присутствии албанского католика Елиазара избрали «в сан великого князя отеческого престола» племянника Джеваншира, сына его брата Вараз-Пероза, по имени Вараз-Трдат, который от византийского императора получил титул патриция и был возвеличен почестью эксконсула [апоипата] (*Каланкатуйский*, II, 36). Халиф Йазид I (680–683) признал Вараз-Трдата I (680–699) «наместником восточных областей и правителем царства Албанского и провинции Ути (*Каланкатуйский*, II, 37). Страна продолжала платить дань арабам. Усмирив оппозиционные центробежные силы внутри Албании, Вараз-Трдат овладел всей страной, восстановил власть великого князя в прежних ее территориальных пределах (*Каланкатуйский*, II, 36).

В это время на Албанию двинулась многочисленная армия хазар под командованием великого князя гуннов Алп-Илитвера, «как бы отмщая за смерть Джеваншира». Разграбив области Кабала, Ути, взяв в плен людей, угнав скот, Алп-Илитвер расположился на полях Лпинии (*Каланкатуйский*, II, 36). Продолжая политику Джеваншира, Вараз-Трдат решил воздействовать на хазар дипломатическим путем. С этой целью он отправил к хазарам католика страны Елиазара, «изъявляя через него верную покорность и любовь». Мир и дружба, заключенные с хаганом, были, однако, кратковременны. Чтобы предотвратить постоянные набеги хазар, Вараз-Трдат отправил епископа Исраила в Варачан, в ставку Алп-Илитвера. Исраилу вменялось в обязанность склонить хазар к албанской вере, т.е. распространить там христианство. Миссия Исраила оказалась успешной.⁸³ Значительная часть хазар во главе с Алп-Илитвером приняла христианство. В письме Алп-Илитвера, адресованном Вараз-Трдату, албанскому като-

ликосу Елиазару, а также в письме к армянам, сказано, что только при условии, если епископ Исраил останется у хазар духовным пастырем, «то между нами [хазарами] и вами водворится несокрушимая любовь» (*Каланкатуйский*, II, 43), «...то прекратятся набеги диких народов наших на страну вашу, по причине единоверия» (*Каланкатуйский*, II, 44).⁸⁴ Вараз-Трдат и албанский католикос Елиазар также полагали, что при сохранении Исраила на положении «посредника», действующего между двумя странами (народами), можно надеяться на длительный мир с хазарами. Но это не спасло страну от очередного вторжения хазар. Воспользовавшись ослаблением контроля арабов над северными странами, так как в халифате после халифа Муавии происходили междоусобные войны, а также забыв о единоверии с албанами и армянами, хазары в 685 г. завладели Албанией, Арменией и Иберией.⁸⁵ Разорив их, захватив добычу и пленных, хазары возвратились на свои земли.

В 685 г. в халифате к власти пришел халиф Абд ал-Малик (685–705), который в том же году заключил с византийским императором Юстинианом II (685–695, 705–711) перемирие, согласно которому они совместно владели Албанией, Иберией и Арменией; подати, взимаемые с этих трех стран, стали поровну делиться между халифатом и Византией.⁸⁶

Юстиниан II в 689–690 гг. возглавил военный поход в Армению, Грузию и Албанию, и захватил их. В этих странах Юстиниан II одних князей взял с собой, у других потребовал в заложники сыновей. Вараз-Трдата, великого князя Албании, Юстиниан II произвел в патрик-экзархи, т.е. сделал «вторым после царя ишханом Албании».⁸⁷ Албания в это время платила подати трем народам – хазарам, арабам и грекам [Византии] (*Каланкатуйский*, III, 12). При императоре Тиберии III в 699 г. Вараз-Трдат из-за сближения с арабами был отправлен вместе с сыновьями в Константинополь в качестве заложников, где они оставались пять лет (*Каланкатуйский*, III, 12). В Албании во время отсутствия Вараз-Трдата произошли события, повлекшие за собой прямое вмешательство халифата во внутренние дела страны. После смерти албанского католикоса Елиазара католикосом становится гардманский епископ Бакур-Нерсес, последователь халкидонитского учения. С помощью жены Вараз-Трдата княгини

Спрамы Нерсес решил, сделав страну халкидонитской, подчиниться Византии. Путем конфессионального единения с Византией очевидно Спрама рассчитывала на скорейшее освобождение из заложничества своего мужа и сыновей. Оппозиционную группу сородичей Вараз-Трдата (Михранидов), придерживающихся монофизитского исповедания и настроенных проарабски, возглавил князь Шеройэ, который, сломив сопротивление Нерсеса-Бакура и княгини Спрамы, в 699–704 гг. становится великим князем Албании (*Каланкатуйский*, III, 3, 4).

Армянский католикос Елиа в письме сообщает халифу Абд ал-Малику о деятельности католикоса Нерсеса и Спрамы: «...католикос албанский... условившись с императором греческим, упоминает его в молитвах и принуждает страны наши соединиться с ним в вере» (*Каланкатуйский*, III, 5). Следует отметить, что арабы по отношению к странам Центрального Кавказа вели политику Сасанидов – политику отторжения кавказских народов от Византии. С этой целью они поддерживали среди христианского населения этих стран христианство монофизитского толка в противовес Византии, где исповедовали христианство диофизитского толка – халкидонитство.

По приказу халифа Абд ал-Малика в Албанию прибыло арабское войско и армянский католикос Елиа, которые и совершили суд над Нерсесом-Бакуром и Спрамой. Они были преданы анафеме и убиты (*Каланкатуйский*, III, 6–19). Халиф приказал также занести в особый список имена албанской знати: если кто-либо из них станет исповедовать диофизитство, то будет истреблен мечом и пленом. «Так водворился мир во всех церквах Албании» (*Каланкатуйский*, III, 10). После этого Албанская Церковь была подчинена армянской.* Шеройэ недолго продержался в положении великого князя Албании. В 704 г. арабы увели его в Сирию (*Каланкатуйский*, III, 16). В 705 г. при вторичном воцарении Юстиниана II был освобожден Вараз-Трдат. Вернувшись из Константинополя в Албанию, Вараз-Трдат полностью принимает подданство арабов: «...дал с тех пор страну нашу таджикам [арабам],

* Но это был единовременный акт, которого Албанская Церковь не придерживалась и продолжала считаться автокефальной - католикос которой избирался собственным клиром, ибо албанскому населению удалось возродить с IX в. Албанское царство. Этому же способствовало политическое бессилие армянского народа и Армянской Церкви. Об этом см. гл. V.

им только платил подать» (*Каланкатуйский*, III, 12). С этого времени Албания фактически и юридически полностью попадает под ярмо арабов. После Вараз-Трдата Албанией правили арабские эмиры.

§ 3. Социальные движения V–VII вв.

Развитие феодальных отношений, феодальной эксплуатации населения со стороны своего государства, а также со стороны сасанидского Ирана, светских и духовных феодалов приводило к увеличению податного гнета, что вызывало сопротивление населения.

Моисей Каланкатуйский, будучи представителем церковно-феодальной знати, умалчивает о классовой борьбе, о социальных движениях, которые, несомненно, должны были иметь место в Албании. Отзвуки их справедливо увидела К.В.Тревер в отдельных скупых фрагментарных данных албанского автора.⁸⁸ Так, в объяснении причин, вызвавших созыв Агуэнского собора 488 г., Каланкатуйский сообщает, что «произошли несогласия между мирянами и духовенством, между азатами и простолюдинами (рамиками); тогда царь пожелал собрать собор – многочисленное судилище» (*Каланкатуйский*, I, 26). Совершенно очевидно, что речь идет о разногласиях классовых и внутриклассовых. В тексте канонов отразились распри только внутриклассовые, т.е. между светской знатью и духовенством. И византийские историки (*Феофан, Малала, Агафий, Прокопий*), и сирийские (*Иешу Стилит*), и армянские (*Егшиз, Лазар Парпеци, Себеос, Хоренаци, Фавстос Бузандаци*), отразившие события V–VII вв., ничего не сообщают о социальных движениях в общественной жизни стран Албании, Армении и Грузии. Исследование текстов Моисея Каланкатуйского дает возможность выявить, что понималось в тексте Агуэнского собора под «распрями азатов и простолюдинов (рамиков)», какое социальное движение могло иметь место в Албании в это время, и воссоздать это событие.

Как известно, в древности и средневековье любое социальное движение прикрывалось религиозными разногласиями между официальной религией и еретическими учениями, находящимися в противоречии с ней. Есть основание полагать, что в Албании

V–VI вв. имела место проповедь несторианства и манихейства – еретических религиозных учений, оппозиционных христианству и зороастризму. Проповедниками этих учений в Албании были последователи сирийца Ибаса (умер в 457 г.), приверженца Нестора и последователи сирийца-манихейца Бундоса (V в.).⁸⁹

Так, Моисей Каланкатуйский сообщает, что албанский католикос Тер-Абас в 551 г. «произвел строгое расследование... и изгнал из Албании скверных учителей: Фому лицемерного, псалмопевца Илию, Бнота и Ибаса и других подобных им. Изгнали их в отдаленные земли и восстановили мир» (*Каланкатуйский*, II, 8). В Ибасе справедливо увидела К.В.Тревер сирийца Ибаса или его последователей, а в Бноте – манихейца Бундоса или его приверженцев.⁹⁰ К.В.Тревер считает, что отзвуки революционного движения Маздака отразились в Албании в этих еретических проповедях, имевших место во второй половине VI в. В отличие от К.В.Тревер, мы усматриваем в «распрых между азатами и простолюдинами» Агуэнского собора 488 г. социальное движение, воспринявшее идеологию манихейства и несторианства в V в. непосредственно от последователей самого Нестора (сирийца Ибаса) и самого Мани (манихейца Бундоса). Или же мы склонны связать классовую борьбу в Албании конца V в. с революционным движением Маздака, начавшимся во второй половине V в., также восходившим к учению манихейства, т.е. социальные движения Маздака и движение в Албании были почти синхронными. Эта классовая борьба в Албании и явилась одной из главных причин созыва Агуэнского собора. Что же касается данных Моисея Каланкатуйского об изгнании еретиков Тер-Абасом в VI в., то здесь мы склонны видеть продолжение борьбы, как с остатками этого социального движения, так и догматическую борьбу. Таким образом, можно полагать, что маздакитское движение подняло не только крестьян и ремесленников Ирана, но и вообще население Албании. Основными требованиями маздакитского движения было имущественное равенство, равенство всех перед законом, равенство в семейном быту, упрощение церковных обрядов, борьба против эксплуатации и феодального землевладения.⁹¹ Косвенные данные о классовых разногласиях проскальзывают во всех тех случаях, когда албанский автор сообщает о столкновениях христианства с древними языческими культами, которых еще придер-

живались широкие слои населения. Особый интерес представляет сообщение Каланкатуйского о том, что после смерти Джеваншира «немало смут происходило в стране нашей: вооруженная чернь собиралась толпами» (*Каланкатуйский*, II, 34).

Остается неизвестным, почему «вооруженная чернь собиралась толпами». Видимо, имело место какое-то восстание. Крупным социальным движением VII в. было движение павликиан. Арабы в конце VII – начала VIII вв., установив свою власть в Албании, обложили последнюю большой данью.

Прежде основной налоговой единицей был крестьянский дым. Во избежание лишних налогов крестьянские семейства не разделялись, чтобы не умножать число дымов. Теперь же вместо подымной подати был установлен подушный налог. Новая система взимания налогов приняла форму организованного грабежа.⁹² Местные феодалы также усилили поборы с населения. Все это привело к зарождению социального антифеодального движения, известного под названием павликианского.⁹³ Оно было одним из самых длительных по времени и наиболее массовым еретическим движением средневековья на востоке, которое длилось около двух столетий, попеременно, то усиливаясь, то ослабевая. Павликиане выступали противниками крупного землевладения, религиозных обрядов и церковной иерархии. Принимая в основе мира два начала – добра и зла, они считали, что доброе начало, благополучие, находится на земле, а не в небесном царстве. Они признавали имущественное и юридическое равенство всех. В отличие от маздакитов павликиане верили в торжество добра. Создав независимые общины, они не подчинялись ни феодалам, ни церкви.

Древнейшее упоминание о павликианах приводится в постановлении Албанского церковного собора, состоявшегося в Партаве (Барде) в 706–707 гг., где павликиане как еретики были осуждены албанской светской и духовно-церковной знатью.⁹⁴

Павликианская ересь была подавлена только среди правящей верхушки Албании. В широких слоях населения она приняла характер значительного антифеодального движения, которым были охвачены особенно области Гардман и Баласакан – Пайтакаран.⁹⁵ Павликиан, видимо следует видеть в еретиках, упоминаемых в постановлениях другого Партавского церковного собора,

созванного в 768 г. К активной деятельности павликиан Албании относится также проявление непокорности арабам жителями Байлаканской провинции в VII–IX вв.⁹⁶ Жители Байлакана – баласаканцы-павликиане до середины IX в. представляли серьезную силу, с которой приходилось считаться как местным князьям, союзникам Бабека, так и халифату. В дальнейшем, под угрозой истребления или исламизации, павликиане все или частично могли переселиться из Байлакана в Византию, а меньшая часть, приняв ислам, ассимилировалась.⁹⁷ Таким образом, родиной движения павликиан надо считать Албанию – области Гардман и Байлакан (Пайтакаран – Баласакан).⁹⁸

§ 4. Албанская этническая общность

Исследование античных и раннесредневековых источников (синхронных албанских, армянских) освещает историю албанского этноса, просуществовавшего длительный период – с I в. до н. э. по VIII в. в пределах всей страны Албании (от р. Аракса на юге до Дербента на севере) и далее с VIII в. по XIX в. в Арцахе, Утике и Шеки-Камбисене, Сюнике. Сведения источников дают возможность проследить на протяжении стольких веков исторические и этнические процессы и воссоздать этническую картину.

Прежде всего, еще раз коротко повторим, что представляла собой Албания в географическом и политическом отношении.

Географическая отдаленность Албании от двух империй – Рима – Византии и Ирана парфянского и сасанидского, занимаемое стратегическое положение (наличие Кавказских проходов, Дербента, через которые можно было пропустить воинственных кочевников), а также наличие торговых и др. путей создавали благоприятные условия для сохранения государственного суверенитета, политической независимости страны в I–VIII вв. Албанские цари, в силу сложившихся условий, не вели экспансионистской политики. Но сложившиеся внешние и внутривосточные ситуации в Армении (находящейся на стыке двух империй), Иберии и Албании, способствовали стабильной безопасности албанских границ, которые простирались от Дербента на севере до Аракса на юге, от Иберии на западе до Каспия на востоке.⁹⁹ Говоря о границах расселения албан, мы имеем в виду, что эта эт-

ническая общность обладала этническими, языковыми и культурными признаками, полностью отличающими ее от сопредельных этносов – армян и грузин.

В IV–VIII вв. политическая структура Албании представляла собой феодальное централизованное государство, управляемое на вассальных началах албанскими царями Аршакидами и сменившими их великими князьями Михранидами. Марзбанский режим (наместничество), установившийся в стране после упразднения царской власти, был кратковременным и эпизодическим в отличие от Армении и Грузии–Иберии: с 463 по 488 и с 510 по 629 гг. Албанская Церковь – Апостольская, Автокефальная, одна из древних на Кавказе. Истоки ее, так же как и Грузинской Церкви, связаны непосредственно с Иерусалимской Церковью, иерусалимским патриархатом, в то время как истоки Армянской Церкви восходят к церквам эллинской Осроены и эллинской Каппадокии.¹⁰⁰

Письменные источники и материальная культура свидетельствуют о наличии в Албании (с I в. н. э.) доминирующего этноса – албан при этнической пестроте. Одно не исключает другое.

«Этнос – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), зафиксированном в самоназвании (этнониме)».¹⁰¹

Основываясь на анализе источников, мы пришли к выводу, что албанская этническая общность образовалась в результате консолидации (слияния) нескольких близких по языку и культуре племен, родственных в генетическом отношении. Число упоминаемых Страбоном 26-ти племен, относящихся к задолго до-страбовскому периоду, к началу первых веков сильно сократилось. Это были албаны, гелы, леги, утии, гаргары, чилбы-силльвы, лпины, цоды, – автохтоны кавказского происхождения,¹⁰² которые жили на двух берегах р. Куры.

Образованию албанской этнической общности способствовали следующие факторы:

1) **территориальное и государственное единство**, которое

прослеживается в Албании в пределах всей страны с IV–III вв. до н. э. по VIII в. н. э. (период правления местных царей, албанских Аршакидов и сменивших их великих князей Михранидов); с IX по XIV вв. – в Арцахе, Сюнике, Шаки–Камбисене, Ути – политико-административных единицах – возрожденных албанских царствах (правление Сахля ибн Сумбата, Есаи Абу Мусе, Атрнерсеха I, Хамамы, Ишханика, Сака Севады, Сенекерима, Фелиппе, Гасан Джалала), а с XV в. это можно проследить в образовавшихся карабахских меликствах;

2) **албанское самосознание, зафиксированное в самоназвании – этнониме алуанк** – албаны прослеживаются приблизительно с I в. до н. э. по VIII в. н. э. в пределах всей страны, а после падения Албанского царства как осколочное явление и этноним и албанское самосознание прослеживаются в IX–XIX вв. в частях страны – в Арцахе, Сюнике, Утике, Шаки-Камбесене-Эрети. Антитеза «мы» – «они» существует четко до XIX в.

Албанский автор Каланкатуйский (VII–VIII вв.) отличает албан от армян и других этносов, генетически выводит их из другого колена Иафета, от кетуриан (*Каланкатуйский*, I, 2). Хоренаци (VII–VIII вв.), отделяя албан от армян, называет их «вечно лживыми албанами» (*Хоренаци*, III, 3, 6; *Фавстос Бузандаци*). «Вельможи армянские и военачальник Амазасп ...сильно завидовали Джеванширу» (*Каланкатуйский*, II, 22). Здесь очень важно отметить, что в содержании этнического самосознания Каланкатуйского и Хоренаци присутствуют представления о характерных чертах как своего, так и отчасти чужого этноса. А это характерно для самосознания этнической общности.¹⁰³

Албанское самосознание усматривается, прежде всего, в попытке создания «Истории албан», когда наименование этноса зафиксировано в заголовке «Истории». Далее албанское самосознание усматривается в попытке возрождения в IX–XIII вв. в Сюнике, Арцахе **Албанского царства**, в эпиграфике Гандзасарского собора XIII в., в которой зафиксировано, что собор построен **албанским царем Гасан Джалалом** по настоянию **албанского патриарха для албан**; в появлении в XII–XIII вв. «Албанской хроники» и «Судебника» Мхитара Гоша, Канонника – Давида Алавика, что является свидетельством албанского ренессанса и подъема самосознания. В XIII в. назрела необходимость создания

для албан-христиан своего юридического документа. Албанское самосознание бытует еще в XVIII в. Так, в письме к Петру I, адресованном из Карабаха на удинском языке, сказано: «Мы агванцы и по нации утийцы». ¹⁰⁴ Сохранились «начальные основания грамматики на агванском языке, писанные армянскими буквами» в XVIII в. (см. рукопись ЛО ИВАН СССР, С-7, по старой нумерации 77, 19 листов). ¹⁰⁵ Албанское самосознание функционирует еще в XVIII–XIX вв., когда карабахские мелики в письме к Потемкину именуют себя «наследниками аршакидских и **албанских** царей». Автор XVII в. Аракел Тавризский именует Карабах «страною албан-агванов». ¹⁰⁶ Албанский католикос XVIII в. Есаи Хасан-Джалалян написал историю христианского населения Карабаха, назвав ее «Краткой историей албан», в которой себя считает албаном. ¹⁰⁷

По настоянию карабахских меликов проекты Суворова (у которого бабушка была из рода албанских карабахских меликов) и Потемкина предусматривали создание Албанского царства. «...Отыскали проект князя Потемкина-Таврического, чтобы, воспользуясь персидскими неурядицами, занять Баку и Дербент и присоединить Гилян, захваченную территорию назвать Албанией будущего наследия великого князя Константина Павловича». ¹⁰⁸

В письме Потемкина читаем: «...устроить край Армянский и ту часть, которая должна составить Албанию, также и царство Ираклиева» (ЦГИА, фонд 52, опись 2/203, дело 37, лл. 63–64).

3. Одним из этнических компонентов **является единство культуры**, включая религию, язык. Албанское конфессиональное единство бытовало с IV в. н. э. по XIX в., общеорганизующей и консолидирующей силой которого была Албанская Автокефальная Церковь и албанское патриаршество. В 1836 г. была упразднена самостоятельность Албанской Церкви.

Археологическая Ялойлутепинская культура и культура кувшинных погребений свидетельствуют о культурном единстве в пределах всей страны.

Языковая общность непременно присуща этносу в процессе становления этноса, когда он пользуется одним языком. Широко распространенным для всей Албании языком на этапе межплеменного общения был албанский язык, который относится к северо-восточно-кавказской (нахско-дагестанской) языковой

группе.¹⁰⁹ О наличии албанского языка, албанской письменности сообщают Страбон, Ипполит Римский, Евтропий, Моисей Каланкатуйский, Корюн, Себеос, Гевонд, Хоренаци, «Книга писем», Захарий Ритор, арабские авторы, Хетум.

Возрастанию этнической роли языка способствует закрепление языка в письменности.¹¹⁰ Албанские письмена были составлены на основе гаргарского говора, богатого гортанными – горловыми звуками (*Хоренаци*, III, 54; *Каланкатуйский*, II, 3; *Корюн*), состояли из 52 фонем, особенно богатых гортанными, свистящими и шипящими звуками.

Возникновение албанской письменности и литературы на албанском языке связано с христианизацией страны, так же как появление армянской и грузинской письменности и литературы. Вопрос о письменности и литературе на родном албанском языке стал объективной исторической необходимостью. Как было отмечено в гл. I, к созданию своей литературы Албания была подготовлена всеми условиями жизни – социально-экономическими, политическими.¹¹¹ Ныне уникальные открытия известного кавказоведа З.Н.Алексидзе на Синае, в монастыре Святой Екатерины – выявление албано-грузинских палимпсестов, где присутствуют написанные на албанском языке и албанским алфавитом письмена, свидетельствуют о существовании уже в IV–V вв. албанской церковной литературы.¹¹²

Ассимиляторской политике Сасанидов – стремлению насадить зороастризм, а также деятельности сирозычной церкви необходимо было противопоставить в стране христианскую церковь на местном албанском языке, с албанской литературой, которые смогли бы отстоять культурную и этническую самобытность албан. На албанский язык переводят Библию и другую богословскую литературу (Гевонд), а также создается местная албанская историко-литературная традиция, время становления которой мы датируем VI–XII вв.¹¹³ и которая существовала до начала XIX в.

В силу особенностей исторических судеб письменные памятники Албании местного происхождения дошли до нас на древнеармянском языке. Если мы рассмотрим исторические реалии Армении и Албании синхронного времени (периода поздней античности и IV–VIII вв. и далее – с IX в. по начало XIX в.), то

убедимся, что написание албанских памятников на древне-армянском языке было совершенно исключено. Как было отмечено в гл. I, с периода падения империи Тиграна II (I в. до н. э.) и до 387 г. армянской государственности фактически уже не было, а юридически она была отменена в 428 г. Географически были две Армении, две провинции – западная Византийская Армения, расположенная к западу от р. Евфрат, и восточная – Перс-Армения, расположенная к востоку от р. Евфрат, управляемые наместниками – марзбанами. А Албания в течение 1000 лет (III в. до н. э. – начало VIII в. н. э.) сохранила территориальное и политическое – государственное единство.

При таких условиях не было никакой необходимости пользоваться в Албании армянским языком и тем более создавать на нем албанскую историко-правовую литературу, т.е. армянский язык не мог быть языком *lingua franca*. Что же касается последующего периода, относительно того, мог ли армянский язык быть языком *lingua franca* в Албании (IX–XIX вв.), то об этом подробно изложено в главе I данной работы.

Албанская местная историко-литературная традиция стала складываться с VI–VII вв. – «История католикоса Виро», «История албан» Моисея Каланкатуйского (VIII–X вв.), элегия албанского поэта Давтака (VII в.), – а XII–XIV вв. – это ренессанс албанской литературы – «Албанская хроника», «Судебник» и «Житие Хосрова Гянджинского» Мхитара Гоша (XII–XIII вв.), «История» Киракоса Гандзакеци (XIII в.), Канонник Давида, сына Алавика (XII вв.), труды Вардана Аревелци-Агванеци (Албанского) (XIII в.), «История Сисакана» Степанноса Орбели (XIII в.), труды Смбата Спарапета и Хетума Патмича (XIII в.), «Краткая история страны Албанской» Есаи Хасан-Джалаляна (XVIII в.) и, наконец, труды Макара Бархударянца – «Арцах», «История страны Агванк», «Страна Агвания и ее соседи». (XIX в.)

Мы вынуждены повторить частично то, что было изложено в I главе, относительно «Истории албан» Моисея Каланкатуйского. Моисей Каланкатуйский был современником великого албанского князя из рода Михранидов – Джеваншира (VII в.), время правления которого по праву считается периодом политического и культурного расцвета Албании. Джеваншир был заказчиком этого творения. Это одна из причин появления «Истории ал-

бан» Моисея Каланкатуйского. В условиях тройного политического нажима, с целью мобилизации албанского народа на борьбу за сохранение самостоятельного Албанского государства, за сохранение культурно-идеологической самобытности необходим был труд, освещающий историю не только современного автору славного правления Джеваншира, но и отражающий всю предшествующую историю Албанского царства, начиная с библейского периода, далее с I в. н. э., доведя ее до начала VIII в.

Невзирая на поздние следы редактирования «Истории албан», весь характер изложения памятника, относительная полнота сообщаемых сведений и широта круга интересов автора, разработанная хронологическая система, согласно которой четко датированы все события внутренней и внешней жизни страны, наличие, можно сказать, определенного характерного для эпохи исторического видения, определенная объективность в сообщаемых автором данных, наводят на мысль о существовании в Албании VIII в. определенных традиций, определенного опыта исторического изложения.

Армянские ученые, оспаривая мнение о том, что сочинение Моисея Каланкатуйского первоначально было написано на албанском языке, приводят практически одно возражение – наличие в нем акростиха, элегии поэта Давтака на смерть Джеваншира, великого князя Албании, созданной в VII в., дошедшей в составе «Истории албан» (ИА, II, 35) на древнеармянском языке. Поэт Давтак не оставил иных своих сочинений, кроме акростиха в честь чуждого ему по крови, согласно логике армянских ученых, албанского властителя. Следует отметить, что в одних рукописях, представляющих, по нашему мнению, албанскую редакцию (С-59 ЛО ИВАН СССР и Р4220), элегия включает 19 куплетов-четверостиший в соответствии с первыми 19-ю буквами армянского алфавита. И только в других рукописях, представляющих, на наш взгляд, армянскую редакцию (В-56 ЛО ИВАН СССР и Р1217 (Каталог Маклера)), количество куплетов доходит до 36, охватывая тем самым все буквы армянского алфавита. Однако, если с 1-го по 19-й куплет мы наблюдаем полную гармонию ритма, четкость стихотворных размеров (четверостишие на каждую букву алфавита), то после 19-й буквы отмечается нарушение как размера (появление двустишия, трехстишия и т.д.),

В свете вышеизложенного представляется уязвимым и неправомерным мнение армянских исследователей: Б.Улубабяна, А.Ш.Мнацаканяна, Б.Арутюняна, С.Арутюнова, А.Акопяна, К.Н.Юзбашяна, П.М.Мурадяна, а также мнение Р.Хьюсена¹¹⁴ и других, согласно которому не было албанской этнической общности, она не сформировалась. По мнению армянских коллег, до V в. Албания не представляла собой единого этнополитического целого. Население Албании армянские ученые делят на население правобережной части Куры, которая, по их мнению, была заселена армянским этносом, занимающим в V в. главенствующее положение в образовавшемся наместничестве – марзбанстве – Албания, и которое начинает арменизировать албан – жителей левобережной части Куры. Что же касается самого армянского населения правобережья Куры (которое, согласно их концепции, изначально было армянское), то оно, по их мнению, почему-то именовалось албанским и приобрело албанское самосознание, албанское мировоззрение.¹¹⁵

Совершенно очевидно, что самосознание и самоназвание (этноним) – устойчивые компоненты этнической общности и они не могут быть приобретены сразу же в V в. с созданием нового административного деления – албанского марзбанства, как это инфантильно представляют армянские коллеги. Армянские источники – Корюн, Егише, Лазар Парпеци, Хоренаци, Себеос, Гевонд, Фавстос Бузандаци и албанский автор Моисей Каланкатуйский не упоминают армян на территории правобережья и левобережья Куры, а сообщают только об албанах.

Авторы упомянутой концепции, вооружившись в какой-то мере современным понятийно-терминологическим аппаратом, характеризующим аспекты этнической проблематики, выдвигают теоретическое положение о вероятности отрыва части от какого-то этнического массива и ее инкорпорирование в другую этническую среду с последующим формированием общего этнического самосознания, отличного от самосознания исходного этноса. По мнению наших оппонентов, такое положение происходило в Албании с 428/450 гг. по X в. и что будто бы этот процесс нашел отражение в армянских источниках V в. и последующих веков и в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского. Прежде всего, следует отметить, что подобные теоретические выкладки нуждаются

в подтверждении фактами, которыми рецензенты не располагают и потому, видимо, их не приводят. Без аргументов они утверждают, что в 428 г. Сасаниды создали на Центральном Кавказе три марзбанства – «Армения», «Албания» и «Иберия».¹¹⁶ В действительности же упразднение государственности в Армении не означало установления аналогичного политического статуса в Албании, о чем свидетельствует, согласно источникам (Корюн, Египше, Парпеци, Каланкатуйский, Канонагирк), наличие в Албании царской власти, вплоть до 510 г. включительно, в то время как только одна Армения стала марзбанством. Согласно концепции рецензентов, в состав албанского марзбанства будто бы были включены и области с армянским населением (Утик, Арцах – области правобережья Куры).

Таким образом, согласно их концепции, термин «Албания» стал термином, обозначающим определенное политическое и конфессиональное единство.

Если даже албанское политическое объединение было значительно более самостоятельным, чем армянское и включало в V в. два этнически разных компонента – албанский и армянский, то первый должен был бы выступать в качестве ведущего по отношению ко второму, и тогда должно было бы иметь место не механическое приобретение албанского самосознания армянским населением, а просто деэтнизация армянского населения правобережья Куры в силу ведущей роли политического фактора, на что неосознанно указывают сами армянские коллеги. Если верна концепция, предложенная армянскими учеными, то этому процессу должен был предшествовать длительный процесс контактов двух этносов – албан и армян в зоне этнических границ, и у них вначале выработалось бы двойное этническое самосознание (албанское и армянское), при котором впоследствии одно ассимилировало бы другое. В таком случае армянские ученые должны были бы согласиться с наличием и длительным существованием как албанского этноса, так и армянского, не только в левобережной, но, несомненно, и в правобережной частях. К тому же, если бы была верна позиция армянских коллег, Сасаниды, создав марзбанство Албании, пытались бы здесь внедрить персидское самосознание, но никак не албанское и не армянское. Разве у армян или грузин, или албан, входящих в Кавказский Кустак, именуемый Адурбадаганом,

появилось политико-административное самосознание «адурбадаганцы» и свое локальное – армянское, грузинское, албанское? Р. Хьюсен не согласен с мнением армянских ученых, считающих население междуречья Куры и Аракса (т.е. правобережья Куры) армянским. Он утверждает, что это население было автохтонным – кавказского происхождения. Но Р.Хьюсен утверждает, что не было албанского народа как такового, а была лишь федерация кавказских племен, главнейшим ядром которой были албаны.

По мнению армянских авторов, «История албан» Каланкатуйского создавалась в эпоху господства центробежных тенденций в среде армянской знати и была призвана поддержать определенную группу армянских феодалов, противоборствующих образованию централизованного армянского государства под эгидой Багратидов.¹¹⁷ Напрашивается вопрос – есть ли смысл автору «Истории албан» отстаивать самостоятельность своей родины от Армении исключительно для того, чтобы сделать свою родину подвластной другому государству с другим народом, другой территорией и чуждой династией? Как известно, родиной Каланкатуйского является Албания, расположенная на территории от р. Аракс до Дербента, управляемая династией Михранидов, возвеличение которой является главной целью источника. А государство Багратидов создавалось в VIII–X вв. на другой территории, в районе Карса и Эрзерума, к юго-западу от Албании. Кроме того, допуская реальность подобных условий создания «Истории албан», следовало бы ожидать, что в ней должна была найти место и открытая антибагратидская настроенность. Тем удивительнее, что Багратиды упоминаются в источнике лишь два раза. О Багратидах – Ашоте впервые упомянуто у Каланкатуйского (III, 21 и 22). «Тогда благочестивый Хамама, сделавшийся албанским царем, возобновил разгромленное царство албанское, как Ашот Багратуни – армянское царство. Это было в одно и то же время» (ИА, III, 21) и другой отрывок о Багратуни (ИА, III, гл. 22): «С ним (Сааком Севадой, правителем албанским) воевал... царь армянский и Смбат, но не мог подчинить его своей власти».

Что стало с албанским этносом? В период арабского завоевания большая часть албан, живущих в низовьях рек Куры и Аракса, исламизируясь, ассимилировалась с тюркоязычными на-

родами, также принявшими ислам, осевшими здесь компактными массами. А остальная часть албанского населения, проживающая в горных частях (арабы в горы не шли), на северо-западе Албании, а также на юго-западе, придерживалась христианства или монофизитского толка, что в далеком будущем «породнит» ее с Армянской Церковью или диофизитского направления, что ее породнит с Грузинской Церковью. Если бы в христианстве было третье направление, как отмечал З.Н.Алексидзе, то албаны, очевидно, с целью сохранения своей самобытности, придерживались бы этого направления и они, вероятно, сохранились бы до наших дней.¹¹⁸ Дело в том, что несмотря на трагизм их судьбы, часть албан сохранилась до наших дней. Это удины. Еще долго будут функционировать у албанского христианского населения традиционные компоненты местной албанской культуры: светские сюжеты на албанских хачкарах – крест-камнях (IX–XIV вв.), архитектурные каноны собора Хошаванк-Хатаванка (XII в.), Гандзасарского собора (XIII в.), не имеющих аналогов в армянской архитектуре,¹¹⁹ Малый календарь летоисчисления (в Арцахе) и др. В XIX в.¹²⁰ происходит зарождение процесса появления двойного этнического самосознания, а потом полное изменение его в форме скачка, когда происходит насильственное исчезновение албанского самосознания и появление армянского (после 1836 г.). Но вместе с тем еще живуче самосознание албан в XVIII в., когда албанский католикос Есаи Хасан-Джалалян создает «Краткую историю албан». Началом и завершающим моментом исчезновения албанского самосознания явилась политика Царского Правительства по деэтнизации албан, проводимая в угоду Армянской Эчмиадзинской Церкви, у которой по отношению к албанскому этнокультурному наследию давно была продумана и уготовлена своя концепция. Согласно положению Царского Правительства 1836 г. Албанская Автокефальная Церковь была упразднена и подчинена Армянской Эчмиадзинской Церкви, после чего все албаны должны были считаться армянами, хотя некоторые из них помнили свои албанские корни. Процесс этот был очень длительным и болезненным. В знак протеста большая часть албан стала исламизироваться.

Итак, в процессе насильственной межэтнической интеграции армян и албан, грузин и албан произошла культурно-идеоло-

гическая ассимиляция (арменизация) части албан, а часть их, приняв православие-диофизитство, огрузинилась.

Не следует забывать, что в Арцахе–Карабахе наряду с албанами жили с глубокой древности (с I в.) компактными массами тюркоязычные, ираноязычные племена, которые также сыграли свою роль в ассимиляции части исламизированных албан. Арцах был частью всех азербайджанских политических образований.

§ 5. Возрождение албанских царств в IX–XII вв.

В период после арабского завоевания и в период, предшествующий завоеванию исторического Азербайджана тюрками, на территории бывшего Албанского царства стали создаваться отдельные политические образования – албанские княжества-царства: в Шеки и Арране, правителем которых был Сахл ибн Сунбат (822–835 гг.?), Ктиша и Байлакана – Степаннос Абласад и его племянник Исаи (Есаи) Абу Мусе; Сюника – Васак; Хачена – Атрнерсех; Гардмана - Кетритч; Утика – Степан Клия или Кон (до 853 г.). Все перечисленные княжества вначале были зависимы от арабов и находились в той или иной связи с Бабеком, то поддерживая его в борьбе против халифата, то предавая его.¹²¹

Что же касается албанских правителей Михранидского рода, то согласно данным албанского автора, один из последних представителей его Вараз-Трдат III был убит в Арцахе в 822 г. (*Каланкатуийский*, III, 19). Именно с этого периода на исторической арене появляется Сахл ибн Сунбат из потомков местного албанского царского рода Зармихра из Араншахов, правивших в Албании до Михранидов (*Каланкатуийский*, III, 19).¹²² Он был владельцем-правителем Шеки, а также Аррана, который подчинил своей власти в 835 г. З.М.Бунятов совершенно справедливо опровергает мнение ученых об армянском происхождении Сахля ибн Сунбата, а также о его принадлежности к роду армянских Багратидов.¹²³ О Багратидском происхождении Сахля ибн Сунбата, как вынужден признать Б.Улубаян, никаких данных в источниках нет.¹²⁴ Что же касается вообще хайкидского армянского происхождения Сахля ибн Сунбата, то армянские историки основываются на том, что истоки Сахля восходят к роду Сисака, который в свою очередь они относят к хайкидам. Но у Каланкатуийского нет данных отно-

сительно хайкидского происхождения ни Сисака, ни Сахля.¹²⁵ Только в предпоследней главе «Истории албан» Каланкатуйского есть сообщение: «Мы подлинно знаем, что **мужи хайканские-армянские породнились с родом Михранидов**, господствовавшим в Восточной стране - Албании» (*Каланкатуйский*, III, 22).¹²⁶ Дело в том, что автору (или авторам) «Истории албан» совершенно чуждо такое самонадеянное утверждение, проявленное впервые. Этот эксцерпт является по содержанию поздней интерполяцией, а также поздней редакторской поправкой, ибо эта поправка совершенно противоречит всему изложенному фактическому материалу и логике событий в «Истории албан».

Сахл ибн Сунбат выступал против халифата еще в 820 г., как считает З.М.Буниятов, ссылаясь на данные дербендской истории.¹²⁷ В 822 г. Сахл ибн Сунбат вновь напал со своими братьями и армией на арабов, выступавших из Барды, разоривших область Амарас, «повалил их и рассеял их по земле и спас пленных, как из пасти льва» (*Каланкатуйский*, III, 19). Сахл владел стратегически важной областью Шеки, которую З.М.Буниятов справедливо локализует в русле р. Базарчая-Акеречая,¹²⁸ т.е. ничего общего не имеющего с Шеки левобережья р. Куры. В 835 г. Сахл подчинил себе весь Арран. По сведениям ад-Динавари, «в то время владельцем земель вдоль Аракса был Сахл ибн Сунбат» (ат-Табари, ал-Йакуби, ал-Балазури),¹²⁹ т.е. территория на правом берегу р. Куры, которая есть левобережье р. Аракса. Согласно албанскому автору, Сахл за свои труды (выдачу Бабека) получил от халифа «верховную власть над Арменией, Иберией и Агванией-Албанией и правил ими всеми властно и по-царски».¹³⁰ Хотя арабы и признали за Сахлем ибн Сунбатом какое-то самостоятельное правление Арраном, по словам же армянского автора Товма Арцруни, он оставался только «владельцем Шаке».¹³¹

В 853–854 гг., несмотря на услуги, оказанные халифату, Сахл был захвачен Бугой ал-Кабиром и вместе с другими албанскими князьями Аррана – Есаи Абу Мусой, а также с владельцем Хачена – князем Атрнерсехом был увезен в столицу халифа.¹³² Как было отмечено, во времена Сахля ибн Сунбата были и другие антихалифски, сепаратистки настроенные албанские князья – Степаннос Абласад (до 830 г.), а после него его племянник, Есаи Абу Мусе – владельцы Байлакана-Пайтакарана и Ктиша.¹³³ В

«Истории албан» (III, 19) сообщается, что около 830/831 г. павликиане напали на области провинции Арцах, но были разбиты князем Степанносом Абласадом с помощью Бабека. В том же году князь Абласад был убит вождями павликиан Давоном и Шапухом, и вновь восставшие павликиане укрепились в крепости Гороз, и как сообщает Моисей Каланкатуйский, в течение 12 лет владели многими областями Аррана (*Каланкатуйский*, III, 19).¹³⁴ Приближенные Абласада предали смерти убийц Абласада. Тогда племянник [сын сестры] Абласада, Есаи, прозванный Абу Мусе, захватил области Аррана, которыми владели павликиане, и повелевал всеми. Есаи Абу Мусе вторично в 840/841 г. вновь разбил восставших павликиан, которые совершили опустошение в областях Сисан, Джор и Амарас.¹³⁵ В 851/852 г., после подавления восстания Бабека, в правление халифа Мутаваккиля Закавказье было охвачено новым мощным антихалифатским восстанием. Карательная армия, посланная халифом на подавление восстания под командованием Буги ал-Кабира, начала свои действия против санаров, против великого ишхана Атрнерсеха, который пребывал в крепости Хачен и был схвачен Бугой ал-Кабиром.¹³⁶ Как сообщает армянский историк X в. Иованнес Драсханакертци, Буга из Хачена направился в область Гардман, овладел ею и захватил правителя Гардмана Кетритча. «Оттуда Буга направился в область Ути, в село Тус [Тавуз], захватил в плен Степанноса по прозвищу Кон [Клиа], род которого по имени прародителя его Севука называли Севордик. Затем коварно обманутый ишхан Агуанка Есаи [Абу Мусе] вместе со своими сородичами, а с ним вместе и прочие ишханы страны Агуанк, были покорены и схвачены, связаны. Всех их Буга в оковах доставил к царскому двору, где они были подвержены тяжким пыткам... один лишь Степаннос Кон мученически погиб во имя исповедования Христа».¹³⁷ Это произошло в 852/853 гг. Следует отметить, что армия Буги довольно-таки долго не могла сломить сопротивление Есаи Абу Мусы, который занял оборону в крепости Ктиш. По подробному описанию армянского автора Арцруни, военные действия между Бугой и Есаи Абу Мусе длились более года, в течение которого Буга 28 раз нападал на крепость Ктиш и каждый раз был отброшен. Халиф и Буга только путем хитро задуманной уловки сумели обмануть Есаи Абу Мусе и заманить его вместе с други-

ми князьями к халифу.¹³⁸ Среди полоненных, закованных и отправленных к халифу албанских князей был, как было отмечено, и ишхан Хачена – Атрнерсех, которого Табари именует Адар-Нерсе ибн Исхак ал-Хашини («из Хачена» - ал-Хачини).¹³⁹ Несмотря на репрессивные меры по отношению к самостоятельным албанским князьям-ишханам, халифату так и не удалось упрочить свою власть над Арраном – исторической Албанией. Согласно данным Моисея Каланкатуйского, в 886 г. «благочестивый князь Хамам, сделавшись албанским царем, возобновил разгромленное царство Албанское, как Ашот Багратуни – Армянское царство. Это случилось в одно и то же время» (*Каланкатуйский*, III, 21). О Хамаме известно, согласно данным Каланкатуйского, что он «взял на себя кровь своего брата; сам Хамам творил великие и щедрые благодеяния церквам, нуждающимся и немощным» (*Каланкатуйский*, III, 21). Согласно ал-Мас'уди (*Мурудж*, II, с. 86) Хумам (Хамам) был «великим князем Востока» и «царем Албании», объединившим разгромленное и обезглавленное арабами Албанское царство.¹⁴⁰ Согласно данным албанских авторов – Каланкатуйского и Киракоса известно, что Хамам освободил великого патриарха Армении Георга из плена за большие деньги и с почетом отправил его здорового в Армению. Хамам выкупил в 893 г. у Мухаммеда Афшина ибн Абу-с-Саджа, наместника Азербайджана, армянского католикоса Георга II,¹⁴¹ «добавив к посланному армянами выкупу еще и от себя – для увеличения его (выкупа)». ¹⁴² Исследователи справедливо отождествляют Григора с Хамамом Благочестивым. Хамам (букв. перев. на араб. имени Григор, означающего «бдительный, заботливый») ¹⁴³ – великий ишхан Востока.* Асогик называет Хамама «царем Агванка». Владения Григора-Хамама Благочестивого простирались от восточного побережья оз. Севан на западе до подступов к г. Партаву-Барде на востоке. Согласно Каланкатуйскому, «Григор... распространил свою власть по ту сторону», т.е. на левобережье Куры, «включив в свои владения Камбичан-Шаки» (*Каланкатуйский*, III, 22), ¹⁴⁴ которые входили в пределы Албанского царства при албанских Аршакидах и Михранидах. Григор-Хамама был одним из сыновей владетеля Хачена Атрнерсеха, того самого, который был уведен в 853/854 гг. Бугой, и кото-

* Под Востоком понимается Албания. См. нашу гл. V, § 1.

рый только один смог вернуться из арабского заточения-полонения. Сам Атрнерсех был сыном Сахля – «главы сюнйцев» (*Каланкатуйский*, III, 22).

А Сахл «глава сюнйцев», по мнению некоторых исследователей, был Сахлем ибн Сунбатом – владельцем Шеки и Аррана. В провинции Дзор, в селе Мец-Мазра – Большая Мазра сохранилась на древнеармянском языке надпись (автограф): «В 330 (881) году армянском я – Григор Атрнерсех, князь (Малого Сюника и Агванка) установил сей крест».¹⁴⁵ Григор-Хамама считали дедом Ишханика, царя Эрети-Камбисены (Камбечани) и отцом Атрнерсеха II. Потомки Вараз-Трдата Михранида с IX–X вв. начинают владеть провинциями Арцах и Сюник (*Каланкатуйский*, III, 22). Согласно албанскому автору Моисею Каланкатуйскому (III, 22), жена Вараз-Трдата со своей дочерью Спрамой нашла убежище в Хачене – Арцахе, «желая восстановить дом свой». Она выдает дочь свою Спраму за Атрнерсеха, сына Сахля, главы провинции Сюник. Сын Спрамы и Атрнерсеха, Григор-Хамама восстановил частично Албанское царство, в состав которого вошел и Арцах-Хачен.

Согласно данным Степанноса Орбели, Сюникское царство неоднократно обращалось за помощью к Хачену-Арцаху и оттуда просило, приглашало наследника на сюнйский престол в X, XI, XII вв. Причем Степаннос Орбели говорит о приглашенных наследниках как о представителях великого княжества, о царевичах.¹⁴⁶ У Григора-Хамама было четверо сыновей, каждый из которых получил определенные владения. Один из сыновей Григора-Хамама по имени Атрнерсех II в 910 г. в Камбечани-Эрети объявил себя царем. Во время правления его, как сообщает «Летопись Картли» («*Картлис цховреба*», I, 264) имело место вторжение в 915 г. в пределы Шекинского царства абхазского царя Константина III (893–922) и кахетинского хорепископа Квирике I (892–918), в результате чего были потеряны некоторые пограничные города. Но эти города Атернерсех II вернул после крупного вторжения Саджидов в Центральное Закавказье между 925–929 гг. Так Шекинское царство сохранило свои территориальные пределы в течение всего X в.* У арабского автора Мас'уди в его тру-

* См. глава I, сноска 657: Н а с и б о в Ю н и с . Азербайджан в V- первой половине XII вв. (по древнегрузинским источникам), с. 19.

де «Мурудж», написанном в 943 г., сообщается: «После царства Санаров идет Шеки, жители которого христиане, хотя среди них встречаются и магометане... Царем их в дни, когда пишется книга сия, является Атрнерсех, сын Амама...».¹⁴⁷ В середине X в. в стране правил уже внук Хамама, сын Атрнерсеха II, Ишханик, о котором сообщает Анания Мокаци, армянский католикос, посетивший Албанию: «...в это время сидел на царском троне Ишханик – сын царя Атрнерсеха и внук блаженного Амама, благочестивого государя Агванского».¹⁴⁸ Согласно другому сообщению Анания Мокаци, Ишханик «...принял ересь халкидонскую и забыл вопросы веры отцовской».¹⁴⁹ О распространении халкидонитства и его победе в Эретии-Камбечане свидетельствуют и грузинские источники, согласно которым, в Эретии до царствования Ишханика все были еретиками [т.е. монофизитами]. Но, поскольку мать Ишханика, жена Атрнерсеха II, царица Динар была сестрой грузинского князя князей (эристава эриставов) Гургена, правившего во второй половине X в., то она и обратила население Эрети-Камбечани в православие-халкидонитство.¹⁵⁰ Но позднее Ишханик возвращается в лоно монофизитской Албанской Церкви, хотя, по мнению Н.Я.Марра, после Ишханика «спустя сто лет... Эретия вошла навсегда в состав Грузии».¹⁵¹ И, конечно же, после конфессиональной трансформации последовала длительная деэтнизация албан Камбечани-Эретии, начался длительный процесс частичной грузинизации.

Арцах и частично провинция Ути (примыкающая к Арцаху) перешли другому старшему сыну Григора-Хамама – Сааку, прозванному Севадой, чье царство длилось до XI в. (*Каланкатуйский*, III, 21, 22). Саак Севада, как сообщает албанский автор, подчинил себе область Гардман в провинции Ути, области Кости и Парнаса в провинции Арцах, а также область Цорогета (Ширак) в Араратской провинции. С ним воевал армянский царь Смбат Багратуни, но он не смог подчинить его своей власти (*Каланкатуйский*, III, 22). Саак Севада был связан узами родства с царским домом Багратуни и ишханом Сюника: одна из дочерей позднее стала женой Ашота II Ерката Багратуни, а вторая – женой Смбата, ишхана Сюника.¹⁵² По словам Моисея Каланкатуйского, «Саак Севада любил литературу и учредил в доме своем училище» (*Каланкатуйский*, III, 22). По словам Иованнеса Дра-

сханакертци (LX), Саак Севада «утопил свою великую мудрость и принялся плести зло против царя» Ашота Багратуни, армянского царя, своего зятя, подстрекаемый обманными речами клеветников, взбунтовался против царя армянского Ашота. Саак Севада и его сын Григор были взяты в плен армянским царем и ослеплены. Из потомков Саака Севады в X в. выдвинулись цари возрожденной Албании. Это были его правнуки – Иоанн Сенекерим и Филиппе (сыновья Севады – ишханы, внуки Саака Севады) (*Каланкатуйский*, III, 22). Иоанна, прозванного Сенекеримом, «десница Всевышнего избрала царем давно прекратившегося царства, возобновленного Богом через него. Царь персидский наградил его великими почестями, дал ему корону отца своего и коня его. В том же году магистр греческий, Давид, послал царский венец и великолепную порфиру в честь и в уважение Богом избранного мужа, который был помазан в цари десницею патриарха во славу Христа», – так сообщает Каланкатуйский о воцарении на албанский престол Сенекерима (*Каланкатуйский*, III, 22). Здесь албанским автором трижды подчеркивается законность царского сана: «персидский царь...дал корону», «греческий магистр Давид послал ему царский венец», и наконец, «был помазан в цари десницею патриарха». Период его долгого правления (до конца X в.), когда Санарийа [Кахетия] была присоединена к Шеки, считается расцветом Шекинского царства. Только после его смерти Шекинское царство ослабло.¹⁵³

Под персидским царем, давшим корону Сенекериму, следует подразумевать, очевидно, Саларидов, в это время правивших Азербайджаном (Северным и Южным), у которых в вассальной зависимости находились среди прочих правителей и правители Арцах-Сюникского царства. И вообще, в IX–XIII вв., когда на территории бывшей Албании образовались азербайджанские государства Ширваншахов, Саджидов, Саларидов, Шеддадидов, а впоследствии Атабеков, то мелкие возрожденные албанские царства-княжества были в составе этих азербайджанских государств.

Итак, к XI в. албанские царства – Шеки-Камбечани-Эретия на севере Албании были поглощены Кахетией. Но, в источниках Кахетия и Шекинское царство по-прежнему упоминаются совместно как составные части одного государства. Это «царство цанаров и шекинцев» просуществовало до начала XII в., ког-

да было присоединено к владениям Давида IV.* А, что же касается остальных албанских царств-княжеств, расположенных в междуречье Куры и Аракса, то их существованию в качестве самостоятельных политических образований был положен конец Шеддадидами, которые, разбив Саларидов, распространили свою власть и на эти албанские царства.¹⁵⁴

Достоин серьезного внимания факт упоминания в X в. албанского княжества-царства Хачена в Книге византийского императора Константина VII Порфирородного (Багрянородного) (912–959) «О церемониях византийского двора», в которой среди перечня владельцев важнейших княжеств-царств, с которыми византийский двор имел письменную дипломатическую связь, отмечено также албанское Хаченское княжество. Письма посылались туда по адресу: «князю-владельцу (архонту) Хачена, Армения» (Книга «О церемониях византийского двора», II, 48).¹⁵⁵

А в другой работе того же императора Константина Багрянородного – в политико-дипломатическом сборнике – «Об управлении империей» («De administrando imperio») сохранилось «Закавказское досье», в котором имеются уникальные сведения о Закавказье, позволяющие судить о статусе политических образований Армении, Грузии,¹⁵⁶ Албании, об их владельцах и их отношениях с арабами и Византийской империей. В сборнике «Об управлении империей» кроме всего прочего представлена и география чужеземных народов, окружавших Византию на севере, западе и **востоке**, с которыми Византия имела дипломатические отношения.¹⁵⁷

Константин Цукерман посвятил главе (II, 48) «Книги церемоний» специальное серьезное исследование, представляющее определенный интерес. В статье отмечается, что дипломатические отношения Византии со странами Восточного Кавказа не были регулярными, о чем свидетельствуют лакуны в списке «Книги церемоний» (II, 48).

К.Цукерман пытается выяснить, какая была связь между политическими делениями (образованиями) и церковными распределениями Закавказья. Относительно Грузии, грузинской группы известно из «Книги церемоний», что она состояла из курополата Иберии и «архонтов» четырех областей, на которых распро-

* Насибов Юнис. Указ. раб., с. 21.

странялась власть католикоса Иберии. Армянская же группа, согласно «Книге церемоний», была более сложна, как полагает К.Цукерман, ибо здесь фигурируют два «архонт архонтов»: «архонт архонтов Великой Армении», называемый-именуемый *protos*, и архонт Васпуракана, которому «недавно был пожалован тоже титул архонта архонтов».¹⁵⁸

Затем К.Цукерман сообщает, в какой последовательности следуют архонты областей-княжеств – Коговита, Тарона, Мок-а, Анджевачик-а, Вайоцджор-а и **Хачена**, и всякий раз в титуле упоминается титул Армении [архонт Хачена, Армения. – *Ф.М.*]. Потом идут архонты Севордика без упоминания «Армения».¹⁵⁹ Причем «архонт архонтов» Великой Армении и Васпуракана получают письма византийского императора с золотой буллой, а письма, адресованные остальным адресатам, закреплены простой буллой.

К.Цукерман совершенно справедливо усматривает в перечисленных архонтах отсутствие иерархического признака порядка, основанного на признании первенства, т.е. царской власти Великой Армении над другими архонтами. К.Цукерман это аргументирует еще следующими доводами: тем фактом, что византийский император пишет эпистолярно «напрямую главам девяти стран-княжеств», что свидетельствует об отсутствии внутренней подчиненности их Армении, а также тем, что широкая практика дипломатических отношений между Византией и Тароном исключает какое-либо упоминание верховной власти Багратидов Великой Армении над Тароном. К тому же, как отмечает сам К.Цукерман, Багратиды чрезвычайно ослабли во второй четверти X в.¹⁶⁰ И тем удивительней, почему приведя такие веские аргументы, наблюдения, К.Цукерман не комментирует само понятие «Великая Армения» для событий X в. – это понятие политическое или географическое? Ведь это для X в. выглядит анахронизмом, ибо это была Большая Армения.

Далее К.Цукерман, пытается выяснить, кто такие севордики, какую территорию они занимают, каков их политический статус (?!), чтобы выявить причину неупоминания, отсутствия слова «Армения» в письме применительно к ним.

Севордия-Севордик – по армянской народной этимологии – «Черные сыны» или «сыны Чернявого». Согласно арабскому ге-

ографу ал-Мас'уди: «...Река Кура течет... достигает пограничной области Тифлис, которую она пересекает посередине. Затем она течет через земли Сийавурдия, **которые являются ветвью армян**».¹⁶¹ Они обосновались в албанской области Ути, впервые встречаются в г. Шамкире, «но это ни в коем случае не захват», отмечает К.Цукерман.¹⁶² Относительно их происхождения – одни связывают их с именем сабиров (гуннов-сабейров), а согласно Константину Багрянородному, часть венгров, которая под нажимом печенегов двинулась, «поселилась в одном из мест Персии» [исторического Азербайджана. – Ф.М.] **и приняв христианство, григорианизировалась, арменизировалась.** «Вот они и являются народом, который армяне называют севордик, а арабы – савордийа или сийавурдийа. Центром их страны был г. Тавуз»¹⁶³ [опять же в Ути]. И в этом, и в другом случае севордик, сийавурдия – это тюркоязычное племя, принявшее христианство монофизитского толка. «Жители Ути – севордики фигурируют среди внешних врагов армян».¹⁶⁴ Севордики, как утверждает К.Цукерман, являются чужеродными для армян и потому «Книга церемоний» воздерживается назвать Арменией земли проживания севордиков.¹⁶⁵

В итоге своего исследования К.Цукерман приходит к выводу, что «это редкий случай, единственный в X в., когда чужеземное племя, чуждое армянскому народу, обращается в их национальную веру».*¹⁶⁶ Все, что касается, за исключением севордиков, упоминания остальных глав – правителей стран-областей в «Книге церемоний», которые, по мнению К.Цукермана, составляют армянскую группу, т.е. к ним прилагается слово «Армения» – архонт Хачена, Армения, то это **«армянская группа (или объединение) племен, объединенная армянской верой: она включает политические образования, подчиняющиеся в церковном смысле Армении. Единственный случай расхождения между религиозной и этнической принадлежностью касается севордиков».** Здесь многое вызывает возражение. Прежде всего – севордик – далеко не единственный упомянутый случай. Хачен с его албанским населением точно так же представляет «расхождение между религиозной и этнической принадлежностью». Конфессионально Албанская Апостольская Автокефальная Церковь

* Исповедание монофизитства - это не только армянская вера.

и ее албанское население, за редкими исключениями, (VI–VII, IX–X вв.) придерживались больше монофизитства, которое исповедовали Армянская Церковь, Коптская и Яковитская. Но Армянская Церковь, в отличие от всех прочих, была еще григорианской. «Расхождение», упомянутое К.Цукерманом, существовало до XIX в. между албанским и армянским самостоятельными этносами, как в смысле языка, культуры, самобытности и, главное, сохранения албанами своего этнического самосознания и самоназвания (этнонима). Ведь албанский этнос (не считая отдельных эмиграций, насильственных переселений части его) в отличие от армян, никогда не терял своей территории: до VIII в. албаны жили в пределах всей страны, а с IX по XIX вв. – в отдельных областях исторической Албании: в Арцахе, Сюнике, Утике, Шеки-Камбисене, где сумели создать, возродить политические образования, о которых прекрасно осведомлен и которые исследует сам К.Цукерман. Да и наличие более 1500 лет Албанской Автокефальной Церкви само является неоспоримым фактом существования отличного от армян другого этноса – албанского этноса, иначе кого бы обслуживала Албанская Церковь?! К.Цукерман в итоге исследования приходит к выводу, что «теперь становится понятным, почему редактор «Книги церемоний» воздерживался от названия Арменией земель, принадлежащих Севордикам: ни этнически, ни политически их страна не являлась частью Армении». Точно так же следует возразить К.Цукерману, что албанские княжества-царства вообще и Хаченское, в частности, тоже на протяжении истории не являлись частью Армении ни этнически, ни политически вплоть до XIX в. Прежде всего следовало бы разобраться, что означало понятие «Армения» до X в.? Нам думается, что оно означало не столько церковно-конфессиональное единство, сколько географическое понятие: политико-административное деление самой Византийской империей, когда еще при Юстиниане были введены и известны многочисленные политико-административные единицы, именуемые Арменией – Большая (а отнюдь не Великая) Армения, Малая Армения (чисто географические понятия), Армения I, Армения II, Армения III, Армения IV, Армения Срединная (Внутренняя). И вероятно, для византийских историков, хроникеров, византийской канцелярии и в последующие века все земли, политические об-

разования – княжества, царства, области с христианским-монофизитским вероисповеданием, расположенными к востоку от перечисленных энных Армений воспринимались просто Арменией в географическом, политико-административном смысле. Это не относилось к Иберии с православным-халкидонитским вероисповеданием, с которой у Византии были прямые контакты, и была хорошая осведомленность. К тому же в VIII–X вв. арабские источники фиксируют, применительно к территории завоеванных Армений, Аррана, Азербайджана, части территории современной Восточной Грузии и Дагестана, политико-административное понятие «Арминийа», которое потом делится на Арминийа I, Арминийа II, Арминийа III, Арминийа IV (*Ибн Хордадбех, ал-Балазури, ал-Йа'куби, Ибн-ал-Факих, Йакут*). Арабами было традиционно заимствовано, унаследовано от Византии многочисленное деление Армений,¹⁶⁷ но с иным содержанием. Арабское деление Арминийа (т.е. Закавказье) в отличие от византийского, охватывающее армянские земли, не нашло своего отражения в синхронных армянских источниках, видимо, по той причине, что эти искусственно созданные арабами территории не отражали их этническую и географическую – территориальную общность и объединялись в таких делениях по ходу завоевания.¹⁶⁸ Названию «Арминийа» способствовали, кроме всего прочего, также первоначальное нахождение арабского наместника в Двине (Дабиле), а также сближение с халифами армянских церковнослужителей, которые уже вели в то время идеологическую и политическую борьбу против враждебной арабам Византии.¹⁶⁹ Что же касается Севордийи (севордики), то неприменимость к ним понятия «Армения» объясняется, на наш взгляд, тем, что Севордийи в отличие от перечисленных княжеств-областей, не представляли собой политического, политико-административного образования, а были чисто этническим образованием [к тому же неприятного армянам] и потому соответственно к ним не применили политико-административное географическое наименование – Армения. Наше понимание, объяснение понятия «Армения», употребляемого с VI в. и далее только в смысле географическом, а отнюдь не политическом, можно подкрепить и данными сирийского источника VI в. Захария Митиленского, у которого читаем: «В этой северной стороне [Закавказье] есть верующие пять народов

с их 24 епископами. Гурзан так же земля в Армении с языком, подобным греческому, у них есть царь христианский, подвластный царю Персии. Арран [Албания] так же земля, в той же земле Армении, со [своим] языком, с народом, верующим и крещеным, у них есть царь, подчиненный персидскому царю». ¹⁷⁰ Становится совершенно очевидным из рассматриваемого пассажа, что Гурзан и Арран имели в VI в. свои языки, свои народы, своих царей, подчиненных Персии и, в силу перечисленного, они никак не могли быть частью Армении ни этнически, ни политически, ни конфессионально. Следовательно, Армения в данном случае (у *Константина Порфирородного*, II, 48) осмысливается в чисто географическом значении. В.А.Арутюнова-Фиданян со ссылками на исследователей пытается подчеркнуть, что материалы «Закавказского досье» Константина Багрянородного были составлены непосредственными участниками событий, в качестве которых были информаторы Константина – армяне-халкидониты, находящиеся на службе империи, владеющие греческим языком, издавна принятым среди знати и клира халкидонитской общины Армении. Именно они (армяне-халкидониты) имели возможность ориентироваться в армянском мире с легкостью, недоступной греческим коллегам: именно им, как утверждает В.А.Арутюнова-Фиданян, принадлежала ведущая роль в военных и дипломатических акциях в Византийской империи на Востоке. ¹⁷¹ В таком случае сведения «об архонте Сиявордика» и «архонте Хачена, Армения» восходит к информаторам – армянам-халкидонитам. А это может означать, что именно армянские информаторы «Закавказского досье» могли, кроме всего прочего, быть редакторами информации, снабжаемой ими Византийской империи.

Совершенно справедливо утверждение К.Цукермана о том, что страна севордиков не является частью Армении ни этнически, ни политически. Страной, вернее, территорией проживания, поселения севордиков, как известно, была провинция (наһанк) Ути. А как свидетельствуют источники и политические, и конфессиональные реалии, Ути была одной из важнейших и стабильных провинций Албании, в которой были епархии Албанской Апостольской Автокефальной Церкви. В таком случае, не смущает ли К.Цукермана, что его утверждение противоречит ар-

мянской концепции, искусственно созданной, беспочвенной, согласно которой Ути вместе с Арцахом будто стабильно считались восточными областями «Великой Армении»?!

Не выдерживает критики и заключительная часть исследования К.Цукермана, согласно которой «Албания политическая и Албания религиозная – вновь, в который раз, будет разделена», и что албанский католикос (которого К.Цукерман произвольно возводит в чин архиепископа) «никогда не был поднят на одну высоту с католикосом Армении и Иберии, если бы не завоевал независимость, как организационную (в 902/903 гг.), так и доктринальную (в 942/943 гг.)». Албанская Церковь, как и Армянская, и Грузинская, конечно же, была подвержена конфессиональной борьбе в VI, VII, X вв.

Политическое и конфессиональное деление внутри Албании ни в коем случае не сможет сравниться с политическим и религиозным делением Армении, когда она, в отличие от Албании, была столетиями (I–VI вв.) подвержена политическим делениям между империями, конфессиональному делению между монофизитской Персарменией и халкидонитской Византийской Арменией в VI–VII вв., и когда она идеологически конфессионально определилась лишь в VI в.

Что же касается Албанской Церкви, то она, в качестве Апостольской Автокефальной, сумела сохраниться, несмотря на превратности судьбы, с IV в. по XIX в. с ее многочисленной паствой, многочисленными епархиями стабильно на территории исторической Албании.

Если К.Цукерман имеет в виду отдельные случаи рукоположения армянскими католикосами албанских иерархов, то это было эпизодически в равной мере характерно Армянской Церкви, когда албанские католикосы рукополагали армянских патриархов (см. гл. V, § 2 данной монографии), в особенности в периоды отсутствия единого армянского патриаршества, в периоды наличия армянских антипрестолов, в периоды странствования престолов Армянской Церкви.

Вызывает удивление и глубокое возмущение столь политизированная концовка, что свойственно было бы скорее армянскому ученому, но не такому серьезному автору: «речь идет об очень тесных связях между албанским Хаченом и Арменией.

Благодаря этой связи **армянский Хачен останется единственным воспоминанием о древней Албании и ее Церкви** – единственной носительницей этого имени. Эта связь ничуть не потеряла своей актуальности, даже наоборот: Хачен – это сегодня Карабах» [наше мнение об этом см. последнюю VI главу данной монографии. – Ф.М.].

§ 6. Албанское-Хаченское царство в XII-XIV вв.

Вопрос этнического происхождения Арцах-Хаченского династического царствующего рода рассматривался известными историками, одни из которых возводили их к Михранидскому роду, другие – к маскутским Аршакидам, все они представляли их албанами, но не армянами.¹⁷²

В армянской историографии господствует единое мнение только об армянском происхождении Арцах-Хаченского царствующего рода, возводящее его к хайкидам.*¹⁷³ Относительно генетического происхождения и генеалогии албанских правителей в IX–XI вв. – Сюника, Арцаха-Хачена, Шеки-Камбичани, их родства между собой, мы придерживаемся мнения А.Е.Крымского, которое основывается на синхронных данных арабских источников и албанского автора Каланкатуйского, тем более, что у Каланкатуйского вся эта родословная дана лаконично.

Из введения, предпосланного к монографии Кирилла Туманова «Династии христианского Кавказа от античности до XIX в. Генеалогические и хронологические таблицы», становится известным, что это издание является новой версией учебника по генеалогии и хронологии христианского Кавказа (Армения-Грузия-Албания), изданного в Риме в 1976 г. Эта книга является попыткой описать исторические семьи христианского Кавказа, т.е. до-

* Как известно, по Мовсесу Хоренаци (II, 8), а также Моисею Каланкатуйскому (I, 4), прародителем-этнархом албан (а также утиев, гардманов, гаргаров, цавдеев) был Аран из рода Сисакан. Возведение Мовсесом Хоренаци (I, 12) Арана из рода Сисакан, к Хайку - прародителю армян, так же как и объявление Леонтии Мровели Гаоса (Хайка) главным и старшим в ряду перечисленных им братьев-этнонимов-потомков Иафета и Ноя не более, чем мифическая библейская родословная, а не определитель этнической принадлежности. К тому же Каланкатуйский не возводит Арана к Хайку.

мов [патронимии. – Ф.М.], которые творили историю нации. В книге даны генеалогические таблицы «меликств (династических государств), выживших под имперским руководством **на северо-востоке Армении**. Это исчезновение происходило в течение XIX в. вследствие поглощения Римской империей (в одном случае) и Османской империей, что привело к тому, что рассматриваемые нами дома потеряли династические позиции, феодальные пошрины». Как сообщается во введении, генеалогии и хронологии меликств, когда-то включенных в учебник, «будут рассмотрены в отдельном издании, подготовленном ученым, обладающим большим авторитетом в данной области – профессором Р.Хевсенем». Эта работа теряет свою ценность, значимость, прежде всего, по той причине, что она совершенно не базируется на источниках, поскольку в ней нет ссылок на них.

Видимо, книга рассчитана на то, что все поверят, или обязаны поверить на слово. Дело в том, что исторические судьбы армянских, албанских и грузинских княжеских патронимий проходили совершенно по-разному. Во-первых, армянские княжеские дома, в отличие от грузинских и албанских, изначально до XVIII–XIX вв. не были на территории Кавказа, а были на территории Малой Азии, в Восточной Анатолии. Именно они были подвержены имперскому руководству – Римской империи, Византийской, Персидской и, наконец, с XV в. – Османской, к тому же были подвержены иммиграционным процессам. Совершенно иным образом складывались судьбы албанских и грузинских элитных патронимий, которые сохранились, невзирая на превратности судьбы, на своей исторической родине до XIX в., а грузинские княжеские дома – и далее.

В предисловии, написанном Р.Хевсенем и предпосланном труду К.Туманова,¹⁷⁴ сказано, что критическое издание литературных источников по Кавказской истории, а также появление специализированных исследований [?!], разъясняющих их, заставили по-новому взглянуть на их содержание и приобрести опыт, «с помощью которого мы можем анализировать содержащиеся в них информации». Р.Хевсен отмечает также, что «**к усовершенствованному подходу**» добавилось применение археологии, эпиграфики, нумизматики, лингвистики, этнографии и, наконец, к

исследованиям прибавились генеалогии кавказских династий, ведь «Кавказ, как и Древний Иран, Средневековая Япония, Средневековый Запад был дворянским и династическим обществом. Княжеские дома являлись лидерами и оставались таковыми до начала девятнадцатого века». Кирилл Туманов, отмечает Р.Хевсен, «создал фундаментальный монумент, посвященный княжеским домам Кавказа – армянским, грузинским, албанским, которые столько веков храбро вели свои народы сквозь беспокойную историю Среднего Востока к началу современного мира. В конце концов, они либо не смогли обеспечить выживание своего народа, как это было в случае с Албанией, либо им едва-едва удалось достичь того, как это было в случае с Арменией, наконец грузинские дома смогли сохранить свою сущность, но в целом кавказское дворянство заслуживает исторического признания и детального изучения».¹⁷⁵ Дело в том, что никакие «фундаментальные монументы» в виде труда К.Туманова, и никакое хвалебное введение к нему, в виде предисловия Р.Хевсена, не помогут верно воссоздать историю вообще и генеалогическое древо кавказских княжеских домов – «армянских», грузинских и, конечно же, жертвенных армянам албанских домов, если они, ученые, изначально берут преднамеренно-продуманно за исходное неверные посыпки, что соответственно приведет к неверным следствиям-выводам. Роберту Хевсену, как и К.Туманову, должно быть хорошо известно, что именно албанские княжеские роды, в отличие от армянских, не теряли свою историческую родину, земли с древнейших времен до XIX в., и именно албанские княжеские патронимии смогли сохранить и создать свои политические образования – 1000-летнее Албанское царство в пределах всей страны (от Аракса на юге до Дербента на севере), албанские царства-княжества и меликства. Албанские княжеские роды до XIX в. сохранили свою самобытную культуру, религию, язык, историко-литературную традицию (V–XVIII вв.), албанское самосознание и албанское самоназвание. Только благодаря геополитике – политике Царского Правительства, Российской империи, а также коварной, продуманной веками концепции Армянской Церкви, албанские княжеские роды, как и албанский народ, были подвержены насильственной трансформации, когда согласно положению Царского Правительства 1836 г., была упразднена Албанская Ав-

токефальная Апостольская Церковь и подчинена Армянской Эчмиадзинской Церкви, после чего начался длительный, болезненный процесс деэтнизации албан, часть которых была григорианизирована-арменизирована, большая часть ислаимизирована, а часть грузинизирована. Упование Р.Хевсена на помощь вспомогательных наук: нумизматики, археологии вряд ли сможет помочь армянскому народу в воссоздании своей истории, своих княжеских домов, ибо, не имея своих государств, армяне не имели монет собственного чекана, за исключением монет Тиграна II в I в. до н. э. (не считая монет киликийских царей Хетумидов – албанского происхождения). Странствования армян по другим странам, когда они вынуждены были делить судьбу этих стран – такая участь вряд ли могла отразиться в археологических изысканиях.

Кирилл Туманов в своем труде, следуя за армянской концепцией, совершенно неправоммерно, без оснований, часть албанских княжеских родов – будь то Араншахикских, Аршакидских, Михранидских и даже Хетумидов – изначально возводит в своей генеалогической таблице к Хайкидам (хайкидам). Даже род Аргутинский (курдского происхождения) К.Туманов возводит изначально к Хайкидам. Потому труд К.Туманова действительно «монументален» по физическим размерам и, наконец, по возложенным на этот труд чаяниям и надеждам армян, по поставленным проблемам, но не решением их.

К концу XII в. возвышается княжество-царство Арцах или Хачен, часть древней Албании. Центром этого княжества был бассейн рек Хачен-чай и Тер-тер. Хаченское княжество-царство занимало территорию Арцаха и Ути. Как отмечалось в «Аджаиб-ад-дунья», Хачен являлся округом, входящим в состав Аррана, его территория охватывала труднодоступную, гористую местность и лесные массивы.¹⁷⁶ Возрождение этого княжества-царства относится к Гасан Джалалу. Кроме реалий имеются детальные родословия, возводящие Гасан Джалала и его род к албанским Михранидам. (по линии упомянутого Сенекерима). Итак, прослеживается генетическая связь правителей Арцах-Хаченского княжества-царства с правящими албанскими Михрани-

дами. Точно так же прослеживается преемственность и непрерывность политической власти ее правителей в Арцах-Хачене-Карабахе на протяжении большого хронологического периода с VIII в. по XV в.

С 1142 г. во главе Хаченского дома стоял h'Асан, сын Сакара Вахтанга, оставивший несколько надписей. h'Асан женился на Мама-Хатун, дочери царя Кюрике. В 1182 г. h'Асан, после 40-летнего правления, вместе со своей женой постригся в монахи. У него было шесть сыновей.¹⁷⁷ Следует отметить, что h'Асан именуется себя владельцем крепости h'Атерк, h'Андаберд, Хаченаберд и h'Авкахагац. Все это засвидетельствовано в монастыре Дади в 1182 г. и на кресте в монастыре Хатра в 1201 г.¹⁷⁸ Один из сыновей h'Асана – Вахтанг, прозванный Танкик или Тонкик, владелец Нижнего Хачена, женился на сестре знаменитых в истории Кавказа братьев Захарии Спасалара и Иванэ Атабека Долгоруких-Аргутинских по имени Хоришах.¹⁷⁹ У Вахтанга от брака с Хоришах было три сына и три дочери. Одним из трех сыновей был Гасан Джалал, род которого имел родственные связи с влиятельными домами той эпохи, как отмеченными Аргутинскими-Долгорукими, так и с родом Орбели – правителями Сюника. В Гандзасарской надписи Гасан Джалала, датированной 1240 г., написано: «Отец мой при кончине завещал мне и матери моей Хоришах, чтобы мы построили церковь в Гандзасаре, усыпальнице предков наших; мы начав ее в 1216 г...». Постройка храма была завершена в 1238 г. Не дождавшись конца постройки, мать h'Асана (Гасана) Хоришах совершила третье паломничество в Иерусалим, где она и умерла. Гандзасарская церковь была построена в Гандзасарском монастыре, который существовал задолго до Гасан Джалала, расположенный на высокой горе на левом берегу Хачен-чая против Хоханаберда, в качестве усыпальницы своего рода. Освящение Гандзасарского храма состоялось в 1240 г. Гасан Джалал при этом очень щедро одарил обитель пахотными землями, садами и разнообразной серебряной священной утварью, которая подробно перечисляется в надписи. Гасан Джалал даровал при этом всему монастырю полную вольность.¹⁸⁰ При освящении храма присутствовали католикос Албании Нерсес, епископы, священники, число которых достигало 700. Присутствовал

известный Ванакан - учитель историков Киракоса Гандзакеци и Вардана Аревелци (Восточного) - Агванеци (Албанского). После освящения Гасан Джалал дал обед, во время которого сам прислуживал гостям и щедро одарил всех, провожая по домам.¹⁸¹ Жена Гасан Джалала Мамкан происходила из боковой линии Сюнийского дома или от Сенекерима, последнего владельца этой страны.¹⁸² Строительство Гасан Джалала простиралось далеко за пределами Хачена.

Эпоха, в которую жил и творил Гасан Джалал, богата историческими событиями в истории Кавказа, которые нашли отражение в трудах албанских авторов: Киракоса, Вардана Агванского, Мхитара Гоша.

В 1220 г. Хачен подвергается нападению многочисленных монгольских войск, которые через Дербентские ворота прошли в Албанию, Грузию. В XIII в. Хаченское княжество подверглось нашествиям и хорезмшаха Джалал-ад-Дина. В 1227 г. (или позже) в период походов Джалал-ад-Дина, его визирь Шараф ал-Мюльк подступил к крепости Хачен. Гасан Джалалу удалось откупиться, уплатив 10000 динаров.¹⁸³ Потом Хачен подвергся нашествию монголов. Даже неприступные крепости не выдержали натиска и пали.¹⁸⁴ Гасан Джалал засел с жителями своей области в крепости Хоханаберд. «Мудрый Джалал, увидев нападение безверных, укрыл свой народ в крепости, называемой по-персидски Хоханаберд. И когда пришли татары (монголы) и, осадив эту крепость, убедились, что ее невозможно взять, тогда они предложили Гасану дружбу и мир».¹⁸⁵ Гасан Джалал, благоразумно согласившись с ними, сам отправился к монголам с многочисленными дарами и был принят с почетом. Они «ему вручили его страну с некоторыми еще прибавлениями» «территориальными».¹⁸⁶ Ему вменялось в обязанность всегда принимать участие в их походах. Это происходило между 1238 и 1240 гг. Вероятно, с этим временем следует связать женитьбу Бора-нуина, сына Чармагана, на дочери Гасан Джалала Рузукан.¹⁸⁷ А уже в 1243 г. Гасан Джалал с отрядом участвует в походе Бачу, занявшего место Чармагана, против румского султана Гияс-ад-дина Кай Хусрау III. К этому времени Гасан Джалал имел определенное влияние при монгольском главнокомандующем. Именно благодаря содействию Гасан Джалала послам киликийского царя Хе-

тума удалось представиться Бачу, жене Чармагана Эльтинахатун. Но это влиятельное положение Гасан Джалала не помогло ему избежать тяжелых притеснений со стороны Аргуна и Буги в 1246/1247 гг., что было связано с новой нормировкой податей.¹⁸⁸ Гасан Джалал, найдя себе покровителя в лице Сартака, сына золотоордынского хана Батые в 1251 г., отправляется к нему с изъявлением покорности. Сартак проводил Гасан Джалала к своему отцу Бату (стан-лагерь которого находился на берегу Каспийского моря), который вернул ему его наследственные владения – Чараберд, Акана и Каркар, а также объявил его правителем ряда новых земель. Гасан Джалалу удалось выхлопотать привилегии для албанского католикоса Нерсеса, обеспечив его имущество налоговым иммунитетом. В 1255–1260 гг. Гасан Джалал, скрываясь от гонений, травли Аргуна, вынужден был вторично отправиться к Бату, великому хану, на сей раз в далекую Монголию, в Каракорум. Великий хан вновь возвратил ему все его наследственные права–владения страной и «дал ему письменное заверение власти».¹⁸⁹

Гасан Джалал добился на 10 лет (1251–1261) сохранения независимости Хаченского княжества. Вскоре, по возвращении из монгольского стана, Гасан Джалал был заподозрен Аргуном в участии в антимонгольском восстании.¹⁹⁰ Гасан Джалала, «законного в кандалы под деревянным ярмом», отправили в Казвин на каторгу. Но в пути он был убит в 1261 г. Князем Хачена был назначен его сын Атабек, правивший до 1287 г.¹⁹¹

В тяжелых политических условиях, благодаря мудрой, гибкой политике, Гасан Джалалу удалось сохранить независимость своей страны – возрожденного албанского царства – Хаченско-Арцахского, части древней Албании. Ради сохранения целостности албанского этноса, Албанской Апостольской Автокефальной Церкви, албанских земель Арцаха-Карабаха, в отличие от всех армянских князей, преследующих только собственные интересы, Гасан Джалал мог поступиться и поступился многим. Чтобы уплатить чрезмерные подати монголам, он почти лишился своего имущества, неоднократно ездил в монгольский стан, участвовал в их войнах, оставался годами в монгольском стане и, наконец, стал жертвой их.

Как было отмечено, в персидских, армянских, гру-

зинских синхронных источниках, а также в эпиграфических надписях, Гасан Джалал наделен высокими титулами: «князь князей», «царственно-блистательный», «князь стран хаченских», «великий князь Хачена и Арцахских стран», «царь», «венценосец», «царь Албании», «великий окраинодержатель Албании». Сам Гасан Джалал титуловался царем, самодержцем. Самый пышный титул имеется в надписи 1240 г. в Гандзасарском соборе: «Я, смиренный раб Божий Джалал Хасан, сын Вахтанга, внук великого Хасана, природный самодержавный царь высокой и великой страны Арцахской, имеющей обширные пределы».

Правление Гасан Джалала можно считать албанским ренессансом – экономическим, политическим и культурным возрождением Албании. Этот ренессанс отразился в литературе, историко-литературной традиции, гражданском строительстве, архитектуре, в создании культовых сооружений. Как отмечалось в главе I, в это время создает свою «Историю» Киракос Гянджинский, творит видный деятель албанской культуры Мхитар Гош (XII–XIII), автор «Албанской хроники», знаменитого Судебника, агиографического сочинения «Мученичество Хосрова Гянджинского» и большого количества притч, басен. В «Албанской хронике», представляющей собой, по замыслу автора, продолжение истории, написанной Каланкатуйским, изложены события, происходившие в Албании в течение 1130–1162 гг., в период господства в Азербайджане Сельджукидов. Интересен сам заголовок списка «Список патриархов-албан, рукоположенных после владыки Елисея, который прибыл из Иерусалима». Опять же, даже в XII в. подчеркивается апостольское начало Албанской Церкви (после владыки Елисея), а также то, что истоки ее восходят к Иерусалиму.

Памятником албанской правовой науки большой значимости является «Судебник» Гоша, который он написал по настоянию албанского патриарха Степанноса III для позднего албанского населения Хачена (находящегося в окружении иноверцев-мусульман) сохранившего часть территории, частично возродившего свою государственность, сохранившего самосознание. По настоянию Гасан Джалала, стремящегося показать преемственность своей власти правлению албанских Михранидов, как уже отмечалось нами, была продолжена и дополнена «История албан» Моисея Ка-

ланкатуйского четырьмя новыми главами, в которых отражено правление Гасан Джалала, строительство Гандзасарского комплекса – одного из лучших творений христианской архитектуры средневекового Кавказа, шедевра албанской архитектуры, не имеющего, кстати, аналогов среди памятников армянской архитектуры. В Гандзасарский собор перемещается Албанская Церковь, албанский католикосат-патриаршество, после чего албанский католикосат назывался Гандзасарским и становится религиозным центром поздних албан до 1836 г. Очень важно, что сам Гасан Джалал назвал Гандзасарский собор «престольным собором Албании».

Итак, историческая албанская область Арцах-Хачен на протяжении всей истории вообще и в X–XIII вв. в частности, была важным политическим и культурным центром албанского христианского населения, которое, несмотря на превратности судьбы, сумело сохранить свое территориальное, политическое, конфессиональное единство и, что особенно важно, свое албанское самосознание и самоназвание.

§ 7. Албаны и Киликийское царство в XI – XIV вв.

Первое переселение албан в Малую Азию, на Балканы, в Киликию связано с павликианским движением VII–X вв., когда албаны, в качестве приверженцев, преследуемой на Кавказе (в Албании) секты павликиан бежали в Малую Азию и на Балканский полуостров, где они способствовали развитию богомилства, центром которого была Болгария. Как известно, на Кавказе религиозное павликианское движение* зародилось в Кавказской Албании – в ее областях Гард-

* Ересь павликиан появилась во второй половине VII в., основателем ее был Константин, родом из Сирии, воспитанный в гностико-манихейских воззрениях, остатки которых находили приверженцев на крайнем востоке еще в начале VII в. [есть данные, что в Албании]. На мнимо-апостольских началах Константин основал свою религиозную общину в противовес церкви со множеством обрядов и церемоний. Православные же всех последователей Константина, вследствие того, что они приурочили учение и устройство своей общины к апостолу Павлу, называли павликианами. Учение павликиан представляет собой смесь гностико-манихейских воззрений с неправильно понятым учением апостола Павла. В начале VIII в. павликианские общины распространялись по Востоку - в Малой Азии и далее на Востоке.

В XI–XII вв. на западе в разных его частях появилось множество сектантов, которых называли манихеями, булгарами, публиканами (павликаны) и проч. Полагают, что секта павликиан занесена на запад из Болгарии, где был центр богомилства. В основе вероучения павликиан и богомилов лежит манихейский дуализм. Т а л ь б е р г Н. История христианской церкви. М., Нью-Йорк. 1991, с. 185-187, 346.

мане, Байлакане (Баласакан – Пайтакаран) в начале VIII в., длилось в Албании по IX в. включительно. Павликианское движение официально было осуждено в Албании на двух албанских церковных соборах, состоявшихся в столице Барде (Партаве) в 706–707 гг., а также в 768 г. (*Каланкатуйский*, II, 7; III, 8,19).¹⁹²

Вторая эмиграционная волна албан в Малую Азию, в Киликию, в частности, связана с движением сельджукидов.

О заселении Киликии албанами, об албанах в Киликии сообщают Самуэл Анийский,¹⁹³ Смбат Спарамет,¹⁹⁴ историк Хетум,¹⁹⁵ Григор Патмич (Магакия)¹⁹⁶ – уроженец Албании, воспитанный в Утике, создавший свой труд в Акнерском монастыре в Киликии; Киракос Гандзакечи (Гянджинский),¹⁹⁷ Степаннос Сюнийский,¹⁹⁸ Нерсес Ламбронский¹⁹⁹ и, наконец, епископ Макар Бархударянц,²⁰⁰ т.е., в основном, все они, за исключением Самуэла Анеци, были албанского происхождения.

Эмиграционный процесс, охвативший албан, армян в XI–XII вв., был вызван нашествиями и завоевательной политикой сельджукидов и, в первую очередь, политикой Византийской империи для армян.

Что касается исторического Азербайджана, то, как известно, вначале огузы, а затем сельджуки совершают нападения на Южный Кавказ в начале XI в., а в 1038 г. они создают государство Огузов–Сельджукидов. В 1075 г. Сельджукиды ликвидировали важнейший Аррано-Нахчыванский эмират, управляемый курдской династией Шеддаидов, в составе которого находилось христианское албанское население со своими политическими образованиями в Сюнике и Арцахе – княжествами-царствами, управляемые потомками албанского Михранидского рода.

К власти в Гяндже, в качестве правителя Азербайджана (Южного) и Аррана (Северного), пришел сын Мелик шаха Мухаммад Тапар, ставший впоследствии (1105–1117) великим сельджукским султаном. А в 1136 г. иракский султан Масуд передал страну Арран в качестве икта Шамседдину Ильденизу, опекун-атабеку своего несовершеннолетнего племянника Арслан-шаха. Шамседдин Ильдениз вскоре подчинил себе весь Азербайджан.²⁰¹

В этих условиях в 1073 г. под давлением сельджукидов часть албанских князей покидает пределы Албании, направляется в Киликию на поселение. Это был владетель – гянджинский

князь Авшин-Ошин, который «оставил в округе Гандзак свое родовое владение Майреацджур и вместе со своей дружиной – азатами переселился в Киликию, как сообщает Самуэл Анийский.²⁰² Вместе с ним покинула Албанию группа хаченских феодалов со своей дружиной, а также сюнйский феодал Гох Васил и др.²⁰³

Имеются еще дополнительные сведения об Авшине-Ошине, что он покинул Албанию именно после нашествия эмира Бугака или Бузана на Гянджу, который совершил это по приказу Мелик-шаха. Когда Гянджа была осаждена (1088 г.), Ошин взял с собой брата своего h`Алкама, мать и жену, с азатами, со всем своим имуществом и отправился в Киликию. Там он завладел крепостью Ламброн. Относительно Ламброна существуют две версии. Ошин-Авшин женился на дочери Абелхариба Арцруни и получил от своего тестя крепость Ламброн и одноименный округ, которые стали наследственным владением Ошинидов. А согласно другой версии, Ошин получил горную область Ламброн от Византии.²⁰⁴ Ламбронские князья долго господствовали в Ламбронне и его округе независимо от киликийских царей-князей. Остальная часть христианского албанского населения продолжала оставаться на исторической родине – в Арцахе, Утике, Сюнике – в Арране, а также на левом берегу Куры, в Шеки, пытаясь приспособиться в местных условиях к новым правителям – Сельджукидам-Атабекам. Правители Хаченского царства-княжества были в поисках путей выживания.

Что же касается армянского населения, то положение его усугублялось как сельджукским завоеванием, так и стабильной исторической зависимостью их политических образований от Византийской империи, для которой Армения всегда была ее провинцией. Накануне сельджукских походов Византия уничтожила политическую самостоятельность небольших, вновь образовавшихся царств-княжеств: Васпураканского княжества (1022 г.), Анийского (1045 г.) и Карского царств (1065 г.). Византийский император Василий II Болгаробойца (976–1025) стал проводить переселенческую политику армян в западную часть Малой Азии. Как сообщает Михаил Сириец, «Император Василий захватил у армян страну царя Сенекерима [Васпуракан. – Ф.М.] и дал ему Себастию, Каппадокию ...Армяне отсюда распространились по Каппадокии, в Киликию, Сирию».²⁰⁵ Об этом пишет и Фома Арц-

руни.²⁰⁶

Переселенческая политика армян на запад в Каппадокию, Киликию была вызвана не только насильственной переселенческой политикой Византии и сельджукскими нашествиями, но и желанием самой армянской феодальной знати благоустроиться, получить титулы, должности, земельные угодья у византийского императора. Я вынуждена повториться, ибо об этом частично было изложено в главе I, при освещении политической ситуации, объясняющей застой в армянской литературе XII–XIV вв. Это желание армянских феодалов четко прослеживается по армянским источникам. Как сообщает Аристакес Ластивертци, даже представитель рода Пахлавуни (т.е. из потомков рода Григория Просветителя) Григорий, политический и военный деятель, поспешил переселиться на безопасную территорию Византийской империи еще до падения Анийского царства, в 1044 г., когда он передал византийскому царю Константину Мономаху ключи крепости Бджни и свое родовое владение, взамен чего получил территорию Месопотамии и титул магистра и дука Месопотамии, Васпуракана, Тарона, Маназкерта на вечные времена, из рода в род вместе с грамотой и золотым перстнем.²⁰⁷ Армянский католикос Петрос (1019–1058) давно рассчитывал найти у Византии защиту от сельджуков. С этой целью он дважды ездил в Константинополь – в 1022 г. и 1033 г. Армянский царь h'Ованнес-Смбат и некоторые армянские вельможи были против передачи Анийского царства Византии. Петрос был осужден и даже посажен в темницу. В 1033 г. в Ани армяне созвали собор **под представительством албанского католикоса h'Овсена**, на котором Петрос был оправдан и освобожден. И, тем не менее, патриарх армянской церкви Петрос за большое вознаграждение, драгоценности и сановное достоинство от византийского императора Константина Мономаха, поспешил выдать ему столицу Ани и прочие крепости армянской страны.

По словам Вардана Аревелци, «царь Карса, сын Абаса, страшась турок, передал свое родовое владение грекам и получил Цамндав, Ларису, Амасию, Коману и сто селений». ²⁰⁸

В рассматриваемых данных мы усматриваем постоянную заботу армянской феодальной знати о собственных интересах, что всегда ставилось выше интересов страны, сохранения единства

страны, проявляемые ими издревле, что и являлось постоянной причиной потери государственности, причиной эмиграции. Эту особенность армянской знати первым узрел и отметил с болью «отец» армянской истории Моисей Хоренский в VIII в., который заканчивает свою «Историю» главой «Плач по армянскому народу», где ставит в укор армянским нахарарам эту особенность и видит в этом главную причину потери государственности.

Даже в историографии отмечалась эта особенность армян. Прокурор Эчмиадзинского Синода А.Френкель писал об этом в начале XX в.: «Исторические судьбы армянского народа доказали с неопровержимой точностью полную неспособность этого народа к образованию самостоятельного государства, государственного организма».²⁰⁹ Кеворк Аслан отмечал также в своих книгах, что армяне не имели чувства национального - этнического единства и не были связаны политически между собой.²¹⁰

Как сообщает Аристакес Ластивертци, в 1048 г. сельджуки вторглись через Васпуракан в центральные области Армении, в Басен, Карин, во все четыре стороны, дойдя на западе до крепости Спера и Тайка, на юго-западе до Тарона, округа Хаштенк и лесов Хордзена.²¹¹ В 1065 г. Сельджукиды взяли Ани.

В Киликии ко времени эмиграции армян и албан проживали франки, сирийцы, турки (мусульманское население вообще), евреи, итальянцы, курды, греки.

Авшин-Ошин, прибыв в Киликию в 1073 или 1088 г., заложил основу царствующему в будущем в Киликии роду Хетумидов (или Этумидов – Гетумидов), которые царствовали с 1226 г. по 1342 г. И Авшин-Ошин, и его преемники были верными вассалами Византии, вели византийскую политику, рассчитывая с ее помощью создать свое правление в Киликии. Ламброн был центром одноименной области и замком княжеского рода Авшинидов-Ошинидов (в будущем Хетумидов).

Спустя некоторое время, сын князя Авшина-Ошина, князь Хетум (1110–1143) после смерти отца объявил княжество Ламброн самостоятельным княжеством Хетумидов. Князь Хетум еще при жизни отца состоял на службе в Византии и за военные заслуги получил от императора Алексея I Комнина (1081–1118) титул себаста. Постепенно усиливая свою власть, Хетум вскоре овладел рядом городов в Киликии: Тарсом, Папероном и др. Таким

образом, если Рубениды овладели горной Киликией, то Хетумиды, бывшие вассалы Византии, овладели равнинной Киликией.²¹²

Опираясь на неприступность Ламброна, а также на союз с Византией, Хетумиды более века боролись против армянской династии Рубенидов, стоящих во главе Киликийского государства. Паперон был родовым замком родственного Ошинидам княжеского рода-дома, а Гуглаг – сильной крепостью, охранявшей вход в одноименный горный проход.²¹³ Приморский город Корикос был хорошо укреплен стенами и башнями.²¹⁴ В конце XIII в. Корикос принадлежал одному из родственников династии Хетумидов – историку Хетуму, укрепившему его и построившему морскую крепость на одноименном острове, расположенном около порта.²¹⁵

Борьба между Рубенидами и Авшинидами-Ошинидами продолжалась весь XII в. Посредником между двумя сторонами выступил брат Григория Пахлавуни – Нерсес Благодатный, вскоре ставший католикосом, который примирил Авшина-Ошина и Тороса Рубенида. На дочери Тороса Рубенида женился сын Авшина-Ошина Хетум. Так два враждебных рода породнились. Но борьба между Рубенидами и ламбронскими князьями Авшинидами еще долго продолжалась в Киликии. В 1226 г. князь Константин Пайл из рода ламбронских князей Ошинидов, будучи регентом Киликийского государства во время малолетства дочери киликийского царя Левона II (Рубенида) Изабеллы, совершил государственный переворот, насильно обвенчав ее со своим сыном Хетумом, в результате чего установилась власть Хетумидов (1226–1342).²¹⁶ Киракос Гандзакети сообщает: «Великий князь – ишхан Константин взял царскую власть, передал своему сыну h`Етуму, а все заботы государственные принял на себя. Он установил мудрые порядки: часть подчинил добром, а не подчинившихся уничтожил; некоторых изгнал, а других умертвил. **Он заключил союз и дружбу ...с окружающими народами и обеспечил мир стране.** Старшего сына своего Смбата он назначил спарпетом, а другого ишханом государства; и обеспечил он все монастыри страны, удовлетворив их потребности с тем, чтобы они предавались исключительно молитвам и службе церковной».²¹⁷ Именно в это смутное время церковные службы и были забыты.

Представители рода Хетумидов как во время правления

этой династии, так и до нее, в период Рубенидов, активно участвовали в управлении Киликийским государством. Так, сам Константин Пайл во времена Рубенидов занимал должность главнокомандующего страны, Нерсес Ламбронский – правнук первого Авшина-Ошина, сын Авшина-Ошина II и Шахандухт из рода Григория Пахлавуня был крупнейшим общественным и церковным деятелем Киликии. В 22 года он стал архиепископом Ламброна и Тарса в Киликии. Нерсес Ламбронский был широко образован, знал языки и возглавлял внешнюю политику Рубенидов, активно боролся за сближение, соединение Армянской и Албанской Церквей с Византийско-греческой. По этому поводу он произнес блестящую речь на церковном соборе в Ромкале в 1179 г.

На этом соборе, состоявшемся при армянском католикосе Григории IV по вопросу о присоединении восточной церкви к западной присутствовал и глава Албанской Автокефальной Апостольской Церкви, католикос Тер Степаннос III. Смерть императора Эммануила Комнена помешала осуществлению постановления этого собора о соединении упомянутых церквей. Нерсес Ламбронский подвергался обвинениям в измене интересам церкви со стороны восточно-армянского и албанского духовенства.²¹⁸

Далее (впоследствии) Нерсес Ламбронский придерживался политики сближения с папством и распространения в Киликии католичества, что также вызвало недовольство восточно-армянской церкви.²¹⁹ Нерсес Ламбронский не делал различия между толками – направлениями в христианстве, вероисповеданиями христианской религии, т.е. между монофизитством, православием, католичеством. Он стремился к единению всех христиан. Нерсес Ламбронский в своей церковно-конфессиональной политике придерживался высокого церковного идеала единения всех христиан независимо от этнических особенностей. Эти идеи нашли свое воплощение еще в грекофильской редакции «Жития св. Григория», а так же в халкидонидской редакции Агафангела.

В грекофильской редакции «Жития св. Григория» воплощена идея объединения восточных христианских народов их общим рождением во Христе трудами одного Пророка и при покровительстве одной великой христианской державы – Римской Византийской Империи. Св. Григорий, согласно его «Житию»

получил и воспитание, и образование, и рукоположение от греческой Кесарийской Церкви.

Халкидонитская редакция Агафангела также усматривает высокий церковный идеал – веру в братство христианских народов и их духовное процветание вне национальных особенностей – унаследованный от предшествующей грекофильской редакции.²²⁰ Нерсес Ламбронский оставил большое литературное и церковное наследие, но издана лишь часть их.

Сын Константина Пайла Смбат Спарапет, как было отмечено (в главе I), активно участвовал во внешней политике Киликии, был выдающимся полководцем, дипломатом, правоведом. Смбат положил начало дружбе между Киликийским государством и могущественной в то время империей монголов. Смбат Спарапет и его отец Константин вели переговоры с монголами в 1243 г. с Бачу-нуином в Кессарии, в 1247 г. в Каракоруме с Гуюк-ханом. В результате было достигнуто соглашение о том, что Киликийское государство обязывалось снабжать монгольскую армию продовольствием и войском, а монгольская сторона обещала сохранить суверенитет Киликии и оказать вооруженную помощь, если Киликийское государство подвергнется нападению.²²¹ Смбат автор исторической «Хроники» – «Летописи», «Судебника» и краткой «Памятной записи». Этот список известных деятелей Хетумидов можно было бы еще пополнить. Авшин-Ошин, брат Смбата сделался владельцем приморской крепости и порта Корикос, младший брат – Левон – впоследствии стал маршалом, другой брат-Барсег был архиепископом Сиса, другие же родственники Хетумидов стали настоятелями монастырей, епископами.²²²

Период правления Хетумидов известен бурным расцветом страны – Киликии. Они очистили государственный аппарат, укрепив его, укрепили обороноспособность страны, наладили отношения с соседними государствами, заключили мир с сельджукскими и халебским султанами, с орденом госпитальеров, созданным крестоносцами в Малой Азии и Киликии, и, наконец, с монголами.

Подъем – ренессанс Киликийского царства наблюдается как в общественно-политической, экономической, так и культурной жизни страны в XII–XIII вв., что наступает после упадка,

кризиса, связанного с сельджукскими завоеваниями.

Период албанского ренессанса прослеживается как в отдаленной Киликии, так и на исторической родине албан – в Хаченском Албанском царстве, о чем будет изложено ниже.

Что касается Киликии, албанский ренессанс проявляется в попытке создания для населения Киликии светского Судебника. Попытки составления правового документа Судебника были нелегкими. Вначале было поручено Нерсесу Ламбронскому перевести для киликийского населения Сиро-ромейский судебник, полученный от сирийского священника Феодосия.²²³ Вероятно, предпочтение отдавалось этому сборнику из-за монофизитской направленности. Этот сборник оказался неприемлемым. Нерсес Ламбронский сам перевел с греческого языка сборники законов: «Законы христианских царей – победоносных Константина, Феодосия и Льва», «Новое краткое собрание законов», «Законы и писания Моисеевы из книги «Исход»», «Законы, выписанные из книги «Левит»». Однако эти законы не смогли удовлетворить потребности киликийского христианского населения и поэтому не получили популярности в Киликийском государстве.²²⁴ Потом (как было сказано в главе I) Смбату Спарапету специально было поручено перевести «Ассизы Антиохии» (судебника Антиохийского) со старофранцузского, которые также оказались неприемлемыми.²²⁵

Заслуживает внимания факт, что Хетумиды, пытаясь использовать в Киликии судебники соседних государств – Антиохии, Византии и, убедившись в их неприемлемости, вынуждены были, наконец, обратить свой взор к далекой Албании, албанскому «Судебнику» Мхитара Гоша, который стал применяться в Киликии до составления более полного судебника Смбата Спарапета.²²⁶ Смбат Спарапет обратился к двум албанским судебникам: «Судебнику» Мхитара Гоша, созданному в Албании в 1184 г. и небольшому сборнику канонов Давида, сына Алавика из Гянджи, и путем переработки этих канонов и на основе других источников и законов с применением их к условиям Киликии и составил свой судебник, именуемый «Судебник Смбата Спарапета (Гундстабля)» в 1265 г.,²²⁷ который стал использоваться в Киликийском царстве.

«Он (Смбат Спарапет) составил первый в Киликии... судеб-

ник, применявшийся не только при жизни автора, но и в более поздние века». ²²⁸

Достоин внимания немаловажный факт, что при наличии армянского свода канонов Одзнеци - Канонагирка, составленного им еще в VIII в. исключительно для армянского населения, которым (как было сказано в главе I) активно пользовались армяне до XX в., почему-то этот Канонагирк остался вне поля зрения Хетумидов вообще, Смбата Спарапета, в частности. Судебники, которые стали источниками для законника Киликийского царства, все были составлены албанцами из г. Гянджи: Давидом, сыном Алавика, ²²⁹ Мхитаром Гошем и, наконец, самим Смбатом Спарапетом, который был родом из гянджинских албан. На наш взгляд, это свидетельствует о бесспорном проживании на территории Киликийского царства немалого албанского населения, которое было господствующим в указанный период, если не в количественном, то в политическом смысле. Таким образом, Судебник Смбата Спарапета, составленный на основе албанских законов, канонов, должен был обслуживать нужды албанского христианского населения, к чему должны были приспособить и остальное христианское население.

Теперь становится понятным, когда и почему албанские каноны Агуэнского собора V в. были включены в состав «Армянской книги канонов» – Канонагирка Одзнеци. Ведь Одзнеци в VIII в. в свой Канонагирк не включил албанские каноны V–VII вв., ибо не считал, по праву, их армянскими. А древнейшая сохранившаяся армянская рукопись Канонагирка была переписана в Киликии в 1098 г. И именно в этой армянской рукописи Канонагирка присутствуют переведенные с албанского языка на армянский албанские каноны Агуэнского собора V в. ²³⁰ Именно в Киликии шел процесс албано-армянской интеграции.

Не исключено, что именно с приходом в Киликию албанских Ошинидов-Хетумидов, в период их господства в стране в XIII–XIV вв. и было положено самими Хетумидами и Армянской Церковью начало перевода на армянский язык творений албанских авторов, а в последующие столетия это превратилось Армянской Церковью в политику полного аннексирования албанской историко-литературной традиции.

Политика космополитизма Хетумидов – торжество «миро-

вого христианства», отвергающего самостоятельное политическое существование, самобытность этносов – была очень на руку Армянской Церкви по отношению к другим этносам, и, в частности, к албанскому этносу. Такую политику в перспективе и стала вынашивать Армянская Церковь, особенно после перемещения ее в Эчмиадзин в 1441 г. Здесь важно другое – каковы были политические и конфессиональные реалии албан и Албанской Церкви? Были ли они готовы к этому?!

Как показывает наше исследование, дальнейшая судьба албан на своей исторической родине с XIV по XIX вв., полностью опровергает вынашиваемую веками Армянской Церковью концепцию трансформации албанского культурного наследия в армянское. Иначе, в противном случае Армянская Эчмиадзинская Церковь не рассчитывала бы и не прибегла бы к мощи Царской России.

Теперь необходимо рассмотреть предпосылки создания «Судебника» Смбата Спарапета и предпосылки создания «Судебника» Мхитара Гоша. Предпосылки создания «Судебника» Гоша частично рассмотрены нами в I главе. Насколько эти предпосылки, сложившиеся в разных странах географически сильно отдаленных, одна – на западе Малой Азии (в Киликии), а другая на Кавказе (в Албании) – в Албании и в Киликии аналогичны?

Вначале бросим исторический взгляд на христианское албанское население Аррана (Гянджи, Утика, Хачена, Сюника). Деэтнизированная часть албанского населения, принявшая ислам, пользовалась мусульманским правом - шариатом, а оставшееся албанское христианское население было лишено своего юридического документа, который регулировал бы все стороны их жизни. Как явствует из сообщения Давида, сына Алавика Гандзакского (Алавкаворди): «...и прочие пребольшие пороки, которыми заполонили страну Албанскую... разгорелось и распространилось оно среди жителей гор и равнин...».²³¹ О страшном упадке нравов среди христиан - албан, отклонении от христианского вероисповедания свидетельствует и «Житие-мученичество Хосрова Гандзакского» Мхитара Гоша. Ощущалась острая нужда в наличии, создании канонов, правового акта, регулирующих все стороны жизни албанского общества, который поднял бы пошатнувшийся авторитет церкви, защитил бы христианское духовен-

ство от мусульман, упрекавших христиан в отсутствии своих законов. Это и послужило причиной создания канонов Давида Алавкаворди, которые оказались недостаточно приемлемыми, что, наконец, стало причиной создания «Судебника» Мхитара Гоша, что было исторической необходимостью для албанского населения.

Что же касается выявления предпосылок создания «Судебника Смбата Спарапета», то они четко высвечиваются из сообщения Нерсеса Ламбронского, который пишет в 1193 г.: «... в 642 г. армянского летоисчисления (1193 г.) на имя патриаршества поступила просьба от жителей городов и округов (христиан) дать им законы гражданские, ибо князья и судьи из исмаильтян-магометан, не рассматривали судебных дел христиан, искавших у них правосудия, они посылали на их же суд, ибо был таков приказ оставить немусульман судиться по своим законам».²³² Следовательно, общей предпосылкой для христианского населения, как Киликии, так и албанского населения Аррана, было отсутствие у них христианских законов, что служило причиной упреков мусульманского духовенства.

Возвращаясь к подъему-ренессансу в Киликийском государстве, необходимо отметить развитие отраслей науки, написание – создание историй, хроник, воссоздающих историю как Киликийского государства XI–XIV вв., так и Албанского царства IX–XIV вв. и Восточной Армении IX–XI вв.

В «Летописи» Смбата Спарапета излагаются отдельные исторические события, имеющие место на территории Восточной Армении, Византии, Албании, Грузии, Киликии и т.д. Большой интерес представляет первая страница «Летописи», где, как было сказано (в главе I), сообщается о начале правления в Армении Гагика из рода Багратидов, сына Ашота. Смбат сообщает, что в 961 г. армянский патриарх и все князья Гагика «возымели желание отправить гонцов к албанскому католикосу Тер-Ованнесу и к албанскому царю Филиппе, чтобы пригласить их на коронацию царя Гагика. Те прибыли вместе с 40 епископами и множеством князей и единодушно короновали Гагика армянским царем. Ибо хотя он был наделен властью, но не имел царской короны на голове».

Об этом же пишет Маттеос Урхаеци в 410 г. арм. летоис-

числениия, т.е. в 961 г. «для помазания на царство Гагика, сына Ашота, были приглашены католикос Албании владыка Ованнес и сорок епископов его... царь Албании Филиппосе, муж боголюбивый и святой, сын Гогакзака и внук Вачагана, что были царями в стране Албанской». И далее Маттеос Урхаеци продолжает, что их проводили: «царя Филиппоса, католикоса Ованнеса... в страну Албанскую, где находился престол апостолов Фаддея и Варфоломея – «Таддэоса Бардугимэоса...».²³³ Этот отрывок подчеркивает, что легитимность Гагика в качестве армянского царя может быть признана обязательно в присутствии какого-либо царя, в данном случае это выпало на долю албанского царя. Ведь, как известно, армянское царство было упразднено фактически в IV в., а юридически в начале V века, т.е. в течение четырех столетий не было политического государства. А как известно, албанское государство просуществовало с IV в. до н.э. до начала VIII в., а потом было вновь возрождено с IX по XV вв.

Летопись, историю, историческую традицию воссоздают в это время как Смбат Спарапет, так и историк Хетум, известный как Хетум Патмич (историк), племянник Смбата Спарапета, двоюродный брат царя Левона IV Хетумида, о котором было изложено в главе I. Историк Хетум активно участвовал в событиях конца XIII в. на Ближнем Востоке, в период острого соперничества за политическую гегемонию в Передней Азии между египетским султаном и монголами. Историк Хетум – политик Киликийского государства придерживался союза хулагуидских монголов Ирана, папства и европейских государств против Египта за отвоение Сирии и Палестины. Такая политика, по мнению Хетума – историка, гарантировала бы Киликийскому государству известную самостоятельность.

Труд историка Хетума – «Ветроград историй стран Востока», написанный на старофранцузском языке, переведенный на латинский в 1307 г., итальянский, английский, испанский, голландский, немецкий (в XV–XIX вв.), и только в 1842 г. [?!] был сделан армянский перевод под названием «Хетум – историк татар».

Структурно труд Хетума состоит из четырех частей. I часть освещает географию и этнологию 14 регионов и королевств-царств Центральной, Восточной Азии и Кавказа, от Армении, Грузии и Сирии до Китая и Индии.²³⁴ Для нас представляет осо-

бый интерес именно эта первая часть, где непременно должны были быть сведения также об албанах, тем более, что именно историк Хетум в книге I, главе IX, сообщает, что в XIV в. пользуются албанским письмом.²³⁵ Но, к большому сожалению, почти все, кто исследовал «Летопись» Хетума, ничего не сообщают об албанах, за исключением Бернара Утье.²³⁶

Что же касается албанского ренессанса указанного периода (XII–XIII вв.), то поздние албаны, будучи неотъемлемой частью последующих азербайджанских государств, как и в предшествующие века, после падения Албанского царства создали – возродили в Сюнике, Шаки, Арцахе в IX–XIII вв. албанские царства, правители которых были выходцами из рода великих албанских князей Михранидов. Таким образом, налицо генетическая связь и преемственность албанских правителей. Это был Гасан – Джалаловский род, который царствовал до XV в. включительно. Отмеченный период, как уже упоминалось, был периодом албанского ренессанса, который отразился в возрождении албанской историко-культурной традиции, в появлении новых албанских источников – «Албанской хроники» Мхитара Гоша, представляющей собой попытку продолжить хронологически «Историю албан» Моисея Каланкатуйского; а также «Истории» Киракоса (Гандзакеци), «Всеобщей истории Вардана Албанского-Аревелци, и др. (см. гл. I).²³⁷

Как в период создания Киликийского царства, так и в период ренессанса, Хетумиды Киликии поддерживали тесную, живую связь с Хаченским Албанским царством, с Гасан Джалалами, с поздними албанами Аррана, Сюника. Об этом свидетельствуют родственные династические браки между Хетумидами и Гасан-Джалаловским родом: в 1287 г. Авшин-Ошин, сын Авшина, брата Киликийского царя Хетума, дяди царя Леона, упоминает о своей матери, которая была дочерью «великого, доблестного, мудрого богоносного Джалала». И.А.Орбели считает, что в данном отрывке речь идет о Джалале Давла, и что брак мог быть заключен в 1243 г.²³⁸ О связях Хетумидов с албанами свидетельствует тесное общение – посещения Киликии Мхитаром Гошем, Степанносом Орбеляном, которого в Киликии посвятили в сан митрополита Сюника и удостоили почестями самого царя Леона III Хетумида.²³⁹ Об этих связях свидетельствует также исключитель-

ная осведомленность киликийского историка из рода Хетумидов – Хетума Патмича, сообщающего, в отличие от всех армянских источников, что в XIV в. албанским письмом еще пользовалась часть албан.²⁴⁰ Очевидно, речь идет об албанах, живущих в исторической Албании, а под другой частью, видимо, следует подразумевать киликийских албан. О связях Хетумидов со своей исторической родиной – Арраном, Сюником, Хаченом свидетельствуют три евангелия, написанные в XIII в. при Хетумидах, что следует из памятных записей этих евангелий. «Написано же сие святое евангелие в области государства Киликийского Етума II благочестивого в горестное время, в котором мы потеряли патриаршей престол со всеми святыми и патриарха с народом. Написано же сие святое евангелие в славном святом монастыре по названию Дразарк под сенью пресвятой Богородицы». Другое евангелие: «Ныне писано сие писание рукой священника Степанноса в 732 (1283 г.) в патриаршество владыки Акопа и в царствование Левона сына Хетума в славной святой обители Скевра под покровительством св. Спасителя и матери св. Богородицы, в неприступном замке Ламб на берегу Тарсона, у подножия горы Тавра, в том году, когда славный и благочестивый сын нашего государя Хетум принял звание всадника и ныне владеет сим замком и прочими окрестными областями». Первое из евангелий было написано при Хетуме II Благочестивом в монастыре Дразарк в Киликии, откуда в XVIII в. оно попало в Сюник, а затем вместе с его переселенцами – в Джраберт (Арцах). В XIX в., по свидетельству епископа М.Бархударянца, это евангелие использовалось албанами в церкви св. Богородицы в селе Ханацах Хаченского округа.²⁴¹ Монастырь Дразарк, где было написано евангелие Хетума II, был одним из крупнейших в Киликии, был центром епископства и усыпальницей киликийских царей.²⁴² Второе евангелие было написано при царе Левоне, сыне Хетума II, в 1283 г. «в святой обители Скевра» вблизи наследственной крепости Хетумидов, Ламбронне, а получило оно завершение в патриаршество албанского владыки Петроса в 1663 г. По сведениям того же епископа М.Бархударянца, это евангелие использовалось до конца XIX в. в Соборной албанской церкви св. Иоанна Крестителя в Гяндже, построенной при албанском католикосе Ованнесе в 1633 г.²⁴³ Совершенно очевидно, что евангелия Хетумидов

попали в Албанию – в Сюник, Хачен, Гянджу не случайно. В той же Соборной церкви св. Иоанна Крестителя, в конце XIX в. находилось еще одно евангелие, колофон которого гласил: «И написано сие святозарное евангелие от начала сотворения святоносного времени до наших дней в ските Дразарк, завершено это исполнению в 744 (1295) г., уповая, просим мать св. Богородицу о милосердии к нам, ко всему свету, к христианским царям и благочестивому царю Хетуму, который нес бремя всяких деяний доблестных подобно святым царям...».

О связях Хетумидов с исторической родиной – Албанией свидетельствуют и албанские топонимы Аррана, которые появились в Киликии – Кафан - Капан, Хатчин - Хачен.

Таким образом, культура Киликии в период Хетумидов развивалась в тесном контакте с культурной и общественной жизнью Арана – Албании. Становится понятным и объяснимым, почему албанский историк Киракос Гянджинский живо интересовался и описывал историю Хетумидов и текущие политические события Киликии. Киракос Гянджинский, пытаясь датировать события путем синхронизации, аналогично обращается к событиям Киликии, Албании: «то, что описано здесь, было при благочестивом ...царе страны Киликийской h`Этуме, при брате его храбром спарапете Смбае, при отце его великом Ишхане Константине, при католикосе св. престола Григория, Константине, восседавшем в Рум-Кале... и при католикосе албанском смиренном и человеколюбивом Тер-Нерсесе, который в то время восседал в монастыре Хамшы».²⁴⁴ Хетумиды поддерживали связь с исторической родиной.

Тесные политические взаимоотношения между Хетумидами и хаченским албанским царем Гасан Джалалом и правителем Сюника Степанносом Орбеляном четко прослеживаются во время монгольского нашествия, когда правитель Хачена и по его совету правители Киликии Хетумиды, а также правитель Сюника, в целях сохранения единства страны, сохранения албанского христианского населения от грабежа и разрушения находят общий язык с правителями монголов, отправляясь неоднократно в стан монгольского правителя с большими дарами, признавая вассальную зависимость, заключив с ними мирные договоры, союзы и оставаясь им верными союзниками. До этого не додумался ни

один армянский князь, который, заботясь о собственных интересах, оставлял свое княжество, армянское население и свои армянские церкви, и переселялся на запад.

Рассмотрим сведения источников по данному тезису. Когда монгольские завоеватели подошли к границам Киликии, правители Киликии поспешили отправить своих послов к главнокомандующему монгольскими войсками Бачу-нуину, заключить с ним мир. Хетум решил признать суверенитет монголов и сохранить с ними мир и дружбу, и с этой целью он отправил в 1243/1244 г. посольство к монгольскому полководцу Бачу. Киракос Гянджинский пишет: «Хетум, царь Киликии и сопредельных стран, увидев, что сельджукский султан побежден татарами-монголами, послал к ним послов с достойными дарами и предложил заключить с ними союз дружбы, одновременно извещая о своем подчинении им. Послы прибыли в их главную ставку и через посредство-содействие князя Джалала предстали перед Бачу-нуином и перед женой Чармагана Эльтина-хатун, а также перед остальными вельможами».²⁴⁵ Монголы установили дружбу с царем и дали согласно своему ясаку грамоту, называемую «эль-тамга».²⁴⁶ Успешности переговоров послов царя Хетума содействовал албанский князь Гасан Джалал, который сам поступил подобным образом и в данном случае участвовал в походе монголов на малоазийских турок и приобрел значительное влияние при монгольском военачальнике.²⁴⁷ Дипломатическая миссия Гасан Джалала была продиктована его дальновидной политикой, его неустанной заботой о сохранении целостности своей страны. Как было отмечено, при первом нашествии монголов он засел с жителями своей области в крепости Хоханаберт (в Арцахе), которая была осаждена монголами. Не сумев ее взять, татары первыми вступили с ним в переговоры, предложили ему дружбу и мир. Гасан Джалал с богатыми дарами спустился к ним и был принят с почетом. Они ему вручили страну с некоторыми еще прибавлениями и ему было предписано всегда принимать участие в их походах.²⁴⁸ Гасан Джалал оказался очень предусмотрительным и умным политиком. Предвидя бесконечные поборы, он сделал всякие приготовления, чтобы принимать частых монгольских гонцов, и в изобилии снабжая их всем, избавил от тяготы своих подданных. Это было между 1238 и 1240 гг. В 1243 г., как отмеча-

лось, мы встречаем Гасана Джалала с его отрядом в походе Бачу против румского султана Гиас-ад-Дина Кай Хусроу III. К этому времени Гасан Джалал успел заслужить доверие и приобрести некоторое влияние при монгольском главнокомандующем.²⁴⁹ И потому, благодаря содействию и личному участию Гасан Джалала, послам Хетума удалось представиться Бачу, жене Чармагана Эльтина – хатун и другим влиятельным татарам.²⁵⁰ Заслуживает внимания сообщение Киракоса Гянджинского о сложившихся взаимоотношениях Гасан Джалала с монголами, по поводу которых он говорит: «...но с другими странами они (монголы) так не поступали, и куда прибывали, везде приносили гнет и притеснения».²⁵¹ Владелец Сюника Степаннос Орбелян, следуя примеру Гасан Джалала, Хетумидов, отправился в стан к монголам в 1258 г. и сумел приобрести расположение и доверие их,²⁵² став их вассалом. И Гасан Джалал и Степаннос Орбелян, и Хетумиды в своей внешней политике с монголами остались верными политике албанских правителей (Аршакидских царей и Михранидов), которые в самых тяжелых условиях, пытаясь сохранить целостность страны, сохранить единство албанского народа, вели гибкую политику, ориентируясь на сильного противника, спешили стать их вассалами. Эта политика всегда оправдывалась. Хетумиды вынуждены были еще дважды посещать стан монголов. Как было отмечено, по сообщению историка Хетума (Патмича), в 1247/1248 г. царь Хетум послал к Гуюку, великому хану, сперва Смбага Спарапета с дарами и приношениями. Смбат получил от хана ярлык и пайдзу – золотую дощечку с признанием монголами власти Хетума над Киликией.²⁵³ И третью поездку в стан монголов в Каракорум предпринял сам Хетум I в 1254 г. «Он отправился через страну Албанскую и через ворота Дербенда, т.е. пахака Джора к Бату и его сыну Сартаку» (*Киракос Гандзакецци*, с. 185), в результате чего был заключен договор между Хетумом и монголами, Менгуханом (из 7 пунктов), основным положением которого было, чтобы во всех завоеванных татарами странах христианские церкви, священники, христианское население были освобождены от налогов. Армянские переводы «Истории» Хетума неверно передали третий пункт договора, согласно которому, по их мнению, будто бы речь шла об освобождении монголами только армян от всех податей и повин-

ностей, в то время как в договоре на старофранцузском сказано об освобождении от податей и повинностей вообще всех христианских церквей и монастырей.²⁵⁴ Об этом же сообщает Киракос Гандзакечи: «Мангу хан выдал грамоту также о свободе церквей повсеместно (от обложения)».²⁵⁵

Историк Хетум изложил политическую программу Хетума I («в семи просьбах его перед Мангу-ханом»), решившегося стать вассалом великого хана, чтобы обезопасить Киликию от монгольского нашествия и выговорить для нее известные территориальные и материальные выгоды. Союз с монголами и европейскими странами вначале был успешным: монголы в 1258 г. разрушили халифат, завоевали Иран. Но в конце XIII в., ввиду изменившихся общественных условий Европы, поскольку исчезли предпосылки для возобновления крестовых походов и поскольку империя Хулагуидов переживала распад, вынужденная политика Хетума I потерпела крах. Ориентация Киликии на Папу и католический Запад без надежд на помощь Европы оказалась губительной для Киликии.

Вышеизложенное свидетельствует, что албаны – носители мощного этнокультурного албанского наследия были соиздателями этой культуры не только на своей исторической родине – в Кавказской Албании, но и далеко за ее пределами, поиски которых и выявление которых должны продолжаться. Как известно, Киликийское царство освещено по сей день в историографии как армянское, созданное только армянами и армянскими правителями, армянской династией. Наши исследования свидетельствуют о неправомерности подобной постановки вопроса и подобного его решения. Албанский фактор совершенно игнорировался.

Парадоксальным выглядят признания А.Ш.Мнацаканяна, утверждающего: «...мы должны отметить, что недопустимы попытки отчуждать эту часть армянской литературы [Давида Алавика, Мхитара Гоша, Вардана Аривелци, Ованнеса Ванакана, Киракоса Гандзакечи – Ф.М.], являющий собой красноречивое свидетельство духовного наследия *Восточного края Армении*, тем более, что по своему пышному расцвету она была как бы *двойником стремительно развивавшейся литературы киликийских армян*. В силу исторических причин именно этим

двум крупным очагам культуры и суждено было возглавить духовное развитие армянского народа [?!] в XII–XIII вв.».²⁵⁶ Комментарии излишни.

На основе наших изысканий становятся совершенно понятными причина и следствие переезда Армянского католикосата в 1441 г. из Киликии в Эчмиадзин, т.е. на Кавказ, где опять же продолжали бесменно существовать Албанское царство, распавшееся на пять феодальных владений – меликств, и поздние албаны.

Библиография:

- ¹ Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана, с. 195.
- ² История Ирана, с. 92-93.
- ³ Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана, с. 190, 195; История Ирана, с. 96-97.
- ⁴ Еремян С. Т. "Махелония" надписи Кааба - и - Зардушт, с. 55-56.
- ⁵ Grosset M. Extraits de histoire des Aghovans, с. 471;
- Еремян С. Т. Политическая история Албании III-V вв., с. 310-311;
- Свазян Г. Х. Воцарение ветви династии Аршакидов в Кавказской Албании;
- Мамедов Т. М. Кавказская Албания в IV-VII вв. Автореф. дис. д-ра ист. наук. Баку, 1982, с. 21.
- ⁶ Grosset M. Extraits de histoire des Aghovans, с. 471.
- ⁷ Еремян С. Т. Политическая история Албании III-V вв., с. 314;
- Он же. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 88.
- ⁸ Крымский А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания). I - Кабала, с. 290-291.
- ⁹ Акинян Н. Мовсес Дасхуранци. Перевод А. Баграмяна, с. 80-96.
- ¹⁰ Акинян Н. Мовсес Дасхуранци, с. 7-8, 39, 63-64, 75.
- ¹¹ Там же, с. 11, 12.
- ¹² Улубабян Б. А. К вопросу о царской династии Агванка, с. 53-60.
- ¹³ Там же, с. 53-57.
- ¹⁴ Там же, с. 60-62.
- ¹⁵ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 145.
- ¹⁶ Toumanoff C. The Albanian Royal succession. - Le Museon. Revue d'etudes Orientales, Louvain, 1984, t. 97, fasc. 1-2, p. 87.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 188-197.
- ¹⁹ Там же, с. 188.
- ²⁰ Там же, с. 197.
- ²¹ Еремян С. Т. Политическая история Албании III-V вв., с. 310-311.
- ²² Акинян Н. Мовсес Дасхуранци, с. 69.
- ²³ Гаглоев Ю. С. Сведения "Армянской географии" VII в. об аланах. - Изв. Северо-осетинского научно-исследовательского института. История. Орджоникидзе, 1966, т. XXV, с. 187-188.
- ²⁴ Киракос Гандзакечи. История, с. 19;
- Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 197.
- ²⁵ Адонц Н. Г. Начальная история Армении у Себеоса. - ВВ, VIII, 1901, №№ 1-2, с. 104;
- Анненский А. Древние армянские историки как исторические источники. Одесса, 1899, с. 12, 102-103;
- Патканов К. Библиографический очерк армянской исторической литературы, с. 9-10.
- ²⁶ Бокшанин А. Г. Парфия и Рим, т. 1, с. 68.
- ²⁷ Халатьянц Г. А. Армянские Аршакиды в "Истории Армении" Моисея Хоренского, с. 214.
- ²⁸ Макарян Бархударянц. Албания и ее соседи, с. 62.
- ²⁹ Манандян Я. А. Критический обзор истории армянского народа. Ереван, 1944, 1957, тт. I-II (арм. яз.), т. II, ч. I, с. 145.
- ³⁰ Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 88.
- ³¹ Ованнесян С. Х. Каноны Агуэнского учредительного собрания, с. 265.

- ¹²Связян Г. Х. Воцарение ветви династии Аршакидов в Кавказской Албании, с. 170.
- ¹³Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 145.
- ¹⁴Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана, с. 224;
- Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 428.
- ¹⁵Халатьянц Г. А. Армянские Аршакиды в "Истории Армении" Моисея Хоренского, с. 29.
- ¹⁶Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 308-309.
- ¹⁷Макар Бархударянц. Албания и ее соседи, с. 75.
- ¹⁸Justi F. Iranische Namenbuch. Marburg, 1895;
- Чамчян М. История Армении, гл. 5.
- ¹⁹Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана, с. 265.
- ⁴⁰Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 202;
- Еремян С. Т. Народно-освободительная война армян против персов в 450-451 гг. - ВДИ, 1951, № 4.
- ⁴¹Еремян С. Т. Там же, с. 48.
- ⁴²Там же, с. 51.
- ⁴³Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан, с. 64.
- ⁴⁴Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 216-217.
- ⁴⁵Там же, с. 219.
- ⁴⁶Мамедова Фарида. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник, с. 159.
- ⁴⁷Там же, с. 271.
- ⁴⁸История Ирана, с. 100.
- ⁴⁹Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 58.
- ⁵⁰Там же.
- ⁵¹Еремян С. Т. Политическая история Албании III-V вв., с. 319.
- ⁵²Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, с. 25.
- ⁵³Артамонов М. И. История хазар, с. 126.
- ⁵⁴Византийские историки / Пер. с греческ. С. Дестуниса. СПб., 1860, с. 411-412;
- Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан, с. 106.
- ⁵⁵Васильев М. А. Лекции по истории Византии. Пг., 1917, т. I, с. 182-184;
- Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана, с. 318.
- ⁵⁶Там же, с. 317.
- ⁵⁷Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 295.
- ⁵⁸Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана, с. 318.
- ⁵⁹Еремян С. Т. Заметки к тексту "Хроники Сумбата", с. 27-28;
- Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 241;
- Насибов Ю. М. Азербайджан в V - первой половине XII вв. (по древне-грузинским источникам), с. 17.
- ⁶⁰Васильев М. А. Лекции по истории Византии, с. 184-185.
- ⁶¹Еремян С. Т. Политическая история Албании III-V вв., с. 312-322.
- ⁶²Меликсет-Беков Л. М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского / Сб. в честь акад. И.А. Орбели. М.-Л., 1960, с. 116.
- ⁶³Еремян С. Т. Политическая история Албании III-V вв., с. 322.
- ⁶⁴Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 241.
- ⁶⁵Геюшев Р. Б. Христианство в Кавказской Албании, с. 77.
- ⁶⁶Там же.
- ⁶⁷Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 72.
- ⁶⁸Там же, с. 139.
- ⁶⁹Каланкатуйский, II, 18-19.

- ⁷⁰Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 73.
- ⁷¹Балазури. Книга завоеваний стран. Пер. П.К. Жузе. Баку, 1927, с. 14; Ахмад Ибн А'Сам ал-Куфи. Книга завоеваний. Перевод с арабского акад. АН Азерб. ССР З. М. Буниятова, Баку, 1981, с. 9-12.
- ⁷²Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 75.
- ⁷³Т а м ж е.
- ⁷⁴Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 247; Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 77.
- ⁷⁵Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 248.
- ⁷⁶Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 77-78.
- ⁷⁷Т а м ж е, с. 78.
- ⁷⁸Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 249.
- ⁷⁹Т а м ж е.
- ⁸⁰Т а м ж е;
- Еремян С. Т. Политическая история Албании III-V вв., с. 323.
- ⁸¹Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 102.
- ⁸²Свазян Г. Х. Агванк в VII-VIII вв. Автореф., с. 23.
- ⁸³Еремян С. Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Варз-Трдата к хазарскому хакану Алл-Илитверу, с. 129-155.
- ⁸⁴Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 103-104.
- ⁸⁵Левонд. История халифов. Перевод К. Патканова, с. 10; Киракос Гандзакец. История, с. 39; Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 104.
- ⁸⁶Кулаковский Ю. История Византии (602-717 гг.). СПб., 1876, т. III, с. 251; Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 105.
- ⁸⁷Т а м ж е;
- Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 250.
- ⁸⁸Т а м ж е, с. 186.
- ⁸⁹Т а м ж е, с. 221-223;
- Labourt J. La christianisme dans l'empire Perse sous la dynastie Sassanide, 2-me ed. Paris, 1904, p. 131-133;
- Christensen A. L. Iran sous les Sassanides, с. 291, 337-338.
- ⁹⁰Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 222.
- ⁹¹История Ирана, с. 114.
- ⁹²Очерки истории СССР III-IX вв., с. 486.
- ⁹³Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 223-229; Бартикян Р. Идеология павликианского движения. - ВОН АН Арм. ССР, 1979, № 8 (арм. яз.), с. 101; Он же. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961; Юзбашян К. Н. К истории павликианского движения Византии в IX в. См.: Вопросы истории религии и атеизма. М., 1956, с. 247-277; История армянского народа. Под ред. М.Г. Нерсисяна, с. 135.
- ⁹⁴Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 223-226.
- ⁹⁵Т а м ж е, с. 225.
- ⁹⁶Т а м ж е, с. 226.
- ⁹⁷Т а м ж е, с. 229.
- ⁹⁸Т а м ж е, с. 229.
- ⁹⁹Мамедова Фарида. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, с. 144.
- ¹⁰⁰Т а м ж е, с. 243.
- ¹⁰¹Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 57-58.

- ¹⁰²Шанидзе А. Г. Новоткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки; D u m e z i l. G., Une chretienete disparue. Les Albanien du Caucase, Journal Asiatique, 232 (1940-41);
H e w s e n R o b e r t H. Ethno-history and the armenian influence upon the Caucasiens Albanians. № 4. Classical Armenian culture Chico (Cal), 1982. Influences and Creativity. University of Pennsylvania. Armenian. Texts and Studies, pp. 27-40;
Гукасян Ворошил. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана, с. 117.
- ¹⁰³Бромлей Ю. В. Очерки, с. 181.
- ¹⁰⁴Арутюнян П. Т. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х гг. XVIII в. за присоединение к России. Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР, т. III, М.-Л., 1951, с. 138;
Гукасян Ворошил. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана, с. 133.
- ¹⁰⁵Там же, с. 133.
- ¹⁰⁶Аракел Даврижеци. Книга историй. Перевод с арм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян. М., 1973, гл. 55.
- ¹⁰⁷Есаи Хасан-Джалалян. Краткая история страны Албанской (1702-1722 гг.).
- ¹⁰⁸Хроповицкий А. П. Чтения в императорском обществе истории древностей Российских при Мос. Университете, кн. 2. М., 1872, с. 37.
- ¹⁰⁹Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1966, с. 20;
О н ж е. Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с древним Востоком в III-I тыс. до н. э. Тезисы. Баку, 1966, с. 6;
Гукасян Ворошил. К освещению некоторых вопросов, с. 117.
- ¹¹⁰Бромлей Ю. В. Очерки, с. 115.
- ¹¹¹Мамедова Фарида. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, с. 6.
- ¹¹²Алексидзе Заза. Памятник албанской письменности на Синайской горе и его значение для кавказоведения;
О н ж е. Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке албанского текста, обнаруженного на Синайской горе.
- ¹¹³Mamedova Farida. Le probleme l'ethnos albano-caucasien.
- ¹¹⁴Улубабян Б. А. О топонимах "Албания", "Агван", "Аран";
О н ж е. Очерки истории восточного края Армении (V-VII вв.);
Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании;
Арутюнян Б. Когда отсутствует научная добросовестность. - ВОН АН Арм. ССР, 1987, № 2, с. 33-56;
Акопян А., Юзбашян К. Н., Мурадян П. М. К изучению истории Кавказской Албании. - ИФЖ АН Арм. ССР, 1987, № 7, с. 166-188;
Акопян А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987;
H e w s e n R o b e r t H. Ethno history and the armenian influence upon the Caucasian Albanians, pp. 27-40.
- ¹¹⁵Акопян А., Юзбашян К. Н., Мурадян П. М. К изучению истории Кавказской Албании, с. 169-171.
- ¹¹⁶Т а м ж е, с. 167.
- ¹¹⁷Т а м ж е, с. 169-170.
- ¹¹⁸Алексидзе З. Н. Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии.
- ¹¹⁹Улубабян Б. А. Хадаванк-Хатраванк. Научные сообщения Гос. Музея

искусства народов Востока, вып. X. М.: Наука, 1978, с. 175.

¹²⁰Благодаря совместно разработанной концепции Царского Правительства и Армянской Эчмиадзинской Церкви началось первое переселение армян из Персии в Карабах. Еще в 1797 г. из Персии на Кавказскую линию переселяются карабахские мелики с подвластным им народом в количестве 11 тысяч семейств, которые еще при Надир шахе и шах Аббасе были выслены из Арцаха-Карабаха, и принимают подданство России. См.: Кавказский календарь на 1846 год. Тифлис, 1845, отд. II, Хронология, с. 65. А в Карабахе первые армянские переселенцы появились в 1828 г.

¹²¹Б у н и я т о в З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 184.

¹²²Ж у р н а л "А р а р а т", 1897, с. 161-162 (арм. яз.);

Т е р - Г р и г о р я н Т.И. Неизданные страницы "Истории Албанской страны" Моисея Каланкатуйского, с. 18;

D o w s e t t C. J. F. A Neglected Passage in the History of Caucasian Albanians, pp. 456-466;

Б у н и я т о в З. М. Еще раз о неизданных страницах "Истории агван", с. 3-9.

¹²³Б у н и я т о в З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 184-185.

¹²⁴У л у б а б я н Б. А. История Хаченского княжества (X-XVI вв.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ереван, 1973, с. 15.

¹²⁵К а л а н к а т у й с к и й, I, 4; I, 15.

¹²⁶К а л а н к а т у й с к и й, III, 22, арм. изд. Эмина Н., с. 386; рукописи С-59 и Р: 220.

¹²⁷Б у н и я т о в З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 185.

¹²⁸Б у н и я т о в З. М. Новые данные о нахождении крепости Шеки;

О н ж е. Азербайджан в VII-IX вв., с. 187-188.

¹²⁹Б у н и я т о в З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 187.

¹³⁰К а л а н к а т у й с к и й, арм. изд. Н. Эмина, III, 21; русс. изд. К. Патканова, III, 20; Т е р - Г р и г о р я н Т.И. Неизданные страницы, с. 5.

¹³¹A r d z r o u n i Th., Xe s. Histoire des Ardzrouni, trad. par M. Brosset. Collection his-toirens Armeniens. T. I, St.-P., 1874, p. 153; ср. Крымский А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана. Шеки, с. 373.

¹³²Б у н и я т о в З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 189.

¹³³Т а м ж е, с. 190.

¹³⁴Т а м ж е.

¹³⁵Б у н и я т о в З. М. Еще раз о неизданных страницах "Истории агван", с. 6;

Т е р - Г р и г о р я н Т. К вопросу об "Истории страны Албанской" Моисея Каланкатуйского.

¹³⁶Б у н и я т о в З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 191.

¹³⁷И о в а н н е с Д р а с х а н а к е р т ц и. История Армении. Перев. с древнеарм., коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986, с. 111-113.

¹³⁸Б у н и я т о в З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 193;

A r d z r o u n i Th. Xe s. Histoire des Ardzrouni, tr. par M. Brosset, p. 147.

¹³⁹Б у н и я т о в З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 194.

¹⁴⁰Т а м ж е, с. 189;

В е л и х а н л ы Н. Изменение исторической географии Азербайджана в результате арабского завоевания. // Сб. Историческая география Азербайджана. Баку, 1987, с. 63, 84.

¹⁴¹К а л а н к а т у й с к и й, III, 21;

К и р а к о с Г а н д з а к е ц и, с. 102;

Б у н и я т о в З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 190.

¹⁴²И о в а н н е с Д р а с х а н а к е р т ц и. История Армении, гл. 33.

¹⁴³К р ы м с к и й А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана, Шаки, с. 374.

¹⁴⁴И о в а н н е с Д р а с х а н а к е р т ц и. История Армении, с. 319, примеч. 11.

- ¹⁴⁵Б а р х у д а р я н С. Средневековые армянские зодчие и мастера по камню. Ереван, 1963, с. 189 (арм. яз.); этот хачдаш-крест-камень с автографом находится на территории албанского Сюника, недалеко от Басаркечар.
- ¹⁴⁶С т е п а н н о с О р б е л и. История области Сисакан, с. 318-319, 337 и сл. (древнеарм. яз.).
- ¹⁴⁷М и н о р с к и й В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 211.
- ¹⁴⁸"А р а р а т", 1897, с. 131 (арм. яз.).
- ¹⁴⁹Т а м ж е.
- ¹⁵⁰М е л и к с е т - Б е к Л. Грузинские источники об Армении и армянах. I, Ереван, 1934, с. 203 (арм. яз.).
- ¹⁵¹М а р р Н. Я. Аркауи, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах, с. 7.
- ¹⁵²И о в а н н е с Д р а с х а н а к е р т ц и. История Армении, гл. 58, 59, 60, с. 205.
- ¹⁵³К р ы м с к и й А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана. Шеки, с. 379.
- ¹⁵⁴Н а с и б о в Ю н и с. Азербайджан в V - первой половине XII в. (по древнегрузинским источникам), с. 20-21;
Z u k e r m a n C o n s t a n t i n. A propos du Livre des ceremonies, II, 48. Travaux et memoires, 13. Paris, 2000, pp. 585-587.
- ¹⁵⁵Z u k e r m a n C o n s t a n t i n. Указ. раб., pp. 561-592.
- ¹⁵⁶А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В. А. Повествование о делах армянских, с. 34-36.
- ¹⁵⁷Очерки по истории Византии. Под ред. В.Н. Бенешевича, с. 28.
- ¹⁵⁸Z u k e r m a n C o n s t a n t i n. Указ. раб., pp. 588-589.
- ¹⁵⁹Т а м ж е.
- ¹⁶⁰Т а м ж е.
- ¹⁶¹М и н о р с к и й В. История Ширвана и Дербенда. Приложение III; Масуди о Кавказе. М., 1963, с. 214.
- ¹⁶²Z u k e r m a n C o n s t a n t i n. Указ. раб., p. 589.
- ¹⁶³М и н о р с к и й В. Указ. раб., с. 214;
И о в а н н е с Д р а с х а н а к е р т ц и. История Армении, с. 309.
- ¹⁶⁴Z u k e r m a n C o n s t a n t i n. Указ. раб., p. 591.
- ¹⁶⁵Т а м ж е, с. 591.
- ¹⁶⁶Т а м ж е, с. 592.
- ¹⁶⁷Б у н и я т о в З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 140-142;
В е л и х а н л ы Н. В. Изменение исторической географии Азербайджана, с. 53.
- ¹⁶⁸В е л и х а н л ы Н. В. Там же, с. 79.
- ¹⁶⁹Б у н и я т о в З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 95;
В е л и х а н л ы Н. В. Там же, с. 52-53.
- ¹⁷⁰П и г у л е в с к а я Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа, с. 114.
- ¹⁷¹А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В. А. Указ. раб., с. 34-36.
- ¹⁷²К р ы м с к и й А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана. I - Кабала, с. 290-295.;
О н ж е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана. II - Шеки, с. 369-384;
M i n o g s s u V. Caucasia, IV - BSOAS, XV/3, 1953, pp. 506-509;
П е т р у ш е в с к и й И. П. Очерки по истории феодальных отношений Азербайджана и Армении в XIV- начале XIX вв. Л., 1949, с. 48, 52, 136-137;
Т р е в е р К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 145.
- ¹⁷³У л у б а б я н Б. А. История Хаченского княжества (X-XVI вв.), с. 12-13;
T o u m a n o f f C y r i l l e. Les dynasties de la Caucasia Chretienne de l'Antiquite jusqu'au XIXe siecle. Tables genealogiques et chronologiques. Roma. 1990; и все

остальные.

¹⁷⁴Тоитанофф Сурилле. Les dynasties de la Caucasic Chretienne de l'Antiquite jusqu'au XIXe siecle...Preface par Professor Robert H. Newsen, pp. 13-15.

¹⁷⁵Там же, с. 14.

¹⁷⁶Ализаде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. Баку, 1965, с. 51;

Пириев В. Карабах в составе государства Хулагуидов и Джалаиридов (XIII-XIV вв.) // См.: Карабах. Очерки истории и культуры. Баку, 2004, с. 51.

¹⁷⁷Орбели И. А. h'Асан Джалал - князь Хаченский, с. 61;

Он же. Избранные труды, с. 146.

¹⁷⁸Там же. Избранные труды, с. 147.

¹⁷⁹Киракос Гандзакеци. История, с. 135.;

Об этом же пишет Вардан Великий. Всеобщая история Вардана Великого. Изд. Н. Эмина, с. 172.

¹⁸⁰Киракос Гандзакеци. История, с. 134-136;

Орбели И. А. Указ. раб., с. 149-150.

¹⁸¹Киракос Гандзакеци. Там же;

Орбели И. А. Там же, с. 149-150.

¹⁸²Орбели И. А. Там же, с. 151.

¹⁸³Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурни, с. 211 // См.: Пириев В. Карабах в составе государства Хулагуидов и Джалаиридов, с. 51-52.

¹⁸⁴Киракос Гандзакеци называет крепость Хавахагац "доступной птицам". История, с. 135.

¹⁸⁵Киракос Гандзакеци. История, с. 135.

Армянские источники о монголах. Перев. с древнеарм., предисловие А.Г. Галстяна, М., 1962, с. 15.

¹⁸⁶Киракос Гандзакеци. История, с. 135-136;

Армянские источники о монголах, с. 15.

¹⁸⁷Орбели И. А. Указ. раб., с. 153.

¹⁸⁸Там же, с. 154.

¹⁸⁹Киракос Гандзакеци. История, с. 181.

¹⁹⁰Манандян Я. Критический обзор истории армянского народа, с. 238.

¹⁹¹Киракос Гандзакеци. История, с. 196-197;

Армянские источники о монголах, с. 27, 40.

¹⁹²Бунятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 223-229;

Тальберг Н. История христианской церкви. М., Нью-Йорк, 1991, с. 185-187;

Бартикян Р. М. Источники для изучения истории павликианского движения.

¹⁹³Самуэл Анеци. Выборки из исторических книг иерея Самуэла Анеци. Изд. А. Тер-Мекеляна. Вагаршапат, 1893 (древнеарм. текст);

Самуэл Анииский. Хроника, с.117;

Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства, с. 64.

¹⁹⁴Смбат Спарапет. История. М., 1856, (древнеарм. яз);

Смбат Спарапет. Летопись. Изд. А.Г. Галстяна.

¹⁹⁵Выдержки из "Летописи" армянского царя Гетума II. // См.: Армянские источники о монголах, с. 71-78.

¹⁹⁶Григор Патмич (Магакия). История народа стрелков. С.-Петербург, 1870 (древнеарм. яз.);

История монголов инока Магакии, XIII в. Перевод К. Патканова.

¹⁹⁷Киракос Гандзакеци. История.

¹⁹⁸Епископ Степаннос Сюнииский. История рода Сисакан. Изд. Н.Эмина,

М., 1861, (древнеарм. яз.).

¹⁹⁹Нерсес Ламбронский. Речи и письма и проповеди (древнеарм.яз.). Венеция, 1838. // См.: Микаелян Г. Г. Указ. раб., с. 154, 162-164, 260-262, 288.

²⁰⁰Макар Бархударянц. Арцах. Перевод Яргуляна, ч. I, с. 42-43.

²⁰¹Бунятов З. М. Государство Атабеков Азербайджана. 1136-1225 гг. Баку, 1999, т. II, с. 22-23;

История Азербайджана (с древнейших времен до начала XX в.). Под ред. И.Алиева, Баку, 1995, с. 211-213.

²⁰²Самуэл Анииский. Хроника, с. 117;

Орбели И. А. именует Ошина Авшином. // См.: Орбели И. А. Ի`Асан Джалал князь Хаченский, с. 169.

²⁰³Киракос Гандзакеци. История, с. 242, примеч. 425.

²⁰⁴Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства, с. 70, 89; Киракос Гандзакеци, с. 248-249, примеч. 466.

²⁰⁵Chronique de Michel le Syrien, Ed. Par Chabot, 1899-1905, t. III, p. 271.

²⁰⁶Фома Арцруни. История дома Арцруни. Петербург, 1887 (древнеарм. яз.), с. 302, 306.

²⁰⁷Повествование вардапета Аристакеся Ластивертци. Перевод К.Н. Юзбашяна, гл. X, с. 84.

²⁰⁸Там же, гл. X, с. 85;

Вардан Великий. Всеобщая история (арм.яз.), с. 136;

Киракос Гандзакеци. История, с. 237, примеч. 395.

²⁰⁹Справка прокурора Эчмиадзинского Синода А. Френкеля (1907 г.) ЦГИА, фонд 821, опись 139 (173), ед. хр. 96.

²¹⁰Aslan Kevoğk. Armenia and the Armenians from the Earliest Times until the Great War (1914) - Trans. Pierre Crabites. New York: Macmillan, 1920;

Он же. L'Armenie et les Armeniens (Armenia and Armenians). Istanbul, 1914.

²¹¹Повествование вардапета Аристакеся Ластивертци. Изд. К.Н. Юзбашяна, гл. XI, с. 86-87.

²¹²Смбат Спарапет. Летопись. Изд. А. Галстяна, с. IV.

²¹³Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства, с. 21.

²¹⁴Три еврейских путешественника XI-XIII вв. Перевод Марголина, с. 34.

²¹⁵Микаелян Г. Г. Указ. раб., с. 22-23.

²¹⁶Киракос Гандзакеци. История, с. 98.

²¹⁷Там же.

²¹⁸Там же.с. 248-249, примеч. 466,; с. 271, примеч. 666.

²¹⁹Микаелян Г. Г. Указ. раб., с. 161.

²²⁰Он же. Указ. раб., с. 162;

Марр Н.Я.Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием, с. 180-181;

Арутюнова-Фиданян В.А.Повествование о делах армянских, с. 55.

²²¹Судебник Смбата Спарапета, с. 6-8;

Армянские источники о монголах, с. 17;

Смбат Спарапет. Летопись, с. XXVI.

²²²Микаелян Г. Г. Указ. раб., с. 294.

²²³Он же.Указ раб., с. 262;

Киракос Гандзакеци. История, с. 139.

²²⁴Армянский судебник Мхитара Гоша, с. XIII.

²²⁵Смбат Спарапет. Летопись, с. XXVI.

²²⁶Микаелян Г. Г. Указ. раб., с. 262-263;

Киракос Гандзакеци. История, с. 260-261. примеч. 590;

Армянский судебник Мхитара Гоша, с. XII-XIII, XVIII-XIX;

Судебник Смбата Спарапета, с. 12-14.

- ²²⁷Судебник Смбата Спарапета, с. 12-19.
- ²²⁸С м б а т С п а р а п е т. Летопись, с. VIII.
- ²²⁹The penitential of David of Ganjak. Translated by C. J.F. Dowsett. Louvain, 1961.
- ²³⁰Рукопись 1098 г. № 131 хранится в монастыре Аменапкрич (Всеспаса) в предместье Исфагана, в Новой Джульфе. См.: М а м е д о в а Ф а р и д а. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник, гл. Агуэнские каноны.
- ²³¹М а м е д о в а Ф а р и д а. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, с. 257, примеч. 12; См.: The penitential of David of Ganjak, transl.; Э ч м и а д з и н, 1953, с. 44 (арм. яз.).
- ²³²А б е г я н М. История древнеармянской литературы. Книга вторая, изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1946 (арм. яз.), с. 141-142; Армянский судебник Мхитара Гоша, с. X-XI.
- ²³³С м б а т С п а р а п е т. Летопись, с. 1; М а т т е о с У р х а е ц и. Хроника. Вагаршапат, 1898 (древнеарм. яз.), с. 3-5; К и р а к о с Г а н д з а к е ц и. История, с. 53, 239, примеч. 400.
- ²³⁴М и р н ы й С. М. La flor des estoires de terros d `Orient Гайтона как источник по Востоку и по истории монголов, с. 72; Bundy D.D.Hetum's La flor des estoires de la terre d`Orient: A study in medie-val Armenian historiography and propaganda, pp. 223-235.
- ²³⁵O u t t i e r V.The knowledge of Caucasian Albanians in France. Three moments.
- ²³⁶Там же. Об этом сообщает еще Еремян С.Т. в 1958 г. (Идеология и культура Албании в III-VII вв. в кн. "Очерки истории СССР III-IX вв."), считает Этума - Гайтона армянским историком XIII в. и датирует его сообщение об албанском письме XIII в.
- ²³⁷М а м е д о в а Ф а р и д а. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, с. 16-17; гл. I данной монографии.
- ²³⁸О р б е л и И. А. h`Асан Джалал князь Хаченский, с. 169.
- ²³⁹М и к а е л я н Г. Г. Указ раб., с. 290.
- ²⁴⁰Еремян С.Т.Идеология и культура Албании III-VII вв., с. 329. O u t t i e r V. The knowledge of Caucasian Albanians in France. Three moments.
- ²⁴¹М а к а р Б а р х у д а р я н ц. Арцах, часть I, с. 137-138.
- ²⁴²М и к а е л я н Г. Г. Указ. раб., с. 98, 259.
- ²⁴³Макар Бархударянц. Арцах, часть I, с. 39-40, 42-43.
- ²⁴⁴К и р а к о с Г а н д з а к е ц и. История, с. 139.
- ²⁴⁵Там же, с. 142.
- ²⁴⁶Там же, с. 143.
- ²⁴⁷Орбели И. h`Асан -Джалал, князь Хаченский, с. 421.
- ²⁴⁸Киракос Гандзакечи. История, с. 135; Орбели И. Указ раб., с. 153.
- ²⁴⁹Там же, с. 153.
- ²⁵⁰Там же, с. 154.
- ²⁵¹Киракос Гандзакечи. История, с. 136.
- ²⁵²О р б е л и И. Указ раб., с. 156; Степанос Орбелян. История Сюника.
- ²⁵³Киракос Гандзакечи. История, с. 159; М а г а к и я. История, с. 17.
- ²⁵⁴Армянские источники о монголах, с. 124-125, примеч. 164.
- ²⁵⁵К и р а к о с Г а н д з а к е ц и. История, с. 186.
- ²⁵⁶Мнацаканян А.Ш. О литературе Кавказской Албании, с. 174.

ГЛАВА IV. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АЛБАНИИ

§ 1. Социальные институты

Вопрос о социально-экономическом строе раннесредневековой Албании не ставился ни в работах западноевропейских ученых, ни в дореволюционных работах ученых России. Впервые эта проблема приобрела актуальность в советской исторической науке. Однако и советская историография по общественному строю Албании ограничивалась двумя неопубликованными статьями З.И.Ямпольского,¹ разделом в «Очерках истории СССР», написанным С.Т.Еремянном,² рядом положений (обобщениями и гипотезами) К.В.Тревер,³ разделом в монографии З.М. Буниятова⁴ и коротким сообщением Т.Мамедова.⁵

В.Н.Левиатов,⁶ не привлекая письменные источники, характеризует социально-экономические отношения в Албании IV–VI вв. как раннефеодальные. «Формирование феодальных отношений проходило неравномерно и в некоторых частях Албании долго сохранялись старые родоплеменные отношения», – утверждает В.Н.Левиатов.⁷ В этом «полуфеодальном и полупатриархальном» государстве, полагает В.Н.Левиатов, наряду с царем были крупные и мелкие землевладельцы, светские и духовные. Производителями материальных благ, по мнению В.Н.Левиатова, были крестьяне, которые делились на зажиточных и бедных. В.Н.Левиатов считает, что в середине VI в. феодальный способ производства становится основным, ведущим, но наряду с ним в экономике страны сохранялся и рабовладельческий уклад.⁸

З.И.Ямпольский характеризует общественный строй Албании III–VII вв. как феодальный и считает, что в Албании взамен раннерабовладельческой общинной собственности на землю и майоратного права появляются феодальная собственность и сепухское право. Сепухское право кладет начало феодальной наследственной собственности на землю-вотчину («аллод»). Появляется и феодально-условное землевладение («бенефиции»), часть которого становится пожизненной («феод»). Среди производителей в Албании использовались и рабы.⁹

По мнению С.Т.Еремяна, в Албании в IV–VI вв. сложился многоукладный общественный строй. Наряду с процессом феодализации продолжали господствовать первобытнообщинный строй и рабовладельческий уклад. В горных ущельях и лесных районах жили племена скотоводов и охотников, организованные в родо-племенные объединения.

С.Т.Еремян считает, что «основную часть населения составляли земледельцы, свободные производители материальных благ», которые были объединены в сельские общины.¹⁰ Свободные производители, как полагает С.Т.Еремян, делились на три категории: зажиточные, бедствующие и те, которые не имели пашен и виноградников. «Феодализирующаяся рабовладельческая знать обзаводилась большими хозяйствами. Большое число составляли азаты – всадники, получавшие от царя «хостак» – земельные наделы в качестве натурального довольствия».¹¹ По мнению С.Т.Еремяна, в V в. в Албании еще существовали частновладельческие хозяйства, основными производителями которых были рабы. Рабы-земледельцы, жившие отдельными домами, имели свой пекулий, индивидуальное хозяйство, составляли особое поселение. Такие рабы назывались ердумардами.¹²

В многотомной «Истории СССР», изданной в 1966 г., С.Т.Еремян сохраняет положение о наличии в Албании в V в. крупных поместий, в которых основными производителями были рабы-земледельцы. Но в этом издании уже отсутствует тезис о господстве в Албании в V в. первобытнообщинного строя.¹³

Общественный строй Албании IV–VII вв. К.В.Тревер предположительно характеризует как строй со сложившимися феодальными отношениями, которые носили такой же характер, как в Армении и Восточной Грузии (Картли), но отличались несколько замедленными темпами своего развития и специфическими особенностями, вызванными всем ходом исторического процесса в Албании, этнической и экономической раздробленностью страны.¹⁴

Все вопросы Албании рассматривались только в единстве и взаимосвязи с историей Армении, которой уделялось слишком много внимания, и в которой, как в призме, пытались осветить общественный строй Албании.

Албании уделялась роль экономически отсталой страны по сравнению с Грузией и Арменией. И в силу сказанного общественная структура Албании понималась примитивно и не была представлена вовсе. Между тем трудно переоценить важность раскрытия социальных процессов, социальной действительности Албании. В то время как албанские каноны Агуэнского собора, списки реестры албанской знати (сохранившиеся в «Истории албан»), вся «История албан» Моисея Каланкатуйского, армянские источники (включая сообщения историков, судебники, церковные каноны), Сасанидский судебник дают прямые и косвенные, иногда скудные и разрозненные, но весьма ценные сведения о социально-экономической истории Албании.

По мнению З.М.Бунятова, общественный строй Албании VI–VII вв. имел характерные черты феодализма. Сложились феодальные формы землевладения: родовая знать владела родовыми поместьями, зарождающийся класс феодалов за несение службы получал земельные угодья в условное владение, церковь и духовная знать наследственно владели церковно-монастырскими землями. Податное сословие делилось на три группы: «имущих с достатком», «неимущих» и «крестьян, не имеющих ничего».

Но вместе с тем рабовладение в Албании еще не было полностью изжито. В целом система хозяйства в Албании, по мнению З.М.Бунятова, была такой же, как в Грузии и Армении.¹⁵

Концепция общественного строя Албании (III–V вв.), которой придерживались азербайджанские историки, была изложена в коллективном труде «История Азербайджана» (т. 1).¹⁶

Согласно этой концепции, процесс формирования феодальных отношений шел неравномерно. В некоторых частях Азербайджана оставались феодальные отношения, еще сохранялся рабовладельческий уклад. Феодальная знать пользовалась трудом не только зависимых крестьян, но и рабов. Однако ведущее место в системе экономических отношений в стране все же принадлежало феодальным отношениям, которые неуклонно развивались и укреплялись.¹⁷ В последнем издании 7-томной «Истории Азербайджана» проблема общественного строя Кавказской Албании III–VIII вв. освещена мною.¹⁸

Следует отметить, что в основе исследований З.И.Ямполь-

ского, С.Т.Еремяна, К.В.Тревер, З.М.Бунятова, В.Н.Левиатова о социально-экономическом строе Албании лежит в основном один источник – агуэнские каноны. А между тем, выводы, как мы видели, были различные: согласно одной точке зрения, продолжали господствовать первобытнообщинный строй и рабовладельческий уклад, но происходил процесс феодализации; согласно же другой точке зрения, господствующими были феодальные отношения, сохранился рабовладельческий уклад.

Дело в том, что каноны изучались либо на основе русского перевода К.Патканова и при этом оставались неисследованными термины, либо же, пользуясь древнеармянским текстом, акцент делался на иранском происхождении терминов и они толковались по аналогии с Ираном в их традиционном значении.

Кроме того, исследователи ограничивались анализом нескольких канонов, выделенных из числа всех канонов, а между тем только комплексное изучение всех канонов с широким привлечением всех данных «Истории албан» Моисея Каланкатуйского, а также данных армянских первоисточников, соположение социальных реалий Грузии, Армении, Ирана дает возможность осмыслить каждый канон и содержащиеся в нем термины.

Трудности, неизбежные в процессе исследования, усугублялись отсутствием памятников письменности на албанском языке, отсутствием албанской историографии и крайней малочисленностью сведений, наличествующих в албанских и армянских источниках. Основной источник наших сведений и представлений о социально-экономической истории Албании – «История албан» Моисея Каланкатуйского дошел до нас в переводе на древнеармянском языке. Социальные термины, зафиксированные в источнике, представляющие первостепенную важность для исследуемой темы, являются иранскими по происхождению, как и в сопредельных странах, и упомянуты незначительное число раз. Трудности усугубляются также незнанием реалий того времени и слабой изученностью социально-экономической истории Албании, что не дает возможности в какой-то мере оперировать уже известными и сложившимися научными представлениями по отдельным вопросам общественного строя Албании.

Документальный материал – албанские церковно-правовые

акты – представлен единственным историко-юридическим памятником – канонами Агуэнского собора, состоящими, однако, всего лишь из 21 канона. Сам Моисей Каланкатуйский почти не выходит из сферы описаний политической и военной истории, церковно-религиозных интересов. Сведения по социальной истории в этом тексте фрагментарны, случайны, упоминаемы мимоходом.

Поэтому при исследовании приходилось придерживаться метода, вызванного необходимостью изучения каждого термина по всей «Истории албан» в разных контекстах, а также его сопоставления по текстам всех армянских источников, современных «Истории албан» и более поздних, а также ранних. Привлечение необходимого сравнительного материала армянских источников также представляла определенную трудность, ибо сами армянские историки нередко отличаются друг от друга употреблением характерного для каждого из них термина. Поэтому возникла необходимость проследить употребление того или иного термина у каждого из армянских авторов с целью выявления его реального значения.

В силу незнания грузинского языка грузинские источники не удалось использовать, но здесь нам помогли исследования грузинских ученых.

При исследовании вопросов социально-экономической истории Албании нельзя обойти работы арменистов, иранистов и картвелистов, которые исследуют вопросы общественного строя Армении, Грузии и Ирана, изучают те же социальные термины, которые зафиксированы в ИА и представляют первостепенный интерес для исследуемой темы.

В работе широко привлечены труды И.Джавахова, Н.Адонца, Я.А.Манандяна, С.Т.Еремяна, А.Г.Периханян, Г.Х.Саркисяна, В.А.Лившица, Н.В.Пигулевской, а также зарубежных авторов. Использованы также работы этнографов, в которых зафиксированы сохранившиеся до наших дней остатки патриархально-родового строя. Сведения, сообщаемые этнографами, важны для сравнения и аналогий путем исторической ретроспекции.

На основании первоисточников и имеющейся литературы в данной работе исследуются социальные правовые институты и общественный строй Албании в IV–VIII вв.¹⁹

Ссылки на армяноязычную литературу даются (по техническим причинам) в русском переводе с пометкой (древнеарм. яз.) и (арм. яз.).

Автор считает приятным долгом выразить глубокую признательность всем, кто в то время помог ценными советами и замечаниями в процессе работы над темой «Общественного строя Кавказской Албании» и в особенности Владимиру Ароновичу Лившицу и Мухаммеду Абдулкадыровичу Дандамаеву, а также Алле Каплан, Людмиле Ивановне Киреевой.

***а) Непосредственные производители:
шинаканы, рамики и анашхарфики.
Некоторые данные об общине***

Согласно данным ИА, основная эксплуатируемая масса албанского общества выступает, главным образом, под двумя терминами – «шинакан» и «рамик».

Х.Хюбшман полагает, что *шинакан* образовано от слова шэн, которое в свою очередь восходит к авестийскому *Rayana*, обозначающему «обитель», «селение», «поселение», «обработанное место», «построенное место». Таким образом, *Rinakan* осмысливается как «житель села», «поселянин». ²⁰ Этой же этимологии придерживается Ж.Виденгрэн. ²¹

Термин «рамик», по мнению Х.Хюбшмана, иранского происхождения. *Ramik* – образование с суффиксом - *ik* от *gama*, которое соответствует новоперсидскому *gama*, означающему «толпу», «стадо», «группу». ²² Ж.Виденгрэн к перечисленным значениям *gama*-а *gatak* добавляет «войсковое ополчение». ²³ Что же касается реального значения терминов, то в Армении в период раннего средневековья *шинакан* означал крестьянина-общинника, ²⁴ который противопоставляется *азату* и означает самую низшую социальную ступень армянского общества. ²⁵

Согласно точке зрения Я.А.Манандяна, ²⁶ которую разделяют М.А.Геворгян, ²⁷ А.Г.Сукиасян ²⁸ и др., которую разделяем и мы, *рамик* является более широким понятием, образует социальное сословие, в которое входили и мелкий городской люд, и ремесленники, и сельские жители – *шинаканы*.

По мнению же Н.Адонца, шинакан – это государственные крестьяне, плебеи, а рамик – крестьяне частных владений, княжеских латифундий.²⁹ Ж.Виденгрэн считает, что с помощью данных армянских источников невозможно установить, какой из этих терминов шире по значению. По мнению Ж.Виденгрена, рамик и шинакан означают две различные категории одного и того же неблагородного сословия, которые соприкасаются лишь частично. Шинакан, как утверждает Ж.Виденгрэн, имеет исключительно социальный аспект, означает крестьянина, а рамик – военно-социальное понятие, означает всадника, из которых состоит дружина феодала-вассала.³⁰ Следует отметить, что вывод Ж.Виденгрена о реальном значении рамика в Армении строится лишь по аналогии с *ramik*-ом парфяно-сасанидского Ирана, не опирается на армянский фактический материал. По мнению С.Т.Еремяна, рамик – это городской плебс (толпа, чернь).³¹

Исследователи отмечают, что Фавстос Бузанд и Егише употребляют для обозначения непривилегированного сословия «*шинакан*», а Лазар Парпеци применяет термин «*рамик*».³²

Рассмотрим значения терминов «*шинакан*» и «*рамик*» применительно к албанским условиям в исследуемое время.

Объясняя причины, вызвавшие созыв Агуэнского собора, автор «Истории албан» говорит, что «произошли несогласия между мирянами и церковным клиром, между азатами – знатью и рамиками».³³

Но, к сожалению, эти разногласия не нашли отражения в источнике. Рамики вместе с нахарарами встречаются в следующем контексте: «...по его [епископа Исраила. – Ф.М.] повелению свершилось божественное деяние; все азатское сословие нахараров – вся знать и *рамик* гуннские пришли поклониться религии святой церкви».³⁴ Далее, «...присланный [хазарский посол] происходит не из *рамиков*, но он - нахарар».³⁵ Как явствует из этих отрывков, светской знати (азатам и нахарарам) все непривилегированное сословие противопоставляется термином «*рамик*».

Здесь большой интерес представляют «*рамик* гуннские», под которыми следует, видимо, понимать гуннский плебс в широком смысле. В ИА не засвидетельствованы «гуннские шинаканы».

Термин «шинакан» впервые упомянут в «Истории албан» в связи с антисасанидским восстанием 451 г. «Многие из знати (*нахараров*) и *шинаканов* агванских, которые во имя Бога рассеялись и скрывались в неприступных горах Кавказа...».³⁶ Далее термин «шинакан» засвидетельствован в 4 и 5 канонах Агуэнского собора.

«*Азат* или *шинакан*, или кто другой из мирян не должен пропускать обедню (канон 5)».³⁷

В данных отрывках светской знати (азатам, нахарарам) противопоставлены шинаканы.

В Агуэнских канонах, видимо, так же как и в армянской церковно-канонической литературе, верующие делятся на две категории: на знать – азатов и шинаканов, причем шинаканы означают всех податных.³⁸ В каноне 4-м Агуэнского собора читаем: «*Плоды* от народа - жоговрденэ* иерею должны [уплачиваться] по такому порядку: состоятельный – туаник³⁹ вносит четыре грива⁴⁰ пшеницы, шесть гривов ячменя и 16 мер⁴¹ вина; бедный – *тарпеал* должен дать вдвое меньше хлеба (значит, 2 гр. пшеницы и 3 гр. ячменя) и вина, сколько сможет; но у кого нет пашни и виноградника, с того чтоб не брали. У кого есть овцы, тот дает одну овцу и три (пучка) шерсти и один сыр; у кого имеются лошади, тот дает одного жеребенка, а у кого рогатый скот – одного теленка». «Жоговурд» (букв. народ) в армянских источниках употребляется как синоним рамика и шинакана.⁴²

Из канона 4-го явствует, что основным податным сословием Албании были крестьяне-шинаканы. Канон свидетельствует об углублении процесса имущественного расслоения деревни.⁴³ В Албании были три категории крестьян: «имущие» – «туаники», «бедствующие» – «тарпеалы» и «безземельные» – «те, которые не имели пашен и виноградников».⁴⁴

Безземельные шинаканы становились, видимо, арендаторами-издольщиками или же нанимались к феодалам.

Основную часть населения Албании составляли земледельцы, свободные производители материальных благ.⁴⁵ Этот тезис можно подкрепить тем, что основным податным сословием Албании были крестьяне-шинаканы, что в «Истории албан» и в канонах зафиксированы «бедствующие», «азаты и шинаканы»,

* Плоды - арм. птуг.

«азаты и рамики», «нахарары и рамики», т.е. светской знати противопоставляются то шинаканы-крестьяне, то рамики-простолюдины.

В стране осуществлялась классовая эксплуатация крестьян-шинаканов. Основными же классами албанского общества были шинаканы и феодальная знать – азаты.

С.Т.Еремян полагает, что упомянутые в 4-м агуэнском каноне безземельные крестьяне превращаются в анашхарников, соответствующих иранскому «аншахрику».⁴⁶ Основными производителями частновладельческих хозяйств (дастакертов), по мнению С.Т.Еремяна, были рабы, фигурирующие под термином anšahrik – аншахрик, который в армянских источниках передан в форме anašxarhik – анашхарник.⁴⁷ Однако в качестве армянского источника С.Т.Еремян ссылается на канон Агуэнского собора.

Термин «анашхарник» засвидетельствован во всей ИА только два раза. В 19-м каноне Агуэнского собора читаем: «По воскресеньям как господин (тэр), так и слуга (царрай) вместе должны пойти в церковь Всам (кафедральную)⁴⁸ молиться и совершать в ней панихиды, но анашхарник должен (при этом) уплатить в церковь подать за упокой души (ногецатур)». Остальные миряне совершали воскресную панихиду, видимо, в азатских – приходских церквях. В данном каноне следует уточнить значение анашхарника. Анашхарник в грабаре – «удаленный из своей земли», «чужестранец», «пленник», «раб». Этот термин восходит к иранскому «аншахрику», который встречается в пехлевийском источнике VI в. «Матикан-и-хазар датастан».

Аншахрик (букв. чужестранец) – раб. По мнению А.Г.Периханян, первоначально термин этот означал военнопленных, обращенных в рабов. Реально в эту категорию входили рабы различного происхождения. Рабы-аншахрики были посажены на землю рабовладельца.⁴⁹

Для выяснения реального значения анашхарника в Албании надо сопоставить канон 19-й с 5-м,⁵⁰ которые посвящены уплате подати при совершении богослужения «за упокой души». Разница лишь в том, что 5-й канон предусматривает уплату подати всеми мирянами ежегодно, а 19-й канон – эту уплату только анашхарниками и по воскресеньям. Если согласиться с мнением, что

анашхарник – раб, обязанный выплачивать подать, то, во-первых, должны были быть оговорены средства и возможности раба, как это имело место в 4-м каноне по отношению к податному сословию;⁵¹ во-вторых, если он действительно был рабом, то, как мирянин, он бы подчинялся уложениям канона 5-го, который предусматривал выплату этой подати всем населением; в-третьих, он вносил бы подать в ту же церковь, что и все миряне, а не в кафедральную. Исходя из сказанного, можно с уверенностью сказать, что в этом каноне анашхарник употребляется в своем буквальном значении «чужестранец».⁵²

И чтобы почтить память усопших, чужестранец, в силу того, что он не приобщен ни к одной церкви, должен посетить главную церковь и внести подать за упокой души при совершении воскресной панихиды местными жителями – господином и слугой. Что же касается подати за упокой души местных жителей, то она, как было отмечено (канон 5), вносится местными жителями в церковь в течение года.

Анашхарник засвидетельствован в ИА еще в следующем тексте: «Албания получила строгий приказ – отказаться от веры (христианской) и принять религию магов-огнепоклонников: «Если кто-либо воспротивится, то будет предан смерти, и его жена и дети сделаются анашхарниками».⁵³ В данном отрывке под анашхарниками можно понять изгнанников, буквально «удаленных из своей земли». Для уяснения реального значения интересующего нас термина других данных в ИА нет. Мы не располагаем дополнительным сравнительным материалом из армянских источников по данному термину, и потому нет возможности проследить значение термина «анашхарник» в широком контексте. Упоминание термина «анашхарник» в 19-м каноне и предложенное нами толкование его исключает, по-видимому, правомерность утверждения о наличии в V в. в Албании рабов-анашхарников. В источниках нет данных, свидетельствующих о наличии в Албании такой категории рабов.

Хотя основу производства Албании составлял труд шинакана, тем не менее в стране применялся и рабский труд.

Так, судя по свидетельству Фавстоса Бузанда (V в.), албанский царь Урнаир (IV в.), обращаясь к войску своему, сказал:

«Ныне же я вас предупреждаю, чтобы мы помнили, что когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим работать как гончаров, каменотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд».⁵⁴ Возможно, что пленных греков превращали в рабов.⁵⁵

В «Истории албан» имеется упоминание о рабах в Албании в V в. и позднее. Так, «История албан» сообщает об обращении албанским царем Вачаганом III Благочестивым «колдунов и чародеев» в рабов. «И впоследствии были наказаны многие колдуны, чародеи и языческие жрецы – часть их была удушена, часть – изгнана, а другие – обращены в рабство (и стркютюн арканелов).⁵⁶

В молитве албанского великого князя Джеваншира засвидетельствовано: «...ты (Господь)... дал мне в изобилии золото и серебро, рабов-слуг (царрай) и рабынь-служанок (агахнейс)».⁵⁷

Происхождение слова царрай неизвестно.⁵⁸ Термин этот имеет много значений: «подчиненное лицо», «нижестоящее лицо», «слуга», и наконец, «раб».⁵⁹ Агахин буквально означает «принадлежащая агх-у», т.е. роду, фамилии, племени.⁶⁰

С.Т.Еремян рабов по их происхождению делит на две категории: рабы «доморощенные», «рожденные в доме господина», а в дальнейшем – любой раб, родившийся во владениях господина, и рабы «чужеродные», т.е. приобретенные на войне и путем купли. Агахинов С.Т.Еремян относит к первой категории, т.е. к домашней челяди.⁶¹

Таким образом, царрай и агахин в рассматриваемом контексте могут означать как рабов и рабынь, так слуг и служанок, домашнюю челядь.

Из рассматриваемых отрывков можно заключить, что источником рабской силы в Албании IV–V вв. были войны,⁶² а также тяжкие преступления (антирелигиозные деяния).

Наши представления о рабстве в Албании основываются лишь на приведенных данных ИА. Судя по ним, можно предположить, что в эпоху раннего феодализма в Албании сохранилось рабство, но в примитивной форме, в качестве уклада, и в экономике страны не доминировало. Рабский труд применялся на го-

сударственных строительных работах и в домашнем хозяйстве.

Таким образом, основными производителями материальных благ Албании в исследуемое время были крестьяне-шинаканы, жившие в общинах, в селах. Экономической ячейкой албанского общества были малые семьи, из которых состояла община. «Это было территориально-общинное объединение, в котором кровнородственные связи уступили место связям соседским и экономическим».⁶³

Сельская община являлась низовой фискальной единицей. Община облагалась налогом коллективно, и налог взимался с целой общины. В «Истории албан» имеются данные, свидетельствующие об общинном управлении в Албании.

Канон 14 гласит: «Кто в среду или пятницу съест мясо, пусть постится одну неделю, а если кто предстанет перед иереем и засвидетельствует о человеке, что это не так (что человек не повиновался), старшина села – аваг шинин – пусть возьмет быка у этого человека и даст иерею».⁶⁴ Старшина села – (аваг шэн-а) был главой общины. Сельские старосты в армянских источниках известны еще под названием аваг гехджа (Шаапиванские каноны), гехджавага, дасапета.

Старшина села нес ответственность за членов общины перед церковью за исполнение религиозных обрядов. Вероятно, он был также ответственен за несение шинаканами государственных повинностей⁶⁵ и его прямой обязанностью было обложение и сбор податей с общинников, регулирование вопросов землепользования, вопросов распределения воды для орошения.

Другими данными, характеризующими общину, взаимоотношения ее с феодалами, с государством, ее внутреннее состояние, мы не располагаем. Что касается формы эксплуатации и степени экономической и политической зависимости крестьян от феодалов, то «История албан» об этом прямых данных не сохранила. Постановления Агуэнского собора дают нам весьма скудные данные о церковной эксплуатации шинаканов, но они позволяют предположить, что в начальный период развития феодальных отношений основной формой эксплуатации было взимание натурального оброка.

Церковные подати

Агуэнский собор определяет размер и виды церковных податей, взимаемых с населения (каноны 3, 4, 5, 17, 18, 19).

Вопрос о податях в Албании, выплачиваемых светским феодалам и церкви, специально не исследовался.⁶⁶ Поэтому большую ценность в этом отношении представляют агуэнские каноны, в которых зафиксированы церковные подати, имевшие разнообразный характер и соответственно различные наименования. Из канонов можно выделить следующие церковные подати: «*hac*», «*тасанорд*», «*птуг*», «*хогецатур*».

hac означает долю, часть, доход, подать,⁶⁷ церковную подать, царскую подать,⁶⁸ феодальную подать.⁶⁹

Согласно данным армянских канонов Саака Партева (V в.), албанских канонов – Вачагана III (V в.), албанского католикоса Симеона (VIII в.), судебного Мхитара Гоша (XIII вв.), *hac* представлял собой церковную подать, однако о характере этой церковной подати единого мнения среди исследователей нет. По мнению Я.А.Манандяна, *hac*, в основном, означал мирскую (светскую) поземельную подать. Но исходя из того, что в канонах Саака Партева *hac* означает церковную, подъемную подать, Я.А.Манандян полагает, что *hac* мог означать и мирскую подушную подать.⁷⁰

Т.Авдалбегян, оспаривая утверждение Я.А.Манандяна, считает, что ни в армянской религиозной литературе, ни в армянских судебных книгах нет данных, позволяющих считать *hac* «поземельной податью».⁷¹ Т.Авдалбегян сообщает, что в армянском переводе Ветхого Завета *hac*ом называется подушная подать – *глахарк*, взимаемая храмом с совершеннолетних евреев за очищение, избавление, за выкуп – *прканк*, *србути*.⁷²

Об обязанностях верующих вносить в церковь подушную подать (*hac*) сообщает «Грамота предания» Саака Партева, которой завершаются его каноны. В ней сказано:

«И *hac*ом от вас священников на божий алтарь будет одна драхма, от каждого дома вашего и жертвоприношения... Подобно тому, как прихожанам надлежит преподнести вам (священникам) *подушную подать*, точно также вы (священники) обязаны

вносить *подушную подать* епископам.⁷³

По сообщению авторов XVII–XIX вв. Захария Акулиско-го⁷⁴ и Артемия Араратского,⁷⁵ одной из тяжелых церковных податей их времени была подушная подать, которую взимала церковь с каждого армянина в размере 20 динаров в год.

Принимая во внимание данные Библии о наличии храмовой подушной подати,⁷⁶ утверждение Т.Авдалбеяна о *hасе*, как подушной подати в пользу храма, данные Саака Партева о церковной подушной подати *hасе* и сообщения поздних авторов о наличии в Армении среди церковных податей подушной подати, можно полагать, что упоминаемая в источниках V–VII вв. церковная подать *hас* являлась подушной податью в пользу церкви.

Согласно данным агуэнских канонов и канонов албанского католикоса Симеона, в Албании *hас* также являлся церковной податью. 17-й канон Агуэнского собора сообщает: «Епископы и священники жаловались царю на азатов на то, что они в селе строили по две или три церкви, монастыря, и азаты изложили свои условия перед царем; и царю, и епископам, и азатам было угодно решить так, чтоб устроенные церкви были оставлены и *птуг* и *hас* церкви поступили в церковь Всам».⁷⁷

В данном каноне *hас*, как и *птуг*, лишь упоминается, и характер и размер его неясен. Подобно тому, как подати *птуг* специально посвящен канон 4, нам представляется, что подати *hас* специально посвящен канон 3 Агуэнского собора, в котором значится: «Азат и человек царского происхождения на долю души⁷⁸ пусть даст своей рукой при жизни одну лошадь с седлом и уздой и что еще он может [пусть] даст. Если при жизни не даст, то семья его должна дать после его смерти».⁷⁹ Как видно из канона, речь идет об уплате *hаса* лишь знатью.

Библия предусматривает выплату этой подушной подати всеми сынами израилевыми. Из приведенного армянского канона Саака Партева явствует, что *hас* платили не только миряне, но и клир. Так считает и Т.Авдалбеян.⁸⁰ Следовательно, эта подать была обязательной для всех без социального и сословного различия. Вероятно, и Албания не составляла исключения в данном вопросе.

Но нам представляется, что *hас*, будучи обязательным, не

был единым по характеру приношений, т.е. не был строго регламентированной податью. Думается, что агуэнский канон 3 специально оговаривает знать, видимо, по той причине, что только для нее устанавливает регламентированную повышенную подать. Совершенно очевидно, что не всякому мирянину было под силу дать «на долю души» одну оседланную лошадь. Что касается простого люда, непривилегированного сословия, то для него, видимо, нас по характеру оставался добровольным приношением.

нас, как и подать птуг, прихожане приносили в церковь, где он распределялся между церковнослужителями.⁸¹

Агуэнские каноны свидетельствуют о наличии в Албании еще другой церковной подати – «тасанорда». Тасанорд – десятина, которая натурой выплачивалась церкви всем населением. Десятина была самым распространенным видом не только церковной подати, но еще храмовой подати. В качестве храмовой подати десятина существовала в странах древнего Востока и античного мира.⁸²

По данным Библии, израильтяне обязаны были ежегодно выплачивать храмам в виде подати десятую часть всех сельскохозяйственных продуктов.⁸³

О наличии тасанорда в Армении свидетельствует сообщение Фавстоса Бузандаци о том, что армянский царь Пап «порядок приношения по издавна заведенному обычаю птуга и тасанорда в пользу церкви отменил...».⁸⁴

Церковную десятину упоминает канон 18 Агуэнского собора: «Азаты, которые платят тасанорд – десятину, должны половину дать в главную церковь – кафедральную (бун екегечин), а половину в свою церковь»⁸⁵ – азатскую.

Видимо, вносимая азатами десятина по размерам была немалой, и потому канон предусматривает выплату ее в две церкви (главную и азатскую), вероятно, во избежание обогащения азатской церкви. Видимо, канон 18 направлен на ограничение собственности азатских церквей.

Остается неясным, взималась ли десятина с непривилегированного сословия. По всей вероятности, тасанорд в Албании, как и в Армении, был всеобщей податью и взимался со всех верующих христиан. Что касается характера тасанорда, то он в Алба-

нии соответствовал десятой части всех доходов мирян. Это явствует из письма армянского католикоса Гюта (V в.), адресованного албанскому царю Ваче II. В письме сказано, что при албанском царе Урнайре (IV в.) Албания вновь просветилась, приняла христианство: «...для церкви были назначены первые плоды, *отделены десятины с плодов гумна, давальни, полей, стад и всех домашних животных*».⁸⁶

Одной из податей был также птуг (дословно плод). Птуг являлся церковной и феодальной податью.

По мнению Н.Адонца, птуг был армянским эквивалентом европейского *champart*, арабского *mukasama* и персидского *bahraka*, т.е. определенной частью урожая, выплачиваемой в качестве подати феодалу.⁸⁷ Вслед за Н.Адонцем Ст.Малхасянц также считает птуг натуральной податью в пользу феодала.⁸⁸ Т.Авдалбегян, будучи согласен с мнением Н.Адонца, добавляет, что птуг является также податью духовного сословия, которая взималась с мирских хозяйств.⁸⁹ Я.А.Манандян, оспаривая утверждение Н.Адонца, считает птуг только церковной податью⁹⁰ и отмечает, что в качестве мирской подати этот термин не засвидетельствован в письменных источниках.⁹¹

Птуг «первоначально был добровольным приношением христиан церкви из первых плодов земледелия, преимущественно со злаков. С течением времени птуг превратился в обязательный налог в пользу церкви».⁹²

О птуге свидетельствуют агуэнские каноны 4, 17. В каноне 4 читаем: «Птуг – плоды от народа иерею должны (уплачиваться) по такому порядку:...» (см. развернутое содержание канона 4). Как свидетельствует данный канон, в Албании в V в. птуг был обязательной церковной податью, которая взималась не только с земледельческих культур, но и со всех продуктов хозяйства. По-видимому, в основе данного канона о птуге лежит библейский закон «о первинках домашних животных», «о первинках (или начатках) злаков, плодовых деревьев».

«Не медли приносить Мне (Богу) начатки от гумна твоего и от точила твоего».⁹³ «Начатки плодов земли твоей приноси в дом Господа, Бога твоего».⁹⁴ «Вот, что должно быть положено священникам от народа, от приносящих в жертву волов или

овец; должно отдавать священнику плечо, челюсти и желудок. Также начатки от хлеба твоего, вина твоего и елея твоего, и начатки от шерсти овец твоих отдавай ему».⁹⁵

Агуэнский канон устанавливает определенный регламент для состоятельного, бедствующего. Безземельный освобождается от уплаты подати. Но в Албании библейский закон приспособляется к местным условиям, конкретизируется, фиксируется количеством каждого вида приношения, т.е. становится обязательным регулярным налогом.

По агуэнскому канону птуг поступал к иерею. Но как свидетельствуют армянские каноны Саака Партева (канон 17), 13-й канон Двинского собора 547 г., птуг не являлся личным доходом иерея, а считался церковным в отличие от тех доходов, которые получали священники лично как вознаграждение за исполнение церковных требований. Прихожане приносили птуг в церковь протоиерею или иерею, который распределял его между церковнослужителями.⁹⁶

Кроме упомянутых трех податей агуэнские каноны 5 и 19 свидетельствуют о наличии в Албании подати «за упокой души», вносимой в церковь родственниками усопшего. В каноне 19 засвидетельствовано техническое наименование данной подати, а в каноне 5 раскрыто его реальное содержание.

Канон 5 гласит: «Азат, шинакан или кто другой из мирян в году не должен пропустить обедню (патараг),⁹⁷ т.е. почтение памяти умерших, как он сможет, чтобы не лишить умерших части своих трудов. И должен дать в церковь одну лошадь, если у умершего была лошадь, одного быка, ежели был бык».⁹⁸ Подать «за упокой души», как явствует из данного канона, была регламентированной. Очевидно, у кого не было ни лошади, ни быка, с того за упокой души умершего ничего не взималось.

Подать «за упокой души» в армянских источниках именуется «ногебажином», буквально «доля души», и «ногецатуром». В новом словаре армянского языка ногецатур этимологизирован как «ноги» – «душа» и «турк» – «налог» и означает подать «за упокой души». Точнее будет сказать, что это сложное слово произошло от «ноги» – душа и «тур» – императив ед. ч. наст. вр. от «там», а конечное «к» в слове «тур» – показатель множ. числа.

Букв.: «дайте для души». Из двух наименований в Албании за-свидетельствован только *ногецатур*, которому непосредственно посвящен канон 19. «В воскресенье господин (тэр) и слуга (цар-рай) должны пойти в церковь Всам (епархиальную, кафедральную) на молитву и совершить в церкви поминальную службу – панихиду, но чужестранец должен (при этом) уплатить в церковь *ногецатур*».⁹⁹

Остальные миряне, как было отмечено, совершали воскресную панихиду в приходских (азатских) церквях. В ту же церковь миряне платили подать «за упокой души». Ведь в тексте агуэнского канона 5, где сказано о поступлении подати «за упокой души», значится просто церковь, а когда речь идет о главной кафедральной церкви, в канонах всегда отмечается «церковь бун» или же «церковь Всам».

Поступление подати «за упокой души», которая взималась с мирян страны, в приходские церкви, а не в главные, подтверждается данными канона 18 Партавского собора 763/771 г., на который ссылается позднее Мхитар Гош в своем судебнике.¹⁰⁰ Данный канон, согласно с христианскими законами и предписаниями святых отцов, предписывает родственникам умерших совершать сорокоуст и агапи¹⁰¹ «за упокой души» или приносить подать для исполнения завещания умершего. Главное, родственники усопшего не вправе приносить подать в другую церковь, или другому клирику, кроме как пресвитеру той сельской приходской церкви, которую посещал усопший.¹⁰² Этот канон и агуэнский канон 5 убеждают, что воскресная панихида по агуэнскому канону 19 была безжертвенной.

Разница между 5 и 19 агуэнскими канонами состоит лишь в том, что 5-й канон предусматривал уплату подати «за упокой души» всем населением в течение года в приходскую церковь, а в каноне 19 – только чужестранцами в воскресенье в главную кафедральную церковь. Очевидно, это был новый источник дохода для епархиальной кафедральной церкви. Забота о материальных интересах главной (кафедральной) церкви отражена и позднее (XIII в.) в Судебнике Смбата Гундстабля. Здесь статья 25 требует, чтобы в большие праздники народ посещал главные церкви, чтобы малые церкви не отнимали доходов главных церквей.¹⁰³

По канону 19 остаются неизвестными размер и характер приношения *хогецатур*. По тому, как не раскрывается содержание *хогецатура* в каноне 19, можно предположить, что эта подать была вполне известной податью. Видимо, с чужестранца она могла взиматься деньгами, что было легче, чем натуральная подать, предусмотренная агуэнским канонам 5. Анализ дарственных актов, сохранных историком XIII в. Степанносом Орбели,¹⁰⁴ убеждает, что позднее, по сравнению с агуэнским канонам, в IX в. «*хогецатур*» является просто добровольным приношением мирян церкви.

Анализ агуэнских канонам показал, что каноническое право, установив размеры приношений в пользу церкви и клира, превратило тем самым добровольные приношения в регулярные зафиксированные церковные подати. Изучение этих податей дает возможность выяснить формы эксплуатации крестьян и других слоев трудового населения. Сообщения агуэнских канонам о многочисленных церковных податях (*птуг*, *хас*, *тасанорд*, *хогецатур*) представляют большую важность не только для церковной истории, но и для мирского уклада. Изучение этих податей важно тем, что они отражают технические названия различных светских налогов. Хотя эти подати восходят к библейским податям, но названия, а порой и характер церковных податей частично совпадают с податями, принятыми в локальной светской среде. Так, в Армении *птуг*, *хас*, *тасанорд* известны не только как церковные, но и светские подати в пользу как светских феодалов.¹⁰⁵

б) Светская знать

Светская знать в ИА фигурирует под многочисленными терминами: «*азат*», «*азатани*», «*тэр*», «*танутэр*», «*азганет*», «*наханет*», «*ишхан*», «*нахарар*» и др.

Все рассматриваемые термины чрезвычайно важны для изучения общественного строя раннесредневековой истории Кавказской Албании. Они почти не исследованы, между тем анализ их приводит к важным выводам по социальной истории Албании.

«Азаты»

Термин «азат» является самым распространенным и широ-

ким по значению. Исследуемый термин иранского происхождения. «Azat» – «благородный», букв., «рожденный» (в клане), производное от zap – «рождаться» и соответствует латинскому *agnatus*.¹⁰⁶

Азаты в исследуемое время были в Иране, Согде, в Армении. Установлено, что в Армении в период раннего средневековья азат употреблялся в двух значениях: 1) в широком смысле азат был общим обозначением знати; 2) в узком смысле был термином, прилагавшимся к одному из разрядов знати, т.е. означал мелкого и среднего феодала, зависимого от царя или крупного землевладельца и получающего условное земельное владение за несение военной службы.¹⁰⁷

Новое интересное толкование дает термину А.Г.Периханян,¹⁰⁸ по мнению которой «азат» в армянских источниках не имеет другого значения, кроме как «agnat».¹⁰⁹ Принадлежность к агнатической группе, как считает А.Г.Периханян, означала принадлежность к благородному классу. Слово азат в этом смысле было обобщено и означала каждого представителя благородного класса «un nobles».¹¹⁰ Но там, где социальное противоречие не чувствовалось, термин «азат» означал членов агнатической группы благородного класса - *de la noblesse* в противовес главам этих групп *nahapetk: azgapetk: tohmapetk: mecameck*.¹¹¹

Значение интересующего нас термина применительно к условиям Албании III–VII вв. рассматривалось С.Т.Еремян, который считал азатов всадниками, получавшими от царя земельные наделы «хостаки» в качестве натурального довольствия. Азаты, владельцы хостаков, полагает С.Т.Еремян, являлись основной военной силой страны.¹¹² По мнению же З.М.Буниятова, в Албании в VI–VIII вв. были такие слои населения, как «благородные» (азат мард), «военные люди» и «всадники».¹¹³ «Благородные» и «военные люди», как считает З.М.Буниятов, были мелкими дворянами и связаны были с великим князем обязательством военной службы, получая за свою службу в условное владение земельные угодья.¹¹⁴

Нашей целью является доисследование реального значения термина «азат» по ИА.

Как было отмечено в главе второй, термину «азат» в кон-

текстах ИА противостоят термины «шинакан» и «рамики», т.е. азатам противостоят непосредственные производители.

В ИА термин «азат» впервые зафиксирован в V в. в агуэнских канонах. В преамбуле агуэнских канонов сказано, что одной из причин созыва собора явились «несогласия между азатами и рамиками».

Далее азат засвидетельствован в двух списках: в списке участников собора и в списке лиц, утвердивших каноны.

В тексте канонов Агуэнского собора (3, 5, 17, 18, 20, 21) азат зафиксирован как в форме «азат», так и композитом «азат мардик» («благородные люди»), «азат мард» («благородный человек») и «азат арк» («благородные мужи»).

Так, в каноне 17 читаем: «Епископы и священники жаловались царю на *азат арк* на то, что те в одном селе строили по две или три церкви или монастыря; *азат мардик* также изложили перед царем свои условия. Царю угодно было приказать епископам и *азатам* оставить устроенные церкви и (подати) птуг и *хас*, предназначенные церкви - отдать в церковь Всам». ¹¹⁵

В агуэнских канонах термин «азат» употребляется в широком значении, ибо светская знать, противопоставляемая духовенству (каноны 17, 20, 21) и, как было сказано, податному сословию, ¹¹⁶ именуется только азатами.

В этом убеждает и тот факт, что азаты приравниваются по положению к членам царской семьи (тагаворазн), ибо другой канон (3) специальные церковные подати ¹¹⁷ устанавливает только для них – азатов и людей царского рода. Видимо, здесь под азатами следует понимать все привилегированное сословие, весь господствующий класс. В пользу данного предположения говорит концовка канонов: «постановления сделаны епископами и *азатами* в присутствии царя», ¹¹⁸ хотя в начале канонов аналогично сообщается, что эти каноны постановили царь, клир «и *азаты* и *наһапеты* Арцаха и наһапет Каланкатуйка Бакур, и *многие другие...*». ¹¹⁹

А в заключительном списке, где дан перечень лиц, скрепивших каноны печатью, сообщается: «...К этому предписанию приложили перстни храманатар, хазарапет, *азганеты* – Марут, Тиразд, Аспракос, Шмавон, Бакур, Аратан, Храбрый Вардан, тэр

Гардмана, Хурс, Германосан, Хосген, *наһапет* Пирод и все азаты Албании». ¹²⁰

Как видим, в одном случае светская знать представлена обобщающим термином «азаты», а в других конкретными специальными терминами. Следовательно, термин «азат» является широким по значению, в понятие это входит вся светская знать, включая и присутствующих на соборе наһапетов, азгапетов, тэров.

Азатом в терминологическом значении может считаться не только наһапет, азгапет, тэр, но и ишхан, и нахарар. Это видно из следующих отрывков ИА.

«В конце 300 г. (851 г.) армянской эры исполнилось наказание, определенное за грехи наши. *Верующие ишханы* Армении и Албании, схваченные и взятые в оковы таджиками, были удалены из домов своих и против воли отправлены в Багдад. Там терзали их нечестивцы, принуждая оставить веру... Но блаженный Шапух Арцруни и другой избранный муж из *азатов* Армении приняли мученическую смерть, а не суетную жизнь». ¹²¹ Судя по данному отрывку, ишханы являются азатами.

В сходном с азатом значении в ИА употребляется и термин «нахарар».

Так, в ИА засвидетельствованы два списка участников албанского собора 705 г. – один список, вытребованный армянским католикосом Илией, другой – халифом Абд-ел-Маликом для хранения в диване. В первом списке после перечня духовенства представлена светская знать: «Шеро, *ишхан* албанский, Джаванко, спарапет албанский, патриций Вардан и брат его Гатик, Баб из рода Грахатеан, Вахтанг Варазманеан, патриций из царского племени Кароеан, Ваган из рода Вараз-Иоанна, Теодорос из Анастоеан, Ростом Вараз-койеан, Зармихр из царского племени Вараз-Курдаке-ан, Махмат из (рода) Шероеан и все другие азаты этой страны». ¹²² Азат здесь несомненно употреблен в широком значении. Согласно данному списку, вся светская знать, представленная широко и поименно, – *ишхан*, люди из царского рода и представители других дворянских родов – именуется азатами.

Список второй, представляющий несколько расширенную

редакцию первого, т.е. вышеприведенного списка, всю эту знать именуется обобщенным термином «нахарары», ибо весь список дан под заголовком: «Список имен албанских нахараров...».¹²³ Существенным дополнением ко второму списку является упоминание ишханов атрпатаканских и сыновей тэров Дейлема.

Из сопоставления списков видно, что азатами, так же как и нахарарами, являются и великий ишхан Албании Шеро, и простые ишханы (атрпатаканские), и представители царского рода, и сыновья тэров, и другие представители родов. При сходстве значений азата с нахараром азат является термином более широким, более общим, чем нахарар, и с несколько иным оттенком. «...По приказанию его (епископа Исраиля) свершилось божественное деяние; *все азатское сословие нахараров* (аменайн азатакойт нахарарац) и рамиков страны гуннов пришли поклониться религии святой церкви».¹²⁴ Здесь представлены как бы два равнозначных термина, означающих светскую знать – азатакойт и нахарары. Но азатакойт подразумевает более широкое значение, так как нахарары, как видно из контекста, происходят из азатского сословия. Это подтверждается и следующим отрывком: «Шапух, персидский царь, приготовил великолепный обед для всех вельмож (мецамецац) *девяти азатских родов (азататохм)* персидских нахараров».¹²⁵

Как явствует из данного отрывка, термины «мецамецк» и «нахарары» означают светскую знать, происходящую из азатского рода.

Далее в этом отрывке повествуется о том, как персидский царь Шапух вознамерился проверить «разрядное положение» армянской знати – азататохма.

В этом отрывке армянская знать именуется то *азататохмом*, то *нахарарами*, то *ишханами*.¹²⁶

Представляют особый интерес термины «азататохм» и «азатазарм» (азатские роды), зафиксированные в ИА,¹²⁷ которые свидетельствуют о том, что термин «азат» относится ко всему роду в целом, следовательно, и к любому члену рода.

Вышеизложенные данные о термине «азат» позволяют сделать выводы о реальном значении интересующего нас термина в условиях раннесредневековой Албании.

1. Азат как термин социальной градации противостоит терминам «шинакан» (крестьянин) и «рамик» (простолудин).

2. Азат в широком значении относится ко всему господствующему классу феодалов, указывая на их социальное положение. Термин «азатк» и его композиты «азат мардик» и «азат арк» обобщенно означают всю светскую знать.¹²⁸

3. Азат означает и наһапета, и азгапета, и мецамецков, и тэра, и сыновей тэров, и ишхана, и великого ишхана, и нахарара. Судя по азататохму и азатазарму азат означал весь феодальный род в целом и любого члена рода, как главу рода (тэра, наһапета, азгапета), так и сыновей рода.

На этом данные ИА о термине азат, пожалуй, исчерпываются. Быть может, Албания не составляла исключения, и термин «азат» употреблялся в Албании, как и в Армении и Иране, в значении еще мелкой военно-служилой знати – всадников. Но данных об этом в ИА нам обнаружить не удалось. В агуэнских канонах азаты зафиксированы как владельцы дастакертов.¹²⁹

Патронимия (агнатическая группа)

Термины «зарм» (азата-зарм), «тохм» (азата-тохм), а также «азг», обозначая вообще родственное начало, употреблялись в значении разных родственных коллективов, как больших, так и малых. Азг и тохм – термины иранского происхождения. Азг в среднеиранском (или парфянском) – «ветвь», «отпрыск».

В смысле родственных отношений азг мог означать одну ступень родства (одного «пупа», одного колена), большую семью, род, племя, племенные группы.¹³⁰

Среднеиранское тохм (иран. *tauxman*) сохранилось в армянском *tohm*¹³¹ – семья, род. В определении терминов «азг» и «тохм» в НСАЯ и в толковом словаре Ст.Малхасянца трудно уловить заметное различие. И азг и тохм объясняются как группа людей, происшедшая от одного предка.¹³²

В таком же значении определяется зарм как синоним тохма и азга.¹³³ В значении родственного коллектива применялся и термин «тун», который первоначально означал «дом», «род», но в период средневековья смысл его обогатился. Он помимо родст-

венной организации означал различные понятия.¹³⁴

В арменистике и иранистике доказывалось, что термины «азг», «тохм», «зарм» и «тун» в армянских письменных источниках применительно к условиям раннесредневековой Армении могли употребляться как синонимы, т.е. означать один и тот же родственный коллектив.

И.Джавахов одним из первых обратил внимание на идентичное употребление в армянских источниках двух терминов – «азг» и «тохм» в значении рода.¹³⁵ Н.Адонц не усматривает смыслового различия между терминами – «азг», «зарм», «тохм», «тун», толкует их как роды и полагает, что они в этот период приобретают оттенок знатности, т. е. означают княжеские роды.¹³⁶

Идентичное употребление терминов азг, тохм и тун у Лазаря Парпеци отмечал С.Акопян.¹³⁷ По мнению А.Г.Периханян, термины «тохм» и «азг» свободно заменяли друг друга.¹³⁸ В синонимичности отмеченных терминов и обозначения ими исключительно знатных родственных коллективов можно убедиться как на основании данных Лазаря Парпеци, так и Фавстоса Бузандаци.¹³⁹

Аналогичная картина прослеживается и в Албании согласно данным ИА. Здесь термины «азг», «зарм», «тун» и «тохм» могут употребляться без смыслового различия, как синонимы.

Наглядно это видно из уже упомянутых двух идентичных списков албанских нахараров, где в одном списке упомянут патрик из царского рода (*азга*) Кароеан,¹⁴⁰ а в другом списке это же лицо засвидетельствовано из рода (*зарма*) Кароеан.¹⁴¹

Синонимичность терминов «азг» и «зарм» не вызывает сомнений. Она явствует из следующего отрывка: «В палящие знойные дни дивный (Джеваншир), взяв глав *азатских родов азата-зарм тохм*, – вместе с дружиной Намесской отдавались потехе в долинах высоких гор...».¹⁴² Здесь одновременно употребляются *зарм* и *тохм* в одном и том же значении. «В армянском синтаксисе обычное явление – постановка двух синонимов для выражения одного и того же понятия».¹⁴³ Из ИА, к сожалению, нельзя привести аналогичные примеры, где один и тот же родственный коллектив был бы засвидетельствован терминами «тун», «тохм», «азг», «зарм». Но из анализа контекстов видно, что каждый из этих терминов применяется к одному родственному коллективу.

Рассмотрим пример с тохмом: «После того, как прошла скорбь (о смерти Джеваншира)... *тэры тохмов*, начальники областей – кусакалы, мецамецки, нахарары и все ишханы этих стран собрались к великому архиепископу».¹⁴⁴

В данном отрывке, который отражает события конца VII в., конечно, тохм осмысляется не как племя и не как патриархальный род, а как какая-то родственная группа.

Синонимичность туна с тохмом видна из отрывка, повествующего о разрядных местах армянской знати. Здесь одни и те же родственные группы именуются то азататохмом, то нахарарскими тунами.¹⁴⁵

Нам представляется, что следует различать термины «азг», «зарм», «тохм», «тун» дофеодалного периода и феодального периода. Думается, что эти термины в эпоху раннего средневековья применительно к условиям Албании и Армении означали не племя и род в его обычном значении [патриархальный род], а тот кровнородственный коллектив, который М.О.Косвен и его последователи-этнографы называют термином «патронимия»,¹⁴⁶ а А.Г.Периханян – агнатической группой.¹⁴⁷ Совершенно очевидно, что в V–VII вв., когда экономической ячейкой албанского и армянского общества была малая семья, в условиях углубившегося распада родовых объединений, в условиях развития феодальных отношений в Албании не сохранились патриархальные родовые общности со свойственными роду подразделениями. Родственные группы представляли собой патронимии. Критерии, которыми характеризуют М.О.Косвен патронимию,¹⁴⁸ А.Г.Периханян – агнатическую группу,¹⁴⁹ по нашему мнению, полностью подходят к тем кровнородственным группам, которые засвидетельствованы в армянских источниках и в «ИА» терминами «азг», «зарм», «тохм», «тун» в период раннего средневековья.

Из рассматриваемых нами терминов («азг», «зарм», «тохм», «тун») лишь термин «азг» исследован на основании этнографического материала армянскими этнографами в качестве патронимии. В.А.Бдоян рассматривает азг как патронимию для Армении XIX–XX вв.¹⁵⁰

Э.Карапетян также толкует азг как кровнородственную группу–патронимию для Армении XIX–XX вв., но полагает, что

еще в средневековой армянской литературе азг и тохм наряду с другими значениями уже означал и патронимию.¹⁵¹

На основе вышеизложенного нам представляются неравномерными переводы К.Патканова и Ч.Доусета терминов «азг» и «тохм» в ИА. В этих терминах они видели разные родственные коллективы. Тохм Ч.Доусет переводит «family», а азг – «race».¹⁵² К.Патканов азг переводит племенем, тохм – родом.¹⁵³ Мы также не согласны с толкованием в научной литературе термина «азг» для раннесредневековой Албании в значении племени.¹⁵⁴

Н.Адонц, сопоставив географическую номенклатуру с нахарарской патронимистикой в армянских источниках, установил тесную связь между ними: либо княжеские дома носят название областей, либо наоборот передают областям свои фамильные имена.¹⁵⁵

Это явление характерно не только для патронимии Армении, но, как установил М.О.Косвен, такие патронимические наименования свойственны многим языкам.

Термин «патронимия» употребляется в двух смыслах: для обозначения данной формы названия населенного места и для обозначения наименования или имени группы родственников, населяющих такое селение.¹⁵⁶ Аналогичная картина прослеживается согласно данным «Истории албан» и в Албании.

1. Представители нахарарских патронимий засвидетельствованы под географическим наименованием, т.е. под названием местности, заселенной данной родственной группой.

Примеры: «Вараз Григор, тэр Гардмана»;¹⁵⁷ «Хосрой, нахарар Гардмана», или «гардманский нахарар»;¹⁵⁸ «Бакур – наһапет Каланкатуйка»¹⁵⁹ и т.д.

2. Азатские патронимии засвидетельствованы со своими азговыми наименованиями, которые отражены, главным образом, на Партавском соборе 705 года: «Баб Грагатъян (Баб и Грагатеан), Вахтанг Варазмяян (Вахтанг и Варазманеан), Теодорос Анастомян (Тэодорос и Анастоеан)¹⁶⁰ и др. Здесь можно выделить патронимический предлог «и» и суффикс «еан» (еаян), свидетельствующие о принадлежности к патронимии, впоследствии образовавшие фамилию.

3. Сохранились личные имена без географической номенклатуры и без азгового наименования.

а) Такие имена сопровождаются, как правило, титулами «азат», «нахарар», «ишхан», или же указанием нахарарских или азатских патронимий (азата-зарм, азата-тохм, тохм азатов).

«Два брата Манук и Мердазат из *тохма азатов*»;¹⁶¹

«Некая женщина по имени Тагухи из *коренных азатов*». ¹⁶²

б) Личные имена с титулами «наһапет», «азгапет», тэр». Так засвидетельствованы, в основном, участники Агуэнского собора 488 г. – азгапеты Марут, Тиразд Аспракос, Шмавон», а также «Пирод наһапет». ¹⁶³

4. Засвидетельствовано одновременно старое родовое имя и патронимическое.

Тэр Сахли Смбаган Ераншахик,¹⁶⁴ где Смбаган – патронимическое наименование, Ераншахик – родовое; «Но тот взял себе жену из тохма Аруедзан, дочь князя Сисаканской страны, к вечной радости сунийцев». ¹⁶⁵ Здесь, видимо, Аруедзан является патронимическим именем, а родовым названием является Сисаканский (Сунийский); Вараз-Трдат Степаносеан, который был из тохма Михрского (Михракан тохмэ).¹⁶⁶ Здесь Степаносеан – патронимическое наименование, а Михракан – родовое. Что касается Армении, то известно, что право называться по фамилии, азговому имени, имели только лица азатского происхождения, другие же назывались по имени и отчеству, или же по собственному имени с указанием места, откуда данное лицо. Например, Лазар Парпеци, Езник Кохбацци.¹⁶⁷ По всей вероятности, такое же явление было в Албании: например, «...некая женщина Мариам Шамхореци»,¹⁶⁸ т.е. простой люд считался «без рода и племени».

«Тэры», «танутэры», «наһапеты», «азгапеты»

Глава азатской патронимии – (туна, азга, тохма, зарма) именовался тэром, танутэром, наһапетом, азгапетом. Из этих терминов «танутэр» и «тэр» являются армянским образованием.

Тэр – владыка, господин, старший в нахарарском роду, глава рода, глава страны. ¹⁶⁹

Танутэр этимологизируется как тэр – владыка туна (рода), буквально родовладыка, домовладыка. А термины «наһапет» и «азгапет» являются иранскими заимствованиями. Наһапет заимст-

вован из парфянского *paḡa – rati* – буквально родовладыка.¹⁷⁰ Азгапет также заимствован из среднеперсидского (или парфянского) – буквально, родовладыка, наследственный глава рода, именем которого назван род.¹⁷¹

Рассмотрим их реальное значение для Албании в период раннего средневековья. Подобно тому, как термины «тун», «азг», «тохм», «зарм» означают в период раннего средневековья азатские патронимии, соответственно этому и термины «тэр», «танутэр», «наһапет», «азгапет», «тохмапет» означали глав знатных азатских патронимий, глав азатазармов, азататохмов.

Н.Адонц полагает, что «в дошедших до нас исторических памятниках термины «тэр», «танутэр», «нахарар» и «наһапет» чередуются между собою как реально синонимные понятия, но с той лишь особенностью, что у одних авторов употребляются преимущественно одни, а у других – другие».¹⁷² Нам представляется, что термины «тэр», «танутэр», «азгапет», «наһапет» не следует считать тождественными термину «нахарар». Термины «тэр», «танутэр», «наһапет», «азгапет» несут в себе признаки как родового порядка (определяют положение лица в патронимии), так и признаки социального порядка (означают глав азатских патронимий, т.е. феодальных патронимий). А термин «нахарар» указывает только на социальное сословное положение лица в обществе, т.е. на его принадлежность к феодальной знати.¹⁷³ Фактически термин «нахарар» и остальные перечисленные термины характеризуют различные аспекты роли одного и того же лица в обществе. А употребление одного из терминов «тэр», «танутэр», «азгапет», «наһапет» зависит от того, какому термину автор отдает предпочтение. Так, у Фавстоса Бузандаци принят термин «наһапет», а «танутэр» упомянут всего семь раз; у Егише – «ишхан», у Лазаря Парпеци – «тэр», «танутэр». У Моисея Каланкавуйского главы азатских патронимий засвидетельствованы, главным образом, термином «тэр», дважды – «наһапет» и «азгапет». Танутэрами именуются, согласно ИА, в VIII в. настоятели монастырей.¹⁷⁴ В Албании техническим термином для обозначения глав азатских патронимий был, очевидно, термин «тэр».

Термины «наһапет» и «азгапет» засвидетельствованы в списке лиц участников Агуэнского собора. Обратимся еще раз к

рассмотрению состава собора и конечного списка лиц, утвердивших каноны.

На соборе перед албанским царем Вачаганом предстали христианский клир, «и азаты, и наһапеты Арцаха, и наһапет Каланкатуйка Бакур¹⁷⁵ и многие другие... и так постановили». ¹⁷⁶ После изложения текста канонов (их 21) дан перечень лиц, скрепивших их печатью, в следующем составе: «К этому предписанию приложили перстни храманатар, хазарапет, азгапеты: ¹⁷⁷ Маррут, Тиразд, Аспракос, Шмавон, Бакур, Аратан, храбрый Вардан, тэр Гардмана, ¹⁷⁸ Хурс, Германосан Хосген, наһапет Пирод ¹⁷⁹ и все азаты Албании». Данные двух списков и текст канонов не оставляют сомнений в том, что наһапеты, азгапеты, тэры, как и азаты, принадлежали к правящим социальным элементам, т.е. являлись знатью. Они присутствуют на соборе и вместе с царем разрабатывают и утверждают официальный документ – каноны. Основываясь на терминах «наһапет» и «азгапет», засвидетельствованных на Агуэнском соборе V в., С.Т.Еремян полагает, что «еще в конце V века в горных ущельях и лесистых районах страны продолжали жить племена скотоводов и охотников, организованные в родоплеменные объединения – «азг», во главе которых находились племенные вожди – «азгапеты». Каждое племя представляло собою совокупность кровнородственных общин, во главе которых находились родовые патриархальные главы, родовладыки - «наһапеты». ¹⁸⁰

Думается, что термин «азг» вряд ли правомерно применять для раннесредневековой Албании в его изначальном смысле, т.е. как племенное объединение.

Согласно ИА, как было показано, термины «азг», «тохм», «зарм», «тун» означали один и тот же реально существующий родственный коллектив – патронимию. И главное, этими терминами засвидетельствованы в ИА азатские патронимии. Очевидно, что между терминами, означающими глав таких патронимий, не следует усматривать смысловое различие. Термины «наһапет» и «азгапет» не только этимологически, но даже в рассматриваемых текстах реально являются синонимами. В одних текстах рукописей засвидетельствованы наһапет Арцаха и Каланкатуйка, в других – азгапеты. Даже в одном и том же тексте Бакур назван то

наһапетом, то азгапетом,¹⁸¹ Вардан, тэр Гардмана, упомянут в списке азгапетов.

Исходя из сказанного, мы полагаем, что не следует видеть в азгапетах агуэнских канонов «племенных вождей», а в наһапетах - «родовых патриархальных глав кровнородственных общин»¹⁸² и на этом основании считать, что в Албании в V в. продолжал господствовать первобытнообщинный строй.¹⁸³ Какую же знать представляют собой термины «наһапет», «азгапет», «тэр»?

Как было отмечено в разделе об азатах, основными классами албанского общества в V в. согласно канонам были шинаяны - крестьяне и феодальная знать – азаты.

В понятие «азат» входит, как было сказано, вся светская знать, включая и присутствующих на соборе наһапетов–азгапетов и тэров.

Следует подчеркнуть, что азгапеты и наһапеты засвидетельствованы только в двух списках как присутствовавшие на соборе и утвердившие каноны. Ни одна статья канонов непосредственно им не посвящена, светская знать именуется здесь, как было сказано, «азатами». Становится совершенно очевидным, что если господствующим классом является феодальная знать – азаты, и каноны отражают их интересы, то эти каноны не нуждаются в юридическом утверждении со стороны «племенных вождей – азгапетов» и «патриархальных родовых глав наһапетов». Следовательно, термины «наһапет» и «азгапет» в канонах означают феодальную знать и потому входят в понятие «азат» в широком смысле. Наһапеты и азгапеты представляют собой на соборе глав азатских – феодальных патронимий.

* * *

Власть наһапетов, азгапетов, тэров простиралась на всю азатскую патронимию, на всех ее членов, на территорию, область, занимаемую патронимией. Это видно из следующих отрывков ИА.

«Тэры тохмов – патронимии и ишханы все со страхом и любовью покорялись ему (Джеванширу)».¹⁸⁴

В данном отрывке тэры представлены как владыки патронимии. В списке Агуэнского собора засвидетельствованы «наһапеты-азгапеты Арцаха... наһапет-азгапет Каланкатуйка Ба-

кур...», «Вардан, тэр Гардмана». Вот еще следующие примеры из ИА. «Вараз-Григор, тэр Гардмана»,¹⁸⁵ «тэр Ширака»,¹⁸⁶ «Васак, тэр Сюника».¹⁸⁷

Из данных примеров следует, что азгапеты-наһапеты, тэры являются главами областей, поселений, территорий, которые занимали их патронимии. Следовательно, тэры, азгапеты-наһапеты являются одновременно владыками как патронимии, так и области вместе, т.е. азгапет-наһапет был и господином, и правителем, и сеньором, и старшиной патронимии.

В Армении, согласно армянским источникам, в период раннефеодальных и феодальных отношений прослеживается аналогичное явление относительно власти тэров, танутэров, наһапетов, азгапетов.

Реальное значение указанных терминов для феодальной Армении исторически и филологически освещено в работах Х.Инджиджяна,¹⁸⁸ К.Костанянца,¹⁸⁹ И.Джавахова,¹⁹⁰ Я.А.Манандяна¹⁹¹ и др.

Ишхан. Свидетельством того, что вся власть нахарарства¹⁹² была сосредоточена в руках тэров, танутэров, наһапетов, азгапетов, является, как доказано в арменистике, их титул «ишхан», что означает «властитель», «владелец», «господин», «повелитель». Термин ишхан употребляется как синоним терминов «тэр», «азгапет», «наһапет», но с той особенностью, что он употребляется больше в политическом аспекте. Термин «ишхан» применяется, главным образом, тогда, когда речь идет о политической власти, об управлении нахарарством, областью, страной. Это особенно наглядно вытекает из того, что правители Албанской страны, великие князья, именуются в «Истории албан» «ишханами Албании», «великими ишханами Албании». Так, засвидетельствованы представители Михранидов, начиная с Вараз-Григора, и далее.¹⁹³

Термин «ишхан» впервые упомянут в «Истории албан» наряду с терминами «тэр», «наһапет», «азгапет» в V в.¹⁹⁴ Но с VI в. среди перечисленных терминов становится доминирующим термин «ишхан». Это происходит, очевидно, по той причине, что по мере того, как власть тэров, азгапетов-наһапетов приобретает все более политико-административный характер, термины, восходящие к родовому строю, вытесняются термином «ишхан», который

полнее выражает положение феодального правителя. Поэтому, видимо, ишханы еще именуются гаваратэрами (правителями областей), когмнакалами (правителями края).

Из данных армянских источников широко известно, что танутэром, тэром, наһапетом, азгапетом становился старший член в патронимии, который наследовал нахарарство по неписаному праву, обычаю.

Несмотря на то, что танутэрство наследовалось в Армении по принципу старшинства, царская власть вмешивалась в вопросы наследования танутэрской власти. Это вмешательство выразилось в том, что царь признавал и утверждал права законных наследников. Но ввиду того, что старшинство в патронимии зиждилось на принципе майората, утверждение это носило в Армении все же формальный характер.

Что же касается Албании, то о принципе наследования танутэрской власти и утверждении ее царской властью в ИА непосредственных данных не сохранилось. Однако наличие в Албании института тэрства и косвенных данных о майоратном праве позволяет считать, что в Албании был такой же правопорядок наследования танутэрской власти, как и у армян. Но в «Истории албан» отражен факт, свидетельствующий о том, что в Албании принцип старшинства мог нарушаться в патронимии правителей страны – великих ишханов.

Так, ишханом албанской страны и тэром Гардмана стал не старший сын Вараз Григора, по имени Вараз-Пероз, а второй сын Джеваншир.¹⁹⁵ Вероятно, в Албании тэры утверждались вначале албанскими царями, а позднее персидскими. «Танутэрства обладали важными функциями, и верховное утверждение танутэра во власти имело целью обеспечить обязанность его по отношению к государству – вассальную службу».¹⁹⁶

«Нахарары»

На основе анализа данных ИА нам представляется, что термин «нахарар» является вторым после термина «азат» общим широким термином, прилагавшимся ко всей светской знати.

В иранистике и арменистике существует много этимологий

данного термина.¹⁹⁷ Окончательная этимология термина была установлена недавно В.Хеннингом, по мнению которого термин *пахараг* представляет парфянское заимствование. Древнеармянское *пахараг* - точное соответствие парфянского *пахwаdаg* «тот, кто держит начало, первое место, перводержавший, начальник».¹⁹⁸

Мы попытаемся проанализировать реальное значение интересующего нас слова в общественной жизни Албании в период раннего средневековья.

В главе «Непосредственные производители» были рассмотрены тексты, которые показали, что нахарары противопоставляются простому люду – шинаканам (крестьянам), рамикам (простолюдинам). Нахарары могут противопоставляться и толпе – хурн. «В то время в стране нашей произошли великие смуты, ибо толпы (хурн), объединившись вместе, и собравшиеся мецамец нахарары и вся страна... оплакивали князя...».¹⁹⁹ Из текста видно, что нахарар выступает в качестве широкого термина для обозначения светской знати. В данном отрывке говорится не просто о нахарарах, а о *мецамец нахарарах*, т.е. великих нахарарах. Тексты не позволяют точно установить, что подразумевается под «великими» нахарарами – их родовитость, именитость, могущество? И не идентичны ли мецамец нахарары аваг нахарарам (старшим нахарарам)? Нахарары как общее обозначение светской знати в отличие от духовной знати зафиксированы в качестве спутников албанского царя Вачагана III во время обретения мощей. «Тогда епископы, и иереи, и *нахарары*, и их жены, каждый в своей одежде выгребали землю из ямы».²⁰⁰

Светская знать, именуемая нахарарами, может быть выражена терминами «азаты» и «мецамецк»²⁰¹ вельможи (не смешивать с прилагательным мецамец). Так, в главе 3-й (кн. ИА, III) повествуется о том, как епископ Гардмана Тер-Нерсес Бакур, будучи халкедонского вероисповедания, с помощью Спрамы, жены Вараз-Трдата, последовательницы того же учения, становится албанским католикосом. «Вняв ему, злочестивая женщина совещалась с епископами и с *мецамецок* (вельможами или главами патрионимии)».²⁰² Далее сообщается: «И с ее помощью, а также тех *нахараров*, которые приняли его плевелы, он успешно разрушил множество церковных алтарей...».²⁰³ Здесь очевидно, что термины

«нахарар» и «мецамецк» равнозначны.

При всей однозначности термины «мецамецк» и «нахарар» могут не только заменять друг друга, но и употребляться вместе. Так, о терминах «мецамецк» и «нахарар», примененных к гуннской знати, ИА сообщает следующее. Глава 42 кн. II озаглавлена: «Совет великого ишхана гуннского Алп-Илитвера со своими *нахарарами*...». ²⁰⁴ А в первых строках повествуется: «...Великий ишхан гуннов вступает в благое совещание со всеми *мецамецками* и *нахарарами* своего царства». ²⁰⁵ Здесь, видимо, следует понимать «мецамецк и остальные – другие нахарары».

Аналогичный пример: «...сам великий царь (Урнаир) с *мецамецками*, с нахарарами и с сильным войском отправился в Армению». ²⁰⁶

Употребление нахарара в значении, сходном с азатом, видно из двух списков участников Партавского собора 705 г., которые были рассмотрены в связи с термином «азат». Сопоставление двух списков показало, что *нахарарами*, так же как *азатами*, являются и великий ишхан Албании Шеро, и простые ишханы – атрпатаканские, и представители царской патронимии, и, главное, сыновья тэров и другие представители патронимий. Следовательно, термин «нахарар» идентичен азату и шире по значению, чем «ишхан», «тэр» и др. Об этом свидетельствует и другой отрывок. Глава 32 кн. II озаглавлена: «*Нахарары* албанские роднятся с язычниками и подвергаются проклятью». ²⁰⁷ А в самой главе читаем: «*Глхаворы* (главы, старшины) ²⁰⁸ албан осквернили себя супружеством с чужестранками. Во-первых, патронимия (тун) Когга, тэра царского происхождения, ²⁰⁹ затем в гаваре – области Аршакашене три патронимии (тунк): Дастакерайн, Дженшмиан и Мамшегун, ²¹⁰ и по ту сторону реки Куры – патронимия (тун) Хеджери, в гаваре Ути, в Гисе – патронимия Вараз-Пероза, ²¹¹ который имел титул Лахнара, и служилый род – патронимия (спасатун) Варажан, который был в Аржакане ²¹² и патронимия Тувераку».

Из сопоставления заголовка и самого текста видно, что нахарары идентичны глхаворам. Думается, что термин «нахарар» относился не только к главам – глхаворам, но и к членам патронимии, что видно из текста, где акцентируется тун – патронимия,

осквернившая себя. Заслуживает особого внимания, что нахарарами именовалась и царская патронимия с ее тэром.

Рассмотрим еще пример, подтверждающий, что нахарар мог означать и ишхана. «Вараз-Трдат... отправил к нему (Израилу) старших мужей ишханов из нахараров (арс авагс ишханс и нахарарац)». ²¹³

Термин аваг – старший ишхан - представляет большой интерес, его мы коснемся. Из данного отрывка явствует, что в категорию нахараров входят и ишханы, в том числе и старшие ишханы. Термины «нахарар» и «ишхан» могут употребляться как равнозначные, но все же по сравнению с ишханом нахарар является термином более широким. Так, ИА сообщает, что Вараз-Трдат, великий албанский князь совещался с духовенством и *нахарарами* об отправлении к гуннам албанского епископа. «Думая об этом, *ишханы* и *нахарары* тотчас избрали и послали мудрого и скромного епископа из области–гавара Мец-когманц». ²¹⁴ И так, светская знать обобщенно представлена термином «нахарары», а затем, видимо, конкретизируется – ишханы и нахарары. В данном случае слово ишхан как бы подчеркивает широкое значение термина «нахарар».

В последнем отрывке нахарары, видимо, означают прочих (остальную светскую знать), кроме ишханов, если только здесь нет тавтологии. Видимо, ишханы всегда являются нахарарами, но не каждый нахарар может быть ишханом.

Анализ контекстов ИА показывает, что употребление одного из терминов – нахарар, тэр, ишхан, мецамецк в применении к гуннской знати зависит от того, каким термином обозначен глава гуннов, великий князь. Глава гуннов в ИА засвидетельствован либо ишханом, либо тэром и ни разу не именуется нахараром. И это позволяет нам, кажется, сделать вывод, что при всей равнозначности терминов «ишхан», «тэр» и «нахарар» между ними имеется оттенок различия. Термины «ишхан» и «тэр» уже по сравнению со словом нахарар. Нахарар – термин социального порядка.

Чтобы сделать несомненным наш вывод о термине нахарар для раннесредневековой Албании, необходимо сравнить его со значением данного термина для Армении по армянским источникам.

Реальное значение термина «нахарар» по трудам армянских источников (Егише, Фавстоса Бузандаци и Лазаря Парпеци) впервые исследовано И.Джаваховым. По его мнению, «нахарар может обозначать и *сепуха*, и *ишхана*, и *танутэра*; это ничто иное как название одного общего понятия, под которое подходили все три и которое противопоставляется только рамикам и шинаканам».²¹⁵

Н.Адонц, принимая нахарара за синоним наһапета, считает его лишь главой феодального рода.²¹⁶

Значение исследуемого термина для Армении прослежено нами в произведениях Агафангела, Егише, Фавстоса Бузандаци, Лазаря Парпеци, Мовсэса Хоренаци, Себеоса.

Лазар Парпеци сообщает, что после письма персидского царя Иездигерда по приказанию танутэров Армении собрались духовенство и светская знать. Духовенство: «епископы гаваров, которые именуются тэрами, иереи и старшие иноки». Историк сообщает: «И кто собрались из *нахараров* – тэр Васак, тэр Арцруни – Нершапух, Врив Малхаз, тэр Мамиконян и спарапет Армении Вардан, тэр Вахевуни-Гют, тэр Мока–Артак, тэр Андзеваци – Шмавон, тэр Апахуни – Манеэг, тэр Вананда – Араван, тэр Аршаруни – Аршавир, тэр Амадуни – Вахан, тэр Гнуни – Атом, тэр Палуни – Варашапух, тэр Ашоца – Храхат, тэр Димаксеан–Хмайеак, тэр Абелеан – Газрик, тэр Аравелеан – Папаг, Врэн Дзюнакан. *Все эти аваг танутэры*, вместе с *аваг сепухами* и благочестивыми епископами и аваг иереями и иноками написали царю Язкерту и всей знати – (авагани) персидского двора ответ».²¹⁷

Приведенный отрывок можно понять двояко: 1) поименно перечисленные тэры (они же аваг танутэры) именуются нахарарами; 2) нахарарами являются как тэры, аваг танутэры, так и *аваг сепухи*, хотя имена последних не зафиксированы. В последнем случае нахарар по своему значению шире каждого из перечисленных терминов.

Заслуживает особого внимания факт, что нахараром мог быть назван и сепух, на что впервые обратил внимание И.Джавахов. Так, Лазар Парпеци сообщает: «...некто из нахараров Андзеваци, один сепух, имя которого Иоанн».²¹⁸

По данным армянских источников, в Армении нахарар мог означать и ишхана. Так, Агафангел сообщает: «Тогда царь... собрал поспешно главных нахараров (згхаворс нахарарац) и наместников стран – во-первых, ишхана дома Ангех; во-вторых, ишхана Агдзника, ...в-третьих, ишхана мардпетского княжества».²¹⁹

Из данного отрывка явствует, что ишханом является не всякий нахарар, а главный нахарар - глхавор нахарар.

К выводу, сделанному И.Джаваховым о термине «нахарар», следует добавить, что рассматриваемый нами термин мог означать и наһапета, и высшую знать (мецамец авагани) и азатани и танутэров вместе с сепухами.

Так, светскую знать Армении, Иберии и Албании, вызванную персидским царем Иездигердом II ко двору, Лазар Парпеци именует «мецамец авагани»,²²⁰ «танутэры и аваг сепухи»,²²¹ «азатани» и «азатореар»²²² и «нахарары».²²³

Фавстос Бузандаци сообщает: «...у некоего Андовка, одного из нахараров, сунийского наһапета, была дочь по имени Парандзем».²²⁴

Итак, реальное значение термина «нахарар», по данным армянских источников, вполне согласуется с тем содержанием, которое выявляется на основании анализа ИА.

Сравнительное изучение фактического материала по истории раннесредневековой Албании и Армении позволяет сделать некоторые выводы о термине нахарар.

Среди многочисленных терминов, относящихся к светской знати, нахарар является вторым, после азата, общим широким термином.

1. Нахарар может означать светскую феодальную знать в целом («авагани», «азатани», «азататохм», «патуакан арк», «танутэров и сепухов»).

2. Нахарар употребляется в значении, сходном с терминами «тэр», «танутэр», «аваг танутэр», «наһапет», «мецамецк», «ишхан», «мец ишхан», т.е. может означать главу феодальной и царской патронимии, правителя княжества, области.

3. Нахарар означает также и сепуха, и «сына тэра» и азата, т.е. кроме глав патронимии нахарар означает любого члена феодальной и царской патронимии.

4. Нахарар как господствующая феодальная знать противопоставляется простому люду – шинаканам, рамикам, «толпе» (хурну, харниджаханджу).

Таким образом, нахарар – общий технический термин для обозначения всех членов феодальной патронимии (как старших, так и младших), а также для обозначения всего дворянского сословия в целом.

Нашим выводам о широком значении термина «нахарар» не противоречит определение этого термина Н.Адонцем,²²⁵ т.к. его толкование не охватывает всей широты понятия, которое является в первоисточниках. Если значение нахарара было бы столь узким, как полагал Н.Адонц, то были бы необъяснимыми сообщения Лазаря Парпеци и Моисея Каланкатуйского о нахарарах – сепухах и «сыновьях тэров» – нахарарах. Столь широкое и общее употребление термина позволяет заключить, что в изучаемое время нахарар является термином не политико-административного,²²⁶ а социально-сословного значения. Это подтверждается тем фактом, что нахарар по своему реальному значению соответствует двум столь разным понятиям – тэру-танутэру (главе патронимии) и сепуху (рядовому члену патронимии), занимающим разное положение в патронимии.

В пользу этого говорит и то, что при совпадении значения нахарара с тэром и ишханом – как правителями областей, политико-административных единиц и государств таковые именуются в источниках или ишханом или тэром и ни разу не засвидетельствованы термином «нахарар». Так, правители гуннов, а также великие князья Албании – Михраниды, правители княжеств именуются или тэрами или мец ишханами. Тем не менее эти же правители – ишханы, тэры в среде феодальной знати являются нахарарами. Следовательно, нахарарами они являются по своей социальной сословной принадлежности. Поэтому термин «нахарар» показывает социальное сословное положение лица в обществе, а термины «ишхан» и «тэр» – положение, должность, занимаемую этим лицом в области, стране, государстве, патронимии.

Социальное содержание нахарара объясняет, почему этот термин не засвидетельствован на Агуэнском соборе V в. и Партавском соборе VIII в. (705 г.).

Согласно спискам участников, на соборе присутствовали по одному представителю от каждой феодальной патронимии. Это были главы патронимии, засвидетельствованные в ИА реально и этимологически синонимными терминами «наһапет», «азгапет» и «тэр».

Эти родовладыки по своей социальной принадлежности, естественно, являются нахарарами, в силу чего отпадает необходимость упоминания этого термина. Но в списках представлен другой термин социального значения, который шире по своему значению, чем термин «нахарар». Это – азаты, и в контексте термин нахарар становится излишним.

§ 2. Структура государственной власти Албании

а) Местнический институт. Иерархия

Чем же владели нахарары? Этот вопрос получает полное освещение в сказании об Андоке и Бабике, приводимом в ИА.

Следует оговорить, что исследуемый нами отрывок на первый взгляд будто бы не имеет непосредственного отношения к Албании, тем не менее сам факт наличия его в ИА без авторских комментариев, перенесение ссоры Андока с Шапухом на почву местнических споров²²⁷ (самим автором ИА или его источником, неизвестно), а также принимая во внимание, что Сюник принадлежал Албании и был больше с ней связан - все это позволяет полагать, что порядок, изложенный в сказании, не был чужд нашему автору, и такое явление было характерно и для Албании. Об этом свидетельствуют и прочие данные ИА и армянских источников, что будет изложено ниже.

Рассмотрим сначала текст об Андоке и попытаемся его проанализировать. «История албан» сообщает, что персидский царь Шапух захотел проверить, «какие народы и языки имеют бардз («подушка»)²²⁸ и патив» («почет»)²²⁹. Он устроил великолепный обед для всех вельмож девяти азатских родов (патронимий) персидских нахараров и сообразно гаһу (месту) знатности (ыст гаһу наһаптив)²³⁰ он чествовал каждого из них чашей и виноградской лозой.²³¹ А мобедан-мобед удостоился за царским столом самого высокого почета. Совещаясь с вельможами своими,

царь сказал: «Я хорошо знаю о разрядности (знахадрутюн)²³² персов и истинных Пахлавов – парфян и азатов, но об азатских патронимиях (азататоһмн) Армении и о порядке их почетов (нахапатутюн)²³³ мы ничего не могли узнать ни от царей, отцов наших, ни из писателей. И вам, армянским нахарарам, остается одно из двух: или показать древний документ о разряде и почете (застиджан ев зпатив)²³⁴ каждой патронимии (танц) и получить от нас большие почести. Или же, если не сможете воочию показать нашему арийскому народу (документ), то ваши разрядные места (знаханист бардзс), патив и тун, и землю, и воду, и все имущество ваше мы пожалуем арийским азатам.²³⁵ В то же время ишханы Армении поднесли царю желанную историю Агафангела... Царь нашел в ней запись о 17 бардзах, стал по ней распределять место каждого за царским столом. Четырнадцатый барзд достался Андоку, тэру сюнийскому, он надулся и ничего не ел».²³⁶

Из текста явствует, что бардз и гаһ осмысляются как ранг, разряд.

Из приводимого отрывка видно, что каждая азатская патронимия имела свой гаһ, бардз, патив, владение (тун), землю, воду и имущество. Юридическое владение всем перечисленным обеспечивалось, как видно из приводимого отрывка, наличием у каждой азатской патронимии «ранга и почета» (гаһа–бардза и патива), которые зависели от порядкового места, занимаемого патронимией в Разрядной грамоте – гаһнамаке. «Ранг и почет» азатской патронимии находил отражение в том месте, которое занимал глава патронимии за царским столом. Ухтанес сообщает, что армянский царь наделил каждое нахарарство «бардзом и пативом и по подушке и властью, сообразно их достоинству».²³⁷

Н.Адонц, исследовав местнический список гаһнамак и воинскую грамоту зорнамак²³⁸ армянской знати, указал, что «в основание гаһнамака положена военная сила: нахарарства расположены по нисходящей линии, сообразно силе конницы, которой располагало каждое из них».²³⁹

Такого же мнения придерживается С.Т.Еремян.²⁴⁰ А воинская сила каждого нахарарства определялась, очевидно, числом подданных и размером земельного владения нахарарства. Следовательно, «ранг и почет» каждой азатской патронимии зависели

от экономической мощи, политического положения, количества поставляемого войска каждого нахарарства. Совершенно естественно, что между азатскими патронимиями не могло быть полного фактического и юридического равенства, между ними должны были установиться ранги, иерархия. Так, самым могущественным среди нахарарств было Сюнийское. Сюник представлял природную крепость на огромной территории с многочисленным населением. Конное войско Сюникского владения было самым большим, оно достигало 19400 человек. Именно поэтому тэр Сюнийский занимал первое место среди других нахараров.²⁴¹ И становится понятным из рассматриваемого нами отрывка, почему Сюнийский тэр Андок выразил недовольство, когда ему представили 14-й гаһ в нахарарской иерархии.

Таким образом, разрядный список устанавливал порядок нахарарской иерархии, определял место и положение каждой азатской патронимии в общественно-политической жизни страны.

Разбираемый нами отрывок свидетельствует о наличии непосредственно в Иране и подвластных ему землях института местничества, в частности и в Албании.

Вопрос местничества – один из важных вопросов общественно-экономического строя древней Албании – не исследовался в научной литературе.²⁴²

С помощью исследованного отрывка можно разобраться в некоторых отрывочных данных об Албании, зафиксированных в ИА и в армянских источниках, и выявить в Албании аналогичную картину: албанская знать, как и армянская, располагала владениями, землей, водой и главное разрядом – гаһом, бардзом и пативом. Думается, что положение, отраженное в сказании об Андоке, относилось не только к Сюнику, но в равной мере и к Иберии, и к остальной Албании.

Действительно, из отрывка следует, что разрядное положение (местничество), существовавшее при дворе сасанидских царей, было обязательным не только для персидской знати, но и для знати других народов, подвластных персидскому государству. Ведь в отрывке сказано, что персидский царь Шапух захотел проверить, *какие народы и языки* имеют бардз и патив. Очевидно, что в состав «народов и языков» персидского владычества

входили не только армяне, но и иберы и албаны, знать которых также должна была иметь местнический список. Наше предположение о наличии у албанской знати местнического порядка подтверждается, кроме данных о Сюнике, также другими данными из Лазаря Парпеци и Моисея Каланкатуйского, относящимися к Албании.

Лазар Парпеци сообщает, что знать (азатореар) трех стран – Армении, Иберии и Албании прибыла к персидскому двору, выслушала слова почета, обещаний и смертных угроз от царя, и тогда Вардан Мамиконян держал ответную речь. «Многие из знати (азатореар) этих трех стран (Армении, Иберии и Албании) старше меня и по гаһу и по возрасту, и много таких, которые младшие»,²⁴³ т.е. многие из присутствующих азатов были старше и соответственно младше Вардана Мамиконяна по рангу и возрасту. Из отрывка видно, что и албанские азаты имели ранг, следовательно, и в Албании наличествовал местнический порядок. Это подтверждается также сообщениями ИА о наличии в Албании старших (аваг) нахараров: «Тогда поспешно отправил он (Вараз-Трдат) за ним мужей *старших ишханов из нахараров*, чтобы его поспешно доставили бы к нему».²⁴⁴ Рассмотрим, какое значение имеют аваги для местнического института. Из приведенных данных Лазаря Парпеци и Моисея Каланкатуйского можно заключить, что в Албании, как и у армян, нахарары делились на два разряда – старших («аваг») и младших («кртсер»). Следует оговориться, что в ИА не засвидетельствованы непосредственно «кртсеры», но наличие «авагов» – старших, естественно, подразумевает и наличие младших – «кртсеров».

Деление нахараров на старших и младших засвидетельствовано в армянских источниках – у Фавстоса Бузандаци, Лазаря Парпеци, Мовсэса Хоренаци и Егише. Однако среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, что является критерием для возведения нахарара в ранг авага или кртсера.

Впервые этот вопрос исследовал Х.Инджиджян, по мнению которого «старшими нахарарами являлись те, которые были старше по занимаемой должности и по управляемой области».²⁴⁵

К.Костанянц и Н.Эмин попытались дать иное толкование. По их мнению, и «аваг нахарары» произошли от древних цар-

ских и дворянских родов или от древних родоначальников, а «кртсер нахарарами» были те, предки которых были простолюдинами и нахарарство получили от царей за хорошую службу или за верность.²⁴⁶

И.Джавахов, исходя из толкования речи Вардана Мамиконяна (приведенного нами выше из Лазаря Парпеци), отличительным признаком старшинства нахараров считает их *гаһ* и возраст, причем, под *гаһом* в данном случае он понимает область.²⁴⁷ Я.А.Манандян считает верным мнение И.Джавахова, но с той разницей, что под *гаһом* понимает ранг – разряд.²⁴⁸ Н.Адонц же полагал, что нахарары делились на младших и старших согласно их могуществу.²⁴⁹ С.Акопян считает верным мнение всех перечисленных исследователей.²⁵⁰

Из речи Вардана Мамиконяна, приведенной у Лазаря Парпеци и из сообщения Мовсэса Хоренаци следует, что юридическим критерием старшинства является *гаһ* – ранг. Так, Мовсэс Хоренаци сообщает, что после смерти аспета Саака Багратуни католикос Саак, желая, чтобы на его место был назначен его зять Амазасп, отправился к персидскому царю и заодно просил царя о смягчении участи опальных князей Камсараканц и Аматуни.

Царь «даровал жизнь оставшимся (Камсараканцам и Аматуни) и приказал возратить конфискованные в казну владения обоих князей, но *только не утвердить на гаһе отцов*, а опустить ниже многих нахараров, установить в разряд младших; род же (патронимию) Амазаспа, т.е. род Мамиконидов, поднять, чтобы они были установлены в *пятом гаһе* среди армянских нахараров и вписать в диван мой».²⁵¹

Из данного отрывка явствует, что, во-первых, в разряд старших или младших возводится не отдельный нахарар, а вся нахарарская патронимия («...род же Амазаспа... чтоб они были установлены в пятом *гаһе*...»). И, во-вторых, совершенно бесспорно, «*гаһ*» осмысливается как иерархическое место, ранг, который выступает как признак старшинства.

А *гаһ* – ранг, занимаемый нахарарской патронимией в нахарарской иерархии, как было отмечено, определялся экономическим, политическим положением, воинской силой, которой располагала нахарарская патронимия. Следовательно, в основе деления

нахараров на старших – аваг и младших – кртсер лежали не знатность происхождения,²⁵² не возраст,²⁵³ а, как правильно отметил Н.Адонц, экономическое и политическое положение и соответствующее этому положению иерархическое место.²⁵⁴ Данный вывод относится к периоду раннего средневековья. Быть может, в период, предшествующий исследуемому, в основе деления на аваг и кртсер лежали знатность происхождения, личные заслуги.

Личные заслуги нахараров принимались в счет, очевидно, при наличии централизованной царской власти. Исходя из того, что в разряд старших (аваг) или младших (кртсер) возводили всю патронимию, что мы видели в сообщении Мовсэса Хоренаци, нам представляется, что титулы аваг и кртсер прилагаются к патронимии и, следовательно, относятся к любому члену патронимии – будь то танутэр (наһапет) или сепух,²⁵⁵ свидетельствуя о принадлежности их к старшей или младшей азатской патронимии.

И.Джавахов и Я.А.Манандян полагают, что аваг сепухом называли либо по важности нахарарского рода, либо по возрасту.²⁵⁶ Н.Адонц считал, что аваг сепухом был старейший по возрасту сепух в нахарарском доме, который после смерти танутэра наследовал его ишханство.²⁵⁷ Непосредственных данных, по которым можно было бы разрешить этот вопрос, нет. Наше же предположение основывается на том факте, что в разряд младших или старших возводили всю патронимию.

Таким образом, аваг нахарарами считались те нахарары, патронимии которых в соответствии с поставляемым войском занимали первые гаһи. С.Т.Еремян считает, что старшие нахарары делились на бевраворов, имеющих более 10 тысяч всадников, и азараворов, имеющих более тысячи всадников.²⁵⁸

Видимо, является несостоятельным утверждение И.Джавахова, что между старшими и младшими не было иерархического различия.²⁵⁹

В свете вышеизложенного становится совершенно очевидным, что как гаһ Сюникского тэра, так и гаһи албанской знати, упомянутые у Лазаря Парпеци, и «аваг ишханы из нахараров» у Моисея Каланкатуйского свидетельствуют о наличии в Албании в исследуемый период местнического института, нахарарской иерархии, в которой каждая патронимия имела гаһ, соответствующую

ший ее экономическому положению и общественно-политической роли в стране. В Албании, как и в Армении, сословие нахараров имело свою иерархию и распадалось на два разряда. Нахарары первого разряда именовались старшими (авагами) и являлись вассалами царя. А нахарары второго ранга, младшие – кртсеры, были, видимо, вассалами аваг нахараров.

б) Вассалитет

Тэры и наһапеты как юридические лица патронимического владения отвечали за службу своей патронимии. Взаимосвязь между царем и нахарарами осуществлялась службой последних. Вассальная служба, которую несли нахарары перед царем (местным, впоследствии Сасанидами), в Армении и в Албании именовалась царайутюн или гордзакалутюн, а сами нахарары, вассалы царя – царай и «аркуни гордзакал». «Царай» – слуга и «царайутюн» – служба как определенные термины нахарарской организации не только могут сравниться с русским словом «слуга» и *vassus, servus, servitium* феодальной Европы, но и своим значением совершенно соответствовали этим словам.²⁶⁰ А гордзом, гордзакалутюном именовалась большая или малая должность нахараров.²⁶¹ Нахарары, занимающие должность, именовались «аркуни гордзакал» – «царскими служащими». По мнению Н.Адонца, «гордз» и «гордзакал» соответствовали терминам *office* и *officier* Западной Европы.²⁶² Как сообщает Лазар Парпеци, нахарары армянские, албанские и иберийские считались слугами – царайк персидского царя Иездигерда II.²⁶³

В ИА есть интересные данные, свидетельствующие о вассальной службе. Так, сообщается, что когда арабы выступили против персов, «тогда все, находящиеся под властью персидского царя - полководцы, ишханы, тэры и коренные (потомственные) азаты (бнашхарник азатк) в разных областях - странах собирают войско против чужеземного врага».²⁶⁴ Далее автор ИА сообщает, что великий ишхан Албании Вараз-Григор отправляет албанское войско под предводительством своего младшего (второго) сына Джевانشира.²⁶⁵ Далее повествуется, что персидский царь назначает Джевانشира спарапетом – главнокомандующим

албанским и за доблесть, проявленную в персидско-арабской войне, персидский царь жалует Джеванширу, как положено полководцам, знамя, дротик, венец, щит, браслеты, и «приказывает (дать) (Джеванширу) в постоянное служение (царайутян) деревни и реки с рыбой».²⁶⁶

Следует отметить, что Джеваншир был в это время одним из гардманских нахараров.

Данный отрывок дважды свидетельствует о вассальной службе: 1) азаты Албании, как и азаты Армении,²⁶⁷ будучи вассалами персидского царя, были обязаны поставлять воинскую силу во время войн, которые вели сасанидские цари. Джеваншир возглавлял войска албанских нахараров. Во-вторых, в этом отрывке нашла отражение вассальная служба самого Джеваншира. Фактически эти перечисленные пожалования он получает за верную службу царю.

Хотя ИА не освещает непосредственно, на чем была основана вассальная служба албанских нахараров – на феоде или на вотчине, – тем не менее некоторые косвенные данные в ИА позволяют предполагать, что царскую (государственную) службу несли, видимо, и владельцы вотчин – сеньоры, ибо и они нуждались в царском покровительстве, чтобы защитить свои владения от иноземного посягательства, удержать в повиновении подданных крестьян и чтобы сохранить свои гаһи (ранги) в иерархической системе. Так, ИА сообщает, что Вачаган III, царь албанский, «Будучи благомыслящим, созидателем, миролюбивым и повелителем всех областей своего государства, из которых многие были отняты злым Перозом, и ишханы были лишены исконных княжеств (збник ишханутюн), и он (Вачаган) вернул каждому его тэрство».²⁶⁸ Как видно из текста, в царском покровительстве нуждаются владельцы вотчин (исконных княжеств). ИА сообщает о пожаловании албанским царем земель сыновьям дейлемских тэров.²⁶⁹

Вероятно, юридически за царем сохранялось право верховной собственности на земли, вотчинные и пожалованные. В таком случае право отчуждения и пожалования, отраженное в данных отрывках, характеризует отношение сюзерена-царя к вассалам-азатам. Видимо, нахарарское право владения землей обязывало их служить царю: выставлять войско, нести соответственно

своему социальному рангу дворцовую службу или выполнять разные государственные административные функции. На основе косвенных данных можно полагать наличие в Албании вассальной зависимости не только между царем и нахарарами, но и между самими нахарарами. Как было изложено, в Албании имел место местнический институт, свидетельствующий о феодальной иерархии. По всей вероятности, в основе иерархии лежала вассальная система: кртсер – младшие нахарары были вассалами аваг – старших нахараров. Но подтвердить это прямыми данными нет возможности.

в) *Аппарат управления*

Нахарары возглавляли важнейшие ведомства в центральном аппарате управления. Основными ведомственными должностями в Албании были: хазарапет, храманатар, спарапет.

Сами по себе тексты ИА не позволяют уяснить реальные полномочия этих должностей, область их подчинения. И поэтому для характеристики албанского хазарапета и храманатара важно установить реальное значение данных терминов в Иране и Армении в рассматриваемое время.

hazarapat (среднеперс. hazvrat) – буквально «тысячачальник». Должность хазарапета с древнейших времен существовала в Иране. Этот военный термин перенесен в гражданскую область при Ахеменидах.²⁷⁰ От Ахеменидов эта должность была заимствована парфянскими Аршакидами, а затем Сасанидами. Основываясь на рассказе Ксенофонта о новой финансовой системе Кира, Н.Адонц характеризует должность хазарапета в Иране как высшего чина в ведомстве государственных доходов и полагает, что первоначально в его компетенцию входило и податное ведомство. Позднее, по мнению Н.Адонца, обложение и сбор податей были выделены в особое ведомство, которым ведал vaštri-ošansalar, т.е. начальник землепашцев.²⁷¹

Такое предположение Н.Адонц делает на том основании, что при всемогущем сасанидском вельможе Михр-Нерсехе, называемом армянскими историками великим хазарапетом – мец хазарапет, а ат-Табари buzurg-framadār, что значит, по его же

переводу, великий визирь, упомянут некий Махгушнасп, который заведовал податной частью и назывался *vaštriošansalarom*.²⁷² «Быть может, – заключает Н.Адонц, – прежнее хазарапетство разбилось на два отдела: один примерно *buzurg framadar*, а другой *vaštriošansalar*, между тем в Армении оно осталось по-прежнему».²⁷³ Таким образом, из анализа Н.Адонца явствует, что в V в. в Персии великий хазарапет – *buzurg framadar* ведал, за исключением податного ведомства, всеми остальными ведомствами.

По мнению А.Христенсена, великий визирь вначале именовался хазарапетом, и еще при Ахеменидах хазарапет становится первым должностным лицом империи, с помощью которого царь управляет государством. Термин этот сохраняется и в парфянский период до сасанидской эпохи. При Сасанидах же официальным титулом великого визиря становится *vuzurg – framadar*.²⁷⁴ А.Христенсен отмечает и наличие должностей *vvstryf = shansalar* и *Ervn-amarkvr*, которые ведали податным ведомством и финансами. Но А.Христенсен не связывает их, подобно Н.Адонцу, с первоначальными функциями хазарапета.²⁷⁵

В Сасанидском Иране должность *hazarapet*, согласно А.Г.Периханян, тоже существовала, хотя и носила уже другой характер, слившись с должностью великого визиря (*vazurg framatar*).²⁷⁶ «Фискальные функции хазарапета перешли к *vvstryošan sardvr*’у «начальнику земледельцев» и *Ervnšahr amvkar*’у. В Армении же вплоть до V в. н. э. должность хазарапета сохраняла свой первоначальный характер».²⁷⁷ За А.Г.Периханян следует Г.А.Меликишвили, по мнению которого, с должностью великого визиря – *vazurg framatar* слилась должность царского эконома в то время, как в Армении хазарапет сохранял свое первоначальное значение до V в.²⁷⁸

Е.Бенвенист также считает, что хазарапет (и его греческая калька) изначально был военным термином. Основываясь на армянском источнике Егише, он признает эквивалентность хазарапета и храматара (*hramatar*).²⁷⁹ Идентичность двух терминов – хазарапета и *vuzurg framatar* у Сасанидов подтверждается сообщением армянского историка V в. Егише.²⁸⁰ Что касается армянского хазарапета, то это – царский эконом, глава финансового ведомства. Он ведал распределением и сбором налогов и государ-

ственным строительством. Хазарапету подчинялись градоправители, сельские старшины, через которых он собирал государственные налоги и рабочий контингент для отбывания государственных повинностей.²⁸¹ Фавстос Бузандаци называет хазарапета «первым гордзакалом», а хазарапетское ведомство – хазарапетутюн как «всеобщую заботу», «заботу о стране» – ашхарпхатес хнамакалутюн, власть которого распространяется на земледельческое население.²⁸²

Таким образом, хазарапет в Иране занимал несомненно более высокое положение, имел более широкие полномочия, чем хазарапет в Армении.²⁸³ Вероятно, армянские историки понимали это различие и потому вышеупомянутого Михрнерсеха именуют не просто хазарапетом, а великим хазарапетом, в отличие от армянского хазарапета.²⁸⁴ В древней Картли должностью, аналогичной армянскому хазарапету, была должность «эзойск модзгвари», что означает буквально «двороуправитель».²⁸⁵

В ИА термин «хазарапет» засвидетельствован дважды. Автор ИА, повествуя об антисасанидском восстании 451 г., сообщает: «Хазарапет Албании и епископсапет страны нашей воспротивились этому (приказу Иездигерда II) и совокупно обратились к союзу армян, рассказав им о неприятном происшествии и с поспешностью торопили войска их...».²⁸⁶

И второй раз термин «хазарапет» засвидетельствован на Агуэнском соборе 488 г. «Эти постановления закрепили печатью Муцик, царский *храманатар*, Мирхавирк, *хазарапет*, азгапеты...».²⁸⁷

Из текстов видно, что хазарапет является одной из высших государственных должностей. Он вместе с главой албанской церкви составляет представительство от Албании и он же в числе албанской знати вместе с царем и храманатаром закрепляет печатью агуэнские постановления. Тексты не позволяют уяснить – была ли должность хазарапета военной или гражданской. Из текстов только видно, что в царствование албанского царя Вачагана III в Албании были лишь две должности – хазарапет и храманатар.

Х.Хюбшман, этимологизируя арм. *hramanatar*, считает, что это тот же персидский *hramatar* – народная этимология произво-

дит его из *hraman* (приказ) и *tar* – ведущий, дающий. Но Х.Хюбшман полагает, что *hramanatar* скорее не «дающий приказ», а «внимающий приказу», «исполняющий приказ».²⁸⁸ Х.Хюбшман приводит следующие значения *hramatar*'а – повелитель, смотритель, управляющий, а *buzurg-hramatar* – великий визирь.²⁸⁹

В ИА *храманатар* встречается в следующих контекстах.

«Будучи благомыслящим, созидателем, миролюбивым и повелителем – *храманатар* всех областей – стран своего государства, из которых многие были отняты злым Перозом, и князья страны лишились своих исконных княжеств, *Вачаган* вернул каждому его *тэрство*».²⁹⁰ Следующий отрывок: «Григорис... положил основание церкви в городе *Амарасе* и назначил работников – *гордзуняйс* и *смотрителей* (управляющих) – *храманатарс*, чтобы построить церковь».²⁹¹

В последнем отрывке вряд ли термину «*храманатар*» следует придавать какой-либо другой смысл. Как приведено выше, *храманатар* первым упомянут в числе лиц, закрепивших перстнем-печатью *агуэнские* каноны. Как мы видим, предложенное Х.Хюбшманом определение термина *храманатар* – «повелитель», «смотритель» вполне соответствует данным «Истории албан». Таким образом, можно полагать, что в *Албании* интересующего нас времени термин «*храманатар*» означал как высшую ведомственную должность, так и имел вместе с тем другие технические значения.

Нам представляется, что ведомственные должности *Албании* – *храманатар* и *хазарапет* – находят свою аналогию больше в *Иране*, чем в *Армении* и *Иберии*. Косвенное свидетельство этого мы усматриваем в следующем. В *Иране* *сасанидского* времени, как полагают исследователи, великий визирь именовался *buzurg framatar*'ом и *хазарапетом*. Он ведал всеми государственными делами. Но было в *Иране* и отдельное фискальное ведомство, которым ведали *vvstryošan sardvr*'у *Ervnšahr amvrkv*.

В *Армении* этого же времени ведомством государственных доходов ведал *хазарапет*, а высшей должности *храманатара* в *Армении*, как известно, не было.²⁹² Вероятно, это связано с отсутствием в *Армении* царской власти в V в. В *Албании* же были и

должность храманатара, и должность хазарапета. В наличии этих двух должностей мы и склонны усмотреть аналогию скорее с Ираном, чем с Арменией. По аналогии с Ираном, возможно, храманатар Албании был также визирем и ведал всеми государственными делами.

Наличие же самостоятельного ведомства государственных доходов в Иране, в Армении и в Иберии позволяет предположить наличие подобного ведомства в Албании. Видимо, хазарапет возглавлял это фискальное ведомство, но в отличие от Ирана, в Албании он именуется не *vvstryošan sardvr'yu* и *Ervnšahr amvrkvr*, а сохраняет свое наименование «хазарапет», как и в Армении.²⁹³ Однако не исключена возможность и иного понимания термина «хазарапет». Возможно, это глава более узкого военного ведомства (как в древности) в противоположность храманатару, возглавлявшему более широкую гражданскую администрацию.

Должность хазарапета в ИА засвидетельствована лишь в V в. Возможно, что должность хазарапета как царского эконома связана с наличием царской власти, царского землевладения, когда непосредственные производители, жившие на царской земле, платили налоги в царскую казну. Но возможно, что с развитием феодального землевладения, с сокращением фонда царских земель хозяйственные и фискальные функции, которыми ведал хазарапет, постепенно переходят к нахарарам, а в начале VI в. в связи с упразднением царской власти и, по всей вероятности, исчезновением царской земли должность хазарапета, возможно, упраздняется и фискальные функции переходят от нахараров непосредственно к марзбанам.

Третьей основной ведомственной должностью Албании была должность спарапета – главнокомандующего всеми военными силами Албании.

Спарапет – армянская форма древнеперсидского *sparpat* и пехлевийского *sphrat* – полководец, военачальник.²⁹⁴

В Армении, согласно Фавстосу Бузандаци, служба спарапетская противопоставляется службе хазарапетской. Спарапетство определялось как служба над всеми княжествами (и верай ишханутянн бовандак), над всеми войсками (аменайн зорац зораварутянн).²⁹⁵ Это объясняется тем обстоятельством, что воинские

силы Армении комплектовались из собственно царского войска и отрядов, которые выставляли азатские патронимии под главенством своих наһапетов. Общее же командование над всем этим войском осуществлял спарапет. В этом понимании спарапет стоял во главе всех князей-ишханов и их воинов.²⁹⁶

В Албании должность спарапета зафиксирована лишь с VII в., когда не было в стране царской власти. В это время в качестве спарапета Албании упомянут в ИА великий князь Албании Джеваншир.

ИА повествует, что албанское войско выступило против арабов на стороне Персии под предводительством молодого Джеваншира, сына великого ишхана Албании, Вараз-Григора. Персидский царь Иездигерд III назначил его аспарапетом Албании.²⁹⁷ Следовательно, Джеваншир совмещал две должности – великого ишхана Албании и главнокомандующего всеми войсками страны.

При преемниках Джеваншира, Вараз-Трдате и Шеро должность спарапета занимали не великие ишханы Албании, а другие лица. Так, в списке участников Партавского собора 705 г. засвидетельствованы: «Шеро, ишхан Албании, Джеванко, спарапет Албании».²⁹⁸ В Албании, судя по данным ИА, должность главнокомандующего обозначалась двумя терминами: спарапет и зоравар (полководец).

Так, в письме, адресованном клиру, читаем: «...Ухтанес, патриарх, и Джеваншир, зоравар – полководец и князь – ишхан Албании».²⁹⁹ При великом ишхане Албании Вараз-Трдате в качестве главнокомандующего зафиксирован термин «зоравар».³⁰⁰ Исследователи усматривают в двух словах «спарапет» и «зоравар» применительно к Армении различные нюансы. Спарапетом было, по их мнению, лицо, наделенное этой должностью по праву наследства. Зораваром же считалось лицо, реально, непосредственно командовавшее войском, будь то спарапет, или же другое лицо.³⁰¹ Нам представляется, что в Албании в изучаемое время слово «зоравар» было реальным синонимом термина «спарапет». В пользу этого говорит то, что в Албании, в отличие от Армении, нет данных, свидетельствующих о наличии в Албании наследственных должностей. Достоин внимания факт, что в списке участников Агуэнского собора зафиксированы лишь две долж-

ности – храманатар и хазарапет, а спарапета нет. Маловероятно, чтобы в это время не было военного ведомства. Возможно, что в период царствования албанских Аршакидов эту должность занимали сами цари,³⁰² и потому в агуэнских канонах эта должность не упомянута, т.к. зафиксировано присутствие царя. Или же военное ведомство возглавлял хазарапет, в противоположность храманатару, как было отмечено.

Если первое предположение окажется верным, то можно полагать, что должность спарапета утвердилась в Албании лишь после падения власти албанских царей, в период установления власти албанских великих князей Михранидов. Эту должность могли занимать как великие князья, так и другие лица.

В отсутствие в Албании порядка наследования ведомственных должностей, в наличии должности храманатара и в исполнении царем должности верховного судьи³⁰³ и законодателя³⁰⁴ Албании мы склонны усмотреть отличие албанского государственного аппарата управления от армянского.

Албанское войско формировалось из отрядов, поставляемых азатскими патронимиями.³⁰⁵ Каждая азатская патронимия имела кроме войска свое знамя и перстень–печать, которой скреплялись важнейшие письменные акты общегосударственного значения, а также документы нахарарства.³⁰⁶

г) *Духовенство*

Наиболее важным и основным источником по вопросам церковной организации, церковных доходов и земель, христианского клира, взаимоотношений духовенства со светской знатью, с народом являются постановления Агуэнского собора.

Анализ агуэнских канонов позволяет сделать следующие выводы об албанском духовенстве:

1. Подобно светской феодальной иерархии, сложилась церковная иерархия,³⁰⁷ во главе которой стоит албанский архиепископ – католикос,³⁰⁸ далее по низшим ступеням следовали епископы, хорепископы, священники, иереи и дьяконы. Это видно из состава собора³⁰⁹ и из канонов 1, 2, 20.

2. В Албании были две церкви: 1) главная, по всей вероят-

ности, епархиальная, кафедральная, которая именуется «церковь Всам» и «церковь бун» и 2) азатская церковь. Таким образом, каждое азатское владение имеет свою церковь (каноны 17, 18, 20, 21).

3. Церковь владела землями. Духовенство за службу обеспечивалось земельным наделом во временное пользование (канон 6).

4. Духовенство взимает с мирян многочисленные натуральные подати (каноны 3, 4, 5, 17, 18, 19).

Анализ данных ИА и агуэнских канонов показывает, что в первые века распространения и утверждения христианства албанское духовенство экономически и политически было слабым. Власть албанского католикосата была номинальной. В решении вопросов церкви албанское духовенство не играло ведущей роли.³¹⁰ Агуэнские каноны отражают процесс утверждения самостоятельности церкви, клира, его постепенного усиления. Духовенство пока отстаивает свои права перед светской знатью, пытается ограничить ее произвол и уравниваться с нею в правах (каноны 17, 20, 21).

Католикос еще не стоит во главе законодательной власти, как будет позднее в Албании, что особенно наглядно видно при сравнении этих канонов с канонами албанского католикоса Симеона (VIII в.) и с деятельностью католикоса Виро. Не случайно албанский католикос Шупһалишай упомянут в списке лиц, присутствовавших на соборе, и каноны агуэнские именуется канонами албанского царя Вачагана.³¹¹ Такое положение албанского духовенства объясняется, видимо, наличием в стране централизованной царской власти.

В Армении в условиях отсутствия царской, центральной государственной власти (с 428 г.) Армянская Церковь выступала в роли центральной и общенациональной организации, держала в своих руках законодательную и судебную власть – и потому инициатива созыва армянских соборов принадлежала церкви в лице ее католикоса, который возглавлял церковь и стоял во главе законодательного собора. А законодателем и верховным судьей Албании в V в. был албанский царь, который стоял во главе совещательного и законодательного органа светской и духовной

власти – Собора-судилища («Жогов атеан»).

Условия канонических правил разрабатывались в присутствии албанского царя Вачагана светской знатью – азатами и духовенством. Но юридическую силу они получали после утверждения их светской знатью и царем.

Таким образом, данные агуэнских канонов свидетельствуют о феодализации албанского духовенства.

§ 3. Формы землевладения и землепользования:

«дастакерты» и «хостаки»

Вопрос о формах землевладения и землепользования, как и многие другие рассмотренные в работе вопросы общественного строя Албании, не был предметом специального исследования. Из-за скудости данных источников относительно форм землевладения и землепользования многие суждения носили гипотетический характер. Чрезвычайный интерес для данного вопроса представляют, на наш взгляд, термины «дастакерт», «хостак» и «ерд».

Термин «дастакерт», частый в армянских источниках и являющийся заимствованием из иранских языков (парфянского или среднеперсидского), неоднократно рассматривался исследователями.³¹² Для среднеперсидских текстов *dastkart* обычно переводили как «владение», «земельное владение», «имение». Такое значение, в частности, подтверждается контекстом надписи Шапура I на «Ка'бе Зороастра». Это же значение удовлетворяет многие контексты армянских источников. А.Г.Периханян, на основе анализа текста «Сасанидского судебника» предложила новое толкование термина. Она переводит *dastkart* как «владение/лицо, сделанное или же провозглашенное правомочным».³¹³

Данные «Истории албан» о дастакертах Албании сводятся к следующему: «У царя (Вачагана III) была дочь по имени Хнчик, в отроческих годах сильно им любимая, на чье имя царь основал – построил (шинеал эр) один дастакерт».³¹⁴ Канон 20-й Агуэнского собора гласит: «Азаты, поскольку являются владельцами *дастакертов*, да не смеют изгнать иерея без (ведома) епископа...».³¹⁵

Как явствует из отрывков, владельцами дастакертов были царь и феодальная знать – азаты.

Думается, что в первом отрывке дастакерт употреблен в значении «созданного, основанного», а во втором – в значении частновладельческого хозяйства, земельного владения, имения.

Согласно 20 канону Агуэнского собора, дастакерт, видимо, является наследственным владением азата. С.Т.Еремян интересующее нас место переводит: «Азаты, **пока** дастакерты принадлежат им...», и на этом основании делает вывод, что «азаты – люди из сословия всадников – получают дастакерты во временное владение», что дастакерты могли быть отобраны царем обратно.³¹⁶ При этом С.Т.Еремян ссылается на К.Патканова, хотя у последнего нет слов «**пока** дастакерты принадлежат им», а сказано: «вольные люди (азаты) в своих поместьях...». А в древнеармянском тексте значится: «Арк азатк ворчап юреанц дастакертк ен», где «ворчап» не имеет временного значения «пока», а означает «сколь», «поскольку». И если бы в данном каноне под термином «дастакерт» подразумевали временное владение, то канон, по нашему мнению, утратил бы заложенный в нем смысл. Во вторых, азатов С.Т.Еремян в данном каноне понимает в узком смысле. Между тем, как нам кажется и как мы об этом упоминали выше, термин «азат» в канонах употребляется в широком смысле слова, означая весь господствующий феодальный класс.

В категорию азатов входят и наһапеты, и тэры, и танутэры, каждый представитель азатской патронимии. В пользу нашего предположения, что дастакерт – это наследственное земельное владение, служат данные «Матикана» о том, что в Иране дастакерт мог означать царский домен,³¹⁷ дастакерт принадлежал всему роду, а не отдельному лицу, и он мог дариться, завещаться.³¹⁸

Исходя из данных «Истории албан» и, в частности, из агуэнских канонов, можно предположить, что в Албании в V в. были две формы землевладения – наследственная и условная, которые нашли свое техническое выражение в терминах «дастакерт» и «хостак».³¹⁹

Если хостак, как ленное землевладение, детально проанализирован в работах Я.А.Манандяна,³²⁰ рассмотрен С.Т.Еремянном,³²¹ то вопрос о дастакерте как наследственном земельном владении не исследован.

В условиях эллинистического Ирана дастакерт и хостак не

имели принципиального различия, по значению перекрывали друг друга. Согласно «Матикану», дастакерт как имущество – хостак продавали, дарили, завещали, закладывали.³²²

Однако в условиях феодализации Армении и Албании в V в. термины «дастакерт» и «хостак», по-видимому, разграничиваются, и каждый из них имеет свое конкретное значение. Можно допустить, что подобно тому, как хостак обозначал условное земельное владение, лен за службу мелкой военно-служилой знати и клира,³²³ точно так же дастакерт обозначал наследственное владение царского рода, феодализирующейся родовой знати, крупной феодальной знати, а также дарственные земли, завещанные и покупные.

О хостаке Агуэнский канон сообщает: «Иерей монастыря или инок, если он учинит в монастыре проступок, и это откроется, он должен быть посрамлен и изгнан с места и *хостак* его должны взять в церковь» (канон 6).³²⁴

В каноне речь идет о земле, получаемой церковнослужителями за службу. В этом легко убедиться, если сопоставить 6 канон Агуэнского собора с 8 каноном Двинского собора 641 г. и с 105 статьей Мхитара Гоша, комментировавшего этот канон.³²⁵ Согласно этим данным церковнослужители владели личным имуществом на правах полной собственности и церковным недвижимым имуществом - землей и водой. Такое имущество отдавалось в виде феода церковным служителям в условно-наследственное владение. Право полной собственности на землю принадлежало церкви. Церковнослужители могли лишиться земельных владений как за невежество, неграмотность (о чем свидетельствует 5 канон постановлений Нерсеса и Нершапуха),³²⁶ так, видно, и за проступки (канон 6 Агуэнского собора).

Хостак как узаконенный технический термин, определяющий церковно-ленное землевладение, упоминается впервые в V в., в албанских канонах Агуэнского собора.³²⁷ Что касается Армении, то Я.А.Манандян³²⁸ доказал, что церковноленное землевладение фактически существовало в IV–V вв., а юридически в дарственных актах IX–X вв. в качестве держателей хостаков засвидетельствованы азаты, бывшие вассалами крупных феодалов – тэров.³²⁹

По мнению исследователей, непосредственными производителями дастакертов Ирана³³⁰ и Армении³³¹ были рабы. Что же ка-

сается дастакертов Албании, то и здесь, по мнению С.Т.Еремяна, «...основными производителями были различные категории порабощенного населения. Это были рабы, главным образом, из военнопленных и пауперизованных общинников».³³² Однако сведениями о непосредственных производителях дастакертов Албании мы не располагаем.

Дастакерты с прикрепленными к земле рабами были в Иране и Армении в период разложения рабовладельческой формации и вызревания феодальных отношений, когда эксплуатация раба по характеру приближается к феодальной. Раб сажается на parcelлу, значительная часть рабов получает частичную или полную свободу. В Албании, по данным источников, в IV–V вв. такое явление не наблюдается.

На наш взгляд, в албанских дастакертах рабы ведущей роли не играли. Сделать такой вывод позволяет отсутствие сведений о рабах в связи с землей, но наличие данных о шинаканах – крестьянах, как основных производителях страны, и данных о господствующей в стране феодальной знати–азатах.

По мнению некоторых исследователей, равнозначным дастакерту термином являлся «агарак».³³³ Рассмотрим вначале значение «агарака» для Армении. Термин «агарак» эволюционировал от понятия поля к поселению, поместью. В IV в. термин «агарак» означал в Армении наряду с поместьем, основными производителями которого были рабы – «мшаки», также и сельское поселение освобожденных рабов, посаженных на землю.³³⁴

Аргументами для данного утверждения послужили сообщения Агафангела о пожаловании царем Трдатом III сельскому духовенству «в поселках–агараках по четыре, а в городах–аванах по семи подымных земель для служения священничеству», а также со ссылкой на Мхитара Гоша высказывания Я.А.Манандяна.³³⁵ Гош сообщает, что жители городов должны пользоваться большим почетом, чем жители деревень, а жителям деревень также нужно оказывать больший почет, чем жителям агараков, то же самое и для жителей крепости в отношении к жителям посада (авана), ибо таков порядок, установленный прежними нашими царями.³³⁶

С.Т.Еремян, соглашаясь с мнением Х.Самуэляна, пишет,

что «если эксплуатируемые деревни (гюх) были шинаканами или крепостными крестьянами, то эксплуатируемые в агараках могли быть лишь рабами.³³⁷

Из сообщения Мхитара Гоша нельзя составить представления о социальной принадлежности *ни жителей, ни эксплуатируемых агараков, деревень (гюхов, шэнов) и городов*. Ведь в состав жителей городов входили различные социальные прослойки – знать, ремесленники, торговцы, крестьяне, рабы, точно так же жителями деревень и агараков могли быть одновременно и знать, и крестьяне, и рабы. Следовательно, рабы могли быть во всех трех типах поселений. Это сообщение, безусловно, свидетельствует о различии, обычном между городом и деревней, между деревней и поселком, и в основе такого различия лежат, вероятно, экономические факторы, но не социальные.

Что касается ссылки на Агафангела, то здесь мы согласны с мнением Я.А.Манандяна,³³⁸ утверждавшего, что клиру агараков Трдат III пожаловал меньше земель, чем духовенству аванов, по той причине, что в агараках было меньше церковнослужителей, чем в аваных. Ведь в греческом переводе Агафангела аван переводится как «городок», а агарак как «поселок»³³⁹ без социального осмысления.

Вероятно, реальное значение термина «мшак», под которым С.Т.Еремян подразумевает основного производителя агараков Армении, требует еще дальнейшего исследования. Об этом свидетельствуют различные трактовки термина «мшак» исследователями данного вопроса.³⁴⁰

Поэтому, нам кажется, нет оснований для утверждения, что в IV в. агараки Армении были рабскими поселениями, частновладельческими хозяйствами, основными производителями в которых были рабы. Если мнение С.Т.Еремяна о рабских поселениях–агараках Армении базируется на сведениях источника (пусть по-своему интерпретированных), то утверждение об агараках Албании, обрабатываемых трудом рабов, им обосновывается только по аналогии с армянскими агараками.

На основании текста канонов С.Т.Еремян утверждает, что в V–VI вв. в Албании были рабские поселения, которые в отличие от поселений свободных земледельцев (шэн), стали называться

агараками. Агараки Албании представляли собой комплекс земельных участков – парцелл с сидящими на них ердумардами, обрабатывающими эту землю для своего господина.³⁴¹

Изучение ИА показало, что термин «агарак» употребляется в Албании в значении села, поселка, поля. О жителях, производителях агараков, никакими данными мы не располагаем. Канон 9 свидетельствует: «Священник, который совершает богослужение в большом селе («шэн»), не должен обслуживать другое село («шэн»). Две маленькие смежные деревушки («агарака») должны быть обслуживаемы одним священником. Священник должен управлять такой паствой, которой он в состоянии руководить».³⁴² Здесь «агарак» является или деревушкой, или селом, или поселком.

Другой пример: «Смолкли пернатые... терния полей агараков, поднятые ветром, покрыли поверхность обширного моря».³⁴³ Как видим, и здесь агарак употреблен в значении поля.

Ердумарды,³⁴⁴ которые, по мнению С.Т.Еремяна, были производителями в албанских агараках, в ИА не упоминаются. С.Т.Еремян отождествляет «ердумардов» с «ердами», засвидетельствованными в ИА не в связи с агараками, а с наследственным наделом албанского царя Ваче.

«Ерды»

Важность терминов «ерд» и «ердумард» для понимания социально-экономической истории Албании и Армении V в. вызывает необходимость остановиться на их толковании.

Вопрос о ердах и связанных с ними ердумардах исследовали многие историки – Н.Адонц, Т.Авдалбегян, Я.А.Манандян, С.Т.Еремян, С.С.Маркосян, С.Е.Акопян³⁴⁵ и другие – с точки зрения наличия в Армении и Албании общинного землевладения, крепостных отношений, закрепощения крестьян-шинаканов или же наличия рабства.

Исследователи порою смешивают два разных значения, в которых употребляется «ерд» и соответственно производные от него «ердумард», «ерд и мард». Термин ерд имеет два значения: 1) окно, отверстие в крыше и 2) дом, «дым», семья,³⁴⁶ жилец, до-

мочадец.³⁴⁷

На наш взгляд, *ерд* может означать и хозяйственную единицу, состоящую из земельного надела определенного размера, необходимого для одной семьи, одного дома.

Агафангел сообщает, что для обеспечения церкви и духовенства землями царь Трдат «предписал (дать) по четыре *ног* ердой в агараках, но в аванах – по семь *ног* ердой».³⁴⁸ Здесь *ног* – земля, а ердой – род. падеж от ерд и все выражение буквально означает «земля ерда», «земля дома», т.е. «подымная земля», «земельный надел дома».

В контексте «четыре *ног* ердой» означают «четыре подымных земли», «семь *ног* ердой» – «семь подымных земель».

Как отмечали Я.А.Манандян, С.Т.Еремян и другие авторы, *ног* ердой был земельным наделом определенного размера, т.е. единицей землепользования.³⁴⁹ В качестве надельной единицы здесь выступает семья – дым.

Число *ног* ердой, выдаваемых церквам, соответствовало числу церковнослужителей. Об этих землях, дарованных церквам Трдатом, читаем у Фавстоса Бузандаци: «...царь Пап урезал у церкви ту землю, которую... (в свое время) пожаловал церкви царь Трдат, ...ибо из семи земель пять он отобрал в пользу казны и оставил только две земли. И по счету земель оставил в селе по два служителя – одного священника и одного дьякона».³⁵⁰ И хотя речь здесь идет об одних и тех же земельных наделах, в одном источнике они названы «семь *ног* ердой», в другом – «семь *ног*». Сами по себе выражения «семь *ног*» – «семь земель», «два *ног*» – «две земли» еще не говорят о количестве отмеренной земли, но при сопоставлении двух текстов становится совершенно очевидным, что под «*ног*» понимается «*ног* ердой», т.е. «подымная земля». Можно допустить, что единица землепользования выражалась как сочетанием «*ног* ердой», так и словами «*ног*» и «ерд» раздельно. Первоначальной формой была «*ног* ердой».

На примере Фавстоса Бузандаци мы видим употребление «*ног*» в значении «*ног* ердой». Употребление ерд в этом же значении явствует из девятого канона Двинского собора 641 г. и из отрывка об албанском царе Ваче. «Но он (Ваче) согласился взять

только сепухский (собственный) надел (бажин), который получил от отца – 1000 ердов (и) взял (надел), поселился *на нем* (нстав и нма) с отшельниками». ³⁵¹

Я.А.Манандян, Ч.Доусет, С.Т.Еремян, К.В.Тревер, З.М.Бунятов ³⁵² под ердами данного отрывка понимают «семьи». С.Т.Еремян считает ердов рабами, Я.А.Манандян, К.В.Тревер и З.М.Бунятов принимают их за крепостных крестьян.

На наш взгляд, ерды Ваче означают не семьи, а подымные земли, ибо Ваче получил «наследственный надел в 1000 ердов и *поселился на нем*». Очевидно, если бы ерды были семьями, то нельзя было бы на них селиться.

Девятый канон Двинского собора гласит: «Когда азаты делят свои ерды и мардов (людей), многие проявляют чрезмерную алчность, пытаются закабалить и обложить податью (и дзарайутюн арканел) ³⁵³ церковный клир, что является заблуждением в христианской вере, ибо блаженный Григорий и святой Трдат приравняли к азатскому сословию отроков святой церкви и признали свободными земли и воду святой церкви. Объявлено при персидском владычестве (также) не смешивать с крестьянством владения церковников, ³⁵⁴ (которые) занесены в диван, но они должны платить в царскую казну только один *нас*. ³⁵⁵ Итак, ежели кто с алчностью взглянет и свободных церковных отроков обложит податью (и виджак дзарайутюн аркцен) ³⁵⁶ таковые да будут лишены благословения святого Пророка и нашего собора». ³⁵⁷

Очевидно, в данном случае под ердами нельзя подразумевать «семьи», так как это было бы тавтологией. Не только из первых строк, но и из всего содержания канона выясняется, что ерды были земельными наделами. Определение «...церковный клир облагают податью», приводимое в каноне, означает, что земли клира облагались податью. Это видно из предупреждения азатам не облагать податью церковный клир, т.к. духовенство приравнено к азатам, *земли его освобождены от налогового обложения и оно платит государству только «нас», видимо, подушную подать*.

Итак, при «делении» ердов и мардов азаты облагают налогом земли (ног ердой) духовенства. Следовательно, аналогичное явление должно происходить в процессе деления ердов и мардов,

т.е. должно иметь место обложение поземельной податью. Таким образом, из ердов и мардов одно должно быть землей. Марды – люди, очевидно, производители, следовательно, ерды – земли – подымные наделы. И теперь канон приобретает следующий смысл: когда азаты делят свои подымные земли и людей, они облагают податью земельные наделы (ерды) мардов, при этом они пытаются обложить податью и земли духовенства.

По мнению исследователей, ерды и марды в данном каноне были объектами наследования.³⁵⁸ Н.Адонц считает, что в каноне речь идет о делении ердов и мардов между сепухами-наследниками.³⁵⁹

Нам представляется верным предположение С.Маркосяна, что деление ердов и мардов может означать деление взимаемой поземельной ренты.³⁶⁰ В этом убеждает анализ канона, который показал, что азаты облагают мардов поземельной податью. Этот процесс может иметь место, видимо, при делении выморочного имущества, при смене владельца. Но все же причины и обстоятельства, сопутствующие процессу деления ердов и мардов, остаются невыясненными. Марды (люди) были, видимо, обеспечены земельными наделами – ердами.

В источниках по истории Армении ерд встречается и в самостоятельном обозначении и в сочетаниях «ерд и мард», «ердумард». Большой словарь михитаристов толкует ердумард как «дом и житель», «дом и семья» (хотя мард означает человека, мужа), а С.Т.Еремян этимологизирует как «дымовые люди»,³⁶¹ Р.Ачарян же³⁶² – «жилец, домочадец». «У» в слове ерд-у-мард представляет не союз (грабару союз «у» несвойственен), а результат того, что дифтонг «**ой**» в сложном слове утрачивает ударение «ердоймард» – ердумард. При значении «ерд» как определенного земельного подымного надела ердумард можно понять как «человек земли», «человек, связанный с землей». Ерд и ердумард можно толковать и по аналогии с «тун»-ом и «танутэр»-ом, т.к. «тун» идентичен «ерду» и по смыслу означает «дом», «семья». Подобно тому, как «тун» является техническим термином для обозначения соответствующего земельного понятия, территориальной единицы феодальной знати,³⁶³ так и ерд является определенной земельной единицей марда – производителя. Подобно

этимологизации термина «танутэр» («тан» и «тэр», где «тан» – родительный и дательный падежи от «тун», а «тэр» означает – «владыка»), смысл которого объясняется как «владыка туна», «владыка феодальной территориальной единицы», «ерду-мард» может быть истолкован как «ердой» и «мард», где ердой – родительный и дательный падежи от «ерд», «мард» – человек, мужчина, то есть общий смысл термина – это «мужчина ерда» или «мужчина ерду», т.е. «человек земли», «человек ерду». Нам кажется, что первоначально ерд и мард были самостоятельными понятиями и затем образовалось сложное слово, характеризующее определенную социальную категорию лиц, находящихся в какой-то зависимости от азатов. Но степень порабощения ердумардов и метод эксплуатации их азатами не известны, и поэтому социальная природа их еще не определена. С.Т.Еремян считает их рабами, жившими отдельными домами, посаженными на землю.³⁶⁴

Предложенное толкование позволяет, по-видимому, заключить, что «ерд» и «ердумард» не идентичные понятия. Ерд может означать и определенный земельный надел, быть единицей землепользования как сокращение от «hog ердой». Ердумард и этимологически, и реально означает человека, связанного с землей, прикрепленного к земле. В Албании, согласно письменным источникам, не встречается категория производителей – ердумардов. В ИА засвидетельствованы только ерды в значении подымого земельного надела. Нам представляется, что «ерд», как и «hog ердой», был общинным наделом крестьянина-общинника.

Библиография:

- ¹Ямпольский З. И. О зарождении феодализма в Азербайджане. Архив Института истории АН Азерб. ССР, 1953, № 2577;
Он же. Азербайджан в период зарождения феодализма (III-VI вв.). Архив Института истории АН Азерб. ССР, 1953, № 2787.
- ²Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 303-310.
- ³Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 184-186, 295-296.
- ⁴Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 59-70.
- ⁵Мамедов Т.О социально-политическом составе и отношении собственности в Азербайджане (по древнеармянским источникам). - ДАН Азерб. ССР, 1964, № 8.
- ⁶Левиатов В. Н. Азербайджан в III-VII вв. Архив Института истории АН Азерб. ССР, 1951, № 2066, с. 1-2, 38.
- ⁷Там же.
- ⁸Там же, с. 38.
- ⁹Ямпольский З.И. О зарождении феодализма;
Он же. Азербайджан в период зарождения феодализма.
- ¹⁰Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 307.
- ¹¹Там же, с. 308.
- ¹²Там же.
- ¹³История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия, тт. I-VI. М., 1966, с. 414.
- ¹⁴Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 185.
- ¹⁵Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 59-70.
- ¹⁶История Азербайджана. Баку, 1958, с. 76.
- ¹⁷Там же.
- ¹⁸Azərbaycan tarixi. İkinci cild. Bakı, 1998, s. 34-44.
- ¹⁹Работа по общественному строю Албании была завершена в 1971 г. Но печатание ее задержалось по независящим от автора причинам. Основные положения работы, опубликованные в 1968-1971 гг. (Мамедова Ф. Дж. Из истории раннефеодальных отношений в Кавказской Албании; Она же. Агуэнские каноны 487/488 гг. как источник по социально-экономической истории Кавказской Албании; Она же. Термины *naḥapet* и *azḡapet* в агуэнских канонах; Она же. "История албан" Мовсеса Каганкатваци как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Автореф. канд. дисс., Баку, 1971) удивительно совпали с положениями и выводами, опубликованными А.П. Новосельцевым в 1972 г. (Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма).
- ²⁰Hübсhmann H. Armenische Grammatik, I Leipzig, 1895.
- ²¹Widengren Geo. Die Begriffe "Populorum ordo" und "Ram" als Ausdrücke der Standesgliederung im Partherreiche. Festschrift Walter Baetke. Weimar, 1966, s. 385-386.
- ²²Hübсhmann H. Armenische Grammatik, I, s. 233;
Widengren Geo. Die Begriffe "Populorum ordo" und "Ram", s. 385.
- ²³Не научно этимологизирует термин "рамик" Адонц Н. Он полагает, что "рамик" - древнеармянский термин является эпонимом аборигенов, которые были покорены пришлыми армянами, почему имя их и получило значение плебса. См.: Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 436;
Он же. Исторические исследования. Париж, 1948, с. 183 (арм. яз.).

- ²⁴Еремян С. Т. Армения. История СССР с древнейших времен до наших дней, с. 378.
- ²⁵Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и древней Армении, с. 134-135.
- ²⁶Манандян Я. А. Заметки о положении шинаканов в древней Армении в эпоху марзбанства. Ереван, 1925, с. 21-27 (арм. яз.);
Он же. Феодализм в древней Армении. Ереван, 1934, с. 215 (арм. яз.).
- ²⁷История Армении Фавстоса Бузанда, с. 215, коммент. 34.
- ²⁸Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 120-121.
- ²⁹Adontz N. L'aspect iranien du servage. Le Servage Communications présentées a la Société Jean Bodin. Brussel, 1937, p. 150-151;
Он же. "Исторические исследования", с. 195-199. (арм. яз.).
- ³⁰Widengren Geo. Die Begriffe "Populorum ordo" und "Ram", s. 385-386.
- ³¹Еремян С. Т. Рабовладельческое общество древней Армении. Автореф. докт. дис., М., 1953;
Он же. Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений. См.: Очерки истории СССР III-IX вв. М., 1958, с. 179;
Он же. Армения, с. 379.
- ³²Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 149-154;
Адонц Н. Исторические исследования, с. 182.
- ³³ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 97; П., с. 65; Д., с. 50 "...and the bishops and priests, chorepiscops, nobles and commoners".
- ³⁴ИА, кн. II, гл. 40, Э., с. 274; П., с. 194; Д., с. 156.
- ³⁵ИА, кн. II, гл. 14, Э., с. 180; П., с. 124; Д., с. 98 "...and he is not the common people, but is a noble...".
- ³⁶ИА, кн. II, гл. 2, Э., с. 130; П., с. 88; Д., с. 68 "...nobles and peasants".
- ³⁷ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 99; П., с. 66 "Каждый вольный или поселянин"; Д., с. 51 "noble or villager".
- ³⁸Армянский судебник Мхитара Гоша. Изд. А. Паповяна, с. 233, примеч. 39.
- ³⁹Туаник - "пехл. तुванік" - сильный, имущий, богатый. П. (с. 66) вместо туаник имущий - переводит "ежегодно".
- ⁴⁰Арм. "грив" - заимствование из парфянского, первоначально мера объема (сыпучих тел), затем мера веса и мера засева участка земли и, далее, мера площади (Справка Лившица В. А.).
- ⁴¹ИА, Э., с. 99, "16 тас вина"; Ш., "16 тас, т.е. "чаша". В сборнике Дашяна Х., приводимого Адонцем Н. (Армения в эпоху Юстиниана, с. 486) дано "парч" - "кувшин" и "мера жидких тел"; П., с. 66 "16 горшков"; Д., с. 51 "16 jugs...".
- ⁴²Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 120-121. Еще Адонц Н. (Армения в эпоху Юстиниана, с. 479-480) отмечал, что шинакан чередуется с церковным термином жоговурд. Это явствует также из письма армянского католикоса Авраама, адресованного албанскому епископу Амараса Мхитару. В письме читаем: "тэру Мхитару, епископу Амараса, далее епископам... и азатам и другим из простолоудинов Агвани (айл и жоговрдаканац)..." ИА, кн. II, гл. 49; Э., с. 314; П., с. 222; Д., с. 178 "And to the nobles and others of the Albanian people".
- ⁴³Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 309.
- ⁴⁴О делении податного сословия на три группы отмечено в работах Еремяна С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 309;
Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Албании, с. 185;
Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 63.
- ⁴⁵Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 307.
- ⁴⁶Там же, с. 310.

⁴⁷Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении. ВДИ, 1950, № 1, с. 18, примеч. 1.

⁴⁸ИА, кн. I, гл. 26. См. ниже. О церкви Всам и "бун".

⁴⁹Периханян А. Г. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. ВДИ, 1952, № 4, с. 16-17. Такое же мнение высказывает Пигулевская Н. В. Зарождение феодализма в Иране. М., 1956, с. 12-14.

⁵⁰Содержание канона 5-го см. ниже.

⁵¹По 4-му канону, как было отмечено, безземельные крестьяне освобождались от уплаты подати, в то время как по канону 5 анашхарник обязан уплатить подать.

⁵²П. (с. 69) и Д. (с. 53) переводят "анашхарник" как чужестранец. См.: Периханян А. Г. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране, с. 16, примеч. 1.

⁵³ИА, кн. II, гл. 2, Э., с. 127; П., с. 85; Д., с. 66 "...and his wife and children shall be exiled".

⁵⁴История Армении Фавстоса Бузанда. Изд. М.А. Геворгяна, с. 148.

⁵⁵Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 309.

⁵⁶ИА, кн. I, гл. 17. Э., с. 60; П., с. 37; Д., с. 29.

⁵⁷ИА, кн. I, гл. 25. Э., с. 216; П., с. 152; Д., с. 122.

⁵⁸Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении, с. 25.

⁵⁹Там же, с. 18.

⁶⁰Там же, с. 21.

⁶¹Там же, с. 21;

Он же. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. ИАН Арм. ССР, 1948, № 11, с. 35-36, 54.

⁶²По мнению Еремяна С.Т., источником рабства была также разлагающаяся сельская община. См.: Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 309.

⁶³Еремян С. Т. Там же, с. 307.

⁶⁴ИА, кн. I, гл. 26. Э., с. 101; П., с. 68; Д., с. 52 "...the elder of the village...".

⁶⁵Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 307.

⁶⁶Этот вопрос частично рассмотрен в работах Ямпольского З. И. (О зарождении феодализма в Азербайджане), Еремяна С. Т. (Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 307-308), Тревер К. В. (Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 185, 296), Буниятова З. М. (Азербайджан в VII-IX вв., с. 63-64) и Мамедова Т. (О социально-политическом составе и отношениях собственности в Азербайджане, с. 105).

⁶⁷Новый словарь армянского языка, 1837 (Далее: НСАЯ).

⁶⁸Словарь Мхитаристов. Венеция, 1749.

⁶⁹Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 481-484.

⁷⁰Манандян Я. А. Государственные налоги Армении в период марзбанства. Ереван, 1926, с. 29-31 (арм. яз.). Малхасянц Ст. считает, что в древней Армении *hac* означал прямую подушную подать, но мог означать и подать с земли. Толковый словарь армянского языка. Сост. Ст. Малхасянц. Ереван, 1944, ч. II (арм. яз.).

⁷¹Авдалбегян Т. О налогах "Гас, сак, баж". Известия Института наук и искусства Армянской ССР, 1926, с. 49-50 (арм. яз.).

⁷²Там же, с. 49-50.

⁷³Каногагирк, с. 55.

⁷⁴Захарий Акулиский. Дневник. Ереван, 1939, с. 74; Джамбр, с. 11.

⁷⁵Богданов А. Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаршапата близ горы Арарата, СПб., 1813, ч. I, с. 174-175.

⁷⁶Исход, XXX, 12-15.

⁷⁷ИА, кн. 1, гл. 26, Э., с. 102; П., с. 68; Д., с. 53. По мнению Адонца Н., "церковь Всам" и "церковь бун" это одна и та же церковь (Армения в эпоху Юстиниана, с. 402); Патканов К. переводит "церковь Всам" - "главная церковь", "церковь бун" - "настоящая церковь". П., кн. 1, гл. 26, с. 69, 310;

З.И. Ямпольский "церковь Всам" переводит "официальным храмом" (Азербайджан в период зарождения феодализма, с. 53); З.М. Буниятов переводит "главный приход" (Азербайджан в VII-IX вв., с. 67). Думается, что "церковь Всам" - это епархиальная кафедральная церковь.

⁷⁸Э., с. 98; Д., с. 51 "...for his soul", а в примечании к нему: "whatever is part of or for his, soul", i.e. "soul-scot".

⁷⁹ИА, кн. 1, гл. 26; Э., с. 98; Д., с. 51; П., с. 66.

⁸⁰Авдалбегян Т. О налогах "Гас, сак, баж", с. 49.

⁸¹Армянский судебник Мхитара Гоша. Изд. А. Паповяна, с. 233, примеч. 40.

⁸²Дандамаев М. А. Храмовая десятина в поздней Вавилонии. ВДИ, 1965, № 2, с. 14.

⁸³Левит, XXVII, 30, 32; Второзаконие XXVI, 12; Числа XVIII, 21.

⁸⁴Фавстос Бузандаци, кн. V, гл. 31; о тасанорде см. каноны Саака Партева (Канонагирк, с. 53-54).

⁸⁵ИА, кн. 1, гл. 26, Э., с. 102; П., с. 69 "Кто из вольных людей получает десятину, пусть половину отдаст в настоящую церковь, а другую половину в свою церковь". Д., с. 53.

⁸⁶ИА, кн. 1, гл. 11, Э., с. 28; П., с. 15; Д., с. 12.

⁸⁷Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 482-483.

⁸⁸Толковый словарь армянского языка, Ст. Малхасянц, ч. II.

⁸⁹Авдалбегян Т. О налогах "Гас, сак, баж", с. 89.

⁹⁰Манандян Я.А. Материалы по истории экономической жизни древней Армении. ЕГУ Арм. ССР, Ереван, 1928, № 4, с. 53 (арм. яз.).

⁹¹Там же.

⁹²Армянский судебник Мхитара Гоша, с. 246, примеч. 152. По мнению некоторых исследователей, в Армении птуг вносился в монастырь. (См.: История Армении Фавстоса Бузанда, с. 221, коммент. 87). В Албании, согласно четвертому агуэнскому канону, птуг поступал в церковь.

⁹³Исход, XXII, 29.

⁹⁴Исход, XXIII, 19.

⁹⁵Второзаконие, XVIII, 3-5.

⁹⁶Канонагирк, с. 23;

Армянский судебник Мхитара Гоша, Изд. А. Паповяна, ч. 1, с. 100, ст. 99; с. 234, примеч. 40.

⁹⁷"Патараг" означает приношение, жертву, обедню, литургию. П., с. 66 переводит "обедня"; Д., с. 51 - "жертвоприношение"; Буниятов З. М. - "приношение" (Азербайджан в VII-IX вв., с. 64). Думается, что в данном случае "патараг" означает обедню, ибо совершается богослужение, заказываемое родственниками в память усопших.

⁹⁸ИА, кн. 1, гл. 26, Э., с. 99; П., с. 66-67; Д., с. 51.

⁹⁹ИА, кн. 1, гл. 26, Э., с. 102; П., с. 69 ноегатур переводит "за упокой души"; Д., с. 53. "soul scot".

¹⁰⁰Мхитар Гош, ч. 1, ст. 101.

¹⁰¹Агапи (греч.) - поминальный обед.

¹⁰²Канонагирк; Мхитар Гош, ч. 1, ст. 101.

¹⁰³Судебник Смбага Спарапета (Гундстабля), с. 30.

¹⁰⁴Степаннос Орбели. Тифлис, 1911, с. 201, 219 (арм. яз.).

¹⁰⁵Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 481-485;

Манандян Я. А. Государственные налоги Армении в период марзбанства, с. 12, 29, 31.

¹⁰⁶Anahit Perikhanian. Notes sur le lexique iranien et armenien, REA, 1965, v. V, p. 9-30.

Об этимологии азата см.: Bailey H.W., BSOS, VI, 1953; XXIII, 48. Цит. по Лившицу В. А. Юридические документы и письма, вып. II, М., 1962, с. 30;

Смирнова О. И. Азаты как социальная категория Согда. Сб. "Ближний и Средний Восток". М., 1968, с. 134.

¹⁰⁷Армянский судебник Мхитара Гоша, с. 233; примеч. 38.

О социальном значении термина азат см: Christensen Arthur. L'Iran sous les Sassanides, pp. 111-113;

Пигулевская Н. В. К вопросу о феодальной собственности на землю в Иране. ВЛУ, М.-Л., 1956, № 8, с. 82;

Она же. Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л., 1956, с. 217;

Она же. Зарождение феодализма в Иране, с. 20;

Лившиц В. А. Юридические документы и письма;

Смирнова О.И. Азаты как социальная категория Согда, с. 134-149;

Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 132-133;

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 444, 451-452;

Манандян Я. А. Заметки о феоде и феодальной войске Парфии и Аршакидской Армении. Тифлис, 1932, с. 7-12;

Он же. Феодализм древней Армении, с. 90-93;

Он же. Краткий обзор истории древней Армении. М.-Л., 1943, с. 19 (арм. яз.);

Еремян С. Т. Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений.

¹⁰⁸Perikhanian A. Notes sur le lexique iranien et armenien, p. 13.

¹⁰⁹Там же, р. 14.

¹¹⁰Там же, р. 4.

¹¹¹Там же, р. 13.

¹¹²Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VIII вв., с. 308.

¹¹³Бунятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 69.

¹¹⁴Там же.

¹¹⁵П. (с. 68) "азат арк" и "азат мардик" переводит как "вольные люди", а "азаты" как "дворяне"; Д. (с. 53) и азаты, и азат мардик, и азат арк переводит как "nobles"; Бунятов З. М. (Азербайджан в VII-IX вв., с. 67) "азат арк" и "азат мардик" переводит как "вольные люди". Азаты в форме "азат мардик" и "азат арк" засвидетельствованы в "Истории албан" и в последующих главах, например, в кн. II, гл. 49. Э., с. 314; кн. II, гл. I.

¹¹⁶ См. §1 данной главы.

¹¹⁷ИА, кн. I, гл. 26, Э., 98; П., с. 66 каноны 2 и 3 даны вместе, и "таговоразн" передан "из царской крови"; Д., с. 51 "a member of the royal family...".

¹¹⁸Там же, Э., с. 103; П., с. 69 "...епископы... и люди вольные"; Д., с. 54 "...by the bishops and priests and nobles...".

¹¹⁹ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 98; П., с. 66 "...люди вольные и родоначальники (старшины) Арцаха..."; Д., с. 51 "...and the nobles and heads of clans azgapetk of Arsax...".

¹²⁰ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 103; П., с. 69 "...азгапет Марут... Варган храбрый, владетель Гардмана... Пюрок - старшина, и все дворяне царя албанского". Д., с. 54 "...the heads of clans (azgapetk... Vardan the Brave, Lord of Gardman, ...P'iwrog, patriarch (nahapet) and the nobles of Albania".

¹²¹ИА, кн. III, гл. 20, Э., с. 379; П., с. 271 "...верующие князя Армении и Албании... Шалух Арцруни и другой избранный муж из дворян армянских..."; Д., с. 219. "Sapuh Arcruni and another excellent man from among the Armenian nobles preferred a martyr's

death to a worthless life...".

¹³²ИА, кн. III, гл. 8, Э., с. 343-344; Ш., с. 21; П., с. 243; Д., с. 194 "and all the freemen (azatk) of this country...".

¹³³ИА, кн. III, гл. 10, Э., с. 348-349; Ш., с. 26-27; П., с. 247; Д. (с. 197) в основном термин "нахарар" переводит "nobles", но в редких случаях, как и в данном случае, сохраняет "пахарарс".

¹³⁴ИА, кн. II, гл. 40, Э., с. 274; Ш., с. 373; П., с. 194; Д., с. 156 "... and all the nobles (пахарарс) and commoners of the Huns...".

¹³⁵ИА, кн. II, гл. I, Э., с. 119; Ш., с. 204; П., с. 79 "для всех вельмож свободных родов персидских"; Д., с. 61. "for all the great and ancient families of the пахарарс of Persia...". Адонц Н. полагает, что речь идет о семи знатных Сасанидских домах (Армения в эпоху Юстиниана, с. 273).

¹³⁶ИА, кн. II, гл. I, Э., с. 119-120; Ш., с. 204-205; П., с. 80; Д., с. 61-62 "the nobles family of Armenia пахарарс of Armenia"; "the princes of greater Armenia".

¹³⁷Об азатазарме см. ИА, кн. II, гл. 35, Э., с. 254.

¹³⁸Это видно как из анализа агуэнских канонов, так и из следующих текстов: "Шеро, великий ишхан албанский со своими азатами и с множеством клира созвал собор и предал анафеме Нерсеса и всех еретиков" (ИА, кн. III, гл. 3, Э., с. 337; П., с. 238); "...увели в Сирию великого ишхана Албании Шеро с азатами (ИА, кн. III, гл. 16, Э., с. 367; П., с. 260). Думается, что здесь под азатами подразумевается вся светская знать.

¹³⁹См. § 3 в данной главы.

¹⁴⁰Бдолян В. А. Кровнородственный "азг" и родственные отношения у армян. Советская этнография, 1952, № 1, с. 189.

¹⁴¹Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране. ВДИ, 1968, № 3, с. 35.

¹⁴²НСАЯ, I-II; Толковый словарь армянского языка, Ст. Малхасянц, I, IV.

¹⁴³Толковый словарь армянского языка, Ст. Малхасянц, II.

¹⁴⁴Джавахов И. одним из первых исследовал значение туна на основе армянских источников и определил следующие его значения: круг лиц, связанных кровнородственными узами; жилое помещение, дом, имение, владение, область и, наконец, страна. (См.: Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 84-89). Анализ ИА, проведенный нами, показал, что термин "тун" в Албании имеет такое же широкое значение, как и в Армении. См.: ИА, кн. II, гл. 12, Э., с. 162; П., с. 111-112; кн. II, гл. I, Э., с. 120-121; П., с. 81; Д., с. 62; кн. II, гл. 17, Э., с. 195; П., с. 135; Д., с. 107; кн. II, гл. 3, Э., с. 131; П., с. 89; Д., с. 68. Эквивалентом армянского туна в грузинском языке был термин "сахли" (См.: Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 31-32, 50-51).

¹⁴⁵Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 96.

¹⁴⁶Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 435.

¹⁴⁷Акопян С. История армянского крестьянства (период раннего феодализма). Ереван, 1957, с. 108 (арм. яз.).

¹⁴⁸Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране, с. 35.

¹⁴⁹У Фавстоса Буздандаци засвидетельствованы в одном случае тохм Аматуни (III, 14, с. 33), в другом - тун Аматуни (IV, 4, с. 61); род Мамиконян упомянут одновременно азгом и тохмом (V, 37, с. 201), хотя во всех упомянутых случаях речь идет об одной и той же родственной группе, к тому же нахарарской. Лазар Парпеци нахарарский род Арцруни называет то тохмом Арцруни, то азгом (I, 4, с. 13; II, 25, с. 98; II, 27, с. 108; II, 47, с. 85; III, 69, с. 278), хотя в других армянских источниках эта же родственная группа засвидетельствована термином "тун".

¹⁵⁰ИА, кн. III, гл. 8, Э., с. 344; Ш., с. 21; П. (с. 243) переводит азг "племенем"; Д.

(с. 193-194) "the race".

¹⁴¹ИА, кн. III, гл. 10, Э., с. 348-349; Ш., с. 26-27 вместо "зармиц" у него "парцис"; П. (с. 127) переводит опять же "племенем"; Д., с. 197 переводит "the race".

¹⁴²ИА, кн. II, гл. 34, Э., с. 254; П., с. 179.

¹⁴³Марр Н. Я. Аркауи, монгольское название христиан, с. 45.

¹⁴⁴ИА, кн. II, гл. 36, Э., с. 261; Ш., с. 360; П., 184 - "старейшины родов"; Д., с. 149 "the lords of the [chief] families...".

¹⁴⁵ИА; кн. I, гл. 1, Э., с. 119-120; Д., с. 61-62 "nobles family"; "house".

¹⁴⁶Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963;

Карапетян Э. Родственная группа "азг" у армян (вторая половина XIX - начало XX вв.). Ереван, 1966.

¹⁴⁷Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране, с. 29-53;

Она же. Notes sur le lexique iranien et armenien.

¹⁴⁸Косвен М. О. Семейная община и патронимия, с. 92, 97, 104, 111, 112, 115, 117.

¹⁴⁹Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране, с. 29.

¹⁵⁰Бдолян В. А. Кровнородственный "азг" и родственные отношения у армян, с. 189-192.

¹⁵¹Карапетян Э. Родственная группа "азг" у армян, с. 20-21.

¹⁵²Д., с. 146-149; "тэр тохма" Д. переводит "the tribal chiefs", p. 115.

¹⁵³П., с. 243, 183.

¹⁵⁴Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 307.

¹⁵⁵Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 299.

¹⁵⁶Косвен М. О. Семейная община и патронимия, с. 92, 111.

¹⁵⁷ИА, кн. II, гл. 50, Э., с. 318; П., с. 225; Д., с. 181.

¹⁵⁸ИА, кн. II, гл. 3, Э., с. 132-133; П., с. 90; Д., с. 69.

¹⁵⁹ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 98-100; П., с. 66; Д., с. 51.

¹⁶⁰ИА, кн. III, гл. 8, Э., с. 343-344; Д., с. 194.

¹⁶¹ИА, кн. III, гл. 16, Э., с. 369; П., с. 260; Д., с. 208.

¹⁶²ИА, кн. I, гл. 29, Э., с. 109; П., с. 74; Д., с. 57 "Taguhi one of the local noble-women...".

¹⁶³ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 103; П., с. 69; Д., с. 54.

¹⁶⁴ИА, кн. III, гл. 19, Э., с. 374; П., с. 266-267; Д., с. 214. Из ИА, кн. II, гл. 17 известно о древнем роде Ераншахинском - Э., с. 196; Д., с. 109.

¹⁶⁵ИА, кн. II, гл. 19, Э., с. 204-205; П., с. 142-143; "из рода Гарухчан"; Д., с. 114.

¹⁶⁶ИА, кн. III, гл. 19, Э., с. 375; П., с. 267; Д., с. 214.

¹⁶⁷Ст. Малхасянц, примечание 116 в его издании "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци, с. 281;

Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 187.

¹⁶⁸ИА, кн. II, гл. 52, П., с. 230; Э., с. 324.

¹⁶⁹НСАЯ, II; Толковый словарь армянского языка, Ст. Малхасянц, IV.

¹⁷⁰Meillet A. De quelques mots Parthes en Armenien. REA, II, fas. 1, Paris, 1922, p. 1-3;

Адонц Н. Исторические исследования, с. 159.

¹⁷¹НСАЯ, II.

¹⁷²Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 463.

¹⁷³О термине "нахарар" см. ниже.

¹⁷⁴ИА, кн. III, гл. 8, Э., с. 343; П., с. 243; Д., с. 194 "abbot of the monastery...".

¹⁷⁵ИА, кн. I, гл. 26, Э. и Ш.; П., с. 66 "родоначальники (старшины) Арцаха; Бакур, старшина Каганкатвази; Д., с. 51 "(azgapetk) of Arcah, Vakur, head of clan of Kalankatuk".

¹⁷⁶Там же.

¹⁷⁷Там же, Э. и Ш.; П., с. 69 "азгапет" в единственном числе; Д., с. 54 "the heads of clans (azgaretk)".

¹⁷⁸Э. и Ш.; П., "владелец Гардмана"; Д. "lord of Gardman".

¹⁷⁹Э. и Ш.; П., "Пюрок, старшина"; Д., "P'iwrog, patriarch (naharet)".

¹⁸⁰Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 307.

¹⁸¹ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 98 и 103.

¹⁸²Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 307.

¹⁸³Там же.

¹⁸⁴ИА, кн. II, гл. 35, Э., с. 259; П., с. 183; Ш., с. 355; Д., с. 146 "the lords of nobles families and all the princes...". Интересен тот факт, что Доусет переводит верно тэров тохмов как лордов дворянских родов - фамилий, т.е. осмысляет в соответствии со временем.

¹⁸⁵ИА, кн. II, гл. 50, Э., с. 318; П., с. 225 - "правитель Гардмана"; Д., с. 181 "lord of Gardman".

¹⁸⁶ИА, кн. III, гл. 16, Э., с. 367; П., с. 260 - "владелец Ширакский"; Д., с. 208, "the lord of Sirak".

¹⁸⁷ИА, кн. III, гл. 19, Э., с. 375; П., с. 267 "глава Сюнийцев"; Д., с. 214 "lord of Siwnik".

¹⁸⁸Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 46-47.

¹⁸⁹Там же.

¹⁹⁰Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 106-109.

¹⁹¹Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 45-47.

¹⁹²Нахарарство // танутэрство, по определению Адонца Н., представляло из себя территориально-политическую величину, похожую на сеньорию. См.: Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 458, 463.

¹⁹³ИА, кн. II, гл. 17, Э., с. 197; кн. II, гл. 20, Э., с. 207 и гл. 21, Э., с. 208; кн. III, гл. 7, Э., с. 340; гл. 16, Э., с. 367.

¹⁹⁴ИА, кн. II, гл. 3, Э., с. 132.

¹⁹⁵ИА, кн. II, гл. 18, Э., с. 198; П., с. 137 "... Вараз Григор обратил внимание на второго сына своего Джевانشира..."; Греческий император Константин обращается в письме к Джевانشиру: "Тебе, господину Джевانشиру, тэру Гардмана, и ишхану Албании...", хотя старший брат Джевانشира Вараз-Пероз здоровствовал. См.: ИА, кн. II, гл. 21, Э., с. 208; П., с. 145; кн. II, гл. 19, Э., с. 205; П., с. 143.

¹⁹⁶Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 465.

¹⁹⁷Hüb s c h m a n n Н. Armenische Grammatik, I, s. 200;

Марр Н. Я. Этимология двух терминов армянского феодального строя. ЗВОРАО, т. XI, 1898, с. 170-173;

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 514;

Meillet A. De quelques mots parthes en armenien;

Толковый словарь армянского языка. Ст. Малхасянц, т. III и др.

¹⁹⁸Henning W. V. A New Parthian Inscription. JPAS, 1955, вып. 3-4, с. 132-136.

¹⁹⁹ИА, кн. II, гл. 34, Э., с. 257; Ш., с. 353; П., с. 182- "вооруженная чернь собиралась толпами и именитые вельможи"; у Д. (с. 145) иначе: он ставит точку после "вооруженной толпы" и с "нахараров" начинается другое предложение.

²⁰⁰ИА, кн. I, гл. 23, Э., с. 87; П., с. 58-"тогда епископы, иерей, вельможи..."; Д., с. 45 "the bishops and priests and the nobles and their wives...".

²⁰¹Периханян А. Г. мецамецк считает идентичным nahapetu: азгапету, т.е. главой агнатической группы. См.: Perikhanian A. G. Notes sur le lexique iranien et arménien, p. 6.

²⁰²ИА, кн. III, гл. 3, Э., с. 335; П., с. 237 "...с вельможами"; Д., с. 190, в обоих случаях

переводит "nobles".

²⁰³Там же; Э., с. 336; П., с. 238 "...других вельмож"; Д., с. 190.

²⁰⁴ИА, кн. II, гл. 42, Э., с. 293; Ш., с. 393; П., с. 207, "...с вельможами"; Д., с. 166. "The consultation of the prince with his nobles...".

²⁰⁵Там же. Д., "with all the nobles and naхарars ..."; П., "С вельможами и князьями".

²⁰⁶ИА, кн. I, гл. 11, Э., с. 26; П., с. 13-14; Д., с. 11 - "by his grandes and nobles...".

²⁰⁷ИА, кн. II, гл. 32, Э., с. 244; П., с. 172 "вельможи"; Д., с. 137 "Albanians nobles".

²⁰⁸Там же, П., с. 172 "главные из агванцев"; Д., с. 137 "principal men".

²⁰⁹Э., с. 244, Ш., с. 339; Д., с. 137 "the house of the lord of Kolt who was of royal blood...".

²¹⁰Д., с. 137 "three houses in the province of Arsavasen of Dastaker. Cnsmi, and Mamset...".

²¹¹П., с. 172 "...в Гисе" пропущено; Д., с. 137 "in Gis in the province of Uti...".

²¹²Не поддается объяснению слово спасатун, переведенное буквально. П. - "церковно-служителя Варажна в "Аражкане"; Д. - "the sacristan Varazan (?) who sat in Arazakan...".

²¹³ИА, кн. II, гл. 37, Э., с. 266; Ш., с. 364; П., с. 187; "старших из вельмож"; Д., с. 151 - "the senior naхарars".

²¹⁴ИА, кн. II, гл. 39, Э., с. 269-270; П., с. 190 - в 1-м случае - "с вельможами", во 2-м - "князья и вельможи"; Д., с. 153-154, в 1-м случае - "naхарars", в другом - "the princes and the naхарars".

²¹⁵Д ж а в а х о в И. Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 131.

²¹⁶А д о н ц Н. Исторические исследования, с. 159.

Что же касается социально-политического значения термина, то, по мнению Периханян А. Г., первоначально нахарарами назывались назначаемые армянским царем правители областей, а позднее в IV-V вв. по мере укрепления феодального строя нахарары стали крупными феодалами, наследственными владельцами этих же областей. (См.: Древнеармянские востаники, с. 149). Еремян С. Т. определяет нахараров как высшее сословие господствующего класса феодализирующейся Армении. (См.: Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений, с. 179).

²¹⁷Л а з а р Парпеци, II, 23, с. 91-92.

²¹⁸Там же, II, 70, с. 280.

²¹⁹А г а ф а н г е л, гл. 112, с. 414.

²²⁰Л а з а р Парпеци, II, 25, с. 98.

²²¹Там же, с. 96.

²²²Там же, II, 26, с. 101.

²²³Там же, II, 27, с. 103.

²²⁴Ф а в с т о с Бузандаци, IV, 15, с. 98-99.

²²⁵По мнению Адонца Н., нахарар означал главу феодальной патронимии, а остальные члены рода именовались сепухами.

²²⁶А д о н ц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 452.

²²⁷По сообщению Фавстоса Бузандаци, столкновение между сунийским тэром Андоком и персидским царем Шапухом произошло из-за того, что персидский царь хотел выдать свою дочь за армянского царя Аршака, который был уже женат на дочери Андока. Андок расстроил дружбу своего зятя Аршака с Шапухом, и началась война между ними. См.: Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 276-277.

²²⁸Бардз - подушка, на которой восседает представитель патронимии в пиршественном зале на царском пиру. По определению Орбели И. А., такие подушки изображены на сасанидских блюдах Эрмитажа.

(См.: Орбели И. А. и Тревер К. В. Сасанидский металл. М.-Л., 1935, табл. 13 и 16).

²²⁹Патив - честь, почесть, почет; головная повязка, которую жаловал царь нахарарам. (История Армении Фавстоса Бузанда, с. 214. О значении патива см.: Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 117-118; Манандян Я. Феодализм в древней Армении, с. 83-84).

²³⁰Гаһ - иранское слово, в среднеперсидском имеет значения: 1) "престол"; 2) "сан". В армянском гаһ имеет широкое значение. (См.: Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 120; Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 463; Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 56; История Армении Фавстоса Бузанда, с. 214). В данном отрывке гаһ означает то место, которое занимал представитель патрионии в сонме других в присутствии царя. П. с. 79 переводит: "...по месту и почету".

²³¹Э., с. 119; Ш., с. 79 "...угощал их вином по месту и почету, и вином оказывал им блестящее свое расположение"; Д., с. 61 "and by goblet and vine slip he designated the various degrees of precedence which they enjoyed before him". Мы разделяем перевод Адонца Н. (Армения в эпоху Юстиниана, с. 273).

²³²Э., с. 119; Ш., с. 205 вместо "знахадрутюн" дано знахарарютюн"; П., с. 79-80 "Я знаю подробно о титулах персов...; Д., с. 61 "I am well acquainted with the true Pahlavi among the Persians and Parthians and the order of precedence of these nobles".

Адонц Н. Там же, с. 273 "...как и разряды свободных мужей прекрасно мне известны".

²³³Э., с. 119-120; Ш., с. 205; П., с. 80 "...об их происхождении"; Д., с. 61 "their order of precedence". Адонц Н, там же, с. 274 "...их разряды".

²³⁴Э., с. 120; Ш., с. 205; П., с. 80 "о титуле и саве"; Д., с. 61 "the degree and rank of each house". Адонц Н., с. 274, "о ранге и почете".

²³⁵П., с. 80 "если не можете открыто показать нашему арийскому народу ваше место, почет, род, землю, воду и все имущество ваше, то мы вас подарим свободным людям арийским". Адонц Н. (с. 273-274) "...если не сумеете показать воочию нашему арийскому народу разряды ваших подушек, то почет и владения, землю, воду и все имущество ваше мы передадим лицам из персидской знати". Д. (с. 61-62), "or, if you cannot bring this to the eyes of our Aryan assembly, we shall bestow your highly placed cushion, honours, house earth and water and your possessions upon Aryan noblemen".

²³⁶Э., с. 120; Ш., с. 205-206; Адонц Н., с. 274; Д., с. 62.

²³⁷Ухтанес, I, 27, с. 40;

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 253;

Степаннос Орбели, гл. 7, с. 25.

²³⁸Гаһнамак - "Разрядная грамота" ("Табель о рангах") отражает разрядное положение нахараров при армянском дворе V в. Текст ее был обнаружен Ахвердовым Ю. и издан Эмином Н. в приложении к русскому переводу "Истории" Мовсэса Хоренаци (М., 1958). Адонц Н. обстоятельно исследовал этот документ (Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 236-297). Зорнамак - "воинская грамота" составлена значительно позднее. См.: Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране, с. 42.

²³⁹Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 264.

²⁴⁰Еремян С. Т. Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений, с. 179.

²⁴¹Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 249-252.

²⁴²Материал об этом в отношении истории Армении. См.: Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 110-113; 117-121;

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 240-297;

Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 38-45;

Акопян С. История армянского крестьянства, с. 136-139.

- ²⁴³Лазар Парпеци, II, 26, с. 100-101.
- ²⁴⁴ИА, кн. II, гл. 37; Э., с. 266; Ш., с. 364; П., с. 187 "старших вельмож"; Д., с. 151 "The prince sent the senior naharars to him as swiftly as possible...".
- ²⁴⁵Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 41.
- ²⁴⁶Там же.
- ²⁴⁷Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 110.
- ²⁴⁸Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 42-43.
- ²⁴⁹Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 453.
- ²⁵⁰Акопян С. История армянского крестьянства, с. 137.
- ²⁵¹Мовсэс Хоренаци, с. 335.
- ²⁵²Как полагали Костаянц К. и Эмин Н. См.: Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 41.
- ²⁵³Как считали Джавахов И. (Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 110) и Манандян Я. А. (Феодализм в древней Армении, с. 42-43).
- ²⁵⁴Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 453.
- ²⁵⁵Сепух - остальные (после танутэра) члены нахарарского дома мужского поколения. См.: История Армении Фавстоса Бузандаци, с. 222.
- ²⁵⁶Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 127; Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 51.
- ²⁵⁷Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 472-473.
- ²⁵⁸Еремян С. Т. Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений, с. 180.
- ²⁵⁹Джавахов И. Государственный строй древней Грузии и Армении, с. 110.
- ²⁶⁰Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 45.
- ²⁶¹В ИА, так же как в армянских источниках, термин "гордзакал" имеет широкое толкование. В должности гордзакала засвидетельствован в V в. при царе Вачагане III Хочкорик, нахарар царского происхождения, незаконнорожденный сын албанского царя Есуагена. Хочкорик был гордзакалом города Цри и когнапахом (начальником области). (ИА, кн. I, гл. 19, Э., с. 66; П., с. 42; кн. I, гл. 23; Э., с. 85; П., с. 56). Гордзакалы засвидетельствованы в ИА в значении чиновника-смотрителя. "Он (ишхан севера) отправил гордзакалов-смотрителей за разного рода ремесленниками..." (ИА, кн. II, гл. 16, Э., с. 190; П., с. 131); Виро просил Шада: "...отправь верных гордзакалов-смотрителей чиновников во все места: в села, деревни, крепости, местечки, чтобы воротились жители и занимались без страха..." (ИА, кн. II, гл. 14, Э., с. 185; П., 128); в ИА засвидетельствованы и "мецамецк гордзакалы" ("великие сановники"). ИА, кн. II; гл. 29, Э., с. 235; П., с. 166.
- ²⁶²Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 467; Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 61.
- ²⁶³Лазар Парпеци, II, 24, с. 93; П., с. 95-96.
- ²⁶⁴ИА, кн. II, гл. 18, Э., с. 198; П., с. 139 "...полководцы, князья, вельможи и свободные люди страны"; Д., с. 109 "those generals and princes, lords and indigenous nobles".
- ²⁶⁵ИА, там же.
- ²⁶⁶ИА, там же; Э., с. 200; П., с. 139; Д., с. 112 "They ordered him to be given villages as his vassals and riversfull of fish".
- ²⁶⁷Джеваншир с албанским войском "достиг общего сборного места раньше ишхана Сюнийского и спарапета Армении". ИА, кн. II, гл. 18, Э., с. 198; П., с. 138.
- ²⁶⁸ИА, кн. I, гл. 17, Э., с. 57; П., с. 36 "...и князья страны лишились своей власти. Вачаган возвратил каждому свою власть"; Д., с. 27 "...he was peace = lowing and master of all the lands in his kingdom which the wicked Peroz had wrested out of his authority and whose native, princes to each of whom Vacagan how restored his authority, he had

suppressed".

²⁶⁹ИА, кн. III, гл. 10; Э., с. 349; П., с. 247; Д., с. 198.

²⁷⁰Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 445-446.

²⁷¹Там же, с. 446.

²⁷²Там же.

²⁷³Там же, с. 446-447.

²⁷⁴Christensen Arthur. L' Iran sous les Sassanides, p. 113.

²⁷⁵Там же р. 122-123.

²⁷⁶Периханян А. Г. Древнеармянские востаники. ВДИ, 1956, № 2, с. 54.

²⁷⁷Там же.

²⁷⁸Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 457.

²⁷⁹Benveniste E. Titres et noms propres en iranien ancien. Paris. 1966, IV, p. 68-70.

²⁸⁰Егише "великого визиря" Иездигерда II, Михрнерсеха, называет "Взурк храматаг Еран ев Анеран" и "Мец хазарапет Арван ев анареат". См.: Егише, с. 24, 28, 88, 90, 94-97, 128, 194.

²⁸¹Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 445;

Еремян С. Т. Рабовладельческое общество древней Армении, с. 18-19;

Он же. Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений, с. 183.

²⁸²Фавстос Бузанд, IV, с. 56.

²⁸³По мнению Христенсена А., великий визирь Сасанидов управлял как внутренними, так и внешними делами государства, мог возглавлять и военное командование. L'Iran sous les Sassanides, p. 114-115.

²⁸⁴Егише, с. 28. Более высокое положение персидского хазарапета Михрнерсеха видно из отрывка Егише (III, с. 88).

²⁸⁵Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 456-458.

²⁸⁶ИА, кн. II, гл. 2, Э., с. 125; Ш., с. 212; П., с. 85 хазарапета переводит "военачальником"; Д., с. 65 "the albanian chiliarch (hazarapet)...".

²⁸⁷ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 103; Ш., с. 189; П., с. 69 "Советник царский Михр Гарик, хазарапет...". Таким образом, П. хазарапета в одном случае переводит военачальником, а в другом сохраняет "хазарапет", но в сноске дает хилиарх; Д., с. 54 "...Mucik, the kings chancellor (hramanatar), Mirharik, steward (hazarapet)...".

²⁸⁸Hübshmann H. Armenische Grammatik, s. 182.

²⁸⁹Там же.

²⁹⁰ИА, кн. I, гл. 17; Э., с. 57; П., с. 36, "храманатар" переводит "правил"; Ш., с. 138; Д., с. 27.

²⁹¹ИА, кн. I, гл. 14, Э., с. 45; Ш., с. 123; П., с. 26-27; Д., с. 21.

²⁹²Малхасянц Ст., основываясь на указаниях историка Себеоса, полагает, что в Армении должность аспета была аналогична сасанидскому Взурк храманатару. (Себеос. История. Изд. Ст. Малхасянца. Ереван, 1939, с. 10). Но вопрос этот остается не решенным.

²⁹³Дусет Ч. переводит хазарапета "хилиархом" (с. 65). "Хилиархии" - учреждения, ведавшие поступлениями податей в государстве Селевкидов, были унаследованы от Ахеменидов. См.: Периханян А. Г. Древнеармянские востаники, с. 52.

²⁹⁴История Армении Фавстоса Бузанда, с. 213, коммент. 18. Полномочия Еран -sprahbadh были очень широки: он был военным министром, главнокомандующим и лицом, ведущим переговоры о мире - "negociateur de la paix". О его функциях см.: Christensen Arthur. L'Iran sous les Sassanides, p. 130-131.

²⁹⁵Фавстос Бузанд, IV, 2, с. 56-57;

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 445-446.

²⁹⁶Адонц Н. Там же.

²⁹⁷ИА, кн. II, гл. 18; Э., с. 199; П., с. 138, примеч. 3, "Аспарапет или Аспахапет - предводитель конницы; Спарапет - предводитель всего войска, главнокомандующий"; Д., с. 110 "and named him field marshal ("sparapet of Albania"). Очевидно, аспарапет то же самое, что спарапет, ибо Джеванджир именуется то аспарапетом, то спарапетом. ИА, кн. II, гл. 18, Э., с. 199; П., с. 139; Д., с. 110; кн. II, гл. 19 (название главы). Тревер К. В. переводит аспарапета... "стратегом", "главой войска". (Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 290).

²⁹⁸ИА, кн. III, гл. 8, 10, Э., с. 343, 348; П., с. 243, 246; Д., с. 194, 197.

²⁹⁹ИА, кн. II, гл. 31, Э., с. 242; П., с. 170-171 "военачальника, князя Албании"; Д., с. 136 "...Juanser general and prince of Albania".

³⁰⁰ИА, кн. II, гл. 37, Э., с. 265; П., с. 187 "полководец"; Д., с. 151 "general".

³⁰¹История Армении Фавстоса Бузанда, с. 213, коммент. 18.

³⁰²Как отмечает Христенсен А., некоторые сасанидские цари во время войн осуществляли функции главнокомандующего. См.: L'Iran sous les Sassanides, pp. 130-131.

³⁰³О судебных функциях царя свидетельствует агуэнский канон 2.

³⁰⁴Албанский царь Вачаган III созывает Агуэнский собор и возглавляет его.

³⁰⁵"Ираклий, византийский император, писал к ишханам и арраджнордс ашхарпац, чтобы они добровольно вышли к нему навстречу и служили ему с войском своим во время зимы". (ИА, кн. II, гл. 10, Э., с. 149; П., с. 102; Д., с. 79-80).

³⁰⁶Представители азатских патронимий, присутствовавшие на Агуэнском соборе, приложили перстни-печати к постановлениям собора. (ИА, кн. I, гл. 26; Э., с. 103; П., с. 69; Д., с. 54;

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 296). ИА сообщает, что когда рукополагали Исраила в епископы, то ему закрепили печатью письменное свидетельство полководец-зоравар с нахарарами из каждой области (ИА, кн. II, гл. 37, Э., с. 266; П., с. 88; Д., с. 151-152).

О наличии знамен ИА сообщает, что нахарары после избрания великого ишхана Албании Вараз-Трдата, "подняв зверовидные знамена, посадили его на золотообразный щит..." (ИА, кн. II, гл. 35, Э., с. 262; П., с. 185; Д., с. 149).

³⁰⁷Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 295

³⁰⁸В условиях Албании высшие церковные чины-патриарх, католикос и архиепископ приобшались как равнозначные термины. Так, ИА сообщает, что по греческой церковной иерархии полагалось девять степеней (чинов): "Патриарх, который является найрапетом; и архиепископ, который называется епископосапетом и католикосом; митрополит, и епископ, и священник, дьякон, иподьякон, причетник и псалмопевец". (ИА, кн. II, гл. 48, Э., с. 309).

найрапет - армянское слово, калькированное с греческого патриарх, а епископосапет - с греческого архиепископ. Совершенно очевидно, что архиепископ и католикос идентичные термины.

Глава албанской церкви именовался патриархом - найрапетом и католикосом - архиепископом. К примеру, албанский католикос Уханес (670-682) называется и найрапетом, и католикосом, и архиепископом (ИА, кн. II, гл. 29, Э., с. 232-234; гл. 31, с. 243).

³⁰⁹Духовенство представлено на соборе в следующем составе: Шупһалишай, архиепископ Партава, Манасэ, епископ Капага, Иунан, епископ Ашу, Анания и Саһак, хорепископы Утия, Иовсен, иерей Каланкатуйка, Матэ, иерей Партава, Тома, иерей царского двора, Погос, иерей Гегача, Шмавон, хорепископ Цура, Матэ, иерей Дараһоча, Абиказ, иерей Беда, Урбат, иерей Айраманушац, Иовэл, Пармидэ и Иаков - иереи. В данном перечне церковные чины представлены в следующей последовательности: архиепископ, епископы, хорепископы, иереи (священники), хорепископ, иереи (ИА, кн. I,

гл. 26).

³¹⁰ИА, кн. I, гл. 17, Э., с. 60; П., с. 38; гл. 21, Э., с. 75; П., с. 48.

³¹¹Мамедова Ф. Дж. Из истории раннефеодальных отношений в Кавказской Албании, с. 95.

³¹²Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении, с. 14-15; Периханян А. Г. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени, с. 18;

Она же. Сасанидский судебник, с. 458-460;

Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье, с. 202-206;

Она же. Зарождение феодализма в Иране, с. 13;

Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961, с. 17;

Саркисян Г. Х. Даstackерты и агараки в армянских источниках V в. - ИФЖ Арм. ССР, 1962, № 3, с. 85 (арм. яз.);

Он же. О двух значениях термина даstackерт в ранних армянских источниках. Сб. Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран, М., 1967, с. 101.

³¹³Периханян А. Г. Сасанидский судебник, с. 458.

³¹⁴ИА, кн. I, гл. 23; Э., с. 93; П., с. 62 "...во имя ее царь устроил одно поместье"; Д., с. 48 "...in whose name he had built a country willa (dastakert)...".

³¹⁵ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 102; П., с. 69 "Вольные люди в своих поместьях..."; Д., с. 53. "Nobles, in so far as concerns their estates...".

³¹⁶Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении, с. 16.

³¹⁷Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов, с. 17.

³¹⁸Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении, с. 18.

³¹⁹Хостак - перс. *Xvāsta* означает всякое имущество. *Hubschmann H. Armenische Grammatik*, s. 161;

Манандян Я. А. Материалы по истории экономической жизни древней Армении, с. 44, 73. В армянских и грузинских источниках термин *Xostak* (армянск.) // *Xwastagi* (грузин.), означают "имущество" в узком смысле - "земля или скот".

Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении, с. 17.

³²⁰Манандян Я. А. Материалы по истории экономической жизни древней Армении;

Он же. Заметки о феоде и феодальном войске Парфии и Аршакидской Армении.

³²¹Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 308.

³²²Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении, с. 18;

Пигулевская Н. В. Переходные формы рабовладения в Иране по сирийскому сборнику пехлевийского права. М., 1954, с. 11-17.

³²³Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 308;

Манандян Я. А. Заметки о феоде и феодальном войске Парфии и Аршакидской Армении, с. 9-11.

³²⁴ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 99; П. с. 67 "...и сына взять в церковь"; Д., с. 52 "...and his property confiscated by the church".

³²⁵Канонагирк, с. 124-126;

Мхитар Гош, ч. I, с. 211-214; с. 105-106, 234, коммент. 44-47 (русский перевод А. Паповяна).

³²⁶Канонагирк, с. 107-112.

³²⁷Манандян Я. А. Заметки о феоде и феодальном войске Парфии и Аршакидской Армении, с. 9-11.

³²⁸Там же;

Он же. Материалы по истории экономической жизни древней Армении, с. 43-52.

- ³²⁹Степаннос Орбели, с. 201, 207, 233;
Манандян Я. А. Материалы по истории экономической жизни древней Армении, с. 44, 48.
- ³³⁰Периханян А. Г. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени, с. 18.
- ³³¹Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении, с. 14-19.
- ³³²Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 308.
- ³³³Еремян С. Т. Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений, с. 170-171;
Саркисян Г. Х. О двух значениях термина дастакерт в ранних армянских источниках, с. 97-101.
- ³³⁴Еремян С. Т. Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений, с. 170-171;
Он же. О рабстве и рабовладении в древней Армении, с. 14, 21.
- ³³⁵Он же. О рабстве и рабовладении в древней Армении, с. 14;
Манандян Я. А. Проблема общественного строя доаршакидской Армении. ИЗ, 1945, № 15, с. 4.
- ³³⁶Мхитар Гош, ч. II, ст. 1, с. 319; русск. пер. А. Паповяна, с. 148. Это положение восходит к сведениям Мовсэса Хоренаци, кн. II, гл. 8, причем у Хоренаци сказано только о жителях городов и деревень-пюхов, шэнов и ничего не отмечено об агараках.
- ³³⁷Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении, с. 14.
- ³³⁸Манандян Я. А. Проблема общественного строя доаршакидской Армении, с. 4.
- ³³⁹Там же.
- ³⁴⁰Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении, с. 16-25;
Он же. Проблема падения рабовладельческого общества и зарождения феодальных отношений в древней Армении. Доклады Советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. М., 1954, с. 111.
- ³⁴¹Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 308.
- ³⁴²ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 100; Д., с. 52 "A priest who ministers to a large village shall not minister to another. Should two small hamlets be close to one another, one priest may minister to them. A priest may be a shepherd for as many as he is able to lead".
- ³⁴³ИА, кн. II, гл. 27, Э., с. 221; П., с. 155 "...терния полей"; Д., с. 124.
- ³⁴⁴Ердумарды - рабы-земледельцы, жившие отдельными домами и имевшие свой пекулий. Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 308-309.
- ³⁴⁵Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 474-475;
Он же. Исторические исследования, с. 174-188;
Авдалбегян Т. О налогах "Гас, сак, баж", с. 55-56;
Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 161-163;
Он же. Проблема общественного строя доаршакидской Армении, с. 21;
Еремян С. Т. Рабовладельческое общество древней Армении;
Он же. Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений, с. 168-169;
Он же. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 308-309;
Маркосян С. С. О социальном положении сословия "шинаканов" древней Армении. ИФЖ АН Арм. ССР, 1965, № 3, с. 151-168 (арм. яз.);
Акопян С. Е. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в древней и средневековой Армении. ИФЖ АН Арм. ССР, 1963, № 1, с. 173-183;
Он же. История армянского крестьянства (период раннего феодализма). Ереван, 1957 (арм. яз.), с. 164-171.

³⁴⁶НСАЯ, т. I.

³⁴⁷Этимологический коренной словарь армянского языка, т. 1. Сост. Р. Ачарян.

³⁴⁸Агафангел, гл. 119, с. 436.

³⁴⁹Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 134-135;

Он же. Проблема общественного строя доаршакидской Армении, с. 21;

Еремян С. Т. Рабовладельческое общество древней Армении.

³⁵⁰Фавстос Бузанд, V, 31, с. 194.

³⁵¹ИА, кн. I, гл. 10; Э., с. 24; Егише, с. 199.

³⁵²Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 163-164. ИА, кн. I, 10; Д., р. 10;

Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 309;

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 185;

Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 66.

³⁵³"и дзарайутюн арканел", идентичное "и виджак дзарайутюн арканел=и парки дзарайутюн" означают обложение податью. Авдалбегян Т. О налогах "Гас, сак, баж", с. 55;

Маркосян С. О социальном положении сословия "шинаканов" древней Армении, с. 152-153.

³⁵⁴Или "церковное сословие".

³⁵⁵Авдалбегян Т. доказал, что "нас" не был поземельным налогом - *hogaharkom*, а подушной податью, вносимой в церковь, но считает, что в данном каноне "нас" - это какой-то другой налог. См.: О налогах "Гас, сак и баж", с. 45-58. Думается, что *насом* называлась и подушная подать, вносимая в государственную казну. Ведь известно, что основными государственными налогами были подушный и поземельный. Из канона явствует, что духовенство было освобождено от поземельного налога и вносило в казну только "нас", следовательно, подушную подать.

³⁵⁶"и виджак дзарайутюн аркен" см. сноску 353.

³⁵⁷Канонагирк, с. 126. Этот канон с некоторыми изменениями приведен у Мхитара Гоша. См.: Мхитар Гош, ст. 106, с. 207; русск. перевод А. Паповяна, с. 107, 235.

³⁵⁸Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 474-475;

Манандян Я. А. Феодализм в древней Армении, с. 162;

Маркосян С. О социальном положении сословия "шинаканов" древней Армении, с. 151.

³⁵⁹Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 474.

³⁶⁰Маркосян С. О социальном положении сословия "шинаканов" древней Армении, с. 151.

³⁶¹Еремян С. Т. Рабовладельческое общество древней Армении.

³⁶²Этимологический коренной словарь армянского языка, т. 1.

³⁶³Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 451-452.

³⁶⁴Еремян С. Т. Рабовладельческое общество древней Армении;

Он же. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 308;

Он же. Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений, с. 169.

ГЛАВА V. АЛБАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

§ 1. Становление христианства государственной религией

Седой древний Кавказ – колыбель древних цивилизаций, созданных народами-автохтонами, сохранил богатую античную и раннесредневековую культуру древней Кавказской Албании, государства исторического Азербайджана.

Азербайджан – страна всех религиозных систем – зороастризма (огнепоклонничества), иудаизма, христианства, ислама. Здесь была самая древняя на Кавказе Албанская Апостольская самостоятельная Церковь, одна из ранних во всем христианском мире.

Албания относится к числу тех стран, где первые христианские общины возникли еще задолго до IV в., до становления христианства государственной религией. Согласно албанской традиции в начале первых веков нашей эры в Албанию проникают первые христианские миссионеры, апостолы и ученики апостолов из Иерусалима, из Сирии, создаются первые христианские общины.¹ Этому в первую очередь способствовало наличие в Албании еще задолго до I в. н. э. древнееврейских поселений, а в I в. н. э. наличие назареев, христиан-иудеев. Так назывались первые христиане; название «христиане» возникло гораздо позже в Антиохии, Сирии.

Назареев являются иудеями, которые почитали Христа как справедливого человека, т.е. не видя в нем сына Бога. Во всех писаниях воплотилась самая ранняя традиция иудео-христиан (назареев) об Иисусе Христе как о праведном человеке, воспринявшем при крещении божественную Силу-Дух Святой. В дальнейшем происходит переосмысление этой древней традиции и божественное предназначение Иисуса определяется уже не крещением, а самим рождением. Считается, что назарейство просуществовало до IV в.²

Еще в 1987 г. я отметила, что среди татов Азербайджана надо видеть потомков потерянного еврейского колена. Среди прочих причин я видела подтверждение этому в сообщениях источников о переселении персидскими царями (Ахеменидами, Парфиянами, Сасанидами) в Иран, оттуда на Кавказ, в Албанию, в част-

ности, по западному Каспийскому побережью евреев-иудеев, которые отличались знаниями высоких ремесел. Подтверждением этому служил также антропологический типаж горских евреев, этническая чистота, прослеживаемая среди них, которая была результатом соблюдения внутриэтнических браков, что их в корне отличало от европейских евреев, благодаря чему и поныне они сохранили библейскую внешность. В этом убеждала меня также верность иудаизму у части горских евреев. Это был немаловажный факт, если принять во внимание замкнутость, кастовость иудейской религии, которую могли исповедовать только евреи. Академик З.М.Бунятов и профессор, габраист, член-корреспондент Академии наук Франции Марк Филоненко разделили мои доводы. Затем я выявила нахождение на Абшероне наряду с татами – горскими евреями и назареев. Наличие в эпиграфике в Бузовнах еврейских имен в сопровождении слова «назарей» и наличие «квартала назареев» в Бузовнах,³ а также постоянное проживание горских евреев на Абшероне убеждают в том, что здесь были ранние еврейские христианские общины назареев. Впоследствии многие из них, приняв ислам, трансформировались.

Возвращаясь к назареев на Абшероне, следует отметить их следы в трех селах – Бузовны, Шагане, Ени-Сураханы, где имеются эпиграфические памятники с упоминанием назарейцев. В Бузовнах на двустрочной надписи на персидском языке арабской графикой, высеченной над входом в мавзолей, сказано: 1. «Это могила Шмавона (Самаварза) Бахрамы – назарейца – نرېسا ; 2. в мухараме 706 г. = 12.VIII.1306 г. Эту надпись впервые прочитал С.Керим-заде, у которого именно прочитано – имя Шмавон, а слово «наrsa» (نرېسا) переведено как «христианский». Известный эпиграфист, член-корреспондент НАН Азербайджана М.С.Нейматова прочла, что это могила Самаварза Бахрамы – несторианина, т.е. слово «наrsa» в значении «несторианина». Нам представляется совершенно бесспорным, что речь идет о назарейце.

Следующая эпиграфика из поселка Шагане, также сохранившаяся над входом в мавзолей, прочитанная М.С.Нейматовой, гласит: «Это строение Булгаг-а Булгарар-а». М.С.Нейматова, комментируя это имя, пишет, что по всей вероятности Булгаг-а и Булгарар еврейские имена, от которых происходили арабские

имена - Абул-л-Хакк и Абул-л-Карар.

В Бузовнах по сей день сохранился квартал, именуемый «нязаранлы мяхляси» – «квартал назареев». Наличие в упомянутой эпиграфике еврейских имен, а также в сопровождении слова «нарса» и наличие квартала назареев и постоянное проживание горских евреев на Абшероне убеждают нас в том, что здесь были ранние еврейские христианские общины назареев.

И, наконец, у албанского автора имеются данные о проживании в VII в. в столице Албании, городе Барде «христиан, иудеев, язычников» (*Каланкатуйский*, II, 10). В последних многочисленных исследованиях, посвященных горским евреям Азербайджана, отмечается, что современные таты-иудеи – потомки древних евреев, переселившихся на Кавказ еще при Ахеменидах.⁴ В сирийском источнике XIII в. у Бар-Эбрея есть интересное сообщение: «После Артаксеркса – правителя – Артаксеркс Окос (Артаксеркс Ох – 359–338), 27 лет. Этот был сильным и царствовал над Египтом. Египтяне снова были подчинены персами... Окос покорил также евреев и сделал их данниками. Он поселил их на берегу Каспийского моря в городе Гирканиш».*

Албанская традиция в деле распространения христианства различает два периода, последовательно сменивших друг друга. Первый, так называемый апостольский период, связан с именами апостолов Фаддея, Варфоломея и ученика (или учеников) апостола Фаддея-Мара→Елисея (Дади). Этот период условно назовем также сирофильским периодом, который датируется временем до IV в., когда христианство проповедовалось на сирийско-арамейском языке, как апостолами, их учениками, так и сирийскими миссионерами и назареями.

Второй период (грекофильский) проповеди христианства связан с именем Григория Просветителя (парфянина) и албанского царя Урнайра (IV в.), когда христианство становится государственной религией.⁵ Грекофильский период был кратковременным, после которого Албанская Церковь становится на путь этнического албанского развития, с чем связано развитие албанской литературы. О наличии двух периодов – сирофильского и грекофильского помимо всего прочего свидетельствуют данные Моисея Каланкатуйского, албанского автора VIII в. о распрост-

* Г у с е й н о в Р. Сирийские источники об Азербайджане. Баку, 1960, с. 65, 142 (примеч. 22).

ранении в Албании надписей на сирийском и греческом языках.* Албанская Церковь по своему происхождению в отличие от армянской изначально была непосредственно связана с Иерусалимом, Иерусалимской Церковью, с иерусалимским патриархатом. В этом аспекте Албанская Церковь имеет аналогию с Грузинской Церковью, истоки которой также восходят к Иерусалимской Церкви.⁶ Истоки, весь путь становления христианства Албанской Церкви теснейшим образом связан с историей восточного христианства, полностью вписывается в общую закономерность его развития, но проявляя при этом свою особенность. Как проповедь самого христианства, так и структура христианской церкви, церковная иерархия в своем становлении прошли 2 периода: апостольский и период после объявления христианства государственной религией в IV в.

Прежде чем приступить к албанским христианским реалиям, необходимо рассмотреть истоки зарождения христианского вероучения вообще, формирование доктрины (идеологического воззрения), складывание структуры церковной организации, географический ареал и время распространения христианства, что несомненно прольет свет на воссоздание картины Албанской Церкви.

Христианство, как известно, возникло в недрах иудаизма и возвращено на его почве в I–II вв.⁷ «Христианство – преуспевшее ессейство».⁸ На палестинском этапе в состав христианства потенциально вошли мистико-аскетические и организационные навыки ессейских общин, для систематического применения которых время настанет значительно позднее. Нарождающиеся раннехристианские общины имели много общих черт с кумранской общиной: этническое тождество, территориальная близость, сходство социальных принципов, организационной структуры и ряда теологических доктрин.⁹ Раннехристианская община именовалась, как и кумранская, «Новым Заветом»,¹⁰ а позднее термин «Новый Завет» стали прилагать к сумме канонических текстов, в кото-

*Дело в том, что основополагающие документы христианства изначально были составлены на греческом языке. В Осроене, в большом эллинистическом государстве с центром Эдессой, в Междуречье, куда христианство проникло в первые века и где оно впервые стало официальной государственной религией, проповедь христианства велась на сирийском языке. На этот же язык было переведено большое число греческих христианских памятников - Ветхий, Новый Заветы, литургические и агиографические книги. Эдесса - поборник эллинистической культуры стала рассадником новой христианской идеологии на сирийском языке. (Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979, с. 12, 24-25).

рых видели новые заповеди, заменяющие «Ветхий» Моисеев Закон (Тору).* ¹¹

Во второй половине I в. в Иерусалиме во главе раннехристианских общин, как и кумранских, стояли «учителя» и «пророки» (сравни пророка Елисея, ученика апостола Фаддея, возглавившего албанскую раннехристианскую общину), позднее «епископы» (греч. «надзиратель») и «диаконы», вокруг которых к середине II в. в борьбе с децентрализаторскими тенденциями выкристаллизовывается дисциплинарная и иерархическая структура вселенской церкви.¹²

Наряду с чертами сходства между кумранской общиной и раннехристианской, между кумранской и новозаветной литературой, отмечены и существенные различия, позволяющие считать христианство новым явлением в социальной и духовной истории средиземноморского мира, а затем и всемирной истории.¹³ Основное и решающее отличие заключается в том, что кумранская община «ограничивалась верованием в грядущий приход мессии, в то время как само возникновение христианства связано с верой в уже состоявшийся приход мессии – Иисуса Христа».¹⁴ Одно из «отчетливо выступающих кардинальных отличий заключается в том, что кумранская община была и осталась замкнутой, даже конспиративной организацией, отгородившейся от внешнего мира, полностью ею осуждаемого, и таящей от него свое учение».¹⁵ Христианство же, отделившись от иудейства, стремится охватить своей пропагандой весь средиземноморский мир, превратиться в универсальную религию, отбросившую племенные и государственные перегородки¹⁶ [подчеркнуто нами. – Ф.М.]. И в силу своего универсализма христианство стало вероисповеданием народов Кавказа, в частности Албании. Христианство впитало традиции мировоззрения, фиксированного в библейском каноне, а затем в евангелиях. Это мировоззрение как в ветхозаветной, так и особенно в новозаветной форме было с исключительной остротой ориентировано на осмысление истории, понятой не как круговращение циклов, а как выход к абсолютному будущему.¹⁷

Христианская литература первых веков дошла, главным образом, в составе канонического сборника, носящего название

* Приношу глубокую признательность сотрудникам кабинета "Древний Восток" при ЛО ИВАН СССР, предоставивших мне эти материалы.

«Новый Завет», отбор которого в основном произошел во II в., но завершился только к концу IV в. В состав Нового Завета входят 27 сочинений: четыре Евангелия, примыкающие к ним «Деяния апостолов», 21 послание (поучения в эпистолярной форме), из коих 14 принадлежат или приписываются традицией апостолу Павлу, а остальные – апостолу Петру (два), Иоанну Богослову (три), Иакову и Иуде (по одному), и, наконец, «Откровение Иоанна Богослова» или «Апокалипсис» – фантастическая картина грядущего конца мира.¹⁸ Все эти сочинения сохранились на греческом языке – международном языке Восточного Средиземноморья и сирийском языке (в Сирии, Эдессе, Междуречье). Широкая проповедь христианства среди римских подданных и других народностей началась тогда, когда ее инициатором выступил ученый иудей Саул (Савл) из малоазиатского города Тарса.

Как повествуют «Деяния апостолов», Саул первоначально был убежденным противником Христа, ревностным его преследователем во имя иудейской ортодоксии. Согласно легенде, особое видение вызвало в нем духовный перелом, что привело его в ряды христиан. Называясь отныне римским именем Павел (прозвищем, принадлежащим ему, как потомственному римскому гражданину), он начал проповедовать христианство в Антиохии (столице Сирии), в различных городах Малой Азии и Греции. Будучи вызван в Иерусалим главами первоначальной общины, Павел сумел убедить их в правомочности своей миссии. Иудео-Христианской Церковью в Иерусалиме было решено, что Павел будет «апостолом язычников».¹⁹ Именно апостолу Павлу (наряду с автором четвертого евангелия) принадлежит особенная роль в подготовке позднейшей разработки и систематизации догм и религиозно-этических положений христианства. Павел проповедовал Евангелие от Иерусалима до Иллирика. Пути проповеди привели его в Рим при императоре Нероне, где он получил мученическую смерть.²⁰

Той же Иудео-Христианской Церковью в Иерусалиме было решено, что апостол Петр вместе с другими апостолами останутся «столпами» Иудео-Христианской Церкви Иерусалима.²¹ Позднее апостол Петр проповедовал в Понте, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Ассирии расселившимся иудеям, а под конец своей

жизни пришел в Рим, где получил тамошнюю христианскую общину. В Риме же он был распят вниз головой.²²

Широкая проповедь христианства на северо-восток и восток от Иерусалима в I–II вв. связана после деятельности апостола Павла с именами апостолов Фомы, Андрея, Варфоломея, брата апостола Фомы – Ардая-Аддея-Фаддая-Фаддея и учеников Фаддея – Мара (Елисея?).

Эти апостолы и их ученики проповедовали в Сирии (центр Антиохия), в небольшом эллинистическом государстве Осроене (центр Эдесса), в Нисибине, Месопотамии – Междуречье, Малой Армении и далее на востоке и северо-востоке, в Персии (Селевкии – Ктесифоне), в странах Центрального Кавказа – Грузии, Албании.

На восточной окраине Восточно-римской империи, в непосредственной близости от границы с Ираном и дальше за этой границей, в городах и селениях (Сирии, Осроены, Месопотамии, Персии) располагалось сирийское население, язык которого представлял одно из арамейских наречий.²³ Раннее распространение христианства по всем этим странам, населенным арамейцами, в значительной степени связано с еврейскою диаспорою, т.е. с расселением изгнанных из родного пепелища евреев.²⁴ «Когда первые христиане, вытесненные из Иерусалима, нашли новую родину в Антиохии на Оронте (Деяния, 9, 19 сл.) и оттуда предприняли свои проповеднические путешествия, то арамейский Восток, по-видимому, не менее был зрел для принятия новой религии, чем греческий и римский мир».²⁵ Таким образом, арамейцы были носителями христианства на Востоке. Проникновение евангельского учения в страны Востока с помощью сирийцев (арамейцев) объясняется главным образом той ролью, какую играли сирийцы в торговой жизни. Давняя налаженная торговая связь по воде и по суше между Средиземноморьем и странами Ближнего и Дальнего Востока в значительной мере была в руках сирийцев.²⁶

Торговые пути уводили сирийцев далеко от Месопотамии, из Ирана в области Центрального Кавказа – Грузию, Албанию. Они с давних пор являлись торговыми людьми и, совершая торговые операции, попутно становились проводниками новых веяний,

содействовали разглашению христианского учения. Восприятие христианства через арамейский язык облегчалось тем, что сами евреи в это время говорили на арамейском наречии. Раннее христианство среди арамейцев опиралось на еврейскую литературу, переведенную на арамейское наречие для потребностей еврейских общин.²⁷

Таким образом, Сирия, Осроена, Месопотамия, отдельные области Ирана были благодатной почвой как для восприятия, так и для последовательной пропаганды (на восток) христианского вероучения на арамейском языке. Проповедническая миссионерская деятельность апостолов в I–II вв. наглядно демонстрирует ареал географического распространения христианства. Евсевий Кесарийский со слов Оригена сообщает, что, по преданию, апостол Фома проповедовал в Парфии, а апостол Андрей – в Скифии.²⁸ Фома обращал свое благовестие прежде всего к иудеям и прозелитам. В этом отношении западная половина парфянского царства оказалась более восприимчивой к евангелию, чем восточная.²⁹ Фактически Фома был апостолом Месопотамии. Согласно сирийским источникам, апостол Фома, один из двенадцати апостолов, отправил Аддея (Фаддея) одного из 70 на проповедь в Эдессу.

Фаддей основал церковь эдесскую, а перед своей кончиной «одного из учеников своих под именем Мара отправил проповедовать евангелие в странах, лежащих далее к востоку от Месопотамии. Мара из Эдессы направился в Нисибин и положил здесь начало христианству».³⁰ Сиро-персидское предание кафедру селевкие-ктесифонскую именуется «апостольскою кафедрой святого Мар-Маре апостола»³¹ и считает его основателем кафедры.

Распространение христианства в Армении связано также с именем упомянутого апостола Фаддея, одного из семидесяти апостолов. Армянская традиция в распространении христианства в Армении усматривает три течения, связанные с именами апостолов Фаддея, Варфоломея и Григория. Проповедничество апостолов Фаддея и Варфоломея шло с юга.³² Ранним по времени из двух апостолов было апостольство Фаддея, относительно которого предания расходятся. В согласии с армянским преданием об обращении армян в христианство при Абгаре любопытны данные

сирийских источников, сообщающие об Агее (Аддее-Фаддее), одном из 70 учеников: «Агай обратил Цофену (Софену), Арзану (Арзанену) и Внешнюю Армению, и Сиринос, сын Авгара, разбил ему голени и он умер».³³ Считается установленным, что известный властитель Эдессы, принявший христианство, есть Авгар IX, историческое лицо, жившее во II–III вв., и что легенда отодвинула историческое событие к началу нашей эры и перенесла на другое лицо, Авгара V, современника Христова.³⁴ Итак, Фаддей, он же Агей, обратил в христианство Эдессу, Малую Армению (Софену), Арзанену, т.е. налицо идеологическое генетическое родство Эдессы с Внешней Арменией. В отличие от армянского сирийское предание не высказывается о странствовании Агайя – Аддая – Фаддея из Эдессы в Артаз (Маку, Атропатена), где он, согласно армянской традиции, получил мученическую смерть и где хранится его гробница.³⁵ Итак, согласно армянской традиции, а также данным албанского автора (*Каланкатуйский*, I, 6), получается, что христианская церковь Атропатены имела апостольское начало, а не Армянская Церковь, где в период первоначального распространения христианства Армения вовсе не была готова к восприятию нового вероучения. Что же касается православных и католиков, то оно обходит его молчанием вообще.³⁶

Весь процесс раннего апостольского периода становления христианской структуры прослеживается и в Кавказской Албании, где проводниками христианства были ученик апостола Фаддея - Елисей и апостол Варфоломей.

Моисей Каланкатуйский сообщает: «В удел нам жителям Востока достался святой апостол Фаддей, который прибыл вначале в Армению, получил там мученическую смерть от царя Армении Санатрука» (*Каланкатуйский*, I, 6). Далее албанский историк сообщает, что ученик Фаддея св. Елисей возвращается в Иерусалим, рукополагается рукой святого Иакова, брата Господня, бывшего первым патриархом Иерусалима. Елисей получает себе в удел Восток (*Каланкатуйский*, I, 6). В данном контексте под Востоком понимается, как и во многих других случаях, Албания. Исследование понятий «Восток», «восточная страна», «северо-восток» у албанского историка убеждают нас в том, что

под этим понятием подразумевается Албания, Албанская страна в значении восточной оконечности, восточного предела христианского мира по отношению к Иерусалиму.³⁷

Согласно албанской традиции, ученик апостола Фаддея – Елисей, выйдя из Иерусалима, направившись в Персию, минуя Армению [расположенную в Малой Азии. – Ф.М.], просветил три страны – Чола, Лпинию, Албанию (*Каланкатуйский*, III, 23). «Святой патриарх Елисей прибыл в Гиш [Шеки] основал церковь и принес чистую бескровную жертву. Это место является первоначальным истоком церкви наших, жителей Востока, истоком первопрестольных городов и началом места просвещения». (*Каланкатуйский*, I, 6). Эту же мысль Каланкатуйский передает в другой главе (*Каланкатуйский*, II, 43): «Св. Елисей проповедовал в Албании, построил там церковь ранее, чем в Армении, именно в селе Гиш, церковь эта была «матерью церквей восточных», т.е. метрополией». Условной датой проповеднической деятельности Елисея в Албании следует считать промежуток времени между 51–62 годами.³⁸

То, что проповедь Елисея имела место и в правобережье, и в левобережье Албании, подтверждается и другим контекстом: «Первопричиною нашего просвещения был святой Елисей... Он был просветителем трех стран: *Чола, Лпинии и Агвани*, где кончил свою жизнь мученичеством» (*Каланкатуйский*, III, 23). В христианской литературе, в христианской традиции Елисей известен не только как ученик Фаддея, но и как пророк.³⁹

Красной нитью через всю «Историю» Каланкатуйского проходит идея апостольского начала Албанской Церкви, а также ее генетического родства с Иерусалимской Церковью и постоянной неослабной связью с нею. Каланкатуйский неоднократно подчеркивает, что Елисей – ученик апостола Фаддея, получив в Иерусалиме рукоположение в патриархи Албании, основал здесь церковь, которая была первой церковью на Центральном Кавказе. К тому же рукоположение он получил в I в. от первого патриарха Иерусалима Иакова, брата самого Господня (*Каланкатуйский*, I, 6, 28; II, 30, 42, 48; III, 8, 23).

Что же касается миссионерской деятельности апостола Варфоломея, с именем которого армянская традиция связывает

одно из течений (второе) в распространении христианства в Армении, то следует заметить, что другой албанский автор Степаннос Орбели (XIII в.) сообщает, что миссионерство этого апостола теснейшим образом связано с Сюником, опять же с Албанией, но не с Арменией. «Прежде всего необходимо и очень полезно показать то, что *раньше, чем население Армении, эти (сюники) явились первыми верующими и через святого апостола Варфоломея подчинились учению святого евангелия, о чем уместно здесь рассказать*. Когда Варфоломей возвратился из Персии, прошел через Атрпатакан, пришел со своими учениками и, пройдя через реку Аракс, вступил в пределы Сисакана [Сюника. – Ф.М.] и приступил к проповеди в селе Ордубад, в области Аревик, в доме (во владении) Багка и в Гохтне, которые, приняв евангельскую проповедь, просветились крещением в купели посредством святого апостола Варфоломея. А святой апостол построил церковь в Гохтне. ...Святой апостол, выступив оттуда, пошел в столицу Армении, г. Двин» (*Степаннос Орбели*, гл. V). Получается, что сюникская церковь (Албания) также имеет апостольское начало.

Святой апостол Варфоломей был одним из числа 12-ти апостолов Христа. После Индии Варфоломей отправился в Кавказскую Албанию, где обратил в христианство царя с его семьей и жителей многих городов. Но брат царя по наущению языческих жрецов приказал схватить святого апостола в городе Альбане (или Альбанополь, нынешний Баку) и распять его на кресте головой вниз. Так скончался апостол Варфоломей в 71 г.⁴⁰ Итак, в апостольский период в Албании уже были созданы епископство, метрополия и проповедовали христианство как сам апостол Варфоломей, так и преемник апостола Фаддея - Елисей, первый епископ, архиепископ Албании (традиционно), основавший первую епископскую кафедру в Гише. Эта церковь сохранилась поныне.

Азербайджанские ученые совместно с норвежскими провели археологические работы, а также работы по реконструкции этой уникальной в мире апостольской церкви I в. н. э., церкви Гиш. Только благодаря толерантности населения Азербайджана могла сохраниться эта церковь, что объясняется наличием многоэтничности, политеизма, и результат всего этого – уважение,

почтение, бережное отношение к культуре любой конфессии. Не следует забывать, что албаны - одни из предков азербайджанского народа, многих кавказских народов – лезгин, цахур, ингилойцев, хиналугцев, кризов, будухов, алпан, ритульцев, агульцев, табасаранцев и, наконец, прямые предки удин.

В Грузии основы христианства были заложены апостолом Андреем.

Значение апостольского начала церкви состоит в том, что оно свидетельствует как о древнем исконном происхождении церкви, так и о том, что церковь была создана самим первоисточником (апостолом), без посредничества другой церкви.⁴¹

В Албании в первый, так называемый апостольский период христианство было воспринято успешнее, чем в Армении и Иберии. Это подтверждают как данные письменных источников (*Каланкатуйский*, I, 6, 7, 9; II, 48), так и знание реалий того времени.⁴²

О распространении христианства в Албании раньше, чем в Армении, свидетельствует и ряд контекстов албанского историка, где приводится письмо армянского католика Авраама, адресованное албанам: «Престол албанский, бывший раньше нашего [армянского], был прежде согласен с нами [армянами]» (*Каланкатуйский*, II, 47). Другой пассаж: «На 43-м году летоисчисления греческого просветились армяне, спустя 270 лет после просвещения албан» (*Каланкатуйский*, II, 47). В этом убеждает и следующий отрывок Моисея Каланкатуйского: «Блаженный Елисей, начав апостольское возделывание с концов земли, просветил только северную часть нашего Востока (Албании), а не всех, и сам совершив благую борьбу за народ свой – утрудился. Но в то время, когда Господь посетил род человеческий, озарил весь запад через великого императора Константина и просветил Большую Армению через блаженного Трдата, он обратил в веру и Восток (Албанию), который несколько познал уже о спасительном явлении истинного солнца. *Албаны вторично и совершеннее были просвещены Урнайром (албанским царем). Все эти чудеса свершились в одно время от Бога*» (*Каланкатуйский*, I, 9). Автор подчеркивает синхронность времени принятия христианства – «в одно время от Бога», т.е. 313/ 314 гг.

Далее, контекст свидетельствует о двух периодах распространения христианства: первый период проповеди христианства Елисеем, который «просветил только северную часть... Востока», и второй период, когда Албания «вторично и совершеннее» приняла христианство при албанском царе Урнайре (в 313/314 гг.).

Как отмечалось, первый период проповеди христианства – это сирофильский период, когда евангельское слово разглашалось на сирийском (арамейском) языке, как и во всех странах Ближнего и Среднего Востока. Он связан не только с деятельностью апостолов, учеников их, но и с деятельностью сирийских миссионеров. Каланкатуйский сохранил данные, позволяющие судить о сирофильском периоде – о деятельности в Албании в IV–V вв. сирийских монахов (*Каланкатуйский*, I, 14); о *надписях на христианских реликвиях на сирийском языке*.

Этническая пестрота,* господство политеизма** создавали благоприятные условия для восприятия новой идеологии, монотеистической религии – христианства. Не случайно, что проповедь свою Елисей начал в северной части Албании в области Чола, где была наибольшая этническая пестрота, и главное, – здесь были древнееврейские поселения, здесь были раннехристиане иудеи – назарейцы. В пользу нашего положения о раннем проникновении христианства говорит также наличие в Албании ранних церквей, названных именами апостола Фаддея (Дади) и ученика его Елисея.

«В начале христианство распространялось быстро и в период парфянского владычества сделало крупные успехи на Востоке, но с возвышением Сасанидской династии в Персии, благодаря их враждебной политике, результаты двух веков свелись на нет». ⁴³ Поэтому о торжестве христианства в Албании в I–III вв. (в первый период) не могло быть и речи. Христианское вероисповедание получает право гражданства в стране только в IV в., что связано с общим торжеством христианства в странах Ближ-

* Моисей Каланкатуйский (II, 21) сообщает, что в V веке во время поисков и обретения мощей святых, организованных албанским царем Вачаганом III, население Албании пело псалмы на разных языках: "Земля сотрясалась от множества служебного гласа на разных языках (*йайл лезус*)".

** Каланкатуйский (I, 16) "...сооружая в разных местах пиреи, усиливалось служение скверным кумирам. Разнообразные секты зломудрого дьявола ослабленных людей Албании"; "Вачаган обратил многие страны (области) от злого служения идолам на святой и истинный путь" (*Каланкатуйский*, I, 17).

него и Среднего Востока, с победой его в Римской империи. Это связано также с политикой албанских царей Аршакидов.

В III в. христианство по всей Малой Азии уже утвердилось,⁴⁴ а прилегающие области уже были к этому подготовлены. В Осроене в конце II – начале III вв. христианство стало государственной религией.⁴⁵ Что же касается Римской империи, то первый указ империи в пользу христианства вышел в 311 г., на основании которого христиане получали прощение за свое упорство непринятия язычества и получали законное право на существование.⁴⁶ А в 313 г. Константин издал великий Миланский эдикт, который устанавливал свободу вероисповедания. Это был важнейший момент в истории раннего христианства. Значение акта Константина в том, что он позволил христианству не только жить (как было по указу 311 г.), но и взял его под защиту государства.⁴⁷ Были предоставлены привилегии христианскому духовенству (клирикам – *clerici*), которое освобождалось от несения государственных податей и повинностей, от всякого занятия гражданских должностей (право иммунитета). Каждый человек имел право делать завещание в пользу церкви, за которой тем самым признавалось пассивное наследственное право. Очень важные привилегии были даны епископским судам.⁴⁸

Второй период (грекофильский) – становление христианства государственной религией – является общим для трех стран. Он связан с именем Григория Просветителя (для трех стран – Армении, Грузии, Албании), а также с именем албанского царя Урнайра (для Албании).

Данные Агафангела, Мовсеса Хоренаци (II, 74), Моисея Каланкатуйского (I, 14) о Григории Просветителе сводятся к следующему. Он был парфянского происхождения, сын Анака, из рода Сурэна – Пахлава, одного из семи знатных персидских родов. Во время бегства из Персии в Армению родители Григория остановились в Атропатене, в области Артаз (Маку), в местечке, где был погребен апостол Фаддей. «Здесь зачала мать великого Просветителя» Григория (*Хоренаци*, II, 74). Эта легенда как бы является символом преемственности апостольского дела – дело апостола Фаддея продолжит Григорий.⁴⁹ После смерти Анака (Енака Парфянина), отца Григория, Григорий был увезен в страну

греков, где «хранился для спасения Армении и всех восточных стран», т.е. Албании (*Каланкатуйский*, I, 14). Григорий получил воспитание и образование в городе Кесарии, центре эллинского государства Каппадокии. Он научился сирийскому и греческому языкам и литературе.*

Когда албанский царь Урнаир, который, как и Григорий, был также парфянского происхождения, «слышал о великих чудесах и знамениях Божьих, совершенных св. Григорием в Армении, то он обратился из многих стезей заблуждения к истинному Богу» (*Каланкатуйский*, I, 14). Далее, согласно албанскому автору (ИА, I, 14), Урнаир с вельможами и с войском албанским отправился в Армению, где все они держали сорокадневный пост и признали Святую Троицу. «...Сошел царь [Урнаир] во святую воду и все войско с ним», и тогда «первосвященник [Григорий] совершил над ним обряд возрождения в небесную Троицу».

Получив вторичное рождение от св. Григория, как сообщает *Каланкатуйский* (I, 9), Урнаир снова просветил албан. Таким образом, в 314 г.⁵⁰ Урнаир объявил христианство государственной религией. С помощью монотеистической религии – христианства Урнаир рассчитывал объединить разноплеменное государство и противостоять зороастрийской Персии. Эту политику прекрасно понимали и продолжали его преемники.

Григорий Просветитель, рукоположенный в Кесарии в чин *главного священника* (каханайапет), кроме Армении «просвещал страны Иберию и Албанию. Придя в область Габанд (Албания), он поучал народ соблюдать заповеди Сына Божьего и положил основание церкви в городе Амарасе, назначил работников и смотрителей, чтобы достроить церковь» (*Каланкатуйский*, I, 14).

Грекофильский период христианства (II период) в странах Закавказья, будучи общим, не был одинаковым по длительности периода и по характеру своему, что объясняется, конечно, политическими причинами. Отношения албанской, армянской и иберийской церковью с имперской церковью «должны быть освещены в связи с политической конъюнктурой, иначе говоря, зависимость церкви должна была проявиться в той мере, в какой страна политически зависела от империи»⁵¹ – Восточно-Римской. В большей зависимости, как известно, находилась Армения, в

* Айвазян К. В. "История Тарона" и армянская литература IV-VII вв. Ереван, 1976, с. 3.

меньшей – Иберия, и совершенно не зависела Албания. И потому после Григория Просветителя и его внука Григориса (эллинофилов) албанская церковь продолжала поддерживать отношения с Иерусалимской Церковью.

В свете вышеизложенного нам представляется несостоятельным господствующее в науке мнение о том, что первые христианские проповедники посылались в Албанию из Армении, и что области правобережья Албании получали проповедников христианства из Армении, а северо-западные области левобережья Албании, т.е. междуречье Иори и Алазани, проповедовались христианскими проповедниками из Иберии.⁵²

Политика Сасанидов по отношению к подвластным христианским народам стран Центрального Кавказа была, как известно, не ровной, все время менялась. С победой христианства в Восточно-Римской империи (в начале IV в.) изменилось отношение к христианам трех стран – Грузии, Албании и Армении в сасанидском Иране.

Сасанидские цари стали поддерживать в своем государстве различные христианские секты, боровшиеся с официальной церковью. Объявленное в начале IV в. государственной религией христианство, воспринятое царем, двором, феодальной знатью, насаждаемое среди населения, не стало всеобщей, общенародной религией, не получило повсеместного распространения. Продолжали бытовать древние местные верования, в основу которых было положено поклонение силам природы, тангрианство, догмы манихейства, зороастризм с его разными сектами, насаждаемые Сасанидами.

По данным Моисея Каланкатуйского, албанские цари Аршакиды – Урнаир, Ваче II, Вачаган III вели ожесточенную борьбу с различными языческими верованиями, пытаясь искоренить их. Преследованию пережитков дохристианских верований посвящены два канона (11, 12) Агуэнского собора V в.

В деле распространения и утверждения христианства большую роль сыграла албанская письменность, албанский алфавит, с помощью которой Библия и другая богословская литература переводились на албанский язык с сирийского и греческого языков. Уникальное открытие известного кавказоведа Зазы Никола-

евича Алексидзе, выявление им албанских письмен (грузино-албанских палимпсестов), исследование их показало, что албанские письмена, албанская богословская литература существовали уже в IV в.⁵³

Это открытие свидетельствует о несостоятельности господствующей в науке армянской традиции, согласно которой албанский алфавит будто бы был изобретен Месропом Маштоцем в V в. В действительности же Месроп Маштоц не изобретал даже армянский алфавит, он его просто заимствовал у эфиопов.⁵⁴

Феодальный монарх и феодальная знать Албании создали материальную базу Албанской Церкви, ее клира, к которым перешла большая часть земель и богатств языческих храмов, а также поступали земельные пожертвования от царя и знати. В пользу церкви с населения взималась «церковная десятина», соответствующая 1/10 всех сельскохозяйственных доходов албан, а также другие многочисленные регламентированные натуральные подати и добровольные приношения. Духовенство за службу обеспечивалось земельными наделами – хостаками⁵⁵ и было освобождено от подати, как и светская знать.

Албанские цари проявляли большую заботу об Албанской Церкви, албанском христианском духовенстве, предоставив ему привилегии. Они пытались уравнять его со светской знатью (азатами), создав наряду с дворцовым судом церковный суд, инстанциями которого были суд священника и суд епископа.⁵⁶

В начальный период христианства (IV–V вв.) албанское духовенство экономически и политически было слабым. Даже в решении вопросов церкви албанский клир не играл ведущей роли. Условия канонических правил албанских церковных соборов разрабатывались в присутствии царя светской знатью и духовенством. Но юридическую силу они получали после утверждения их печатями светской знати и царя.⁵⁷ Власть албанского католика была номинальной. Албанские цари назначали епископов (Вачаган III Благочестивый), созывали соборы, организовывали поиски христианских реликвий, т.е. то, что должно было входить в компетенцию клира, церкви. Такое положение албанского духовенства объясняется как слабостью идеологических позиций церкви среди населения, так и наличием в стране централи-

зованной власти. В этом одна из отличительных черт Албанской Церкви от Армянской. В Армении, в условиях постоянной политической зависимости от двух империй – Рима и Персии, в условиях стабильно слабой государственной власти, а в 387–428 гг. полной фактической и юридической ликвидации ее, при наличии единого этноса позиции Армянской Церкви в IV–V вв. и в последующие столетия были сильны, христианство стало всеобщей религией.

Что же касается Албанской Церкви, то ее положение было нестабильно. В VI–VII вв., в период правления албанских великих князей Михранидов, экономические и политические позиции Албанской Церкви усилились, что наглядно видно при сравнительном изучении канонов двух албанских соборов – 488 г. и 705 г. Если, согласно канонам Агуэнского собора 488 г., албанское духовенство только отстаивало свои права перед светской знатью – азатами, пыталось с нею уравняться в правах, то согласно канонам 705 г. духовенство вступает в борьбу с азатами, ограничивает их произвол и категорически запрещает им вмешиваться в дела церкви, клира (*Каланкатуйский*, I, 26, III, 11). В VII в. инициатива созыва албанского собора принадлежала уже албанскому католикосу, который возглавлял церковь и стоял во главе законодательного собора.

Примечательно, что титул албанским правителям Михранидам – «Великий князь Албании» вытребовал албанский католикос Виро у персидского шахиншаха Хосрова.

§ 2. Албанский католикосат

В IV–V вв. Албания начинает превращаться в христианское государство. Эту идеологию (христианство) внедряли как албанские цари Аршакиды, так и позднее их последователи великие князья Михраниды, которые пытались объединить, скрепить этническую пестроту и изжить политеизм посредством единой конфессии.

Албанские цари и Великие князья, несмотря на их персидское происхождение и родство с царями Ирана, став правителями Албании, оценив ее стратегическое положение (наличие Кав-

казских Дербентских проходов) решили стать самостоятельными правителями. Для этого была необходима единая идеология – религия в пределах всей страны, которая противостояла бы зороастризму-маздеизму Ирана, язычеству и тангрианству Албании. Только так можно было бы сохранить и государство, албанскую самобытность.

В начальный период христианства (IV в.), пока было идеологическое единство в христианском мире (не было догматических споров), когда албанское духовенство еще не было сформировано полностью, не сложилась окончательно церковная иерархия, Албанская Церковь, так же как и армянская и грузинская, в иерархическом отношении зависела непосредственно от имперской Греческой Церкви, но в отличие от Армянской, глава которой получал рукоположение в Кесарии Каппадокийской, глава Албанской Церкви – в Иерусалиме (за исключением епископа из Рима). Зависимость Албанской Церкви носила формальный характер.

Согласно данным албанского автора Моисея Каланкатуйского, в начале IV в. Григорий Просветитель был рукоположен в сан епископа. С ним вместе из Рима прибыл «муж блаженный», также рукоположенный в епископы, который с албанским царем Урнайром отправился в Албанию возглавить Албанскую Церковь. Примечательно, что первые епископы Армении и Албании – Григорий Просветитель и сей «муж блаженный» названы албанским автором каханайапетами (древнеарм. яз.), буквально главами священников, что является реальным синонимом епископа (*Каланкатуйский*, I, 11). В это время о других церковных чинах еще не могло быть и речи.

К концу IV в. в Албании уже сложилась необходимая церковная иерархия с присущей ей определенной субординацией. Это позволило албанскому клиру самому рукополагать главу Албанской Церкви. Так, Моисей Каланкатуйский сообщает: «Относительно рукоположения католикоса нашего [албанского] первые [албанские католикосы] получали [рукоположение] из Иерусалима – до св. Григориса. И потом и поныне получают [рукоположение] от епископов наших» (*Каланкатуйский*, III, 8, рук. С-59).

Таким образом, получается, что к 340 г. Албанская Церковь была автокефальной. Можно полагать, что политический статус Албанского государства предопределил раннюю фактическую автокефальность Албанской Церкви, первые иерархи которой получили рукоположение от Иерусалимского патриаршества.

Согласно же другой точке зрения, автокефальными считались те церкви, которые имели апостольское происхождение, т.е. когда основание церкви связано непосредственно с деянием какого-либо апостола.⁵⁸ Исходя из двух точек зрения, объясняющих автокефальность церкви, можно с уверенностью говорить о ранней самостоятельности Албанской Церкви. Считаем беспочвенным мнение Я.А.Манандяна и С.Т.Еремяна, утверждающих, что Албанская Церковь в IV–VI вв. иерархически подчинялась Армянской Церкви, что глава Албанской Церкви рукополагался армянским католикосом.⁵⁹

Вопрос о праве рукоположения разрешался в зависимости от того, сколько епископов насчитывалось в церкви страны.

По постановлению Никейского вселенского собора 325 г. посвящение в епископы совершалось с согласия всех епископов данной епархии; если было трудно всем собраться, то требовалось обязательно присутствие по меньшей мере трех епископов и письменное согласие других отсутствующих. Результат предлагался на утверждение митрополиту.

Собор также объявил епископов Рима, Александрии, Константинополя и Антиохи патриархами. Первым двум присваивал титул «папы». К ним был присоединен епископ Иерусалима, сохранением права чести.⁶⁰

Армянские католикосы от Григория до времени армянского царя Папа посвящались в Кесарии. Неустойчивое политическое положение Большой Армении, ее постоянная зависимость от Византийской империи (временами в большей или меньшей степени) и от Ирана создавали соответственное положение ее церкви. «В первый век существования армянской церкви от Григория до раздела Армении в конце IV в., Армения находилась под протекторатом преимущественно империи, и потому церковные отношения были теснее»,⁶¹ т.е. Армянская Церковь зависела от имперской. Самостоятельное же положение Албании обеспечивало

автокефальность Албанской Церкви.

Фактическое положение Албанской Церкви было юридически узаконено после IV Вселенского собора, созванного в 451 г. в Халкидоне, когда в христианском мире между западными и восточными церквями началась догматическая борьба [монофизитов с диофизитами], в основе которой лежала борьба иерархическая.

Практически в IV в., т.е. ко времени становления христианства государственной религией как в Византийской империи, так и в некоторых странах, церковная структура уже сложилась за исключением должности патриарха.⁶²

Только в V в., со времени Халкидонского Собора первенствующим митрополитам пяти церковных округов присвоено было почетное звание патриархов (начальники-главы отцов), т.е. подтвердили то, что было принято на Никейском соборе. Но, принимая во внимание ту честь, святость, которую имел город Иерусалим, первая Церковь в глазах христиан, звание патриарха получал и митрополит Иерусалимский. Практически таковым он единственный считался с первых веков возникновения христианства. Иерусалимский собор, на котором присутствовали некоторые из апостолов и представители других церквей, был высшим выражением церковной власти.

По постановлению Трульского Собора VII в. был установлен порядок старшинства патриарших кафедр следующий: римский, константинопольский, александрийский, антиохийский и иерусалимский.⁶³

Большое недовольство в христианском мире вызвал 28-й канон Вселенского Халкидонского собора 451 г., который по существу внес раскол в греко-римский мир и отколол многие восточные церкви от имперской. Согласно этому канону, константинопольскому патриарху предоставлялось право посвящать епископов Понта, Азии, Фракии, заселенных иноплеменниками, инородцами.⁶⁴

После Халкидонского собора знатнейших первенствующих епископов остальных церковных округов стали называть митрополитами. Сиро-персидская Церковь еще задолго до Халкидонского собора в иерархическом отношении придерживалась полной

самостоятельности, поддерживая с другими митрополитами конфессиональные связи. Получив своих первых иерархов от церкви Эдесской, она стала автокефальной, и за время своего исторического существования никогда не зависела от Антиохийского патриаршества. Первостоятелей Сиро-персидской Церкви выбирали и рукополагали подведомые им епископы сиро-персидские.⁶⁵ И потому главы Сиро-персидской Церкви именовали себя «епископ, католикос, архиепископ Востока», что явствует из актов Сиро-персидских Соборов.⁶⁶

На наш взгляд, это объясняется также политическими причинами. Нахождение Сиро-персидской Церкви в независимом Персидском государстве обеспечило самостоятельность Сиро-персидской Церкви.

Относительно рукоположения албанских патриархов имеются сведения у сирийского историка XII в. Михаила Сирийца, который был избран монофизитским (яковитским) патриархом Востока в 1166 г. В его хронике сообщается,⁶⁷ что был древний обычай, который имел хождение в церквях с тех пор, как были установлены службы четырех апостольских местопребываний - к ведомству Рима и Константинополя относится Европа; Египет, Эфиопия и Ливия относятся к ведомству Александрии. Великая Азия... зависела от [патриарха], пребывающего в Антиохии. *Вот почему антиохийский патриарх рукополагал католикоса армян, а также Гурзана и Арана (Aran)*⁶⁸ *до времени, когда Бабай был убит персом бар-Саумой. Тогда этот установленный порядок нарушился вплоть до времени персидского царя Ардашира.*⁶⁹ «Древний обычай» - относительное понятие, ибо, как известно из истории христианства, монофизитский патриархат в Антиохии был создан Иаковом Барадеем (541–578). От этого Иакова Барадея монофизиты Сирии и Месопотамии получили название яковитов-иаковитов.⁷⁰ И судя по выше рассматриваемому отрывку, антиохийский монофизитский патриарх «рукополагал» до персидского царя Ардашира III, т.е. до 630 г., т.е., если верить сообщению, со второй половины VI в. до 630 г. Но дело в том, что именно в этот период Албанская и Грузинская церкви придерживались халкидонитства, в силу чего главы этих церквей никак не могли получать рукоположение у патриарха монофизит-

ской Антиохийской Церкви. Вероятно, Антиохийское яковитское патриаршество, пользуясь влиянием в Сирии, Месопотамии, пыталось претендовать и на автокефальные церкви Кавказа.

Процесс формирования церковной иерархии завершился к концу IV – начала V вв. и в церквях Кавказа. В двадцатых годах IV в. в Грузии (у иберов) проповедовала христианство уроженка Капподокии, христианка св. Нина. Она обратила в христианство царя Грузии, который построил храм и по совету св. Нины отправил посольство к Константину Великому с просьбой направить в Грузию (Иберию) епископа и клир. В 457 г. константинопольский патриарх Анатолий назначил архиепископом в Грузию грека Петра, дав ему титул католикоса всей Иберии.

Свое отношение к догматическим, христологическим спорам, происходящим в Халкидоне, Албанская Церковь вместе с другими церквями Центрального Кавказа не могла проявить в это время, ибо была занята борьбой с зороастризмом.⁷¹

Албанская Церковь, как другие церкви Кавказа, приняла постановления первых трех вселенских соборов. В 325 г. в Никее состоялся I Вселенский собор, который осудил ересь Ария и после некоторых поправок и дополнений принял символ веры, в которой, вопреки учению Ария, *Христос признавался Сыном Божьим, несотворенным, единосущным Отцу*.⁷² Согласно данным Каланкатуйского, этот символ был принят Албанской Церковью. В 381 г. в Константинополе был созван II Вселенский собор при участии лишь представителей восточной церкви.

Собор осудил ересь Македония, который, продолжая идти по пути дальнейшего развития арианства, доказывал творение Св. Духа. Собор вновь установил учение о единосущии Св. Духа с Отцом и Сыном. Согласно II Вселенскому собору, константинопольский патриарх занял среди патриархов второе место, после римского епископа (патриарха), с чем не могли согласиться более древние восточные патриархи.⁷³ В 431 г. в Эфесе состоялся III Вселенский собор, где было осуждено учение Нестора (Нестория) (несторианство).^{*} В вопросе о природе Христа Несторий признавал не слитно существующими два естества – человеческое и божественное. Последователи Нестория нашли убежище в Сасанидской империи, христианская церковь которой официально

* Деяния вселенских соборов, т. I

принимает несторианство в 484 г. на Бет-Лапатском соборе.*

В это время в самой византийской церкви, особенно в Александрии, появилось новое течение, возникшее и развивающееся в противовес несторианству. Это было монофизитское течение христианства,⁷⁴ которого потом придерживалась Албанская Церковь. В 451 г., как было отмечено, был созван IV Вселенский собор в Халкидоне, на котором было признано два начала в Иисусе Христе – Христа Сына, Господа, едиnorodного, в *двух естествах* неслитно, неразлучно познаваемого⁷⁵ (диофизитство).

Согласно данным албанского автора, в 491 г. поместный собор, на котором были представители Албанской, Грузинской, Армянской Церквей, осудил Халкидонский собор.⁷⁶

Идеологическая ситуация на Кавказе, сложившаяся в V–VII вв., привела к церковному разрыву, который готовился на протяжении всего VI в. и, в основном, завершился в начале VII в. Постоянное балансирование между двумя империями – Византией и Персией, их политическое соперничество в период раскола и в последующее время осложняло выбор веры странами Кавказа.

По мнению З.Н.Алексидзе, свое отношение к Халкидонскому собору 451 г. иерархи Армянской, Грузинской и Албанской церквей впервые проявили на Двинском поместном соборе в 506 г., когда поддержали униональную политику византийских правителей, целью которой было соглашение между диофизитами и монофизитами.⁷⁷ Албанский автор Моисей Каланкатуйский сообщает следующее: «Спустя 180 лет после обращения армян, в дни Бабкена, католикоса армянского, состоялся собор о Вселенском Соборе Халкидонском. Греки, вся Италия, армяне, албаны и иверы, собравшись, предали анафеме Собор Халкидонский...» (ИА, II, 47). Тем временем Византия и Иран изменили свою идеологическую политику. Византия от униональной политики Зенона, переросшей в промонофизитскую, затем в монофизитскую, вернулась вновь к халкидонитству. Иран же стал покровительствовать монофизитам.⁷⁸ Во второй половине VI в. Армянская Церковь окончательно определила свою догматику на Двин-

* Synodicon Orientale ou recueil de Synods Nestoriens, public traduit et annot. par J.B. Chabot, p. 308;

К а с у м о в а С а р а . Христианство в Азербайджане в раннем средневековье. Баку, 2005. с. 39.

ском соборе 551 г., когда официальной идеологией объявила монофизитское учение юлианитского толка.⁷⁹ Что же касается Грузии, Грузинской Церкви, то, будучи в поисках фарватера между Византией и Ираном, они оставались, как справедливо полагает З.Н.Алексидзе, на своей прежней умеренно халкидонитской позиции. К Грузинской Церкви примыкали конфессионально в этот период Албанская и Сюнийская церкви. Но в начале VII в. (607 г.) произошло соборное провозглашение Грузинской Церковью халкидонитского вероисповедания. Чуть позже Албанская и Сюнийская церкви возвращаются в лоно монофизитов.⁸⁰ Монофизитский толк восторжествовал в Армении и Албании при активном содействии Сасанидов. Ведь персидский шах Хосров II в 614 г. сделал монофизитство официальным вероисповеданием всех подвластных ему христиан Ирана, Кавказа и завоеванных им византийских восточных провинций.

По поводу отделения Грузинской Церкви – Кюриона у албанского автора читаем (*Каланкатуйский*, II, 47): «...в дни Авраама, католикоса армянского, отделились иверы от армян через проклятого Кюриона. С ним были также греки и Италия. Но агваны не отделились от православия и единодушия с армянами. На грамоту об отступничестве Кюриона Авраам писал обличительные письма... Сперва он оповещает албан...: «Престол албанский, бывший раньше нашего, был прежде согласен с нами. Будучи согласны с нами, с их участия, мы и албаны по повелению отцов наших прокляли и отвергли Кюриона. Мы тоже приказали об иверах: отнюдь не иметь с ними сообщения...; ...только покупать и продавать им, как евреям».

В условиях Албании высшие церковные чины – патриарх, католикос и архиепископ применялись как равнозначные термины (чины).⁸¹ Между тем по греческой церковной иерархии патриарх и архиепископ были самостоятельными чинами, архиепископ мог именоваться и католикосом. Согласно греческой церковной иерархии полагалось девять чинов: патриарх, архиепископ, который называется католикосом, митрополит, епископ, священник, дьякон, иподьякон, причетник и псалмопевец. А в Албании было семь церковных чинов (*Каланкатуйский*, II, 48), ибо первые три чина были синонимичными. А митрополитом

был епископ Сюника. В Армянской Церкви не было чина митрополита, за что в ее адрес не раз была направлена критика Греко-римской Церкви.

Во второй половине VI в. албанские патриархи носили титул «католикоса Албании, Лпинии и Чола», или же «Великий католикос Албании и Баласакана». Этот последний титул засвидетельствован на печати пехливийским письмом.⁸² В первом случае упоминание триады – Албания, Лпиния и Чола объясняется периферийностью и определенной автономией Лпинии и Чола, в период отсутствия в Албании централизованной политической власти (с 551 по 630).

На наш взгляд, это связано также с апостольской проповедью Елисея, просветившего Чола, Лпинию и Албанию, и потому дается дань апостольской традиции. А во втором случае – «Католикос Албании и Баласакана», думается, что христианские идеологические позиции Албанской Церкви не всегда были сильны, прочны в Баласакане-Пайтакаране и потому в конкретном данном случае это отмечается. И действительно, такая большая провинция (наханг) как Баласакан-Пайтакаран имела всего-навсего одно епископство, или же была одним важным епископством.

В V–VIII вв. в Албании насчитывается 12 епископств, только в одном Арцахе (Карабахе) было три епископства, в Утике тоже три. Вот перечень епископств в V–VIII вв.: Кабала, Гашуа, Еуга, Цри, Амарас, Баласакан, Шаки, Гардман, Мец-Когманк, Мец-Иранк, Габанд, Партав (*Каланкатуйский*).

В Албании не в каждой области было епископство. Так, в Арцахе было 11 областей, а епископства были только в трех областях – Габанде, Мец-Когманке, Мец-Иранке. А порой, как выше было отмечено, целая провинция (наханг) имеет одно епископство, как Баласакан (Пайтакаран). Вероятно, это зависело от степени распространенности христианства. Для освещения вопроса о епископствах ценными данными служат главным образом остатки соборных актов. Правда, эти акты не отражают сполна количества присутствовавших епископов, особенно это относится к спискам соборов, созываемых с конца VI в. С этого времени наступает период конфессиональных разномыслий, страна распадается на догматические партии, и потому многие

представители церкви отсутствовали на соборе по тем или иным соображениям. Церковные разногласия продолжались до VIII в.

И тем не менее, анализ соборных списков с V в. и далее свидетельствует о росте церковных областей, что выражается как в появлении новых епископств, так и в дроблении существующих. Так, с V по VIII вв. епископство области Габанда находилось в городе Габанда (Амарасе), а в VIII в. Амарас становится областью и одновременно самостоятельным Амарасским епископством, а Габанд сам по себе остается епископством.⁸³

Согласно Каланкатуйскому, албанская светская знать в VII в. активно участвовала в делах церкви, даже в процессе посвящения священника в сан епископа – каждый из вельмож участвовал в написании похвального диплома, закреплял печатью правителей каждой области. Патриарх рукополагал священника в епископы в присутствии вельмож и великого князя Албании. Так сообщает Моисей Каланкатуйский о церковной организации, о посвящении в епископы: «Проводив их (священников) оттуда *необходимыми грамотами, вельможи албанские* прибыли к патриарху и великому князю Албании и представили им Исраиля в монашеской одежде. Все написали *ему похвальный диплом и закрепили печатью правителей каждой области. Патриарх с вельможами почтил его и рукоположил в епископы* области Мец-Когманк, и отправил его в свою область, сопровождая его великим собранием и дарственными бумагами... Принятый с великими почестями сопредстольниками своими... он Исраил...» (Каланкатуйский, II, 37).

Рассмотрим другой отрывок: «Вышли к ним (царю Вачагану, при котором были мощи Григория, чудных Рипсимэ и Гайанэ) навстречу *все епископы, каждый со своей властью и служителями, разделенные на хоры и полки, и в каждом полку своя хоругвь святого*, чтимая наравне с евангелием. Множество крестов и разных изображений блистали...» (Каланкатуйский, I, 21). Этот последний эксцерпт свидетельствует о структуре епископства.

Албанская Церковь, несомненно, как и все церкви восточные, поддерживала, связь с Византийской имперской Церковью, связь была теологическая конфессиональная, но не иерархическая. Существовали связи Албанской Церкви с Грузинской и Армянской и Сиро-персидской

церквами,* вероятно и с Коптской.

Албанская Церковь осуществляла, проводила еще внешнюю связь, из стран Кавказа только ей свойственную, которая исходила из внешней политики албанских правителей, из стратегического положения Албании. Это – связь с кочевниками-степняками тюркоязычного мира, находящегося за Кавказскими проходами, за Албанскими воротами (за Дербентом). С целью расположения кочевников, приостановления их систематических нашествий Албанская Церковь стабильно поддерживала с ними конфессиональную связь, посылала к ним христианских проповедников, пытаясь обратить их в христианскую веру, сделать единоверцами. Эту политику проводила Албанская Церковь с IV в. со становления христианства государственной религией вплоть до падения Албанского царства. Об этом свидетельствуют как местные албанские источники – Моисей Каланкатуйский, так и сирийские – Захарий Ритор (VI в.). «Епископ Албании Израиль утверждает гуннов в христианской вере и те с кротостью принимают (учение) вследствие чудес» (Каланкатуйский, II, 40); «Гунны веруют в Христа через посредство епископа Израиля, разрушают капища и водружают крест Господня» (Каланкатуйский, II, 41).

На письмо властителя гуннов с просьбой прислать к ним еще раз в епископы албанского епископа Израиля албанский католикос Елиазар и князь Вараз-Трдат ответили: «Но мы позволим ему по возможности ехать к вам и возвращаться - чтобы утвердить вас в вере Христовой и хранить в целостности нашу взаимную нерушимую любовь. На что и мы согласны, что если он будет посредником между вами и нами, то прекратятся неприязнь между нами и утвердится мир и любовь» (Каланкатуйский, II, 45).

По сообщению Захария Ритора (VI в.) албанский епископ

* Анализ реестров сиро-персидских Несторианских Соборов свидетельствует о связях Албанской Церкви с Сиро-персидской Церковью в V-VII вв. Так, в реестре II Несторианского Собора 420 г., созванного Мар-Йаһбаллаһ-ом I-ым "епископом, католикосом, архиепископом Востока" и состоявшегося в Бет Лапате, упомянуто присутствие глав церквей Грузии, Армении и Арана - Албании. А в реестре VII Несторианского Собора 554 г. упомянут епископ Пайтакарана - области Албании. См.: Synodicon Orientale ou recueil de Synods Nestoriens, public traduit et annot. par J.V. Chabot. Paris, t. XXXVII, p. 276.

О связях Албанской Церкви с Грузинской, Армянской свидетельствуют "Книга армянских канонов ("Канонагирк"), а также "Книга писем" ("Гирк тгтоц"). Главы албанского духовенства участвовали и в поместных соборах вместе с армянским и грузинским католикосами - на Двинском Соборе 551 г., на Каринском Соборе 505, 633 гг.

Кардост с тремя добродетельными священниками прибыли к гуннам, окрестили многих, обучали их, оставались там семь лет и выпустили там писание на гуннском языке.* В 498 г., когда Кавад, Сасанидский царь спасался бегством от узурпатора Замаспа в Туркестан, его сопровождали албанский епископ (из Арана), четыре пресвитера и два мирянина, шедшие с миссией распространения христианства среди гуннов-эфталитов.**

Примечательно, что очень часто проповедники к кочевникам посылались правителями из духовенства Арцаха.

Как лаконично сообщают албанские источники, Албанская страна, Албанская Церковь вовлекались, участвовали в иерархических и теологических спорах, которые раздирали, волновали христианский мир. Это отношение к учениям Павла Самосатского, Маркиона, Нестора, Феодорита, Фомы «лицемерного», Бнота и др., а также Халкидонскому собору, а позднее – к павликианам. Интересные сведения сохранились у албанского автора по поводу одного из теологических споров. Так, у Моисея Каланкатуйского (III, 14) глава XIV озаглавлена «Изыскания того же Михаила католикоса албанского *о рождении и о явлении Спасителя*». Албанский католикос Михаил был преемником албанского католикоса Симеона, занимал католикосский престол 35–37 лет, возглавлял Албанскую Церковь с 706 по 747 гг. Он известен тем, что преследовал браки между родственниками, выявив такие браки между внуками албанского князя – нахарара Варазмана. Михаил по этому поводу собрал духовенство в монастыре крепости Шамхорской, где единогласно прокляли дом-род Варазо. Там же предали анафеме Талилу, епископа иберского, благословившего этот брак. Что же касается изысканий католикоса Михаила относительно рождения и явления Иисуса Христа Спасителя, то известно, что до IV в. у всех христиан был тройной праздник – Богоявление, Рождество, Крещение, который праздновали все христиане 6 января. А с IV в. этот праздник расщепился, разделился: Рождество праздновали 25 декабря, а Богоявление, Крещение – 6 января. Действительно, по недостатку данных в Четвероевангелии, нельзя было точно определить день Рождества Христова.

* Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР, с. 166-167.

** Vine A. R. The Nestorian Churches. London, 1937, p. 62;

Касумова Сара. Христианство в Азербайджане в раннем средневековье, с. 77.

Восточная Церковь первоначально праздновала этот праздник в один день с Богоявлением под общим названием «Епифания» – «Явление Бога в мир» – 6 января. В Западной же Церкви Рождество издавна праздновалось 25 декабря (7 января по н.ст.). С конца IV в. Восточная Церковь начала праздновать этот день 25 декабря. Но у разных христианских народов это праздновалось по-разному. Ныне, как известно, православные Рождество Христа празднуют 7 января, монофизиты-армяне – 6 января, католики – 25 декабря. Так вот, именно эту дату рождества, Богоявления Христа и пытается объяснить албанский католикос Михаил, обосновать ее приемлемость для албан, что вероятно для VIII в. далеко не всем христианам было известно, т.е. не была известна причина наличия разных дат у христиан. Албанский католикос Михаил приходит к такому выводу, что (этнос), которые стали христианами, будучи до этого язычниками, празднуют рождение Христа 25 декабря; и он объясняет, почему именно 25 декабря. По его объяснению, 25 декабря язычники праздновали рождение Солнца. И потому апостолы, по мнению Михаила, согласились назначить этим этносам Рождество Христово в этот день – 25 декабря. Но те, как полагает Михаил, которые «обратились в христианство из обрезания, празднуют рождество 6 января, *как это было передано предкам нашим. Так исполняем мы и теперь, ибо говорится: «закон выступит из Сиона и слово Божье из Иерусалима»*. Становится совершенно очевидно, что дата 6 января объявлена назарейцами-христианами-иудеями, сирийцами-арамейцами. А албаны взяли ее непосредственно у назарейцев, и к тому же еще раз подчеркивается, что непосредственным первоисточником христианства является Сион, Иерусалим, с которыми у Албанской Церкви были тесные генетические связи. Вероятно, это и было причиной принятия даты 6 января монофизитами.*

Как было отмечено догматически Албанская Церковь так же, как и Грузинская, не придерживалась стабильно монофизитства. Падение политического влияния Сасанидов на Центральном Кавказе сопровождалось и крушением церковной гегемонии монофизитов.

Успешные персидские походы Ираклия 623–628 гг. приве-

* Споры о времени празднования Пасхи подробно изложены в Церковной Истории Евсевия. Возникли они между некоторыми церквами в конце II в. Малоазийские церкви праздновали Пасху вместе с иудеями 14 числа первого месяца, после весеннего равноденствия, а западные - в первое воскресенье после полнолуния этого месяца.

Тальберг Н. История христианской церкви, с. 91-92;
Деяния вселенских соборов, т. I, с. 17.

ли к победе над Персией, вернули Византии ее еретические восточные провинции. Ираклий решил восстановить церковное единство как в империи, так и в подчиненных странах Кавказа на основе монофелитского учения.⁸⁴ Еще во время персидского похода Ираклий встретился в Феодосиополе (Карине) с главой монофиситов – севириан Павлом Однаглазым и попытался склонить его к монофелитской унии [формула унии «единое действие (или энергия) Христа»]. После переговоров Ираклий издал указ с воспрещением учения о двух энергиях во Христе, а в 638 г. Ираклий издал «Эктесис», возводя монофелитство в ранг официальной доктрины Византийской Церкви.⁸⁵

Кавказские страны были первыми, кто поддержал эту доктрину. Восстановление халкидонитства, пусть с некоторыми монофизитскими модификациями, в Грузии и Албании (крещение Вараз-Григора с его народом) прошло безболезненно. А патриарх армянский и его недовольная паства были вынуждены покориться победоносному кесарю на Каринском соборе в 633 г.⁸⁶

Несмотря на все усилия Византийской империи и церкви, монофелитство оказалось таким же обреченным, как и прежние униональные попытки. Смерть патриарха Сергея и императора Ираклия, нашествие арабов положили конец монофелитским дискуссиям. На VI Вселенском Соборе в Константинополе (680–681) монофелитство было объявлено ересью.

После завоевания Закавказья арабами в начале VIII в. Албанская Церковь под давлением арабов и при активном содействии Армянской Церкви порвала с диофизитством. Арабский халифат, пытаясь координировать действия подвластного им христианского населения поддерживал среди них монофизитство в противовес диофизитству Византийской империи. Реагируя на доносы армянского католикоса халифату в адрес Албанской Церкви, исповедующей диофизитство-православие, арабский халифат сделал Албанскую Церковь монофизитской и иерархически подчинил ее монофизитской Армянской Церкви в 705 г.

Так, в 705 г. армянский католикос Илья донес халифу Абд ал-Малику (685–705) о том, что албаны блокируются с Византией против халифата, придерживаются их религии – диофизитства. «Теперешний католикос Албании, сидящий на троне в Партаве,

вошел в соглашение с императором греческим, упоминает его в своих молитвах и принуждает страну соединиться с ним в вере и принять его покровительство» (*Каланкатуйский*, III, 5). Тогда Абд ал-Малик, опираясь на военно-политическую силу арабов, подчинил армянскому католику Илье католикоса Албании. Зависимость эта выражалась в том, что из двух равных сопрестольников армянский католикос должен был рукополагать албанского, что считалось нарушением иерархического принципа.

Но это был единовременный акт, после которого албанские патриархи продолжали рукополагаться албанскими епископами без ведома армянского католикоса. Албанский автор сообщает по этому поводу о событиях VII–VIII вв.: «...албанский католикос Илиазар (VII–VIII вв.), который со времен св. Елисея наследовал один апостольский престол северо-востока из обитаемого города Иерусалима, и получил рукоположение от Иакова, брата Господня» (*Каланкатуйский*, II, 42). Другой отрывок: ответ армянского католикоса Саака (VII в.) и армянского князя Григория на грамоту гуннов: «Вы просите у нас епископа Ираиля (албанского). Но у нас есть причины: мы желаем и склонны к тому, чтобы он был с вами; но власть и право на это имеет сопрестольник наш Илизар, святитель албанский. Это его дело» (*Каланкатуйский*, II, 45).

«Вот вещь удивительная и ужасная. Говорят будто бы святой Григорий получил учение из Кессарии, которая находится под властью римских святителей, и сам не мог освещать мир, и что из Кессарии получали армяне елей до собора халкидонского, что при усилении ересей, сами (армяне) отступились от них и после многих беспорядков постановили свой обряд освещения елея. Но этот обряд чуждый и не истинный и взят от последующих. Это отступление и еретичество» (*Каланкатуйский*, III, 19).

Сообщение этой главы датируются событиями 828 г., т.е. IX в. Следовательно, о подчиненности, рукоположении албанских католикосов армянскими не могло быть и речи.

Кстати, согласно нашим последним исследованиям реестров армянских церковных соборов (Книга армянских канонов – Канонагирк) выявилось, что собственно армянские епархии находились в районе озера Ван, а также на двух берегах р. Тигра,

т.е. в междуречье Тигра и Евфрата.⁸⁷ (См. гл. VI, § 3).

Албанская Апостольская Церковь была автокефальной с IV в. до 1836 г. Центрами албанского патриаршества были Чола, с VI–VIII вв. – Барда, в VIII–IX вв. – Бердакур, затем Чарек-Хамши (недалеко от Кедабека), а на короткое время была церковь Дадиванк, в честь ученика апостола Фаддея-Дади (Мар→Елисей) в Хачене, и, наконец, с 1240 по 1836 гг. Гандзасар (Гандзасарский собор). В XVII–XIX вв. был антипрестол в Хаченском храме– Ерицманканц.

С Армянской и Сиро-персидской церквами Албанскую Церковь сближало догматическое единство – монофизитство, которое было нестабильно в Албании. Не следует забывать, что в христианстве существует всего два направления – монофизитство и диофизитство. Монофизитство исповедовали церкви Передней Азии: Коптская, Яковитская, Албанская и Армянская. Монофизитство – это не григорианство.

В 705 г. Албанское государство пало, страной стали править арабские эмиры. Албаны, составляющие политическую доминанту в период Албанского царства, подверглись частично деэтнизации, культурно-идеологической, этно-лингвистической ассимиляции. Часть албан, принявшая ислам, ассимилировалась тюркоязычными племенами (также принявшими ислам), а оставшаяся, исповедующая христианство, как было отмечено, сумела возродить в отдельных частях страны в IX–XIX вв. в предгорных районах Малого Кавказа албанские политические образования в виде Сюникского царства IX–XII вв., в виде Хаченского-Арцахского царства в XII–XV вв., в виде феодальных княжеств-меликств в XV–XIX вв. и в предгорьях Большого Кавказа – Шекинское княжество – царство (IX–X вв.). Итак, христианское албанское осколочное население сумело на протяжении веков сохранить свое территориальное, политическое, культурное единство, религию, язык, и самое главное, самосознание – албанское, и самоназвание – этноним. Они имели свой календарь летоисчисления, их крест-камни со светскими сюжетами не имели аналогов. Часть албан сохранилась в виде лезгин, удин, хиналугцев, цахур, ингилойцев, ритульцев, агульцев, крызов, алпан, будухов. Кроме удин, все остальные албанские этнические группы, приняв

ислам, трансформировались. Только удины – прямые потомки древних кавказских албан, сохранились со своим албанским самосознанием и с христианским вероисповеданием. Язык почти всех перечисленных этнических групп относится, как и албанский, к нахско-дагестанской языковой группе.

После завоевания Кавказа по Туркменчайскому договору 1828 г. царское правительство пошло на ряд уступок и снисхождений по отношению к Армянскому католикосату, одним из требований которого было упразднение Албанской Автокефальной Апостольской Церкви и подчинение ее Армянской Эчмиадзинской Церкви.

Царская Россия в своих внешнеполитических интересах на Востоке в определенной мере рассчитывала на турецких армян. Заручиться поддержкой их можно было при условии иерархического подчинения их в религиозном отношении прорусски настроенному армянскому католикосу. Согласно Положению Царского правительства 1836 г. об Армяно-григорианской Церкви, были упразднены Албанская Апостольская Автокефальная Церковь, албанское патриаршество - католикосат и подчинены Эчмиадзинской церкви.⁸⁸ Начиная с этого времени в подведомственных бывшему албанскому католикосату областях и уездах были созданы епархиально подчиненные Эчмиадзинскому католикосату две епископские и одна преемственная епархии. В первую епископскую епархию (Шушинскую или Арцахскую) входили Варандский, Хаченский, Дизакский, Бердадзорский, Джрабердский, Гюлистанский, Ленкоранский, Шакинский, Кабалакский, Гянджинский, Хенский, Камбечанский, Арашский уезды. Во вторую епископскую епархию (с центром Шамаха) входили церкви Дербендского, Кубинского, Бакинского, Сальянского и других соседних уездов. Центром преемственной епархии являлся город Гандзак. Ей подчинялись Гардманский, Парисосский, Завский уезды. Преемственная епархия непосредственно подчинялась Тифлисской консистории.

Согласно Положению 1836 г., Эчмиадзинский армяно-григорианский Синод состоял под предводительством Эчмиадзинского Верховного патриарха – католикоса.⁸⁹

В 1857 г. по уставу духовных дел иностранных исповеда-

ний в России значилось шесть армяно-григорианских епархий: Астраханская, Грузинская, Карабахская, Нахичевано-Бессарабская, Ширванская, Эриванская.⁹⁰ Понятия Албанская Церковь, албанская епархия были упразднены вообще.

В 1909–1910 годах Русский Синод разрешил Эчмиадзинскому армяно-григорианскому Синоду и Эриванской армяно-григорианской консистории уничтожить старые архивные дела подведомственных епархий.⁹¹ Очевидно, что среди старых армянских архивов были уничтожены архивы Албанской Церкви.

Так Армянская Эчмиадзинская Церковь с помощью политики царского правительства аннексировала, трансформировала албанское этнокультурное наследие.

После 1836 г. начался длительный и болезненный процесс деэтнизации албан – автохтонного двухтысячелетнего этноса Кавказа вообще и исторического Азербайджана в частности: часть албан была подвергнута насильственной трансформации – григорианизации, арменизации. Другая часть албан, приняв диофизитство, была подвержена грузинизации. А большая часть албан, добровольно приняв ислам, подверглась процессу исламизации, позднее тюркизации. Карабах и Сюник царское правительство усиленно стало заселять албанскими переселенцами из Персии и из Турции.⁹² И тем не менее не все албаны были деэтнизированы. Часть албан Карабаха, Сюника переселилась на левый берег р. Куры, в Шеки, где издавна жили албаны, в частности кавказоязычные цахуры, гелы, хиналугцы, крызы, будухи, удины. За исключением удин все группы, приняв ислам, трансформировались. Часть их – удины и ныне сохранились, проживают в Огузском и Габалинском районах Азербайджанской Республики и в селе Октембери Грузинской Республики.

Последняя модель армянской концепции о статусе Албанской Церкви в качестве епархии Армянской Церкви изложена в статье «Армянская Апостольская церковь» (Арм. АЦ).⁹³ Согласно этой модели, Албанская Церковь *изначально* была епархией Армянской Церкви. В статье читаем: «В начале VII в. (608 г.) время от времени возникали *противоречия на иерархической почве между церквами Армении и Албании Кавказской*».⁹⁴ Далее сообщается, что Армянский католикос Егия добился смещения

Албанского католикоса Нерсеса, который придерживался византийской политики и халкидонитства. С этого времени (706 г.) Армянская и Албанская Церкви придерживались единой позиции в отношении неприятия Халкидонского собора».⁹⁵ Далее в статье сказано о событиях конца XIV - первой половины XV вв.: *«На базе богословской школы Сюника развивалось движение за возрождение Армянской Церкви и возникла идея о переносе престола Армянской Церкви из Киликии в ее древнейший исторический центр – Эчмиадзин, что произошло в 1441 г.»*.⁹⁶ В этом отрывке так же, как и в предшествующем, все изложенное совершенно беспочвенно, не выдерживает критики, о чем будет изложено ниже.

Мы специально рассматриваем эскипты, изложенные в армянской концепции относительно Албанской Церкви. Еще рассмотрим три отрывка и прокомментируем все. *«Престол католикоса всех армян в Эчмиадзине оказался на территории Персии и там же находился подчиненный Армянской Церкви престол католикоса Албании (Арцах)»*.⁹⁷ *«Епархии в конце XVIII в., находившиеся на персидской территории, прежде всего, Албанский католикосат с центром в Гандзасаре (Арцах), развернули активную деятельность, направленную на присоединение Армении к России. Армянское духовенство Ереванского, Нахичеванского и Арцахского ханств стремилось избавиться от власти Персии»*.⁹⁸

Далее читаем: *«По Туркменчайскому договору 1828 г. Восточная Армения вошла в состав Российской империи. Деятельность Армянской Церкви протекала в соответствии с особым положением («Сводом законов Армянской Церкви»), утвержденным императором Николаем I в 1836 г. Согласно этому документу, в частности, был упразднен утративший самостоятельное значение Албанский Католикосат, епархии которого вошли в состав Эчмиадзинского Католикосата»*.

Рассмотрим, прежде всего, на основе первоисточников реалии армянские и албанские относительно положения Армянской Церкви и Албанской, соположив их, выясним, могли ли соответствовать действительности вышеприведенные отрывки. Что касается Армянской Церкви, то, прежде всего, необходимо разобраться, внести ясность, где, на какой территории была ее

первая церковь, где были ее епархии, затем, где находится престол Предстоятеля Армянской Церкви, на стабильной ли территории, каковы были ее - Армянской Церкви-престола связи, взаимоотношения со своими епархиями. При таком подходе, рассмотрении выявится географический ареал действия полномочий Армянской Церкви, сфера действия ее прерогатив, а затем точно так же рассмотрим эти же вопросы применительно к Албанской Церкви.

Как сообщает «Армянская книга канонов», первая церковь Армении была построена в местечке – селе Аштишат, расположенном в армянской области Тарон, на берегу реки Арацани, притока р. Евфрата, в восточной части Малой Азии, но не в западной части Центрального Кавказа. В книге армянских канонов «Канонагирке» сказано: «Нерсес собрал собор [в 365 г.] в селе Аштишат, где была построена первая церковь Армянской страны, которая была матерью армянских церквей, и потому на этом месте был собран первый собор-синод».⁹⁹ Аштишат был одним из центров язычества в древней Армении, где находились храмы бога Ваагна и богинь Анаит и Астхик. В языческую пору Аштишат принадлежал роду верховного жреца Вахуни, а *в христианскую перешел в наследственное владение рода Григория Просветителя*.¹⁰⁰ Очень удивительно, что в упомянутой статье «Армянская Апостольская Церковь» ничего не сказано об Аштишате – первой церкви, матери армянских церквей. Видимо, этот факт не принадлежит огласке, ибо получается неувязка, несоответствие с «освещением» роли Эчмиадзина в качестве первого престола Просветителя, находящегося на другой территории, достаточно удаленной как от Аштишата, так и сферы действия реального проживания армян в районе восточного берега р. Евфрата, и берегов р. Тигра и озера Ван. Ведь в армянской историографии утверждается, что в IV в. престол Просветителя Армянской Апостольской Церкви установился в столице Великой Армении – Вагаршапате, где был построен Григорием Просветителем кафедральный собор, названный им в память о явленном ему чудесном видении Эчмиадзин (арм. – Сошел Единородный).¹⁰¹ Что же касается локализации, местонахождения столицы Вагаршапата и Эчмиадзина, то их локализуют в окрестностях современного г. Ереван.

А между тем исследования армянских источников дают совершенно другое полное основание локализовать г. Вагаршапат не на левом берегу р. Аракса, а на восточном берегу р. Евфрат, на правом ее побережье. Ибо согласно данным армянского автора V в. Агафангела, Григорий Просветитель для крещения армянского царя Трдата с его многочисленной свитой вышли из столицы Вагаршапата, направились в Багуан, затем отправились на берег Евфрата, и там в водах Евфрата Григорий крестил их».¹⁰² Следовательно, Вагаршапат никак не мог находиться за тридевять земель от р. Евфрата, быть на правом берегу р. Аракса (Об этом подробно см. гл. VI, § 4).

Возвращаясь к месту нахождения *престола армянского католикоса*, в статье отмечается, что с V по IX вв. он находился в *Вагаршапате* (Эчмиадзине), а потом переместился в г. *Двин*, находящийся на персидской территории. А в VI в., согласно этой же статье, при поддержке Византии был создан антипрестол - католикосат в *Аване*, в противовес Двинскому.

В IX–XIII вв. центр Армянской Церкви – католикосат продолжает скитаться, блуждать по разным городам Византии, Персии: в г. Ани (а в Ахтамаре – опять же был создан антипрестол); затем в Севастии; в Константинополе, Тавблуре (Восточная Турция); Цамндави близ Амасии, в Ромкала (Румкале, вблизи Киликии (1149–1293 гг.); в Сисе – столице Киликии (1293–1441).

И после таких блужданий патриархов Армянской Церкви, на церковных соборах которых каждый раз отмечались географически разные епархии, расположенные в разных частях, т.е. отсутствовала стабильность подчиненных ей епархий,¹⁰³ в упомянутой статье «Армянская Апостольская Церковь» с наивной убежденностью отмечается, что «странствия» первосвятителей Армянской Апостольской Церкви (а с XII в. они титулуются как католикосы всех армян) *не привели к значительному ослаблению их власти*».¹⁰⁴ И сами авторы вынуждены отметить еще раз, что в конце XIV – первой половине XV вв. вновь усиливается кризис внутри Армянской Апостольской Церкви, главный престол которой в 1441 г. *переносится* в Эчмиадзин.

Чтобы как-то обосновать этот политизированный перенос, преследующий определенные две цели: 1) быть патриаршему

центру поближе к албанским землям (т.е. территории исторического Азербайджана); 2) как-то объяснить, чтобы звучало правдоподобно, 1000-летний разрыв во времени отсутствия патриаршего центра в так называемом Эчмиадзине, находящемся близ современного г. Еревана. И потому авторы статьи далее пишут, что *«на базе богословской школы Сюника развивалось движение за возрождение Армянской Апостольской Церкви. Здесь возникла идея о переносе главного престола Церкви в ее древнейший исторический центр – Эчмиадзин, что произошло в 1441 г.»*.¹⁰⁵ А согласно мнению армянского католикоса Симеона Ереванци,* причина переноса патриаршего центра из Киликии заключалась в том, что в 1439 г. патриарх Киликийской Армянской церкви отправил своих представителей во Флоренцию с изъяснением желания Армянской Церкви о принятии католичества, что вызвало недовольство у армян, живущих в так называемой Центральной Армении [?!].

Армянская наука до недавнего времени считала, что это было одной из главных причин переноса патриаршего центра Армянской церкви в Эчмиадзин.

Здесь не единственный случай, когда можно возразить. Дело в том, что согласно историческим реалиям, данным источников, Сюник с его богословской школой не имел отношения к Армянской Апостольской Церкви. Основателями этой школы были представители албанского духовенства, Албанской Церкви. Совершенно неправомерным, голословным представляется очередное декларативное, но абсолютно политизированное утверждение о том, что «здесь – в Сюнике возникла идея о переносе главного престола Армянской Церкви в ее древнейший исторический центр – Эчмиадзин, что произошло в 1441 г.». Сюник здесь абсолютно ни при чем. Идея эта возникла далеко за пределами Сюника, в Малой Азии, ее западной части, когда армянское духовенство, Армянская Церковь, неоднократно испытывала судьбу на Западе, в западной части Малой Азии, очередной раз потерпев фиаско, потеряло надежду вновь обосноваться, вернуться на историческую родину – в Восточную Анатолию в связи с образованием могущественной Османской империи и только в этой связи обратило свой взор на Кавказ с целью обосно-

* Симеон Ереванци. Джамбр. с. 54.

ваться на территории исторического Азербайджана, взяло курс на очищение его от кавказских тюрков. Армянам это новое обоснование показалось по многим причинам легко реализуемым, а главное - очень заманчивым представлялось наличие здесь христианского албанского населения, исповедующего монофизитство, т.е. наличие единоверцев. Армяне уже вынашивали далеко идущие политические планы обоснования на территории исторического Азербайджана с помощью албан-единоверцев, а потом приобщиться к их культурному наследию. Возвращаясь к статье «Армянская Апостольская Церковь», находим там опять же безответственное заявление, что «престол католикоса всех армян в Эчмиадзине оказался на территории Персии, и там же находился подчиненный Армянской Апостольской Церкви престол католикоса Албании (Арцах)». Прежде всего, следует отметить, что в этот период это была территория не Персии, здесь на территории исторического Азербайджана существовали государства Кара-коюнлу, затем Ак-коюнлу. Что же касается Албанской Церкви, то она не подчинялась вообще и к тому же не могла бы из-за реального положения Армянской Церкви подчиниться ей – Эчмиадзину, в которой не было единства среди своего духовенства, в которой господствовали противоречия, противостояния (антипрестолы), и первопрестолы которой (Арм. Церкви) стабильно находились в эмиграции, в странствии. Авторы статьи вынуждены были признать, что *«тяжелое положение страны заставляло армян искать спасения на чужбине»* в XV–XVI вв. из-за «противоборства тюркских племенных союзов Ак-коюнлу и Кара-коюнлу». Но дело в том, что реальная история армянского народа является ярким доказательством того, что в отличие от всех других народов именно армянскому народу свойственно постоянно «искать на чужбине спасение», т.е. это образ жизни армян.

К тому же получается логическая неувязка с утверждением, что «армян заставляло искать на чужбине спасение в XV–XVI вв. из-за противоборства тюркских племен». Тогда каким же образом армяне и их Церковь пытаются «вернуться» и «обосноваться» именно в Эчмиадзине, находящемся на территории, подвластной именно этим тюркским племенам – государству Кара-коюнлу и Ак-коюнлу?!»

Даже сами авторы статьи вынуждены признать, что *Эчмиадзинский католикосат* под властью Персии в XVII–XIX вв. не смог активно участвовать в жизни Армянской Церкви, которую распирала иерархические противоборства. И вместе с тем в который раз авторы статьи декларативно объявляют несуществующее в истории Армянской Церкви и Албанской Церкви *положение*, согласно которому «*епархии, находившиеся на персидской территории, прежде всего, Албанский католикосат с центром в Гандзасаре (Арцах) развернули активную деятельность, направленную на присоединение Армении к России. Армянское духовенство Ереванского, Нахичеванского и Арцахского ханств стремились избавиться от власти Персии*». В этом отрывке все ложно, политизировано, подчинено единой цели – всеми «правдами» и «неправдами» оправдать, обосновать политическую деятельность Армянской Церкви, которая в недалеком будущем с помощью политики царской России будет направлена вначале на присоединение албанского культурного наследия, а потом попытается уничтожить его, скрыть следы его. Следует обратить внимание на то, что со времени переноса Армянского католикосата в Эчмиадзин (XV в.) ближе к албано-азербайджанским землям Армянская Апостольская Церковь так и не имела никаких армянских епархий на этой новой территории и не могла создать их. И потому заблаговременно в свой актив она зачислила Албанскую Апостольскую Автокефальную Церковь с ее епархиями, с албанским этносом, выдавая албанское духовенство за армянское духовенство, при этом географически разбив это духовенство по ханствам - Ереванскому, Нахичеванскому и Арцахскому. [Кстати, Арцахского ханства никогда не было, сам Арцах входил в состав Карабахского ханства, территориальные владения которого кроме Арцаха включали большой регион. - Ф.М.]

Так же нет никаких данных о деятельности Албанской Церкви, направленной на присоединение Армении к России. Такой деятельности и не могло быть по той простой причине, что это не соответствовало интересам Албанской Церкви, к тому же в реальности не было так называемой Армении, которую следовало бы «присоединить» к России. Эта проблема о «создании Армении», вернее «государственного бытия Армении» будет

поставлена на Берлинском конгрессе 1878 г. и разрешена только в начале XX в. сверхдержавами – Россией, Англией, США [Ф.М. см. гл. VI данной монографии]. И во имя этой цели Армянская Церковь продуманно (в XV в.) была перенесена в Эчмиадзин поближе к землям Албании, землям исторического Азербайджана.

И потому не выдерживает критики следующее неправомерное утверждение, что «по Туркманчайскому договору 1828 г. Восточная Армения вошла в состав Российской империи». Откуда она – Восточная Армения взялась, надо выяснить, и каким образом вошла?! И совершенно не вяжется, не согласуется с приведенными тезисами, утверждениями следующая посылка: «Деятельность Армянской Церкви протекала в соответствии с особым «Положением» («Сводом законов Армянской Церкви»), утвержденным императором Николаем I в 1836 г. *Согласно этому документу, в частности, был упразднен утративший самостоятельное значение Албанский католикосат, епархии которого вошли в состав Эчмиадзинского католикосата*». Именно его епархии, т.е. епархии Албанской Церкви, были и в Карабахском, Ереванском, Нахичеванском ханствах. А из документа – Положения 1836 г. явствует, что Албанская Апостольская Автокефальная Церковь существовала.

Теперь кратко резюмируем историю Албанской Апостольской Автокефальной Церкви.

Албанская Апостольская Автокефальная Церковь духовно обслуживала албанский этнос с IV в. стабильно до 1836 г. В начале Албанская Апостольская Автокефальная Церковь была церковью всего Албанского царства с IV по VIII вв., в пределах всей страны, а после падения Албанского государства Албанская Апостольская Автокефальная Церковь обслуживала албанский этнос в возрожденных албанских царствах: в Арцахе, Утике, Шаки, Арране. Албанская Апостольская Автокефальная Церковь в отличие от Армянской Церкви никогда не покидала свою территорию, свои албанские царства, княжества, свой албанский этнос, так же как албанский этнос за некоторыми исключениями (эмиграциями) оставался на своей территории, исторической родине. Только политика царизма могла пресечь ее деятельность, ликвидировав ее. Данные первоисточников свидетельствуют о

том, как армянское духовенство, армянские светские феодалы искали связи с Албанской Апостольской Автокефальной Церковью. Пример: когда армянский князь Ашот Багратид объявил себя царем (X в.), то армяне просили участвовать в этом процессе албанское духовенство, албанского католикоса, албанского царя Филиппе, как сообщает Смбат Спарапет,¹⁰⁶ видимо, для признания легитимности власти Ашота Багратида. Об этом сообщает другой албанский автор Киракос Гандзакеци.¹⁰⁷ У Вардана Ареллци-Албанского, как упоминалось, есть сведения, что еще в X–XII вв. существовали двенадцать самостоятельных церквей, в числе которых упомянута Албанская Апостольская Автокефальная Церковь. «Vardan gives these church-families: Greek, Roman, Babylonian, Egypts, Ethiopians, Indians, Syriac, Armenian, Sarakeer / Arabic, Persian, Albanian and Georgian».¹⁰⁸

Итак, соположение реалий убеждает, что Албанская Апостольская Автокефальная Церковь до 1836 г. не была в подчинении Армянской Церкви.

§ 3. Агуэнские каноны – древнейший памятник албанского права

а) Рукописи, издания и переводы агуэнских канонов. Обзор литературы

Древнейшим письменным памятником албанского права, дошедшим до нас, являются канонические постановления Агуэнского собора, созванного в V в. албанским царем Вачаганом III в урочище Агуэн.¹⁰⁹ Агуэнские каноны - памятник большой значимости, единственный сохранившийся историко-юридический документ раннесредневековой Албании, в котором отражены социальные и правовые отношения различных общественных слоев. Эти каноны известны на древнеармянском языке, совершенно очевидно, в переводе с албанского, оригинал которого остается неизвестным.

Отдельного издания агуэнских канонов не существует. Они опубликованы в составе «Истории албан» Моисея Каланкатуйского и в составе «Армянской книги канонов» – «Канонагирка».¹¹⁰

В 1838 г. постановления Агуэнского собора в числе армянских канонов были изданы на латинском языке А. Анчаракяном. В XX в. агуэнские каноны неоднократно издавались в составе Канонагирка. В 1912–1913 гг. М.Орманян снова издал агуэнские каноны в составе армянских.¹¹¹ В 1914 г. А.Клытчян в Тифлисе издал Канонагирк на древнеармянском языке.

Поскольку агуэнские каноны не входили в первоначальную редакцию Канонагирка (VIII в.), В. Акопян не включил их в I том новейшего издания Армянской книги канонов.

В составе Канонагирка агуэнские каноны сохранились в большом числе рукописей. Дошедшая до нас древнейшая армянская рукопись Канонагирка, в которой наличествуют агуэнские каноны, переписана в 1098 г. в Киликии.¹¹² Ныне рукопись эта под номером 131 хранится в монастыре Аменапркич (Всеспаса) в предместье Исфагана, в Новой Джульфе.¹¹³ А древнейшая рукопись ИА, в которой находятся агуэнские каноны, датируется, как известно, 1289 г. Таким образом, древнейший рукописный текст агуэнских канонов дошел до нас не в рукописи ИА, а в рукописи Канонагирка. Агуэнские каноны были переведены на армянский язык и включены в Канонагирк, очевидно в 1098 г.

Канонагирк, как известно, был впервые составлен Иоаннесом Одзнеци в 719–725 гг. на основе переводных и оригинальных канонических текстов. В рукописях Канонагирк в своем первоначальном виде не сохранился, ибо с течением времени он обогащался добавлениями других текстов. При этом последовательность расположения материалов менялась. По мнению М.Орманяна,¹¹⁴ Н.Акиняна¹¹⁵ и В.А.Акопяна,¹¹⁶ агуэнские каноны первоначально не были включены Одзнеци в его законник и, следовательно, в этом составе они являются позднейшим добавлением. Как считает мхитарист Н.Акинян, Одзнеци не был даже знаком с канонами Агуэнского собора по причине их неизвестности.¹¹⁷ Нам представляется, что Одзнеци не включил агуэнские каноны в Канонагирк потому, что по праву считал их не армянскими и созданными не в армянской этнической и церковной среде. Он не включил в свой законник другие албанские каноны, и в частности, каноны албанского католикоса Симеона (703–705),

современником которого он был. Албанские каноны Одзнеци не считал принадлежащими армянской правовой науке. Отметим кстати, что в своем издании Канонагирка Арсен Клытчян разделяет источники армянского канонического права на следующие четыре группы: 1) каноны Национальных соборов и святых отцов; 2) *каноны албанские*; 3) каноны апостольские и 4) каноны трех вселенских соборов.

А.Л.Меликсет-Беков, говоря о национальных источниках армянского канонического права, следующим образом характеризует агуэнские каноны: «К числу национальных источников армянского канонического права должны быть отнесены все те правила и постановления, которые являются продуктом законодательной деятельности армянской церкви, в лице ее поместных соборов и патриархов-католикосов. К этой категории источников *мы условно причисляем также каноны автономной церкви арменизированной части Албании, а равно древне-армянские судебники*».¹¹⁸

По-видимому, албанские каноны вошли в Канонагирк лишь в то время, когда Албанская Церковь окончательно лишилась автокефалии и фактически была подчинена Армянской Церкви. А это произошло в 1836 году. В связи с вопросами общественного строя и распространения и утверждения христианства в Албании, многие исследователи в той или иной степени обращались к канонам Агуэнского собора.

Анализ агуэнских канонов на основе перевода К. Патканова был предпринят З.И.Ямпольским в 1953 г.¹¹⁹ По его мнению, Агуэнский собор фиксирует новые правовые отношения, устанавливает ряд норм в области государственного и семейного права. Автор приходит к правомерному выводу, что «Агуэнский собор упорядочил феодальные основы новой религии и тем способствовал дальнейшему развитию феодальных отношений в Албании».¹²⁰

Н.Акинян, исследуя агуэнские каноны, предлагает свою датировку. Он ставит под сомнение само существование албанского царя Вачагана III Благочестивого, считая его измышлением автора-составителя ИА, и датирует созыв Агуэнского собора первой половиной V в., в промежутке 415–459 гг.¹²¹ Исследуя язык агуэнских канонов, Н.Акинян полагает, что последние были

составлены на классическом армянском языке.¹²²

Известное внимание агуэнским канонам уделяют С.Т.Еремян,¹²³ К.В.Тревер,¹²⁴ З.М.Буниятов¹²⁵ и Т.Мамедов.¹²⁶ Каждый из указанных исследователей ограничивался анализом двух или нескольких канонов.

А.Г.Сукиасян исследует каноны с юридической точки зрения. По существу, работа его заключается в классификации канонов по характерным признакам. Он определяет нормы уголовного и судебного права.¹²⁷

Анализу агуэнских канонов, посвящена также большая статья С.Х.Ованнесяна.¹²⁸ Автор статьи ставит перед собой две задачи: определение времени составления канонов и их главного источника. Автор доказывает, что агуэнские каноны были приняты не при Вачагане III Благочестивом в 488 г. (как это принято считать по традиции), а при Вачагане II в 372–387 гг. Далее, путем сравнительного изучения агуэнских канонов с армянскими канонами Шаапиванского и Аштишатского соборов автор делает вывод, что в основе агуэнских канонов лежат аштишатские (356 г.). (Развернутую критику на его работу см. в гл. I).

В 1969 г. вышла статья Б.А.Улубабяна, посвященная датированию агуэнских канонов.¹²⁹ Статья представляет собой попытку опровергнуть положение С.Ованнесяна и доказать верность традиционной даты.

Аргументации С.Х.Ованнесяна и Б.А.Улубабяна представляются мне малоубедительными и я подробно останавливаюсь на них отдельно.¹³⁰ (См. гл. I)

Агуэнские каноны – единственный сохранившийся письменный памятник, который содержит сведения по общественному строю Албании, по вопросам христианства, церковной организации, взаимоотношений сословий, правовой науке. Слабая изученность этих вопросов делает необходимым детальное исследование агуэнских канонов с привлечением других источников.

Наша задача – определить время составления памятника, исторические предпосылки создания канонов и дать, по возможности, их полный комментарий. При переводе и исследовании агуэнских канонов учтены все существующие издания ИА и Каноноагирк, изданный А. Клытчяном.

Ко времени принятия агуэнских канонов, в Албании, Армении и Грузии существовали переводные и оригинальные канонические тексты, выражающие нужды и интересы церкви: перевод Библии с ее юридическими нормами, канонические правила вселенских соборов, которые были обязательны для всех христиан (Никейского 325 г., Константинопольского 381 г., Эфесского 431 г.), решения местных соборов (Анкирского 314 г., Неокесарийского 315 г., Гангрского IV в., Антиохийского 341 г. и Лаодийского 365 г.).

В Армении приняты правила Аштишатского собора (354–356), каноны Саака Партева (387–439), Шаапиванского собора (444 г.).

Не без влияния правовых кодексов вселенских соборов и в результате внутреннего развития общественных отношений в Албании появилась необходимость создания албанских канонов. В Албании агуэнские каноны были, вероятно, не единственными, не первыми к своему времени. Во всяком случае, о применении канонов до Агуэнского собора свидетельствует сам текст агуэнских канонов (каноны 15, 16),¹³¹ в которых отмечено наказание иерея и дьякона по канонам. При этом не раскрывается реальное содержание канона, характер наказания. Видимо, к тому времени это были известные каноны. Возможно, конечно, здесь имеются в виду вселенские или иные правила, но в равной мере могли быть каноны местного происхождения. Каковы исторические предпосылки созыва Агуэнского собора?

Албания, находясь под сасанидским господством, испытывала тяжелый экономический, политический и культурно-религиозный гнет. Как известно, Сасаниды стремились к полному порабощению кавказских народов и культурной ассимиляции их. Поэтому с самого начала IV столетия Сасаниды старались противодействовать распространению христианства как внутри государства, так и у соседних народов и распространять всеми зависящими от них средствами маздеизм. Пользуясь политической слабостью народов – албан, армян, иберов, а также тем, что Византия была поглощена войнами с Аттилой и церковными распрями, персидский царь Иездигерд II (438–457) порывает с политикой относительной веротерпимости¹³²: то посулами, то

жестокостью он пытается насадить зороастризм как государственную религию. Иездигерд II проводит новое налоговое обложение подвластных ему христиан – албан, армян, иберов. Чтобы подорвать влияние церкви и клира, Иездигерд II предпринял ряд мер к ликвидации привилегированного положения церкви, ослаблению ее экономической мощи, а стало быть, к политическому ослаблению ее. Церковь и клир, всегда свободные от государственных податей, были обложены данью. Вместе с внедрением маздеизма вступили в силу персидские судебные законы.

Попытка экономического и религиозного порабощения Албании, Армении и Иберии привела к антисасанидским восстаниям 451 г., 457 г.,¹³³ 481–484 гг.

Персия была так обессилена этими восстаниями и войнами с эфталитами, что при воцарении Валарша вынуждена была признать за христианскими народами право на исповедание своей религии. Албания кроме того возродила свою политическую независимость. Была восстановлена власть албанских Аршакидов в лице Вачагана III Благочестивого. Царствование Вачагана Благочестивого было политическим и культурно-религиозным возрождением Албании. Он, прежде всего, стремился добиться религиозного единства в стране, превращения христианства во всеобщую государственную религию. Учитывая политическую роль самостоятельной Албанской Церкви, которая противостояла бы чуждым религиозно-политическим влияниям и ассимиляторской политике иноземных сил, Вачаган III считал необходимым упрочить пошатнувшиеся устои этой церкви, экономически укрепить ее. А это можно было сделать принятием албанских церковных правовых норм.

С этой целью Вачаган Благочестивый созывает Агуэнский собор. С одной стороны, Агуэнский собор должен был способствовать утверждению самостоятельности Албанской Церкви. Поэтому целью агуэнских канонов было укрепление культовых обрядов, создание материальной базы клира, узаконение материальных и религиозных обязанностей паствы перед церковью, утверждение прав и обязанностей клира, уничтожение остатков нехристианских верований.

С другой стороны, как было отмечено в главе III, § 1,

Вачаган III с помощью агуэнских канонов пытался усилить государственную власть, обуздать своевольных азатов, уравнять клир со светской знатью, урегулировать отношения податного сословия со светской знатью и с духовенством, добиться религиозного единения всех сословий, что также было необходимо для сохранения политической независимости страны, для борьбы с иноземными силами.

Таким образом, в свете вышеизложенного становится очевидным, что принятие агуэнских канонов было исторической необходимостью.

**б) Содержание агуэнских канонов.
Комментарии и источники**

Канонический устав, разработанный и принятый Агуэнским собором, состоит из введения и 21 статьи. Во введении говорится о причинах созыва собора.

«В годы Вачагана, албанского царя, произошли разногласия между мирянами и епископами, хорепископами и священниками, между азатами и рамиками (простолюдинами). И тогда царь решил созвать в Агуэне многочисленный собор в 13-й день месяца Марери».¹³⁴

Таким образом, собор был созван для принятия срочных мер против неурядиц, возникших между мирянами и клиром, между светской знатью – азатами и рамиками – простолюдинами. Видимо, каноны до нас не дошли в полной редакции, ибо отмеченные «неурядицы между азатами и рамиками» в канонах не отражены. В соборе приняли участие Вачаган, царь албанский, азгапеты-наһапеты, все азаты, храманатар, хазарапет и клир.

О том, что постановления Агуэнского собора имели силу закона, свидетельствует следующая формула: «Я, Вачаган, албанский царь (далее перечислена церковная и светская знать), мы так постановили - «каргецак айспэс».¹³⁵ Завершаются каноны также: «Эти правила скрепили печатью (зайс храман матанецин)¹³⁶ – вслед за этим приводится вновь перечень знати во главе с албанским царем.

Переходя к анализу канонов, можно выделить четыре группы:

1) каноны, касающиеся духовенства (взаимоотношения церковнослужителей, права и обязанности клира); 2) каноны, регулирующие отношения между клиром и светской знатью; 3) каноны, регулирующие отношения между духовенством и мирянами; 4) каноны, имеющие чисто правовой характер.

Рассмотрим первую группу канонов (каноны 1, 2, 6, 7, 9, 15, 16). Канон 1 гласит: «Иереи, которые (служат) в селах,¹³⁷ должны дважды в год оказывать почтение епископу и учиться у него духовным порядкам, согласно Писанию,¹³⁸ как принято, ежегодно делать епископу подношение».¹³⁹

По-видимому, этот канон для Албании был не новым, вводился не впервые, ибо в каноне сказано: «как принято, ежегодно делать епископу подношение». По этой причине канон не определил размер и характер приношения. Но канон предусматривает не только одаривание епископа, в котором участвуют священники, но и как бы обосновывает это приношение тем, что священники должны «учиться у епископа духовным порядкам согласно Писанию».

Данный канон устанавливает обязанности служителей церкви низшего сана перед церковниками высшего сана, т.е. укрепляет церковную иерархию. Смысл второго агуэнского канона заключается в соблюдении иерархического принципа при рукоположении: «Когда рукополагают священника или дьякона, то по четыре драхмы за священника (т. е. священнический сан) и по две драхмы за дьякона (дьяконский сан) должны быть отданы».¹⁴⁰

Как было отмечено, к числу канонов первой группы относится и канон 6, который гласит: «Если монашествующий или инок совершат в монастыре проступок и это раскроется, его должны осудить и изгнать из места, земельный надел – хостак его должны взять в церковь».¹⁴¹

Данный канон находит себе аналогию во втором каноне армянского Шаапиванского собора, созванного в 444 г.

«Если монашествующий иерей (кронавор ерэц)¹⁴² будет уличен в скверне и блуде или в других злых делах, и это будет доказано свидетелями – лишить его священнического сана (каһанайутюн)¹⁴³ и отвести от церковной доли, оштрафовать на 300 драхм для раздачи бедным. Этот канон относится к иерею и

дьякону. И они должны были отбывать воинскую повинность и стать налогоплательщиками и не смешиваться с церковнослужителями».¹⁴⁴

Подобно тому как по шаапиванскому канону иерей лишается «церковной доли», точно так же по агуэнскому канону он лишается земельного надела–хостака, который возвращается церкви, т.е. по существу «церковная доля» шаапиванского канона является, видимо, тем же хостаком–земельным владением.

В шаапиванском каноне в отличие от агуэнского наказание провинившегося церковнослужителя сформулировано более детально, так как иерей не только лишается своего места (сана) и земельного надела, но и платит штраф, становится налогоплательщиком, несет воинскую службу.

Осуждению провинившегося церковника посвящены также каноны 15 и 16. Канон 16 гласит: «Если товарищи и ученики¹⁴⁵ обвиняют иерея, будучи честны сами, иерей должен предстать пред алтарем и обвинители перед прихожанами и его должны стащить с алтаря и изгнать из села. Но ежели товарищи¹⁴⁶ и ученики были с ним во враждебных отношениях¹⁴⁷ и прихожане знали, что они прежде были в ссоре, священник пусть отслужит обедню,¹⁴⁸ а прихожане пусть прогонят их с проклятиями.¹⁴⁹ Но ежели они признаются, мол, мы лгали, на них должны наложить епитимию. Но из монастыря не изгонять. А если после этого они совершат какое-либо прегрешение, пусть будут осуждены по канонам (канонюк датесцин)».¹⁵⁰

По канону 15 миряне могли жаловаться епископу на священника или дьякона. Признавшего свою виновность иерея или дьякона епископ отправлял в пустынь на покаяние, а не признавшего вину – судили по канонам, изгоняли из села.

Из приведенных данных явствует, что в Албании до принятия агуэнских канонов действовали какие-то каноны, к которым постановления Агуэнского собора обращаются в тех случаях, когда духовенство судит нарушителей при повторном совершении проступка и при отказе признать свою виновность. Это могли быть, как было отмечено, каноны предшествовавших албанских соборов или же так называемые апостольские каноны, так как среди малочисленных правовых норм апостольских канонов

имеются, как известно, нормы о ложном свидетельстве, поношении священников.

С юридической точки зрения каноны 15 и 16 содержат как норму уголовного права (о клевете), так и норму судебного права (судебные доказательства).¹⁵¹

Каноны 6, 15, 16 преследуют цель – установить юрисдикцию клира - епископов, священников, по отношению к церковникам низшего сана. Провинившегося иерея или дьякона судили епископ, священник. Видами наказания были - лишение церковного сана, земельного надела, отправление в пустынь на покаяние, изгнание из села, наказание по канонам.

Агуэнские каноны 7 и 9 устанавливают определенное соотношение иереев и паствы, т.е. определяют, что количество паствы должно быть соразмерно с числом иереев. В каноне 7 значится: «Если монастырских иереев много и прихожан мало, а в другом монастыре прихожан много и иереев мало, то (следует) взять от многочисленной паствы и передать тому монастырю, где много иереев».¹⁵² Канон преследует, очевидно, интересы клира. Такое распределение паствы делалось, по всей вероятности, для того, чтобы духовенство имело одинаковые доходы с прихожан.

Канон 9 гласит: «Священник, который совершает богослужение в большом селе (шэн), не должен обслуживать другое село (шэн). Две маленькие смежные деревушки (агарака) должны быть обслуживаемы одним священником. Священник должен управлять такой паствой, которой он в состоянии руководить».¹⁵³

Мы рассмотрели первую группу канонов (1, 2, 6, 7, 9, 15, 16), которые посвящены непосредственно клиру, его взаимоотношениям, его внутренней организации, управлению паствой.

Рассмотрим каноны второй категории, регулирующие отношения между клиром и светской знатью (17, 18, 20, 21, 3).

Статья 21 Агуэнского собора гласит: «Если азат в своей церкви поставит алтарь, или принесет мощи, или совершит обедню, пусть делает это, насколько возможно, с позволения епископа. Кто совершит это с позволения, да будет благословлен, а кто нарушит, пусть удалится из церкви, и после, по возможности, выплатит пеню епископу. И после того, как тот человек выплатит такое количество пени, которое предусмотрено в канонах, он бу-

дет благословен».¹⁵⁴

Этот канон имеет аналогию с каноном 17 Шаапиванского собора 444 года.

17 канон Шаапиванского собора гласит: «Если кто-либо желает установить мощи мучеников, то без разрешения епископа страны не смеет устанавливать. Без разрешения епископа никто не смеет совершить поминовение мучеников и созывать соборы. И если кто-либо принесет мощи мучеников из святых мест, то должен представить епископу свидетельство и грамоты от епископов тех (мест), откуда принес, и с разрешения своего епископа установит там, где достойно. Если кто-либо желает воздвигнуть алтарь Господа, то без разрешения епископа не смеет воздвигнуть».¹⁵⁵

Отличие агуэнского канона от шаапиванского состоит в том, что в агуэнском каноне речь идет об азате, а в армянском значится «кто-либо». Но, видимо, в шаапиванском каноне «кто-либо» подразумевается из азатского сословия, так как азат в силу своего экономического и политического положения располагал большими возможностями, чем шинакан, чтоб «воздвигать алтарь», «ставить мощи», «совершать обедни», «созывать соборы». Агуэнский канон в отличие от шаапиванского устанавливает наказание. Нарушивший требование данного канона отлучался от церкви и выплачивал по канону пени. Здесь опять же упомянуты какие-то действующие до Агуэнского собора каноны.

Целью этих норм является упрочение авторитета и власти епископов, а также сохранение их доли в «доходе», который получали, видимо, при совершении обедни, при показе мощей мучеников, при установлении алтаря.¹⁵⁶

Укреплению власти клира, в частности епископов, посвящена статья 20 Агуэнского собора: «Азаты, поскольку являются владельцами дастакертов, не смеют изгнать иерея без (ведома) епископа и епископ не посмеет без их (ведома) назначать и изгонять.¹⁵⁷ И иерей хотя бы ему угрожала опасность от прихожан или от азата, не смеет уйти без (ведома) епископа».¹⁵⁸ Канон, как видно, ограничивает своеволие азатов и уравнивает права духовенства с азатами.

Аналогичный канон был принят в Армении позднее, в VII в.

на четвертом Двинском соборе. В статье 10-й собора осуждаются азаты, которые назначали священников и монахов без согласия клира, лишали духовного сана монахов и изгоняли их из монастырей.¹⁵⁹

Достоинно внимания, что борьба между светскими и духовными феодалами, отраженная в агуэнском каноне, имела место в Албании в V в., тогда как для Армении V в. характерна борьба клира с царской властью. В этом, видимо, одна из особенностей Албании. В Армении борьба между светской и духовной знатью наблюдается в VII в., как это явствует из правила Двинского собора.

Агуэнский канон 17 гласит: «Епископы и иереи жаловались царю на азатов за то, что они в селе строили по две или три церкви, монастыря.¹⁶⁰ Азаты изложили свои условия перед царем: и царю, и епископам, и азатам было угодно решить так, чтоб устроенные церкви были оставлены¹⁶¹ и «птуг» и «һас» церкви построили в церковь Всам – главную церковь».¹⁶²

Канон можно понять двояко. Или речь идет о строительстве в одном селе двух-трех церквей или монастырей, что, видимо, считалось нарушением, ибо допускалось, вероятно, наличие в одном селе одной церкви или одного монастыря. При таком понимании можно допустить, что азаты путем создания дополнительных церквей пытались заполучить их доходы – птуг и һас. И потому канон предусматривает выплату расходов построенных церквей в епархиальную церковь.

Это положение подкрепляется статьей 114 Мхитара Гоша (XIII в.), озаглавленной «О постройке одной церкви в ущерб другой». В этой статье сообщается: «Настоящее каноническое правило установлено для того, чтобы постройка одной церкви в подрыг другой из-за жадности была запрещена, чтобы постройка была производима с согласия епископа и других, дабы никто не превратил церкви в наследство и предупредил в соответствующих случаях постройку новых».¹⁶³

Наконец, создание новых церквей распыляло доходы церкви, ущемляло материальные интересы духовенства. По-видимому, доля птуга и һаса, приходившаяся на одну церковь, была больше, чем при наличии в селе двух-трех церквей с их штатом цер-

ковнослужителей. Потому клир жаловался царю на азатов.

Но если допустить, что речь в агуэнском каноне 17 идет о превращении двух-трех церквей в монастыри, то такое чтение осмыслялось бы опять же с помощью законов Мхитара Гоша и Смбата Гундестаблия (XIII в.), у которых приводятся важные статьи о строительстве церкви и монастыря.

«Заложить основание церкви по правилам православия вправе только епископ или по приказанию его хорепископ, или перетуг (смотритель). Кто дерзнет заложить основание церкви без разрешения епископа или хорепископа, то мы повелеваем снести таковое и вторично заложить его и тем самым соблюсти неукоснительно порядок церковный», – так гласит статья Судебника Мхитара Гоша.¹⁶⁴

Это правило Мхитар Гош приводит, как он сам указывает, из канонов отцов последующих (правило 18). Такое положение о строительстве церкви отражено и в Судебнике Смбата Гундестаблия.¹⁶⁵

Относительно монастыря сообщает статья 2 Судебника Мхитара Гоша: «Строить монастыри следует царям и князьям, равно и всем верующим, по соображениям не какой-либо земной выгоды, но исключительно духовной пользы... Неправосудно смещать настоятеля, основавшего монастырь на своей собственной или на чужой земле, – если он руководит братией добронравно. Сместить его можно лишь в случае совершения им противозаконного и притом доказанного двумя или тремя свидетелями...».¹⁶⁶

Таким образом, азаты, не имея права строить церкви, как вытекает из канонов Мхитара Гоша, превращали наличествующие церкви в монастыри и тем самым прибирали к рукам монастырские доходы.

И в том и в другом понимании канон отражает межсословную борьбу на экономической и политической почве между азатами и клиром. Азаты стремились экономически ослабить церковь, духовенство, ограничить источники его доходов, за счет церкви увеличить свои доходы.

Третью группу канонов составляют каноны 3–5, 17–19, которые регулируют взаимоотношения между духовенством и

прихожанами. Главное внимание в них уделено материальному обеспечению клира. Духовенство взимает с населения многочисленные подати – птуг, тасанорд, хас и хогецатур. Содержание этих канонов и разбор их подробно были рассмотрены в четвертой главе, в разделе «Церковные подати».

Каноны 3–5, 17–19, как было отмечено в этом разделе, восходят к Библии, согласно которой древние евреи платили в пользу духовенства подушную подать, десятину, «начатки» от всех сельскохозяйственных продуктов.

Кроме канонов, отражающих устройство церкви, ее иерархию (I группа), регулирующих отношения клира и светской знати (II группа), установивших порядок отношений между клиром и мирянами–паствой (III группа) можно выделить четвертую группу канонов, имеющих чисто правовой характер, отражающих нормы брачно-семейного права (каноны 10, 11) и некоторые нормы уголовного права (каноны 8, II, 12, 13, 14).

Канон 8 гласит: «Христианин, который учиняет драку и проливает кровь, должен быть приведен к епископу и наказан в соответствии с законом (ыст оринацн).¹⁶⁷

Этот канон восходит к Библии, где значится, что проливший человеческую кровь должен быть подвергнут смертной казни.¹⁶⁸ В агуэнском каноне остается неизвестным характер наказания. Следует отметить прежде всего, что это единственный канон Агуэнского собора, где речь идет о наказании не по канону (канон), а по закону (орэн). Законы, как известно, устанавливаются государственной властью, а каноны являются нормотворчеством церковных соборов с участием духовной и светской знати. Из канона 8 явствует, что духовенство в лице епархиального главы осуществляет юридические функции (судебную власть) в некоторых областях гражданского и уголовного права и судит не по канонам, а по светским законам.

Каноны 10 и 11 Агуэнского собора отражают брачно-семейные отношения.

В каноне 10 читаем: «Мужчина не может взять в жены родственницу в третьей степени родства и не может взять в жены жену брата». ¹⁶⁹ Согласно канону брак разрешается с четвертой степени родства.

Этот канон полностью восходит к Библии, которая запрещала браки между родственниками до третьей степени родства включительно.¹⁷⁰

Как и Моисеев закон, христианство считало такие браки кровосмешением, преступлением и жестоко преследовало их. Эти нормы содержатся в 34-й статье так называемых «апостольских канонов».¹⁷¹ Этот библейский закон отражен в статьях 54 и 55 Сиро-ромейского судебника V в.¹⁷²

Что касается Армянской Церкви, то она также преследовала такие браки и постепенно расширяла круг лиц, между которыми запрещался брак.¹⁷³ Канон 3-й Аштишатского собора (IV в.) порицал браки между близкими родственниками, особенно с невестками - с женой брата, с женой сына.¹⁷⁴ Но Аштишатский собор не определяет, на какую степень родства распространяется запрет. В V в. каноны 12 и 13 Шаапиванского собора устанавливают запрет до четвертой степени родства,¹⁷⁵ т.е. включая третью степень, как и в Албании. Это естественно, ибо у всех христиан, очевидно, существовал одинаковый порядок по данному вопросу. Албанский Партавский собор (VIII в.) (статья 16) распространил запрет и на четвертую степень, разрешая брак с пятой степенью родства.¹⁷⁶

Из вышеприведенных канонов явствует, что в Албании, как и в других христианских странах, в V в. еще сохранялись дохристианские обычаи и левират. Целью агуэнского канона, как и других национальных канонов, являлось искоренение древних брачных обычаев и утверждение христианского церковного брака.

В отличие от шаапиванского канона, который за подобные браки устанавливал самое строгое наказание - отлучение от церкви, агуэнский канон ограничивается лишь категорическим запретом. Очевидно, наказание за подобное нарушение было одинаковым у всех христиан.

Согласно данным ИА, браки с близкими родственниками имели место в Албании и позднее, в VIII в.,¹⁷⁷ но, видимо, это были редкие случаи, ибо в ИА это единственное упоминание.

Так, ИА сообщает, что албанский ишхан Варазо, внук Варзмана, женился на Варданухи, внучке того же Варзмана, т.е. в брак вступили двоюродные брат и сестра. Албанское духовенство

во главе с албанским католикосом Михаилом предало дом Варазо проклятию, а иберского католикоса Талилу, благословившего этот «беззаконный брак», предали анафеме. Весьма примечательно, что, порицая Талилу, албанское духовенство сослалось не на агуэнский канон, а на канонические решения Афанасия Александрийского и Василия Великого.¹⁷⁸ Албанское духовенство считало подобный брак нарушением не местного этнического канона, а нарушением общего христианского канона, нарушением христианского церковного брака. Наконец, из этого отрывка выясняется, что служило источником для албанского церковного права.

Албанское духовенство при решении общих вопросов христианской религии руководствовалось непосредственно каноническими постановлениями вселенских соборов отцов вселенской церкви.

Брачно-семейному праву посвящена и первая половина агуэнского канона 2, которая гласит: «Кто оставит женщину без причины, и кто берет женщину без венца, и кто не праведен и является человекоубийцей,¹⁷⁹ или кто вопрошает волхвов, таковых связать, привезти к царскому двору и подвергнуть мучительной смерти...».¹⁸⁰ Как видно из канона, развод без причины и беззаконный брак, обращение к волхвам приравниваются к убийству и соответственно наказываются. Это единственная статья, которая устанавливает смертную казнь. Расследование и наказание самых тяжких преступлений осуществляются царской властью. Эта статья, таким образом, содержит нормы и уголовного и судебного права (исполнение приговора). Данный канон имеет некоторую аналогию с каноном 4 армянского Шаапиванского собора, только шаапиванский канон имеет более полный, завершённый вид, в нем оговорены все условия и случаи подобного развода.

Шаапиванский канон гласит: «Если муж оставит жену – мать детей, не вследствие ее неверности или же какого-либо худого порока телесного, а из-за своего блуда и увлечения другой (женщиной), то суд будет таков: разделить поровну детей и дом, имущество и землю, воду и вообще все – половину отдать жене. Также, если она пожелает, представить ей право свободно ввести к себе в дом мужа... И наложить на мужа, бросившего жену,

семилетнюю епитимию и штраф в пользу церкви: если он азат – в размере 300 драхм, если он шинакан – подвергнуть его порке и штрафу в пользу церкви в размере 100 драхм за пренебрежение к благословенному браку». ¹⁸¹

Агуэнский канон в отличие от шаапиванского предусматривает суровую меру наказания – смертную казнь, причем без социального различия.

Вторая половина агуэнского канона 11 осуждает за убийство. Статья об убийстве, видимо, восходит к Библии: «Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти». ¹⁸² Канон 11 запрещал также обращение к волхвам-колдунам, которое рассматривалось как вероотступничество и за которое канон предусматривал такое же наказание, как за убийство, т.е. смертную казнь. В основе этого канона лежит, вероятно, также библейский закон: «Мужчина или женщина, если будут вызывать мертвых или волхвов, да будут преданы смерти; камнями должны побить их, кровь их на них». ¹⁸³

Обращение к ворожеям преследовала и Армянская Церковь, как сообщает канон 9 Шаапиванского собора. Но в отличие от библейского закона и агуэнского армянский канон устанавливал денежный штраф – для азата 200 драхм в пользу бедных, для шинакана – 100 драхм и 15 ударов палками, а также для азата и шинакана епитимию в течение трех лет. ¹⁸⁴

Преследованию пережитков дохристианских религий посвящен и канон 12 Агуэнского собора: «Тех, что оплакивают домохозяина - (этих) плакальщиков пусть свяжут и приведут к царскому двору и подвергнут наказанию; семья более пусть не смеет проливать слезы». ¹⁸⁵

Канон 12 устанавливает уголовное наказание за дохристианский обряд оплакивания умершего. Канон 11 Шаапиванского собора за подобное действие запрещал входить в церковь в течение года и устанавливал штраф в размере 100 драхм для азатов и 50 драхм для шинаканов в пользу церкви. ¹⁸⁶

По агуэнским канонам 11 и 12 за совершение дохристианских обрядов судит царский двор (царский суд), а по армянским канонам – церковь [за неимением царской власти, царского двора. – Ф.М.]. Особенностью агуэнских канонов является еще то,

что в них не предусмотрен обвинительный приговор.

Каноны 13 и 14 Агуэнского собора посвящены церковно-обрядовым вопросам. Канон 13 гласит: «Того, кто ест мертвечину, или кто ест мясо в сорокадневный пост, или работает в воскресенье и не ходит в церковь – того пусть накажет иерей вместе с прихожанами».¹⁸⁷

Есть мертвечину запрещал еще Моисеев закон. «И тот, кто будет есть мертвечину, должен омыть одежды свои и нечист будет до вечера».¹⁸⁸ «И всякий, кто будет есть мертвечину или растерзанное зверем, туземец или пришелец, должны вымыть одежды свои и омыться водою, и нечист будет до вечера, а потом будет чист».¹⁸⁹ Канон 4 армянского Аштишатского собора также запрещал есть мертвое тело животного и пить его кровь.¹⁹⁰

Агуэнский канон 13 направлен на искоренение остатков язычества и утверждение обрядов христианской религии. Эту же цель преследует канон 14 Агуэнского собора: «Кто в среду и в пятницу ест мясо, должен поститься за неделю до Великого Поста,¹⁹¹ и если кто придет к иерею и свидетельствует о том, что это не так, старшина села должен взять у человека быка и дать иерею».¹⁹² Согласно канонам 13 и 14 нарушителя этих требований религии наказывает священник вместе с прихожанами, или старшина села взимает с него быка в пользу церкви. Как канон 13, так и 14-й содержат нормы уголовного права.

В агуэнских канонах нормы гражданского права нашли очень малое отражение. Это объясняется, видимо, тем, что гражданские отношения регулировались, главным образом, обычным правом.

Источниками канонического права Албанской Церкви, так же как и Армянской и Грузинской, служили: 1) нормы внешние, рецепированные, общие с другими церквами христианского Востока; 2) нормы, разработанные и установленные Албанской Церковью. К первой категории относятся, во-первых, законы библейские, главным образом, Моисеевы законы. Библейские нормы как «божественный закон», объявлялись «незыблемыми», «вечными», считались основой для церковного законодательства¹⁹³ и потому вносились в нормы церковного канонического права.

К внешним источникам относятся также доникейские, так

называемые апостольские каноны; церковные каноны, принятые первыми тремя вселенскими соборами (Никейским 325 г., Константинопольским 381 г., Эфесским 431 г.); Каноны «святых отцов» – Василия Великого, Афанасия Александрийского и др.¹⁹⁴ Нормы вселенских соборов, правила апостолов, отцов святой церкви считались, как известно, обязательными, общими для всех христианских общин до созыва Халкедонского собора.

Эти нормы носили в основном догматический, организационный характер, определяли компетенцию клира, обязанности христиан. К числу внешних источников относятся правила локальных соборов – от Анкирского до Сардикийского соборов.¹⁹⁵

Албанская церковная иерархия не просто заимствовала эти внешние нормы, но приняла их в той мере, в какой они не противоречили общественным отношениям в самой Албании, не противоречили обычному праву.

Агуэнские каноны отразили социальные, церковные и правовые отношения Албании независимо от степени влияния на эти нормы их действительных и вероятных источников.

Библиография:

- ¹Мамедова Фарида. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, с. 217-237.
- ²Тальберг Н. История христианской церкви, с. 55;
- Коран. Перевод смыслов и комментариев В ал е р и и П о р о х о в о й, третье издание, с. 636, примечание - назореи (33).
- ³Нейматова М. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Баку, 1991, с. 49, 50;
- Услар П. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе. - Сборник сведений о кавказских горах. Тифлис, 1869, вып. II, с. 4-6;
- Мамедова Фарида. Из истории христианства Кавказской Албании, с. 11-12.
- ⁴Беккер Моисей. Евреи Азербайджана: история и современность. Баку, 2000, с. 16.
- ⁵Мамедова Ф.Дж.Албанский католикосат и албанские Аршакиды. Бартольдские чтения. М., 1982, с. 38;
- Она же. Албанский католикосат и албанские Аршакиды. - В сб.: Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985, с. 134.
- ⁶Кекелидзе К.С. К вопросу об иерусалимском происхождении грузинской церкви. Пг., 1914;
- Джанашвили М. История Грузинской Церкви. Тифлис, 1898, с. 1-2, 5.
- Но позже Грузинская (Иберийская) Церковь стала относиться к Антиохийскому патриаршеству. См.:
- Иоселиани П.И. Краткая история грузинской церкви. СПб., 1843;
- Цагарели А. Памятники грузинской старины в священной земле и на Синае. - ППС, 1888, вып. X, с. 27.
- ⁷Амусин И. Д. Кумранская община. М., 1983, с. 152, 209.
- ⁸Там же, с. 225.
- ⁹Там же, с. 209-219.
- ¹⁰Там же, с. 217.
- ¹¹Аверинцев С. С. Христианство. (Неизданная работа).
- ¹²Там же.
- ¹³Амусин И.Д. Кумранская община, с. 219-224.
- ¹⁴Там же.
- ¹⁵Там же, с. 220.
- ¹⁶Там же.
- ¹⁷Аверинцев С.С. Христианство.
- ¹⁸Там же.
- ¹⁹Там же.
- ²⁰Болотов В.В. Из истории церкви сиро-персидской. СПб., 1901, с. 65-66.
- ²¹Аверинцев С. С. Христианство.
- ²²Болотов В.В. Из истории церкви сиро-персидской, с. 65-66.
- ²³Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века, с. 21.
- ²⁴Марр Н.Я. История армянской и грузинской литературы, л. 28.
- ²⁵Puesch Н.С. Le manichéisme: son fondateur, sa doctrine. Paris, 1949, p. VII-VIII;
- Марр Н.Я. История армянской и грузинской литературы.
- ²⁶Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века, с. 21.
- ²⁷Райт В. Краткий очерк сирийской литературы;
- Марр Н.Я. История армянской и грузинской литературы, л. 29.

- ²⁸Болотов В. В. Из истории церкви сиро-персидской, с. 65-66.
- ²⁹Там же, с. 68-69.
- ³⁰Там же, с. 85.
- ³¹Там же, с. 99.
- ³²Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 346.
- ³³Марр Н. Я. История армянской и грузинской литературы, л. 32.
- ³⁴Адонц Н. Указ. раб., с. 347;
Мещерская Е. Н. Легенда об Авгаре. М., 1984.
- ³⁵Орманян М. Армянская церковь, с. 10-11.
- ³⁶Там же.
- ³⁷Мамедова Фарида. Интерпретация новых дополнительных глав парижского списка "Истории албан" Моисея Каланкатуйского в свете эпиграфических данных Гандзасарского храма, с. 38-39.
- ³⁸Кананчев Зураб. Из истории апостольского периода христианства Кавказской Албании, с. 61-64.
- ³⁹Болотов В. В. Об армянском церковном годе;
Беляев Д. Новый список древнего устава Константинопольских церквей;
Орманян М. Армянская церковь, с. 165-167.
- ⁴⁰Житие и страдания святого апостола Варфоломея. Издание кафедрального собора Рождества Богородицы. Баку.
- ⁴¹Орманян М. Армянская церковь, с. 9-11.
- ⁴²Мамедова Ф. Д. Ж. Албанский католикосат и албанские Аршакиды, с. 134-135.
- ⁴³Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 346.
- ⁴⁴Васильев М. А. Лекции по истории Византии, с. 48.
- ⁴⁵Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Пг., 1907, с. 256-257.
- ⁴⁶Васильев М. А. Лекции по истории Византии, с. 51.
- ⁴⁷Там же, с. 52;
Евсевий Кесарийский. Церковная история (10, 5).
- ⁴⁸Там же, с. 53.
- ⁴⁹Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 352.
- ⁵⁰Кананчев Зураб. К вопросу о датировке христианизации народов Кавказской Албании и Армении.
- ⁵¹Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 359.
- ⁵²Еремян С. Т. Идеология и культура Албании III-VII вв., с. 323.
- ⁵³Алексидзе Заза. Что может рассказать об истории церкви Кавказской Албании обнаруженный на Синайской горе грузино-албанский палимпсест, с. 15-26.
- ⁵⁴Ольдерогге Д. А. Из истории армяно-эфиопских связей (Алфавит Маштоца), с. 207-217.
- ⁵⁵Мамедова Фарида. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании, с. 79-88.
- ⁵⁶Там же, с. 179-180.
- ⁵⁷Там же, с. 137-138.
- ⁵⁸Орманян М. Армянская церковь, с. 19.
- ⁵⁹Manandian J. Beiträge zur albanischen Geschichte, с. 19, 20, 24, 28;
Еремян С. Т. Идеология и культура Албании III-VII вв., с. 323.
- ⁶⁰Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 365;
Деяния вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии. т. I-IV, Казань, 1859-1873; т. I, с. 157-160.
- ⁶¹Адонц Н. Там же, с. 360.

- ⁶²Мамедова Фарида. Структура албанской церкви и ее внешние связи, с. 69-73.
- ⁶³Тальберг Н. История христианской церкви, с. 82, 90.
- ⁶⁴Мамедова Фарида. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, с. 234;
- Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 364;
- Орманян М. Армянская церковь, с. 34-35.
- ⁶⁵Болотов В. В. Из истории церкви сиро-персидской, с. 109.
- ⁶⁶Synodicon. Orientale ou recueil de synods nestoriens, public traduit et annot. par J.V. Chabot. Paris, t. XXXVII, p. 276.
- ⁶⁷Гусейнов Р. Сирийские источники об Азербайджане, с. 37.
- ⁶⁸Аран-Аган-Ардан пехлевийских источников соответствует Албании и подразумевает ту же территорию.
- ⁶⁹Речь идет об Ардашире III (628-630).
- ⁷⁰Тальберг Н. История христианской церкви, с. 168, ч. I.
- ⁷¹Алексидзе Заза Николаевич. Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии, с. 23.
- ⁷²Васильев М. А. Лекции по истории Византии, с. 56;
- Орманян М. Армянская церковь, с. 23.
- ⁷³Васильев М. А. Лекции по истории Византии, с. 81-82.
- ⁷⁴Там же, с. 103-105.
- ⁷⁵Орманян М. Армянская церковь, с. 34-36.
- ⁷⁶Manandian J. Beitrage zur albanischen Geschichte, s. 29.
- ⁷⁷Алексидзе Заза Николаевич. Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии, с. 23.
- ⁷⁸Алексидзе Заза Николаевич. Указ. раб., с. 23.
- ⁷⁹Там же, с. 24.
- ⁸⁰Там же, с. 40.
- ⁸¹Мамедова Фарида. Из истории раннефеодальных отношений Кавказской Албании.
- ⁸²Kasumova S. Le sceau du Cathalicos d'Albanie et du Balasagan. Studia Iranica, t. XX, 1, Paris, 1991.
- ⁸³Мамедова Фарида. Политическая история и историческая география, с. 236.
- ⁸⁴Алексидзе Заза Николаевич. Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии, с. 27.
- ⁸⁵Арутюнова-Фиданян В. А. Повествование о делах армянских, с. 38-39.
- ⁸⁶Алексидзе Заза Николаевич. Указ. раб., с. 27.
- ⁸⁷Мамедова Фарида. Из истории христианства Кавказской Албании, с. 11-14.
- ⁸⁸ЦИА, справка 1907 г., фонд 821, опись 139 (173), единица хранения 96.
- ⁸⁹ЦИА, фонд 821, опись 1, дело № 97.
- ⁹⁰ЦИА, фонд 821, опись 7.
- ⁹¹ЦИА, фонд 821, опись 10, дело № 89.
- ⁹²Глинка С. Н. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России. М., 1831, с. 114-115;
- В 1798 г. карабахские мелики с подвластным им армянским (читай: албанским) народом, в числе 11 000 семейств принимают подданство России и переселяются из Персии на Кавказскую линию. См.: Кавказский календарь на 1879 г. Тифлис, 1878. Отд. I, с. 249. Эти албанские мелики с албанским населением были переселены в Персию еще при шах Аббасе I и при Надир-шахе;

- Гаджиева Ульвия. Деэтнизация кавказских албан в XIX в., с. 13, 14, 99, примеч. 23.
- ⁹³Бозаян А. А., Юзбашян К. Н. Армянская Апостольская церковь (Арм. АЦ). См.: Православная энциклопедия, под общей ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, М., 2002, т. III.
- ⁹⁴Там же, с. 334.
- ⁹⁵Там же.
- ⁹⁶Там же, с. 337.
- ⁹⁷Там же.
- ⁹⁸Там же, с. 338.
- ⁹⁹Канонагирк хайоц. Тифлис, 1914, с.12 (древнеарм.яз.).
- ¹⁰⁰Айвазян К. В. "История Гарона" и армянская литература IV-VII веков. Ереван, 1976, с. 50.
- ¹⁰¹Армянская Апостольская Церковь. Указ. раб., с. 332.
- ¹⁰²Агафангел. История. Тифлис, 1882, с. 473-474 (древнеарм. яз.).
- ¹⁰³Канонагирк. хайоц.
- ¹⁰⁴Армянская Апостольская Церковь. Указ. раб., с. 336. О локализации армянских епархий см. § 3 главу VI
- ¹⁰⁵Там же, с. 337.
- ¹⁰⁶Смбат Спарапет. Летопись. с. 1.
- ¹⁰⁷Киракос Гандзакецци. История, с. 239, примеч. 400.
- ¹⁰⁸Vardap Arewelc'i. The Historical Compilation of Vardap Arewelc'i. Translated by R.W. Thomson.
- ¹⁰⁹Агуэн находился в провинции Мец-Арранк - буквально Большой Арран. Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 307, примеч. 1.
- ¹¹⁰Ang. Maius. в издании *Scriptorum Veferum nova collectio e Vaticanis codicibus edita*, t. X, 2, Romae, 1838, pp. 269-316 (*Ecclesia Armenicae -canones selecti*) приводит в латинском переводе Анчаракяна А. каноны V-VIII вв. по рукописному сборнику, переписанному в 1634 г. Хачатуром. Цитирую по Меликсет-Бекову Л. М. Об источниках древнеармянского права, с. 163.
- ¹¹¹Орманян М. Азгапатум. Константинополь, 1912, § 347 (арм. яз.); Меликсет-Беков Л. М. Об источниках древнеармянского права, с. 146, 182.
- ¹¹²Акопян В. Армянская книга канонов и ее редакции, с. 32.
- ¹¹³Там же, с. 6; Dowsett, p. XII. Из всех изданий ИА только Доусет при подготовке английского издания ИА использовал древнейшую рукопись агуэнских канонов - 1098 г., № 131.
- ¹¹⁴Орманян М. Азгапатум. См.: Меликсет-Беков Л. М. Об источниках древнеармянского права, с. 146.
- ¹¹⁵Акинян Н. Мовсэс Дасхуранци, с. 71.
- ¹¹⁶Акопян В. Армянская книга канонов и ее редакции, с. 6, 15.
- ¹¹⁷Акинян Н. Мовсэс Дасхуранци, с. 71, 75; Меликсет-Беков Л. М. Об источниках древнеармянского права, с. 147.
- ¹¹⁸Меликсет-Беков Л. М. Об источниках древнеармянского права, с. 153.
- ¹¹⁹Ямпольский З. И. Азербайджан в период зарождения феодализма; Он же. О зарождении феодализма в Азербайджане.
- ¹²⁰Он же. Азербайджан в период зарождения феодализма, с. 60.
- ¹²¹Акинян Н. Мовсэс Дасхуранци, с. 72-73.
- ¹²²Там же, с. 73.
- ¹²³Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III-VII вв., с. 307-310.
- ¹²⁴Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 185, 295-296.

- ¹²⁵Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 59-70.
- ¹²⁶Мамедов Т. Кавказская Албания и Атропатена по древнеармянским первоисточникам (IV-VII вв.), 1965, с. 14-15.
- ¹²⁷Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 116-117.
- ¹²⁸Ованнисян С. Х. Каноны Агуэнского учредительного собрания и их связь с аштитатскими канонами, с. 266-274.
- ¹²⁹Улубабян Б. А. Еще раз о времени созыва Агуэнского собора, с. 51-60.
- ¹³⁰Мамедова Ф. Дж. Еще раз о датировке агуэнских канонов. Изв. АН Азерб.ССР, 1973, № 3, с. 78-85.
- ¹³¹ИА, кн. I, гл. 26, Э., стр. 101; П., стр. 68-69; Д., с. 53.
- ¹³²Ремян С. Т. Народно-освободительная война армян против персов в 450-451 гг., с. 46.
- ¹³³ИА, кн. I, гл. 17, с. 18.
- ¹³⁴ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 97; П., с. 65; Д., с. 50; Канонагирк, с. 192.
- ¹³⁵ИА, там же.
- ¹³⁶Там же; Э., с. 103; П., с. 69; Д., с. 54; Канонагирк, с. 197.
- ¹³⁷Иерей и священник представляют собою одинаковый чин, но различаются в достоинствах. Иереи служат в селах, поселках, а священники - в городах. Армянский судебник Мхитаря Гоша. Перевод А. Паповяна, с. 125;
Смбат Спарпет. Судебник, с. 65-68.
- ¹³⁸ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 98; П., с. 66 "...учиться у него духовным порядкам по книгам"; Д., с. 51, "согласно Писанию".
- ¹³⁹ИА, кн. I, гл. 26.
- ¹⁴⁰Э., с. 98; П., с. 66 "...4 драхмы священнику, 2 - дьякону"; Д., с. 51 "when they are ordained, a priest must give four drams and a deacon two".
- ¹⁴¹ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 99; П., с. 67, "хостак" переводит "сын"; Д., с. 52, "хостак" переводит "property".
- ¹⁴²Аревшатын С. (Шаапиванские каноны - древнейший памятник армянского права. Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1959, № 2-3, с. 340) переводит "женатый иерей".
- ¹⁴³Здесь, видимо, нет никакого различия между иереем и священником.
- ¹⁴⁴Канонагирк, с. 61;
Аревшатын С. Шаапиванские каноны, с. 340.
- ¹⁴⁵П., с. 68 и Д., с. 53 пропущено "ученики".
- ¹⁴⁶П., с. 68, пропущено "товарищи", Д., с. 53 "если его люди...".
- ¹⁴⁷П., "...но ежели ученики были пьяны".
- ¹⁴⁸Д., "отслужит Мессу".
- ¹⁴⁹П., с. 68 "...священник отслужит обедню и прогонит народ с проклятиями"; Д., с. 53 "the priest is to celebrate a Mass and the congregation is to drive the others out and curse them".
- ¹⁵⁰ИА, кн. I, гл. 26.
- ¹⁵¹Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 420-421.
- ¹⁵²ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 100; П., с. 67; Д., с. 52.
- ¹⁵³ИА, кн. I, гл. 26; Э., с. 100; П., с. 67; Д., с. 52. "A priest who ministers to a large vilage shall not minister to another. Should two small hamlets be close to one another, one priest may minister to them".
- ¹⁵⁴ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 102-103; П., с. 69, Д., с. 54.
- ¹⁵⁵Канонагирк, с. 77-79.
- ¹⁵⁶Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 413.

¹⁵⁷П., с. 69 и Ш., с. 188 пропущена целая строка: "и епископ не посмеет без их (ведома) назначать и изгонять"; у Д., с. 53, пропущено отрицание не (ми) "... the bischop, however, may dismiss and appoint priests without consulting them".

¹⁵⁸ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 102; П., с. 69; Д., с. 63.

¹⁵⁹Канонагирк, с. 127;

Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 425.

¹⁶⁰П., с. 68 "Они в селе две или три церкви обращают в монастыри"; Д., с. 53, "built two or three churches or monasteries in one village...". Думается, что если бы в данном каноне речь шла об обращении церквей в монастыри, то и далее в этом каноне говорилось бы о монастырях - "ванк" и ее доходах, а не церквах - "екегеци" и церковных доходах.

¹⁶¹П., с. 68. "Так было угодно царю приказать епископам и дворянам оставить устроенные церкви...".

¹⁶²ИА, кн. I, гл. 26; Э., с. 102.

¹⁶³Армянский судебник Мхитара Гоша. Перевод А. Паповяна, с. 129-130.

¹⁶⁴Там же, с. 69-70.

¹⁶⁵Смбат Спарает. Судебник, с. 51.

¹⁶⁶Армянский Судебник Мхитара Гоша. Перевод А. Паповяна, с. 36-37.

¹⁶⁷ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 100; П., с. 67; Д., с. 52.

¹⁶⁸Бытие, IX, 6.

¹⁶⁹ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 100; П., с. 67; "Никто не должен жениться на родственнице; не жениться на жене брата"; Д., с. 52. "A man may not marry a woman related to him in the third degree he may not marry his brother's wife".

¹⁷⁰Левит, XVIII, 6-8; XX, 17;

Армянский судебник Мхитара Гоша. Перевод А. Паповяна, с. 109.

¹⁷¹Канонагирк, с. 232-233;

Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 148.

¹⁷²Syrisch - romisches; Rechtsbuch, s. 95-141.

¹⁷³Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 468.

¹⁷⁴Канонагирк, с. 14.

¹⁷⁵Там же, с. 73-76.

¹⁷⁶Там же, с. 170;

Сукиасян А. Г. Там же, с. 468.

¹⁷⁷ИА, кн. III, гл. 13, Э., с. 359; П., с. 255; Д., с. 204-205.

¹⁷⁸Там же.

¹⁷⁹П., с. 67 "Тот, кто оставляет жену без причины и берет другую женщину без венца - злодей человекоубийца"; Д., с. 52, "He who abandons his wife without cause, or lives with a woman outside wedlock, or is lawless a murderer...".

¹⁸⁰ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 100; П., с. 67; Д., с. 52.

¹⁸¹Канонагирк, с. 64;

Аревшатын С. Шаапиванские каноны, с. 341.

¹⁸²Левит, XXIV, 17; Исход, XX, 13; Числа XXXV, 16, 17, 31.

¹⁸³Левит, XX, 27.

¹⁸⁴Канонагирк, с. 67-68;

Аревшатын С. Шаапиванские каноны, с. 342.

¹⁸⁵ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 100; П., с. 67; Д., с. 52, по иному - "Of those who mourn for the dead, let the head of the household and the gusans be bound brought to the royal court"...

¹⁸⁶Канонагирк, с. 69-70;

Аревшатын С. Шаапиванские каноны, с. 343.

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ И АЛБАНЫ

¹⁸⁷ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 100; П., с. 67-68; Д., с. 52.

¹⁸⁸Левит, XI, 40.

¹⁸⁹Левит, XVII, 15.

¹⁹⁰Каногагирк, с. 14.

¹⁹¹П., с. 68; Д., с. 52 "Кто ест мясо в среду или в пятницу перед великим постом, пусть постится одну неделю".

¹⁹²ИА, кн. I, гл. 26, Э., с. 101; П., с. 68; Д., с. 52.

¹⁹³Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 437.

¹⁹⁴Меликсет-Беков Л. М. Об источниках древнеармянского права, с. 147,

Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 389-390.

¹⁹⁵Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении, с. 389-390; Меликсет-Беков Л. М. Об источниках, с. 147.

ГЛАВА VI. ОТ АЛБАНИИ ДО КАРАБАХА

§ 1. Албанское население Карабаха-Аррана в XIV–XIX вв. и его деэтнизация

На территории Арцаха в XIV–XIX вв. наряду с албанами проживали турки и курды. Еще в III в. барсилы, савиры, гунны, хазары и другие тюркские племена осели в Арцахе.¹ Как отмечал З.М.Буниятов, до покорения Азербайджана монголами его население, в том числе и население Аррана (Карабаха), формировалось как тюркоязычный этнос.² Из сведений автора XIII в. «Аджаиб ад-дунья» становится ясным, что турки являлись основным этносом в Арране, в котором насчитывалось 100 000 тюркских всадников.³ В Арране, отмечает Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави (XIII в.), «имеется столько туркмен, что если они соберутся, то будут как скопища муравьев или туча саранчи».⁴ Как писал путешественник Иоганн де Галлонфонтibus, Арран «находился под властью сарацин (мусульман)».⁵

Согласно данным источников, албаны проживали на Кавказе наряду с другими народами и этнически были от них независимы. Упоминание Киракосом Гянджинским в своем труде албан в качестве самостоятельного этноса наряду с другими народами,⁶ а также упоминание этим же автором Албании наряду с Грузией является наглядным свидетельством независимости албанского этноса и поздней Албании.⁷

Уникальные сведения приводит албанский автор XIX в. Маркар Бархударянц из колофона албанского евангелия, найденного им в монастыре Таргманчац в Гардмане о событиях XIV в., об албанском князе XIV в. Григории, сыне великого Гасана, владельца Албании [Арцаха. – Ф.М.]. Сам Григорий был владельцем Малого Сюника в XIV в. «Ныне, как во все века, так и в наше скудное время, восстала христоролюбивая и благословенная из женщин Аспа дочь Тарсаича, владельца Сюникского, которая была супругой великого и славного князя князей Григория... во время и в век всемирного владычества и царствования во всех странах народа стрельцов, который господствует от моря Понтийского до моря Каспийского и от реки Евфрат до той стороны

Кавказских гор, главой которых и ханом-самодержцем был прозванный завоевателем Харпанда в 761 (1312) г. В это время появился некий великий и знатный, с родовым княжеством, достоинством из рода великих, из легиона прославленных, Григорий великий князь, владетель и парон Малого Сюника, Х'Андаберта и Акана, и Высокого озера Гегамского, от Сота по Шахлага /Мрав и Гегамская Большая горная цепь/, сочетавшийся браком с дочерью князя Тарсаича с Аспой. От нее родились сыновья и дочери, одного из них, по имени Саркис, он с младенчества посвятил Христу, тот по призванию души достойно прошел все степени священничества и достиг сана епископа Хаченского, со светской властью, перешедшей к нему от предков, он воспринял также власть духовную. Итак, в этом году, т.е. в 760 (1311) г. преставилась из сего мира Аспа к Христу и была погребена в гробнице в святом братстве Хатарского монастыря [Хатра или Хатраванк. – У.Г.], по этой причине великий парон Григорий преподнес ее могиле многочисленные дары, деревни, поля... при этом украсил великолепно и сие святое евангелие золотой оправой и пожаловал могиле ее и в память своих предков» (*М.Бархударяни, «Арцах», II, с. 304–306*). М.Бархударяни сообщает, что Аспа была дочерью великого сюникского князя Тарсаича из известного рода Орбели и Мина-хатун, дочери албанского (хаченского) князя Джалала. Что же касается князя Григория Допяна, чьей женой была Аспа, то он являлся «сыном великого князя Х'Асана, владетеля Агванского» (*М.Бархударяни, «Арцах», II, с. 205–207, 211*).⁸ Колофон свидетельствует о родственных связях владетелей Хачена и Сюника, что делало князей – владетелей этих двух албанских областей более могущественными.

Далее сведения об албанах сохранились у армянского историка XIV–XV вв. Фомы Мецопского, очевидца нашествия Тамерлана на Кавказ, согласно которому Тамерлан, разбивший лагерь в Карабахе в 1386, 1399 гг., переселил 10 тыс. албан и поселил их в Хорасане и в Афганистане. По словам же Есаи Хасан-Джалалаяна (албанского автора XVIII в.): в районах Хорасана и Кандагара обитало племя, именуемое афганцами, которое происходило от обитателей Кавказа: родом агваны, которых переселил Ланг-Тамур в количестве 25 дымов. Будучи христианами, эти агваны спустя некоторое время были обращены в маго-

метанскую веру. А впоследствии Шах-Аббас, завоевав Кандагар, подчинил своей власти этих агван.⁹

В XV в., когда на территории исторического Азербайджана образовалось государство Кара-коюнлу во главе с Джаханшахом (1436–1476), то Карабах-Арцах, Сюник вошли в состав государства Кара-коюнлу. После гибели Джаханшаха в битве с Узун Гасаном – вождем союза племен Ак-коюнлу, Карабах-Арцах, Сюник, как и остальные владения Кара-коюнлу, вошли в состав нового государства. Еще в XV в. Гасан Джалаловский род получил от Джаханшаха титул «мелик», который стал прилагаться и к дочерним линиям Гасан Джалаловского рода. Род сам распался на пять дочерних линий – феодальных владений-меликств. Так образовалась «пятерица» – хамсэ албанских меликств: Гюлюстан, Джраберд, Хачен, Варанд, Дизак.*

С XV в. до 1836 г. представители Гасан Джалаловского рода почти всегда становятся наследственными духовными властями албанского населения – католикосами Албанской Автокефальной Церкви (в Гандзасаре). Гасан Джалаловский род и в XVI–XVIII вв. продолжал играть важную роль в политической и духовной жизни Арцаха.

Повествуя о походе сефевидского шейха Гейдара в 1488 г. в Ширван и Дагестан, историк Фазлуллах ибн Рузбихан сообщает некоторые сведения о Карабахе-Арцахе. Так, когда шейх Гейдар достиг округа Джалберт (Чарберт >Джраберд) в области Барды, он «ограничил его и забрал имущество общины зиммиев». Эти зиммии – албанцы-христиане «жили в мире и, уплачивая джизью и ушр (десятину), были освобождены от страдания и зла».¹⁰ Ибн Рузбихан отмечает, что данный округ был ленным владением

*Титул "мелик" прилагался к фамилиям - владельцам княжеств-меликств. К примеру, Мелик-Аслановы, Мелик-Егановы. Очень примечательно, что изначально меликства характерны только для Арцаха-Карабаха, позднее они появились в Шеки, Лори, Шамшаддилье, Тбилиси, в Кахетии, Картли. После 1836 г., после упразднения Албанской Церкви, согласно конфессии из одного албанского меликского рода (патронимии) образовались: мусульманская - тюркская, православная - грузинская и армянская - григорианская фамилии. К примеру, азербайджанцы и армяне Мелик-Аслановы, Мелик-Егановы и т.д. Мелики Карабаха в письме к русскому императору именуют себя "наследниками албанских Аршакидов". В Азербайджане до сих пор имеются и имелись потомки Гасан Джалаловского рода (мусульмане и армяне - григорианизированные), которые помнят и помнили свои албанские корни, хранят память прошлого.

(олька) Верховного судьи государства (кази-ал-кузат). Летописец правления Якуба пишет, что зимнее время государь проводил или в Тебризе или в Карабахе – в районе Караагача, где он заболел и умер в конце 1490 г.¹¹

В XVI в. Карабах-Арцах вошел в состав азербайджанского государства Сефевидов в качестве административной единицы Карабахского (Гянджинского) беглярбекства со столицей в Гяндже. В период османо-сефевидских войн (1578–1590) албанское население Хачена-Арцаха обращалось к шаху Аббасу I с просьбой о помощи и освобождении от турецкого господства. Современник событий, уроженец области Цар в Малом Сюнике, Иоаннес Тцараеци, восходящий к роду албанских меликов, сообщает, что хаченцы-арцахцы направили своего князя Хачена Джалала посланцем к шаху Аббасу с этой миссией. Шах Аббас путем обещаний и присвоения громких титулов албанским меликам привлек их на свою сторону. Но во время отступления его из Закавказья произошло насильственное переселение части албан, албанских меликов в провинции и области Ирана (1605 г.). Князь Джалал, сын Мехраб-бека, в 1606 г. оставил колофон в фамильном евангелии Асан Джалалянов, в котором изложена безысходность страны.¹²

После нового занятия Карабаха войсками шаха Аббаса I (1606) Каджары вернулись на свои исконные поселения и шах снова пожаловал Карабах в управление фамилии Зийад оглы. Беглярбек Мухаммед хан погиб во время восстания гянджинского населения в 1614 г. Шах жестоко подавил восстание гянджинских райятов, казнив 40 «главарей мятежа и переселив остальных в Мазандаран».¹³ При назначении Келбали хана карабахским беглярбеком, в составе беглярбекства которого были албанские меликства, на него было возложено и правление Кахетией. Вообще, во второй половине XVII в. управление Карабахским (Гянджинским) беглярбекством соединялось с властью над Кахетией. Так, К.М.Рохборн указывает, что гянджинский беглярбек был одновременно правителем (хакимом) Кахетии и управлял ею из своей резиденции в Караагаче.¹⁴

В конце XVII – начале XVIII вв. в Арцахе-Хачене-Карабахе и Сюнике началось освободительное движение албанского населения против персидского и османо-турецкого господства. Это

движение возглавили наследники древней княжеской царской династии Хачена, представители албанских карабахских и зангезурских (Сюник) меликских родов – Исраил Ори, Давид-бек и албанский католикос Есаи Хасан-Джалалян. В поисках путей освобождения они связывали свои надежды с Россией. Исраил Ори посетил Германию, Италию, Францию, Россию, пытаясь заинтересовать своим планом европейские страны, а также Петра I, который обещал оказать помощь. Как было отмечено ранее, албанские мелики вместе с грузинскими войсками, возглавляемыми грузинским царем Вахтангом VI, должны были в Шемахе соединиться с войсками Петра I. Но, как известно, поход Петра I в Шемаху не состоялся.¹⁵

К Петру I обращались и в 1723 г. албаны из простого люда: «...Последний и нижайший слуга Иса провинции Паранту и села Гюлистан со всеми афганскими > агванскими [албанским] народами... с сокрушенным сердцем слезно стопами Вашего Величества доносил, на пред сего многие мы претерпели напасти, обиды и разорения от *безверных христиан*...»?¹⁶

Еще в XVII в. в Карабахе-Арцахе зародилось социальное движение крестьян албанского населения, направленное против духовных и светских феодалов под руководством Мыхлу (Мехлу)-баба. Сведения об этом движении сохранились у Захария Саркавага (*История*, II). Мыхлу-баба проповедовал полный отказ от богатства, призывал изгонять духовенство, не платить ему никаких податей. Движение из Карабаха перекинулось в Ереван. К движению примкнули и крестьяне-мусульмане. «В этом движении было объединение армянских [читай – албанских. – Ф.М.] и азербайджанских крестьян против землевладельцев».¹⁷ Согласно сообщению Захария Саркавага (*История*, II), против проповеди Мыхлу-бабы выступили албанский патриарх, эчмиадзинский патриарх и ереванский хан. Мыхлу-баба нашел защиту от преследования у правителя Гянджи Давуд-хана. Но ереванский хан изгнал Мыхлу-бабу за пределы Еревана, в Малую Азию.

После коронации, Надир шах (1736 г.) жестоко расправился с карабахцами. Илатов, казахов и борчалу, подчиненных Карабахскому беглярбекству со своими элбеками-феодалами он подчинил царю Картлии – Теймуразу. Население из племен Джеваншир, Отуз ики и Кебирли было приказано переселить в мест-

ность Серасха Хорасанского вилайета и на границу Афганистана. Одновременно албанским меликам (Хамсе) была дана «свобода», чтобы они больше не подчинялись Гянджинским-Карабахским беглярбекам, а лично шаху.¹⁸ В Нагорной части Карабахского ханства продолжали существовать пять вассальных меликств христианских албанских феодалов. Сооружение Панах Али ханом крепости Баят и растущее могущество Карабахского ханства, прежде всего, беспокоили местных христианских меликов и правителей Шеки и Ширвана. Они договорились совместно выступить против Панах Али хана. Мелики сообщили шекинскому хану Хаджи Челеби (мусульманину), который в свою очередь восходил к одному из родов албанских меликов, что «Панах хан строит крепость и сооружает укрепления, что если его затея своевременно не будет уничтожена впоследствии, невозможно будет устоять перед ним».¹⁹ После письма карабахских меликов, шекинский хан со своими союзниками-шемахинцами осадил Баят и в течение месяца неоднократно штурмовал его, но тщетно. Кроме варадинского мелика Шахназара, с которым Панах Али хан породнился, других меликов он заставил подчиниться себе силой оружия. Последние проявили лишь внешнюю покорность.²⁰

Ибрагим Халил хан, карабахский хан, счел необходимым, в первую очередь, добиться признания своей власти пятью христианскими албанскими меликами, которые до этого изъявили покорность Панах Али хану, но после его смерти вели себя почти самостоятельно. Среди карабахских меликов особенно отличались дизакский мелик Есай, джелабертский Меджлум и гюлистанский Абов. Защищая свое положение крупных феодалов, они стремились к полной политической самостоятельности и независимости от Ибрагима Халил хана. Поэтому последнему пришлось предпринять целый ряд войн против этих меликов.²¹ Из пяти карабахских меликов только двое – варадинский мелик Шахназар и хаченский мелик Мирза хан решили без борьбы покориться Ибрагим хану. Началась длительная и упорная борьба с остальными тремя меликами, в конце концов, завершившаяся победой Ибрагима Халил хана.²²

Вопрос об освобождении карабахских меликств вновь возник при русской императрице Екатерине II. В проекте Потемки-

на по этому поводу сказано: «...воспользуясь персидскими неустройствами занять Баку, Дербент, др. земли, присоединить Гилян, захваченную территорию назвать Албанией, как было ранее – будущего наследия великого князя Константина Павловича».²³

Примечательно, что, русское правительство предусматривало возродить не Армянское царство, а Албанское, отдавая дань историческим реалиям и вынашивая определенные планы. В письме Потемкина, адресованном Безбородко, читаем: «Великую можно приобрести из сего пользу и миролюбно устроить край армянский [видимо, г. Ереван с окрестностями, который был наследственным владением азербайджанского хана, но где, вероятно имелось незначительное армянское население. – Ф.М.] и ту часть, которую составить должна Албания, так же царства Ираклиева».²⁴ Следовательно, в XVIII в. в интересы России входило создание на Кавказе трех христианских государств. Русский полководец А.В.Суворов был кровными узами связан с карабахскими меликами. Отсюда понятны и его интерес и поддержка карабахских меликов. Планы его предусматривали также освобождение земель карабахских меликов и земель Ереванского ханства.

Положение Карабахского ханства, после 1797 г., было тяжелым в результате двух последних нашествий иранских войск и предшествовавших междоусобиц. Экономическая жизнь ханства была расшатана, хозяйства многих крестьян уничтожены, часть подданных разбежалась. В области политической жизни все больше давала о себе знать русская ориентация карабахских албанских меликов, по просьбе которых «предложено было шушинского хана Ибрагима изгнать из Карабаха и Карадага, составить албанскую, ни от кого, кроме России, независимую область...», вверить управление одному из наиболее уважаемых меликов.²⁵

Важным источником для воссоздания истории Албанской Церкви XVI–XVIII вв., ее монастырей, церквей являются колофоны албанских евангелий из албанских церквей, в которых прослеживается преемственность и непрерывность власти албанских католикосов в период XVI–XVIII вв., причем каждый раз отмечается «в патриаршество дома Агванского» и далее дается имя католикоса. Ценность рассматриваемых колофонов в том, что с их помощью можно воссоздать и дополнить списки албанских патриархов-католикосов. В статье «Албанская Церковь»,

написанной армянскими авторами под инициалами Э.Н.Г. и опубликованной в Православной энциклопедии,²⁶ дан список албанских патриархов, в котором не значится албанский католикос Григорий (1645–1650). Этот хронологический промежуток отсутствует в списке. Между тем имя его зафиксировано в колофонах евангелий, а колофоны – это надежный источник.²⁷

Важность колофонов евангелий албанских церквей в том, что они дают возможность проследить до XVIII в. включительно существование двух самостоятельных церквей – Албанской и Армянской, действующих на совершенно разных территориях, имеющих разные епархии, главы которых – равные сопрестольники. А благодаря труду М.Бархударянца становится известным, что албанский католикосат был самостоятельным еще и в 1828 г. (*М.Бархударянци, «Арцах», I, с. 5*).²⁸ А это опровергает сообщение – сведение в статье «Албанская Церковь» (в Православной энциклопедии), где утверждается, что Албанский католикосат был упразднен царским указом в 1815 г. и на его месте уже были созданы две епархии. Наводит на определенные мысли мотив авторов (или автора) данной статьи, который спешит ликвидировать, упразднить Албанскую Автокефальную Церковь (с ее этнокультурным наследием), передатировать этот позорный, невиданный в истории христианства акт с 1836 г. на 1815 г.

Рассмотрим еще несколько колофонов. В округе Гардман, в церкви св. Просветителя в селе Мец-Бананц сохранилось несколько евангелий, колофоны которых гласили: «В 1101 (1652) г. ...написано сие в стране Дзегам селении Меликзат, под сенью св. Богородицы и св. Фомы и др. св. мученика...»; «В 1245 (1796) г. во время Великого Поста тифлисский Ираклий царь грузинский наступил на Гянджу совместно с шамшадинским войском и Ибрагим хан шушинский совместно с лезгинами, местным властителем был Джавад хан, с трудом ускользнув из Калы, вели много войн, но не смогли победить его, дав приказ, пришел на нагорные селения Султан со своим шамшадинским войском и ложной клятвой выдал нас, взяли в плен и вырезали мечом, и мы, остальные разбежались в разные стороны, не нашли пристанища своим ногам». «В 1252 (1803) г. русский пришел на Гянджу, посидел один месяц, в течение часа захватил, в течение полутора часа умертвил 300 человек» (*М.Бархударянци, «Ар-*

цах», II, с. 296–298).

Колофон этого последнего евангелия, как видим, содержит весьма подробное описание исторических событий конца XVIII–начала XIX вв.: борьбу грузинского царя Ираклия II, шушинского Ибрагим хана, лезгин с гянджинским Джавад ханом, взятие русскими войсками Гянджи, бедствия, связанные с этими войнами и эпидемиями. И весьма примечательны слова писца колофона: «в это время мы возобновили сие святое евангелие, в память нашу и родителей наших».

Памятные записи в албанских евангелиях албанских церквей представляли собой своеобразное продолжение албанской историко-литературной традиции, были своеобразными летописями-хрониками. Изучение колофонов этих евангелий свидетельствует о том, что албанские евангелия писались как в периоды расцвета албанского княжества, албанской культуры, так и в годы нашествий разных завоевателей, в периоды эпидемий, голода. В них записывали все исторические события, происходящие с албанцами того или иного округа и Арцаха, в частности. Важно отметить, что события датировались синхронно с событиями соседних стран, что являлось продолжением албанской традиции датировки событий с синхронизацией, для того, чтобы донести до потомков историю своего этноса. Только Албанская Апостольская Автокефальная Церковь – в условиях постоянных нашествий, войн, отсутствия своего Албанского государства – могла сохранить рукописи и евангелия, координировать и объединять христианское албанское население фактически до 1828 г., а юридически до 1836 г.²⁹ Таким образом, евангелия и колофоны были носителями исторической памяти своего этноса. Следует отметить справедливое наблюдение, что М.Бархударянц при его кропотливом изыскании и описании не называет ни одного евангелия, датированного после 1836 г., когда Албанская Апостольская Автокефальная Церковь была упразднена и подчинена Армянской Эчмиадзинской Церкви. Это наблюдение наводит на справедливую мысль, что Армянская Эчмиадзинская Церковь после 1828 г. стала последовательно и педантично трансформировать их, как и все албанское наследие, в армянское.³⁰

Заслуживает особого внимания информация М.Бархударянца, что «еще в 1828 г., по свидетельству очевидцев, эти [албанские]

монастыри были обитаемы и в цветущем состоянии» (М.Бархударяни, «Арцах», I, с. 5). Эта информация свидетельствует, что в мусульманском-тюркском окружении албанские христианские культовые центры сохранились и продолжали быть в полной сохранности до 1828 г. включительно. После упразднения Албанской Апостольской Автокефальной Церкви и ликвидации Албанского католикосата в 1836 г. албанские монастыри Арцаха перестали быть центром духовно-культурного единения албанского христианского населения края. Будучи подведомственными с 1836 г. Армянской Эчмиадзинской Церкви, эти монастыри к концу XIX в. уже не имели никаких архивов и библиотек. все таинственно исчезло. Это было связано с тем, что сами монастыри физически уничтожались, разрушались, церковная служба в них не велась, практически прекратилась, а вся церковная литература была ликвидирована. Согласно сообщению М.Бархударянца, даже знаменитый Гандзасарский монастырский комплекс, место пребывания албанского патриарха, после 1836 г., вернее, уже к концу XIX в. (1895 г. – время написания труда М.Бархударянца) пришел в полное опустение. «...Этот дивный монастырь морально и материально разрушается; постепенно выпадают камни и уничтожаются, настилка крыши повреждена, ограда местами развалилась и не имеет приличных дверей, расхищены в большом количестве драгоценные рукописи, оставшиеся рукописи сделались, как мы видели, жертвой сырости и небрежности, в монастыре месяцами не совершается служба, ибо нет ни грамотных людей, ни школы, ни монахов, ни даже простых чтецов» [подчеркнуто нами. – Ф.М.] (М.Бархударяни, «Арцах», I, с. 160).³¹

В свете вышеизложенного совершенно беспочвенными, смехотворными представляются попытки армянских ученых и армянской общественности значительно позднее представлять Гандзасарский собор (комплекс) как армянский, созданный в армянской этнической среде. Если это соответствовало действительности, зачем надо было присоединять в 1836 г. к армянскому патриаршеству, специальным рескриптом царского правительства уже «присоединенный» Гандзасар? Совершенно очевидно, что в однородной этнической среде (будто бы армянской) не могут быть два самостоятельных патриаршества, две самостоя-

тельные церкви, именуемые различными этническими наименованиями – Албанская и Армянская. В таком случае одна из них должна быть Церковью и патриаршеством, а другая – епископством первой, управляемой епископом. Вот этого и добилась Армянская Церковь в 1836 г.

На начальном этапе завоевания земель (конец XVIII в.) Центрального Кавказа, Российское имперское правительство, с целью дальнейшего продвижения в южном направлении (через мусульманские державы – Персию и Османскую империю) стремилось укрепить свои позиции, в первую очередь, на завоеванном мусульманском Кавказе. Это предполагалось осуществить посредством как увеличения численности христианского населения, так и создания в регионе трех христианских этнополитических образований в составе Российской империи:

- Грузинского, объединив территории существующих грузинских государственных образований.
- Албанского, возродив одно из ранних христианских государств на базе автохтонного албанского этноса, сохранившегося на исконных землях и сохранившего Албанскую Апостольскую Автокефальную Церковь.
- Армянского, переселив христиан-армян из Ирана и Османской империи.

К началу XIX в. Российская империя полностью завоевала Восточную и Западную Грузию, ликвидировала автокефальность Грузинской Апостольской Православной Церкви (1811 г.) и для контроля назначила прокурора Святейшего Синода Русской Православной церкви.

В 1805 г. Россия завоевала Карабахское ханство, где более 1300 лет действовала Албанская Апостольская Автокефальная Церковь (монофизитская) со своей многочисленной паствой. Карабахские (албанские) мелики стремились реанимировать разработанную еще Петром I российскую концепцию возрождения Албанского царства, которую пыталась реализовать Екатерина II.³² Однако это им не удалось, т.к. геополитическая ситуация на Кавказе и вокруг него постоянно менялась, и имперская власть находилась в состоянии поиска модели административно-территориального устройства региона. Заключив мирные договоры – в 1828 г. Туркманчайский (с Персией) и в 1829 г.

Адрианопольский (с Османской империей), Россия получила возможность массового переселения персидских «армян» [это албаны, которые были переселены из Карабаха в Иран в начале XVII в.] и османских армян на завоеванные азербайджанские земли, и для усиления границ империи от мусульманских соперников в регионе создала новое христианское этнополитическое образование – Армянскую область из земель Нахичеванского и Эриванского ханств.

В свою очередь, Армянская Церковь, не имея никакой возможности создать свою государственность в пределах Персии и Османской державы и, учитывая геополитическую заинтересованность христианской Российской империи в формировании и использовании армянского фактора, сама добивалась эффективного использования России для достижения своей заветной цели. В этой связи Эчмиадзин любыми путями стремился создать «Великую Армению» на недавно завоеванных азербайджанских и грузинских землях, которые пока еще не были освоены самой Россией.³³

Армянская Церковь стала более решительно требовать у царского правительства ликвидации Албанской Автокефальной Церкви и передачи ее материально-культурного наследия Армянской Эчмиадзинской Церкви, *а албан считать этнически армянами*. В 1836 г. Российское правительство, приняв совместное Положение об Армянской Григорианской Церкви, включают в него специальный пункт об Албанской Апостольской Автокефальной Церкви, согласно которому Албанская Церковь лишалась автокефалии и переподчинялась Эчмиадзину. Одновременно были ликвидированы сан албанского католикоса, его канцелярия и архив.³⁴

Армянская Эчмиадзинская Церковь, захватив албанское этнокультурное наследие, приступила к его полной трансформации, что выразилось также в физическом уничтожении албанских евангелий, рукописей во всех монастырях и церквях Арцаха.

Подобная разрушительная деятельность осуществлялась Эчмиадзинской Церковью и армянскими учеными и в Грузии – по отношению к грузинскому религиозному и культурному достоянию, о чем с ужасом писал великий грузинский поэт И.Г.Чавчавадзе в своем труде «Армянские ученые и вопиющие

камни».

В своей работе («Русская колонизация на Кавказе») Н.Шарвов писал: «заезжий публицист предлагает разобраться, что же русская власть в конце концов собирается создать на Кавказе – Россию или Армению»?³⁵ Еще в начале XX в. русский кавказовед В.Л.Величко писал: «Среди непрошенных опекунов армянского народа мечта о создании автономного «царства», и притом именно в русских пределах, не гаснет, а все разгорается. В Турции не было территории – и она искусственно создается в Закавказье... упомянутые политиканы хотят извести... мусульманское население края и испортить репутацию мусульман, чтобы в будущем воспользоваться их землями».³⁶ Для того, чтобы закрепить позиции армян на Кавказе, царизму необходимо было исторически обосновать их присутствие в этом крае. Это можно было достичь путем уничтожения и трансформирования этнокультурного наследия коренных обитателей Кавказа, в частности, албан и грузин, в наследие армянского народа. В официальных российских органах печати по Кавказу, начиная с 30-х гг. XIX в., целенаправленно публиковали различные статьи, исторические обзоры, очерки, касающиеся прошлого Кавказа, Грузии, исторического Азербайджана и его составной части – Карабахского ханства (Арцаха), где албанское историческое прошлое уже представлялось как составная часть истории «Великой Армении», а его меликские дворянские фамилии уже именовались и преподносились как армянские. Такой информационной агрессией Царская Россия узаконивала автохтонность армян на Кавказе и этим усиливала их позиции в регионе, что в свою очередь позволяло России в будущем реализовать свои стратегические цели.³⁷ И.Г.Чавчавадзе возмущенно писал о таком освещении истории коренных народов Кавказа в российской печати: «Весь шестидесятилетний период начинается русским писателем и русским же писателем заканчивается. Между ними целый ряд армянских грамотеев-писателей... Они словом и пером клянутся всему миру, будто испокон века по сю сторону Кавказского хребта, до истоков Тигра и Евфрата, почти от Черного и Каспийского морей, была так называемая Армения (будто Сомхетия, т.е. страна сомехов-гайканов)».³⁸ В записках П.Коваленского отмечалось: «Карабагские армянские мелики, в Грузии, водворяемые,

а именно, мелик Джимшид, сын мелика Шах-Назара, мелик Абов, сын мелика Иосифа, и мелик Фридон, сын мелика Бегляра, суть потомки меликов или владельцев карабагских, кои в числе пяти, по разорении царства Армянского от древности сохранили независимость своих владений до самых новейших времен». ³⁹

Г.А.Эзов в своем труде «Сношения Петра Великого с армянским народом» утверждает, что Ираклий просил принять Грузию под верховную власть русской державы, утвердить его с потомством в царском достоинстве, оставить в Грузии звание католикоса, но на самом деле, как считает Эзов, он предлагал русскому двору то, что принадлежало не ему, а Персии, просил царского достоинства, которого не имел в Персии. Но если бы Грузия, как пишет И.Г.Чавчавадзе, «не была царством, то в полном титуле императора Всероссийского не было бы, между прочим, титула «царь Грузинский». Все это делается для того, чтобы доказать, что Грузия – не Грузия, а древняя Армения». ⁴⁰

Историческое прошлое, настоящее и будущее Кавказа, в извращенном свете выставлялись армянскими учеными и политиками не только в российской печати, но и в зарубежной прессе, чтобы создать необходимое им мнение, а в дальнейшем снискать и поддержку за пределами Российской империи. Примером могут служить публикации корреспондента французской газеты «Temps» Кутули в 1877 г. По словам И.Г.Чавчавадзе, Кутули в течение двух месяцев находился в Тифлисе для сбора материала о народах, населяющих Кавказ. Он постоянно общался в Тифлисе с армянином Арцруни, редактором «Мшака» и руководителем либеральной партии, армянским «дворянским обществом», после чего в течение двух месяцев в газете «Temps» публиковал статьи о Кавказе. «По словам Кутули, в Закавказье живут представители четырех национальностей: армяне, грузины, татары и русские [*албан уже нет!* – Ф.М.]. Он восхищенно пишет о славе и величии армян, сообщает, что в истории Грузии нет ничего, чем бы мог ее народ гордиться, о татарах и русских не упоминает ни слова, как будто их нет вообще. Далее, он заявляет, что в конце столетия число армян увеличится и их станет больше, чем грузин. Армяне в будущем составят царство с 30-ю миллионами подданных. В завершение Кутули изрекает та-

кое пророчество: «будущее Кавказа принадлежит армянам, соседям же, грузинам и татарам, не остается ничего, как только обармяниться».⁴¹ Вся эта информационная агрессия была направлена, как пишет И.Г.Чавчавадзе, «ради того, чтобы доказать миру, что в Закавказье существует лишь одна армянская нация, издревле существующая, и будущее принадлежит скорее ей, т.к. она исторически доказала свою моральную и физическую мощь и незыблемость и величие ума. Армяне, мол, призваны Богом и историей со знаменем культуры в руках оживить не только Ближний Восток, но и дальнюю, дикую, невежественную Азию».⁴²

Уничтожение албанского этнокультурного наследия – яркое свидетельство тому, как армяне «со знаменем культуры в руках оживили» его. Как было отмечено, с помощью России армяне пытались обосноваться на территории Азербайджана и приобщиться к албанскому этнокультурному наследию, ассимилируя албан. В силу вышеизложенного российская политика предусматривала проведение скорейшей арменизации албанцев. Главным шагом в реализации этого плана было упразднение в 1836 г. Албанской патриаршей Автокефальной Церкви и подчинение ее Армянской Эчмиадзинской Церкви, после чего албаны по религии стали григорианами и стали считаться армянами. Часть албан и немалая избежала григорианизации-арменизации, приняв ислам, исламизировалась, а впоследствии тюркизировалась-азербайджанизировалась; часть албан, приняв православие – грузинизировалась, переселившись в Кахетию. Процесс деэтнизации албан был очень сложным, болезненным, вызывающим возражения. Интересен документ из Русского Синода, где говорится об албанце, добивающемся разрешения на изменение вероисповедания*: он хотел принять лютеранство, ибо по причине исповедания григорианства его считали армянином.⁴³ Были албаны, которые избежали арменизации.

* Причина подобного обращения албанца в Синод заключается в следующем: в 1830 г., согласно законоположению Российской империи, миссионерская деятельность католической и лютеранской церковью воспрещалась среди коренного населения Кавказа, что регулировалось местными властями. Эти конфессии могли принимать только пришлые этносы. Так, в Карабахе, Гяндже зародились армянские католические и лютеранские общины. Но в 1905 г., в связи с изданием манифеста о свободе вероисповедания, этот запрет был снят, поэтому албанец спрашивает разрешение.

(Выражаю глубокую благодарность Т.Гумбатовой за предоставленный документ (справку). – Ф.М.).

Область Карабах была быстро заселена армянами из Персии и Турции. Часть албан-удин переехала в нынешний Огузский и Кабалинский районы, сумела противостоять процессу григорианизации и арменизации. Помимо прочих причин это объясняется еще тем, что Кабалинский и Огузский районы были далеки от армянского заселения и не входили в планы арменизации России. Тем не менее попытка ассимиляции этих удин предпринималась Эчмиадзинской Церковью, которая запретила удинам после 1836 г. посещать албанские церкви (церковь, монастырь имени апостола Елисея, первого албанского апостола, просветителя I в., который удинами именовался также «Кала Гергец» – «Большой молебный дом»). Для удин была построена Эчмиадином (1853 г.) специальная армянская церковь, но удины перестали посещать как албанскую церковь апостола Елисея, так и не вошли в армянскую церковь, а также в албанскую церковь, построенную в XVIII в., переподчиненную Эчмиадину, а стали исповедовать христианскую религию в своих домах.

Чрезвычайно интересен другой документ из Синода, свидетельствующий о незнании армянского языка албанами-удидами еще в 1867 г., т.е. через 31 год после упразднения Албанской Церкви и безуспешной попытки подчинения удин Армянской Церкви. Вот что пишет бывший нухинский [область Шеки] викарий Аристакес о своем посещении в 1867 г. Карабахской епархии: «Я вошел в сельскую церковь– это была простая землянка, по середине которой, в ямке лежал пепел, оказывается, что сельчане имеют обыкновение перед обедней или после вечерни держат совет вокруг огня. Другая церковь – темный и полуразрушенный дом, без украшений и утвари, кроме засаленного Филона, с правой стороны алтаря висела гравюра, изображающая бомбардировку Севастополя... всюду приходится слышать жалобы мирян на священников во время богослужения: некоторые кое-как читали. но не умели говорить по-армянски. были и такие, которые ни говорить ни читать не умели. В недавнем прошлом народ этот весь целиком перешел в магометанство. остались только жители селения Ниджь и трех-четырёх деревень. И эта горсть народа, сохранивши свою религию, сама смеется над умственной и нравственной несостоятельностью своих священ-

ников». В том же году автор вышеизложенного сообщения доносил Синоду: «чувствительнее всего замечается недостаток порядочных священников в селениях Ниджъ, Мирзабеклу и Джорлу, говорят обыкновенно по-турецки и священники не умеют даже читать. Их поведение грубо и незаконно и служит очагом соблазна и отчаяния. В селении Ниджъ два священника во время венчания учинили драку на палках; священник селения Джорлу о. Саак самовольно обвенчал 18 пар в запретные дни Господних праздников, взяв за это большие деньги; с. Мартирос совершенно не умеет писать и не сведущ в совершении Таинств Евхаристии и крещения...».⁴⁴

Удины, чтобы не григорианизироваться, сохранить свою самобытность, обогатили христианство адептами язычества, создали религию синкретического единства первобытно-религиозных языческих представлений с христианством. Церемониал праздников представлял собой смешение удинского язычества и христианского культа, истоки которых восходят к древнеалбанским, что легко прослеживается. Так, в день «черного праздника» удины несут на кладбище долю покойника, что восходит к албанскому христианскому ритуалу выделения доли покойника – «подати за упокой души», которая еще с IV в. вносилась в церковь, но за непосещением церкви современные удины несут ее на кладбище и раздают прохожим. Удинские сказки, фольклор, отличающиеся краткостью и богатством содержания, сохранили как древнеалбанские предания, так и азербайджанские сказки.

У удин сохранилось предание о древнеалбанской храброй христианской святыне – великомученице Тагухи, культ которой высоко почитался в Албании, подобно культам Гаяне и Рипсима в Грузии и Армении, и который существовал в агиографической христианской литературе V–VI вв.

А в 1909–1910 гг. Армяно-григорианская Церковь, с разрешения Русского Синода, уничтожила в числе старых архивов и архив Албанской церкви, тщательно скрыв следы албанской литературы (ЦГИА, ф. 821, оп. 10, д. 89).

С целью арменизации удин в местах их проживания (Огузском, Кабалинском районах) в 1854 г. были открыты армянские школы, которые функционировали до 1937 г. Еще в 1875 г. в Елизаветпольской губернии для удин функционировала право-

славная удинско-русская школа. В 1931–1933 гг. было решено ввести обучение и на русском, и на удинском языках. Однако с 1937 г. удины перестали обучаться на родном языке, в связи с тем, что язык их не выходил за пределы мест их проживания. С 1938–1951 гг. удины обучались на азербайджанском языке, с 1952 г. – на азербайджанском и русском языках. Что же касается удин, проживающих в Грузии (Октембери), то обучение велось исключительно на грузинском языке.*

Итак, на протяжении веков, удины сумели остаться на своей исконной территории, сохранив культуру: язык, религию, свою самобытность, самосознание, этноним (самоназвание). Роль и значение удин в истории Азербайджана подобна роли кельтов в жизни и формировании англосаксонской и французской наций. Удины – прямые потомки албан, которые, в числе прочих являются предками азербайджанского народа и народов Дагестана.

Удины, в отличие от армян, являются автохтонами, язык их относится к северо-восточной кавказской языковой группе, он изобилует гортанными свистящими и шипящими звуками, а алфавит, как и у албан, состоит из 52 фонем (армянский язык относится к индоевропейскому, алфавит состоит из 36 букв).

Итак, с 1836 г. часть удин, лишенная церковной обители, не вошла в лоно ни одной из церквей: ни в Армяно-григорианскую Эчмиадзинскую Церковь, а то была бы арменизирована; ни в Грузинскую Православную, чтобы не огрузиниться. И в том, и в другом случае оставшаяся часть удин была бы деэтнизирована. Судьба их не имеет аналогов в истории христианства.

Рассмотрим на примере семьи Павла Флоренского историю семьи-фамилии одного албанского рода на протяжении конца XIX и начала XX (первой четверти) вв. «Сам Павел Флоренский – виднейший мыслитель российского Серебряного века, сумевший привнести новые мотивы (смысловые и стилистические) в классическую теологическую философию православия. Человек, в чьих работах история Церкви представляется – или предстает? – обновленной, отрешенной от напускной условности внешнего консерватизма».⁴⁵

* Арзуманян Алла. Удины. Вопросы этнической истории и культуры (Историко-этнографическое исследование). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ереван, 1987.

Семья Павла Флоренского: отец – Александр Иванович Флоренский учился во Владикавказской классической гимназии, перевелся в Тифлисскую 1-ую классическую гимназию, окончил Институт Гражданских инженеров в Санкт-Петербурге в 1880 г. и тогда же женился на Ольге (Саломии – Саломэ) Павловне Сапаровой (матери Павла Флоренского). Ольга Павловна Сапарова (Сапаровы восходят к одному из албанских меликских родов) родилась в 1859 г. в городе Сигнахе (Грузия). Отца ее звали Павлом Герасимовичем Сапаровым. Одна из сестер Ольги Павловны, Елизавета Павловна, была замужем за Сергеем Теймуразовичем Мелик-Бегляровым (Мелик-Бегляровы также восходят к албанским меликствам). Павлу Флоренскому на протяжении всей своей жизни стоило больших усилий выявить что-либо о прошлом своей матери, о ее родовых корнях, ибо на это было наложено табу. Об этом он сам пишет неоднократно. «Семья наша (родители и жившие тетки и дети – мы) представляли замкнутый мирок. И отец, и мать, в особенности мать, вели ее к уединенности от всего внешнего» (1916. IX. 7).⁴⁶ Читаем далее: «...какая-то малопонятная, но несомненно аристократическая гордость семьи, особенно у матери, и это при всем ее всегдашнем заявлении, что «мы – самые обыкновенные люди». Рассмотрим следующие выдержки: «...на почве отрешенности от жизни и своеобразного, внецерковного и внерелигиозного аскетизма – все это вместе вело к тому, что наша жизнь была жизнью на уединенном острове, ...на необитаемом острове, ибо людей мы не особенно долюбливали и старались держаться в стороне».⁴⁷ «Задача семьи была – изолироваться от окружающего. Наша жизнь была жизнью в себе, ...существованием, отрезанным от общественной среды и от прошлого. И в пространстве, и во времени были мы «новым родом», «новым поколением – сами по себе»..., мы, дети, почти не знали прошлого своей семьи, не говорили уже о нашем роде», «прошлое теоретически отрицалось, фактически не было известно, или почти не было известно». «...Отец и мать выпали из своих родов, ...нить живого предания выпала из рук их, отчасти и была просто выпущена. Мы, дети, о ней почти ничего не знали»; «быть без чувства живой связи с дедами и прадедами – это значит не иметь себе точек опоры в истории».⁴⁸ Павлу Флоренскому с большим

трудом наконец-то удалось выяснить кое-что о материнском роде Сапаровых. Он пишет: «Сапаровы были в числе *нескольких армянских родов*, относившихся к *неоднородной и этнически плохо промешанной массе* насельников Армении, к той ветви, которая самими армянами называется «*албаной*». Это ответвление древнейших насельников средиземноморского бассейна, так называемой средиземноморской расы. В качестве этнической подстилки эта раса легла в догомеровской Греции. В более чистом виде остатки ее дали древнейшие племена мидийцев и фригийцев. Углубляясь к северо-востоку, они частью смешались с окружающим приараратским населением, частью же сохранились тут *этническими конкрециями*. Одна из таких конкреций сохранилась до раннего средневековья у берегов озера Гокчи [Севан] и около этого времени, теснимая каким-то нашествием, продвинулась еще севернее, в нынешнюю Елизаветпольскую губернию [Гянджа]. Там образовалось пять самостоятельных областей или *меликств*, впоследствии подпавших вассальной зависимости Персии, затем Турции. Несколько родов, вышедших отсюда и частью поселившихся в Грузии и происходивших от владетельных домов этих областей, помнило и помнит в своем прошлом что-то особенное, хотя в большинстве случаев *плохо умеет выразить родовую память членораздельными словами. Мотивы родовой гордости давно забыты, но самое чувство превосходства от того не пропало*. Эти роды отличаются особой красотой, и среди них выделяется как известный в этом смысле род Сапаровых... Эти роды сравнительно с окружающими культурны и состоятельны, а Сапаровы были исключительно культурны и весьма богаты».⁴⁹

В этом большом эссе, несущем важнейшую информацию об албанских меликствах, о поздних албанах, имеются как неточности, так и ценные сведения. Действительно, есть данные, что в глубокой древности албаны-утии, кутии пришли на юго-восточный Кавказ из Средиземноморья, с запада,⁵⁰ существуют мнения, что в албанах антропологически присутствуют два типа – средиземноморский и кавкасионский. Помпей Трог приобщает к греко-италийскому корню также албанов и медов, включая, таким образом, в общую семью народов эллинского корня всю Переднюю Азию. Древние писатели отмечают внешние данные

албан – их красоту, высокий рост, светлые волосы и серые глаза. Считается, что эти черты присущи кавкасионскому типу. Что же касается до «албанских» этнических конкреций, то они, как известно, после распада Албанского царства (в пределах всей страны от р. Аракс до Дербента, от Хунаракерта до Каспия) сохранились с IX до XIX вв. в районе северо-запада исторического Азербайджана (Гах – Шеки – Загаталы) и юго-запада (Акстафа – Газах – район озера Гекча – Севан и Гянджа – Карабах – Сюник). Павел Флоренский, видимо, черпал сведения из других посторонних источников, данных армянами. И поэтому албанские меликства неправоммерно считает армянскими. Необходимо принять во внимание время написания Флоренским. Это первая четверть XX в. – 1923 г., когда албаны были уже деэтнизированы после 1828–1836 гг., когда часть исламизировалась-тюркизировалась-азербайджанизировалась, а оставшаяся часть, приняв православие – грузинизировалась, а часть – насильственным путем, приняв григорианство, подчинившись Армянской Эчмиадзинской Церкви, стала считаться армянами, арменизировалась. Часть Сапаровых была арменизирована, подчинившись Армянской григорианской Церкви, а часть исламизировалась и этнически считалась азербайджанцами-татарами (под фамилией Сафаровы). Но процесс этот был очень болезненным, сложным, не только для Сапаровых, что наглядно видно на примере первого поколения (после подчинения Армянской Церкви), матери Павла Флоренского Ольги Павловны, урожденной в 1859 г. и, которая свято, гордо помня свое албанское происхождение и несомненно зная о трагической судьбе своей Албанской Апостольской Автокефальной Церкви, в условиях современных ей реалий, вынуждена была с болью и горечью предать забвению свою историческую память – славное прошлое своего уникального албанского рода, албанского меликства. И единственное, что остается протестующей душе Ольги (Саломии) Сапаровой – так это отвергнуть Армянскую григорианскую Церковь как для себя, так и для своих детей, потомков. Тем самым этнически она перестает быть армянкой. Такой ценой она лишает всю свою семью церковной обители, без которой не может жить человек. Практически она повторила судьбу остальных албан-удин, сумевших сохраниться, точно такой же ценой, отвергнув Армянскую гри-

горианскую Церковь. Участь Ольги Сапаровой, ее потомков и других албан-удин – это трагическая судьба целого потерянного поколения и этноса.

Рассмотрим объяснения этому архисложному факту самого Павла Флоренского. В семье Флоренских не было религии, как пишет Павел Флоренский, не было исторической религии, в семье никогда не говорили о Боге: *«К неприличному относилась религия и все с нею связанное... О религии у нас никогда не говорилось ни слова, ни за, ни против, ни даже повествовательно, как об одном из общественных явлений»*.⁵¹ *«Но отцу были чужды и вялый атеизм и воинствующие безбожники»*.⁵² *«...Но все же в отце, не сознаваемая им и где-то глубоко была заложена склонность к Церкви... в своей боязни религиозной определенности отец (руководствовался) побуждениями более частными: семейные обстоятельства были источником их. Эти обстоятельства заключались в различии исповеданий, к которым по рождению принадлежали мои родители... Он не проявлял своей принадлежности к Православной Церкви из боязни хотя бы тончайшим дуновением холодного ветерка напомнить о своем православии маме; а мама старалась воздать ему тою же деликатностью и поступала так же в отношении Церкви Армяно-григорианской»*.⁵³ Это своеобразное отношение к Церкви родителей Флоренских Павел Флоренский пытается исследовать и объяснить, но понять ему самому чрезвычайно трудно, ибо он не располагает историческими реалиями.

Он пишет: *«...если бы не гиперестезия деликатности (и большее сознание объективного блага религии), то почему бы не постараться укрепить религиозное сознание в той же маме, почему бы не поддержать ее связи с Армянской Церковью, разъяснив, что принадлежность хотя бы к двум исповеданиям все же единит в самом важном и глубоком...»*.⁵⁴ Павел Флоренский усматривает причину непосещения Армянской Церкви в биографии матери, тем, что отец матери, Павел Герасимович Сапаров был не согласен на брак дочери Ольги – Саломии с Александром Флоренским, русским, православным. Но дело в том, что она вышла замуж после смерти своего отца. И эта причина, казалось, должна была отпасть. Суть была, конечно, в другом, что было непонятно Павлу Флоренскому. Он писал: *«Она [Ольга] всю жизнь*

считала себя как бы не принадлежащей к своему роду и до смешного скрывала даже самые пустяковые подробности прошлого, ...даже своим сестрам запретила сообщать что-нибудь детям, а детям – попытки расспросов».⁵⁵ Весь смысл не адекватного поведения матери Павла Флоренского раскрывается в следующих словах самого Павла Флоренского, который так и не понял смысла им же изложенного: «Если бы в самом деле весь род отверг ее [мать], то это бы еще не означало разрыва со своим *народом* и тем более со своею Церковью. *Может быть, ни ту, ни другую связь мать не чувствовала крепкой* [!!!]; но во всяком случае, в ее нежелании сказать хотя бы *слово по-армянски, или говорить и читать об Армении или об армянах*, равно как и зайти хотя бы из любопытства или нас завести в *Армянскую Церковь*, мне всегда чувствовалось нечто гораздо большее, нежели простая отдаленность и отсутствие интереса. *Мать боялась всего, что связано с Арменией*, а далее иррадиации, это распространялось, во-первых, на Кавказ вообще, во-вторых, на национальный и государственный вопрос, затем на вопрос религиозный и в особенности на вопрос родовой».⁵⁶ Далее: «...наше особое семейное обстоятельство, которое заставляло родителей наложить табу на религию. *Это обстоятельство было раной матери и с осторожностью с этой раной отца*».⁵⁷

Павел Флоренский, считая свою мать этнически армянкой, пытается проанализировать армянский этнос, его историю, особенности, чтобы понять причину полной отрешенности матери от этого этноса, этой культуры. П.Флоренский пишет: «Ни один народ за свою жизнь не затратил столько усилий на культуру, как армянский, и, кажется, ни у одного коэффициент полезного действия не оказался в итоге столь малым, как у него же. Наконец, и исключительная жизненность этого народа утомилась, и, самый старейший из всех, он оставил задачи государственного и культурного строительства и инстинктивно приложил заботу к задаче наиболее скромной – как сохранить в мире хотя бы существование малого своего остатка; в самом деле, все показывает предстоящее в будущем исчезновение самого народа... нельзя сохранить в истории того, что уже не имеет сил и воли раскрываться и духовно строиться... Мое личное убеждение: этому народу не только исторически безысходно, но и предстоит в качестве

культурной задачи раствориться в других народах, внося сюда фермент древней и от крепости уже непроизводительной в чистом виде своей крови».⁵⁸

Павел Флоренский, глубоко заблуждаясь, считает род Сапаровых армянским. Но как известно из истории армянского народа, армянам абсолютно не свойственно скрывать свой род, тем более значимый, аристократичный, свой этнос. Истории известен институт меликств с XV по XIX вв. на территории исторического Азербайджана, применимый только к христианскому албанскому населению и, частично, к меликам, принявшим православие и огрузинившимся. А в Армении, вернее, к территории расселения армян этот институт меликств не характерен, ибо он восходит к правителям Кара-коюнлу, государства, образовавшегося на территории исторического Азербайджана. А армяне, феодальные роды которых были созданы в Восточной Анатолии, с XII в. и далее пребывали в блуждании, странствовании, как и в предшествующий период (см. Локализацию армянских патронимий, § 3 данной главы). Кроме всего прочего, попытки Павла Флоренского понять, видеть причину отрешенности своей матери от Армении, армян, Армянской Церкви в различии вероисповеданий родителей (православии отца и григорианстве матери) или же в несогласии отца матери на брак дочери – все это не причины и мотивы, способные побудить такое глубокое неприятие, антагонизм со стороны матери ко всему армянскому. Причина всего изложенного кроется в том, что Ольга Сапарова – албанка по происхождению, прекрасно помнит, знает свои глубокие албанские корни, богатую самобытную албанскую культуру, которую именно по милости той, неприязненной ей Армянской григорианской Церкви, Царское правительство и Православная Церковь России подвергли насильственной деэтнизации, арменизации (отсюда ее неприязнь и к православию). Остается бесспорно одно – Сапаровы были албанами, отношение матери Павла Флоренского к Армении, армянскому этносу, Армянской Церкви, даже к своему прошлому, роду – яркое свидетельство вопиющего протеста за сломленную, погубленную судьбу албанского этноса.

Вышеизложенные факты глумления Эчмиадзинской Церкви над албанским этносом еще раз подтверждают мысль о целенаправленной агрессии армян, направленной на уничтожение и

присвоение чужого этнокультурного наследия коренных жителей Кавказа – албан (агванцев) и грузин, в целях создания и восполнения отсутствующего своего исторического наследия на Кавказе, что стало возможным только благодаря колониальной профессиональной политике царизма на Кавказе. Подобного акта и деяний не знает история человечества.

§ 2. Албаны и этногенез азербайджанского народа

Азербайджанский народ сформировался из трех мощных основополагающих этнокультурных пластов – кавказоязычного (албан), персоязычного (мидийцев, курдов, талышей, татов) и тюркоязычного.

1. Исторически сложилось так, что именно Азербайджан (Северный) является наследником всех государственных образований на его территории, самым ранним из которых является Кавказская Албания (IV в. до н. э. – VIII в. н. э.). Здесь шел интенсивный процесс формирования новой этнической общности – албан путем консолидации близких по происхождению и языку кавказских племен (албан, гелов, легов, утиев, гаргаров, чилбов-сильбов, лпинов, цодов – автохтонов кавказского происхождения).⁵⁹

Образование албанской народности с албанским самосознанием происходило в условиях наличия стабильного политического фактора – 1000-летнего Албанского государства на стабильной территории (от р. Аракса на юге до Дербента на севере); при наличии преемственности и непрерывности правителей Албании; наличия Албанской Апостольской Автокефальной Церкви; албанского языка (нахско-дагестанской группы), албанской письменности, развитой церковной и историко-литературной традиции в IV–VIII вв; [богословской литературы – свой албанский перевод Библии, свой лекционарий (З.Н.Алексидзе); «История» албанского католика Виро (VII в.), элегия на смерть Джаваншира албанского поэта Давтака, и, наконец, «История албан» Моисея Каланкатуйского (VIII в.); каноническая литература – «Агуэнские каноны» V в.]

О позднем и долгом применении-использовании албанского

письма свидетельствуют сообщение албанского историка XIV в. Хетума, а также «обнаруженные на Востоке в XVII–XVIII вв. святыми Отцами рукописи, изначально написанные на албанском языке, а затем переведенные на армянский». ⁶⁰ И, наконец, в XX в. французский ученый Бернар Утье вновь выявил в Иерусалиме рукопись, написанную на албанском языке, потом переведенную на армянский. ⁶¹

Албанское самосознание, зафиксированное в самоназвании – этнониме «албаны» четко прослеживается в пределах всей страны (I–VIII вв.) и в отдельных ее частях (до XIX в.). ⁶²

2. Албаны в I–VIII вв. были политически доминирующим этносом, но не всеобщим. В Албании издревле жили ираноязычные племена, постоянно насаждаемые персидскими царями – Ахеменидами, Аршакидами, Сасанидами, особенно на территории западного побережья Каспия (таты, талыши, курды). Здесь была этническая пестрота (Маскутское царство). С первых веков во многих областях Албании уже компактно жили тюркоязычные племена, ряды которых постоянно пополнялись, обновлялись, особенно в III–V вв. и далее, когда произошли огромные переселения степных кочевников, затронувших как Кавказ, Иран, так и другие страны. ⁶³ Благодаря проникновению и массовому компактному оседанию тюрков (гуннов) болгаро-савирского круга племен в Северном и Южном Азербайджане прослеживается этнокультурная интеграция двух частей исторического Азербайджана.

3. Арабы – носители новой уникальной религии – произвели коренные изменения в судьбах населения Албании и Атропатены. Ислам, вытеснив язычество, христианство с его ересями, тангриганство, огнепоклонничество, стал единственным вероисповеданием и албан, и тюрков, и ираноязычного населения. Тем самым он стал цементирующей основой в процессе интеграции разноязычных этносов. И в будущем ислам станет фактором этничности. А тюркский этнический пласт, получая постоянную подпитку, обновляясь, пополняясь тюркскими напластованиями, меняя этнодемографию страны, с помощью ислама исламизируясь, сам активно ассимилирует албан и другие этносы, также принявшие ислам. Албаны равнинной части страны деэтнизируются, часть албан эмигрирует. Это – первая волна эмиграции ал-

бан-павликиан, которые устремляются далеко на запад, в Византийскую империю, на Балканы.⁶⁴ Но большая часть албан сумела сохраниться на исторической родине, в ее гористых местах – в Арцахе, Сюнике, Шеки, Парисосе со своей самобытностью, самосознанием в тюркско-мусульманском и иранско-мусульманском окружении. Эти албаны в IX–X вв., управляемые прямыми потомками албанских правителей Михранидов (Григори Хамамом и его сыном – Сааком Севадой, а также Иоанном Сенекеримом) сумели возродить Албанское царство в Арцахе, Сюнике, Шеки-Камбисене и расширить его владения за счет албанской провинции Утика, даже Ширака в Араратской провинции (*Каланкатуйский*, III, 21, 22).

Народами, втянутыми в орбиту Халифата, была создана мусульманская культура, определившая на многие века мировоззрение, традиции, этические нормы, даже чувство этнопсихологической принадлежности к мусульманам. Но это будет позднее, не ранее XII в. В Атропатене тюркоязычные народы тоже стали доминирующим этносом. В IX–X вв. в историческом Азербайджане создавались государства (Саджидов, Саларидов, Ширваншахов (1000-летнее), в составе которых были возрожденные албанские царства). Думается, что у населения, пребывающего в составе разнообразных политических образований, управляемых разными династиями (этнического происхождения и быстро сменяющихся), не могли сложиться тесные экономические и политические связи, столь необходимые в формировании единого языка, единого этнического самосознания.

Арабские авторы X в. отмечали, что «общим языком» в Ширване и Арране были фарсидский, арабский (купцы и феодалы) и что жители Барды говорят по-«аррански»⁶⁵ - видимо албанский.

4. В XI–XII вв. образование могущественной Огузской империи Сельджукидов, в состав которой вошел Азербайджан, изменило политическую и этническую карту Ирана, Кавказа, исторического Азербайджана. В этот период наблюдается массовое переселение на территорию Азербайджана огузов, кыпчаков, которые заняли здесь господствующее положение. В сельджукский период в жизни исторического Азербайджана происходят два противоречивых процесса.

С одной стороны, в Южном и Северном Азербайджане про-

исходят общие этнические интеграционные процессы, что в конечном счете приведет к завершению процесса тюркизации. Усилившийся приток огузов, кыпчаков будет способствовать консолидации местного тюркского населения двух частей исторического Азербайджана с тюрками, огузами и кыпчаками, а также ассимиляции ими местных этнических единиц, усвоивших тюркский язык. Весь этот процесс приведет к доминированию именно тюркско-огузской языковой группы, к завершению формирования тюркского этноса, тюркского народа. В этот период уже сложился эпос «Книга моего деда Коркута».

С другой стороны, одновременно происходит процесс усиления проперсидской культуры. Дело в том, что политическая элита сельджукской эпохи, вышедшая в целом из тюркской этнической среды, была подвержена сильному влиянию персидской культуры и иранской теории государственного управления. Идеологом и представителем этой теории сельджукской империи был Низам ал-Мульк – везир султана Мелик-шаха. Его трактат «Сияят-наме» – произведение, отражающее древнеиранские традиции государственности, послужил основой в сельджукской практике управления.⁶⁶

Культура и литература также формировались под влиянием ирано-сасанидских ценностей. «Шах-наме» Фирдоуси наложила отпечаток на всю сельджукскую эпоху. Поэтому в сельджукском периоде в Азербайджане также развивается персоязычная литературная школа, корифеями которой были поэты: Низами Гянджеви, «Хамса» («Пятерица») которого является вершиной Восточного Ренессанса, Хагани, Фалаки Ширвани, Абуль-Ула Гянджеви, Мехсети Гянджеви, Гатран Тебризи. Видными выразителями общественно-политической и правовой мысли XI в. были Баба Кухи Бакуви, Абдул Хасан Бахманиар, Хатиб Табризи, который впервые говорит об азербайджанском языке.* Впервые создается местная мусульманская историческая традиция – арабоязычная – «Дербентнаме» – аноним, где освещаются события X–XII вв.; Ибн-Намдар – чиновник ширванской и арранской феодальной администрации (XI–XII вв.)⁶⁷ освещает длительную борьбу ремесленно-торгового населения Байлакана против пред-

* Piriyeв V. "Azərbaycan dili" istilahı nə vaxdan bəllidir? "Ədəbiyyat qəzeti", № 29 (2828), 17 iyul, 1992, s.1.

ставителей феодальной администрации.

В это время складываются архитектурные школы: Ширванская, Нахичеванская, Тебризская и Арранская, определившие дальнейшие направления в развитии зодчества Азербайджана.

Все это показывает, в каком направлении развивалось общественное сознание в Азербайджане. Вероятно, в этот период фактором этничности мог быть ислам или же племенная принадлежность.

Что же касается христианского албанского населения, то в связи с сельджукскими завоеваниями часть албан эмигрировала на запад, в Киликию. Это была вторая волна албанской эмиграции на запад, в Киликию. Остальная часть албанского населения, проживающая в Арцахе, Утике-Арране, Сюнике, Камбисене-Шеки, осталась в поисках путей выживания.⁶⁸ Албанское царство в Сюнике к этому времени распадается, а в Арцахе вновь возрождается албанское Хаченское княжество (царство), которое было «частью древней Албании».⁶⁹

5. В XIII–XIV вв., в период монгольского господства в Азербайджане, ослабевают приверженность к системе сасанидских ценностей, что было связано с особенностями развития сельджукской культуры. Возрастает влияние традиций кочевой государственности и Чингизхановой Яссы. Миграции тюрков на территорию Азербайджана продолжают усиливаться в связи с культурными центрами восточных тюрков-уйгуров, что в свою очередь усиливает тюркское культурное влияние. Именно в монгольскую эпоху в Азербайджане возникают первые образцы тюркоязычной литературы:⁷⁰ Ахмед Харамид «Дастан», Хасан оглу (газели), Кази Бурханеддин «Диван»; создаются исторические труды на персидском языке – Ал-Ахари, Ахмед Тебризи, Хамдуллах Казвини; Мухаммед Нахчывани создает толковый словарь персидского языка, где трижды упоминается понятие «азербайджанский язык»,* Хиндушах Нахчывани – автор арабско-тюркского словаря.

Что касается оставшегося албанского населения, то оно сумело приобрести расположение и доверие монголов, благодаря мудрой и гибкой политике Хаченского царя Гасан Джалала (1215–1261), который в своей внешней политике с монголами

* Piriyeв V. "Azərbaycan dili" istilahı nə vaxdan bəllidir?
Он же. Нахçıван тарихиндән səhifələr. Bakı, 2004, s. 89.

остался верным политике албанских правителей – Аршакидов и Михранидов. Как было отмечено, тесные политические взаимоотношения между Гасан Джалалом, киликийскими царями – албанскими Хетумидами и правителем Сюника – Степанносом Орбели четко прослеживаются во времена монгольского нашествия. Они совместно находят общий язык с монгольскими правителями, неоднократно отправляясь в стан монгольского правителя с большими дарами, признав вассальную зависимость, заключив с ними договоры, союзы и оставаясь их верными союзниками.⁷¹

Правление Гасан Джалала, как выше освещалось в монографии, можно считать албанским ренессансом – экономическим, политическим и культурным возрождением Албании. Этот ренессанс отразился и в литературе, архитектуре, в создании культовых сооружений, в особенности шедевра албанской архитектуры – строительстве Гандзасарского собора. В Гандзасарский собор перемещается Албанская Апостольская Автокефальная Церковь. Гандзасар становится религиозным центром албан вплоть до 1836 г. Сам Гасан Джалал назвал Гандзасарский собор «престольным собором Албании».⁷² Как гласит эпитафия, Гасан Джалал построил Гандзасарский собор для «албанского народа».⁷³

Это период пышного расцвета албанской литературы: «История албан» Моисея Каланкатуйского была продолжена и дополнена новыми четырьмя главами; в это время творят Киракос Гянджинский, Михитар Гош, Давид Алавик, Вардан Арвелци-Албанский, Степаннос Сюникский и др.

6. Период Кара-коюнлу и Ак-коюнлу. Тимур, свергнувший в конце XIV в. Джелаиридское государство, положил конец монгольской и постмонгольской эпохе в истории Азербайджана. XV в. можно с полным основанием назвать огузо-туркманским периодом в истории Азербайджана: становление, возрождение традиции огузско-тюркского государственного правления; становление тюрков господствующими не только в этническом, но и в политическом смысле; приобретение важной роли огузских ценностей в общественной жизни. Самое главное, в этот период впервые утверждается в этническом самосознании тюркское самосознание – туркман.⁷⁴ а также в это время в основном продолжается местная мусульманская ираноязычная историческая традиция – Абу Бекир Техрани, Фазлуллах ибн Рузбихан. До нас дошел диван стихов на тюркско-

азербайджанском языке, написанный правителем Кара-коюнлу Джаханшахом под псевдонимом Хагиги. Видным ученым был Сеид Яхья Бакуви (труды по истории, философии, астрономии). Музыкальным теоретиком, композитором – создателем мугамов, получивших большое распространение на Ближнем и Среднем Востоке, был Абдул Кадир Мараги. Архитектурные шедевры – Дворец Ширваншахов в Баку, культовый комплекс шейха Сефиаддина в Ардебиле; Гей мечеть в Тебризе, построенная Джаханшахом, дворцовое сооружение Хашт бегишт (восемь раев) в Тебризе.

Что касается албанского населения, то в правление Тимура часть албан (25 дымов, 10 тыс. человек) им была выселена и поселена в Хорасане и в Афганистане,⁷⁵ (агваны).

Что же касается части албан, оставшейся на исторической родине, то, как уже было освещено, правящий ими Гасан Джалаловский род распался на пять дочерних линий – феодальных владений (княжеств). Правитель государства Кара-коюнлу Джаханшах наделил титулом «мелик» этих албанских князей. Эти меликства, как и предшествующие государственные албанские образования, были неотъемлемой частью государств на территории исторического Азербайджана. В данном случае меликства были частью государства Кара-коюнлу, а в последующем – Ак-коюнлу, Азербайджанского государства Сефевидов. Албанский этнос продолжал сохранять албанское самосознание.

Историк Фазлуллах ибн Рузбихан отмечает, что Гянджа и Барда (в составе которых находились албанские меликства) были определены султаном Якубом, сыном Узун Гасана, на содержание его сына Байсунгура. Албаны-христиане «жили в мире и уплачивая джизью и ушр (десятину), были освобождены от страдания и зла».⁷⁶

7. В XVI–XVII вв. сефевидские правители, в отличие от правителей Кара-коюнлу и Ак-коюнлу, отказываясь от тюркского начала, истоки своего происхождения связывали не с Огуз ханом, а с имамом Али. И тем не менее они заложили основу азербайджанскому политическому образованию – создав на I этапе азербайджанское государство Сефевидов (Шах Исмаил). Сефевиды создали четыре азербайджанских политико-административных образования: беглярбекства Тебризское или Азербайджанское, Ширванское, Карабахское или Гянджинское, Чухур-саадское

или Иреванское. Создание Сефевидами государства на теократических основах, превращение шиизма в официальную религию привели к ослаблению в общественном сознании тюркского сознания по сравнению с XV в. Повысилось значение религиозного фактора, чему способствовали суннитско-шиитские (османосефевидское) противостояния с Османами. Параллельно происходило ослабление роли тюрков кызылбашей в государственной бюрократии и, соответственно, шло усиление фарсидского этнического элемента, что в итоге привело к иранизации Сефевидского государства.⁷⁷ Прослеживается складывание двух культур – народно-тюркской и придворно-персидской. В это время были созданы на азербайджано-тюркском языке Шах Исмаилом «Диван», устный народный тюркский эпос «Кер оглы», а также ашугская поэзия – «Ашыг Гариб», «Асли и Керем». Получила дальнейшее развитие местная мусульманская ираноязычная историческая традиция: Гасанбек Румлу, Искендер бек Мюнши, Шамсаддин Битлиси, историк, описавший Сефевидское государство, «Дон Жуан Персидский» - в испанском переводе азербайджанца Оруджбека из племени Баят. Вершиной азербайджанской поэзии был Мухаммед Физули («Лейли и Меджнун»). Представителем азербайджанской культуры был миниатюрист Садык бек Афшар из Тебриза.

В XVI в. Карабах, в составе которого находились и албанское население, пять албанских меликств, вошел в Сефевидскую империю в качестве административной единицы Карабахского (Гянджинского) беглярбекства со столицей в Гяндже. Карабах оставался наследственным беглярбекством фамилии Зийад оглу Каджар примерно 300 лет с короткими перерывами до образования Карабахского ханства.⁷⁸ Во времена шах Аббаса и Надыр шаха, как было отмечено, часть албанских меликов с албанским населением была переселена в Иран, в Исфаган.

Книга налогового обложения Карабаха и Гянджи, составленная в 1593 г. чиновниками османской администрации в период завоевания Азербайджана Османской Турцией, свидетельствует о значительности тюркского населения в Карабахе и Гяндже: племена Каджар, Караманлу, Сорлук, Шамсаддинлу, Хаджилу, «Отуз ики» («тридцать два» – по-русски), «Игирми дерд» («двадцать четыре» – по-русски), наряду с тюркоязычными племенами

проживали и курдские племена.⁷⁹

8. XVIII–XIX вв. В результате народно-освободительного движения против персидского господства на территории исторического Азербайджана образовались независимые ханства, государственные образования со своей структурой государственного управления,⁸⁰ судебной системы и судопроизводства в городах, с особой ролью и авторитетом религиозного главы – шейх-уль-ислама в управлении городом и всем государством.

Важнейшим первоисточником социально-экономического и политико-правового положения XVIII в. является «Хроника войн Джара в XVIII столетии», к которой приложен «Джаро–Тальский судебник» (принятый в Агдаме в 1751 г.).⁸¹

Ценными источниками по азербайджанской государственности являются дефтеры Иреванской провинции, Нахчыванского санджака, Гянджи–Карабахской провинции.⁸² Эти дефтеры – документы Османской империи свидетельствуют о наличии тесных связей между различными районами исторического Азербайджана, о перемещении населения в них, иллюстрируют роль вакфов в торговой жизни, влияние вакфов в формировании торговой политики в крае, о роли азербайджанского купечества, занимающегося торговлей за пределами края – провинций, о межрегиональной интеграции в торговле. Эти дефтеры свидетельствуют об этническом составе населения края. Данные источники показывают несостоятельность, тенденциозность концепции бывшей советской исторической науки относительно полной изолированности ханств, вследствие господства натурального хозяйства, феодальной раздробленности.

С ханствами связан ряд существенных изменений как социально-политического, экономического, так и духовно-культурной жизни. Во многих городах были открыты школы и медресе. Появилась историческая литература на азербайджанском языке. Так история Сефевидской династии сначала ее возникновения нашла свое отражение в трактате «Ханадан-е Сефевид». Духовная жизнь этого периода оставила глубокий след в жизни народа и в творчестве видных прогрессивных мыслителей: Молла Вели Видади (поэта при дворе Ираклия, а затем учителя в Шамкире), Молла Панаха Вагифа (визиря Карабахского ханства), Гаджи Зейналабдина Ширвани и многих ученых-правоведов, которые проповедо-

вали идеи гуманизма, патриотизма, социальной справедливости, выступали против иранских властей и исламского фанатизма, провозглашали идеи добра, свободомыслия, осуждали междоусобные войны между ханами.⁸³

Г.З.Ширвани размышлял о создании идеального общества, стремился теоретически воссоздать утопическое государство, для которого составил специальную социальную программу из 50 разделов.⁸⁴ XVIII в., в котором творила могучая плеяда азербайджанских мыслителей, является одним из самых сложных и противоречивых периодов азербайджанской истории, а по выражению академика В.В.Бартольда, этот век для всего мусульманского мира был самым кризисным.⁸⁵

Пристальное изучение XVIII в. свидетельствует о самобытной непрерывной линии в процессе самопросвещения, что явилось предпосылкой, предвестником национального формирования и ориентирования. Выявляется, что мусульманская элита исторического Азербайджана перед завоеванием Россией уже располагала достаточно определенным самобытным духовно-культурным потенциалом, который впитал эволюцию ценностей социально-духовной жизни предшествующих столетий, был их преемником. Уже в XIX в. предпринимаются вновь попытки фиксации исторической памяти – создание на азербайджанском – тюркском языке историй ханств. Историко-литературная традиция существовала как местная мусульманская, так и местная христианско-албанская. В этот период впервые были созданы истории Шекинского, Кубинского, Карабахского, Талышского, Гянджинского ханств,⁸⁶ что было продолжением существующей местной традиции. Это, несомненно, свидетельствует об изменениях в общественном сознании, о пробуждении этнического самосознания. В этих историях появляется понятие «эл» – народ,⁸⁷ «элляр», «халг».

Что же касается албанского населения, албанских меликств, то в XVIII в. в период патриаршества албанского католикаса Есаи Хасан-Джалалян, как было вышеизложено, албанская элита Карабаха возглавила освободительное движение, направленное против сефевидского Ирана. Мелики, в союзе с грузинским царем, возлагали надежды на Россию, где Петр I готовился к походу на Кавказ. Албанский католикос принял актив-

ное участие в этом движении.⁸⁸

Десятитысячное албанское войско двинулось к Гяндже на соединение с грузинским войском и, совместно, они должны были двинуться к Шемахе для соединения с русскими войсками. Но этому плану не суждено было осуществиться.⁸⁹ Албаны продолжали письменно сноситься с царским правительством.⁹⁰ В период образования ханств албанские мелики Карабаха и Зангезура вошли в состав Карабахского ханства. Надир Кули хан, став шахом Ирана – Надир-шахом, дал всем меликам (Хамсэ) свободу, чтобы они больше не подчинялись Гянджинским-Карабахским беглярбекам, а лично шаху.⁹¹ Панах-Али хану (Карабахскому хану) удалось подчинить себе албанских меликов, за исключением варадинского мелика.⁹² Но после смерти Панах-Али хана албанские мелики вновь вели себя самостоятельно. Ибрагим-Халил хан, сын Панах-Али хана, предпринял целый ряд войн против некоторых меликов и покорил часть их,⁹³ другая же часть нашла пристанище в Грузии. Албанские мелики продолжали ориентироваться на Россию. Еще раз повторим, что вопрос об освобождении карабахских меликов вновь был поставлен при русской императрице Екатерине II. В проекте Потемкина по этому поводу сказано: «...захваченную территорию назвать Албанией».⁹⁴ В этот период албаны продолжали сохранять свое самосознание.

9. XIX–XX вв. Происходит формирование национального самосознания азербайджанцев, отделение его от общемусульманского мира, что связано с завоеванием Азербайджана Россией, с разделением Азербайджана, вхождением Северного Азербайджана в состав России, Южного – в состав Ирана.⁹⁵

Переход от уровня народности, народа к завершающей его стадии – нации, связан с общим развитием капитализма, ростом экономических и культурных центров, распространением грамотности, образования, изменением социально-этнической структуры общества, формированием общенационального экономического рынка, изменением классовой структуры общества, становлением национальной буржуазии, образованием научно-технической интеллигенции, просветителей (Аббас Кули-Ага Бакиханов – основоположник азербайджанского просветительства, выдающийся мыслитель, историк, философ, политик; Мирза Джафар Топчибашев – ученый-востоковед, Мухаммед-Али Казем-бек –

ученый-востоковед; Мирза Фатали Ахундов – основоположник азербайджанской драматургии, который впервые ввел понятие «миллят» – нация; Мирза Шафи Вазех – поэт; Касум-бек Закир – поэт-сатирик; Хуршудбану Натаван – поэтесса; выдающиеся педагоги-просветители Габиб-бек Махмудбеков, Султан-Меджит Ганиев, Фирудун Кочарли; поэт Сеид-Азим Ширвани; Джалил Мамедкулизаде – издатель знаменитого сатирического журнала «Молла Насреддин»; Мирза Алекпер Сабир – великий национальный сатирик; Нариман Нариманов – драматург, политический деятель и многие другие, формированием прессы («Экинчи», «Зия», «Кешкюль»). А этот процесс происходил в течение многих десятилетий XIX-го и в первой четверти XX вв. Путь формирования азербайджанского самосознания лежал через осознание общемусульманского (панисламизма) и общетюркского (пантюркизма) единства к тюркизму (сохранению общих культурных ценностей) и, наконец, к национальному – азербайджанизму.

Что же касается албанского населения, то после завоевания Кавказа эта часть албан была подвержена насильственной деэтнизации. Согласно положению царского правительства от 1836 г. Албанская Автокефальная Апостольская Церковь была упразднена и подчинена Армянской Эчмиадзинской Церкви в качестве епархии. С тех пор албаны были лишены своей церковной общины, что привело к официальной деэтнизации, т.к. албаны должны были считаться армянами. «Престол Албании был уничтожен в начале XIX в. (1836 г.) вследствие слияния каспийско-албанской или агванской национальности с армянской».⁹⁶ Большая часть албан не подчиняется Армянской Церкви, принимает ислам, роднится тем самым с тюркоязычными, тюркизируется; часть албан, подчинившись Армянской Церкви, григоринизируется-арменизируется; а часть албан, приняв православие – грузинизируется; албаны, живущие в бывшем Нухинском уезде (нынешнем Огузском и Габалинском районах) смогли сохранить свою самобытность до настоящего времени. Это – удины, которые на протяжении двух столетий сумели выжить на своей исконной территории, сохранив культуру – язык, религию, самобытность, традиции, самосознание (албанское), этноним (албаны-удины). В этом немаловажную роль сыграло иноэтническое окружение удин, которое характеризуется толерантностью, бе-

режным отношением к другим конфессиям. Речь идет о мусульманском азербайджанском народе. Удины – уникальный этнос, не имеющий аналогов в истории. К албанскому этносу относятся и лезгины, леги, цахуры-лпины, хыналугцы, крызы, алпаны, рутульцы, будухи. Но они, приняв ислам в период средневековья, трансформировались.

Политоним Азербайджан – древний по происхождению. Согласно пехливийским-среднеперсидским и сирийским источникам (V–VI вв.) он появляется на исторической арене в IV в. до н. э., включая земли современного Южного Азербайджана. А с VI в. это понятие покрывает собой земли как Южного, так и Северного Азербайджана, когда по политико-административной реформе Хосрова I Сасанидская империя была поделена на четыре «стороны», то земли Южного и Северного (современного) Азербайджана вошли в четвертую «сторону», именуемую Атропатеной – Азербайджаном. Это находит свое подтверждение в пехлевийской эпиграфике VI в. на Дербентской стене и в арабских источниках IX–XII вв.

Понятие Азербайджан становится то политическим, политико-административным, то географическим, находящим свою фиксацию в историко-географических трактатах. Так, в пехлевийском источнике VII–VIII вв. «Sahrestaniha-i Eran» - «Города Ирана» есть специальная глава, именуемая «Города Азербайджана», в которой описаны города Северного и Южного Азербайджана. В XIII в. в период Эльханидов историк Абульхиджа ар-Раввадин написал «Тарихи Азербайджан». Согласно анонимному историку XVI в. Исмаил Сефевид опросил султанов: «Вы хотите султанства Азербайджан (место трона) или Гюлүстанскую крепость? Они ответили: «Азербайджан». (Siz Azərbaycan səltəpətinimi (max-kah), yoxsa Gülüstan qalasınımi istəyirsiniz? Onlar cavab verdilər: «Azərbaycan».)

Одно из четырех беглярбекств, созданных Сефевидами, именовалось Азербайджаном.

§ 3. О локализации армянских епархий и армянских патронимий

Прежде всего, хотелось бы уточнить, внести ясность в

понятие «христианство Кавказа» и что понимается под этим. До сих пор считалось, что христианский Кавказ включает в себя христианские церкви трех стран: Албании, Грузии, Армении.

Большой интерес для освещения поставленного вопроса представляют как реалии, так и соборные акты, топонимы, где состоялись эти соборы, а также реестры самих соборов всех трех церквей – Албанской, Грузинской, Армянской. Следует оговорить, что не все соборы сохраняют первоначальную полную редакцию реестров по тем или иным причинам. Но, в основном, в реестрах, как правило, отражаются главные епархии и важные приходские церкви. Наряду с этим в реестрах бывают засвидетельствованы представители светской знати со своими патронимическими именами, включающими в себя наименование их территориальных владений, политико-административных единиц (к примеру: Вардан-нахарар Гардмана).

При таком подходе и рассмотрении соборных актов, как правило, выявляется географический ареал действия той или иной из названных церквей. К примеру, начнем с рассмотрения соборных актов Армянской Церкви.⁹⁷ Выявилась очень интересная картина. Первый собор Армянской Церкви состоялся в 365 г. в местечке Аштишат, расположенном в области Тарон, на берегу реки Арацани, притока реки Евфрат, где Нерсес Великий собрал первый армянский собор. Аштишат – один из центров язычества в древней Армении, где находились храмы бога Ваагна и богинь Анаит и Астхик. В языческую пору Аштишат принадлежал роду верховного жреца Вахуни, а в христианскую – перешел в наследственное владение рода Григория Просветителя.⁹⁸ В книге армянских канонов – Канонагирке сказано: «Нерсес собрал собор в селе Аштишат, где была построена первая церковь Армянской страны, которая была матерью армянских церквей, и потому на этом месте был собран первый собор-синод». Этот собор не сохранил реестра, но интерес представляет локализация Аштишата и ее значимость для истории Армянской Церкви. Как было отмечено, Аштишат находился в области Тарон, на берегу р. Арацани, притока Евфрата, в Малой Азии, в ее восточной части, но не на Кавказе.

Далее мы рассмотрим Шаапиванский собор 447 г. Как выяснилось, Шаапиван находился в юго-западной части владения Багратуни, расположенного на севере оз. Ван. Этот собор также не имеет реестра. Это также территория Малой Азии. Следующий армянский собор состоялся в Карине в 505 и 633 гг. Карин (Феодосиополь) находился на юге области Тайк, у верховья р. Евфрат. На Каринском соборе присутствовал клир из Армении, Албании, Грузии, но поименного реестра нет.

Из трех Двинских соборов (506, 555, 649 гг.) засвидетельствован реестр собора 649 г. Город Двин локализируют к западу от оз. Севан и юго-западнее г. Ереван.

Чрезвычайно интересен его реестр:

- глава епископов Армении – Нерсес;
- епископ Басеана (область, расположенная в верховье реки Аракса, на юге области Тайк);
- епископ Мардаги (область, расположенная на стыке областей Турубера и Тарон);
- епископ Бзнуник (область на западном берегу оз. Ван);
- епископ Аршаруник (область, расположенная между областью Вананд и владением Багратуни, к западу от реки Аракс);
- епископ Багратуник (область к западу от реки Аракс и на северо-востоке от оз. Ван);
- епископ Хорхоруник (северо-запад оз. Ван);
- епископ Рштуник (на юге оз. Ван);
- епископ Вананда (область к востоку от области Тайк);
- епископ Аматуник (на юго-западе от р. Аракс);
- епископ Гнуник (на северо-западе от оз. Ван);
- епископ Палуник (восточный берег оз. Ван);
- епископ Мехнуник (область рядом с областью Палуник).

Из реестра становится совершенно очевидным, что подведомственные епархии и приходские церкви Армянской Церкви были расположены вокруг оз. Ван, далеко на запад от р. Аракс, а также на восточном берегу р. Тигра, а некоторые – в междуречье Тигра и Евфрата.

Следующий собор – Маназкертский (726 г.) состоялся в области Апахуник (область к северу от оз. Ван, на берегу р. Арацани). Рассмотрим реестр этого собора: участвовали епископы из областей – Остан (юго-западнее Двина), Тайк, Басеана,

владения Бзнуник. Остается непонятной современная локализация Двина – на северо-восточной оконечности Армянского нагорья. Как могли патриарший престол и сама столица быть так удалены от собственно армянских епархий, армянских земель? Ведь армянские епархии, как было показано, были расположены далеко к западу от них.

Ширакаванский собор 862 г. был созван в Ширакаване, области, расположенной к востоку от области Вананд, расположенной на юго-западной части Кавказа, на территории Картвельского царства.

Анализ предложенного материала показал, что почти все епископства Армянской Церкви, города, местности, где состоялись армянские соборы, были расположены на восточном берегу рек Евфрата и Тигра, вокруг оз. Ван, т.е. за пределами Восточного Кавказа, в редких случаях на территории Юго-Западного Кавказа.

В XV в., как известно, католикосат Армянской Церкви из Киликии переносится в Эчмиадзин. До этого периода в отдельных источниках и исследованиях говорится о временном пребывании Армянского католикосата в Двине и Аване, в Ромкла, в Сисе (Киликия). Следует выяснить географический ареал подведомственных Эчмиадзину церквей. Что же касается двух кавказских церквей: Албанской и Грузинской, то, как сами реалии, так и соборные акты свидетельствуют о нахождении всех подведомственных им епархий на территории Кавказа – Восточного и Западного. Албанские епархии были расположены на двух берегах р. Куры – на левобережье и правобережье.

Исследования местных (албанских, грузинских), а также армянских источников и реалий убеждают, что на Кавказе с первых веков н. э. и в период раннего и позднего средневековья практически были две христианские церкви: Албанская и Грузинская. Армянская церковь с ее сферой действия находилась, главным образом, в восточной части Малой Азии и на Юго-Западном Кавказе.

Реестр армянских епархий, рассмотренных и приведенных из Канонагирка можно пополнить данными албанского историка Каланкатуйского (II, 7): письмом Иоанна – католикоса армян-

ского, адресованного к Аббасу, католикосу албанскому об утверждении веры (VI в.): «от Иоанна, католикоса армянского; епископа Тарона Григория; епископа Мардпета; Степанноса, епископа Тайка; Маштоца, епископа Хорхорунни; Гюта, епископа Ванандского; Абдишу, сирийского епископа; Баба, епископа Аматуниев; Христафора, епископа Рштуниев; Сиканда и епископа Мока и от всех армянских епископов...». Здесь, добавлением к реестру армянских епископов являются епископы Тарона, Тайка, Мардпета, Мока.

А в другом списке Моисея Каланкатуйского сохранились дополнительные данные об армянских епископствах VIII в. (*Каланкатуйский*, III, 8): «Симеоном, епископом Хорхорунни, Саркисом – епископом Аматуни, Саркисом – епископом Ротака, и с многими другими». Дополнением является епископство Ротак.

Итак, на основе реестров армянских церковных соборов, а также на основе письма армянского католикоса, адресованного албанскому католикосу, в котором поименно указаны отдельные епископы армянских епархий, можно составить список-перечень общего количества армянских епископств: Басеан, Мардаги, Бзнуник, Вананда, Аршаруник, Багратуник, Хорхорунни, Рштуник, Аматуник, Гнуник, Полуник, Мехнуник, Тарон, Мардпет, Тайк, Мок, Ротак – всего 17 епископов. На основе вышеизложенного совершенно очевидно, что армянские епархии были расположены в Восточной Анатолии, к западу от Центрального Кавказа. (См. карту № 12).

Теперь же рассмотрим список армянских феодальных патронимий по Агафангелу и реестрам армянских церковных соборов.

По Агафангелу:

- 1) ишхан-правитель области = гавара Ангеха (третий) с одноименной столицей-городом именовался также Мец-Цопк – Большой Цопк [Софена], расположен на восточном берегу р. Евфрат; на юге Софена отделялась от Месопотамии одним из отрогов Тавра;
- 2) ишхан – правитель Агдзника – область, расположенная на берегу р. Тигра (северо-восточной части), в юго-западной части оз. Ван. В античных источниках известна как *Arzanenae*, нынешняя Хор-

- зан → Арзан или Зох. Область-гавар Агдзник была одним из четырех бдешхтсв;*
- 3) ишхан – правитель Мартпетакана, гавара, который согласно исследованию С.Т.Еремяна, с IV в. стал называться Васпураканом, а до этого (I–VI вв.) северо-западная его часть именовалась Мардпетаканом,⁹⁹ расположен на востоке от оз. Ван, между озерами Ван и Урмия, южнее р. Аракс.
 - 4) ишхан(ство) Аспетутюн – [венценалагатель, что было прерогативой рода Багратуни, они имели право коронации армянских царей. Но с упразднением царской власти в Армении в IV в. Багратиды по традиции и в последующие века продолжали считаться венценалагателями в безцарственной стране]. Багратиды, как и епископ Багратуник, занимали одну и ту же область. Но при арабах Багратиды расширили свои владения, заняв Тарон, на западном берегу оз. Ван и, частично, область Тайк – бывшие владения рода Мамиконидов до VIII в., когда Ашот Багратуни предал антиарабское движение, возглавляемое Мамиконидами. Мамикониды были истреблены арабами.
 - 5) ишхан(ства) спарапетутюн [владелец-князь, главнокомандующий войск Армении] занимали Мамиконяны//Мамикониды; они владельцы края-провинции Тарона и Тайка. Тарон – расположен на западе оз. Ван, а Тайк – в междуречье рек Чороха и Ахуряна, притока р. Аракс, т.е. в западной части Армянского нагорья;
 - 6) ишхан Кордовка [Кордуэна] – Кордука, область, расположенная на юго-западе оз. Ван, в междуречье рек Джерми и Хабур – против р. Тигра (нынешний Иракский Курдистан);
 - 7) ишхан Рштуник – область их владения расположена на юге оз. Ван;

* В Армении были четыре пограничные области - бдешхтсва, управляемые главами этих пограничных областей-бдешхами. Эти четыре бдешхтсва располагались на территории Восточной Анатолии. Такая же система была в Иверии.

- 8) ишхан страны Мок – область на юге оз. Ван, севернее Кордовка, к востоку от области Агдзника;
- 9) ишхан Зараванук и гавар Хер – это нынешний Хой в Иране; в Южном Азербайджане.

Армянские патронимии по реестрам армянских соборов

- 10) ишхан-нахарар Бзнуни (см. армянские епархии);
- 11) нахарар Аршаруник – владельцы области, расположенной между областью Вананд и владениями Багратуни, к западу от р. Аракс;
- 12) ишхан-нахарар Хорхорунни (см. там же, где армянское епископство Хорхорунни);
- 13) нахарар Аматауни – владельцы области, расположенной на юго-западе р. Аракс;
- 14) нахарар – ишхан Гнуник – на северо-западе оз. Ван;
- 15) нахарар – ишхан Полуник – на северо-восточном берегу оз. Ван;
- 16) нахарар Мехнуник – рядом с владениями Полуник;
- 17) нахарар Апахуник – один из 16-ти гаваров наханга-края/провинции Турубера.

У Агафангела перечислены главы четырех пограничных областей Армении, областей стратегического значения – бдешства, главы которых именовались бдешхами и которые сопровождали Григория Просветителя: ишханы – правители-князья Агдзника, Кордука, Нуширакана (западнее оз. Урмия) и Гугарка. Весьма примечательно, что все эти четыре бдешства, обычно размещенные в четырех концах-углах государства, расположены в Восточной Анатолии, за исключением Гугарка, расположенного на северо-западной части Кавказа,* к Кавказу в целом три бдешства не имели отношения. У Мовсеса Хоренаци названы бдешства с несколько иными наименованиями: Цопк, Ангелтун, Алдзник, Гугарк.¹⁰⁰ Ангелтун – область древней Армении, расположенная в левобережье истоков Тигра.¹⁰¹ Опять же эти бдешства не имели отношения к Кавказу.

* Гугарк, завоеванный Тиграном II и в 66 г. до н. э. возвращенный Помпеем Иберии.

§ 4. О локализации Армянского нагорья, области Айратат и столиц Армении

Для верного воссоздания исторической географии Центрального Кавказа, Южного Кавказа, Передней Азии большое и важное значение имеет верная локализация Армянского нагорья, Арарата, Араратской равнины, гавара Айратат, ибо, как известно, с этими территориями связаны многие важнейшие вехи, исторические реалии как Центрального и Южного Кавказа, Передней Азии, так и истории армянского народа. Между тем современная их локализация абсолютно не убедительна, ибо не соответствует историческим, географическим реалиям и сведениям источников.

Начнем с Армянского нагорья. В одном из последних изданий «Истории армянского народа» дается следующее определение территории Армянского нагорья и Арарата: «Армянское нагорье находится между Малоазийским и Иранским плоскогорьями, в северо-западной части Передней Азии... средняя часть нагорья в древности была известна под названием Срединной страны (Миджнашхар). Беря начало от вершин Арарата, на запад до реки Евфрат тянется горная цепь Армянского хребта, который, вместе с составляющими его продолжение, горами делит Срединную страну на северную и южную части. Обширный вулканический массив горы Арарат (Масис) с ее вершинами – Большим Араратом (5165 м) и Малым Араратом – (3925 м) – находится почти в центре Армянского нагорья. Северную границу Армянского нагорья составляют Восточно-Понтийские горы. Их продолжением является горная система Малого Кавказа, которая тянется от берегов Черного моря до Мегринского ущелья р. Аракс и состоит из ряда горных цепей».¹⁰² (См. карту № 1, 2).

Если согласиться с тем, что Арарат находится или должен находиться в центре Армянского нагорья, то горы горной цепи Армянского нагорья должны быть удалены от центра Арарата радиусом одинаковой протяженности как на север, юг, так и на восток и запад. А между тем, как явствует из всех карт, изданных армянскими авторами, Арарат размещен в северо-восточной оконечности Армянского нагорья, (но никак не в центре), после

которого сразу же тянется горная система Малого Кавказа.

Относительно Армянского нагорья предлагаем рассмотреть две карты (см. карты):

- 1) «Древний Ближний Восток».¹⁰³ (См. карту № 1).
- 2) «Армянское нагорье» - карта С.Т.Еремяна. (См. карту № 2).

На карте И.М.Дьяконова «Древний Ближний Восток» Армянское нагорье четко размещено по левому берегу р. Арацани (приток р. Евфрата, ныне р. Мурад-чай), начиная от р. Евфрата (на западе) и до северного и северо-восточного берега оз. Ван. А на карте С.Т.Еремяна «Армянское нагорье» размещено с запада на восток такой же протяженностью – начиная от р. Евфрат до восточного берега оз. Ван, но с определенным продуманным различием – значительным смещением на север Армянского нагорья от оз. Ван. У И.М.Дьяконова дается следующая локализация, указывающая пределы Армянского нагорья: «В Восточной части полуострова Малая Азия или Анатолия горные хребты сближаются между собой, и начинается Армянское нагорье, которое собрано в складки высоких, местами снежных гор, тянущихся в общем широтном направлении и разделяемых продольными долинами рек: на юге долиной р.Тигра (с запада на восток), в центре – долинами притока Евфрата – Арацани (Мурад-Су), самого Евфрата в верхнем течении (оба с востока на запад) и Аракса (снова с запада на восток)... во впадине в центре нагорья большое горько-соленое оз. Ван».¹⁰⁴ Далее читаем у того же автора: «На севере Армянского нагорья, над плодородной низменностью долины Аракса, возвышается величественная снежная шапка Арарата. За Араксом начинается самая северная из областей Ближнего Востока – Закавказье... В центре Закавказья расположена горная страна, соединяющая Большой Кавказ на севере с Малым Кавказом на юге, в излучине Аракса».¹⁰⁵ Что же касается Арарата, то, как мы видели, согласно «Истории армянского народа», он находится в центре Армянского нагорья, а согласно «Истории Древнего Востока», Арарат возвышается на севере Армянского нагорья, а в центре Армянского нагорья почти с натяжкой находится оз. Ван.

Из следующего предложения: «Полуостров Малую Азию,

все Армянское нагорье, вплоть до Арарата...», явствует, что Арарат – это предел, окончечность Армянского нагорья.¹⁰⁶ В самой карте, предпосланной к данному изданию «Древний Ближний Восток», в вышеприведенном тексте (из истории Древнего Востока) на Армянском нагорье располагались четыре долины четырех рек – Тигра, Евфрата, Арацани (Мурад-Су), верховье Аракса. Так называемая Араратская долина вовсе не значитя на Армянском нагорье. Что же касается локализации самого Арарата по Армянской географии VII в. Анания Ширакаци, согласно реконструкции, сделанной С.Т.Еремяном, оказалось, что было два Арарата.

Один Арарат – Урартийская Ararty, ассиро-вавилонская Arartu → Nibur находится в области-гаваре Кордуена → Corduenaе латинское, «Kurti» – ассиро-вавилонское, страна Кордухов у Ксенофонта. Кордуена – первая область-гавар провинции (наханга) Корджайка. Кордуена занимает территорию междуречья Джерм и Малый Хабур,¹⁰⁷ расположена на юге оз. Ван, южнее области Мок. Согласно местным источникам, на вершине этого Арарата (в Кордуене), в нынешнем Джуди-даге, Зуди-даге (село Тмане) причалил библейский Ноев ковчег,¹⁰⁸ т.е. это Курдистан Иранский.

Второй Арарат → Арарад – это нынешний Великий Масис или Арарат – Армянская горная страна, находящаяся, по локализации армянских историков, в междуречье среднего течения р. Аракса и р. Тахмут, на левом берегу р. Тахмут.¹⁰⁹ Как видно, ни один из рассматриваемых Араратов не может быть локализован в центре Армянского нагорья, и потому неправомерна локализация горы Арарат (Масис) «почти в центре Армянского нагорья», данная «Историей армянского народа».¹¹⁰ Заслуживает внимания локализация Арарата, данная Фавстосом Бузандаци, у которого Арарат дан в форме Сарарад: «в армянских горах, на горе Сарарад, находящейся в пределах Айраратской страны в гаваре (области) Кордук... Он прибыл со страстным желанием... увидеть спасительный Ноев ковчег, который после потопа остановился на этой горе... совершая восхождение на гору Сарарад» (Бузандаци, III, 10). Как видим, у Бузандаци четко определено нахождение Айраратской страны в области Кордук, которая располагалась на крайнем юге оз. Ван. Далее мы будем

свидетелями смещения Айратской страны на территорию Южного Закавказья.

Наряду с двумя Араратами есть еще в Армянской географии так называемая Араратская равнина, также мифическая, которая локализуется следующим образом: «По обе стороны среднего течения р. Аракс, между горами Арарат (Масис) и Арагац и устьями рек Ахурян и Арпа, раскинулась обширная и плодородная Араратская равнина – сердце Армянского нагорья».¹¹¹ Дело в том, что, как было отмечено выше, на территории реального Армянского нагорья нет Араратской долины, тем более, она не может находиться «в сердце Армянского нагорья». Как было отмечено из «Истории Древнего Востока», на территории Армянского нагорья были четыре равнины – долины рек Тигра, Евфрата, Арацани и верховья Аракса, где не было Араратской долины. Согласно приведенному размещению Араратской равнины, получается, что ее территория находится на крайней северо-восточной оконечности Армянского нагорья, на его восточной границе и большей частью на территории Малого Кавказа. Причем тогда Армянское нагорье? Далее, в той же «Истории армянского народа» сообщается, что Араратская равнина с IV в. до н. э. становится сердцем Армянского нагорья. «Здесь находились столицы древней Армении – Армавир, Ервандашад, Арташат, Вагаршапат, Двин, а в наше время – Ереван».¹¹² Вызывает недоумение, как, на одном и том же пятачке – пространстве: северо-восточной оконечности Армянского нагорья, вернее, на территории современного Малого Кавказа, точнее, на территории Юго-Западного Закавказья [?!],¹¹³ на так называемой Араратской равнине, армяне умудрились создать все свои столицы, при таких реалиях, когда армянский народ был рассеян, проживал на огромной территории – двух берегов р. Евфрат, двух берегов р. Тигр, вокруг оз. Ван, народ, обреченный на многовековые блуждания на запад и только на запад до XV в. включительно? Тем удивительнее, что, согласно историческим реалиям, вечным блужданиям подвергалась и Армянская Церковь с ее патриаршими престолом, но при этом «столицы создавались стабильно на одном и том же пятачке», реально удаленном от территории политических образований, от территории странствования армянского народа, т.е. на «стабильной Араратской долине», размещенной теперь

уже на территории юго-западного Закавказья. Как пишут сами армяне, «в историческом прошлом жизнь армянского народа протекала на территории, известной географической науке под названием Армянского нагорья. Советская Армения занимает северо-восточную часть этой территории». ¹¹⁴ Вот и договорились, и проговорились! Почему жизненно важным стало размещение всех древних столиц на означенном пятачке – северо-восточной части Армянского нагорья, так называемой Араратской равнины, т.е. попытка территориально растянуть географическое понятие «Армянское нагорье» к востоку, преувеличить, удревить значение северо-восточной части Армянского нагорья (а в реальности северо-западные районы Малого Кавказа, Закавказья) размещением здесь Араратской равнины и привязки ее к истории армянского народа? Как известно, столицы обычно меняются, создаются новые, в связи с меняющимися политическими, конфессиональными реалиями и стратегическими условиями. Практически всегда столицы размещались на разных территориях, иначе не было бы смысла рядом со старой создавать (строить) новую столицу. В этом плане, читая написанную «Историю армянского народа», убеждаешься, что армянские цари составляли полнейшее исключение. Но при исследовании армянских исторических политических реалий, и источников убеждаешься, что исключений не было, и армянский народ подобно другим народам создавал свои столицы на разных территориях. Это их историки уготовили им такую исключительно оригинальную историю-легенду, руководствуясь современными политическими реалиями.

Армянская концепция рассчитана на то, чтобы территорию современной Армении, созданной в 1920 г., благодаря геополитике вообще и Советской России, в частности, исторически связать и обосновать с территорией исторического Азербайджана (Албании – зангезурскими землями). Из всех перечисленных столиц, специально размещенных на одном пятачке, исключение составляет город Тигранакерт, построенный на берегу Тигра. Но и здесь не обошлось без пятачка, появилась историческая необходимость появления еще трех Тигранакертов, локализуемых армянскими историками опять же на левом берегу р. Аракс, т.е. на территории современной Армянской Республики. Диву даешься логике армянских псевдоисториков: как мог армянский народ, со-

здающий себе государство в разное время (до V в., IX–XI вв.), на разных территориях Армянского нагорья в Малой Азии умудриться создать столицы этих «блуждающих государств» на стабильной, неизменной территории, вдали от самих государств, на левом берегу р. Аракс? Позволим себе повторить еще раз, что в силу установленной модели «исторической необходимости» привязки земель левого берега р. Аракса (в реальности земель исторического Азербайджана - Албании) к современной Армении армянские псевдоисторики щедро отказываются от западных земель (от земель вокруг оз. Ван, от земель по берегам рек Тигра и Евфрата, от исторической памяти об этих землях), где с XV в. сложилась Оттоманская империя и современная Турция, в угоду историческому приобщению к территории современной Армении, территории исторических азербайджанских земель.

В связи с продуманной целью армянская концепция перекраивает всю реальную историю армянского народа. Но невозможно перекроить исторические реалии, согласно которым все армянские епархии, все армянские феодальные патронимии – княжества, размещены реально далеко на западе от р. Аракса – на территории по всему Армянскому нагорью, вокруг оз. Ван, на берегах Тигра и Евфрата и далее на запад. Рассмотрим данные об армянских столицах. Согласно «Истории армянского народа», в правление армянского царя Арташеса во II в. до н. э. была основана столица Великой Армении – город Арташат (армянские авторы), Артаксата (античные авторы). Относительно местонахождения города Арташата Страбон сообщает, что он был хорошо заселенным городом, царской резиденцией и, что его с трех сторон омывала р. Аракс, а с четвертой стороны город был защищен рвом и валом. «Города Армении следующие: Артаксата... и Арксата... Арксата – поблизости от границы Атропатии, Артаксата – недалеко от равнины Араксены: это благоустроенный город и столица страны. Она расположена на схожем с полуостровом выступе, а перед ее стенами кругом проходит река, за исключением пространства на перешейке, которое огорожено рвом и частоколом» (Страбон, кн. XI, XIV).¹¹⁵ Современная локализация Арташата южнее города современного Еревана, расположенного на левом берегу р. Аракса, в его западной части – не соответствует, на наш взгляд, описанию Страбона. Единственное

место, где город может омываться с трех сторон рекой Аракс, приходится на излучину, а таких излучин (изгибов) на р. Аракс две: одна излучина находится в центре среднего течения р. Аракс, т.е. в северной части Армянского нагорья [южнее Карина], а другая – приходится ближе к верховью р. Аракс, т.е. в самом центре Армянского нагорья в направлении к западу. Мы имеем ввиду излучину на р. Аракс, помеченную пер. Ахтодзор (см. карту № 2).¹¹⁶ Что же касается остальных столиц, то согласно «Истории армянского народа», первой столицей («была создана на базе урартского города Аргиштихинили»¹¹⁷) считается Армавир, который тоже локализуют в так называемой Араратской долине. «В центре Араратской долины Аргишти основал город Аргиштихинили, ставший административным центром северных провинций государства Урарту».¹¹⁸ При исследовании оказалось, что был не один Аргиштихинили: один на берегу оз. Урмия (или на берегу оз. Ван), другой «в центре Араратской долины»,¹¹⁹ опять же в юго-западном Закавказье.

На «Схематической карте Передней Азии в начале I тыс. до н. э. (IX–VII вв. до н. э.)», составленной И.М.Дьяконовым¹²⁰ (карта № 3), Аргиштихинили локализовано в центре среднего течения р. Аракса, значительно западнее локализации армянских историков (карта прилагается). В данном случае верна локализация И.М.Дьяконова. Вероятно и Армавир должен быть смещен на запад. Во II в. н. э., как сообщают армянские историки, армянский царь Валарш I Аршакид основал город Вагаршапат или «Новый город» (ныне Эчмиадзин), будущую столицу Армении,¹²¹ который армянскими историками локализуется все в том же Айраратском гаваре, Араратской равнине, на том же пятачке. Заслуживает пристального внимания сообщение армянских историков, согласно которому Айраратская область-гавар, где находились почти все армянские столицы, в том числе и город Вагаршапат, была родовой вотчиной – останом армянских царей Аршакидов.¹²² А родовая усыпальница тех же армянских царей Аршакидской династии находилась в другом городе – в городе Ани, расположенном на правом, т.е. восточном берегу р. Евфрат – области Даранаги.¹²³ О локализации области Даранаги сообщают армянские исследователи следующее: «Даранаги – первый гавар (область) Высокой Армении. Его главным городом и крепостью

был город Ани, расположенный на правом берегу р. Евфрат, и примыкавший к нему город Камах – на левом берегу р. Евфрат. Здесь находились усыпальницы царей Аршакидской династии, и, в дохристианскую эпоху, Ани являлся религиозным центром Армении, с храмом верховному языческому богу Арамасду». ¹²⁴ Итак, на основе локализаций «родовой вотчины», в так называемом Айратском гаваре, а родовой усыпальницы армянских царей – в области Даранаги – на правом берегу р. Евфрата, получается логическая неувязка, полнейший парадокс. Вопреки реалиям, армянские цари, восседавшие в Айратском гаваре, в своем останке, который фактически был расположен на западе Малого Кавказа (Закавказье), (по локализации армянских историков) умудрялись «быть захороненными за тридевять земель», на правом берегу р. Евфрата! Очевидно, они были побуждаемы желанием «быть захороненными на исторической родине». Практически останки армянских царей каждый раз должны были перевозиться по всему Армянскому нагорью до берега р. Евфрата: что же за «священный ход» вершился с их останками?! Остается неоспоримым одно – столица не могла быть так удалена от царских усыпальниц. Исходя из реалий Вагаршапат должен быть локализован ближе к р. Евфрат.

В итоге всех, так называемых, локализаций Арарата, Армянского нагорья, армянских столиц большой интерес представляет локализация самой области Айратат: следует прежде всего выяснить, что это – «гавар-область Айратат» или «наһанг-округ-край/провинция Айратат»? Наһанг несомненно шире, больше гавара, состоит из нескольких гаваров. В данном случае это очень существенно. В «Ашхарацуйц-е» С.Т.Еремян дает следующее определение и локализацию. Исследователь, прежде всего, произвольно возводит область-гавар Айратат в провинцию/округ-наһанг, увеличив ее территорию в несколько раз, добавляя, что в узком смысле наһанг Айратат включал в себя территорию нынешней Араратской долины (которую мы так и не нашли), расположенную, согласно мнению С.Т.Еремяна, от р. Ахурян до р. Арпа. ¹²⁵ Местонахождение округа-провинции (наһанга) Айратата, данное С.Т.Еремянном, представляется крайне неубедительным. В «Ашхарацуйц-е» сказано: «Наһанг Айратат – это центральный наһанг Великой Армении, во времена Аршакидов был их родовой

вотчиной-останом. Араратская долина с окрестными гаварами (областями) была экономическим, городским производственным центром Великой Армении.¹²⁶ Согласно армянским источникам и историческим реалиям, не прослеживается архиважная, искусственно воссозданная, сконструированная роль провинции – наһанга Айрарат, ибо, согласно источникам, не было Айрарата в качестве наһанга, и к тому же центрального наһанга Великой Армении. Во всех армянских источниках Айрарат назван только гаваром-областью. А это существенно. Согласно данным Фавстоса Бузандаци (IV, 14) армянский католикос Нерсес I (353–373) [из рода Григория Просветителя] «объезжал свои собственные владения. Ибо пятнадцать гаваров-областей находились в его владении, которые искони принадлежали его роду, считались собственностью. Главными из этих гаваров были: Айрарат, Даранаги, Екеляц, Тарон, Бзнуник, Цопк и те, которые находились промеж и вокруг них». Здесь перечень гаваров, за исключением Айрарата, дан с запада, с правого берега р. Евфрата на восток, и лишь Айрарат, который дан первым в перечне, нарушает его последовательность. Ибо он – Айрарат, согласно локализации армянских ученых, будто находится на северо-востоке Армянского нагорья, т.е. на юго-западе Закавказья.

К тому же, как явствует из этого пассажа, гавар Айрарат вовсе не был останом – родовой вотчиной армянских Аршакидов, а был наследственным владением рода армянского католикоса Нерсеса, т.е. рода Григория Просветителя, «которое искони принадлежало его роду». Относительно принадлежности гавара Айрарата к какому либо роду, имеются расхождения в источниках. Согласно Моисею Хоренаци, Айрарат был царским гаваром. «Артавазд, сын Тиграна... только обязывает их [своих сестер и братьев] не селиться в Айрарате – местожительстве царя» (*Хоренаци*, II, 22).

Возвращаясь к вопросу: был ли Айрарат гаваром-областью или наһангом (?) и исходя из данного пассажа, можно допустить, что будь Айрарат краем-провинцией-наһангом, состоящим из нескольких гаваров-областей, то нельзя было бы запретить сородичам Артавазда селиться там.

Другой эксцерпт из Хоренаци (III, 23): «Зачем же ты поселился в Айрарате и нарушил порядок, установленный предками?

Ибо, согласно обычаю, в Айрарате проживал только сам царь и один из его сыновей, предназначенный ему в преемники».

Утверждение С.Т.Еремяна об Айрарате, как о «центральной наһанге Великой Армении», состоящей из 15 наһангов не выдерживает критики согласно логике и последовательности изложения самого С.Т.Еремяна. Так, С.Т.Еремян утверждает, что деление Великой Армении на 15 наһангов, одним из которых будто бы был наһанг Айрарат, произошло при византийском императоре Маврикии, т.е. в 591–610 гг.¹²⁷ Следовательно, это было чисто политико-административное деление, реализованное Византийской империей и, следовательно, оно не могло отражать исторических реалий предшествующих столетий, т.е. в предшествующем периоде не было такого наһанга. С.Т.Еремян не без глубокого умысла превратил область-гавар Айрарат в край-провинцию-наһанг Айрарат, расположенную, согласно ему, в центре Армянского нагорья. В действительности, область-гавар Айрарат была в центре Армянского нагорья. Здесь С.Т.Еремян остается правдивым. Но, увеличив Айрарат территориально в несколько раз, превратив его в наһанг, он довел его пределы (что нельзя было бы сделать с гаваром-областью) до северо-восточных пределов Армянского нагорья, т.е. до юго-запада Закавказья, в чем и была суть его замысла. Потому не менее парадоксальным выглядит утверждение, что наһанг Айрарат был родовой вотчиной армянских Аршакидов – останом. Относительно Айрарата: что это – провинция-край или область и где она реально локализуется? Обратимся еще раз к источникам. Большой интерес представляют в этом контексте фрагменты армянского историка V в. Агафангела о крещении армян Григорием в р. Евфрат. «Оповещенный о приходе Григория в страну Армению, великий царь Трдат собрал свое войско, жену свою Ашхен, сестру свою Хосровидухт и выступил из стана своего, из гавара (области) Айрарат, из города Вагаршапат с Григорием во главе многочисленного шествия отправился к урочищу Багуан [букв. «Святилище». – Ф.М.], которое на парфянском языке именуется капищем; там и остались служить ему [капищу. – Ф.М.] в течение месяца... Григорий повсюду выступал с проповедью, сеял животворное слово со всеми служителями Евангелия, которые были с ним; ...блаженный епископ [Григорий] милостью Божьей пришел,

достиг горы Нпат. Впереди него шел царь со всем войском к берегу р. Евфрат, и там преисполнился каждый благоволением милостью Евангелия Христа, и с великой радостью вернулись в то же урочище Багуан». ¹²⁸ Проследим по карте армянских исследователей за маршрутом шествия Григория, царя Трдата со всеми их сопровождающими лицами, если примем локализацию современного Айрарата (См. карта № 2). Из гавара-области Айрарат, из столицы Вагаршапат, если согласиться с современной локализацией ее, непременно нужно было переплыть р. Аракс [в каком его течении – среднем?], потом пройти по суше довольно-таки немалое расстояние, потом вновь переплыть реку Арацани, и только затем можно было попасть в урочище **Багуан, у подножья горы Нпат**. А если конечной целью шествия был непременно берег р. Евфрат, сам Евфрат, то, направляясь далеко на запад из Вагаршапата [локализуемого армянами на западе Малого Кавказа], следовало бы еще раз переплыть р. Арацани [ибо Багуан с трех сторон омывается рекой Арацани, карта № 2], потом, совершив длительное путешествие по суше, еще раз окунуться в р. Аракс, на сей раз в его верховье, и только потом, еще раз совершив по суше длительное путешествие, они могли наконец-то достичь желанной цели – р. Евфрат, где и были крещены. Далее Агафангел сообщает: «блаженный Григорий Просветитель все войско окрестностей – и самого царя, и его жену Ашхен, великую барышню Хосровидухт, и всех вельмож, и весь стан, собрав на берегу реки Евфрат и там крестил во имя Бога, его Сына и Святого Духа. И как сошел народ весь и царь для крещения в волы реки Евфрата, дивное знамение явилось от Бога, ибо отступились от того места воды реки. И яркий свет наподобие светящего столба явился и стоял над водами реки и над ними [собравшимися. – Ф.М.] подобно Божьему Кресту: и продолжал сиять до захода солнечных лучей. И когда Григорий совершил крещение над людьми [светящий столб], извиваясь в реке, опоясав, окружив людей, вышел, прошел». ¹²⁹ Итак, из вышеизложенного можно прийти к единственному выводу: если для крещения нужна была просто река, то у Григория и ведомой им паствы было предостаточно возможностей для свершения обряда крещения – в р. Аракс [если Вагаршапат действительно находился на его берегу]. Если же надо было в начале, до крещения, совершить молебен в уро-

чище Багуан, а затем креститься в реке, то опять же возможно-стей было предостаточно: переплыв Аракс, помолвившись в Багуане, далее креститься или в р. Арацани или в р. Араксе. Но источник говорит о непрерывном крещении в р. Евфрат. Весь путь, рассмотренный нами из Вагаршапата к р. Евфрат, представляется нелепейшим по одной причине – город Вагаршапат, гавар Ай-рарат и урочище Багуан неверно локализируются. Они должны быть размещены недалеко от р. Евфрат. Реально получается, что эти упомянутые топонимы были действительно в центре Армянского нагорья, но не [как локализовали их армянские ученые в угоду продуманной концепции] далеко на северо-восток от Армянского нагорья, что практически получается на западе Малого Кавказа, на левом берегу р. Аракс. Как показывает наше исследование, это не имеет никакого отношения к рассматриваемым историческим и географическим реалиям, но претендует на географическую близость к территории современной Армянской Республики, к территориям Албании, исторического Азербайджана, что так добиваются и отстаивают армянские историки.

Теперь кратко рассмотрим реальную историческую географию Армении с V в. до н. э. на основе исторических реалий, источников и на основе составленных карт:

1. В V в. до н. э. в период Ахеменидской державы Армения, как географическое понятие, была расположена на двух берегах р. Евфрат (у верховья), вокруг оз. Ван (см. карту № 4), на этой территории находились две сатрапии Ахеменидов – XIII и XVIII.
2. В период завоеваний Александра Македонского (IV в. до н. э.) Армения, как географическое понятие, была расположена к востоку от р. Евфрат (на восточном берегу ее), вокруг оз. Ван, на севере – южнее р. Аракса (см. карту № 5);
3. Во II–I вв. до н. э. – в период завоеваний Арташеса I и Тиграна II Армения, как политическое понятие, достигает больших территориальных пределов: от р. Евфрата на западе, до Каспийского моря – на востоке (см. карту № 7). Как известно, из албанских областей Арташес завоевал лишь Каспиану, которая была в составе Армении со II в. до н. э.

до I в. н. э. Правда, позднее С.Т.Еремян издал другие карты, видимо, под давлением, где Великая Армения этого периода растянулась до р. Куры.

Завоевания Тиграна II не коснулись албанских земель. После поражения Тиграна II, согласно условиям мирного соглашения 66 г. до н. э., Тигран II отказался от всех своих завоеваний, кроме Северной Месопотамии и Кордуены. Армянское государство сохранялось в пределах Армянского нагорья. А по договору 37 г., заключенному между Римом и Парфией, от Армении к Парфии отошли Северная Месопотамия и Кордуена. Эти границы сохранились до упразднения Армянского государства в 387 г. de facto и в 428 г. de jure.

4. И, как известно, до IX в. армяне были лишены своего государства. А в IX в. образовалось государство Багратидов в районе Карса, а на карте армянских историков это государство дано—размещено вольготно на двух берегах р. Аракса: начиная от южного берега оз. Севан, р. Арпачая, и далее на север и юг по левому и правому берегам р. Аракс.

5. А после падения государства Багратидов, расположенного на территории Восточной Анатолии, не было армянских государств до XX в. (см. карты в конце книги.)

§ 5. Албанские истоки Карабахской проблемы

Главная причина так называемой «Карабахской проблемы» заключается в территориальных притязаниях армян к азербайджанскому народу, к Азербайджану. Истоки стабильно пристального внимания армян к землям исторического Азербайджана вообще и к Карабаху в частности состоят в исторической судьбе армянского народа, которая сложилась в силу ряда объективных и субъективных факторов. Это можно проследить путем краткого исторического экскурса. Кратко рассмотрим (резюмируем) историю Арцаха-Карабаха, а затем дадим историческую справку об Армении.¹³⁰

Как было изложено, историческая провинция Карабах-Арцах – одна из важнейших в Кавказской Албании, самом раннем государстве Северного Азербайджана, занимала часть террито-

рии нынешнего Нагорного Карабаха и часть Мильской степи. Она известна под разными наименованиями – в форме Орхистена у античных авторов I в. до н. э., в форме Арцах, позднее Хачен, Карабах, в раннесредневековых, средневековых: албанских, древнеармянских, византийских, арабских, древнегрузинских и персидских источниках.

Попытки этимологизации этого названия на основе армянского языка весьма неубедительны. Напомним, что топонимы Арцах и Ути имеются в Испании на Пиренеях. Впервые слово «Арцах» упоминается в «Авесте» в значении «страна, область ветров», в албанских и армянских и византийских источниках V–XVIII вв. под названием «Арцах», «Хачен», в персидских, арабских источниках VIII–XIV вв. в форме «Карабах» и становится известным с XII в. в грузинских источниках. Карабах – тюркское слово, означает «большие сады», «черные сады». Карабах-Арцах является неотъемлемой частью – областью всех тех государственных образований, которые существовали на территории исторического Северного Азербайджана с древних времен и поныне.

Как отмечалось, с IV в. до н. э. по VIII в. н. э. Арцах – область Кавказской Албании – самого древнего государства Северного Азербайджана. После его падения Арцах-Карабах, будучи частью географического и политического понятия «Азербайджан», входил в состав азербайджанского государства Саджидов; в X в. – в состав государства Саларидов, в XI–XII вв. был частью государства Шеддадидов,¹³¹ в XII–XIII вв. Карабах составлял часть Азербайджанского государства Атабеков-Ильденизидов,¹³² во второй половине XIII – начале XV вв., в период существования монгольского государства Хулагуидов, входил в состав государства Джалаиридов,¹³³ в XV в. вошел в состав государства Кара-коюнлу, а потом – Ак-коюнлу, а в XVI–XVII вв., будучи в составе Карабахского беглярбекства, вошел в состав Азербайджанского государства Сефевидов (в политическом понимании), которое, в свою очередь, состояло из четырех беглярбекств – Ширванского, Карабахского (или Гянджинского), Чухурсаадского (или Иреванского) и Азербайджанского (или Тебризского).¹³⁴ Карабахом в составе Карабахского беглярбекства владела фамилия Зияд-оглы тюркского племени из Каджаров с XVI по XIX вв.¹³⁵

Во второй половине XVIII в. Карабах вошел в Карабахское ханство, в составе которого и был присоединен к России в 1805 и 1813 гг. и, окончательно, после Туркманчайского договора, в 1828 г.¹³⁶

Итак, как видим, Арцах-Карабах никогда не входил в состав армянских политических образований или же хотя бы политико-административных, которые образовались на территории Малой Азии, далеко за пределами Кавказа.

Население Карабаха в период античности, раннего и позднего средневековья и в новое время составляли кавказоязычные албаны, а с первых веков также и тюркоязычные племена и курды, состав которых постоянно пополнялся.

Теперь коротко рассмотрим основные вехи реальной истории армянского народа, армянских колоний, рассеянных на большом географическом ареале, а не историю стабильной страны. Потому все научные издания, посвященные проблеме, именуется «Историей армянского народа», хотя в них (в этих трудах) авторы совершенно неправомерно пытаются представить историю стабильной страны – Армении. Как понятие политическое, Армения очень рано изжила себя, перестав быть страной, понятием, означающим политическое единство. Еще известный арменист, сделавший переводы с древнеармянского на русский язык и издавший армянские источники, К.Патканов писал: «Армения никогда не играла особой роли в истории человечества. Это не есть политический термин, а название географической области, в которой разбросаны поселения армян. Армяне всегда были плохими хозяевами земель, на которых обитали, но они всегда умело прислуживали сильным, продавая своих ближних».¹³⁷

Как известно, армяне – не автохтоны как на территории Малой Азии (исторической Турции), так и на Кавказе. По мнению арменистов,¹³⁸ армяне из фригийских племен первоначально жили на Балканах, подхваченные кимирийским движением, появились в Малой Азии в XIII в. до н. э. Далее они пошли на Восток, до Евфрата. В последнем издании «История армянского народа» сообщается, что в XII в. до н. э. на территории хурритов, хеттов и лувийцев (в верховьях Евфрата) проникли группы индоевропейских армянских племен, именуемых в ассирийских клинописях «мушку» и «урму», в греческих – «аримами», а в даль-

нейшем – «армянами».¹³⁹ Другой крупный арменист-филолог Манук Абегян пишет: «Каково происхождение армянского народа, как и когда он утвердился в Армении, откуда и какими путями он пришел в свою отчизну, с какими племенами он имел общение до и после прихода в Армению, кто и какое влияние оказал на его язык, на его этнический состав? Обо всем этом у нас нет точных и подробных сведений».¹⁴⁰ Исторически сложилось так, что армяне территориально жили за пределами Кавказа, в Малой Азии, на Армянском нагорье, вокруг оз. Ван, на берегах рек Евфрат и Тигра.

Первое армянское государство возникло на территории Малой Азии в VI в. до н. э. и просуществовало до 428 г. С VI в. до н. э. по III в. до н. э. Армения представляла из себя две сатрапии – провинции (Восточная Армения и Западная Армения), подвластные вначале Персидской империи – Ахеменидам, потом Александру Македонскому, затем Селевкидам. Как было изложено в данной монографии, во II в. до н. э. и I в. до н. э. (при Арташесе I и Тигране II) границы Армянского государства были расширены. Разбитый римским полководцем Помпеем Тигран II лишился всех приобретенных земель. Помпей сохранил за Тиграном II «унаследованное им царство», и далее поясняется, что имеется в виду «исконная территория Армении, т.е. Армянское нагорье».¹⁴¹ При нашем исследовании Армянского нагорья, Айратской области оказалось, что Армянское нагорье не имеет отношения к землям Кавказа. Как было изложено нами ранее, с I в. до н. э. по 428 г. Армения по своему политическому статусу была номинальным государством, фактически провинцией Персии и Рима-Византии. Арменией правили то персидские, то римские ставленники, которыми могли быть и атропатенские и иберийские-грузинские царицы. А это означает, что армянские цари не имели права наследования, т.е. были номинальными, но не фактическими правителями. В течение этого периода Армения подвергалась неоднократно делению между двумя империями – Римом и Персией – в 66 г. до н. э.; 37 г.; 298 г.; 387 г., 591 г. и т.д. Согласно этим делениям часть Армении отходила к Византии и называлась западной византийской Арменией (к западу от р. Евфрата). Она же Малая Армения, другая часть отходила к Персии и называлась Восточной Персидской

Арменией (к востоку от р. Евфрата), она же Большая Армения. Армяне стали делить историю народностей, в составе государств которых жили.¹⁴²

В IX–XI вв. на юге, южнее верхнего и среднего течения р. Аракса, на северном побережье оз. Ван было создано армянское государство Багратидов. Далее, по мнению армянских историков, в XII–XIV вв. было создано армянское Киликийское царство на северо-восточном берегу Средиземного моря. Но как показало мое исследование, неправомерно считать Киликийское государство армянским. Творцы истории армянского народа в своих трудах, создав концепцию-легенду о якобы существующих двух Албаний (за курунской и Албании в междуречье рек Куры и Аракса), пытались столетиями, десятилетиями представить Албанию междуречья рек Куры и Аракса в качестве Восточной провинции «вечно существующей» «Великой Армении». Далее, они попытались и достигли желаемого – территорию Армянского государства V в. и государства Багратидов географически разместили на северо-западной части Южного Кавказа. Для этого надо было «всею навсего» сместить армянские государства с центральной части Армянского нагорья на восток и само Армянское нагорье «сдвинуть», буквально, тоже на восток, разместив в его северо-восточной оконечности – провинцию-край Айрарат (вместо гавара Айрарат). Таким образом, растянув территорию области Айрарат до «бесконечной территории» (искусственно созданного) округа-края Айрарат, армянские историки воплотили желаемое – приобщили территории древних, средневековых армянских государств к территории современной Армянской Республики, к территории восточного Кавказа, а точнее, к территории исторически Азербайджанских государств (см. § 3 о локализации Айрарата...). С IX по XIX вв. армяне были лишены своего государства. С XV в. армяне теснейшим образом связывают свою историю со своей церковью, значение которой усиливается, в особенности с тех пор, когда католикосский престол в 1441 г. был переведен из Киликии в Эчмиадзин близ Еревана. И очень примечательно, что с этого периода история армянского народа становится известной как специальный период, именуемый Эчмиадзинским. Во всяком случае, дореволюционные издания, т.е. издания до 1918 г., знали его, а советские историки предали

забвению.

Как известно, этнос существует, сохраняется при наличии территории, государства, церкви. Армяне лишились и первого, и второго. Церковь начинает выполнять функции государства. Как было изложено нами, епархии-епископства Армянской Церкви, которая обосновалась в Эчмиадзине, находились на территории вокруг оз. Ван на берегах рр. Евфрата и Тигра. Армянские феодальные патронимии с их владениями-доменами также были расположены на этой же территории. Казалось бы, что делать этой Эчмиадзинской Церкви на Кавказе? (об этом ниже). С XV в. руководителем политической, да и любой сферы жизни армян становится Эчмиадзин как консолидирующая, организующая сила армянского народа, рассеянного по всей ойкумене. Следует также учитывать, что в самой Армянской Церкви не было единства – существовали антипрестолы в Константинополе, Ахтамаре.

В XVI в. армянское духовенство планирует очистить Кавказ от кавказских тюрков. А в XVI–XVIII вв. в Малую Азию, где уже была создана мощная Османская империя, начинают проникать христианские миссионеры из Европы, Америки. Армяне, не порывая связи со своей Армянской Церковью (вернее, по ее же указанию), запросто принимают католичество, лютеранство, обучаются в школах миссионеров. Миссионеры и выпестовали первую плеяду армянской интеллигенции в Европе, Америке, которая и образовала истоки, основу будущего армянского лобби, будущей армянской диаспоры. Эти армяне быстро и ловко овладели европейскими правами, начисто забыв об обязанностях. Именно эти армяне, вместе с Эчмиадзинской Церковью, стали идеологами обоснования армян на территории Восточного Кавказа, вернее, на территории исторического Азербайджана.

С возникновением Османской империи армяне теряют надежду на создание своего государства на исторической родине – территории Малой Азии. Поэтому они устремили свои взоры на исторический Азербайджан, вынашивая идею очищения Кавказа от азербайджанских тюрков.* Творцы «Истории армянского народа» ввели в научный оборот, соответствующим образом переосмыслив, понятие «Восточная Армения», под которым с XVI в. до XX в. подразумевались только и только азербайджан-

*частично объяснение этому я дала в § 2 гл. III

ские земли: Карабах, Ереван, Гянджа, Сюник-Зангезур. Таким образом, понятие «Восточная Армения» смещается и во времени и в пространстве – с востока от р. Евфрат на Кавказ. Почему на Кавказ? Та часть армян, которая проживала в Восточно-Персидской Армении, фактически находилась в Восточной Анатолии. Здесь армяне соседствовали с курдами, а также с тюркоязычной конфедерацией племен XIV–XV вв. – Кара-коюнлу и Ак-коюнлу. Армяне были свидетелями, как эти этносы создавали свои государства на Юго-Восточном Кавказе: в X–XI вв. – курды создали Нахичеванско-Арранский эмират, т.е. государство Шеддадидов, а конфедерация тюркских племен в XV в. создала к югу от р. Куры государства – Кара-коюнлу и Ак-коюнлу. Возможность создания этих государств объясняется, во-первых тем, что на этой территории уже сложилась этническая среда для этих государственных образований. К IX–XI вв. курды уже были инкорпорированы в междуречье Куры и Аракса. А что же касается тюркоязычных племен, то они с VI–VII вв. составляют здесь этническую доминанту. Следует также учесть наличие на Кавказе локальных государств, но не империй, что также создавало возможность новых государственных образований.

Это дало повод армянским историкам окончательно территориально приобщиться к азербайджанским областям, где проживало осколочное албанское население – Арцаху и Сюнику, часть жителей которых, будучи христианским (албаны не теряли территориального и политического единства), сохраняла конфессиональное единство с армянами (монофизитство), коптами, яковитами. Но реализовать поставленную цель армяне могли только с помощью геополитики – европейских стран и России, в частности.

Под «Историей армянского народа» XVI, XVII, XVIII, XIX вв. армянские историки излагают историю азербайджанских областей – Карабахского, Гянджинского, Ереванского и Нахичеванского беглярбекств, а позднее ханств.

С XVIII в. армяне через Польшу (?) проникают в Россию, пытаются всякими посулами, ухищрениями расположить к себе Русский двор, российского императора Петра I, заинтересовывая его необходимостью освобождения от турецкого и персидского ига, так называемую «Восточную Армению», а по существу вели переговоры об освобождении Карабаха, Еревана, Зангезурских земель, Нахичевана, где наряду с тюрками, курдами жило оско-

лочное албанское христианское население.

В армянских изданиях совершенно беспочвенно албанские карабахские мелики XV–XVIII вв. именуется армянскими, к тому же все события, связанные с ними, переносятся в историю армянского народа.

В специальных разделах, посвященных истории армянского народа XVII–XVIII вв., имеются главы: «Армяно-русские отношения. Израэл Ори» и «Освободительное движение в 1720 году», в которых речь, опять же по существу, идет не об армянской истории XVIII в., а об албанском христианском населении, живущем в карабахских меликствах, об их освободительном движении.

Точно так же армянскими учеными искаженно преподносится освободительное движение карабахских и зангезурских меликств, возглавляемое Давид бекком в 1722–1728 гг. Кроме истории этих меликств в арсенале истории армянского народа ничего другого нет.

Весьма примечательно, что о проекте Потемкина относительно возрождения Албанского царства ничего не сказано в «историях» армянского народа. А там сказано: «чтобы привлечь на свою сторону христианское население Закавказья, царское правительство распространяло слух, что целью похода русских является «восстановление Армении».¹⁴³ А в последнем издании «Истории армянского народа» (1980 г.) сообщается о переговорах армянской епархии в России с представителями русского государства, согласно которым, будто бы, предусматривались освобождение полководцем А.В.Суворовым Армении и восстановление армянского государства со столицей в Ереване. «Предлагалось создать особый армянский полк, который совместно с войсками армянских меликов Карабаха должен был освободить Араратскую провинцию, а затем остальные армянские области» [?!].¹⁴⁴

Далее, в «Истории армянского народа» (1980 г.) сказано о XVIII в.: «Западная Армения была разделена... на пашалыки – Эрзрумский, Карский... Диарбекирский. В Восточной Армении и Азербайджане были созданы ханства – Ереванское. Нахичеванское. Карабахское. Ширванское и др.» Как видим, все перечисленные ханства были азербайджанскими. В «историях» армянского народа совершенно умалчивается об азербайджанских беглярбекствах, которые предшествовали ханству. Ереван

и Нахичеван являлись местожительством (ульком) кызылбашского племени Устаджлу. Чухур-Саад оставался их наследственным ульком. Как видим, на этих землях не было Восточной Армении. Надо особо отметить, что в состав Карабахского беглярбекства входило обширное пространство между Курой и Араксом, на котором также находились Казах, Шамшадиль, Лори и Памбак.¹⁴⁵ А когда были созданы азербайджанские ханства, карабахское беглярбекство стало Карабахским ханством.

Что же касается армянского этноса, то в самой «Истории армянского народа» (изд. 1980 г., с. 187) содержится вынужденное признание: «В начале XX в. значительная часть армянского народа жила за пределами своей родины – в соседних и далеких странах... Многие армянские колонии не порвали связей с родиной» [?!–Ф.М.]. Напрашивается естественный вопрос: что подразумевается под понятием «своей родины», какие эти земли?! С какой территорией армянские колонии поддерживали постоянные связи?! Ибо, проследив историю армянского народа буквально, по векам, прочтя творения самих же армянских историков, мы не нашли родину армян – постоянную стабильную территорию с политическим единством. Ведь основополагающим критерием этноса-нации является общность территории, на котором он возникает и формируется. Эту-то общность территории, историческую родину предстоит армянам выявить и потом уже создать реальную историю, а не приобщаться каждый раз к новым землям – то к азербайджанским областям – Карабаху и Сюник-Зангезуру и другим землям, то к южным областям Грузии (Гогарене), что они делали в начале XX в., по поводу которых писали И.Чавчавадзе и В.Л.Величко. Последний отмечал, что на армянских картах территория «Великой Армении» доводится чуть ли не до Воронежа, со столицей в Тифлисе. Он писал также: «Грузин они (армяне), в области историко-археологической грабят бессовестнейшим образом: сцарапывают грузинские надписи с памятников, ...сочиняют исторические нелепости и указывают как на древние армянские владения на такие области, где каждый камень говорит о прошлом грузинского царства».¹⁴⁶ Прокурор Эчмиадзинского Синода А.Френкель писал об этом в начале века: «Исторические судьбы армянского народа доказали с неопровержимой точностью полную неспособность этого народа к

образованию самостоятельного государства, государственного организма». ¹⁴⁷ Без помощи России и зарубежных стран армяне никогда не обрели бы государственного бытия.

Завоевав Кавказ уже к 50-м годам XIX в., Россия укрепила свои позиции на Кавказе: ликвидировала этнополитические образования автохтонного населения – Грузинское царство, азербайджанские ханства (в частности и Карабахское), создало впервые, не существующее никогда на Кавказе, политическое образование – Армянскую область на землях азербайджанских ханств (Иреванского и Нахичеванского), предварительно увеличив армянское население в них (и в Карабахе) путем переселения армян из Османской империи и албан из Персии. Далее, из существующих на Кавказе двух древних автокефальных апостольских Церквей – Грузинской и Албанской, действующих с IV по XIX вв. включительно, царизм ослабил Грузинскую Церковь, ликвидировал ее автокефальность; полностью упразднил Албанскую Церковь, превратил ее в епархии Эчмиадзинской Армянской Церкви, деэтнизировав автохтонное албанское население.

Мощно усилив политические, идеологические, экономические позиции Эчмиадзинской Церкви на Кавказе, в условиях меняющейся геополитической ситуации, Россия стала опасаться сепаратистских устремлений непомерно усилившейся Эчмиадзинской Армянской Церкви и давления армянских диаспор, педантично добивающихся приобретения на Кавказе государственного бытия. И потому в 1850 г. царизм упразднил Армянскую область, превратив в Иреванскую губернию. И, вероятно, в последующей политике России уже совершенно не предусматривалось создание на Кавказе армянского государства, (что давало возможность держать армян в полной постоянной зависимости от России), а рассчитывалось в дальнейшем использовать армян, как «фактор-сателлит» в ближневосточной политике.

В 60-х годах царское правительство стало вынашивать идею создания Армянской области на малоазийских землях Турции, идею создания «Западной Армении». Стремление к захвату Черного моря, Босфора и Дарданелл русский царизм прикрывал лозунгами «борьбы за освобождение христиан, армян от ига мусульманской Турции».

Вопрос о Западной Армении, о положении армянского

населения Турции в переговорах в Сан-Стефано и в Берлине в 1878 г. стал называться «армянским вопросом», согласно которому Турция обязывалась осуществить в армянских вилайетах необходимые реформы. Практически за реализацию армянского вопроса стояла только Россия. С этой целью были созданы политические партии «Гнчак» (1887 г.) и «Дашнакцутюн» (1890 г.). Обосновавшись в Русском Закавказье, они посылали в Турцию пропагандистов, организовывали повстанческие отряды, выступления которых были рассчитаны, прежде всего, на привлечение внимания великих держав к судьбе армянского народа. Партия «Дашнакцутюн» для достижения своей цели часто меняла свои ориентации – от русской до европейских держав, потом к общетурецкому революционному движению, к младотуркам, и затем вновь к России. По выражению Милюкова, армяне, «засевшие на перепутье между Россией и Турцией», накануне первой мировой войны приобретали крупное политическое значение.¹⁴⁸ В период Балканской войны (1912–1914 гг.) Россия выдвинула программу по созданию автономной Армянской области в Турции, т.н. Западной Армении из вилайетов – Эрзурума, Вана, Битлиса, Диарбекира, Харпута, Сиваса. Правителем Западной Армении должен был являться генерал-губернатор христианин, назначаемый Турцией с согласия европейских государств. Но эту программу европейские государства не поддержали.¹⁴⁹ «Геноцид» армян в 1915 г. в Турции для армян оказался очень своевременным* – ускорил решение вопроса о создании армянского государства, но уже на другой территории.

Армяне умело использовали любую революцию для достижения своих целей. Февральская и октябрьская революции 1917 г. ускорили решение армянского вопроса. В октябре 1917 г. в Тифлисе собрался Армянский национальный конгресс, который от имени всего армянского народа выдвинул требование – сохранение за Россией территорий Турецкой Армении, оккупированных русскими войсками во время первой мировой войны. Идею создания Западной Армении поддержал и В.И. Ленин, подписав 28 октября 1917 г. декрет, согласно которому Советская Россия провозгласила право так называемой Западной Армении на

* "Мемуары русского офицера" - подполковника Твердохлебова, Командира 2-го Эрзурумского крепостного артиллерийского полка. Изв. АН Азерб.ССР, Сер.ист., фил., право, 1989, № 1

полное самоопределение.¹⁵⁰

В мае 1918 г., когда распался Закавказский Сейм, была провозглашена Армянская независимая республика, не имевшая ни территории, ни столицы. Она была провозглашена в Тифлисе. АДР (Азербайджанская Демократическая Республика) 29 мая 1918 г. уступила Армянской Республике г. Эриван.¹⁵¹ Территория Армянской Республики свелась практически к Эриванскому уезду и Эчмиадзинскому - с 400 тыс. жителей.

По окончании первой мировой войны армяне стали рассматриваться державами в качестве опоры как против Турции (в Киликии), так и против Советской России (в Закавказье). Антанта передала Армянской Республике Карскую область и уезды Эриванской губернии.

Население этой республики в 1918 г. составляло 1,5 млн. человек, из коих 700 тыс. были армяне. Не довольствуясь этим, дашнаки заявили претензии на территории Ахалкалаки и Борчалы, вошедшие в Грузинскую Республику, а также на Карабах, Нахичеванский уезд, Зангезурские земли, находившиеся в составе Азербайджана. Эти попытки привели к войне с Грузией и к долгой кровопролитной войне с Азербайджаном. Армянская Республика незаконно, с помощью грубой силы начала аннексировать азербайджанские земли.¹⁵² 12 августа 1918 г. Ленин подписал декрет о передаче Нахичевани и Зангезура дашнакам. Летом 1918 г. генерал Андроник с армянской армией вторгся в Зангезур, предъявил населению ультиматум – либо подчиниться их власти, либо покинуть насиженные места. По сведениям следственной комиссии Михайлова, только за лето 1918 г. в Зангезуре было уничтожено 115 азербайджанских сел, убито 7 тыс. человек, 50 тыс. азербайджанцев покинули пределы Зангезура.¹⁵³

Особенно ожесточенно шла борьба в Карабахе. В 1919–1920 гг. армянский вопрос – создание Армении, перестал интересовать европейские страны. Вопрос о создании Армении был передан Северной Америке. Верховный Совет Лиги Наций признал, что «без поддержки» Армения существовать не может.¹⁵⁴

Президент США Вильсон принял поручение Лиги Наций определить границы Армении. Но американские политики отвергли «мандат на Армению», посчитав, что армянский вопрос – это европейский вопрос, и большинством голосов отвергли его при

голосовании в сенате.¹⁵⁵

То же самое сделало французское правительство с армянами оккупированной этой страной в 1919 г. Киликии. Франция в 1921 г. заключила мирный договор с Турцией, по которому она отказалась от Киликии. Армяне были разбиты, часть их уничтожена. Жалкие остатки армянского населения бежали в Сирию, на Кипр, в Египет.¹⁵⁶

Итак, одна из двух «армянских баз» была ликвидирована. Армянский вопрос сосредоточился на Закавказье, где дашнаки вели политику воинствующего национализма. В марте-июле 1920 г. произошли столкновения с дашнаками в Карабахе, Шуше, Нахичевани, Ордубаде, Тертере, Аскеране, Зангезурском, Джебраильском, Гянджинском уездах. Были уничтожены десятки азербайджанских сел.

Советская Россия решила не допустить превращения Армянской Республики в антисоветский плацдарм. Она стала посредником в разрешении территориальных вопросов между Арменией и Азербайджаном. Получив из Великобритании и Италии оружие, дашнаки произвели массовый погром мусульманско-тюркского населения Карабаха, Нахичевани и Зангезура по губерниям – Эриванской и Карской. В октябре 1920 г. Восточная турецкая армия Кара Бекира и Халил-паши взяла Карс, Александрополь и заставила армян подписать очередной позорный для них мир. Дашнаки дважды обращались к правительствам США, Великобритании, Франции, Италии с просьбой о помощи, но получили отрицательный ответ.¹⁵⁷ В ноябре 1920 г. власть дашнаков была свергнута и установлена Советская власть. Оставшиеся в Зангезуре дашнаки в декабре 1920 г. образовали «Сюникское правительство» (Республику Нагорной Армении). И только в июне-июле 1921 г. Зангезур был освобожден от дашнаков.¹⁵⁸

Русско-турецкий договор 1921 г. аннулировал Александропольский мир, установив границу Армянской Республики с Турцией в современных ее начертаниях. С этого времени началось государственное бытие армянского народа на Кавказе. После падения Азербайджанской Демократической Республики Советская Россия пересмотрела свой взгляд, понимая мифичность идеи создания Западной Армении в Турции, решила создать так называемую Восточную Армению из азербайджанских земель – бывше-

го Эриванского ханства, Зангезурских земель, где к этому времени уже были созданы компактные армянские поселения. После установления Советской власти в Азербайджане (апрель 1920 г.) Н.Нариманов неоднократно требовал присоединить Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичевань к Азербайджану. Он говорил: «Никто в мире не в состоянии помешать нам повлиять на население указанных областей высказаться за соединение с Азербайджаном».¹⁵⁹ «Уступка этих областей Армении сейчас является дискредитированием советской власти не только в Азербайджане, но и в Персии, и Турции».¹⁶⁰

Советское правительство стремилось реализовать армянский вопрос за счет азербайджанских земель, создав восточную Армению. Фактически азербайджанские земли послужили залогом, своего рода приманкой, для идеи создания Советской Республики Армения.

16 марта 1921 г. по договору, заключенному между кемалистской Турцией и Советской Россией, была заложена правовая основа создания Нахичеванской Автономной Республики Азербайджана. В статье 3 договора сказано: «Нахичеванская область в границах, указанных в приложении 1 (с.) настоящего договора, образует автономную территорию под протекторатом Азербайджана при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству».¹⁶¹ Вскоре Н.Нариманов, выражая волю азербайджанского народа, категорически потребовал оставить Нагорный Карабах в составе Азербайджана, заявив, что в противном случае «Совнарком слагает с себя ответственность», т.к. при таком исходе «Мы восстанавливаем в Азербайджане... антисоветские группы».¹⁶² На основе этого заявления 5 июля 1921 г. заседание Кавбюро вынесло решение оставить Нагорный Карабах в пределах Азербайджанской ССР, предоставив широкую автономию и образовав автономную область Азербайджана.¹⁶³

Итак, Армянская Республика была создана в 1920 г. на азербайджанских землях Эриванской губернии (бывшего азербайджанского Эриванского ханства). В 1921 г. от Азербайджана изъяли и присоединили к образовавшейся Армянской ССР Зангезурский уезд. В 1922 г. при образовании СССР азербайджанские земли – Дилижан и Гекча (Шарур-Даралагезские р-ны)

присоединили к Армянской ССР. В 1923 г. на территории Азербайджанской ССР была создана НКАО (Нагорно-Карабахская Автономная Область). В 1929 г. от Нахичевани изъяли несколько сел и присоединили к Армянской ССР. И, в 1969 г., Армянская Республика получила территориальные приращения за счет Азербайджана (за счет селений Казахского и Садаракского районов).

Известный востоковед И.П.Петрушевский совершенно справедливо писал: «Карабах никогда не принадлежал к центрам армянской культуры».¹⁶⁴

Не следует забывать, что карабахская проблема не имеет аналогов в истории.

Библиография:

- ¹Мамедова Фарида. К вопросу об албанском (кавказском) этносе. - Изв. АН АзССР, СИФП, 1989, № 3, с. 116.
- ²Буниятов З. М. Несколько замечаний по поводу этнических процессов в Ширване (до первой трети XIII века). - ДАН АзССР, том XII, 1986, № 4, с. 73.
- ³Али-заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв., с. 51.
- ⁴Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурни, перевод с араб., предисловия, коммент. З.М.Буниятова, Баку, 1973 с. 274.
- ⁵Иоганн де Галлонфонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1980, с. 27.
- ⁶Киракос Гандзакечи. История, с. 134;
Пириев В. Карабах в составе государств Хулагуидов и Джалаиридов (XIII-XIV вв.), с. 56-57.
- ⁷Киракос Гандзакечи. История, с. 99-104, 119 и др.;
Рашид ад-Дин. Переписка. Перевод, введение и коммент. А.И. Фалиной. М., 1971, с. 27;
Пириев В. Карабах в составе государств Хулагуидов и Джалаиридов (XIII-XIV вв.), с. 57.
- ⁸Макар Бархударянц. Арцах. Баку, 1895, части I-II (арм. яз). Перевод Яргуляна; Гаджиева Ульвия. Дезтнизация кавказских албан в XIX веке, с. 32-33.
- ⁹Есаи Хасан-Джалалян. Краткая история страны Албанской (1702-1722 гг.), гл. IV, с. 21, 43. примеч. 110.
- ¹⁰Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи. Тарих-и алам ара-йи Амини. Баку, 1987, с. 86. // См.: Эфендиев Октай. Карабах в составе государств Каракоюнлу, Аккоюнлу и Сефевидов (XV-XVII вв.). // Карабах. Очерки истории и культуры, с. 63.
- ¹¹Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи. Указ. раб., с. 119, 123.
- ¹²Улубабян Б. А. История Хаченского княжества (X-XVI вв), с. 57.
- ¹³Эфендиев Октай. Карабах в составе государств Каракоюнлу, Аккоюнлу и Сефевидов (XV-XVII вв.), с. 65.
- ¹⁴Рохборн К. М. Провинциальная администрация в период Сефевидов. Тегеран. 1349/1970 (перс. яз.), с. 5. // См.: Эфендиев Октай. Карабах в составе государств Каракоюнлу, с. 66.
- ¹⁵Есаи Хасан-Джалалян. Краткая история страны Албанской (1702-1722 гг.). Предисловие.
- ¹⁶Армяно-русские отношения первой трети XVIII в., т. 2, ч. 2. Ереван, 1967, с. 30;
Мустафаев Т. Т. Гарабагское (Гянджинское) беглярбекство первой трети XVIII в. - Изв. АН Азерб. ССР. СИФА, 1988, № 3, с. 38.
- ¹⁷Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - начале XVII вв., с. 331.
- ¹⁸Мирза-Адигезал Бей. Карабахнаме. Баку, 1950, с. 47;
Алиев Фуад. Карабахское ханство (XVIII в.). // См.: Карабах. Очерки истории, с. 71-72.
- ¹⁹Там же, с. 54.
- ²⁰Алиев Фуад. Карабахское ханство (XVIII в.). Указ. раб., с. 73.
- ²¹Мустафаев М. М. Экономика Карабахского ханства. Берлин, 1949, с. 36;
Алиев Фуад. Карабахское ханство (XVIII в.). Указ. раб., с. 76.
- ²²Левиатов В. Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в., с. 145;
Алиев Фуад. Карабахское ханство (XVIII в.). Указ. раб., с. 76.
- ²³Храповицкий А. П. Чтение в Императорском обществе истории древностей

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ И АЛБАНЫ

российских при Московском университете, с. 37.

²⁴ЦГИА, фонд 52, опись 2/ 203, дело 37, лл. 63-64.

²⁵Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1998, с. 100.

// См.: Алиев Фуад. Карабахское ханство (XVIII в.). Указ. раб., с. 82-83.

²⁶"Албанская Церковь". Православная энциклопедия под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, 2000, т. I, с. 459;

Гаджиева Ульвия. Деэтнизация кавказских албан в XIX, с. 37-38.

²⁷Гаджиева Ульвия. Указ. раб., с. 39.

²⁸Там же.

²⁹Там же, с. 44.

³⁰Там же, с. 45-46

³¹Там же, с. 19-20

³²Храповицкий А. П. Чтение в Императорском обществе истории древностей российских при Московском университете, с. 37.

³³Гаджиева Ульвия. Указ. раб., предисловие Эльдара Исмаилова, с. 10.

³⁴ЦГИА. Справка 1907, фонд 821, опись 139 (173), ед. хр. 96; опись 1, д. 97; опись 10, д. 89;

Мамедова Фарида. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, с. 238.

³⁵Шавров Н. Русская колонизация на Кавказе. См.: Вопросы колонизации. СПб., 1911, т. VIII, с. 65;

Гаджиева Ульвия. Указ. раб., с. 46.

³⁶Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. СПб., 1904, с. 112-113.

³⁷Гаджиева Ульвия. Указ. раб., с. 46-47.

³⁸Чавчавадзе И. Г. Армянские ученые и вопиющие камни. Перев. с груз. Алексеева-Месхиева Н. И. Тифлис, 1902; переизд. в Баку, 1990, с. 2.

³⁹Кавказский календарь на 1864 год. Тифлис, 1863, с. 210;

Гаджиева Ульвия. Указ. раб., с. 49.

⁴⁰Чавчавадзе И. Г. Указ. раб., с. 55, 59, 61, 75, 77-80.

⁴¹Он же, с. 39-40, 44-45, 47, 52; Гаджиева Ульвия. Указ. раб., с. 50-52.

⁴²Там же, с. 3;

Гаджиева Ульвия. Указ. раб., с. 50-52.

⁴³ЦГИА, ф. 821, оп. 150, д. 477, документ 1908 г.;

Мамедова Фарида. Об исторической географии Кавказской Албании, Армении и албанском этносе, с. 19

⁴⁴ЦРИА (микрофильм), ф. 821, оп. 7, д. 96, ч. III. Подписал: и.д. Прокурора Эчмиадзинского Армяно-григорианского Синода Френкель. Эчмиадзин, 22 апреля 1903 г. Этот документ был выявлен молодым албанистом К. Имранлы в ЦРИА. Выражаю свою благодарность ей, что любезно предоставила его мне для публикации. Этот документ, среди прочих ею выявленных документов, будет издан в ее монографии.

⁴⁵Флоренский Павел. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 2004.

⁴⁶Он же. Указ. раб., с. 3.

⁴⁷Он же. Указ. раб., с. 4.

⁴⁸Он же. Указ. раб., с. 6.

⁴⁹Он же. Указ. раб., с. 169-170.

⁵⁰Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1949, № 1, с. 247, 256;

Зелин К. К. Историческая концепция Помпея Трога. - ВДИ, 1948, № 4, с. 208.

⁵¹Флоренский Павел. Указ. раб., с. 162.

- ⁵²Он же. Указ. раб., с. 165.
- ⁵³Он же. Указ. раб., с. 167.
- ⁵⁴Он же. Указ. раб., с. 168.
- ⁵⁵Он же. Указ. раб., с. 176.
- ⁵⁶Он же. Указ. раб., с. 178.
- ⁵⁷Он же. Указ. раб., с. 179.
- ⁵⁸Он же. Указ. раб., с. 169.
- ⁵⁹Шанидзе А. Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки; Dumézil G. Une chrétienté disparue. Les albaniens du Caucase. *Journal asiatique*, 232 (1940-41);
- Гукасян Ворошил. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана в монографии "Азербайджан в VII-IX вв.", с. 117.
- ⁶⁰Еремян С. Т. Идеология и культура Албании III-VII вв, с. 329; Алексидзе Заза. *Qafqaz albanları dilləndilər*, с. 36.
- ⁶¹Доклад Бернара Утье на конференции в Вене в 2000 г. Еремян С. Т. Идеология и культура Албании III-VII вв, с. 329.
- ⁶²Mamedova Farida. Le probleme de l'ethnos albano-caucasien. *Regard sur L' anthropologie sovietique. Vol. XXXI (2-3)*, p. 385-393.
- ⁶³Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан; Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957; Он же. Гунны в Восточной Европе. В кн.: *Очерки истории СССР (III-IX вв.)*, М., 1958, с. 151-166.
- ⁶⁴Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв., с. 223-229.
- ⁶⁵Буниятов З. М. Указ. раб., с. 94.
- ⁶⁶Мустафаев Ш. Орта эсрләрдә Азәрбајҹанда түрк етник шүүрунун инкишаф мәрһөләләри. См.: *Milli özünüdәrketmə beynәlxalq elmi kollokviumun tezisləri. 21-24 aprel 1999, Bakı*, s. 102.
- ⁶⁷Бейлис Вольф Менделеевич. Сочинения Мас'уди ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII в. и памятник средневековой арабской литературы. Автореф. докт. дисс. ист. наук. Баку, 1975; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв.
- ⁶⁸Мамедова Фарида. Албаны и Киликийское царство. См. гл. III.
- ⁶⁹Орбели И. А. Хасан Джалал - князь Хаченский.
- ⁷⁰Мустафаев Ш. Указ. раб, с. 103.
- ⁷¹Мамедова Фарида. Албаны и Киликийское царство.
- ⁷²Орбели И. А. Хасан Джалал, князь Хаченский.
- ⁷³Mamedova Farida. Le probleme de l'ethnos albano-caucasien, p. 387
- ⁷⁴Мустафаев Ш. Указ. раб, с. 104.
- ⁷⁵Есаи Хасан-Джалалян. Краткая история страны Албанской, с. 21. В Кандагаре один из албанцев был известным полководцем под именем Шах-Наваз (историческая память удин).
- ⁷⁶Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи. Указ. раб., с.70, 86; Эфендиев Октай. Карабах в составе государства Каракоюнлу, Аккоюнлу и Сефевидов (XV-XVII вв.), с. 63.
- ⁷⁷Мустафаев Ш. Указ. раб., с. 104.
- ⁷⁸Эфендиев Октай. Указ раб., с. 64.
- ⁷⁹Эфендиев Октай. Указ раб., с. 66-69.
- ⁸⁰Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - нач. XIX вв.;

Алиев Ф. М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в пер. половине XVIII в. Баку, 1975, с. 196-199.

⁸¹Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931.

⁸²İğvən əyalətinin icmal dəftəri. Bakı, 1996. Araşdırma, tərcümə, qeyd və əlavələr Bünyadov Z.M. və Məmmədov N. ilə birlikdə;

Naхçıvan sancağının müfəssəl dəftəri. Bakı, 1997. Türk dilindən çevirənlər: Bünyadov Z.M. və Məmmədov N. ilə birlikdə;

Gəncə-Qarabağ əyalətinin müfəssəl dəftəri. Bakı, 2000. Araşdırma, türk dilindən tərcümə, qeyd və əlavələr, Məmmədov N., s. 576.

⁸³Рзаев Агабаба. История политических и правовых учений в Азербайджане. От истоков до XX века. Баку, 2000, с. 302.

⁸⁴Рзаев Агабаба. Указ. раб., с. 306.

⁸⁵Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, с. 103;

Рзаев Агабаба. Указ. раб., с. 306.

⁸⁶Kərim Ağa Fateh Şəki xanov. Şəki xanlığının qısaldılmış tarixi, 1829;

Mirzə Adıgözəl bəy. Qarabağnamə, 1845;

Mirzə Cəlal. Qarabağnamə, 1847;

İskəndər bəy Hacınski. Fətəli xan Qubinskiinin tərcümeyihalı (перв. половина XIX в.);

Mirzə Əhməd Mirzə Xudaverdi oğlu. Talış xanlığının xronikası haqqında (1883);

Şeyx İbrahim Nəsih. Gəncənin tarixi

⁸⁷Һүсејнов Һүсејн. Азербайчанча-русча лүгət. Бақы, 1941; Азербайчан дилинин изаһлы лүгəти. ред. Ə. Оручев. Бақы, 1980.

⁸⁸Есаи Хасан-Джалалян. Краткая история страны Албанской, с. 6-7.

⁸⁹Там же, с. 8-9.

⁹⁰Там же, с. 7-9,

⁹¹Мирза Адигезал Бей. Карабагнаме. Баку, 1950, с. 47.

⁹²Мирза Адигезал Бей. Указ. раб., с. 54.

⁹³Мустафаев М. М. Экономика Карабахского ханства, с. 36;

Алиев Фуад. Карабахское ханство XVIII в., с. 76.

⁹⁴Храповицкий А. П. Чтения в Императорском обществе, с. 63-64.

⁹⁵Mamedova Farida. The genesis of national selfconsciousness in Azerbaijan, pp. 89-95; "National consciousness". Proposals of international scientific colloquium. April 21-24. Baku, 1999.

⁹⁶Орманиан М. Армянская церковь, с. 118.

⁹⁷Канонагирк Хайоц (древнеарм.яз.).

⁹⁸Айвазян В. К. "История Тарона" и армянская литература IV-VII веков, с. 50.

⁹⁹Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 319, 343;

Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 82.

¹⁰⁰Моисей Хоренаци. Перевод Г. Саркисяна, с. 229, примеч. 154.

¹⁰¹Там же, примеч. 156.

¹⁰²История армянского народа. Под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1980, с. 7.

¹⁰³Карта составленная и приложенная к книге "История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации". Под ред. И. М. Дьяконова, М., 1983.

¹⁰⁴"История Древнего Востока. Зарождение...". Ч. I. Месопотамия, с. 32.

¹⁰⁵Там же.

¹⁰⁶Там же, с. 37. (См. его карту).

¹⁰⁷Еремян С. Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 39, 53, 60.

- ¹⁰⁸Там же, с. 53, 60; По Иосифу Флавию. "Арагатские горы - это Кардуенские горы" (Иудейские древности, I, 1, 6).
- ¹⁰⁹Еремян С.Т. Там же, с. 31;
Новосельцев А. П. Местонахождение библейской горы Арарат. См.: Сб. Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- ¹¹⁰История армянского народа, с. 7.
- ¹¹¹Там же, с. 8.
- ¹¹²Там же, с. 8, 39.
- ¹¹³ Страбон сообщает, что Кавказ примыкает к Армении: "Южные части Армении прикрывает Тавр, отделяющий ее от всей области между Евфратом и Тигром, которые называют Месопотамией; восточные части граничат с Великой Мидией и Атропатеной; северные части - это горы Парахоафра, лежащие над Каспийским морем; Албания, Иберия и Кавказ, который окружает эти народности и примыкает к Армении..." (Страбон, кн. XI, XIV).
- ¹¹⁴История армянского народа, с. 7.
- ¹¹⁵Страбон. География в 17-ти книгах. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского, с. 498.
- ¹¹⁶См. карту С.Т. Еремяна "Армянское нагорье".
- ¹¹⁷История армянского народа, с. 35.
- ¹¹⁸История армянского народа, с. 19.
- ¹¹⁹Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 33, 106, карта на с. 79; Он же. Урарту. См.: История СССР, тт. I-VI. М., 1966, с. 180.
- ¹²⁰Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Изд. АН Арм.ССР, Ереван, 1968, с. 180.
- ¹²¹История армянского народа, с. 59;
Хоренаци, II, 65.
- ¹²²Айвазян К. В. "История Тарона" и армянская литература IV-VII веков, с. 15, сноска 12.
- ¹²³Айвазян К. В. Там же, с. 143, сноска 180;
Мовсес Хоренаци, с. 238, примеч. 277.
- ¹²⁴Там же, с. 143;
Еремян С.Т. Армения по "Ашхарацуйцу", с. 49.
- ¹²⁵Там же, с. 24-25, 49.
- ¹²⁶Там же.
- ¹²⁷Там же, с. 24-26.
- ¹²⁸Агафангел. История. Тифлис, 1882 (древнеарм. текст), гл. 116, с. 473-474.
- ¹²⁹Там же, гл. 118, с. 480.
- ¹³⁰Mamedova Farida. Ursachen und Folgen des Karabach-Problems. Eine historische Untersuchung. Baden-Baden, Band 2, 1995, ss. 110-128.
- ¹³¹Шарифли М. Х. Феодалные государства Азербайджана во второй половине IX-XI вв. Баку, 1978, с. 30-89, 344.
- ¹³²Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1978.
- ¹³³Пириев В. З. Об исторической географии Азербайджана. Баку, 1987. с. 98-105.
- ¹³⁴Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Баку, 1981.
- ¹³⁵Эфендиев О. Территория и границы азербайджанских государств в XV-XVI вв. См.: сб. Историческая география Азербайджана, с. 114.
- ¹³⁶О Карабахе в составе азербайджанских государств. См.: Сб. Историческая география Азербайджана.
- ¹³⁷Патканов К. Ванские надписи и их значение для истории Передней Азии. ЖМНП, 1875, с. 5.

- ¹³⁸Адонц Н. См.: Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона.
- ¹³⁹История армянского народа. Ереван, 1980, с. 17-18.
- ¹⁴⁰Абегян Манук. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975, с. 11.
- ¹⁴¹Манандян Я. А. Тигран Второй и Рим. Ереван, 1943, с. 27, 47-48;
- Мамедова Фарида. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, с. 118-120.
- ¹⁴²Мамедова Фарида. Указ. раб., с. 119.
- ¹⁴³История армянского народа. Ереван, 1951. с. 266.
- ¹⁴⁴История армянского народа. Ереван, 1980, с. 171-172.
- ¹⁴⁵Эфендиев О. Территория и граница азербайджанских государств в XV-XVI вв., с. 114-116;
- К. Рохборн Низами-и-эйалат дар довре-йи. Сефевийе. Техран. 1970, с. 6;
- Рахмани А. Азербайджан: границы и административное деление в XVI-XVII вв. // См.: "Историческая география Азербайджана", с. 132;
- Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. Перевод, предисловие, примечания и приложения Е.И. Васильевой, М., 1976, т. II, с. 174, 198.
- ¹⁴⁶Чавчавадзе И. "Армянские ученые и вопиющие камни";
- Величко В.Л. Кавказское Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990, с. 107.
- ¹⁴⁷Справка прокурора Эчмиадзинского Синода Френкеля А. (1907 г.), ЦГИА, ф. 821, опись 139, дело 173, ед. хр. 96.
- ¹⁴⁸Большая Советская Энциклопедия. М., 1926, т. 3. Армянский вопрос, с. 436.
- ¹⁴⁹История армянского народа. Ереван, 1980, с. 259.
- ¹⁵⁰Балаев Айдын. Азербайджанская Демократическая Республика. Баку, 1991 с. 17-18; Декреты Советской власти, т. 1, с. 298-299.
- ¹⁵¹Айдын Балаев. Указ. раб., с. 50; ЦГАОР, Аз.ССР, ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, л. 51.
- ¹⁵²Большая Советская Энциклопедия, т. 3, Армянский вопрос, с. 437; Гражданская война и военная интервенция в СССР (Энциклопедия), М., 1987, с. 43.
- ¹⁵³Айдын Балаев. Указ. раб., с. 50.
- ¹⁵⁴БСЭ, с. 437.
- ¹⁵⁵Там же, с. 438.
- ¹⁵⁶Там же.
- ¹⁵⁷Гражданская война и военная интервенция в СССР, с. 42.
- ¹⁵⁸Там же. с. 43.
- ¹⁵⁹ЦИА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 5, л.80.
- ¹⁶⁰Киров С. М. Статьи, речи, документы, т.1, М., 1936, с. 231.
- ¹⁶¹Документы внешней политики СССР, т. 3, М., 1969, с. 598-599.
- ¹⁶²ЦИА ИМЛ, ф. 17, опись 2, дело 7, л. 13.
- ¹⁶³ЦИА ИМЛ, ф. 17, опись 2, дело 7, л. 13.
- ¹⁶⁴Петрушевский И. П. О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха. Библиотека Азерб. ОЗФ Акад. Наук. СССР, № 38990, 1930 г., с. 13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая монография является результатом всестороннего исследования и воссоздания почти всех аспектов истории Албании и албан: становления албанской историко-литературной традиции, исторической географии, политической истории, социально-политического строя, становления албанской этнической общности, истории христианства, Албанской Апостольской Автокефальной Церкви с III в. до н. э. по VIII в. (период 1000-летнего существования Албанского государства) и далее с IX по XIX вв. – прослеживание дальнейшего существования локальных албанских царств, албанских меликств, истории Албанской Церкви, албанского этноса в составе азербайджанских государств, азербайджанских ханств; выявлены место албан в этногенезе азербайджанского народа, а также пути их трансформации и деэтнизации; албанские истоки Карабахской проблемы.

Исследование античных и раннесредневековых источников, реалий Албании, Армении и Иберии, соположение их, привлечение договоров, заключенных между двумя империями – Римом-Византией и Персией относительно кавказских стран, привело к убеждению, что в силу политических причин территория Албании с III в. до н. э. по VIII в. н. э., т.е. в течение 1000 лет оставалась (за небольшим исключением) в одних и тех же пределах. Не было особой динамики в сторону расширения или сокращения ее территории. Албанские цари не вели экспансионистской политики. Географическое положение Албании, Армении и Грузии, сложившиеся внешние и внутривосточные ситуации в каждой из них способствовали стабильной безопасности албанских границ. Следовательно, формирование албанского этноса, который был одним из предков азербайджанского народа, происходило на одной и той же территории.

Изменения временами имели место лишь на крайнем северо-западе Албании, в области Камбисены, и на юге, востоке, где они были связаны только с областью Каспианой. В III в. до н. э. Албания достигала максимальных пределов. На северо-западе территория Камбисены была велика как никогда, а на юге, где постоянно политическая граница страны проходила по р. Аракс,

область Каспиана входила в состав Албании. В период II–I вв. до н. э. Каспиана была завоевана Арменией, а в I–II вв. была в составе Атропатены, после чего с III в. н. э. Каспиана окончательно вошла в состав Албании. Территория Камбисены была уменьшена в пользу Иберии в V в.

Мое исследование показало беспочвенность и неправомерность так называемой армянской концепции, согласно которой территория Албании с III в. до н. э. по IV в. н. э. проходила по р. Куре, т.е. междуречье Куры и Аракса – области Арцах, Ути и Каспиана (Пайтакаран) считались армянскими. Исследование показало также несостоятельность мнения грузинских исследователей, согласно которому албанские земли до Шаки включительно были в составе Иберии.

Таким образом, впервые были очерчены территориальные пределы Албании по всем периодам (составлены семь карт).

В монографии исследован вопрос албанской литературы: показано становление албанской историко-литературной традиции, ее виды – агиографическая, церковно-правовая и светская литература. Изученный материал свидетельствует, что становление албанской литературы на албанском языке было объективной исторической необходимостью. К созданию своей литературы Албания была подготовлена всеми условиями жизни: социально-экономическими, конфессиональными, политическими. Это было время существования самостоятельного Албанского государства с правящей царской династией и сменивших их великих князей с Албанской Апостольской Автокефальной Церковью. В албанской литературе, как исследовано в монографии, наметились три последовательные направления: сирофильское, грекофильское и местное–албанское.

Все албанские источники изначально были написаны на албанском языке. Благодаря открытию З.Н.Алексидзе, теперь уже не вызывает сомнения, что албаны уже в IV в. имели свою албанскую, христианскую литературу (полный перевод Библии, Лекционарий), написанную албанским письмом на албанском языке.

Албанская историко-литературная традиция стала складываться с VI в. Период формирования ее и развития падает на VI–XIII вв.: период арабского завоевания, падения Албанского

государства, период исламизации части албанского населения, возрождения локальных албанских царств (в Сюнике, Арцахе, Шеки-Камбисене), период сельджукского монгольского завоевания. Основные сведения и представления по истории Албании I–X вв. дает выдающийся представитель историко-литературной традиции албанский автор Моисей Каланкатуйский и его продолжатель в «Истории албан», дошедшей до нас на древнеармянском языке в переводе с албанского.

Исследуя рукописную основу «Истории албан» Моисея Каланкатуйского, изучая генеалогию рукописных списков «Истории албан», нам удалось составить, прежде всего, генеалогическое древо рукописей источника ИА, которое делится по своему различию на две группы: I-ую (схема 2), именуемую мной «армянской», претерпевшей целенаправленное редактирование со стороны Армянской Церкви, и II-ую группу (схема 1), именуемую мной «албанской», не подвергшейся редактированию.

При этом наше исследование базировалось на изучении всех существующих изданий «Истории албан»: трех древнеармянских, современно-армянского, английского и русского, а также привлечения дополнительных четырех рукописей из Петербурга и Парижской Национальной библиотеки, из коих две, как нам удалось выявить, относятся по контексту различия к албанской редакции (ЛО ИВАН С–59 и Р₄ 220) и две – к армянской [(ЛО ИВАН В–56 и Р₁ 217– (каталог Маклера)]

В результате проделанной работы стало известно, что Армянская Церковь, в целях аннексирования албанского историко-литературного наследия, албанской культуры при переводе на древнеармянский язык подвергла одну рукопись «Истории албан» Каланкатуйского тщательному редактированию в интересах истории Армянской Церкви и пустила в научный оборот именно эту отредактированную рукопись и копии с нее, которые легли в основу всех существующих изданий «Истории албан» Каланкатуйского, а также в основу всех исследований ориенталистов, кавказоведов, всех, кто интересовался этим албанским памятником. Редактирование проводилось в контексте изначальной подчиненности Албанской Церкви Армянской, а также изначального Хайкидского-армянского происхождения албанских правителей.

Не менее важными, на мой взгляд, оказалось выявление мной редактирования элегии албанского поэта Давтака, написанного на смерть Джеваншира, албанского великого князя, которое было написано в форме акростиха, первоначально охватившего девятнадцать (19) букв алфавита (албанского алфавита). Но при переводе претерпел армянское редактирование, акростих был искусственно растянут, охватив все 36 букв армянского алфавита. И, тем не менее, невзирая на бдительность, предосторожность Армянской Церкви, мимо ее зрения в туне оказалось несколько рукописей албанской редакции, т.е. рукописи (переведенные на армянский язык), не претерпевшие армянского редактирования, быть может, сохранившиеся не без помощи поздних албан. Текстологический анализ этих двух групп рукописей свидетельствует о принципиальных различиях в них.

На основе текстологического анализа, изучения стиля написания памятника, хронологической системы датирования событий в «Истории албан» мы пришли к следующему выводу. Само содержание «Истории албан» (где дана история страны Албании с древнейшего времени до начала VIII в: история албанского этноса, правителей страны, Албанской Церкви, где трижды очерчены территориальные пределы страны, в разные периоды стабильно расположенные на двух берегах р. Куры и др.), манера изложения, авторское отношение к описываемым событиям, отношение к отдельным историческим личностям (католикосу Виро, Вачагану III, Джеванширу, поэту Давтаку), строго разработанная хронологическая система автора – датирование событий по правлению албанских правителей, а также по правлению персидских и византийских царей (датирование с синхронизацией) и т.д. – все это дает основание для единственного вывода, что «История албан» была написана албанцем для албанского народа. Источник был написан (I и II книги) в начале VIII в., а III книга – в X в. А, между тем, в армянской историографии считалось, что «История албан» – это армянский источник, написанный, составленный армянским автором, или авторами, отражающий историю армянского народа, восточной провинции Великой Армении. Даже известному кавказоведу И.А.Орбели не просто было избежать установленного Армянской Церковью «табу» на албанский источник – Моисея Каланкатуйского. И.А.Орбели те-

рялся в догадках: как дозволено назвать этот источник – «армяноязычным» (?), «армянским» или «албанским» (?)

Наши изыскания показали, что в истории албанской литературы, культуры XI–XIII вв. – это период албанского ренессанса. Именно в этот период возвышается роль города Гянджи – центра албанского христианского и мусульманского ренессанса, города, давшего таких известных представителей албанской историографии как Давид Алавик, Мхитар Гош, Киракос Гянджинский, Вардан Великий Албанский (Восточный), Григор Патмич, Смбат Спарпет, Хетум Патмич, которые в своих бесценных трудах отразили отдельные аспекты албанского общества, его политической, духовной жизни. Их труды также осветили политические события, имевшие место в XI–XIII вв. – периоды сельджукского и монгольского господства, как на Кавказе, так и в Передней Азии, сохранили ценные сведения об истории Грузии, Армении, Византии, Киликии, истории христианства, вообще, а также албанского христианства, истории Албанской Апостольской Автокефальной Церкви, в частности.

Исследование мной трудов Мхитара Гоша и Киракоса Гянджинского привело к убеждению, что их творения при переводе с албанского на армянский также претерпели целенаправленное «редактирование», когда «Судебник» Гоша был превращен в «Армянский Судебник», а «История» Киракоса Гянджинского в «Историю Армении»; и далее текст Киракоса пытались привести в соответствие с новым заголовком. На наш взгляд, определенное редактирование претерпел и труд Хетума Патмича (автора XIII–XIV вв.), происходившего из царского рода албанских Хетумидов, которые правили Киликией с 1226 по 1342 г. М.Авгерян в своем переводе сочинения Хетума Патмича на древнеармянский язык пропускал по своему усмотрению «целые куски текста». Наше исследование показало, что в период подъема албанской литературы в XI–XIII вв., связанного с общим политико-экономическим и культурным возрождением албанских локальных царств (в Сюнике, Арцахе, Шеки-Камбисене), в армянской политической, культурной жизни и соответственно в армянской литературе наблюдается упадок, застой. Это объясняется не только насильственной переселенческой политикой Византии по

отношению к армянам и сельджукскими нашествиями, но и желаниям самой армянской феодальной знати, постоянно заботящейся о собственных интересах (получить титулы, должности, земельные угодья у правителей), в жертву которым приносились интересы армянского народа. В этом кроется причина потери армянами своей государственности.

Историко-литературная традиция поздних албан продолжалась и в последующие века, когда в XVIII в. албанский католикос Есаи Хасан-Джалалян написал «Краткую историю страны Албанской», а в XIX в. Макар Бархударянц написал три сочинения, посвященных поздним албанам – «Арцах», «Страна Албания и ее соседи» и «История страны Агванк». **Очень показательно, что у всех перечисленных албанских авторов, начиная с VI по XIX вв. наблюдается присутствие албанского самосознания, как в тексте источников, так и в самих заголовках их сочинений.**

Наряду с нарративными источниками нами дан подробный анализ нормативных актов: албанских «Агуэнских канонов V в.», судебных «Судебника» Мхитара Гоша, который послужил источником для «Судебника» Смбата Спарапета. Наше исследование показало неправомерность и беспочвенность армянской концепции, согласно которой албанские источники V–XIII вв. и последующих столетий объявлялись армянскими, будто бы, изначально написанные на армянском языке для армянского народа. Исследование нами исторических реалий – политических и конфессиональных Армении и Албании синхронного времени (V–XIII вв.) показало, что армянский язык в означенный период не мог быть языком *lingua franca* как в Албании, так и на Центральном Кавказе. Согласно данным источников, в Албании не было инфильтрации армян. Армянские поселения появились на этой территории в конце XVIII – начале XIX вв. Население Албании было автохтонным, албанским с постоянным просачиванием и оседанием здесь с I в. тюркоязычных, персоязычных племен. Существует немало сведений в разноязычных источниках о наличии самостоятельного албанского языка, самостоятельного албанского этноса со своим албанским письмом.

Относительно судьбы албанской литературы, длительности ее существования и вообще наличия ее существовало в науке три мне-

ния. Мнение армянской концепции мы привели. Согласно же мнению грузинских ученых и З.Н.Алексидзе, в частности, в 20-х гг. VIII в. Албанская Церковь при помощи арабов попала под сильное влияние Армянской Церкви, которая уничтожила диофизитскую албанскую литературу, а монофизитская Албания, перейдя на армянский язык и армянский алфавит-письменность, тем самым положила конец своему бытию.

Согласно же мнению З.М.Бунятова, Армянская Церковь с помощью халифата, а в дальнейшем с помощью и ведома других завоевателей начала усиленную григорианизацию албанцев, постепенно свела на нет влияние Церкви Арана (Албании) среди албанского населения и руками арабских властей уничтожила все литературные памятники албанцев – все, что могло бы напоминать об албанской культуре. Согласно же моему мнению, опубликованному в 1986 г., албанская литература до XII в. создавалась на албанском языке, после чего она стала писаться на древнеармянском языке.

Исследование истории армянского народа, истории Армянской Церкви, соположение их с реалиями албанскими заставили меня пересмотреть свой взгляд и прийти к убеждению, что за весь период существования Албанской Церкви (IV–1836 г.) она так и не претерпела григорианизацию, осталась Албанской Автокефальной Апостольской монофизитской, как и церкви Коптская, Яковитская. Наши изыскания убеждают, что в условиях наличия у албан своей стабильной территории, своих политических образований (до VIII в. в пределах всей страны от Аракса на юге, до Дербента на севере, а с IX по XIII вв. – локальных царств-княжеств в Сюнике, Арцахе, Шеки-Камбисене и далее с XV в. наличие пяти албанских меликств), Автокефальной Церкви, находясь в окружении мусульманского (тюркского и ираноязычного) этноса, когда локальные албанские царства-княжества (с IX по XV вв.) были постоянно в составе азербайджанских государств – при таких условиях не было необходимости албанам переходить на армянский язык и писать свои творения на нем. Языком межэтнического общения, языком *lingua franca* здесь с XII в. становится тюркский. Для становления армянского языка языком Албанской Церкви и албанского населения должны быть выявлены

условия политического господства Армении так и идеологического, конфессионального (с V по XV вв. и далее ?!). А как было выявлено мной еще в 1986 г., армяне лишились своего государства еще в IV–V вв. на территории Восточной Анатолии. Как известно, с XV в. – это период господства на Кавказе государств Кара-коюнлу и Ак-коюнлу, а с XVI в. – Сефевидской державы, и, наконец, период азербайджанских ханств.

Исторический взгляд на историю Армянской Церкви, на историю армянского народа с XI в. выявил постоянные «странствования», «блуждания» как армянского народа в поисках новых земель на Западе так и блуждание Армянской Церкви с ее центральным престолом. При таких «блужданиях» отсутствовала стабильность подчиненных Армянской Церкви епархий, находящихся за пределами Кавказа, в Восточной Анатолии. Мое исследование выявило, что только завоевание Кавказа Царской Россией расчистило путь создания здесь никогда ранее не существовавшего Армянского государства. Первым решающим шагом на пути армянского государственного бытия на Кавказе (на территории исторического Азербайджана) было переселение «армян»-албан из Ирана и армян из Турции и поселение их на землях азербайджанских ханств. Следующим шагом армянского исторического обоснования была политика деэтнизации албан. С этой целью в 1836 г. было утверждено Положение Царского Правительства об упразднении Албанской Апостольской Автокефальной Церкви и подчинение ее Армянской «вследствие [принудительного! – Ф.М.] слияния каспийско-албанской национальности с армянской» (М.Орманиан). Для своего исторического обоснования на территории Албании надо было аннексировать албанское этнокультурное наследие, тщательно отредактировать богатую веками созданную албанскую историко-литературную традицию в духе армянской истории: перевести албанскую литературу на древнеармянский язык, тщательно отредактировать, а оригинал уничтожить. К такому убеждению меня привело также текстологическое, источниковедческое исследование албанских источников, рукописной основы их, даты издания их. Было выявлено, что все сведения о рукописях албанских источников восходят к дате не ранее 1829 г. и далее, а также было выявлено, что албанские источники, переведенные на армянский язык, стали издаваться после 1836 г. Это судьбоносные даты в истории албан.

Это при наличии армянской типографии вместе с бумажной фабрикой при Эчмиадзине уже в XVII в. (?!). Ярким свидетельством процесса трансформации албанского историко-культурного наследия в армянское служат слова Макара Бархударянца, что «еще в 1828 г. по свидетельству очевидцев, албанские монастыри были обитаемы и в цветущем состоянии» [в мусульманском окружении]. А после прекращения деятельности Албанского католикосата албанские монастыри и церкви, оставаясь без присмотра, стали разрушаться.

Далее исследование показало, что Албания в течение I–VIII вв. сохранила государственность, политический суверенитет дольше, чем Армения и Грузия. Политическую структуру албанского общества IV–VIII вв. можно с уверенностью представить как феодальное централизованное государство, управляемое албанскими царями и сменившими их великими князьями страны. Исследование позволяет говорить о преемственности и непрерывности правителей страны – албанских царях Аршакидов (I–VI вв.) и сменивших их великих князей Михранидов (VII–VIII вв.). Албанские Аршакиды, восходящие непосредственно к парфянским Аршакидам, утвердились в Албании в I в. н. э. Основателем албанской ветви Аршакидов был Вачаган I Храбрый.

В работе показана ошибочность точки зрения армянских историков, датирующих основание албанских Аршакидов IV веком и считающих Санатрука, масскутского царя Аршакида, основателем албанской ветви. Период политического и культурного расцвета Албании падает на время правления албанского Аршакида Вачагана III (V в.). Изученный материал убеждает, что албанские цари Аршакиды и их преемники – великие князья Михраниды несмотря на свое персидское происхождение, а также на то, что они изначально были ставленниками персидских царей (парфянских и сасанидских) верно служили Албании, проводили албанскую политику, быстро роднились с местной знатью, приобщались к албанской религии, культуре, т.е. албанизировались.

Можно с уверенностью сказать, что внутренняя политика Аршакидов была направлена на становление христианства идеологической основой албанского общества, слагающейся феодальной культуры. Учитывая важную роль в деле сохранения полити-

ческого суверенитета страны самостоятельной Албанской Церкви, которая противостояла бы чуждым религиозно-политическим влияниям и ассимиляторской политике двух империй – Рима Византии и Персии, Аршакиды и Михраниды Албании стремились упрочить идеологические позиции церкви, укрепить ее экономически.

Марзбанский режим (наместничество), установившийся в стране после упразднения царской власти, как удалось выявить, был кратковременным и эпизодическим, в отличие от Армении и Иберии: с 463 г. по 487/488 гг., а также с 510 по 629 гг. Политическую судьбу Албании, идеологические позиции Албанской Церкви накануне и в период правления великих князей Михранидов я рассматривали на фоне взаимоотношений двух империй – Персии и Византии, их политического и идеологического соперничества.

В тяжелых сложных условиях внешнеполитических событий – нашествий хазар, персидско-византийских, арабско-византийских войн, когда Албания становилась ареной этих военных действий, Михраниды благодаря мудрой, гибкой политике сумели сохранить на вассальных началах политическую самостоятельность страны. В этом плане особо следует отметить правление великого князя Джеваншира, видного полководца, мудрого политика, тонкого дипломата, крупного государственного деятеля середины VII в.

Далее в монографии, проследив исторические и этнические процессы, мне впервые в науке удалось воссоздать этническую картину страны, показать становление албанской этнической общности, которая обладала этническими, языковыми и культурными признаками, полностью отличающими ее от сопредельных этносов-грузин, армян. Образованию албанского этноса, способствовали следующие факторы:

1) стабильное территориальное и государственное единство, которое прослеживается в Албании в пределах всей страны с III в. до н. э. по VIII в. н. э. (период правления местных царей, албанских Аршакидов и сменивших их великих князей Михранидов); с IX по XIV вв. – в Сюнике, Арцахе, Шаки-Камбисесе – возрожденных албанских царств, а с XV по XIX вв. это можно проследить в образовавшихся албанских меликствах;

2) албанское самосознание, зафиксированное в самоназвании – этнониме алуанк-албаны, которое прослеживается с I в. н. э. по VIII в. в пределах всей страны, а с IX по XIX вв. в локальных царствах-княжествах – в Сюнике, Шеки-Камбисене, Утике, Арцахе, а также в меликствах. Антитеза «мы»- «они» существует четко до XIX в. Как было отмечено выше, албанское самознание отражено во всех албанских источниках, и главное, в заголовке источников («История албан» Каланкатуйского, «Краткая Албанская хроника» Гоша, «Краткая история страны Албанской» Есаи Хасан-Джалалаяна, «История страны Албании» (страна албан) Макара Бархударянца);

3) следующим этническим компонентом является единство культуры, включая религию и язык. Албанское конфессиональное единство бытовало с IV по XIX вв., общеорганизующей и консолидирующей силой которого была Албанская Апостольская Автокефальная Церковь. Албанский язык относится к северо-восточно-кавказской (нахско-дагестанской) языковой группе.

Возрастанию этнической роли языка способствует закрепление языка в письменности. Албанские письмены состояли из 52 фонем, изобилующих гортанными горловыми свистящими и шипящими звуками.

Как было отмечено на албанском языке албанским письмом была создана с IV в. богословская, а с VI по XIX вв. богатая албанская литература, которая усилиями Армянской Эчмиадзинской Церкви и геополитике Российской империи была уничтожена (переведена на армянский, а следы албанской – сокрыты).

В период арабского завоевания большая часть албан, живущих в низовьях рек Куры и Аракса, исламизируясь, была ассимилирована тюркоязычными народами, также принявшими ислам. А после завоевания исторического Азербайджана Россией была насильственно деэтнизирована оставшаяся часть албан, живущая в северо-западной и юго-западной горных частях страны (бывших Албанских царств), когда они, благодаря политике Царского Правительства и Эчмиадзинской Церкви были подвергнуты в 1836 г. насильственной интеграции: армян и албан; грузин и албан. Произошла культурно-идеологическая ассимиляция-арменизация части албан, а другая часть их огузинулась. Опять

же большая часть албан приняла ислам. Несмотря на трагизм судьбы албан, часть их сохранилась до наших дней. Это – удины, судьба которых напоминает участь кельтов.

Далее в монографии рассматриваются албанские царства-княжества IX–XII вв., возрожденные в Сюнике, Арране, Хачене, Шеки-Камбисене, правители которых прямо или косвенно восходили к роду албанских Михранидов, великих князей Албании или же к роду местных албанских царей – Араншахигов, т.е. прослеживается непрерывность и преемственность линии албанских правителей. Это – правление Сахля ибн Сунбата, правителя Шеки (второе Шеки у р. Базарчая-Акеречая) и Аррана; Васака, правителя Сюника; правителей Байлакана и Ктиша – Степаноса Абласада и его племянника Есаи Абу Мусе; правителя Хачена – Атрнерсеха, правление сына Атрнерсеха – благочестивого Хамама, который возродил разгромленное царство Албанское, расположенное на двух берегах р. Куры, как было в период Албанского государства; правление сына Хамама, Саака Севады, правителя Арцаха и частично Ути; правление царя Шеки-Камбисены – Ишханика, внука Григора Хамама; и, наконец, правление Сенекерима и Филиппе-потомков Саака Севады.

В работе впервые выявлено реальное значение употребления понятия «Армения» в X в. применительно к албанскому царству-княжеству Хачен. Как известно, в перечне владетелей царств-княжеств, с которыми византийский двор имел письменную дипломатическую связь («О церемониях византийского двора», II, 48) значится «архонту-правителю Хачена, Армения». Исследовав реальные значения существующих (введенных еще со времен византийского императора Юстиниана) многочисленных политико-административных понятий: Армения I, Армения II, Армения III, Армения IV, Армения Срединная, Армения Внутренняя, т.е. энных Армений, имеющих чисто географические значения, а также учитывая унаследованные от Византии арабами, но с несколько измененным географическим содержанием политико-административные деления: Арминийа I, Арминийа II, Арминийа III, Арминийа IV, а также наряду с этим принимая во внимание употребление сирийским автором Захарием Ритором понятия «Армения» в широком географическом значении, я пришла к убеждению, что «Армения» применительно к Хачену упо-

требуется чисто в географическом значении. Полагаем, что ошибается К.Цукерман, толкующий в данном пассаже понятие «Армения» в значении политического церковно-конфессионального единства, из чего исходит подчиненность Хаченского царства Армении, Армянской Церкви. А это совершенно беспочвенно и, главное, не соответствует армянским, а также албанским реалиям.

В моей работе дана критика монографии Кирилла Туманова «Династии христианского Кавказа от античности до XIX в.», возводящих всех албанских правителей, начиная с I в. и далее – Араншакидов, Аршакидов, Михранидов и даже правителей Киликии, албанских Хетумидов к h'акидам, т.е. армянам.

В монографии дается подробное изложение возрожденного в XII–XIII вв. Албанско-Хаченского царства, правление Гасан Джалала, его внутренняя и внешняя политика, что представляет собой продолжение традиций правления албанских предшествующих правителей.

Итак, историческая албанская область – Арцах-Хачен в XII–XIV вв. была важным политическим и культурным центром албан, которые сумели сохранить свое территориальное, политическое, конфессиональное единство и что особенно важно албанское самосознание.

Новым словом в науке является воссоздание албанского Киликийского царства и освещение его связи с албанами на исторической родине (на Кавказе, на территории исторического Азербайджана). На основе исследования источников (албанских и армянских) выявилось, что вторая эмиграционная волна албан в Малую Азию, в Киликию связана с движением сельджуков в XI–XII вв. Возглавил эмиграцию албанский гянджинский князь Авшин-Ошин, который оставил свое родовое владение Майреаджур и вместе со своей дружиной-азатами, группой хаченских и сюникских феодалов с их дружинами отправился в Киликию, где завладел крепостью Ламброн, которая стала наследственным владением Авшинидов-Ошинидов. Авшин-Ошин заложил основу царствующему в будущем в Киликии албанскому роду Хетумидов с 1226–1346 гг. Будучи верными вассалами Византии, Хетумиды вели византийскую политику и более века боролись против

армянской династии Рубенидов, стоящих во главе Киликийского государства. Представители рода Хетумидов активно участвовали в управлении Киликийского государства. Константин Пайл занимал должность главнокомандующего еще при Рубенидах. Нерсес Ламбронский был крупнейшим общественным и церковным деятелем, боролся за соединение Восточно-Армянской и Албанской Церквей с Византийской, также боролся за сближение с католичеством. Нерсес Ламбронский и последующие Хетумиды придерживались высокого церковного идеала единения всех христиан независимо от этнических особенностей.

Исследование привело к убеждению, что политика космополитизма Хетумидов – торжество «мирового христианства», отвергающего самостоятельное политическое существование, самобытность этносов – очень соответствовало интересам Армянской Церкви по отношению к другим этносам, в частности, к албанскому этносу. Думается, что с приходом в Киликию албанских Хетумидов, в период их господства было положено как самими Хетумидами, так и Армянской Церковью начало перевода на армянский язык творений албанских авторов; а в последующие столетия (с XV в., когда Армянская Церковь переместилась в Эчмиадзин) – это превратилось в политику постепенного аннексирования албанской историко-литературной традиции. Аргументом в пользу сказанного служит тот факт, что древнейшая сохранившаяся армянская рукопись Канонагирка, который был составлен еще в VIII в. Одзнеци, была переписана в Киликии в 1098 г., в состав которой впервые и были включены переведенные с албанского языка на армянский каноны Агуэнского собора V в. Между тем, Одзнеци в свой Канонагирк не включал албанские каноны V в., ибо по праву не считал их армянскими. Мне представляется, что именно в Киликии начался процесс албано-армянской интеграции. Но главное в том, что сами албаны со своими политическими образованиями и Албанская Апостольская Автокефальная Церковь, пребывающие на своей исторической родине, были далеки от этой политики интеграции. Дальнейшая судьба албан на своей исторической родине с XIV по XIX вв., как показывает наше исследование, полностью опровергает концепцию Армянской Церкви по интеграции и дальнейшей трансформации албанского культурного наследия в армянское.

Ибо достичь своей цели Армянская Церковь смогла только с помощью геополитики Царской России, с помощью ее политики насильственной деэтнизации албан и трансформации ее этнокультурного наследия. Проведенные изыскания выявили наличие политической и культурной связи между Киликией и албанским Хачено-Арцахским царством: эта связь существовала как между албанскими Хетумидами и Гасан Джалаловским родом, так и между творцами албанской историко-литературной традиции в Киликии и в Арцах-Хаченском царстве. В XI–XIII вв., когда наблюдается полнейший застой, упадок в армянской литературе, политической жизни армян, именно этот период является периодом албанского ренессанса, как в Киликии, так и в Арцахе-Хачене. Этот подъем нашел отражение в политической, экономической жизни, а также в литературе, в создании культовых памятников. Творцами албанской литературной традиции этого периода на исторической родине были Мхитар Гош, Киракос Гянджинский, Степаннос Орбели, Григорий Патмич (Магакия), Вардан Великий (Албанский), а творцами в Киликии были – Смбат Спарапет, историк Хетум Патмич, Нерсес Ламбронский – все они были албанского происхождения. Немаловажным фактом является то, что источниками Смбату Спарапету при создании его «Судебника» послужили каноны Давида Гянджинского и «Судебник» Мхитара Гоша. О связях Хетумидов с их исторической родиной свидетельствует также исключительная осведомленность Хетума Патмича о том, что, еще в XIV в. албаны пользовались своим албанским письмом; об этих связях свидетельствуют колофоны Евангелий, написанных в XIII в. при Хетумидах; о связях свидетельствуют албанские топонимы, которые появились в Киликии – Кафан (Капан), Хатчин (Хачен). Тесные политические взаимоотношения между Хетумидами, хаченским-албанским царем Гасан Джалалом и правителем Сюника – Степанносом Орбели четко прослеживается во время монгольского нашествия, когда сам правитель Хачена и по его совету правители Киликии – Хетумиды, а также правители Сюника, побуждаемые интересами сохранения единства страны и сохранения албанского христианского населения, находят общий язык с монгольскими правителями, управляясь неоднократно в стан монгольского прави-

теля с большими дарами, признавая вассальную зависимость, оставаясь верными союзниками монголов. До этого не додумался ни один армянский князь.

Гасан Джалал – умный политик со своим отрядом участвует в походе монгольского полководца Бачу-нуина, заслужив доверие, приобрел некоторое влияние. И благодаря его содействию и личному участию послы Хетума достигли успешных переговоров с Бачу-нуином. На основе наших изысканий становится понятными причина и следствие переезда Армянской Церкви в 1441 г. из Киликии в Эчмиадзин, На Кавказ, где опять же продолжали бессменно существовать Албанское царство, распавшееся на пять меликств, и поздние албаны.

Албания была одной из стран Центрального Кавказа, где феодальные отношения зародились очень рано. По письменным источникам можно проследить развитие и специфику раннефеодальных отношений в экономически наиболее развитых областях страны, общественный строй которых был ведущим.

Исследование позволяет сделать вывод, что среди укладов преобладающим, имеющим тенденцию стать господствующим был феодальный. Рабовладельческий уклад, несомненно, существовал в Албании, но в формацию так и не перерос. В основных чертах оформились главные классы-сословия феодального общества – азаты и шинаканы. Шинаканы – это свободные крестьяне-общинники, основные производители материальных благ.

На протяжении многих предшествующих веков общины постепенно попадали под власть государства (налоги и подати государству и ряд повинностей) и через его посредство – знати. Этому способствовала политика албанских царей и персидских, которые широко раздавали села, области своим вассалам – азатам, нахарарам. Процесс этот продолжается в течение IV–VII вв. Моисей Каланкатуйский сообщает о многочисленных пожалованиях сел, областей представителям господствующего класса. Преобладающей формой эксплуатации крестьянства на раннем этапе феодализма были налоги и повинности в пользу государства, а в период укрепления феодальных отношений становятся многочисленными натуральные подати в пользу светских и церковных феодалов, а также издольная аренда. С формированием класса-сословия феодально-зависимого крестьянства тесно связан

процесс образования класса феодалов – азатов. Истоки класса-сословия феодалов также находятся в недрах предшествующего общества. Во-первых, происходил процесс выделения новой группировки знати из среды раннее свободных общинников и постепенное слияние этой знати с частью старой в единый класс – феодалов.

Во-вторых, царские правители областей – нахарары постепенно превращают свою должность в наследственную, получают право передать ее от отца к сыну. В итоге из административного главы области они превращаются в подлинных князей-феодалов с правом феодальной собственности на землю области.

В IV–V вв. государственный земельный фонд постепенно сокращается. Значительная часть его принадлежала феодальным домам – патронимиям. Господствующее сословие – албанские феодалы – азаты в процессе углубления феодализации делились на ряд категорий, из которых высшими считались владельцы областей, округов. Дальнейшая поляризация социальных слоев албанского общества привела к тому, что в IV–VII вв. в Албании появился целый ряд феодальных политико-административных единиц – нахарарств (сеньорий).

С укреплением феодальных отношений вся власть нахарарства сосредотачивалась в руках главы феодальных патронимий. С VI в. среди терминов, означающих главу нахарарства, преобладающим становится термин ишхан. По мере того, как власть главы нахарарства (азгапетов-нахапетов) приобретает все более политико-административный аспект, термины, восходящие к родовому строю (нахапеты, азгапеты) вытесняются термином ишхан, который полнее отражает положение феодального правителя. Титул ишхан означал «властитель», «владелец», «господин». Преобладание государственной формы собственности в период раннего феодализма вело к централизации государства, к расширению прерогатив царской власти, как в области светской жизни, так и в церковной.

Албанский царь был законодателем и верховным судьей страны, возглавлял законодательный и совещательный орган светской и духовной власти, созывал церковные соборы, был главнокомандующим всеми военными силами страны. Отчетливо

проявлялась тенденция к складыванию иерархической системы, отношений сюзеренитета и вассалитета. В Албании, как и в соседних Иране, Армении, Грузии, существовала феодальная иерархия, нашедшая отражение в «Разрядной грамоте» – Гахнамаке. Каждая феодально-азатская патронимия записывалась в этой специальной табели о рангах в очередности, соответствовавшей их мощи и значению. Первые десять патронимий считались старшими, остальные – младшими.

В том же порядке размещались главы каждой патронимии за царским столом. «Ранг и почет» патронимии определялись экономической мощью, политическим положением, количеством поставляемого войска. «Разрядная грамота» устанавливала порядок азатской иерархии, определяло место и положение каждой азатской патронимии в общественно-политической жизни страны. Азаты Албании были вассалами албанского и персидского царей, были обязаны поставлять воинскую силу, нести соответственно своему социальному рангу дворцовую службу и выполнять разные государственные административные функции во время войн. Они вместе с клиром были освобождены от подушной подати. За военную службу царям албанским и персидским азаты получали земельные пожалования. В IV–VIII вв. в общественном производстве Албании господствующими были феодальные отношения. Феодальное землевладение сложилось в противоборстве государственной и частной форм собственности на землю. Государственная собственность ограничивалась собственностью на государственный домен (и в этом случае рента и налог совпадали) и собственностью на земли, находившиеся в служебном частном владении феодалов. В ранней период феодализма (приблизительно III–VI вв.) преобладала государственная (в лице царя) форма собственности на землю, частная же феодальная собственность формировалась в свою очередь из двух форм:

1) земельного наследственного владения, безусловной феодальной земельной собственности (техническое обозначение которой «дастакерт» - перс. термин). Эта форма земельной собственности (аллод) возникла путем разложения общинного землевладения, а также раздачи земель государством представителям господствующего класса на вотчинном праве.

2) условного земельного владения (техническое обозначение

которого «хостак»—перс. термин), которое возникло путем передачи государством представителям господствующего класса земель во временное держание, за несение вассальной, военной службы. Условные пожалования «хостак» имели тенденцию к превращению в безусловные, в полную собственность «дастакерт».

Владельцами дастакертов были царский дом (патронимия), феодализирующаяся родовая знать (азаты, нахапеты, азгапеты), вновь сложившаяся феодальная знать (держатели вотчин – нахарары, ишханы) и часть сельской верхушки, которая выдвинулась при царских княжеских дворах. Держателями хостаков была мелкая военно-служилая знать (азаты – в узком смысле, перс. термин) и церковный клир.

Феодальную формацию характеризует и политическая структура феодального общества, которая была выражением его социально-экономической структуры, связанной в своей основе с внеэкономическим принуждением.

Существенными признаками политической структуры феодального строя являются: крайнее дробление права собственности, дробление публичной власти, использование в собственных интересах прав, принадлежащих государству. Все эти атрибуты феодальной формации налицо в Албании.

Условия канонических правил разрабатывались в присутствии царя Вачагана светской знатью и духовенством. Но юридическую силу они получали после утверждения их печатью светской знати и царя. Такое положение албанского духовенства объясняется, видимо, наличием в стране централизованной царской власти. Основными ведомственными должностями в Албании V в. были хазарапет, храманатар. По аналогии с Ираном можно предположить, что храманатар в Албании был также визирем и ведал всеми государственными делами.

Хазарапет же возглавлял или ведомство государственных доходов, так же как и в Иране, и в Армении, и в Иберии, или же возглавлял военное ведомство, как в древности, в противоположность храманатару, возглавлявшему более широкую гражданскую администрацию. Думается, что должности храманатара и хазарапета связаны с наличием в стране царской власти.

Согласно агуэнским канонам в Албании действовали два

суда: церковный суд и дворцовый (царский) суд. Инстанциями церковной юрисдикции были: 1) суд священника; 2) суд епископа. Церковный суд разбирал проступки церковнослужителей и нарушение мирянами духовных обязанностей. Духовенство в лице епископа осуществляло судебные функции не только в области церковного права, но и в некоторых областях гражданского и уголовного права (ссора, драка, пролитие крови и т.д.). При этом епископ судил не по канону, а по светскому закону.

Дворцовому суду были подведомственны брачно-семейные дела, антирелигиозные деяния, убийства, т.е. самые тяжкие по тому времени уголовные преступления, которые карались смертной казнью. Дворцовый суд разбирал тяжбы, возникшие между светской знатью и духовенством. Верховным судом страны был дворцовый суд, во главе которого стоял царь. В этом одна из особенностей Албании по сравнению с Арменией, где круг судебных компетенций армянского духовенства в это же время был несравненно шире. Это объясняется тем, что в Армении в условиях отсутствия центральной государственной власти Армянская Церковь выступила в роли центральной и общенациональной организации, держала в своих руках законодательную и судебную власть.

Таким образом, особенностью албанского аппарата управления было отсутствие порядка наследования ведомственных должностей, наличие должности храманатара, исполнение царем должности верховного судьи страны и возглавление им же церковного собора.

С падением царской власти в Албании, очевидно аппарат управления несколько изменяется. Должности храманатара и хазарапета связаны, видимо, с наличием царской власти. В VII в. в Албании, как известно, утвердилась власть великого князя – ишхана из дома Михранидов. Из ведомственных должностей в VII в. зафиксирована лишь должность спарапета – главнокомандующего всеми военными силами Албании. Эту должность занимали как великие князья Албании, так и другие лица. К этому времени усиливается церковь и клир. Церковные соборы возглавляют уже албанские католикосы.

Таким образом, опираясь на сказанное выше, я пришла к выводу об отсутствии в Албании многоукладности, родоплемен-

ных объединений, первобытнообщинного строя и рабовладельческого уклада, якобы господствующих в стране. Основанием бытовавшего в науке мнения о существовании в Албании этих укладов послужили термины «агарак», «дастакерт», «анашхархик», «ерд», «ердумард», «азгапет», «нахапет», истолкованные в их этимологических и традиционных социальных значениях без учета времени и местных албанских условий. Имеющиеся данные свидетельствуют о наличии в Албании в IV–VII вв. феодальных отношений.

В монографии особое внимание уделено проблеме Албанской Церкви, раннему христианству, его проникновению и становлению государственной религией, с чем неразрывно связана дальнейшая судьба албанского этноса. Изучение данных письменных источников, а также реалий Албании, в частности, и христианских реалий вообще, убеждают, что христианство Албании прошло два этапа: 1) апостольский, сирофильский и 2) грекофильский.

В первый период проповеди христианство проповедовалось на сирийском-арамейском языке. Этот период связан как с деятельностью апостолов, их учеников, так и с деятельностью сирийских миссионеров. Этот период датируется I–III вв. В монографии вскрыты причины раннего проникновения христианства в Албанию. Этому в первую очередь способствовало наличие в Албании еще задолго до I в. н. э. древнееврейских поселений, а в I в. н. э. наличие назареев, христиан-иудеев. Еще в 1987 г. я отметила, что среди татов Азербайджана надо видеть потомков потерянного еврейского колена. Я видела подтверждение этому в сообщениях источников о переселении персидскими царями (Ахеменидами, Парфянами, Сасанидами) на Кавказ, в Албанию, в частности, по западному Каспийскому побережью евреев-иудеев, а также в антропологическом типаже горских евреев, этнической чистоте, прослеживающейся среди них, которая была результатом соблюдения внутриэтнических браков. В этом убеждала меня также верность иудаизму у части горских евреев. Это был немаловажный факт, если принять во внимание замкнутость, кастовость иудейской религии, которую могли исповедовать только евреи. Наличие в эпиграфике в Бузовнах еврейских имен

в сопровождении слова «назарей» и наличие «квартала назареев» в Бузовнах, а также постоянное проживание горских евреев на Апшероне убеждают в том, что здесь были ранние еврейские христианские общины назареев. И, наконец, есть сведения о евреях в г. Барде (*Каланкатуйский*, II, 10) и поселении евреев по берегу Каспийского моря царем ахеменидском-Артаксерксом в IV в. до н. э. (Бар-Эбрей).

Второй период (грекофильский) проповеди христианства связан с именем Григория Просветителя (парфянина) и албанского царя Урнайра (IV в.), когда христианство становится государственной религией. Грекофильский период был кратковременным, после которого Албанская Церковь становится на путь этнического албанского развития.

Истоки, весь путь становления христианства Албанской Церкви теснейшим образом связан с историей восточного христианства, полностью вписывается в общую закономерность его развития, но проявляя при этом свою особенность. В работе рассмотрены истоки зарождения христианского вероучения вообще, формирование доктрины (идеологического воззрения), складывание структуры церковной организации, географический ареал и время распространения христианства, что, несомненно, проливает свет на воссоздание картины Албанской Церкви. Широкая проповедь христианства на северо-восток и восток от Иерусалима в I–II вв. связана с именами апостолов Фомы, Андрея, Варфоломея, брата апостола Фомы – Ардая-Аддея-Фаддая-Фаддея и учеников Фаддея – Мара, Елисея, которые проповедовали в Сирии (центр Антиохия), в Осроене (центр Эдесса), в Нисибине, Месопотамии, Малой Армении и далее на востоке и северо-востоке, в Персии (Селевкии – Ктесифоне), в странах Центрального Кавказа – Грузии, Албании.

Согласно албанской традиции, ученик апостола Фаддея – Елисей (из Иерусалима) просветил три страны – Чола, Лпиния, Албанию (*Каланкатуйский*, III, 23). «Святой патриарх Елисей прибыл в Гиш [Шеки] основал церковь и принес чистую бескровную жертву. Это место является первоначальным истоком церковей наших, жителей Востока, истоком первопрестольных городов и началом места просвещения» (*Каланкатуйский*, I, 6).

Красной нитью через всю «Историю» Каланкатуйского про-

ходит идея апостольского начала Албанской Церкви, а также ее генетического родства с Иерусалимской Церковью и постоянной неослабной связью с нею. Согласно Степанносу Орбели (XIII в.), св. Варфоломей, один из 12-ти апостолов Христа, проповедовал в Сюнике, в селе Ордубад, построил церковь в Гохтне.

Итак, в апостольский период в Албании уже были созданы епископство, метрополия и проповедовали христианство как сам апостол Варфоломей, так и преемник апостола Фаддея – Елисей, первый епископ, архиепископ Албании (традиционно).

О распространении христианства в Албании раньше, чем в Армении, свидетельствует и ряд контекстов албанского историка; армянского католикоса Авраама, адресованное албанам: «Престол албанский, бывший раньше нашего [армянского], был прежде согласен с нами [армянами]» (*Каланкатуйский*, II, 47). Другой пассаж: «На 43-м году летоисчисления греческого просветились армяне, спустя 270 лет после просвещения албан» (*Каланкатуйский*, II, 47).

Этническая пестрота, господство политеизма создавали благоприятные условия для восприятия новой идеологии, монотеистической религии – христианства. Не случайно, что проповедь свою Елисей начал в северной части Албании в области Чола, где была наибольшая этническая пестрота, и, главное, здесь были древнееврейские поселения, здесь были раннехристианские иудеи-назарейцы.

Второй период (грекофильский) – становление христианства государственной религией – является общим для трех стран. Он связан с именем Григория Просветителя (для трех стран – Армении, Грузии, Албании), а также с именем албанского царя Урнайра (для Албании).

В свете вышеизложенного нам представляется несостоятельным господствующее в науке мнение о том, что первые христианские проповедники посылались в Албанию из Армении, и что области правобережья Албании получали проповедников христианства из Армении, а северо-западные области левобережья Албании, т.е. междуречье Иори и Алазани, проповедовались христианами проповедниками из Иберии. В деле распространения и утверждения христианства большую роль сыграла албанская

письменность, албанский алфавит, с помощью которой Библия и другая богословская литература переводились на албанский язык с сирийского и греческого языков. Открытие З.Н.Алексидзе грузино-албанских палимпсестов свидетельствует о несостоятельности господствующей в науке армянской традиции, согласно которой албанский алфавит будто бы был изобретен Месропом Маштоцем в V в.

Феодальный монарх и феодальная знать Албании создали материальную базу Албанской Церкви, ее клира, к которым перешла большая часть земель и богатств языческих храмов, а также поступали земельные пожертвования от царя и знати, а также другие многочисленные регламентированные натуральные подати. Духовенство за службу обеспечивалось земельными наделами – хостаками и было освобождено от подати, как и светская знать.

В начальный период христианства (IV–V вв.) албанское духовенство экономически и политически было слабым. Даже в решении вопросов Церкви албанский клир не играл ведущей роли. Такое положение албанского духовенства объясняется как слабостью идеологических позиций церкви среди населения, так и наличием в стране централизованной власти. В VI–VII вв., в период правления албанских великих князей Михранидов, экономические и политические позиции Албанской Церкви усилились. В 705 г. духовенство вступает в борьбу с асатами, ограничивает их произвол и категорически запрещает им вмешиваться в дела Церкви, клира (*Каланкатуйский*, I, 26; III, 11).

В монографии исследован также вопрос албанского католикосата (патриаршества), который, как показало исследование, в отличие от армянского изначально было автокефальным. Исследуемый материал вскрыл политические причины изначальной самостоятельности Албанской Церкви. Политический суверенитет Албании наличие стабильной албанской государственности обеспечил автокефальность ее Церкви.

Идеологическая ситуация на Кавказе, сложившаяся в V–VII вв., привела к церковному разрыву, который готовился на протяжении VI в и завершился в начале VII в.

Исследуемый материал свидетельствует о наличии в Албании в V–VIII вв. 12 епископств, а также внешних связей Албан-

ской Церкви, где особое значение придавалось связям с кочевниками-степняками тюркоязычного мира, находящегося за Кавказскими проходами, за Албанскими воротами (за Дербентом). Это связь исходила из внешней политики албанских правителей–албанских Аршакидов и великих князей Михранидов.

Албанская Апостольская Церковь была автокефальной с IV в. до 1836 г. Центрами албанского патриаршества были Чола, с VI в. – Барда, в VIII–IX вв. – Бердакур, затем Чарек-Хамши (недалеко от Кедабека), а на короткое время была церковь Дадиванк, в честь ученика апостола Фадея – Дади (>Март>Елисей) в Хачене, и, наконец, с 1240 по 1836 гг. – Гандзасар (Гандзасарский собор). В XVII–XIX вв. был антипрестол в Хаченском храме Ерицменканц (Ерек манкунк).

В 705 г. Албанское государство пало, страной стали править арабские эмиры. Часть албан, принявшая ислам, ассимилировать тюркоязычными племенами (также принявшими ислам), а оставшаяся, исповедующая христианство, сумела возродить в отдельных частях страны в IX–XIX вв. в предгорных районах Малого Кавказа албанские политические образования в Сюнике, Арцахе, Шеки-Камбисене.

После завоевания Кавказа по Туркманчайскому договору 1828 г. царское правительство пошло на ряд уступок и снисхождений по отношению к Армянскому католикосату, одним из требований которого было упразднение Албанской Автокефальной Апостольской Церкви и подчинение ее Армянской Эчмиадзинской Церкви.

В 1909–1910 гг. Русский Синод разрешил Эчмиадзинскому армяно-григорианскому Синоду и Эриванской армяно-григорианской консистории уничтожить старые архивные дела подведомственных епархий. Очевидно, что среди старых армянских архивов были уничтожены архивы Албанской Церкви.

Так Армянская Эчмиадзинская Церковь с помощью политики царского правительства аннексировала, трансформировала албанское этнокультурное наследие.

Далее в монографии впервые дано исследование Агуэнских канонов V в. – древнейшего памятника албанского права: рукописи, переводы канонов, дан историко-правовой анализ канонов,

на основе которых воссозданы отдельные аспекты албанского духовенства, Албанской Церкви. Это исследование – новое слово в науке.

Совершенно непромерной, беспочвенной, нелогичной представляется последняя модель армянской концепции о статусе Албанской Церкви в качестве епархии Армянской Церкви, изложенной в статье «Армянская Апостольская Церковь». Признавая, что существовали «противоречия» временами на иерархической почве между церквями Армении и Албании, в статье утверждается, что Албанская Церковь была изначально епархией Армянской Церкви. Далее в статье сообщается, что в конце XIV–XV вв. «на базе богословской школы Сюника развивалось движение за возрождение Армянской Церкви, и возникла идея о переносе престола Армянской Церкви из Киликии в ее древнейший исторический центр – Эчмиадзин, что произошло в 1441 г.». В этом отрывке все изложенное – ложь. Дело в том, что до недавнего времени армянская наука считала, что главной причиной переноса патриаршего центра из Киликии в Эчмиадзин была попытка патриарха Киликийской Армянской Церкви принятия католичества Армянской Церковью, что вызвало недовольство армян «Центральной Армении» (?!). Сюник здесь абсолютно ни при чем. Идея переноса Армянской Церкви в Эчмиадзин возникла далеко за пределами Сюника, в Малой Азии, ее западной части. Армянская Церковь, неоднократно испытав судьбу в западной части Малой Азии, очередной раз, потерпев фиаско, была лишена возможности вернуться на историческую родину – Восточную Анатолию в связи с образованием могущественной Османской империи. В Эчмиадзине, в западной части исторической Албании очень заманчивым представлялось наличие христианского албанского населения, исповедующего монофизитство, т.е. наличие единоверцев. Армянская Церковь вынашивала политические планы исторического обоснования на территории исторического Азербайджана с помощью албан, а потом приобщиться к их культурному наследию. Далее в статье утверждается о нахождении престола Армянского католикоса с V по IX вв. в Вагаршапате (Эчмиадзине). Это утверждение также беспочвенно, ибо, как сообщает «Армянская книга канонов» первая церковь Армении была построена в селе Аштишат, в армянской области Тарон, на берегу ре-

ки Арацани (Мурадчай), притока реки Евфрата, в восточной части, Малой Азии, но не в западной части Центрального Кавказа. Аштишатская церковь была «матерью армянских церквей», а потом стала наследственным владением рода Григора Просветителя. Очень удивительно, что статья «Армянская Апостольская церковь» умалчивает об этой церкви; вероятно, этот факт не надлежит огласке, ибо получается неувязка с «освещением» роли Эчмиадзина, в качестве первого престола Просветителя, достаточно удаленного от места реального проживания армян. В историографии утверждается, что престол Просветителя установился в Вагаршапате, между тем исследования армянских источников (Агафангела) дают полное право локализовать Вагаршапат и Эчмиадзин не на левом берегу Аракса, а на правом берегу р. Евфрат. Ибо, согласно данным Агафангела, Григорий Просветитель для крещения армянского царя Трдата с его многочисленной свитой вышли из столицы Вагаршапат, направились в Багуан, а затем отправились на берег Евфрата (см. гл. VI, § 4). Авторы статьи вынуждены признать, что перенос Армянской Церкви в Эчмиадзин объясняется тем, что «тяжелое положение страны заставляло армян искать спасение на чужбине» в XV–XVI вв. из-за «противоборства тюркских племенных союзов Ак-коюнлу и Кара-коюнлу». Как видим, творцы армянского народа вынуждены признать, что Эчмиадзин – последнее пристанище Армянской Церкви была «чужбиной» для армян. Как соотносить вышеприведенное утверждение с тем, что Армянская Церковь, спасаясь от «противоборства тюркских союзов Ак-коюнлу и Кара-коюнлу», обосновалась в Эчмиадзине, угодила на территорию, подвластную именно этим тюркским племенам – Ак-коюнлу и Кара-коюнлу (?!). Далее в статье декларативно утверждается несуществующее в истории Армянской и Албанской Церквей Положение, согласно которому «епархии, находившиеся на персидской территории, прежде всего, Албанский католикосат с центром в Гандзасаре (Арцах), развернули активную деятельность, направленную на присоединение Армении к России. Армянское духовенство Эриванского, Нахичеванского и Арцахского царств стремилось избавиться от власти Персии». В этом отрывке все – ложь, политизировано, подчинено единой цели – всеми «правдами» и

«неправдами» оправдать, обосновать политическую деятельность Армянской Церкви, которая в недалеком будущем с помощью политики Царской России будет направлена вначале на присвоение албанского культурного наследия, а потом попытается уничтожить его, скрыв следы его. Армянская Церковь, не имея на Кавказе ни одной епархии (которые находились на территории Восточной Анатолии (см. гл. VI, § 3), заблаговременно в свой актив зачислила Албанскую Апостольскую Автокефальную Церковь с ее епархиями, с албанским населением, выдавая албанское духовенство за армянское, при этом географически разбив это духовенство по ханствам – Ереванскому, Нахичеванскому и Арцахскому, которого вообще не было, ибо Арцах входил в состав Карабахского ханства. Истории не известно никаких данных о деятельности Албанской Церкви, направленной на присоединение Армении к России, такой деятельности и не могло быть, ибо это не соответствовало интересам Албанской Церкви, к тому же в реальности не было так называемой Армении, которую следовало бы «присоединить» к России. Далее не выдерживает критики утверждение, что по Турманчайскому договору 1828 г. «Восточная Армения» вошла в состав Российской империи. Истории не известно, что за «Восточная Армения», откуда она взялась и каким образом «вошла». В статье дается последнее утверждение, что согласно документу 1836 г. «был упразднен утративший самостоятельное значение Албанский католикосат, епархии которого вошли в состав Эчмиадзинского католикосата».

Из данной посылки вытекает совершенно другое, единственное следствие – до 1836 г. существовала Албанская Апостольская Автокефальная Церковь со своими епархиями.

В монографии (гл. VI) мы попытались проследить судьбу албанского населения Карабаха-Аррана в XIV–XIX вв. и показать пути и методы его деэтнизации. В означенный период население Арцаха-Аррана наряду с албанами составляли турки и курды, среди которых этнически доминировали турки. Во время своего нашествия на Кавказ Тамерлан переселил в Хорасан и Афганистан 10 тыс. албан (25 дымов). В XV–XVI вв., когда на территории исторического Азербайджана образовалось государство Кара-коюнлу во главе с Джahan-шахом, то Карабах-Арцах и Сюник вошли в состав этого государства, а впоследствии в состав госу-

дарства Ак-коюнлу. Еще в XV в. Гасан Джалаловский род получил от Джахан-шаха (главы Кара-коюнлу) титул «мелик», который стал прилагаться и к дочерним линиям Гасан Джалаловского рода «хамсэ». С XV в. по 1836 г. Гасан Джалаловский род продолжает играть важную роль в политической и духовной жизни Арцаха, представители которого становятся наследственными патриархами Албанской Апостольской Автокефальной Церкви (в Гандзасаре). В XVI в. Карабах–Арцах вошел в состав азербайджанского государства Сефевидов в качестве административной единицы Карабахского (Гянджинского) беглярбегства (Гянджа). В конце XVII – начало XVIII вв. в Карабахе и Сюнике началось освободительное движение албан против персидского и османотурецкого господства (возглавили движение мелики – Исраиль Ори, Давид-бек, албанский католикос Есаи Хасан-Джалалян). Албанские мелики возлагали надежду на поход Петра I в Шемаху.

В конце XVII в. в Карабахе зародилось социальное движение христиан-албан против духовных и светский феодалов под руководством Мыхлы Баба. Усиление Карабахского ханства при Панах-Али хана вызвало серьезное беспокойство албанских меликов Шеки, Ширвана, Карабаха. Они подняли против Панах-Али хана шекинского хана Гаджи Челеби, который, будучи мусульманином, был по происхождению албанским меликом. Попытки Челеби осадить крепость Баят оказались тщетными. Борьба с карабахскими меликами продолжалась и при Ибрагим Халил хане. В конце концов, борьба с меликами завершилась победой Ибрагим Халил хана.

В XVIII в. в геополитические интересы России входило создание на Кавказе трех христианских государств: возрождение Албанского царства и грузинского царства Ираклия, Армянской области.

Важным источником для воссоздания истории Албанской Церкви в XVI–XVIII вв., ее монастырей и церквей являются колофоны албанских Евангелий, в которых прослеживается существование двух самостоятельных церквей – Албанской и Армянской. Колофоны были носителями исторической памяти албанского этноса. Заслуживает особого внимания информация

М.Бархударянца о том, что «еще в 1828 г., по свидетельству очевидцев, албанские монастыри были обитаемы и в цветущем состоянии». И следующее сообщение М.Бархударянца о том, что эти монастыри (подведомственные с 1836 г. Армянской Эчмиадзинской Церкви) к концу XIX в. уже не имели никаких архивов и библиотек, все таинственно исчезло и что расхищены в большом количестве драгоценные рукописи, в монастыре месяцами не совершается служба, ибо нет ни грамотных людей, ни школы, ни монахов, ни даже простых чтецов (М.Бархударянц, «Арцах», I, с. 5, 160).

Россия, изменив этнодемографию Кавказа путем переселения «армян»-албан из Ирана и армян из Турции на Кавказ, заселив ими Карабахское и Ереванское, Нахичеванское ханства, создает на территории исторического Азербайджана Армянскую область из земель Нахичеванского и Ереванского ханств. В 1836 г. Царское правительство, приняв совместное Положение об Армяно-Григорианской Церкви, включило в него специальный пункт об Албанской Апостольской Автокефальной Церкви, согласно которому Албанская Церковь лишалась автокефалии и переподчинялась Эчмиадзину в качестве епархии. Армянская Церковь, аннексировав албанское этнокультурное наследие, приступила к его полной трансформации, что выразилось также и в физическом уничтожении его. Процесс деэтнизации албан был очень болезненным. Часть албан принимает ислам, часть григорианизируется-арменизируется, часть, приняв православие- грузинизируется. Но албаны еще долго не владели армянским языком, о чем свидетельствуют документы из Синода, рассматриваемые в работе.

Часть албан-удин сумела избежать насильственной деэтнизации и сохраниться по сей день. Это удины Огузского и Кабалинского районов. Удины-прямые потомки албан. Далее в работе на примере семьи Павла Флоренского, одного из албанских меликских родов, проанализирован болезненный, полный драматизма процесс насильственной деэтнизации албан конца XIX и начала XX вв.

Новым словом в науке является исследование нами проблемы «Албаны и этногенез азербайджанского народа» (§ 2, гл. VI). Азербайджанский народ (азербайджанцы) сформировался из трех мощных основополагающих этнокультурных пластов – кавказо-

язычного (албан), персоязычного (мидийцев, курдов, татов, талышей) и тюркоязычного. Путем исследования источников, литературы, реалий политических, конфессиональных, культурных по периодам, мы рассмотрели интенсивный процесс формирования этносов на территории исторического Азербайджана с глубокой древности до XX в. включительно-албанского, тюркского, персоязычных от уровня этноса, народа до уровня образования азербайджанского народа, азербайджанской нации. И для каждого периода мы выявили место албан в этногенетических процессах на территории исторического Азербайджана, происходящих в I–XIX вв.

Совершенно новым, на наш взгляд, является исследование епархий Армянской Церкви, армянских патронимий и локализация их. Наши изыскания, основанные, главным образом, на армянских источниках, а также на реестрах армянских соборов, и армянских политических и конфессиональных реалиях, убеждают, что армянские епархии и патронимии находились за пределами Кавказа, были на территории Восточной Анатолии (см. карту «Армянские епархии»).

Новым словом в науке является пересмотр, доисследование существующих в науке локализаций Арарата, Араратской равнины, «провинции-наһанга» Айрарата и предложенная мной новая локализация их. От верного размещения их находится верное воссоздание исторической географии областей, государств Передней Азии, армянского народа, а также государств Центрального и Южного Кавказа. Для наглядности и обоснования в основу исследования взяты карты «Древний Ближний Восток» (автор И.М.Дьяконов) (карта № 1) и «Армянское нагорье» (карта академика С.Т.Еремяна) (карта № 2). По И.М.Дьяконову, Армянское нагорье размещалось с запада (начиная от правого берега р. Евфрата) на восток, севернее оз. Ван. По Армянскому нагорью протекает р. Арацани-Мурадчай, приток р. Евфрата. Согласно же карте С.Т.Еремяна Армянское нагорье расположено в том же направлении с запада на восток, но со значительным смещением его на север, где в центре Армянского нагорья берет начало верховье р. Аракса. В «Истории армянского народа» сообщается, что в «в историческом прошлом жизнь армянского народа

протекала на территории, известной географической науке под названием Армянского нагорья. Советская Армения занимает северо-восточную часть этой территории». Чтобы исторически обосновать территорию Советской Армении армянские псевдоисторики решили проблему легчайшим образом – расстянули территорию Армянского нагорья в северо-восточном направлении, соединив ее с западной территорией Восточного Кавказа, т.е. с территорией исторического Азербайджана.

Далее армянские историки создали несуществующие в центре Армянского нагорья – «Аралатскую равнину» и Арарат. В «Истории армянского народа» сообщается, что с IV в. до н. э. «Аралатская равнина становится сердцем Армянского нагорья. Здесь находились столицы древней Армении – Армавир, Ервандашат. Вагаршапат, Двин, а в наше время – Ереван». Опять же, во имя исторического обоснования г. Ереван, его псевдоармянской принадлежности, армянским историкам «понадобилось» разместить на одном отрезке-участке все армянские столицы ?!

Естественно вызывает недоумение, что армянский народ, проживающий на территории двух берегов рек Евфрата, Тигра, вокруг оз. Ван, обреченный вместе со своей Церковью на странствия блуждания на запад, как же этот народ мог создавать свои столицы на неизменном участке, удаленных от своих политических образований, на «стабильной Аралатской равнине», размещенной армянскими историками на территории юго-западной части Восточного Кавказа? Этой «продуманной концепции-модели» противоречат исторические реалии: нахождение армянских феодальных патронимий и армянских епархий на территории Малой Азии – в Восточной Анатолии. Армянской модели противоречат фактические данные армянских источников, согласно, которым родовая усыпальница армянских Аршакидов находилась в области-гаваре Даранаги, в городе-крепости Ани, на правом берегу р. Евфрата, а так называемая столица этих Аршакидов Вагаршапат, будто бы находилась около Эчмиадзина, т.е. в юго-западной части Восточного Кавказа. Получается такой парадокс: останки армянских царей каждый раз должны были перевозить по всему Армянскому нагорью с востока на запад, с Восточного Кавказа (ее западной части), с Малого Кавказа, по Малой Азии до восточного берега р. Евфрата. И далее, как показало наше

исследование, армянские ученые во имя поставленной цели (приобщения к западной части Малого Кавказа, Восточного Кавказа, к азербайджанским землям) превратили «гавар-область Айрарат» в «наһанг-провинцию-край Айрарат», т.е. искусственно увеличив территорию «гавара Айрарата», разместив ее в центре Армянского нагорья, а далее растянув эту провинцию опять-таки до западных земель Восточного Кавказа, т.е. азербайджанских земель. Но этому противоречат данные Агафангела, рассмотрение которых в монографии свидетельствуют об абсурдности армянской концепции. Согласно Агафангелу армянский царь Трдат во главе многочисленного шествия вместе с Григорием [Просветителем] вышел из города Вагаршапата и отправился в урочище Багуан, а затем к р. Евфрат для крещения. Проследим по карте армянских исследователей за маршрутом шествия Григория царя Трдата со всеми их сопровождающими лицами, если применим локализацию современного Айрарата. Из гавара-области Айрарата, из столицы Вагаршапат, если согласиться с современной локализацией ее, непременно нужно было переплыть р. Аракс [в каком его течении-среднем?], потом пройти по суше довольно-таки немалое расстояние, потом вновь переплыть реку Арацани, и только затем можно было попасть в урочище Багуан, у подножья горы Нпат. А если конечной целью шествия был непременно берег р. Евфрата, сам Евфрат, то, направляясь далеко на запад из Вагаршапата [локализуемого армянами на западе Малого Кавказа], следовало бы еще раз переплыть р. Арацани, [ибо Багуан с трех сторон омывается рекой Арацани], потом, совершив длительное путешествие по суше, еще раз окунуться в р. Аракс, на сей раз в его верховье, и только потом, еще раз совершив по суше длительное путешествие, они могли наконец-то достичь желаемой цели – р. Евфрат, где и были крещены. Весь путь, рассмотренный нами из Вагаршапата к р. Евфрат, представляется нелепейшим по одной причине – город Вагаршапат, гавар Айрарат и урочище Багуан неверно локализируются. Они должны быть размещены недалеко от р. Евфрат. Реально получается, что эти упомянутые топонимы были действительно в центре Армянского нагорья, но не далеко, не на северо-востоке от него [как локализовали их армянские ученые в угоду

продуманной концепции], что практически получается на западе Малого Кавказа, на левом берегу р. Аракс, не имеющего отношения к рассматриваемым историческим и географическим реалиям, но имеет географическую близость к территории современной Армянской республики, к территории Албании, исторического Азербайджана, что и требовалось доказать армянским историкам.

Монография завершается новым параграфом: «Албанские истоки Карабахской проблемы». Творцы истории армянского народа давно застолбили в науке агрессивную концепцию, лишенную научной почвы, совершенно неправомерную о Карабахе-Арцахе, согласно которой Карабах и его население-албаны считались армянскими и территориально, и политически, и этнически, конфессионально, и культурно. С помощью албанского этнокультурного наследия армяне приобшились к Карабаху-Арцаху.

Как показало наше исследование, Карабах территориально и политически всегда входил в состав всех государств исторического Азербайджана с III в. до н. э. по XIX в. включительно: Кавказской Албании, Саджидов, Саларидов, Шеддадидов, Атабеков-Ильденизидов, Кара-коюнлу, Ак-коюнлу, Сефевидской империи и, наконец, в состав Карабахского ханства был присоединен к Российской империи в 1805, 1813, и окончательно в 1828 г. Как показало исследование письменных источников и реалий, Карабах-Арцах никогда не входил в состав армянских политических образований, или же хотя бы политико-административных единиц, которые образовались на территории Малой Азии, в Восточной Анатолии, за пределами Кавказа. Население Карабаха составляли албаны, турки и курды.

Что же касается истории армянского народа, то известно, практически два армянские политические образования. Первое просуществовало с VI в. до н. э. по V в. на территории Армянского нагорья. Это государство было номинальное: правители его не обладали правом наследования политической власти; правители-цари были ставленниками то Персии, то Рима/ Византии, которыми могли быть даже царевичи Иберии и Атропатены. А в V в. после упразднения Армянского государства, территория ее подвергалась неоднократному делению между Персией и Римом/Византией. Образовались две провинции: Восточная Персидская Армения и Западная Византийская Армения. Второе армянские го-

сударство было создано спустя 400 лет, в IX–XI вв. на северном побережье оз. Ван, южнее верхнего и среднего течения р. Аракс – государство Багратидов. Третьим армянским государством считалось Киликийское, но, как показало наше исследование, этим государством в XIII–XIV вв. правила албанская династия Хетумидов, население его было смешанное, и неправомерно считать впредь его армянским политическим образованием.

Далее в этом разделе изложено, что с XV в. Армянская Церковь обосновалась не на исторической родине, а в Эчмиадзине, в западной части Восточного Кавказа, где она практически до XIX в. не имела свой армянские епархии, армянские патронимии, которые продолжали оставаться в Восточной Анатолии.

В XVI–XVIII вв. европейские и американские миссионеры выпестовали плеяду армянской интеллигенции в Европе, Америке, которые, приняв католичество, лютеранство, образовали истоки, основу будущего армянского лобби, будущей армянской диаспоры. Именно эти армяне вместе с Эчмиадзинской Армянской Церковью стали идеологами обоснования армян на территории Восточного Кавказа, на территории исторического Азербайджана. С XVI в. армяне взяли курс на очищение Кавказа от тюрков. Но реализовать поставленную цель армяне могли только с помощью геополитики – с помощью европейских стран и России, в частности.

Под «Историей армянского народа» XVI, XVII, XVIII, XIX вв. армянские историки излагают историю азербайджанских областей – Карабахского, Гянджинского, Ереванского и Нахичеванского беглярбегств, а позднее ханств, ибо в арсенале «истории» армянского народа ничего иного нет.

На начальном этапе завоевания Центрального Кавказа Российское правительство рассчитывало усилить здесь христианской фактор путем создания трех христианских политических образований в составе своей империи: Грузинского царства, возрожденного Албанского царства и создания никогда не существовавшей на Кавказе Армянской области. Но, завоевав Кавказ уже к 30-м гг. XIX в., Россия пересматривает геополитическую ситуацию: ликвидировала Грузинское царство, азербайджанские ханства, создала впервые не существовавшее на Кавказе, политическое

образование – Армянскую область на землях азербайджанских ханств (Иреванского и Нахичеванского), предварительно увеличив армянское население в них путем переселения армян из Османской империи, албан из Ирана. Вопрос о возрождении Албанского царства отпал. Для Российской империи актуальность приобретает создание и усиление на Кавказе армянского фактора-сателлита, имеющего сильную русскую ориентацию, с помощью которого можно утвердиться как на Кавказе, так и реализовать политику выхода к Босфору, Дарданеллам. И потому из существующих на Кавказе двух древних Автокефальных Апостольских Церквей – Албанской и Грузинской, действующих с IV по XIX вв. включительно, царизм ослабил Грузинскую Церковь, ликвидировав ее автокефальность, и вовсе упразднив Албанскую Автокефальную Церковь, превратил ее в епархию Армянской Эчмиадзинской Церкви. Этим актом было положено начало окончательной деэтнизации автохтонного населения Кавказа – албан.

Мощно усилив территориальные, политические, экономические, идеологические позиции Эчмиадзинской Церкви на Кавказе, Россия вскоре стала опасаться сепаратистских устремлений непомерно усилившейся Эчмиадзинской Армянской Церкви и давления ее и армянских диаспор, педантично добивавшихся приобретения на Кавказе государственного бытия. И потому царизм в 1850 г. упразднил Армянскую область, превратив ее в Иреванскую губернию.

Очевидно, в последующей политике Российской империи уже совершенно не предусматривалось создание на Кавказе армянского государства, что давало возможность держать армян в полной постоянной зависимости от России и рассчитывалось в дальнейшем использовать армян в качестве «фактора-сателлита» уже в ближневосточной политике. В 60-х гг. XIX в. Царское правительство вынашивает идею создания Армянской области – «Западной Армении» на малоазийских землях Турции. Так, в 1878 г. возник «армянский вопрос», за реализацию которого стояла только Россия. Армянская партия «Дашнактутюн» для достижения своей цели меняла свои ориентации – от русской до европейских держав, потом к общетурецкому революционному движению к младотуркам, и затем вновь к России. «Геноцид» армян в 1915 г.

в Турции ускорил решение вопроса о создании армянского государства, но уже на другой территории. Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Антанта, большевики ускорили, создание Армянской республики. Но этому предшествовала еще длительная война, навязанная дашнаками Грузии и Азербайджану в 1919–1920 гг., когда дашнаки аннексировали Ахалкалаки, Борчалы, Карабах, зангезурские земли. И, наконец, Советское правительство реализовало армянский вопрос за счет азербайджанских земель (земель бывшего Эриванского ханства, зангезурских земель) – создав Восточную Армению, Армянскую республику в 1921 г. и Нагорно-Карабахскую Автономную область Азербайджана в 1923 г. (из исторического Карабаха).

Так, армяне с помощью Российской империи, а потом с помощью советского правительства приобрели государственное бытие. Армянская Эчмиадзинская Церковь с помощью Царской России приступила к трансформации богатейшего албанского этнокультурного наследия в армянское, стала удревять насильственно «арменизированное» албанское наследие, выдавая албанские этнические, политические, культурные истоки за армянские.

Но утверждение, что албанское общество, албанская культура погибли благодаря политике Российской империи и Эчмиадзинской Армянской Церкви, что растворившись в других этносах албаны не оставили зримого следа, несомненно ложно. Эта богатейшая двухтысячелетняя культура влилась в культуру народов Кавказа – азербайджанского, дагестанских народов и грузинского. Албаны были одним из главных создателей античной, раннесредневековой, средневековой культуры Азербайджана. Албаны – одни из предков азербайджанского, грузинского частично и дагестанских народов. Этим определяется место албан в истории Азербайджана, истории Кавказа и культурной истории человечества. В этом актуальность изучения всех поставленных проблем.

XÜLASƏ

Bu monoqrafiya Albaniya və albanların tarixinin demək olar ki, bütün aspektlərinin hərtərəfli tədqiqinin və bərpasının nəticəsidir. Alban tarixi-ədəbi ənənələrinin, tarixi coğrafiyasının, siyasi tarixinin, ictimai-siyasi quruluşunun təşəkkülü, etnik alban millətinin təşəkkülü, xristianlığın, e. ə. III əsrdən eramızın VIII əsrinə qədər (Alban dövlətinin 1000-illik dövrü) və daha sonra IX əsrdən XIX əsrə qədər yerli Alban çarlıqlarının, sonrakı dövrlərdə Alban mülkləklərinin mövcudluğu tədqiq olunur, Azərbaycan dövlətləri, Azərbaycan xanlıqları tərkibində Alban Kilsəsinin, alban millətinin tarixi tədqiq olunur, Azərbaycan xalqının etnogenezində albanların rolu, habelə onların dəyişməsi və milliliyindən məhrum olmasının yol və üsulları işıqlandırılır.

Antik və erkən orta əsrlər mənbələrinin, Albaniya, Ermənistan və İberiya gerçəkliklərinin tədqiqi, onların qarşılıqlı müqayisəsi, Zaqafqaziya ölkələri ilə bağlı Roma/Bizans və İran kimi iki imperiya arasında bağlanmış müqavilələrin ərsəyə gətirilməsi belə bir nəticəyə gəlməyə əsas verir ki, Albaniyanın ərazisi e.ə. III əsrdən e. VIII əsrinə qədər, 1000 il ərzində siyasi səbəblərdən eyni hüdudlarda mövcud olub. Onun ərazisinin genişlənməsi və ya kiçilməsi istiqamətində elə bir xüsusi dinamika müşahidə edilməyib. Alban hökmdarları işğalçı siyasət yürütmürdü. Albaniya, Ermənistan və Gürcüstanın mövqeyi, onların hər birində təşəkkül tapmış xarici və daxili vəziyyət alban sərhədlərinin təhlükəsizliyinin sabitliyinə yardım edirdi. Odur ki, Azərbaycan xalqının əcdadlarından biri olan alban millətinin formalaşması eyni ərazidə baş verirdi.

Dəyişikliklər bəzi dövrlərdə yalnız Albaniyanın şimal-qərbində Kambisena bölgəsində və cənubunda, Kaspiana bölgəsində baş verirdi. E.ə. III əsrdə Albaniya maksimal hüdudlarına çatdı.

Şimal-qərbdə Kambisenanın ərazisi həmişəkindən qat-qat geniş idi, cənubda isə ölkənin sərhədi daim Araz çayı boyu uzandığı yerdə Kaspiana bölgəsi Albaniyanın tərkibinə daxil idi. E.ə. II - I əsrlərdə Kaspiana Ermənistan tərəfindən işğal edilir, I-II əsrlərdə Atropatənin tərkibində olur, eramızın III əsrindən qəti surətdə Albaniyanın tərkibinə daxil olur. V əsrdə Kambisenanın ərazisi Gürcüstanın xeyrinə kiçilir.

Tədqiqat erməni müddəası adlanan müddəanın, yəni e. ə. III

əsrdən e. IV əsrinə qədər Albaniya sərhədinin Kür çayı boyu uzanması, yəni iki çay qovuşanda Arsax, Uti və Kaspiananın erməni bölgələri sayılması haqqında iddiasının əsassız və cəfəng olduğunu üzə çıxardı. Tədqiqat həmçinin gürcü tədqiqatçılarının Şəkiyə qədər alban torpaqlarının İberiya tərkibində olması haqqında rəyinin əsassız olduğunu aşkar etdi.

Monoqrafiyada, o cümlədən alban ədəbiyyatı məsələsi tədqiq edilib:

alban tarixi-ədəbi ənənəsinin təşəkkülü, agioqrafik, kilsə hüququ və dünyəvi ədəbiyyat kimi növləri göstərilib.

Tədqiq edilmiş material sübut edir ki, alban ədəbiyyatının alban dilində təşəkkül tapması gerçək tarixi zərurətdən irəli gəlirdi. Albaniya, özünün ədəbiyyatını yaratmasına ictimai, iqtisadi, dini, siyasi şərtlər kimi həyatın bütün şəraiti nəticəsində hazırlanmışdı.

Bu, müstəqil Alban dövlətinin mövcudluğu, hökmdarlıq edən çar sülaləsi dövründə və onu əvəz etmiş böyük knyazların, Alban Apostol Avtokefal Kilsəsi dövründə baş verir. Monoqrafiyada alban ədəbiyyatının üç ardıcıl istiqaməti - suriyapərəst, yunanpərəst və yerli alban istiqaməti tədqiq olunur.

İlk alban mənbələri alban dilində yaradılmışdı. Z.N. Aleksidzenin kəşfi sayəsində heç bir şübhə yoxdur ki, albanlar artıq IV əsrdə alban əlifbası ilə alban dilində yazılmış alban xristian ədəbiyyatına malik idilər. (Tövratın tam tərcüməsi, mühazirə toplusu).

Alban tarixi ədəbi ənənəsi VI əsrdən təşəkkül tapmağa başlayır. Onun formalaşması və inkişafı dövrü VI -XIII əsrlərə - ərəb işğalı, Alban dövlətinin süqutu, alban əhalisinin bir hissəsinin İslamı qəbul etməsi, Sünikdə, Arsaxda, Şəki-Kambisenada yerli alban çarlıqlarının bərpası, səlcuq, monqol işğalı dövrlərinə təsadüf edir. I - X əsrlər Albaniya tarixi haqqında başlıca məlumat və təsəvvürləri alban tarixi - ədəbi ənənəsinin görkəmli nümayəndəsi alban müəllifi Moisey Kalankatuyski verir ki, onun "Albanların tarixi" əsəri alban dilindən qədim erməni dilinə tərcümədə bizə gəlib çatıb.

Moisey Kalankatuyskinin "Albanların tarixinin" əlyazma mənbəyini, "Albanların tarixinin" əlyazma surətlərinin mənşələrini öyrənərkən mənə ilk - əvvəl "Albanların tarixi" əsərinin əlyazmalarının genealoji törəmə cədvəlini tərtib etmək müyəssər oldu. O, da müxtəlif oxunuşuna görə iki qrupa bölünür: "erməni" cədvəli adlandırdığım I qrupa (2 sayılı sxem) erməni kilsəsi tərəfindən məqsədyönlü surət-

də redaktəyə məruz qalmış əlyazmalar qrupu, “alban cədvəli adlandırıldığı II qrupa (1 sayılı sxem) redaktəyə uğramamış əlyazmalar daxildir.

Bu halda mənim tədqiqatım “Alban tarixinin bütün mövcud mənbələrinin – üç qədim erməni, müasir erməni, ingilis və rus dillərindəki mənbələrin və əlavə olaraq Peterburqdan və Paris milli kitabxanasından cəlb edilmiş dörd əlyazmanın təhlilinə əsaslanırdı ki, sonunculardan ikisi, aşkar etdiyim kimi, oxunuşuna görə alban redaktə qrupuna (LO İVANS-59 və P4 220), ikisi isə erməni redaktə qrupuna (LO İVAN B-56 və P1 217-(Makler kataloqu) aid idi.

Aparadığım təhlil aşkar etdi ki, Erməni Kilsəsi alban tarixi -ədəbi irsini alban mədəniyyətini ələ keçirmək məqsədi ilə Kalankatuyskinin “Albanlar tarixinin” əlyazmalarının birinin erməni dilinə tərcüməsi gedişində onu Erməni Kilsəsinin tarixinin xeyrinə əsaslı redaktəyə məruz qoymuş və məhz bu redaktə olunmuş əlyazmanı və onun surətlərini elmi dövriyyəyə buraxmışdılar, bunlar da Kalankatuyskinin “Albanların tarixinin” bütün mövcud nəşrlərinin əsasını, habelə oriyentalistlərin, qafqazşünasların, bu alban abidəsi ilə maraqlananların hamısının tədqiqatlarının əsasını təşkil etdi. Redaktə Alban Kilsəsinin əzəldən Erməni Kilsəsinə tabeliyi, alban hökmdarlarının əzəldən Nahkid- erməni mənşəli olduğu kontekstdə aparılırdı. Alban şairi Davtakin Alban böyük knyazı Cavanşirin ölümünə yazdığı elegiyanın redaktəsinin aşkar edilməsi heç də bundan az əhəmiyyətli deyil. Elegiya ilk əvvəl alban əlifbasının 19 hərfini əhatə edən akrostix formasında yazılmışdı. Lakin akrostix tərcümə əsnasında erməni redaktəsinə uğramış, süni şəkildə uzadılaraq erməni əlifbasının 36 hərfini əhatə etmişdi. Hər halda Erməni Kilsəsinin sayıqlığına, ehtiyatlılığına baxmayaraq, erməni dilinə tərcümə edilmiş bir neçə alban əlyazması onun nəzərindən kənar qalmış, erməni redaktəsinə məruz qalmamışdır, bunların qorunub saxlanması bəlkə də, sonrakı dövr albanların yardımı nəticəsində baş tutmuşdur. Bu iki qrup əlyazmanın tekstoloji təhlili onları bir - birindən əsaslı surətdə fərqləndiyinə dəlalət edir.

“Albanların tarixi” əsərinin tekstoloji təhlili, yazılış üslubunun, hadisələrin baş verdiyi tarixlərin xronoloji sisteminin tədqiqi əsasında belə bir nəticəyə gəldim ki, “Albanların tarixinin” məzmununun özü (burada qədim dövrlərdən VIII əsrin əvvəlinə qədər Albaniya ölkəsinin tarixi, alban millətinin, alban hökmdarlarının, Alban Kilsə-

sinin tarixi verilir, üç dəfə müxtəlif dövrlərdə Kür çayının hər iki sahilində sabit sürətdə yerləşən ölkənin sərhədləri və s. göstərilir), ifadə üslubu, baş verən hadisələrə müəllif münasibəti, ayrı-ayrı tarixi şəxsiyyətlərə (Katolikos Viroya, III Vaçaqana, Cavanşirə, şair Davdaka) münasibəti, müəllifin ciddi surətdə tərtib etdiyi xronoloji sistem – hadisələrin tarixləri alban hökmdarlarının, habelə İran və Bizans hökmdarlarının hakimiyyəti dövrləri üzrə müəyyən edilir (tarixlər sinxronlaşdırılıb) və s. Bütün bunlar “Albanların tarixinin” alban tərəfindən alban xalqı üçün yazdığı haqda yeganə nəticəyə gəlməyə imkan verir. Mənbə (I və II kitablər) VIII əsrin əvvəlində, III kitab isə - X əsrdə yazılıb. Halbuki erməni tarixşünaslığında hesab edirdilər ki, bu erməni müəllifi və ya müəllifləri tərəfindən yazılmış, erməni xalqının tarixini, Böyük Ermənistanın şərq əyalətinin tarixini əks etdirən erməni mənbəyidir. Hətta tanınmış qafqazşünas İ. A. Orbeli üçün Erməni Kilsəsinin alban mənbəyi – Moisey Kalankatuyski üçün qoyduğu qadağanı adlayıb keçmək asan iş deyildi. İ. A. Orbeli çarşub qalmışdı –nəyə izn verilir, bu mənbəni necə adlandırılmalı-erməni dilli “(?), “erməni”, yaxud alban mənbəyi”(?)

Axtarışlarım göstərdi ki, XI -XIII əsrlər alban ədəbiyyatı və mədəniyyəti tarixində alban intibahı dövrü idi. Məhz bu dövrdə alban, xristian və müsəlman intibahının mərkəzi olan alban tarixşünaslığının David Alavik, Mxitar Qoş, Kirakos Gəncəli, Boyük Vardan Albanski (Şərqi), Patmiç, Smbat Sparapet, Xetum Patmiç kimi məşhur nümayəndələrini yetişdirmiş Gəncə şəhərinin rolu yüksəlir. Onlar öz misli –bərabəri olmayan əsərlərində alban cəmiyyətinin, onun siyasi, mənəvi həyatının ayrı-ayrı cəhətlərini əks etdirmişdilər. Onlar, o cümlədən XI -XIII əsrlərdə Qafqazda cərəyan edən hadisələri, həm Qafqazda, həm də Ön Asiyada səlcuq və monqol hökmranlığı dövrlərini işıqlandırmışdı. Gürcüstan, Ermənistan, Bizans, Kilikiya tarixi, ümumiyyətlə xristianlığın tarixi, o cümlədən Alban Apostol Avtokefal Kilsəsinin tarixi haqqında dəyərli məlumatları qoruyub saxlamışlar. Mxitar Qoş və Gəncəli Kirakosun əsərlərinin tədqiqi məndə belə bir inam yaratdı ki, onların əsərləri də alban dilindən erməni dilinə tərcümə gedişində məqsəd yönü şəkildə “redaktəyə” uğrayıb, məsələn Qoşun “ Qanun külliyyatı” “Erməni qanun külliyyatına”, Gəncəli Kirokosun” “Tarix” əsəri “Ermənistan tarixinə” çevrilib; Kirakosun mətnini də yeni başlığa uyğun dəyişməyə cəhd ediblər. Fikrimə, 1926-cı ildən 1342-ci ilə qədər Kilikiya-

da hökmranlıq etmiş alban Xetumid çar nəslindən olan Xetum Patmiçin (XIII-XIV əsrlər yazıçısı) əsəri də müəyyən redaktəyə məruz qalıb. Xetum Patmiçin əsərini qədim erməni dilinə çevirən M. Avqeryan özü bildiyi kimi “mətndən bütöv parçalar” çıxarırdı. Tədqiqatım göstərdi ki, XI-XIII əsrlərdə yerli alban şahlıqlarının (Sünik, Arsax, Şeki-Kambisendə) ümumi siyasi-iqtisadi və mədəni intibahı ilə bağlı olan alban ədəbiyyatının yüksəlişi dövrlərində erməni ədəbiyyatında tam tənəzzül, durğunluq müşahidə olunur. Bu, Bizansın erməni əhalisini məcburi köçürmə siyasəti yürütməsi, səlcuq yürüşləri, habelə erməni xalqının maraqlarını qurban verərək daim öz şəxsi maraqlarını güdən erməni feodal aristokratiyasının (hökmdarlardan rütbə, vəzifə, torpaq mülkləri almaq) istəyi ilə izah edilir. Ermənilərin öz dövlətçiliyini itirməsi səbəbləri buradan irəli gəlir.

Sonrakı dövr albanlarının tarixi-ədəbi ənənələri sonrakı əsrlərdə də davam edir, XVIII əsrdə alban katolikosu Yesayi Həsən Cəlal” Alban ölkəsinin qısa tarixini yazır, XIX əsrdə isə Makar Barxudaryants son dövr albanlara həsr etdiyi üç əsərini - “Arsax”, “Albaniya ölkəsi və onun qonşuları”, və “Aqvank ölkəsinin tarixi” əsərlərini yazır. Bu da əlamətdardır ki, VI əsrdən başlayaraq XIX əsr daxil olmaqla bütün sadalanan alban müəlliflərin əsərlərinin həm mətnlərinin mənbələrində, həm də başlıqlarında alban özünüdərk hissi müşahidə olunur. Narrativ mənbələrlə yanaşı mən, Smbat Sparapetin “Qanunlar külliyyatı” üçün mənbə olmuş Mxitar Qoşun “Qanunlar külliyyatının”, alban “ V əsr alban Aquyen qanunları” normativ aktlarının müfəssəl təhlilini verirəm.

V-XIII əsrlər və sonrakı əsrlərin alban mənbələrini erməni mənbəsi kimi qələmə verən və, guya əzəldən erməni dilində erməni xalqı üçün yazıldığı haqda erməni müddəəsmın əsassız və cəfəng olduğunu tədqiqatım sübut edir. Ermənistan və Albaniya siyasi və dini tarixi gerçəklərinin sinxron şəraitdə tədqiqi göstərir ki, həmin dövrdə erməni dili nə Albaniyada, nə də Mərkəzi Qafqazda lingua fransa dili ola bilməzdi.

Mənbə məlumatlarına əsasən ermənilərin Albaniyaya sızması müşahidə olunmur. Erməni yaşayış məntəqələri bu ərazidə XVIII əsrin axırı, XIX əsrin əvvəlində yaranır. Albaniya əhalisi avtohton, yəni alban mənşəli idi, buraya I əsrdən başlayaraq daim türk dilli, fars dilli qəbilələr sızaraq məskən salırdı.

Alban ədəbiyyatının taleyi, onun mövcudluq müddəti və ümu-

miyyətlə varlığı haqqında üç fikir varid olub. Erməni müddəasını mən göstərdim. Gürcü alimlərinin, o cümlədən Z.N. Aleksidzenin rəyincə isə VIII əsrin 20-ci illərində ərəblərin yardımı ilə Alban kilsəsi Erməni kilsəsinin güclü təsiri altına düşür, sonuncu diofizit alban ədəbiyyatını məhv edir, monofizit Albaniya isə, erməni dilini və erməni əlifba –yazısını qəbul edib bunula öz varlığına son qoyur.

Z.M. Bünyadovun fikrincə Erməni Kilsəsi xəlifətin köməyi ilə, sonralar isə digər işğalçıların köməyi və xəbəri olması şəraitində albanların güclü qriqorianlaşdırılmasına başlayır, alban əhalisi arasında Aran (Alban) kilsəsinin təsirini tədricən heçə endirir və ərəb hakimiyyətinin əli ilə alban mədəniyyətini xatırladan bütün alban ədəbi abidələrini məhv edir.

1986-cı dərc edilmiş rəyimə əsasən, XII əsrə qədər alban ədəbiyyatı alban dilində yazılırdı, bu tarixdən sonra o, qədim erməni dilində yazılmağa başlayır!

Erməni xalqının və, Erməni kilsəsinin tarixinin tədqiqi, onların alban gerçəklikləri ilə müqayisəsi mənə öz baxışımı dəyişməyə və belə qənaətə gəlməyə vadar etdi ki, Alban kilsəsinin varlığının bütün dövrü ərzində o, qriqorianlaşmağa məruz qalmamış, Kopt, Yakovit kilsələri kimi, Alban Avtokefal, Apostol monofizit kilsəsi olaraq qalmışdır. Axtarışlarım mənə əmin edir ki, albanların özlərinin sabit ərazisinin, siyasi qurumlarının (VIII əsrə qədər cənubda Arazdan, şimalda Dərbəndə qədər hüdudlarda yerləşən ölkə, IX-XIII əsrə qədər Sünikdə, Arsaxda, Şəki-Kambisəndə yerli çarlıq - knyazlıqları və sonralar XV əsrdən beş alban mülkiyyəti), Avtokefal kilsəsinin varlığı şəraitində, müsəlman millətləri (türk və İrandilli millətlər) əhatəsində yerli alban çarlıq - knyazlıqlarının daim Azərbaycan dövlətlərinin tərkibində (IX əsrdən XV əsrə qədər) olduğu şəraitdə albanların erməni dilini qəbul edib əsərlərini həmin dildə yaratması üçün heç bir zərurət yox idi. XII əsrdən başlayaraq burada millətlərarası ünsiyyət dili, lingua fransa dili rolunda türk dili çıxış etməyə başlayır. Erməni dilinin Alban Kilsəsinin və alban əhalisinin dili kimi təşəkkül tapması üçün Ermənistanın həm ideoloji, həm də dini cəhətdən siyasi hökmranlığı üçün (V əsrdən XV əsrə qədər və sonrakı dövrdə?!) şərtlər aşkar edilməlidir. Lakin hələ 1986-cı ildə üzə çıxardığım müddəaya əsasən ermənilər artıq IV-V əsrlərdə dövlətçilikdən məhrum olmuşlar. Məlum olduğu kimi, XV əsrdən başlayan dövr Qafqazda Qaraqoyunlu və Ağqoyunlu döv-

lətlərinin hökmranlığı və nəhayət, Azərbaycan xanlıqları dövrləridir.

XI əsrdən və nəhayət Erməni Kilsəsinin tarixinə və erməni xalqının tarixinə tarixi baxış həm də erməni xalqının yeni torpaqlar tapmaq məqsədi ilə Qərbə “ səyahətləri”, “gəzib-dolaşması”, Erməni kilsəsinin, onun mərkəzi iqamətgahının sərsəri gəzintilərini üzə çıxarır. Erməni Kilsəsinin belə sərsəri həyat şəraitində Qafqaz hüdudları xaricində, Şərqi Anadoludakı yeparxiyalarının ona sabit təbəçiliyi mövcud deyildi. Tədqiqatım aşkar etdi ki, yalnız Rusiyanın Qafqazı işğal etməsi əvvəllər burada heç vaxt mövcud olmayan Erməni dövlətinin yaranması üçün yol açdı. Qafqazda (Tarixi Azərbaycan ərazilərində erməni dövlətçiliyinin varid olması yolunda ilk hələdici addım “Erməni”-albanların İrandan və ermənilərin Türkiyədən köçürülməsi və onların Azərbaycan xanlıqları torpaqlarında yerləşdirilməsi oldu. Çar hökumətinin yardımı ilə albanların milliliyini itirməsi növbəti addım oldu. 1836-cı ildə Çar hökuməti tərəfindən “Kaspi- alban millətinin erməni millətinə qovuşması” bəhanəsi ilə Alban Avtokefal Kilsəsinin ləğv edilməsi və onun Erməni Kilsəsinə tabe edilməsi haqqında Qərar təsdiq edildi. (M.Ormanian). Ermənilərin Albaniya ərazisində tarixi varlığını əsaslandırmaq üçün alban mədəni irsini ələ keçirmək, əsrlər boyu yaradılmış zəngin alban tarixi ədəbi mədəniyyətini erməni tarixi ruhunda söyləyərək redaktə etmək - alban ədəbiyyatını qədim erməni dilinə çevirmək, diqqətlə redaktə etmək, mənbəni isə məhv etmək lazım idi.

Alban mənbələrinin, onların əlyazma qaynaqlarının nəşr tarixlərinin mətn və mənbə tədqiqatı mənbə bu qənaətə gəlməyə imkan verir. Alban əlyazmaları mənbələri haqqında bütün məlumatların 1829-cu il və ondan sonrakı dövrlərə ünvanlanması aşkar edildi, habelə erməni dilinə çevrilmiş alban mənbələrinin 1836-cı ildən sonra nəşr edildiyi üzə çıxdı. Bu, Eçmiədzində artıq XVII əsrdə erməni mətbəəsi ilə yanaşı kağız fabrikinin mövcudluğu şəraitində baş verirdi (?!). Makar Barxudaryantsın “şahidlərin dəlillərinə görə hələ 1828-ci ildə alban monastırları çiçəklənən vəzivətdə idi. (“mü-səlman əhatəsində”)” sözləri alban tarixi- mədəni irsinin erməni mədəniyyətinə çevrilməsi prosesinə parlaq sübutdur. Alban Katolikliyinin fəaliyyətinə xitam verildikdən sonra alban monastır və kilsələri yiyəsiz qalaraq dağılmağa başlayır.

Tədqiqat göstərir ki, Albaniya I -VIII əsrlərdə, Ermənistan və Gürcüstandan daha uzun müddət ərzində öz dövlətçiliyini, siyasi

müstəqilliyini qoruyub saxlaya bilmişdir. Alban cəmiyyətinin IV-VIII əsrlərdə siyasi quruluşunu qətiyyətlə alban çarları və onları əvəz etmiş alban knyazları tərəfindən idarə edilən mərkəzləşdirilmiş feodal dövləti kimi təsəvvür etmək olar. Tədqiqat ölkə hökmdarlarının – alban çarları Arşakilərin (I-VI əsrlər) və onları əvəz etmiş böyük knyazlar Mixranilərin (VII-VIII əsrlər) hakimiyyətlərinin irsən və aramsız keçməsindən bəhs etməyə imkan verir. Mənşəyinə görə bilavasitə fars Arşakilər nəslindən olan alban Arşakiləri eramızın I əsrində Albaniyada bərqərar olur. Arşakilərin alban qolunun banisi Cəsur I Vaçaqan idi.

Tədqiqatda alban Arşakilərin IV əsrdə bərqərar olmasını və masskut Arşaki çarı Sanatruku alban qolunun banisi hesab edən tarixçilərin səhv etdikləri göstərilir. Albaniyanın siyasi və mədəni çiçəklənmə dövrü alban III Vaçaqan Arşakidin (V əsr) hökmranlığı dövrünə təsadüf edir. Tədqiq edilmiş material belə qənaətə gəlməyə imkan verir ki, alban Arşakid çarları və onları əvəz etmiş Mixrani böyük knyazları özlərinin fars mənşəyinə, habelə ilk günlərdən fars çarlarının (Parfiya və Sasani) əlaltıları olduqlarına baxmayaraq, Albaniyaya sədaqətlə xidmət etmiş, alban siyasəti yürütmüş, az müddətdə yerli kübar nəsiləri ilə qohum olmuş, alban din və mədəniyyətinə qovuşmuş, yəni albanlaşmışdılar.

Qətiyyətlə iddia etmək olar ki, Arşakilərin daxili siyasəti xristianlığın alban cəmiyyətinin təməli kimi təşəkkül tapmasına, feodal mədəniyyətinin bərqərar olmasına yönəlmişdi. Ölkənin siyasi mədəniyyətinin qorunub saxlanması yad dini -siyasi təsirlərə və Bizans və Fars imperiyalarının assimilyasiya siyasətinə qarşı duran müstəqil Alban Kilsəsinin mühüm rolunu nəzərə alan alban Arşaki və Mixraniləri kilsənin ideoloji mövqelərini, iqtisadi mövqelərini möhkəmlətməyə çalışırdılar.

Aşkar etdiyim kimi Çar hakimiyyəti ləvğ edildikdən sonra ölkədə bərqərar olmuş Mərzban rejimi (canişinliyi), Ermənistan və İberiyadan fərqli olaraq - 463-cü ildən 487/488-ci illərə qədər, habelə 510-cu ildən 629-cu ilə qədər qısa müddətli və epizodik idi. Mixrani böyük knyazlarının hökmranlığı ərəfəsində və dövründə Albaniyanın siyasi taleyini, Alban Kilsəsinin ideoloji mövqelərini Fars və Bizans kimi iki imperiyanın qarşılıqlı əlaqələri, siyasi və ideoloji rəqabəti fəonda nəzərdən keçirirəm.

Xarici siyasi hadisələrin ağır mürəkkəb şəraitində - xəzərlə-

rin basqınları, İran - Bizans, ərəb -Bizans müharibələrində Albaniyanın döyüş meydanına çevrilməsi şəraitində Mixranilər yürütdükləri müdrik, çevik siyasət sayəsində vassal münasibətlər şərtləri ilə ölkənin siyasi müstəqilliyini qoruyub saxlaya bildilər. Bu cəhətdən VIII əsrin görkəmli sərkərdəsi, müdrik siyasətçisi, mahir diplomat, böyük dövlət xadimi olan böyük knyaz Cavanşirin hökmranlığı dövrünü xüsusi qeyd etmək lazımdır.

Daha sonra monoqrafiyada tarixi və etnik proseslərin araşdırılması nəticəsində elmdə ilk dəfə olaraq ölkənin etnik mənzərəsini yaratmaq, albanları qonşu millətlərdən –gürcülərdən, ermənilərdən etnik, dil, və mədəni əlamətlərə görə tamamilə fərqləndirən alban milli birliyinin təşəkkülünü nümayiş etdirmək mənə müyəssər oldu. Alban millətinin yaranmasına aşağıdakı amillər yardım etmişdi:

1) sabit ərəzi və dövlət vəhdəti – Albaniyada bütün ölkə qanunlarında e.ə. III əsrdən eramızın VII əsrinə qədər (yerli çarların, alban Arşakilərin və onları əvəz etmiş Mixrani böyük knyazlarının hökmranlığı dövrü) müşahidə olunur;

XI əsrdən XV əsrə qədər –Sünikdə, Arsaxda, Şəki-Kambisəndə bərpa edilmiş alban çarlıqlarında, XV əsrdən XIX əsrə qədər yaranmış məlikliklərində müşahidə olunur;

2) eramızın I əsrindən VIII əsrinə qədər bütün ölkə ərəzisi hüdudlarında, X əsrdən XIX əsrə qədər yerli çarlıq, - knyazlıqlarda, Sünikdə, Şəki-Kambisəndə, Utidə, Arsaxda aluank-albanlar etnonimi kimi qeydə alınan milli özünü adlandırma, alban özünüdərək müşahidə olunur. “Biz”-“onlar” antitezası dəqiqliklə XIX əsrə qədər mövcud olub. Yuxarıda qeyd edildiyi kimi, bütün mənbələrdə, başlıcası isə mənbə başlıqlarında Kalankatuyskinin “Albanların tarixi”, Qoşun “Qısa Alban tarixi”, Yesayi Həsən Cəlalın “Alban ölkəsinin qısa tarixi”, Makar Barxudaryantsın “Albaniya ölkəsinin tarixi” (Albanların tarixi) kimi əsərlərində alban özünüdərək duyğusu əks olunub.

3) din və dinin daxil olduğu mədəni vəhdət növbəti etnik komponentdir. Alban dini birliyi IV əsrdən XIX əsrə qədər mövcud olub. Alban dili Şimal-şərqi Qafqaz (Nax-Dağıstan) dilləri qrupuna aiddir.

Dilin etnik rolunun yüksəlməsinə onun yazıda möhkəmlənməsi yardım edib. Alban əlifbaları 52 fonemdən ibarət idi, bunlar boğaz – qırtlaq fişiltılı səslərlə zəngin idi.

Qeyd etdiyim kimi, IV əsrdən başlayaraq alban dilində alban əlif-

bası ilə dini, VI əsrdən IX əsrə qədər zəngin alban ədəbiyyatı yaradılır, bunlar da Erməni Eçmiədzin Kilsəsinin Rusiya imperiyasının geosiyasi fəaliyyətinin səyləri ilə məhv edilir (erməni dilinə çevrilir, alban qaynaqları puç olur).

Ərəb işğalı dövründə Kür və Araz çaylarının aşağı axarı ərazisində yaşayan albanların əksəriyyəti İslamı qəbul edir, İslamı qəbul etmiş türkdilli xalqlar tərəfindən assimilyasiyaya məruz qalır. Tarixi Azərbaycan Rusiya tərəfindən işğal edildikdən sonra ölkənin şimal-qərb və cənub-qərb dağlıq hissələrində (səbiq Alban çarlıqları) yaşayan albanların qalan hissəsi zor gücünə deetnikləşdirilmişdir. Çar hakimiyyətinin və Eçmiədzin Kilsəsinin siyasəti nəticəsində 1836-cı ildə albanlar ermənilərə, gürcülərə zorakılıqla inteqrasiya olunur.

Albanların bir hissəsinin mədəni - ideoloji assimilyasiyası - erməniləşdirilməsi baş verir. Digər hissə isə gürcüləşməyə məruz qalır. Hər halda albanların əksəriyyəti İslam dinini qəbul edir.

Albanların faciəli taleyi müqabilində, onların bir hissəsi bu günə qədər qalıb. Bunlar udinlərdir, onların taleyi keltlərin taleyini xatırladır.

Monoqrafiyada daha sonra Sünikdə, Arranda, Xaçəndə, Şəki-Kambesində IX-XII əsrlərdə bərpa olunmuş alban çarlıq-knyazlıqları nəzərdən keçirilir, bunların hökmdarları birbaşa və ya dolayısı ilə Albaniya böyük knyazları Mixranidlərin və ya yerli Alban Çarları olan Aranşaxiklərin nəsilərindən idi, yəni alban hökmdarlarının varisliyi və aramsızlığı müşahidə olunur. Bu sırada Şəki (Bazarçay- Akereçay yanında ikinci Şəki) və Arran hökmdarı Saxl ibn Sunbat; Sünik hökmdarı Vassak, Baylakan və Ktiş hökmdarı Stepannos Ablasad və onun qardaşı oğlu Yesayi əbu Musa, Xaçen hökmdarı Atrnersex, Alban dövləti dövründə olduğu kimi Kürün iki sahilində yerləşən dəradağın edilmiş Alban çarlığını bərpa etmiş Atrnersex oğlu mömin Xamam, Arsax və qismən Uti hökmdarı Xamam oğlu Saak Sevad, Şəki-Kambisena hökmdarı, Qriqor Xamamın nəvəsi İşxanik və nəhayət, Saak Sevadın nəslindən olan Senekerim və Filippə hökmdarlığını göstərmək olar.

Tədqiqatda ilk dəfə olaraq alban Xaçen çarlığı - knyazlığına münasibətdə X əsrdə "Armeniyanı" anlayışının işlədilməsinin gerçək mənası üzə çıxarılıb. Məlum olduğu kimi, Bizans sarayının yazılı diplomatik əlaqə saxladığı çarlıq-knyazlıqlar sırasında ("Bizans saray mərasimləri haqqında" II, 48) "Armeniyanın, Xaçen arxont-hökmdarı"

mövcuddur. Hələ Bizans imperatoru Yustinianın dövründən dövrüyəyə daxil olmuş I Armeniya, II Armeniya, III Armeniya, IV Armeniya, Orta Armeniya, Daxili Armeniya (Ermənistan) yəni ixtiyari sayda Armeniyalar siyasi - inzibati anlayışları, habelə Bizansdan ərəblərə miras qalmış, lakin coğrafi məzmunu qismən dəyişmiş I Arminiya, II Arminiya, III Arminiya, IV Arminiya kimi siyasi – inzibati bölgə adı bildirən anlayışların real mənasını tədqiq etdikdən sonra, habelə bununla yanaşı Suriya müəllifi Zaxari Ritorun “Armeniya” anlayışını geniş coğrafi mənada işlətdiyini nəzərə almaqla mən belə qənaətdə gəldim ki, Xaçenə münasibətdə “Armeniya” anlayışı sırf coğrafi mənada işlənir, bu da həmin mətndə “Armeniya” anlamını siyasi dini birlik mənasında təfsir edən K. Sukermanın fikrinə ziddir, belə çıxır ki, Xaçen çarlığı Erməni Kilsəsinə tabe imiş. Bu da tamamilə əsassızdır, nə erməni, nə də alban gerçəklərinə uyğun gəlmir. Mənim tədqiqatımda Kiril Tumanovun “Antik dövrdən XIX əsrə qədər Xristian Qafqaz sülalələri” monoqrafiyasının tənqidi verilir, çünki burada müəllif I əsrdən başlayaraq bütün alban hökmdarlarını Aranşaxikləri, Arşakiləri, Mixraniləri, Kilikiya hökmdarları olan alban Xetumiləri hakidlərə, yəni ermənilərə aid edir.

Monoqrafiyada XII-XIII əsrlərdə bərpa olunmuş Alban-Xaçen çarlığının, Həsən Cəlalın hökmranlığının, onun daxili və xarici siyasətinin müfəssəl təsviri verilir, hansı ki, bu onun sələfləri olan alban hökmdarlarının hökmranlıq ənənələrinin davamı idi.

Beləliklə, tarixi alban vilayəti Arsax-Xaçen XII-XIV əsrlərdə özlərinin ərazi, siyasi, dini birliyini, habelə olduqca əhəmiyyətli alban şüurunu qoruyub saxlamış albanların mühüm siyasi və mədəni mərkəzi idi.

Alban Kilikiya çarlığının təsviri, onun tarixi vətəndə yaşayan albanlarla əlaqələrinin işıqlandırılması elmdə yeni sözdür. Alban və erməni mənbələrinin tədqiqatı gedişində aydın oldu ki, albanların Kiçik Asiyaya, Kilikiyaya ikinci emiqrasiya dalğası XI -XII əsrlərdə Səlcuq yürüşləri ilə bağlıdır. Köçə alban Gəncə knyazı Avşin-Oşin başçılıq edirdi, o öz irsi malikanəsi Mayreascuru qoyub azatlardan ibarət hərbi dəstəsi, bir qrup Xaçen və Sünik feodalı və onların hərbi dəstələri ilə bərabər Kilikiyaya yürüş etmiş, burada Lambron qalasını almışdı, həmin qala Avşini - Oşinilərin irsi mülkü olur. Avşin- Oşin gələcəkdə Xetumilər nəslinin əsasını qoyur. Bizansın sadıq vassalları olan Xetumilər bir əsrdən artıq müddətdə Kilikiya

dövlətinin başında duran erməni Rubenidlər sülaləsinə qarşı mübarizə edir. Xetumidlər nəslinin nümayəndələri Kilikiya dövlətinin idarə olunmasında fəal iştirak edirdi. Hələ Rubenidlər dövründə Konstantin Payl baş komandan vəzifəsini tuturdu. Nerses Lambronski görkəmli ictimai və dini xadim olub, Şərqi-Erməni və Alban kilsələrinin Bizans kilsəsi ilə birləşməsi və habelə katolisizmə yaxınlaşmaq istiqamətində mübarizə aparmışdır. Nerses Lambronski və sonrakı Xetumilər milli xüsusiyyətlərindən asılı olmayaraq bütün xristianların birliyi kimi ali dini idealın ardıcilları idi.

Tədqiqat belə nəticəyə gəlməyə əsas verir ki, millətlərin müstəqil siyasi mövcudluğunu, özünəməxsusluğunu inkar edən Xetumilərin “dünya xristianlığının” təntənəsi yönümlü kosmopolitizm siyasəti Erməni Kilsəsinin digər millətlərə, o cümlədən alban millətinə aid maraqlarına uyğun idi. Belə düşünmək olar ki, Xetumidlərin Kilikiyaya gəlişi ilə, onların hökumranlığı dövründə həm Xetumidlər, həm də Erməni Kilsəsi tərəfindən alban müəlliflərinin əsərlərinin erməni dilinə tərcüməsinin təməli qoyuldu; sonrakı əsrlərdə isə (XV əsrdə Erməni Kilsəsinin Eçmiadzinə köçməsi dövründən başlayaraq) bu, alban tarixi ədəbi ənənələrini tədricən qəsb etmə siyasətinə çevrildi. Deyilənləri belə bir dəlillə təsdiq etmək olar ki, hələ VIII əsrdə Odznesi tərəfindən tərtib edilmiş Kanonagirk qədim erməni əlyazmasının 1098-ci ildə Kilikiyada surəti çıxarılarkən tərkibinə V əsr Aquen dini yığıncağının alban dilindən erməni dilinə tərcümə edilmiş qanunları da ilk dəfə daxil edilir. Halbuki Odznesi öz Kanonagirk əsərinə V əsr alban qanunlarını daxil etməmişdi, çünki haqlı olaraq onları erməni qanunları hesab etmirdi. Belə düşüncüm ki, məhz Kilikiyada alban-erməni inteqrasiya prosesi başlanır. Lakin başlıcası budur ki, öz siyasi qurumları və Alban Avtokefal Apostol Kilsələri ilə öz tarixi vətənlərində yaşayan albanlar bu inteqrasiya siyasətindən uzaq idi. Tarixi vətənlərində XIV əsrdən XIX əsrə qədər yaşayan albanların taleyi, tədqiqatımın dəlalət etdiyi kimi, Erməni Kilsəsinin alban mədəni irsinin inteqrasiyası və gələcək erməni mədəniyyətinə çevrilməsi haqqında müddəasını rədd edir. Çünki Erməni Kilsəsi yalnız Çar Rusiyasının geosiyasetinin köməyi, onun albanları zorakılıqla deetnikləşdirmə siyasətinin köməyi, onların milli mədəni irsinin şəkildəyişməsi yolu ilə məqsədinə çata bildi. Apardığım axtarışlar Kilikiya və alban Xaçen-Arsax çarlığı arasında daimi si-

yasi və mədəni əlaqələrin mövcudluğunu üzə çıxardı: bu əlaqə həm alban Xetumidləri ilə Həsən Cəlal nəslı arasında, həm də Kilikiyada və Arsax- Xaçen çarlığında alban tarixi - ədəbi mədəniyyətinin yaradıcıları arasında mövcud idi. XI-XIII əsrlərdə erməni ədəbiyyatında, ermənilərin siyasi həyatında tam durğunluq, tənəzzül müşahidə olunur, məhz bu dövr həm Kilikiyada, həm də Arsax- Xaçendə alban intibahı dövrü olur. Bu yüksəliş həm siyasi, iqtisadi həyatda, habelə ədəbiyyatda, dini abidələrin yaradıcılığında öz əksini tapır. Tarixi vətəndə həmin dövr alban ədəbi ənənəsinin yaradıcıları Mxitar Qoş, Gəncəli Kirakos, Stepannos Orbelli, Qriqori Patmiç (Maqakiya), Böyük Vardan (Albanski) idi. Kilikiyada isə yaradıcılar Smbat Sparapet, tarixçi Xetum Patmiç, Nerses Lambronski idi - onların hamısı alban mənşəli idi.

David Gəncəlinin qanunlarının və Mxitar Qoşun “ Qanunlar külliyyatının” Smbat Sparapetin yaratdığı “Qanunlar külliyyatı” üçün mənəbə rolu oynaması da əhəmiyyətli amildir. Hələ XIV əsrdə albanların alban əlifbasından istifadə etdikləri haqqında Xetum Patmiçin müstəsna məlumatlığı, həmçinin Xetumidlərin öz tarixi vətənləri ilə əlaqəsinə dəlalət edir; XIII əsrdə Xetumidlərin dövründə İncil kolofonlarının yazılması da bu əlaqələrin mövcudluğuna dəlalət edir; Qafan (Qapan), Xatçin(Xaçen) kimi Kilikiyada peyda olmuş toponimlər də bu əlaqələrin varlığına dəlalət edir. Xetumidlər, Xaçen alban çarı Həsən və Sünik hökmdarı Stepannos Orbelli arasında olan sıx siyasi qarşılıqlı bağlılıq monqol yürüşləri vaxtı aydın sezilir, bu zaman Xaçen hökmdarı və onun məsləhəti ilə Kilikiya hökmdarları olan Xetumidlər, habelə ölkənin bütövlüyünün qorunub saxlanması və alban xristian əhalisinin qorunub saxlanması maraqlı olan Sünik hökmdarları monqol hökmdarları ilə ümumi dil tapır, monqol hökmdarının iqamətgahına zəngin hədiyyələrlə dəfələrlə yollanaraq, vassallıq tabeliliyini qəbul edir, monqolların sadıq müttəfiqi olurlar. Bu, heç bir erməni knyazının ağına gəlməmişdi.

Müdrək siyasətçi olan Həsən Cəlal monqol sərkərdəsi Baçununin yürüşündə öz dəstəsi ilə iştirak edir, onun etibarını qazanaraq müəyyən nüfuz əldə edir. Tədqiqatımın əsasında Erməni kilsəsinin 1441-ci ildə Kilikiyadan Qafqaza, Eçmiadzinə köçməyinin səbəb və nəticələri açıqlanır. Burada yenə də beş məlikliyə parçalanmış Alban çarlığı və son dövr albanları aramsız varlığını davam etdirirdilər. Albaniya Mərkəzi Qafqaz ölkələrindən biri idi, burada feo-

dal münasibətləri olduqca erkən yaranmışdı. Əlyazma mənbələr üzrə ölkənin iqtisadi cəhətdən daha çox inkişaf etmiş ictimai quruluşu aparıcı olan vilayətlərində erkən feodal münasibətlərin inkişafını və xüsusiyyətlərini müşahidə etmək olar. Tədqiqat belə qənaətə gəlməyə imkan verir ki, həyat tərzləri arasında üstünlüyə malik olan, hakim mövqe tutmağa meylli quruluş feodal quruluşu idi. Albaniyada, şəksiz, quldarlıq mövcud idi, lakin ictimai quruluş həddinə qədər yüksələ bilməmişdi. Feodal cəmiyyətinin əsas sinif zümrələri - azatlar və şinakanlar ümumi cəhətlərdə təşəkkül tapmışdı. Kənd icmasının azad üzvləri olan şinakanlar maddi nemətlərin başlıca istehsalçıları idi. Əvvəlki bir çox əsrlər ərzində icmalar tədricən dövlətin hökmranlığı (dövlət vergi və rüsumları, bir sıra mükəffəlliyyətlər) və onun vasitəsi ilə kübarların hakimiyyəti altına düşürdü. Alban və İran şahlarının öz vassalları azat və naxararlara geniş miqyasda kəndlər, vilayətlər əta etmə siyasəti buna şərait yaradırdı. IV-VII əsrlər ərzində bu proses davam edir. Moisey Kalankatuyski hökmran sinfin nümayəndələrinə külli miqdarda kəndlərin, vilayətlərin bəxş edilməsindən yazır. Feodalizmin erkən dövründə kəndli sinfinin istismarının üstünlük təşkil edən forması dövlətin xeyrinə vergilərin ödənilməsi və mükəlləfiyyətlər idi, feodal münasibətlərin möhkəmlənməsi dövründə isə kübar və kilsə feodallarının xeyrinə yığılan natural vergi və yardər icarəsi üstünlük təşkil etməyə başlayır. Feodal asılılıqda olan kəndli sinif zümrəsinin formalaşması ilə feodal sinfinin – azatların formalaşması prosesi sıx bağlıdır. Feodal sinif – zümrəsinin mənşəyini də əvvəlki icmaların daxilində aparmaq gərəkdir. Əvvəla, qabaqlar azad həyat sürən icma üzvləri arasından yeni kübar qruplarının ayrılması prosesi və yeni kübarların köhnə kübarlarla vəhdət təşkil edərək vahid feodal sinfində birləşməsi prosesi cərəyan edirdi.

İkincisi, vilayətlərdə hökm sürən çar canişinləri öz vəzifələrini tədricən irsi vəzifəyə çevirir, atadan oğula ötürmək hüququ qazanır. Nəticədə onlar inzibatçı rəhbərdən həqiqi knyaz-feodallara çevrilərək vilayətlərinin torpaqlarında feodal mülkiyyəti hüququna malik olurlar.

IV-V əsrlərdə dövlət torpaq fondu tədricən məhdudlaşır. Onun əhəmiyyətli hissəsi patronimiya adlanan feodal nəsillərinə mənsub olur. Hökmran zümrə - alban feodalları olan azatlar feodalizm münasibətlərinin dərinləşməsi prosesində bir sıra dərəcələrə bölünür, on-

ların arasında vilayət, dairə sahibləri ali rütbəli sayılır. Alban cəmiyyətinin ictimai təbəqələrinin sonrakı qütbləşməsi IV-VII əsrlərdə Albaniyada bir sıra siyasi inzibati ərazi vahidlərinin - naxararlıqların (senyorluqların) yaranmasına gətirib çıxarır.

Feodal münasibətlərin möhkəmlənməsi nəticəsində naxararlıqda mütləq hakimiyyət feodal patronimiyanın başçısının əlində cəmlənir. VI əsrdən başlayaraq naxararlığın başçısını bildiren istilahlarda işxan istilahlı üstünlük təşkil edir. Naxararlıq başçısının (azqapet- naxapet) hakimiyyəti daha çox dərəcədə siyasi-inzibati xüsusiyyət qazandıqca ictimai –icma quruluşuna aid olan istilahlar (naxapet, azqapet) işxan istilahlı tərəfindən sıxışdırılıb çıxarır, o, feodal hökmdarın tutduğu mövqeyi daha dolğun ifadə edir. İşxan rütbəsi “hökmdar”, “sahib”, “ağa” mənasını bildirir. Erkən feodalizm dövründə dövlət mülkiyyətinin üstünlük təşkil etməsi dövlətin mərkəzləşməsinə çar hakimiyyəti hüquqlarının həm mülki, həm də kilsə həyatında genişlənməsinə gətirib çıxarırdı.

Alban çarı ölkənin qanunvericisi və ali hakimi idi, mülki və dini hakimiyyətin qanunverici və məşvərətçi orqanlarına başçılıq edirdi. İyerarxiya sisteminin süzeren – vassal münasibətlərinin təşəkkülünə yönəlmiş meyl açıq –aydın təzahür edirdi. Qonşu İran, Ermənistan, Gürcüstanda olduğu kimi Albaniyada da Qaxnamak kimi “dərəcələr haqqında fərmanda” əksini tapmış feodal tabelilik sistemi mövcud idi.

Rütbələr haqqında bu xüsusi cədvəldə hər patronomiya qüdrətinə və əhəmiyyətinə uyğun olaraq düzlənirdi. İlk on patronomiya böyük, qalanları - kiçik sayılırdı. Çar süfrəsi arxasında hər bir patronomiya başçısı elə buna müvafiq qaydada yer alırdı. Patronimiyanın “ad-sanı” onun iqtisadi qüdrəti, siyasi vəziyyəti, meydana çıxardığı qoşunun kəmiyyəti ilə müəyyən edilirdi. “Dərəcə fərman” azat iyerarxiya qaydalarını müəyyən edir, ölkənin ictimai-siyasi həyatında hər bir azat patronimiyasının mövqeyini müəyyən edirdi. Albaniya azatları Alban və İran çarlarının vassalı idi, onlar hərbi qüvvə göndərməli, ictimai rütbələrinə uyğun olaraq sarayda müəyyən vəzifə daşmalı və müharibə zamanı müxtəlif inzibati dövlətçilik vəzifələrini icra etməli idilər. Onlar ruhanilərlə yanaşı can vergisindən azad idi. Azatlar hərbi qulluğa görə alban çarlarından torpaq mülkü alırdı. IV-VIII əsrlərdə Albaniyanın ictimai istehsalında feodal münasibətlər üstünlük təşkil edirdi. Torpağa dövlət mülkiyyəti

formasını ilə şəxsi mülkiyyət formasının qarşılıqlıdırması nəticəsində feodal mülkiyyəti forması meydana gəlmişdi. Dövlət mülkiyyəti dövlət domen mülkiyyəti (bu halda torpaqdan gəlirlə torpaq vergisi üst-üstə düşürdü) və feodalların şəxsi xidməti mülkiyyətində olan torpaq mülkiyyəti ilə məhdudlaşdı. Feodalizmin erkən dövrlərində (təxminən III-VI əsrlər) dövlət torpaq mülkiyyəti (çarın şəxsinə) üstünlük təşkil edirdi, şəxsi və feodal mülkiyyəti isə öz növbəsində iki formada formalaşdı:

1) irsi torpaq mülkündən, şəxsi feodal və torpaq mülkiyyətindən (fars istilahi olan “dastakert” texniki adı ilə adlanır). Bu torpaq mülkiyyəti forması (allod) ictimai torpaq mülkiyyətinin dağılması, habelə dövlət tərəfindən torpağın hakim sinif nümayəndələrinə irsi hüquq şərti ilə paylanması nəticəsində yaranmışdı.

2) hakim sinfin nümayəndələrinə hərbi xidmətə görə dövlət tərəfindən müvəqqəti istifadəyə verilmiş şərti torpaq mülkiyyəti (fars istilahi olan “xostak” texniki adla işarələnir). “Xostak” şərti mülkiyyəti şərtsiz “dastakert” mülkiyyətinə çevrilməyə meylli idi. Çar evi (patronimiya), feodallaşan əsilzadə nəsiləri (azatlar, naxapetlər, azqapetlər), yeni təşəkkül tapan feodal kübarlar (mülk sahibləri –naxararlar, işxanlar) və çar knyaz saraylarında nüfuz qazanmış yuxarı kəndli təbəqəsinin bir hissəsi dastakert sahibləri idi. Xırda hərbiçi –xidmətçi zadəganlar (məhdud mənada azatlar- fars istilahi) və ruhanilər xostak sahibləri idi.

Feodal üsul- idarəsini onun ictimai – iqtisadi quruluşunun təzahürü olan, əsasını qeyri- iqtisadi məcburiyyət təşkil edən feodal cəmiyyətinin siyasi quruluşu da səciyyələndirir. Mülkiyyət hüququnun ifrat dərəcədə bölgüsü, ictimai hakimiyyət bölgüsü, dövlətə mənsub hüquqlardan şəxsi mənafe məqsədi ilə istifadəsi feodal üsul –idarəsinin siyasi strukturunun mühüm əlamətləridir.

Albaniyada feodal üsul -idarəsini bütün bu rəmzləri mövcud idi.

Qayda - qanunların şərtləri çar Vaçaqanm hüzurunda mülki əyanlar və ruhanilər tərəfindən işlənilib hazırlanırdı. Bunlar yalnız mülki aristokratiyanın və çarın möhürü ilə təsdiq olunandan sonra hüquqi qüvvəyə minirdi. Alban ruhani təbəqəsinin belə mövqeyi, güman ki, ölkədə mərkəzləşdirilmiş çar hakimiyyətinin varlığı ilə izah edilir. V əsrdə xazarapet və xramanatar vəzifələri əsas inzibati

vəzifələr idi. İrani əsas kimi götürsək, belə güman etmək olar ki, xramanatar Albaniyada həmçinin vəzir vəzifəsini daşıyıb dövlət işlərini aparırdı. Xazarapet isə İranda, Ermənistanda, İberiyada olduğu kimi, dövlət gəlirləri idarəsinə başçılıq edirdi, yaxud qədimdə daha geniş mülki inzibati hakimiyyəti olan xramanatardan fərqli olaraq hərbi idarəyə başçılıq edirdi. Fikrimcə xramanatar və xazarapet vəzifələrinin təsisatı ölkədə çar hakimiyyətinin mövcudluğu ilə bağlı idi.

Aquen qanunlarına müvafiq olaraq Albaniyada kilsə məhkəməsi və saray (çar) məhkəməsi kimi iki məhkəmə fəaliyyət göstərirdi. Kilsə məhkəmə qurumları keşiş məhkəməsi və yepiskop məhkəməsindən ibarət idi. Kilsə məhkəməsi kilsə xadimlərinin günahlarını və əhalinin dini borclarını pozması hallarını ayırd edirdi. Ruhani icması yepiskopun şəxsində həm kilsə hüququ çərçivəsində, həm də mülki və cinayət hüququnun bəzi sahələrində məhkəmə vəzifələrini icra edirdi (mübahisə, dava - dalaş, qan tökmək və s.). Bu halda yepiskop kilsə qanunları əsasında deyil, mülki qanunlar əsasında hökm çıxarırdı.

Saray məhkəməsinin fəaliyyəti dairəsinə nikah - ailə işləri, din əleyhinə fəaliyyət, qətl- yəni o dövrdə ölüm hökmü ilə cəzalandırılan ən ağır cinayətlər daxil idi. Saray məhkəməsi mülki əyanlar və ruhanilər arasında yaranmış çəkişmələri ayırd edirdi. Ölkənin ali məhkəməsi çarın başçılıq etdiyi saray məhkəməsi idi. Bu həmin dövrdə Albaniyanı Ermənistandan fərqləndirən xüsusiyyətlərdən biri idi, erməni ruhani icmasının mühakimə hüquqları qat-qat geniş idi. Bunu belə izah etmək olar ki, Ermənistanda mərkəzi dövlət hakimiyyətinin yoxluğu şəraitində Erməni Kilsəsi mərkəzi və ümummillə təşkilatı rolunda çıxış edirdi, qanunverici və məhkəmə hakimiyyətini öz əlində saxlayırdı.

Beləliklə, idarəçilik vəzifələrə təyinatda irsi qaydanın olmaması, xramanatar vəzifəsinin mövcudluğu, ölkənin ali hakimi vəzifəsinin çar tərəfindən icra edilməsi və kilsə yığıncağına elə onun rəhbərlik etməsi alban dövlət aparatının xüsusiyyəti idi.

Albaniyada çar hakimiyyətinin süqutundan sonra idarəetmə aparatı da, sözsüz, qismən dəyişir. Xramanatar və xazarapet vəzifələrinin təsisatı çar hakimiyyətinin mövcudluğu ilə bağlı idi. Məlum olduğu kimi VII əsrdə Albaniyada Mixranidlər nəslindən olan böyük knyazların hakimiyyəti bərqərar olur. VII əsrdə idarəetmə vəzifələ-

rindən yalnız baş komandan sparapet vəzifəsi qeydə alınıb. Bu vəzifəni Albaniya böyük knyazları ilə yanaşı digər şəxslər də daşıyırdı. Bu dövrdə kilsə və dini icma güclənir. Kilsə yığıncaqlarına artıq katolikoslar başçılıq edir.

Beləliklə, yuxarıda qeyd edilənlərə əsaslanaraq, Albaniyada həyat tərzı müxtəlifliyi, ölkədə guya üstünlük təşkil edən qəbilə ittifaqlarının, ibtidai icma və quldarlıq quruluşunun mövcud olmadığı nəticəsinə gəldim. “Aqarak”, “dastakert”, “anaşxarxik”, “azqapet”, “naxapet” kimi istilahlər Albaniyada bu quruluşların mövcudluğu barədə elmdə kök salmış rəyi əsaslandırmağa xidmət edirdi, bunların da etimoloji və ənənəvi ictimai mənalarında şərhı zaman kəsiyi və yerli alban şəraitı nəzərə alınmadan verilmişdi. Əldə olan məlumatlar VII əsrlərdə Albaniyada feodal münasibətlərin mövcud olduğuna dəlalət edir.

Monoqrafiyada alban millətinin sonrakı aqibəti ilə qırılmaz bağlı olan Alban Kilsəsi probleminə, erkən xristianlığa, onun yayılmasına və dövlət dini kimi təşəkkül tapmasına xüsusi diqqət yetirilir. Əlyazma mənbələrindəki məlumatların, o cümlədən Albaniya gerçəkliklərinin, ümumiyyətlə xristian gerçəklərinin öyrənilməsi xristianlığın Albaniyada iki mərhələ: 1) apostol, suriyapərəst; 2) yunanpərəst mərhələlərində keçdiyi haqqında nəticəyə gəlməyə imkan yaradır.

Xristianlığın ilk dövründə moizələr Suriya –aramey dilində oxunurdu. Bu dövr həm övliyaların, onların şagirdlərinin fəaliyyəti, həm də Suriya din təbliğatçılarının fəaliyyəti ilə bağlıdır. Bu dövr I-III əsrlərə təsadüf edir. Monoqrafiyada xristianlığın Albaniyaya çox tez nüfuz etməsi səbəbləri açıqlanır. Buna ilk növbədə eramızın I əsrindən xeyli qabaq Albaniyada qədim yəhudi yaşayış məskənlərinin mövcudluğu, I əsrdən başlayaraq isə nazareylərin, xristian –yəhudilərin mövcudluğu kömək etmişdi. Mən hələ 1987- ci ildə qeyd etmişdim ki, itirilmiş yəhudi qolunun varislərini Azərbaycan tatları arasında sezmək lazımdır. İran şahlarının (Əhəmənilər, Parfiyalılar, Sasanilər) , Xəzərin qərb sahili boyu ərazilərə yəhudiləri köçürməsi haqda mənbələrin məlumatlarında, habelə dağlı yəhudilərin müşahidə olunan sırf millətdaxili nikahlarının nəticəsi kimi onların etnik saflığında görürəm. Dağlı yəhudilərin bir hissəsində olan yəhudi dininə olan sədaqət də məni buna etibarla yanaşmağa vadar edir. Yəhudi dininin qapalılığını, təriqətliliyini, yalnız yəhudilərin

ona ibadət etməsini nəzərə alaq - bu, olduqca mühüm amildir. Buzovna epiqrafikasında “nazarey” sözünün müşayiəti ilə yəhudi adlarının mövcudluğu Buzovnadada “nazarey məhəlləsinin” olması, habelə Abşeronda daim dağlı yəhudilərin yaşaması burada erkən yəhudi nazarey-xristian icmalarının mövcudluğunu təsdiq edir. Nəhayət, Bərdə şəhərində yəhudilərin yaşaması haqda məlumatlar (Kalankatuyski, II, 10) və Əhəməni şahı Artakserksin e.ə. Xəzər sahili boyu ərəziyə yəhudiləri köçürməsi haqda məlumatlar var (Bar-2 brey). Xristianlığın təbliğinin ikinci (yunanpərəst) dövrü Qriqori Prosvetitelin (parfiyalı) və alban çarı Urnayrın (IV əsr) adı ilə bağlıdır, bu dövrdə xristianlıq dövlət dini olur. Yunanpərəst dövrün ömrü qısa olur, ondan sonra Alban Kilsəsi milli alban inkişafı yoluna qədəm qoyur.

Xristian Alban kilsəsinin mənbəyi, təşəkkülünün bütün istiqaməti şərq xristianlığının tarixi ilə bağlıdır, onun inkişafının ümumi qanunauyğunluğu ilə üst-üstə düşür, lakin bu halda özünə-məxsusluğu saxlayır. Tədqiqatda ümumiyyətlə xristian təriqətinin yaranma mənbələri, təlimin (ideoloji baxışın) formalaşması, kilsənin təşkilat quruluşunun formalaşması, xristianlığın coğrafi ərazi üzrə yayılma dövrü nəzərdən keçirilir, bu da, şübhəsiz, Alban kilsəsinin simasının təsvirini işıqlandıracaq. I-II əsrlərdə xristianlığın Qüdsdən şimal-şərqə və şərqə geniş yayılması Foma, Andrey, Varfolomey övliyalər, Foma övliyanın qardaşı Arday- Addey- Fadday- Faddey və Faddeyin şagirdləri Mar və Yeliseyin adı ilə bağlıdır, onlar Suriyada (mərkəzi –Antioxiya), Osroyendə (mərkəzi- Edessa), Nisibində, Mesopotamiyada, Kiçik Ermənistanda, daha sonra şərqdə və şimal-şərqdə, İranda (Selevkiya-Ktesifonda) Mərkəzi Qafqaz ölkələrində - Gürcüstanda, Albaniyada moizə edirdilər. Alban mənbələrinə əsasən Faddey övliyanın şagirdi Yelisey (Qüdsdən) üç ölkəni -Çola, Lpiniya və Albaniyanı dinə gətirdi. (Kalankatuyski, III, 23). “Müqəddəs Yelisey patriarx Gişə (Şəki) gəlib kilsənin bünövrəsini qoydu və saf qansız qurban gətirdi. Bu yer bizim – Şərq sakinlərinin kilsələrinin təməl mənbəyi, qədim paytaxt şəhərlərimizin bünövrəsi və maarifin başlanğıc məkanıdır” (Kalankatuyski, I, 6).

Alban Kilsəsinin övliya təməli, habelə onun Qüds Kilsəsi ilə genetik bağlılığı və onunla daimi qırılmaz əlaqəsi ideyası Kalankatuyskinin “Tarix” əsərindən ana xətt kimi keçib gedir. Stepanos Orbeliyə (XIII əsr) rəğmən Xristosun 12 övliyasından biri müqəddə Varfolomey Sünikdə, Ordubad kəndində moizə edir,

Qoxtnada kilsə tikir. Beləliklə övliya dövründə Albaniyada artıq yepiskopluq (yeparxiya), metropoliya yaranmışdı, həm Varfolomey övliya, Faddey övliyanın xələfi, həm də Albaniyanın arxiyepiskopu (ənənəyə görə), ilk yepiskopu Yelisey moizə edirdi.

Xristianlığın Ermənistana nisbətən Albaniyada daha erkən yayıldığı haqda alban tarixçisinin bir sıra mətnləri, erməni katolikosu Avraamın albanlara ünvanlandığı məktuba dəlalət edir: “Bizim (erməni) kilsəsindən qabaq mövcud olan alban kilsəsi əvvəllər bizimlə (ermənilərlə) həmrəy idi. (Kalankatuyski, II, 47) . Digər mətndən çıxarış: “Yunan təqviminin 43- cü ilində, albanların dinə gəlməsindən 270 il keçmiş ermənilər dini qəbul etdi.” (Kalankatuyski, II, 47) .

Etnik rəngarənglik, təriqətlərin çoxsaylılığının hökm sürməsi yeni ideologiyanın tək allahlıq dini olan xristianlığın dərk edilməsi üçün münbit şərait yaradırdı. Yeliseyin öz təbliğatını Albaniyanın şimalında, Çola vilayətində başlaması təsadüfi deyildi, burada etnik rəngarənglik daha yüksək idi, başlıcası da budur ki, burada qədim yəhudi məskənləri mövcud idi, burada erkən xristian yəhudinazareylər yaşayırdı. İkinci (yunanpərəst) dövr – xristianlığın dövlet dini kimi təşəkkül tapması - hər üç ölkə üçün ümumidir. Bu(hər üç ölkə - Ermənistan, Gürcüstan, Albaniya üçün) Qriqori Prosvetitelin, habelə Alban çarı Unayrın (Albaniya üçün) adı bağlıdır.

Yuxarıda deyilənlərlə bağlı belə düşünürəm ki, ilk xristian təbliğatçıların Albaniyaya Ermənistandan göndərildiyi haqda, Albaniyanın sağ sahil vilayətlərinə moizəçilərin Ermənistandan gəldiyi haqda, Albaniyanın sol sahilindəki şimal-qərb vilayətlərində, yəni Çori və Alazani çaylararası ərazidə İberiyadan olan xristian təbliğçilərinin moizə etməsi haqda elmdə hökm sürən rəy əsassızdır. Xristianlığın yayılması və yer almasında alban yazı mədəniyyəti, alban əlifbası böyük rol oynayıb, onun köməyi ilə Tövrət və digər dini ədəbiyyat Suriya ilə yunan dillərindən alban dilinə çevrilirdi. Z.N.Aleksidzenin gürcü-alban palimpsestlərini kəşf etməsi, alban əlifbasının guya Mesrop Maştots tərəfindən V əsrdə tərtib edilməsi haqqında elmdə hökm sürən erməni müddəasının əsassız olduğuna dəlalət edir.

Albaniyanın feodal monarxi və feodal kübarları Alban Kilsəsi, onun ruhani icması üçün maddi baza yaratdılar, bütperəst məbədlərinin torpaq və var-dövlətlərinin çox hissəsi onların ixtiyarı-

na keçdi, çar və əsilzadələr tərəfindən onlara torpaq payları bəxş edilirdi, habelə digər çox saylı qanunvericiliklə tənzimlənən maddi vergilər onların hesabına keçirdi. Ruhani zümrəsi xidmətinə görə torpaq payları – xostaklarla təmin olunur və mülki aristokratiya ilə yanaşı rüsumdan azad edilirdi.

Xristianlığın ilk dövründə (IV-V əsrlər) alban ruhani icması iqtisadi və siyasi cəhətdən zəif idi. Hətta Kilsə məsələlərinin həllində ruhani icması aparıcı rol oynamırdı. Alban ruhani zümrəsinin belə vəziyyəti əhali arasında kilsənin ideoloji mövqələrinin zəifliyi, habelə ölkədə mərkəzləşdirilmiş hakimiyyətin mövcudluğu ilə izah edilir. VI-VII əsrlərdə alban böyük knyazları Mixranidlərin hakimiyyəti dövründə Alban kilsəsinin iqtisadi və siyasi mövqeyi güclənir, 705-ci ildə ruhani icması azatlarla mübarizəyə girir, onların özbaşınalıqlarını məhdudlaşdırır və Kilsənin, ruhani icmasının işlərinə qarışmağı onlara qəti surətdə qadağan edir (Kalankatuyiski, I, 26;III, II).

Monoqrafiyada o cümlədən, erməni Kilsəsindən fərqli olaraq əzəldən avtokefal müstəqilliyə malik alban katolikosluğu (patriarxlıq) məsələsi tədqiq edilir. Tədqiq olunan materiallar Alban Kilsəsinin əzəldən müstəqil olmasının siyasi səbəblərini açıqlayır. Albaniyanın siyasi müstəqilliyini, sabit alban dövlətçiliyinin mövcudluğunu onun Kilsəsinin avtokefal olması təmin etdi.

V-VII əsrlərdə Qafqazda yaranmış ideoloji şərait VI əsr boyu davam edən və VII əsrin əvvəlində məntiqi həllinə çatan kilsə parçalanması ilə nəticələndi.

Tədqiq olunan material V-VIII əsrlərdə Albaniyada 12 yepiskopluğun (yeparxiya), habelə Alban Kilsəsinin xarici əlaqələrinin mövcudluğuna dəlalət edir, burada Qafqaz keçidləri, Albaniya darvazaları (Dərbənd arxası) arxasında türk dünyasının köçəri qəbilələri ilə əlaqələrə xüsusi diqqət yetirilirdi. Bu əlaqə alban hökmdarları Arşakilərin və böyük knyaz Mixranidlərin xarici siyasətindən irəli gəlirdi.

Alban Apostol Kilsəsi IV əsrdən 1836-cı ilə qədər avtokefal idi. Alban patriarxlığının mərkəzi Çola idi, VI əsrdən –Bərdə, VIII-IX əsrlərdə - Berdakur, sonra Çarek –Xamiş(Gədəbəy yaxınlığında), qısa müddət ərzində Faddey övliyanın şagirdi Dadinin (>Marr>Yelisey) şərəfinə Xaçəndə Dadivank kilsəsi olur, və nəhayət, 1240-cı ildən 1836-cı ilə qədər Qandzasar (Qandzasar dini yığın-

cağı) olur. XVII-XIX əsrlərdə Xaçen Yeritsmenkants məbəbində (Yerek Man Kunkk) təriqətçi əks dini mərkəzin iqamətgahı varid olur.

705-ci ildə Alban dövləti süqut edir, ölkəni ərəb əmirləri idarə edir. Albanların bir hissəsi islamı qəbul edib, islamı qəbul etmiş türkdilli tayfalar arasında assimilyasiyaya uğrayır, xristianlığa sadıq qalan hissə IX-XIX əsrlərdə Kiçik Qafqazın dağətəyi bölgələrində, ölkənin ayrı-ayrı hissələrində -Sünikdə, Arsaxda, Şəki-Kambisində alban siyasi qurumlarını bərpa edə bilir.

Çar hökuməti Qafqazı fəth etdikdən sonra Türkmənçay müqaviləsinə görə Erməni katolikosluğuna bir sıra güzəştlər verir və iltifat göstərir, bunun tələblərindən biri də Alban Avtokefal Apostol Kilsəsinin ləğv edilməsi və onun Erməni Eçmiədzin Kilsəsinə tabe edilməsi idi.

1909-1910-cu illərdə Rusiya Sinodu Eçmiədzin erməni-qriqorian Sinoduna və İrəvan erməni –qriqorian konsistoriyasına onların tabeliyində olan yeparxiyaların köhnə arxiv sənədlərini məhv etməyə icazə verdi. Güman ki, köhnə erməni arxivləri sırasında Alban kilsəsinin arxivləri də məhv edilmişdi. Bu yolla Erməni Eçmiədzin Kilsəsi çar hökumətinin yardımı ilə alban milli –mədəni irsini zəbt edib dəyişə bildi.

Daha sonra monoqrafiyada Alban hüququnun qədim abidəsi olan V əsr Aqven qanunlarının əlyazmalarının, qanunların tərcüməsinin tədqiqi verilir, alban ruhani icmasının, Alban Kilsəsinin təməli olmuş qanunların tarixi – hüquqi təhlili verilir. Bu tədqiqat –elmdə yeni kəşfdir.

Alban Kilsəsinin erməni Kilsəsinin yeparxiyası olduğu haqda erməni müddəasının son modeli tamamilə qanundan kənar, əsassız, məntiqsiz görünür, bu uydurma “Erməni Apostol Kilsəsi” məqaləsində öz əksini tapıb. Məqalədə vaxtaşırı tabelilik zəminində Ermənistan və Albaniya kilsələri arasında “ziddiyyətlərin” varlığı etiraf edilsə də, Alban Kilsəsinin Erməni Kilsəsinin yeparxiyası olduğu iddia olunur. Məqalədə daha sonra iddia olunur ki, XIV-X-cı əsrlərdə “Sünik dini məktəbinin əsasında Erməni Kilsəsinin bərpası uğrunda hərəkət inkişaf edir və Erməni kilsəsinin mərkəzi iqamətgahının Kilikiyadan onun qədim tarixi mərkəzinə - Eçmiədzinə köçürülməsi fikri yaranır, bu da 1441-ci ildə baş verir.” Bu parçada bütün deyilənlər yalandır. Məsələ bundadır ki, bu yaxınlara qədər erməni elmi

hesab edirdi ki, patriarx iqamətgahının Kilikiyadan Eçmiədzinə köçürülməsinin başlıca səbəbi Kilikiya Erməni patriarxının Erməni Kilsəsinə katolisizmi qəbul etdirmək cəhdi idi, bu da “Mərkəzi Ermənistan” (!) ermənilərinin narazılığına səbəb oldu. Sünilin buraya tamamilə dəxli yoxdur. Erməni kilsəsinin Eçmiədzinə köçürülməsi fikri Sünikdən çox-çox uzaqlarda Kiçik Asiyanın qərbində dəfələrlə bəxtini sınayan Erməni kilsəsi növbəti dəfə iflasa uğrayaraq öz tarixi vətəni olan Şərqi Anadoluya qayıtmaqdan məhrum olur, qüdrətli Osmanlı imperiyasının yaranması buna imkan vermir. Tarixi Albaniyanın qərbi hissəsindəki Eçmiədzində monofizit təriqəyə ibadət edən xristian alban əhalisinin, yəni dindaşların mövcudluğu olduqca cəlb edici görünürdü. Erməni Kilsəsi tarixi Azərbaycan ərazisində albanlardan istifadə edərək tarixi kök salmaq, sonra da onların mədəni irsinə yiyələnmək kimi siyasi məqsədi ərsəyə gətirmək planını fikrində tutmuşdu. Məqalədə daha sonra V əsrdən IX əsrə qədər Erməni katikosu iqamətgahının Vaqarşapatda (Eçmiədzində) varid olduğu iddia edilir. Bu iddia əsassızdır, “Erməni qanunlar kitabının” göstərdiyi kimi ilk Ermənistan Kilsəsi Mərkəzi Qafqazın qərbi hissəsində deyil, Baron erməni bölgəsində Yefrat çayının qolu olan Arasani (Muradçay) çayının sahilində - Kiçik Asiyada, Aştişat kəndində tikilmişdi. Aştişat kilsəsi “erməni kilsələrinin anası” olur, sonra Qriqori Prosvetitel nəslinin irsi mülkünə çevrilir. “Ermənistan Apostol Kilsəsi” məqaləsinin bu kilsənin üzərindən sükutla keçməsi böyük təəccüb doğurur, yəqin bu fakt məxfi qalmalıdır, əks halda gerçək erməni məskənlərindən çox-çox uzaqlarda yerləşən Eçmiədzinin Prosvetitelin ilk iqamətgahı kimi “müqəddəs rol” uyğunsuzluqla üzleşir. Tarixşünashqda iddia olunur ki, Prosvetitelin iqamətgahı Vaqarşapatda məskunlaşmışdı. Halbuki, erməni mənbələrinin tədqiqatları Vaqarşapatın və Eçmiədzinin Arazın sol sahilində deyil, Yefratın sağ sahilində yerləşdiyini göstərmək üçün tamamilə haqq qazandırır (Aqafangel). Çünki, Aqafangelin məlumatlarına görə Qriqori Prosvetitel erməni çarı Trdatı, onun çox saylı məiyyətinə xaç suyuna çəkmək məqsədi ilə paytaxt şəhəri Vaqarşapatdan çıxır, Baquana yollanır, sonra Yefratın sahilinə gəlir (bax:VI fəsil §4). Məqalənin müəllifləri etiraf etməli olur ki, “ölkənin ağır vəziyyəti erməniləri qürbətdə nicat axtarmağa vadar edir” (XV-XVI əsrlərdə “Ağqoyunlu və Qaraqoyunlu türk qəbilə ittifaqlarının qarşılıqlı qarşılıqlı” səbəbindən). Gördüyümüz

kimi erməni xalqının yazarları Erməni kilsəsi üçün son pənah yeri olan Eçmiədzinin ermənilər üçün “qürbət” olduğunu etiraf etmək məcburiyyətində qalıb. Axı “Ağqoyunlu və Qaraqoyunlu ittifaqlarının qarşıdurmasından” xilas olmaq məqsədi ilə Erməni Kilsəsinin Eçmiədzində kök salması haqqında yuxarıda gətirilən iddianı kilsənin məhz həmin türk qəbilələrinin hakimiyyəti altında olan ərazidə nicat tapması ilə necə uyğunlaşdırmaq olar?! Daha sonra Erməni və alban kilsələrinin tarixində mövcud olmayan əsasnamə açıqlanır, buradan belə çıxır ki, İran ərazisində yerləşən yeparxiyalar ilk növbədə mərkəzi iqamətgahı Qandzasarda(Arsaxda) yerləşən Alban katolikosluğu Ermənistanın Rusiyaya birləşdirilməsi istiqamətində güclü fəaliyyətə başlayır. İrəvan, Naxçıvan və Arsax çarlıqlarının ruhani icması İran hakimiyyətindən qurtulmağa can atırdı”. Bu mətn parçasında hər şey yalandır, siyasi məqsəd güdür, vahid məqsədə - Erməni Kilsəsinin siyasi fəaliyyətini “yalan –doğru” təmizə çıxarmaq, əsaslandırmaq məqsədinə xidmət edir, bu fəaliyyət yaxın gələcəkdə Çar hökuməti siyasətinin köməyi ilə əvvəl alban mədəniyyəti irsinə yiyələnməyə, sonra isə onun izlərini itirib məhv etməyə yönəlmişdi. Yalnız Şərqi Anadolu ərazisində yeparxiyaları olan (bax. VI .f. § 3), Qafqazda bir dənə belə yeparxiyası olmayan Erməni Kilsəsi alban əhalisi qarışıq Alban Kilsəsini, onun yeparxiyalarını öz adına çıxmış, alban ruhani icmasını erməni ruhaniləri kimi qələmə vermiş, bu halda həmin ruhani icmalarını İrəvan, Naxçıvan, Arsax xanlıqları üzrə bölmüşdü, halbuki sonuncu mövcud belə deyildi, çünki Arsax Qarabağ xanlığının tərkibinə daxil idi. Alban Kilsəsinin Ermənistanın Rusiyaya qovuşmasına yönəlmiş fəaliyyəti haqqında tarixdə heç bir məlumat mövcud deyil, belə fəaliyyət ola da bilməzdi, çünki Alban Kilsəsinin maraqlarına uyğun deyildi, həm də gerçəkdə Rusiyaya “birləşdirilməli” olan Ermənistan adlanan qurumun özü də mövcud deyildi. O, cümlədən 1828-ci il Türkmənçay müqaviləsinə görə “Şərqi Ermənistanın” Rusiyanın tərkibinə daxil olması haqqında məlumat tamamilə cəfəngiyyətdir. Tarixdə “Şərqi Ermənistan” anlayışı məlum deyil, o haradan peyda olub və hansı minvala “daxil olub”?

Məqələnin son müddəasına görə 1836-cı il tarixli sənədə uyğun olaraq “müstəqil mahiyyətini itirmiş Alban katolikosluğu ləğv edilir və onun yeparxiyaları Eçmiədzin katolikosluğunun tərkibinə daxil olur”. Bu məlumatdan tamamilə fərqli, yeganə nəticə üzə çıxır

-Alban Apolstol Avtokefal kilsəsi 1836-cı ilə qədər mövcud olub. Monoqrafiyada mən XIV-XIX əsrlərdə Qarabağ –Arramn alban əhalisinin aqibətini öyrənməyə və onu deetnikləşmənin yolları və üsullarını göstərməyə çalışdım. Həmin dövrdə Arsax-Arranın əhalisi albanlarla yanaşı türk və kürdlərdən ibarət idi, onların arasında milliyyətə türklər üstünlük təşkil edirdi. Teymurləng öz Qafqaz yürüşü zamanı 10 min albanı (25 dım) Xorasana və Əfqanıstana köçürdü. XV-XVI əsrlərdə tarixi Azərbaycan ərazisində Cahən şahın başçılığı ilə Qaraqoyunlu dövləti yarananda, Qarabağ- Arsax və Sünik bu dövlətin tərkibinə, daha sonra isə Ağqoyunlu dövlətinin tərkibinə daxil oldu. Hələ XV əsrdə Həsən Cəlal soyu Qaraqoyunlu başçısı Cahən şahdan “məlik” rütbəsi aldı, bu rütbə Həsən Cəlal nəslinin yan, “xəmsə” qollarına da şamil edilməyə başladı. XV əsrdən 1836-cı ilə qədər Həsən Cəlal nəslə Arsaxın siyasi və mədəni həyatında mühüm rol oynamağa davam edir, onun nümayəndələri Alban Apolstol Avtokefal Kilsəsinin (Qandzasarda) irsi patriarxları olur. XVI əsrdə Qarabağ - Arsax Gəncə bəylərbəylinin (Gəncə) inzibati vahidi xüsusunda Azərbaycan Səfəvilər dövlətinin tərkibinə daxil olur. XVII əsrin sonu – XVIII əsrin əvvəllərində Qarabağ və Sünikdə albanların fars və osmanlı –türk hökmranlığı əleyhinə istiqlalçılıq hərəkatı başlayır (hərəkata İsrail Ori, Davud bəy, Alban katolikosu Yesain Həsən Cəlal kimi məliklər Başçılıq edirdi). Alban məlikləri I Pyotrun Şamaxı yürüşünə ümid bəsləyirdilər. XVII əsrin sonunda Qarabağda Mıxlı babanın rəhbərliyi ilə xristian albanların ruhani və mülki feodallara qarşı ictimai hərəkatı yaranır. Pənah Əli Xanın dövründə Qarabağ xanlığının güclənməsi Şəki, Şirvan, Qarabağ məliklərində ciddi narahatlıq yaramışdı. Onlar müsəlman, mənşəyinə görə alban məliklərindən olan Şəki xanı Hacı Çələbini Pənah xana qarşı qaldırdılar. Çələbinin Bayat qalasını mühasirəyə almaq cəhdləri səmərəsiz oldu. Qarabağ məlikləri ilə mübarizə İbrahim Xəlil xan dövründə də davam edirdi. Nəticədə məliklərlə mübarizədə İbrahim Xəlil xan qalib gəldi. XVIII əsrdə Rusiyanın geosiyasi maraqları sırasına Qafqazda üç xristian dövlətinin yaradılması – Alban çarlığının, İraklinin Gürcü dövlətinin, Ermənistan vilayətinin bərpası daxil idi. Alban İncil kolofonları XVI – XVIII əsrlər Alban Kilsəsinin, onun monastır və kilsələrinin tarixinin bərpası üçün mühüm mənbədir, Burada Alban və Erməni kilsələri kimi iki müstəqil Kilsənin varlığı tədqiq olunur. Kolofonlar alban millətinin tarixi yaddaşının daşıyıcısı idi. M. Barxudaryantsın “Şahidlərin dediyinə görə, hələ 1828-ci ildə alban monastırları məskun

və çiçəklənən vəziyyətdə idi” kimi məlumatı xüsusi diqqətə malikdir. Bu, M. Barxudaryantsın “həmin monastırlar (1836-cı ildən Erməni Eçmiədzin Kilsəsinə tabe idi) XIX əsrin axırlarında artıq hec bir arxiv və kitabxanaya malik deyildi. hər şey sirli sürətdə voxa çıxmış. külli miqdarda qiymətli əlyazmalar oğurlanmışdı. Monastırda avlarla ibadət mərasimi keçirilmirdi. çünki nə savadlı adamlar, nə məktəb, nə rahiblər, nə də qiraətcilər var” kimi növbəti məlumatına da aiddir. (M.Barxudaryants, “Arsax,” I s.5.160).

Erməniləri İrandan və Türkiyədən Qafqaza köçürmək yolu ilə Qafqazın etnodemoqrafiyasını dəyişən, erməniləri Qarabağ, İrəvan, və Naxçıvan xanlıqlarında yerləşdirən Rusiya tarixi Azərbaycan ərazisində Naxçıvan və İrəvan xanlıqlarının torpaqlarından Ermənistan vilayəti yaradır. Çar hökuməti 1836-cı ildə Erməni –Qriqorian Kilsəsi haqqında birgə qərar çıxararaq oraya Alban Apostol Avtokefal kilsəsi haqqında xüsusi maddə daxil edir, ona əsasən Alban Kilsəsi avtokefallıqdan məhrum olur və yeparxiya xüsusundə Eçmiədzinə tabe etdirilir. Erməni Kilsəsi alban milli mədəni irsini ələ keçirərək tamamilə onun şəkildəyişməsinə nail olur, bu habelə onun fiziki məhv edilməsi ilə də ifadə olunur. Albanların deetnikləşməsi prosesi olduqca əzablı idi. Albanların bir hissəsi islamı qəbul edir, bir hissəsi qriqorianlaşır –erməniləşir, bir hissəsi pravoslav dinini qəbul edib gürcüləşir. Lakin albanlar hələ uzun müddət erməni dilinə malik olmur, tədqiqatda nəzərdən keçirilən Sinod sənədləri buna dəlalət edir.

Alban –udinlərin bir qismi zorakı deetnikləşməsi canını qurtarıb bu günə qədər qalmaqda davam edir. Bunlar Oğuz və Qəbələ rayonlarından olan udinlərdir. Udinlər birbaşa albanların nəslindəndir. Daha sonra tədqiqatda alban mənlikləri nəslindən olan Pavel Florenskinin ailəsi təmsalında XIX əsrin axırı, XX əsrin əvvəli baş vermiş ağırlı, dramatikləmlə dolu zorakı deetnikləşməsi prosesi təhlil edilib. “Albanlar və Azərbaycan xalqının etnogenezi” (§2,VI f.) probleminin tədqiqi elmdə yeni kəşfdir. Azərbaycan xalqı (Azərbaycanlılar) üç qüdrətli, təməl təşkil edən milli-mədəni laylardan –Qafqaz dilli (albanlardan), farsdilli (midiyalı, kürdlər, tatlar, talışlardan) və türkdilli laylardan formalanıb. Dövrələr üzrə mənbələri, ədəbiyyatı, siyasi, dini, mədəni şəraitini tədqiq etmək yolu ilə mən qədimdən XX əsrdə daxil olmaqla müəyyən zaman kəsiyində tarixi Azərbaycan ərazisində alban, türk, fars dilli millətlərin millət, xalq səviyyəsindən Azərbaycan milləti, xalqı səviyyəsinə qədər gərgin formalaşma prosesini nəzərdən ke-

çirdim. I-XIX əsrlərdə tarixi Azərbaycanın ərazisində cərəyan edən etnogenetik proseslərdə hər dövr üzrə albanların yerini üzə çıxardım .

Fikrimcə, Erməni kilsəsinin yeparxiyalarının, erməni patronimiyalarının tədqiqi, məkanlarının müəyyənləşdirilməsi elmdə yenilikdir. Başlıca olaraq erməni mənbələrinə, habelə erməni kilsə yığıncaqlarının sənədlərinə və erməni siyasi və dini gerçəkliklərə əsaslanan axtarışlarım təsdiq edir ki, erməni yeparxiya və patronimiyaları Qafqazdan uzaqda, Şərqi Anadolu ərazisində yerləşirdi (xəritəyə bax). Ararat, Ararat düzənliyi, Ayaratat “nahanq -əyalətinin” yerinin müəyyənləşməsi üzrə elmdə mövcud olan məlumatlara yeni baxış, onların yeni tədqiqi və onların məkanının dəqiqləşdirilməsi üzrə təklifim elmdə yenilikdir. Ön Asiya vilayələrinin, dövlətlərinin, habelə Mərkəzi və Cənubi Qafqaz dövlətlərinin tarixi coğrafiyasının bərpası, onların məkanlarının dəqiq müəyyənləşdirilməsindən asılıdır. Əyanilik və sübut məqsədi ilə tədqiqatın əsası kimi “Qədim Yaxın Şərq” xəritəsi (müəllif- İ.M. Dyakonov) (№1 xəritə) və “Erməni yaylası” xəritəsi (müəllif S.T.Yeremyan) (xəritə №2) götürülmüşdür. İ.M. Dyakonova görə Erməni yaylası Van gölündən şimalda qərbdən şərqə uzanırdı (Yefrat çayının sağ sahilindən başlayaraq). Yefrat çayının qolu Arasani- Muradçay Erməni yaylasından axıb keçir.

S.T.Yeremyanın xəritəsində isə Erməni yaylası elə həmin istiqamətdə qərbdən şərqə uzanıb, lakin eyni zamanda əhəmiyyətli dərəcədə şimala çəkilib, guya Araz çayının vuxarı axarı mənbəyini Erməni yaylasından götürür.

“Erməni xalqının tarixində” bildirilir ki, “Tarixi keçmişdə erməni xalqının həyatı coğrafiya elminə Erməni vavlası kimi məlum olan ərazidən keçirdi. Sovet Ermənistanı bu ərazinin şimal - şərq hissəsində verləşir. Sovet Ermənistanının ərazisini tarixi cəhətdən əsaslandırmaq üçün saxta tarixçiləri bu problemi ən asan üsulla həll etdilər –Erməni vavlasını Qafqaz ərazisinin qərb hissəsinə. vənə tarixi Azərbaycanın ərazisinə birləşdirərək şimal –şərqə qədər genişləndirilir.

Daha sonra erməni tarixçiləri Erməni yaylasının mərkəzində mövcud olmayan “Ararat düzənliyi” və Araratı uydurdular. “Erməni xalqının tarixində” bildirilir ki, e.ə. IV əsrdən başlayaraq Ararat düzənliyi Erməni vavlasının ürəvi olur. Burada qədim Ermənistanın pavytaxtları- Armavir, Yervandaspat, Vaqarşapat, Dvin. bizim dövrdə isə - Yerevan verləşirdi.” İşə bir bax, Yerevan şəhərini tarixi cəhətdən saxta erməni mənşəliyini əsaslandırmaq məqsədi ilə erməni tarixçilərinə bir qa-

rış sahədə bütün erməni paytaxtlarını yerləşdirmək “lazım gəlmişdi”?!

Dəclə Fərat, Tiqr çaylarının iki sahilində, Van gölü ətrafı ərazidə yaşayan, öz Kilsəsi ilə qərbə doğru sərsəri həyat sürən erməni xalqının siyasi qurumlardan uzaqda, sabit sahədə erməniləşdirmək məqsədi ilə tarixçilərin Şərqi Qafqazın cənub –qərb hissəsində yerləşdirdikləri “Sabit Ararat düzənliyində” öz paytaxtlarını yaratması haqlı təəccüb doğurur. Erməni feodal patronimiyalarının və yeparxiyalarının Kiçik Asiyada – Şərqi Anadoluda məskünlaşması kimi tarixi gerçəklik bu “düşünülmüş müddəa-modelə ziddir. Erməni modelinə erməni mənbələrinin faktik məlumatları da zidd gedir, guya erməni Arşakilərin məqbərəsi Daranagi qavar-vilayətində Ani qala şəhərində, Fərat çayının sağ sahilində,- həmin Arşakilərin paytaxtı isə guya Eçmiədzin yaxınlığında, Şərqi Qafqazın cənub - şərqi hissəsində yerləşirmiş. Belə bir ziddiyyət yaranır- erməni çarlarının cənazələrini hər dəfə Erməni yaylasında şərqdən qərbə, Şərqi Qafqazın qərb hissəsindən, Kiçik Qafqazdan Kiçik Asiya ilə Fərat çayının şərqi sahilinə qədər daşımaq lazım gəlirmiş.

Daha sonra, tədqiqatım göstərir ki, erməni alimləri qarşılıqlı olaraq qoyduqları məqsədə (Kiçik Qafqazın, Şərqi Qafqazın, qərb hissəsinə, Azərbaycan torpaqlarına şərik çıxmaq) çatmaq üçün “Ayrarat qavra vilayətini” “Ararat nahaq - əyalət – ölkəsinə” çevirdilər, yəni “Ararat avarı” ərazisini süni şəkildə genişləndirib, onu Erməni yaylasının mərkəzində yerləşdirib, daha sonra bu əyaləti ta Şərqi Qafqazın qərb torpaqlarına, yəni Azərbaycan torpaqlarına qədər genişləndirdilər.” Lakin monoqrafiyada nəzərdən keçirdiyim Aqafangelin məlumatları erməni müddəasının cəfəngiyyət olduğuna dəlalət edir. Aqafangələ görə çar Trdat çoxsaylı məişətinin müşayiəti ilə, Qriqori Prosvetitellə bərabər Vaqarşapat şəhərindən çıxaraq Baquan hüduduna, daha sonra Fərat çayına xaç suyuna çəkilməyə yollanır. Erməni tədqiqatçılarının xəritəsində müasir Ayraratın yerləşməsinə tətbiq edərək Qriqorinin, çar Trdatın, onu müşayiət edən şəxslərin yürüşünü izləyək. Ayrarat qavar- vilayətindən, paytaxt Vaqarşapatdan, onun müasir yerləşməsi ilə razılaşsaq, mütləq Araz çayını üzüb keçmək (onun hansı axarında, bəlkə orta axarında?), sonra yenidən Arasani çayını üzüb keçmək, yalnız bundan sonra Npat dağı ətəyindəki Baquan hüduduna çatmaq olar. Fərat çayının sahilinə çatmaq mütləq son məqsəd idisə, Vaqarşapatdan uzağa qərbə (onun məkanını ermənilər Kiçik Qafqazın qərb-

bində müəyyənləşdirir.) irəlilədikdə yenə də Arasani çayını üzüb keçmək (çünki Baquan üç tərəfdən Arasani məcrası əhatəsindədir), sonra quru ilə uzun məsafə qət edib yenidən Araz çayına, bu dəfə onun yuxarı axarına baş vurmaq lazımdır, yalnız bundan sonra daha bir uzun səyahəti başa vurub, onlar nəhayət arzulanıqları məqsəddə - Yefrat çayına çatıb xaç suyuna çəkilirlər. Nəzərdən keçirdiyim Vaqarşapatdan Fərata qədər keçilmiş yol tamamilə cəfəng təəssürat bağışlayır, çünki Ararat avarı və Baqlan hüdudunun məskunlaşması tamamilə yanlış verilir. Onlar Fərət çayı yaxınlığında olmalıdır. Əslində belə çıxır ki, adları çəkilmiş toponimlər həqiqətən Erməni yaylasının mərkəzində yerləşmiş, lakin uzaqda, şimal – şərqdə deyil (uydurduqları müddəaya uyğun olaraq erməni tədqiqatçıları onların məkanını belə müəyyənləşdirmişdi), çünki bu halda Kiçik Qafqazın qərbinə, nəzərdən keçirilən tarixi və coğrafi gerçəkliklərə aidiyyəti olmayan Araz çayının sol sahilinə təsadüf edilir, lakin müasir Ermənistan respublikasına, Albaniya ərazisinə, tarixi Azərbaycana coğrafi cəhətdən yaxın olur, erməni tarixçiləri də elə bunu sübut etmək istəyirdilər.

Monoqrafiya “Qarabağ probleminin alban mənşələri” paraqrafı ilə sonunlanır. Erməni tarixinin yaradıcılarının elmdə çoxdan bəri Qarabağ - Arsax haqqında əsası olmayan, tamamilə həqiqətdən uzaq təcavüzkar müddəası kök salmışdır, ona əsasən Qarabağ və onun əhalisi - albanlar ərazi, siyasi, milli, dini və mədəni cəhətdən ermənilər kimi qələmə verilir. Alban milli irsinin köməyi ilə ermənilər Qarabağ –Arsaxa şərik çıxırlar.

Tədqiqatım göstərdiyi kimi, e. ə. III əsrdən eramızın XIX əsri daxil olmaqla keçən dövrdə Qarabağ ərazi və siyasi cəhətdən həmişə tarixi Azərbaycan dövlətlərinin –Qafqaz Albaniyası, Saci, Sələri, Şəddadi, Atabəy-Eldəniz, Qaraqoyunlu, Ağqoyunlu, Səfəvi imperiyasının tərkibində olub və nəhayət, Qarabağ xanlığı tərkibində 1805, 1813-cü illərdə və birdəfəlik 1828-ci ildə Rusiya imperiyasına birləşdirilib. Əlyazma mənbələrinin və gerçəkliklərin tədqiqatı göstərdi ki, Qarabağ –Arsax heç vaxt erməni siyasi qurumlarının tərkibində olmayıb, və ya heç olmasa Qafqaz hüdudlarından kənarında, Şərqi Anadoluda, Kiçik Asiya ərazisində təşkil olunmuş siyasi inzibati vahidlərin tərkibində olmayıb. Qarabağın əhalisi alban, türk, və kürdlərdən ibarət idi.

Erməni xalqının tarixinə gəldikdə, əməli olaraq iki erməni siyasi qurumu məlumdur. Birinci - e.ə. VI əsrdən eramızın V əsrinə

qədər Erməni yaylası ərazisində mövcud olub. Bu dövlətin yalnız adı vardı- onun hökmdarları siyasi hakimiyyətin irsən ötürülməsi hüququna malik deyildi : çar- hökmdarlar ya İranın, ya da Roma/Bizansın əlaltıları idi, taxta hətta İberiya və Atropatena şahzadələri oturdula bilərdi. V əsrdə Erməni dövləti ləğv edildikdən sonra onun ərazisini İran və Roma/Bizans dəfələrlə aralarında bölüşdürür. İki əyalət - Şərqi İran Ermənistanı və Qərbi Bizans Ermənistanı yaradılır. İkinci Erməni dövləti - Baqratilər dövləti 400 ildən sonra IX-XI əsrlərdə Van gölünün şimal sahilində, Araz çayının yuxarı və orta axarından cənubda yaranır. Üçüncü erməni dövləti Kilikiya hesab olunur, lakin tədqiqatım göstərdi ki, XIII-XIV əsrlərdə bu dövlətdə alban Xetumi sülaləsi hökmranlıq edirdi, əhalisi qarışıq idi, bundan sonra onu erməni siyasi qurumu hesab etmək hüquqi cəhətdən düzgün deyil.

Bu bölmədə daha sonra deyilir ki, XV əsrdən Erməni Kilsəsi öz tarixi vətəninə deyil, Şərqi Qafqazın qərb hissəsində, Eçmiədzində duruş tapır, burada XIX əsrə qədər erməni yeparxiyaları, erməni patriarxları mövcud olmur, onlar Şərqi Anadoluda qalmaqda davam edir.

XVI-XVIII əsrlərdə Avropa və Amerika din təbliğatçıları Avropada, Amerikada erməni ziyalı dəstəsini yetişdirdi, bunlar katolisizmi, lüteranlığı qəbul etdi, gələcək erməni lobbisinin, gələcək erməni diasporunun mənbəyini, təməlini təşkil etdi. Məhz bu ermənilər Erməni Eçmiədzin Kilsəsi ilə bərabər ermənilərin gələcəkdə Şərqi Qafqazda, tarixi Azərbaycan ərazisində kök salmağının ideoloqları oldu. XVI əsrdən başlayaraq ermənilər Qafqazı türklərdən təmizləmək istiqamətini götürür. Lakin yalnız Avropa ölkələrinin, o cümlədən Rusiyanın geosiyasetinin yardımı ilə ermənilər qarşılıqlarına qoyduqları məqsədə nail olur.

VI, XVII, XVIII, XIX əsrlər “Erməni Xalqının Tarixi” altında erməni tarixçiləri Qarabağ, Gəncə, İrəvan və Naxçıvan bəylərbəylikləri, sonradan xanlıqları kimi Azərbaycan vilayətlərinin tarixindən bəhs edir, çünki, erməni xalqının “tarixinin” cəbbəxanasında başqa heç nə yoxdur. Rusiya hökuməti Mərkəzi Qafqazın işğalının ilk mərhələsində öz imperiyasının tərkibində Gürcü çarlığı, bərpa olunmuş alban çarlığı və Qafqazda heç vaxt mövcud olmamış Erməni vilayəti kimi üç xristian siyasi qurumun yaradılması üsulu ilə burada xristian amilini gücləndirmək niyyətində idi. Lakin artıq XIX əsrin 30-cu illərində Qafqazı fəth edən Rusiya geosiyasi şəraitə baxışını dəyişir, gürcü çarlığını,

Azərbaycan xanlıqlarını ləğv edir, İrandan albanları, Osmanlı imperiyasından erməniləri İrəvan və Naxçıvan xanlıqlarına köçürməklə qabaqcadan onların sayını artırır və Azərbaycan xanlıqlarının ərazisində Qafqazda heç vaxt mövcud olmamış yeni siyasi qurumu - Erməni vilayətini yaradır. Alban çarlığının bərpası məsələsi gündəlikdən çıxarılır. Qafqazda güclü rus təmayüllü erməni əlaltı-amilinin yaranması və güclənməsi Rusiya imperiyası üçün başlıca vəzifə olur, onun köməyi ilə həm Qafqazda möhkəmlənmək, həm də Bosfor, Dardanel boğazlarına çıxışı gerçəkləşdirmək mümkün olardı. Odur ki, çarizm Qafqazda mövcud olan iki qədim Avtokefal Apostol Kilsələrində – IV əsrdən XIX əsrə qədər fəaliyyətdə olan Alban və Gürcü kilsələrində Gürcü Kilsəsinin avtokefallığını ləğv edərək onu zəiflədir, Alban Avtokefal Kilsəsinə tamamilə ləğv edərək onu Erməni Eçmiədzin Kilsəsinə yeparxiyasına döndərir. Bu əməl Qafqazın avtohton əhalisi – albanların qəti surətdə deetnikləşməsi üçün təkən olur.

Eçmiədzin Kilsəsinin ərazi, siyasi, iqtisadi, ideoloji mövqelərini möhkəmlətməmiş Rusiya tezliklə həddindən artıq güclənmiş Eçmiədzin Erməni Kilsəsinin separatçılıq meyillərindən və Qafqazda dövlətçilik varlığını mütəmadi təsbit etməyə çalışan erməni diasporlarına təsirindən ehtiyat edərək Erməni vilayətini ləğv edir, onu İrəvan quberniyasına çevirir.

Güman ki, Rusiya imperiyasının sonrakı siyasətində Qafqazda erməni dövlətinin yaradılması tamamilə nəzərdə tutulmurdu, bu da erməniləri daim Rusiyadan asılı vəziyyətdə saxlamaq, gələcəkdə erməniləri artıq yeni Şərq siyasətində “peyk amili - əlaltı” kimi istifadə etmək imkanını yaradırdı. XIX əsrin 60-cı illərində Çar hökuməti Türkiyənin Kiçik Asiya torpaqlarında “Qərbi Ermənistan”- erməni vilayəti yaratmaq fikrinə düşür. Beləliklə 1878-ci ildə yalnız Rusiyanın həyata keçirmək niyyətində olduğu “erməni məsələsi” peyda olur. Erməni partiyası “Daşnaksütun” öz məqsədinə nail olmaq üçün tez-tez istiqamətini dəyişir-ruslardan Avropa dövlətlərinə, gənc türklərin ümumtürk inqilabi hərəkatına, sonra yenidən Rusiyaya üz tuturdu. 1915-ci ildə Türkiyədə üzdənirəq erməni “genosidi” məsələsi artıq digər ərazidə erməni dövləti yaradılmasını sürətləndirirdi. 1917-ci il Fevral və Oktyabr inqilabları, Antanta, bolşeviklər Erməni respublikasının yaradılmasını sürətləndirdi. Lakin bundan əvvəl daşnakların 1919-1920-ci illərdə Gürcüstan və Azərbaycana qarşı apardığı müharibə gəlir, bu zaman daşnaklar Axalkalakini, Borçalıni, Qarabağı, Zəngəzur torpaqlarını işğal edir. Nəhayət, Sovet hökumə-

ti erməni məsələsini Azərbaycan torpaqları (Səbiq İrəvan xanlığı, Zəngəzur torpaqları) hesabına gerçəkləşdirir – Şərqi Ermənistan yaradır, 1921-ci ildə Ermənistan respublikası və 1923 – cü ildə tarixi Qarabağda Dağlıq Qarabağ Muxtar vilayətini yaradır.

Beləliklə, Rusiyanın köməyi ilə dövlətçilik varlığını əldə edir, Eçmiədzin Erməni Kilsəsi zəngin alban milli – mədəni irsini erməniləşdirir, zorakılıqla “erməniləşdirilmiş” alban mirasım qədimi edir, alban milli, siyasi, mədəni mənbələrini ermənilərinki kimi qələmə verir. Lakin alban cəmiyyətinin, alban mədəniyyətinin Rusiya imperiyasının və Eçmiədzin Erməni Kilsəsinin siyasəti nəticəsində məhv olması, digər millətlər içində həll olmuş albanların heç bir əyani iz qoymadığı haqqında iddia, sözsüz, yalandır. Bu ikiminillik zəngin mədəniyyət Qafqaz xalqları – Azərbaycan, Gürcü və Dağıstan xalqlarının mədəniyyətinə daxil olub. Albanlar Azərbaycann antik, erkən orta əsrlər, orta əsrlər mədəniyyətinin əsas yaradıcılarından idi. Albanlar Azərbaycan, gürcü, Dağıstan xalqlarının əcdadlarından biridir. Bununla Azərbaycan tarixində, Qafqaz tarixində və bəşəriyyət mədəniyyəti tarixində albanların yeri müəyyən edilir. Gündəmə çıxarılmış problemlərin öyrənilməsinin əhəmiyyəti elə burdan irəli gəlir.

CONCLUSION

The present monograph is the result of comprehensive studies and the recreation of almost all the aspects of the history of Caucasus Albania and Albanians: the formation of the tradition of Albanian history and literature, historic geography, political history, the socio-political order, the formation of the ethnic Albanian community, the history of Christianity and the Albanian Independent Apostolic Church from the 3rd century BC to the 8th century AD (throughout a millennium of existence of the Albanian state), as well as further observations from the 9th to the 19th century concerning the existence of local Albanian kingdoms, the history of the Albanian Church and Albanian ethnicity within Azerbaijani states and khanates. As a result of this, the role of the Albanians in the ethnogeny of the people of Azerbaijan, as well as ways of their transformation and deethnicization has been identified.

Researches into ancient and early medieval sources, the realities of Albania, Armenia and Iberia, their comparison, and agreements concluded between two empires, the Byzantium and Persia, concerning the Caucasus have lead to such a conviction that by virtue of political reasons the territory of Albania remained within the same boundaries (with small exceptions) throughout 1,000 years from the 3rd century BC to the 8th century AD. Its territory did not expand or shrink in a dynamic way. Albanian kings did not pursue an expansive policy. The geographical positions of Albania, Armenia and Georgia and the external and internal situation in each of these countries contributed to the stable security of the Albanian border. Consequently, the formation of the Albanian ethnicity, which was one of the ancestors of the Azerbaijani people, took place in the same territory.

Changes used to take place at times only in Albania's remote northwest, in the region of Kambisena, and in the south where they were connected to the Caspiana region. Albania expanded its borders to the maximum in the 3rd century BC. The territory of Kambisena in the northwest was as large as never, while in the south, where the political borders stretched along the river Araz, Caspiana was included in the territory of Albania. Caspiana was seized by Armenia in II-I cen-

turies BC, but in the 1-2nd centuries AD was incorporated in Atropotena. In the 3rd century AD it was finally included in the territory of Albania. The territory of Kambisena reduced in favor of Iberia in the 5th century.

The research proved the lack of any ground for the so-called Armenian conception, under which the territory of Albania stretched along the river Kur from the 3rd century BC to the 4th century AD and the territories between the rivers Kur and Araz – Artsakh, Uti and Caspiana (Paytakaran) regions – were considered to be Armenian. The studies also illustrated the failure of the opinions of Georgian researchers that the Albanian territories lying to Shaki were included in Iberia.

The monograph investigated the issue of Albanian literature and portrayed the formation of the Albanian tradition of history and literature, its varieties such as hagiographical, ecclesiastical and secular literature. The researched materials testify that the formation of Albanian literature in the Albanian language was an objective historical necessity. All the existing socio-economic, confessional and political conditions prepared Albania for the formation of its literature. Those were the times of existence of an independent Albanian state with a ruling royal dynasty and great princes that replaced them together with the Albanian Independent Apostolic Church. The monograph revealed three consecutive directions in Albanian literature, which are apostolic, Graecophilic and local-Albanian.

All the Albanian sources were originally written in Albanian. Thanks to the findings of Z. N. Aleksidze it is beyond any doubt now that the Albanians had their own Albanian Christian literature with Albanian letters and in Albanian back in the 4th century (full translation of the Bible, lectures).

The Albanian tradition of history and literature started to be gearing up in the 6th century. The period of its formation and development falls on the 6th-13th centuries, which were the times of Arab rule, the fall of the Albanian state, the Islamization of part of the Albanian population, the restoration of local Albanian kingdoms (in Sunikh, Artsakh and Shaki-Kambisena), and the Seljuk and Mongol rule. The outstand-

ing representative of the tradition of history and literature, Albanian author Mousses Kalankatuyskiy, provided the key information and views on the history of Albania from the 1st to the 10th century in his *Albanian History*, an Albanian-language book that has survived to the present day in the ancient Armenian translation.

After studying the manuscripts of the *Albanian History* by Mousses Kalankatuyskiy and the genealogy of the manuscripts concerning the *Albanian History* we managed to compile, first of all, a genealogical tree of manuscripts of the sources in the *Albanian History*, which can be divided in two groups. I call the first group (Chart 2) “Armenian” since it was subjected to purposeful editing by the Armenian Church and the second group (Chart 1) “Albanian” which was not edited in any way.

With this being said, our research was based on studying all the existing editions of the *Albanian History*, which are three ancient Armenian editions, a contemporary Armenian edition, English and Russian editions, as well as four additional manuscripts from Petersburg and the National Library of Paris. We found out that two of these manuscripts were written in Albanian (ЈО ИВАН С–59 and Д₄ 220) and the other two in Armenian [(ЈО ИВАН В–56 and Д₁ 217–(Makler’s catalogue)].

Our work revealed that the Armenian Church subjected one of the manuscripts of Kalankatuyskiy’s *Albanian History* to serious editing in its translation into ancient Armenian in the interests of the history of the Armenian Church in order to claim the heritage of Albania’s history and literature and Albanian culture, and released this edited manuscript and its copies, which were the basis for all the existing editions of Kalankatuyskiy’s *Albanian History* and for all the studies by Orientalists, researchers studying the Caucasus and for all who were interested in this Albanian artifact. Editing was carried out in the context of original subordination of the Albanian Church to the Armenian Church, as well as the Armenian origin of Albanian rulers. It was also important for me to reveal the editing of the elegy by Albanian poet Davtak, which was devoted to the death of great Albanian Prince Javanshir and written in the style of an acrostic covering 19 letters of the Albanian alphabet. But the poem was artificially extended into all the 36 letters of the Armenian alphabet in translation. Nevertheless,

despite the vigilance and precautions the Armenian Church have overlooked several manuscripts of Albanian writing, which were (translated into Armenian, but) not subjected to Armenian editing in translation and were preserved probably thanks to the Albanians in later periods. The textual analysis of these two groups of manuscripts testifies to the fundamental differences in them.

We came to the following conclusions on the basis of textual analyses, studies into the style of writing of the artifact and the chronological system of dating events in the Albanian History. The very contents of the Albanian History (which describes the history of Albania from ancient times to the 8th century, the history of the Albanian ethnicity, the rulers of the country, the Albanian Church and contains three descriptions of Albanian borders on either banks of the river Kur at different times), the manner of writing, the attitude of the author to the events being portrayed, the attitude towards separate historic figures (Catholicos Viro, Vachagan III, Javanshir, poet Davtak), the author's strictly developed chronological system, which dates events in accordance with the rule of Albanian kings, as well as the rule of Persian and Byzantine kings (dating with synchronization), etc. give us the ground to make the only conclusion that the Albanian History was written by an Albanian for the people of Albania. The first and second books were written in the early 8th century, while the third book in the 10th century. In the meantime, Armenian historians believed that the Albanian History is an Armenian source, which was written and compiled by an Armenian author or authors who reflect the history of the Armenian people and the eastern province of Great Armenia. Even the renowned Caucasus scholar I. A. Orbeli did not feel free to avoid the "taboo" of the Armenian Church on this Albanian source by Mousses Kalankatuyskiy. Orbeli was lost in guesses as to how to name this source – Armenian-language (?), Armenian (?) or Albanian (?).

Our research has illustrated that the 11-13th centuries are the period of renaissance in the history of Albanian literature and culture. It was in that period that the role of Ganja, the center of Albanian Christian and Muslim renaissance, increased and this town gave such renowned representatives of Albanian history as David Alavik, Mkhitar Gosh, Kirakos Ganjinskiy, the Great Albanian Vardan (Eastern), Grigor Patmich, Smbat Sparapet, and Khetum Patmich.

These individuals reflected separate aspects of Albanian society and its political and spiritual life in their invaluable works. Their works also illuminated the political developments taking place in the Caucasus in the 11-13th centuries, including the Seljuk and Mongol reign in the Caucasus and Central Asia, contained valuable information on the history of Georgia, Armenia, Byzantium, and Cilicia, the history of Christianity in general, including Christianity in Albania the Albanian Independent Apostolic Church.

My studying the works by Mkhitar Gosh and Kirakos Ganjinskiy convinced me that their works also suffered purposeful “editing” when being translated from Albanian into Armenian. The Code of Law by Gosh was edited into the Armenian Code of Law, while Ganjinskiy’s History into the Armenian History. Later on, they attempted to make Kirakos’s text consistent with the new title. To our mind, the work by Khetum Patmich, an author of the 13-14th centuries who is descended from the royal origin of Albanian Khetumids ruling in Cilicia from 1226 to 1342, was also edited in some way. In his translation of Patmich’s poems into ancient Armenian M. Avgeryan skipped “entire passages of the text” at his own discretion.

Our research showed that Armenia’s political and cultural life and accordingly its literature fell into decay in the times of the rise of Albanian literature in the 11-13th centuries, which was related to the general political, economic and cultural renaissance of local Albanian kingdoms (in Sunik, Artsakh, Shaki-Kambisena). This can be explained not only with Byzantium’s forcible policy of resettlement of the Armenians and Seljuk attacks, but also with the whims of the Armenian feudal aristocracy which always cared about their own interests (in getting titles, positions, lands from rulers) to the detriment of the interests of the Armenian people. Here lies the reason for the loss of Armenian statehood.

The tradition of history and literature of the late Albanians continued in the ensuing centuries, too. In the 18th century Albanian Catholicos Esai Hasan Jalal wrote the Brief History of the Albanian Country, while in the 19th century Makar Barkhudaryants wrote three theses devoted to the late Albanians, which were Artsakh, the Albanian Country and Its Neighbors and the History of the Agvank Country. It

is also very testimonial that all the mentioned Albanian authors from the 6th to the 19th century can be spotted to have Albanian self-actualization both in the text of their works and in their titles.

Besides narrative sources we fully analyzed the enforceable acts of the Albanian “Aguen canons of the 5th century”, the Albanian Codes of Law by Mkhitar Gosh, which was the source for the Code of Law by Smbat Sparapet. Our research invalidated the Armenian conception announcing the Albanian sources of the 5-13th and ensuing centuries as being Armenian as if they had been originally written in Armenian for the people of Armenia. Our studies into the historic realities of political and confessional Armenia and Albania in the same periods (5-13th centuries) illustrated that the Armenian language could never be a lingua franca either in Albania or in the Central Caucasus then. The sources say that the Armenians were not infiltrated into Albania. Armenian settlements emerged in these territories in the late 18th and the early 19th centuries. The population of Albania was aboriginal, which was the Albanians with constant infiltration and settlement of Turkic and Persian tribes starting the 1st century. There is a lot of data in different sources as to the existence of the independent Albanian language and ethnicity with Albanian letters.

As for the fate of Albanian literature, there are three opinions on its existence and duration. We have already mentioned the opinion of the Armenian conception. Georgian scholars and Z. N. Aleksidze say that in the 720s the Arabs helped the Albanian Church fall under the powerful sway of the Armenian Church, which destroyed Albania’s diophysit literature and put an end to monophysit Albania by transforming it into the Armenian language and alphabet.

Z. M Bunyadov says that the Armenian Church started making the Albanians Gregorian and gradually nullified the influence of the Aran (Albanian) Church among the Albanian population with the help of the Arab Caliphate and other conquerors. Also with the support of the Arab rulers the Armenian Church destroyed all the artifacts of Albanian literature and everything that could be a reminder of Albanian culture. But, in my own opinion, which was published in 1986, Albanian literature was generated in Albanian before the 12th

century, but after that it started to be written in ancient Armenian!

The research into the history of the Armenians and the Armenian Church and its comparison with the Albanian realities made me reconsider my opinion and start to believe that throughout its existence (from the 4th century to 1836) the Albanian Church was never made Gregorian and remained an independent Albanian apostolic monophysit church like the Copt and Jacob churches. Our studies prove that the Albanians had their own stable territory, political formations (before the 8th century within the whole country from the river Araz in the south to Derbent in the north), local kingdoms in Syunik, Artsakh and Shaki-Kambisena from the 9th to the 13th centuries and five small Albanian kingdoms from the 15th century. The Independent Albanian Church was surrounded by Muslim Turkic and Persian ethnicities, while local Albanian kingdoms (from the 9th to the 15th centuries) were always part of the Azerbaijani states. Under those circumstances there was no need for the Albanians to be transformed into the Armenian language and write their works in Armenian. Turkic became a lingua franca and a language for inter-ethnic communication starting the 12th century. Armenia should have had political, ideological and confessional rule (from the 5th to the 15th centuries and on) for Armenian to be the language of the Albanian Church and the Albanians. But as I mentioned above, I discovered back in 1986 that the Armenians were deprived of their statehood as early as in the 4-5th centuries. As is known, the Karakoyunlu and Agkoyunlu states reigned in the Caucasus from the 15th century, the Safavid dynasty from the 16th century and Azerbaijani khanates later on. A retrospective glance at the history of the Albanian Church and the Armenians from the 11th century may reveal the permanent “wandering” and “roaming” of both the Armenians in quest of new lands in the West and of the Armenian Church looking for a center. With such “roaming” dioceses outside the Caucasus in Eastern Anatolia were not stable in their subordination to the Armenian Church. My research revealed that only the occupation of the Tsarist Russia of the Caucasus paved the way for the establishment of an Armenian state, which had never existed there before. The

first decisive step to construct Armenian statehood in the Caucasus (in the territory of historic Azerbaijan) was the settlement of “Armenian”-Albanians from Iran and Armenians from Turkey in the lands of Azerbaijani khanates. The following step was to deethnicize the Albanians with the help of the Tsarist Russia. The Tsarist resolution was issued in 1836 to abolish the Albanian Independent Apostolic Church and make it subordinated to the Armenian Church “as a result of the assimilation of the Caspian Albanian nationality with the Armenians” (M. Ormanyan). To make historic grounds of their existence in the territory of Albania, the Armenians needed to appropriate Albania’s ethnic and cultural heritage, carefully remake the rich and centuries-long tradition of Albanian history and literature in the spirit of Armenian history, translate and edit Albanian literature into ancient Armenian and destroy the original. I was also convinced of this idea by studies into the text and origin of Albanian sources, their manuscripts and dates of their issuance. It was discovered that all the data on the manuscripts of Albanian sources date back to 1829 and later. It was also discovered that the Albanian sources which were translated into Armenian started to be published after 1836, while there was an Armenian publishing house and a pulp and paper factory in Echmiadzin in the 17th century (?!). A vivid example of the transformation of Albania’s historic and cultural heritage into Armenian is the statement by Makar Barkhudaryants that “Albanian monasteries were full of believers and in full swing” [in Muslim surrounding]. After the abolishment of the Albanian Church Albanian monasteries and churches started to be destroyed in negligence.

The research showed that Albania preserved its statehood and political sovereignty in the 1-8th centuries longer than Armenia and Georgia. One can be certain to describe the political structure of Albanian society in the 4-8th centuries as a centralized feudal state ruled by Albanian kings and princes. The research gives us the ground to speak about the uninterrupted succession of the Albanian kings of the Arshakid dynasty (1-6th centuries) and the great princes of the Mikhranid dynasty (7-8th centuries). The Albanian Arhsakid dynasty originating directly from the Persian Arshakid dynasty was established in Albania in the 1st century AD. The founder of the Albanian branch

of the Arshakid dynasty was Vachagan I the Brave.

Our work shows the wrongfulness of the opinion of some historians that the origin of the Albanian Arshakids dates from the 4th century and the founder of the Albanian branch of this dynasty is Sanatruk, the Massaget king of the Arshakids. The period of political and cultural bloom in Albania coincides with the rule of Vachagan III (the 5th century) from the Albanian Arshakid dynasty. The researched materials are convincing that the Albanian kings of the Arshakid dynasty and their successors, the great princes of the Mikhranid dynasty, despite their being descendants from Persian lineage and originally being protégés of the Persian kings (Parthian and Sasanid), served Albania, pursued a pro-Albanian policy, became close to the local aristocracy, got accustomed to the Albanian religion and culture and thus became Albanian.

One can say with certainty that the domestic policy of the Arshakids was directed at making Christianity the ideological basis of Albanian society and feudal culture. In view of the importance of an independent Albanian church in the preservation of the country's political sovereignty and its ability to fight outer religious and political influences and the policy of assimilation of two empires, the Byzantium and Persia, the Arshakids and Mikhranids in Albania attempted to strengthen the ideological and economic positions of the church.

The Marzban system (appointment of governors to rule regions), which was introduced following the abolishment of the rule of kings in Albania, was short-lived and episodic indeed, unlike Armenia and Iberia, from 463 to 487/488, as well as from 510 to 629. I viewed the political fate of Albania and the ideological positions of the Albanian Church before and during the rule of the great princes of the Mikhranid dynasty against the background of relations of two big empires, the Byzantium and Persia, and their political and ideological rivalry.

The Mikhranid rulers managed to preserve the political independence of Albania as a vassal country thanks to a wise and flexible policy at a time of hard conditions of foreign policy when Albania became a fighting ground due to the attacks of Khazar tribes, Persian-Byzantine and Arab-Byzantine wars. The rule of Great Prince Javanshir, a prominent commander, a wise politician, a delicate diplo-

mat and a major statesman of the mid 7th century, should be especially noted in this regard.

In the monograph tracing historic and ethnic processes, for the first time in scientific researches I managed to recreate the ethnic picture of the country and show the establishment of the Albanian ethnic community, which had ethnic, linguistic and cultural signs that distinguished it totally from neighboring Georgian and Armenian ethnicities. The following factors contributed to the establishment of the Albanian ethnicity:

1. Stable territorial and state unity, which was observed throughout Albania from the 3rd century BC to the 8th century AD (the rule of local kings, Albanian Arshakids and their successors, the great princes of the Mikhranid dynasty), the restoration of Albanian kingdoms in Syunik, Artsakh and Shaki-Kambisena from the 9th to the 15th centuries and from the 15th to the 19th centuries. This can be traced in the formation of small Albanian kingdoms;

2. Albanian self-actualization embodied in the self-preservation in the Aluank-Albanian ethnicon throughout the entire country from the 1st to the 8th centuries and in local kingdoms in Syunik, Shaki-Kambisena, Utik, and Artsakh from the 9th to the 19th centuries. The antithesis “we”-“they” was clearly in force before the 19th century. As was mentioned above, Albanian self-awareness was reflected in all Albanian sources and, most importantly, in the titles of the sources (Kalankatuyskiy’s Albanian History, Gosh’s Brief Albanian Chronicle, Esai Hasan Jalal’s Brief History of the Albanian Country, and Makar Barkhudaryants’s History of the Albanian Country);

3. Another ethnic component is the unity of culture, including religion and language. Albanian confessional unity was in place from the 4th to the 19th centuries with the Albanian Independent Apostolic Church being the organizing and consolidating force. Albanian was included in the northeastern Caucasus group of languages (Nakh-Dagestani).

The increasing ethnic role of language contributes to its reflection in writing. Albanian letters consisted of 52 phonemes rich in guttural sibilant and hushing sounds.

As was mentioned above, religious literature was created in Albanian in the 4th century and rich Albanian literature from the 6th to the 19th centuries. But this literature was destroyed with the efforts of the Armenian Echmiadzin Church and the geopolitics of the Russian empire (it was translated into Armenian, while the Albanian traces were covered up).

Most of the Albanians living in the lowlands of the rivers Kur and Araz were Islamized during the Arab rule and got assimilated with Turkic peoples who had also embraced Islam. The remaining part of the Albanians in the mountainous northwest and southwest (in former Albanian kingdoms) were forcibly deethnicized after Russia's occupation of historic Azerbaijan. Due to the policy of the Tsarist Russia and the Echmiadzin Church they were subjected to forcible integration with the Armenians and Georgians in 1836. Part of the Albanians was assimilated with the Armenians in a cultural and ideological way, while the other part was made Georgian. Again, the majority of the Albanians embraced Islam. Despite the tragic fate of the Albanians, part of them has survived to the present day. These are Udins whose fate is reminiscent of that of Celts.

The monograph goes on to study the restored Albanian kingdoms of the 9-12th centuries in Syunik, Arran, Hachen and Shaki-Kambisena. The rulers of these kingdoms had been directly or indirectly descended from the Albanian Mikhranids, the great princes of Albania, or from the local Albanian kings called Aranshakhiks. In other words, there is an uninterrupted line of succession of Albanian rulers. These are the rules of Shaki and Aran ruler Sahl ibn Sumbat (second Shaki near the river Bazarchay-Hakarachay), Vasak in Syunik, Stepannos Ablasad and his nephew Esai Abu Musa in Baylakan and Ktish, Hachen ruler Atrnersekh, his son Righteous Khamam, who restored the ravaged kingdom of Albania on the both banks of the river Kur like in the times of the Albanian state, Khamam's son Saak Sevada, who was the ruler of Artsakh and partly Uti, the rule of the king of Shaki-Kambisena, Ishkhanik, who was the grandson of Gregory Khamam and finally the rule of Senekerim and Philippe, who were the descendants of Saak Sevada.

The monograph for the first time discovered the actual meaning

of the use of the concept “Armenia” in the 10th century in relation to the Albanian kingdom of Hachen. As is known, the list of kingdoms and princedoms, with which the Byzantium had diplomatic correspondence, also includes the “ruler of Hachen, Armenia” (On Byzantine ceremonies, II, 48). Studying the actual meaning of numerous political and administrative notions, which had been in existence since the rule of Byzantine Emperor Justinian, such as Armenia I, Armenia II, Armenia III, Armenia IV, Middle Armenia, Interior Armenia, and many other Armenias which had a purely geographical meaning only, as well as the political and administrative units that the Arabs inherited from the Byzantium with slightly different geographical contents such as Arminia I, Arminia II, Arminia III and Arminia IV, and taking into account the fact that Syrian author Zakhari Ritor used the notion Armenia in a wider geographical meaning, I came to believe that Armenia was used in relation to Hachen in a purely geographic meaning despite K. Tsukerman’s conclusion that Armenia is interpreted as a political, spiritual and confessional unity. Under his conclusion the kingdom of Hachen would be subordinated to Armenia and the Armenian Church. This is totally ungrounded and, above all, contradictory to the Armenian and Albanian realities. Kirill Tumanov’s monograph, the Dynasties in the Christian Caucasus from Ancient Times to the 19th Century, which relates all the Albanian rulers, including the Aranshakhiks, Arshakids, Mikhranids, and even the rulers of Cilicia and Albanian Khetumids to the Armenians, also draws criticism. The monograph provides a full description of the Albanian-Hachen kingdom, which was restored in the 12-13th centuries, the rule of Hasan Jalal and his domestic and foreign policy, which continued the traditions of the preceding Albanian rulers.

Thus, in the 12-14th centuries the historic Albanian region of Artsakh-Hachen was an important political and cultural center of the Albanians who managed to preserve their territorial, confessional and political unity and, most importantly, Albanian self-actualization.

A new word in science is our recreation of the Albanian kingdom of Cilicia and the description of its relations with the Albanians living in the historic lands. The studies into Albanian and Armenian sources revealed that the second wave of emigration of the Albanians into

Cilicia in Asia Minor was related to the movement of Seljuks in the 11-12th centuries. The prince of Ganja Avshin-Oshin headed the emigration of the Albanians. He left his inherited estates of Mayreatsjur and together with his troops and a group of Hachen and Syunik feudalists headed for Cilicia, where he conquered the Castle of Lambron, which became the inherited property of the Avshinid-Oshinid dynasty. Avshin-Oshin laid the foundation of the Albanian dynasty of Khetumids who would rule Cilicia from 1226 to 1346. Being a faithful vassal of the Byzantium, the Khetumids pursued a pro-Byzantine policy and fought the Armenian dynasty of Rubenids, who ruled Cilicia, for more than a century. Khetumid rulers were taking an active part in the administration of the Cilician state. Constantine Pyle was the supreme commander under the Rubenid dynasty. Nerses Lambronsky was a prominent public and spiritual figure, fought for the unification of the East Armenian and Albanian churches with the Byzantine Church and for closeness with Catholicism. Lambronsky and his successors from the Khetumid dynasty were faithful to the lofty spiritual ideal of unification of all the Christians irrespective of their ethnicity.

Our convincing studies say that the cosmopolitan policy of the Khetumids, which was the triumph of Christianity in the world and the refusal of independent political existence and ethnic originality, was in close conformity with the interests of the Armenian Church as regards other ethnicities, particularly the Albanians. We think that the works by Albanian authors started to be translated into Armenian both by the Khetumid dynasty and the Armenians after the Albanian Khetumids came to Cilicia. In the ensuing century (in the 15th century when the Armenian Church moved to Echmiadzin) it became a policy of gradual appropriation of the Albanian tradition of history and literature. The argument favoring this thesis is that the ancient Armenian manuscript of Canonagirk by Odznetsey dating back to the 8th century, which has survived to the present day, was copied out in Cilicia in 1098 and for the first time included the canons of the Aguen Cathedral of the 5th century, which were translated from Albanian into Armenian. In the meantime, Odznetsey did not include the Albanian canons of the 5th century in his Canonagirk since he did not think they were Armenian. We think that the process of Albanian-Armenian inte-

gration began in Cilicia. But the most important thing is that the Albanians themselves with their political formations and the Albanian Independent Apostolic Church in its historic land were far from this political integration. Our studies testify that the fate of the Albanians in their historic lands from the 14th to the 19th centuries totally denies the conception of the Armenian Church concerning the integration and further transformation of Albanian cultural heritage into Armenian. The Armenian Church managed to attain its goal with the support of the policy of the Tsarist Russian to forcibly deethnicize the Albanians and transform their ethnic and cultural heritage. Our research revealed permanent political and cultural ties between Cilicia and the Albanian kingdom of Hachen-Artsakh. These ties existed both between the Albanian Khetumids and the dynasty of Hasan Jalal and between those who created the Albanian tradition of history and culture in Cilicia and the kingdom of Artsakh-Hachen. Albanian renaissance both in Cilicia and Artsakh-Hachen took place in the 11-13th centuries when Armenian literature and political life were in full decay. This development was reflected in political and economic life, as well as in literature in the creation of religious monuments. The creators of the literary traditions of the Albanians of that period in their historic land were Mkhitar Gosh, Kirakos Ganjinskiy, Stepannos Orbeli, Gregory Patmich (Magakiya), Vardan the Great (Albanian), while the creators of these traditions in Cilicia were Smbat Sparapet, historian Khetum Patmich, Nerses Lambronsky, all of whom were of Albanian origin. It is also important that the canons of David Ganjinskiy and the Code of Law by Mkhitar Gosh were used as a source for the Code of Law by Smbat Sparapet. It is also indicative of the ties of the Khetumid dynasty with its historic motherland that Khetum Patmich was fully aware of the Albanians using their own Albanian letters back in the 14th century. Testifying to this are also the copies of the Gospel written in the 13th century under the Khetumid dynasty and Albanian place names in Cilicia such as Kafan (Kapan) and Hatchin (Hachen). The close political relations between the Khetumid rulers, Hachen-Albanian King Hasan Jalal and the ruler of Syunik, Stepannos Orbeli, can be clearly observed during the Mongol attacks when the ruler of Hachen and on his advice the rulers of Cilicia, which were the

Khetumids, as well as the rulers of Syunik, found common language with the Mongol leaders for the sake of preserving the country's unity and Christian population, and traveled to Mongol-ruled areas with huge tributes to accept being a vassal and a faithful ally of the Mongol empire. None of the Armenian princes ever thought of acting in that way.

Farseeing politician Hasan Jalal led his troops to take part in the march of Mongolian commander Bachu-Nuin, won his confidence and gained some influence. It was thanks to Hasan Jalal's assistance and personal contribution that the envoys of Khetum managed to have successful talks with Bachu-Nuin. Based on our studies, it becomes clear why the Armenian Church moved from Cilicia to Echmiadzin in 1441, which is in the Caucasus where the Albanian kingdoms divided into five realms and the later Albanians had been in existence.

Albania was one of the Caucasus countries where feudal relations emerged very early. It is possible to trace the development and specification of early feudal relations in the economically developed regions of the country on the basis of written sources.

The studies make it possible to say that the persistent and dominant tendency was feudalism. Slavery was certainly there in Albania, but never became a formation. The main classes of feudal society – azats and shinakans were formed in general terms. Shinakans were free community peasants who were the primary producers of material wealth.

For many centuries the communities gradually came under the rule of the state (taxes and duties to the state and a number of other obligations) and through it under the rule of the aristocracy. This was encouraged by the policy of Albanian and Persian kings who were largely distributing villages and regions to their vassals – azats and nakharars. This process continued throughout the 4-7th centuries. Mousse Kalankatuyskiy reports on the ruling elite's allocation of villages and regions. The dominant form of exploitation of the peasantry at an early stage of feudalism was taxes and duties in favor of the state. When feudal relations were strongly established this exploitation was reflected in numerous *in-kind duties in favor of secular and spiritual feudalists*, as well as metayage. The process of establishment of the class of feudalists – azats is closely connected to the formation of the

class of feudally dependent peasants. The sources of the class of feudalists also reside in the preceding society. First of all, a new group of the nobility emerged from free community members and merged with the old class into a common class of feudalists.

Secondly, the king-appointed rulers of regions – nakharars gradually made their position hereditary and gained the right to pass it to their sons. As a result, they turned from administrative rulers into genuine feudal princes having the right to feudal possession of land.

The state's land stock gradually decreased in the 4-5th centuries. Most of it was owned by feudal houses - patrimonies. In the heyday of feudalism, the ruling class, Albanian feudalists – azats, were divided into several categories, the highest of which was considered to be the rulers of regions and districts. The further polarization of the social strata in Albanian society led to the appearance of a full range of feudal political and administrative units – nakharariats (seigniors) in the 4-7th centuries.

With feudal relations getting stronger all the power of nakharariats was concentrated in the hands of feudal patrimonial leaders. From the 6th century the term ishkhane became dominant among the terms denoting the head of nakharariats. The term ishkhane, which fully reflects the position of a feudal ruler, supplanted the terms included in the patrimonial structure (azgapets-nakhapets) as the power of nakharariats (azgapets-nakhapets) assumed greater political and administrative aspects. The title ishkhane meant a “ruler”, “owner” and “master”. The prevalence of the state form of ownership at an early stage of feudalism led to a centralized state and expanded privileges of kings both in secular and spiritual life.

The Albanian king was the legislator and the supreme judge in the country, led the legislative and consultative body of secular and spiritual power, convened church councils and acted as the supreme commander of all the armed forces in the country. A tendency to build a hierarchy and suzerain and vassal relations could be clearly spotted. Like in neighboring Iran, Armenia and Georgia, there was a feudal hierarchy, which was described in the Class Charter – Gaknamak. Every feudal-azat patrimonial group signed in that special charter in the order of their power and importance. The first ten patrimonial groups were considered to be senior and the rest were juniors.

The same order was valid for the head of every patrimonial group to take a seat at the king's table. The "rank and honor" of a patrimonial group was defined by its economic power, political position and troops. The Class Charter identified the order of the hierarchy of azats and the place and position of every patrimonial group of azats in the country's socio-political life. Azats in Albania were the vassals of Albanian and Persian kings, were obliged to provide troops, perform royal service in accordance with their social rank, and carry out various state administrative functions at war. They together with the clergy were exempt from poll-tax. Azats were provided with land in return for their military service for Albanian and Persian kings.

Feudal relations dominated Albania's social life in the 4-8th centuries. Feudal ownership of land was in the conflicting state and private forms of ownership. The state ownership was limited to the ownership of state domains (in this case the rent and tax coincided) and of land privately owned by feudalists for their services. At an early stage of feudalism (in approximately 3-6th centuries) the state ownership of land (in the person of the king) dominated, while the private feudal form of ownership was made up of two forms:

1. Hereditary ownership of absolute feudal land (which was technically called dastekert in Persian). This form of land ownership (allod) emerged after the decomposition of community land ownership, as well as land allocations by the state to the representatives of the ruling class as patrimonial estates.

2. Conditional land ownership (which was called khostak in Persian), which emerged following the state's allocation of land to the representatives of the ruling class for temporary possession in return for their vassal service. Conditional lands khostak had a tendency to turn into fully owned property dastakert.

The owners of dastakerts were the royal house (patrimony), the feudal nobility (azats, nakhapets, azgapets), the reestablished feudal aristocracy (patrimonial estate holders – nakharars, ishkhans) and part of the rural elite, which emerged under kings and princes. The owners of khostaks were the petty military-service aristocracy (azats to a certain extent – Persian term) and the clergy.

Feudalism is also characterized by the political structure of a feudal society, which was its socio-economic structure and was con-

nected to out-of-economic constraints by its roots.

The significant signs of the political structure of feudalism are an extremely divided right to property, the division of public power and the use of state rights in one's own interests. All these attributes of feudalism can be clearly seen in Albania.

The conditions of canon law were developed by the secular aristocracy and the clergy in the presence of King Vachagan. But this law used to be effective after being approved by the secular aristocracy and the king. This position of the Albanian clergy can be explained apparently by centralized power in the country. The main positions in Albania in the 5th century were khazarapets and khramanatars. Drawing parallels with Iran it is possible to suppose that khramanatars in Albania were also viziers and administered all state affairs.

Khazarapets usually headed a department to supervise state revenues like in Iran, Armenia and Iberia, or led a military department like in ancient times in contrast to khramanatars who had wider civil administration duties. It is thought that the positions of khazarapets and khramanatars can be related to the presence of royal authority in the country.

Under the Aguen canons, there were spiritual and royal courts in Albania. The instances of church jurisdiction were the courts of the clergy and the court of the bishop. The spiritual court investigated the acts of clergymen and the violation of spiritual duties by lay people. The clergy represented by the bishop used to carry out judicial functions not only in the area of the laws of the church, but also in some areas of civil and criminal law (quarrels, clashes bloodshed, etc.). With this being the case, the bishop used to try not under canon law, but under secular laws.

The royal court dealt with marriage and family affairs, antireligious acts, homicides and the gravest crimes of those times that were punishable with a death penalty. The royal court also considered litigations between the aristocracy and the clergy. The country's supreme court was the royal court, which was presided over by the king himself. This is one of the peculiarities differing Albania from Armenia, where the judicial authorities of the clergy were incomparably large. This is explained by the fact that the Armenian Church acted as a central and nationwide body and was vested with legislative and judicial authorities with the lack of a centralized state.

Thus, the traits of the Albanian administration system were the lack of inheritance of administrative positions, the presence of khranamatars, the king's acting as the supreme judge of the country and heading church councils.

With the collapse of the royal authority in Albania, the administration system apparently changed a little. The positions of khazarapets and khramanatars were perhaps related to the royal authority. As is known, the rule of great princes – ishkhans from the Mikhranid dynasty was established in Albania in the 7th century. Only the position of sparapet, the supreme commander of all the armed forces of Albania, was observed in the 7th century. This position was occupied both by the great princes of Albania and by other individuals. The church and the clergy had become strong by that time and Albanian catholicoses started to head church councils.

Thus, based on what has been described above, we came to a conclusion about the lack of multi-structured socio-economic life, tribal unions, a primitive communal system and slavery in Albania, which are alleged to have reigned in the country. The grounds for scientific allegations that these structures were present in Albania are the terms dastakert, anashkharkhik, azgapet, nakhapet, which were interpreted in their etymological and socio-traditional meanings without paying due regard to the time and the local conditions of the Albanians. The available data testify to the presence of feudal relations in Albania in the 5-7th centuries.

The monograph pays a special attention to the problem of the Albanian Church, early Christianity and its penetration and accession as the state religion, which is closely connected to the fate of the Albanian ethnicity. The studies into the mentioned annals, as well as the Albanian realities and those of Christianity in general, are convincing that Christianity in Albania passed through two stages: 1) apostolic and 2) Graecophilic.

At first Christianity was preached in Syrian-Aramaic. This period dating back to the 1-3rd centuries is characteristic of the activities of both apostles and their students and Syrian missionaries. The monograph unveils the reasons for early penetration of Christianity into Albania. This was encouraged, first of all, by ancient Jewish settle-

ments in Albania well before the 1st century and by Nazareans and Christian Jews in the first century. I said back in 1987 that we need to spot the descendants of the lost Jewish tribe among the Tats living in Azerbaijan. I could see a proof in the reports on the settlement of Israelite Jews by Persian kinds (Akhmenid, Parthian and Sasanid) in the Caucasus, in Albania and particularly along the western coasts of the Caspian, as well as in the anthropological example of mountainous Jews and their ethnic purity, which was due to the observance of intra-ethnic marriages. I was also convinced by faithfulness to Judaism by part of mountainous Jews. It was important in view of the fact that Judaism was secluded and segregated and could be practiced only among the Jews. The presence of Jewish names in Baku's Buzovna settlement in the word of Nazarey and the residential block of Nazareys in that settlement, as well as permanent residence of mountainous Jews on Abseron Peninsula are a convincing proof that early Jewish Christian communities lived here before. And finally, there is information on Jews dwelling in the town of Barda (Kalankatuyskiy, II, 10) and the settlement of Jews along the Caspian coasts by Akhmanid King Artakserks in the 4th century BC (Bar-Ebrei).

The second (Graecophilic) period of preaching Christianity is credited to Gregory the Enlightener (Parthian) and Albanian King Urnair (4th century), under whom Christianity became the state religion. The Graecophilic period was short and after that period the Albanian Church entered the path of ethnic development of the Albanians.

The source and the entire way of establishment of the Albanian Christian Church was closely tied to the history of Christianity in the East and blended with its general development tendencies. However, it had certain peculiarities. The monograph analyzes the sources of Christianity as religious teaching, the formation of its doctrine (ideological views), the structure of the church, the geography and time of the spread of Christianity, which will undoubtedly cast some light on the recreation of the Albanian Church.

The vast propaganda of Christianity to the northeast and east of Jerusalem in the 1-2nd centuries is credited to apostles Phoma, Andrew, Bartholomew, Phoma's brother Arday-Addey-Fadday-

Faddey and Faddey's students Marus and Elisey, who preached in Syria (its center Antioch) and Osroene (its center Edessa), in Nisibine, Mesopotamia, Small Armenia and further in the northeast and the east, in Persia (Selevkia – Ktesiphon) and in the central Caucasus in Albania and Georgia.

The Albanian tradition says that Faddey's student Elisey (from Jerusalem) preached in three countries such as Chola, Lpinya and Albania (Kalankatuyskiy, III, 23). "The holy patriarch Elisey arrived in Gish [Shaki], established a church and made a pure bloodless sacrifice. This place is the original source of churches of us, the inhabitants in the East, and of saint towns and the origin of place of enlightenment" (Kalankatuyskiy, I, 6).

The idea of apostolic beginning of the Albanian Church, as well as its genetic kinship and permanent relations with the Jerusalem Church, can be easily spotted throughout the History by Kalankatuyskiy. Stepannos Orbeli (13th century) writes that Saint Bartholomew, who was one of the 12 apostles of the Christ, preached in the village of Ordubad in Syunik and built a church in Gokhtn.

So, the episcopacy was already set up in Albania in the apostolic period and Christianity was preached by both Apostle Bartholomew and Apostle Faddey's successor Elisey, who was the first bishop and archbishop of Albania (traditionally).

Some historic texts testify that Christianity spread in Albania before Armenia. Among them is Armenian Catholicos Abraham's address to the Albanians: "The Albanian church, which was before ours [Armenian], earlier agreed with us [the Armenians]" (Kalankatuyskiy, II 47). Another passage reads: "The Armenians became enlightened in the 43rd year of the Greek chronology and 270 years after the enlightenment of the Albanians" (Kalankatuyskiy, II 47).

Ethnic diversity and the reign of polytheism created favorable conditions for producing a new ideology, which is monotheistic Christianity. It is not accidental that Elisey started preaching in the region of Chola in the north of Albania, where there was much ethnic diversity and, most importantly, there were ancient Jewish settlements, in which early Christian Judaists lived.

The second (Graecophilic) period, in which Christianity become

the state religion, is common for the three countries in the Caucasus. This is credited to Gregory the Enlightener (for the three countries – Armenia, Georgia and Albania), as well as to Albanian King Urnair (for Albania).

In the light of the abovementioned, we think that the dominant idea in science is ungrounded that first Christian preachers entered Albania from Armenia, preachers for the right-bank part of Albania came from Armenia and for the northwestern regions in the left-bank Albania, which is the area between the rivers Iori and Alazan, came from Iberia. Playing a crucial role in the spread and establishment of Christianity was the Albanian written language and Albanian letters, which were used to translate the Bible and other Gospels from Syrian and Greek into Albanian. Z. N. Aleksidze's discovery of Georgian-Albanian palimpsests prove the groundlessness of the Armenian tradition, which reigns in science, alleging that the Albanian alphabet was invented by Mesrop Mashtots in the 5th century.

The feudal monarch and feudal aristocracy in Albania created the material basis of the Albanian Church and its clergy, who had most of the lands and wealth of pagan temples and land donations from the king and nobility, as well as other numerous in-kind duties. The clergy were provided with lands – khostaks for their service and exempted from tax like the aristocracy.

The Albanian clergy were economically and politically weak at an early stage of Christianity (4-5th centuries). The Albanian clergy did not play a leading role even in resolving issues related to the church. This situation of the clergy can be explained both by the weak ideological positions of the church among the population and by the presence of the centralized state in the country. The economic and political positions of the Albanian Church became strong under the rule of the great princes of Albania from the Mikhranid dynasty in the 6-7th centuries. The clergy started the struggle with azats in 705, curbed their arbitrariness and strongly prohibit them to interfere in the affairs of the church and the clergy (Kalankatuyskiy, I, 26; III, 11).

The monograph also examined the issue of the Albanian Catholic establishment (patriarchate), which, our research illustrated, was originally independent unlike the Armenian Church. The researched materials unveiled the political reasons for the original independence of the

Albanian Church. Albania's political sovereignty and stable statehood ensured independence for its church.

The ideological situation in the Caucasus as of the 5-7th centuries led to the division of the church, something that was prepared throughout the 6th century and ended in the early 7th century.

The researched materials show that there were 12 episcopates in Albania in the 5-8th centuries and that the Albanian Church had relations, especially with Turkic nomads living in the steppes outside the Caucasus crossings and the Albanian gates (beyond Derbent). These relations originated from the foreign policy of Albanian rulers – Albanian Arshakids and the great princes of the Mikhranid dynasty.

The Albanian Apostolic Church was independent from the 4th century up to 1836. The centers of the Albanian patriarchate were Chola, then Barda from the 6th century, Berdakur from the 8-9th centuries, Charek-Hamshi (near Gadabay) and the Church of Dadivank named after Apostle Fadeey's student Dadi (Marus - Elisey) in Hachen for a short time and Gandzasar (Gandzasar Cathedral) from 1240 to 1836. There was a church authority in Eritsmenkants (Erek mankunk) in Hachen.

The Albanian state fell in 705 and Arab emirs started to rule the country. Part of the Albanians who turned to Islam assimilated with Turkic tribes (who also embraced Islam), while the rest of them who practiced Christianity managed to restore Albanian political formations in some parts of the country and in the mountainous regions of the Lesser Caucasus like in Syunik, Artsakh and Shaki-Kambisena in the 9-19th centuries.

Following the occupation of the Caucasus under the Turkmenchay Treaty in 1828, the Tsarist Russia made several concessions and allowances to the Armenian Catholicos, one of the demands of which was to abolish the Albanian Independent Apostolic Church and its subordination to the Armenian Church of Echmiadzin.

The Russian Synod allowed the Armenian Gregorian Synod of Echmiadzin and the Armenian Gregorian Consistory of Yerevan to destroy the old archives of subordinated dioceses in 1909-1910. It is obvious that the archives of the Albanian Church were also destroyed together with old Armenian archives.

Thus, the Armenian Church in Echmiadzin appropriated and transformed the ethnic and cultural heritage of the Albanians with the help of the policy of the Tsarist Russia.

The monograph goes on to research, for the first time, the Aghen canons of the 5th century, which are the ancient artifact of Albanian law. As part of the research, the manuscripts and translations of the canons were studied and the canons were analyzed. On the basis of these studies isolated aspects of the Albanian clergy and the Albanian Church were recreated. By the way, this is a ground breaking effort in science.

The latest model of the Armenian conception on the status of the Albanian Church as an eparchy of the Armenian Church, which was laid out in the article Armenian Apostolic Church, is completely illegitimate, ungrounded and illogical. Admitting temporary “contradictions” between the Armenian and Albanian churches on hierarchal grounds, the article alleges that the Albanian Church was originally an eparchy of the Armenian Church. The article goes on to say that in the late 14-15th centuries “a movement was emerging on the basis of a theological school in Syunik to restore the Armenian Church and an idea was thrown out to move the Armenian Church from Cilicia to its ancient historic center in Echmiadzin, which took place in 1441”. All this passage is a lie. The matter is that Armenian science has been saying until recently that the main reason for the movement of the patriarchal center from Cilicia to Echmiadzin was the effort of the Cilician patriarch of the Armenian Church to embrace Catholicism, which caused the fury of the Armenians in “Central Armenia” (?!). Syunik had absolutely nothing to do here. The idea of moving the Armenian Church to Echmiadzin emerged far beyond the boundaries of Syunik in Asia Minor and its western parts. Having tried its fate in the western parts of Asia Minor for many times, the Armenian Church suffered a fiasco and lost a chance to return to its historic motherland in Eastern Anatolia due to the formation of the mighty Ottoman Empire. The presence of monophysit Christian Albanian populations in the western part of historic Albania, Echmiadzin, seemed to be attractive. The Armenian Church was nurturing political plans to prepare historic grounds for existence on the territory of Azerbaijan with the help of the Albanians and then to adapt to their cultural heritage. The article also

alleges that the center of the Armenian Catholicos was in Vagarshapat (Echmiadzin) from the 5th to the 9th century. This allegation is also groundless since the Armenian Book of Canons says that the first Armenian church was constructed in the village of Ashtishat in the Armenian region of Taron on the bank of the river Aratsani (Muradchay), which is the tributary of the river Euphrates, in the eastern part of Asia Minor, but not in the western part of the Central Caucasus. The church in Ashtishat was the “mother of Armenian churches” and then became the hereditary possession of the dynasty of Gregory the Enlightener.

It is very surprising that the article Armenian Apostolic Church does not speak about this church. This fact is unlikely to be uttered since there could be discrepancy in “covering” Echmiadzin’s role as the first center of the Enlightener, which is quite far away from the place of actual residence of the Armenians. Historiography says that the throne of the Enlightener was established in Vagarshapat, while the research into Armenian sources (Agafangel) enables us to localize Vagarshapat and Echmiadzin not on the left bank of the river Araz, but on the right bank of the river Euphrates. According to Agafangel, in order to baptize Armenian King Trdat Gregory the Enlightener together with his numerous clergy left the capital Vagarshapat for Baguan and then for the bank of the river Euphrates (see Chapter VI, Paragraph 4). The authors of the article have to admit that the movement of the Armenian Church to Echmiadzin is explained by the fact that “the hard conditions in the country compelled the Armenians to seek lifesaving in foreign land” in the 15-16th centuries because of “the rivalry between Turkic tribes Agkoyunlu and Karakoyunlu”. As we can see, the creators of the Armenian people have to acknowledge that Echmiadzin, the last refuge for the Armenian Church, was a “foreign land” for the Armenians. How can we compare the abovementioned allegation with the fact that the Armenian Church, trying to run from “the fight of the Turkic Agkoyunku and Karakoyunlu tribes”, was settled in Echmiadzin in a territory ruled by these Turkic tribes (?!).

The article goes on to make a declarative allegation that never existed in the history of the Armenian and Albanian churches that “dioceses in Persia, first of all the Albanian Catholicos centered in Gandzasar (Artsakh), carried out active efforts aimed at Armenia’s

annexation to Russia. The Armenian clergy of kingdoms in Yerevan, Nakhchivan and Artsakh aspired to get rid of Persian rule". All this passage is a politicized lie which aims to use all the "available" and "unavailable" means to substantiate the political activities of the Armenian Church, which, with the help of the policy of the Tsarist Russia, would be directed first at appropriating the Albanian cultural heritage and then at destroying this heritage and covering up its traces. The Armenian Church, which did not have a single diocese in the Caucasus (such dioceses were in Eastern Anatolia, Chapter VI, Paragraph 3), in good time regarded the Albanian Independent Apostolic Church with its eparchies and the Albanian population as its own by touting the Albanian clergy as Armenian and geographically dividing this church into the khanates of Yerevan, Nakhchivan and Artsakh, which was never in existence since Artsakh was part of the Karabakh khanate.

History does not know any activity of the Albanian Church for Armenia's annexation to Russia. Such an activity could never be in place since it was contradictory to the interests of the Albanian Church. Moreover, in reality there was no so-called Armenia which needed to be "annexed" to Russia. Another allegation that bears no criticism is that "Eastern Armenia" was included into Russia under the Turkmanchay Treaty of 1828. History does not know what "Eastern Armenia" is, where it originated from and how it was included. The article's last allegation is that under the document of 1836 "the Albanian Catholicosate, which lost its independence, was abolished and its eparchies were included in the Catholicosate of Echmiadzin".

This passage tells us about something different, which is the only possible conclusion that the Albanian Independent Apostolic Church existed with all of its eparchies till 1836.

We tried to trace the fate of the Albanian population in Karabakh-Arran in the 14-19th centuries in the monograph (Chapter VI) and show the ways and methods of its deethnicization. In the mentioned periods, Artsakh-Arran was also populated by Turks and Kurds with ethnic domination of Turks. Tamerlan moved 10,000 Albanians to Khorasan and Afghanistan during his invasion of the Caucasus. Karabakh-Artsakh and Syunik were included in the Karakoyunlu state, which was established in the territory of historic Azerbaijan under the

leadership of Jahanshah in the 15-16th centuries, and later in the Agkoyunlu state. Back in the 15th century the dynasty of Hasan Jalal received the title of malik (ruler) from Jahanshah, which was also attributed to the descendants of Hasan Jalal's dynasty on his daughters' side, "khamse".

From the 15th century to 1836 Hasan Jalal's dynasty continued to play an important role in the political and spiritual life of Artsakh and the representatives of this dynasty became hereditary patriarchs of the Albanian Independent Apostolic Church (in Gandzasar). Karabakh-Artsakh was included in the Azerbaijani state of Safavids as part of the Karabakh (Ganja) administrative unit in the 16th century. The Albanians started a national liberation movement in Karabakh and Syunik against the Persian and Ottoman rule in the late 17th and early 18th centuries (the movement was headed by rulers Israil Ori, David Bay and Albanian Cathalicos Esai Hasan Jalal). The Albanian rulers relied on the march of Peter the Great to Shamakhi.

A social movement of Christian Albanians led by Mikhli Baba started against spiritual and secular feudalists in Karabakh in the 17th century. The strengthening of the Karabakh khanate under the leadership of Panahali Khan caused serious concern of the Albanian maliks (rulers) of Shaki, Shirvan and Karabakh. They incited Shaki Khan Haji Chalabi, who was Muslim and of Albanian ruler origin, to rise against Panahali Khan. Chalabi's efforts to surrender the Castle of Bayat turned out to be futile. The fight with Karabakh rulers continued under the rule of Ibrahim Khalil Khan, who eventually won it.

Russia's geopolitical interests in the 18th century were to establish three Christian states in the Caucasus by restoring the Albanian kingdom and Georgian kingdom of Irakli and the Armenian district.

The important source for recreating the history of the Albanian Church in the 16-18th centuries, its monasteries and churches are the colophons of the Albanian Gospels, which notes the existence of two independent churches, Albanian and Armenian. The colophons bore the historic memory of the Albanians. M. Barkhudaryants's information is also noteworthy that "eyewitnesses saw Albanian monasteries were still visited and in full swing as far back as in 1828".

Barkhudaryants's another statement is interesting that these monasteries (which became subordinated to the Armenian Church of Echmiadzin from 1836) did not have any archives and libraries as early as the end of the 19th century. Everything disappeared in a mysterious way. Invaluable manuscripts were stolen in large quantities. No religious services were offered in monasteries for months since there were no educated people, schools, monks or ordinary readers (M. Barkhudaryants, Artsakh, I, page 5, 160).

Russia changed the ethnic demography in the Caucasus and created Armenia in historic Azerbaijani territories out of the lands of Nakhchivan and Yerevan khanates by settling the Armenians from Iran and Turkey in Karabakh, Yerevan and Nakhchivan khanates. The Tsarist Russia approved joint regulations on the Armenian Gregorian Church in 1836 and included there a special provision on the Albanian Independent Apostolic Church, under which the Albanian Church would lose its independence and become subordinated to the Echmiadzin church as its diocese. The Armenian Church appropriated Albania's ethnic and cultural heritage and fully transformed it, which resulted in its physical destruction. The deethnicization of the Albanians was very painful. Part of the Albanians embraced Islam, another part became Gregorian Armenians and some turned to Orthodoxy and became Georgian. However, the Albanians had not known Armenian for a long time, something that can be seen in the documents from the synod, which the monograph investigated.

Part of the Albanians-Udins managed to escape deethnicization and have survived to the present day. These are Udins living in Oguz and Qabala Districts of Azerbaijan. The Udins are direct descendants of the Albanians.

The monograph also analyzes the painful and dramatic process of forcible deethnicization in the late 19th and early 20th centuries in the example of the family of Pavel Florensky, who was from the dynasty of an Albanian malik (ruler).

A ground breaking experience in science was our studying the problem of "The Albanians and Ethnic Origin of the Azerbaijani People" (paragraph 2, Chapter VI). The people of Azerbaijan (the Azerbaijanis) were formed of three powerful underlying ethnic and cultural layers – Caucasian (Albanian), Persian (Midians, Kurds, Tats

and Talish) and Turkic. We reviewed the intensive process of formation of ethnicities in the territory of historic Azerbaijan from very ancient times to the 20th century, including from the level of Albanian, Turkic and Persian ethnicities to the level of formation of the Azerbaijani people and nation, by studying sources, literature and political, confessional and cultural realities in different periods. For each period we detected the place of the Albanians in ethnic processes in the territory of historic Azerbaijan in the 1-19th centuries.

Studies into the dioceses of the Armenian Church, Armenian patrimonies and their locations are also new in science. Our research, mainly based on Armenian sources, as well as on the registers of Armenian synods and Armenian political and confessional realities, is convincing that Armenian dioceses and patrimonies were outside the Caucasus in the territory of Eastern Anatolia (see the map).

Also ground breaking is the review and pre-examination of the existing locations of Ararat and Ararat Plain, Nahanga Province of Ayrarat and my suggestion about new locations. Their proper location can help accurately recreate the historic geography of regions, states in the Middle East, the Armenian people and states in the Central and South Caucasus. The maps Ancient Middle East (by I. M. Dyakonov) (map No. 1) and the Armenian Plateau (by Academician S. T. Yeremyan) (map No. 2) were taken as the basis for the research. According to I. M. Dyakonov, the Armenian Plateau was located from the West (the right bank of the river Euphrates) to the East to the north of Lake Van. The river Aratsani-Muradchay flows through the Armenian Plateau into the river Euphrates. According to S. T. Yeremyan, the Armenian Plateau is perched in the same area from the West to the East, but with a considerable displacement towards the North, where the river Araz starts in the center of the Armenian Plateau. The History of the Armenian People says that the Armenian people lived in the territory known in science as the Armenian Plateau. The Soviet Armenia occupies the northeastern part of this territory. In order to substantiate the territory of the Soviet Armenia, Armenian pseudo-historians resolved the problem in an easy way by stretching the territory of the Armenian Plateau to the northeast and connecting it to the western part of the Eastern Caucasus, which is the territory of historic Azerbaijan.

Further on, Armenian historians fabricated Ararat Plain and Ararat, which never existed in the center of the Armenian Plateau. The History of the Armenian People says that from the 4th century BC Ararat Plain became the heart of the Armenian Plateau. The capitals of ancient Armenia – Armavir, Ervandashat, Vagarshapat, Dvin, as well as Yerevan in the contemporary period, were situated there. Again, did Armenian historians “need” to place all the Armenian capitals along one stripe in order to substantiate the city of Yerevan and its pseudo-Armenian origin?!

Naturally, it is puzzling that how could the Armenian people, which lived on both banks of the rivers Euphrates and Tigris around Lake Van and was doomed with its church to wandering towards the West, create its own capitals in the territories that were far from political formations, in the “stable Ararat Plain”, which Armenian historians locate in the southeastern part of the Eastern Caucasus? The historic realities on the ground contradict this “elaborate conceptual model”, which are the location of Armenian feudal patrimonies and Armenian dioceses in Asia Minor, to be specific in Eastern Anatolia. The Armenian model is also denied by the actual data in the Armenian sources, under which the patrimonial burial-vaults of the Armenian Arshakid dynasty were located in the region of Daranagi in the town-castle of Ani on the right bank of the river Euphrates, while the so-called capital of these Arshakids, Vagarshapat, is alleged to have been near Echmiadzin in the southeastern part of the Eastern Caucasus. There is such a paradox that the corpses of Armenian kings would be carried across the Armenian Plateau from the East to the West, from the Eastern Caucasus (its western part) and Lesser Caucasus to Asia Minor to the eastern bank of the river Euphrates. Our research showed that in order to achieve the goal (of appropriating the western part of the Lesser Caucasus, the Eastern Caucasus and Azerbaijani lands) Armenian scholars turned the region of Ayrarat into the province-region of Ayrarat and artificially increased the territory of Ayrarat by putting it in the center of the Armenian Plateau and stretching it towards the western parts of the Eastern Caucasus, that is towards Azerbaijani lands. But, this is again denied by Agafangel whose data included in the monograph testify to the absurdity of the Armenian conception. According to Agafangel, Armenian King Trdat during the

mass march together with Gregory [the Enlightener] left Vagarashapt for Baguan and then for the river Euphrates for baptizing. Let us trace the itinerary of the march of Gregory and King Trdat with their entourage on the Armenian map under the alleged location of Ayrarat. It was necessary to cross the river Araz [in which place – middle?] from the capital Vagarshapat in the region of Ayrarat, cover a long distance overland and then cross the river Aratsani to reach Baguan at the foothills of Mount Npat. If the destination of the march was the immediate bank of the river Euphrates, while moving further towards the West from Vagarshapat [which is alleged by the Armenians to be located in the West of the Lesser Caucasus] they had to cross the river Aratsani again [since this river washes Baguan from three sides], make a long journey overland and cross the river Araz again, this time in its upper flow, make a long journey overland again to finally reach the destination at the Euphrates where they were baptized.

The whole route that we have reviewed from Vagarashapt to the Euphrates seems to be inept due to one reason, which is that Vagarshapat Ayrarat and Baguan are wrongly located. They should have been perched near the Euphrates. In reality, they were situated in the center of the Armenian Plateau, but not to the northeast of the plateau [as Armenian scholars claim in order to document their conception], which is the west of the Lesser Caucasus, on the left bank of the river Araz that has nothing to do with the mentioned historic and geographical realities. But, it has geographical proximity to the territory of the contemporary Armenian Republic, the territory of Albania, historic Azerbaijan and this was something that Armenian historians had to prove.

The monograph ends with a new paragraph, the Albanian Sources in the Karabakh Problem. The creators of the history of the Armenian people have for a long time staked out an aggressive conception in science, which is deprived of any scientific grounds, on Karabakh-Artsakh. Under this conception Karabakh and its population of the Albanians were considered to be Armenian in terms of politics, territory, ethnicity, culture and confession. The Armenians got accustomed to Karabakh-Artsakh with the assistance of the Albanian ethnic and cultural heritage.

Our research showed that territorially and politically Karabakh

was always part of all the states in historic Azerbaijan from the 3rd century BC to the 19th century, including Caucasus Albania, the Sajid state, the Slarid state, Shaddadid state, the state of Atabay-Eldaniz, the Karakoyunlu and Agkoyunlu states, the Safavid empire and finally the Kharabakh khanate, which was annexed to Russia in 1805, 1813 and finally in 1828. The research into the written sources and realities showed that Karabakh-Artsakh has never been part of Armenian political formations or at least political-administrative units that were formed in Eastern Anatolia in Asia Minor, which is outside the Caucasus. The population of Karabakh was the Albanians, Turks and Kurds.

As for the history of the Armenian people, actually two Armenian political formations are known. The first existed from the 6th century BC to the 5th century in the Armenian Plateau. This was a nominal state since its rulers never had the right to inherit political power. Its king-rulers were protégés of either Persia or Rome/Byzantium and could well be princes of Iberia and Atropotena. After the abolishment of the Armenian state in the 5th century, its territory was subjected to constant pressure by Persia and Rome/Byzantium. As a result of this, two provinces emerged: Eastern Persian Armenia and Western Byzantine Armenia. The second Armenian state of Bagratids was established 400 years later in the 9-11th centuries in the north of Lake Van to the south of the upper and middle flow of the river Araz. The third Armenian state is considered to be Cilician, but, as our studies illustrate, this state was ruled by the Albanian dynasty of Khetumids in the 13-14th centuries and its population was mixed. Therefore, it is not appropriate to regard this state as an Armenia political formation.

Further, this paragraph says that the Armenian Church was based not in its historic land, but in Echmiadzin in the western part of the Eastern Caucasus and had not any dioceses and patrimonies, which continued to be in Eastern Anatolia, almost before the 19th century.

In the 16-18th centuries European and American missionaries fostered a galaxy of Armenian intellectuals in Europe and America who embraced Catholicism and Lutheranism to lay the foundation of

the future Armenian lobby and Diaspora. These Armenians together with the Armenian Church of Echmiadzin became the ideologists for the settlement of the Armenians in the historic Azerbaijani territories in the Eastern Caucasus. The Armenians started pursuing a policy of purging the Caucasus of Turks in the 16th century, but the Armenians managed to attain their goal only with the help of geopolitics and European countries, particularly Russia.

Armenian historians tell the history of Azerbaijani regions of Karabakh, Ganja, Yerevan and Nakhchivan, which later became khanates, in the History of the Armenian People in the 16th, 17th, 18th and 19th centuries since there is nothing else in the store of the “history” of the Armenian people.

At the early stage of occupation of the Central Caucasus the Russian empire planned to strengthen the Christian factor here by establishing three Christian political formations within the empire: the Georgian kingdom, the restoration of the Albanian kingdom and the establishment of the Armenian region, which had never existed in the Caucasus. After having seized the Caucasus by the 1830s, Russia reviewed the geopolitical situation on the ground and abolished the Georgian kingdom, Azerbaijani khanates, established a political formation that had never existed in the Caucasus – the Armenian region in the lands of Azerbaijani khanates (Iravan and Nakhchivan), and increased the number of the Armenian population by settling here ethnic Armenians from the Ottoman empire and Albanians from Iran. Thus, the issue of restoration of the Albanian kingdom got out of the agenda. It became topical for the Russian empire to set up and strengthen an Armenian factor or a satellite that would always be pro-Russian and help stay in the Caucasus and pursue the policy of getting access to the Bosphorus and Dardanelles. That is why, out of the two ancient independent apostolic churches in the Caucasus, Albanian and Georgian, which were in existence from the 4th to the 19th centuries, the Tsarist Russia weakened the Georgian Church by depriving it of independence and abolished the Albanian Independent Church by turning it into a diocese of the Armenian Church of Echmiadzin. This was the beginning of the final deethnicization of the aboriginal population of the Caucasus – the Albanians.

Strongly reinforcing the territorial, political, economic and ideological positions of the Echmiadzin church in the Caucasus, Russia soon started fearing separatist trends of the strong Armenian Echmiadzin Church, its pressure and the pressure of the Armenian Diasporas who were trying to form a state in the Caucasus. Therefore, the Tsarist Russia abolished the Armenian region in 1850 and turned it into the Iravan Province.

It is evident that the ensuing policy of the Russian empire never considered the establishment of an Armenian state in the Caucasus, which enabled Russia to keep the Armenians in its full and constant grip and to use them as a “satellite-factor” in its Middle East policy. The Tsarist Russia worked out the idea of establishment of the Armenian region – Western Armenia, in the Turkish lands in Asia Minor in the 1860s. That was how the “Armenian issue” supported only by Russia emerged in 1878. The Armenian Dashnaksyutyun party changed its policy from Russia to European countries, to the movement of Young Turks and again to Russia in order to attain its goal. The “genocide” of the Armenians in Turkey in 1915 accelerated a solution to the issue of establishment of an Armenian state, this time in another territory. The February and October revolutions of 1917, the Entente and the Bolsheviks speeded up the establishment of the republic of Armenia. But this was preceded by a long-lasting war that the Dashnaks imposed on Georgia and Azerbaijan in 1919-1920 when they annexed Akhalkalaki, Borchali, Karabakh and Zangazur. Finally, the Soviet administration resolved the Armenian issue at the expense of Azerbaijani lands (the lands of the former Iravan khanate and Zangazur) by setting up Eastern Armenia, which is the Republic of Armenia, in 1921 and the Nagornyy Karabakh Autonomous District in 1923 (out of historic Karabakh).

Thus, the Armenians acquired their statehood with the help of the Russian empire and then the Soviet administration. The Armenian Echmiadzin Church with the support of the Tsarist Russia embarked upon transforming the rich ethnic and cultural heritage of the Albanians into Armenian, pursued the forcible “Armenianization” of the Albanian heritage and touted ethnic Albanian political and cultural sources as Armenian.

But the allegation that the Albanian society and culture died out

due to the policy of the Russian empire and Armenian Echmiadzin Church and that the Albanians did not leave any traces in other ethnicities is undoubtedly erroneous. This richest two-millennium old culture blended with the cultures of the peoples of the Caucasus, the Azerbaijanis, the Georgians and the peoples of Dagestan. The Albanians were one of the main creators of ancient, early medieval and medieval culture of Azerbaijan. The Albanians are one of the ancestors of the peoples of Azerbaijan, Georgia and Dagestan. This defines the place of the Albanians in the history of Azerbaijan, the history of the Caucasus and the history of the mankind. Therefore, it is so topical to study all the issues raised.

Список сокращений

- ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВМ – Вестник Матенадарана
ВОН АН – Вестник общ. наук Академии наук Арм. ССР
ВВ – Византийский временник
ВИ – Вопросы истории
ДАН Азерб.ССР – Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО – Записки Восточного Отделения Русского археологического общества
ЗИВ – Записки Института востоковедения АН СССР
ИАИ – Известия Академии наук
ИВАН СССР – Институт востоковедения АН СССР
ИЗ – Исторические записки
ИЖ – Исторический журнал
ИФЖ – Историко-филологический журнал. Ереван
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛО ИВАН – Ленинградское Отделение Института востоковедения АН
МКА – Материальная культура Азербайджана
ПС – Палестинский сборник
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография
УЗ – Ученые записки
ХВ – Христианский Восток
BSO[A]S – Bulletin of School of Oriental (and African) Studies. London
REA – Revue des études arméniennes. Paris
REG – Revue des études géorgiennes et Caucasiennes. Paris

Указатель имен

- Абас алб. патриарх 44, 57, 100, 110, 209, 250, 416, 631
Абас Багратид 100, 416
Абгар 530
Абгарян Г. 141, 232
Абд ал-Азиз ибн Хатим 316
Абд ал-Малик 57, 374, 375, 463, 553, 554
Абдиш 631
Абдул Кадир Мараги 621
Абдул Хасан Бахманиар 618
Абегян М. 34, 136, 149, 220, 221, 231, 232, 649, 666
Абелхариб Аруруни 415
Абов 596, 604, 605
Абраам 209
Абрамян А.Г. 82, 84, 267, 323, 325
Абу Бекир Техрани 621
Абу Дулаф 271
Абуладзе И.В. 11
Абу-л-Хиджа ибн Ибрагим 271
Абуль-Ула Гянджеви 618, 619
Абульхиджа ар-Раввадин 627
Абу-Мусе 34, 391-394
Авгерян М. 102, 103, 671
Август 55, 279
Авдалбегян Т. 149, 454, 455, 457, 502, 509, 510, 521, 522
Авраам 27, 28, 57, 508, 535, 548, 689, 690
Авшин-Ошин 99, 415, 416, 420, 426, 679
Агафангел 68, 251, 330, 332, 339, 420, 478, 479, 482, 500, 501, 503, 515, 522, 537, 588, 631, 633, 644, 645, 665
Агафий 376
Агриппа 124
Адонц Н. 33, 41, 134, 137, 138, 151, 181, 182, 194, 203, 208, 210, 215, 219, 231, 232, 234, 240, 264, 321, 323, 443, 446, 448, 457, 466, 468, 470, 478, 480, 482, 485-487, 489, 490, 502, 505, 508, 510, 513-516, 519, 521, 522, 586, 587, 666
Адриан 33, 69, 224
Аждахак 268
Айвазян Аргам 237, 272, 273, 324
Айвазян К.В. 665
Акинян Н. 32-34, 40, 42, 108, 149, 218, 221, 228, 331, 332, 337, 433, 567, 568, 587
Ак-коюнлу 563, 593, 621, 647, 652, 674, 694, 696, 700
Акоп Шамахеци 22, 26-28
Акопян А. 239
Акопян В.А. 216, 224, 225, 330, 588
Акопян С. 466, 485, 512, 517, 521
Акопян Т.Х. 322
ал-Асир 132, 255
ал-Ахари 619
ал-Балазури 132, 255, 392
Александр Македонский 124, 176, 206, 277, 281, 364, 646
Алексей I Комнин 418
Алексидзе З.Н. 11, 14, 115-117, 148, 149, 215, 229, 230, 231, 233, 240, 241, 270, 383, 390, 436, 547, 548, 586, 587, 615, 663, 668, 673, 691, 706, 710, 724
Алиев Играр 163, 164, 167-175, 235, 236, 239, 321, 322
Алиев К. 11, 33, 215, 219, 320, 321, 326
Алишан Г. 71, 219, 220, 228
ал-Мас'уди 327, 395, 400
ал-Мукаддаси 117, 310, 327

- ал-Факих 310
 Алп-Илитвер 220, 252, 321, 373, 435, 476
 ал-Истахрий 117, 310, 312, 327
 ал-Йакуби 392
 Амазасп Мамиконян 20, 206, 370, 485
 Анания Мокаци 31, 396
 Анания Ширакци 141, 142, 194, 233, 245, 248, 267, 281, 282, 308, 323, 325, 636
 Анастасий 51, 111
 Анатолий 545, 546
 Андовк, Андок 39, 479, 481, 483
 Андрей 298, 534, 723
 Аноним 141, 209, 348
 Антиох 150, 340, 341, 723
 Антиох III Селевкид 150
 Аппиан Клавдий 124, 125, 276, 278, 279, 302
 Аракел Даврижеци 436
 Аракелян В. 25, 216, 218-220
 Аран 59, 68, 140, 278, 332, 334, 348, 710
 Араншахик 187, 331, 332, 358, 391, 678, 679, 714, 715
 Аратан 471
 Аргам Айвазян А. 268, 272
 Аргишти 640
 Аргун 411
 Аргутинский-Долгорукий 145, 409
 Ардашир III 44, 50, 128, 130, 545, 586
 Арвелци 70, 89, 426
 Ариобарзан 279
 Аристакаес 607
 Аристакаес Ластивертци 227, 416, 417, 440
 Армаель 358
 Артабаз 279
 Артавазд 268, 269, 279, 642
 Артавазд II 278
 Артакс 279, 640
 Артаксеркс III 525, 681, 723
 Артаксий 150, 275
 Артамонов М.И. 34, 161, 162, 220, 233, 235, 321, 360, 434
 Арташес I 68, 151, 157, 256, 268, 274, 275, 294, 302
 Арташир 365
 Артемий Араратский 455, 509
 Арток 279
 Арутюнова-Фиданян В.А. 200-206, 210-214, 239, 240
 Арутюнян Б. 436
 Арутюнян С. 4, 6
 Арцруни 258, 271, 392, 415, 440, 512, 604
 Аршакиды 15, 42, 59, 60, 125, 130, 140, 142, 150, 152, 153, 159, 182, 183, 187, 191, 232, 248, 251, 253, 260, 262, 270, 280-282, 304, 315, 316, 330-337, 344-346, 348, 351, 355-357, 359, 380, 381, 394, 405, 408, 430, 489, 495, 536, 539, 540, 570, 585, 616, 620, 642, 643, 675, 712, 713, 715, 725, 732
 Асай 333
 Асогик 271
 Аспа 591
 Асуаген 14, 42, 43, 59, 110, 134, 331, 333
 Атабек 411
 Атабеки-Ильденизиды 647, 700
 Атрнерсех 260, 369, 391-396, 678, 714
 Атрнерсех I 381
 Атрнерсех II 395, 396
 ат-Табари 132, 255, 392, 489
 Агтила 570
 Афанасий Александрийский 78, 580

- Ахеменид 489, 525, 616, 645, 649
 Ахмедов Г.М. 176, 314, 328, 329
 Ахмед Тебризи 619
 Ахмед Харамы 619
 Ахундов Д.А. 177, 178, 237, 240, 241
 Ачарян Р. 18, 32, 210, 219, 220, 228, 229, 240, 264, 323, 505
 Ашот Багратид (Багратуни) 139, 389, 394, 565, 633
 Ашот II Еркаг Багратуни 396
 Ашурбейли С. 314, 321, 322, 328, 329
 Ашхен 643, 644
 Баб Грахатен 184, 463, 468
 Баба Кухи Бакуви 618
 Бабаев И. 176, 236, 241, 242, 314, 325, 328, 329
 Бабай 128
 Бабек 258, 379, 391, 393
 Бабик 481
 Багарат 340
 Багдасар Хасан-Джалалян 106
 Багратиды-Багратуния 100, 138-140, 187, 240, 272, 389, 391, 394, 396, 399, 424, 630, 632-634, 647
 Багратуни Шапух 34
 Багратуни I 272
 Бакиханов А. 625
 Бакур-Нерсес 49, 60, 94, 211, 253, 262, 375, 462, 468, 471
 Балазури 258, 392, 435
 Барджик 258
 Бартикян Р. 201, 202, 211, 216, 239, 435
 Бартольд В.В. 235, 277, 324, 329, 434, 624
 Бархударянц М. 7, 16, 104, 106, 107, 123, 146, 178, 228, 230, 242, 347, 384, 414, 427, 433, 434, 441, 592, 599, 600, 672, 675, 696
 Бар-Эбрей 125, 128, 129, 525
 Бастамянц В. 72
 Бахрам Чубин 42
 Бачу-нуин 420, 429, 430, 682
 Бдоян В.А. 467, 512, 513
 Безбородко 597
 Бенвенист Е. 490
 Бердзенашвили Н.А. 149, 234, 244, 320, 325
 Берке 104
 Бернар Утье 116, 228, 426, 616
 Бног 111, 377, 552
 Борэ Е. 145, 216
 Броссе Н. 17, 34, 63, 106, 145, 216, 220, 245, 331, 337, 346
 Буга ал-Кабир 260, 392-394
 Бузандаци Фавстос 91, 112, 115, 135, 136, 139, 157, 189, 232, 257, 258, 261, 269, 274, 282, 304, 320, 325, 335-345, 347, 349, 350, 456, 466, 470, 478, 479, 484, 491, 493, 503, 636, 643
 Бундос 377
 Буниятов З.М. 6, 11, 20, 33, 71, 72, 78, 117, 118, 122, 160-163, 166, 167, 175, 192, 215, 217, 219, 220, 221, 224, 225, 227, 228, 230, 231, 233, 235, 239, 246, 258, 260, 286, 314, 320, 322, 323, 325, 329, 370, 391, 392, 434, 435, 442, 444, 445, 461, 504, 507, 509, 510, 511, 522, 591, 663, 673
 Ваидов Р.М. 6, 176, 236, 321, 327, 328
 Валарш (Валаш) 43, 154, 355, 356, 570
 Валарш I 43, 93, 264, 268, 333, 348
 Ванакан 31, 76, 89, 410
 Вараз Григор (Михранид) 207, 259, 358, 364, 366, 367, 368, 468,

- 473, 474, 487, 494, 514
Варазман (Михранид) 358, 551, 579
Вараз-Пероз (Михранид) 358, 373, 474, 476, 514
Вараз-Трдат (Михранид) 37, 41, 47-49, 54, 56, 57, 60, 158, 162, 190, 220, 222, 321, 373-376, 395, 435, 469, 475, 477, 484, 494, 519, 550
Вард (Михранид) 40, 358
Вардан-гер Гадмана 92, 93, 134, 139, 220, 227, 261, 472, 473
Вардан Великий Аревелци (восточный) Албанский 7, 70, 89, 97, 245, 271, 285, 300, 323, 410, 416, 431, 439, 440, 565, 620, 672, 682
Вардан Мамиконеан 93, 134, 138, 139, 209, 210, 350, 353, 484, 485
Вардан Храбрый (Михранид) 40, 261, 358, 462, 471
Варданухи 579
Варфоломей 269, 298, 425, 525, 530-533
Васак 232, 260, 266, 391, 473, 678
Васак Сюнийский 257
Васил 20
Василий II Болгаробойца 415
Василий Великий 78
Вахтанг 71, 75, 79, 80, 104, 409, 412
Вахтанг Варазманеан 463-468
Вахтанг Горгасал 306
Вахтанг VI 596
Вахуни 560
Вахушти 132, 245, 286, 293, 305, 306
Вачаган I Храбрый 94, 331, 345, 348
Вачаган II 108, 109, 568
Вачаган III Благочестивый 41, 42, 56, 59, 61, 108, 109, 111, 158, 183, 238, 253, 262, 306, 331, 333, 355, 356, 452, 475, 488, 491, 497, 517, 519, 530, 535, 539, 565, 568, 571
Ваче I 345, 348
Ваче II 42, 43, 59, 93, 134, 152, 154, 158, 183, 331, 345, 350, 352-355, 457, 538
Величко В.Л. 603, 654, 662, 666
Виденгрэн Ж. 447, 448
Виро, католикос Албании 36, 45, 53, 54, 56, 57, 61, 92, 161, 222, 223, 250, 361, 365, 366, 384, 496, 517, 540, 615
Вонон 348
Врамшапур 43
Врганес 209, 337, 342, 347
Габиб-бек Махмудбеков 627
Гагик I 94, 100, 267, 424, 425, 463
Гаглоев Ю.С. 338, 433
Гаджиев М.С. 177, 237, 314, 328
Гаджиева Ульвия 178, 230, 237, 242, 587, 662
Гайтон-Хетум 102, 103, 227, 441, 439
Гандзакеци-Гянджинский
Киракос 7, 32, 69-71, 89, 90, 91, 94, 110, 119, 219, 226, 227, 229, 322, 323, 330, 334, 340, 341, 384, 410, 412, 426, 428, 430, 431, 433, 435, 440, 441, 565, 566, 588, 621, 672, 682
Гарсоян Н.Г. 201, 202, 231, 282, 325, 337
Гасан-Джалал 64, 66, 70, 79, 80, 104, 105, 107, 145-147, 263, 381, 408-413, 426, 428-430, 594, 620, 681, 683, 696
Гасанбек Румлу 622

- Гатран Тебризи 618
Гаяне 68, 549, 608
Гевонд 31, 116, 143, 271, 320, 383, 387
Геворгян М.А. 447, 509
Гейдар 593
Гейдаров М. 314, 328, 329
Георг II 29, 394
Георгий (грузинский царь) 75, 80
Германосан (азат Албании) 463, 471
Геюшев Р. 177, 237, 434
Гияс-ад-дин Кай Хусрау III 410
Гомер 132, 245
Горгиджанидзе Пархадан 132
Гох Васил (сюнийский азат) 415
Григор Аканци 63
Григор Патмич (Магакия) 16, 69, 70, 99
Григори Хамама 263, 394-396, 617
Григори Просветитель (св. Григорий) 12, 25, 26, 67, 68, 90-95, 100, 110, 136, 141, 227, 335, 337, 416, 419, 428, 537, 538, 542, 560, 628, 642-644, 645, 689, 693, 699, 700, 723, 724
Григорий III Пахлавуни 94, 418, 419, 542
Григорис 25, 27, 28, 67, 68, 92, 109, 110, 136, 141, 256, 335-340, 342, 348, 532, 535
Гукасян Ворошил 219, 222, 224, 436, 663
Гуюк-хан 102, 420
Гют 57, 345, 354
Давид Алавик 69, 70, 81, 119, 620, 671, 708
Давид-бек 595, 695
Давтак 15, 20, 21, 61, 70, 217, 223, 384-386, 616, 671, 707
Давуд-хан 596
Дадян Х. 18, 20, 217, 218, 223
Дарий 279
Джавад хан 599
Джаванко 463
Джавахов И. 233, 322, 326, 486, 511, 512, 514-517
Джалал ад-Дин Манкбурни 439, 661
Джалальянц Саргис 146
Джалил Мамедкулизаде 626
Джафаров Ю.Р. 663
Джаханшах 593, 621
Джебу Хаган 95
Джеваншир 21, 36-37, 41, 42, 45-47, 51, 54-61, 70, 158, 162, 190, 192, 205-207, 223, 240, 251, 252, 260, 265, 307, 358, 367-373, 378, 381, 384-386, 466, 472, 474, 487, 488, 494, 514, 519, 615, 670
Динар 396
Дион Кассий 125, 276, 302, 303, 324
Довла Хасан 65
Дорн Б. 320
Доусет Ч. 18, 19, 217, 518
Драсханакертци Иоаннес 31, 393, 396, 437, 438
Дьяконов И.М. 665
Дюлорье 22
Евсевий 124, 125
Евсевий Кесарийский 530, 585
Евтропий 124, 215, 325, 383
Егия Арчишеци 38
Егиазар 48
Егише 28, 134, 231, 387, 388, 448, 470, 478, 484, 490, 518
Егия 557
Езник Кохбацци 469
Екатерина II 601
Елиа 375
Елиазар 373, 374, 550, 554

- Елисей 72, 93, 110, 170, 250, 298, 412, 532, 533, 535, 555, 691
 Елишэ-Егише 134, 231, 353
 Еремян С.Т. 6, 154, 234, 240, 282, 320-326, 433-435, 441, 443, 482, 498, 500, 507-509, 511, 513, 514, 516, 517, 520-522, 585, 587, 588, 664, 665
 Еруанд 268
 Есаи Абу Мусе 34, 258, 381, 390, 392, 393, 678
 Есаи Хасан-Джалалян 7, 16, 104, 390, 672
 Есуаген 42, 209, 331, 350, 517
 Закаре и Иване Мхаргрдзели – Аргуинские-Долгорукие 104
 Зармихр 463
 Захарий 22, 211
 Захарий Ритор Митиленский 125, 126, 188, 263, 383, 402, 550
 Захария 335, 336
 Захарий Саркаваг 595
 Зийад оглы Каджар 594
 Зионн 51
 Зосима 278
 Иаков 519
 Иафет 59, 62, 66, 187, 278, 333, 381
 Ибас 111, 377
 Ибн ал-Асир 132
 Ибн аль-Факих 310
 Ибн Исфандияр 130
 Ибн-Хаукал 310, 312, 327
 Иванэ Атабек 145, 409
 Иездигерд I 43, 356, 478
 Иездигерд II 351-353, 570
 Иездигерд III 46, 47, 367, 368, 494
 Иешу Стилиит 125, 126, 230, 376
 Иисус Христос 44, 69, 81, 223, 361, 362, 523, 527, 546, 552
 Иконников В.С. 228
 Илиазар 554
 Илия 57
 Илья 553
 Иоанн 57, 81, 85, 148, 335, 336, 478, 630, 631
 Иоанн Католикос 34
 Иоанн Сенекерим 397
 Иоганн де Галлонфонтибус 591, 661
 Иосиф 48, 604
 Иосиф Флавий 63
 Ипполит Римский 383
 Ираклий 207, 361-364, 519, 554, 599, 604
 Ираклий I 51
 Исмаил 53
 Исмаил Сефевид 627
 Израил 373, 374, 448, 464, 477, 519, 550, 554
 Израил Ори 595
 Иусик 91
 Ишобохт 125, 126, 230
 Ишханик 381, 395, 396, 678, 714
 Кавад I 255
 Кавад II 44, 50, 129, 223, 364
 Каджар Зийад оглы 594
 Кази Бурханеддин 619
 Казиев С. 321, 327
 Каланкатуйский-Каганкатванци
 Моисей 8, 11, 12, 14-16, 31, 32, 38, 66, 69, 109-111, 115, 162, 180, 183, 184, 190, 203, 205, 206, 218, 220, 222, 238, 240, 250-255, 257-260, 262-267, 273, 278, 282, 299, 301, 306-313, 315-318, 320, 331-333, 337, 339, 340, 343, 345-350, 352, 354, 356, 358, 360-378, 381, 383, 384, 388, 391, 395, 397, 405, 434, 435, 525, 532, 534, 535, 537, 538, 540, 541, 547-551, 554, 617, 631, 688-690, 706, 718

- Камбиз 129
Камсараканц 485
Камсян 88
Кананчев Зураб 237,585
Канаян Ст. 238
Кара Сонгур 83
Караулов Н.А. 327, 328
Кара-коюнлу 9, 562, 593, 614, 620, 621, 647, 652, 674, 693, 695, 700
Кардост 551
Касум-бек Закир 626
Квирике I 395
Кеворк Аслан 417
Кекелидзе К.С. 584
Келбали хан 594
Кетритч 260, 391, 393
Кир 129, 287, 288, 294, 301, 303, 304, 489
Констант II 201, 206, 370
Константин 45, 46, 47, 55, 57, 413, 536
Константин II 51
Константин Великий 43, 50
Константин VII Багрянородный 398, 403
Константин Пайл 418, 419, 680, 716
Корбулон 124
Корнелий Тацит 123, 324
Корюн 13, 14, 134, 231, 269, 270, 323, 350, 383, 387, 388
Костанян 83, 88
Кошкарлы К.О. 237
Красс 125
Крымский А.Е. 149, 234, 321, 437, 438
Ксенофонт 489, 636
Кудрявцев А.А. 236, 320, 328, 329
Кумси 269
Кюрион 27, 547
Лазар Парпеци 136, 139, 188, 231, 232, 238, 257, 258, 322, 376, 387, 448, 466, 469, 470, 478-480, 484-487, 512, 515, 517
Лахнар 476
Левиатов В.Н. 507, 661
Левон 420
Левон II 418
Левон IV Хетумид 425
Левонд 233, 258, 435
Лео III 95, 100
Леон 91, 426
Леон III Хетумид 426
Леонти Мровели 131, 170, 231, 291, 292, 296, 325, 326, 405
Лившиц В.А. 511
Лонг 102, 124
Лукулл 124, 125, 275
Лункианос 22-24, 26-30, 32, 122
Люций Вер 280
Маврикий 204, 265, 360, 643
Маздак 377
Максимилиан 336
Малала 376
Малхасянц Ст. 208, 222, 457, 465, 518
Мама-Хатун 176, 409
Мамедов Р. 236, 314, 323, 324, 328
Мамедов Т.М. 6, 321, 327, 328, 433, 442, 507, 509, 568
Мамедова Г. 237, 241, 242
Мамедова Ф. 5, 6, 65, 166, 167, 169, 171, 224, 228-230, 233-243, 434, 585, 586, 588, 662-666
Мамиконян Амазасп 206
Мамкан 410
Мамшегун 476
Манандян Я.А. 18, 32-40, 137, 232, 324, 347, 433, 446, 447, 454, 457, 473, 485, 486, 498-504, 508, 509, 510, 511, 514, 516, 517, 520-

- 522, 542
 Манас 253, 519
 Мар (Елисей) 525, 530, 555, 723
 Мария 361
 Маркварт Дж. 165, 209, 264, 275, 347
 Маркиан 50
 Маркион 551
 Марр Н.Я. 16, 24, 32, 34, 137, 138, 145, 215-217, 219, 220, 221, 232, 233, 396, 440, 513, 585
 Мартирос 63, 607
 Марут 462, 469, 471, 511
 Масуд 414
 Маттеос Урхаеци 226, 424, 425
 Матусала 209
 Махгушнасп 490
 Махмат из (рода) Шероеан 463
 Махмет II 49
 Махмуд 29
 Маштоц Месроп 14, 17, 31, 43, 61, 134, 215, 216, 231, 270, 539, 631, 690
 Меджлум 596
 Мелик-Бегляров С. 610
 Мелик шах 101, 414, 618
 Меликишвили Г.А. 320, 324, 326, 518
 Меликсет-Беков Л.М. 33, 219, 434, 587
 Менгухан 430, 431
 Мерван ибн-Мухаммед 251
 Мерперт Н.Я. 165, 663
 Месерян И. 82, 83
 Мехраб-бек 594
 Мехсети Гянджеви 619
 Мина-хатун 592
 Минорский В.Ф. 663
 Мирза Алекпер Сабир 626
 Мирза Джафар Топчибашев 625
 Мирза Фатали Ахундов 626
 Мирза хан 596
 Мирза Шафи Вазех 626
 Мириан 291
 Мирный С.М. 103, 227, 228
 Мирхаван 333
 Митридат Евпатор 296
 Михаил Сириец 125, 127-129, 230, 416, 544
 Михайлов 657
 Михр 36, 37, 40, 220, 358
 Михран 158, 188, 334, 340
 Михраниды 15, 35-37, 41, 42, 58-60, 70, 104, 145, 155, 158, 159, 161, 162, 187, 189-192, 205, 221, 250, 251, 253, 259, 263, 265, 271, 314-316, 346, 357-359, 361, 364, 366, 375, 380, 381, 384, 391, 394, 395, 405, 408, 412, 414, 426, 473, 480, 495, 540, 620, 676, 678, 679, 690, 712, 715, 721, 725
 Михрнерсех 353, 489, 491, 518
 Мнацаканян А.Ш. 72, 224, 225, 229, 237, 238, 324
 Молар-нуин 89
 Молла Вели Видади 624
 Молла Панах Вагиф 624
 Муавия 240
 Мунке-хан 102
 Мурадян П.М. 387
 Мухелишвили Д.Л. 149, 170, 171, 234, 244, 247, 284-293, 295-300, 302, 303, 305, 307, 320, 325, 326
 Мухаммед-Али Казем-бек 626
 Мухаммед Афшин ибн Абу-с-Садж 394
 Мухаммед 48, 49, 60
 Мухаммед ибн Марван 271
 Мухаммед Нахчывани 619
 Мухаммад Тапар 414
 Мухаммед Физули 622
 Мухаммед хан 594

- Мушег 115, 135, 201, 281, 282, 304, 305
Мушегян Х.А. 324, 325
Мхитар Айриванеци-Айриванци 31, 32, 110, 229, 330, 332
Мхитар Гош 7, 16, 31, 32, 69-80, 82, 83, 87-89, 97, 99, 119, 121, 160, 216, 219, 224, 225, 384, 412, 421-424, 426, 431, 440, 454, 459, 499-501, 508, 510, 520, 521, 522, 577, 589, 671, 672, 681, 707, 708, 716
Мцхетский Эвстатий 131
Мыхлу-баба 595
Мэнчен-Хелфен 165
Надир-шах 625
Нариман Нариманов 626, 659
Нейматова М. 524, 584
Нейман К. 33, 81, 163
Нерон 528
Нерсес I -арм. католикос 112, 559, 628, 642
Нерсес-албанский католикос XVIII в. 17, 30, 218
Нерсес Благодатный 80, 418
Нерсес Ламбронский 91, 127, 414, 419, 424, 440, 680, 681, 715, 716
Нерсесян М.Г. 232
Нестор 111, 377, 545, 551
Низам ал-Мульк 618
Низами Гянджеви 361, 618
Николай I 120, 558
Нино, Нина 13, 298, 545
Новосельцев А.П. 6, 12, 215, 224, 232, 236, 238, 320, 324, 507, 665
Ованнес 425, 427
Ованнес Ванакан 431
Ованнесян С.Х. 108, 109, 111, 112, 228, 433, 588, 568
Одзнеци 74, 85, 224, 422, 566, 567, 680
Ольдерогге Д.А. 14, 215, 585
Омар 95
Орбели И.А. 18, 63, 146, 205, 221, 223-225, 231, 233, 269, 322, 409, 441, 515, 516, 663
Орбели Р.Р. 63, 216
Орманян М. 118, 121, 228-230, 235, 566, 586, 587, 664, 674, 710
Ормизд 36
Оройс 279
Оруджбек 622
Осман (Халиф) 258
Османов Ф. 260, 322
Павел апостол 529
Панах Али хан 596
Пап-арм. царь 232, 280, 349, 456, 503
Паповян А.А. 72, 224
Папуашвили Т.Г. 234
Парандзем 479
Патканов-Патканян К. 18-24, 30, 32-35, 44, 62, 63, 66, 67, 141, 160, 182, 186, 215, 216, 219, 220, 222, 227, 238, 239, 320, 323, 433, 445, 468, 498, 510, 567, 665
Патрокл 277
Пахлавы 537, 482
Периханян А.Г. 126, 215, 231, 509, 511-516, 518, 520, 521
Пероз Валарш (Сасанид) 43, 50, 129, 158, 183, 350, 354, 355, 488, 492
Петр I 105, 595, 601, 624, 652, 695
Петрос-албанский католикос XVII в. 427
Петрос Сюнеци 38
Петрушевский И.П. 660, 661, 663
Пигулевская Н.В. 12, 225-227, 229, 230, 256, 446, 509, 511, 520, 526, 551, 584
Пирод 463, 469

- Плиний 123, 124, 253, 277, 278, 294, 295, 301-304
 Плутарх 123, 276-279, 302, 324
 Помпей 275-278, 302, 324, 649
 Помпей Трог 124, 610
 Помпоний Мела 123
 Посидоний 277
 Потемкин 382, 596, 597, 625, 653
 Прокопий Кесарийский 263, 322
 Птолемей 124-126, 142, 165, 244, 295, 300, 301
 Рипсима 68, 91, 549, 607
 Ростом Вараз-койеан 463
 Рохборн К.М. 594, 661
 Рузукан 410
 Саак 92, 94, 396, 485, 554, 607
 Саак Севада 41, 221, 263, 389, 396, 397, 617, 678, 714
 Саак Багратуни 137, 139, 485
 Саак Паргев 454, 455, 458, 510, 569
 Саджиды 271, 395, 397, 617, 647, 700
 Садък бек Афшар 622
 Сакара Вахтанг 409
 Саларид 271, 323, 397, 398, 617, 647, 700
 Самуэл Анеци-Анийский 82, 414, 415, 439
 Самуэлян Х. 82, 83, 87
 Санесан–Санатрук 92, 140, 158, 256, 331, 334-336, 338-341, 343-348, 675, 711
 Сапаровы 611, 612, 614
 Сапаров Павел 612
 Саркис 592, 631
 Саркисян Г.Х. 221, 347, 520, 521
 Сартак 430
 Сасан 53
 Сасаниды 12, 13, 15, 45, 114, 125, 126, 128, 130, 133-135, 137, 152, 153, 154, 159, 230, 249-251, 253, 257, 264, 265, 270, 283, 317, 318, 320, 323, 334, 345, 346, 350-355, 357-361, 369, 375, 383, 388, 487, 489, 490, 518, 520, 523, 538, 547, 552, 569, 616, 687, 721
 Сатиняк 68
 Сатой 333
 Сахак 83
 Сахак Великий 85
 Сахаров А.Н. 6, 391, 392, 395
 Сахл ибн Сунбат 149, 160, 381, 391, 392, 395, 678
 Свазян Г.Х. 179-182, 189-192, 237-239, 347, 366, 433-435
 Себеос 31, 53, 139, 141, 201, 204, 232, 240, 257, 308, 317, 320, 322, 323, 362, 364, 370, 433, 518
 Севордик 393
 Сеид-Азим Ширвани 626
 Сеид Яхья Бакуви 621
 Селевкиды 150, 649
 Сельджуки 71, 83, 271, 414, 415, 417
 Сельджукиды 412, 414, 415, 417, 618
 Сефевиды 9, 131, 594, 622, 627, 661, 664, 665
 Симеон 49, 60, 94, 454, 455, 496, 551, 566, 632
 Симеон Ереванци 27, 28, 30, 218, 561
 Смбат Багратуни 138, 139, 396
 Смбат Спарапет-Гундестап 7, 16, 69, 70, 74, 81, 95, 100, 102, 224, 227, 384, 414, 420-425, 428, 430, 440, 441, 459, 565, 577, 588, 589, 672, 681, 708, 709, 716
 Сократ Схоласт 97
 Солин 124, 277, 294, 295
 Соломон 31, 64, 202
 Сомаль С. 33

- Спрама 49, 375, 395
Степан Клиа 260, 391
Степаннос 77, 92, 100, 393, 427, 631
Степаннос III 72, 76, 412, 419
Степаннос Абласад 391-393, 678
Степаннос (Сюнийский) Орбели 7, 16, 31, 99, 119, 145, 209, 219, 258, 264, 266, 268-270, 272, 323, 384, 395, 414, 426, 428, 430, 441, 460, 510, 516, 521, 533, 620, 681, 689, 717
Стефан Сюнийский 210, 264
Стефана Хирсели 307
Страбон 123, 124, 163, 164, 181, 182, 235, 254, 274-277, 281, 287, 288, 294-296, 300-303, 308, 309, 324, 327, 380, 639, 665
Суворов А.В. 382, 597, 653
Сукиасян А.Г. 229, 508, 513, 589, 590
Султан-Меджит Ганиев 626
Тагухи 469, 607
Такайшвили Е.С. 240, 290
Талила 551, 580
Тамара 104
Тамерлан 592, 695
Тамта 104
Тарсаич 592
Тацит 279, 297, 303
Теймураз 595
Теодорос Анастоеан 463, 468
Теодорос Рштуни 201, 204, 207, 369
Тер Абас 57, 250, 377
Тер-h'Овсеп 92
Тер-Барсег 92, 95
Тер-Георг 29
Тер-Григорьян Т.И. 18, 33, 34, 56, 90, 97, 176, 215-220, 223, 227-229, 236
Тер-Елизар 255
Тер-Михаил 255
Тер-Нерсес 428
Тер-Ованес 100
Тер-Петрос 95, 100
Тер-Полосян А. 82
Тер-Степаннос 95, 100
Тиберий III 374
Тиберий 55
Тигран II 114, 124, 151, 182, 215, 268, 274-276, 278, 279, 302, 324, 384, 408, 646, 649
Тигран III 279
Тизенгаузен В.Г. 102, 228
Тимур 621
Тиразд 462, 469, 471
Тиран 91, 346, 349
Товма Арцруни 392
Томашек В. 246
Торос 76, 80
Торос Рубенид 418
Траян 125, 280, 297, 304
Трдат 43, 68, 90, 91, 337-340, 343-347, 503, 504, 534, 644, 693, 726, 731
Трдат I 280, 348
Трдат III 337, 349, 500, 501
Тревер К.В. 20, 33, 34, 60, 115, 159, 164, 181, 189, 215-217, 219, 220, 223, 229, 230, 234, 235, 239, 240, 246, 250, 254, 256, 257, 274, 275, 320-325, 327-329, 332, 334, 335, 345, 372, 376, 377, 433-435, 442, 443, 445, 504, 507-509, 516, 519, 522, 568
Туманов К. 365, 408
Тъеполо 102
Тэр Абас 110, 111
Тэр Васак 478
Тэр Гардмана 463, 468, 471-473
Узун Гасан 593

- Улубабян Б. 6, 223, 228-230,
 237-239, 324, 433, 436, 661
 Урнаир 25, 42, 43, 60, 136, 141,
 158, 220, 331-333, 345, 348-350,
 457, 476, 525, 535-539, 541, 723
 Ухтанес 31, 99, 218, 227, 322,
 482, 494, 516, 519
 Фабрициус В. 163
 Фаддей 12, 93, 298, 425, 525, 529-
 536, 555, 689, 691, 723, 724
 Фазлуллах ибн Рузбихан 593,
 621, 661, 663
 Фалькон 101
 Фарасман 303
 Феодорит 552
 Феодосий Младший 43, 50
 Феодосий 127, 232, 421
 Феофан 277, 376
 Фест 124, 280, 297, 325
 Филиппе 100, 381, 397, 425,
 678, 714
 Филиппик Вардан 51
 Филоненко Марк 524
 Фирдоуси 618
 Флоренский 609, 612-614, 662
 Фока 360, 361
 Фома Св. 111, 377, 529, 530,
 551, 599, 688, 722
 Фома Арцруни 267, 268, 415
 Фома Мецопский 592, 593
 Френкель А. 662, 666
 Фридон 604
 Хагани 618
 Хаджи Челеби 596
 Хайк 94, 405
 Халатьянц Г.А. 215, 232, 433,
 434
 Халилов Джабар 6, 177, 237,
 327-329
 Халил-паша 658
 Хамам 381, 394, 396, 679, 714
 Хамдуллах Казвини 619
 Хасан Джалал 75, 223, 322, 412,
 620, 663
 Хасан оглу 619
 Хатиб Табризи 618
 Хевсен Р. 172, 193-198, 200, 212,
 220, 241, 387, 389, 406-408
 Хеджери 476
 Хеннинг В. 32, 475
 Хетум Патмич 7, 16, 69, 70, 99,
 101, 104, 122, 227, 383, 414, 425,
 671, 681, 708, 709, 717
 Хетум I 99, 102, 103, 430, 431
 Хетум II 102, 427
 Хетумиды 17, 90, 97, 99, 101,
 408, 417, 418, 420-422, 426-428,
 430, 671, 680, 681, 709
 Хиндушах Нахчывани 619
 Хишам 271
 Хнчик 497
 Хонигман Э. 277
 Хоренаци Мовсес-Моисей 38,
 42, 91, 121, 136, 137, 139, 140,
 158, 183, 187, 188, 232, 257-259,
 264, 268-270, 273, 278, 282, 283,
 287-289, 301, 309, 323, 330, 333,
 337, 339-341, 343, 348, 350, 376,
 381, 383, 387, 405, 484, 486, 521,
 537, 642, 665
 Хоришах 409
 Хосген 463, 471
 Хосров II Парвиз 36, 44, 46, 79,
 129, 141, 204, 257, 265, 267, 340,
 342, 346, 358, 360-364, 540, 547
 Хосров I Ануширван 155, 265,
 271, 357, 359, 360, 628
 Хосров Гянджинский 16, 70, 79,
 80, 224, 384, 423
 Хосров Котак 340, 344, 346, 347
 Хосров Ормизд 44, 362
 Хосровидухт 644

- Хосрой 223, 468
Христенсен А. 490, 518, 519
Хубилай хан 102
Хулагу 104
Хулагуиды 104, 425, 431, 439, 647
Хурс 261, 463, 471
Хуршудбану Натаван 626
Хюбшман Х. 209, 264, 323, 447, 491, 492
Церетели 194
Цукерман К. 398-401, 403, 404
Цулая Г.В. 286, 290, 296
Чавчавадзе И.Г. 602-605, 654, 662, 666
Чагатаиды 104
Чамчян М. 81, 154, 182, 183, 238, 273, 324, 346, 434
Чармаган 429, 430
Чингизхан 102, 619
Чубинашвили Г.Н. 149, 234, 325
Шабит 270
Шавров Н. 604, 663
Шамсаддин Битлиси 623
Шамседдин Ильдениз 414
Шанидзе А.Г. 11, 115, 147, 148, 229, 233, 436, 663
Шапур I 256, 264, 497
Шапур II 43, 50, 135, 136, 158, 232, 256, 340, 343, 345, 348, 349, 350
Шапух 393, 464, 481, 483, 515
Шат 95, 250, 365
Шах Исмаил 621, 622
Шах-Аббас 594
Шахандухт 419
Шахатуни-Шахатунянц И. 17-20, 22, 107, 146, 215, 229
Шахиншах 65
Шахназар 596
Шахназарян К. 17, 18, 20, 21-24, 30, 33, 61, 62, 160, 216, 219
Шеддаиды 397, 398, 414, 647, 652
Шеро, великий ишхан албанский 162, 375, 463, 464, 476, 494, 512
Ширвани 618, 623, 624
Ширваншахи 397, 618
Ширин 361
Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави 591, 662
Шмавон 462, 469, 471, 478, 524
Шупхалишай албанский католикос 109-111
Эзов Г.А. 604
Эльтина-хатун 429
Эмин Н. 17, 21-24, 30, 33, 66, 67, 216, 227, 229, 239, 323, 324, 437, 439, 484, 516, 517
Эммануил Комнен 419
Эратосфен 277
Юзбашян К.Н. 231, 387, 435, 436, 440
Юлиан 91
Юлий Солин 124
Юстиниан 230, 232, 234, 238, 321-323, 401, 434, 507-519, 522, 586
Юстиниан II 374, 375
Юшков С.В. 180-182, 238, 246, 320, 321, 326
Язкерт 478
Якуб 594, 621
Якут Хамави 271
Ямпольский З.И. 6, 11, 33, 34, 52, 69, 215, 218-220, 222, 224, 442, 444, 507, 510, 567
Яновский А. 246, 320, 321
Яфет 94

Гиш I в.

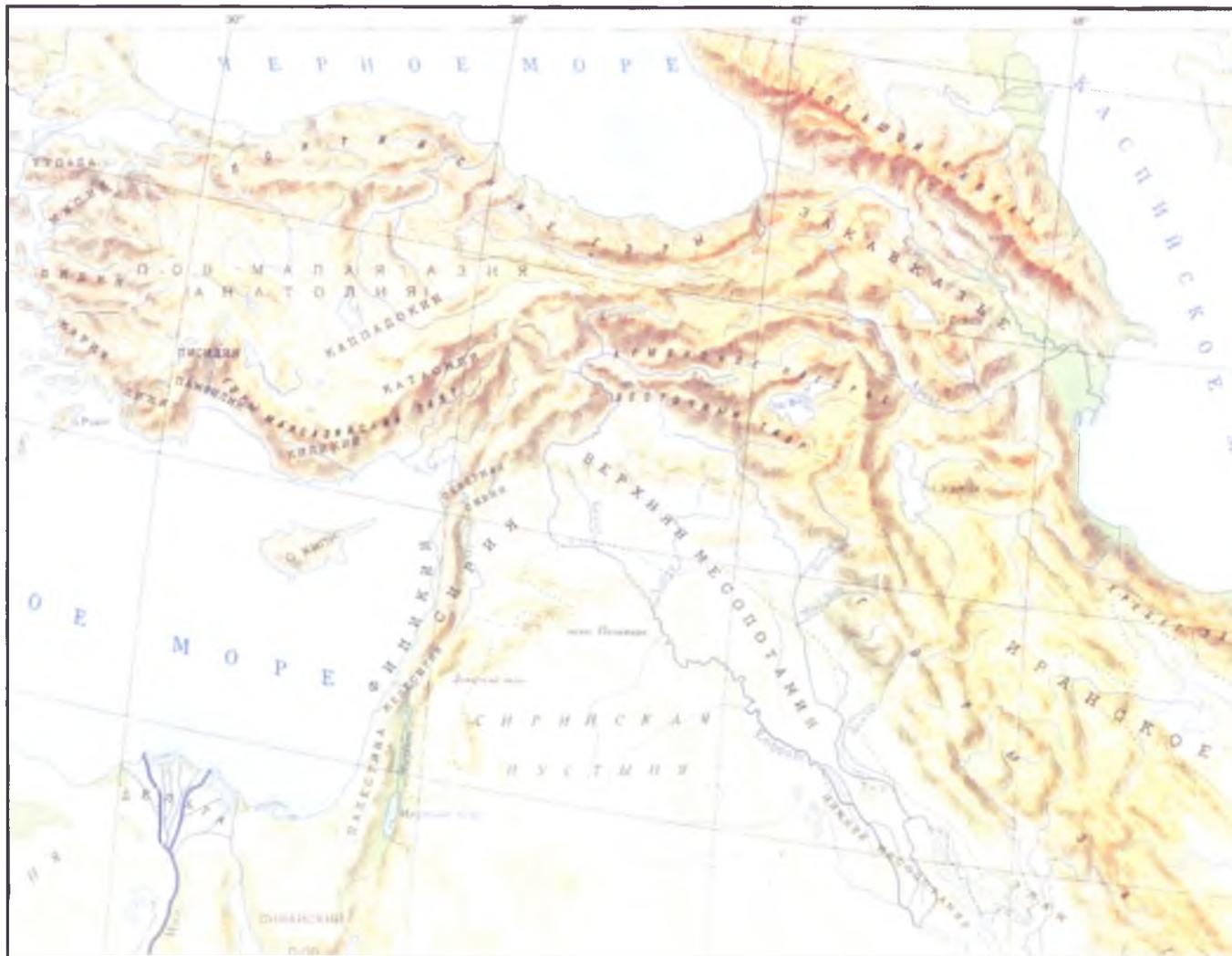
Амарас IV-V вв.

Лекит IV-V в.в.

Гандзасар XII-XIII в.в.

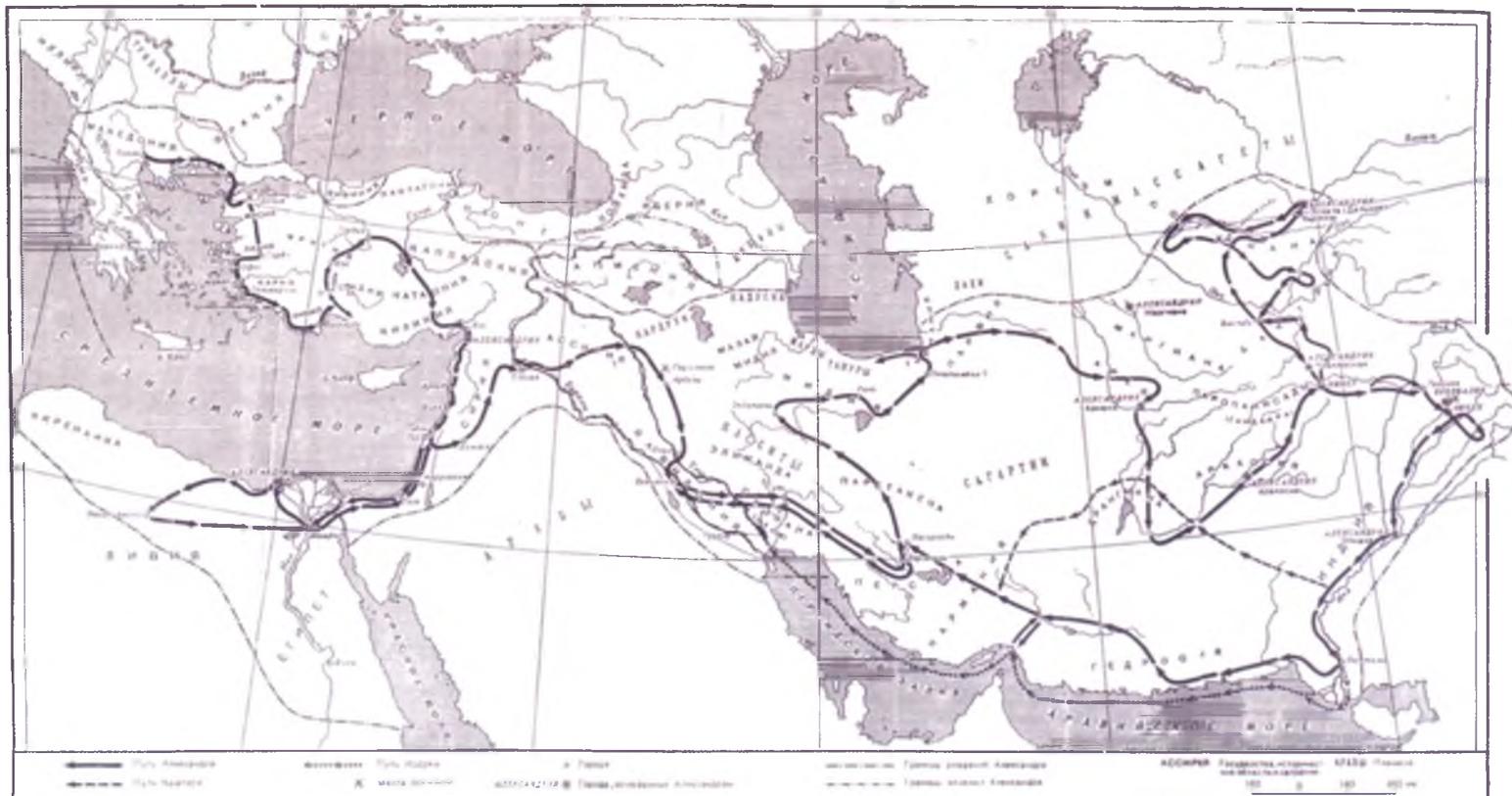

Автор карты И.М.Дьяконов

ДРЕВНИЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Природная среда и историко - географические области

ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

АЛБАНИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

II - I вв. до н.э.

АЛБАНИЯ	Страны
КАСПИАНА	Провинции
Сакасена	Области
Телы	Племена
⊙ Кабалака (Кабала)	Столица
⊙	Столица с неточной локализацией
— · — · — ·	Граница страны
- - - - -	Временная граница

АЛБАНИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

I - II вв. н.э.

Автор: Ф.Мамедова

АЛБАНИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ
IV в. н.э.

АЛБАНИЯ	Страны
УТИК	Провинции
Сакасена	Области
Лазы	Племена
● Кабала	Столица
○	Столица с неточной локализацией
- . - . -	Граница страны

Указатель географических названий

- Абшерон 524, 525, 722
Агвания 100, 106, 228, 229, 236, 392
Агванк 6, 77, 81, 179-183, 185-187, 189, 192, 217, 223, 228-230, 237-239, 324, 366, 384, 394, 395, 433, 435, 672, 708
Агдзник 479, 632-633
Агуанк 62, 63, 180, 182, 239
Агуэн 587
Адиабена 275
Адурбадаган 130, 388
Азербайджан 83
Азербайджан 2-4-6, 9-11, 16, 70, 97, 98, 106, 114, 120, 129, 130, 132, 149, 160-165, 168, 175, 177, 192-197, 200, 213, 219, 220, 224-227, 230, 231, 233-237, 239-242, 244-246, 247, 255, 266, 271, 285, 307, 311, 315, 320-324, 326-330, 386, 391, 394, 395, 397, 400, 402, 412, 433-441, 444, 507-509-511, 522-525, 533, 546, 552, 557, 561, 562, 564, 584, 585, 587-589, 591-594, 603, 604, 606, 609, 612, 615-624, 626, 628, 639, 646-648, 650, 651-653, 654, 658-660-662-666, 675, 677-679, 687, 688, 692-698, 700, 701, 703, 704, 736, 742, 743, 746, 755, 759, 761-770
Азербайджанская Республика 4, 5, 122, 266, 557
Айниана 259
Айратат 267, 634, 641, 645, 650, 651, 697, 699, 730, 731
Айрататская область 10, 144, 650
Айрататская страна 636, 637
Айратат гавар 634, 641, 642, 644, 645, 650, 699, 731, 732
Акан 592
Акстафинский район 169, 170, 174
Акстафа 611
Акстафачай 163
Алазани 155, 251, 252, 291, 293-298, 300, 301, 303, 305, 306, 538, 689, 723
Аланский проход 128
Албания 1, 2, 6-13, 15-17, 25, 26, 29, 32, 34, 36-38, 42-56, 58-61, 65-72, 74-77, 80, 83, 84, 88-90, 92-100, 102, 106, 108, 111-114, 116-121, 124-126, 130-136, 140, 159, 161 164, 169, 192, 205-211, 213, 214-216, 218, 229, 230, 240-265, 267-297, 299-306, 308-317, 320-335, 337-341, 344-382, 392, 394, 396-398, 401, 403-405, 407-415, 421, 423-425, 427, 433-436, 440, 441-447, 449-461, 463-475, 477, 479-481, 483, 484, 486-489, 491-502, 506-514, 519-523, 526-527, 529, 531-542, 547-550, 553-555, 557, 558, 562, 564, 565, 567-570, 572, 576, 579, 583, 585-587, 591, 597, 598, 607, 615, 616, 618, 620, 625, 629, 638, 645, 650, 672-679, 682-690, 692, 700, 704-706, 708 713, 716-726, 732
Албанская равнина 278, 333
Албанское государство 65, 73, 96, 106, 206, 208, 248, 249, 253, 261, 282, 299, 330, 349, 357, 368, 385, 542, 564, 599, 615, 667, 668, 678, 691
Албанское царство 70, 249, 263, 357, 373, 381, 394, 407, 421, 426, 550, 555, 564, 601, 606, 611, 617, 619, 667, 676-678, 682, 702
Александрия 128, 542, 544, 546

- Александрополь 658
Алуанк 31, 179, 180, 205-208, 210, 224, 229, 237-239, 436
Альбанополь 533
Альба 124
Амарас 49, 177, 313, 315, 319, 392, 393, 492, 508, 537, 548, 549
Амасия 560
Аматуни-Аматуник 485, 512, 629, 631
Америка 196, 198, 651, 701, 733
Анариак 259
Анатолия 633, 635
Ангелтун 633
Англия 564
Анджевачик 399
Андзеваци 478
Ани 416
Анийское царство 98
Антиохия 128, 523, 529, 542, 544, 688, 722
Апшеронский полуостров 256
Аравелеан 478
Арагац гора 637
Аракс р. 58, 70, 77, 140, 154, 162, 163, 169, 171, 172, 179, 180-183, 186, 189, 190, 207, 245, 247, 248, 256, 266, 269, 271, 273, 278, 283, 284, 286, 301, 302, 305-308, 310, 362, 371, 379, 389, 392, 398, 560, 615, 629, 632, 633, 635, 640, 644-646, 650, 652, 654, 667, 668, 673, 677, 693, 697
Араксена 242, 639
Аран 6, 65, 75, 80, 93, 94, 117, 128, 132, 151, 161-163, 186, 190, 237, 258-260, 262, 263, 266, 271, 301, 309, 316, 348, 436, 544, 550, 551, 673, 709
Арарат 10, 31, 215, 217, 218, 223, 228, 229, 370, 634-637, 641, 697, 698, 730, 731
Араратская долина 172, 636, 637, 640-642
Араратская равнина 634, 637, 638, 640
Арарат гора 634, 636, 637, 665
Араратская провинция 396, 617
Арацани 559, 628, 629, 635-637, 644, 645
Аргиштихинили 640
Ардебил 621
Аревик 533
Аржакан 476
Армавир 637, 640, 698, 730
Армения 6, 7, 8, 13, 15, 16, 25, 28, 42, 44, 49, 50, 57, 60, 67, 68, 70, 75, 77, 80, 82, 83, 87, 89, 90, 92, 95-98, 100, 102, 108, 111, 112-114, 119, 121, 124-127, 130, 132, 133, 135-144, 149-155, 157, 158, 171, 175, 179-183, 185, 187-197, 199-202, 206-209, 211-215, 218, 221, 223, 226, 227, 229, 233, 234, 236-241, 244-247, 250, 256, 261, 263-276, 278-290, 294, 295, 297, 300-305, 314, 315, 320-326, 327, 330, 332, 334, 336-339, 341-344, 353, 355, 360, 362, 369, 371, 374, 376, 379, 380, 383, 384, 386, 388, 389, 392, 394, 398-406, 416, 417, 433, 434, 436-438, 443-448, 455, 456, 460, 461, 463, 465-468, 473, 474, 476-479, 482, 484, 487-494, 496, 499-502, 505, 507-522, 529-538, 540-542, 547, 550, 557-559, 563, 564, 568-570, 575, 576, 585, 588-590, 602-604, 607, 610, 613, 614, 628, 629, 632-634, 637-643, 645, 646, 648-650, 652-659, 661, 664, 665, 667, 668, 670-672, 676, 678, 679, 684-686, 689, 692-

- 694, 698, 700, 702, 713, 714
Армения I 401, 678, 714
Армения II 401, 678, 714
Армения III 401, 678, 714
Армения IV 401, 678, 714
Армения Внутренняя 678
Армянская Республика 657, 659, 660
Армянское государство 198, 208, 275, 280, 646, 649
Армянское нагорье 276, 305, 634-639, 649, 650, 665, 697
Арпа р. 637, 641
Арпачай 646
Арран 83, 126, 391, 392, 393, 394, 395, 402, 403, 564, 587, 591, 619, 678, 713
Арран-Карабах 9, 694
Арцах-Арран 728
Артаз 353, 531, 536
Артаксата-Арташат 637, 639
Арцах 16, 38, 48, 65, 70, 74, 81, 83, 96, 98, 106, 123, 135, 143, 154, 156, 157, 167, 169, 173, 178-182, 184, 186, 189-191, 208, 210, 213, 228, 230, 242, 245, 255, 259, 261-264, 267, 273-276, 281-284, 294, 305, 363, 379, 381, 384, 390, 391, 393, 395, 396, 401, 404, 440, 441, 462, 471, 472, 548, 556, 558, 562-564, 591, 598, 600, 603, 619, 647, 652, 661, 668, 669, 671, 672, 676-678, 691, 694-696
Арцах - Хачен 107, 146, 395, 405, 679, 681
Арцах-Карабах 171, 391, 437, 593, 647-648
Арцах-Сюникское царство 397, 405, 594, 681
Аршаруни-Аршаруник 478, 629, 631, 633
Аскеран 658
Атропатена-Атрпатакан 6, 256, 257, 263, 264, 265, 268, 270, 275, 280, 282, 330, 338, 348, 357, 362, 363, 372, 531, 533, 536, 617, 627, 665, 704, 733
Афганистан 592, 596, 621, 694
Ахалкалаки 657, 703, 734
Ахсу 260, 261, 322
Ахтамар 27, 119, 560, 651
Ахурян 632, 637, 641
Аштышат 112, 119, 559, 568, 569, 579, 582, 628, 693, 726
Багратуник 631
Багуан 560, 644, 645, 693, 726, 731, 732
Байлакан 181, 258, 262, 312, 314, 315, 319, 328, 379, 392, 618, 678, 713
Баку 382, 533, 597, 621
Баласакан 255-258, 378, 548
Балканы 617, 648
Барда-Партав 34, 44, 49, 75, 109, 191, 259, 261, 273, 314-316, 329, 350, 360, 363, 378, 394, 519, 548, 554, 555, 621
Басоропеда 275, 287
Басфураджан 271
Бердакур 555, 691, 724
Бердуджи 285, 288
Бзнуник 629, 631, 642
Большая Армения 150, 151, 399, 650
Большой Кавказ 254, 635
Борчалы 657, 703, 734
Босфор 655, 702, 734
Бузовна 524, 525, 687, 688, 722
Вавилония 137, 510
Вагаршапат 119, 216, 224, 226, 269, 341, 343, 370, 439, 441, 509, 560, 637, 640, 641, 643, 644, 645,

- 693, 698, 699, 726, 730-732
Ван 629-633, 650, 697
Вананд 629-631, 633
Варанд 556, 593
Варташен 147
Васпуракан 98, 265-268, 270, 272, 399, 632
Великая Армения 7, 142, 150, 151-153, 195, 213, 266, 399, 646
Византийская Армения 114, 133, 208, 210, 384, 404
Византийская империя 98, 205, 211, 364, 401, 403, 542, 543
Византия 6, 15, 58, 155, 201, 207, 236, 240, 351, 359, 360, 369, 398, 416, 418, 520, 546, 569
Восточная Армения 15, 100, 139, 151, 267, 370, 558, 564, 649, 651, 652, 654, 658, 694
Восточный Кавказ 121, 249, 250, 398, 630, 651, 698, 699, 701
Восточная Анатолия 118, 195, 212, 406, 561, 614, 631, 632, 646, 652, 674, 692, 694, 697, 698, 701
Восточная Грузия, Картли 176, 234, 246, 284, 285, 286, 290, 292, 295, 298, 306, 325, 326, 402
Восточная Кахетия 234, 320, 325
Габалинский район 253, 626
Габанд 537, 548, 549
Газах, Газахский район (Казах, Казахский район) 71, 89, 170, 174, 260, 287, 353, 611, 654, 660
Гандзак – [Гянджа], 71, 75, 80, 81, 83, 84, 89, 362, 556
Гандзасар 65, 97, 105, 146, 555, 558, 563, 593, 600, 620, 691, 693, 695, 724, 727
Гаргарчай 259
Гардабани 260, 286
Гардман (Гирдыман) 89, 170, 171, 210, 211, 259, 260-262, 282, 283, 305, 358, 359, 369, 378, 379, 393, 396
Гардманадзор 135, 281
Гардманское княжество 68, 261, 262, 333
Гах 170, 313, 611
Гахско-Загатальская зона 174
Гашуа 548
Гекча 611
Гилян 382, 597
Гис, Гиш 28, 38, 93, 170, 171, 242, 476, 532, 688
Гнуни, Гнуник 478, 629, 631, 633
Гогарена 191, 275, 284-286, 288-290, 296, 300, 304, 654
Гохтан 134, 266-271, 273
Грузия 8, 11, 13, 15, 16, 69, 70, 75, 79, 80, 90, 100, 114, 124, 130-132, 143, 145, 149, 162, 164, 170, 175, 193, 194-197, 213, 229, 233, 240, 244, 245, 247, 254, 259, 261, 265, 269, 270, 283, 284, 289, 290, 295, 299, 306, 315, 320, 322, 324, 325, 330, 351, 352, 355, 357, 371, 374, 398, 405, 436, 444, 446, 508, 511, 512, 514, 516-518, 529, 534, 536, 538, 545, 547, 550, 553, 569, 586, 591, 602-604, 607-609, 625, 628, 629, 654, 671, 675, 684, 688, 689, 703
Грузия – Иберия 206, 288, 380
Грузинское царство 65, 170, 655, 701
Грузинская Республика 557, 657
Гугарк 191, 245, 259, 261, 267, 283, 285, 288-290, 295, 300, 322, 633
Гурзан 126, 128, 403, 544
Гянджа 70, 71, 80, 81, 89, 96, 99, 101, 105, 127, 217, 594, 598,

- 610, 611, 621, 622, 625, 652
Гянджа-Карабахская провинция 623
Гянджинское ханство 624, 701
Гяуркала 236, 315,
Дагестан 3, 7, 177, 194, 197,
231, 237, 251, 328, 402, 593
Дагестанская АССР 175, 246
Даранаги 640-642, 698
Двин 29, 85, 111, 119, 143, 201,
257, 265, 267, 269, 271, 362,
402, 533, 560, 629, 637, 698, 730
Дебед 286-290, 301
Дербент 70, 105, 114, 126, 153,
182, 189, 236, 238, 248, 249, 273,
300, 309, 314, 315, 317, 320, 329,
356, 379, 382, 389, 550, 556, 597,
611, 615, 663, 673, 691
Джар 623, 664
Джебраил 658
Джерм 636
Джерми 632
Джорлу 607
Джаберд 556, 593
Дзегам 598
Дзегамчай 170, 286-288,
Дзиравское сражение 140, 158,
345, 349
Дзор 289, 395
Дзорпор 210, 211, 289
Дизак 556, 593
Евфрат 121, 151, 384, 555, 559,
560, 603, 628-630, 631, 634-637,
639-645, 648, 649, 651, 665, 693,
697-699, 730
Египет 104, 128, 129, 544, 658
Ени-Сураханы 524
Ерасх 268, 278, 283, 301, 333
Ервандашат 269, 698
Ереван 560, 561, 595, 597, 629,
637, 639, 650, 653, 698, 730
Ереванское ханство 563, 564,
652, 659, 694, 696, 701, 703
Зав 556
ЗагATALы 170, 254, 611
ЗагATALьский район 169
Зангезур 625, 657, 658
Зангезурские земли 652, 657,
659, 703
Зангезурский уезд 658, 659
Западная Армения 370, 649,
653, 655, 656, 658, 700, 702
Зарехаван 269
Заришат 269
Иберия 37, 44, 45, 50, 60, 67,
80, 89, 90, 111, 124, 125, 132,
141, 143, 153-155, 157, 163, 188,
190, 191, 207, 245, 248, 252, 254,
256, 264, 265, 267, 270, 273, 279,
280, 282-285, 288-292, 294, 296,
297, 299-307, 320, 324, 335, 338-
340, 344, 347, 350-352, 355, 357,
360, 362, 369, 374, 379, 388, 479,
483, 484, 492, 534, 538, 545, 665,
667, 676, 685, 689, 700, 704, 705,
711, 720, 733
Иберийское царство 171, 291
Иерусалим 72, 106, 116, 148,
185, 223, 242, 298, 337, 361, 523,
527, 528, 529, 531, 532, 541, 543,
552, 554, 616
Иран 15, 47, 58, 69, 101, 102,
105, 114, 120, 124, 126, 130, 131,
133, 143, 151-153, 154, 157, 161,
177, 191, 204, 207, 210, 222, 234,
245, 283, 300, 315, 321, 351, 354,
357-360, 362-364, 368, 377, 379,
434, 445, 446, 448, 461, 465, 483,
489-493, 498, 499, 509, 511, 520,
529, 538, 540, 546, 547, 594, 601,
602, 617, 622, 624, 625, 627, 633,
674, 684, 685, 702, 704, 709, 718,

- 721, 727, 729, 733
Иреван 621, 647, 655, 702
Иреванская провинция 623
Исфаган 18, 63, 131, 441, 566, 622
Иудея 198
Кабала 162, 176, 184, 234, 236, 248, 253-255, 273, 313, 314, 316, 320, 325, 349, 350, 365, 373, 433, 438, 548
Кабалинский район 606, 607, 696
Кавказ 6, 165, 236, 241, 280, 286, 297, 523, 525, 561, 613, 628, 651, 655, 665, 694, 701
Кавказские проходы 550, 691
Кавказские горы 103, 182, 248
Кавказский Куст 257, 357
Кавказский хребет 180, 603
Каланкатуйк 32, 55, 58, 468, 471, 472
Камбисена 180, 184, 238, 248, 252-255, 285, 290, 291, 293-299, 302-306, 619, 667, 668, 704, 708
Капичан 55, 260
Каппадокия 98, 380, 528, 537
Карабах 9, 104, 105, 172, 173, 382, 437, 439, 557, 591, 592, 595, 597, 602, 606, 611, 622, 625, 646, 647, 652, 653, 655, 657-659, 661, 700, 703
Карабах-Арцах 593-595, 646, 647, 694, 695, 700
Карабахское ханство 601, 603, 648, 661, 662, 664
Карин 94, 553, 629, 640
Карс 98, 389, 646, 653, 658
Картли 132, 286, 298, 491, 595
Картлийское царство 170, 292, 296, 630
Каспиана 255, 256, 258, 261, 274-276, 287, 301, 302, 338, 343, 645, 667, 668, 704, 705
Каспийское море 56, 103, 121, 129, 166, 181, 182, 197, 248, 255, 273, 276, 294, 525, 591, 603, 645
Кафан (Капан) 681
Кахети-Кахетия 156, 171, 291, 292, 296, 307, 320, 325, 397, 593, 594, 605
Кедабекский район 260, 312
Кесария 110, 125, 230, 537, 541, 542, 554
Киликия 2, 8, 35, 71, 75, 90, 97-99, 100, 101, 104, 118, 127, 128, 414, 558, 560, 561, 566, 619, 630, 650, 658, 671, 679, 680, 681, 692, 707, 714-716, 725, 726, 733
Киликийское государство 650, 680
Киликийское царство 102, 230, 231, 243, 650, 663, 679
Киш (Гиш) 170, 214, 241
Коговит 399
Колт 184, 281
Колхида 362
Комисена 294, 295, 302
Константинополь 19, 85, 91, 119, 128, 228, 374, 542, 544, 545, 560, 587, 651
Кордуена 275, 276, 632, 636, 646
Кордук обл. 632, 633, 636
Ктесифон 47, 353, 368, 529, 688, 722
Ктиш 391, 393, 678, 713
Кубинское ханство 624
Кум 177
Кумания 103
Курдистан Иранский 636
Кциа р. (Храмы) 163, 287
Кюракчай 287
Лал 364
Ламброн 415, 417, 714
Ленкорань 556
Ливия 128, 544

- Лори 95, 593, 654
Линия-Лпник 54, 157, 184, 237, 248, 250-252, 254, 255, 373, 532, 548, 688, 722
Малая Азия 635
Малая Армения 401
Малый Хабур 636
Мардаг 629, 631
Мардпетакан 266, 632
Махелония 330, 433
Медаин 49, 50
Мелитена 76, 127
Месопотамия 90, 97, 129, 230, 360, 529, 530, 544, 545, 664, 688, 722
Мехнуник 629, 631, 633
Мец-Иранк 548
Мец-Когманк 548, 549
Мидия 137, 275, 665
Мильская степь 255, 256, 259, 262, 308, 309, 327, 647
Мингечаур 6, 115, 177, 236, 252, 309, 311, 312, 313, 315, 321, 328
Михраван 262
Мок 399, 631
Муган-Мугань 181, 257, 258, 262, 308
Муганская степь 255, 256, 308
Нагорный Карабах 23, 62, 64-66, 69, 146, 169, 262, 647, 659, 703
Нахичеван 179, 236, 237, 246, 266-272, 308, 314, 315, 319, 323, 324, 362, 557, 652, 653, 657, 660
Нахичеванское царство 653, 693
Нахичеванское ханство 563, 564, 602, 652, 655, 694, 696, 701, 702
Нварсак 355
Некреси 296, 297
Ниджь 147, 606, 607
Нижний Хачен 104
Никея 545
Никомедия 335, 336
Ниневия 115
Нисибин 115, 529, 530, 688, 722
Нихавенд 47, 368
Новая Джульфа 18, 441, 566
Нпат гора 644, 699, 731
Нуширакан 633
Огузский район 557, 606, 607, 626, 696
Октембери 557, 608
Ордубад 267, 273, 533, 658, 689, 722
Оронт 529
Османская империя 196, 562, 601, 623, 651, 692, 702
Осроена 12, 380, 526, 529, 530, 536, 688
Остан 54, 629
Ошакан 341-343, 348
Пайтакаран 143, 154, 157, 179, 181-183, 185, 188, 189, 191, 208, 242, 245, 255-259, 265, 267, 273, 274, 281-283, 305, 306, 338, 341-343, 344, 347, 352, 378, 393, 548, 550, 668
Пайтакаран – Баласакан 342, 378
Париандр 275, 287
Парисос 556, 617
Парфия 125, 171, 208, 230, 276, 279, 297, 302, 303, 530, 646
Передняя Азия 70, 90, 101, 103, 104, 137, 164, 366, 555, 610, 634, 640, 671, 697
Перс-Армения-Персидская Армения 15, 114, 133, 137, 138, 142, 151, 185, 384
Персидская держава 172
Персия 89, 115, 129, 137, 141, 144, 147, 181, 191, 199, 204, 206, 211, 245, 265-267, 270, 282, 283, 311, 312, 330, 348, 351, 357,

- 360, 364, 365, 367, 370, 437, 494,
529, 532, 533, 535-537, 540, 546,
557, 552, 558, 560, 562, 563, 601,
604, 606, 610, 649, 655, 659, 667,
676, 688, 693, 700
Петербург 17, 63, 106
Пиренеи 647
Полуник 631
Польша 652
Предкавказье 165, 174
Рим 13, 91, 125, 128, 151-153,
157, 171, 194, 204, 206, 230, 266,
276, 278-280, 283, 297, 298, 302-
304, 324, 345, 379, 405, 433, 528,
529, 540, 541, 666
Рим/Византия 114, 133, 144,
151, 154, 199, 206-208, 248, 249,
300, 379, 667, 676, 700
Римская империя 12, 152, 279,
280, 406, 536
Ромейская Армения 151, 185
Ромкла 419, 560, 630
Российская империя 9, 558, 564,
601, 602, 604, 605, 677, 694, 700,
702, 703
Россия 556, 601, 625, 655, 658
Рустави 204, 294
Садаракский район 660
Сакасена (см. Шакашена) 157,
252, 259, 274, 276, 282, 285, 287,
302, 305, 369
Сальянский уезд 556
Санкт-Петербург 3, 656
Сан-Стефано 656
Севан оз. 394, 610, 611, 629, 646
Севастия 119, 560
Северная Месопотамия 275, 276
Северный Азербайджан 166,
174, 241, 625, 627, 646, 647
Северный Кавказ 114, 231, 237,
249, 315
Северный Куст 256, 270, 271
Северная Месопотамия 646
Сеистан 276
Сивас 656
Синай 116, 148, 383, 584
Синайская гора 148, 214, 215,
229, 233, 241, 436, 585
Сирия 12, 46, 49, 101, 115, 361,
375, 413, 512, 523, 528, 529, 530,
544, 545, 658, 688
Сис 119, 560, 630
Сисаканская страна 469
Скифия 230, 530, 662
Согда 461, 511
Софена 531, 631
Суджети 291, 292
Сулак 301
Сюник-Сисакан 16, 70, 76, 92,
98, 99, 134, 143, 145, 163, 169,
172, 207-210, 213, 256, 263-266,
268, 270, 272, 323, 333, 379, 381,
384, 391-393, 395, 396, 401, 405,
408, 481, 483, 533, 547, 557, 558,
561, 591, 611, 617, 619, 620, 652,
669, 671, 673, 676-678, 681, 689,
691, 694, 695
Сюник-Зангезур 654
Тавблур 119, 560
Тавр 277, 632, 665
Тайк 629, 631, 632
Тальшское ханство 624
Тарон 49, 399, 537, 559, 587,
628, 629, 631, 664, 665, 692
Тарс 528
Тауз 89
Таузчай 286-288
Тахмут р 636
Ташир 210, 211, 289
Тбилиси 3, 195, 286, 294
Тебриз 594, 621, 622
Тигр р. 121, 368, 554, 559, 603,

- 629-633, 635-639, 649, 651, 665, 698, 731
Тигранакерт 638
Тизбон (Ктесифон) 46
Тифлис 310, 363, 364, 400, 566, 604, 654, 656, 657
Торпагкала 315
Туркестан 103, 551, 664
Турция 105, 120, 146, 194, 557, 603, 606, 610, 622, 639, 648, 655-659, 674, 702, 703
Тус [Тавуз] 393
Тюбинген 22
Уджарма 207, 291, 292, 297, 320, 326, 364
Уйгурия 103
Урарту 640, 665
Ути-Утик 32, 38, 55, 58, 70, 81, 89, 96, 98, 99, 108, 135, 142, 143, 154, 169, 179-183, 186, 189, 190, 208, 211, 245, 255, 259-263, 267, 273, 274, 276, 281, 283, 287, 316, 322, 358, 362, 369, 373, 379, 381, 388, 391, 393, 396, 400, 401, 403, 404, 476, 548, 564, 617, 647, 668, 677, 678, 705, 712
Фавнитида 275, 287
Феодосиполь 94
Финикия 275
Фракия 204, 543
Хабур 632
Хазария 365
Халкидон 49, 543, 545, 546
Халхал 259, 319, 353
Хачен 65, 66, 71, 75, 79, 80, 97, 145, 392-394, 398, 399, 400, 403, 405, 555, 592, 593, 595, 647, 678, 679, 681, 713, 714, 716, 724
Хачен-Арцах 75, 395, 594, 681, 715
Хаченское княжество 65, 66, 70, 98, 237, 263, 398, 437, 438, 619, 661, 713
Хен 556
Хой 353, 633
Хорасан 592, 621, 694, 728
Хордзена 294
Хорхоруник 629, 631
Храми 170, 260, 286, 287, 294, 295, 301, 302, 304
Хузистан 115, 312, 361
Хунаракерт – Хунани 163, 189, 269, 285-288, 294, 301, 611
Цамндав 119, 560
Центральная Армения 209, 264, 561, 692
Центральный Кавказ 206, 207, 258, 303, 318, 346, 352, 353, 355, 359-362, 364, 366, 369, 371, 372, 375, 388, 529, 532, 538, 545, 552, 559, 601, 631, 634, 672, 682, 688, 693, 701
Цицернаванк 177
Цопк 631, 633, 642
Цорогета 396
Цри 43, 237, 335, 517, 548
Цукети 171
Чарек-Хамши 555, 691
Чога (Чола) 44, 49, 54, 153, 157, 162, 184, 190, 248-251, 253, 255, 315, 317, 352, 354, 360, 362, 363, 532, 535, 548, 555, 589, 688, 691, 722-724
Шаапиван 85, 629
Шабран 315, 319
Шакашена (см. Сакашена) 135, 157, 189, 259, 281, 287
Шаки-Шеки 70, 81, 96, 123, 163, 170, 171, 184, 235, 238, 246, 253-255, 284, 285, 292, 293, 300, 315, 319, 320, 381, 394-397, 437, 532, 557, 564, 593, 596, 606, 611,

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ И АЛБАНЫ

617, 619, 668, 676, 678, 688, 695
Шеки-Загатальский район 312
Шеки-Камбечани, Шеки-
Камбисена 98, 379, 381, 397,
401, 405, 617, 619, 669, 671, 673,
677, 678, 691
Шекинское ханство 624
Шекинского царство 395, 397
Шемаха (Шамаха) 105, 314, 315,
319, 328, 556, 595, 625, 695
Ширак 396, 473, 617
Ширакаван 630
Ширакское плато 252
Ширван 182, 238, 255, 262, 438,
593, 596, 617, 661, 695, 728
Шуша 64, 106, 658
Эдесса 12, 526, 528-531, 688
Эджери 184, 238, 248, 253, 255
Элимаида 330
Элисени 171
Эрети 131, 234, 285, 286, 290,
291-293, 296-299, 305-307, 320,
325, 381, 397
Эрети-Камбисена 381, 395, 396
Эрзерум 389
Эриван 657
Эриванское ханство 602, 659,
694, 696, 703
Эчмиадзин 17, 20, 30, 35, 107,
119, 121, 122, 146, 215, 217, 223,
224, 228, 229, 556-564, 602, 605,
606, 640, 650, 651, 675, 680, 682,
691, 692, 693, 696, 698, 701, 727
Южное Закавказье 637
Южный Кавказ 634, 697
Южная Русь 101

Указатель социальных терминов

- Авагани 478, 479
Аваны 500, 501, 503
Аваг ишханы 486
Аваг нахарары 475, 484, 486, 487
Аваг сепухи 478, 479, 486
Аваг танугэры 478, 479
Агарак 500, 501, 502, 520, 574, 687, 721
Агахин 452
Агпат 461
Агнатическая группа 461, 465, 467, 512, 514, 516
Азат-азаты 356, 370, 376, 377, 415, 448-450, 455, 456, 458-466, 469, 471, 472, 474-476, 479, 481, 486, 488, 497-500, 504, 506, 508, 511, 512, 539-540, 571, 574-578, 581, 679, 683-686
Азатазарм 464-466, 470, 512
Азатакойт 464
Азатани 460, 479
Азататохм 464, 465, 467, 479
Азатк, азат мардик, азат арк -462, 465, 487, 498, 511
Азатское сословие нахаров 464
Азгн 186, 465-471, 512, 513
Азгапеты 239, 462, 463, 465, 468-473, 481, 491, 507, 511, 514, 572, 684, 688, 718, 722
Анашхарники 239, 450, 451, 687, 721
Бардз 239, 481-483, 513
Buzurg-framadag 489, 492
Buzurg-hramatar 492
Великие ишханы 29, 294, 465, 473, 474, 476, 487, 494, 512
Вельможи-мецамецк 464, 475
Гаһ 482, 483, 485, 486, 488, 516
Гаһнамак 482, 516
Глхаворы 476
Гордзакал 487, 491, 517
Дастакергы 450, 465, 497-500, 520, 521, 575, 635, 687
Ердумарды 234, 239, 442, 500, 502, 504, 506, 520, 688
Ерды 502, 504-506
Жоговурд 449, 508
Зарм 464-467, 469-471
Ишханы 463-465, 467, 474, 477, 478, 480, 494
Когмнакалы 472
Кртсер нахарары 192, 484-486, 487, 488
Мецамецк 461, 464, 465, 467, 475-477, 479, 514, 516
Мирянин 451, 456, 551
Мшаки 500, 501
Наһапет-наһапеты 239, 460, 462, 463, 465, 468-474, 478, 479, 507
Нахарары 112, 113, 121, 137, 139, 187, 200, 204, 206, 232, 261, 314, 338, 340, 352, 354, 416, 448-450, 460, 462-466, 468, 470, 474-477, 478, 480-482, 484-490, 493, 512, 515, 516, 551, 628, 633
һас 454, 455, 460, 462, 504, 522, 578
һогецатур (подать за упокой души) 450, 451, 454-456, 458, 459, 460, 510, 578
Патараг 458, 510
Патив 239, 370, 480, 482, 483, 514
Патронимия 465, 467, 468, 472, 476, 480, 482, 484, 486, 494, 512, 683-685
Патуакан арк 479
«Плоды»-птуг 239, 448, 449, 454-458, 460, 462, 510, 576, 578
Рабы 442, 443, 450, 452, 498, 500, 501, 521
Рамики 192, 447, 448, 450, 452, 460, 462, 465, 471
Сепух 478-480, 486, 505, 515, 517
Сепухское право 442
Спарапет 99, 139, 192, 232, 366, 368, 418, 462, 486, 478, 487, 493, 494, 495, 516, 519, 685, 719
Танутэр-Танутэры 460, 468-470, 473, 474, 476, 478, 480, 486, 498,

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ И АЛБАНЫ

505, 506, 517

И стркутюн арканел 452

Тасанорд 454, 456, 460, 510, 578

Тохм 465-469, 470-472, 512, 514

Туаник 449, 508

Тун 465, 466, 467, 469-471, 476,
482, 505, 506, 512, 513, 670

Тэр-тэры 450, 459, 460, 463, 464,
467, 469, 470, 472, 474, 477-481,
488, 498, 499, 506, 514

Хазарапет 188, 353, 462, 471, 489-
493, 495, 518, 571, 685, 686, 719, 720

Хостак 192, 443, 461, 497, 498, 499,
520, 539, 572, 573, 588, 685, 719, 724

Храманатар 462, 471, 489, 490, 491,
492, 493, 495, 518, 571, 685, 686,
719, 720

Царрай 450, 452, 459, 487

Шинаканы 192, 447, 449-451, 453,
458, 462, 465, 475, 502, 508, 521, 581

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ	11
§ 1. Албанские источники.	11
а) Моисей Каланкатуйский «История албан». Списки рукописей, изданий. Генеалогия списков и редакции.	17
б) Мхитар Гош, Киракос Гянджинский, Давид Алавик, Смбат Спарпет, Хетум Патмич, Степаннос Орбели, Григор Патмич (Магакия), Вардан Аревелци (Албанский), Есаи Хасан-Джалалян, Макар Бархударянц	69
§ 2. Другие источники.	123
§ 3. Историография.	144
ГЛАВА II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ АЛБАНИИ	
III в. до н. э. – VIII в. н. э.	244
§ 1. Политико-административные единицы.	247
§ 2. Территория, политические границы Албании (III в. до н. э. – VIII в. н. э.)	273
§ 3. Экономика	307
§ 4. Города	314
ГЛАВА III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АЛБАНИИ	
В IV – VIII, IX – XIV вв.	330
§ 1. Албания при албанских Аршакидах	330
§ 2. Албанское государство при Михранидах (630 – 705 гг.)	357
§ 3. Социальные движения V – VII вв.	376
§ 4. Албанская этническая общность.	379
§ 5. Возрождение албанских царств в IX – XII вв.	391
§ 6. Албанское-Хаченское царство в XII – XIV вв.	405
§ 7. Албаны и Киликийское царство в XI – XIV вв.	413
ГЛАВА IV. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АЛБАНИИ	442
§ 1. Социальные институты.	442
а) Непосредственные производители: шинаканы, рамики и анашхарһики. Некоторые данные об общине	447
б) Светская знать.	460
§ 2. Структура государственной власти Албании	481
а) Местнический институт. Иерархия	481
б) Вассалитет	487

в)	Аппарат управления	489
г)	Духовенство	495
§ 3.	Формы землевладения и землепользования: «дастакерты» и «хостаки», «ерды».	497
ГЛАВА V.	АЛБАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ	523
§ 1.	Становление христианства государственной религией	523
§ 2.	Албанский католикосат	540
§ 3.	Агуэнские каноны – древнейший памятник албанского права	565
а)	Рукописи, издания и переводы агуэнских канонов. Обзор литературы	565
б)	Содержание агуэнских канонов. Комментарии и источники.	571
ГЛАВА VI.	ОТ АЛБАНИИ ДО КАРАБАХА.	591
§ 1.	Албанское население Карабаха-Аррана в XIV – XIX вв. и его деэтнизация.	591
§ 2.	Албаны и этногенез азербайджанского народа	615
§ 3.	О локализации армянских епархий и армянских патронимий	627
§ 4.	О локализации Армянского нагорья, области Айрарат и столиц Армении.	634
§ 5.	Албанские истоки Карабахской проблемы.	646
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	на русском	667
	на азербайджанском	704
	на английском	736
Список сокращений.		771
Указатель имен		772
	географических названий	785
	социальных терминов	795

Редактор: З. Курбанова
*Автор карт “Албания и сопредельные
страны”:* Ф. Мамедова
Составители карт: О. Рзаев
И. Коновалова
Н. Нифтуллаев

*Компьютерный набор,
верстка, дизайн:* Н. Сеидов
А. Имамвердиева

*Подписано в печать: 15.08.2005 Формат: 70x100/16
Бумага: Офсетная Усл. печ. л. 51 Тираж: 500*

*Книга подготовлена и издана Центром
Исследований Кавказской Албании*

Опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
31	ниж.11	(Албания =Алуанк в греко-латинских	(Албания - Алуанк в греко-латинских
63	верх.16	armēnien	armēnien
63	верх.18	l'Armynien	l'Armēnien
89	верх.2	Аравелци	Аревелци
173	ниж.18	после 705 г. (после падения Албанского царства); нет данных в источниках до XIII в.	после 705 г. (после падения Албанского царства); нет данных в источниках до XIX в.
195	ниж.7	Тиграна I	Тиграна II
240	верх.11	Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 341;	Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 241;
395	ниж.2	* См. глава I, сноски 657:	* См. глава I, сноска 658:
405	ниж.3	братьев-этнонимов-потомков	братьев-эпонимов-потомков
490	ниж.15	Ervinšahr amvkar'y	Erānšahr amārkar
492	ниж.5		vāstryošan sardār'y Erānšahr amārkar.
493	верх.10		vāstryošan sardār'y и Erānšahr amārkar
557	ниж.16	из Персии и из Турции.	из Персии и армян из Турции.
601	ниж.18	• Армянского, переселив христиан-армян из Ирана и Османской империи.	• Армянского, переселив албан из Ирана и армян Османской империи.
632	верх.4	с IV в. стал называться Васпураканом	с VI в. стал называться Васпураканом
658	верх.2	То же самое сделало французское правительство с армянами оккупированной этой страной в 1919 г. Киликии.	То же самое сделало французское правительство с армянами оккупированной Киликии в 1919 г.
667	ниж.5	и на юге, востоке,	на юго-востоке,
695	ниж.10	В XVIII в. в геополитические интересы России входило создание на Кавказе трех христианских государств: возрождение Албанского царства и грузинского царства Ираклия, Армянской области.	В XVIII в. в геополитические интересы России входило создание на Кавказе трех христианских государств: возрождение Албанского царства и грузинского царства Ираклия и создание Армянской области.
772	верх.14	Абелхариб Аруруни	Абелхариб Арцуруни
774	ниж.18	Багратицы-Багратуния	Багратицы-Багратуни
обложка оборотная сторона	ниж.21	Афтокефальной	Автокефальной